DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

1-2 7.40

В. Саводникъ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX-го вѣка.

Часть первая

Изданіе 7-е.

Въ предыдущихъ изданіяхъ Учен. Комитетомъ Минист. Народн. Просвѣщенія допущено къ употребленію въ качествѣ *руководства* въ старш. клас. сред.-учебн. заведеній.

Цѣна 1 руб. 35 коп.

МОСКВА.
Т-во «Печатня С. П. Яковлева». Петровка, Салтыковскій пер., д. Т-ва, № 9.
1911.

Savodnik, Vladimir Fedorovich

В. Саводникъ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX-го вѣка.

Часть первая

Изданіе 7-е.

Въ предыдущихъ изданіяхъ Учен. Комитетомъ Минист. Народн. Просвѣщенія допущено къ употребленію въ качествѣ *руководства* въ старш. клас. сред.-учебн. заведеній.

Цѣна 1 руб. 35 коп.

МОСКВА.
Т-во «Печатня С. П. Яковлева». Петровка, Салтыковскій пер., д. Т-ва, № 9.
1911.

ВВЕДЕНІЕ.

Сентиментализмъ и романтизмъ въ западно-европейской литературѣ.

Подражательный характеръ рус. литературы 18-го вѣка.

Русская литература XVIII и начала XIX в. не отличалась самостоятельностью: наши писатели ограничивались подражаніемъ западно-европейскимъ образцамъ, заимствуя у нихъ не только форму, но зачастую и содержаніе своихъ произведеній. Можно сказать, что въ эту эпоху русская литература переживала свои ученическіе годы и не достигла еще духовной зрѣлости, которая необходима для самостоятельнаго творчества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе господства подражанія, литература наша не могла еще получить національнаго значенія, т.-е. она не могла стать выразительницей особенностей русскаго національнаго духа, тѣхъ чертъ характера, склада мыслей и чувствъ, симпатій и идеаловъ, которыми русскій народъ отличается отъ другихъ европейскихъ народовъ. Конечно, въ этомъ отношеніи русская литература не представляетъ исключенія, такъ какъ всякая литература начинается съ подражанія и только съ теченіемъ времени достигаетъ самобытности: такъ римляне подражали образцамъ греческой литературы, французы XVI и начала XVII вѣка заимствовали многое у итальянцевъ и испанцевъ, а нѣмецкая литература первой половины XVIII столѣтія находилась подъ сильнымъ вліяніемъ французскаго псевдо-классицизма.

Конечно, какъ бы ни было прекрасно по формѣ подражательное произведеніе, оно никогда не можетъ имѣть такого значенія, какое имѣетъ подлинникъ. Вотъ почему только тогда, когда литература какого-нибудь народа достигаетъ самобытности, она начинаетъ создавать произведенія, равно-

цѣнныя по своему художественному достоинству съ произведеніями литературы другихъ народовъ. При этомъ, воспроизводя въ своихъ созданіяхъ особенности духовнаго склада народа, она тѣмъ самымъ вноситъ нѣчто новое въ сокровищницу всемірной литературы, обогащаетъ ее новымъ содержаніемъ. Поэтому литература какого-либо народа получаетъ лишь тогда міровое значеніе, пріобрѣтаетъ всеобщій интересъ, когда она возвышается до самобытности и становится выразительницей народнаго духа и національныхъ идеаловъ. Въ русской литературѣ первымъ самостоятельнымъ писателемъ, освободившимся отъ подражанія иностраннымъ образцамъ и придавшимъ своему творчеству національный отпечатокъ, былъ Пушкинъ. Вотъ почему его можно назвать родоначальникомъ всей новой русской литературы, первымъ національнымъ русскимъ поэтомъ.

Псевдо-классицизмъ.

Въ теченіе большей половины XVIII вѣка въ русской литературѣ господствовало *псевдо-классическое направленіе*, представителями котораго являются Ломоносовъ, Сумароковъ, Державинъ, Херасковъ. Въ своихъ произведеніяхъ они руководствовались „правилами“, сложившимися въ этой литературной школѣ и нерѣдко весьма стѣснительными для творчества. Главнымъ ихъ авторитетомъ былъ Буало, создавшій стройную литературную теорію, а образцами для подражанія были по преимуществу французскіе писатели: Корнель, Расинъ, Вольтеръ и др. Но уже въ концѣ царствованія Екатерины значительное распространеніе находитъ у насъ новое литературное направленіе, получившее названіе *сентиментальнаго*, т.-е. „чувствительнаго“, вслѣдствіе той преобладающей роли, которая отводилась *чувству* въ произведеніяхъ этой школы.

Реакція противъ него.

Это преобладаніе чувства явилось естественной реакціей противъ холодности, разсудочности и реторичности, какими въ большинствѣ случаевъ отличались творенія псевдо-классиковъ. Другой отличительной чертой псевдо-классической школы былъ ея аристократическій характеръ. Создавшись преимущественно въ придворной сферѣ (во Франціи при дворѣ Людвига XVI), она обращалась главнымъ образомъ къ высшему обществу и должна была считаться съ его интересами, симпатіями и предразсудками. Поэтому героями своихъ произведеній писатели псевдо-классики выбирали исключительно лицъ высокаго происхожденія и общественнаго поло-

женія: царей, полководцевъ, рыцарей, національныхъ героевъ; только въ комедіи позволялось выводить лицъ низшихъ сословій, при чемъ они изображались въ смѣшномъ и отталкивающемъ видѣ. Напротивъ того, писатели сентиментальнаго направленія стали избирать своими героями преимущественно лицъ изъ такъ называемой „буржуазіи", т.-е. средняго сословія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ то время, какъ ложно-классики выводили своихъ героевъ въ исключительные моменты существованія, изображали ихъ въ минуты героической борьбы съ препятствіями или съ собственными страстями, писатели сентиментальной школы нерѣдко рисовали жизнь съ ея будничной стороны, въ ея обычныхъ явленіяхъ, описывали печали и радости, занятія и удовольствія обыкновенныхъ, дюжинныхъ людей. Благодаря этому ихъ произведенія отличаются бо́льшей простотой и близостью къ жизни. Притомъ, изображая своихъ обыденныхъ героевъ, писатели-сентименталисты обыкновенно стремились привлечь къ нимъ симпатіи публики, повѣствуя объ ихъ страданіяхъ и злоключеніяхъ, показывая, какъ много нравственной силы и стойкости заключается въ душахъ простыхъ, незамѣтныхъ людей. Нерѣдко при этомъ авторы ставили себѣ и *нравоучительныя* цѣли: ихъ задача была растрогать читателей или зрителей, смягчить ихъ душу и сдѣлать болѣе доступной для *добродѣтели*, воплощеніемъ которой являлись обыкновенно ихъ герои и героини. Въ „Евгеніи Онѣгинѣ" Пушкинъ далъ очень мѣткую характеристику такихъ сентиментальныхъ литературныхъ произведеній:

Свой слогъ на важный ладъ настроя,
Бывало, пламенный творецъ
Являлъ намъ своего героя,
Какъ совершенства образецъ.
Онъ одарялъ предметъ любимый,
Всегда неправедно гонимый,
Душой чувствительной, умомъ
И привлекательнымъ лицомъ.
Питая жаръ чистѣйшей страсти,
Всегда восторженный герой
Готовъ былъ жертвовать собой,
И при концѣ послѣдней части
Всегда наказанъ былъ порокъ,
Добру достойный былъ вѣнокъ.

Сентиментализмъ въ Англіи.

Родиной *сентиментализма* была Англія. Здѣсь впервые появилось и развилось это литературное направленіе около половины XVIII вѣка и отсюда стало быстро распространяться по другимъ странамъ Европы. Почему именно Англія послужила исходной точкой новаго литературнаго движенія, это въ значительной степени объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Англіи раньше, чѣмъ на континентѣ, *буржуазія* получила особенный вѣсъ и значеніе въ государственной жизни, и эта перемѣна отразилась соотвѣтствующимъ образомъ и въ литературѣ: на мѣсто псевдоклассицизма, отличавшагося аристократическимъ характеромъ, выдвигается новая школа, въ произведеніяхъ которой выступаютъ лица средняго сословія и которая вноситъ въ литературу новое настроеніе и новые идеалы. Сентиментальное направленіе почти одновременно нашло себѣ выраженіе во всѣхъ областяхъ литературнаго творчества: въ драмѣ, въ эпосѣ и въ лирикѣ. Вмѣсто старой псевдо-классической трагедіи, съ ея величавыми героями и реторической декламаціей, создается новый видъ драматическихъ произведеній, а именно, такъ называемая, „мѣщанская драма". Первымъ образцомъ такихъ произведеній была піеса Лилло „Лондонскій купецъ" (1731 г.). Она возбудила подражаніе не только въ Англіи, но и въ другихъ странахъ. При этомъ драматурги, избѣгая псевдо-классической напыщенности и холодности, нерѣдко впадали въ противоположную крайность—въ приторную чувствительность, за что ихъ литературные противники дали этимъ новымъ драматическимъ произведеніямъ наименованіе „слезливыхъ комедій" (comédie larmoyante). Во Франціи мѣщанскія драмы писали: Дидро, Мариво, Ла-Шоссе, Бомарше; въ Германіи — Лессингъ (Миссъ Сара Сампсонъ), а впослѣдствіе Коцебу, піесы котораго были очень извѣстны и въ Россіи. На русскую сцену „мѣщанская драма" проникла довольно рано и пользовалась здѣсь большимъ успѣхомъ, такъ что еще въ 1769 г., по поводу представленія въ Москвѣ піесы Бомарше „Евгенія", Сумароковъ, убѣжденный сторонникъ классической школы, жаловался на порчу вкуса у публики, одобряющей „пакостный родъ слезныхъ комедій".

Мѣщанская драма.

Сентиментально-нравоучительный романъ.

Но полнѣе всего духъ новой литературной школы выразился въ англійскомъ *семейномъ романѣ*, благодаря тому, что именно въ этой области творчества выступилъ цѣлый

рядъ даровитыхъ писателей: Ричардсонъ, Стернъ, Гольдсмитъ и др.; съ эпохи этихъ англійскихъ романистовъ и начинается въ Европѣ господство *романа*, какъ наиболѣе излюбленной литературной формы. Произведенія этихъ писателей даютъ широкую картину современной англійской жизни, при чемъ авторы изображаютъ ее во всей полнотѣ, не брезгая никакими мелочами, иногда даже вдаваясь въ утомительныя подробности. Но именно благодаря этой полнотѣ обрисовки и обилію деталей изображеніе ихъ получаетъ особенную жизненность; по своему стремленію къ правдоподобію англійскіе романисты XVIII вѣка являются истинными *реалистами*. Это сказывается также и въ обрисовкѣ выведенныхъ типовъ, которые обыкновенно производятъ впечатлѣніе живыхъ людей, со всѣмъ разнообразіемъ характеровъ, привычекъ, понятій и стремленій. Въ то время какъ старый романъ, такъ называемый „романъ съ приключеніями“ (roman d'aventures), занимался преимущественно изображеніемъ внѣшнихъ событій, похожденій, подвиговъ и неудачъ избранныхъ героевъ, англійскіе романисты сосредоточиваютъ свое вниманіе главнымъ образомъ на *внутренней жизни* выведенныхъ лицъ, на изображеніи ихъ душевныхъ переживаній, ихъ чувствъ, мыслей, иногда глубокихъ, иногда мимолетныхъ настроеній; въ этихъ описаніяхъ внутренняго міра человѣка сказывается у авторовъ живой *психологическій* интересъ и тонкая наблюдательность. — Интересъ къ внутренней жизни тѣсно связанъ съ основнымъ *сентиментальнымъ* характеромъ того литературнаго направленія, къ которому примыкали названные писатели: только изображая подробно душевную жизнь героевъ, ихъ тревоги, страданія и радости, можно было вызвать къ нимъ сочувствіе въ читателяхъ, такъ какъ именно въ этомъ и заключалась главная задача авторовъ „чувствительныхъ“ романовъ. — Съ этой задачей тѣсно связана была и другая: они стремились не только растрогать своихъ читателей, но и пробудить въ нихъ любовь къ добру и отвращеніе къ пороку; возбуждая *чувствительность*, они хотѣли подѣйствовать на *нравственное чувство* читателей, внося такимъ образомъ въ свои произведенія *моральную тенденцію*.

Всѣ эти характерныя черты мы находимъ въ романахъ *Ричардсона*. Романы эти написаны въ эпистолярной формѣ, т.-е. въ формѣ писемъ. Лучшій и наиболѣе знаменитый изъ нихъ — „*Кла-* Ричардсонъ.

рисса Гарлоу“ (1748). Сюжетомъ этого романа служитъ печальная судьба одной молодой дѣвушки, надѣленной всевозможными физическими и нравственными достоинствами: чувствительностью, кротостью, душевной чистотой, сознаніемъ своего долга. Родные хотятъ принудить ее выйти замужъ за богатаго сосѣда, но добродѣтельная Кларисса отвергаетъ это предложеніе, какъ постыдную сдѣлку съ совѣстью. Съ другой стороны, ея любви добивается графъ Ловласъ, богатый и развратный молодой человѣкъ, славящійся своими любовными похожденіями. Въ лицѣ Ловласа Ричардсонъ создалъ классическій типъ повѣсы, такъ что самое имя его стало впослѣдствіи нарицательнымъ. Преслѣдованія семьи заставляютъ Клариссу прибѣгнуть къ покровительству Ловласа; она задается цѣлью исправить этого порочнаго человѣка, вернуть его на путь добродѣтели, но тотъ самымъ недостойнымъ образомъ злоупотребляетъ ея довѣрчивостью, при чемъ не останавливается даже передъ обманомъ для того, чтобы опутать и обольстить неопытную дѣвушку. Не будучи въ состояніи вынести своего позора, Кларисса умираетъ, но и Ловласъ терпитъ заслуженное наказаніе, погибая на дуэли отъ руки одного изъ друзей Клариссы, мстящаго за поруганную дѣвушку. Такова печальная исторія Клариссы Гарлоу. Сюжетъ романа очень несложенъ, интересъ его заключается не столько въ развитіи дѣйствія, сколько въ тонкомъ психологическомъ анализѣ и въ мастерской характеристикѣ выведенныхъ лицъ. Крупнымъ недостаткомъ романа является его чрезмѣрная растянутость: онъ занимаетъ восемь томовъ, всего свыше 4000 страницъ. Несмотря на это, онъ пользовался въ свое время громаднымъ успѣхомъ, возбудилъ многочисленныя подражанія, былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки, въ томъ числѣ и на русскій („Достопамятная жизнь дѣвицы Клариссы Гарловъ, истинная повѣсть“. 6 частей, Спб., 1791—92). Имъ зачитывалась еще Пушкинская Татьяна, увлекавшаяся образомъ Клариссы и считавшая Ричардсона въ числѣ своихъ „излюбленныхъ творцовъ“.—Не меньшимъ успѣхомъ пользовались и другіе романы Ричардсона: „*Памела, или награжденная добродѣтель*“ и „*Чарльзъ Грандисонъ*“. Въ лицѣ Грандисона авторъ хотѣлъ создать положительный типъ, идеалъ мужчины, въ противовѣсъ Ловласу, и потому наградилъ его всѣми возможными добродѣтелями; но именно благодаря этому избытку добродѣтельности и всяческихъ совершенствъ фигура Грандисона вышла неудачной, и онъ производитъ впечатлѣніе какой-то ходячей прописи, а не живого человѣка.

Гольдсмитъ. Другимъ знаменитымъ представителемъ сентиментальнаго направленія въ англійской литературѣ былъ *Гольдсмитъ*. Въ своемъ романѣ „*Векфильдскій священникъ*“ (1766) онъ изобразилъ трогательную исторію одного англійскаго сельскаго пастора, котораго постигаютъ всевозможныя тяжелыя испытанія, но который не падаетъ духомъ и остается твердымъ въ своей вѣрѣ въ Бога и въ конечное торжество добра и правды. Несчастіе за несчастіемъ обру-

шивается на сѣдую голову добраго пастора: онъ теряетъ все свое состояніе, вслѣдствіе бѣгства банкира; развратный молодой сосѣдъ-помѣщикъ похищаетъ его дочь, затѣмъ бросаетъ ее, и она умираетъ на рукахъ отыскавшаго ее отца; по проискамъ этого же сосѣда его самого заключаютъ въ тюрьму, но онъ пользуется этимъ случаемъ для того, чтобы произносить поучительныя проповѣди заключеннымъ вмѣстѣ съ нимъ ворамъ и мошенникамъ; наконецъ, его старшаго сына приговариваютъ къ смертной казни; но несмотря на всѣ эти испытанія, старикъ до конца остается непоколебимымъ, не ожесточается, не впадаетъ въ отчаяніе, сохраняетъ свою душевную чистоту и благожелательное отношеніе къ людямъ. За это онъ и получаетъ награду въ концѣ романа, въ видѣ благополучной развязки, прекращающей всѣ его злоключенія и возвращающей ему все потерянное.

Стернъ.

Наконецъ, третьимъ главнымъ представителемъ сентиментальнаго романа въ Англіи былъ *Стернъ*. Отъ первыхъ двухъ романистовъ онъ отличается своимъ *юморомъ*, который особенно ярко сказывается въ романѣ „Тристрамъ Шэнди". Другое произведеніе Стерна: „*Сентиментальное путешествіе по Франціи и Италіи*" (1767) дало названіе всему литературному направленію. Названо это путешествіе „сентиментальнымъ" потому, что авторъ почти вовсе не описываетъ мѣстностей, по которымъ проѣзжаетъ его герой, молодой англичанинъ Іорикъ, но все свое вниманіе сосредоточиваетъ на изображеніи тѣхъ чувствъ, думъ и настроеній, которыя волновали его героя по поводу различныхъ путевыхъ встрѣчъ и наблюденій. Іорикъ отличается чрезвычайной *чувствительностью*: пылкій восторгъ, вызванный въ немъ какимъ-нибудь явленіемъ природы, смѣняется тихимъ умиленіемъ или приступами глубокой грусти. Іорикъ старательно заноситъ на страницы своего дневника всякую перемѣну въ своемъ настроеніи: его взглядъ постоянно обращенъ на самого себя, на свой внутренній міръ. Однако это вовсе не значитъ, чтобы онъ былъ узкимъ эгоистомъ; напротивъ того, чувства его преисполнены гуманности, видъ человѣческаго страданія волнуетъ и трогаетъ его. Встрѣтивъ молодую дѣвушку, сошедшую съ ума оттого, что ее покинулъ любимый человѣкъ, онъ проливаетъ горькія слезы надъ ея участью; впрочемъ чувствительность его иногда проявляется и по поводу гораздо менѣе значительныхъ обстоятельствъ: напр., онъ готовъ плакать надъ судьбой бѣднаго скворца, заключеннаго въ клѣтку. Эту сердечную отзывчивость онъ самъ цѣнитъ въ себѣ выше всего другого: „О, милая чувствительность!—восклицаетъ онъ,—„неистощимый ключъ всего драгоцѣннаго въ нашихъ радостяхъ и всего достойнаго въ нашихъ скорбяхъ! ты приковываешь своего питомца къ соломенной постели и ты же возносишь его къ небесамъ!" [1]).

---

[1]) Англійскій романъ оказалъ большое вліяніе на европейскую литературу, возбудивъ въ ней многочисленныя подражанія. Такъ, напр., «Сенти-

Лирика.

Сентиментальное направленіе отразилось и въ *лирической* поэзіи. Въ ней появились новыя темы и новое настроеніе. Въ поэмѣ Томсона „Времена года“ (1730) нашло себѣ выраженіе *чувство природы*, которое съ тѣхъ поръ получаетъ значеніе, въ качествѣ одного изъ наиболѣе могущественныхъ источниковъ поэтическаго вдохновенія. Вслѣдствіе пробужденія особеннаго интереса къ внутренней жизни личности, лирика, по своему настроенію, дѣлается болѣе искренней, задушевной. При этомъ она обыкновенно отличается грустнымъ характеромъ: *чувствительность* переходитъ въ *меланхолію*; поэтому излюбленной формой лирики становится *элегія*. Мечтательная грусть, воспоминанія о прошломъ, чувство одиночества, мысль о непрочности человѣческаго счастья, о тщетѣ надеждъ — вотъ главные мотивы сентиментальной лирики; этому настроенію соотвѣтствуетъ и внѣшняя обстановка, которую рисуютъ поэты: ночь, задумчивый свѣтъ луны, развалины, могилы, завываніе вѣтра, крикъ совы.... Наиболѣе выдающимися лириками новаго направленія были *Юнгъ*, написавшій поэму *„Ночныя думы“* (1744), полную глубокой, безнадежной скорби, внушенной сознаніемъ ничтожества человѣческой жизни,—и *Грей*, авторъ знаменитой элегіи *„Сельское кладбище“* (1751), переведенной у насъ Жуковскимъ.

Ея меланхолическое настроеніе.

Обращеніе въ народной поэзіи.

Въ связи съ меланхолической поэзіей развалинъ стоитъ интересъ къ сѣдой *старинѣ*, который обнаруживается какъ разъ въ эту эпоху. Въ 1760 г. *Макферсонъ* издалъ *„Поэмы Оссіана“*, представляющія собой подражанія старымъ героическимъ пѣснямъ шотландскихъ горцевъ; Макферсонъ приписалъ ихъ Оссіану, древнему кельтскому „барду“, и только впослѣдствіи обнаружилось, что онъ самъ является авторомъ этихъ поэмъ, хотя онъ многое, дѣйствительно, заимствовалъ для нихъ изъ народныхъ преданій. Въ 1765 г. ученый епископъ Перси выпустилъ въ свѣтъ сборникъ старинныхъ англійскихъ *„балладъ“*. Мрачная поэзія Оссіановскихъ поэмъ и трагическое содержаніе „балладъ“ оказались вполнѣ соотвѣтствующими вкусу времени и потому имѣли значительное вліяніе на современную литературу, возбудивъ многочисленныя подражанія.

ментальное путешествіе» Стерна создало даже новый видъ литературныхъ произведеній и ввело въ литературу новый типъ «чувствительнаго» путешественника. Романы Ричардсона оказали сильное вліяніе на Руссо «Новая Элоиза» и Гёте («Страданія молодого Вертера»).

За эпохой сентиментализма наступаетъ, въ исходѣ XVIII вѣка, эпоха такъ называемаго *романтизма*, господствовавшаго въ европейской литературѣ почти до половины XIX вѣка. По своему существу и содержанію оба эти теченія родственны другъ другу, такъ что между ними трудно провести строго опредѣленную границу; поэтому нѣкоторые изслѣдователи даже предпочитаютъ называть эпоху господства сентиментальной школы—эпохой „ранняго романтизма (le préromantisme, Frühromantik). Какъ литературная школа, *романтизмъ представляетъ собой лишь дальнѣйшій фазисъ въ развитіи тѣхъ же началъ, которыя въ менѣе рѣзкой формѣ нашли себѣ выраженіе въ сентиментализмѣ*. Только въ романтизмѣ эти основные элементы получаютъ новый смыслъ и значеніе, благодаря тому, что ихъ логическое и психологическое содержаніе (т.-е. *отвлеченные принципы*, составлявшіе основу міросозерцанія романтиковъ, и *настроеніе*, изъ нихъ проистекавшее) раскрывается въ немъ съ бо̀льшей полнотой и послѣдовательно доводится до крайнихъ слѣдствій. Романтизмъ

Идейнымъ родоначальникомъ романтизма является въ XVIII вѣкѣ знаменитый французскій писатель Жанъ Жакъ Руссо, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ одинъ изъ наиболѣе любимыхъ и вліятельныхъ авторовъ эпохи „чувствительности“; такимъ образомъ Руссо представляетъ собой посредствующее звено между двумя эпохами. Руссо.

Ж. Ж. Руссо (1712—1778), „женевскій гражданинъ“, какъ онъ съ гордостью называлъ себя, происходилъ изъ французской протестантской семьи, во время религіозныхъ гоненій покинувшей родину. Отецъ его былъ бѣдный часовщикъ. Въ молодости Руссо не получилъ правильнаго образованія. Вся жизнь его прошла тревожно и бурно, среди скитаній и всевозможныхъ лишеній. Тяжелый, неуживчивый характеръ, подозрительность, болѣзненное самолюбіе, страстная порывистость не позволяли Руссо сколько-нибудь сносно устроить свое существованіе. Онъ перепробовалъ всевозможныя профессіи: былъ ученикомъ у гравера, лакеемъ, учителемъ, секретаремъ посланника, музыкантомъ и т. д.; уже прославившись въ качествѣ писателя, онъ добывалъ себѣ средства къ существованію перепискою нотъ, упорно отвергая всякую предложенную ему матеріальную поддержку. Однако, несмотря на свою гордость и щепетильность, онъ не стѣснялся пользоваться гостепріимствомъ своихъ богатыхъ друзей, проживая иногда по цѣлымъ годамъ въ ихъ помѣстьяхъ, на лонѣ природы, вдали отъ общества, за что и пріобрѣлъ репутацію „нелюдима“.

Въ началѣ своей литературной дѣятельности Руссо довольно близко сошелся съ лучшими представителями такъ называемой „просвѣтительной философіи“ и съ кружкомъ „энциклопедистовъ“ (Вольтеръ, Дидро, Даламберъ), но впослѣдствіи рѣзко порвалъ съ ними и сталъ въ совершенно враждебныя отношенія; точно такъ же разошелся онъ и съ Вольтеромъ, съ которымъ онъ полемизировалъ въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ. Этотъ разрывъ является не только результатомъ личныхъ отношеній, но онъ естественно вытекалъ изъ коренныхъ противорѣчій между міросозерцаніемъ Руссо и энциклопедистовъ. Вольтеръ и другіе дѣятели „просвѣтительной эпохи“ были сторонниками *раціонализма* [1]), т.-е. такого философскаго ученія, которое стремится всѣ явленія дѣйствительности объяснить путемъ *разума* и считаетъ возможнымъ построить все міросозерцаніе (включая религію и мораль) на чисто разсудочныхъ основахъ. Между тѣмъ въ глазахъ Руссо верховнымъ мѣриломъ добра и истины являлось *чувство*; поэтому одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ ученія Руссо былъ *протестъ противъ верховенства разума*, во имя самостоятельныхъ правъ чувства. При этомъ Руссо, вслѣдствіе своего страстнаго, увлекающагося темперамента, не останавливается даже передъ самыми крайними выводами; враждуя противъ раціонализма, онъ доходилъ до полнаго отрицанія всего того, что создано было дѣятельностью человѣческаго разума, *до отри-*

---

[1]) Терминъ *раціонализмъ* происходитъ отъ латинскаго слова ratio (разумъ). Основателемъ раціонализма въ новой философіи былъ французскій мыслитель Декартъ (1596—1650), который выразилъ основной принципъ своей философской системы въ формулѣ: cogito—ergo sum (я мыслю—слѣдовательно я существую). Раціоналистическая философія оказала сильное вліяніе на всю литературу. Духомъ раціонализма проникнута, напр., «Поэтика» (L'Art poétique) знаменитаго критика Буало, законодателя псевдоклассической школы. Онъ требовалъ полнаго подчиненія творчества отвлеченнымъ «правиламъ», основаннымъ на законахъ разума и здраваго смысла (bon sens), который онъ ставилъ выше вдохновенія, чувства и фантазіи. «Только истинное прекрасно» (rien n'est beau que le vrai), утверждалъ онъ, отвергая на этомъ основаніи элементъ фантастическаго и чудеснаго въ поэзіи. Обращаясь къ поэтамъ, онъ призывалъ ихъ прежде всего «любить разумъ», подчиняясь ему одному въ своемъ творчествѣ:

Aimez donc la raison: que toujours vos écrits
Emprunt d'elle seule et leur lustre et leur prix.

Въ XVIII вѣкѣ раціонализмъ нашелъ себѣ выраженіе въ такъ называемой «просвѣтительной философіи», главнымъ представителемъ которой въ литературѣ былъ Вольтеръ. Писатели этого направленія большей частью смотрѣли на поэтическое творчество, какъ на средство для широкаго распространенія въ публикѣ своихъ идей; такъ напр., Вольтеръ написалъ свою знаменитую поэму «Генріада» для прославленія идеи вѣротерпимости; въ трагедіи «Магометъ» онъ возстаетъ противъ религіознаго фанатизма и т. д. Такимъ образомъ литература въ значительной степени получаетъ дидактическій (поучительный) характеръ. Благодаря преобладанію разсудочности, поэзія пріобрѣтаетъ отпечатокъ сухости и холодности: эти черты и вызываютъ наконецъ противъ себя реакцію, въ формѣ сентиментализма, который стремился внести болѣе чувства въ поэзію, хотя нерѣдко впадалъ въ противоположную крайность,—въ приторную «чувствительность».

цанія науки, искусства и всѣхъ культурныхъ формъ общежитія. Онъ находилъ, что въ первобытномъ состояніи, когда человѣкъ стоялъ ближе къ природѣ и не имѣлъ искусственныхъ потребностей, привитыхъ ему цивилизаціей, онъ былъ гораздо счастливѣе и нравственнѣе. Но подъ вліяніемъ культуры онъ утратилъ первобытную простоту нравовъ, а съ ней вмѣстѣ и внутренній миръ, основанный на согласіи стремленій и потребностей съ естественными законами человѣческой природы. Такимъ образомъ культура, въ глазахъ Руссо, являлась истиннымъ источникомъ зла и страданія въ жизни человѣка.

Идеализація первобытнаго состоянія.

Эту мысль онъ впервые высказалъ въ небольшомъ „*Разсужденіи*“, написанномъ на тему, предложенную Дижонской академіей: „*Способствовало ли возрожденіе наукъ и искусствъ улучшенію нравовъ?* (1749). На этотъ вопросъ Руссо отвѣчалъ безусловно отрицательно. Свою мысль о вредѣ наукъ и искусствъ онъ доказываетъ ссылкою на примѣръ Греціи и Рима, которые пали, какъ только исчезла древняя простота жизни, уступивъ развращающему вліянію цивилизаціи. Все, что способствуетъ ея распространенію, Руссо считаетъ безусловно вреднымъ, напр., книгопечатаніе. Въ своемъ увлеченіи Руссо доходитъ до того, что даже восхваляетъ калифа Омара за сожженіе знаменитой Александрійской библіотеки и жалѣетъ, что примѣръ его не нашелъ себѣ подражателей среди христіанскихъ государей. Источникомъ философіи и науки, по мнѣнію Руссо, является пустое любопытство, а источникомъ искусства—тщеславіе. Ученые и философы постоянно расходятся между собой во взглядахъ, на одинъ и тотъ же вопросъ даютъ совершенно различные отвѣты; это доказываетъ, что ихъ ученія полны заблужденій, потому что истина только одна. Что касается до искусства, то оно вредно еще потому, что способствуетъ возникновенію роскоши, а роскошь порождаетъ зависть и вражду между людьми. „Разсужденіе“ Руссо заканчивается горячимъ призывомъ къ добродѣтели, которая есть единственное неоспоримое и всѣмъ доступное знаніе, потому что законы ея основаны на голосѣ человѣческой совѣсти.

Разсужденіе о вредѣ наукъ.

Несмотря на парадоксальность основной мысли „Разсужденія“, оно было написано съ такимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ и искренностью, что заслужило отъ академіи премію и доставило автору широкую извѣстность. Къ нему примыкаетъ написанное нѣсколько лѣтъ спустя „Разсужденіе о происхожденіи неравенства между людьми“, въ которомъ Руссо старается доказать, что первобытное состояніе было самымъ счастливымъ въ исторіи человѣчества и что оно нарушилось съ водвореніемъ частной собственности, съ учрежденіемъ законовъ и государства. Такой взглядъ на первобытное состояніе, конечно, совершенно ложенъ, потому что въ ту эпоху человѣкъ былъ беззащитенъ передъ стихійными силами природы и съ трудомъ влачилъ свое существованіе среди всевозможныхъ опасностей и лишеній. Но самъ Руссо вполнѣ вѣрилъ въ справедливость своего взгляда, не стараясь даже подыскать для

него никакихъ историческихъ доказательствъ. Вообще методъ его разсужденія былъ всегда чисто дедуктивный: онъ принималъ въ качествѣ непреложной истины какую-нибудь мысль, большей частью парадоксальную, и, исходя изъ нея, строилъ систему логическихъ выводовъ, не останавливаясь передъ самыми крайними.

Стремленіе къ природѣ.

Признавая, что счастливая и добродѣтельная жизнь возможна только при условіи близости къ природѣ и что современная культура слишкомъ отдалила отъ нея человѣка, поставила его въ сложныя и искусственныя отношенія ко всему окружающему, Руссо настойчиво требовалъ возвращенія къ первобытной простотѣ. Эта проповѣдь „опрощенія", возвращенія къ „природѣ" постоянно повторяется въ его произведеніяхъ, а *противопоставленіе „культуры" и „природы" становится господствующей чертой во всемъ его міросозерцаніи.* „Все выходитъ прекраснымъ изъ рукъ Творца и все портится въ рукахъ человѣка", — вотъ излюбленная мысль Руссо. Отсюда проистекаетъ и его глубокая любовь къ „творенію", къ природѣ. Руссо чувствовалъ себя счастливымъ лишь вдали отъ душныхъ городовъ, съ ихъ суетливой жизнью, на лонѣ матери-природы, красоту которой онъ неоднократно съ любовью описываетъ и прославляетъ въ своихъ сочиненіяхъ. Этими мастерскими картинами и вдохновенными призывами Руссо значительно способствовалъ пробужденію въ современномъ обществѣ *чувства природы* и любви къ деревенской жизни.

Новая Элоиза.

За двумя первыми „Разсужденіями" Руссо послѣдовалъ цѣлый рядъ произведеній, сдѣлавшихъ его имя знаменитымъ. Изъ нихъ романъ „Новая Элоиза" всецѣло проникнутъ духомъ сентиментализма. По примѣру Ричардсона, Руссо избралъ для своего произведенія эпистолярную форму. Героиней романа является Юлія, дочь богатыхъ и знатныхъ родителей, которая влюбляется въ своего наставника Сенъ-Прё. Исторія этой любви, борьба между страстью и посторонними препятствіями составляетъ все содержаніе романа. Въ немъ мало дѣйствія; интересъ его по преимуществу психологическій и заключается не во внѣшнихъ событіяхъ, а въ изображеніи душевной жизни выведенныхъ лицъ. Романъ оканчивается тѣмъ, что Юлія, подчиняясь желанію своихъ родныхъ, выходитъ замужъ, хотя и безъ настоящей любви, за пожилого богатаго человѣка, котораго она впрочемъ уважаетъ за его достойный и благородный характеръ. Юлія честно выполняетъ свои обязанности, въ качествѣ жены и матери, старается возможно лучше устроить свою семью и свой домъ, хотя въ то же время въ глубинѣ души не перестаетъ любить своего перваго друга, но признается въ этомъ лишь въ послѣднемъ письмѣ, написанномъ на смертномъ одрѣ. Юлія, на ряду съ Клариссой, принадлежала къ числу излюбленныхъ героинь Пушкинской Татьяны, увлекавшейся чтеніемъ романа Руссо, который даже не остался безъ вліянія на ея настроеніе и поступки.

Въ другомъ романѣ „Эмиль, или о воспитаніи", Руссо излагаетъ новую педагогическую теорію; въ ней много парадоксальнаго, но на ряду со странностями встрѣчается также немало здравыхъ

и тонкихъ замѣчаній, оказавшихъ значительное вліяніе на дальнѣйшее направленіе педагогики. Большой интересъ представляетъ въ „Эмилѣ“ изложеніе религіозныхъ убѣжденій Руссо, которыя онъ выразилъ въ особой главѣ подъ заглавіемъ „Исповѣдь савойскаго викарія“ (священника). — Свои политическіе взгляды Руссо изложилъ въ сочиненіи „Общественный договоръ“. Подобно первымъ „Разсужденіямъ“, это сочиненіе написано по чисто дедуктивному методу и лишено всякаго историческаго обоснованія. Тѣмъ не менѣе изложенныя здѣсь теоріи были впослѣдствіи, въ эпоху французской революціи, усвоены одной изъ главныхъ политическихъ партій — якобинцами, и сыграли значительную роль въ ходѣ историческихъ событій.

Главныя черты романтизма.

Главной характерной чертой *романтизма*, какъ умственнаго теченія, знаменующаго собой *реакцію противъ* господствовавшаго въ XVIII вѣкѣ *раціонализма* (Вольтеръ и энциклопедисты), является *отрицательное отношеніе ко всей современной европейской культурѣ*. Это отрицаніе культуры впервые ясно выражено было Руссо въ его знаменитомъ „Разсужденіи“ о томъ, способствовало ли возрожденіе наукъ и искусствъ улучшенію нравовъ. Успѣхъ этого сочиненія въ значительной степени объясняется тѣмъ, что содержаніе его соотвѣтствовало настроенію нѣкоторой части современнаго европейскаго общества, неудовлетвореннаго сухой разсудочностью просвѣтительной философіи. Въ крайнихъ своихъ выводахъ эта философія доходила до скептицизма и матеріализма (Гольбахъ, Гельвецій, Ламетри) и потому вызвала противъ себя естественную реакцію. Эта реакція выразилась въ томъ, что на мѣсто культа разума, передъ которымъ преклонялись раціоналисты, водворился *культъ чувства*, нашедшій себѣ литературное выраженіе въ сентиментализмѣ.

Отрицаніе культуры.

Культъ чувства.

Чувство является верховнымъ руководящимъ принципомъ также для Руссо и для романтиковъ, въ качествѣ высшей духовной способности. Въ связи съ этимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ критической и аналитической дѣятельности разума, въ европейскомъ обществѣ пробуждается особенный интересъ ко всему таинственному, сверхъестественному, мистическому. Этотъ интересъ нашелъ себѣ выраженіе во всевозможныхъ мистическихъ ученіяхъ, которыя получаютъ особенное распространеніе въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Выразителемъ этихъ стремленій становится отчасти

масонство, среди котораго въ концѣ XVIII вѣка мистическія теченія даже получаютъ преобладаніе.

Такое же тяготѣніе къ міру таинственнаго и чудеснаго обнаруживается и въ литературѣ; особенно ярко оно выступаетъ у нѣкоторыхъ представителей нѣмецкаго романтизма (напр., у Новалиса); въ русской поэзіи оно нашло выраженіе въ лицѣ Жуковскаго. Эти смутныя стремленія въ область сверхчувственнаго, надземнаго, тоска по идеалу (то, что нѣмецкіе романтики называли Sehnsucht) и связанное съ этими чувствами отвращеніе къ однообразной и сѣрой обыденной жизни, являются наиболѣе глубокими чертами романтизма, составляющими въ то же время характерное отличіе его отъ сентиментализма.

Его слѣдствія.

Съ другой стороны, *культъ чувства* и связанная съ нимъ привычка къ самоуглубленію, къ постоянному устремленію вниманія на внутреннія переживанія, способствуютъ созданію особенной, повышенной чувствительности. Благодаря ей всякое столкновеніе съ суровой дѣйствительностью, такъ же какъ и душевный разладъ, причиняютъ особенно острое страданіе, которое создаетъ грустное, подавленное настроеніе, предрасполагаетъ къ *меланхоліи*. Поэтому еще въ эпоху сентиментализма преобладающей формой лирики становится *элегія*, какъ выраженіе меланхолическаго настроенія, явившагося слѣдствіемъ чрезмѣрной „чувствительности". Въ эпоху романтизма *элегія* сохраняетъ свое преобладаніе и является такою же характерной формой лирики, какою въ псевдо-классическую эпоху была торжественная *ода*. Но у романтиковъ меланхолическое настроеніе обыкновенно связано бываетъ съ чувствомъ *разочарованія*, одной изъ главныхъ причинъ котораго было отрицательное отношеніе къ современной культурѣ, недовольство современными условіями жизни.

Стремленіе къ природѣ.

Отрицая современную культуру и всѣ созданныя ею условія жизни, романтики, начиная съ Руссо, противопоставляли ей простую, безыскусственную, близкую къ природѣ жизнь, какою живутъ первобытныя племена дикарей, не испорченныхъ вліяніемъ цивилизаціи, незнакомыхъ съ ея соблазнами и пороками. Такъ, напр., Рене, одинъ изъ героевъ

Шатобріана[1]), терзаемый тоской и разочарованіемъ, отправляется въ американскія степи, поселяется среди индѣйцевъ, усваиваетъ ихъ обычаи и образъ жизни, надѣясь такимъ образомъ избавиться отъ мукъ внутренняго разлада и найти миръ для своей тоскующей души. Подобное противопоставленіе культурнаго человѣка и первобытнаго дикаря, *противопоставленіе культуры и природы*, становится вообще однимъ изъ наиболѣе характерныхъ признаковъ романтизма, повторяясь, съ различными варіаціями, у большинства писателей эпохи. Такое противопоставленіе встрѣчаемъ мы, напр., еще у Пушкина (въ „Кавказ. Плѣнникѣ" и „Цыганахъ").

Идеализація старины.

Изъ этого же отрицательнаго отношенія къ современной культурѣ вытекаетъ еще другая характерная черта романтизма—*идеализація старины*. Романтики, не удовлетворенные современностью, искали своихъ идеаловъ въ глубинѣ вѣковъ, которые представлялись имъ какимъ-то потеряннымъ раемъ. Примѣръ въ данномъ случаѣ подалъ также еще Руссо. Руссо прославлялъ *первобытное состояніе*, какъ эпоху счастья и добродѣтели. У позднѣйшихъ романтиковъ, особенно у нѣмецкихъ, на первый планъ выступила идеализація *среднихъ вѣковъ* съ ихъ рыцарствомъ, крестовыми походами, религіознымъ энтузіазмомъ, культомъ женщинъ, турнирами и трубадурами. Подобно Руссо, романтики также обманывались относительно общаго характера средневѣковья, рисовали себѣ картину тогдашней жизни исключительно свѣтлыми красками, упуская изъ виду множество темныхъ и отталкивающихъ сторонъ: невѣжество, грубость нравовъ, кулачное право, нетерпимость и т. д. Однако эта черта романтизма (т.-е. идеализація старины) привела въ однихъ отношеніяхъ къ весьма важнымъ и полезнымъ результатамъ. Именно, благодаря ей въ европейскомъ обществѣ и въ европейской литературѣ пробудился особенный интересъ къ старинѣ и къ сохранившимся ея памятникамъ. Къ числу такихъ памятниковъ относятся и всевозможныя произведенія народнаго творчества: сказки, легенды, преданія, баллады, въ которыхъ отражаются народный характеръ, взгляды и повѣрія народа, память о національныхъ герояхъ и различныхъ историческихъ событіяхъ. Въ

Ея результаты.

[1]) Шатобріанъ, французскій писатель-романтикъ (1768—1848). Его главныя произведенія: «Духъ христіанства», «Атала», «Рене».

эпоху раціонализма весь этотъ драгоцѣнный матеріалъ находился въ полномъ пренебреженіи, такъ какъ считалось недостойнымъ ученаго или серьезнаго писателя интересоваться этими остатками былого варварства. Наоборотъ, въ эпоху романтизма развивается усиленный интересъ къ старинѣ, начинается дѣятельное *собираніе и изученіе произведеній народнаго творчества*, въ которыхъ преимущественно сохранялись живые слѣды пережитыхъ эпохъ, обычаевъ, вѣрованій и представленій. Однимъ изъ первыхъ сборниковъ такого рода былъ сборникъ старинныхъ англійскихъ *балладъ*, изданный епископомъ Перси. Но нѣкоторые ученые не ограничивались изученіемъ творчества собственнаго народа, а простирали свой интересъ на область народнаго творчества вообще; такъ, напр., Гердеръ въ своей книгѣ „Голоса народовъ" („Stimmen der Völker", 1778) собралъ пѣсни самыхъ различныхъ племенъ, не только европейскихъ, но также азіатскихъ и американскихъ. Но писатели-романтики не ограничивались однимъ собираніемъ народной поэзіи, но сами стали заимствовать изъ нея темы для своихъ произведеній, подражать ей въ самыхъ формахъ и пріемахъ творчества. Поэтому, какъ въ области лирики — элегія, такъ въ области эпической поэзіи — *баллада* становится излюбленной формой. Содержаніе такихъ балладъ было отчасти историческое, отчасти фантастическое, при чемъ матеріаломъ обыкновенно служили народныя преданія или суевѣрныя представленія. Однимъ изъ первыхъ писателей, введшихъ въ употребленіе балладную форму, былъ нѣмецкій поэтъ Бюргеръ, авторъ знаменитой баллады „Ленора". У насъ очень много балладъ писалъ и переводилъ Жуковскій.

Стремленіе къ народности.

Въ ближайшей связи съ пробужденіемъ интереса къ старинѣ, съ попытками ея идеализаціи, стоитъ стремленіе къ *народности*, представляющее весьма важную черту романтизма. Литература псевдо-классическая не знала вовсе этого стремленія; основанная на подражаніи древнимъ, она по необходимости должна была быть космополитичной. Изображаемыя въ ней лица обыкновенно не носили какого-либо отпечатка своей національности и эпохи. Такъ, напр., у Сумарокова древне-русскіе князья и княжны мыслятъ, чувствуютъ и выражаются, какъ придворные Екатерининскаго времени, а во французскихъ трагедіяхъ древніе греки и римляне держатся какъ благовоспитанные маркизы XVII вѣка. Только

послѣ того, какъ изученіе народной старины и народнаго творчества показало, какъ много чертъ различія заключается въ характерѣ каждой національности, писатели и поэты стали обращать вниманіе на соблюденіе, такъ называемаго „мѣстнаго отпечатка“ (couleur locale), т.-е. при изображеніи своихъ героевъ и окружающей обстановки старались схватить черты національности и эпохи и тѣмъ придать своему изображенію бо̀льшую историческую вѣрность. Вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно слагается понятіе о *національной* литературѣ, какъ выразительницѣ характера каждаго народа, а къ творчеству всякаго писателя начинаетъ предъявляться требованіе *народности*, т.-е. соотвѣтствія его національному духу вообще [1]).

Чувство природы.

Отрицая культуру, считая ее источникомъ всякой порчи и страданія, романтики противопоставляли ей неиспорченную, вѣчно юную и могущественную *природу*. Поэтому *чувство природы* получаетъ въ эпоху романтизма особенно сильное развитіе, въ качествѣ одной изъ характерныхъ чертъ романтической поэзіи. Начиная съ Томсона и Юнга, поэты воспѣваютъ природу, вдохновляясь ея красотою и величіемъ, почерпая въ ней мотивы для творчества. Писатели-прозаики также начинаютъ вставлять свой разсказъ въ рамку пейзажей. Много прекрасныхъ, глубоко-прочувствованныхъ описаній природы встрѣчается въ произведеніяхъ Руссо, Бернарденъ де Сенъ-Пьера (тропическіе пейзажи въ романѣ „Павелъ и Виргинія“) и Шатобріана. Но любовь къ природѣ, тяготѣніе къ ней, пониманіе ея красоты начинаетъ распространяться и среди общества. Усиливается стремленіе къ деревенской жизни, развивается привычка къ путешествіямъ ради одного наслажденія природой. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняются и самые вкусы общества: раньше оно любовалось стриженными, геометри-

---

[1]) То же стремленіе къ національному самосознанію особенно ярко выступаетъ въ эту эпоху и въ области политики. Будучи первоначально вызвано крупными историческими событіями (французская революція, Наполеоновскія войны), это стремленіе нашло себѣ могучую поддержку въ литературѣ, выступившей въ качествѣ носительницы національныхъ идеаловъ. Въ странахъ, находившихся въ угнетенномъ или ненормальномъ положеніи, стремленіе это выразилось съ особою силой. Въ Германіи и Италіи оно сказалось въ требованіи національнаго объединенія; въ Чехіи оно привело къ народному возрожденію, подготовленному дѣятельностью нѣкоторыхъ писателей и ученыхъ (Колларъ, Шафарикъ, Ганка); въ Россіи потребность въ національномъ самоопредѣленіи содѣйствовала возникновенію такъ называемаго *славянофильства* (К. Аксаковъ, Хомяковъ, бр. Кирѣевскіе).

чески-правильными Версальскими садами,—теперь начинаетъ отдавать предпочтеніе „безыскусственной природѣ“, къ которой не прикоснулась рука человѣка.

Борьба противъ условностей.

Стремленіе къ *природѣ* сочеталось у романтиковъ со стремленіемъ къ *естественности* вообще. Поэтому они рѣзко отвергали всякую искусственность и всякую условность какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ. Въ литературѣ это стремленіе сказывалось *въ борьбѣ противъ псевдо-классицизма, съ его стѣснительными традиціями и правилами.*

Строгое подчиненіе этимъ „правиламъ“ придавало большинству псевдо-классическихъ произведеній отпечатокъ сухой разсудочности и холодности, такъ что романтики не безъ основанія видѣли въ нихъ выраженіе того раціоналистическаго духа, противъ котораго они ополчались. Возставая противъ господства „правилъ“, романтики боролись во имя *полной свободы творчества*, не стѣсняемой никакими школьными традиціями. Высшій образецъ такого свободнаго творчества они видѣли въ произведеніяхъ Шекспира, котораго они противопоставляли въ этомъ отношеніи псевдо-классическимъ авторамъ. „Въ Шекспирѣ говоритъ сама природа“, выразился о немъ молодой Гёте, въ эпоху своего увлеченія новыми литературными вѣяніями. Въ этомъ выраженіи заключается намекъ на тѣ качества Шекспира, которыя особенно цѣнились въ немъ: простота и естественность творчества, жизненная правда его изображеній, сила и богатство фантазіи [1]).

Во второй половинѣ XVIII вѣка возникаетъ настоящій *культъ Шекспира*, который былъ почти забытъ въ эпоху господства псевдо-классицизма: піесы его снова появляются на сценахъ всей Европы, лучшіе актеры составляютъ себѣ славу въ Шекспировскихъ роляхъ (въ Англіи—Гаррикъ и Кинъ, въ Германіи—Иффландъ и Девріентъ), произведенія его дѣятельно переводятся на иностранные языки (напр., лучшій нѣмецкій переводъ сдѣланъ братьями Шлегель, видными представителями романтизма въ Германіи) и оказываютъ могущественное вліяніе на всю европейскую литературу. вызывая во всѣхъ странахъ многочисленныя подражанія. Даже такой великій писатель, какъ Гёте, не избавился отъ этого вліянія и его „Гёцъ фонъ-Берлихингенъ“ представляетъ собой подражаніе

---

[1]) Значеніе Шекспира и его превосходство надъ французскими трагиками было впервые разъяснено нѣмецкимъ поэтомъ и критикомъ Лессингомъ въ его „Гамбургской драматургіи“ (1768—9). Лессингъ—одинъ изъ основателей нѣмецкой національной литературы.

Шекспировскимъ „хроникамъ“. Впослѣдствіи знакомство съ Шекспиромъ отразилось также и на творчествѣ Пушкина („Борисъ Годуновъ“).

Отстаивая въ литературѣ принципъ свободы творчества, романтики на мѣсто отвлеченныхъ „правилъ“ ставили *личное* вдохновеніе. Эта замѣна является совершенно естественнымъ слѣдствіемъ того *культа личности* (*индивидуализма*), который представляетъ собой одну изъ отличительныхъ чертъ всей романтической эпохи. Въ эпоху псевдо-классицизма особеннымъ уваженіемъ пользовались тѣ виды литературнаго творчества, въ которыхъ менѣе всего сказывается личность автора: эпическая поэма и героическая трагедія. Напротивъ того, въ произведеніяхъ новой школы гораздо чаще и полнѣе выступаютъ индивидуальныя черты писателя, такъ что творчество его становится отраженіемъ его личности. Поэтому, именно въ эту эпоху, *лирика*, т.-е. тотъ видъ литературы, въ которомъ наиболѣе полно отпечатлѣвается внутренняя жизнь личности, получаетъ особенное развитіе и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаетъ гораздо болѣе искренній и интимный характеръ. Лирическій элементъ проникаетъ и въ другіе виды литературы („Донъ Жуанъ“ Байрона, „Евгеній Онѣгинъ“ Пушкина). Наконецъ, нерѣдко авторы въ лицѣ своихъ героевъ изображаютъ самихъ себя или, по крайней мѣрѣ, придаютъ выведеннымъ лицамъ нѣкоторыя черты собственной личности (*Рене* Шатобріана, *Чайльдъ-Гарольдъ* Байрона). Какъ и другія характерныя черты романтизма, такъ и свойственный ему культъ личности впервые съ особенной яркостью сказывается у Руссо. На всемъ его творчествѣ лежитъ отпечатокъ его личности; наиболѣе полно *индивидуализмъ* Руссо отражается въ его *Признаніяхъ* („Confessions“). Это сочиненіе представляетъ собой автобіографію: въ немъ Руссо разсказываетъ съ поразительной откровенностью всю свою жизнь, раскрываетъ свою душу, не утаивая даже самыхъ отталкивающихъ и порочныхъ сторонъ своего *я*, подвергаетъ анализу малѣйшія душевныя движенія; въ этомъ отношеніи книга его, несомнѣнно, является однимъ изъ наиболѣе яркихъ выраженій пробудившагося интереса къ внутренней жизни личности.

Индивидуализмъ.

Развитіе лирики.

Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи *индивидуализмъ* принимаетъ двѣ формы. Съ одной стороны, въ связи съ унаслѣ-

Двѣ формы индивидуализма.

дованной еще отъ эпохи сентиментализма „чувствительностью“ и склонностью къ „меланхоліи“, чрезмѣрное развитіе индивидуализма приводитъ къ тому, что личность, погруженная въ самое себя, разъѣдаемая ядомъ самоанализа, не находя выхода изъ заколдованнаго круга чисто субъективныхъ чувствъ и настроеній, утрачиваетъ наконецъ всякую вѣру въ себя и въ людей, становится совершенно неспособной къ какой-либо активной дѣятельности, впадаетъ въ апатію и тоскливую безнадежность. Такое состояніе выражается въ формѣ „разочарованія“, либо непобѣдимой „скуки“ (l'ennui) и въ виду его типичности для всей эпохи получаетъ даже общее наименованіе „болѣзни вѣка“ (la maladie du siècle). Типы такихъ страдающихъ и скучающихъ героевъ встрѣчаются въ романтической литературѣ всѣхъ странъ (*Вертеръ*—Гёте, *Рене*—Шатобріана, *Жакопо Ортисъ*—итальянскаго писателя Уго Фосколо).

Другая форма проявленія индивидуализма романтиковъ есть культъ сильной личности, *культъ героевъ*. Наиболѣе яркое выраженіе этотъ культъ героевъ нашелъ въ поэзіи Байрона („Каинъ“, „Манфредъ“), но зачатки его замѣтны еще у нѣмецкихъ писателей эпохи „бурныхъ стремленій“ [1]). Культъ личности приводилъ романтиковъ къ сознанію разлада между „героемъ“ и окружающей общественной средой. На сколько высоко ставили они „героя“, на столько презрительно относились они къ обществу, которое въ ихъ глазахъ становилось ничтожною „толпой“, не заслуживающей никакого вниманія и уваженія. Излюбленнымъ „героямъ“ прощались даже преступленія и злодѣянія, направленныя противъ общественныхъ законовъ: „благородный злодѣй“, мстящій обществу за царящую въ немъ неправду, становится обыч-

---

[1]) Эпоха „бурныхъ стремленій“ (Sturm und Drang) обнимаетъ собой 70—80-е года XVIII ст. Характерной чертой ея является рѣзкая критика всѣхъ устарѣлыхъ формъ въ литературѣ и въ жизни и исканіе новыхъ идеаловъ. На писателей этой эпохи сильное вліяніе оказали англійскіе сентименталисты и Руссо; къ числу ихъ принадлежали: Клингеръ, Ленцъ, Вагнеръ, Мюллеръ и др. Въ ихъ творчествѣ было много болѣзненнаго, преувеличеннаго и неестественнаго. Въ своей „чувствительности“ они доходили до неистовства, въ стремленіи къ свободѣ самоопредѣленія—до культа собственнаго *я*, до самообожанія. Гёте въ молодости также примыкалъ одно время къ этому направленію, которое отразилось и въ его раннихъ произведеніяхъ („Гёцъ фонъ-Берлихингенъ“, „Вертеръ“), равно какъ и въ первыхъ драмахъ Шиллера („Разбойники“, „Коварство и любовь“), но впослѣдствіи оба писателя освободились отъ своихъ юношескихъ увлеченій, достигнувъ полной зрѣлости и уравновѣшенности творчества.

ной фигурой въ литературѣ („Разбойники“ Шиллера); получаютъ особенное распространеніе такъ называемые „разбойническіе романы“ (напр. „Ринальдо-Ринальдини“ Вульпіуса: о немъ упоминается еще въ „Мертвыхъ душахъ“ Гоголя); Байронъ также неоднократно выбиралъ своими героями преступниковъ и разбойниковъ („Лара“, „Корсаръ“; подъ его вліяніемъ Пушкинъ написалъ своихъ „Братьевъ-разбойниковъ“).

Какъ явленіе въ высшей степени сложное и многостороннее, романтизмъ, конечно, не могъ найти себѣ исчерпывающаго выраженія въ лицѣ отдѣльнаго автора или въ отдѣльномъ произведеніи. У одного писателя на первый планъ выступали одни элементы, у другого—другіе. Болѣе того: въ каждой странѣ романтизмъ принималъ особый отпечатокъ: въ Германіи онъ носилъ иной характеръ, чѣмъ во Франціи, во Франціи—иной, чѣмъ въ Англіи. Наконецъ, съ теченіемъ времени онъ подвергался различнымъ измѣненіямъ, болѣе или менѣе глубокимъ. Вслѣдствіе такого разнообразія въ характерѣ и содержаніи романтизма долгое время не могъ установиться правильный взглядъ на его истинную сущность. Сами романтики много спорили по этому поводу, защищая каждый свою точку зрѣнія, выдвигая какую-нибудь одну черту, въ качествѣ самой главной. На самомъ же дѣлѣ романтизмъ совершенно не вкладывается въ такія узкія рамки, и для того, чтобы вѣрно понять его, слѣдуетъ принять во вниманіе все разнообразіе составныхъ его элементовъ. Съ этой точки зрѣнія романтизмъ представится тогда въ видѣ широкаго умственнаго теченія, захватывающаго громадный кругъ явленій и отражающагося не только въ литературѣ, но и въ другихъ областяхъ человѣческаго творчества: въ живописи, въ музыкѣ, такъ же какъ и въ философіи и въ наукѣ.

Романтизмъ, какъ настроеніе.

Но кромѣ взгляда на романтизмъ, какъ на извѣстное *культурно-историческое* теченіе, обнимающее опредѣленный періодъ времени (конецъ XVIII и начало XIX вѣка), возможенъ еще иной взглядъ на него,—именно, какъ *психологическое* явленіе. Съ этой точки зрѣнія романтизмъ представляетъ собой извѣстное душевное настроеніе, сущность котораго заключается въ чувствѣ внутренней неудовлетворенности, въ сознаніи разлада между идеаломъ и дѣйствительностью, въ смутномъ стремленіи и порывахъ въ таинственный идеальный міръ. Въ этомъ смыслѣ *романтизмъ* не есть принадлежность какой-нибудь опредѣленной эпохи, но онъ *возможенъ во всѣ времена* и при всякихъ историческихъ условіяхъ. Такое пониманіе романтизма мы находимъ, напр., у Бѣлинскаго. „Романтизмъ,—говоритъ онъ,—принадлежность не одного только искусства, не одной только поэ-

зіи: его источники въ томъ, въ чемъ источники и искусства и поэзіи—въ жизни. Въ тѣснѣйшемъ и существеннѣйшемъ своемъ значеніи романтизмъ есть не что иное какъ внутренній міръ души человѣка, сокровенная жизнь его сердца. Въ груди и сердцѣ человѣка заключается таинственный источникъ романтизма: чувство, любовь есть проявленіе или дѣйствіе романтизма, и потому почти всякій человѣкъ—романтикъ. Но романтизмъ не принадлежитъ одной только сферѣ любви; сфера его—*вся внутренняя, задушевная жизнь человѣка*, та таинственная почва души и сердца, откуда подымаются *всѣ неопредѣленныя стремленія къ лучшему и возвышенному*, стараясь находить себѣ удовлетвореніе въ идеалахъ, творимыхъ фантазіей". Сходное опредѣленіе даетъ романтизму и другой русскій критикъ, Аполлонъ Григорьевъ. По его мнѣнію, источникомъ „романтическаго въ искусствѣ и въ жизни" является „то *тревожное*, то *вѣчно-недовольное настоящимъ*, что живетъ въ груди человѣка и рвется на просторъ изъ груди, и чему не довольно цѣлаго міра,—тотъ огонь, о которомъ говоритъ Мцыри, что онъ

Отъ юныхъ дней,
Таяся жилъ въ груди моей...
И онъ прожегъ свою тюрьму...

„Романтическое такого рода было и въ древнемъ мірѣ, и въ средневѣковомъ, и въ новомъ. Романтическое является во всякую эпоху, только что вырвавшуюся изъ какого-либо сильнаго моральнаго переворота, въ переходные моменты сознанія — и только въ такомъ его опредѣленіи воздушная и сладко-тревожная мечтательность Жуковскаго мирится съ мрачною тревожностью Байрона".

Романтизмъ въ Россіи никогда не получилъ такого значенія и распространенія, какъ на Западѣ. Причина этого заключалась прежде всего въ томъ, что у насъ онъ не имѣлъ почвы въ исторіи, не былъ подготовленъ всѣмъ ходомъ развитія духовной жизни, а представлялъ собой явленіе чисто наносное, подражательное. Тѣмъ не менѣе въ свое время онъ сыгралъ значительную роль и принесъ русской литературѣ несомнѣнную пользу, освободивъ ее отъ власти псевдо-классическихъ условностей, способствуя ея обновленію,

сообщая ей болѣе жизненности и искренности. Въ русской литературѣ романтическое движеніе выразилось преимущественно въ двухъ формахъ: въ формѣ *романтизма мечтательнаго* (близкаго по характеру къ сентиментализму), главными представителями котораго были Жуковскій и Козловъ, и въ формѣ *романтизма бурнаго*, представители котораго: Марлинскій, Кукольникъ и Полежаевъ (особенно первые два) пользовались въ свое время громаднымъ успѣхомъ. Но вліяніе романтизма коснулось также и наиболѣе крупныхъ нашихъ писателей того времени, и въ произведеніяхъ Пушкина, Лермонтова и Гоголя (въ началѣ ихъ дѣятельности) мы найдемъ много слѣдовъ этого вліянія, отъ котораго они могли освободиться лишь въ эпоху полнаго развитія своего таланта [1]).

---

[1]) Впрочемъ романтическія теченія въ русской литературѣ не исчерпываются двумя указанными формами, на ряду съ которыми существовали и нѣкоторыя другія: напр., романтическая идеализація старины отразилась въ историческихъ романахъ *Загоскина*, созданныхъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Вальтеръ-Скотта, а свойственное многимъ романтикамъ, особенно нѣмецкимъ, тяготѣніе къ сверхчувственному, фантастическому, нашло себѣ выраженіе въ произведеніяхъ *князя В. Ѳ. Одоевскаго*, на творчество котораго оказалъ вліяніе нѣмецкій писатель Гофманъ, авторъ остроумныхъ и поэтическихъ повѣстей, въ которыхъ необузданная фантастика причудливымъ образомъ сплетается съ чертами, взятыми изъ повседневной дѣйствительности.

Глава I-я.

Сентиментализмъ и романтизмъ въ русской литературѣ.

I. Карамзинъ и его школа.

Карамзинскій періодъ.

Карамзинъ является главнымъ представителемъ *сентиментализма* въ русской литературѣ. Но еще до появленія его первыхъ произведеній новое направленіе начало проникать въ Россію, при чемъ эти новые элементы оказали несомнѣнное вліяніе на развитіе литературныхъ взглядовъ и вкусовъ самого Карамзина. Онъ самъ свидѣтельствуетъ, какое сильное впечатлѣніе производило на него еще въ дѣтствѣ чтеніе романовъ, пробуждавшихъ въ немъ фантазію и чувствительность. Такимъ образомъ не онъ первый внесъ въ русскую литературу новое направленіе, но благодаря своему таланту и степени достигнутаго вліянія онъ сталъ во главѣ новой литературной школы, такъ что эпоха сентиментализма въ Россіи неразрывно связана въ нашемъ представленіи съ его именемъ, и весь этотъ періодъ въ исторіи русской литературы называется *Карамзинскимъ*.

Сентиментализмъ въ Россіи до Карамзина.

Новое направленіе различными путями проникло въ русскую литературу. Довольно рано оно нашло себѣ доступъ на русскую *сцену*, хотя и не было въ состояніи вытѣснить съ нея прочно утвердившагося псевдо-классическаго репертуара. Такъ называемыя „мѣщанскія драмы“ или „слезливыя комедіи“, большей частью переводныя (Бомарше, Мариво), пользовались значительнымъ успѣхомъ у публики, особенно въ Москвѣ, вызывая негодованіе и нападки со стороны представителей старой школы, напр., Сумарокова. Появились также и русскія подражанія („Такъ и должно“ Веревкина, „Несчастіе отъ кареты“ Княжнина, „Преступникъ отъ игры, или братомъ проданная сестра“ Ефимьева). Въ 1779 г. была по-

ставлена на сцену „комическая опера“ (т.-е. комедія съ вставными куплетами для пѣнія): „Мельникъ колдунъ, обманщикъ и сватъ“ Аблесимова; хотя эта піеса и не принадлежитъ къ разряду собственно „слезныхъ комедій“, однако она представляетъ новое явленіе на русской сценѣ, такъ какъ содержаніе ея взято изъ простонародной жизни и въ ней выведены народные типы. Такое внесеніе національнаго элемента въ комедію очень понравилось зрителямъ; піеса Аблесимова имѣла большой успѣхъ и вызвала даже нѣсколько подражаній („Сбитеньщикъ“ Княжнина, „Розана и Любимъ“ Николева, „Деревенская свадьба“ Горскаго) [1].

Въ области *лирики* новое направленіе также нашло себѣ отраженіе; на ряду съ торжественными одами въ ней появляются меланхолическія элегіи и чувствительные романсы. Даже нѣкоторые изъ представителей старой школы не остались чужды этихъ новыхъ вѣяній: напр., Княжнинъ (романсъ „Наказанная невѣрность“) и особенно Капнистъ (элегіи: „На смерть Юліи“, „На счастье“, „На уныніе“ и др.“). Значительнымъ успѣхомъ пользовались въ Россіи поэмы *Оссіана*, вліяніе которыхъ чувствуется даже въ нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ одъ Державина, напр., въ „Водопадѣ“. Отрывки изъ этихъ поэмъ переводилъ Карамзинъ, а цѣликомъ онѣ были переведены Костровымъ.

Распространеніе романовъ.

Новое направленіе въ литературѣ отразилось также и въ области *романа*. Псевдо-классическая теорія почти не признавала этой формы творчества, причисляя романъ къ низшимъ видамъ литературы. Напротивъ того, въ новой школѣ онъ получаетъ особенное значеніе и распространеніе. Русское общество познакомилось съ романами первоначально въ видѣ переводовъ съ иностранныхъ языковъ. Въ первой половинѣ XVIII в. такихъ переводовъ появилось немного, но зато съ начала царствованія Екатерины II число ихъ начинаетъ быстро увеличиваться, и романы становятся излюбленнымъ чтеніемъ публики. По своему характеру и содержанію эти *переводные романы* были чрезвычайно разнообразны. Среди нихъ были романы героическіе, „романы съ приключеніями“, романы дидактическіе, нравоописательные и, наконецъ, сентиментальные. Героическіе романы и „романы съ приключеніями“, т.-е. такіе, въ которыхъ главный интересъ представляютъ внѣшнія событія, сложная и запутанная интрига, раньше другихъ видовъ получили распространеніе въ Россіи, гдѣ они стали распространяться еще въ XVII стол., большей частью въ польскихъ передѣлкахъ. Особый

Романы переводные.

---

[1]) Къ этому времени относится и возникновеніе интереса къ народной старинѣ и народному творчеству. Въ 1770—83 гг. *Чулковъ* издалъ первое собраніе русскихъ *сказокъ*, куда включилъ также нѣсколько былинъ о богатыряхъ; впрочемъ, составитель не стѣснялся передѣлывать народныя сказки по-своему, а также включилъ въ сборникъ много сказокъ новаго происхожденія и даже собственнаго сочиненія. Въ 1790 г. вышло «Собраніе русскихъ пѣсенъ съ ихъ голосами» (съ нотами) Права. Въ серединѣ XVIII в. составлено было первое собраніе *былинъ* Киршею (Кирилломъ) Даниловымъ, напечатанное однако лишь въ 1804 г. подъ заглавіемъ: «Древнія россійскія стихотворенія“.

видъ „романа съ приключеніями“ представляетъ такъ называемый „плутовской романъ“, изображающій похожденія и продѣлки какого-либо находчиваго и остроумнаго мошенника; первый изъ такихъ плутовскихъ романовъ принадлежитъ испанскому писателю XVI вѣка Мендозѣ; на русскій языкъ онъ переведенъ подъ заглавіемъ: „Жизнь и приключенія Лазариля Тормскаго“ (1775 г.); до конца XVIII вѣка романъ этотъ выдержалъ въ русскомъ переводѣ четыре изданія. Еще большій успѣхъ среди русской публики имѣли романы французскаго писателя Лесажа: „Похожденіе Жилблаза“ (1754 г.—7 изданій) и „Повѣсть о хромоногомъ бѣсѣ“ (1763 г.—6 изд.).

Изъ числа дидактическихъ романовъ большимъ уваженіемъ пользовалось сочиненіе Фенелона: „Похожденіе Телемака“ (8 изданій; первый переводъ сдѣланъ еще Тредіаковскимъ—1747 г.). Очень много переводили также Мармонтеля и Флоріана, французскихъ писателей-дидактиковъ. Изъ философскихъ романовъ Вольтера наибольшимъ успѣхомъ пользовался «Кандидъ» (4 изд.,—1-е въ 1769 г.). Среди нравоописательныхъ романовъ первое мѣсто по числу изданій, а слѣдовательно и по интересу къ нимъ, занимаетъ англійскій романистъ XVIII в. Фильдингъ, романы котораго отличаются чисто реалистическимъ характеромъ; изъ нихъ самый знаменитый: „Повѣсть о Томасѣ Іонесѣ (Джонсѣ), или найденышъ“ (1770). Наконецъ чрезъ посредство переводныхъ романовъ русское общество познакомилось и съ новымъ *сентиментальнымъ* направленіемъ въ литературѣ. Среди этихъ переводовъ находились произведенія *Ричардсона*, *Стерна*, *Гольдсмита*, *Руссо* („Новая Элоиза“), *Гёте* („Страсти молодого Вертера“). Нѣкоторыя изъ нихъ выдержали по нѣсколько изданій [1]).

Подражанія. Вслѣдъ за переводами появились и *подражанія*. Первый по времени оригинальный русскій романъ—„Непостоянная Фортуна, или похожденія Мирамонда“ Эмина (1763), принадлежащій къ раз-

---

[1]) На ряду съ этими знаменитыми произведеніями во множествѣ переводились также сентиментальные романы и повѣсти менѣе извѣстныхъ авторовъ, а иногда даже анонимные; таковы: „Злосчастное замужество дѣвицы Гарви“ (1770), „Милордъ Станлей, или добродѣтельный преступникъ“ (1771), „Страданія молодой Эмиліи, служащія къ наставленію чувствительныхъ и добродѣтельныхъ душъ“ (1785), „Луиза Г**, или торжество невинности; истинная повѣсть, содержащая въ себѣ чувствительныя и рѣдкія приключенія, научающія насъ быть добродѣтельными и убѣгать пороковъ“ (1788) и мн. др. Такое обиліе сентиментальныхъ романовъ свидѣтельствуетъ объ особенномъ интересѣ къ нимъ со стороны публики. Въ свою очередь эти романы воздѣйствовали на настроеніе читающаго общества. Подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ сложился типъ „чувствительнаго“ человѣка, готоваго ежеминутно вздыхать и проливать слезы. Эта преувеличенная, а иногда и напускная чувствительность, связанная съ „пріятной меланхоліей“, скоро вызвала противъ себя насмѣшки сатириковъ; такъ, напр., Крыловъ въ „Почтѣ духовъ“ выводитъ двухъ сентиментальныхъ юношей, которые, сидя въ трактирѣ за обильнымъ обѣдомъ, то и дѣло восклицаютъ: „Ахъ, Боже мой! сколь маловажна человѣческая жизнь! какъ жалки люди! вся жизнь ихъ преисполнена несчастіями!“—запивая свои ламентаціи шампанскимъ и бургонскимъ.

ряду „романовъ съ приключеніями“. Примыкающій къ этому разряду „плутовской романъ“ нашелъ себѣ выраженіе въ цѣломъ рядѣ сочиненій, посвященныхъ описанію приключеній и воровскихъ подвиговъ извѣстнаго московскаго мошенника Ивана Осипова („Ваньки Каина“), похожденія котораго перешли даже въ народныя пѣсни. Большимъ успѣхомъ пользовался въ свое время романъ Матвѣя Комарова „*Несчастный Никаноръ*“ (1775); въ немъ повѣствуется о всевозможныхъ испытаніяхъ и приключеніяхъ нѣкоего русскаго дворянина и его невѣсты, съ которой онъ познакомился въ Ригѣ, во время похода. Несчастіе преслѣдуетъ героя во всѣхъ его предпріятіяхъ: онъ теряетъ невѣсту, самъ попадаетъ въ тюрьму, лишается всего своего состоянія, такъ что принужденъ впослѣдствіи жить у какого-то богатаго „милостивца“ въ качествѣ приживальщика. Хотя въ романѣ ясно чувствуется стремленіе автора растрогать читателя изображеніемъ бѣдствій и страданій своего героя, однако по обилію всякаго рода похожденій и запутанности дѣйствія „Несчастный Никаноръ“ еще близко подходитъ къ типу „романовъ съ приключеніями“.—Болѣе ярко, хотя и болѣе односторонне, сентиментальное направленіе отразилось въ романахъ Павла Львова, изъ которыхъ лучшій—„*Россійская Памела или исторія Маріи, добродѣтельной поселянки*“ (1789), представляющій собой подражаніе Ричардсону. Въ предисловіи авторъ выясняетъ цѣль своего труда: онъ хотѣлъ показать въ немъ, „что есть и у насъ нѣжныя сердца, великія души въ низкомъ состояніи, есть *Памелы*, новыя *Элоизы* и имъ подобныя, какъ въ Англіи, во Франціи, Германіи и прочихъ государствахъ, гдѣ онѣ потому такъ громки, что гораздо рѣже встрѣчаются, нежели въ Россіи, коей нравы хотя и перемѣнились, но не развращены еще и предразсудокъ не столь владычествуетъ, какъ въ другихъ мѣстахъ“. Въ романѣ выведены, кромѣ главной героини, также ея отецъ—„добродѣтельный и чувствительный однодворецъ“, произносящій длинныя моральныя поученія. Героемъ романа является молодой дворянинъ Викторъ, человѣкъ слабый, безхарактерный, хотя и добросердечный. Онъ влюбляется въ Марію и хочетъ на ней жениться, но этому старается помѣшать его лицемѣрный другъ Плуталовъ, эгоистъ и циникъ по натурѣ, видящій цѣль жизни въ одномъ лишь наслажденіи; по замыслу автора, Плуталовъ долженъ былъ представлять собой человѣка, воспитаннаго на французской скептической и матеріалистической философіи, но замыселъ этотъ не удался, и Плуталовъ является въ романѣ какимъ-то мелодраматическимъ злодѣемъ, смотрящимъ на все доброе и свѣтлое „ругательнымъ окомъ“, по выраженію автора. Хотя бракъ Виктора съ Маріей все же состоялся, но Плуталовъ сумѣлъ увлечь его съ собой въ Петербургъ, гдѣ онъ отдается свѣтскимъ удовольствіямъ, кутежамъ и карточной игрѣ, забывая о своей женѣ. Покинутая Марія удаляется въ хижину. Между тѣмъ Викторъ, благодаря карточной игрѣ, въ которую втянулъ его Плуталовъ, разоряется, входитъ въ долги, такъ что ему грозитъ тюрьма; кромѣ того его начинаютъ мучить угрызенія совѣсти

Сентиментальные романы.

по поводу оставленной Маріи. Дѣло однако оканчивается благополучно; благодаря вмѣшательству брата Маріи, Викторъ освобождается отъ долговъ и возвращается въ свою деревню, гдѣ примиряется съ женой; наконецъ и самъ Плуталовъ раскаивается и становится честнымъ человѣкомъ. Такимъ образомъ въ романѣ Львова „чувствительный“ элементъ тѣсно связанъ съ дидактическимъ, какъ это часто встрѣчается въ сентиментальныхъ романахъ. Весьма характернымъ является также сочувственное отношеніе автора къ лицамъ низшаго сословія. Марія и ея старикъ-отецъ изображены свѣтлыми, симпатичными чертами, хотя и представлены очень прикрашенными; напротивъ того, столичное общество представлено въ самомъ мрачномъ, отталкивающемъ видѣ. Какъ художественное произведеніе, романъ Львова очень невысокаго достоинства; въ немъ много наивнаго, неестественнаго и страннаго, но онъ интересенъ, какъ характерный образецъ русскаго сентиментализма до-Карамзинской эпохи.

I. Біографія Карамзина.

Дѣтство Карамзина.

Николай Михайловичъ Карамзинъ родился 1-го декабря 1766 года. Раннее дѣтство онъ провелъ въ имѣньѣ своего отца, на берегу Волги, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Симбирска. Мать его рано умерла; она была женщина чувствительная и нѣжная и для своего времени довольно образованная; образъ ея навсегда сохранился въ памяти сына. Дѣтство свое Карамзинъ изобразилъ впослѣдствіи въ неоконченной повѣсти „Рыцарь нашего времени“, гдѣ онъ вывелъ себя подъ именемъ Леона. Карамзинъ росъ одинокимъ ребенкомъ, безъ сверстниковъ и товарищей. Это одиночество развило въ немъ склонность къ уединенію и задумчивости. Главныя черты его характера въ эту эпоху были: *любовь къ природѣ*, развивавшаяся среди прекрасной обстановки приволжскаго края, *мечтательность* и *чувствительность*, зародившіяся въ немъ благодаря раннему знакомству съ переводными романами, героическими и сентиментальными, которые онъ нашелъ въ библіотекѣ своей матери.

Карамзинъ говоритъ объ этихъ романахъ: „Сіе чтеніе не только не повредило юной душѣ (Леона), но было еще весьма полезно для образованія нравственнаго чувства: во всѣхъ романахъ, прочтенныхъ имъ, герои и героини, несмотря на многочисленныя искушенія рока, остаются добродѣтельными; всѣ злодѣи описываются самыми черными красками; первые наконецъ торжествуютъ, послѣдніе наконецъ какъ прахъ исчезаютъ. Въ нѣжной Леоновой душѣ не-

примѣтнымъ образомъ, но буквами неизгладимыми, начерталось слѣдствіе: „итакъ любезность и добродѣтель одно! итакъ зло безобразно и гнусно! итакъ добродѣтельный всегда побѣждаетъ, а злодѣй гибнетъ“!

Его воспитаніе.

На двѣнадцатомъ году Карамзинъ былъ отправленъ въ Москву и помѣщенъ въ пансіонъ профессора Шадена, пользовавшійся тогда большой извѣстностью. Шаденъ былъ человѣкъ гуманный и просвѣщенный. Особенное вниманіе обращалъ онъ на развитіе въ своихъ воспитанникахъ нравственнаго чувства; точно такъ же старался онъ развить въ нихъ любовь къ чтенію и къ литературѣ. Изъ пансіона проф. Шадена Карамзинъ вынесъ хорошее знаніе нѣмецкаго и французскаго языка, но, къ сожалѣнію, его школьное образованіе кончилось слишкомъ рано. 15-ти лѣтъ отъ роду Карамзинъ покинулъ пансіонъ и переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ на военную службу въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ. Однако на военной службѣ Карамзинъ оставался недолго; послѣ смерти своего отца онъ вышелъ въ отставку и отправился на родину, въ Симбирскъ, гдѣ сталъ вести довольно разсѣянный образъ жизни, съ увлеченіемъ отдаваясь свѣтскимъ удовольствіямъ. Къ счастью, одинъ изъ московскихъ масоновъ (И. П. Тургеневъ) обратилъ вниманіе на талантливаго юношу и убѣдилъ его переселиться въ Москву.

Новиковскій кружокъ.

Четыре года (1785—89), проведенныхъ Карамзинымъ въ Москвѣ, имѣли громадное значеніе для его внутренняго развитія. Въ эту эпоху Карамзинъ быстро сошелся съ Новиковымъ и его кружкомъ и принялъ живое участіе въ занятіяхъ „Дружескаго Общества“, основаннаго Новиковымъ. Это общество преслѣдовало широкія филантропическія и просвѣтительныя цѣли: основывало больницы, пріюты, училища, издавало книги, давало средства для образованія молодымъ людямъ. Подъ вліяніемъ своихъ новыхъ друзей Карамзинъ усердно занялся пополненіемъ пробѣловъ своего образованія, путемъ чтенія серьезныхъ книгъ по философіи, исторіи, искусству, литературѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Карамзинъ началъ заниматься и литературной дѣятельностью, преимущественно переводами. Такъ, напр., въ журналѣ Новикова „Дѣтское Чтеніе“ онъ помѣстилъ много переводовъ различныхъ сентиментальныхъ повѣстей (преимущественно франц. писательницы Жанлисъ). Эти переводы были полезны для выработки

его литературнаго языка. Кромѣ того, онъ перевелъ „Юлія Цезаря“ Шекспира, „Эмилію Галотти“ Лессинга, поэму Галлера: „О происхожденіи зла“ и др.

Особенно тѣсно сблизился Карамзинъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, Петровымъ, ученикомъ профессора Шварца [1]). Петровъ отличался прекраснымъ образованіемъ, отлично зналъ иностранные языки, древнюю и новую литературу. Одаренный тонкимъ художественнымъ вкусомъ, онъ оказалъ сильное вліяніе на развитіе литературныхъ взглядовъ Карамзина. Проникнутый возвышеннымъ идеализмомъ, Петровъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ сторонникомъ новаго направленія въ литературѣ. Впослѣдствіи Карамзинъ съ благодарностью вспоминалъ (въ статьѣ „Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона“, написанной послѣ смерти Петрова, умершаго въ молодыхъ годахъ) о тѣхъ задушевныхъ бесѣдахъ, которыя вели между собой молодые друзья и которыя касались самыхъ глубокихъ вопросовъ философіи, морали и искусства.

Новыя литературныя вѣянія.

Въ кружкѣ Новикова Карамзинъ познакомился также съ нѣмецкимъ поэтомъ Ленцомъ, съ которымъ онъ даже жилъ одно время вмѣстѣ. Ленцъ принадлежалъ къ числу писателей новой школы, какъ представитель такъ называемой эпохи „бурныхъ стремленій“. Подобно другимъ писателямъ этой эпохи, Ленцъ особенно увлекался Шекспиромъ и старался подражать ему въ своихъ произведеніяхъ. Вѣроятно, подъ его вліяніемъ Карамзинъ познакомился съ новыми литературными теченіями въ Германіи; такимъ образомъ вмѣстѣ съ Петровымъ Ленцъ оказалъ значительное вліяніе на развитіе литературныхъ взглядовъ Карамзина [2]).

---

[1]) Проф. Шварцъ, масонъ, ближайшій другъ и сотрудникъ Новикова, Онъ преподавалъ въ Москов. университетѣ исторію и философію и имѣлъ на своихъ слушателей громадное и благотворное нравственное вліяніе (ум. въ 1784 г.).

[2]) Ленцъ, лифляндецъ родомъ, былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ и типичныхъ литературныхъ дѣятелей эпохи „бурныхъ стремленій“. Его многочисленныя лирическія и драматическія произведенія обнаруживаютъ весьма значительный талантъ. Въ юности онъ былъ другомъ Гёте, съ которымъ учился вмѣстѣ въ Страсбургскомъ университетѣ, но впослѣдствіи разошелся съ нимъ. Къ сожалѣнію, Ленцъ отличался болѣзненной неуравновѣшенностью, и это обстоятельство гибельнымъ образомъ отозвалось на его дѣятельности и на его судьбѣ. Онъ умеръ въ Москвѣ въ 1792 году, въ полной нищетѣ.—Вліяніе Ленца на Карамзина видно, напр., въ стихотвореніи послѣдняго „Поэзія“, гдѣ онъ перечисляетъ своихъ любимыхъ поэтовъ: Оссіана, Шекспира, Юнга, Томсона, Клопштока; всѣ эти поэты, вмѣстѣ съ Руссо, принадлежали къ числу излюбленныхъ писателей эпохи „бурныхъ стремленій“.

Однако Карамзинъ далеко не во всемъ подчинялся вліянію Новиковскаго кружка и во многомъ сохранилъ полную самостоятельность. Это видно, напр., изъ его отношенія къ масонству. Новиковъ и его сотрудники принадлежали къ масонскому ордену, среди котораго въ это время начали распространяться различныя мистическія ученія. Въ числѣ изданій „Дружескаго Общества“ находилось много мистическихъ сочиненій. Но трезвая, уравновѣшенная натура Карамзина была чужда всякаго мистицизма, къ которому онъ поэтому отнесся совершенно отрицательно. Это различіе въ настроеніи даже повліяло на его отношеніе къ Новиковскому кружку, отъ котораго онъ въ концѣ своего пребыванія въ Москвѣ нѣсколько отдалился, не сочувствуя мистической восторженности нѣкоторыхъ изъ его членовъ. Однако его уваженіе къ Новикову, какъ общественному дѣятелю, отъ этого нисколько не умалилось. Карамзинъ самъ признавалъ ту пользу, которую принесло ему пребываніе въ средѣ „Дружескаго Общества“: серьезное и разностороннее чтеніе расширило его познанія въ области философіи, исторіи, литературы, а связь съ такими людьми, какъ Новиковъ и Петровъ, вмѣстѣ съ воздѣйствіемъ новой сентиментальной литературы, выработало въ немъ свѣтлое *идеалистическое* настроеніе, которое отразилось во всѣхъ его произведеніяхъ этой эпохи.

Путешествіе за границу.

Въ 1789 году Карамзинъ отправился въ путешествіе за границу; путешествіе это продолжалось почти полтора года. Онъ посѣтилъ Германію, Швейцарію, Францію и Англію, знакомясь съ природой каждой страны, съ нравами жителей, входя въ сношеніе съ выдающимися писателями, учеными и общественными дѣятелями. Благодаря хорошей подготовкѣ Карамзинъ былъ въ состояніи вполнѣ сознательно отнестись ко всѣмъ новымъ для него явленіямъ западно-европейской жизни и вынести изъ своей поѣздки богатый запасъ мыслей и наблюденій.

Журнальная дѣятельность.

Послѣ своего возвращенія изъ-за границы Карамзинъ снова поселился въ Москвѣ и сталъ издавать „*Московскій Журналъ*“, выходившій два года (1791—92). Въ журналѣ помѣщались переводныя и оригинальныя повѣсти, стихотворенія и критическія статьи. Большинство статей принадлежало самому издателю. Здѣсь были напечатаны его: „*Письма русскаго путешественника*“, повѣсти: „*Бѣдная Лиза*“ (1792 г.), „*Наталья, боярская дочь*“ и много критическихъ замѣтокъ и театральныхъ рецензій. Хотя эти произведенія сразу обратили на себя всеобщее вниманіе и создали Карамзину широкую извѣстность, однако подписчиковъ у „Моск. Журнала“ было мало (въ первый годъ лишь 300 чел.), между

тѣмъ какъ изданіе его отнимало у Карамзина много времени и труда; поэтому онъ послѣ двухлѣтняго опыта рѣшился прекратить журналъ [1]).

Со вступленіемъ на престолъ Александра I Карамзинъ снова возвращается къ прерваннымъ занятіямъ и начинаетъ издавать (съ 1802 г.) новый журналъ: *„Вѣстникъ Европы“*; въ журналѣ помѣщались преимущественно серьезныя статьи по *исторіи*, по *литературной критикѣ*, по разнымъ *общественнымъ вопросамъ*. Несмотря на свой серьезный характеръ „Вѣстникъ Европы“ имѣлъ большой успѣхъ среди публики; число подписчиковъ достигло значительной для того времени цифры, и журналъ сталъ давать Карамзину порядочный доходъ. Однако, несмотря на этотъ успѣхъ, Карамзинъ черезъ два года передалъ „Вѣстникъ Европы“ въ другія руки для того, чтобы всецѣло посвятить себя занятіямъ русской исторіей.

Историческія занятія.

Интересъ къ исторіи уже давно сказывался въ Карамзинѣ. Быть можетъ, не безъ вліянія въ этомъ отношеніи остались его связи съ Новиковскимъ кружкомъ; самъ Новиковъ живо интересовался русской стариной и издалъ нѣсколько сборниковъ историческихъ матеріаловъ. Еще въ „Письмахъ русскаго путешественника“ встрѣчаются разсужденія на историческія темы, напр., о Петрѣ Вел. Въ повѣстяхъ: *„Наталья, боярская дочь“* и *„Марѳа Посадница“* Карамзинъ ясно выказалъ значительный интересъ къ русской старинѣ, которую онъ пытался въ нихъ изобразить. Наконецъ, въ „Моск. Вѣстникѣ“ Карамзинъ помѣстилъ цѣлый рядъ историческихъ очерковъ, свидѣтельствующихъ, что интересъ этотъ съ годами усиливался и что Карамзинъ внимательно изучалъ тѣ вопросы, касающіеся русской исторіи, которые обращали на себя его вниманіе. Такимъ образомъ нечувствительно Карамзинъ пришелъ къ мысли написать полную и подробную исторію Россіи, оставивъ всѣ другія литературныя занятія. Друзья Карамзина выхлопотали ему званіе исторіографа и ежегодную пенсію, которая обезпечила его

---

[1]) Впослѣдствіи часть своихъ статей, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ, онъ перепечаталъ въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ: эти сборники— „Аглая“ и „Аониды“, были первыми русскими *альманахами*, вошедшими позднѣе въ большую моду, особенно въ 20-хъ и 30-хъ годахъ. Строгая цензура Павловскихъ временъ значительно стѣсняла литературную дѣятельность Карамзина; этимъ объясняется незначительное количество написаннаго имъ на эту эпоху.

въ матеріальномъ отношеніи и позволила ему всецѣло отдаться любимому труду.

Въ концѣ 1803 года Карамзинъ приступилъ къ работѣ надъ „Исторіей". Занятый своею работой, онъ почти совсѣмъ уединился отъ общества; онъ жилъ и работалъ отчасти въ Москвѣ, отчасти въ подмосковномъ имѣніи своего родственника, писателя князя П. А. Вяземскаго (въ селѣ Остафьевѣ). Для успѣшности своей работы Карамзинъ исходатайствовалъ у Государя разрѣшеніе пользоваться казенными архивами и библіотеками монастырей, изъ которыхъ ему удалось добыть множество разнообразныхъ лѣтописей и другихъ важныхъ матеріаловъ.

Записка о древней и новой Россіи.

Ведя крайне замкнутую жизнь, Карамзинъ почти не покидалъ Москвы, лишь изрѣдка посѣщая подмосковные монастыри, въ поискахъ за историческими матеріалами. Только два раза ему пришлось сдѣлать болѣе далекое путешествіе: въ 1811 году онъ ѣздилъ въ Тверь, гдѣ читалъ императору Александру I-му отрывки изъ своей „Исторіи" (императоръ въ это время гостилъ у своей сестры, вел. кн. Екатерины Павловны, жившей тогда въ Твери); второй разъ пришлось ему уѣхать изъ Москвы во время нашествія Наполеона; во время московскаго пожара сгорѣла его библіотека, но рукопись „Исторіи", находившаяся въ деревнѣ, уцѣлѣла.—Будучи въ Твери, Карамзинъ подалъ Государю составленную имъ „Записку о древней и новой Россіи". Въ этой „Запискѣ" онъ возражалъ противъ многихъ преобразованій, предпринятыхъ Александромъ I, главнымъ образомъ противъ дѣятельности тогдашняго любимца государя—Сперанскаго. Изученіе русской исторіи привело Карамзина къ убѣжденію, что историческое развитіе народной жизни должно совершаться со строгой постепенностью; съ этой точки зрѣнія онъ осуждалъ многія мѣры Петра I, который, по его мнѣнію, своими нововведеніями положилъ рѣзкую грань между древней и новой Россіей, прервалъ естественное развитіе исторической жизни, внесъ въ Россію иностранные нравы и обычаи и создалъ пагубное раздвоеніе между народомъ и высшими классами, усвоившими европейскую культуру. Эти возраженія однако не мѣшали Карамзину признавать великія заслуги Петра и его государственный геній; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признавалъ, что сдѣланное Петромъ дѣло нельзя уже передѣлать: „какъ хорошее, такъ и дурное сдѣлано имъ навѣки: сильною рукою дано новое движеніе Россіи: мы уже не возвратимся къ старинѣ!" Касаясь современной эпохи, Карамзинъ подвергаетъ критикѣ многія реформы первой половины царствованія Александра, считая ихъ не соотвѣтствующими потребностямъ русскаго народа и исконнымъ началамъ русскаго государственнаго строя. Съ особенной ревностью Карамзинъ отстаиваетъ мысль о необходимости для Россіи неограниченной монархической

власти. Вообще по своимъ убѣжденіямъ Карамзинъ является въ „Запискѣ“ строгимъ консерваторомъ, при чемъ иногда онъ доходитъ въ этомъ отношеніи до крайностей: такъ, напр., онъ доказываетъ законность и необходимость крѣпостного права. — Подавая свою записку Александру I, Карамзинъ зналъ, что Государь въ то время на многіе затронутые вопросы держался совершенно противоположныхъ взглядовъ, но Карамзинъ считалъ своимъ долгомъ высказать ему то, что онъ самъ признавалъ за истину. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ Карамзинъ выказалъ значительное гражданское мужество и независимость. Точно такъ же держался онъ и впослѣдствіи, когда, уже послѣ „Исторіи“, сталъ въ болѣе близкія отношенія къ императору Александру и часто подолгу бесѣдовалъ съ нимъ съ полной откровенностью; во время этихъ бесѣдъ Карамзинъ, по собственнымъ словамъ, часто касался различныхъ неустройствъ и злоупотребленій въ государственной жизни, критиковалъ ошибки и произвольныя дѣйствія министровъ, возставалъ противъ военныхъ поселеній, заведенныхъ Аракчеевымъ, совѣтовалъ уменьшить налоги и доказывалъ необходимость имѣть твердые законы, гражданскіе и государственные. Государь всегда благосклонно выслушивалъ эти замѣчанія исторіографа, вполнѣ довѣряя его искренности и преданности.

Исторія Государства Россійскаго.

Въ 1816 году первые восемь томовъ „Исторіи“ были окончательно приготовлены для печати, и Карамзинъ поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы лично хлопотать объ изданіи. Императоръ Александръ пожаловалъ ему на печатаніе 50.000 р. и позволилъ печатать „Исторію“ безъ обычной цензуры. Хлопоты по изданію и печатаніе заняли почти два года. Наконецъ въ началѣ 1818 года вышли въ свѣтъ восемь томовъ „Исторіи Государства Россійскаго“. Время появленія „Исторіи“ было чрезвычайно благопріятно для ея успѣха: это была эпоха, непосредственно слѣдовавшая за Отечественной войною, вызвавшей небывалое поднятіе народнаго духа и національнаго самосознанія, пробудившей во всемъ обществѣ чувства патріотизма и народной гордости. Впечатлѣніе, произведенное „Исторіей“ Карамзина, было поэтому чрезвычайное сильное. Менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ разошлось все изданіе — 3000 экземпляровъ: успѣхъ, до тѣхъ поръ небывалый въ русской литературѣ.

Ободренный этимъ успѣхомъ, Карамзинъ дѣятельно принялся за продолженіе своего труда. По приглашенію императора Александра онъ переселился въ Петербургъ, проводя лѣтніе мѣсяцы въ Царскомъ Селѣ, въ спеціально отведенномъ для него дворцовомъ флигелѣ. Здѣсь часто запросто

навѣщалъ его императоръ Александръ, вступавшій съ нимъ въ долгія бесѣды по поводу различныхъ вопросовъ современной жизни, при чемъ Карамзинъ всегда искренно высказывалъ свое мнѣніе, даже если это мнѣніе расходилось со взглядами Государя, который однако относился къ нему съ неизмѣннымъ благоволеніемъ.

Между тѣмъ здоровье Карамзина пошатнулось. Чувствуя съ каждымъ годомъ все возрастающій упадокъ силъ и торопясь поэтому довести свой трудъ до намѣченнаго конца, т.-е. до избранія Михаила Ѳеодоровича на царство, Карамзинъ усердно работалъ надъ продолженіемъ своей „Исторіи“ и успѣлъ выпустить въ свѣтъ еще три тома ея. Но 12-ый и послѣдній томъ вышелъ уже послѣ смерти: онъ остался незаконченнымъ и разсказъ обрывается въ немъ на событіяхъ 1611-го года. Смерть императора Александра и послѣдующія событія произвели на Карамзина чрезвычайно сильное впечатлѣніе, здоровье его, подорванное долголѣтними трудами, стало быстро слабѣть, и онъ подвергся тяжелой болѣзни. Врачи совѣтовали ему ѣхать въ теплые края. Императоръ Николай предоставилъ ему для этой цѣли фрегатъ, который долженъ былъ перевезти его съ семьей въ Италію; вмѣстѣ съ тѣмъ Императоръ пожаловалъ ему ежегодную пенсію въ 50,000 руб. и обезпечилъ судьбу всего его семейства. Но лично Карамзину уже не пришлось воспользоваться этими милостями: 22 мая 1826 года онъ скончался, не успѣвъ докончить главнаго труда своей жизни, „Исторія Государства Россійскаго“.

II. Литературная дѣятельность Карамзина.

Дѣятельность Карамзина распадается на два крупныхъ періода. Къ первому принадлежатъ произведенія чисто *литературнаго* характера: стихотворенія, повѣсти, критическія статьи и т. д.; во второмъ періодѣ Карамзинъ оставляетъ прежнюю разностороннюю дѣятельность и сосредоточиваетъ свои силы на одномъ *научномъ* трудѣ „Исторіи Государства Россійскаго“.

Литературная дѣятельность Карамзина была очень разнообразна и плодотворна и оказала большое вліяніе на всю современную литературу. Заслуги Карамзина передъ русской Заслуги Карамзина.

литературой двоякаго рода: во 1-хъ, Карамзинъ произвелъ плодотворную *реформу русскаго литературнаго языка*; во 2-хъ, онъ значительно *расширилъ сферу литературнаго творчества*, обновилъ и обогатилъ его *содержаніе*, основалъ новую литературную школу, смѣнившую господствовавшій до тѣхъ поръ псевдо-классицизмъ.

Реформа литературнаго языка.

Заслуга Карамзина, какъ преобразователя русскаго литературнаго языка, заключается въ томъ, что онъ *сблизилъ его съ живой разговорной рѣчью* образованнаго общества; этимъ онъ устранилъ то неудобство, которое создалъ Ломоносовъ своей теоріей трехъ стилей, отдѣлившей литературный языкъ отъ обиходнаго. Реформа эта коснулась какъ словеснаго состава языка, такъ и строя литературной рѣчи. 1) Въ отношеніи *словеснаго состава* реформа Карамзина заключалась въ томъ, что онъ устранилъ славянскіе слова и обороты, которыми обыкновенно злоупотребляли послѣдователи Ломоносова; взамѣнъ того онъ ввелъ вь употребленіе много новыхъ словъ, *неологизмовъ*; нѣкоторыя изъ нихъ заимствованы изъ иностранныхъ языковъ (преимущественно французскаго), напр.: *эпоха*, *катастрофа*, *моментъ*, *процессъ*, *серьезный*, *эстетическій*, *моральный* и др.; другія слова образованы имъ изъ русскихъ корней по образцу иностранныхъ или получили новое значеніе, таковы: *вліяніе* (influence), обстоятельство (circonstance) *развитіе* (développement), *представитель* (représentant), *утонченный* (raffiné) *сосредоточить* (concentrer); наконецъ, нѣкоторыя слова были придуманы самимъ Карамзинымъ и пущены имъ въ обращеніе, какъ, напр.: *промышленность*, *будущность*, *потребность*, *носильщикъ*, *оттѣнокъ*, *общеполезный*, *усовершенствовать* и др. Большинство этихъ неологизмовъ, введенныхъ Карамзинымъ, вошло въ обиходъ разговорной и литературной рѣчи и употребляется до сихъ поръ: это доказываетъ, что нововведенія Карамзина вполнѣ соотвѣтствовали потребностямъ развивающагося языка. 2) Въ отношеніи къ *строю* литературной рѣчи реформа Карамзина заключалась въ томъ, что онъ отказался отъ тяжелой и несоотвѣтствующей духу русскаго языка нѣмецко-латинской конструкціи, введенной Ломоносовымъ, и вмѣсто длинныхъ и часто неудобопонятныхъ періодовъ, сталъ писать краткими и ясными фразами, не загромождая рѣчи придаточными и вводными предложеніями; образцомъ для него въ данномъ случаѣ

послужила легкая, изящная и логически стройная французская проза. Этимъ путемъ Карамзинъ достигъ упрощенія литературной рѣчи и приблизилъ ее къ живому разговорному языку.

Литературныя нововведенія Карамзина вызвали большое сочувствіе среди молодого поколѣнія современныхъ русскихъ литераторовъ, и у него скоро образовалась цѣлая школа ревностныхъ послѣдователей. Но не было недостатка и въ нападкахъ и возраженіяхъ со стороны представителей стараго направленія. Особенно ярымъ противникомъ Карамзина, какъ преобразователя русскаго литературнаго языка, былъ адмиралъ Шишковъ, видный государственный дѣятель того времени. Въ 1803 г. онъ издалъ „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка“, въ которомъ возставалъ противъ всѣхъ нововведеній, сдѣланныхъ Карамзинымъ, и главнымъ образомъ противъ всѣхъ заимствованій изъ иностранныхъ языковъ. Шишковъ былъ сторонникомъ Ломоносовской теоріи „трехъ штилей“ и, подобно Ломоносову, считалъ необходимымъ для русскаго языка пользоваться богатствами церковно-славянскаго языка. Въ этомъ отношеніи онъ шелъ даже дальше Ломоносова, потому что утверждалъ, что между языками русскимъ и славянскимъ нѣтъ никакой разницы, что они составляютъ одинъ и тотъ же языкъ; при этомъ Шишковъ доказывалъ, что славянскій языкъ богаче, благозвучнѣе и выразительнѣе всѣхъ другихъ языковъ и предлагалъ писателямъ заимствовать изъ него слова и обороты, которые, по его мнѣнію, несправедливо пришли въ забвеніе. Такъ вмѣсто введеннаго Карамзинымъ слова *вліяніе* онъ совѣтовалъ писать *наитствованіе*, вмѣсто *развитіе* — *прозябеніе*, актеръ — *лицедѣй*, аллея—*просадъ*, героизмъ —*добледушіе*, аудиторія—*слушалище* и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шишковъ въ своихъ сочиненіяхъ старался доказать, что съ порчей языка связана порча нравовъ, упадокъ любви къ отечеству и опасное вольнодумство: такимъ образомъ онъ старался набросить тѣнь даже на самыя намѣренія представителей новаго направленія.

Карамзинъ, не любя полемики, не отвѣчалъ на эти нападки, предоставляя защищать свое дѣло друзьямъ и сторонникамъ, изъ которыхъ нѣкоторые (Макаровъ, Дашковъ, Каченовскій) выступили противъ Шишкова съ возраженіями. Для противодѣйствія новому теченію въ литературѣ Шишковъ основалъ въ Петербургѣ (въ 1810 г.) литературное общество: *Бесѣду любителей русскаго слова*, которое первое время собиралось въ домѣ Державина. Въ свою очередь представители новаго направленія образовали общество *Арзамасъ*, членами котораго были: Жуковскій, Батюшковъ, кн. Вяземскій, Дашковъ, Вас. Л. Пушкинъ, впослѣдствіи и его знаменитый племянникъ А. С. Пушкинъ. Въ собраніяхъ общества обсуждались литературныя новости, читались критическія статьи, а также высмѣивались засѣданія *Бесѣды* и сочинялись пародіи на „славянско-русскія“ произведенія ея участниковъ. Общество *Арзамасъ* просуществовало недолго (съ 1815 до 1818 г.), но сыграло

значительную роль въ развитіи русской литературы, объединивъ и сблизивъ представителей новаго направленія.

Письма русскаго путешественника.

Первымъ крупнымъ и оригинальнымъ литературнымъ трудомъ Карамзина были „Письма русскаго путешественника". Въ теченіе полутора года Карамзинъ успѣлъ посѣтить Германію, Швейцарію, Францію и Англію: Путешествіе это было предпринято имъ съ серьезной цѣлью; оно должно было служить какъ бы завершеніемъ его образованія; поэтому онъ уже заранѣе готовился къ нему, знакомясь по книгамъ и разсказамъ иностранцевъ (напр. Ленца) съ тѣмъ, что ему предстояло увидѣть въ Западной Европѣ. Только благодаря такой предварительной подготовкѣ онъ могъ такъ легко разобраться въ той массѣ новыхъ явленій, которая ожидала его за границей, и извлечь пользу не только для себя, но и подѣлиться пріобрѣтенными знаніями и впечатлѣніями съ русской публикой.

Интересы Карамзина.

Въ каждой странѣ Карамзинъ обращаетъ преимущественное вниманіе на ея наиболѣе интересныя и характерныя явленія: въ Германіи онъ интересуется, главнымъ образомъ, состояніемъ науки и литературы, для чего онъ посѣщаетъ выдающихся писателей и ученыхъ: такъ въ Кенигсбергѣ онъ побывалъ у знаменитаго философа Канта и велъ съ нимъ разговоръ на морально-философскія темы, а въ Веймарѣ онъ познакомился съ Гердеромъ и Виландомъ; въ Швейцаріи онъ восхищается природой и идиллической жизнью „счастливыхъ швейцаровъ"; во Франціи главное вниманіе его обращено на общественную жизнь и нравы: онъ посѣщаетъ театры, салоны, собранія, интересуется кипучей жизнью парижской толпы; наконецъ, въ Англіи его занимаютъ преимущественно англійскія государственныя учрежденія: парламентъ, судъ присяжныхъ и т. д. Но во всѣхъ странахъ онъ съ одинаковымъ интересомъ посѣщаетъ музеи, картинныя галлереи, театры, изучаетъ характеръ, бытъ и нравы населенія, осматриваетъ историческіе памятники и всякія достопримѣчательности, напр., въ Англіи онъ посѣщаетъ Ньюгетскую тюрьму и Бедламъ, знаменитый домъ умалишенныхъ.

Въ основу „Писемъ русскаго путешественника" легъ краткій путевой дневникъ Карамзина и замѣтки, набросанныя имъ, какъ онъ самъ выражается, „на лоскутахъ", подъ живымъ впечатлѣніемъ видѣннаго. Затѣмъ, послѣ возвращенія въ Россію, Карамзинъ подвергъ этотъ матеріалъ перера-

боткѣ, при чемъ онъ пользовался всевозможными научными и литературными пособіями. Поэтому на *содержаніи* и *тонѣ* „Писемъ“ замѣтно отразились различныя книжныя вліянія. Со стороны *содержанія* эти постороннія вліянія заключаются въ заимствованіяхъ Карамзинымъ изъ разныхъ иностранныхъ сочиненій всевозможныхъ фактическихъ свѣдѣній и справокъ, напр., о парижскихъ музеяхъ, объ англійской конституціи, о разныхъ историческихъ памятникахъ; при этомъ однако Карамзинъ описываетъ только то, что онъ самъ видѣлъ, и заимствованныя свѣдѣнія оживляетъ личными впечатлѣніями и размышленіями.

Сентиментализмъ въ Письмахъ.

Существенное вліяніе оказала современная литература и на *характеръ* и *тонъ* „Писемъ“. Это вліяніе исходило отъ писателей сентиментальнаго направленія, преимущественно Стерна и Руссо [1]); поэтому во многихъ мѣстахъ „Писемъ“ господствуетъ *сентиментальный* тонъ, сказывающійся въ чувствительности и восторженности, въ особомъ интересѣ къ своей внутренней жизни, къ своимъ чувствамъ и впечатлѣніямъ, въ стремленіи къ самоанализу, наконецъ, въ любви къ природѣ, въ сильномъ развитіи того „чувства природы“, которое является одной изъ характерныхъ чертъ сентиментальнаго направленія вообще. Чувствительностью проникнуто уже первое письмо, въ которомъ онъ говоритъ о своемъ прощаніи съ друзьями, о грусти, овладѣвшей имъ при разлукѣ, о томъ, что онъ готовъ былъ въ этотъ моментъ „выплакать сердце свое“, по выраженію Шекспира. Въ Берлинскомъ театрѣ представленіе одной драмы Коцебу вызываетъ у него слезы. Встрѣча съ нищей старухой наводитъ его на грустныя размышленія о человѣческихъ страданіяхъ. Иногда Карамзинъ вставляетъ въ свои письма цѣлые отдѣльные разсказы сентиментальнаго характера.

Но сильнѣе всего сентиментализмъ отразился въ письмахъ Карамзина изъ Швейцаріи. Сентиментализмъ этотъ принимаетъ то восторженный, то мечтательный оттѣнокъ. Величественная природа Швейцаріи произвела на Карамзина

---

[1]) Согласно взглядамъ этой школы, Карамзинъ выше всего цѣнитъ въ человѣкѣ *чувствительность*; вотъ почему онъ любимыхъ писателей своихъ называетъ: «чувствительный, неподражаемый Руссо», «чувствительный, добродушный Стернъ». Обращаясь къ послѣднему, онъ восклицаетъ: «Стернъ несравненный! въ какомъ университетѣ научился ты столь нѣжно чувствовать? какая реторика открыла тебѣ тайну двумя словами потрясать тончайшія фибры сердецъ нашихъ?».

чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Едва переѣхавъ границу страны, онъ, по собственнымъ словамъ, выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. „Счастливые швейцары!— восклицаетъ онъ при этомъ,—всякій ли день, всякій ли часъ благодарите вы небо за свое счастье, живучи въ объятіяхъ прелестной натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть, конечно, пріятное сновидѣніе". Карамзинъ самыми идиллическими чертами представляетъ себѣ жизнь швейцарскихъ обитателей. Жизнь альпійскихъ пастуховъ, близкая къ природѣ, чуждая заботъ и волненій культурнаго общества, является для Карамзина идеаломъ счастья. „Для чего не родились мы въ тѣ времена, — пишетъ онъ, — когда всѣ люди были пастухами и братьями! Я съ радостью отказался бы отъ многихъ удобностей жизни, которыми обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ, чтобы возвратиться въ первобытное состояніе человѣка". Въ этихъ словахъ Карамзина несомнѣнно слышится отголосокъ взглядовъ Руссо на первобытное состояніе, какъ на счастливѣйшую эпоху въ жизни человѣчества.

Вліяніе Руссо.

Руссо, вмѣстѣ со Стерномъ, былъ излюбленнымъ писателемъ Карамзина и оказалъ на него значительное вліяніе, однако онъ во многихъ случаяхъ сохраняетъ полную независимость сужденія. Натура Карамзина была чужда рѣзкихъ крайностей; поэтому, несмотря на восхваленіе „первобытнаго состоянія", онъ вовсе не проникся той враждой къ культурѣ, которую проповѣдовалъ Руссо; напротивъ того, Карамзинъ относился къ наукѣ и искусству съ глубокимъ уваженіемъ и живо интересовался ими, что мы видимъ на каждой страницѣ „Писемъ".—Точно такъ же вліяніе Стерна нисколько не лишало Карамзина самостоятельности. Вліяніе это, кромѣ сентиментальнаго настроенія, проникающаго многія письма, сказывается также и въ мягкомъ, добродушномъ юморѣ (преимущественно въ письмахъ изъ Германіи), въ обиліи мелкихъ подробностей при описаніи дорожныхъ встрѣчъ и приключеній. Однако изъ этого не должно заключать, что Карамзинъ во всемъ подражалъ Стерну; существенная разница между „Сентиментальнымъ путешествіемъ" послѣдняго и „Письмами" Карамзина заключается въ томъ, что у Стерна (такъ же

Вліяніе Стерна.

какъ и у его прямыхъ подражателей, напр., Верна и Якоби) все вниманіе устремлено на внутреннія переживанія, на чувства и впечатлѣнія путешественника, къ проявленію которыхъ все видѣнное служитъ лишь внѣшнимъ поводомъ, а у Карамзина не менѣе важную роль играютъ *объективные* интересы. Его вниманіе привлекаютъ общественная и политическая жизнь, народный характеръ, театръ, искусство, наука, музеи, учебныя и благотворительныя учрежденія и т. д., и обо всемъ этомъ онъ даетъ подробный отчетъ на страницахъ своихъ „Писемъ". Въ этомъ отношеніи „Письма" Карамзина имѣли большое значеніе для русской публики, которая изъ нихъ могла познакомиться съ культурной жизнью Зап. Европы.

Черты отличія отъ Стерна.

Кромѣ того, „Письма" имѣютъ важное значеніе для характеристики самого Карамзина въ эту эпоху его жизни. Самъ онъ говоритъ о своей книгѣ: „Вотъ зеркало души моей въ теченіе 18-ти мѣсяцевъ". Главной чертой его въ эту эпоху является *чувствительность*, въ которой отнюдь нельзя видѣть одну только литературную манеру; мѣстами эта чувствительность кажется намъ нѣсколько приторной, но она вполнѣ въ духѣ того времени, и, предаваясь ей, Карамзинъ былъ совершенно искрененъ. Въ ближайшей связи съ этой чувствительностью стоитъ мягкое, *гуманное настроеніе*, которымъ проникнуты „Письма" и которое сказывается въ его сужденіяхъ о людяхъ и объ историческихъ явленіяхъ. Важное значеніе имѣла для Карамзина также и его природная *наблюдательность*, позволявшая ему подмѣчать характерныя черты быта посѣщенныхъ имъ городовъ и странъ и создавать на основаніи подмѣченныхъ мелочей общія характеристики (напр., парижской толпы, французовъ, англичанъ). Эта же наблюдательность сказывается и въ его интересѣ къ собственной внутренней жизни, въ его способности къ самонаблюденію и къ психологическому анализу. Другія, не менѣе важныя черты личности Карамзина это — любовь къ природѣ, интересъ къ наукамъ и искусствамъ, глубокое уваженіе къ европейской культурѣ вообще и къ ея выдающимся представителямъ, даже такимъ, идеи которыхъ онъ не вполнѣ раздѣляетъ, напр., къ Вольтеру, котораго онъ восхваляетъ за его борьбу противъ фанатизма и нетерпимости.

Письма, какъ отраженіе личности автора.

Кромѣ того, въ „Письмахъ" встрѣчаются многочисленныя разсужденія и размышленія, изъ которыхъ мы можемъ по-

Взгляды и размышленія.

знакомиться съ идеями и взглядами Карамзина; таковы его разсужденія о Шекспирѣ и о французской трагедіи, гдѣ онъ высказываетъ свое сочувствіе реализму въ творчествѣ и видитъ главное преимущество Шекспира надъ французскими драматургами въ томъ, что онъ изображаетъ „человѣка каковъ онъ есть". Въ своихъ размышленіяхъ по поводу французской революціи Карамзинъ высказываетъ тотъ взглядъ, что всякія насильственныя потрясенія гибельны и что истинный прогрессъ совершается „непримѣтнымъ дѣйствіемъ времени, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія добрыхъ нравовъ". Въ разсужденіи о Петрѣ Вел. Карамзинъ высказываетъ свое полное сочувствіе его преобразованіямъ, направленнымъ къ сближенію съ Западомъ; возражая противъ „жалкихъ іеремiадъ объ измѣненіи русскаго характера", Карамзинъ говоритъ, что „путь просвѣщенія одинъ для всѣхъ народовъ", что „все *народное* ничто передъ *человѣческимъ*, и что главное дѣло быть *людьми*, а не славянами"; впослѣдствіи эти космополитическіе взгляды Карамзина, подъ вліяніемъ изученія русской исторіи, подверглись значительнымъ измѣненіямъ, и онъ перемѣнилъ свое мнѣніе о значеніи „народности" и о пользѣ многихъ Петровскихъ нововведеній. Однако и въ „Письмахъ", несмотря на все преклоненіе Карамзина передъ западной культурой, постоянно выступаютъ черты глубокой любви къ родинѣ: съ нѣмецкими писателями онъ бесѣдуетъ о русской литературѣ и читаетъ отрывки стихотвореній, чтобы показать благозвучность русскаго языка; среди красотъ швейцарской природы онъ съ грустью вспоминаетъ о прелести русской весны; видъ статуи Людовика XIV наводитъ его на размышленія о Петрѣ Вел.; по поводу посѣщенія французской академіи онъ разсуждаетъ о русской исторіи; однимъ словомъ, мысль его, при каждомъ удобномъ случаѣ, обращается къ „любезному отечеству".

Бѣдная Лиза.

Еще ярче, чѣмъ въ „Письмахъ русскаго путешественника", выступаетъ *сентиментализмъ* въ повѣстяхъ Карамзина, изъ которыхъ лучшей и наиболѣе извѣстной является „Бѣдная Лиза" (1792 г.). Содержаніе ея очень несложно и даже бѣдно. Тѣмъ не менѣе при своемъ появленіи она про-

извела огромное впечатлѣніе на публику и утвердила славу Карамзина, какъ перваго русскаго писателя. Надъ страницами „Бѣдной Лизы“ проливались жаркія и искреннія слезы, а къ Симонову монастырю и къ пруду, гдѣ утопилась Лиза, устраивались „чувствительными“ читателями и читательницами цѣлыя паломничества [1]). Этотъ успѣхъ повѣсти объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что она вполнѣ соотвѣтствовала господствующему духу времени и настроенію русскаго общества. Та „чувствительность“, которою былъ проникнутъ самъ Карамзинъ, какъ бы носилась въ воздухѣ въ эту эпоху; въ своихъ произведеніяхъ Карамзинъ далъ лишь выраженіе общаго настроенія: этимъ и объясняется сила его вліянія на русское общество. Обществу уже прискучили холодно-величавые, ходульно-риторическіе герои ложно-классической школы: оно искало въ литературѣ живого человѣческаго чувства и нашло его въ повѣстяхъ Карамзина, рѣшившагося взять сюжетъ изъ обыденной русской жизни и перенести дѣйствіе въ знакомую, родную обстановку.

Правда, русскій бытъ и русскіе типы въ изображеніи Карамзина очень далеки отъ истины, и повѣсти его вообще лишены *народности*, но въ эту эпоху въ литературѣ еще мало сознавали требованія бытового реализма и потому ни самъ Карамзинъ, ни его читатели не замѣчали несоотвѣтствія между его слащаво-сентиментальнымъ изображеніемъ жизни и дѣйствительностью. Такъ, напр., въ „Бѣдной Лизѣ“ и сама Лиза и ея мать чувствуютъ и выражаются не такъ, какъ это свойственно изображаемой средѣ. Мать Лизы, „чувствительная, добрая старушка“, занимается только тѣмъ, что безпрестанно проливаетъ слезы о своемъ покойномъ мужѣ, вспоминаетъ о дняхъ молодости и счастья, а по утрамъ выходитъ изъ своего жилища для того, чтобы „насладиться природой“. Сама Лиза изображена идеаломъ кротости и невинности; она съ трогательной нѣжностью ухаживаетъ за своей матерью, заботится о ея здоровьѣ, достаетъ ей лѣкарства, напр., розовую воду для глазъ, и зарабатываетъ себѣ пропитаніе такимъ идиллическимъ занятіемъ, какъ собираніе цвѣтовъ. При этомъ

Невѣрное изображеніе жизни.

---

[1]) Одинъ острякъ написалъ по этому поводу эпиграмму, обращенную къ «чувствительнымъ» читательницамъ:

Здѣсь въ воду бросилась Эрастова невѣста, —
Топитесь, дѣвушки, въ пруду довольно мѣста!

она, какъ и ея мать, выражаетъ свои мысли отборнымъ слогомъ сентиментальныхъ романовъ, а послѣ встрѣчи съ Эрастомъ задумчиво мечтаетъ о томъ, какъ бы она могла быть счастлива, если бы онъ былъ простымъ крестьяниномъ, „любезнымъ пастушкомъ". Самая обстановка жизни Лизы изображена Карамзинымъ въ слишкомъ прикрашенномъ видѣ и мало соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но всего этого не замѣчали читатели той эпохи, увлеченные новизной сюжета и гуманно-чувствительнымъ тономъ повѣсти, соотвѣтствовавшимъ настроенію образованнаго общества и духу времени.

Гуманное настроеніе.

Весьма характернымъ для данной эпохи является также то обстоятельство, что Карамзинъ избралъ своей героиней *крестьянскую* дѣвушку, перенесъ дѣйствіе въ среду низшаго класса, котораго до тѣхъ поръ литература вовсе не касалась. Задачей его было доказать простую, но въ то время новую мысль, что и „крестьянки чувствовать умѣютъ" [1]).

Вся повѣсть Карамзина проникнута мягкимъ и гуманнымъ чувствомъ, которое даже теперь еще невольно трогаетъ насъ, несмотря на отчасти устарѣвшую и иногда наивную манеру выраженія. Уже самое заглавіе повѣсти: *Бѣдная* Лиза, указываетъ на основной тонъ ея и на задачу, которую поставилъ себѣ Карамзинъ: вызвать въ душѣ читателя симпатію и сожалѣніе къ судьбѣ несчастной погубленной дѣвушки.

Въ этомъ отношеніи „Бѣдная Лиза" представляетъ собой явленіе, чрезвычайно характерное для всей дальнѣйшей русской литературы, какъ по своему содержанію, такъ и по проникающему его настроенію; эта повѣсть представляетъ собой какъ бы исходную точку въ развитіи того *филантропическаго направленія* (по выраженію одного критика), которое, на ряду съ реализмомъ, является ея господствующей чертой и характерной особенностью; это филантропическое направленіе, стремящееся вызвать сочувствіе къ судьбѣ „униженныхъ и оскорбленныхъ", нашло себѣ выраженіе у всѣхъ нашихъ великихъ писателей XIX вѣка: у Пушкина (напр., „Станціонный смотритель"), Гоголя („Шинель"), Тургенева („Муму"), Достоевскаго („Бѣдные люди"), Толстого („Воскресеніе"); но первымъ звеномъ въ этомъ длинномъ рядѣ произведеній является „Бѣдная Лиза" Карамзина.

Характеръ Эраста.

Что касается до героя повѣсти, *Эраста*, то Карамзинъ характеризуетъ его, какъ человѣка добраго отъ природы, но

---

[1]) Эта же мысль проводится Карамзинымъ и въ другомъ, написанномъ почти одновременно съ «Бѣдной Лизой» небольшомъ очеркѣ: «Нѣжность дружбы въ низкомъ состояніи».

слабаго и вѣтренаго. На немъ также несомнѣнно отразилось вліяніе сентиментальной литературы; по словамъ Карамзина, „онъ читывалъ романы и идилліи“ и мечталъ о счастливыхъ временахъ, когда люди жили безпечно и дружно на лонѣ природы. Общественная жизнь, свѣтскія удовольствія ему надоѣли, онъ скучаетъ и жалуется на свою судьбу. Эрастъ— это первый типъ *разочарованнаго* человѣка въ русской литературѣ [1]). Эта скука и разочарованность заставляютъ его искать новыхъ впечатлѣній. Встрѣтивъ Лизу, онъ начинаетъ мечтать о какой-то пастушеской идилліи съ нею, вдали отъ общества, на лонѣ природы, и рѣшаетъ, что „Натура призываетъ его въ свои объятія, къ чистымъ своимъ радостямъ“. Однако это настроеніе продолжается недолго: пастушеская идиллія, потерявъ прелесть новизны, надоѣдаетъ ему, и онъ возвращается къ привычной обстановкѣ свѣтской жизни, оставляя Лизу на произволъ судьбы.

Другія повѣсти Карамзина.

Кромѣ „Бѣдной Лизы“ Карамзинъ написалъ еще нѣсколько другихъ повѣстей и разсказовъ, каковы: *„Наталья, боярская дочь“*, *Марфа Посадница“*, *„Юлія“*, *„Островъ Борнгольмъ“* и др. Всѣ эти произведенія въ художественномъ отношеніи менѣе удачны, чѣмъ первая повѣсть, и въ нихъ еще рѣзче выступаютъ художественные недостатки, замѣтные уже въ „Бѣдной Лизѣ“; избытокъ чувствительности, переходящій въ слезливость, невѣрное изображеніе дѣйствительности, отсутствіе національнаго колорита. Послѣдній недостатокъ особенно сказывается въ разсказахъ изъ дневне-русской жизни; такъ, напр., герои повѣсти „Наталья, боярская дочь“, люди суроваго XIV вѣка, чувствуютъ и выражаются какъ герои сентиментальныхъ романовъ; тогдашній бытъ изображенъ недостаточно вѣрно, а въ самомъ ходѣ дѣйствія много неестественнаго. Въ разсказѣ „Островъ Борнгольмъ“ сказывается уже вліяніе романтической поэзіи, съ ея стремленіемъ къ таинственному и ужасному.

«Разсужденія».

Кромѣ чисто беллетристическихъ произведеній, Карамзинъ написалъ еще въ эту эпоху нѣсколько *разсужденій* на разныя темы; изъ нихъ наиболѣе замѣчательны: „Нѣчто о наукахъ, искусствахъ, и просвѣщеніи“; въ этой статьѣ Карамзинъ, возражая противъ парадоксальныхъ взглядовъ Руссо, доказываетъ пользу и необходимость наукъ и искусствъ, какъ основаннымъ на природныхъ потребно-

---

[1]) Въ другомъ, позднѣйшемъ очеркѣ: «Чувствительный и холодный» (герой очерка также называется Эрастомъ) Карамзинъ описываетъ подобный же переходъ отъ *чувствительности* къ *разочарованію*. Очевидно, въ эпоху сентиментализма въ обществѣ уже намѣчался, хотя еще въ неясныхъ чертахъ, тотъ типъ, который впослѣдствіи получилъ свое воплощеніе въ образѣ Онѣгина и Печорина.

стяхъ и стремленіяхъ человѣческаго духа и оказывающихъ благотворное вліяніе на человѣческое общежитіе; въ концѣ своей статьи Карамзинъ говоритъ: „Законодатель и другъ человѣчества! ты хочешь общественнаго блага: да будетъ же первымъ закономъ твоимъ: *Просвѣщеніе*!“ Точно такъ же въ статьѣ: „Письмо къ Мелодору“ Карамзинъ горячо возстаетъ противъ мнѣнія тѣхъ, которые полагали, что просвѣтительная философія XVIII в., разнуздавъ народныя страсти, привела къ кровавымъ ужасамъ революціи. Въ статьѣ: „Разговоръ о счастьи“ мы находимъ изложеніе нравственныхъ взглядовъ Карамзина: онъ выступаетъ здѣсь на защиту оптимистической философіи и доказываетъ, что счастье доступно человѣку и заключается въ слѣдованіи добродѣтели. Въ разсужденіи: „О любви къ отечеству и народной гордости“ Карамзинъ выступаетъ горячимъ патріотомъ, возстаетъ противъ слѣпого преклоненія передъ всѣмъ иностраннымъ и доказываетъ необходимость самобытности для всякаго народа: „какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ, но долженъ со временемъ быть *самъ собою*, чтобы сказать: *я существую нравственно*. Хорошо и должно учиться; но горе и человѣку, и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ!“.

Характеръ сентиментализма Карамзина.

Карамзинъ является наиболѣе виднымъ представителемъ сентиментализма въ русской литературѣ. „Чувствительность“ есть главный и необходимый элементъ его произведеній. Всѣ герои Карамзина надѣлены этимъ душевнымъ свойствомъ, часто даже съ избыткомъ. Даже неодушевленную природу Карамзинъ называетъ „чувствительной“. Избытокъ чувствительности вызываетъ душевное напряженіе, которое порождаетъ „какое-то чудное расположеніе къ меланхоліи“. Но эта *меланхолія* далеко не отличается мрачнымъ характеромъ а, напротивъ того, соединена съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ. Вотъ почему Карамзинъ говоритъ о „*наслажденіи чувствительностью*“, о томъ, что для чувствительнаго человѣка „всякая слеза, имъ проливаемая, рождаетъ новую радость“. Про самого себя Карамзинъ восклицаетъ (во вступленіи къ повѣсти „Бѣдная Лиза“): „Ахъ! я люблю тѣ предметы, которые трогаютъ мое сердце и заставляютъ меня проливать слезы нѣжной скорби!“ — Этотъ же *культъ чувствительности* отражается и на литературныхъ взглядахъ Карамзина. Онъ говоритъ, что „чувствительное сердце есть богатый источникъ идей“, и заявляетъ, что пишетъ „для однѣхъ только чувствительныхъ душъ“. Подобные же взгляды высказываетъ Карамзинъ и въ теоретической статьѣ: *Что нужно автору?* По мнѣнію Карамзина, для писателя недо-

статочно таланта, знанія и воображенія: „ему надобно имѣть и доброе, нѣжное сердце, если онъ хочетъ быть другомъ и любимцемъ души нашей; слогъ, метафора, образы, выраженія—все сіе трогаетъ и плѣняетъ лишь тогда, когда одушевляется чувствомъ. Однимъ словомъ, — заключаетъ онъ свою статью, — я увѣренъ, что дурной человѣкъ не можетъ быть хорошимъ авторомъ".

Примѣръ Карамзина въ скоромъ времени возбудилъ множество подражаній. Появляются многочисленныя повѣсти, стихотворенія, путевыя записки, написанныя въ сентиментальномъ духѣ. Въ большинствѣ случаевъ однако эти подражанія стоятъ ниже своего образца. Къ числу послѣдователей Карамзина принадлежатъ: *кн. Шаликовъ*, очень плодовитый писатель, издававшій „Дамскій Журналъ" и написавшій множество произведеній въ стихахъ и въ прозѣ, въ слащаво-сентиментальномъ родѣ; въ подражаніе Карамзину онъ издалъ „Путешествіе въ Малороссію, въ которомъ главную роль играли чувствительность и меланхолія; приторность и слезливость произведеній Шаликова вызвали противъ него массу эпиграммъ. Талантливѣе его былъ *В. Измайловъ*, написавшій „Путешествіе въ полуденную Россію" и сентиментальную повѣсть: „Ростовское озеро", въ которой ясно выражено сочувствіе къ природѣ и къ крестьянамъ; въ своихъ статьяхъ о воспитаніи онъ проводилъ идеи Руссо. Замѣтно вліяніе Карамзина и на произведеніяхъ его друга и земляка *И. И. Дмитріева*; его чувствительные романсы, въ родѣ: „Стонетъ сизый голубочекъ", „Ахъ! когда бъ я прежде знала", „Безъ друга и безъ милой", нѣкогда распѣвались по всей Россіи; стихотворенія Дмитріева отличаются простымъ и легкимъ языкомъ. Примыкая къ кружку Карамзина, онъ написалъ противъ представителей старой школы остроумную сатиру: „Чужой толкъ", въ которой осмѣивалъ современныхъ „одописцевъ", бездарныхъ подражателей Ломоносова и Державина; впрочемъ самъ Дмитріевъ написалъ также нѣсколько торжественныхъ одъ и вообще въ его произведеніяхъ не мало отголосковъ ложно-классической поэзіи. Но наиболѣе талантливымъ изъ послѣдователей Карамзина былъ, конечно, *В. А. Жуковскій*; на многихъ изъ его лирическихъ стихотвореній отражается вліяніе сентиментализма, а нѣкоторыя изъ его юношескихъ произведеній представляютъ собой непосредственное подражаніе Карамзину; таковы его повѣсти: „Марьина Роща" и „Вадимъ новгородскій". Однако на ряду съ элементами сентиментализма въ поэзіи Жуковскаго выступаютъ черты новаго литературнаго направленія — *романтическаго*, которыхъ еще нѣтъ въ произведеніяхъ Карамзина.

Послѣдователи Карамзина.

Но на ряду съ горячими поклонниками и послѣдователями у Карамзина нашлось немало литературныхъ противниковъ, возставшихъ противъ внесеннаго имъ въ литературу сентиментальнаго направленія. Они нападали преимущественно на приторно-слезливый

Нападки на него.

тонъ, усвоенный его учениками, хотя не было недостатка и въ прямыхъ нападкахъ на Карамзина. Кромѣ Шишкова и членовъ „Бесѣды“, къ числу противниковъ Карамзина принадлежали и нѣкоторые выдающіеся писатели, напр., *Крыловъ*, который въ остроумной „Похвальной рѣчи Ермолафиду (*ермолафія*—чепуха), говоренной въ собраніи молодыхъ писателей“, нападалъ на смѣшныя претензіи бездарныхъ подражателей Карамзина. *Грибоѣдовъ* въ комедіи: „Студентъ“ высмѣивалъ ихъ преувеличенную чувствительность. *Кн. Шаховской* вывелъ его самого на сцену въ карикатурномъ видѣ въ комедіи: „Новый Стернъ“, въ лицѣ графа Пронскаго, „сентиментальнаго путешественника“. Нападалъ на Карамзина и его школу въ своихъ сатирахъ также кн. *Горчаковъ*.

Достоинства и недостатки сентиментализма.

Уже современники отмѣтили *недостатки*, свойственные сентиментализму и состоящіе въ *преувеличенной чувствительности*, притомъ иногда напускной и почти всегда однообразной, въ приторности, слезливости и неестественности. Но на ряду съ этими недостатками сентиментализмъ обладалъ и *положительными качествами*: цѣнныя заслуги его заключаются въ томъ, что онъ значительно *расширилъ область литературнаго творчества*, введя въ литературу изображеніе жизни среднихъ и низшихъ слоевъ общества; вмѣстѣ съ тѣмъ, изображая обыденную жизнь обыкновенныхъ, заурядныхъ людей, онъ внесъ въ литературу больше *простоты* и потому представляетъ, въ сравненіи съ произведеніями ложноклассической школы, нѣкоторый шагъ впередъ въ сторону *реализма*; наконецъ, весьма важнымъ достоинствомъ сентиментализма является то *гуманное настроеніе*, которымъ проникнуты лучшія произведенія этой школы и которое вытекало изъ основной задачи сентиментализма: трогать сердца читателей и возбуждать сочувствіе къ предмету изображенія.

III. Карамзинъ, какъ историкъ.

Трудность задачи.

Весь второй періодъ литературной дѣятельности Карамзина, начиная съ 1803 года, занятъ работой надъ „Исторіей Государства Россійскаго“. Первоначально онъ думалъ окончить ее въ 5—6 лѣтъ, доведя изложеніе событій до воцаренія дома Романовыхъ. Но затрудненія, которыя ему пришлось встрѣтить при работѣ, были такъ велики, что работа затянулась, и онъ умеръ, не закончивъ вполнѣ своего труда. Эти затрудненія заключались отчасти въ недостаточной под-

готовленности его самого къ научнымъ занятіямъ, затѣмъ,— въ обиліи историческаго матеріала и въ отсутствіи подходящихъ пособій, напр., критически провѣренныхъ изданій первоисточниковъ, т.-е. лѣтописей, государственныхъ актовъ и т. д.

Также почти не было отдѣльныхъ изслѣдованій, касавшихся тѣхъ или другихъ эпохъ или событій. Не разработаны были также и вспомогательныя науки: церковная исторія, археологія, исторія искусства и литературы, исторія права, нумизматика. Во всѣхъ этихъ областяхъ Карамзину приходилось работать вполнѣ самостоятельно, пролагать въ XIX в. первые пути.—Однако еще до Карамзина были дѣлаемы попытки создать полную исторію Россіи: таковы труды *Татищева* и *кн. Щербатова*; кромѣ того, русской исторіей занимались *Ломоносовъ*, *Болтинъ* и нѣкоторые изъ призванныхъ въ Россію нѣмецкихъ ученыхъ: *Байеръ*, *Миллеръ* и *Шлецеръ*.

Предшественники Карамзина.

Татищевъ, сподвижникъ Петра Великаго и видный государственный дѣятель, написалъ „Исторію Россійскую"; однако его трудъ представляетъ собой простой сводъ лѣтописей, безъ должной критической провѣрки, и потому имѣетъ мало научнаго значенія. Гораздо важнѣе и интереснѣй труды кн. Щербатова и Болтина, писавшихъ уже въ эпоху Екатерины II. *Щербатовъ* въ своей „Исторіи" не ограничивается простымъ изложеніемъ событій, но старается объяснить ихъ связь и послѣдовательность, дать своему труду *прагматическій* характеръ. Еще болѣе это стремленіе замѣтно въ трудахъ *Болтина* („Примѣчанія на Леклерка", „Примѣчанія на Щербатова"), у котораго впервые появляется идея *закономѣрности* въ развитіи исторической жизни народовъ, заимствованная имъ у Монтескье (вліяніе климата, природы, естественныхъ условій жизни на бытъ, нравы, государственныя учрежденія и народный характеръ). Изъ числа нѣмецкихъ ученыхъ Байеръ и Шлецеръ занимались преимущественно древнѣйшимъ періодомъ русской исторіи: *Байеръ* — вопросомъ о племенахъ, населявшихъ въ древности Россію, и о происхожденіи первыхъ князей; *Шлецеръ*—о первоначальной лѣтописи; главный трудъ его: „Несторъ", изданный на нѣмецкомъ языкѣ въ 1805 г., когда Карамзинъ уже приступилъ къ работѣ, представляетъ собой первое научное и критическое изслѣдованіе о древнѣйшимъ литописцѣ, первую попытку выяснить содержаніе древнѣйшей лѣтописи и освободить ее отъ позднѣйшихъ вставокъ и искаженій: трудъ Шлецера послужилъ для Карамзина образцомъ критической разработки источниковъ. *Миллеръ* занимался преимущественно собираніемъ и приведеніемъ въ порядокъ историческихъ матеріаловъ; особенно цѣнны его мате-

ріалы по исторіи Сибири; въ концѣ жизни онъ занималъ должность директора архива иностранной коллегіи (въ Москвѣ).

Теоретическіе взгляды Карамзина.

Свои теоретическіе взгляды на *значеніе исторіи* и на задачу историка Карамзинъ изложилъ въ *Предисловіи* къ своему труду, которое начинается съ опредѣленія самаго предмета. „Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ: главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго". Главное значеніе исторіи заключается такимъ образомъ въ той *пользѣ*, которую приноситъ знакомство съ нею; польза эта одинаково касается какъ правителей и законодателей, дѣйствующихъ по ея указаніямъ, почерпающихъ наставленія изъ опыта прошлыхъ вѣковъ, такъ и простыхъ гражданъ, которыхъ она миритъ съ несовершенствомъ существующаго, утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, и въ которыхъ она воспитываетъ нравственное чувство и любовь къ отечеству.

Но, кромѣ пользы, исторія должна также доставлять *удовольствіе*; поэтому историкъ долженъ быть не только ученымъ, но и художникомъ. „Ни ученость, ни остроуміе, ни глубокомысліе не замѣнятъ въ историкѣ таланта изображать дѣйствіе". При этомъ однако историкъ обязанъ всегда оставаться въ предѣлахъ строгой истины, стремиться къ полной *достовѣрности*, такъ какъ „исторія не романъ и не терпитъ вымысловъ, изображая, что есть и было, а не что быть могло"; съ этой точки зрѣнія Карамзинъ отвергаетъ тотъ художественный пріемъ, къ которому часто прибѣгали древніе историки (особенно Т. Ливій), ради живости изложенія влагавшіе въ уста дѣйствующихъ лицъ придуманныя „рѣчи", даже если эти рѣчи вполнѣ соотвѣтствуютъ ихъ характеру и положенію. Карамзинъ полагалъ, что историкъ, оставаясь въ предѣлахъ строгой истины, чуждаясь всякихъ вымысловъ, все-таки имѣетъ полную возможность проявить свой художественный талантъ, такъ какъ отъ него зависитъ расположеніе матеріала, ясность изложенія, живость характеристикъ, сила выраженія. Однако и этого таланта недостаточно для историка, если онъ самъ не будетъ воодушевленъ любовью къ родинѣ, которая „даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть; гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души". Только проникнутый любовью

къ отечеству историкъ будетъ въ состояніи и въ читателяхъ возбуждать чувства *патріотизма* и уваженія къ предкамъ и родной старинѣ [1]).

Такимъ образомъ, изъ „Предисловія", видно, что Карамзинъ ставилъ историку нѣсколько разнородныхъ задачъ. Кромѣ задачи чисто *научной*, историкъ долженъ былъ, по его мнѣнію, преслѣдовать въ своемъ трудѣ также цѣли *художественныя*, *нравственно-поучительныя* и *патріотическія*. Всѣ эти задачи Карамзинъ поставилъ и самому себѣ въ своей „Исторіи Государства Россійскаго". — Какъ трудъ *научный*, „Исторія" Карамзина имѣла для своего времени громадное значеніе. Здѣсь впервые исторія Русской земли за громадный періодъ времени съ IX по XVI ст. была представлена въ стройномъ видѣ, въ широкой и живой картинѣ. Для своего труда Карамзинъ привлекъ громадную массу матеріала: византійскія и западныя хроники, лѣтописи, грамоты, житія, сказанія, записки иностранныхъ путешественниковъ—все это было изучено Карамзинымъ, критически провѣрено и использовано для его работы. Многіе драгоцѣнные памятники старины впервые были открыты имъ: напр., древнѣйшій (Лаврентьевскій) списокъ лѣтописи, Волынская лѣтопись, Паломникъ Даніила мниха, разныя грамоты, житія и т. д. Другіе

Научныя достоинства «Исторіи».

---

[1]) По своимъ теоретическимъ взглядамъ Карамзинъ, подобно большинству своихъ ближайшихъ западно-европейскихъ предшественниковъ, служившихъ ему образцомъ (Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ и др.), принадлежалъ еще къ старой исторической школѣ и руководился въ своей работѣ традиціями, восходящими еще къ античной исторіографіи. Наиболѣе важная изъ этихъ традицій заключается въ общемъ взглядѣ на ходъ исторіи, по которому главнымъ двигателемъ историческаго процесса является *личность*, такъ что все теченіе исторіи обусловлено дѣйствіями, желаніями и характерами отдѣльныхъ лицъ, стоящихъ во главѣ общества: правителей, законодателей, полководцевъ, дипломатовъ и т. д. Современная историческая наука, признавая за личностью важное значеніе въ ходѣ исторіи, не менѣе важное значеніе придаетъ и тѣмъ сложнымъ и разнообразнымъ процессамъ (экономическимъ, соціальнымъ, культурнымъ), которые происходятъ въ средѣ самого народа или отдѣльныхъ слоевъ его и которыми въ значительной мѣрѣ опредѣляется весь ходъ развитія каждой страны. Другая традиція, восходящая также къ античной древности, заключается во взглядѣ, что исторія должна соединять въ себѣ *науку* и *искусство*, что историкъ долженъ быть и художникомъ. Къ этому присоединяется требованіе, чтобы исторія заключала въ себѣ также поучительный и назидательный элементъ, чтобы историкъ въ своемъ произведеніи имѣлъ въ виду *практическую* и *моральную пользу* своихъ читателей. Современная историческая наука не признаетъ этихъ требованій; она отвергаетъ служебную роль исторіи и видитъ цѣль ея не въ нравственномъ поученіи и не въ живописномъ изложеніи событій, а исключительно въ познаніи истины и въ открытіи историческихъ законовъ, управляющихъ жизнью народовъ.

матеріалы были впервые использованы имъ, напр., записки иностранцевъ о Россіи. Только при необычайномъ трудолюбіи можно было овладѣть этимъ разнообразнымъ и до тѣхъ поръ почти не разработаннымъ матеріаломъ.

Особенно ясно научная работа Карамзина выступаетъ въ его обширныхъ *примѣчаніяхъ*, которыя занимаютъ почти половину каждаго тома. Нѣкоторыя изъ этихъ примѣчаній представляютъ собой небольшія самостоятельныя изслѣдованія; напр., о древнихъ русскихъ деньгахъ, о „Русской Правдѣ“ о значеніи многихъ устарѣвшихъ словъ и выраженій въ древнихъ памятникахъ и т. д. Примѣчанія эти свидѣтельствуютъ о громадной начитанности Карамзина и объ его ученой добросовѣстности: при всякомъ передаваемомъ имъ извѣстіи онъ приводитъ ссылки на источники, провѣряетъ ихъ и путемъ сопоставленія съ другими старается выяснить степень ихъ достовѣрности. Примѣчанія Карамзина до сихъ поръ сохраняютъ важное значеніе особенно потому, что во многихъ приводятся ссылки и выписки изъ такихъ памятниковъ, которые послѣ Карамзина подверглись уничтоженію (напр., при московскомъ пожарѣ, когда сгорѣли нѣкоторые казенные и частные архивы, какъ архивъ гр. Мусина-Пушкина, снабжавшаго Карамзина многими цѣнными рукописями).

Ея недостатки.

На ряду съ важными достоинствами есть въ „Исторіи“ Карамзина и нѣкоторые существенные недостатки, зависѣвшіе какъ отъ общаго состоянія тогдашней исторической науки, такъ и въ особенности отъ недостаточной предварительной разработки русской исторіи, отъ малочисленности научныхъ трудовъ въ этой области: только работы Шлецера и Щербатова могли оказать Карамзину нѣкоторое пособіе въ его трудномъ дѣлѣ. Крупнѣйшій изъ недостатковъ „Исторіи“ Карамзина заключается въ ея *односторонности*. Онъ интересуется преимущественно *политической* исторіей, сравнительно мало касаясь внутренней жизни народа, его быта, общественнаго строя, хозяйственныхъ и юридическихъ отношеній. Поэтому Карамзинъ и назвалъ свой трудъ: „Исторіей *Государства* Россійскаго“. Этотъ односторонній политическій интересъ заставляетъ Карамзина искать „государство“ даже тамъ, гдѣ его вовсе еще не было, напр., при первыхъ варяжскихъ князьяхъ, когда на Руси не существовало даже

самаго понятія о государствѣ, когда Русская земля находилась еще въ состояніи раздробленія [1]).

Вообще изображеніе первыхъ вѣковъ русской исторіи представляетъ наиболѣе слабую часть труда Карамзина. Здѣсь Карамзинъ, еще неопытный въ пріемахъ научной работы, иногда проявляетъ *недостаточно критическое отношеніе къ своимъ источникамъ*; напр., онъ излагаетъ сказаніе о первыхъ князьяхъ, какъ факты историческіе, и только въ примѣчаніяхъ говоритъ о нѣкоторыхъ хронологическихъ противорѣчіяхъ и несообразностяхъ, встрѣчающихся въ этихъ преданіяхъ. Нѣкоторые важные вопросы вовсе не затронуты Карамзинымъ: напр., вопросъ о родовомъ бытѣ у русскихъ славянъ; недостаточно освѣщено важное культурное значеніе торговли для Кіевской Руси; не выяснены взаимныя отношенія князей, дружины и подвластнаго населенія: Карамзинъ ошибочно смотритъ на древне-русскаго князя, какъ на полновластнаго монарха въ современномъ смыслѣ. Но всѣ эти ошибки не составляютъ упущенія самого Карамзина, а являются слѣдствіемъ недостаточнаго развитія исторической науки. Карамзинъ расчистилъ путь для будущихъ изслѣдователей и сдѣлалъ возможнымъ постановку такихъ вопросовъ, которыхъ онъ самъ не могъ даже предвидѣть.

Художественныя черты «Исторіи».

Какъ произведеніе *художественное*, „Исторія Госуд. Рос.“ также имѣетъ большое значеніе. До появленія ея русской исторіей интересовались сравнительно немногіе. Труды Татищева, Щербатова, Болтина, написанные слогомъ тяжеловѣснымъ, лишенные всякаго внѣшняго изящества, не могли, конечно, привлечь къ себѣ многочисленныхъ читателей. Что касается изслѣдованій нѣмецкихъ ученыхъ, то они большей частью были посвящены частнымъ вопросамъ (напр., о происхожденіи варяговъ-руси) и были разсчитаны на узкій кругъ спеціалистовъ. „Исторія“ Карамзина была первымъ трудомъ въ этой области, соединявшимъ научность содержанія съ художественностью и общедоступностью изложенія, и этими качествами ея и объясняется громадный успѣхъ, который она имѣла среди читающей публики.

---

[1]) Историкъ Соловьевъ, имѣя въ виду этотъ исключительно политическій интересъ Карамзина, очень мѣтко назвалъ его исторію „величественной поэмой, воспѣвающей государство“.

Художественныя достоинства „Исторіи“ Карамзина заключаются прежде всего въ ея *языкѣ* и *стилѣ*. Вся „Исторія“ написана мѣрной періодической рѣчью, что придаетъ ей отпечатокъ *торжественности* и *величавости*, соотвѣтствующей важности предмета, но вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ впечатлѣніе нѣкоторой искусственности и однообразія. Въ то же время языкъ „Исторіи“ отличается замѣчательной чистотой: въ немъ почти нѣтъ иностранныхъ словъ, но зато встрѣчается довольно много *старинныхъ выраженій и оборотовъ*, иногда очень характерныхъ, заимствованныхъ Карамзинымъ изъ лѣтописей и древнихъ памятниковъ и придающихъ разсказу особый отпечатокъ старины. По словамъ Карамзина, онъ „искалъ духа и жизни въ тлѣющихъ хартіяхъ“. Художественный талантъ Карамзина сказывается и въ *описаніяхъ отдѣльныхъ событій*: описанія эти отличаются яркостью и живостью изложенія, обиліемъ красокъ, удачнымъ подборомъ мелкихъ чертъ, дающихъ въ совокупности полную жизни картину. Много искусства выказалъ Карамзинъ и въ *характеристикахъ отдѣльныхъ личностей,* особенно тамъ, гдѣ обиліе матеріаловъ давало ему возможность глубже проникнуть въ психологію этихъ лицъ, которыя, въ его изображеніи, встаютъ передъ нами, какъ живыя; таковы его характеристики Владиміра Мономаха, Мстислава Храбраго, Іоанна III, митрополита Филиппа, Бориса Годунова, Василія Шуйскаго.

Тамъ же, гдѣ его источники не давали достаточно матеріала для живой обрисовки характеровъ, Карамзинъ прибѣгалъ къ помощи различныхъ эпитетовъ: напр., князь *мудрый*, *храбрый*, *великодушный*; совѣтникъ *благоразумный*; врагъ *надменный*; отецъ *чадолюбивый* и тому под. Но эти излюбленные эпитеты, придавая рѣчи нѣкоторую полноту и округлость, вмѣстѣ съ тѣмъ отъ частаго и стереотипическаго повторенія стирали индивидуальныя особенности выводимыхъ лицъ, дѣлали ихъ похожими другъ на друга. Такое однообразіе характеристикъ является конечно, недостаткомъ съ художественной точки зрѣнія, недостаткомъ, объясняемымъ отчасти бѣдностью матеріала, отчасти стремленіемъ Карамзина къ стилистической законченности. Къ числу подобныхъ же художественныхъ недостатковъ должны быть отнесены и отголоски литературныхъ пріемовъ сентиментализма. Онъ изображаетъ иногда древне-русскихъ людей чертами, свой-

ственными современному сентиментальному поколѣнію: „добрые россіяне“, „нѣжная чувствительность“, „бездѣйственная скорбь“, „сладкія слезы радости“; всѣ эти и подобныя выраженія придаютъ мѣстами разсказу Карамзина нѣкоторую слащавость, не соотвѣтствующую характеру древне-русской старины, но зато весьма характерную для той эпохи, къ которой принадлежалъ самъ Карамзинъ, т.-е. для эпохи сентиментализма.

Моральнопоучительная тенденція.

Вся „Исторія“ Карамзина проникнута *глубоко-нравственнымъ настроеніемъ*. Это настроеніе естественно вытекало какъ изъ его общаго міросозерцанія, такъ и изъ его взгляда на задачи историка, въ число которыхъ входило также—будить въ читателяхъ нравственное чувство, творя правдивый и нелицепріятный судъ надъ дѣятелями и надъ событіями прошлыхъ вѣковъ. Исторія, по мнѣнію Карамзина, должна преслѣдовать не только научныя цѣли, но также и цѣли *поучительныя*, должна приносить читателямъ моральную пользу; историкъ долженъ быть не только ученымъ, но и учителемъ, учителемъ нравственности. Эту задачу Карамзинъ неизмѣнно имѣлъ въ виду и въ своемъ собственномъ трудѣ.

Къ числу глубочайшихъ убѣжденій Карамзина принадлежала мысль, что дурное дѣло не можетъ быть оправдано никакими соображеніями. Поэтому всякій разъ, когда Карамзинъ встрѣчаетъ въ исторіи случаи нарушенія законовъ совѣсти и справедливости, онъ не упускаетъ выразить свое осужденіе, если даже дѣло касается личности ему симпатичной. Такъ, напр., онъ строго осуждаетъ Димитрія Донского за то, что тотъ хитростью завлекъ въ Москву князя Михаила Тверского и задержалъ его какъ плѣнника; такой поступокъ, говоритъ Карамзинъ, есть „обманъ, недостойный правителей мудрыхъ“. Точно такъ же по поводу козней Іоанна Калиты, погубившаго въ Ордѣ при помощи клеветы своего соперника, кн. Александра Тверского, Карамзинъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Правила нравственности и добродѣтели святѣе всѣхъ иныхъ и служатъ основаніемъ истинной политики; судъ исторіи не извиняетъ и самаго счастливаго злодѣйства“. Но и помимо этого загробнаго суда исторіи, всякое злое дѣло, по убѣжденію Карамзина, влечетъ за собой неизбѣжное наказаніе еще на землѣ, становится причиной страданій и гибели для лица, преступившаго нравствен-

ный законъ. Этою мыслью проникнутъ разсказъ Карамзина о судьбѣ Святополка, Іоанна Грознаго и Бориса Годунова; преступленія, совершенныя ими, влекутъ за собой неудачу всѣхъ ихъ плановъ, крушеніе всѣхъ надеждъ, такъ какъ злодѣяніе не можетъ дать благого результата, несмотря на умъ, хитрость, знаніе людей, государственныя способности. Но строго осуждая всякое злодѣяніе, Карамзинъ съ глубокой любовью рисуетъ лицъ, прославившихъ себя подвигами и добродѣтелями, показавшихъ примѣръ нравственной твердости: таковы, напр., Владиміръ Мономахъ, митр. Филиппъ, Пожарскій, Скопинъ Шуйскій, Ляпуновъ и др. Обо всѣхъ нихъ Карамзинъ повѣствуетъ съ глубокой симпатіей, выставляя ихъ, какъ яркій примѣръ добродѣтели, въ назиданіе потомкамъ.

Патріотическое настроеніе.

Въ тѣсной связи съ нравственно-поучительной тенденціей стоитъ *патріотическое направленіе* всего труда Карамзина. Будучи самъ пламеннымъ патріотомъ, онъ старается возбудить и укрѣпить это чувство и у своихъ читателей. Истинный космополитъ есть, по выраженію Карамзина, „существо метафизическое“, т.-е. отвлеченное, даже неестественное. Напротивъ того, разумный патріотизмъ есть явленіе, коренящееся въ самой природѣ человѣческаго существа. „Личность каждаго, говоритъ онъ въ *Предисловіи*, тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя. Пусть Греки, Римляне плѣняютъ воображеніе; но имя Русское имѣетъ для насъ особенную прелесть: сердце мое еще сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели за Ѳемистокла или Сципіона“. Чувство горячей любви къ отечеству проникаетъ собой весь разсказъ Карамзина; онъ никогда не остается холоднымъ и равнодушнымъ при изложеніи судебъ своей родины: событія прошлаго волнуютъ его, возбуждаютъ въ немъ разнородныя чувства—печали и радости, гордости и негодованія. Однако патріотизмъ Карамзина вовсе не заключается въ слѣпой привязанности ко всему своему, въ стремленіи все оправдать въ древне-русской жизни; напротивъ того, онъ считаетъ своимъ долгомъ историка, ничего не утаивая, отмѣчать также и темныя явленія въ русской исторіи, обличаетъ пороки выведенныхъ имъ лицъ, строго осуждаетъ всякую неправду, злодѣяніе, лицемѣріе, гдѣ бы онѣ ни встрѣчались. Зато съ чувствомъ справедливой гордости рисуетъ онъ вся-

кое проявленіе героизма и доблести, сознаніе долга, подвиги великодушія и самопожертвованія, выше всего однако цѣня въ своихъ герояхъ ихъ любовь къ отечеству.

Основная идея „Исторіи Государства Россійскаго“ заключается въ мысли о необходимости для Россіи единодержавія. Эту мысль онъ выводитъ изъ разсмотрѣнія самаго хода русской исторіи. При первыхъ князьяхъ, пока власть находилась въ однѣхъ рукахъ, Русская земля пользовалась спокойствіемъ и благосостояніемъ и была настолько могущественна, что князья могли предпринимать удачные походы даже противъ Византійской имперіи. Но затѣмъ, послѣ Ярослава, единство государственной власти нарушается, Русская земля распадается на отдѣльныя княжества, наступаетъ эпоха смутъ и междоусобій, результатомъ которыхъ является упадокъ прежняго могущества, и Русь дѣлается легкой добычей монгольскихъ кочевниковъ. Наконецъ, третья эпоха есть эпоха постепеннаго объединенія Русской земли вокругъ новаго центра—Москвы. Это собираніе земли Русской было дѣломъ благоразумной и осторожной политики московскихъ князей. Уничтоживъ удѣлы, сосредоточивъ власть въ своихъ рукахъ и возвысивъ ея значеніе, они упрочили государственное могущество Россіи. Болѣе всѣхъ способствовалъ этому Іоаннъ III, свергнувшій татарское иго и утвердившій самодержавіе. Этотъ государь является поэтому излюбленнымъ героемъ Карамзина, центральнымъ лицомъ его исторіи; Карамзинъ прославляетъ его какъ „творца новой Россіи“ и, сравнивая его съ Петромъ Вел., отдаетъ ему даже предпочтеніе, потому что Петръ былъ лишь „преобразователемъ“, между тѣмъ какъ Іоаннъ является основателемъ государственнаго могущества Россіи. Главная идея «Исторіи».

Трудъ Карамзина имѣлъ очень большое значеніе въ исторіи нашей умственной жизни и нашего самосознанія. Онъ пробудилъ въ обществѣ, до тѣхъ поръ мало занимавшемся русской стариной, интересъ къ родной исторіи, далъ толчокъ къ развитію исторической литературы. Пушкинъ говоритъ въ сохранившемся отрывкѣ изъ своихъ записокъ по поводу впечатлѣнія, произведеннаго появленіемъ *Исторіи* Карамзина: „Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать исторію своего отечества, дотолѣ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія казалась найдена Значеніе «Исторіи»

Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ". Оживилась и историческая литература; изслѣдованія и статьи по русской исторіи стали болѣе многочисленными, при чемъ многія изъ нихъ касались вопросовъ, затронутыхъ въ трудѣ Карамзина, и такимъ образомъ были имъ непосредственно вызваны. Вмѣстѣ съ тѣмъ наши писатели, вдохновляясь „Исторіей" Карамзина, стали заимствовать оттуда сюжеты для своихъ произведеній; напр., Пушкинъ („Бор. Годуновъ"), Рылѣевъ („Думы"), Загоскинъ („Юрій Милославскій") и др.

Наконецъ, „Исторія" Карамзина имѣла большее *воспитательное* значеніе и для послѣдующихъ поколѣній; сохраняетъ оно это значеніе и до сихъ поръ. Если въ научномъ отношеніи трудъ Карамзина уже устарѣлъ и многіе его взгляды оставлены вслѣдствіе прогресса науки, то не устарѣли и никогда не устарѣютъ тѣ высокія нравственныя и патріотическія чувства, которыми онъ проникнутъ; въ этомъ отношеніи трудъ Карамзина до сихъ поръ остается прекрасной книгой для первоначальнаго ознакомленія съ родной исторіей, книгой, воспитывающей въ русской молодежи любовь къ отечеству и сознаніе нравственнаго закона.

Усиливавшійся интересъ къ русской исторіи выразился въ первой половинѣ XIX в. въ цѣломъ рядѣ изданій и ученыхъ изслѣдованій. Прежде всего на очереди стоялъ вопросъ о собраніи и приведеніи въ извѣстность *источниковъ* русской исторіи. Въ этой области наиболѣе потрудились: канцлеръ *графъ Румянцевъ*, издавшій „Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ" (1813—28 г.); онъ привлекъ къ этому изданію цѣлый кружокъ современныхъ ученыхъ (Бантышъ-Каменскій, Востоковъ, Калайдовичъ); но особенно плодотворна была дѣятельность *Строева*, изъѣздившаго въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ всю сѣверную и среднюю Россію и отыскавшаго въ старыхъ монастырскихъ библіотекахъ цѣлый рядъ важныхъ историческихъ памятниковъ. По мысли Строева была учреждена въ 1834 г. *Археографическая комиссія* для разбора и изданія древнихъ рукописей: лѣтописей, актовъ, юридическихъ памятниковъ и т. д. Собираніемъ памятниковъ русской исторіи занимался также *митрополитъ Евгеній* (Болховитиновъ). Вопросомъ объ источникахъ русской исторіи много занимался московскій профессоръ *Каченовскій*, противникъ Карамзина и основатель такъ называем. „скептической школы" въ русской исторіографіи; онъ отрицалъ достовѣрность лѣтописи Нестора и считалъ большинство свѣдѣній, сообщенныхъ имъ, позднѣйшимъ вымысломъ, основаннымъ на устныхъ народныхъ преданіяхъ; характеръ достовѣрности русская исторія, по мнѣнію Каченовскаго, получаетъ лишь съ XIII вѣка;

эти отрицательные взгляды на древній періодъ русской исторіи сложились у Каченовскаго главнымъ образомъ подъ вліяніемъ исторической критики Нибура, доказавшаго, что всѣ преданія о римскихъ царяхъ и о древнѣйшемъ періодѣ римской республики основаны на народныхъ сказаніяхъ и пѣсняхъ. Противъ Каченовскаго выступилъ проф. *Погодинъ*, которому безъ труда удалось опровергнуть его взгляды и доказать несправедливость преувеличеннаго скептицизма Каченовскаго. Самъ Погодинъ примыкалъ по своимъ воззрѣніямъ къ Карамзину. Противникомъ Карамзина выступилъ талантливый московскій журналистъ *Полевой*; въ своей „Исторіи русскаго *народа*" онъ хотѣлъ исправить односторонность Карамзина, сосредоточившаго свое вниманіе на политической исторіи; однако вслѣдствіе недостатка спеціальной подготовки попытка эта была не особенно удачна. Однако по слѣдамъ Полевого пошелъ цѣлый рядъ изслѣдователей и ученыхъ, поставившихъ себѣ цѣлью изученіе внутренней жизни народа, его быта, общественныхъ отношеній и проч. Къ числу ихъ принадлежали нѣкоторые изъ *славянофиловъ* (И. Кирѣевскій, К. Аксаковъ), старавшіеся освѣтить русскую исторію при помощи философской идеи. Кромѣ того, *Аксаковъ* первый поднялъ весьма важные вопросы о древне-русской общинѣ и о роли и значеніи вѣча. Наконецъ въ болѣе позднее время *Кавелинъ* и *Соловьевъ* выставили для объясненія многихъ явленій древне-русской жизни „теорію родового быта", а ученые-юристы освѣтили въ своихъ трудахъ юридическія отношенія въ древней Руси (Неволинъ, Калачовъ, Кавелинъ, Чичеринъ и др.), при чемъ въ противовѣсъ общинной и родовой теоріи древне-русскаго быта выдвинули такъ назыв. „договорную" теорію, согласно которой всѣ общественныя отношенія въ древней Руси опредѣлялись свободнымъ договоромъ сторонъ.

II. Жуковскій и его поэзія.

1. Жизнь Жуковскаго.

Происхожденіе Жуковскаго.

Василій Андреевичъ Жуковскій родился въ 1783 году (29 января) въ селѣ Мишенскомъ, въ 3 верстахъ отъ Бѣлева (Тульской губ.). Отецъ его былъ богатый помѣщикъ А. И. Бунинъ, а мать — плѣнная турчанка, захваченная русскими солдатами во время войны и привезенная ими на родину. Свою фамилію Жуковскій получилъ отъ крестнаго отца, бѣднаго малороссійскаго дворянина, жившаго у Буниныхъ. Послѣ смерти единственнаго сына Буниныхъ мальчикъ былъ взятъ въ домъ и скоро сдѣлался всеобщимъ любимцемъ. Онъ росъ,

окруженный почти исключительно женскимъ обществомъ, и это обстоятельство отразилось на его характерѣ, способствуя развитію въ немъ мягкихъ женственныхъ чертъ, чувствительности и мечтательности.

Благородный пансіонъ.

Въ 1797 г. Жуковскій поступилъ въ Благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ. Задачей этого пансіона было подготовлять молодыхъ дворянъ къ военной и гражданской службѣ. Поэтому программа пансіона была чрезвычайно обширна и разнообразна: но именно благодаря разнообразію предметовъ, входившихъ въ программу, изученіе ихъ неизбѣжно должно было отличаться поверхностностью, вниманіе учениковъ разбрасывалось въ разныя стороны, и они мало выносили изъ школы дѣйствительныхъ знаній, такъ что впослѣдствіи Жуковскому пришлось упорнымъ трудомъ пополнять пробѣлы своего образованія. Но все-таки пребываніе въ Благородномъ пансіонѣ имѣло значеніе для развитія въ немъ литературныхъ стремленій, потому что въ это время среди воспитанниковъ пансіона составился кружокъ лицъ, интересующихся словесностью; начальство пансіона поощряло литературныя занятія воспитанниковъ: сочиненія ихъ читались въ собраніяхъ кружка, на публичныхъ актахъ и даже помѣщались въ журналахъ. Во главѣ этого кружка сталъ Жуковскій, какъ наиболѣе даровитый изъ участниковъ. Уже въ концѣ 1797 г. онъ читалъ на торжественномъ актѣ Благороднаго пансіона сочиненную имъ „Оду на благоденствіе Россіи“; ода эта не отличается особенными поэтическими достоинствами, представляя собой простое подражаніе торжественнымъ одамъ Ломоносова и Державина; но она показываетъ въ 14-лѣтнемъ авторѣ значительное умѣніе владѣть литературнымъ языкомъ и поэтическими оборотами.

Во время пребыванія въ пансіонѣ Жуковскій тѣсно сблизился съ семьей директора Московскаго университета И. П. Тургенева, надзору котораго было поручено родными его воспитаніе. Тургеневъ, бывшій воспитатель императора Александра I, принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени; въ его домѣ собирались всѣ выдающіеся современные писатели во главѣ съ Карамзинымъ. Одаренный отъ природы привязчивымъ сердцемъ, Жуковскій нашелъ себѣ въ домѣ Тургеневыхъ вторую семью; особенно близко сошелся онъ со старшимъ сыномъ Тургенева Андреемъ, юношей даровитымъ, хорошо знакомымъ съ современной иностранной литературой, преимущественно нѣмецкой и англійской. Онъ самъ пи-

салъ стихи, проникнутые искренностью чувства и высоко-нравственнымъ настроеніемъ. Вообще это былъ типъ юноши-идеалиста, въ личности котораго было много чертъ, общихъ съ Жуковскимъ. Поэтому преждевременная смерть его была для Жуковскаго первымъ тяжелымъ ударомъ въ жизни, а память о немъ навсегда сохранилась въ его сердцѣ.

Дружеское Литературное Общество.

Въ 1801 г. Жуковскій окончилъ курсъ въ Благородномъ пансіонѣ и поступилъ на службу въ одну изъ московскихъ канцелярій (въ Соляную контору), но служба эта не удовлетворяла его, и онъ вскорѣ вышелъ въ отставку, съ тѣмъ, чтобы посвятить себя литературѣ. Въ томъ же году кружкомъ бывшихъ воспитанниковъ Благороднаго пансіона было основано „Дружеское Литературное Общество", въ составъ котораго вошли: Жуковскій, братья Тургеневы, Мерзляковъ, Воейковъ, Дашковъ, кн. Вяземскій и др. Кромѣ чисто литературныхъ задачъ, Общество преслѣдовало также и моральныя цѣли (нравственное самовоспитаніе членовъ), а въ связи съ ними и филантропическія (помощь нуждающимся); въ этомъ отношеніи оно какъ бы слѣдовало традиціямъ Новиковскаго общества, просвѣтительная и благотворительная дѣятельность котораго еще была свѣжа въ памяти всѣхъ. Большая часть членовъ принадлежала къ числу послѣдователей Карамзина и новаго сентиментальнаго направленія, внесеннаго имъ въ русскую литературу; впослѣдствіи большинство ихъ, въ томъ числѣ и Жуковскій, вошли въ составъ *Арзамаса*. Участіе въ „Дружескомъ Обществѣ" несомнѣнно оказало замѣтное вліяніе на развитіе литературныхъ взглядовъ и вкусовъ Жуковскаго, укрѣпивъ въ немъ черты *сентиментализма*, столь соотвѣтствовавшаго его чувствительной, мечтательной натурѣ.

Вліяніе сентиментализма.

Такимъ образомъ литературное и нравственное развитіе Жуковскаго происходило въ средѣ, проникнутой идеями и чувствами западнаго сентиментализма. Еще въ раннюю эпоху, въ тульскомъ главномъ училищѣ, Жуковскій находился подъ руководствомъ Покровскаго, писателя сентиментальнаго направленія, помѣщавшаго свои произведенія въ журналахъ, издаваемыхъ двумя послѣдователями Карамзина, Подшиваловымъ и Сохацкимъ: „Иппокрена" и „Пріятное и полезное препровожденіе времени" [1]). Впослѣдствіи, во

[1]) Самыя заглавія статей Покровскаго показываютъ духъ и настроеніе, которымъ онѣ были проникнуты: «Аллея, или чувство пріятности сельской жизни», «Лунная ночь, или чувство человѣколюбія», «Темный лѣсъ, или чувство бѣдствій человѣческихъ и благотворенія» и т. д.

время пребыванія Жуковскаго въ Благородномъ пансіонѣ, эти же журналы служили обязательнымъ внѣкласнымъ чтеніемъ для воспитанниковъ. Изъ нихъ Жуковскій могъ въ достаточной мѣрѣ познакомиться со многими писателями сентиментальнаго направленія: Стерномъ, Греемъ, Юнгомъ, Циммерманомъ, Геллертомъ, Клейстомъ, съ поэмами Оссіана. Въ этихъ же журналахъ помѣщали свои произведенія и воспитанники пансіона, въ томъ числѣ и Жуковскій; конечно, въ своихъ литературныхъ попыткахъ они старались поддѣлаться подъ общій тонъ, господствовавшій въ изданіи, подражая русскимъ и иностраннымъ писателямъ-сентименталистамъ. Наконецъ, черезъ Тургеневыхъ Жуковскій и лично познакомился съ наиболѣе выдающимися русскими писателями новаго направленія, Карамзинымъ и Дмитріевымъ; обоихъ ихъ онъ самъ называлъ впослѣдствіи своими „учителями", и оба они оказали замѣтное вліяніе на содержаніе и форму поэзіи Жуковскаго.—Но на ряду съ этимъ нельзя не отмѣтить, что и старая, псевдо-классическая школа не осталась совершенно чужда Жуковскому. Его учитель въ Благородномъ пансіонѣ (Беккаревичъ) былъ восторженный поклонникъ Ломоносова и Державина: въ ихъ духѣ написаны поэтому всѣ торжественныя оды, которыя читалъ Жуковскій на актахъ пансіона; но и впослѣдствіи отголосокъ ложнаго классицизма слышится въ такихъ его произведеніяхъ, какъ „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ", „Императору Александру" и др. Въ своихъ критическихъ статьяхъ (о театральныхъ пьесахъ, о басняхъ Крылова, о сатирахъ Кантемира) Жуковскій также придерживается часто взглядовъ французскаго классицизма; быть можетъ, въ этомъ случаѣ сказывается вліяніе Мерзлякова, сторонника ложно-классической теоріи и близкаго друга Жуковскаго, съ которымъ онъ нѣсколько лѣтъ находился въ оживленной перепискѣ.

Моральныя стремленія.

Къ числу положительныхъ сторонъ сентиментализма принадлежитъ то, что онъ развивалъ въ своихъ послѣдователяхъ *стремленіе къ нравственному самосовершенствованію*, къ выработкѣ „внутренняго человѣка". Это стремленіе ярко сказывается во всей жизни и дѣятельности Жуковскаго, въ его взглядахъ на высокій нравственный характеръ поэзіи и на призваніе поэта. Подчиняясь этому стремленію, Жуковскій послѣ выхода въ отставку усердно занялся своимъ самообразованіемъ и заботой о выработкѣ своего характера. Для того, чтобы лучше слѣдить за самимъ собою, онъ ведетъ дневникъ и вступаетъ въ переписку съ друзьями, отдавая въ этихъ письмахъ искренній отчетъ о своемъ душевномъ состояніи [1]).

---

[1]) Весьма распространенной чертой въ эпоху сентиментализма является «*культъ дружбы*». Возникнувъ на почвѣ общей «чувствительности», онъ нашелъ себѣ особенную поддержку въ тѣхъ стремленіяхъ къ душевнымъ изліяніямъ и откровеннымъ исповѣдямъ, которыя явились слѣдствіемъ уси-

Высокій идеалъ *личнаго* самосовершенствованія становится навсегда для Жуковскаго руководящимъ началомъ въ его нравственной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ эту же эпоху слагается окончательно и его идеалъ жизненнаго счастья, носящій идиллическій характеръ и заключающійся въ тихой семейной жизни, въ непрестанномъ общеніи съ кругомъ друзей, объединенныхъ сходствомъ интересовъ и симпатій, и въ мирномъ трудѣ на избранномъ поприщѣ.

Начало литературной дѣятельности.

Для того, чтобы безъ помѣхи и разсѣянія заниматься дѣломъ самообразованія, Жуковскій переселился въ деревню, въ родное село Мишенское. Здѣсь же имъ была написана въ 1802 году его первая крупная вещь: элегія *Сельское кладбище*, представляющая собой передѣлку изъ англійскаго поэта Грея; элегія эта, напечатанная въ „Вѣстникѣ Европы“ Карамзина, обратила вниманіе публики на начинающаго автора. Вмѣстѣ съ тѣмъ Жуковскому пришлось вскорѣ заняться и педагогической дѣятельностью, къ которой онъ отъ природы питалъ особенную склонность; въ 1805 г. въ Бѣлевѣ поселилась одна изъ его сестеръ — Протасова, овдовѣвшая незадолго передъ тѣмъ, съ двумя дочерьми: Маріей и Александрой. Жуковскій вызвался давать имъ уроки русскаго языка, исторіи и другихъ предметовъ; уроки эти заключались главнымъ образомъ въ чтеніи русскихъ и иностранныхъ авторовъ и въ образовательныхъ бесѣдахъ. Жуковскій сильно привязался къ семьѣ Протасовыхъ и особенно полюбилъ старшую изъ своихъ ученицъ—Марію. Не надѣясь на возможность брака и борясь со своими чувствами, Жуковскій въ 1808 г. уѣхалъ въ Москву и взялъ въ свои руки изданіе „Вѣстника Европы“. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ занимался этимъ дѣломъ и помѣстилъ въ журналѣ цѣлый рядъ произведеній въ стихахъ и въ прозѣ, оригинальныхъ и переводныхъ (баллада *Людмила*, повѣсть *Марьина роща*—подражаніе „Бѣдной Лизѣ“ Карамзина,

Любовь къ Маріи Протасовой.

леннаго интереса къ собственной внутренней жизни; притомъ этотъ „культъ дружбы“ очень часто носилъ моральный характеръ, основанный на потребности лицъ, ему причастныхъ, найти себѣ въ дружескомъ единеніи нравственную поддержку въ преслѣдованіи задачъ личнаго самосовершенствованія. На почвѣ этихъ стремленій возникаетъ цѣлый рядъ дружескихъ кружковъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли существенное вліяніе на литературную жизнь. Дружескіе кружки подобнаго характера перешли и въ слѣдующую эпоху; таковъ, напр., извѣстный кружокъ Станкевича, существовавшій въ Москвѣ въ 30-хъ годахъ.

переводъ баллады Шиллера *Кассандра*, нѣсколько критическихъ статей: о басняхъ Крылова, о сатирахъ Кантемира и др.).

Однако ни разлука, ни занятія не могли ослабить въ Жуковскомъ силы овладѣвшаго имъ чувства, тѣмъ болѣе, что онъ былъ вполнѣ увѣренъ во взаимности. Оставивъ изданіе журнала, онъ снова переселился въ деревню и въ 1811 году сдѣлалъ попытку получить отъ Протасовой согласіе на бракъ съ ея дочерью, ссылаясь на то, что между ними нѣтъ офиціальнаго родства. Однако Протасова наотрѣзъ отказалась дать свое согласіе и даже запретила Жуковскому говорить о своихъ чувствахъ дочери, подъ опасеніемъ быть удаленнымъ изъ дома. Лѣтомъ 1812 года на одномъ домашнемъ праздникѣ исполнялся между прочимъ романсъ Жуковскаго „Пловецъ"; Протасова увидала въ этомъ романсѣ намеки на его чувства и потребовала, чтобы онъ удалился изъ дома. Жуковскій былъ въ отчаяніи, но возгорѣвшаяся Отечественная война дала ему возможность нѣсколько оправиться отъ пережитаго личнаго огорченія: онъ поступилъ въ московское ополченіе и вмѣстѣ съ нимъ присутствовалъ на Бородинскомъ полѣ, хотя и не участвовалъ въ сраженіи, такъ какъ состоялъ въ резервѣ. Послѣ пожара Москвы и отступленія французовъ Жуковскій въ лагерѣ при Тарутинѣ написалъ стихотвореніе *„Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ"*, которое доставило ему громкую извѣстность, такъ какъ служило какъ бы отголоскомъ патріотическихъ чувствъ всего русскаго общества. Однако на военной службѣ Жуковскій оставался недолго, такъ какъ вскорѣ заболѣлъ горячкой; оправившись, онъ вышелъ въ отставку и возвратился на родину. Нѣкоторое время онъ еще надѣялся устроить свое личное счастье съ любимой дѣвушкой; за него хлопотали его друзья и даже нѣкоторыя духовныя лица, но всѣ ихъ старанія не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ встрѣчали со стороны Протасовой рѣшительный отказъ. Жуковскому ничего не оставалось, какъ покориться, отказавшись отъ надежды на исполненіе своей мечты о семейномъ счастьѣ. Это было для него тяжелымъ ударомъ; тѣмъ не менѣе Жуковскій сумѣлъ найти въ себѣ силы перенести его съ достоинствомъ. „Много хорошаго есть въ жизни и безъ счастья", писалъ онъ въ одномъ письмѣ. Жуковскій примирился съ судьбой безъ ропота и безъ горечи, благодаря своему оптимистическому настроенію и сильному религіозному чувству. Въ стихотвореніи

„Теонъ и Эсхинъ“ (1814 г.) онъ выразилъ свою *философію смиренія*, основанную на твердой вѣрѣ, что Провидѣніе все устраиваетъ ко благу человѣка и что страданія необходимы для нравственнаго воспитанія человѣка.

Отказавшись отъ мысли о бракѣ, Жуковскій хотѣлъ тѣмъ не менѣе сохранить родственныя близкія отношенія къ Маріи Андреевнѣ, замѣнить ей отца или старшаго брата. Когда младшая сестра ея вышла замужъ за писателя Воейкова [1]), получившаго каѳедру русской литературы въ Дерптскомъ университетѣ, и вся семья Протасовыхъ переселилась въ Дерптъ, Жуковскій также мечталъ о томъ, чтобы поселиться тамъ вмѣстѣ съ ними; но подозрительная Протасова воспротивилась этому проекту, а двуличный и небезукоризненный въ нравственномъ отношеніи Воейковъ, на поддержку котораго разсчитывалъ Жуковскій, сталъ противъ него интриговать, не желая ни съ кѣмъ дѣлиться своимъ авторитетомъ въ семьѣ, состоявшей изъ однѣхъ женщинъ. Жуковскій былъ принужденъ отказаться отъ своего намѣренія; онъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ назначенъ чтецомъ при императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и только изрѣдка наѣзжалъ въ Дерптъ къ своимъ близкимъ. Нѣсколько времени спустя Марья Андреевна, чтобы избавиться отъ притѣсненій Воейкова, рѣшила выйти замужъ за другого дерптскаго профессора, доктора Мойера. Когда Жуковскій познакомился съ Мойеромъ, человѣкомъ чрезвычайно добрымъ и гуманнымъ, онъ вполнѣ одобрилъ этотъ планъ, хотя въ глубинѣ души онъ продолжалъ любить ее попрежнему. Отказываясь навсегда отъ личнаго счастья, Жуковскій руководился лишь желаніемъ упрочить благополучіе любимой дѣвушки. Съ своей стороны и Марья Андреевна не могла окончательно побѣдить въ своемъ сердцѣ чувство любви къ Жуковскому, хотя честно и съ достоинствомъ несла принятыя на себя обязанности. Въ сознаніи своего долга она черпала себѣ силу и бодрость духа, со смиреніемъ неся свой жизненный крестъ. Она умерла еще въ молодыхъ годахъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ замужества; въ послѣднемъ предсмертномъ письмѣ къ Жуковскому она съ трогательной нѣжностью выразила свои чувства, которыя сохранились въ ней до могилы, и, подобно Жуковскому, утѣшала себя надеждой на свиданіе въ загробной жизни.

Служба при дворѣ.

Между тѣмъ во внѣшнемъ положеніи Жуковскаго произошла важная перемѣна, опредѣлившая собой все дальнѣй-

---

[1]) *Воейковъ* (1778—1839), товарищъ Жуковскаго по Благородному пансіону. Переводилъ «Сады» Делиля и «Георгики» Вергилія. Былъ редакторомъ нѣсколькихъ журналовъ. Состоялъ членомъ «Арзамаса», но особеннымъ уваженіемъ среди своихъ товарищей не пользовался по своему эгоистическому и завистливому характеру. Наиболѣе замѣчательное изъ его произведеній остроумное сатирическое стихотвореніе «*Домъ сумасшедшихъ*» (1814), въ которомъ онъ изобразилъ большинство современныхъ русскихъ писателей, при чемъ ему удалось схватить наиболѣе характерныя черты каждаго изъ нихъ.

шее теченіе его жизни. Благодаря хлопотамъ друзей, онъ получилъ должность чтеца при императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (въ 1815 г.), а затѣмъ ему было поручено преподавать русскій языкъ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, невѣстѣ великаго князя Николая Павловича. Такимъ образомъ началась его долголѣтняя служба при дворѣ, въ непосредственной близости къ царскому семейству. Въ это время имя его уже пользовалось среди публики широкой извѣстностью, какъ одного изъ талантливѣйшихъ представителей новой школы. Все русское общество знало наизусть и декламировало „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ", въ которомъ вылилось патріотическое одушевленіе, овладѣвшее всѣми въ эпоху Отечественной войны. Изъ другихъ произведеній Жуковскаго особенной популярностью пользовалась „Людмила", одна изъ первыхъ *балладъ* въ русской литературѣ; своею „Людмилой" Жуковскій на нѣкоторое время сдѣлалъ „балладу" одной изъ любимѣйшихъ литературныхъ формъ.

Литературные успѣхи.

Успѣхъ Жуковскаго вызвалъ противъ него враждебныя нападки со стороны представителей старой литературной школы. Къ числу ихъ принадлежалъ драматургъ князь *Шаховской*, который въ 1815 году поставилъ на сцену комедію *„Липецкія воды"*, гдѣ между прочимъ вывелъ въ комическомъ видѣ Жуковскаго, въ лицѣ балладника Фіалкина [1]). Жуковскій, который присутствовалъ на представленіи, нисколько не оскорбился этимъ и даже самъ отъ души смѣялся и аплодировалъ автору, но друзья его гораздо больше приняли къ сердцу его затронутую честь и рѣшились отвѣчать на нападенія своихъ литературныхъ противниковъ тѣмъ же оружіемъ, т.-е. насмѣшкою. Для этого они основали общество *„Арзамасъ"*, которое объединило вокругъ себя большинство представителей новаго литературнаго направленія. Всѣ члены получили прозвища, взятыя изъ балладъ Жуковскаго; самъ *Жуковскій* назывался Свѣтланой, *кн. Вяземскій*—Асмодеемъ, *А. И. Тургеневъ*—Эоловой арфой, *Блудовъ*—Кассандрой и т. д.

Арзамасъ.

---

[1]) Фіалкинъ въ комедіи отличается приторною чувствительностью, стремится излить въ стихахъ «слезу горячую въ грудь друга своего», воспѣваетъ любовь и мечты, а въ балладахъ выводитъ мертвецовъ и привидѣнія:

И полночь, и пѣтухъ, и звонъ костей въ гробахъ,
И чу!.. все страшно въ нихъ; но милымъ все пріятно,
Все восхитительно!—хотя невѣроятно.

Впослѣдствіи къ обществу примкнулъ *Пушкинъ*, получившій въ немъ прозвище „Сверчка“. Собранія „Арзамаса“ носили шутливый характеръ, представляя собой пародію на засѣданія „Бесѣды любителей русскаго слова“ и отчасти на собранія масонскихъ ложъ. Секретаремъ „Арзамаса“ нѣкоторое время былъ Жуковскій, написавшій нѣсколько остроумныхъ стихотворныхъ протоколовъ его собраній. Главной задачей „*Арзамаса*“ была *литературная борьба* противъ партіи „*славяно-россовъ*“, приверженцевъ старины, группировавшихся вокругъ Шишковской „*Бесѣды*“; орудіемъ этой борьбы была главнымъ образомъ *пародія* и *насмѣшка*. Когда же нѣкоторые изъ членовъ захотѣли придать обществу болѣе серьезный характеръ, отчасти даже политическій, и выступили съ предложеніемъ объ изданіи журнала для распространенія новыхъ взглядовъ въ публикѣ, общество распалось и прекратило свое существованіе (въ 1818 г.).

Несмотря на занятія и на разсѣянія придворной жизни, Жуковскій находилъ время и для литературныхъ трудовъ. Ученица его вел. княгиня Александра Ѳеодоровна была большая любительница поэзіи; Жуковскій перевелъ для нея многія изъ ея любимыхъ стихотвореній *нѣмецкихъ поэтовъ* (Шиллера, Гёте, Гебеля); эти переводы были изданы, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ текстомъ, въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ, подъ заглавіемъ „Für Wenige“ (*Для немногихъ*), такъ какъ предназначались лишь для ближайшихъ лицъ и въ продажу не поступали.

Въ 1821 году Жуковскій въ свитѣ великой княгини отправился за границу. Довольно долгое время онъ прожилъ въ Берлинѣ, гдѣ ему особенно понравился театръ; подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ берлинской сцены онъ принялся за переводъ „*Орлеанской Дѣвы*“ Шиллера, который закончилъ два года спустя. Путешествуя по Германіи, онъ усердно посѣщалъ музеи, картинныя галлереи, памятники старины; особенно сильное впечатлѣніе произвела на него „Мадонна“ Рафаэля въ Дрезденской галлереѣ; пережитыя имъ чувства при созерцаніи этой картины онъ выразилъ въ особой статьѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Жуковскій не упускалъ случая знакомиться и съ выдающимися германскими писателями и учеными: въ Берлинѣ съ Гумбольдтомъ, въ Дрезденѣ съ Тикомъ, главою нѣмецкихъ романтиковъ; въ Веймарѣ онъ посѣтилъ Гёте. Изъ Германіи Жуковскій проѣхалъ въ Швейцарію, величественная природа которой произвела на него громадное впечатлѣніе; между прочимъ на берегу Женевскаго озера онъ посѣтилъ Шильонскій замокъ, въ которомъ нѣкогда томился

въ заключеніи Бониваръ, женевскій гражданинъ; въ ознаменованіе этого посѣщенія онъ перевелъ поэму Байрона: „Шильонскій Узникъ“.

Жуковскій — воспитатель наслѣдника.

Послѣ вступленія на престолъ императора Николая I Жуковскій былъ назначенъ въ 1826 году наставникомъ наслѣдника цесаревича Александра Николаевича. Признавая всю сложность и всю отвѣтственность принятой на себя должности, Жуковскій рѣшилъ всецѣло посвятить себя новой дѣятельности. „Моя настоящая должность беретъ все мое время, писалъ онъ роднымъ. Въ головѣ одна мысль, въ душѣ одно желаніе... Какая забота и отвѣтственность! Занятіе питательное для души! Цѣль для цѣлой остальной жизни!.. Прощай навсегда поэзія съ риѳмами! Поэзія другого рода со мною. Ей должна быть посвящена остальная жизнь“.

Педагогическое дѣло не было для Жуковскаго совершенно новымъ, такъ какъ уже раньше онъ занимался образованіемъ своихъ племянницъ Протасовыхъ, а затѣмъ руководилъ воспитаніемъ другихъ своихъ родственниковъ, братьевъ Кирѣевскихъ, впослѣдствіи извѣстныхъ литературныхъ дѣятелей. Вообще въ характерѣ Жуковскаго была склонность къ педагогическимъ занятіямъ, въ значительной мѣрѣ обусловленная его любовью къ дѣтямъ вообще. Онъ относился къ принятому на себя дѣлу съ чрезвычайной добросовѣстностью, отдавая ему всѣ свои силы и все время. „Мнѣ не только надобно учить, но и учиться“, писалъ онъ друзьямъ. Для того, чтобы лучше подготовиться къ предстоящимъ занятіямъ, Жуковскій отправился за границу, гдѣ онъ знакомился съ существующими системами и теоріями воспитанія, съ выдающимися педагогами и съ педагогической литературой. На основаніи этого изученія онъ выработалъ подробный „планъ“ воспитанія великаго князя, разсчитанный на 12 лѣтъ. Къ преподаванію различныхъ наукъ были призваны избранные Жуковскимъ спеціалисты, а самъ онъ преподавалъ русскій языкъ и имѣлъ общій надзоръ за воспитаніемъ. Въ основу образованія были положены гуманитарныя науки и особенное вниманіе было обращено на изученіе исторіи, которую Жуковскій считалъ лучшей школой для будущаго монарха. Но главной задачей своей Жуковскій считалъ развитіе въ своемъ питомцѣ нравственнаго чувства, или, какъ онъ самъ выражался, „образованіе для добродѣтели“; въ этомъ онъ видѣлъ цѣль всякаго воспитанія вообще, и въ этомъ духѣ онъ велъ дѣло воспитанія своего царственнаго питомца, развивая въ его душѣ свѣтлыя и гуманныя чувства, которыя впослѣдствіи сказались въ цѣломъ рядѣ благодѣтельныхъ реформъ Царя-Освободителя.

О томъ духѣ и направленіи, въ какомъ велъ Жуковскій воспитаніе наслѣдника, свидѣтельствуютъ его собственныя

слова и пожеланія, съ которыми онъ обращался къ своему будущему питомцу въ стихотвореніи, написанномъ по случаю его рожденія:

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго свидѣтель славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій—человѣкъ.
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ—свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
Вотъ правила царей великихъ внуку.

Въ свою очередь великій князь относился къ своему наставнику съ любовью и уваженіемъ и до конца жизни Жуковскаго находился съ нимъ въ дѣятельной перепискѣ. Въ 1837 г. наслѣдникъ совершилъ путешествіе по Россіи въ сопровожденіи Жуковскаго, а въ слѣдующемъ году отправился вмѣстѣ съ своимъ воспитателемъ за границу. Этими поѣздками закончились годы ученія Александра Николаевича, и въ 1841 году Жуковскій вышелъ въ отставку, щедро награжденный за свои труды.

Во время своихъ занятій съ наслѣдникомъ Жуковскій могъ лишь урывками заниматься литературой, напр., во время своихъ неоднократныхъ поѣздокъ за границу, куда онъ ѣздилъ лѣчиться.

Такимъ образомъ даже эти годы не пропали для него въ литературномъ отношеніи даромъ, и онъ успѣлъ написать цѣлый рядъ произведеній, напр., „Ундину“, „Камоэнса“ и нѣсколько сказокъ и стихотвореній. Окончивъ дѣло воспитанія наслѣдника и выйдя въ отставку, Жуковскій уѣхалъ за границу и тамъ въ 1841 г. женился на дочери своего стараго друга Рейтерна и поселился въ Диссельдорфѣ. Такимъ образомъ на склонѣ лѣтъ ему, наконецъ, улыбнулось семейное счастье, о которомъ онъ мечталъ всю жизнь. Къ сожалѣнію, Жуковскому не пришлось вернуться на родину, какъ онъ этого хотѣлъ, потому что слабое здоровье его жены требовало пребыванія въ мягкомъ климатѣ.

Жизнь за границей.

Освободившись отъ служебныхъ занятій, Жуковскій съ новой энергіей предался литературной дѣятельности. Дѣятельность эта преимущественно сосредоточивалась на перево-

дахъ. Особенно заинтересовался Жуковскій въ это время народнымъ эпосомъ. Въ теченіе шести лѣтъ онъ трудился надъ переводомъ „*Одиссеи*“. Кромѣ того изъ индійскаго эпоса Жуковскій перевелъ эпизодъ „*Наль и Дамаянти*“, а изъ древне-персидской „Книги Царей“ (Шахъ-Наме) отрывокъ „*Рустемъ и Зорабъ*“, пользуясь вольнымъ нѣмецкимъ переводомъ Рюккерта. Изъ оригинальныхъ трудовъ къ этому времени относится поэма „*Странствующій Жидъ*“, оставшаяся впрочемъ незаконченной, вслѣдствіе кончины Жуковскаго.

Послѣдніе годы.

Въ послѣдніе годы жизни у Жуковскаго особенно усилилось свойственное ему *религіозное настроеніе*, съ оттѣнкомъ мистицизма, склонность къ которому у него обнаружилась уже давно. Подъ вліяніемъ этого настроенія онъ написалъ нѣсколько прозаическихъ статей, представляющихъ собою размышленія на религіозно-нравственныя темы. Общность настроенія и взглядовъ особенно *сблизила Жуковскаго съ Гоголемъ*, который въ эту эпоху проживалъ за границей и у котораго въ это время ясно обнаружился душевный переломъ, приведшій его къ мистицизму.—Послѣдніе годы жизни Жуковскаго были омрачены различными испытаніями: болѣзнью жены, смертью нѣкоторыхъ друзей, въ томъ числѣ Гоголя, собственными тяжелыми недугами, изъ которыхъ самымъ тягостнымъ для него была почти полная потеря зрѣнія. Но всѣ эти испытанія онъ переносилъ съ твердостью, не теряя своего спокойнаго и свѣтлаго настроенія, въ которомъ поддерживала его глубокая вѣра въ Божественный Промыселъ. Лишенный самъ возможности писать, онъ диктовалъ строфы своей послѣдней поэмы („*Странствующій Жидъ*“), въ которой онъ хотѣлъ выразить свою религіозно-нравственную философію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Жуковскій задумывалъ и новые труды, напр., переводъ Иліады. Но этимъ планамъ уже не суждено было осуществиться: 12 апрѣля 1852 года Жуковскій скончался въ Баденъ-Баденѣ. Тѣло его было перевезено въ Петербургъ и похоронено въ Александро-Невской лаврѣ, рядомъ съ могилой Карамзина.

Личность Жуковскаго.

Характеръ Жуковскаго отличался многими симпатичными чертами. Душевная мягкость и чистота, въ соединеніи съ *высокимъ идеализмомъ*, составляли основу его характера. Оберегая свою душевную чистоту, онъ инстинктивно чуждался всего грубаго, пошлаго и непривлекательнаго, что есть въ дѣйствительной жизни,

предпочитая жить въ мірѣ чистой мечты. Жуковскій самъ такъ характеризуетъ себя въ одномъ стихотвореніи:

...Я, мечтательнаго зритель,
Глядѣлъ до сей поры на свѣтъ
Сквозь призму сердца, какъ поэтъ:
Съ его прекрасной стороною
Я неиспорченной душою
Знакомъ, но въ тридцать слишкомъ лѣтъ
Я все дитя, и буду вѣчно
Дитя, жилецъ земли безпечный.

Изъ идеалистическаго настроенія Жуковскаго вытекалъ и его *возвышенный взглядъ на значеніе человѣка*, на человѣческое достоинство. Въ стихотвореніи „На рожденіе великаго князя Александра Николаевича“ поэтъ высказывалъ пожеланіе, чтобы онъ никогда не забывалъ „святѣйшаго изъ званій—человѣкъ“. Эту же мысль онъ влагаетъ въ уста Теону, который вообще является выразителемъ взглядовъ и чувствъ самого поэта; онъ говоритъ:

При мысли великой, что *я—человѣкъ*,
Всегда возвышаюсь душою.

Этотъ возвышенный идеализмъ находилъ себѣ опору также и въ глубокомъ *религіозномъ чувствѣ*, отличавшемъ Жуковскаго. Жизненныя испытанія не ожесточили его души; напротивъ того, онъ принималъ ихъ со смиреніемъ и благодарностью, какъ нѣкій спасительный урокъ, ниспосланный свыше. Довѣренность къ Провидѣнію, убѣжденіе, что Оно заботится о человѣкѣ и ведетъ его ко благу, составляли глубочайшую основу міросозерцанія Жуковскаго. Изъ этой вѣры вытекалъ и его свѣтлый *оптимизмъ*, который выразился, напр., въ словахъ Эсхина:

Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ:
Все въ жизни къ великому средство,
И горе, и радость—все къ цѣли одной:
Хвала жизнедавцу—Зевесу!

Идеаломъ счастія была для Жуковскаго тихая семейная жизнь, въ кругу друзей, объединенныхъ общими интересами и симпатіями, и мирный трудъ на избранномъ поприщѣ: стремленіе къ широкой общественной дѣятельности было чуждо натурѣ Жуковскаго, также какъ и жажда славы, внѣшняго блеска и почестей. Въ частной жизни Жуковскій отличался замѣчательной *добротой*, *сердечностью* и *отзывчивостью*: онъ далъ свободу своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ и слугамъ, хлопоталъ за декабристовъ и добился нѣкотораго облегченія ихъ участи; особенно любилъ Жуковскій оказывать помощь и поддержку людямъ талантливымъ: литераторамъ, ученымъ, художникамъ и т. д.: главнымъ образомъ благодаря его стараніямъ былъ освобожденъ отъ крѣпостной зависимости

извѣстный малороссійскій поэтъ Шевченко, для выкупа котораго Жуковскій собралъ значительную сумму денегъ.

Съ трогательной любовью и заботливостью относился Жуковскій къ Пушкину, котораго онъ самъ назвалъ „побѣдителемъ-ученикомъ“: онъ хлопоталъ за него передъ властями во время опалы и поддерживалъ его въ тяжелыя минуты; въ свою очередь Пушкинъ платилъ ему горячей привязанностью; Жуковскій въ числѣ немногихъ присутствовалъ при его кончинѣ и оставилъ трогательное описаніе его послѣднихъ дней; послѣ смерти Пушкина Жуковскій принялъ на себя изданіе его произведеній, а отчасти также и заботу о его семьѣ. Эта доброта и отзывчивость Жуковскаго привлекала къ нему всеобщія симпатіи, благодаря чему онъ служилъ связью между людьми различныхъ взглядовъ и направленій. Въ молодости онъ игралъ видную роль въ „Арзамасѣ“, но и впослѣдствіи, отвлеченный отъ литературы своими педагогическими занятіями, онъ однако являлся центромъ дружескаго кружка, въ который входили лучшіе современные писатели: Пушкинъ, Гоголь, кн. Вяземскій, Дельвигъ, Плетневъ и др.

Хотя поэзія Жуковскаго отличается преимущественно грустнымъ характеромъ, однако въ общежитіи онъ вовсе не былъ мрачнымъ меланхоликомъ; напротивъ того, онъ любилъ добродушную веселость, любилъ шутку и беззлобное остроуміе; слѣды этого настроенія находимъ мы и въ его произведеніяхъ, напр., въ юмористическихъ Арзамасскихъ протоколахъ и въ такъ называемыхъ „Долбинскихъ“ стихотвореніяхъ.

2. Творчество Жуковскаго: лирика.

Общій характеръ литературнаго творчества Жуковскаго всего удачнѣе опредѣленъ имъ самимъ въ одномъ письмѣ къ Гоголю: „мой умъ, какъ огниво, которымъ надо ударить о кремень, чтобы изъ него выскочила искра: *у меня почти все чужое, или по поводу чужого,—и все однако мое*“. Эти слова представляютъ собой точную характеристику творчества Жуковскаго. Онъ не былъ писателемъ самобытнымъ: большинство его произведеній представляютъ собой *переводы* или *передѣлки* иностранныхъ образцовъ, сюжеты его стихотвореній большей частью заимствованы; но въ то же время на всей его поэзіи лежитъ яркій *отпечатокъ его собственной личности* и, несмотря на заимствованія изъ различныхъ источниковъ, поэзія его отличается внутреннимъ единствомъ и цѣльностью. Это зависѣло, во-первыхъ, оттого, что Жуковскій выбиралъ для перевода лишь такія произведенія, которыя *соотвѣтствовали его собственному настроенію*, его чувствамъ и взглядамъ, и, во-вторыхъ, Жуковскій относился къ своему подлиннику до-

Свое и чужое въ произведеніяхъ Жуковскаго.

вольно свободно, позволяя себѣ производить, по своему усмотрѣнію, различные *измѣненія, вставки и выпуски*, придавая такимъ образомъ чужому произведенію новый характеръ и *субъективную окраску*.

Произведенія Жуковскаго можно раздѣлить на три группы: 1) произведенія лирическія, 2) произведенія эпическаго характера и 3) переводы и передѣлки.

Среди лирическихъ произведеній наиболѣе часто встрѣчаются у Жуковскаго *элегіи*. Вообще элегія была излюбленной формой лирики въ эпоху сентиментализма и романтизма, подобно тому какъ ода господствовала въ ложно-классической лирикѣ. Въ этомъ преобладаніи элегіи отчасти сказывается *индивидуализмъ* эпохи: именно въ эту эпоху писатели стали особенно интересоваться внутренней, интимной жизнью личности, стали пристальнѣе всматриваться въ собственную душу, анализировать свои чувства и раскрывать ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Изъ этого стремленія воплотить въ лирикѣ сокровенныя движенія души естественно проистекала *повышенная чувствительность*, столь характерная для сентиментально-романтической эпохи; а эта повышенная чувствительность въ свою очередь вызывала, при столкновеніи съ суровой дѣйствительностью, неизбѣжныя внутреннія страданія и придавала поэтическому творчеству грустный, унылый характеръ: вотъ почему въ области лирики и получаетъ господство меланхолическая *элегія*. Элегія.

Серьезная литературная дѣятельность Жуковскаго, послѣ первыхъ школьныхъ попытокъ, началась именно съ *элегій*. Въ 1802 г. онъ написалъ „*Сельское Кладбище*“, представляющее собою передѣлку элегіи Грея, англійскаго поэта сентиментальной школы. Стихотвореніе это очень характерно по своему содержанію и настроенію для поэзіи сентиментализма вообще. Оно начинается съ картины лѣтняго вечера: поэты сентиментально-романтической эпохи вообще любили переноситься въ обстановку ночного пейзажа; ночь, съ ея таинственностью и задумчивостью, наиболѣе гармонировала съ ихъ основнымъ настроеніемъ: въ ночное время, когда затихаетъ тревога дня, съ его заботами и разсѣяніями, яснѣе слышится голосъ *чувства*, а самый мракъ и тишина ночи предрасполагаютъ къ задумчивости, къ „пріятной меланхоліи“. *Картина ночи* въ элегіи „Сельское Кладбище“ строго выдержана

Сельское Кладбище.

Черты сентиментализма.

въ стилѣ сентиментализма: луна, развалины, стенящій крикт совы, роговъ унылый звонъ,—все это создаетъ подходящую обстановку для элегическихъ размышленій. *Мысль о ничто жествѣ человѣческой жизни* и бренности земного счастія и величія также является излюбленной темой для поэтовъ сентиментальной школы; эта мысль уже рано была усвоена Жуковскимъ и стала любимымъ предметомъ его размышленій такъ, напр., еще въ пансіонѣ онъ написалъ прозаическій отрывокъ: „Мысли при гробницѣ“, а стихотвореніе „Къ человѣку“ написанное ранѣе „Сельскаго Кладбища“ (въ 1801 г. наполнено сѣтованіями на человѣческую судьбу, хотя и грѣшитъ растянутостью и реторичностью. Эта же мысль выражена въ элегіи „Сельское Кладбище“:

На всѣхъ ярится смерть; царя, любимца славы,
Всѣхъ ищетъ грозная... и нѣкогда найдетъ!
Всемощныя судьбы незыблемы уставы,
И путь величія ко гробу насъ ведетъ.

Передъ смертью всѣ равны, богатый и бѣдный, сильный и слабый. Лишая людей ихъ внѣшнихъ преимуществъ, она тѣмъ яснѣе подчеркиваетъ ихъ внутреннее различіе по нравственнымъ качествамъ. Характерно въ этомъ отношеніи для сентиментальной поэзіи ясно выраженное въ элегіи *сочувствіе къ низшимъ, обездоленнымъ*. Обращаясь къ „рабамъ суетъ“, „наперсникамъ фортуны ослѣпленнымъ“, поэтъ совѣтуетъ не относиться съ легкомысленнымъ презрѣніемъ къ скромнымъ памятникамъ сельскаго кладбища, такъ какъ подъ ними, быть можетъ, покоятся люди съ великими нравственными и умственными силами, которыя не могли получить въ нихъ полнаго развитія лишь потому, что

Ихъ рокъ обременилъ убожества цѣпями,
Ихъ геній строгою нуждой былъ умерщвленъ.

Такимъ образомъ элегія проникнута гуманнымъ чувствомъ состраданія и проводитъ нравственную идею о превосходствѣ душевныхъ качествъ надъ внѣшнимъ положеніемъ человѣка. Заканчивается элегія меланхолическими размышленіями поэта о собственной судьбѣ. Поэтъ предвидитъ свою близкую кончину, предвидитъ, что скоро на его могилу *„чувствительный* придетъ, мечтой сопровожденный“. Онъ рисуетъ

свой образъ, типичный образъ сентиментальнаго поэта, который съ любовью предается „горести безпечной, молчаливой“, который „томными очами уныло слѣдуетъ за тихою зарей“, и, сумрачный, уходитъ „въ дубраву слезы лить“. Соотвѣтствуетъ этой характеристикѣ и надгробная эпитафія, составленная для самого себя поэтомъ:

Здѣсь пепелъ юноши безвременно сокрыли;
Что слава, счастіе, не зналъ онъ въ мірѣ семъ,
Но музы отъ него лица не отвратили
И меланхоліи была печать на немъ.
Онъ кротокъ сердцемъ былъ, *чувствителенъ* душою—
Чувствительнымъ Творецъ награду положилъ.
Дарилъ несчастныхъ онъ—чѣмъ только могъ—слезою;
Въ награду отъ Творца онъ друга получилъ.

Кромѣ „Сельскаго Кладбища“ характерныя черты сентиментализма, съ его условной чувствительностью и меланхоліей, отразились и во многихъ другихъ стихотвореніяхъ Жуковскаго, особенно раннихъ, напр., въ элегіяхъ „Вечеръ“, „Пѣвецъ“, въ посланіи „Къ Филарету“ и др. Поэтъ жалуется, что его гнететъ „сомнѣній грузъ“, что онъ скитается одиноко „съ разочарованной душою“.—Что жизнь, восклицаетъ онъ,—когда въ ней нѣтъ очарованья! Въ душѣ его „унылость тихая хранится“, а кончины часъ является его любимою мечтою; въ смерти онъ видитъ „вѣрный путь къ покою“ и ждетъ,

Чтобъ Промысла рука обратно то взяла,
Чѣмъ я безрадостно въ семъ мірѣ бременился,
Ту жизнь, въ которой я такъ мало насладился,
Которую давно надежда не златитъ.

Отраженіе личной жизни въ поэзіи.

Хотя многія изъ этихъ выраженій отзываются поэтической условностью, свойственной сентиментализму, однако элегическое настроеніе его поэзіи вовсе не было простымъ усвоеніемъ господствующей литературной манеры, а *зависѣло отъ обстоятельствъ его личной жизни и поэтому было вполнѣ искреннимъ*. Ненормальное семейное положеніе, утрата лучшаго друга (Андрея Тургенева), тяжелая драма несчастной любви къ Маріи Протасовой,—все это способствовало въ немъ развитію грустнаго настроенія и все это находило себѣ отраженіе въ его поэзіи. Въ этомъ отношеніи поэзія Жуковскаго представляетъ собой нѣчто совершенно новое въ

Искренность настроенія.

русской литературѣ. Жуковскій впервые открылъ поэзіи доступъ *въ интимную внутреннюю жизнь личности*, заговорилъ языкомъ живого, искренняго чувства. Поэзія Жуковскаго вся проникнута *субъективнымъ содержаніемъ*, и онъ былъ вполнѣ правъ, когда говорилъ, что для него „жизнь и поэзія одно". Въ его произведеніяхъ отразилась вся его внутренняя жизнь, жизнь сердца, отразились его интимнѣйшія чувства и глубочайшія вѣрованія. Эта искренность его поэзіи придаетъ ей особую *задушевность*, которая, въ соединеніи съ *нравственной чистотой* его личности, съ его *высокимъ идеализмомъ*, производитъ обаятельное впечатлѣніе на читателя.

Исповѣдь сердца.

Особенно много стихотвореній Жуковскаго вызвано исторіей его несчастной любви. По этимъ стихотвореніямъ можно прослѣдить всю исторію его чувства, глубокаго и чистаго, во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ. Свѣтлое, исполненное надеждъ вначалѣ („Пѣсня", 1808 г.), оно скоро, подъ вліяніемъ внѣшнихъ затрудненій, получаетъ грустный, элегическій характеръ. Особенно часто повторяется у Жуковскаго *мотивъ разлуки*; между любящими встаетъ препятствіе, въ видѣ чужой воли, они принуждены разстаться, жизнь ихъ разбита („Эолова Арфа", „Эльвина и Эдвинъ", „Жалоба пастуха"). Но разлука эта не ослабляетъ силы чувства: сердце сохраняетъ вѣрность до гроба („Рыцарь Тогенбургъ"). Порой прорываются звуки щемящей боли при мысли, что любимая дѣвушка стала женою другого („Къ Мойеру", „Къ Эммѣ: — Ты живешь въ сіяньи дня, — Ты живешь не для меня!") Смерть любимаго человѣка вызываетъ стихотвореніе, полное трогательной, но спокойной грусти („19-го марта 1823"). Но мысль о смерти не вноситъ въ душу поэта тоски и отчаянія, благодаря его глубокой вѣрѣ въ загробную жизнь, въ свиданіе и соединеніе за гробомъ. Отказавшись, подъ давленіемъ обстоятельствъ, отъ личнаго счастья, поэтъ живетъ воспоминаніями о пережитыхъ счастливыхъ минутахъ, онъ воспѣваетъ „минувшихъ дней очарованье" и „святое прежде" („Пѣсня", 1816 г.); вмѣстѣ съ воспоминаніями его поддерживаетъ также и *надежда* на то, что мечта его жизни исполнится за гробомъ, за которымъ открывается для него „предѣлъ соединенья", гдѣ „былое сбудется опять". Эта мысль становится излюбленной темой его поэтическихъ вдохновеній („Голосъ съ того свѣта", „Теонъ и Эсхинъ", „Утѣшеніе",

„Жалоба Цереры“:—„любовь не умираетъ и въ отшедшихъ за Коцитъ“, говорится въ послѣднемъ стихотвореніи, переведенномъ изъ Шиллера въ годовщину смерти М. А. Мойеръ). Вообще *воспоминанія*, которыя Жуковскій образно называетъ „фонарями, освѣщающими потемки жизни“, и смутныя *надежды* на грядущее блаженство, вотъ — излюбленные мотивы творчества Жуковскаго. Онъ самъ выразилъ это въ стихотвореніи „Мотылекъ и цвѣты“:

О милое воспоминанье
О томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ!
О дума сердца—упованье
На лучшій неизмѣнный свѣтъ!
Блаженъ, кто васъ среди губящаго
Волненья жизни сохранилъ
И съ вами низость настоящаго
И пренебрегъ и позабылъ.

Взглядъ на жизнь.

Эта *вѣра въ міръ идеальный*, по отношенію къ которому земная жизнь есть лишь приготовленіе, поддерживала Жуковскаго во всѣхъ жизненныхъ испытаніяхъ. Онъ любилъ повторять, что этотъ идеальный міръ есть настоящая *родина души*, и въ своей земной жизни человѣкъ является лишь странникомъ, случайнымъ гостемъ. Поэтому и земныя страданія имѣютъ случайный, преходящій характеръ и ниспосылаются Провидѣніемъ ко благу человѣка. Эта вѣра легла въ основу той *философіи смиренія, отреченія* („резигнаціи“), которая довольно рано сложилась въ умѣ Жуковскаго. Уже въ стихотвореніи *„Теонъ и Эсхинъ“* (1814 г.) намѣчены главныя черты этой философіи. Юноша Эсхинъ, разочарованный жизнью, пресытившійся ея удовольствіями, возвращается на родину:

Теонъ и Эсхинъ.

Онъ долго по свѣту за счастьемъ бродилъ,
Но счастье, какъ тѣнь, убѣгало.
И роскошь, и слава, и Вакхъ, и Эротъ
Лишь сердце его изнурили;
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ, увяла душа;
Въ немъ скука смѣнила надежду.

На родинѣ онъ находитъ друга своего Теона, сидящаго у могилы своей молодой жены, и высказываетъ ему свои сѣтованія на непрочность человѣческаго счастья и обманчивость надеждъ. Но Теонъ, несмотря на испытанную имъ потерю, далекъ отъ отчаянія и въ отвѣтъ на жалобы своего

друга говоритъ, что должно различать между истинными и призрачными условіями счастья:

Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнныя блага: *любовь*
И сладость возвышенныхъ мыслей.

Оба эти условія не подвластны закону уничтоженія, потому что *„для сердца прошедшее вѣчно“*, а вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно и стремленіе къ прежней возвышенной цѣли, такъ какъ, по глубокому убѣжденію Жуковскаго, недостаточно быть счастливымъ, нужно еще *„быть достойнымъ счастья“* („Пѣсня“, 1813 г.). Поэтому утрата подруги не вызываетъ въ душѣ его мрачнаго отчаянія и возмущенія противъ судьбы, ни даже горечи; онъ смотритъ на свою потерю какъ на временную разлуку и выражаетъ полную увѣренность, что настоящее счастье ожидаетъ его еще впереди,

Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ
Погибшее намъ возвратится...
Въ сей сладкой недеждѣ я выше судьбы
И жизнь мнѣ земная священна;
При мысли великой, что я—*человѣкъ*,
Всегда возвышаюсь душою.
Сей гробъ—затворенная къ счастію дверь,
Отворится... жду и надѣюсь.

Свою рѣчь онъ заканчиваетъ бодрымъ возгласомъ, въ которомъ воплотилась его непоколебимая вѣра въ благость Провидѣнія:

Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ,
Все въ жизни—къ великому средство;
И горе, и радость—все къ цѣли одной:
Хвала жизнедавцу Зевесу!

Оптимизмъ Жуковскаго.

Въ уста Теона Жуковскій вложилъ свои собственныя убѣжденія, которымъ онъ оставался вѣренъ въ теченіе всей своей жизни и которыя помогли ему сохранить спокойную ясность души во всѣхъ перемѣнахъ судьбы. Смиреніе и покорность волѣ Провидѣнія связывались у него съ глубокимъ *оптимизмомъ*, съ убѣжденіемъ, что все въ жизни человѣка клонится къ лучшему, ведетъ къ благу, даже несчастія и утраты, и поэтому за все мы должны благодарить пекущееся

о насъ Провидѣніе. Эту мысль Жуковскій выразилъ въ четверостишіи:

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ присутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: *ихъ нѣтъ;*
А съ благодарностію: *были.*

Религіозное чувство.

Этотъ оптимизмъ основывался у Жуковскаго на глубокомъ *религіозномъ чувствѣ.* Жуковскій проповѣдывалъ покорность предъ лицомъ страданія, потому что видѣлъ въ немъ спасительную школу, приготовляющую человѣка къ иной, лучшей жизни. „*Несчастіе великій учитель*“, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ, „а главная наука жизни—терпѣніе“. Мы живемъ на землѣ не для счастія, — повторяетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—потому что даже не знаемъ, въ чемъ заключается наше истинное счастье; мы живемъ — для *смиренія*: нужно поэтому каждому нести свой крестъ не только съ покорностью, но и съ радостью: „жизнь есть школа смиренія; у каждаго свой профессоръ этой науки“. Въ элегіи: „*На кончину королевы Вюртембергской*“, одной изъ лучшихъ элегій Жуковскаго, мы находимъ выраженіе подобныхъ же мыслей. Поэтъ въ горестномъ раздумьѣ останавливается передъ непрочностью человѣческаго счастья:

О наша жизнь, гдѣ вѣрны лишь утраты,
Гдѣ милому мгновенье лишь дано,
Гдѣ скорбь безъ крылъ, а радости крылаты,
И гдѣ навѣкъ минувшее одно...
Почто жъ мы здѣсь мечтами такъ богаты,
Когда мечтамъ не сбыться суждено?

Счастіе и радость мгновенны, и чѣмъ онѣ выше и совершеннѣе, тѣмъ неизбѣжнѣе подвержены уничтоженію. Истинно прекрасное не принадлежитъ землѣ и проявляется въ земной жизни лишь на краткій срокъ для того, чтобы снова вернуться на свою родину, въ міръ идеальнаго бытія.

Прекрасное погибло въ пышномъ цвѣтѣ,
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ.

Такимъ образомъ „прекрасное“ есть какъ бы вѣстникъ изъ иного міра; поэтому мы должны примириться съ его мимолетностью и вѣрить, что оно вернется намъ при пере-

ходѣ въ лучшую жизнь, въ тотъ „отческій домъ“, котораго „лишь только входъ—земная сторона“.

Земная жизнь небеснаго наслѣдникъ;
Несчастье намъ учитель, а не врагъ,
Спасительно-суровый собесѣдникъ,
Безжалостный разитель бренныхъ благъ,
Великаго понятный проповѣдникъ...
Оно идетъ, все руша передъ нами
И скорбію дружа насъ съ небесами.

Поэзія, какъ отголосокъ идеальнаго міра.

Еще яснѣе эту мысль о значеніи *прекраснаго*, какъ отраженія идеальнаго міра, Жуковскій формулируетъ въ примѣчаніи къ своему стихотворенію „Лалла-Рукъ“: „Руссо говоритъ: il n'y a de beau que ce qui n'est pas: прекрасно только то, чего нѣтъ; это не значитъ, что прекрасное не существуетъ,—оно есть, но только является намъ минутами, для того единственно, чтобы намъ сказаться, оживить насъ, возвысить нашу душу—но его ни удержать, ни разглядѣть, ни постигнуть мы не можемъ: оно ощутительно и непонятно; оно посѣщаетъ насъ въ лучшія минуты жизни. И всегда соединяется съ нимъ грусть, но грусть, не лишающая бодрости, а животворная и сладкая, какое-то смутное стремленіе: это происходитъ отъ его скоротечности, отъ его невыразимости, отъ его необъятности... Эта грусть убѣдительно говоритъ намъ, что прекрасное здѣсь не дома, что оно только мимо пролетающій благовѣститель лучшаго; оно есть восхитительная тоска по отчизнѣ; оно дѣйствуетъ на нашу душу не *настоящимъ*, а темнымъ воспоминаніемъ всего прекраснаго въ *прошедшемъ* и тайнымъ ожиданіемъ чего-то въ *будущемъ*“.

Такимъ образомъ, не находя себѣ полнаго удовлетворенія въ дѣйствительной жизни, Жуковскій уходилъ отъ нея въ свѣтлый идеальный міръ. Это стремленіе къ идеальному одушевляетъ всю его поэзію: оно же опредѣляетъ и его теоретическіе взгляды на значеніе поэзіи, на которую онъ смотрѣлъ какъ на посредницу между міромъ земнымъ и міромъ идеальнымъ:

Съ ней все близкое прекрасно,
Все знакомо, что вдали.

Кромѣ *элегій* лирика Жуковскаго заключаетъ въ себѣ значительное число романсовъ (пѣсенъ), идиллій, посланій, шутливыхъ стихотвореній и т. д. *Романсы* его отличаются большой задушевностью и музыкальностью. Въ *идилліяхъ* сказываются мирныя наклонности Жуковскаго, его симпатіи къ тихой семейной жизни; особенно много переводилъ онъ идиллій изъ нѣмецкаго поэта Гебеля („Утренняя звѣзда“, „Лѣтній вечеръ“, „Овсяный кисель“); въ „Одиссеѣ“ также его преимущественно привлекали идиллическія картины, обильно разбросанныя въ поэмѣ.

Къ числу лирическихъ произведеній принадлежатъ также и *патріотическія* стихотворенія Жуковскаго. Наиболѣе извѣстное изъ нихъ—„*Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ*“, начатое въ лагерѣ подъ Тарутинымъ. Поэтъ воображаетъ себя въ кругу боевыхъ товарищей, на прощальномъ пиру наканунѣ боя. Все стихотвореніе состоитъ изъ ряда тостовъ и „славленій“, которые произносятся „пѣвцомъ“ и подхватываются хоромъ слушателей. Первый кубокъ онъ поднимаетъ „чадамъ древнихъ лѣтъ“, прославляя прежнихъ героевъ: Святослава, Дмитрія Донского, Петра Великаго, Суворова; затѣмъ, послѣ тоста за родину и за царя, перечисляетъ современныхъ полководцевъ, героевъ 12-го года, посвящая каждому изъ нихъ краткую характеристику: въ этой длинной галлереѣ послѣдовательно проходятъ Кутузовъ—„бодрый вождь, герой подъ сѣдинами“, Ермоловъ, Раевскій, Витгенштейнъ—„Петрополя спаситель“, Платовъ—„вихорь-атаманъ“, Дохтуровъ, партизаны Фигнеръ и Давыдовъ и др.; нѣсколько отдѣльныхъ строфъ посвящено памяти павшихъ въ Бородинской битвѣ: Багратіона, Кульнева, Кутайсова. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ тостовъ—за мщенье, за дружбу, за любовь, за поэзію; стихотвореніе заканчивается обращеніемъ къ „Богу силъ“, предъ лицомъ Котораго поэтъ призываетъ своихъ товарищей дать обѣтъ нравственнаго совершенствованія.

Пѣвецъ во станѣ рус. воиновъ.

Все стихотвореніе проникнуто патріотическимъ одушевленіемъ, вѣрой въ свои силы и въ побѣду надъ врагомъ, а выбранный Жуковскимъ размѣръ,—короткій 3-стопный ямбъ,—придаетъ ему особую живость, силу и энергію. Современники чрезвычайно увлекались этимъ произведеніемъ Жуковскаго, которое доставило поэту всенародную славу. Но есть въ стихотвореніи и крупные недостатки, которые заключаются въ растянутости, невыдержанности, реторичности и искусственности. Русскіе генералы изображаются въ видѣ греческихъ или римскихъ героевъ, съ соотвѣтственными атрибутами: шлемами, панцырями, щитами; пушки называются перунами. На ряду съ этими ложно-классическими чертами замѣчается также и вліяніе Оссіановской поэзіи: напр., введеніе тѣней древнихъ героевъ. Характеристики отдѣльныхъ военноначальниковъ слишкомъ общи и однообразны; лучшая изъ нихъ посвящена Платову, который изображенъ здѣсь въ духѣ Державинскаго гиперболизма:

Хвала, нашъ вихорь-атаманъ,
  Вождь невредимыхъ, Платовъ,
Твой очарованный арканъ
  Гроза для супостатовъ.

Орломъ шумишь по облакамъ,
  По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
  Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
  Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ;
  Лишь къ селамъ—пышутъ селы.

Невыдержанность стихотворенія выражается въ томъ, что на ряду съ псевдо-классическимъ элементомъ, въ него введенъ также и сентиментальный,—напр., въ изображеніи „дѣвы красоты", которая, „тамъ, за синей далью", груститъ и проливаетъ слезы, поджидая своего милаго, который въ свою очередь „вездѣ знакомый слышитъ гласъ, зритъ образъ незабвенный", утѣшая себя мыслью на соединеніе въ загробномъ мірѣ.

Кѣмъ мы дышали въ мірѣ семъ
  Съ той нѣтъ и тамъ разлуки:
Туда душа перенесетъ
  Любовь и образъ милой...
О други, смерть не все возьметъ:
  Есть жизнь и за могилой.

Одна изъ лучшихъ строфъ стихотворенія—та, которая посвящена отчизнѣ; она отличается глубокой задушевностью, хотя въ ней любовь къ родинѣ сведена къ воспоминаніямъ личной юности, въ чемъ опять сказывается вліяніе сентиментализма.

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
    Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
    Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
    Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
    И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
    О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
    Тебя благославляя?

8. Творчество Жуковскаго: произведенія эпическаго характера (баллады и поэмы).

Баллады.

Кромѣ стихотвореній лирическихъ, Жуковскій написалъ также значительное число разнообразныхъ произведеній *эпическаго* характера: поэмъ, сказокъ, идилліи; но чаще всего онъ пользовался въ своемъ творчествѣ формою *баллады*, за

что и получилъ отъ своихъ современниковъ прозваніе „балладника“. Такимъ образомъ, какъ въ области лирики — *элегія*, такъ въ области эпическаго творчества—*баллада* является его излюбленной поэтической формой. Между тѣмъ какъ въ элегіяхъ ясно сказывается еще вліяніе сентиментализма, въ своихъ *балладахъ* Жуковскій становится проводникомъ новаго теченія въ русской литературѣ—*романтическаго* [1]).

Балладами назывались первоначально небольшія эпическія произведенія, сложившіяся въ народной средѣ; содержаніе ихъ было преимущественно фантастическое или героическое; большей частью онѣ отличались мрачнымъ, трагическимъ характеромъ. Особенно распространены были такія народныя баллады въ Англіи и Шотландіи. Въ срединѣ XVIII в., когда начали интересоваться въ Европѣ народной поэзіей, появились и первые сборники этихъ балладъ (напр., въ Англіи сборникъ Перси). Вмѣстѣ съ тѣмъ стали появляться въ литературѣ и первыя подражанія, — попытки творчества въ народномъ духѣ.

Сюжеты балладъ.

Вообще со второй половины XVIII в. народная поэзія, къ которой раньше относились съ пренебреженіемъ, становится въ литературѣ и въ обществѣ предметомъ особаго интереса и увлеченія. Увлеченіе это является естественнымъ слѣдствіемъ того *культа старины*, который сложился подъ вліяніемъ отрицательнаго отношенія къ современной цивилизаціи и который является однимъ изъ наиболѣе характерныхъ признаковъ всего романтическаго теченія. Подъ вліяніемъ этого увлеченія началось дѣятельное собираніе вся-

---

[1]) Хотя еще со времени Бѣлинскаго установился взглядъ на Жуковскаго, какъ на типичнаго *романтика*, и хотя самъ онъ называлъ себя: «во время оно родитель на Руси нѣмецкаго романтизма»; однако такой взглядъ не совсѣмъ правиленъ; какъ лирикъ, онъ всецѣло стоитъ еще на почвѣ сентиментализма; романтическій же элементъ выразился преимущественно въ его балладахъ. Вообще романтизмъ въ его поэзіи отразился далеко не полно: въ ней отсутствуютъ многія черты, наиболѣе характерныя для романтическаго міросозерцанія; такъ, напр., Жуковскому было совершенно чуждо то отрицаніе современной культуры, которое является однимъ изъ главныхъ догматовъ романтизма. Расходился Жуковскій съ романтиками также и въ нѣкоторыхъ частностяхъ: напр., онъ не раздѣлялъ ихъ увлеченія Шекспиромъ и даже предпочиталъ ему французскихъ трагиковъ. Весьма сдержанно относился онъ къ такимъ типичнымъ представителямъ романтизма, какъ Тикъ, Шлегель и Новалисъ, и почти ничего не переводилъ изъ ихъ произведеній. Такимъ образомъ взглядъ на Жуковскаго, какъ на представителя романтизма, слѣдуетъ значительно ограничить; во всякомъ случаѣ, всѣ крайности этого направленія остались ему совершенно чужды.

кихъ живыхъ остатковъ старины, еще сохранившихся въ народной средѣ въ видѣ преданій, повѣрій, легендъ, народныхъ пѣсенъ и сказокъ. Къ этому богатому источнику и обратились писатели этой эпохи, почерпая въ народной поэзіи сюжеты для своихъ произведеній и вводя въ литературу новыя формы, заимствованныя оттуда же. Къ числу такихъ формъ, получившихъ въ эпоху романтизма особенную популярность, принадлежитъ между прочимъ и *баллада* [1]).

Большинство произведеній Жуковскаго въ *эпическомъ* родѣ, къ числу которыхъ принадлежатъ и его баллады, не отличается самостоятельностью. Сюжеты ихъ онъ обыкновенно заимствовалъ у иностранныхъ писателей или же изъ народныхъ преданій, легендъ и сказокъ. Но *заимствованное содержаніе онъ подвергалъ переработкѣ и измѣненіямъ*, въ зависимости отъ своихъ взглядовъ, вкусовъ и симпатій, такъ что и на этихъ произведеніяхъ лежитъ отпечатокъ его личности.

Людмила. Первая баллада Жуковскаго, получившая большую извѣстность среди современниковъ, была его знаменитая „*Людмила*“ (1808 г.). Сюжетъ ея онъ заимствовалъ изъ баллады нѣмецкаго поэта *Бюргера* „Ленора“, а Бюргеръ въ свою очередь воспользовался для своей баллады весьма распространеннымъ *народнымъ сказаніемъ о женихѣ-мертвецѣ*, встрѣчающимся въ различныхъ варіантахъ не только у нѣмцевъ, но и среди славянскихъ народностей (поляковъ, чеховъ и др.). Вниманіе Жуковскаго было привлечено къ этой балладѣ какъ самымъ *трагически-мрачнымъ сюжетомъ ея*, такъ и той *моральной* идеей, которую вложилъ въ нее нѣмецкій поэтъ. Идея эта, вполнѣ совпадавшая со взглядами самого Жуковскаго, заключается въ признаніи необходимости во всемъ покоряться волѣ Провидѣнія и безропотно переносить всѣ ниспосланныя испытанія. Людмила погибаетъ именно потому, что она, удрученная несчастіемъ, начала роптать на Бога, усомнилась въ его благости. Напрасно мать увѣщевала ее:

---

[1]) Въ русскую литературу балладу внесъ впервые *Карамзинъ* («Графъ Гвариносъ»—Древняя Гишпанская историческая пѣсня, 1789 г.) и *Каменевъ* («Громвалъ» 1802 г.). Пушкинъ называлъ Каменева «нашимъ первымъ романтикомъ».

О, Людмила, грѣхъ роптанье;
Скорбь—Создателя посланье;
Зла Создатель не творитъ;
Мертвыхъ стонъ не воскреситъ.

Но Людмила не внемлетъ словамъ утѣшенія, не хочетъ смириться предъ неисповѣдимой волей Провидѣнія. За это ее постигаетъ страшное наказаніе: умершій женихъ является къ ней въ домъ и уноситъ съ собою въ могилу, а хоръ мертвецовъ поетъ надъ нею:

Смертныхъ ропотъ безразсуденъ;
Царь Всевышній правосуденъ;
Твой услышалъ стонъ Творецъ;
Часъ твой билъ, насталъ конецъ.

Отличіе отъ Леноры.

Передѣлывая балладу Бюргера, Жуковскій, по своему обыкновенію, значительно *смягчилъ мрачныя краски* своего оригинала и тѣмъ ослабилъ силу художественнаго впечатлѣнія. Самый ропотъ молодой дѣвушки выраженъ у Бюргера въ гораздо болѣе сильныхъ выраженіяхъ, показывающихъ всю мѣру ея страсти и ея отчаянія, между тѣмъ какъ у Жуковскаго Людмила разливается въ тихихъ жалобахъ, такъ что постигшее ее наказаніе кажется слишкомъ строгимъ сравнительно съ ея проступкомъ. Точно такъ же смягчены многія подробности; напр., у Бюргера, во время скачки Леноры съ ея женихомъ они проносятся мимо мѣста казни, гдѣ вокругъ висѣлицъ вьются тѣни казненныхъ: картина отъ этого получаетъ еще болѣе мрачный, трагическій колоритъ; у Жуковскаго вмѣсто „сволочи“ висѣльниковъ (Gesindel) являются какіе-то „хороводы тихихъ тѣней“ —Но въ балладѣ Жуковскаго есть также и крупныя художественныя достоинства, особенно по тому времени: драматизмъ сюжета, быстрота развитія дѣйствія, легкость и звучность стиха; нѣкоторыя мѣста, напр., картина ночной скачки мертвеца-жениха со своей невѣстой, даже отличаются большой силой и сжатостью поэтическаго выраженія; благодаря этимъ достоинствамъ „Людмила“ Жуковскаго произвела значительное впечатлѣніе на публику и въ подражаніе ей стали появляться многочисленныя баллады на разные фантастическіе и легендарные сюжеты.

Жуковскій не ограничился усвоеніемъ иностраннаго сюжета, но попытался придать своей балладѣ отпечатокъ на-

родности; однако эти попытки ограничились чисто внѣшними чертами: Бюргеровская Ленора превратилась въ „славянскую дѣвицу“, дѣйствіе перенесено было въ Московское царство и въ эпоху Ливонскихъ войнъ (могила жениха на берегу Наровы).— Впослѣдствіи Жуковскій снова вернулся къ тому же сюжету и написалъ новую балладу „*Свѣтлана*“ (1811). Ей онъ хотѣлъ придать еще болѣе ясный національный характеръ, но и эта попытка не удалась ему, такъ какъ въ творчествѣ Жуковскаго вообще не было національныхъ элементовъ, и потому все дѣло ограничилось лишь внесеніемъ картины деревенскаго гаданья „въ крещенскій вечерокъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Жуковскій значительно ослабилъ трагическое впечатлѣніе самаго сюжета тѣмъ, что перенесъ дѣйствіе въ сновидѣніе: всѣ ночные ужасы и приключенія представляютъ собой лишь сонъ Свѣтланы, задремавшей во время гаданія. Баллада заканчивается пріѣздомъ жениха и приготовленіемъ къ свадьбѣ. Въ противоположность мрачному тону „Людмилы“, *Свѣтлана* проникнута свѣтлымъ, радостнымъ настроеніемъ. Заключительныя строфы выражаютъ основную идею баллады, въ духѣ характернаго для Жуковскаго *оптимизма*:

Свѣтлана.

Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье.
Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ,
Счастье—пробужденье.

Самая обширная по размѣрамъ баллада Жуковскаго— „*Двѣнадцать спящихъ дѣвъ*“. Сюжетъ баллады заимствованъ изъ одноименнаго романа нѣмецкаго писателя Шписа, автора многочисленныхъ романовъ съ приключеніями и съ преобладаніемъ фантастическаго элемента [1]). Баллада состоитъ изъ

Двѣнадцать спящихъ дѣвъ.

---

[1]) Въ концѣ 18-го и началѣ 19-го стол. подобные романы съ фантастическими сюжетами, съ явленіями духовъ и привидѣній, со всевозможными трагическими и кровавыми приключеніями, были чрезвычайно популярны во всей Европѣ. Героями ихъ обыкновенно являлись рыцари, разбойники и разные искатели приключеній. Авторы старались заинтересовать читателей таинственностью дѣйствія и поразить ихъ мрачностью своихъ картинъ, представлявшихъ непрерывную цѣпь убійствъ, таинственныхъ исчезновеній, отравленій, дуэлей, разбойничьихъ нападеній и всевозможныхъ злодѣйствъ. Особенной извѣстностью пользовались романы англійской писательницы Радклифъ (напр., «Тайны Удольфскаго замка»), Льюиса («Монахъ») и Мэтюрена («Мельмотъ-скиталецъ»); въ Германіи, кромѣ Шписа,

двухъ частей, связанныхъ между собою: первая называется *„Громобой“* (1810 г.), вторая — *„Вадимъ“* (1817 г.). Сюжетъ „Громобоя“ представляетъ собой переработку древняго народнаго преданія о грѣшникѣ, продавшемъ ради земныхъ благъ свою душу дьяволу. Сказанія на эту тему сложились еще въ первые вѣка христіанства, на востокѣ (легенды о Теофилѣ, о Кипріанѣ Антіохійскомъ и др.). Но наибольшую извѣстность получило нѣмецкое народное преданіе о *докторѣ Фаустѣ*, возникшее въ половинѣ 16-го вѣка и вызвавшее множество литературныхъ произведеній, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ трагедія Гёте. У Шписа дѣйствіе происходитъ въ Швейцаріи; Жуковскій перенесъ его на берега Днѣпра въ эпоху Кіевской Руси, но не сумѣлъ придать своей балладѣ національнаго характера, и весь національный элементъ ограничивается въ ней одними именами.

Легенды о продажѣ души дьяволу.

Содержаніе баллады заключается въ томъ, что кіевскій бояринъ *Громобой*, терзаемый бѣдностью, рѣшается вступить въ договоръ съ бѣсомъ, который обѣщаетъ ему доставить богатство, почести и всевозможныя наслажденія, за что Громобой долженъ въ свою очередь предоставить дьяволу свою душу. Условіе заключено на десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ Громобой ведетъ роскошную и развратную жизнь, не отказывая себѣ ни въ какихъ удовольствіяхъ. Между прочимъ онъ похитилъ двѣнадцать прекрасныхъ дѣвушекъ, отъ которыхъ у него родилось двѣнадцать дочерей. По истеченіи срока является бѣсъ для того, чтобы унести душу Громобоя. Напрасно Громобой умоляетъ объ отсрочкѣ: бѣсъ только тогда соглашается отложить исполненіе договора, когда Громобой рѣшается уступить ему невинныя души своихъ дочерей: за каждую изъ нихъ бѣсъ даетъ ему по году отсрочки. Но съ этихъ поръ Громобой совершенно измѣняетъ свое поведеніе: его мучитъ сознаніе неизбѣжной гибели, пиры и удовольствія не веселятъ его болѣе, ни въ чемъ не находитъ онъ себѣ успокоенія; Громобой начинаетъ каяться и молиться, строитъ церковь во имя св. Николая, щедрою рукой раздаетъ

Громобой.

много романовъ съ приключеніями написалъ Вульпіусъ: ему принадлежитъ знаменитый въ свое время разбойничій романъ «Ринальдо Ринальдини». Многіе изъ этихъ романовъ были переведены на русскій языкъ и пользовались въ Россіи большимъ успѣхомъ. Эта же любовь къ фантастическимъ и мрачнымъ сюжетамъ отразилась и въ современныхъ балладахъ, въ частности и у Жуковскаго.

милостыню, принимаетъ въ своемъ домѣ всѣхъ нищихъ и странниковъ,— въ покаяніи и дѣлахъ благочестія и благотворительности ищетъ онъ себѣ спасенія отъ ожидающей его участи.

Его раскаяніе не остается безплоднымъ. Когда, по истеченіи второго срока, бѣсъ снова является за его душою, въ защиту Громобоя вступаетъ св. Николай, умоляющій Бога о прощеніи грѣшника. Господь снисходитъ къ молитвѣ угодника, но ставитъ для спасенія души Громобоя нѣкоторыя условія: Громобой долженъ умереть, но и въ могилѣ не найдетъ себѣ успокоенія; дочери его погрузятся въ глубокій сонъ; обитель, гдѣ онѣ жили, зарастетъ лѣсомъ и станетъ недоступной; только тогда онѣ проснутся къ новой жизни, а отецъ ихъ получитъ прощеніе, когда явится ихъ избавитель, тотъ —

...*Кто чистъ душою,*
Кто, ихъ не зрѣвши, распаленъ
Одной изъ нихъ красою,
Придетъ, *житейское презрѣвъ,*
Въ забвенну ихъ обитель,
Какъ обреченный спящихъ дѣвъ
Отъ неба искупитель.

Объ этомъ искупленіи 12-ти спящихъ дѣвъ и ихъ грѣшника-отца разсказывается во второй части баллады: „*Вадимъ*“, названной такъ по имени героя, новгородскаго юноши. Самый сюжетъ баллады заимствованъ изъ области народнаго сказочнаго творчества и представляетъ собой варіантъ весьма распространенной среди европейскихъ народовъ сказки о спящей царевнѣ или спящемъ царствѣ, въ которой отразился древній языческій миѳъ о зимнемъ снѣ природы, пробуждаемой къ новой жизни весеннимъ солнцемъ, олицетвореннымъ въ сказкѣ въ видѣ какого-нибудь доблестнаго рыцаря или принца. Эту роль въ балладѣ Жуковскаго играетъ *Вадимъ*.

Вадимъ.

Вадимъ — *фигура совершенно романтическая.* Это благородный мечтатель, полный безотчетнаго стремленія къ какому-то высокому, но неясному идеалу. Обычная жизнь не удовлетворяетъ его, въ сердцѣ его живетъ какая-то смутная тревога: „и *чувства тайнаго полна, душа въ немъ унывала*“. Является какой-то святой старецъ, призывающій его итти на поиски за невѣдомымъ идеаломъ:

Вадимъ, *желанное вдали*,
Вѣрь небу, жди смиренно;
Все измѣняетъ на земли,
А небо неизмѣнно;
Стремись, я провожатый твой!

Покорный этому голосу, Вадимъ отправляется въ путь. Онъ совершаетъ подвиги высокой храбрости, успѣшно борется не только противъ внѣшнихъ препятствій, но и противъ внутреннихъ искушеній: всякій разъ, когда онъ готовъ отдаться текущей минутѣ, готовъ удовлетвориться настоящимъ, съ неба слышится какой-то звонъ, и въ душѣ его воскресаетъ прежняя смутная жажда, тоска по идеалу, словно кто-то витаетъ передъ нимъ, „незримый, но извѣстный". Наконецъ Вадимъ находитъ путь къ зачарованному замку; тамъ, въ лицѣ одной изъ 12-ти сестеръ, находитъ онъ воплощеніе своего идеала:

Свершилось все—и раннихъ лѣтъ
Прекрасныя желанья,
И озаряющія свѣтъ
Младой души мечтанья,
И все, чего мы здѣсь не зримъ,
Что вѣрѣ лишь открыто—
Все вдругъ явилось передъ нимъ,
Въ единый образъ слито.

Такимъ образомъ, благодаря подвигамъ Вадима, его душевной непорочности и постоянному стремленію къ идеалу, онъ становится искупителемъ грѣховъ Громобоя и освободителемъ его дочерей, изъ которыхъ прекраснѣйшая, которую онъ любилъ, еще ея не видя, становится его женою.

Повѣсть въ стихахъ „Ундина" представляетъ собой передѣлку прозаической повѣсти нѣмецкаго писателя Ламотъ-Фуке. Фуке воспользовался для своего произведенія различными народными повѣріями и сказками о стихійныхъ духахъ, наполняющихъ собой всю окружающую природу, но подвергъ эти преданія весьма существенной переработкѣ. *Ундина*—русалка, дочь морского царя; самое имя ея (отъ латин. слова unda) показываетъ ея принадлежность къ стихійнымъ водянымъ существамъ. Подобно другимъ стихійнымъ существамъ, Ундина лишена живой, безсмертной души; она живетъ одною жизнью съ природой, полная свѣтлой жизнерадостности, чуждая человѣческихъ чувствъ, заботъ, нравственныхъ понятій, но также чуждая человѣческихъ слабостей и пороковъ. Только тогда Ундина можетъ получить настоящую человѣческую душу, когда ее полюбитъ смертный человѣкъ и пожелаетъ соединить съ нею свою Ундина.

судьбу; въ противномъ случаѣ она, подобно другимъ стихійнымъ существамъ, обречена на полное исчезновеніе: вмѣстѣ съ послѣднимъ вздохомъ кончается все ея бытіе, и она должна возвратиться во власть стихійныхъ элементовъ. Чтобы избавить свою любимую дочь отъ этой участи, отецъ ея, царь морской, „душу живую ей дать пожелалъ, хотя онъ и вѣдалъ, что съ нею и горе (всѣхъ одаренныхъ душою удѣлъ) ея не минуетъ"; съ этой цѣлью Ундина еще ребенкомъ была подкинута къ хижинѣ рыбака, который и воспиталъ ее въ качествѣ пріемыша, не имѣя собственныхъ дѣтей, и привязался къ ней, какъ къ родной дочери.

Содержаніе поэмы.

Содержаніе повѣсти заключается въ исторіи любви Ундины къ рыцарю Гульбранду, котораго случай привелъ къ хижинѣ рыбака. Рыцарь плѣнился этимъ „несравненнымъ, мучительно-милымъ, чуднымъ созданьемъ" и вступилъ съ нею въ бракъ. Вмѣстѣ съ совершеніемъ таинства Ундина получила наконецъ и человѣческую душу, однако съ тѣмъ условіемъ, что рыцарь навѣки долженъ остаться вѣренъ своей любви: въ противномъ случаѣ имъ обоимъ угрожаетъ гибель. На самомъ дѣлѣ Гульбрандъ не сдерживаетъ своего обѣта: онъ сперва наноситъ оскорбленіе своей любящей супругѣ, вслѣдствіе чего она бросается въ воду, а затѣмъ, погоревавши о гибели Ундины, онъ собирается вступить во второй бракъ. Но въ день свадьбы въ замокъ его является Ундина и, исполняя приговоръ стихійныхъ силъ, приноситъ съ собою смерть невѣрному рыцарю. Онъ умираетъ на рукахъ Ундины, которая, глубоко страдая оттого, что должна исполнить надъ любимымъ человѣкомъ смертный приговоръ, сама „плакала, плакала тихо, плакала долго какъ будто выплакать душу хотѣла"... а послѣ погребенія рыцаря превратилась въ свѣтлый ручей, обтекающій его могилу.

Ея художественныя достоинства.

Несмотря на то, что общая идея всего произведенія не совсѣмъ ясна, поэма „Ундина" вся проникнута тонкой поэзіей. Очень удачно очерченъ характеръ самой Ундины, въ которой дѣтская простота, свѣтлая жизнерадостность совмѣщается съ трогательной нѣжностью и глубокой преданностью. Интересенъ также и ревнивый, враждебный ко всему человѣческому „дядя Струй" (такъ удачно перевелъ Жуковскій нѣмецкое—Onkel Kühlemann), одинъ изъ стихійныхъ, водяныхъ духовъ. Гораздо менѣе удачнымъ вышло изображеніе рыцаря, характеръ котораго блѣденъ и неясенъ.—Силѣ художественнаго впечатлѣнія способствуетъ также замѣчательно мѣткій, звучный и выразительный языкъ перевода: въ этомъ отношеніи „Ундина", безспорно, принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній Жуковскаго. Самъ Жуковскій очень любилъ это произведеніе, тѣмъ болѣе, что среди лирическихъ отступленій, прерывающихъ нить разсказа, неоднократно встрѣчаются мысли, во многомъ соотвѣтствующія его собственнымъ задушевнымъ думамъ и убѣжденіямъ; такова, напр., мысль о непрочности всего земного, даже земного горя, какъ и всякаго другого чувства.

Какъ намъ, читатель, сказать: къ сожалѣнью иль къ счастью, что наше
Горе земное не надолго.
Есть, правда, много избранныхъ
Душъ на свѣтѣ, въ которыхъ святая печаль, какъ свѣча предъ иконой
Ярко горитъ, пока догоритъ; но она и для нихъ ужъ
Все не та подъ конецъ, какою была при началѣ,
Полная, чистая; много, много иного, чужого
Между утратою нашей и нами уже протѣснилось;
Вотъ наконецъ и всю измѣняемость здѣшняго въ самой
Нашей печали мы видимъ... и такъ, скажу: *къ сожалѣнью,*
Наше горе земное не надолго...

Послѣдній, неоконченный трудъ Жуковскаго,—поэма „*Странствующій Жидъ*". Онъ долго, лѣтъ десять, носился съ мыслью о ней, обдумывалъ ее, но писать началъ лишь въ послѣдній годъ жизни. Самъ Жуковскій смотрѣлъ на эту поэму, какъ на трудъ чрезвычайной важности, какъ на свое завѣщаніе потомству: въ нее онъ хотѣлъ вложить свои завѣтнѣйшія мысли, свои религіозно-нравственныя убѣжденія. Сюжетомъ для поэмы послужила ему *средневѣковая легенда о вѣчномъ жидѣ Агасверѣ*, іерусалимскомъ башмачникѣ, грубо прогнавшемъ Христа отъ своего дома, когда Онъ шелъ, изнемогая подъ крестной ношей, на Голгоѳу и на минуту остановился у его двери. За это Агасверъ былъ осужденъ скитаться по землѣ до второго пришествія, не зная покоя и тщетно умоляя о смерти. Весьма оригинальнымъ является самый замыселъ поэмы,—мысль свести Агасвера съ Наполеономъ: Агасверъ является ему на островѣ Св. Елены какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ, въ порывѣ отчаянія, хочетъ броситься со скалы въ море: Агасверъ удерживаетъ его отъ самоубійства и разсказываетъ ему свою жизнь. Главный интересъ разсказа заключается въ изображеніи того духовнаго перелома, который преобразилъ Агасвера изъ врага Христа и христіанства въ пламеннаго послѣдователя Христова ученія. Этотъ переломъ совершился въ душѣ Агасвера подъ вліяніемъ проповѣди апостола Іоанна, котораго онъ нашелъ на островѣ Патмосѣ, куда закинула его буря, разбившая его корабль. Раньше его сердце было полно отчаянія и злобы; напрасно онъ искалъ смерти, какъ исцѣленія отъ своихъ душевныхъ мукъ: онъ присутствовалъ при осадѣ и взятіи Іерусалима, при разрушеніи Помпеи, сходилъ на арену римскаго цирка, гдѣ дикіе звѣри разрывали на части христіанъ,—все гибло вокругъ него (кораблекрушеніе на морѣ, самумъ въ пустынѣ) но онъ оставался живъ, смерть не принимала его. Но подъ вліяніемъ проповѣди апостола сердце его смягчается и становится доступнымъ для любви и надежды. Слова Агасвера, описывающаго свое новое душевное состояніе, являются выраженіемъ вѣрованій и настроенія самого Жуковскаго, считавшаго лучшимъ залогомъ душевнаго мира для человѣка—полное отреченіе отъ своей воли и подчиненіе волѣ Провидѣнія.

Странствующій Жидъ.

На потребу мнѣ одно —
Покорность и предъ Господомъ всей воли
Уничтоженіе. О, сколько силы,
Какая сладость въ этомъ словѣ сердца:
«Твое, а не мое да будетъ»! Въ немъ
Вся человѣческая жизнь; въ немъ наша
Свобода, наша мудрость, наши всѣ
Надежды; съ нимъ нѣтъ страха, нѣтъ заботъ.

Признавъ благость божественнаго Провидѣнія и „Бога угадавъ страданьемъ“, Агасверъ понялъ, что и самое страданіе послано ему во спасеніе: поэтому онъ говоритъ:

Я казнь мою
Всѣмъ сердцемъ возлюбилъ: она моей
Души хранитель. И съ людьми, меня
Отвергшими, я примирился въ сердцѣ.

Но это примиреніе съ людьми стало возможнымъ лишь потому, что сердце его открылось для всеобъемлющей любви, проповѣдникомъ которой на землѣ былъ Божественный Учитель. Эта любовь простирается на все сущее и сама является источникомъ блаженства для человѣка.

Любовью къ людямъ *безнаградной*—я
Любовь къ Спасителю, любовь къ Царю
Любви, къ ея Источнику, къ ея
Подателю питаю...
Моя любовь къ нимъ есть любовь къ Тому,
Кто первый возлюбилъ меня.

Эта любовь простирается и на видимую природу, которая есть „Господняя развернутая книга,—гдѣ буква каждая благовѣститъ— Его Евангеліе“. Оттого созерцаніе природы вызываетъ въ душѣ умиленіе и чувство поэзіи, которая есть „земная сестра небесной молитвы“,—Всѣ эти мысли поэмы отражаютъ мистическій идеализмъ Жуковскаго, его глубокую религіозность, живую вѣру въ Провидѣніе, его свѣтлый оптимизмъ, всегда поддерживавшій его въ жизненныхъ испытаніяхъ и заставлявшій смотрѣть на эти испытанія, какъ на благодѣтельную школу для человѣка, Эти мысли повторялись Жуковскимъ и раньше въ разныхъ стихотвореніяхъ, но въ своей послѣдней поэмѣ онъ хотѣлъ дать цѣлый очеркъ своего религіозно-нравственнаго міросозерцанія. Однако поэма осталась недоконченной и не вполнѣ отдѣланной: это чувствуется и въ художественныхъ недочетахъ произведенія,—въ длиннотахъ и повтореніяхъ, ослабляющихъ впечатлѣніе, а также въ тяжеловатомъ и громоздкомъ языкѣ.

4. Жуковскій, какъ переводчикъ.

Общій характеръ переводовъ Жуковскаго.

Переводческая дѣятельность Жуковскаго очень обширна и разнообразна, и переводы его отличаются высокими художественными достоинствами, такъ что нѣкоторые изъ нихъ даже превосходятъ въ этомъ отношеніи подлинникъ. Это поэтическое совершенство переводовъ объясняется какъ мастерствомъ, съ какимъ Жуковскій владѣлъ русскимъ стихомъ, такъ и тѣмъ, что онъ выбиралъ для перевода только такія произведенія, которыя соотвѣтствовали его собственному настроенію и симпатіямъ. Жуковскій прекрасно *схватывалъ основной тонъ* и передавалъ *общій духъ произведенія*, хотя и позволялъ себѣ различныя *отступленія* въ деталяхъ. Отступленія эти большею частью заключались въ *смягченіи* такихъ мыслей и выраженій, которыя казались Жуковскому слишкомъ рѣзкими, не гармонировали съ его собственной мягкой и мечтательной натурой. Такое вольное отношеніе къ подлиннику онъ считалъ вполнѣ допустимымъ и законнымъ. Свой взглядъ на этотъ вопросъ онъ выразилъ въ афоризмѣ: „Переводчикъ въ *прозѣ* есть рабъ, переводчикъ въ *стихахъ*— соперникъ“. Впрочемъ многіе изъ переводовъ Жуковскаго отличаются большою близостью къ оригиналу, особенно если содержаніе переводимыхъ произведеній соотвѣтствовало его собственному настроенію.

Его взглядъ на роль переводчика.

Болѣе всего Жуковскій переводилъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ; изъ числа *нѣмецкихъ* онъ переводилъ Шиллера, Гёте, Бюргера, Уланда, Гебеля и др.; изъ *англійскихъ*— Байрона, Вальтеръ-Скотта, Саути и др. Чаще всего Жуковскій выбиралъ для перевода произведенія *Шиллера*, который былъ его любимѣйшимъ поэтомъ. Свѣтлый идеализмъ Шиллера, его пламенная любовь къ добру, нравственная высота его поэзіи,— все это было по душѣ Жуковскому. Особенно охотно онъ переводилъ *баллады*, какъ изъ *античнаго міра* („Кассандра“, „Ивиковы журавли“, „Торжество побѣдителей“, „Жалобы Цереры“), такъ и изъ *средневѣковой жизни* („Графъ Габсбургскій“, „Кубокъ“, „Перчатка“, „Сраженіе со змѣемъ“). Прекрасно передана имъ также и трагедія Шиллера „*Орлеанская Дѣва*“. Особенно удались Жуковскому нѣжныя, лирическія мѣста, которыхъ много въ роли самой Іоанны, — напр., прощаніе ея съ родиной. По обыкновенію, Жуковскій счелъ

Переводы изъ Шиллера.

нужнымъ въ этомъ переводѣ прибѣгнуть къ смягченію отдѣльныхъ выраженій и оборотовъ: хотя и у Шиллера герои его говорятъ облагороженнымъ, идеализованнымъ языкомъ, однако изрѣдка онъ допускалъ рѣзкія или вульгарныя выраженія, въ которыхъ отражалась грубость тогдашнихъ нравовъ и понятій; всѣ эти рѣзкости Жуковскій тщательно устранилъ изъ своего перевода: такъ, напр., даже прозваніе „чертовки", которое даетъ Іоаннѣ одинъ изъ англійскихъ вождей, онъ замѣнилъ словомъ „чародѣйка". Точно такъ же Жуковскій постарался придать болѣе душевнаго благородства нѣкоторымъ изъ выведенныхъ лицъ, напр., королю, который у Шиллера изображенъ человѣкомъ робкимъ, нерѣшительнымъ, бездѣятельнымъ: всѣ эти черты у Жуковскаго значительно смягчены. Среди другихъ переводовъ изъ Шиллера менѣе всего удались Жуковскому переводы его стихотвореній философскаго характера (напр., „Мечты"—„Die Ideale" Шиллера), такъ какъ Жуковскій не былъ достаточно подготовленъ къ вѣрному пониманію и воспроизведенію отвлеченныхъ философскихъ идей, и въ поэзіи его главную роль играетъ чувство, а не мысль.

Байронъ: отзывъ о немъ.

Изъ *Байрона* Жуковскій перевелъ только одну небольшую поэму: „*Шильонскій узникъ*". Байронъ, съ его гордыми и негодующими героями, съ его возвеличеніемъ сильной личности, съ его пессимизмомъ, разочарованіемъ и презрѣніемъ къ современному обществу, вообще мало подходилъ къ уравновѣшенному, женственно-мягкому, глубоко вѣрующему Жуковскому. Самъ Жуковскій сознавалъ это и поэтому выразился однажды о Байронѣ: „Въ немъ есть что-то ужасающее, стѣсняющее душу; *онъ не принадлежитъ къ поэтамъ-утѣшителямъ жизни*". Въ силу этой разницы въ натурѣ, настроеніи и взглядахъ на поэзію, Жуковскій остался чуждъ вліянію байронизма, которому поддался гораздо болѣе сильный талантомъ и болѣе самобытный Пушкинъ.

Среди другихъ переводовъ Жуковскаго наиболѣе обширную группу составляютъ переводы *балладъ* (изъ Уланда, Саути, Вал.-Скотта и др.). Содержаніе этихъ балладъ большей частью мрачное, трагическое; дѣйствіе обыкновенно относится къ среднимъ вѣкамъ, дѣйствующими лицами являются рыцари, феодальные владѣтели и ихъ вассалы. Очень часто сюжетомъ баллады служитъ какое-либо кровавое преступленіе или тяжкій грѣхъ, за которымъ всегда слѣдуетъ наказаніе, какъ свидѣтельство Божественнаго правосудія. Такъ *Варвикъ* завладѣлъ трономъ, утопивъ законнаго наслѣдника-

ребенка, но и самъ погибаетъ въ волнахъ рѣки; рыцарь *Адельстанъ* вступилъ въ связь съ адскими силами и долженъ отдать имъ своего младенца-сына, но самъ становится ихъ жертвой; епископъ *Гаттонъ* („Судъ Божій надъ епископомъ") погубилъ много народа, вслѣдствіе своего жестокосердія и корыстолюбія, и за это былъ заживо съѣденъ мышами; шотландскій феодальный владыка („Покаяніе") сжегъ въ часовнѣ своего соперника и его невѣсту, во время совершенія брачнаго обряда, и только путемъ многолѣтняго покаянія, отшельничества и молитвы заслужилъ себѣ прощеніе. Нерѣдко въ баллады входитъ также и *сверхъестественный фантастическій элементъ*; напр., въ балладѣ (изъ Саути) о старухѣ-вѣдьмѣ, которую дьяволъ послѣ ея смерти уноситъ съ собой изъ церкви (по сюжету эта баллада нѣсколько напоминаетъ Гоголевскаго „Вія"); въ балладѣ „Замокъ Смальгольмъ" (изъ Вал.-Скотта) призракъ убитаго любовника является смальгольмскому барону и его женѣ; дьяволъ вселяется въ тѣло умершей дѣвушки и покидаетъ его лишь въ церкви во время вѣнчанія („Доника"). Среди переводныхъ балладъ нѣкоторыя написаны на тему о несчастной любви, о разлукѣ любящихъ вслѣдствіе несогласія семьи („Алина и Альсимъ", „Эльвина и Эдвинъ", „Эолова арфа"); переводъ ихъ сдѣланъ Жуковскимъ въ эпоху собственной сердечной драмы, такъ что въ нихъ отразилось его личное настроеніе.

Переводы народнаго эпоса.

Въ балладахъ, съ ихъ мрачнымъ, трагическимъ и фантастическимъ содержаніемъ, Жуковскій отдалъ дань духу времени, вкусу романтической эпохи: имѣя въ виду преимущественно свои баллады, Жуковскій назвалъ себя однажды въ шутку „поэтическимъ дядькой на Руси чертей и вѣдьмъ, нѣмецкихъ и англійскихъ". Но во второй половинѣ своей переводческой дѣятельности, особенно послѣ переселенія за границу, онъ разстается со своими романтическими увлеченіями и принимается за переводъ *классическаго* произведенія, *„Одиссеи"* Гомера. Эта работа продолжалась 7 лѣтъ (1842—49). Такъ какъ Жуковскій не зналъ греческаго языка, то по его просьбѣ одинъ знакомый нѣмецкій ученый сдѣлалъ для него дословный подстрочный переводъ всей поэмы; кромѣ того Жуковскій пользовался также нѣсколькими поэтическими переводами на нѣмецкій и англійскій языкъ. Работа эта доставляла старому поэту большое удовольствіе, тѣмъ болѣе, что мирныя идиллическія картины поэмы, спокойный и ровный тонъ повѣствованія вполнѣ соотвѣтствовали его вкусамъ и настроенію. Переводъ *„Одиссеи"* принадлежитъ къ числу лучшихъ созданій Жуковскаго и до сихъ поръ сохранилъ вполнѣ свое значеніе, въ качествѣ единственнаго перевода

Одиссея.

знаменитой поэмы. Онъ написанъ прекрасными, звучными гекзаметрами и въ художественномъ отношеніи стоитъ гораздо выше перевода „Иліады“ Гнѣдича. Жуковскій особенно старался сохранить въ своемъ переводѣ тотъ духъ простоты, естественности и непосредственности, которымъ проникнутъ подлинникъ. Это однако не вездѣ ему удалось, такъ какъ и здѣсь Жуковскій, по обыкновенію, не удержался отъ нѣкоторыхъ смягченій и передѣлокъ (впрочемъ незначительныхъ), а мѣстами внесъ въ повѣствованіе лирическую окраску и этимъ нарушилъ строгую объективность и простодушную наивность Гомеровскаго эпоса. Впечатлѣнію полной безыскусственности мѣшаютъ также въ нѣкоторыхъ случаяхъ допущенные Жуковскимъ книжные обороты, славянскія выраженія, а также и неологизмы, въ родѣ сложныхъ эпитетовъ, весьма часто встрѣчающихся у Гомера, но мало соотвѣтствующихъ духу нашего языка: таковы, напр., выраженія, какъ: *привѣтнорѣчивая* богиня, *сердцеусладное* пѣніе, *звѣзднобезтучное* небо, *многоисплытое* море, *звонкопространныя* сѣни; но встрѣчаются среди этихъ сложныхъ эпитетовъ также и вполнѣ удачные—напр.: *острогрудые* корабли, *розоперстая* Эосъ и др.

Послѣ окончанія „Одиссеи“ Жуковскій приступилъ къ переводу *„Иліады“*, но успѣлъ перевести только первыя двѣ пѣсни. Жуковскій въ эту эпоху своей дѣятельности вообще выказалъ особенный интересъ къ *народному героическому эпосу*: на ряду съ Гомеровскими поэмами, представляющими собой греческій національный эпосъ, онъ переводилъ также болѣе или менѣе значительные эпизоды изъ эпическихъ произведеній другихъ народовъ: таковы отрывки изъ *романсовъ о Сидѣ*, воспѣвающихъ національнаго испанскаго героя, *„Наль и Дамаянти“*—эпизодъ изъ индійской поэмы *„Магабгарата*—и наконецъ *„Рустемъ и Зорабъ“*, отрывокъ изъ персидскаго національнаго эпоса „Шахъ-Наме“ (Книга царей). Подобно „Одиссеѣ“, всѣ эти произведенія переведены Жуковскимъ не съ подлинника, а съ нѣмецкихъ переводовъ и переводъ ихъ отличается тѣми же достоинствами и недостатками, какъ и переводъ Гомеровскаго эпоса [1]).

---

[1]) Лучшее изъ существующихъ изданій Жуковскаго—изданіе Сытина (въ 2-хъ том.), подъ редакціей *Алферова*, съ біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями редактора и собраніемъ писемъ Жуковскаго. Лучшая моно-

5. Значеніе Жуковскаго.

Въ исторіи русской литературы поэтическая дѣятельность Жуковскаго имѣетъ весьма важное значеніе. Прежде всего дѣятельность Жуковскаго знаменуетъ собой громадный шагъ впередъ въ *развитіи русскаго поэтическаго языка*. Ни одинъ изъ предшествующихъ поэтовъ не владѣлъ съ такимъ мастерствомъ русскимъ стихомъ, не умѣлъ съ такимъ совершенствомъ пользоваться богатствами русской рѣчи для передачи различныхъ чувствъ и оттѣнковъ настроенія. „Въ бореньяхъ съ трудностью силачъ необычайный"—выразился по поводу его образцовыхъ переводовъ кн. Вяземскій. Стихъ Жуковскаго отличается гибкостью, звучностью и простотою; и всѣ эти достоинства ясно выступаютъ наружу, если мы станемъ сравнивать легкій стихъ Жуковскаго съ тяжеловѣсной и неправильной рѣчью поэтовъ 18-го и начала 19-го вѣка. Изъ поэтовъ одного съ нимъ поколѣнія, по изяществу стиха, съ Жуковскимъ можно сопоставить только Батюшкова: разница между ними заключается лишь въ томъ, что главнымъ достоинствомъ стиховъ Батюшкова является ихъ образность, пластичность, стихъ же Жуковскаго отличается болѣе *музыкальностью*, яркость образовъ замѣняется въ немъ внутренней *мелодичностью*.

Кромѣ этихъ внѣшнихъ достоинствъ, поэзія Жуковскаго *по своему внутреннему духу и содержанію* представляетъ новое явленіе въ исторіи русской литературы. Ея отличительную черту составляетъ глубокая *искренность* настроенія и *задушевность* выраженія. Жуковскій открылъ для русской поэзіи доступъ во внутреннюю, интимную жизнь личности, въ глубину человѣческой души. Онъ первый заговорилъ языкомъ настоящаго искренняго чувства, сталъ выражать въ поэзіи то, что самъ пережилъ и перечувствовалъ. Поэтому

графія о немъ написана академикомъ *Веселовскимъ*; „В. А. Жуковскій. Поэзія чувства и «сердечнаго воображенія»". Авторъ преимущественно останавливается на лирикѣ Ж., указываетъ на связь его поэзіи съ его личной жизнью; въ литературномъ отношеніи авторъ причисляетъ его къ сентименталистамъ Карамзинской школы. Изъ другихъ сочиненій о Ж. наиболѣе цѣнны труды *Зейдлица*: «Жизнь и поэзія Жуковскаго» и *Загарина*: «Жуковскій и его произведенія», а также замѣчательный разборъ послѣдней книги въ 3-мъ томѣ «Сочиненій» *Тихонравова*, гдѣ указывается на связь поэзіи Ж. съ литературными теченіями его эпохи. Характеръ переводческой дѣятельности Ж. ярко очерченъ въ небольшой, но цѣнной книжкѣ *Чишихина*: «Жуковскій, какъ переводчикъ Шиллера».

его творчество представляетъ собой настоящую душевную автобіографію, и на всѣхъ его произведеніяхъ, даже переводныхъ, лежитъ отпечатокъ его личности; въ этомъ отношеніи Жуковскаго можно назвать первымъ русскимъ *лирикомъ*, въ собственномъ смыслѣ этого слова, потому что ни одинъ изъ предшествующихъ поэтовъ не выразилъ съ такой полнотою своей личной жизни въ поэзіи, какъ это сдѣлалъ Жуковскій. Эта искренность настроенія, стремленіе къ воплощенію въ поэзіи личныхъ переживаній, стоитъ, несомнѣнно, въ тѣсной связи съ общимъ *интересомъ къ внутренней жизни личности*, представляющимъ одно изъ проявленій того *индивидуализма*, который составляетъ одну изъ наиболѣе характерныхъ чертъ сентиментально-романической эпохи. Возвращеніе къ холодной реторикѣ и отвлеченной поучительной поэзіи 18-го вѣка сдѣлалось теперь невозможнымъ; Жуковскій внесъ въ поэзію струю живого, неподдѣльнаго чувства, и съ его эпохи правдивость и искренность стали непремѣннымъ условіемъ всякаго лирическаго творчества.

Взглядъ его на назначеніе поэзіи.

Наконецъ, съ эпохи Жуковскаго устанавливается въ русской литературѣ *новый, гораздо болѣе высокій взглядъ на поэзію*, на ея значеніе и призваніе. Писатели прежняго времени смотрѣли на нее, какъ на забаву, какъ на праздное украшеніе жизни. Державинъ, напр., сравнивалъ поэзію съ „вкуснымъ лимонадомъ“(въ одѣ „Фелица“), и свои „дѣла“, въ качествѣ администратора, противополагалъ своимъ „словамъ“, въ качествѣ поэта. Гораздо возвышеннѣе взглядъ Жуковскаго. Будучи убѣжденъ, что истинная поэзія, по самой природѣ своей, должна отличаться благородствомъ содержанія, должна будить въ душѣ человѣка лучшія чувства, Жуковскій считалъ, что только человѣкъ чистый сердцемъ и проникнутый высокими духовными стремленіями можетъ быть истиннымъ поэтомъ. „*Поэзія есть добродѣтель*“, — говорилъ онъ въ одномъ изъ раннихъ стихотвореній („Посланіе къ Вяземскому“, 1814 г.). Съ этой точки зрѣнія поэзія всегда должна быть носительницей высокихъ нравственныхъ идеаловъ, должна быть проникнута благороднымъ энтузіазмомъ, потому что

Славнѣе *говорить сердцамъ*
И пробуждать въ нихъ чувства пламень,
Чѣмъ оживлять безшумный камень,
И зданья лирой громоздить.

Такой взглядъ вполнѣ соотвѣтствовалъ его постоянному стремленію къ самосовершенствованію, къ выработкѣ внутренняго „человѣка“.—„Лучшее наше добро есть наше сердце и его чистыя чувства“, говоритъ онъ въ одномъ письмѣ; „жизнь для души“—формулируетъ онъ свою жизненную программу. Съ теченіемъ времени этотъ взглядъ на высокое значеніе поэзіи еще болѣе утвердился у Жуковскаго. Не безъ вліянія на него въ данномъ случаѣ остались нѣкоторыя философскія теоріи нѣмецкихъ романтиковъ (Шлегеля, Новалиса), смотрѣвшихъ на поэзію и на искусство, какъ на связующее звено между міромъ земнымъ и міромъ идеальнымъ. Точно такъ же и Жуковскій видѣлъ въ поэзіи отраженіе идеальнаго міра, къ которому стремится и о которомъ тоскуетъ душа поэта: эта тоска, вызванная чувствомъ неудовлетворенности (Sehnsucht—нѣмецкихъ романтиковъ), и есть, по мнѣнію Жуковскаго, настоящій источникъ той „меланхоліи“, которая является неизмѣнной принадлежностью истинной поэзіи (эту „меланхолію“ Жуковскій старался найти даже у Гомера). Поэзія даетъ намъ прозрѣніе въ этотъ идеальный, родной для сердца міръ; въ минуты поэтическаго вдохновенія въ душу поэта нисходитъ „геній чистой красоты“, какъ вѣстникъ изъ лучшаго міра, какъ предчувствіе „о небесномъ, о святомъ“ („Таинственный посѣтитель“). Но не часты бываютъ посѣщенія небеснаго генія, открывающаго намъ доступъ къ надземному:

Онъ лишь въ свѣтлыя мгновенья
Бытія бываетъ къ намъ
И приноситъ откровенья,
Благотворныя сердцамъ;
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Намъ туда сквозь покрывало
Онъ даетъ взглянуть порой.

Наконецъ, въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Жуковскаго („Камоэнсъ“, „Странствующій Жидъ“) этотъ взглядъ на поэзію получаетъ дальнѣйшее развитіе. Проникнутый глубокимъ религіознымъ настроеніемъ, Жуковскій и поэзіи сталъ придавать *религіозное* значеніе. „Поэзія—религіи небесной сестра земная“, говоритъ поэтъ въ „Камоэнсѣ“, и эта же мысль, въ еще болѣе яркой и сжатой формѣ, повторяется въ заключительныхъ словахъ Камоэнса: „*Поэзія есть Богъ въ святыхъ*

мечтахъ земли". Изъ этихъ словъ поэта видно, какъ далеко ушелъ онъ отъ того взгляда на поэзію, какъ на простую забаву или украшеніе жизни, который еще незадолго до него господствовалъ въ русской литературѣ. Послѣ Жуковскаго возвращеніе къ такому взгляду, унижающему значеніе поэзіи, стало уже невозможнымъ.

Вліяніе Жуковскаго на русскую поэзію.

Поэтическая дѣятельность Жуковскаго оказала въ свое время значительное вліяніе на русскую литературу. Этого вліянія не избѣгъ даже Пушкинъ въ началѣ своей дѣятельности. Ближе всего къ Жуковскому подходитъ по характеру и содержанію своей поэзіи поэтъ-слѣпецъ *Козловъ*, который и въ личныхъ отношеніяхъ былъ связанъ съ Жуковскимъ тѣсной дружбой. На всей поэзіи Козлова лежитъ отпечатокъ тихой, задумчивой грусти; какъ и у Жуковскаго, этотъ элегическій тонъ отличается полной искренностью, такъ какъ былъ вызванъ постигшимъ поэта несчастіемъ, и, подобно Жуковскому, онъ находилъ себѣ утѣшеніе въ покорности волѣ Провидѣнія и въ религіозномъ чувствѣ. Большую часть произведеній Козлова представляютъ переводы; особенно много переводилъ онъ изъ Байрона. Изъ оригинальныхъ произведеній его наибольшей извѣстностью пользовались его поэмы: „Чернецъ" и „Княгиня Наталья Долгорукая".

Но далеко не у всѣхъ послѣдователей Жуковскаго меланхолическое настроеніе было такъ же искренно и правдиво, какъ у Козлова; для большинства элегическій тонъ былъ лишь моднымъ литературнымъ пріемомъ, усвоенной манерой выраженія, подъ которой большей частью не скрывалось настоящаго чувства. Мечтательный романтизмъ Жуковскаго пришелся по душѣ современникамъ: страницы журналовъ и альманаховъ запестрѣли туманными элегіями, въ которыхъ воспѣвались „отцвѣтшія мечты", „погибшія надежды", „унылыя воспоминанія" и т. д. Русская литература, по выраженію одного критика, „облачилась въ душегрѣйку моднаго унынія". Типическія черты этихъ поэтовъ-элегиковъ Пушкинъ уловилъ и изобразилъ въ лицѣ Ленскаго, который „пѣлъ поблеклый въ жизни цвѣтъ безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ". Въ этихъ словахъ Пушкина слышится явная насмѣшка надъ напускной меланхоліей, которой были проникнуты произведенія многихъ подражателей Жуковскаго. Но это господство элегіи скоро вызвало противъ себя отпоръ и со стороны критики. Одинъ изъ тогдашнихъ критиковъ, напр., даетъ слѣдующую остроумную и ѣдкую характеристику современной элегической поэзіи: „Чувствъ у насъ давно уже нѣтъ; чувство *унынія* поглотило всѣ прочія. Всѣ мы взапуски толкуемъ о своей погибшей молодости, до безконечности пережевываемъ эту тоску и наперерывъ щеголяемъ своимъ малодушіемъ въ періодическихъ изданіяхъ.... Если бы сія грусть не была просто реторической фигурой, иной, судя по нашимъ Чайльдъ-Гарольдамъ, едва вышедшимъ изъ пеленъ, могъ бы подумать, что у насъ на Руси

поэты уже рождаются стариками. Картины вездѣ однѣ и тѣ же: *луна*, которая, разумѣется, *уныла* и *блѣдна*, скалы и дубравы, гдѣ ихъ никогда не бывало, вечерняя заря, изрѣдка длинныя тѣни и привидѣнія, что-то невидимое, что-то невѣдомое... въ особенности же *туманъ*: туманъ надъ водами, туманъ надъ боромъ, туманъ надъ полями, туманъ въ головѣ сочинителя".

Непосредственное вліяніе Жуковскаго на русскую литературу было непродолжительно. При всей возвышенности настроенія и искренности чувства, поэзія его не отличается богатствомъ и разнообразіемъ содержанія. Многія стороны жизни, многіе важные вопросы существованія остались незатронутыми Жуковскимъ. Поэтому съ появленіемъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя онъ долженъ былъ уступить имъ первенство, такъ какъ произведенія этихъ писателей имѣли гораздо болѣе широкое *общественное* значеніе, въ нихъ выводились общественные типы, изображалась сложная картина современной русской дѣйствительности, отмѣчались ея темныя отрицательныя стороны,—между тѣмъ какъ поэзія Жуковскаго не выходила изъ области личныхъ чувствъ и семейныхъ идеаловъ. Развитіе литературы и интересовъ публики опередило Жуковскаго; онъ самъ, повидимому, чувствовалъ, что не можетъ уже удовлетворить потребностямъ и запросамъ новой эпохи, и это сознаніе было одной изъ причинъ, почему Жуковскій въ концѣ своей жизни почти вовсе отказался отъ самостоятельнаго творчества и сосредоточилъ свои силы на переводахъ такихъ классическихъ произведеній, какъ „Одиссея". Тѣмъ не менѣе, благодаря своему возвышенному идеализму, чистотѣ чувства и благородству настроенія, поэзія Жуковскаго и до сихъ поръ не утратила еще своего значенія, особенно въ воспитательномъ отношеніи, и Пушкинъ былъ совершено правъ, когда говорилъ о Жуковскомъ:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

Глава II-я.

Классическое направленіе.

(Батюшковъ, Гнѣдичъ, Озеровъ).

Литературныя партіи.

Реформа, произведенная въ литературѣ Карамзинымъ, раздѣлила русскихъ писателей на два враждебныхъ лагеря: къ одному принадлежали его приверженцы и послѣдователи, къ другому — его противники, съ Шишковымъ во главѣ. Между обѣими партіями происходила упорная полемика и борьба. Представители старой школы объединились въ „Бесѣдѣ любителей русскаго слова", сторонники новаго направленія—въ „Арзамасѣ". Но кромѣ этихъ двухъ главныхъ литературныхъ партій существовала еще независимая группа писателей, не примыкавшая ни къ той, ни къ другой сторонѣ и занимавшая между ними промежуточное положеніе. Главными представителями этой группы были *Батюшковъ*, *Гнѣдичъ* и *Озеровъ*. Въ творчествѣ этихъ писателей замѣчается нѣкоторая *двойственность*. Съ одной стороны, по своимъ литературнымъ вкусамъ они принадлежатъ къ *классическому* направленію; произведенія нѣкоторыхъ изъ нихъ (напр., Батюшкова и Гнѣдича) даже гораздо ближе къ духу настоящаго, *античнаго* классицизма, чѣмъ произведенія нашихъ *псевдо*-классиковъ XVIII вѣка, потому что они обращались непосредственно къ древнимъ писателямъ Греціи и Рима, между тѣмъ какъ послѣдніе подражали въ своихъ произведеніяхъ французскому псевдо-классицизму. Съ другой стороны, однако, несмотря на ихъ принадлежность къ классическому направленію, произведенія ихъ нерѣдко проникнуты *новымъ настроеніемъ*, написаны на *новые мотивы*; такимъ образомъ въ своемъ творчествѣ представители этой группы

писателей не остались чужды сентиментальнымъ и романтическимъ вѣяніямъ, внесеннымъ въ нашу литературу Карамзинымъ и Жуковскимъ.

Оленинскій кружокъ.

Центромъ кружка писателей этого направленія былъ домъ *Оленина* въ Петербургѣ. Оленинъ состоялъ директоромъ Импер. Публ. Библіотеки, а затѣмъ—Академіи Художествъ. Это былъ человѣкъ очень образованный, съ тонкимъ вкусомъ, большой любитель искусствъ и хорошій знатокъ классической древности. Принадлежа по возрасту еще къ Екатерининскому поколѣнію, онъ былъ очень близокъ съ писателями старой школы: Державинымъ. Капнистомъ, Шишковымъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не раздѣлялъ ихъ крайностей и одностороннихъ взглядовъ и поддерживалъ дружескія отношенія съ Карамзинымъ и нѣкоторыми писателями новаго направленія. Къ числу постоянныхъ посѣтителей его дома принадлежали: *Батюшковъ*, *Озеровъ*, *Гнѣдичъ*, *Крыловъ*, *Муравьевъ-Апостолъ* (переводчикъ Аристофана), *Уваровъ* (впослѣдствіи министръ народн. просвѣщенія, сторонникъ классицизма).

Біографія Батюшкова.

Константинъ Николаевичъ *Батюшковъ* родился въ Вологдѣ, въ 1787 году. Онъ рано лишился матери, которая сошла съ ума вскорѣ послѣ рожденія сына. Образованіе онъ получилъ въ частныхъ французскихъ пансіонахъ въ Петербургѣ; оттуда онъ вынесъ небольшой запасъ знаній, но достаточное знакомство съ иностранными языками, въ томъ числѣ съ итальянскимъ. Подъ вліяніемъ одного изъ своихъ руководителей (М. Н. Муравьева), онъ занялся также латинскимъ языкомъ и познакомился въ подлинникѣ съ римскими поэтами, изъ которыхъ ему особенно полюбились *Горацій* и *Тибуллъ*. Литературные интересы, рано пробудившіеся въ немъ, скоро привели къ попыткамъ собственнаго творчества. Среда, въ которой ему приходилось вращаться, благопріятствовала развитію его таланта: Батюшковъ близко сошелся съ кружкомъ писателей, собиравшихся въ домѣ Оленина, гдѣ центромъ интересовъ была литература и искусство. Въ Оленинскомъ кружкѣ были хорошіе знатоки античной классической литературы, и сближеніе съ ними оказало вліяніе на развитіе взглядовъ и вкусовъ Батюшкова; особенно близко сошелся Батюшковъ съ Гнѣдичемъ, который уже тогда задумывалъ взяться за переводъ Иліады.

Военная служба.

Въ 1807 г., во время войны съ Наполеономъ, Батюшковъ поступилъ на военную службу и принялъ участіе въ прусскомъ походѣ, но вскорѣ былъ тяжело раненъ въ одномъ

сраженіи и долженъ былъ вернуться въ Россію. Оправившись отъ раны, онъ продолжалъ военную службу и въ 1808—9 гг. участвовалъ въ завоеваніи Финляндіи. Выйдя въ отставку по окончаніи финляндскаго похода, Батюшковъ нѣсколько слѣдующихъ лѣтъ провелъ то въ Москвѣ, то въ деревнѣ, въ небольшомъ своемъ имѣніи. Въ Москвѣ онъ между прочимъ сблизился съ литераторами новаго направленія, съ Жуковскимъ и кн. Вяземскимъ; съ этого времени въ его поэзіи начинаетъ обнаруживаться вліяніе новыхъ литературныхъ вѣяній; оно сказывается также въ его рѣзкихъ полемическихъ нападкахъ на представителей старой школы, которыхъ онъ осмѣялъ въ сатирическомъ стихотвореніи: „Видѣніе на берегахъ Леты". Но вмѣстѣ съ тѣмъ Батюшковъ не сочувствовалъ и крайностямъ новаго направленія и осмѣивалъ авторовъ, которые „проводятъ цѣлыя ночи на гробахъ, пугаютъ привидѣніями, духами, страшнымъ судомъ, а болѣе всего своимъ слогомъ". Такимъ образомъ Батюшкову въ значительной мѣрѣ удалось сохранить независимость между двумя литературными лагерями.

Подъемъ патріотическаго чувства, вызванный Отечественною войною, снова заставилъ Батюшкова поступить на военную службу. Вмѣстѣ съ русскими войсками онъ участвовалъ въ заграничномъ походѣ 1813—14 гг., былъ въ знаменитой „битвѣ народовъ" подъ Лейпцигомъ и при взятіи Парижа. Между прочимъ подъ Лейпцигомъ подлѣ Батюшкова былъ убитъ одинъ изъ его ближайшихъ друзей (Петинъ), котораго онъ впослѣдствіи воспѣлъ въ трогательной элегіи: „Тѣнь друга". Послѣ взятія Парижа Батюшковъ черезъ Англію и Швецію возвратился на родину. Настроеніе его къ этому времени значительно измѣнилось и сдѣлалось гораздо болѣе серьезнымъ и сдержаннымъ, тогда какъ раньше характерной чертой его была беззаботность и жизнерадостная веселость. Этой перемѣнѣ способствовали, во-первыхъ, впечатлѣнія великихъ историческихъ событій, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ, — во-вторыхъ, различныя печальныя обстоятельства его личной жизни: несчастная любовь, оставшаяся нераздѣленной, разстройство имущественныхъ дѣлъ и, наконецъ, ухудшеніе здоровья и связанныя съ нимъ болѣзни. Все это настраивало Батюшкова на печальный ладъ, и это новое настроеніе отразилось въ цѣломъ рядѣ

Перемѣна настроенія.

и *гій*, написанныхъ въ это время („Пробужденіе“, „Послѣдняя весна“, „Воспоминанія“, „Умирающій Тассъ“, и др.).

Прослуживъ еще нѣкоторое время послѣ окончанія войны и не найдя себѣ въ военной службѣ удовлетворенія, Батюшковъ вторично вышелъ въ отставку. Разстроенное здоровье принудило его искать случая поѣхать въ теплые края. Батюшковъ давно уже мечталъ объ Италіи, языкъ и литературу которой онъ хорошо зналъ и очень любилъ. Стараніями его вліятельныхъ друзей ему удалось достать мѣсто секретаря при русскомъ посольствѣ въ Неаполѣ. Тамъ онъ пробылъ болѣе двухъ лѣтъ (1819 — 21). Однако пребываніе въ тепломъ климатѣ не принесло никакой пользы его здоровью, а тоска по родинѣ, чувство одиночества и разныя служебныя непріятности дѣйствовали на него угнетающимъ образомъ. Настроеніе его становилось все болѣе мрачнымъ. Покинувъ службу, онъ вернулся въ Россію, и здѣсь его постигла въ 1822 г. душевная болѣзнь. Всѣ попытки лѣченія оказались безплодными. Однако сумасшедшій Батюшковъ прожилъ еще болѣе 30-ти лѣтъ и умеръ только въ 1855 г., въ Вологдѣ, переживъ почти всѣхъ своихъ литературныхъ сверстниковъ.

Жизнь въ Италіи.

Душевная болѣзнь.

Среди стихотвореній Батюшкова главное мѣсто занимаютъ *анакреонтическія піесы* и *элегіи*. — Стихотворенія перваго рода относятся къ такъ называемой „легкой поэзіи“; названіе ихъ происходитъ отъ имени греческаго поэта Анакреона, воспѣвавшаго преимущественно любовь. Легкая эротическая поэзія особенно процвѣтала во французской литературѣ XVIII вѣка, подъ вліяніемъ которой воспитывался Батюшковъ. Большинство этихъ стихотвореній Батюшкова относится къ первому періоду его дѣятельности, къ эпохѣ его юности. Они проникнуты свѣтлымъ, жизнерадостнымъ настроеніемъ; въ нихъ воспѣвается любовь, юность, наслажденіе, пиры, дружба. Поэтъ полонъ беззаботнаго веселья, не хочетъ задумываться надъ жизнью, и даже мысль о смерти не смущаетъ его.

Анакреонтическія пьесы.

О, пока безцѣнна младость
Не умчалася стрѣлой,
Пей изъ чаши полной радость
И, сливая голосъ свой,
Въ часъ вечерній съ тихой лютней,

Славь безпечность и любовь!
А когда въ сѣни пріютной
Мы услышимъ смерти зовъ,
То, какъ лозы винограда
Обвиваютъ тонкій вязъ,
Такъ меня, моя отрада,
Обними въ послѣдній часъ!

Эпикурейское настроеніе.

Въ стихотвореніи *„Мои пенаты“* Батюшковъ воспѣваетъ свое сельское жилище,—„смиренный уголокъ“, гдѣ онъ безпечно проводитъ время съ подругою сердца и любимыми книгами, не завидуя роскоши и блеску богачей; въ концѣ стихотворенія онъ обращается къ друзьямъ съ просьбой посѣтить его и раздѣлить съ нимъ наслажденіе жизнью. Это *эпикурейское* настроеніе, проникающее раннія піесы Батюшкова, заслужило ему отъ Пушкина прозваніе „пѣвца радости“ и „рѣзваго философа“.— Образцами для этихъ стихотвореній служили Батюшкову, съ одной стороны, Вольтеръ и Парни, съ другой—Горацій и Тибуллъ. Батюшковъ прекрасно усвоилъ себѣ гораціанскій взглядъ на жизнь и его *изящный эпикуреизмъ*. Насколько онъ вообще умѣлъ *проникаться духомъ античной древности* видно, напр., изъ такихъ стихотвореній его, какъ *„Вакханка“*, или изъ его перевода Тибулла и отрывковъ греческой антологіи.

Элегія.

Совершенно противоположнымъ настроеніемъ отличаются *элегіи* Батюшкова. Отчасти въ нихъ отразились *новыя литературныя вѣянія* и новые пріемы творчества, отчасти—глубокая *перемѣна въ настроеніи самого поэта*, обусловленная различными жизненными неудачами.—Элегическимъ чувствомъ проникнуто, напр., стихотвореніе: „На развалинахъ замка въ Швеціи“; но здѣсь это чувство не субъективнаго происхожденія, а внушено мыслью о ничтожности и бренности человѣческаго величія и могущества. Въ другихъ элегіяхъ Батюшкова скорбное настроеніе вызвано *личными* испытаніями и огорченіями; поэтому онѣ отличаются глубокой *искренностью* и правдою чувства. Таковы стихотворенія: „Разлука“, „Воспоминанія“, „Послѣдняя весна“, „Къ другу“, и др. Большинство ихъ внушены его неудачною любовью, о которой поэтъ долго не могъ забыть, несмотря на все свое стараніе.—„О, *память сердца*, ты сильнѣй—Разсудка памяти печальной!“ восклицаетъ онъ, не будучи въ состояніи побѣдить въ себѣ своего чувства. Это же настроеніе выразилось

и въ изящной элегіи „Пробужденіе“, отличающейся античной простотой и художественной законченностью формы:

Зефиръ послѣдній свѣялъ сонъ
Съ рѣсницъ, окованныхъ мечтами,
Но я не къ счастью пробужденъ
Зефира тихими крылами.
Ни сладость розовыхъ лучей,
Предтечи утренняго Феба,
Ни кроткій блескъ лазури неба,
Ни запахъ, вѣющій съ полей,
Ни быстрый летъ коня ретива
По скату бархатныхъ луговъ
И лай борзыхъ, и звонъ роговъ
Вокругъ пустыннаго залива,
Ничто души не веселитъ,
Души, встревоженной мечтами,
И гордый умъ не побѣдитъ
Любви – холодными словами.

Ихъ меланхолическій тонъ.

Иногда душевныя страданія поэта усиливались до такой степени, что онъ терялъ вѣру въ свое призваніе, въ свой талантъ. Въ минуты такого унынія и упадка духа написана, напр., элегія „Воспоминанія“, въ которой онъ приходитъ къ горькому сознанію, что его „даръ въ поэзіи погасъ, и муза пламенникъ небесный потушила“.—Съ теченіемъ времени настроеніе Батюшкова становилось все болѣе мрачнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ омрачался и его взглядъ на жизнь. Счастье и наслажденіе, которыя онъ воспѣвалъ раньше, представляются ему теперь ничтожными и призрачными, а самое существованіе—невѣрнымъ и мгновеннымъ. Въ стихотвореніи „Къ другу“ поэтъ спрашиваетъ:

Скажи, мудрецъ младой, что прочно на землѣ?
Гдѣ постоянно жизни счастье?..
Минутны странники, мы бродимъ по гробамъ,
Всѣ дни утратами считаемъ,
На крыльяхъ радости летимъ къ своимъ друзьямъ,
И что жъ?.. ихъ урны обнимаемъ!

Такимъ же безнадежнымъ пессимизмомъ проникнуто и послѣднее стихотвореніе Батюшкова, написанное имъ незадолго до начала его душевнаго разстройства. Оно называется: „Изреченіе Мельхиседека“.

Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мельхиседекъ?
Рабомъ родился человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва ли скажетъ,
Зачѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ.

Умирающій Тассъ.

Къ числу *элегій* должно быть отнесено и наиболѣе извѣстное изъ стихотвореній Батюшкова: „*Умирающій Тассъ*“, написанное замѣчательно звучными, красивыми стихами. Батюшковъ вообще очень любилъ и высоко ставилъ Тасса, какъ поэта; онъ даже собирался переводить его знаменитую поэму „Освобожденный Іерусалимъ“. Но кромѣ того онъ находилъ также большое сходство между своей судьбою и судьбою итальянскаго поэта, жизнь котораго также была полна всевозможныхъ бѣдствій и неудачъ. Оттого все стихотвореніе проникнуто глубокимъ и искреннимъ *лиризмомъ*: въ уста Тасса Батюшковъ вложилъ свои собственныя чувства и мысли. Заключительныя слова Тасса, съ надеждой и вѣрой обращающагося мыслью къ загробной жизни, гдѣ ждетъ его „вѣнецъ небренной славы“, вполнѣ соотвѣтствуютъ настроенію самого Батюшкова, который только въ религіозномъ чувствѣ находилъ себѣ иногда утѣшеніе и отраду; такимъ чувствомъ проникнуто, напр., его прекрасное стихотвореніе „Надежда“.

Значеніе Батюшкова въ литературѣ.

Батюшковъ написалъ немного, но тѣмъ не менѣе дѣятельность его не прошла безслѣдно для русской литературы. Заслуги его касаются преимущественно области *поэтическаго языка*. Вмѣстѣ съ Жуковскимъ, онъ принадлежитъ къ числу создателей русской поэтической рѣчи. Въ стихахъ его много звучности, гибкости и гармоніи. Въ отличіе отъ стиховъ Жуковскаго, у котораго часто замѣчается какая-то расплывчатость и неопредѣленность, стихи Батюшкова отличаются ясностью, образностью, *пластичностью*. По мѣткому выраженію Бѣлинскаго, „стихъ его не только слышимъ уху, но видимъ глазу: хочется ощущать извивы и складки его мраморной драпировки“. Благодаря этой *художественной законченности формы* Батюшковъ является не только ближайшимъ предшественникомъ, но и учителемъ Пушкина, который въ юности подражалъ ему и всегда ставилъ очень высоко его талантъ.

Николай Ивановичъ *Гнѣдичъ* (1784—1833) прославился въ русской литературѣ преимущественно своимъ переводомъ *Иліады* Гомера. Образованіе онъ получилъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ особенно усердно занимался изученіемъ латинской и греческой литературы. Служилъ въ Импер. Публичн. Библіотекѣ, подъ начальствомъ Оленина, вмѣстѣ съ Крыловымъ, съ которымъ былъ очень друженъ. И по своему образованію, и по принадлежности къ Оленинскому кружку, Гнѣдичъ естественно примыкалъ къ классическому направленію, хотя и онъ въ своихъ раннихъ произведеніяхъ и лирическихъ стихотвореніяхъ не остался чуждъ новыхъ литературныхъ вѣяній.—За переводъ *Иліады* Гнѣдичъ взялся въ 1808 году. Первоначально онъ предполагалъ перевести ее александрійскимъ стихомъ, который по псевдо-классической теоріи считался наиболѣе подходящимъ для эпоса и трагедіи. Этимъ размѣромъ началъ переводить Иліаду еще въ XVIII ст. Ермилъ Костровъ, но смерть прервала его работу на 7-ой пѣснѣ: съ нея и началъ свой переводъ Гнѣдичъ. Но затѣмъ, подъ вліяніемъ *Уварова*, доказывавшаго необходимость переводить Гомера размѣромъ подлинника, т.-е. *гекзаметромъ*, Гнѣдичъ уничтожилъ нѣсколько переведенныхъ пѣсенъ, стоившихъ ему шестилѣтняго труда, и принялся за трудъ сызнова. Только въ 1829 году переводъ Иліады былъ оконченъ. Пушкинъ привѣтствовалъ его появленіе двустишіемъ:

Гнѣдичъ.

Переводъ Иліады.

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи,
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

Переводъ Гнѣдича имѣетъ много достоинствъ и до сихъ поръ производитъ впечатлѣніе силой и пластичностью выраженій, богатствомъ красокъ и звучностью своихъ гекзаметровъ; кромѣ того онъ отличается вѣрностью и близостью къ подлиннику. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не лишенъ и нѣкоторыхъ существенныхъ недостатковъ; вмѣсто простоты и наивности Гомеровскаго разсказа, переводъ отличается торжественностью и приподнятостью тона; языкъ изобилуетъ славянизмами и архаическими оборотами, которые считались необходимой принадлежностью „высокаго стиля“; наконецъ, не всегда удачны новыя словосочетанія, которыя Гнѣдичъ придумывалъ для передачи двойныхъ эпитетовъ, составляющихъ одну изъ особенностей Гомеровскаго языка; таковы выраженія: *праздноброд-ные* псы, *звуконогіе* кони, *дыроокій* шлемъ, *лилейнораменная* дѣва, и тому под. Несмотря однако на эти частные недостатки, переводъ *Иліады* представляетъ собой крупную заслугу Гнѣдича, потому что онъ познакомилъ русское общество съ однимъ изъ наиболѣе знаменитыхъ произведеній міровой литературы.

Кромѣ *Иліады* Гнѣдичъ далъ прекрасный переводъ идилліи Ѳеокрита „*Сиракузянки*“, отличающійся простотою и легкостью языка. Онъ перевелъ также цѣлый рядъ ново-греческихъ народныхъ пѣсенъ, снабдивъ ихъ интереснымъ введеніемъ, въ которомъ онъ между прочимъ касается вопроса о сходствѣ нѣкоторыхъ пріемовъ греческой и русской народной пѣсни.—Кромѣ переводовъ,

Гнѣдичъ написалъ также довольно много стихотвореній лирическаго характера: большая часть ихъ отличается грустнымъ, элегическимъ настроеніемъ, происходившимъ отъ различныхъ неблагопріятныхъ условій жизни Гнѣдича. Изъ болѣе крупныхъ его оригинальныхъ піесъ замѣчательна идиллія *„Рыбаки“*. Хотя она совершенно лишена національнаго колорита, такъ что, по вѣрному выраженію Бѣлинскаго, „изъ-подъ рубища петербургскихъ рыбаковъ виднѣются складки греческаго хитона“, но въ ней есть прекрасныя частности, напр., картина лѣтней ночи надъ Невой, которою восхищался Пушкинъ. Кромѣ того все произведеніе отличается свѣжестью чувства, яркостью красокъ, звучностью и выразительностью стиха

Озеровъ. Къ Оленинскому кружку принадлежалъ также драматургъ *Озеровъ* (1769—1816). Въ литературѣ его учителями были французскіе писатели псевдо-классической школы. Завѣты этой школы отразились и на его собственныхъ произведеніяхъ, хотя онъ иногда позволялъ себѣ отступать отъ строгихъ „правилъ“ теоріи. Но важнѣе этихъ частичныхъ отступленій былъ тотъ *новый духъ*, который онъ внесъ на русскую сцену. Въ эту эпоху псевдо-классическая трагедія, съ ея торжественностью и холодностью, уже утратила свое прежнее обаяніе, перестала удовлетворять вкусу общества:

Характеръ его трагедіи. Озеровъ въ значительной мѣрѣ обновилъ ее, внеся въ нее элементъ *сентиментализма*, успѣвшаго сдѣлаться моднымъ: именно эта „чувствительность“ его трагедій болѣе всего нравилась зрителямъ, привлекала къ автору ихъ симпатіи. Нравился также самый языкъ его піесъ, гораздо болѣе правильный и благозвучный, чѣмъ языкъ Сумарокова и Княжнина. Первою трагедіей, создавшей славу Озерова, былъ *„Эдипъ въ Аѳинахъ“* (1804). Озеровъ не зналъ греческаго языка, не читалъ Софокла въ подлинникѣ и потому могъ познакомиться съ нимъ лишь во французскихъ передѣлкахъ и подражаніяхъ. Оттого въ выведенныхъ имъ лицахъ нѣтъ ничего греческаго. Въ трагедіи Озерова Эдипъ не жертва безпощаднаго, безличнаго Рока, которому равно подвластны и боги, и люди, а слабый, чувствительный старикъ, страдающій отъ безсердечія оттолкнувшихъ его сыновей; точно такъ же и Антигона мало соотвѣтствуетъ созданному Софокломъ образу, по сравненію съ которымъ она кажется слишкомъ сентиментальной и многорѣчивой. Но зрители и не требовали исторической правды, соблюденія „мѣстныхъ красокъ“ (couleur locale); имъ достаточно было того общеловѣческаго содержанія, которое сумѣлъ вложить въ свою трагедію Озеровъ и которое плѣняло и трогало ихъ. Современники сохранили намъ свидѣтельство о томъ глубокомъ впечатлѣніи, которое производила трагедія на публику: въ наиболѣе чувствительныхъ мѣстахъ многіе плакали, особенно тамъ, гдѣ выступала знаменитая *Семенова*, игравшая роль Антигоны. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и Пушкинъ, вспоминая въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ о театрѣ въ эпоху своей молодости, когда

... Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ младой Семеновой дѣлилъ.

Но на ряду съ такими проявленіями сочувствія „Эдипъ“ вызвалъ противъ себя и сильныя нареканія со стороны правовѣрныхъ сторонниковъ старой теоріи, не прощавшихъ Озерову нѣкоторыхъ допущенныхъ имъ вольностей и недовольныхъ сентиментальнымъ отпечаткомъ, приданнымъ своему сюжету Озеровымъ.

Въ слѣдующемъ году была поставлена на сцену вторая трагедія Озерова „*Фингалъ*“. Содержаніе ея онъ заимствовалъ изъ поэмъ Оссіана, пользовавшихся особенной популярностью въ эпоху сентиментализма. Главную женскую роль (Моины) здѣсь также исполняла Семенова. „Фингалъ“ имѣлъ такой же успѣхъ у публики, какъ и первая трагедія Озерова.—Но еще болѣе крупный успѣхъ выпалъ на его долю при постановкѣ „*Димитрія Донского*“ въ 1807 году. Постановка эта совпала съ моментомъ особеннаго возбужденія патріотическаго чувства, вызваннаго войной съ Наполеономъ. Сама по себѣ трагедія Озерова совершенно лишена характера народности. Димитрій вовсе не похожъ на древне-русскаго князя, а напоминаетъ скорѣе какого-то средневѣкового рыцаря. Въ самомъ сюжетѣ много неправдоподобнаго: Димитрій влюбленъ въ Ксенію, дочь нижегородскаго князя, которая платитъ ему взаимностью, но родители желаютъ, чтобы она вышла замужъ за тверского князя, и для этого она пріѣзжаетъ въ русскій лагерь наканунѣ битвы съ татарами; узнавъ объ этомъ, Димитрій ссорится съ княземъ тверскимъ и другими, но Ксенія не желая возбуждать опаснаго раздора, жертвуетъ своей привязанностью, примиряетъ противниковъ и отдаетъ свою руку тверскому князю, требуя отъ него, чтобы онъ принялъ участіе въ битвѣ. Но современники не обращали вниманія на всѣ несообразности піесы; они жадно ловили въ ней только то, что имѣло отношеніе къ ихъ патріотическому настроенію. Въ лицѣ Димитрія они видѣли императора Александра, въ Мамаѣ—Наполеона и встрѣчали громомъ аплодисментовъ всякую патріотическую фразу. Таковы, напр., слова Димитрія на совѣтѣ князей и бояръ:

Димитрій Донской.

Ахъ! лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестный!

Такова же его молитва послѣ окончанія битвы:

Но первый сердца долгъ къ Тебѣ, Царю царей!
Всѣ царства держатся десницею Твоей:
Прославь и утверди и возвеличь Россію,
Какъ прахъ земной сотри враговъ кичливыхъ выю,
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
Языки, вѣдайте—великъ Россійскій Богъ!

Восторженный пріемъ, оказанный „Димитрію“ былъ однак уже послѣднимъ успѣхомъ въ жизни Озерова. У него нашлись не други и завистники (главнымъ образомъ драматургъ кн. Шаховской которые всячески старались ему вредить. Слѣдующая его трагеді „Поликсена“, поставленная черезъ два года, уже не имѣла успѣха Огорченный этимъ и происками враговъ, онъ оставилъ Петербург и уѣхалъ въ деревню. Проживши тамъ въ одиночествѣ нѣсколь лѣтъ, онъ заболѣлъ психическимъ разстройствомъ и умеръ в 1816 году.

Глава III-я.

Развитіе національныхъ элементовъ въ русской литературѣ и зарожденіе реалистическаго направленія.

(Крыловъ и Грибоѣдовъ).

Литературная дѣятельность *Карамзина*, *Жуковскаго*, *Батюшкова* и многихъ другихъ ихъ современниковъ развивалась еще всецѣло подъ непосредственнымъ вліяніемъ западно-европейской литературы, древней и новой. Несмотря на ихъ выдающіяся дарованія, *творчество ихъ ни по формѣ, ни по содержанію не отличалось самостоятельностью*: большинство ихъ произведеній внушено иностранными образцами и имѣетъ лишь очень незначительное отношеніе къ русской жизни и дѣйствительности. Это впрочемъ нисколько не мѣшало ихъ дѣятельности быть весьма полезной и даже необходимой въ исторіи развитія русской литературы. Но уже одновременно съ названными писателями выступаютъ въ нашей литературѣ другіе, дѣятельность которыхъ значительно менѣе зависитъ отъ западно-европейскихъ образцовъ и отличается гораздо большею самостоятельностью. Произведенія ихъ, какъ *по содержанію*, такъ и *по духу*, значительно разнятся отъ произведеній большинства ихъ современниковъ: по содержанію—*они отличаются бо́льшею близостью къ жизни*, которую воспроизводятъ полнѣе и проще, безъ всякихъ прикрасъ; по духу—*они носятъ яркій отпечатокъ русскаго національнаго характера*, который отражается не только на мысляхъ и чувствахъ, но и на самомъ языкѣ этихъ произведеній, отличающемся своимъ чисто-народнымъ складомъ, чуждымъ искусственности и книжности. Въ виду такихъ особенностей твор-

чества, этихъ писателей можно признать родоначальниками національнаго направленія въ русской литературѣ. Имена ихъ—*Крыловъ и Грибоѣдовъ.*

I. Крыловъ.

1. Его жизнь.

Жизненныя условія.

Біографическія свѣдѣнія о Крыловѣ крайне скудны; точныхъ извѣстій объ обстоятельствахъ его жизни, особенно его молодости, сохранилось очень мало. Это объясняется отчасти врожденной сдержанностью, замкнутостью Крылова, не любившаго вспоминать о своемъ прошломъ, отчасти тѣмъ, что Крылову долго приходилось жить въ кругу лицъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ литературѣ и не оставившихъ о немъ никакихъ воспоминаній.

Иванъ Андреевичъ *Крыловъ* родился въ Москвѣ въ 1768 году. Отецъ его былъ бѣдный армейскій офицеръ, человѣкъ совершенно необразованный, хотя любившій читать; мать же его была вовсе неграмотна, но по свидѣтельству сына отличалась природнымъ умомъ и добрымъ сердцемъ. Семьѣ часто приходилось кочевать по Россіи, въ зависимости отъ служебныхъ перемѣщеній отца. Вся обстановка жизни мало благопріятна была для правильнаго воспитанія и образованія. Особенно ухудшилось положеніе семьи, когда умеръ отецъ Крылова и вдова осталась съ двумя дѣтьми безъ всякихъ средствъ къ существованію; будущему баснописцу шелъ въ это время только девятый годъ. Нужно было позаботиться о заработкѣ, и потому Крылову еще ребенкомъ пришлось поступить на службу—подканцеляристомъ въ тверской губернскій магистратъ, гдѣ въ послѣдніе годы жизни служилъ также и его отецъ. Такимъ образомъ, не получивъ никакого правильнаго образованія, съ самыми скудными и случайными свѣдѣніями, Крыловъ долженъ былъ вступить въ практическую жизнь. Этотъ недостатокъ образованія и впослѣдствіи давалъ себя чувствовать Крылову, отражался въ нѣкоторыхъ его взглядахъ, хотя онъ путемъ чтенія старался восполнить этотъ недостатокъ и самостоятельно изучилъ нѣсколько иностранныхъ языковъ.

Близость къ народной средѣ.

Однако въ другомъ отношеніи эти неблагопріятныя условія жизни и воспитанія Крылова были даже полезны для его

литературной дѣятельности, потому что ему въ дѣтствѣ не пришлось испытать вліянія иностраннаго образованія, разобщавшаго культурные классы съ народной средой, а кромѣ того ранняя служба на низшихъ должностяхъ постоянно приводила его въ непосредственныя сношенія съ простолюдинами, что позволяло ему хорошо изучить характеръ и бытъ русскаго народа. Эти обстоятельства жизни содѣйствовали усвоенію Крыловымъ элементовъ *народности*, отразившихся въ содержаніи и языкѣ его произведеній. Существуетъ свидѣтельство, что въ молодости Крыловъ особенно любилъ посѣщать базары, ярмарки, народные праздники и гулянія, гдѣ онъ могъ свободно наблюдать нравы простого русскаго народа и прислушиваться къ живой народной рѣчи. Всѣмъ этимъ запасомъ жизненныхъ наблюденій онъ и воспользовался впослѣдствіи въ своихъ басняхъ.

Увлеченіе театромъ.

Въ 1782 году, 14-ти лѣтъ отъ роду, Крыловъ переселяется съ матерью въ Петербургъ и поступаетъ на службу въ казенную палату. Писарская служба съ ничтожнымъ вознагражденіемъ, конечно, мало удовлетворяла Крылова. Но ему удалось познакомиться съ знаменитымъ трагическимъ актеромъ Дмитревскимъ, и это знакомство дало первый толчокъ къ развитію въ немъ новыхъ, болѣе высокихъ интересовъ и къ сближенію его съ театральнымъ и литературнымъ міромъ. Крыловъ особенно пристрастился къ театру и вскорѣ даже самъ сдѣлалъ попытку выступить въ качествѣ драматическаго автора. Первое его произведеніе — „*Кофейница*“, комическая опера, т.-е. комедія со вставными куплетами для пѣнія.

Кофейница.

Главную роль въ комедіи играетъ гадалка на кофейной гущѣ, отъ которой комедія и получила свое заглавіе. Въ первой піесѣ Крылова много недостатковъ и несообразностей, вполнѣ понятныхъ въ трудѣ молодого и неопытнаго драматурга (Крылову въ это время было не болѣе 16 лѣтъ); но есть въ ней и бытовыя черты, показывающія наблюдательность автора и его способность подмѣчать типическія явленія окружающей дѣйствительности. Такова жестокая, взбалмошная и суевѣрная помѣщица Новомодова, мечтающая о роскошныхъ нарядахъ и экипажахъ и для этого продающая въ рекруты молодыхъ крестьянъ; таковъ приказчикъ, пользующійся милостями барыни, притѣсняющій крестьянъ и старающійся для своихъ цѣлей разстроить свадьбу одного крестьянскаго парня, котораго онъ съ помощью гадалки-кофейницы обвиняетъ въ воровствѣ. Въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ слышатся мѣстами народные обо-

роты, встрѣчаются пословицы; но всѣ стихотворные куплеты чрезвычайно неудачны, написаны очень тяжелымъ и неправильнымъ языкомъ.

Но Крыловъ не ограничился комедіей и попыталъ свои силы въ области трагедіи. Въ эту эпоху на русской сценѣ еще господствовала псевдо-классическая теорія; вращаясь въ кругу актеровъ, Крыловъ также усвоилъ себѣ ихъ литературные взгляды и традиціи. Руководствуясь ложно-классическими образцами, Крыловъ написалъ трагедію изъ античной жизни „Клеопатра"; но эта трагедія была настолько неудачна, что даже благорасположенный къ автору Дмитревскій далъ о ней такой неодобрительный отзывъ, что Крыловъ уничтожилъ ее. Однако эта неудача нисколько не отбила въ немъ охоты къ драматическому творчеству, и онъ написалъ въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ цѣлый рядъ театральныхъ піесъ (трагедія „Филомела", комедіи: „Бѣшеная семья", „Сочинитель въ прихожей", „Проказники", „Трумфъ" и др.). Всѣ онѣ не отличаются особенными достоинствами; комизмъ ихъ часто переходитъ въ грубый шаржъ; дѣйствіе слишкомъ запутано и мало правдоподобно; характеры изображены преувеличенно рѣзкими чертами, въ нихъ нѣтъ психологической правды. На сценѣ эти пьесы успѣха не имѣли. Недостатки ихъ ясно показали, что драматическое творчество не было свойственно таланту Крылова.

Сатирическіе журналы.

Гораздо удачнѣе была журнальная дѣятельность Крылова. Въ 1789 г. Крыловъ сталъ издавать, вмѣстѣ съ другимъ литераторомъ (Рахманиновымъ), который давалъ ему средства для изданія, сатирическій журналъ „*Почта духовъ*", по образцу журналовъ Новикова. Сатира Крылова отличалась мѣткостью и остроуміемъ, а также значительной по тогдашнему времени свободой. Онъ касался въ своей сатирѣ не только мелкихъ недостатковъ современнаго общества, каковы: галломанія, погоня за модой и т. д., но обличалъ гораздо болѣе важные общественные пороки и злоупотребленія, напр., взяточничество, неправосудіе, упадокъ нравовъ среди высшихъ сословій. Послѣ „Почты духовъ" Крыловъ издавалъ еще два журнала: „*Зритель*" и „*С.-Петербургскій Меркурій*". Но въ эту эпоху правительство, напуганное быстрыми успѣхами французской революціи, которая приписывалась въ значительной степени вліянію литературы, стало весьма подозрительно относиться

къ журнальной сатирѣ. Поэтому въ послѣднемъ своемъ журналѣ Крыловъ принужденъ былъ значительно смягчить тонъ своей сатиры, а затѣмъ вскорѣ и вовсе прекратить изданіе (въ 1793 г.).

Затѣмъ наступаетъ смутный періодъ въ жизни Крылова; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Крыловъ то переѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто, безъ опредѣленныхъ занятій и плановъ, то живетъ у знакомыхъ и разныхъ покровителей. Одно время онъ пристрастился къ азартной карточной игрѣ и ради нея даже кочевалъ по ярмаркамъ, гдѣ она особенно процвѣтала, вращаясь въ кругу профессіональныхъ игроковъ. Благодаря этимъ знакомствамъ, дѣло доходило даже до непріятныхъ столкновеній съ полиціей. Однако карточная игра не обогатила Крылова, такъ какъ онъ проигрывалъ въ одномъ мѣстѣ то, что успѣлъ выиграть въ другомъ. Нѣкоторое время Крыловъ былъ домашнимъ учителемъ у одного вельможи, кн. Голицына, жилъ у него въ имѣніи, а затѣмъ, когда тотъ былъ назначенъ рижскимъ губернаторомъ, служилъ у него въ канцеляріи.

Первыя басни.

Въ 1806 г. Крыловъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ онъ съ тѣхъ поръ и поселяется безвыѣздно. Въ этомъ же году была напечатана его первая басня „*Дубъ и трость*“, переведенная имъ изъ Лафонтена; такимъ образомъ съ этихъ поръ начинается его баснописная дѣятельность, и онъ вступаетъ наконецъ на свою настоящую дорогу, долженствовавшую прославить его имя. Поэтому біографъ Крылова, Плетневъ, былъ совершенно правъ, говоря, что „для насъ Крыловъ родился только въ сорокъ лѣтъ“. Къ этому же времени относятся и двѣ послѣднія его комедіи: „*Модная лавка*“ и „*Урокъ дочкамъ*“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ являются лучшими піесами Крылова, пользовавшимися большимъ успѣхомъ на сценѣ и долго не сходившими съ репертуара. Обѣ онѣ осмѣиваютъ слѣпое пристрастіе ко всему французскому, и ихъ сатира была тѣмъ своевременнѣе, что совпадала съ патріотическимъ подъемомъ подъ вліяніемъ войнъ съ Наполеономъ (1805—1807 гг.).

Въ 1809 году вышло первое изданіе *басенъ* Крылова, числомъ 23. Съ этой эпохи начинается для Крылова громкая извѣстность въ качествѣ лучшаго русскаго баснописца. За первымъ изданіемъ послѣдовалъ съ небольшими промежутками цѣлый рядъ другихъ — дополненныхъ вновь написанными баснями. Такихъ изданій при жизни Крылова вышло болѣе 10; разошедшихся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ и сдѣлавшихъ имя „дѣдушки Крылова“ популярнымъ во всѣхъ кругахъ населенія.

Служба въ Публичной библіотекѣ.

Личная жизнь Крылова также въ это время опредѣлилась. Въ 1812 г. онъ поступилъ на службу помощникомъ библіотекаря въ Императорскую публичную библіотеку, гдѣ и прослужилъ до отставки 30 лѣтъ. Служба была необременительная и въ этомъ отношеніи вполнѣ соотвѣтствовала лѣнивой и тяжелой на подъемъ натурѣ Крылова. О его лѣни, беззаботности, неряшливости и разсѣянности сохранилась масса анекдотовъ, создавшихъ ему репутацію чудака. Но природная лѣность не мѣшала Крылову проявлять иногда большую настойчивость и силу воли. Такъ, напр., поспоривши съ Гнѣдичемъ, онъ въ два года, безъ всякой посторонней помощи, выучился греческому языку настолько, что вполнѣ свободно могъ въ подлинникѣ читать Гомера. Всю жизнь Крыловъ прожилъ одинокимъ холостякомъ, не имѣя ни родныхъ, ни близкихъ, за исключеніемъ младшаго брата, о которомъ онъ отечески заботился и щедро ему помогалъ. Вообще вслѣдствіе сдержаннаго неповоротливаго нрава, Крыловъ ни съ кѣмъ особенно близко не сходился, ничѣмъ не увлекался и ни къ чему не привязывался. Въ его характерѣ была закваска скептицизма, такъ какъ, благодаря своему проницательному, сатирическому уму, онъ видѣлъ преимущественно недостатки людей и темныя стороны жизни. Но эти недостатки и пороки не возбуждали въ немъ негодованія, а только тонкую насмѣшку, а скептицизмъ его смягчался природнымъ добродушіемъ.

Личныя отношенія.

Хотя въ своемъ творчествѣ Крыловъ былъ совершенно самобытенъ, однако по своимъ взглядамъ и симпатіямъ онъ болѣе склонялся къ старой, классической школѣ. Оттого въ его сатирическихъ статьяхъ встрѣчаются насмѣшки надъ сентиментализмомъ, хотя „шуто-трагедія“ *Трумфъ* показываетъ, что Крыловъ отлично понималъ также и слабыя стороны псевдо-классицизма. Одно время Крыловъ принималъ участіе въ „Бесѣдѣ“ Шишкова; но ближе всего Крыловъ сошелся съ кружкомъ Оленина. Въ домѣ Олениныхъ онъ былъ принятъ какъ родной и тѣсно привязался ко всей семьѣ. Вліяніе классическихъ традицій, господствовавшихъ въ Оленинскомъ кружкѣ, отразилось даже въ басняхъ Крылова, изъ которыхъ нѣкоторыя заимствованы у Федра (греческаго баснописца); но и въ другихъ, самостоятельныхъ басняхъ встрѣчаются черты классицизма, напр., античные образы и миѳо-

логическія существа: Зевсъ, Аполлонъ, Фортуна, музы, наяды и т. п.

Въ 1838 году былъ торжественно опразднованъ 50-лѣтній юбилей Крылова. За свои литературныя заслуги Крыловъ неоднократно получалъ различныя награды отъ Государя, а при отставкѣ ему была назначена значительная пенсія. Въ 1844 г. онъ скончался, вслѣдствіе своей обычной невоздержности въ ѣдѣ. Въ 1855 г. ему поставленъ памятникъ въ Петербургѣ, въ Лѣтнемъ саду, на площадкѣ, гдѣ обыкновенно собираются и играютъ дѣти, къ которымъ такъ часто обращался въ своихъ басняхъ „дѣдушка Крыловъ".

2. Сатирическіе журналы Крылова.

Одной изъ наиболѣе характерныхъ особенностей Крылова, какъ писателя, было *сатирическое* направленіе его таланта. Одаренный большой проницательностью, онъ умѣлъ подмѣчать въ окружающей жизни ея смѣшныя и отталкивающія стороны, а въ людяхъ — ихъ слабости, недостатки и пороки. Особенно ярко сатирическій талантъ Крылова проявился въ его журнальныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ *„Почтѣ духовъ"* и въ *„Зрителѣ"*; эти статьи по своимъ достоинствамъ и по силѣ художественной сатиры нисколько не уступаютъ лучшимъ статьямъ Новиковскихъ журналовъ. Сатирическое дарованіе Крылова.

„Почта духовъ" (1788) получила свое названіе оттого, что всѣ статьи въ ней составлены въ формѣ писемъ отъ разныхъ подземныхъ, воздушныхъ и водяныхъ духовъ къ волшебнику Маликульмульку. Благодаря своей безплотной природѣ, они могутъ повсюду проникать, оставаясь невидимыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ они одарены способностью принимать человѣческій образъ. Вслѣдствіе этого имъ открытъ свободный доступъ во всѣ сферы общества и въ интимную жизнь людей, благодаря чему сатирику представляется легкая возможность касаться самыхъ разнообразныхъ явленій жизни. Такимъ образомъ форма, выбранная Крыловымъ, была чрезвычайно удобна для его сатирическихъ цѣлей. Почта духовъ.

Содержаніе „Почты духовъ" отличается большимъ разнообразіемъ. Здѣсь изображены различные слои русскаго общества: дворяне столичные и провинціальные, судейскіе чиновники, литераторы, купцы, актеры. Каждое письмо переноситъ дѣйствіе на новую сцену: то въ гостиную модной

щеголихи, то въ залу суда, то въ театръ, то въ пріемную знатнаго вельможи, то на публичное гулянье. Изображая разнообразные общественные типы, Крыловъ, какъ сатирикъ, касается здѣсь всевозможныхъ недостатковъ и пороковъ тогдашняго русскаго общества: невѣжества, тунеядства, мотовства, погони за модой, пристрастія ко всему иностранному, неправосудія, взяточничества, угнетенія низшихъ, напр., крестьянъ, и т. д. Въ результатѣ получается цѣльная и яркая *сатирическая картина современныхъ общественныхъ нравовъ*, при чемъ Крыловъ обнаруживаетъ большую смѣлость въ обличеніи застарѣлыхъ, глубокихъ язвъ русской жизни.

Черты нравовъ. Много мѣста отведено Крыловымъ осмѣянію пустой *галломаніи* тогдашняго высшаго общества, выражавшейся въ слѣпомъ преклоненіи передъ всѣмъ французскимъ. Этимъ преклоненіемъ весьма ловко пользовались заѣзжіе иностранцы для того, чтобы обдѣлывать свои дѣла и обогащаться на счетъ легкомысленныхъ поклонниковъ моды. Крыловъ выводитъ цѣлый рядъ типовъ такихъ поклонниковъ моды, — петиметровъ и щеголихъ, среди которыхъ наиболѣе ярко обрисованъ нѣкій *графъ Припрыжкинъ*, проводящій время въ кутежахъ и удовольствіяхъ, разоряющій своихъ крестьянъ для того, чтобы удовлетворить своей страсти къ роскоши. и своему тщеславію. „На этихъ пальцахъ, — говоритъ онъ, показывая на свою руку, усѣянную перстнями, — сидитъ мое село Остатково; на ногахъ ношу я двѣ деревни, Безжитову и Грабленную; въ этихъ дорогихъ часахъ ты видишь любимое мое село Частодавано; карета моя и четверня лошадей напоминаютъ мнѣ прекрасную мою мызу Пустышку; словомъ, я не могу взглянуть ни на одинъ мой кафтанъ и ни на одну мою ливрею, которая бы ни приводила мнѣ на память заложеннаго села или деревни, или нѣсколькихъ душъ проданныхъ въ рекруты дворовыхъ“. Описывая женитьбу этого Припрыжкина, Крыловъ характеризуетъ господствовавшій въ нѣкоторыхъ кругахъ общества легкомысленный взглядъ на семейныя отношенія и проистекавшіе отсюда браки по расчету и *упадокъ нравственности*. Этотъ упадокъ нравственности Крыловъ склоненъ былъ приписывать, подобно другимъ сатирикамъ 18 вѣка (напр., Фонвизину), главнымъ образомъ, вліянію моднаго французскаго воспитанія, находившагося большей частью въ рукахъ лицъ, не подготовленныхъ къ дѣлу, либо даже нравственно испорченныхъ. Въ одномъ письмѣ онъ, напр., рисуетъ сцену, какъ француженка, содержательница модной лавки, уговариваетъ своего соотечественника поступить воспитателемъ въ богатый барскій домъ; на родинѣ этотъ французъ занимался, какъ онъ самъ выражается, „карманнымъ ремесломъ“, за что и получилъ „орденъ на плечѣ“ (т.-е. клеймо), „коротко познакомился съ полиціей“, былъ посаженъ въ

Бастилію (тюрьма въ Парижѣ) и приговоренъ „украсить собой парижскія висѣлицы“, но бѣжалъ и послѣ различныхъ приключеній пробрался въ Россію; несмотря на то, что онъ, по собственному признанію, „не только морали и науки преподавать, но даже и французскія книги читать не способенъ“, однако онъ принимаетъ мѣсто учителя: конечно, такой педагогъ могъ принесть лишь вредъ своему питомцу, развращая его своими словами и примѣромъ. Изъ рукъ такихъ воспитателей и выходили пустые и вѣтреные „петиметры“, которымъ въ „Почтѣ духовъ“ спеціально посвящено письмо: „О удивительномъ сходствѣ чувствъ, склонностей и поступокъ петиметра и обезьяны“. Взгляды и мнѣнія этихъ модныхъ щеголей характеризованы Крыловымъ въ статьѣ: „*Мысли философа по модѣ*“ (въ „Зрителѣ“, 1792 г.). Сущность ихъ стремленій заключалась въ томъ, чтобы „казаться разумными, не имѣя ни капли разума“; для достиженія этого нужно было только смѣяться надъ всѣмъ, что уважали другіе, относиться серьезно только къ удовольствіямъ и съ презрѣніемъ ко всякому труду и ко всякому знанію. „Умѣй говорить, не думая. Думать прилично ученому, а ученье не пристало щеголю, и ты долженъ остерегаться, чтобъ не сказать чего умнаго. Молодой человѣкъ, который говоритъ умно, очень глупъ въ большомъ свѣтѣ; а ты долженъ быть забавенъ“.

Общественные пороки.

Но сатира Крылова не ограничивается осмѣяніемъ недостатковъ высшаго круга общества, а затрогиваетъ и болѣе существенныя застарѣлыя язвы русской жизни; къ числу ихъ принадлежало *взяточничество*, *неправосудіе и крючкотворство*, процвѣтавшія въ тогдашнихъ судахъ. Одинъ изъ духовъ получилъ отъ Плутона порученіе найти трехъ праведныхъ судей, которые могли бы замѣстить Эака, Радаманта и Миноса (судьи надъ тѣнями въ аду, по миѳологіи грековъ); несмотря на всѣ поиски, такихъ судей не находится и порученіе остается неисполненнымъ, но оно даетъ возможность Крылову въ разныхъ формахъ коснуться нравовъ судебнаго міра и господствовавшихъ въ немъ злоупотребленій. Въ одномъ письмѣ, напр., онъ изображаетъ засѣданіе суда: толстый купецъ втаскиваетъ въ залу молодого живописца, обвиняя его въ кражѣ платка; тотъ чистосердечно признается и объясняетъ, что къ этому понудилъ его голодъ и отчаяніе, вслѣдствіе отсутствія всякаго заработка. Однако судьи, не взирая ни на какіе доводы, безъ всякаго снисхожденія приговариваютъ его къ тяжкому наказанію. Въ это время въ залу входитъ богатый откупщикъ и вноситъ за художника выкупъ, отправляя его размалевывать паркетъ въ своемъ домѣ. Такъ поступаетъ онъ однако не отъ истинной доброты, а изъ тщеславія и изъ желанія прославиться своей благотворительностью. На самомъ же дѣлѣ онъ самъ оказывается великимъ мошенникомъ, ограбившимъ казну на нѣсколько милліоновъ; однако, благодаря подкупку судей, онъ не только освобождается отъ всякаго наказанія, но заслуживаетъ съ ихъ стороны такого уваженія, что они при его появленіи немедленно встаютъ со своихъ мѣстъ и ста-

раются всячески выказать ему свое почтеніе. — Всѣ выводимые Крыловымъ судьи, стряпчіе и секретари оказываются „пристрастны *къ акциденціи*“ (т.-е. къ взяткамъ); на свое дѣло они смотрятъ, какъ на средство для наживы; такъ, напр., судья Тихокрадовъ, уговаривая одного молодого человѣка вступить на гражданскую службу, доказываетъ ему выгоды своего званія тѣмъ соображеніемъ, что „судья можетъ производить торгъ своими рѣшеніями, какъ купецъ товаромъ, съ тою, однако, разницей, что одинъ продаетъ свои товары по извѣстнымъ цѣнамъ на аршины или на фунты, а другой измѣряетъ продажное правосудіе собственнымъ своимъ размѣромъ, сообразуясь со стеченіемъ обстоятельствъ“. Слѣдствіемъ такого взгляда на судъ и являлись всевозможныя злоупотребленія, лицепріятіе, крючкотворство и судебная волокита, съ которыми тщетно боролось правительство и обличала литература.

Наконецъ, касается Крыловъ въ своей сатирѣ также и тяжелаго положенія крестьянской массы подъ властью *крѣпостного права*, жестокаго обращенія помѣщиковъ съ подвластными и разоренія деревень, вслѣдствіе ихъ нерасчетливости и стремленія къ роскоши. Особенно ярко и въ очень остроумной формѣ эти стороны русской жизни изображены въ *„Похвальной рѣчи въ память моему дѣдушкѣ“* (въ „Зрителѣ“). Вся рѣчь проникнута тонкой ироніей. Авторъ прославляетъ въ ней нѣкоего уѣзднаго дворянина, Звениголова, разсказываетъ всю его жизнь, описываетъ его воспитаніе, его времяпрепровожденіе, взгляды и привычки. Человѣкъ глубоко невѣжественный, Звениголовъ съ полнымъ презрѣніемъ относится ко всякому знанію и къ ученымъ; изъ всѣхъ книгъ онъ дѣлаетъ исключеніе только для разсужденія Руссо „О вредѣ наукъ“ и хвалитъ его, даже не читавъ, прельщенный однимъ заглавіемъ. Проведя молодость въ Петербургѣ, въ кутежахъ и приключеніяхъ, проигравъ половину состоянія въ карты, онъ поселяется затѣмъ въ деревнѣ, гдѣ продолжаетъ прежнюю роскошную жизнь, даетъ богатые обѣды, между тѣмъ какъ въ разоренныхъ имъ деревняхъ „казалось наблюдался величайшій постъ“. Онъ показывалъ окрестнымъ помѣщикамъ примѣръ, „какъ должно проживать въ недѣлю благородному человѣку то, что двѣ тысячи подвластныхъ ему простолюдиновъ вырабатываютъ въ годъ, и какъ эти двѣ тысячи человѣкъ можно пересѣчь въ годъ раза два-три съ пользой“. Любимымъ занятіемъ Звениголова была конская охота. Сердце его, по выраженію автора, было „стойломъ его гнѣдой лошади“, на ней онъ ѣздилъ на охоту за зайцами, къ которымъ онъ „питалъ непримиримую ненависть, какъ Аннибалъ къ римлянамъ“. Съ цѣлой арміей охотниковъ и сворами собакъ онъ разъѣзжалъ по полямъ, вытаптывая хлѣбъ и оставляя крестьянъ безъ урожая, пока, наконецъ, не убился до смерти, свалившись въ ровъ вмѣстѣ со своей любимой лошадью.

3. Комедіи Крылова.

Среди драматическихъ произведеній Крылова наиболѣе удачными являются его комедіи: *„Модная лавка“* и *„Урокъ дочкамъ“*. Обѣ онѣ посвящены обличенію и осмѣянію тѣхъ недостатковъ русскаго общества, которые еще въ XVIII столѣтіи вызывали противъ себя сатиру Новикова, Фонвизина, имп. Екатерины: слѣпое пристрастіе ко всему иностранному, преимущественно французскому, связанное съ высокомѣрнымъ, пренебрежительнымъ отношеніемъ къ родному, русскому, господство внѣшней подражательности, погоня за модой, и тому под. Комедіи Крылова написаны были въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ (1805—7 гг.) и потому являются какъ бы отголоскомъ повышеннаго патріотическаго настроенія, овладѣвшаго Россіей и вызвавшаго реакцію противъ прежней галломаніи высшаго русскаго общества [1]).

Въ комедіи *„Модная лавка“* осмѣивается страсть къ модамъ и нарядамъ, которою пользовались ловкіе французскіе торговцы модными товарами для того, чтобы эксплоатировать довѣрчивую русскую публику и наживаться на ея счетъ. Такою страстью одержима степная помѣщица Сумбурова, женщина необразованная и грубая, но готовая, несмотря на свой почтенный возрастъ, восхищаться всякой модной новинкой. Пріѣхавъ въ Петербургъ, она первымъ дѣломъ отправляется во французскій магазинъ для того, чтобы накупить нарядовъ для себя и для своей падчерицы, которую она хочетъ выдать замужъ за своего родственника, г. Недосчетова; ему она покровительствуетъ потому, что онъ такой же Модная лавка.

---

[1]) Патріотическое негодованіе на галломанію высшаго общества неоднократно выражалось въ литературѣ того времени: особенно рѣзко выступаетъ оно въ статьяхъ *Ростопчина* напр., въ „Мысляхъ вслухъ на Красномъ крыльцѣ“ (1807 г.), гдѣ авторъ въ нѣсколько преувеличенной, хотя и остроумной формѣ, характеризуетъ пристрастіе ко всему французскому и смѣшную подражательность нашего общества. влагая свои мысли въ уста пожилого ефремовскаго дворянина Силы Андреевича Богатырева: „Господи помилуй! только и видишь, что молодежь, одѣтую, обутую по-французски,— и словомъ, и дѣломъ, и помышленіемъ французскую. Отечество ихъ на Кузнецкомъ Мосту, а Царство небесное—Парижъ. Завелись филантропы и мизантропы. Филантропы любятъ людей, а разоряютъ мужиковъ; мизантропы отъ общества людей убѣгаютъ въ трактиры. Старухи и молодыя сошли съ ума: бѣгутъ замужъ за французовъ и гнушаются русскими. Одѣты какъ наша мать Ева въ раю, сущія вывѣски торговой бани, либо мясного ряда. Жаль дубины Петра Великаго: взять бы ее хоть на недѣльку изъ кунстъ-камеры, да выбить дурь изъ дураковъ и дуръ!“—Подобныя же нападки на галломанію русскаго общества встрѣчаются и въ патріотическихъ сочиненіяхъ *С. Глинки*. Даже еще позднѣе *Грибоѣдовъ* устами Чацкаго выражалъ негодованіе на слѣпое преклоненіе передъ всякимъ «французикомъ изъ Бордо».

поклонникъ моды и всего иностраннаго, а въ особенности потому, что онъ, по ея словамъ, „побывалъ въ Лондонѣ, въ Парижѣ и заѣзжалъ въ Европу“. Мужъ ея, напротивъ, простой русской баринъ, человѣкъ стараго закала и большой неохотникъ до французовъ и ихъ модныхъ лавокъ, такъ что Сумбуровой приходится ѣздить туда тайкомъ отъ него. Она попадаетъ въ модную лавку, содержимую бѣжавшей отъ преслѣдованія полиціи француженкой, промышляющей между прочимъ и контрабанднымъ товаромъ и устраивающей у себя въ мастерской любовныя свиданія для молодыхъ людей. Интрига пьесы довольно запутанная и потому мало правдоподобная. Главную роль въ ходѣ дѣйствія играетъ плутоватая и разбитная дѣвушка - модистка, устраивающая свадьбу падчерицы Сумбуровой съ любимымъ человѣкомъ: ея роль соотвѣтствуетъ роли бойкихъ горничныхъ-субретокъ, представлявшихъ типичную фигуру въ старой французской комедіи. Характеръ Сумбуровой изображенъ въ преувеличенно-комическомъ видѣ, переходя въ карикатуру. Но многія сцены отличаются истиннымъ комизмомъ, благодаря которому „Модная лавка“ пользовалась большимъ успѣхомъ у публики и долго удержалась въ репертуарѣ русскаго театра.

Урокъ дочкамъ.

Такимъ же продолжительнымъ успѣхомъ пользовалась и комедія „*Урокъ дочкамъ*“. Она направлена противъ современнаго воспитанія на иностранный ладъ и противъ господствовавшаго пристрастія къ французскому языку. Самый сюжетъ заимствованъ Крыловымъ изъ комедіи Мольера: „Les précieuses ridicules“. Содержаніе пьесы заключается въ слѣдующемъ: у помѣщика Велькарова, человѣка малообразованнаго, но здравомыслящаго и прямого, есть двѣ дочери: Ѳекла и Лукерья, получившія воспитаніе у тетки въ Москвѣ, модницы и жеманницы, помѣшанныя на всемъ французскомъ. Наскучивъ ихъ причудами и претензіями, отецъ увозитъ ихъ изъ Москвы и поселяетъ въ деревнѣ: при этомъ онъ запрещаетъ имъ говоритъ между собой по-французки и даже приставляетъ къ нимъ няньку, чтобы она слѣдила за исполненіемъ его приказанія. Это страшно возмущаетъ обѣихъ дѣвицъ: „Какъ!— восклицаютъ онѣ, — съ нашимъ вкусомъ, съ нашими дарованіями, зарыть насъ живыхъ въ деревнѣ! Будто мы на то воспитаны, чтобы знать, какъ хлѣбъ сѣютъ“! Единственнымъ утѣшеніемъ ихъ остаются воспоминанія о городской жизни, о модныхъ лавкахъ, о балахъ и всевозможныхъ удовольствіяхъ, среди которыхъ не послѣднюю роль играютъ сплетни и пересуды. Къ ихъ великому счастью въ деревню къ нимъ пріѣзжаетъ французскій маркизъ, съ которымъ, по его словамъ, случилось въ дорогѣ одно досадное приключеніе: именно, его будто бы ограбили разбойники. Обѣ сестры наперерывъ ухаживаютъ за пріѣзжимъ, восхищаются каждымъ его словомъ и движеніемъ, стараются занять его пріятнымъ разговоромъ, выказать передъ нимъ свои изящныя манеры и тонкія чувства. Въ концѣ комедіи однако обнаруживается, что мнимый маркизъ былъ не кто иной, какъ ловкій слуга одного молодого офицера, и обѣ дѣвицы такимъ образомъ оказываются одурачен-

ными: въ этомъ и заключается полученный ими „урокъ“.—Обѣ эти пьесы характеризуютъ національныя симпатіи Крылова. Все его сочувствіе на сторонѣ людей стариннаго покроя, каковы Сумбуровъ и Велькаровъ, олицетворяющіе простой здравый смыслъ. Среди басенъ Крылова также есть нѣсколько написанныхъ на ту же тему,— о вредѣ иностраннаго воспитанія; таковы: „Крестьянинъ и змѣя“, „Кукушка и горлинка“, „Червонецъ“ и др.

4. Крыловъ, какъ баснописецъ.

Басни Крылова.

Хотя сатирическія статьи и комедіи Крылова свидѣтельствуютъ о его недюжинномъ талантѣ и остроуміи, однако только въ своихъ *басняхъ* достигъ онъ полнаго совершенства: басни поставили его въ разрядъ первокласныхъ русскихъ писателей и пріобрѣли ему неувядаемую славу. Успѣхъ, выпавшій на долю Крылова, объясняется тѣмъ, что въ баснѣ онъ нашелъ наконецъ ту форму творчества, которая наиболѣе соотвѣтствовала его характернымъ особенностямъ, какъ человѣка и какъ писателя. Но Крыловъ нашелъ свое истинное призваніе не сразу: ему было подъ сорокъ лѣтъ, когда онъ написалъ (въ 1805 г.) свою первую басню „Дубъ и Трость“ (переводъ изъ Лафонтена, сдѣланный имъ по настоянію Дмитріева, также написавшаго много басенъ). Баснописная дѣятельность Крылова продолжалась 30 лѣтъ (до 1835 г., когда была сочинена послѣдняя басня „Вельможа“). За это время Крыловымъ было написано около 200 басенъ; большинство изъ нихъ—оригинальныя, переводныхъ же и заимствованныхъ около 70. Но и въ *переводныя* басни Крыловъ внесъ такія измѣненія, настолько приспособилъ ихъ къ русскому національному духу и нравамъ, что онѣ по характеру содержанія и по формѣ нисколько не отличаются отъ оригинальныхъ. Болѣе всего Крыловъ заимствовалъ у *Лафонтена* и *Эзопа*. Изъ Лафонтена имъ переведены такія популярныя басни, какъ „Ворона и Лисица“, „Стрекоза и Муравей“, „Волкъ и Журавль“, „Лисица и виноградъ“, и мног. друг.; во многихъ случаяхъ Лафонтенъ самъ заимствовалъ свои сюжеты изъ другихъ баснописцевъ (напр., изъ Федра и Эзопа); а нѣкоторые сюжеты восходятъ къ еще болѣе далекой древности, къ восточнымъ источникамъ, персидскимъ и индійскимъ: такъ, напр., басни „Пустынникъ и Медвѣдь“, „Два Голубя“ и „Обезьяны“ встрѣчаются еще въ древнѣйшемъ

Ихъ источники.

сборникѣ индійскихъ басенъ („Панчатантрѣ“). Есть у Крылова также басни, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ русскихъ народныхъ *сказокъ*: напр., „Лиса“ (о томъ, какъ у лисы хвостъ примерзъ къ проруби). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ основу басенъ легли народныя пословицы и поговорки; таковы басни: „Синица“, „Волкъ и Волченокъ“, „Чижъ и Голубь“, „Пастухъ“ и др. Но большинство басенъ всецѣло изобрѣтены Крыловымъ и являются вполнѣ оригинальными.

По характеру и *содержанію* басни Крылова можно раздѣлить на два разряда: на *сатирическія* и на *дидактическія*, смотря по тому, какой изъ двухъ элементовъ, составляющихъ принадлежность басни вообще, въ нихъ преобладаетъ. Талантъ Крылова всегда отличался сатирическимъ направленіемъ: поэтому естественно, что по количеству басенъ первая категорія гораздо обширнѣе второй. Но сравнительно съ журнальными статьями въ „Почтѣ духовъ“ и „Зрителѣ“, сатира Крылова въ его басняхъ является гораздо болѣе смягченной и осторожной, менѣе рѣзкой и прямой. Тамъ она звучитъ негодованіемъ, здѣсь — добродушной насмѣшкой надъ человѣческими слабостями и недостатками. Повѣствованіе его отличается спокойнымъ и ровнымъ тономъ, благодаря которому еще болѣе рельефно выдѣляется скрытая въ каждой баснѣ тонкая и лукавая иронія. Исходя изъ мысли, что „истина сноснѣе вполоткрыта“ („Волкъ и Лисица“), Крыловъ излагалъ свои наблюденія и поученія въ возможно болѣе общей формѣ, не стараясь особенно подчеркнуть, противъ кого его басня направлена, оставляя многое на догадку читателей.

Общій характеръ басенъ.

Басни сатирическія.

Басни сатирическія могутъ быть, въ свою очередь, раздѣлены на три группы: 1) басни, направленныя противъ недостатковъ *общечеловѣческихъ*; 2) басни, направленныя противъ недостатковъ *мѣстныхъ* и *временныхъ*, т.-е. такихъ, которые преимущественно свойственны были русской жизни той эпохи; 3) басни *историческія*, вызванныя какимъ-либо частнымъ событіемъ или случаемъ.

I. Первая группа наиболѣе обширна по числу входящихъ въ нее басенъ. Басни эти весьма разнообразны по своему содержанію. Онѣ направлены преимущественно противъ *нравственныхъ* золъ; въ нихъ обличаются и осмѣиваются

слабости и пороки, присущіе внутренней природѣ человѣка, широко распространенные среди различныхъ классовъ и въ разныя эпохи. Къ числу такихъ нравственныхъ недостатковъ, особенно важныхъ и распространенныхъ, принадлежитъ *эгоизмъ*, со всѣми проистекающими изъ него пороками.

У Крылова есть много басенъ, посвященныхъ обличенію эгоизма; такова, напр., басня *„Лягушка и Юпитеръ“*, въ которой Лягушка, боясь засухи, проситъ бога затопить всю землю, между тѣмъ какъ проще было бы ей самой спуститься съ горы къ болоту. Въ баснѣ *„Два мальчика“* обличается стремленіе пользоваться чужою помощью, ничѣмъ не отплачивая съ свою очередь (въ основѣ басни лежитъ поговорка: „таскать для другого каштаны изъ огня“). Такое стремленіе по внутреннему характеру родственно *неблагодарности*; противъ этого недостатка направлены басни: „Волкъ и Журавль“, „Крестьянинъ и Работникъ“. Эгоизмъ порождаетъ въ человѣкѣ *равнодушное отношеніе* къ чужой судьбѣ и чужой бѣдѣ („Чижъ и Голубь“). Въ другихъ случаяхъ онъ выражается въ *алчности*, которая настолько ослѣпляетъ человѣка, что онъ самъ себя наказываетъ: желая достать какъ можно больше, теряетъ все, что имѣлъ („Фортуна и Нищій“, „Скупой и Курица“).

На ряду съ эгоизмомъ Крыловъ особенно часто преслѣдуетъ своими насмѣшками также и *глупость*, во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ,—будь то въ формѣ глубокаго невѣжества („Мартышка и Очки“, „Свинья подъ дубомъ“), или въ формѣ простодушной близорукости („Любопытный“), ограниченности и недогадливости („Ларчикъ“,—первая оригинальная его басня), неумѣнья взяться за дѣло („Оселъ“). Высоко ставя простой здравый смыслъ, Крыловъ осмѣивалъ также и всякое ложное умствованіе, отвлеченное отношеніе къ жизни, одностороннее увлеченіе теоріей („Огородникъ и Философъ“). Нерѣдко глупость бываетъ соединена съ *тщеславіемъ* („Ворона“—щеголяющая въ павлиньихъ перьяхъ) или съ чрезмѣрнымъ *самомнѣніемъ* („Скворецъ“—желающій въ пѣніи сравняться съ соловьемъ; „Синица“—хвастается зажечь море). Къ тщеславію относится и *родовая спѣсь*, гордость своимъ происхожденіемъ, не подкрѣпляемая никакими личными заслугами („Гуси“—требующіе себѣ особеннаго уваженія потому только, что „вѣдь, наши предки Римъ спа-

сли"). Точно такъ же обличаетъ Крыловъ и тѣхъ людей, которые стараются выдвинуться не трудами и заслугами, а *лестью* („Хмѣль") и *угодничествомъ* передъ власть имущими („Двѣ Собаки";—заключеніе этой басни: „Какъ счастье многіе находятъ—лишь тѣмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ"). Кромѣ перечисленныхъ, предметомъ сатиры Крылова являются и многіе другіе человѣческіе слабости и пороки: *легкомысліе* („Стрекоза и Муравей") *лѣность и бездѣйствіе* („Фортуна въ гостяхъ"), *ложная дружба* („Собачья дружба"), *страсть къ хвастовству и ко лжи* („Лжецъ"), *обманъ* и *плутовство* („Купецъ"); однимъ словомъ, трудно назвать такой нравственный недостатокъ, котораго бы ни коснулся Крыловъ въ той или иной формѣ въ своихъ басняхъ.

II. Ко второй группѣ басенъ принадлежатъ тѣ, которыя касаются преимущественно *общественныхъ* золъ тогдашней русской жизни. По своему содержанію онѣ близко примыкаютъ къ сатирическимъ журнальнымъ статьямъ Крылова, но по тону онѣ значительно разнятся отъ нихъ, такъ какъ отличаются большей умѣренностью и осторожностью въ нападеніяхъ на общественные недостатки эпохи. Въ цѣломъ рядѣ басенъ Крыловъ обличаетъ темныя стороны тогдашняго негласнаго судопроизводства: *взяточничество*, *подкупность*, *формализмъ*, *неправосудіе*. Крестьянинъ обращается въ судъ къ судьѣ—Лисицѣ („Крестьянинъ и Овца"), жалуясь на пропажу двухъ куръ, отъ которыхъ остались лишь косточки да перышки; Лиса, которая, очевидно, сама не безвинна въ этомъ дѣлѣ, умѣетъ однако ловко подвести подъ наказаніе другого и даже соблюсти при этомъ свою выгоду. Вотъ ея приговоръ, составленный въ обычномъ *стилѣ судебныхъ актовъ* того времени:

Не принимать никакъ резоновъ отъ овцы,
Понеже хоронить концы
Всѣ плуты, вѣдомо, искусны;
По справкѣ жъ явствуетъ, что въ сказанную ночь
Овца отъ куръ не отлучалась прочь:
А куры очень вкусны,
И случай былъ удобенъ ей;
То я сужу, по совѣсти моей:
Нельзя, чтобъ утерпѣла
И куръ она не съѣла;
И вслѣдствіе того—казнить овцу,
И мясо въ судъ отдать, а шкуру взять истцу.

Такой же хитроумный приговоръ придумываетъ Лиса и въ другомъ случаѣ („Щука") для того, чтобы освободить своего товарища по хищничеству, Щуку, которая, по слухамъ, „Лисанькѣ снабжала рыбный столъ". Но не всегда Лисѣ ея продѣлки сходятъ вполнѣ благополучно; въ баснѣ „Лисица и Сурокъ" она жалуется своему куму на претерпѣваемую несправедливость; она была *„въ курятникѣ судьей*, утратила въ дѣлахъ здоровье и покой, въ трудахъ куска не доѣдала, ночей не досыпала" и все-таки „подъ гнѣвъ попала" и отставлена за взятки. Въ отвѣтъ на ея жалобы кумъ говоритъ, что, хотя онъ и не видалъ, какъ она беретъ взятки, но „видывалъ частенько, что *рыльце у тебя въ пуху*". Въ заключеніи своей басни Крыловъ ясно показываетъ, противъ кого она направлена:

Иной при мѣстѣ такъ вздыхаетъ,
Какъ будто рубль послѣдній доживаетъ:
Й подлинно, весь городъ знаетъ,
Что у него ни за собой,
Ни за женой;
А, смотришь,—помаленьку
То домикъ выстроитъ, то купитъ деревеньку.

Отъ неправосудія и произвола страдали преимущественно *низшіе классы*, беззащитные и безотвѣтные. Въ басняхъ Крылова они обыкновенно выводятся подъ видомъ *„овецъ"*, какъ наиболѣе смирнаго животнаго („Слонъ на воеводствѣ", „Мірская сходка"). Объ ихъ нуждахъ и желаніяхъ не справлялись, и поэтому нерѣдко въ „овечьи старосты" назначались „волки", обыкновенно „стараньемъ кумушки-лисицы". Найти защиту отъ притѣсненій, подать жалобу на злоупотребленія въ тѣ времена было очень нелегко. Въ баснѣ „Крестьяне и Рѣка" разсказывается, какъ Крестьяне задумали жаловаться Рѣкѣ на протекающій чрезъ ихъ деревню Ручей, за то разореніе, которое онъ имъ причиняетъ въ полую воду; но, увидавъ, какъ по Рѣкѣ плыветъ снесенное у нихъ добро, они отступили отъ своего намѣренія, разсудивъ, что

На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ.

Касался также Крыловъ въ своихъ басняхъ и недостатковъ тогдашняго *воспитанія*, которое среди высшихъ классовъ находилось обыкновенно въ рукахъ иностранцевъ. Въ

баснѣ „Кукушка и Горлинка“ онъ возстаетъ противъ обычая ввѣрять своихъ дѣтей „наемничьимъ рукамъ“; Кукушка жалуется, что дѣти чуждаются ея, покинули ее; но Горлинка доказываетъ ей, что виновной является она сама, потому что не заботилась о своихъ дѣтяхъ, предоставила ихъ воспитаніе постороннимъ. Результатомъ такого воспитанія на иностранный ладъ было слѣпое преклоненіе передъ всѣмъ иноземнымъ, презрѣніе къ родному, русскому и неразборчивая подражательность. Такая *подражательность* осмѣивается въ баснѣ „Обезьяны“; очень часто эта подражательность была направлена на усвоеніе лишь внѣшняго блеска, отъ чего нерѣдко страдало внутреннее содержаніе, какъ это показано въ баснѣ „Червонецъ“. Случалось Крылову останавливаться и на нѣкоторыхъ другихъ общественныхъ недостаткахъ того времени,—напр., на нерасчетливости помѣщиковъ, на неумѣніи вести свои хозяйственныя дѣла, которыя они старались поправить путемъ залога и перезалога имѣній, подобно тому какъ Тришка старался заштопать кафтанъ, обрѣзывая фалды и рукава („Тришкинъ кафтанъ“).

III. Къ третьей группѣ басенъ относятся тѣ, которыя были вызваны различными *историческими событіями* или написаны *по частнымъ поводамъ*. Нѣсколько басенъ были вызваны обстоятельствами Отечественной войны 1812 года: въ басняхъ „Волкъ на псарнѣ“ и „Ворона и Курица“ осмѣиваются Наполеонъ и французы; въ баснѣ „Обозъ“ Крыловъ старается оправдать медлительный образъ дѣйствія Кутузова; въ баснѣ „Щука и Котъ“ подъ видомъ Щуки выведенъ адмиралъ Чичаговъ, вслѣдствіе ошибокъ котораго Наполеону удалось переправиться черезъ Березину, при чемъ Чичаговъ даже потерялъ значительную часть своего обоза; намекъ на это заключается въ словахъ басни: „И крысы хвостъ у ней отъѣли“.

Въ басняхъ Крылова встрѣчаются намеки и на нѣкоторые другіе *историческіе факты*. Такъ, напр., въ баснѣ „Воспитаніе Льва“ Крыловъ въ иносказательномъ видѣ изобразилъ воспитаніе императора Александра I, полученное имъ подъ руководствомъ женевца Лагарпа. Лагарпъ внушилъ своему питомцу либеральныя идеи и стремленія, но, какъ иностранецъ, не могъ его достаточно познакомить съ реальными условіями русской жизни и ея дѣйствительными нуждами. Тогдашніе консерваторы были очень недовольны реформами, предпринятыми Александромъ въ началѣ царство-

ванія, и объясняли ихъ главнымъ образомъ вліяніемъ полученнаго имъ образованія. На ихъ точку зрѣнія становится въ данной баснѣ и Крыловъ; главную мысль басни онъ высказываетъ въ заключительныхъ словахъ ея: „важнѣйшая наука для царей—знать свойства своего народа и выгоды земли своей“. Свое неодобреніе предпринятымъ нововведеніямъ Крыловъ выразилъ и въ баснѣ „Квартетъ“, написанной по поводу преобразованія (въ 1810 г.) Государственнаго Совѣта; тогда были учреждены четыре департамента Совѣта, при чемъ на общихъ засѣданіяхъ возникъ вопросъ о томъ, какъ разсадить предсѣдателей этихъ департаментовъ, и вызвалъ серьезныя обсужденія. Басня „Обезьяны“, написанная въ 1808 г., въ самый разгаръ преобразовательныхъ мѣръ Сперанскаго, вѣроятно, имѣетъ въ виду именно эти реформы, значительная часть которыхъ была заимствована изъ французскаго законодательства; консервативно настроенный, Крыловъ несочувственно относился къ этимъ заимствованіямъ, какъ и вообще къ современной галломаніи. Въ баснѣ „Кошка и Соловей“ заключается намекъ на положеніе печати подъ властью тогдашней чрезвычайно строгой и придирчивой цензуры. Басня „Демьянова уха“ направлена противъ бездарнаго, но самолюбиваго стихотворца гр. Хвостова, любившаго угощать своими произведеніями всѣхъ знакомыхъ. Въ баснѣ „Кукушка и Пѣтухъ“ осмѣиваются извѣстные въ то время журналисты Гречъ и Булгаринъ, занимавшіеся взаимнымъ восхваленіемъ, безъ всякой мѣры.

Басни дидактическія.

На ряду съ сатирическими баснями есть у Крылова и басни чисто *дидактическія*, хотя и въ первыхъ большей частью содержится также и поучительный элементъ, иногда въ скрытомъ состояніи, иногда въ формѣ такъ называемой „морали“, разъясняющей смыслъ басеннаго разсказа и стоящей впереди, либо позади самой басни. Въ этихъ дидактическихъ басняхъ отразились взгляды самого Крылова на разныя явленія жизни, его симпатіи и убѣжденія. Впрочемъ, отвлеченные вопросы мало занимали Крылова. Благодаря практическому и отчасти скептическому складу своего ума, Крыловъ относился отрицательно ко всякимъ книжнымъ теоріямъ и выше всего ставилъ *простой здравый смыслъ и ясное пониманіе дѣйствительности*; чуждый всякихъ крайностей и увлеченій, онъ считалъ умѣренность и осторожность одинаково необходимыми какъ въ поступкахъ, такъ и во мнѣніяхъ: всѣ эти качества составляютъ основу той *житейской мудрости*, проповѣдникомъ которой является Крыловъ въ своихъ басняхъ. Эта житейская мудрость Крылова не отличается особенной оригинальностью; мнѣнія, высказываемыя

имъ, не возвышаются надъ уровнемъ обычнаго міросозерцанія; въ большинствѣ случаевъ взгляды Крылова совпадаютъ съ традиціонными взглядами и народными понятіями,—но именно эти черты придаютъ „морали“ его басенъ *типическое* значеніе.

Среди дидактическихъ басенъ Крылова есть нѣсколько, въ которыхъ выразились его *взгляды на науку и образованіе*, на значеніе знанія въ жизни человѣка. Крыловъ очень высоко цѣнилъ въ человѣкѣ остроту ума, находчивость и здравый смыслъ и ради нихъ готовъ былъ простить умному человѣку разные другіе недостатки: „по мнѣ—ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй“, говоритъ онъ въ баснѣ „Музыканты“. Такое же уваженіе къ уму выражается въ басняхъ: „Ларчикъ“, „Бритвы“, а также въ тѣхъ басняхъ, въ которыхъ осмѣивается глупость и невѣжество („Свинья подъ дубомъ“, „Мартышка и Очки“ и др.). Однако, согласно своему практическому складу, Крыловъ цѣнилъ преимущественно *положительное* знаніе, тѣсно связанное съ жизнію и приносящее непосредственную пользу; оттого онъ ставилъ живой *опытъ* выше отвлеченной книжной учености, какъ это видно изъ басни „Огородникъ и Философъ“, въ которой осмѣивается чрезмѣрное увлеченіе теоріей и пренебрежительное отношеніе къ даннымъ практическаго опыта.

Въ другой баснѣ: „Водолазы“, Крыловъ въ еще болѣе общей формѣ касается *вопроса о цѣнности знанія*, о значеніи науки для жизни. Среди людей онъ различаетъ троякое отношеніе къ наукѣ и знанію: одни по своей умственной лѣности и косности ограничиваются лишь поверхностнымъ образованіемъ, случайными свѣдѣніями, отъ которыхъ имъ мало пользы; другіе, стремясь къ всеобъемлющему знанію и не соизмѣряя силъ человѣческаго разума, пытаются постигнуть непостижимое и часто гибнутъ безплодною жертвой; наконецъ, третьи, не увлекаясь несбыточными стремленіями, умѣютъ „выбирать себѣ по силѣ глубину“ и поэтому извлекаютъ изъ своихъ знаній положительную пользу. Все сочувствіе Крылова на сторонѣ этихъ послѣднихъ. Не получивъ самъ правильнаго образованія, Крыловъ не былъ въ состояніи въ достаточной степени оцѣнить значеніе чистой науки и отвлеченной мысли. Философскіе интересы были ему совершенно чужды и самое занятіе отвлеченными проблемами,

стремленіе проникнуть въ заповѣдныя глубины познанія, казалось ему безразсуднымъ и даже опаснымъ:

Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину,
Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину
И свой погибельный конецъ,
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою.

Такое отрицательное отношеніе къ свободной работѣ мысли является несправедливымъ уже потому, что въ эту эпоху русское общество страдало гораздо болѣе отъ невѣжества, чѣмъ отъ чрезмѣрной жажды знанія.

Особенно вреднымъ Крыловъ считаетъ увлеченіе французской просвѣтительной философіей XVIII вѣка, наиболѣе знаменитымъ представителемъ которой былъ Вольтеръ. Его главнымъ образомъ онъ имѣлъ въ виду въ баснѣ „Сочинитель и Разбойникъ“; здѣсь разсказывается, какъ въ адъ являются два грѣшника: висѣльникъ-Грабитель и „покрытый славою“ Сочинитель, который „тонкій разливалъ въ своихъ твореньяхъ ядъ, вселялъ безвѣріе, укоренялъ развратъ, былъ, какъ Сирена, сладкогласенъ и, какъ Сирена, былъ опасенъ“; въ наказаніе за это онъ подвергается гораздо болѣе тяжелымъ и продолжительнымъ мукамъ, чѣмъ Разбойникъ, потому что принесъ гораздо болѣе вреда всей странѣ. Вліянію Вольтера и другихъ философовъ XVIII вѣка приписывалось происхожденіе французской революціи; это мнѣніе, несмотря на его ошибочность, раздѣлялъ и Крыловъ („Безбожники“, „Конь и Всадникъ“. Вѣроятно, это же вліяніе имѣлъ онъ въ виду и въ баснѣ „Бочка“, когда предостерегалъ родителей и воспитателей:

Старайтесь не забыть вы басни сей:
Ученьемъ вреднымъ съ юныхъ дней
Намъ стоитъ только напитаться:
А тамъ во всѣхъ твоихъ поступкахъ и дѣлахъ,
Каковъ ни будь ты на словахъ,
А все имъ будешь отзываться.

Касается Крыловъ въ своихъ дидактическихъ басняхъ также и нѣкоторыхъ другихъ жизненныхъ вопросовъ. Такъ, напр., въ баснѣ „Листы и Корни“ онъ указываетъ на важное значеніе крестьянскаго сословія для общества и государства, которыя оно поддерживаетъ и питаетъ, какъ корни питаютъ все дерево. Въ баснѣ „Пушки и Паруса“ онъ касается другого соціальнаго вопроса—объ отношеніи военной и гражданской власти въ государствѣ, опредѣляя значеніе той и другой:

Держава всякая сильна
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ—врагамъ она страшна,
А паруса—гражданскія въ ней власти.

Въ баснѣ „Прудъ и Рѣка“ Крыловъ доказываетъ необходимость дѣятельности для человѣка: безъ дѣятельности даже крупное дарованіе угнетаетъ, подобно тому, какъ зарастаетъ и высыхаетъ прудъ, лишенный протока. Въ баснѣ „Орелъ и Пчела“ проводится мысль, что не слѣдуетъ могущественному съ презрѣніемъ относиться къ слабому, потому что и слабый приноситъ посильную помощь. Басня „Роща и Огонь“ учитъ, что нужно выбирать друзей съ разборомъ; басня „Лебедь, Ракъ и Щука“ доказываетъ необходимость „согласія“ для успѣшности всякаго совмѣстнаго предпріятія. Указанными баснями почти вполнѣ исчерпывается разрядъ *дидактическихъ* басенъ Крылова; сравнительно съ сатирическими онѣ и менѣе многочисленны, и ниже по достоинству: это доказываетъ, что талантъ Крылова былъ по преимуществу *сатирическій* и что наиболѣе удавались ему такія произведенія, въ которыхъ главную роль играетъ сатира.

Достоинства басенъ Крылова.

Главныя достоинства басенъ Крылова заключаются въ ихъ *народности, художественности и близости къ дѣйствительности*. Крыловъ, по характеру своему, по складу мыслей и чувствъ, былъ чисто русскимъ человѣкомъ. И въ личности и въ творчествѣ его ясно отпечатлѣвались русскія національныя черты; въ этомъ и заключается одна изъ причинъ популярности Крылова, такъ какъ произведенія его одинаково близки и понятны русскимъ людямъ всѣхъ сословій, возрастовъ и положеній. *Лукавая*, но въ то же время *добродушная иронія*; *здравый смыслъ*, трезвый и даже практическій взглядъ на вещи; *простота*, отсутствіе всякой изысканности и фразерства; тонкое *чутье дѣйствительности* и вѣрное ея пониманіе,—вотъ національныя психическія черты, придающія творчеству Крылова яркій *народный* отпечатокъ.

Черты народности.

Языкъ басенъ.

Этому способствуетъ также самый *языкъ* его басенъ, особенно богатый чисто народными выраженіями и оборотами (такъ называемыми *идіотизмами* рѣчи). Крыловъ перенесъ въ свои басни живую народную рѣчь, со всѣми особенностями ея словеснаго состава и синтактическаго склада. По-

этому совершенно правъ былъ одинъ нерасположенный къ Крылову современный авторъ, сказавшій про него, что онъ „вывелъ басню на площадь“: этимъ онъ хотѣлъ унизить значеніе басенъ Крылова, но на самомъ дѣлѣ вѣрно отмѣтилъ одно изъ главныхъ ихъ достоинствъ,—глубокую народность ихъ, какъ по духу, такъ и по формѣ. Никто изъ русскихъ писателей до Крылова не употреблялъ такъ много простонародныхъ выраженій и оборотовъ; примѣрами могутъ служить такія выраженія, какъ „невѣста-дѣвушка *смышляла* жениха“; „но эти женихи *середней ужъ руки*“; „*На ту бѣду* лиса *близехонько* бѣжала“; „*отколь ни возьмись*, навстрѣчу Моська имъ“; „меня совсѣмъ ты *доканалъ*“; „*добро, не плачься на меня*“; „*изъ кожи лѣзутъ вонъ*“; „сыръ выпалъ—*съ нимъ была плутовка такова*“. Очень часто пользуется также Крыловъ всевозможными ласкательными и уменьшительными, или, наоборотъ, уничижительными выраженіями, которыя вообще въ большомъ ходу въ народной рѣчи; напр.: „спой, *свѣтикъ*, не стыдись“; „охъ, мой *голубчикъ-куманекъ*“; „видывалъ я часто, что *рыльце* у тебя въ пуху“; „не женихи, а *женишонки*“. Къ числу особенностей русскаго народнаго языка принадлежитъ и повтореніе одинаковыхъ выраженій: „и идолъ сталъ *болванъ-болваномъ*“; „изъ гостей домой пришла свинья-свиньей“. Очень искусно Крыловъ пользуется и *лаконизмами*, свойственными народной рѣчи и состоящими въ опущеніи отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ предложеній: „вотъ невидаль—мышей! мы лавливали и ершей!“—„разсказывать—такъ, право, сказки!“—„а только кинь имъ кость,—такъ что твои собаки“; „лѣвѣй, лѣвѣй, и съ возомъ—бухъ въ канаву! прощай, хозяйскіе горшки!“

Иногда Крыловъ употребляетъ въ своихъ басняхъ и народныя пословицы. Съ другой стороны, многіе стихи его басенъ, въ свою очередь, вошли въ народный обиходъ, сдѣлались поговорками; напр.: „а ларчикъ просто открывался“; „запѣли молодцы: кто въ лѣсъ, кто по дрова“, „услужливый дуракъ опаснѣе врага“; „у сильнаго всегда безсильный виноватъ“; „а Васька слушаетъ да ѣстъ“; „а вы, друзья, какъ ни садитесь, все въ музыканты не годитесь“; „бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги тачать пирожникъ“.

Ихъ реализмъ. Другимъ важнымъ достоинствомъ басенъ Крылова является ихъ *близость къ жизни*. Содержаніе ихъ всегда взято изъ дѣйствительности, и притомъ изъ русской дѣйствительности того времени. Въ нихъ нѣтъ ничего вымышленнаго, придуманнаго. Во многихъ басняхъ воспроизводятся *бытовыя черты* русской жизни; подъ видомъ звѣрей выводятся различные *типы*, взятые изъ разныхъ слоевъ русскаго народа. Такая близость изображенія къ дѣйствительной жизни и вѣрность его позволяютъ считать Крылова однимъ изъ первыхъ представителей *реализма* въ русской литературѣ.

Художественность. Наконецъ, крупнѣйшимъ достоинствомъ басенъ Крылова является ихъ *художественность*. Въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ баснописцевъ его можно сравнить съ однимъ Лафонтеномъ. Между тѣмъ какъ у древнихъ баснописцевъ (Эзопа, Федра) главную роль въ басняхъ играло „поученіе“, голая мораль, у Крылова, какъ и у Лафонтена, самый басенный *разсказъ* имѣетъ столь же важное значеніе, какъ и нравоучительный выводъ. Разсказъ въ басняхъ Крылова отличается живостью, простотой, естественностью. Въ немъ нѣтъ ничего лишняго, но нѣтъ и ничего недоговореннаго, неяснаго; онъ всегда строго соотвѣтствуетъ идеѣ басни, ея морали. Затѣмъ художественное достоинство басенъ сказывается и въ обрисовкѣ выведенныхъ фигуръ, въ живомъ *изображеніи характеровъ*. Правда, характеры дѣйствующихъ въ басняхъ лицъ не отличаются особенной сложностью и обыкновенно изображены со стороны какой-либо одной преобладающей черты; но такое упрощеніе характеристики вполнѣ допустимо въ басняхъ, потому что является слѣдствіемъ ихъ незначительнаго объема. Дѣйствующими лицами въ басняхъ Крылова являются тѣ же звѣри, какъ и въ народныхъ сказкахъ о животныхъ— медвѣдь, волкъ, лисица, оселъ, заяцъ и др.; иногда впрочемъ онъ вводитъ въ басню новыхъ животныхъ, неизвѣстныхъ народному эпосу, каковы: слонъ, обезьяны и др., или же заставляетъ дѣйствовать даже неодушевленные предметы: паруса и пушки, дубъ и трость, листы и корни; но, съ другой стороны, во многихъ басняхъ онъ прямо выводитъ въ дѣйствіи людей, не прикрывая ихъ никакой личиной („Тришкинъ кафтанъ“, „Лжецъ“, „Прихожанинъ“, „Разбойникъ и Извозчикъ“; во многихъ басняхъ дѣйствующимъ лицомъ является „крестьянинъ“). Въ изображеніи животныхъ Крыловъ обыкновен-

но не отступаетъ отъ традиціоннаго взгляда на ихъ характеръ: такъ, лиса изображается имъ хитрой и коварной, волкъ жаднымъ и грубымъ, заяцъ—трусливымъ, оселъ глупымъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ Крыловъ съ большимъ искусствомъ умѣетъ разнообразить эти слишкомъ общія характеристики, придать имъ болѣе жизненности и ясности, такъ что мы подъ звѣриными масками безъ труда распознаемъ характерныя черты различныхъ человѣческихъ типовъ. Такъ, напр., *оселъ* въ нѣкоторыхъ басняхъ изображенъ не только глупымъ, но и самоувѣреннымъ и притязательнымъ; онъ берется судить о пѣніи соловья и даже даетъ ему совѣтъ—поучиться у знакомаго пѣтуха („Оселъ и Соловей"); или же самъ, въ компаніи съ товарищами, вступаетъ въ состязаніе съ самими Музами („Парнасъ"). Комнатная собачка Жужу, снисходительно и свысока разговаривающая со смиреннымъ труженикомъ Барбосомъ, олицетворяетъ собой тотъ классъ людей, о которыхъ Крыловъ говоритъ въ заключеніи: „Какъ счастье многіе находятъ—лишь тѣмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ!" Въ лицѣ хитроумной и пронырливой *кумушки-лисы* Крыловъ обыкновенно представляетъ типы, взятые изъ міра старинныхъ подьячихъ и секретарей; поэтому кромѣ хитрости Крыловъ придалъ лисѣ также и другія черты: притворство и лицемѣріе („Лисица и Сурокъ": попавъ за взятки подъ опалу, она жалуется на „напраслину" и клянется въ своей невинности, хотя у самой „рыльце въ пуху"); умѣнье устраивать свои дѣла („Лиса-строитель"); корыстолюбіе („Крестьянинъ и Лисица); льстивость и угодливость передъ власть имущими („Моръ звѣрей"). Иногда для большей ясности своей сатиры, Крыловъ даже заставляетъ лису выражаться языкомъ старинныхъ челобитій и судебныхъ актовъ,—напр., въ баснѣ „Крестьянинъ и Овца" (см. стр. 128).

Вообще *языкъ* Крыловскихъ басенъ отличается замѣчательной мѣткостью, богатствомъ и образностью, составляя одно изъ главныхъ художественныхъ достоинствъ, на ряду съ мастерствомъ разсказа и яркостью характеристикъ. Онъ всегда строго соотвѣтствуетъ содержанію басни: Крыловъ обладалъ умѣньемъ „живописать" словами, т.-е. подбирать такія выраженія, которыя наиболѣе подходятъ къ характеру изображаемаго предмета, такъ что уже самые звуки создаютъ картину. Прекраснымъ примѣромъ можетъ послужить извѣстное мѣсто въ баснѣ: „Лягушки, просящія царя":

...Летитъ къ нимъ царь съ небесъ.
И плотно такъ онъ *треснулся на царство,*
Что ходенемъ пошло трясинно государство:
Со всѣхъ лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ.

Здѣсь, въ первомъ случаѣ, рядъ длинныхъ словъ прекрасно изображаетъ потрясеніе болота, а во второмъ случаѣ сочетаніе односложныхъ словъ передаетъ безпорядочную быстроту движеній испуганныхъ лягушекъ. Иногда для большей выразительности Крыловъ прибѣгаетъ даже къ звукоподражанію; такъ, напр., въ баснѣ „Моръ звѣрей" въ словахъ вола какъ бы слышится мычаніе, вслѣдствіе стеченія въ его рѣчи глухихъ и долгихъ гласныхъ:

...И мы
Грѣшны. Тому лѣтъ пять, когда кормы
Намъ были худы,
На грѣхъ меня лукавый подтолкнулъ:
Ни отъ кого себѣ найти не могши ссуды,
Изъ стога у попа я клокъ сѣнца стянулъ.

Художественныя достоинства басенъ Крылова, ихъ остроуміе и оригинальность, создали ему всенародную славу. Басни Крылова—одно изъ первыхъ литературныхъ произведеній, съ которымъ знакомится каждый школьникъ; по нимъ обучаются читать все новыя и новыя поколѣнія; отдѣльные стихи и выраженія сдѣлались поговорками, вошли въ оборотъ народной рѣчи. Но извѣстность Крылова не ограничивается одной Россіей: еще при жизни автора, басни его начали переводить на иностранные языки (что въ то время было большою рѣдкостью), а въ настоящее время переводы ихъ существуютъ почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ и даже на нѣкоторыхъ азіатскихъ (арабскомъ, армянскомъ, грузинскомъ, древне-еврейскомъ и др.) [1]).

---

[1]) Лучшее изданіе сочиненій Крылова—изданіе товарищества «Просвѣщеніе» (въ 4 том.), подъ редакціей и съ объяснительными статьями *Каллаша*. Здѣсь собраны его басни, театральныя пьесы, сатирическія статьи, стихотворенія и письма. Наиболѣе подробная біографія Крылова написана *Плетневымъ*; она перепечатана въ изданіи Тихомирова: «Избранныя сочиненія Крылова» (т. II-й).

II. Грибоѣдовъ.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ родился въ Москвѣ 4 января 1795 года. Онъ происходилъ изъ богатой и родовитой дворянской семьи. Получивъ прекрасное воспитаніе, подъ наблюденіемъ лучшихъ тогдашнихъ педагоговъ, Грибоѣдовъ пятнадцати лѣтъ поступилъ въ Московскій университетъ. Здѣсь на него наибольшее вліяніе имѣлъ профессоръ эстетики Буле, хорошій знатокъ античной литературы и убѣжденный сторонникъ классической (Аристотелевской) теоріи искусствъ. Происхожденіе и образованіе.

Въ 1812 году Грибоѣдовъ поступилъ на военную службу волонтеромъ въ гусарскій полкъ; но ему не пришлось участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ непріятелей. Болѣе трехъ лѣтъ провелъ онъ со своимъ полкомъ въ разныхъ захолустныхъ мѣстечкахъ Бѣлоруссіи. Впослѣдствіи онъ съ горечью вспоминалъ объ этомъ времени, какъ о безплодно потерянномъ, такъ какъ военная служба его не интересовала, а кутежи и развлеченія отвлекали его отъ всякой серьезной работы.

Въ 1816 году Грибоѣдовъ вышелъ въ отставку и поселился въ Петербургѣ, гдѣ и поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Въ это время онъ особенно увлекался театромъ, и это послужило поводомъ къ сближенію его съ извѣстными тогдашними драматическими писателями: кн. Шаховскимъ, Катенинымъ, Хмѣльницкимъ и др. [1]). Всѣ они Драматическія попытки.

---

[1]) *Кн. Шаховской* завѣдывалъ Петербургскимъ театромъ. Онъ написалъ болѣе 100 пьесъ, преимущественно комедій; большинство ихъ впрочемъ представляетъ передѣлку съ французскихъ образцовъ. Комедіи эти не лишены бойкости и остроумія и, благодаря своей сценичности, пользовались успѣхомъ у публики. По своимъ литературнымъ взглядамъ Шаховской примыкалъ къ старой классической партіи; въ нѣкоторыхъ комедіяхъ онъ осмѣивалъ писателей новаго направленія: Карамзина («Новый Стернъ») и Жуковскаго («Липецкія воды»). О немъ упоминаетъ Пушкинъ въ «Евг. Онѣг.», при воспоминаніи о театрѣ, «гдѣ вывелъ колкій Шаховской своихъ комедій шумный рой».—*Хмѣльницкій*—авторъ многочисленныхъ комедій, также по большей части переводныхъ и передѣланныхъ съ французскаго. Онъ переводилъ Мольера («Тартюфъ», «Школа женщинъ»). Наибольшимъ успѣхомъ пользовалась его комедія «Воздушные замки».—*Катенинъ*—драматургъ, поэтъ и критикъ. Въ началѣ своей дѣятельности склонялся къ романтизму (баллады «Наташа», «Убійца», «Пѣвецъ Усладъ», «Ольга»—передѣлка Бюргеровой Леноры). Но затѣмъ онъ примкнулъ къ лагерю классиковъ. Переводилъ Корнеля («Сидъ»), Расина («Эсѳирь»), самъ написалъ трагедію «Андромаха». Какъ человѣкъ чрезвычайно образованный и начитанный, онъ имѣлъ вліяніе не только на Грибоѣдова, но и на Пушкина.

были сторонниками классической школы, и молодой Грибоѣдовъ примкнулъ къ ихъ партіи и даже принялъ участіе въ полемикѣ противъ новой сентиментально-романтической школы. Въ остроумной комедіи „Студентъ“ онъ подвергъ осмѣянію уродливыя крайности сентиментализма. За этотъ періодъ времени онъ также перевелъ и передѣлалъ съ французскаго нѣсколько небольшихъ піесъ, которыя и были съ успѣхомъ поставлены на сценѣ („Молодые супруги“, „Притворная невѣрность“ и др.).

Дипломатическая служба.

Съ 1819 года начинаются для Грибоѣдова серьезныя служебныя занятія: онъ отправляется секретаремъ русскаго посольства въ Персію и поселяется въ Тавризѣ. Здѣсь онъ, кромѣ дипломатическихъ занятій усердно изучаетъ восточные языки (персидскій, арабскій, турецкій), знакомится съ бытомъ и нравами персовъ, съ ихъ литературой и исторіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Грибоѣдовъ не оставляетъ и своихъ литературныхъ трудовъ: въ Тавризѣ онъ снова принимается за свою знаменитую комедію „Горе отъ ума“, которую онъ началъ еще лѣтъ десять назадъ и съ тѣхъ поръ нѣсколько разъ перерабатывалъ; теперь, живя въ Персіи, Грибоѣдовъ снова передѣлалъ свою комедію и выработалъ окончательную редакцію двухъ первыхъ дѣйствій. Однако Грибоѣдовъ сильно тяготился жизнью въ некультурной странѣ, вдали отъ друзей и образованнаго общества. Наконецъ ему удалось перевестись на службу въ Тифлисъ, гдѣ на молодого, талантливаго и образованнаго чиновника обратилъ особенное вниманіе извѣстный кавказскій герой Ермоловъ. Но и въ Тифлисѣ Грибоѣдовъ оставался неохотно. Однако только въ 1823 году удалось ему возвратиться на родину. Сперва онъ отправился въ Москву. Пріѣхавъ въ Москву послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, подобно своему герою Чацкому, Грибоѣдовъ снова могъ наблюдать московскую жизнь и московскіе типы, ни въ чемъ не измѣнившіеся съ тѣхъ поръ, какъ онъ ихъ оставилъ. Подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній новаго знакомства со старой Москвой, Грибоѣдовъ снова принялся за свою комедію и въ 1824 году окончилъ ее въ имѣніи одного изъ своихъ друзей (Бѣгичева). Скоро комедія стала извѣстна въ московскомъ обществѣ и Грибоѣдовъ сразу сдѣлался знаменитостью. На образованную публику комедія произвела громадное впечатлѣніе и списки ея начали расходиться во множествѣ экземпляровъ

Горе отъ ума.

по всей Россіи. Но старое московское барство, видѣвшее себя задѣтымъ сатирой Грибоѣдова, сильно негодовало на автора и употребило все свое вліяніе для того, чтобы не допустить комедію на сцену и въ печать.

Изъ Москвы Грибоѣдовъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ у него было нѣсколько дружескихъ связей въ литературномъ и театральномъ мірѣ. Онъ собирался совсѣмъ выйти въ отставку и всецѣло отдаться литературнымъ и научнымъ занятіямъ, хотѣлъ ѣхать путешествовать за границу, но этимъ планамъ воспротивилась его мать, женщина честолюбивая и мечтавшая о блестящей карьерѣ для сына. Очень неохотно отправился Грибоѣдовъ снова на Кавказъ; вскорѣ послѣ своего прибытія туда (въ началѣ 1826 г.) онъ былъ внезапно арестованъ и привезенъ обратно въ Петербургъ. Оказалось, что Грибоѣдовъ былъ привлеченъ по дѣлу о декабристахъ [1]), такъ какъ съ нѣкоторыми изъ нихъ (кн. Одоевскимъ, Кюхельбекеромъ, Бестужевымъ) онъ былъ близко знакомъ и находился въ перепискѣ. Однако на слѣдствіи выяснилась его полная непричастность къ заговору, такъ какъ вообще Грибоѣдовъ относился къ дѣятельности тайныхъ обществъ отрицательно, что видно изъ насмѣшекъ Чацкаго надъ Репетиловымъ и его кружкомъ. Грибоѣдовъ былъ освобожденъ изъ крѣпости и снова отправился на Кавказъ. Здѣсь ему пришлось принять участіе въ войнѣ съ Персіей 1826—27 г.; онъ сопровождалъ русскую армію (состоявшую подъ начальствомъ Паскевича) въ качествѣ дипломатическаго чиновника. Послѣ пораженія персіянъ Грибоѣдовъ принималъ дѣятельное участіе въ заключеніи Туркманчайскаго договора, по которому Персія уступила Россіи ханство Эриванское и Нахичеванское и обязалась заплатить значительную военную контрибуцію. Въ награду за его дипломатическіе успѣхи Паскевичъ отправилъ самого Грибоѣдова въ Петербургъ съ извѣстіемъ о заключеніи мира. Здѣсь Грибоѣдовъ былъ принятъ очень милостиво императоромъ Николаемъ Павловичемъ, который вскорѣ назначилъ его посланникомъ въ Персіи. Такимъ образомъ Грибоѣдовъ еще въ молодыхъ годахъ достигъ одного изъ высшихъ служебныхъ постовъ. Однако очень неохотно принялъ

Служебная дѣятельность

---

[1]) Среди декабристовъ было довольно много литературныхъ дѣятелей: Бестужевъ (Марлинскій), Рылѣевъ, кн. Одоевскій, Кюхельбекеръ и др.

Грибоѣдовъ это новое назначеніе, такъ какъ онъ не былъ честолюбивъ и все еще мечталъ о томъ, чтобы оставить дипломатическую службу и всецѣло посвятить себя своему призванію, т.-е. литературѣ. Кромѣ того его смущали тяжелыя предчувствія: онъ зналъ, что мстительные персіяне постараются отплатить ему за невыгодный для нихъ договоръ, главнымъ виновникомъ котораго былъ Грибоѣдовъ.

Грибоѣдовъ въ Персіи.

Съ грустью покидалъ Грибоѣдовъ родину, на которую ему уже не пришлось вернуться. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ прожилъ на Кавказѣ. Здѣсь въ послѣдній разъ улыбнулось ему счастье: въ Тифлисѣ онъ женился на княжнѣ Чавчавадзе и вмѣстѣ съ нею отправился въ Персію. Оставивъ жену въ Тавризѣ, Грибоѣдовъ отправился въ Тегеранъ. Здѣсь онъ сразу выказалъ большую твердость въ сношеніяхъ съ персіянами и рѣшимость во всѣхъ случаяхъ поддерживать достоинство Россіи, ни въ чемъ не отступая отъ своихъ справедливыхъ требованій. Прежде всего онъ выступилъ защитникомъ христіанскаго населенія Персіи; при его содѣйствіи тысячи русскихъ плѣнныхъ, томившихся въ рабствѣ, были освобождены и отправлены на родину. Это однако возбуждало ропотъ въ народѣ, искусно поддерживаемый нѣкоторыми вельможами, желавшими отомстить Грибоѣдову за Туркманчайскій договоръ. Подъ рукой интриговали противъ него также и англичане, боявшіеся усиленія вліянія Россіи на персидскія дѣла. Фанатичные муллы возбуждали народъ противъ русскаго посла, распуская слухъ, что въ посольствѣ скрываются персидскіе бѣглецы, отдавшіеся подъ защиту Грибоѣдова. Взволнованная этими подстрекательствами многочисленная толпа тегеранской черни осадила русское посольство, требуя выдачи скрывавшихся христіанъ. Грибоѣдовъ отказалъ. Тогда толпа стала штурмовать домъ, и Грибоѣдовъ палъ въ неравной борьбѣ геройскою смертью, 30-го января 1829 года. Вмѣстѣ съ нимъ были убиты и всѣ другіе члены посольства, за исключеніемъ одного, случайно спасшагося отъ смерти. Въ теченіе трехъ дней озлобленная толпа волочила изуродованное тѣло Грибоѣдова по тегеранскимъ улицамъ. Только съ трудомъ трупъ его былъ впослѣдствіи опознанъ по сведенному пальцу (вслѣдствіе раны, полученной имъ на дуэли). Послѣ усмиренія волненія черни, тѣло Грибоѣдова было отправлено въ Россію и погребено въ монастырѣ Св. Давида, близъ Тифлиса.

Его смерть.

Литературная дѣятельность Грибоѣдова была непродолжительна и потому произведенія его немногочисленны. Кромѣ своего знаменитаго „Горя отъ ума“ и нѣсколькихъ легкихъ комедій („Молодые супруги“, „Притворная невѣрность“, „Студентъ“), онъ написалъ еще небольшое число стихотвореній, не отличающихся впрочемъ особенными художественными достоинствами; наиболѣе удачное изъ нихъ—*Хищники на Чегемѣ*. Кромѣ того, въ бумагахъ Грибоѣдова сохранилось нѣсколько сценъ изъ трагедіи *Грузинская ночь*, задуманной имъ и отчасти написанной на Кавказѣ. Сюжетъ ея заключается въ слѣдующемъ: грузинскій князь за выкупъ любимаго коня отдаетъ въ рабство отрока, сына своей кормилицы; послѣдняя умоляетъ его вернуть ей сына; когда же тотъ отказывается, она проклинаетъ его вмѣстѣ со всѣмъ его родомъ и, чтобы погубить своего безжалостнаго господина, вступаетъ въ сношеніе съ злыми духами. Стихи въ сохранившихся отрывкахъ (мольбы и проклятія) отличаются замѣчательною силой. Въ трагедіи чувствуется вліяніе Шекспира, котораго Грибоѣдовъ цѣнилъ очень высоко; такъ сцена вызова духовъ напоминаетъ сцену вѣдьмъ въ „Макбетѣ“. Произведенія Грибоѣдова.

Главнымъ произведеніемъ Грибоѣдова, заслужившимъ ему безсмертную славу, является комедія *Горе отъ ума*. Это одна изъ лучшихъ *общественно-бытовыхъ* комедій въ русской литературѣ. *Сатирическая картина* московской жизни 20-хъ годовъ изображена въ ней необыкновенно ярко и стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью; выведенныя лица отличаются жизненностью и типичностью; такимъ образомъ художественное воспроизведеніе жизни и изображеніе характеровъ въ комедіи Грибоѣдова проникнуты духомъ *реализма*. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что литературные взгляды Грибоѣдова, несомнѣнно, развивались подъ сильнымъ вліяніемъ старыхъ классическихъ теорій (проф. Буле, Катенинъ). Впрочемъ, взгляды и симпатіи Грибоѣдова вовсе не отличались партійной узостью; уваженіе къ французскимъ классикамъ не мѣшало ему чрезвычайно высоко цѣнить и Шекспира; вліяніе классическихъ традицій было даже полезно ему въ томъ отношеніи, что предохраняло его отъ приторной чувствительности сентиментализма и необузданной фантастики романтизма и такимъ образомъ способствовало трезвому пониманію дѣй- Горе отъ ума.

ствительности. Впослѣдствіи, защищая свою комедію отъ нападокъ Катенина, онъ рѣшительно высказался въ защиту свободы творчества и противъ „угожденія теоретикамъ“ и подчиненія „школьнымъ требованіямъ, условіямъ, привычкамъ, бабушкинымъ преданіямъ“...—Тѣмъ не менѣе, *по внѣшнимъ признакамъ*, „Горе отъ ума“ во многомъ напоминаетъ общій типъ ложно-классической комедіи: въ произведеніи Грибоѣдова сознательно соблюдено *единство времени и мѣста* (все дѣйствіе пьесы происходитъ въ домѣ Фамусова, только въ разныхъ покояхъ, и совершается въ теченіе однѣхъ сутокъ); въ комедію введена роль *наперсницы-субретки* (Лиза); наконецъ, по своему значенію и по характеру своей роли, главный герой, Чацкій, соотвѣтствуетъ *резонерамъ* ложно-классической комедіи [1]); но, благодаря своему таланту, Грибоѣдовъ изъ этихъ традиціонныхъ фигуръ создалъ живыя лица, цѣликомъ выхваченныя изъ дѣйствительности, съ яркими индивидуальными и типическими чертами.

Черты псевдо-классицизма.

Еще около 1812 года у Грибоѣдова явилась мысль изобразить въ сатирической картинѣ современное московское общество. Но только въ 1816 г. онъ приступилъ къ созданію своей будущей комедіи и написалъ нѣсколько сценъ, которыя и читалъ своимъ друзьямъ. Эти первоначальные наброски значительно отличались отъ позднѣйшей редакціи; въ нихъ были нѣкоторыя лица, впослѣдствіи выкинутыя авторомъ, напр., жена Фамусова, но зато не было еще Репетилова, а роль и характеръ самого Чацкаго не были еще вполнѣ выяснены. Онъ увезъ съ собой начатую комедію на Востокъ, работалъ надъ нею въ Тавризѣ и въ 1823 г. закончилъ два первыхъ дѣйствія въ Тифлисѣ. Въ томъ же году онъ выхлопоталъ себѣ отпускъ и отправился въ Москву. Здѣсь, среди московскаго общества снова оживились его впечатлѣнія, необходимыя для созданія комедіи, которая вся была закончена весной 1824 года. Первоначально она называлась: *Горе уму*. Грибоѣдовъ очень много работалъ надъ окончательной отдѣлкой своего произведенія, занимался шлифовкой каждаго стиха, добиваясь наибольшей художественной силы и естественности. Для этого онъ читалъ свою комедію разнымъ лицамъ и требовалъ отъ нихъ замѣчаній, которыми и поль-

Исторія созданія комедіи.

---

[1]) Плутоватый слуга или горничная («субретка») являлись постоянными фигурами въ комедіяхъ 18-го вѣка, гдѣ эти послѣднія отчасти замѣняли собой *наперсницъ* классической трагедіи. *Резонерами* назывались тѣ лица комедіи, въ уста которыхъ авторъ влагалъ свои собственныя мысли; они обыкновенно не играли значительной роли въ ходѣ пьесы,—больше разсуждали, чѣмъ дѣйствовали. Роль ихъ заключалась главнымъ образомъ въ томъ, чтобы разъяснять зрителямъ мораль всего произведенія. Типичнымъ резонеромъ является, напр., Стародумъ въ «Недорослѣ».

зовался при передѣлкахъ. Онъ не прекращалъ работы надъ своей комедіей и послѣ ея окончанія; такъ, во время переѣзда изъ Москвы въ Петербургъ, когда онъ везъ туда свою комедію для того, чтобы хлопотать о ея постановкѣ на сцену, ему пришла въ голову совершенно новая развязка (именно, сцена Молчалина съ Лизой, открывающая Софьѣ всю низость души ея избранника), и онъ тотчасъ по пріѣздѣ набросалъ всю сцену. Иногда, по собственному признанію Грибоѣдова, ему даже во время чтенія приходилось импровизировать, мѣнять отдѣльные стихи, выраженія, риѳмы, въ стремленіи къ наибольшей простотѣ и легкости рѣчи.

Судьба комедіи.

Но надежда Грибоѣдова увидѣть свое произведеніе на сценѣ не оправдалась: московское высшее общество, чувствуя себя задѣтымъ сатирой Грибоѣдова и выставляя его комедію злостнымъ „пасквилемъ на Москву“, употребило все свое вліяніе, чтобы воспрепятствовать постановкѣ „Горя отъ ума“. Точно такъ же не было разрѣшено и отдѣльное изданіе комедіи; только два отрывка изъ нея были напечатаны въ 1825 г. въ одномъ альманахѣ („Русская Талія“ Булгарина). Но тѣмъ не менѣе комедія Грибоѣдова скоро получила всеобщую извѣстность: она разошлась по всей Россіи въ десяткахъ тысячъ рукописныхъ списковъ, заучивалась наизусть, а многія мѣста ея вошли въ народный оборотъ, стали пословицами. Этимъ они обязаны замѣчательной мѣткости, выразительности и жизненности языка, представляющаго, несмотря на стихотворный размѣръ, замѣчательный образецъ живой русской рѣчи. Къ числу такихъ стиховъ-пословицъ принадлежатъ, напр.: „Счастливые часовъ не наблюдаютъ“; „Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ“; „Гдѣ чудеса, тамъ мало складу“; „И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ“; „Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“; „Влеченье, родъ недуга“ и мн. др.—Впервые *Горе отъ ума* поставлено было на сцену въ 1831 году; лучшимъ исполнителемъ роли Фамусова считался въ Москвѣ знаменитый артистъ Щепкинъ. Первое печатное изданіе комедіи вышло въ 1833 г., но со значительными пропусками; полностью она стала печататься лишь съ 1860-хъ годовъ. Существуютъ переводы „Горя отъ ума“ на различные иностранные языки: нѣмецкій, французскій, англійскій, польскій, чешскій, грузинскій и др.

Фамусовъ, какъ общественный типъ.

Цѣлью Грибоѣдова при созданіи своей комедіи было—дать яркую сатирическую картину московскаго общества того времени. Для этого онъ вывелъ цѣлый рядъ типовъ, въ которыхъ отразились характерныя черты тогдашняго барства. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ *Фамусовъ*, богатый московскій баринъ, занимающій видное служебное положеніе. Подобно многимъ другимъ лицамъ комедіи, Фамусовъ списанъ съ живого оригинала, именно, съ родного дяди самого Грибоѣдова. Грибоѣдовъ самъ признавалъ (въ письмѣ

къ писателю Катенину, по поводу его отзыва о „Горѣ отъ ума“) *портретность* изображенныхъ имъ фигуръ. Но кромѣ значенія Фамусова, какъ портрета отдѣльнаго лица, онъ имѣетъ и болѣе широкое *типическое* значеніе, какъ представитель чиновнаго московскаго барства той эпохи. Фамусовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ „тузовъ“, о которыхъ онъ самъ восклицаетъ въ своемъ монологѣ: „что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ“! По своимъ взглядамъ и симпатіямъ Фамусовъ—приверженецъ старины, хранитель старинныхъ традицій. Идеаломъ для него является его дядя Максимъ Петровичъ, вельможа еще Екатерининскихъ временъ. Онъ отъ души превозноситъ его „надменный нравъ“, его пышность, его вліятельную роль въ свѣтѣ и при дворѣ. Вообще Фамусовъ цѣнитъ въ людяхъ главнымъ образомъ ихъ *внѣшнее положеніе*: богатство, родовитость, высокій чинъ, вѣсъ и почетъ въ обществѣ; въ этомъ онъ видитъ залогъ счастья въ человѣческой жизни. „Какъ всѣ московскіе, вашъ батюшка таковъ: желалъ бы зятя онъ съ звѣздами и чинами“,—говоритъ про него Лиза, а самъ Фамусовъ заявляетъ дочери: „кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара“, не хочетъ считаться съ желаніями и симпатіями Софьи и ухаживаетъ за Скалозубомъ, проча его ей въ мужья, потому только, что онъ богатъ и „не нынче завтра генералъ“. Что касается до *внутреннихъ достоинствъ* человѣка и его личныхъ заслугъ, то онѣ имѣютъ мало значенія въ глазахъ Фамусова. Онъ находитъ поэтому вполнѣ естественнымъ и справедливымъ,—

Его идеалы.

Что по отцу и сыну честь;
Будь плохенькій, да если наберется
Душъ тысячки двѣ родовыхъ—
Тотъ и женихъ.
Другой хоть прытче будь, *надутый всякимъ чванствомъ*,
Пускай себѣ разумникомъ слыви,
А въ семью не включатъ, на насъ не подиви.

Цѣня такъ высоко общественное положеніе человѣка, Фамусовъ обращаетъ мало вниманія на то, какими путями оно достигнуто. Онъ восхваляетъ, напр., того же Максима Петровича за его ловкое искательство, за его находчивость и умѣнье выдвинуться и обратить на себя вниманіе высшихъ лицъ: „когда же надо подслужиться, и онъ сгибался въ перегибъ“, говоритъ про него Фамусовъ, разсказывая съ явнымъ одобре-

ніемъ одинъ эпизодъ изъ его придворной жизни, показывающій, что онъ для достиженія своихъ цѣлей готовъ былъ даже сыграть шутовскую роль, забывая свой возрастъ и свой „надменный нравъ“. Въ соотвѣтствіи съ такими взглядами, Фамусовъ и на службу смотритъ, лишь какъ на *средство* для достиженія личнаго успѣха, чиновъ, орденовъ, почета и вліятельнаго положенія, не заботясь о томъ, чтобы на самомъ дѣлѣ приносить пользу обществу и государству. Поэтому къ служебнымъ дѣламъ онъ относится чисто формально, мало интересуется ими, заботится лишь о томъ,

Его взглядъ на службу.

Чтобъ множество не накопилось ихъ;
А у меня, *что дѣло, что не дѣло,*
Обычай мой такой—
Подписано, такъ съ плечъ долой.

При подобныхъ взглядахъ Фамусова на службу вполнѣ понятно, что онъ совершенно искренно возмущается словами Чацкаго, что должно „служить дѣлу, а не лицамъ“, такъ какъ эти слова идутъ въ разрѣзъ со всѣми его установившимися понятіями; когда въ отвѣтъ на его приглашеніе „послужить“ Чацкій говоритъ: „служить бы радъ—прислуживаться тошно“, Фамусовъ называетъ его за это гордецомъ и вольнодумцемъ, котораго не слѣдовало бы „на выстрѣлъ подпускать къ столицамъ“. Главную причину такого вольнодумства Фамусовъ видитъ въ новыхъ понятіяхъ, усвоенныхъ Чацкимъ за границей, куда онъ уѣхалъ, по выраженію Софьи, „ума искать“. Вообще умъ и образованность Фамусовъ цѣнитъ очень мало. Самъ онъ ничѣмъ не интересуется, ничего не читалъ: „отъ чтенья прокъ-отъ не великъ“, говоритъ онъ Лизѣ, поручая сказать дочери, чтобы она не портила себѣ понапрасну глазъ надъ книгами. По мнѣнію Фамусова серьезное занятіе наукой прямо вредно для нравственнаго благополучія человѣка:

Отношеніе къ образованію.

Ученье—вотъ чума, ученость—вотъ причина,
Что нынче пуще, чѣмъ когда
Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній

Поэтому онъ совѣтуетъ прибѣгнуть къ радикальному средству: „ужъ коли зло пресѣчь,—забрать всѣ книги бы, да сжечь“! Не видя никакой пользы въ образованіи, Фамусовъ однако старается дать своей дочери свѣтское воспитаніе, хотя и отзывается о тогдашнихъ педагогахъ-иностранцахъ крайне пренебрежительно: „беремъ мы *побродягъ* и въ домъ и по би-

летамъ". Въ этомъ случаѣ онъ всецѣло подчиняется господствовавшему въ московскомъ обществѣ обычаю „набирать учителей полки, числомъ поболѣе, цѣною подешевле". Все дѣлалось только для виду, поэтому и въ воспитаніи цѣнилось не его глубокое внутреннее значеніе, а лишь внѣшній лоскъ, показная сторона, которою Фамусовъ наивно восхищается въ московскихъ барышняхъ: „словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой". Въ глубинѣ души Фамусовъ вовсе не сочувствуетъ иностранному воспитанію и ворчитъ на модное увлеченіе всѣмъ французскимъ:

А все Кузнецкій Мостъ и вѣчные французы,
Откуда моды къ намъ, и авторы, и музы,
Губители кармановъ и сердецъ!
Когда избавитъ насъ Творецъ
Отъ шляпокъ ихъ, чепцовъ, и шпилекъ, и булавокъ,
И книжныхъ и бисквитныхъ лавокъ!

Однако на дѣлѣ онъ самъ вполнѣ подчиняется этой модѣ какъ при воспитаніи дочери, такъ и въ другихъ случаяхъ жизни; не даромъ онъ говоритъ про себя, что домъ его открытъ для всѣхъ, „для званыхъ и незваныхъ, *особенно изъ иностранныхъ*", въ родѣ того „французика изъ Бордо", который вызвалъ негодующій монологъ Чацкаго. Вообще Фамусовъ во всѣхъ случаяхъ жизни безусловно подчиняется традиціямъ или модѣ, господствующимъ въ его кругу. Несмотря на свой возрастъ и на свое видное общественное положеніе, онъ, подобно Молчалину, „не можетъ смѣть свое сужденіе имѣть"; онъ находится въ полной зависимости отъ общественнаго мнѣнія, т.-е. отъ свѣтской молвы, и потому въ концѣ комедіи болѣе всего безпокоится о томъ, „что будетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна", которая является для него какъ бы олицетвореніемъ общественнаго мнѣнія. Преклоняясь передъ московскимъ свѣтскимъ обществомъ, Фамусовъ въ восторгѣ отъ всего московскаго, отъ московскихъ вельможъ („прямые канцлеры въ отставкѣ по уму"), отъ московскихъ дамъ, юношей и дѣвицъ. Онъ привыкъ думать, какъ всѣ, привыкъ смотрѣть на вещи такъ, какъ смотрятъ люди его круга, привыкъ повторять ходячія мнѣнія и самъ настолько сроднился съ ними, что совершенно искренно возмущается критическимъ отношеніемъ Чацкаго, которое кажется ему прямымъ безуміемъ. Весь проникнутый традиціями старой Мо-

Отношеніе къ обществу.

сквы, Фамусовъ даже не въ состояніи понять его словъ, словно они оба говорятъ на двухъ разныхъ языкахъ.

При всемъ томъ въ характерѣ Фамусова есть и несомнѣнно хорошія черты, напр., *добродушіе* и *гостепріимство*, но и эти черты проявляются иногда у него въ уродливой, искаженной формѣ. Такъ, напр., Фамусовъ считаетъ какъ бы своимъ долгомъ оказывать особенное покровительство роднымъ, такъ что въ этомъ случаѣ его добродушіе переходитъ въ явное *лицепріятіе*; онъ окружаетъ себя по службѣ родственниками и находитъ это вполнѣ естественнымъ: „какъ станешь представлять къ крестишку иль къ мѣстечку, ну, какъ не порадѣть родному человѣчку!“ Широкое гостепріимство и хлѣбосольство издавна составляли отличительную черту москвичей; у Фамусова также двери открыты настежъ „для званыхъ и незваныхъ“; онъ принимаетъ всѣхъ безъ разбора и самъ говоритъ по этому поводу: „хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ,— для насъ равнехонько — про всѣхъ готовъ обѣдъ“. Такимъ образомъ гостепріимство соединено у него съ *нравственной неразборчивостью*. Положительныя и отрицательныя черты.

Въ общемъ Фамусовъ представляетъ собой необыкновенно *яркую и цѣльную фигуру*, въ которой, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, отразились черты міросозерцанія, традиціи, привычки, симпатіи и антипатіи стариннаго московскаго барства, съ его привольной и беззаботной жизнью, чуждой всякихъ высшихъ интересовъ и живыхъ стремленій, враждебной всякимъ новымъ вѣяніямъ и идеямъ. Эта враждебность ко всему новому стояла въ тѣсной связи съ глубокой увѣренностью въ превосходствѣ стараго. Оттого Фамусовъ, выражая *традиціонные* взгляды московскаго барства, вполнѣ убѣжденъ въ ихъ непогрѣшимости; оттого всѣ слова его полны такого искренняго самодовольства, сознанія полной справедливости всего, что онъ говоритъ, дѣлаетъ и думаетъ. Въ этой простодушной самоувѣренности и заключается значительная доля *внутренняго комизма*, присущаго роли Фамусова, такъ какъ онъ съ полной искренностью и убѣжденностью выражаетъ мнѣнія, на нашъ взглядъ весьма странныя и ложныя; онъ даже не подозрѣваетъ, что его слова могутъ иногда казаться глубоко циничными: напр., когда онъ говоритъ о своей службѣ: „А для меня, что дѣло, что не дѣло,—подписано, такъ съ плечъ долой!“ или когда откровенно признается въ своемъ стараніи „порадѣть родному человѣчку“. Фамусовъ, какъ типъ.

Молчалинъ.

Очень полно обрисованъ Грибоѣдовымъ и *Молчалинъ*. Это типъ чиновника-прислужника, старающагося выдвинуться не столько дѣйствительными заслугами, сколько лестью и низкопоклонствомъ. Въ противность Чацкому, онъ „служитъ лицамъ, а не дѣлу". Въ минуту откровенности онъ объясняетъ Лизѣ ту политику, которой онъ придерживается въ жизни и которая состоитъ въ томъ, чтобы

Угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья —
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугѣ его, который чиститъ платье,
Швейцару, дворнику, для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была.

Его отношеніе къ людямъ.

Слѣдуя этой системѣ, онъ повсюду умѣетъ находить себѣ покровительство. Таково, напр., его отношеніе къ важной старухѣ — Хлестовой: онъ умѣетъ ловко утишить ея гнѣвъ на Чацкаго, во-время похвалить ея собачку, составить ей партію въ карты; Хлестова относится къ нему свысока („Молчалинъ, вонъ чуланчикъ твой"...), но въ то же время ей нравится его услужливость и лесть, и въ нужномъ случаѣ она, конечно, окажетъ ему поддержку, благодаря своимъ связямъ и своему вліянію, на что и разсчитываетъ Молчалинъ. Возводя *угодливость* и *низкопоклонство* въ основное правило своего поведенія, Молчалинъ настолько убѣжденъ въ его правильности, что не только не скрываетъ своихъ взглядовъ, но даже рекомендуетъ свой образъ дѣйствія Чацкому; вполнѣ искренно онъ совѣтуетъ ему съѣздить на поклонъ къ Татьянѣ Юрьевнѣ, вліятельной старухѣ, потому, поясняетъ онъ, что „частенько тамъ мы *покровительство* находимъ, гдѣ не мѣтимъ".

Отсутствіе чувства своего достоинства.

Стараясь во всемъ угодить своимъ „покровителямъ", подлаживаться къ людямъ, стоящимъ выше него въ общественномъ отношеніи, Молчалинъ усвоиваетъ себѣ ихъ мнѣнія, взгляды и предразсудки. Онъ думаетъ, что въ его положеніи *„не должно смѣть свое сужденіе имѣть"*, и искренно удивляется независимости взглядовъ Чацкаго, во всемъ подчиняясь общему мнѣнію, господствующему въ кружкѣ Фамусова. Подлаживаясь подъ общій тонъ, не смѣя имѣть свое сужденіе, будучи *„безсловеснымъ"*, по выраженію Чацкаго, Молчалинъ постепенно дѣлаетъ свою карьеру и, по словамъ того же Чац-

каго, конечно, впослѣдствіи „дойдетъ до степеней извѣстныхъ“, и тогда въ свою очередь превратится въ Фамусова.

Фамусовъ называетъ Молчалина „малымъ дѣловымъ“, но эта *дѣловитость — чисто формальная*: онъ до тонкости знаетъ ходъ канцелярскаго дѣлопроизводства, умѣетъ составить бумагу, собрать справки, „отписаться“; все это очень цѣнилось при господствовавшей въ то время канцелярско-бюрократической системѣ управленія,—недаромъ самъ Молчалинъ такъ восхваляетъ какого-то Ѳому Ѳомича, потому именно, что „вѣдь слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ“. Къ дѣйствительному, серьезному дѣлу, Молчалинъ вовсе неспособенъ по своему малому образованію и развитію. Кромѣ того, на службу онъ смотритъ исключительно какъ на *средство* къ личнымъ успѣхамъ, а самое дѣло его мало интересуетъ. Его желаніе заключается лишь въ томъ, чтобы „и награжденья брать, и весело пожить“, а о томъ, чтобы быть полезнымъ обществу и государству, онъ и не думаетъ. Его «дѣловитость».

Чацкій нѣсколько разъ иронизируетъ надъ *умственнымъ убожествомъ* Молчалина. Дѣйствительно, у него мало ума, но зато много практическаго благоразумія, котораго именно и недостаетъ Чацкому. Благодаря этому благоразумію онъ ничѣмъ особенно не увлекается и всегда остается въ предѣлахъ „умѣренности и аккуратности“, двухъ основныхъ своихъ „добродѣтелей“.

Но особенно ясно сказывается *нравственная низость* Молчалина въ его отношеніяхъ къ Софьѣ. Не питая къ ней никакого чувства, онъ притворяется влюбленнымъ въ нее „по должности“ и въ то же время ухаживаетъ за Лизой. Такимъ образомъ онъ обманываетъ Софью, надѣясь извлечь изъ ея любви какую-либо пользу для себя, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ боится, какъ бы Фамусовъ не открылъ ихъ отношеній и не прогналъ бы его изъ дому. Трусость и низость, которыя онъ при этомъ обнаруживаетъ, дорисовываютъ портретъ Молчалина, какъ моральнаго антипода Чацкаго. Портретъ этотъ настолько ярокъ и жизненен, что самое имя Молчалина стало послѣ Грибоѣдова *нарицательнымъ* для обозначенія опредѣленнаго типа. Отношеніе къ Софьѣ.

Полковникъ *Скалозубъ* принадлежитъ къ числу военныхъ служакъ Аракчеевскаго типа, занимавшихся болѣе „шагисти- Скалозубъ.

кой“, какъ тогда выражались, чѣмъ дѣйствительной боевой подготовкой войскъ, словно войска главнымъ образомъ предназначались для смотровъ и парадовъ, а не для защиты отечества. Изъ-за мелочной внѣшней муштровки упускалось иногда изъ виду важное, напр., обученіе солдатъ боевой стрѣльбѣ. Глубоко невѣжественные сами, представители этого типа съ презрѣніемъ смотрѣли на всякое знаніе, которое не касалось „мундировъ, выпушекъ, погончиковъ, петличекъ“, и считали, что образованіе вообще излишне для военнаго человѣка. Къ этому присоединялась еще большая самоувѣренность и высокое мнѣніе о себѣ, не позволявшее видѣть собственныхъ ошибокъ.

Всѣ эти черты находимъ мы и у Скалозуба. Онъ видитъ всю суть военнаго дѣла во *внѣшней выправкѣ* солдатъ и офицеровъ и особенно хвалится тѣмъ, что въ первой арміи „все такъ прилажено и тальи всѣ такъ узки“. Чацкій называетъ его „созвѣздіемъ маневровъ и мазурки“, намекая этимъ на главное пристрастіе Скалозуба. На *службу* Скалозубъ смотритъ исключительно какъ на *средство для личнаго возвышенія*, для полученія чиновъ и орденовъ. „Мнѣ только бы досталось въ генералы“, говоритъ онъ Фамусову. Однако возвышенію своему онъ обязанъ не храбрости и не личнымъ заслугамъ, а стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ:

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ—
Вакансіи какъ разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.

Не имѣя никакихъ интересовъ, кромѣ фронтовой службы и служебныхъ успѣховъ, Скалозубъ, подобно Фамусову, враждебно относится къ образованію вообще и искренно радуется при толкахъ о какомъ-то проектѣ—

На счетъ лицеевъ, школъ, гимназій:
Тамъ будутъ обучать по-нашему: разъ, два!
А книги сохранятъ такъ, для большихъ оказій.

По своему умственному развитію Скалозубъ стоитъ очень низко; это замѣчаетъ даже Лиза, отзывающаяся о немъ: „рѣчистъ, а больно не хитеръ“; точно такъ же и Софья говоритъ о немъ: „онъ слова умнаго не выговорилъ съ роду“. Онъ даже не въ силахъ уяснить себѣ какъ слѣдуетъ чужой мысли

и потому очень наивно выражаетъ свое сочувствіе словамъ Чацкаго, очевидно, ихъ совершенно не понимая. Однако, несмотря на отсутствіе ума, Скалозубъ пользуется значительнымъ вѣсомъ въ московскомъ обществѣ, благодаря тому, что онъ „и золотой мѣшокъ, и мѣтитъ въ генералы". Даже такой московскій „тузъ", какъ Фамусовъ, ухаживаетъ за нимъ, въ надеждѣ, что онъ женится на его дочери.

Картина московскаго общества.

Кромѣ этихъ лицъ Грибоѣдовъ выводитъ цѣлый рядъ другихъ представителей *московскаго общества* той эпохи (Хлестову, Загорѣцкаго, Хрюминыхъ, Тугоуховскихъ и др.), хотя и не останавливается съ такой подробностью на ихъ характеристикѣ. Кромѣ того, въ обличительныхъ рѣчахъ Чацкаго упоминается о нѣкоторыхъ другихъ лицахъ того же круга, не введенныхъ въ дѣйствіе. Всѣ они, по свидѣтельству современниковъ, списаны Грибоѣдовымъ съ натуры и представляютъ собой болѣе или менѣе вѣрные портреты дѣйствительныхъ лицъ. Это признавалъ и самъ Грибоѣдовъ (въ письмѣ къ своему другу Катенину). Такимъ образомъ „Горе отъ ума" даетъ цѣлую *портретную галлерею* и живую картину нравовъ московскаго общества 20-хъ годовъ. Одной изъ главныхъ чертъ этой жизни является полное *отсутствіе въ ней высшихъ интересовъ*, стремленій и запросовъ. Эта черта стоитъ въ ближайшей связи съ глубокимъ невѣжествомъ, распространеннымъ въ обществѣ. Наука и знанія считаются чѣмъ-то подозрительнымъ и даже вреднымъ. Въ словахъ старухи Хлестовой о педагогическомъ институтѣ звучитъ какъ бы отголосокъ старыхъ взглядовъ ханжи Критона (въ 1-ой сатирѣ Кантемира):

Тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣрьи
Профессора! у нихъ учился мой родня
И вышелъ,—хоть сейчасъ въ аптеку, въ подмастерья!
Отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня!
Чиновъ не хочетъ знать! Онъ химикъ, онъ ботаникъ—
Князь Ѳедоръ, мой племянникъ!

Чуждое серьезныхъ интересовъ и образованія, общество наполняло досугъ *праздной жизни* балами, обѣдами и разными дорогими затѣями, въ родѣ крѣпостного балета. Расточительность, поддерживаемая „кліентами-иностранцами",

многихъ доводила до разоренія. Чацкій съ негодованіемъ говоритъ про одного московскаго барина, который

На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей:
Самъ погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ
Заставилъ всю Москву дивиться ихъ красѣ;
Но должниковъ не согласилъ къ отсрочкѣ:
Амуры и зефиры всѣ
Распроданы по одиночкѣ.

Рядомъ съ удовлетвореніемъ всевозможныхъ прихотей, доходящихъ до самодурства, мы видимъ полное *презрѣніе къ человѣческому достоинству*. Крѣпостныхъ крестьянъ не стѣснялись мѣнять на борзыхъ собакъ; люди употреблялись нерѣдко для пустой забавы; встрѣчались еще даже шуты, напр., „арапка-дѣвка“ у Хлестовой, которую она привозитъ съ собой вмѣстѣ съ любимой собачкой. „Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ“, говоритъ Чацкій про тетку Софьи, которая, очевидно, одинаково относится къ людямъ и къ животнымъ.

Въ обществѣ, чуждомъ истинныхъ понятій о человѣческомъ достоинствѣ, презрѣніе къ низшимъ идетъ рядомъ съ лестью и униженіемъ передъ высшими. Люди цѣнятся по ихъ богатству и внѣшнему положенію, а не по ихъ внутреннему достоинству. Неразвитость общества сказывается и въ его *нравственной неразборчивости*; Загорѣцкаго, напр., всѣ презираютъ,—„лгунишка онъ, картежникъ, воръ“, почти въ глаза ему говоритъ о немъ Хлестова,—но однако его всюду принимаютъ, потому что онъ „мастеръ услужить“.—За отсутствіемъ серьезнаго дѣла въ обществѣ процвѣтаютъ *сплетни* и *пересуды*. Достаточно было Софьѣ только пустить слухъ о сумасшествіи Чацкаго, чтобы этотъ слухъ былъ мгновенно подхваченъ всѣми присутствующими. Этими пересудами особенно охотно занимаются дамы. „Судьи всему, вездѣ, надъ ними нѣтъ судей“, говоритъ о нихъ Фамусовъ. Онѣ очень любятъ заниматься дѣлами своихъ ближнихъ, узнавать всю подноготную о другихъ: „Чужихъ имѣній мнѣ не знать!“ восклицаетъ Хлестова, словно обиженная. Эти толки салоновъ и гостиныхъ, большей частью злорадные, замѣняютъ собой общественное мнѣніе. Ихъ-то именно болѣе всего и боится Фамусовъ, заканчивающій пьесу восклицаніемъ:

Ахъ Боже мой, что станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна!

Это восклицаніе очень характерно для Фамусова и для всего его круга. Въ этомъ кругу стараются поступать, жить и даже думать „какъ всѣ“, во всемъ сообразуясь съ общимъ мнѣніемъ. „*Какъ можно противъ всѣхъ*! Да почему вы?— стыдъ и смѣхъ“! восклицаютъ княжны Тугоуховскія въ отвѣтъ на сомнѣнія Репетилова. Боятся не столько дурного поступка, сколько толковъ и сплетенъ, которые онъ можетъ вызвать. „*Грѣхъ не бѣда, молва нехороша*“, говоритъ Лиза, и точно такъ же думаетъ и Фамусовъ и другія лица его круга.

Другимъ занятіемъ дамскаго общества являются *моды* и *наряды*. Законодателями модъ выступаютъ французы, играющіе вообще большую роль въ общественной жизни. *Галломанія* и связанное съ ней *презрѣніе ко всему національному*, народному, представляетъ собой отличительную черту всего общества, среди котораго имѣетъ такой успѣхъ „французикъ изъ Бордо“. Повсюду господствуетъ „смѣшенье языковъ французскаго съ нижегородскимъ“ и духъ „пустого, рабскаго, слѣпого подражанья“, противъ котораго такъ негодуетъ Чацкій.

Въ картинѣ московской жизни, нарисованной Грибоѣдовымъ, нѣтъ ничего лишняго; даже мелочныя подробности въ ней являются необходимыми, такъ какъ и въ нихъ схвачены характерныя черты изображаемой дѣйствительности; даже Петрушка „съ разодраннымъ локтемъ“ необходимъ для полноты картины, такъ какъ онъ живо рисуетъ халатность и распущенность домашней, непоказной жизни тогдашняго барства. Грибоѣдову удалось въ своей комедіи собрать воедино *характерныя черты старой московской жизни* и уловить тотъ „особый отпечатокъ“, который, по словамъ Фамусова, лежитъ на всемъ московскомъ.

Такимъ образомъ Грибоѣдовъ въ своей комедіи рисуетъ очень печальную картину московской жизни 20-хъ годовъ, отмѣчая низкій умственный и нравственный уровень тогдашняго образованнаго общества, господство предразсудковъ. праздность, чванство, мелочность интересовъ. Это не значитъ однако, что въ тогдашней жизни не было ничего свѣтлаго или хорошаго; но Грибоѣдовъ, преслѣдуя въ своей комедіи *сатирическія* задачи, обращалъ вниманіе лишь на отрицательныя явленія жизни и на порочные или комическіе типы общества. Поэтому его изображеніе хотя и вѣрно, но односторонне. Что оно вѣрно, видно изъ сопоставленія его съ сатирической же картиной московской жизни въ 7-ой главѣ „Евгенія

Онѣгина“: и у Пушкина и у Грибоѣдова находимъ мы много общаго. Однако односторонность изображенія Грибоѣдова ясно выступаетъ при сравненіи „Горя отъ ума“ съ картиной московской жизни въ „Войнѣ и мирѣ“. Графъ Толстой не имѣлъ сатирическихъ цѣлей, и потому его изображеніе болѣе полно и объективно; вспомнимъ напр., его изображеніе семьи Ростовыхъ. Есть свидѣтельства, что въ лицѣ Хлестовой и Абросимовой выведена одна и та же особа; сравненіе ихъ ясно показываетъ, въ чемъ заключается разница въ изображеніи жизни московскаго общества у обоихъ авторовъ.

Софья.

Дочь Фамусова *Софья* получила обычное въ то время французское воспитаніе. Отецъ наивно хвалится тѣмъ, что умѣлъ „*принанять* въ мадамъ Розье *вторую мать*“ и, предоставивъ дочь старушкѣ-француженкѣ, мало интересовался ходомъ ея воспитанія. Это—обычное явленіе въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, явленіе очень печальное, такъ какъ способствовало разладу между двумя поколѣніями, старшимъ и младшимъ. „Отцы“ не знали своихъ дѣтей и утрачивали свое вліяніе на нихъ, такъ что Фамусову приходилось печально восклицать: „что за комиссія, Создатель, быть взрослой дочери отцомъ“.

Отношеніе къ Чацкому.

Софья росла и воспитывалась вмѣстѣ съ Чацкимъ. Съ дѣтства ихъ связывала тѣсная дружба. Но затѣмъ, съ возникновеніемъ новыхъ серьезныхъ интересовъ, Чацкій нѣсколько отдалился отъ Софьи. „Онъ съѣхалъ; ужъ у насъ ему казалось скучно“, говоритъ она, и въ этихъ словахъ ея словно слышится голосъ *оскорбленнаго чувства*. Самолюбивая отъ природы, она думаетъ, что Чацкій пренебрегаетъ ею, что „о себѣ задумалъ онъ высоко“. Этимъ же пренебреженіемъ объясняетъ она и его отъѣздъ за границу.

Ахъ, если любитъ кто кого,
Зачѣмъ ума искать и ѣздить такъ далеко.

Это чувство оскорбленія порождаетъ въ ней явно враждебное отношеніе къ Чацкому послѣ его возвращенія. Насмѣшки Чацкаго надъ московскимъ обществомъ она объясняетъ его холодностью, безсердечіемъ и высокимъ мнѣніемъ о самомъ себѣ.

Случилось ли, чтобъ вы, смѣясь, или въ печали
Ошибкою добро о комъ-нибудь сказали?

иронически спрашиваетъ она Чацкаго; а въ другой разъ она

говоритъ, что рѣчь его всегда кончается „злостью". Этимъ она показываетъ, какъ мало она понимаетъ Чацкаго и какъ велико въ ней предубѣжденіе противъ него. Въ Молчалинѣ она цѣнитъ качества, какъ разъ противоположныя характеру Чацкаго: уступчивость, мягкость, скромность. Но она *не понимаетъ истиннаго характера Молчалина* и *идеализируетъ* его. Даже его прислужничество она объясняетъ душевной добротою.

Отношеніе къ Молчалину.

Смотрите, дружбу всѣхъ онъ въ домѣ пріобрѣлъ.
При батюшкѣ три года служитъ,
Тотъ часто безъ толку сердитъ,
А онъ безмолвіемъ его обезоружитъ,
Отъ доброты души проститъ.

Упрекая Чацкаго въ самомнѣніи, Софья говоритъ, что Молчалинъ „за другихъ себя забыть готовъ", не подозрѣвая его низкой и эгоистичной политики, его притворства и двуличности. Быть можетъ, этой идеализаціи Молчалина способствовало также и то, что Софья была воспитана на модныхъ романахъ тогдашней сентиментальной школы и представляла себѣ Молчалина въ образѣ какого-либо сентиментальнаго героя. Напрасно старается Чацкій открыть ей глаза на ея ошибочную оцѣнку Молчалина:

Идеализація его характера.

Богъ знаетъ, за него что выдумали вы,
Чѣмъ голова его въ вѣкъ не была набита.
Быть можетъ, качествъ вашихъ тьму,
Любуясь имъ, вы придали ему.

Но всѣ эти рѣзкіе отзывы о Мочалинѣ только еще болѣе возстановляютъ Софью противъ Чацкаго; она не вѣритъ имъ, пока, наконецъ, не убѣждается въ его низости, притворствѣ и трусости. Такимъ образомъ Софья наказана за свою любовь и довѣріе къ недостойному человѣку, наказана за свою ошибку.

Однако, въ характерѣ Софьи есть и многія *положительныя черты*. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она, несомнѣнно, стоитъ выше окружающей среды. Ее не прельщаетъ ни богатство, ни кресты Скалозуба: она достаточно проницательна, чтобы увидѣть его полную умственную несостоятельность; любя Молчалина, она тяготится необходимостью притворяться и иногда невольно выдаетъ себя, такъ что трусливый Мол-

Положительныя черты.

чалинъ даже упрекаетъ ее за это: „вы слишкомъ откровенны, не повредила бы намъ откровенность эта“. Наконецъ, въ ней есть душевная прямота и независимость. „Что мнѣ молва? Кто хочетъ, такъ и судитъ“, говоритъ она:

А кѣмъ изъ нихъ я дорожу?
Хочу—люблю, хочу—скажу.
Да что мнѣ до кого? до нихъ? до всей вселенной?
Смѣшно?—пусть шутятъ ихъ; досадно—пусть бранятъ!

Эта прямота и откровенность не позволяютъ ей притворяться и съ Чацкимъ. Съ первой же минуты встрѣчи она выказываетъ ему явную холодность, нѣсколько разъ говоритъ ему колкости, такъ что упрекъ Чацкаго: „зачѣмъ меня надеждой завлекали“ совершенно несправедливъ, такъ какъ Софья и не думала притворяться передъ нимъ.

Однако, несмотря на то, что Софья въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоитъ выше окружающихъ, на ней также сказывается вліяніе среды: она вполнѣ усвоила себѣ взгляды и пріемы свѣтской барышни, воспитанной во французскомъ духѣ; она не понимаетъ смысла рѣчей Чацкаго и его нападковъ на московскую жизнь, недостатковъ которой она не замѣчаетъ; наконецъ, въ своемъ раздраженіи она способна унизиться до интриги, пуская въ ходъ слухъ о сумасшествіи Чацкаго.

Чацкій.

Представителемъ новаго поколѣнія и носителемъ новыхъ идей является въ комедіи *Чацкій*. Это — человѣкъ умный, благородный, смѣлый и независимый. По своимъ свѣтлымъ и просвѣщеннымъ взглядамъ и убѣжденіямъ онъ представляетъ прямую противоположность косному и невѣжественному Фамусовскому обществу, и такъ какъ онъ, вслѣдствіе пылкости своего нрава, не хочетъ и не можетъ скрывать своихъ воззрѣній, то скоро приходитъ въ рѣзкое столкновеніе съ обществомъ; въ этомъ *столкновеніи стараго и новаго міросозерцанія* и заключается главная *драматическая коллизія* всей пьесы.

Его образованіе.

Изъ комедіи мы мало узнаемъ подробностей о *воспитаніи и образованіи* Чацкаго. Онъ росъ и воспитывался въ домѣ Фамусова, вмѣстѣ съ его дочерью Софьей, подъ руководствомъ различныхъ иностранныхъ гувернеровъ, изъ которыхъ ему особенно запомнился одинъ нѣмецъ-педантъ и

„Гильоме-французъ, подбитый вѣтеркомъ“. Однако Чацкій не удовлетворился этимъ обычнымъ образованіемъ: въ немъ рано пробудились болѣе высокіе и серьезные интересы, не находившіе себѣ удовлетворенія среди московскаго свѣтскаго общества. Не прельстился онъ также перспективой быстраго служебнаго возвышенія, на которое онъ могъ разсчитывать по своимъ природнымъ способностямъ; „онъ славно пишетъ, переводитъ“, говоритъ про него Фамусовъ, сожалѣя, что Чацкій такъ скоро оставилъ службу послѣ блестящаго начала. Вмѣсто службы онъ отправился *за границу* для того, чтобы „*ума искать*“, какъ выражается Софья, т.-е. чтобы пополнить пробѣлы своего образованія. Тамъ онъ провелъ три года и вернулся на родину уже зрѣлымъ человѣкомъ, съ вполнѣ сложившимися взглядами и убѣжденіями.

Отношеніе къ московскому обществу.

По сравненію съ только что оставленной Европой, московская жизнь кажется ему пошлой, скучной, пустой, лишенной всякихъ живыхъ интересовъ. Уже во время перваго разговора съ Софьей онъ отзывается о ней съ явной ироніей:

Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два;
Тотъ сватался—успѣлъ, а тотъ далъ промахъ;
Все тотъ же толкъ, и тѣ жъ стихи въ альбомахъ.

Но добродушно-насмѣшливое отношеніе, съ которымъ онъ освѣдомлялся у Софьи о разныхъ московскихъ родственникахъ и знакомыхъ, скоро смѣняется на *негодующее* и *сатирическое*, какъ только онъ приходитъ въ столкновеніе съ отсталыми и устарѣлыми взглядами, господствующими въ Фамусовскомъ кружкѣ. Со своимъ пылкимъ и благороднымъ сердцемъ Чацкій не можетъ оставаться равнодушнымъ къ тому, что онъ видитъ и слышитъ въ московскомъ обществѣ. Сдержанность и самообладаніе — не въ натурѣ Чацкаго; поэтому онъ даетъ свободу своему негодованію всякій разъ, когда что-либо задѣваетъ его за живое. А такіе поводы встрѣчаются на каждомъ шагу, потому что весь строй его взглядовъ и убѣжденій рѣзко расходился съ тѣмъ, что считалось общепризнанной истиной въ Фамусовскомъ кружкѣ.

Взглядъ на человѣческое достоинство.

Чацкій, высоко цѣнящій *сознаніе личнаго человѣческаго достоинства*, глубоко возмущается угодничествомъ, низкопоклонствомъ, слѣпымъ преклоненіемъ передъ внѣшнимъ

авторитетомъ, знатностью и богатствомъ, которыя такъ распространены въ Фамусовскомъ обществѣ. Когда Фамусовъ, со свойственнымъ ему самодовольствомъ, начинаетъ передъ нимъ превозносить старину и указываетъ, какъ на примѣръ, достойный подражанія, на дядю своего, Максима Петровича, не брезговавшаго никакими средствами для того, чтобы выдвинуться,—Чацкій въ рѣзкой формѣ выражаетъ негодованіе противъ старинныхъ порядковъ, когда раболѣпство передъ высшими соединялось съ грубымъ произволомъ по отношенію къ низшимъ. Онъ нападаетъ на закоснѣлыхъ представителей старины, передъ которыми такъ благоговѣетъ Фамусовъ:

А судьи кто?.. За древностію лѣтъ
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима:
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ Очакова и покоренья Крыма...

Въ то время, какъ Фамусовское общество смотрѣло на службу лишь какъ на средство къ личному успѣху, Чацкій видитъ цѣль службы въ томъ, чтобы приносить пользу родинѣ; онъ хочетъ „*служить дѣлу, а не лицамъ*“, и потому не ищетъ себѣ „покровителей“, подобно Молчалину, и держится свободно и независимо, чѣмъ и возбуждаетъ противъ себя неудовольствіе и обвиненіе въ вольнодумствѣ. Не менѣе различны взгляды Чацкаго и московскаго общества на *образованіе*. Общество цѣнило только внѣшній лоскъ образованности, мало обращая вниманія на его внутреннюю сущность; поэтому Чацкій зло смѣется надъ обычаемъ москвичей „набирать учителей полки, числомъ поболѣе, цѣною подешевле“, при чемъ эти воспитатели юношества были большей частью иностранцы, внѣдрявшіе въ своихъ питомцевъ слѣпое увлеченіе иноземными, преимущественно французскими, обычаями и модами. *Фамусовское общество усвоило себѣ лишь внѣшнія формы европеизма*, но внутренняя сущность европейской культуры осталась ему совершенно чуждой, *Чацкій же*, наоборотъ, поживши за границей, довершивши тамъ свое образованіе, *усвоилъ себѣ просвѣщенныя и благородныя идеи*, составляющія самую *сущность* истинной европейской цивилизаціи, но онъ рѣзко возстаетъ противъ внѣшняго, поверхностнаго увлеченія западными образцами, противъ „пустого, рабскаго, слѣпого подражанія“, царившаго въ русскомъ

Взгляды его на образованіе.

обществѣ, и выражаетъ желаніе, чтобы оно избавилось наконецъ „отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой“.

Любовь къ родинѣ.

Такимъ образомъ европейское образованіе вовсе не превратило Чацкаго въ космополита, но, наоборотъ, сдѣлало его *любовь къ родинѣ* болѣе глубокой и сознательной. Однако это патріотическое настроеніе нисколько не заслоняетъ передъ нимъ недостатковъ и несовершенствъ русской жизни, и сознаніе этихъ темныхъ сторонъ ея доставляетъ ему, какъ истинному патріоту, глубокое страданіе, а самое пребываніе среди Фамусовскаго общества причиняетъ ему *„мильонъ терзаній“*. Чацкій самъ говоритъ про себя, что у него „умъ съ сердцемъ не въ ладу“; своимъ проницательнымъ умомъ онъ замѣчаетъ все смѣшное и порочное въ окружающей дѣйствительности, клеймитъ его своими желчными насмѣшками, но сердцемъ онъ глубоко скорбитъ за свою родину. *Его смѣхъ — невеселый смѣхъ*. Когда Софья упрекаетъ его: „Шутить, и вѣкъ шутить! какъ васъ на это станетъ?“—Чацкій отвѣчаетъ съ горечью:

Ахъ Боже мой! неужли я изъ тѣхъ,
Которыхъ цѣль всей жизни смѣхъ.
Мнѣ весело, когда смѣшныхъ встрѣчаю,
Но чаще съ ними я скучаю.

Въ этихъ душевныхъ страданіяхъ Чацкаго и заключается смыслъ самаго названія: *„Горе* отъ *ума“*. Горе это еще усугубляется отъ того непониманія и враждебности, съ которыми встрѣчаетъ общество его рѣзкія, но справедливыя рѣчи.

Отношеніе къ крѣпостному праву.

Особенное негодованіе Чацкаго вызываютъ многія обычныя въ то время явленія *крѣпостного права*, считавшагося тогда однимъ изъ устоевъ русской жизни. Проникнутый гуманными идеями вѣка, онъ глубоко возмущается угнетеннымъ положеніемъ, въ которомъ находится „умный, добрый нашъ народъ“, отсутствіемъ живой нравственной связи между нимъ и обществомъ и тѣмъ *презрѣніемъ ко всему родному* и *народному*, которое господствовало въ обществѣ. Чацкій негодуетъ на того „Нестора негодяевъ знатныхъ“, который не стѣснялся обмѣнивать своихъ вѣрныхъ слугъ на борзыхъ собакъ; онъ возстаетъ противъ обычая продавать крѣпостныхъ, какъ безсловесныхъ животныхъ, вспоминая объ одномъ помѣщикѣ, страстномъ любителѣ театра, который разорился на

крѣпостномъ балетѣ, послѣ чего его артисты, „амуры и зефиры“, были „распроданы по одиночкѣ“.

Хотя нападки Чацкаго преимущественно направлены противъ представителей старины, однако онъ далеко не все одобряетъ и въ молодомъ поколѣніи. Такъ, напр., онъ съ нескрываемой ироніей относится къ Репетилову, съ его поверхностнымъ либерализмомъ и безтолковымъ повтореніемъ чужихъ фразъ, нахватанныхъ съ вѣтра. Также не встрѣчаетъ себѣ одобренія Чацкаго и „секретнѣйшій союзъ“, со всевозможными кружковыми знаменитостями, о которыхъ съ такимъ восторгомъ толкуетъ Репетиловъ.

Какъ человѣкъ пылкій и откровенный, Чацкій нисколько не скрываетъ своихъ взглядовъ и выражаетъ ихъ въ такой рѣзкой формѣ, что въ короткое время возстанавливаетъ противъ себя все московское общество. Пушкинъ даже находилъ непростительнымъ для умнаго человѣка, что Чацкій произноситъ свои обличительные монологи передъ лицами, которыя не желаютъ его слушать и не могутъ его понять. Но это происходитъ вовсе не отъ недостатка ума и проницательности въ Чацкомъ, а отъ излишней пылкости его характера, отъ неумѣнія сдерживаться и владѣть собою. *Отсутствіе выдержки* сказывается и въ томъ, что онъ слишкомъ быстро падаетъ духомъ и послѣ первой же неудачи восклицаетъ: „Вонъ изъ Москвы! сюда я больше не ѣздокъ“, и отправляется „искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ“. Точно такъ же и по отношенію къ Софьѣ эта пылкость характера, способность Чацкаго къ слѣпому увлеченію, ставятъ его въ странное и даже комическое положеніе: онъ словно не замѣчаетъ явной и разсчитанной холодности Софьи, не видитъ, что она всячески старается избавиться отъ его ухаживаній, обижается на него за насмѣшки надъ Молчалинымъ и сама говоритъ ему колкости,—и несмотря на все это Чацкій въ своемъ послѣднемъ монологѣ обращается къ ней еще съ упрекомъ: зачѣмъ она его „надеждой завлекала“, хотя на самомъ дѣлѣ она не подавала ему никакихъ надеждъ. — Однако всѣ эти странности и промахи Чацкаго не только не вредятъ цѣльности художественнаго впечатлѣнія, напротивъ того, придаютъ жизненность и правдивость изображенію Чацкаго; безъ нихъ фигура его напоминала бы идеальныя, но блѣдныя и безжизненныя лица „резонеровъ“ ко-

Особенности характера.

медій 18-го вѣка, представлявшихъ собой не что иное, какъ ходячую мораль; Грибоѣдовъ, какъ истинный художникъ, не впалъ въ эту ошибку, и его Чацкій вышелъ лицомъ вполнѣ живымъ, со сложнымъ характеромъ, съ рѣзкими индивидуальными и типическими чертами.

Троякое значеніе образа Чацкаго.

Художественный образъ Чацкаго, по его внутреннему значенію, можетъ быть разсматриваемъ съ трехъ точекъ зрѣнія: въ 1-хъ какъ *портретъ самого автора*; во 2-хъ, какъ *общественно-историческій типъ*, въ 3-хъ, какъ *типъ психологическій*. При такомъ порядкѣ разсмотрѣнія значеніе его все болѣе и болѣе расширяется отъ частнаго и единичнаго (въ первомъ случаѣ) до общечеловѣческаго (въ послѣднемъ).

Чацкій, какъ портретъ автора.

Въ лицѣ Чацкаго, несомнѣнно, представлены нѣкоторыя *черты личности самого Грибоѣдова*. Въ письмахъ и замѣткахъ Грибоѣдова неоднократно встрѣчаются мысли и мнѣнія, сходныя съ тѣми, которыя высказываетъ Чацкій въ своихъ монологахъ. Подобно Чацкому, Грибоѣдовъ чрезвычайно отрицательно относился къ старому московскому обществу, среди котораго чувствовалъ себя такимъ же одинокимъ, потому что общество это было совершенно чуждо тѣхъ интересовъ науки и поэзіи, которыми увлекался Грибоѣдовъ. Самъ Грибоѣдовъ мечталъ о томъ, чтобы всецѣло посвятить себя литературѣ, которую онъ, по собственному признанію „любилъ безъ памяти, страстно“,—но даже въ собственной семьѣ онъ встрѣчалъ себѣ въ этомъ отношеніи упорное противодѣйствіе: мать его съ пренебреженіемъ отзывалась о литературныхъ занятіяхъ сына и требовала, чтобы онъ служилъ и дѣлалъ себѣ карьеру. Такимъ образомъ Грибоѣдову самому пришлось испытать то, о чемъ съ такою горечью говоритъ Чацкій:

Теперь пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій,
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній,
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ,
Они тотчасъ: разбой! пожаръ!
И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ.

„Кто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно вдохновенныхъ,—восклицаетъ Грибоѣдовъ въ одномъ частномъ письмѣ,—въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ отношеніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ?... Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ!“ Въ письмахъ Грибоѣдова постоянно встрѣчаются желчныя сатирическія выходки противъ современнаго русскаго общества, живо напоминающія обличительныя рѣчи Чацкаго. „Ты жалуешся на домашнихъ своихъ казарменныхъ готентотовъ,—пишетъ одному пріятелю (Бѣгичеву); это—участь ум-

ныхъ людей, мой милый, большую часть жизни своей проводить съ дураками, а какая ихъ бездна у насъ! чуть ли не больше, чѣмъ солдатъ". Невѣжество, косность, произволъ, низкопоклонство, погоня за богатствомъ и чинами возмущали Грибоѣдова не менѣе, чѣмъ Чацкаго, и подобно послѣднему, ему не мало пришлось вытерпѣть *горя* отъ *ума*, отъ того, что по своему развитію, образованію и стремленіямъ онъ стоялъ гораздо выше тогдашняго общества.

Подобно Чацкому, Грибоѣдовъ возмущался *слѣпою подражательностью* всему иностранному, царившей въ обществѣ и связанной съ пренебреженіемъ ко всему родному. У Грибоѣдова, наоборотъ, національное чувство было сильно развито: онъ много занимался русской исторіей, интересовался народной стариною, съ симпатіей относился къ простому народу. Среди литературныхъ проектовъ Грибоѣдова сохранился планъ драмы изъ эпохи Отечественной войны: героемъ ея является ополченецъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ, совершающій подвиги храбрости, но вмѣсто всякой награды попадающій по окончаніи войны въ прежнее подневольное положеніе, терпящій обиды и притѣсненія отъ своего господина, доводящаго его наконецъ до самоубійства. Изъ этой программы можно видѣть, что самъ Грибоѣдовъ придерживался такого же отрицательнаго взгляда на крѣпостное право, какой высказывается въ горячихъ рѣчахъ Чацкаго.—Точно такъ же и нападки Чацкаго на галломанію русскаго общества, на презрительное отношеніе ко всему народному, служатъ лишь отголоскомъ взглядовъ самого Грибоѣдова, нѣсколько напоминающихъ въ этомъ отношеніи взгляды позднѣйшаго *славянофильства*. Такъ въ одной статьѣ: „Загородная поѣздка", Грибоѣдовъ, описавъ сельскій праздникъ, съ хороводами и пѣснями, замѣчаетъ: „Прислонясь къ дереву, я съ голосистыхъ пѣвцовъ невольно свелъ глаза на самихъ слушателей-наблюдателей, тотъ *поврежденный классъ полуевропейцевъ*, къ которому и я принадлежу. Имъ казалось дико все, что слышали, что видѣли: ихъ сердцамъ эти звуки невнятны, эти наряды для нихъ странны. Какимъ чернымъ волшебствомъ сдѣлались мы чужіе между своими! Финны и тунгузы скорѣе пріемлются въ наше собратство, а народъ единокровный, нашъ народъ разрозненъ съ нами, и навѣки!"

Чацкій, какъ представитель своего времени.

Съ болѣе широкой точки зрѣнія на Чацкаго можно смотрѣть, какъ на *представителя молодого поколѣнія двадцатыхъ годовъ*. Этотъ взглядъ нисколько не противорѣчитъ первому, а лишь дополняетъ его, такъ какъ и самъ Грибоѣдовъ былъ представителемъ лучшей части молодежи своего времени. Такимъ образомъ съ этой точки зрѣнія личность Чацкаго получаетъ *типическое* значеніе, а столкновеніе его съ Фамусовскимъ обществомъ означаетъ *столкновеніе двухъ поколѣній*, борьбу новыхъ идей противъ устарѣлыхъ традицій. Самъ Чацкій противополагаетъ „вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій", находитъ, что между ними громадная разница: „свѣжо

преданіе, а вѣрится съ трудомъ".—„Нѣтъ, нынче свѣтъ ужъ не таковъ", говоритъ онъ Фамусову: „вольнѣе всякій дышитъ, и не торопится вписаться въ полкъ шутовъ".—Съ начала царствованія Александра I въ Россіи довольно быстро стали распространяться либеральныя идеи, перешедшія къ намъ изъ Западной Европы. Само правительство содѣйствовало ихъ распространенію, ослабивъ строгость цензуры, отмѣнивъ многіе стѣснительные законы, заботясь о развитіи народнаго просвѣщенія (открытіе новыхъ университетовъ и гимназій, распространеніе ланкастерскихъ школъ взаимнаго обученія): вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатывались проекты широкихъ государственныхъ реформъ (Сперанскій), которыя однако были осуществлены только отчасти, такъ какъ вниманіе правительства было отвлечено почти безпрерывными войнами Наполеоновской эпохи. Всѣми этими преобразовательными планами и нововведеніями были очень недовольны приверженцы старины, и отголосокъ этого недовольства звучитъ явственно въ рѣчахъ Фамусова, Хлестовой, княгини Тугоуховской и др. Еще сильнѣе стали распространяться либеральныя идеи среди русской молодежи послѣ заграничныхъ походовъ 1813—15 гг. Въ Зап. Европѣ молодые русскіе офицеры ближе познакомились съ инымъ, болѣе свободнымъ строемъ жизни, съ новыми порядками и идеями. Возвратясь на родину, они не могли не замѣтить отсталости Россіи, сравнительно съ Зап. Европой, невѣжества и косности русскаго общества, въ сравненіи съ европейской образованностью. Отсюда — критическое отношеніе къ окружающей русской дѣйствительности, проповѣдь новыхъ взглядовъ, борьба противъ старинныхъ понятій, традицій и порядковъ. Эти либерально-настроенные, европейски-образованные молодые люди попадали среди русскаго общества въ такое же положеніе, въ какомъ очутился Чацкій среди стараго московскаго барства. Столкновеніе Чацкаго съ Фамусовскимъ міромъ является такимъ образомъ *типичнымъ эпизодомъ* въ картинѣ борьбы двухъ поколѣній, двухъ міросозерцаній. Не всегда эта борьба протекала въ одинаковыхъ условіяхъ: иногда она выражалась лишь въ пассивномъ уклоненіи отъ традиціонной жизненной колеи, какъ, наприм., у двоюроднаго брата Скалозуба, который

крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ,
Чинъ слѣдовалъ ему—онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревнѣ книги сталъ читать.

Точно такъ же и княгиня Тугоуховская жалуется на своего родственника, который

—хоть сейчасъ въ аптеку, въ подмастерья!
Чиновъ не хочетъ знать! Онъ химикъ, онъ ботаникъ—
Князь Ѳедоръ, мой племянникъ.

У другихъ протестъ противъ стараго и проповѣдь новыхъ идей выражались въ литературной дѣятельности и въ борьбѣ противъ устарѣлыхъ литературныхъ авторитетовъ и традицій (Пушкинъ,

Рылѣевъ, Бестужевъ, Полевой). Наконецъ, нѣкоторые примыкали къ различнымъ тайнымъ обществамъ, образовавшимся по образцу нѣмецкаго „Союза добродѣтели“ (Tugendbund) и имѣвшимъ первоначально цѣлью содѣйствовать правительству въ дѣлѣ распространенія образованія, раскрытія злоупотребленій и улучшенія общественныхъ нравовъ. Впослѣдствіи эти общества получили политическій характеръ; изъ ихъ среды вышли такъ-называемые „декабристы“. Грибоѣдовъ отрицательно относился къ дѣятельности тайныхъ обществъ и даже представилъ въ карикатурномъ видѣ слѣпое увлеченіе ими въ лицѣ Репетилова. Но со многими изъ декабристовъ онъ былъ близокъ (напр., съ поэтомъ кн. Одоевскимъ, и въ горячихъ рѣчахъ Чацкаго отразились взгляды и настроенія, господствовавшіе въ ихъ кругу.

Чацкій, какъ типъ общечеловѣческій.

Но фигура Чацкаго имѣетъ еще болѣе широкое значеніе. Если устранить изъ его изображенія черты индивидуальныя и черты временныя, историческія, то подъ ними обнаружатся еще болѣе глубокія и общія черты, имѣющія гораздо болѣе широкій и типическій характеръ. Чацкій не только представитель одного *опредѣленнаго, своего* поколѣнія (именно русской молодежи 20-хъ годовъ), но онъ также представитель *всякаго* новаго поколѣнія, вступающаго въ борьбу со старымъ, во имя новыхъ, болѣе высокихъ взглядовъ, въ борьбу съ рутиной, предразсудками, отсталостью. Въ этомъ и заключается неувядаемое значеніе Чацкаго, какъ *вѣчнаго* общественнаго типа. Ярче всего это значеніе образа Чацкаго, отмѣчено *Гончаровымъ* въ статьѣ *„Мильонъ терзаній“*.—„Чацкій,—говоритъ Гончаровъ,—неизбѣженъ при каждой смѣнѣ одного вѣка другимъ. Положеніе Чацкихъ на общественной лѣстницѣ разнообразно, но роль и участь все одна, отъ крупныхъ государственныхъ и политическихъ личностей, управляющихъ судьбами массъ, до скромной доли въ тѣсномъ кругу. Кромѣ крупныхъ и видныхъ личностей, при рѣзкихъ переходахъ изъ одного вѣка въ другой, Чацкіе живутъ и не переводятся въ обществѣ, повторяясь на каждомъ шагу, въ каждомъ домѣ, гдѣ подъ одной кровлей уживается старое съ молодымъ, гдѣ два вѣка сходятся лицомъ къ лицу въ тѣснотѣ семействъ,—все длится борьба свѣжаго съ отжившимъ, больного съ здоровымъ. Каждое дѣло, требующее обновленія, вызываетъ тѣнь Чацкаго, и кто бы ни были дѣятели, около какого бы человѣческаго дѣла,—будетъ ли то новая идея, шагъ въ наукѣ, въ политикѣ, въ войнѣ—ни группировались люди,—имъ никуда не уйти отъ двухъ главныхъ мотивовъ борьбы: отъ совѣта „учиться, на старшихъ глядя“, съ одной стороны, и отъ жажды стремиться отъ рутины къ „свободной жизни“, впередъ и впередъ, съ другой. Вотъ отчего не состарѣлся до сихъ пора и едва ли состарѣется когда-либо Грибоѣдовскій Чацкій, а съ нимъ и вся комедія. Въ честныхъ, горячихъ рѣчахъ этихъ позднѣйшихъ Чацкихъ будутъ вѣчно слышаться Грибоѣдовскіе мотивы и слова,—и если не слова, то мысль и тонъ раздражительныхъ монологовъ его Чацкаго“.

III. Первые опыты русскаго реальнаго романа.

(А. Измайловъ и В. Нарѣжный).

Дѣятельность Крылова и Грибоѣдова знаменуетъ собой начало самобытной русской литературы не только потому, что она въ бо̀льшей мѣрѣ, чѣмъ у предшествующихъ писателей, проникнута духомъ народности, но также и потому, что творчество ихъ отличается инымъ характеромъ содержанія. Содержаніе ихъ произведеній взято непосредственно изъ жизни, основано на живыхъ наблюденіяхъ надъ дѣйствительностью; выведенныя лица, черты быта и жизненной обстановки, все это изображено съ полнымъ реализмомъ. Одновременно съ Крыловымъ и Грибоѣдовымъ въ русской литературѣ дѣйствовали два другихъ писателя, которые хотя и не могутъ быть сравниваемы по силѣ таланта съ первыми, но тѣмъ не менѣе представляютъ для своего времени замѣчательное явленіе: это — *Измайловъ* и *Нарѣжный*, своей дѣятельностью открывшіе реализму доступъ въ новую область литературы, въ область романа. Оба они написали нѣсколько романовъ и повѣстей, принадлежащихъ къ числу такъ называемыхъ „нравоописательныхъ", т.-е. посвященныхъ изображенію нравовъ и быта разныхъ классовъ общества.

Главное произведеніе *Измайлова* (1779—1831) — романъ „Евгеній, или пагубныя слѣдствія дурного воспитанія и сообщества", вышедшій въ свѣтъ въ 1799 году. Несмотря на нѣкоторыя сатирическія преувеличенія, романъ Измайлова даетъ въ общемъ точную и вѣрную *картину русской жизни* конца XVIII вѣка, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ типовъ современнаго дворянскаго общества. Правда, сатирическая и дидактическая цѣль автора заставляетъ его односторонне выбирать предметы для своего изображенія, останавливаясь исключительно на уродливыхъ и карикатурныхъ явленіяхъ, но и въ этомъ сатирическомъ изображеніи мы знакомимся со многими *реальными* подробностями тогдашней жизни и нравовъ. Измайловъ.

Герой романа Измайлова, Евгеній Негодяевъ—сынъ уѣзднаго дворянина, бывшаго подьячаго, обогатившагося на службѣ. Пріобрѣтя деревеньку, онъ и въ ней не проводилъ времени праздно, но „казалось, жилъ единственно для услугъ рода христіанскаго: кладовая и бумажникъ его были отверсты для всякаго неимущаго, который только давалъ хорошій закладъ и хорошіе проценты. Онъ «Евгеній».

былъ также весьма богобоязливъ и, не сотворивъ крестнаго знамени, не выпивалъ ни одной рюмки водки и не писалъ ни одной челобитной". Супруга его, не имѣя большого образованія, „имѣла не малыя свѣдѣнія въ искусствѣ нарядовъ и злословія и старалась жить на знатной ногѣ". Сынъ ихъ еще до крестинъ, по установившемуся обычаю, былъ записанъ въ гвардію, и его матушка, принимая поздравленія, говорила всѣмъ съ улыбкой: у меня уже сынокъ сержантомъ гвардіи.

Воспитаніе Евгенія было сначала поручено кормилицѣ и цѣлому штату нянюшекъ и мамушекъ, а затѣмъ по рекомендаціи г-жи Розетты, „славной модной торговки", былъ нанятъ для него гувернеръ, monsieur le Pendard. Это—типъ французскихъ искателей приключеній, во множествѣ приходившихъ въ Россію и поступавшихъ воспитателями въ дворянскіе дома, типъ, хорошо извѣстный еще по сатирическимъ журналамъ Екатерининской эпохи. Педагогъ этотъ раньше служилъ въ солдатахъ и бывалъ „во многихъ сраженіяхъ, происходившихъ въ различныхъ шинкахъ". Кромѣ того, „въ знакъ геройскихъ своихъ подвиговъ имѣлъ онъ у себя на плечѣ литеру V" (первая буква слова *voleur*, служившая клеймомъ для воровъ). Будучи посаженъ на галеры (каторга), „онъ обнаружилъ желаніе путешествовать и оставилъ, наконецъ, *incognito* военную службу вмѣстѣ съ отечествомъ",—т.-е. попросту убѣжалъ, и явился въ Россію, гдѣ и сталъ учителемъ. У этого достойнаго педагога Евгеній „въ два года выучился нѣсколько лепетать по-французски и уже могъ на немъ называть въ глаза дураками всѣхъ, которые онаго не разумѣли". Но m-r le Pendard, наскучивъ педагогической дѣятельностью и увлекшись горничной г-жи Негодяевой, Дуняшей, бѣжалъ вмѣстѣ съ нею изъ гостепріимнаго дома, захвативъ съ собой „на память" шкатулку съ драгоцѣнностями. Послѣ этого Евгенія отдали въ нѣмецкій пансіонъ г. Эзельмана, гдѣ русскому языку обучалъ разъ въ недѣлю какой-то „безмѣстный студентъ, оставившій семинарію", а французскому—бывшій парикмахеръ.

Для довершенія образованія Евгеній поступилъ въ Московскій университетъ, но скоро оставилъ его, такъ какъ занятія показались ему слишкомъ скучными. Въ университетѣ онъ сблизился съ нѣкимъ Развратинымъ, человѣкомъ молодымъ, но уже много испытавшимъ. Въ лицѣ Развратина авторъ хотѣлъ, повидимому, заклеймить поверхностное вольнодумство нѣкоторыхъ доморощенныхъ вольтерьянцевъ XVIII вѣка, считавшихъ всѣ нравственныя убѣжденія пустымъ предразсудкомъ и полагавшихъ цѣль жизни въ одномъ наслажденіи. Развратинъ не лишенъ ума и дарованій и въ этомъ отношеніи стоитъ безконечно выше Евгенія, но у него совершенно нѣтъ нравственныхъ устоевъ. Всецѣло подчинивъ Евгенія своему вліянію, онъ живетъ на его счетъ и управляетъ имъ по своему произволу. Съ этимъ достойнымъ товарищемъ Евгеній въ короткое время „усовершенствовался играть на бильярдѣ и выучился въ познаніи напитковъ, а также въ обращеніи съ женщинами". Вмѣстѣ съ Развратинымъ Евгеній отправляется въ Петербургъ на службу. Ихъ со-

провождаетъ цѣлая свита, состоящая изъ камердинера, парикмахера, повара, нѣсколькихъ слугъ и даже домашняго адвоката. За ними тянется цѣлый обозъ, нагруженный разными деревенскими припасами.

Въ Петербургѣ Евгеній попадаетъ въ общество представителей „золотой молодежи“ и употребляетъ все свое время въ погонѣ за наслажденіями и за легкими побѣдами надъ сердцами столичныхъ щеголихъ и кокетокъ. Выведенныя лица очерчены у Измайлова нѣсколько карикатурно, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его изображеніи уловлено много реальныхъ типовъ дѣйствительности: таковы, напр., братья Подлянковы, изъ которыхъ старшій напоминаетъ Молчалина, а младшій представляетъ собой давно исчезнувшій типъ „домашняго піиты“, поставляющаго за сходную плату всевозможныя стихотворенія „на случай“: похвальныя оды, эпитафіи, мадригалы, поздравленія и т. д.

Въ Петербургѣ Евгеній переживаетъ цѣлый рядъ приключеній, которыя оканчиваются для него благополучно лишь благодаря находчивости Развратина. Но такъ какъ дидактическая тенденція автора требовала, чтобы порокъ былъ непремѣнно наказанъ, то въ концѣ романа Евгеній разоряется, попадаетъ въ тюрьму и умираетъ тамъ отъ горячки. Точно такъ же печально оканчиваютъ свое существованіе и другія выведенныя лица.

Несмотря на многія слабыя стороны, на явныя преувеличенія и натяжки, романъ Измайлова все же имѣетъ существенное значеніе въ качествѣ первой попытки реальнаго изображенія русской жизни въ повѣствовательной формѣ. При своемъ появленіи онъ однако не имѣлъ успѣха у критики и публики, такъ какъ слишкомъ противорѣчилъ своимъ грубоватымъ реализмомъ господствовавшему въ обществѣ сентиментальному направленію [1]).

Другой романистъ начала XIX стол.—*Нарѣжный* (1780—1825), малороссъ по происхожденію. Изъ его произведеній наиболѣе замѣчательны романы: „Россійскій Жилблазъ, или похожденія князя Гаврилы Симоновича Чистякова“ (1814), „Бурсакъ“ (1824) и „Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ“. Романы эти отличаются крайне сложной и запутанной интригой, массой „приключеній“, иногда маловѣроятныхъ; въ нихъ много натяжекъ и несообразностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ много Нарѣжный.

---

[1]) Гораздо большую извѣстность пріобрѣлъ Измайловъ своими *баснями* Басни его не отличаются такими художественными достоинствами, какъ басни Крылова, но онѣ носятъ на себѣ несомнѣнный «отпечатокъ національной простонародности», по выраженію Бѣлинскаго: въ нихъ онъ остается такимъ же сатирикомъ, какъ и въ своемъ романѣ. Излюбленные герои его басенъ: отставные квартальные, пронырливые мастеровые, пьяные мужики и бабы; поэтому басни Измайлова отличаются нѣкоторой грубоватостью, такъ что кн. Вяземскій весьма мѣтко выразился о немъ, сказавъ: „Измайловъ, это—подгулявшій Крыловъ“.

тонкой наблюдательности и яркаго реализма въ изображеніи бытовыхъ чертъ жизни, нравовъ и обстановки, а въ описаніяхъ и характеристикахъ много неподдѣльнаго юмора и остроумія, хотя подчасъ довольно грубаго. Бѣлинскій считалъ Нарѣжнаго „человѣкомъ съ замѣчательнымъ и оригинальнымъ талантомъ“ и называлъ его „родоначальникомъ русскихъ романистовъ“. Но неблагопріятныя условія жизни не позволили вполнѣ развиться таланту Нарѣжнаго; поэтому его произведеніямъ недостаетъ художественной цѣльности. Нѣкоторыми сторонами своего творчества онъ опередилъ свое время (какъ реалистъ-нравоописатель), другими же сторонами онъ еще всецѣло принадлежитъ XVIII вѣку, съ его запутанными и невѣроятными „романами съ приключеніями“. Этой двойственностью въ характерѣ произведеній Нарѣжнаго объясняется отчасти тотъ странный фактъ, что, несмотря на свое несомнѣнное дарованіе, онъ не имѣлъ успѣха у современниковъ и не оказалъ никакого существеннаго вліянія на направленіе современной литературы.

Россійскій Жилблазъ.

„*Россійскій Жилблазъ*“ представляетъ собой подражаніе знаменитому роману французскаго писателя Лесажа (Histoire de Gil Blas“, 1715—1735). Героемъ его является обѣднѣвшій князь Гаврила Чистяковъ. Подобно Лесажу, Нарѣжный заставляетъ его переживать всевозможныя приключенія, вступать въ сношенія съ людьми различнаго званія и общественнаго положенія, при чемъ выводитъ цѣлую галлерею разнообразныхъ типовъ, взятыхъ непосредственно изъ русской жизни. Здѣсь есть уѣздные и столичные дворяне, купцы, актеры, ямщики, масоны, есть доморощенный философъ, ведущій жизнь Діогена, есть и рьяный поклонникъ славянскаго языка, сторонникъ Шишкова. Нѣкоторыя изъ выведенныхъ лицъ изображены нѣсколько карикатурно, но многое въ нихъ очень тонко подмѣчено. Самое дѣйствіе романа отличается крайней сложностью и запутанностью. Послѣднія части романа были запрещены цензурой, отчасти за слишкомъ рѣзкое сатирическое изображеніе русской жизни, отчасти за нападки автора на масонство, которое въ эту эпоху пользовалось большимъ значеніемъ и покровительствомъ властей.

Бурсакъ.

Другой романъ Нарѣжнаго „*Бурсакъ*“—полубытовой, полуисторическій. Дѣйствіе его происходитъ въ Малороссіи, въ 17-мъ вѣкѣ. Какъ и въ „Рос. Жилблазѣ“, интрига романа отличается чрезвычайной запутанностью. Герой его—пріемышъ сельскаго дьячка Варуха, оказывающійся впослѣдствіи роднымъ внукомъ самого гетмана. Лучшія мѣста романа—тѣ, которыя посвящены изображенію стараго малороссійскаго быта, хорошо знакомаго автору. Таково, напр., описаніе гетманскаго двора въ Батуринѣ, и въ особенности—

великолѣпное изображеніе нравовъ и обычаевъ старой *бурсы*, съ ея кодексомъ неписанныхъ, но строго соблюдаемыхъ законовъ, съ ея консулами, ликторами, философами и риторами, съ ночными набѣгами на сосѣдніе огороды, съ ея товарищескимъ судомъ и товарищескими пирушками и хожденіемъ по городскимъ домамъ съ пѣніемъ церковныхъ пѣсенъ, за что бурсаки награждались деньгами или разной провизіей. Описываетъ также Нарѣжный господствовавшую въ бурсѣ систему обученія, состоявшую въ безсмысленномъ зубреніи, и систему тѣлесныхъ наказаній, состоявшихъ въ сѣченіи розгами и употреблявшихся не только для исправленія нерадивыхъ, но также для поощренія прилежныхъ и пріученія ихъ „къ кротости и терпѣнію". Описаніе бурсацкой жизни и быта отличается такою полнотою и яркостью, что мы можемъ предполагать, что самъ авторъ учился въ бурсѣ, хотя въ біографіи его объ этомъ не сохранилось извѣстія. Впослѣдствіи Гоголь пользовался романомъ Нарѣжнаго при описаніи бурсы въ своей повѣсти „Вій".

Два Ивана.

Еще больше *бытовыхъ* элементовъ, чѣмъ въ „Бурсакѣ", заключается въ послѣднемъ романѣ Нарѣжнаго *„Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ"*. Дѣйствіе романа, происходящаго также въ Малороссіи, гораздо проще и естественнѣе, менѣе загромождено романическими приключеніями, чѣмъ въ предшествующихъ произведеніяхъ Нарѣжнаго. Оно основано на страсти къ тяжбамъ, на сутяжничествѣ, которымъ одержимы герои романа „два Ивана", деревенскіе дворяне. Изъ-за пустого повода, изъ-за мелочного самолюбія, они вступаютъ въ споръ со своимъ сосѣдомъ, паномъ Занозой, начинаютъ продолжительную тяжбу, при чемъ каждая сторона взводитъ на другую всевозможныя обвиненія и старается причинить какъ можно болѣе вреда: перенося дѣло изъ одного суда въ другой, то подкупая судей и стряпчихъ, то вступая съ ними въ пререканія, обѣ тяжущіяся стороны доходятъ почти до полнаго разоренія, но изъ упрямства ни за что не хотятъ прекратить тяжбу и примириться. Все это даетъ Нарѣжному отличный поводъ изобразить во всей полнотѣ непривлекательную картину судебныхъ порядковъ въ старыхъ малороссійскихъ судахъ, съ ихъ волокитой, взяточничествомъ и крючкотворствомъ. Этотъ романъ также не остался безъ вліянія на Гоголя, который воспользовался его сюжетомъ для своей „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ".

Глава IV-я.

Пушкинъ.

Значеніе Пушкина въ русской литературѣ.

Писатели начала XIX вѣка еще въ значительной степени находились подъ вліяніемъ западно-европейскихъ литературныхъ образцовъ, ихъ творчество еще носило характеръ подражательности. Крыловъ и Грибоѣдовъ представляютъ въ этомъ отношеніи лишь исключеніе. Но только въ лицѣ *Пушкина* русская литература выходитъ наконецъ на самостоятельную дорогу, достигаетъ *художественной зрѣлости* и *національной самобытности*.

Нельзя однако думать, что эта самобытность творчества сразу далась Пушкину; напротивъ того, на его произведеніяхъ, особенно раннихъ, нерѣдко отражаются различныя постороннія вліянія, русскія и иностранныя. Бѣлинскій сравнивалъ въ этомъ отношеніи Пушкина съ большой рѣкою, принимающею въ себя много притоковъ, воды которыхъ растворяются въ могучемъ теченіи рѣки. Но если, съ одной стороны, Пушкинъ воспринялъ въ себя многіе элементы изъ предшествующаго литературнаго развитія, — то, съ другой стороны, творчество его, въ свою очередь, становится источникомъ новаго движенія въ литературѣ: въ его произведеніяхъ намѣчено большинство тѣхъ элементовъ, развитіе которыхъ составляетъ содержаніе дальнѣйшей исторіи русской литературы. Такое значеніе Пушкинскаго творчества объясняется не только его художественными достоинствами, но еще болѣе его *общимъ духомъ*: Пушкинъ—нашъ первый *національный поэтъ*, выразитель въ литературѣ *русскаго національнаго психическаго склада*, типичный представитель русскаго народнаго характера, съ его наиболѣе яркими особенностями. „Самая сущность, всѣ свойства его поэзіи, — гово-

рилъ Тургеневъ въ своей рѣчи о Пушкинѣ,—совпадаютъ со свойствами, сущностью нашего народа. Не говоря уже о мужественной прелести, силѣ и ясности его языка, — эта прямодушная правда, отсутствіе лжи и фразы, простота, эта откровенность и честность ощущеній—всѣ эти хорошія черты хорошихъ русскихъ людей поражаютъ въ твореніяхъ Пушкина не однихъ насъ, его соотечественниковъ, но и тѣхъ изъ иноземцевъ, которымъ онъ сталъ доступенъ".

Біографія Пушкина.

Первый періодъ жизни Пушкина (1799—1820).

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился 26-го мая 1799 года въ Москвѣ. Онъ происходилъ изъ древняго дворянскаго рода Пушкиныхъ, имя которыхъ довольно часто встрѣчается въ русской исторіи. Мать его была родной внучкой извѣстнаго „арапа Петра Великаго"—Абрама Ганнибала; африканское происхожденіе отразилось какъ во внѣшности, такъ и въ характерѣ Пушкина, въ его кипучемъ, страстномъ темпераментѣ, способномъ ко всякому увлеченію. Отецъ Пушкина былъ человѣкъ, воспитанный на французскихъ классикахъ XVII вѣка, знавшій наизусть почти всего Мольера и самъ писавшій недурные французскіе стихи; въ обществѣ онъ былъ извѣстенъ своимъ блестящимъ остроуміемъ. По своему характеру это былъ человѣкъ довольно легкомысленный и болѣе всего любившій свѣтскія удовольствія, точно такъ же, какъ и его супруга. Происхожденіе и семейная обстановка.

Естественно, что при такомъ характерѣ родителей не могло быть и рѣчи о правильномъ воспитаніи сына. Оно было поручено наемнымъ гувернерамъ и гувернанткамъ, большей частью французскимъ, которые притомъ весьма часто смѣнялись. Преподаваніе велось на французскомъ языкѣ по всѣмъ предметамъ, кромѣ Закона Божьяго, такъ что французскій языкъ сталъ для Пушкина какъ бы роднымъ. Единственной его связью съ русской народной жизнью была его бабушка (Марья Алексѣевна Ганнибалъ), да няня поэта Арина Родіоновна, къ которой онъ всю жизнь относился съ трогательной любовью и которую прославилъ въ своихъ произведеніяхъ. Бабушка Марья Алексѣевна была первой учи- Воспитаніе.

тельницей русскаго языка будущаго великаго поэта. Въ ея имѣньи, подмосковномъ селѣ Захаровѣ, семья Пушкиныхъ проводила обыкновенно лѣто. Она такъ же, какъ и няня Арина Родіоновна, разсказывала ребенку русскія народныя сказки, историческія и семейныя преданія, и такимъ образомъ эти двѣ женщины вносили національный элементъ во французское воспитаніе будущаго поэта.

Характеръ въ дѣтствѣ.

Пушкинъ росъ лѣнивымъ, флегматичнымъ и неповоротливымъ ребенкомъ, къ великому прискорбію его матери, не видѣвшей въ немъ никакихъ блестящихъ задатковъ. Онъ чуждался общества другихъ дѣтей и скучалъ среди ихъ шумныхъ игръ. Зато онъ очень рано пристрастился къ чтенію и цѣлые дни проводилъ въ библіотекѣ своего отца, гдѣ читалъ безъ разбору все, что попадало ему подъ руку. Библіотека Сергѣя Львовича состояла преимущественно изъ французскихъ классическихъ писателей XVII-го и французскихъ энциклопедистовъ и эротическихъ поэтовъ XVIII-го вѣка; чтеніе это было такимъ образомъ вовсе не по возрасту любознательнаго мальчика; тѣмъ не менѣе оно значительно способствовало его раннему умственному развитію и пробужденію въ немъ литературныхъ вкусовъ.

Первыя литературныя впечатлѣнія.

Другимъ условіемъ, способствовавшимъ его развитію, было то обстоятельство, что въ домѣ отца его часто собирались лучшіе русскіе писатели того времени: Карамзинъ, Батюшковъ, Жуковскій, Дмитріевъ и др. Мальчикъ прислушивался къ ихъ разговорамъ и такимъ образомъ рано проникался литературными интересами. Кромѣ того, родной его дядя, Василій Львовичъ Пушкинъ, самъ былъ довольно извѣстнымъ писателемъ. Неудивительно поэтому, что Пушкинъ очень рано сталъ пробовать свои силы въ литературѣ; первыя его попытки творчества были сдѣланы на французскомъ языкѣ, при чемъ образцами для подражанія служили ему произведенія Мольера и Вольтера. Отъ этихъ первыхъ опытовъ сохранились лишь небольшіе отрывки.

Лицей.

Когда Пушкину исполнилось 12 лѣтъ, родители рѣшились отдать его для продолженія образованія въ какое-либо учебное заведеніе. Какъ-разъ въ это время былъ основанъ Царскосельскій Лицей, и въ числѣ 30 воспитанниковъ былъ принятъ и Пушкинъ.

Лицей былъ основанъ, какъ сказано въ его уставѣ, для того, чтобы подготовлять молодыхъ людей изъ лучшихъ дворянскихъ семей къ государственной службѣ, „для занятія высшихъ государственныхъ должностей“. Первоначально императоръ Александръ предполагалъ помѣстить въ Лицей своихъ младшихъ братьевъ, Николая и Михаила Павловичей, для совмѣстнаго обученія съ ихъ сверстниками, но планъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Въ виду такой высокой задачи, которая ставилась Лицею, были приняты всѣ мѣры, чтобы сдѣлать изъ него образцовое учебное заведеніе. Для преподаванія были приглашены лучшіе педагоги, Лицей былъ богато снабженъ воспитательными пособіями, подъ помѣщеніе его былъ отведенъ одинъ изъ флигелей Царскосельскаго дворца, жизнь лицеистовъ была обставлена всевозможными удобствами,— напр., каждый изъ нихъ имѣлъ собственную комнату, въ ихъ пользованіе были предоставлены громадные Царскосельскіе сады и т. д. Торжественное открытіе Лицея состоялось 19 октября 1811 года, въ присутствіи Государя и всего двора. Впослѣдствіи въ этотъ день праздновалась бывшими воспитанниками лицейская годовщина; Пушкинъ посвятилъ этимъ годовщинамъ нѣсколько прочувствованныхъ стихотвореній.

Но были въ организаціи Лицея также и многіе недостатки. Главный изъ нихъ заключался въ томъ, что преподаваніе въ немъ не было приноровлено къ возрасту и пониманію воспитанниковъ: въ теченіе шести лѣтъ нужно было пройти не только общій курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, но и усвоить нѣкоторыя юридическія и общественныя науки для того, чтобы воспитанникамъ можно было сразу поступить на службу. Предметы преподаванія были многочисленны и разнообразны: поэтому не было времени для ихъ основательнаго усвоенія, и большинство воспитанниковъ выносили изъ Лицея однѣ верхушки знаній, выходили безъ прочнаго образованія. Кромѣ того, надзоръ за воспитанниками былъ довольно слабъ, и они часто злоупотребляли предоставленной имъ свободой, убѣгая отъ уроковъ въ Царскосельскіе сады. Пушкинъ впослѣдствіи самъ сознавалъ недостаточность полученнаго образованія: „мы всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь“, говоритъ онъ въ *Евгеніи Онѣгинѣ*, имѣя въ виду, конечно, свое собственное лицейское воспитаніе. Только упорнымъ трудомъ и чтеніемъ удалось Пушкину впослѣдствіи пополнить пробѣлы своего образованія.

Одной изъ особенностей Лицея было литературное направленіе его воспитанниковъ. Они издавали рукописные журналы, слѣдили за новостями современной русской литературы и обсуждали ихъ въ товарищескихъ бесѣдахъ. Однимъ изъ любимѣйшихъ времяпрепровожденій лицеистовъ было сочиненіе сказокъ, при чемъ одинъ разсказывалъ начало, другой развивалъ продолженіе, третій придумывалъ конецъ. Въ этихъ упражненіяхъ особенно отличался остроуміемъ и

полетомъ фантазіи одинъ изъ любимѣйшихъ товарищей Пушкина, баронъ Дельвигъ.

Лицейскія стихотворенія.

За время пребыванія въ Лицеѣ Пушкинъ написалъ довольно много стихотвореній, которымъ придается общее названіе *Лицейскихъ*. Стихотворенія эти не отличаются самостоятельностью и представляютъ собой подражанія различнымъ русскимъ и иностраннымъ поэтамъ. Изъ числа послѣднихъ на Пушкина наибольшее вліяніе имѣли *Вольтеръ* и *Парни*; вліяніе это сказалось преимущественно въ легкихъ стихотвореніяхъ, проникнутыхъ *эпикурейскимъ* духомъ и воспѣвающихъ забавы юности и наслажденія жизни. Изъ русскихъ поэтовъ главнымъ образомъ на Пушкина оказали вліяніе *Жуковскій* и *Батюшковъ*. Вліяніе Батюшкова обнаруживается преимущественно на внѣшней формѣ Пушкинскихъ стихотвореній. Что касается до Жуковскаго, то, въ подражаніе ему, Пушкинъ написалъ цѣлый рядъ *элегій*, въ которыхъ говорилъ о своемъ „увядшемъ сердцѣ", о слезахъ и страданіяхъ; о томъ, что „печали молчаливой — рука лежитъ надъ юною главой", приглашалъ забыть его, оставить „пустынямъ и слезамъ". Всѣ эти чувства, конечно, вовсе не соотвѣтствовали его настоящему настроенію, и, сочиняя свои меланхолическія элегіи, Пушкинъ только отдавалъ дань литературному вкусу эпохи.

Ихъ подражательный характеръ.

Среди раннихъ стихотвореній Пушкина интересенъ между прочимъ его „*Городокъ*" (1814 г.), потому что въ немъ отражаются литературные интересы и симпатіи молодого поэта. Пушкинъ перечисляетъ здѣсь своихъ любимыхъ писателей, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ *Вольтеръ*, „поэтъ въ поэтахъ первый". Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ писателей, при чемъ каждому изъ нихъ Пушкинъ даетъ краткую характеристику (Вергилій, Тассъ, Лафонтенъ, Горацій, Державинъ, Парни, Мольеръ, Руссо, Батюшковъ, Крыловъ и др.). Уже одно перечисленіе этихъ именъ указываетъ на разнообразіе чтенія молодого поэта и на обширное знакомство съ литературой.

Въ 1814 году въ журналѣ „Вѣстникъ Европы" было напечатано первое стихотвореніе Пушкина — *Къ другу стихотворцу*. Въ январѣ 1815 года, на экзаменѣ при переходѣ на старшій курсъ, Пушкинъ, въ присутствіи Державина, читалъ свое стихотвореніе: *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*, которое

настолько растрогало маститаго поэта, что онъ со слезами на глазахъ обнялъ и поцѣловалъ Пушкина.

Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ,
И, въ гробъ сходя, благословилъ,—

вспоминалъ впослѣдствіи Пушкинъ по этому поводу. Другіе современные писатели, какъ Жуковскій, Батюшковъ, кн. Вяземскій [1]), также сочувственно отнеслись къ начинающему поэту и, несмотря на разницу лѣтъ, Пушкинъ, еще будучи въ Лицеѣ, завязалъ съ ними дружескія сношенія. Благодаря этимъ связямъ и природнымъ склонностямъ, Пушкинъ сознательно примкнулъ къ *новому направленію* въ русской литературѣ, крупнѣйшими представителями котораго были въ то время Карамзинъ и Жуковскій. Его литературныя симпатіи ясно видны въ его посланіи *къ Жуковскому* (1817 г.), въ которомъ онъ подвергалъ осмѣянію представителей стараго классицизма, группировавшихся вокругъ „Бесѣды любителей россійскаго слова". Поэтому тотчасъ послѣ выхода Пушкина изъ Лицея онъ былъ принятъ въ число членовъ „Арзамаса", но присутствовалъ только на одномъ собраніи его, такъ какъ это общество вскорѣ прекратило свое существованіе. Литературныя отношенія.

Характеръ Пушкина ко времени его поступленія въ Лицей измѣнился до неузнаваемости. На сколько въ раннемъ дѣтствѣ онъ былъ вялъ и неподвиженъ, на столько боекъ, рѣзвъ и неусидчивъ сталъ онъ въ лѣта отрочества. Эти свойства даже мѣшали ему заниматься науками, и поэтому онъ, несмотря на блестящія природныя способности, учился въ Лицеѣ довольно посредственно и кончилъ курсъ по 2-му разряду. Зато онъ съ увлеченіемъ предавался играмъ въ обширныхъ Царскосельскихъ садахъ и всевозможнымъ шалостямъ, вплоть до небольшихъ товарищескихъ попоекъ, устраи-

---

[1]) Князь П. А. Вяземскій (1792 — 1878) — плодовитый и остроумный поэтъ и критикъ. Онъ оставилъ послѣ себя значительное количество стихотвореній, не отличающихся особенными поэтическими достоинствами, но написанныхъ легкимъ, изящнымъ языкомъ. Его критическія статьи обнаруживаютъ тонкій вкусъ и хорошее знакомство съ русской и иностранной литературой. Хотя онъ самъ былъ воспитанъ преимущественно на французскихъ классикахъ XVII—XVIII вѣка, однако онъ одинъ изъ первыхъ выступилъ въ Россіи на защиту новаго романтическаго направленія. Наиболѣе крупнымъ трудомъ его является біографія Фонвизина, которая до сихъ поръ остается лучшимъ сочиненіемъ объ этомъ писателѣ. Весьма интересны также литературныя воспоминанія кн. Вяземскаго о различныхъ писателяхъ первой половины XIX вѣка, съ которыми онъ былъ близокъ (о Пушкинѣ, Жуковскомъ, Крыловѣ и др.).

ваемыхъ съ помощью подкупленной прислуги; объ одной изъ нихъ онъ вспоминаетъ въ стихотвореніи *Пирующіе студенты* (1814 г.) и въ *Посланіи къ Галичу* (1815 г.).

Товарищество.

Отношенія Пушкина къ большинству товарищей были самыя лучшія. Его открытый нравъ, веселость, добродушіе, остроуміе невольно привлекали къ нему сердца товарищей. Ближайшими его друзьями были: Пущинъ, его сосѣдъ по занимаемой комнатѣ, и баронъ Дельвигъ, съ которымъ сблизила его общая любовь къ литературѣ. Вообще лицеисты жили очень дружно. Установленію между ними близкихъ и братскихъ отношеній способствовало еще и то обстоятельство, что Лицей былъ строго закрытымъ учебнымъ заведеніемъ и въ теченіе всѣхъ шести лѣтъ воспитанниковъ не отпускали никуда, ни на праздники, ни на каникулы: они могли посѣщать лишь родныхъ и знакомыхъ, жившихъ въ Царскомъ Селѣ. Для Пушкина, отношенія котораго къ родителямъ были довольно холодныя, Лицей какъ бы замѣнилъ семью.

Значеніе Лицея для Пушкина.

Лицейская жизнь дала возможность открыться лучшимъ сторонамъ натуры Пушкина: чувству дружбы, великодушію, сердечной отзывчивости, общительности. Пушкинъ прославилъ своихъ школьныхъ друзей въ цѣломъ рядѣ произведеній, и они въ свою очередь платили ему неизмѣнной привязанностью. Въ стихотвореніи „*Разлука*“, написанномъ передъ выпускомъ изъ Лицея, Пушкинъ называетъ своихъ товарищей „святымъ братствомъ“, и онъ дѣйствительно всю жизнь питалъ къ нимъ истинно братскія чувства, которыми проникнуты всѣ его стихотворенія, посвященныя *лицейскимъ годовщинамъ*. Въ одномъ изъ нихъ (19 октября 1825 г.) онъ говоритъ:

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ—
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ
Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастіе куда бъ ни привело,
Все тѣ же мы; намъ цѣлый міръ чужбина,
Отечество намъ Царское Село.

Въ этихъ выраженіяхъ, конечно, есть нѣкоторая доля преувеличенія, но самыя чувства глубоки, искренни; Пушкинъ, дѣйствительно, всегда оставался вѣренъ „прекрасному союзу“, заключенному въ годы отрочества, и впослѣдствіи съ трогательной любовью вспоминалъ о времени, проведенномъ въ Лицеѣ, и о своихъ школьныхъ товарищахъ. Въ тяжелыя минуты жизни онъ въ этихъ воспоминаніяхъ почерпалъ утѣшеніе и бодрость, какъ это видно, напр., изъ

стихотворенія „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ (1829 г.), гдѣ онъ сравнивалъ себя съ блуднымъ сыномъ, возвращающимся съ раскаяніемъ въ родную обитель.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что изъ Лицея Пушкинъ вынесъ мало положительныхъ знаній, Лицей все-таки имѣлъ большое значеніе въ его жизни: онъ замѣнилъ ему семью, которой съ дѣтства Пушкинъ былъ лишенъ, онъ далъ пищу его природной общительности и любви къ людямъ, которая выразилась въ его горячей привязанности къ лицейскимъ товарищамъ, и, наконецъ, онъ поддержалъ и укрѣпилъ въ Пушкинѣ его интересъ къ литературнымъ занятіямъ и способствовалъ раннему развитію его таланта.

Петербургская жизнь.

Лѣтомъ въ 1817 года состоялся первый выпускъ воспитанниковъ Лицея. Пушкинъ окончилъ курсъ съ довольно посредственнымъ аттестатомъ. Нѣкоторое время онъ колебался относительно дальнѣйшей карьеры и даже думалъ поступить па военную службу, но друзья отговорили его, и Пушкинъ опредѣлился чиновникомъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Вскорѣ послѣ своего опредѣленія на службу Пушкинъ взялъ отпускъ и уѣхалъ въ село Михайловское, имѣнье его отца (Псковской губ.), гдѣ и провелъ на свободѣ нѣсколько недѣль. Послѣ возвращенія въ Петербургъ Пушкинъ со всей страстностью своей натуры отдался удовольствіямъ свѣтской жизни и кипучему разгулу въ кругу молодежи. Невоздержанная жизнь, которую онъ велъ въ это время, повлекла за собой истощеніе организма, и онъ два раза былъ при смерти боленъ горячкой. Старшіе друзья его, какъ Карамзинъ и Жуковскій, съ грустью смотрѣли, какъ молодой поэтъ губитъ свои силы и теряетъ время въ дикихъ кутежахъ, и тщетно старались остановить его. Свой тогдашній образъ жизни Пушкинъ описалъ впослѣдствіи въ первой главѣ *Евгенія Онѣгина*, которая вообще имѣетъ большое автобіографическое значеніе.

Однако, эта безпорядочная жизнь не могла заполнить собой всего его существованія, не могла его вполнѣ удовлетворить. Пушкинъ не прерывалъ сношеній съ своими прежними литературными друзьями и завязалъ нѣкоторыя новыя отношенія, напр., съ Чаадаевымъ и Катенинымъ.

Знакомство съ Чаадаевымъ.

Съ Чаадаевымъ Пушкинъ познакомился еще въ бытность свою въ Лицеѣ, такъ какъ въ это время гусарскій полкъ, въ которомъ служилъ Чаадаевъ, стоялъ въ Царскомъ Селѣ. Чаадаевъ принадлежалъ къ числу наиболѣе образованныхъ русскихъ людей своего времени. Онъ отличался рѣзкимъ и глубокимъ умомъ и блестящимъ

остроуміемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ склонность къ парадоксальнымъ сужденіямъ и не обладалъ достаточной силой характера и способностью къ постоянному и упорному труду. Вотъ почему онъ, при всѣхъ своихъ дарованіяхъ не оставилъ послѣ себя прочныхъ слѣдовъ въ русской жизни и литературѣ. Впослѣдствіи Пушкинъ совершенно разошелся со нимъ во взглядахъ, хотя и продолжалъ уважать его, какъ человѣка.

Чаадаевъ имѣлъ значительное вліяніе на развитіе Пушкина. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ гвардейскихъ офицеровъ, которые, возвратившись изъ заграничнато похода, прониклись вынесенными изъ Западной Европы либеральными взглядами и недовольствомъ современнымъ положеніемъ дѣлъ. Послѣ Вѣнскаго конгресса въ Западной Европѣ наступилъ періодъ такъ называемой реакціи, цѣлью которой было подавить современное общественное движеніе, вызванное идеями французской революціи. Главнымъ представителемъ этой реакціи былъ австрійскій канцлеръ Меттернихъ. Ему удалось оказать вліяніе и на императора Александра I, который въ началѣ царствованія самъ былъ проникнутъ либеральными идеями и старался провести ихъ въ русскую жизнь (упорядоченіе центральной администраціи, заботы о просвѣщеніи и пр.). Меттерниховская система вызвала противъ себя на Западѣ всеобщее недовольство образованныхъ классовъ, особенно молодежи. Появился цѣлый рядъ тайныхъ политическихъ обществъ, между которыми особенное значеніе имѣлъ нѣмецкій Тугендбундъ и итальянское общество карбонаріевъ. Либеральныя идеи, которыми были проникнуты эти общества, были усвоены и значительной частью русской военной молодежи во время пребыванія гвардіи за границей.

Политическія увлеченія.

Вращаясь въ кругахъ гвардейскихъ офицеровъ, Пушкинъ самъ увлекся господствовавшими среди нихъ либеральными идеями. Однако онъ не вступилъ въ число членовъ тайныхъ обществъ, хотя среди нихъ были и его ближайшіе друзья, какъ, напр., Пущинъ. Изъ этихъ кружковъ вышло большинство декабристовъ. Судьба сохранила Пушкина отъ печальной участи, постигшей многихъ изъ его друзей.

Либеральныя идеи, которыми проникся Пушкинъ въ эту эпоху жизни, нашли свое выраженіе въ стихотвореніи *Деревня* (1819 г.). Оно начинается съ картины мирнаго деревенскаго уголка, въ которой изображены черты села Михайловскаго; затѣмъ поэтъ предается мечтаніямъ о тихой жизни на лонѣ природы, о жизни, полной мирнаго умственнаго труда:

Деревня.

Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!
Въ уединеньи величавомъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ:

Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.

Но это свѣтлое настроеніе нарушается мыслью о тяжеломъ положеніи народа подъ властью крѣпостного права. Мысль эта невольно омрачаетъ душу поэта, и онъ рисуетъ печальную картину деревенской жизни, гдѣ повсюду бросается въ глаза „невѣжества губительный позоръ", гдѣ „барство дикое, безъ чувства, безъ закона,—присвоило себѣ насильственной лозой,—и трудъ, и собственность, и время земледѣльца", гдѣ „рабство тощее, склонясь на чуждый плугъ, тащится по браздамъ неумолимаго владѣльца". Чувствуя всю ненормальность такихъ отношеній, поэтъ предвидитъ только одинъ выходъ изъ нихъ,—именно, уничтоженіе крѣпостного права, и оканчиваетъ свое стихотвореніе вопросомъ:

Увижу ли, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?

Пушкину не удалось дожить до того момента, когда совершилось предсказанное имъ событіе и крѣпостное право дѣйствительно пало „по манію царя"; но Пушкинъ до конца жизни оставался убѣжденнымъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ и въ этомъ отношеніи не измѣнилъ своимъ юношескимъ убѣжденіямъ. Есть извѣстіе, что императоръ Александръ, когда ему было доложено объ этихъ стихахъ Пушкина, приказалъ выразить свою благодарность молодому поэту за добрыя чувства, которыми проникнуто его стихотвореніе.

Еще будучи въ Лицеѣ Пушкинъ началъ писать свою первую поэму: *Русланъ и Людмила.* Онъ работалъ надъ нею болѣе трехъ лѣтъ, большею частью урывками, среди развлеченій и разгула, которымъ онъ предавался въ эту эпоху жизни. Его юношеское, жизнерадостное настроеніе отразилось на легкомъ, полушутливомъ тонѣ поэмы. По мѣрѣ того какъ она подвигалась впередъ, онъ читалъ написанное своимъ литературнымъ друзьямъ, Жуковскому, кн. Вяземскому и др., и встрѣчалъ съ ихъ стороны полное одобреніе. Когда же поэма была окончена, то Жуковскій подарилъ ему свой портретъ съ надписью: „ученику-побѣдителю отъ побѣжденнаго учителя". Русланъ и Людмила.

Высылка изъ Петербурга.

Поэма уже печаталась и должна была скоро выйти въ свѣтъ, какъ надъ Пушкинымъ разразилась неожиданная гроза. Его вольнодумныя стихотворенія, особенно ода *Вольность*, и *эпиграммы* на нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ, напр., на Аракчеева, возбудили неудовольствіе правительства, и Пушкину грозила ссылка въ Сибирь или въ Соловецкій монастырь, если бы за него не вступились его покровители Карамзинъ и Жуковскій, а также и директоръ Лицея Энгельгардтъ, которые достигли того, что наказаніе было значительно смягчено и Пушкинъ былъ только высланъ изъ Петербурга и отправленъ на службу въ Екатеринославъ, гдѣ онъ былъ причисленъ къ канцеляріи генерала Инзова, управлявшаго колонистами въ южно-русскихъ областяхъ. Такимъ образомъ собравшаяся надъ Пушкинымъ гроза прошла надъ нимъ довольно благополучно.

2. Второй періодъ: жизнь на югѣ (1820—1824).

5 мая 1820 года Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга на мѣсто своей новой службы. Вскорѣ послѣ его отъѣзда вышла въ свѣтъ его поэма, встрѣтившая весьма восторженный пріемъ со стороны его литературныхъ друзей и вообще всей читающей публики. Съ этого времени слава его, какъ „пѣвца Людмилы и Руслана“, была окончательно упрочена. Напротивъ того, современная критика, воспитанная на псевдо-классическихъ традиціяхъ, встрѣтила это произведеніе очень недружелюбно и особенно осуждала автора за выборъ народно-сказочнаго сюжета. Но толки, возбужденные *Русланомъ и Людмилой*, почти не доходили до Пушкина, такъ какъ онъ въ эту пору почти все время находился въ переѣздахъ.

Екатеринославъ.

Пушкинъ провелъ въ Екатеринославѣ только двѣ недѣли. Купаясь въ Днѣпрѣ, онъ сильно простудился и слегъ въ постель въ горячкѣ, оставшись почти безъ всякой помощи въ чужомъ городѣ. Но, къ счастью, въ это время черезъ Екатеринославъ проѣзжалъ, по пути на Кавказъ, одинъ изъ героевъ Отечественной войны, генералъ Раевскій, со своей семьей; съ сыномъ Раевскаго Пушкинъ былъ знакомъ еще въ Ц. Селѣ, и теперь тотъ отыскалъ поэта и принялъ горячее участіе въ его безпомощномъ положеніи. По просьбѣ Раевскаго, Инзовъ разрѣшилъ Пушкину отправиться вмѣстѣ

съ нимъ лѣчиться на Кавказъ. Путешествіе возвратило Пушкину здоровье. Два мѣсяца провелъ Пушкинъ на Кавказскихъ водахъ вмѣстѣ съ Раевскими. Кавказская природа и полудикая обстановка жизни произвели на поэта сильное впечатлѣніе, которое отразилось въ его новой поэмѣ: „Кавказскій Плѣнникъ“.

Кавказъ.

Въ это время Пушкинъ отдыхалъ душою отъ пережитыхъ непріятностей, наслаждаясь природой и наблюдая бытъ полудикихъ горцевъ. Затѣмъ, вмѣстѣ съ семьей Раевскихъ, Пушкинъ отправился въ Крымъ. Путешествіе совершалось, подъ прикрытіемъ казацкаго отряда, такъ какъ дороги еще были не безопасны отъ черкесовъ. Въ Тамани путешественники пересѣли на корабль и продолжали путь моремъ вдоль берега Крыма, высаживаясь въ наиболѣе интересныхъ мѣстахъ. Во время переѣзда отъ Ѳеодосіи до Гурзуфа Пушкинъ написалъ элегію: „*Погасло дневное свѣтило*“, представляющую свободное подражаніе Байрону, но вмѣстѣ съ тѣмъ живо рисующую его собственное настроеніе въ эту эпоху, полное грусти и разочарованія, подъ вліяніемъ постигшихъ его гоненій. Въ Крыму Пушкинъ поселился вмѣстѣ съ Раевскими въ Гурзуфѣ. Впослѣдствіи поэтъ вспоминалъ о своемъ пребываніи тамъ, какъ о лучшемъ времени своей жизни. Одна изъ дочерей Раевскаго произвела сильное впечатлѣніе на Пушкина, и памятникомъ этой нѣжной и поэтической любви явилось нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній („Увы, зачѣмъ она блистаетъ“, „Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда“).

Крымъ.

Вообще сближеніе съ семьей Раевскихъ имѣло большое значеніе въ жизни Пушкина. Старый генералъ былъ человѣкъ образованный, съ благороднымъ характеромъ и твердою волей. Изъ его разсказовъ Пушкинъ могъ почерпнуть много любопытныхъ свѣдѣній о Екатерининской эпохѣ, что повліяло на выработку его историческихъ взглядовъ. Въ семьѣ Раевскихъ интересы литературы занимали видное мѣсто. Раевскіе познакомили Пушкина съ *Байрономъ*, который въ то время былъ почти неизвѣстенъ въ Россіи. Для того, чтобы читать Байрона въ подлинникѣ, Пушкинъ на Кавказѣ занялся изученіемъ англійскаго языка. Съ этого времени начинается эпоха вліянія Байрона на творчество Пушкина. *Байронизмъ*, съ его *разочарованностью* и *недовольствомъ жизнью и людьми*, нашелъ себѣ удобную почву въ тогдаш-

Увлеченіе Байрономъ.

немъ настроеніи Пушкина. Постигшая его опала, сплетни, пущенныя въ Петербургѣ его врагами, разлука съ друзьями и неизвѣстность будущаго, все это поселяло въ немъ мрачныя мысли и чувство глухого раздраженія. Прежнее беззаботное и даже легкомысленное отношеніе въ жизни стало теперь невозможнымъ; на собственномъ опытѣ Пушкинъ убѣдился, что въ жизни много тяжелаго и печальнаго, и въ томъ раздраженномъ состояніи, въ которомъ онъ находился, ему всего яснѣе открывались именно отрицательныя стороны жизни, которыхъ онъ раньше и не замѣчалъ.

Я рано скорбь узналъ, постигнутъ былъ гоненьемъ,
Я жертва клеветы и мстительныхъ невѣждъ—

говоритъ поэтъ въ посвященіи къ *Кавказскому Плѣннику*.

Демонъ.

Но всего полнѣе пережитое имъ мрачное и разочарованное настроеніе выразилось въ стихотвореніи *Демонъ;*

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія—
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья;
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь,
И вдохновенныя искусства,
Такъ сильно волновали кровь:
Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осѣня,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня.
Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Стихотвореніе это было посвящено А. Н. Раевскому, старшему изъ сыновей генерала; поэтому нѣкоторые критики хотѣли видѣть въ немъ портретъ этого друга Пушкина, въ характерѣ котораго, дѣйствительно, были нѣкоторыя байроническія

черты. Но самъ Пушкинъ возсталъ противъ такого толкованія его стиховъ; въ составленномъ имъ примѣчаніи, онъ говоритъ, что „демонъ“ является олицетвореніемъ *сомнѣнія*, которое приходится переживать многимъ людямъ. „Въ лучшее время жизни,—говоритъ онъ,—сердце, не охлажденное опытомъ, доступно для прекраснаго. Оно легковѣрно и нѣжно. Мало-помалу вѣчныя противорѣчія существенности рождаютъ въ немъ сомнѣнія: чувство мучительное, но непродолжительное. Оно исчезаетъ, уничтоживъ лучшіе и поэтическіе предразсудки души. Недаромъ великій Гете называлъ вѣчнаго врага человѣчества—„духомъ *отрицающимъ*“. Это настроеніе сомнѣнія и отрицанія отразилось и въ другихъ стихотвореніяхъ той эпохи („Мнѣ васъ не жаль“, „Я пережилъ свои желанья“, эпилогъ къ „Кавказ. Плѣннику“). Нѣкоторыя черты тогдашняго настроенія Пушкина отразились и въ самой характеристикѣ Плѣнника. Кавказскій Плѣнникъ.

Пока Пушкинъ путешествовалъ, генералъ Инзовъ былъ переведенъ въ Кишиневъ, такъ что Пушкину пришлось ѣхать уже не въ Екатеринославъ, а въ Бессарабію. Въ сентябрѣ 1820 года Пушкинъ пріѣхалъ въ Кишиневъ, гдѣ и прожилъ съ небольшими перерывами около трехъ лѣтъ. Бессарабія въ то время еще только недавно была присоединена къ Россіи и носила еще живые слѣды турецкаго владычества. Населеніе Кишенева было чрезвычайно разнообразно: русскіе, греки, сербы, молдаване представляли собой пеструю смѣсь. Полуазіатское общество было мало образовано и отличалось распущенностью нравовъ. Кутежи, карты, сплетни и танцы наполняли пустоту его существованія. Конечно, такая обстановка мало способствовала развитію Пушкина. Кишиневъ.

Со свойственнымъ ему увлеченіемъ, онъ отдавался этой безпорядочной жизни, ссорился съ молдаванскими боярами, два раза дрался на дуэли. Службой онъ почти не занимался, но съ своимъ начальникомъ ген. Инзовымъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Инзовъ былъ человѣкъ добрый и довольно образованный; онъ угадывалъ свѣтлый умъ и доброе сердце Пушкина и относился къ нему съ отеческой снисходительностью, хотя иногда и журилъ его за поведеніе и даже сажалъ подъ арестъ. Впрочемъ въ глубинѣ души самъ Пушкинъ, конечно, не могъ быть доволенъ ни своимъ поведеніемъ, ни окружающей обстановкой. Лишенный общества своихъ друзей и образованнаго круга, онъ часто тосковалъ и сравнивалъ Кишиневъ съ тюрьмою, изъ которой онъ мечталъ вырваться. Въ одну изъ такихъ тяжелыхъ минутъ написано его стихотвореніе *Узникъ*. Образъ жизни и обстановка.

Но, несмотря на неблагопріятную обстановку, Пушкинъ не покидалъ творчества. Въ Кишиневѣ написанъ *Бахчисарайскій Фонтанъ* и много лирическихъ стихотвореній и начаты *Цыганы*. Поводомъ къ послѣдней поэмѣ послужилъ случай изъ собственной жизни Пушкина; посланный по служебному дѣлу въ Измаилъ, онъ присталъ къ кочевавшему по степи цыганскому табору и провелъ съ нимъ нѣсколько дней, наблюдая бытъ и нравы этого полудикаго народа.—Особенное вниманіе Пушкина привлекъ въ это время Овидій, авторъ знаменитыхъ *Метаморфозъ*. Пушкинъ находилъ въ судьбѣ Овидія сходство съ своимъ собственнымъ положеніемъ: римскій поэтъ по неизвѣстной причинѣ подвергся опалѣ со стороны императора Августа и былъ сосланъ имъ въ теперешнюю Бессарабію, гдѣ и провелъ остатокъ жизни. Въ стихотвореніи, посвященномъ *Овидію*, Пушкинъ говоритъ:

Цыганы.

Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
Не славой, участью я равенъ былъ тебѣ.

Пушкинъ рисуетъ въ этомъ стихотвореніи образъ древнеримскаго поэта, съ сочувствіемъ относясь къ его страданіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ картину природы Бессарабіи, плѣняющей взоры сѣвернаго жителя, между тѣмъ какъ для уроженца Италіи она казалась страною мрака и холода. Въ поэмѣ *Цыганы* онъ влагаетъ въ уста стараго цыгана цѣлый разсказъ объ Овидіи и его жизни среди простыхъ, полудикихъ племенъ. Наконецъ, упоминанія объ Овидіи встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ другихъ стихотвореніяхъ.

Серьезныя занятія.

Но, несмотря на разсѣянный образъ жизни, Пушкинъ находилъ время и для серьезныхъ занятій. Онъ много читалъ, преимущественно историческія книги, и даже самъ пытался набросать свои мысли о русской исторіи. Чтеніемъ онъ старался восполнить пробѣлы своего образованія. Въ посланіи къ *Чаадаеву* онъ говоритъ по этому поводу:

Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій;
Владѣю днемъ моимъ, съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Одесса.

Лѣтомъ 1823 года Пушкинъ покинулъ наконецъ „проклятый городъ Кишиневъ“, какъ онъ выражается въ одномъ сти-

хотворномъ посланіи, и перешелъ на службу въ Одессу. Одесса, благодаря своему порто-франко, уже тогда была оживленнымъ торговымъ городомъ; населеніе ея также было очень пестро: французы, итальянцы, нѣмцы; но она отличалась отъ Кишинева своимъ европейскимъ характеромъ. Особенно обрадовался Пушкинъ театру, котораго такъ долго былъ лишенъ. Такимъ образомъ Пушкинъ снова попалъ въ болѣе культурную обстановку и въ культурное общество. Свой образъ жизни въ Одессѣ Пушкинъ описалъ впослѣдствіи въ „Отрывкахъ изъ путешествія Онѣгина". Въ этомъ же городѣ начаты были *„Цыганы"* и написаны двѣ первыя главы *„Евгенія Онѣгина"*.

Изъ событій одесской жизни Пушкина нельзя не отмѣтить его увлеченіи одной дамой, г-жей Ризничъ, женой богатаго банкира. Увлеченіе это продолжалось недолго, такъ какъ г-жа Ризничъ вскорѣ уѣхала за границу, гдѣ и скончалась немного времени спустя; но эта любовь оставила слѣдъ въ поэзіи Пушкина, въ стихотвореньяхъ „На смерть г-жи Ризничъ" (1826), „Разлука" (1830) и „Для береговъ отчизны дальной", принадлежащихъ къ лучшимъ лирическимъ піесамъ Пушкина.

Пушкину не пришлось однако долго радоваться перемѣнѣ въ своей судьбѣ: вскорѣ обнаружились обстоятельства, дѣлавшія его жизнь въ Одессѣ тяжелѣе, чѣмъ въ Кишиневѣ. Съ самаго начала онъ не поладилъ со своимъ новымъ начальникомъ графомъ Воронцовымъ; умный и дѣятельный, но холодный, сухой и надменный въ обращеніи, Воронцовъ держался съ Пушкинымъ совсѣмъ иначе, чѣмъ патріархальный и добродушный Инзовъ. Онъ относился къ нему какъ къ незначительному чиновнику, ни во что не ставя его поэтическій талантъ, и это, конечно, глубоко оскорбляло самолюбиваго поэта. Къ тому же Пушкинъ своимъ неосторожнымъ поведеніемъ самъ ухудшалъ свое положеніе, позволяя себѣ рѣзко отзываться о своемъ начальникѣ, сочиняя на него эпиграммы и отказываясь отъ исполненія его приказаній. Воронцовъ рѣшился удалить его изъ Одессы; онъ писалъ по этому поводу въ Петербургъ: „здѣсь есть много людей, а съ эпохой морскихъ купаній число ихъ еще увеличится, которые, будучи восторженными поклонниками его поэзіи, стараются показать дружеское участіе непомѣрными восхваленіями и оказываютъ ему этимъ вражескую услугу, ибо способству-

Столкновенія съ Воронцовымъ.

ютъ затменію его головы и признанію себя отличнымъ писателемъ, между тѣмъ какъ онъ въ сущности только слабый подражатель не совсѣмъ почтеннаго образца—лорда Байрона". Чтобы избавить Пушкина отъ этой воображаемой опасности, графъ Воронцовъ совѣтовалъ министру удалить Пушкина изъ Одессы. Въ отвѣтъ на это письмо было получено предписаніе исключить Пушкина изъ службы, какъ человѣка, не желающаго исправиться, и выслать его на жительство въ псковское имѣніе его родителей. Въ іюлѣ 1824 г. Пушкинъ покинулъ Одессу. Передъ отъѣздомъ онъ написалъ стихотвореніе „*Къ морю*", представляющее собой поэтическое прощаніе не только съ южнымъ моремъ, но и съ цѣлымъ періодомъ жизни, съ своею бурной юностью и съ любимыми „властителями думъ", отъ вліянія которыхъ онъ теперь освобождался.

Къ морю.

3. Третій періодъ—Михайловское и годы странствованій (1824—1830).

Въ одной изъ исключенныхъ строфъ „Евгенія Онѣгина" Пушкинъ говоритъ по поводу своего новаго переселенія, что онъ—

...отъ южныхъ милыхъ дамъ,
Отъ жирныхъ устрицъ черноморскихъ,
Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ,
И, слава Богу, отъ вельможъ,
Уѣхалъ въ сѣнь лѣсовъ тригорскихъ,
Въ далекій сѣверный уѣздъ—
И былъ печаленъ мой пріѣздъ.

Настроеніе Пушкина.

Пушкинъ прибылъ въ село Михайловское въ началѣ августа 1824 года. Первыя впечатлѣнія послѣ пріѣзда въ деревню были весьма тягостны. Отецъ Пушкина былъ такъ недоволенъ поведеніемъ сына, что запретилъ брату и сестрѣ имѣть съ нимъ какія-либо сношенія. Это вызвало ссору между Пушкинымъ и его отцомъ. Въ отчаяніи отъ его упрековъ, Пушкинъ хотѣлъ даже просить Государя, чтобы его отправили изъ родительскаго дома въ какую-либо крѣпость или монастырь. Но благодаря усиліямъ друзей, особенно Жуковскаго, дѣло кое-какъ уладилось и кончилось тѣмъ, что Сергѣй Львовичъ уѣхалъ съ семьей изъ Михайловскаго, оставивъ сына въ полномъ одиночествѣ. Въ стихотвореніи „Вновь я посѣтилъ..." (1835 г.) Пушкинъ говоритъ о томъ настроеніи, съ которымъ онъ пріѣхалъ въ Михайловское:

Въ разны годы
Подъ вашу сѣнь, михайловскія рощи,
Являлся я. Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
Я приступалъ лишь только къ жизни. Годы
Промчалися—и вы во мнѣ пріяли
Усталаго пришельца. Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомила;
Я былъ ожесточенъ. Въ уныньи часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной—
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства...

Тѣмъ не менѣе переселеніе въ Михайловское во многихъ отношеніяхъ имѣло для Пушкина благодѣтельное значеніе, какъ онъ самъ признавалъ впослѣдствіи. Пушкинъ отрывался, такимъ образомъ, отъ той разсѣянной и легкомысленной жизни, какую онъ велъ на югѣ; уединеніе давало ему возможность безъ помѣхи заняться дѣломъ самообразованія, а близость къ народной жизни благотворно отразилась на самобытности его творчества. Въ особенности послѣднее условіе важно для всей дальнѣйшей литературной дѣятельности Пушкина. Изъ устъ своей няни Арины Родіоновны Пушкинъ знакомится съ поэзіей русскихъ народныхъ сказокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя онъ даже записывалъ. „Знаешь ли мои занятія? писалъ Пушкинъ въ одномъ письмѣ къ брату:—до обѣда пишу записки, послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки—и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!“

Сближеніе съ народной жизнью.

Но Пушкинъ не ограничивался сказками своей нянюшки. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, онъ, одѣтый въ русскій костюмъ, посѣщалъ базары и народныя гулянья для того, чтобы ближе познакомиться съ бытомъ и нравами простого народа, прислушивался къ мѣткой и сильной рѣчи русскаго простолюдина. Пушкинъ одинъ изъ первыхъ въ Россіи началъ собирать и записывать народныя пѣсни и даже самъ пробовалъ творить въ народномъ духѣ: въ этихъ подражаніяхъ онъ съ

замѣчательной вѣрностью уловилъ безыскусственный, но художественный тонъ народной пѣсни и обороты живой народной рѣчи.

Чтеніе и занятія.

Въ Михайловскомъ, благодаря уединенію и отсутствію разсѣянія, Пушкинъ имѣлъ полную возможность пополнить „недостатки проклятаго своего образованія“, какъ онъ выражается. Почти въ каждомъ письмѣ его къ брату и къ петербургскимъ друзьямъ мы встрѣчаемъ просьбы о присылкѣ книгъ. Уже въ Михайловскомъ у Пушкина составилась порядочная библіотека, которую онъ постоянно пополнялъ новыми книгами. Чтеніе его было очень обширно и разнообразно. При этомъ, для того чтобы лучше усвоить прочитанное, онъ обыкновенно дѣлалъ при чтеніи замѣтки; такъ, напр., до насъ дошли его замѣтки о Тацитѣ, отличающіяся мѣткостью взгляда и вѣрностью сужденія. Въ то же время онъ велъ записки о собственной жизни, о которыхъ упоминаетъ въ письмахъ къ брату. Къ сожалѣнію, Пушкинъ самъ уничтожилъ ихъ впослѣдствіи.

Знакомство съ Шекспиромъ.

Но особенно важны и плодотворны были его занятія Шекспиромъ, бывшимъ вообще излюбленнымъ писателемъ романтической эпохи. Шекспиръ замѣнилъ Пушкину Байрона. Переходъ отъ Байрона къ Шекспиру былъ въ то же время переходомъ отъ субъективнаго творчества къ объективному. Подъ вліяніемъ историческихъ хроникъ Шекспира, Пушкинъ задумалъ написать драму изъ русской исторіи и создалъ своего *Бориса Годунова* (1825 г.). Вообще эпоха пребыванія въ Михайловскомъ была очень богата въ литературномъ отношеніи. Здѣсь Пушкинъ окончилъ *Цыганъ*, написалъ нѣсколько главъ *Евгенія Онѣгина*, создалъ свои прекрасныя *Подражанія Корану* и множество лирическихъ стихотвореній. Всѣ эти произведенія показываютъ, что геній Пушкина въ эту эпоху уже достигъ своего полнаго развитія и полной самобытности. Въ нихъ Пушкинъ освобождается отъ прежнихъ вліяній и вмѣстѣ съ тѣмъ освобождаетъ всю русскую литературу отъ тяготѣвшихъ до тѣхъ поръ на ней узъ подражательности.

Личныя отношенія.

Но какъ ни полезно было для Пушкина его пребываніе въ деревнѣ, тѣмъ не менѣе вынужденное одиночество тяготило его, такъ какъ онъ отъ природы одаренъ былъ общительной натурой и стремленіемъ къ людямъ и къ жизни. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ Пушкина въ его одиночествѣ было знакомство съ семьей его сосѣдки по имѣ-

нію Прасковьи Александровны Осиповой (по первому мужу Вульфъ), владѣлицей села Тригорскаго. Въ семьѣ Осиповой Пушкинъ былъ принятъ какъ родной, часто у нихъ проводилъ цѣлые дни, шутилъ и игралъ съ ея дочерьми, писалъ имъ стихотворенія въ альбомы. Здѣсь же онъ познакомился съ родственницей Осиповой А. П. Кернъ, которой посвящены стансы: „Я помню чудное мгновенье". Вообще сосѣдство Тригорскаго во многомъ скрашивало одинокую жизнь Пушкина въ Михайловскомъ.

Черезъ старшаго сына Осиповой А. Н. Вульфа, студента Дерптскаго университета, Пушкинъ познакомился съ поэтомъ Языковымъ, товарищемъ Вульфа по университету. Кромѣ того Пушкина посѣтили въ Михайловскомъ и его лицейскіе друзья И. И. Пущинъ и бар. Дельвигъ. Пущинъ оставилъ намъ и описаніе той обстановки, въ которой жилъ поэтъ. Обстановка эта была чрезвычайно проста: одна и та же комната служила Пушкину спальней, кабинетомъ и столовой; столъ, нѣсколько стульевъ, да кровать за ширмами составляли всю меблировку; остальныя комнаты дома оставались необитаемыми и даже не отапливались зимой. Вообще Пушкинъ, любя во всемъ простоту, всю жизнь былъ скроменъ въ своихъ привычкахъ и довольствовался малымъ.

Тяжелый ударъ пришлось перенести Пушкину въ Михайловскомъ. Члены тайныхъ обществъ хотѣли воспользоваться отказомъ отъ престола цесаревича Константина для того, чтобы добиться своихъ цѣлей; для этого они распространили среди солдатъ гвардіи ложные слухи о томъ, что отказъ Константина былъ недобровольный. Однако только незначительная часть войска пристала къ заговорщикамъ, и мятежъ былъ безъ труда подавленъ (14 дек. 1825 г.). Къ сожалѣнію, въ этомъ дѣлѣ оказались замѣшанными многіе изъ близкихъ Пушкину лицъ, между прочимъ его лицейскіе друзья Пущинъ и Кюхельбекеръ. Самъ Пушкинъ никогда не принималъ участія въ тайныхъ обществахъ и потому не имѣлъ основанія безпокоиться за свою собственную судьбу, но извѣстіе объ участи его друзей глубоко потрясло его. Впослѣдствіи въ стихотвореніи „Аріонъ" онъ изобразилъ въ аллегорической формѣ свои отношенія къ этимъ друзьямъ-декабристамъ. Имъ же посвящено и его стихотвореніе: „Посланіе въ Сибирь".

Эпоха жизни въ Михайловскомъ была для Пушкина эпохой полной зрѣлости. Юность, съ ея кипучими порывами, увлеченіями и заблужденіями прошла, и для него наступили годы возмужалости, съ ея серьезной работой и строгимъ отношеніемъ къ жизни. Самъ Пушкинъ сознавалъ, что молодость его кончилась и въ 6-й главѣ „Евгенія Онѣгина", написанной въ это время, онъ въ трогательныхъ стихахъ прощается съ нею:

... простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милыя мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всѣ, за всѣ твои дары
Благодарю тебя. Тобою
Я насладился... и вполнѣ;
Довольно! Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть.

Въ этихъ строкахъ поэтъ какъ бы предчувствуетъ перемѣну, которая должна была произойти въ его участи. Уже тотчасъ послѣ вступленія на престолъ новаго императора Пушкинъ сталъ хлопотать о разрѣшеніи выѣхать изъ Михайловскаго. Его петербургскіе друзья поддерживали эти хлопоты своими усиліями. И вотъ, въ началѣ сентября 1826 года, когда Государь находился въ Москвѣ по случаю коронаціи, Пушкинъ былъ вызванъ въ Москву по высочайшему повелѣнію. Тотчасъ послѣ его пріѣзда онъ былъ представленъ императору Николаю, который принялъ его очень ласково, довольно долго и откровенно бесѣдовалъ съ нимъ, разрѣшилъ ему жить гдѣ угодно и объявилъ поэту, что отнынѣ онъ самъ будетъ его цензоромъ. Пушкинъ былъ въ восторгѣ отъ пріема, оказаннаго ему Государемъ, и отъ своего освобожденія; въ свою очередь онъ произвелъ и на Государя весьма благопріятное впечатлѣніе. Говорятъ, что вечеромъ того же дня императоръ Николай, бесѣдуя на балу съ однимъ приближеннымъ, сказалъ ему, что въ этотъ день утромъ онъ имѣлъ разговоръ съ умнѣйшимъ человѣкомъ Россіи, и на вопросъ своего собесѣдника назвалъ имя Пушкина.

Освобожденіе отъ опалы.

Жизнь въ Москвѣ.

Друзья радостно привѣтствовали возвращеніе поэта, и Пушкинъ послѣ своего невольнаго одиночества съ новымъ удовольствіемъ отдался кипучей городской жизни и свѣтскимъ развлеченіямъ. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда Пушкинъ читалъ у поэта Веневитинова привезенную имъ рукопись *Бориса Годунова*. Чтеніе произвело на всѣхъ присутствующихъ громадное впечатлѣніе, и Пушкину пришлось нѣсколько разъ повторить его. Историкъ Погодинъ, присутствовавшій на одномъ изъ этихъ чтеній, говоритъ въ своихъ запискахъ: „Первыя явленія были выслушаны тихо и спокойно, но чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена лѣтописателя съ Григоріемъ всѣхъ ошеломила. Мнѣ показалось, что мой родной и

любезный Несторъ поднялся изъ могилы и говоритъ устами Пимена. А когда Пушкинъ дошелъ до разсказа Пимена о посѣщеніи Кириллова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ иноковъ: „да ниспошлетъ Господь покой его душѣ страдающей и бурной“,—мы просто всѣ какъ будто обезпамятѣли. Кого бросало въ жаръ, кого въ ознобъ. Не стало силъ воздерживаться... Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго, и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія...“ Разсказываютъ также, что послѣ другого чтенія присутствовавшій на немъ польскій поэтъ Мицкевичъ, другъ Пушкина, воскликнулъ, обращаясь къ нему: Tu Shakespeare eris, si fata sinant! (Ты будешь Шекспиромъ, если позволитъ судьба).

Московскій Вѣстникъ.

Во время этого пребыванія Пушкина въ Москвѣ, въ кругу его друзей было окончательно рѣшено основать новый журналъ, съ серьезной и дѣльной программой. Редакторомъ этого журнала былъ выбранъ Погодинъ, и въ январѣ 1827 года появилась первая книжка „Московскаго Вѣстника“, въ которой на первомъ мѣстѣ напечатанъ былъ отрывокъ изъ „Бориса Годунова“ (сцена въ Чудовомъ монастырѣ). Пушкинъ особенно хлопоталъ объ основаніи журнала потому, что сознавалъ отсутствіе правильныхъ литературныхъ взглядовъ среди русской публики того времени и считалъ необходимымъ руководить при помощи журнала общественнымъ мнѣніемъ по литературнымъ вопросамъ. Поэтому одно изъ первыхъ мѣстъ въ новомъ журналѣ должна была занимать критика, долженствовавшая привить публикѣ здравые взгляды на литературу и на значеніе отдѣльныхъ писателей, какъ прошлаго, такъ и настоящаго времени. Пушкинъ самъ на себѣ испыталъ это отсутствіе здравой критики: разбирая его произведенія, журналы обыкновенно останавливались на отдѣльныхъ мѣстахъ, придирались къ отдѣльнымъ выраженіямъ, не стараясь проникнуть въ общій смыслъ произведенія. Точно такъ же поступали и относительно старыхъ писателей, пользовавшихся славою и авторитетомъ: произведенія ихъ не были разобраны критиками, и оттого многіе изъ второстепенныхъ авторовъ XVIII вѣка, какъ Богдановичъ, Херасковъ, Петровъ и др., пользовались еще славой великихъ писателей. Во время пребыванія въ Михайловскомъ Пушкинъ много размышлялъ о разныхъ литературныхъ вопросахъ, и въ замѣткахъ его, а также и въ письмахъ къ друзьямъ, находимъ мы много отзывовъ о современныхъ и прежнихъ писателяхъ (о Байронѣ, Шекспирѣ, Ломоносовѣ, Державинѣ, Грибоѣдовѣ и др.). Здѣсь же сложились окончательно и его взгляды на поэзію и на значеніе поэта, которые онъ выразилъ впослѣдствіи въ стихотвореніяхъ „Поэтъ“ и „Чернь“.

Годы скитаній.

Но свѣтлое и радостное настроеніе, которымъ полонъ былъ поэтъ въ первое время послѣ окончанія своего заточенія, продолжалось недолго. Годы, слѣдовавшіе за Михай-

ловскимъ періодомъ (1827—30), были для Пушкина эпохой безпокойныхъ исканій, скитанія и душевныхъ бурь. Несмотря на славу, достигнутую имъ, несмотря на собственное убѣжденіе въ своемъ высокомъ призваніи, Пушкинъ былъ недоволенъ и собой и жизнью. Порой на него находили минуты глубокаго унынія. Объ этомъ тревожномъ и безотрадномъ настроеніи, переживаемомъ поэтомъ, свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ стихотвореній этой эпохи. Такъ, напр., въ стихотвореніи: *26 мая 1828* (день рожденія Пушкина) поэтъ съ грустнымъ чувствомъ смотритъ на свою жизнь.

Грустное настроеніе.

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?

—спрашиваетъ онъ, и не находитъ себѣ отвѣта на вопросъ, жизнь представляется ему ничтожной и безполезной:

Цѣли нѣтъ передо мною,
Пусто сердце, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Человѣческое существованіе представляется ему томительнымъ блужданіемъ „въ степи мірской, печальной и безбрежной“ (*Три ключа*), въ которой лучшую усладу жаждущей душѣ даетъ не „ключъ юности“ и не „Кастальскій ключъ“ поэтическаго вдохновенія, а „холодный ключъ забвенья“, потому что онъ—„слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ“.

Много непріятностей доставляло Пушкину неблагожелательное отношеніе къ нему генерала Бенкендорфа, шефа жандармовъ. Императоръ Николай, взявши на себя роль цензора произведеній Пушкина, поручилъ Бенкендорфу быть посредникомъ при своихъ сношеніяхъ съ поэтомъ, который долженъ былъ ему доставлять свои рукописи для передачи Государю. Но Бенкендорфъ, мало интересовавшійся литературой, и особенно русской, понялъ свою роль иначе и, пользуясь своею властью, причинялъ поэту много непріятностей, наблюдая за каждымъ его шагомъ и за каждымъ словомъ.

Но каковы бы ни были причины этого недовольства жизнью, Пушкинъ никогда не винилъ въ своихъ страданіяхъ одни внѣшнія условія жизни и бралъ значительную долю вины на самого себя. Передъ лицомъ своей совѣсти онъ строго судилъ себя и свою прошлую жизнь.

Недовольство собой.

Въ часы безсонницы, „когда для смертнаго умолкнетъ шумный день“, оживаютъ въ душѣ поэта тягостныя воспо

минанія, смущеннымъ взоромъ окидываетъ онъ свое прошлое и чувствуетъ, какъ въ тиши ночной живѣе горятъ въ его душѣ „змѣи сердечной угрызенья“ (стих. *Воспоминаніе*, 1828 г.).

Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ:
Воспоминаніе безмолвно предъ мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ:
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю,
Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.

Мысль о смерти все чаще стала посѣщать поэта: онъ далъ этой мысли поэтическое выраженіе въ *Стансахъ* („Бродку ли я вдоль улицъ шумныхъ...“ 1829 г.). Подавленное настроеніе, въ которомъ часто находился Пушкинъ, конечно, не могло отозваться благопріятно на его творчествѣ: и дѣйствительно, сравнительно со временемъ пребыванія въ Михайловскомъ, Пушкинъ пишетъ гораздо меньше. За эти годы изъ крупныхъ вещей (1827—29) имъ написаны лишь *Полтавы*, да одна глава *Евгенія Онѣгина* (7-я). Успѣшной творческой работѣ мало благопріятствовалъ самый образъ жизни, который велъ тогда Пушкинъ. Словно не находя себѣ мѣста, понимый какимъ-то внутреннимъ безпокойствомъ, онъ постоянно мѣнялъ мѣстопребываніе, переѣзжая изъ Москвы въ Петербургъ, оттуда въ Михайловское или въ имѣніе друзей своихъ Вульфовъ. Переписка его за это время также становится очень скудной: Пушкинъ, очевидно, не хотѣлъ посвящать даже своихъ близкихъ друзей въ тайну своихъ душевныхъ волненій. Переѣзды.

Страдая отъ внутренняго разлада и отъ недовольства собою и жизнью, Пушкинъ сталъ мечтать о путешествіи, какъ о средствѣ заглушить свою тоску. Мысль о заграничной по-

ѣздкѣ уже раньше не разъ приходила Пушкину во время его жизни въ Одессѣ и въ Михайловскомъ (особенно его привлекала Италія); теперь онъ принялся хлопотать объ осуществленіи своей мечты, но заграничный отпускъ не былъ ему разрѣшенъ. Тогда Пушкинъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы его причислили къ русской миссіи въ Пекинѣ, но и здѣсь встрѣтились нѣкоторыя препятствія. Наконецъ въ 1829 году Пушкинъ рѣшился совершить путешествіе въ Закавказье, гдѣ въ это время происходила война съ Турціей. Путешествіе это продолжалось пять мѣсяцевъ и благопріятнымъ образомъ повліяло на настроеніе поэта. Онъ сопровождалъ дѣйствующую русскую армію, при чемъ во время столкновеній съ турками выказалъ большую отвагу, стараясь быть въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ, такъ что главнокомандующій, графъ Паскевичъ, заботясь о его безопасности, запретилъ ему выѣзжать въ передовую цѣпь. На Кавказѣ Пушкинъ свидѣлся съ нѣкоторыми изъ своихъ друзей (съ Раевскимъ, Каховскимъ) и со своимъ младшимъ братомъ. Судя по разсказамъ современниковъ, онъ все это время былъ въ очень бодромъ, жизнерадостномъ настроеніи, шутилъ и смѣялся, заражая всѣхъ окружающихъ своею веселостью. Онъ оставался при арміи вплоть до взятія крѣпости Арзрума, а затѣмъ нѣкоторое время провелъ на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ. Впечатлѣнія кавказскаго путешествія вызвали цѣлый рядъ стихотвореній: *Кавказъ*, *Делибашъ*, *Обвалъ* и др. Въ стихотвореніи *Монастырь на Казбекѣ* замѣчается отраженіе того же чувства недовольства жизнью, неудовлетворенности и душевнаго безпокойства, которое въ это время владѣло Пушкинымъ. Онъ сравниваетъ стоящій на горѣ монастырь съ ковчегомъ спасенія, словно парящимъ въ вышинѣ, и восклицаетъ въ порывѣ религіознаго чувства:

Путешествіе въ Арзрумъ.

Далекій, вожделѣнный брегъ!
Туда бъ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ;
Туда бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога, скрыться мнѣ.

Здѣсь же, на Кавказѣ, Пушкинъ задумалъ поэму *Галубъ*, героемъ которой долженъ былъ быть кавказскій горецъ, обращающійся въ христіанство. Однако, поэма эта не была кончена Пушкинымъ. Во время своего пребыванія на Кавказѣ

Пушкинъ велъ путевыя записки, изъ которыхъ впослѣдствіи составилась его статья: „Путешествіе въ Арзрумъ“.

Путешествіе нѣсколько развлекло и освѣжило Пушкина; но послѣ возвращенія на родину вернулось къ нему и прежнее тяжелое настроеніе. Единственный способъ освободиться отъ него заключался для Пушкина въ коренномъ измѣненіи всего образа жизни, въ попыткѣ начать новую жизнь при другихъ, чѣмъ раньше, условіяхъ. Пушкинъ уже давно томился своимъ одиночествомъ и мечталъ о тихомъ семейномъ счастьѣ. Уже въ 1828 году его вниманіе обратила на себя одна изъ первыхъ московскихъ красавицъ, Наталья Николаевна Гончарова. Передъ поѣздкой на Кавказъ онъ сдѣлалъ предложеніе, но получилъ отказъ, въ виду молодости Гончаровой. Черезъ годъ онъ возобновилъ свое предложеніе, и на этотъ разъ оно было принято, и Пушкинъ такимъ образомъ сталъ женихомъ (въ апрѣлѣ 1830 г.).

Планы женитьбы.

Перемѣна въ его личной судьбѣ благопріятно отразилась на настроеніи Пушкина; къ нему вернулась прежняя бодрость, съ новыми силами готовился онъ вступить въ новую жизнь. Это нравственное оживленіе сказалось и въ пробужденіи его творческихъ силъ: давно уже Пушкинъ не писалъ такъ много и не создавалъ такихъ разнообразныхъ произведеній, какъ въ эту эпоху. Въ началѣ осени 1830 года Пушкинъ отправился въ Нижегородскую губернію, въ село Болдино, часть котораго отецъ выдѣлилъ ему во владѣніе. Пушкинъ хотѣлъ устроить тамъ свои хозяйственныя дѣла и затѣмъ, по возможности скоро, возвратиться въ Москву къ невѣстѣ. Но въ это время въ Россіи распространилась холера, повсюду были устроены карантины и сообщеніе съ Москвой было почти прервано. Поэтому Пушкину пришлось волей неволей остаться въ Болдинѣ и провести тамъ всю осень. Здѣсь, какъ раньше въ Михайловскомъ, съ особенной силой вспыхнула въ немъ жажда творчества. Вообще осень благопріятствовала творческой работѣ Пушкина, располагала его къ труду: вотъ почему онъ особенно любилъ именно это время года, какъ онъ самъ признается въ стихотвореніи *Осень*. Въ Болдинѣ былъ созданъ Пушкинымъ цѣлый рядъ выдающихся произведеній; въ короткое время (въ теченіе трехъ мѣсяцевъ) были написаны двѣ послѣднія главы *Евгенія Онѣгина*, *Скупой Рыцарь*, *Моцартъ и Сальери*, *Донъ-Жуанъ*,

Болдино (осень 1830 г.).

Повѣсти Бѣлкина, *Исторія села Горохина* и множество болѣе мелкихъ стихотвореній, изъ которыхъ нѣкоторыя навѣяны были его деревенской обстановкой, какъ, напр.: *Бѣсы*, *Осень*, *Шалость*, а въ другихъ Пушкинъ, передъ началомъ новой жизни, обращается съ воспоминаніями къ пережитому прошлому, и это прошлое какъ бы снова воскресаетъ передъ нимъ въ поэтическихъ образахъ („Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье", „Разставаніе", „Заклинаніе", „Въ началѣ жизни школу помню я", „Для береговъ отчизны дальней").

Въ одномъ письмѣ изъ Болдина къ барону Дельвигу, издававшему въ то время альманахъ „Сѣверные Цвѣты" и „Литературную Газету", Пушкинъ пишетъ въ шутливомъ тонѣ: Посылаю тебѣ, баронъ, вассальскую мою подать, именуемую цвѣточной, по той причинѣ, что платится она въ ноябрѣ, въ самую пору цвѣтовъ. Доношу тебѣ, моему владѣльцу, что нынѣшняя осень была дѣтородна, и что коли твой смиренный вассалъ не околѣетъ отъ сарацинскаго падежа, холерой именуемаго и занесеннаго къ намъ крестовыми воинами, т.-е. бурлаками, то въ замкѣ твоемъ, Литературной Газетѣ, пѣсни трубадуровъ не умолкнутъ круглый годъ... Скажи Плетневу, что онъ расцѣловалъ бы меня, видя мое осеннее прилежаніе".

4-й періодъ—петербургскій.

Начало семейной жизни.

Бракосочетаніе Пушкина съ Натальей Николаевной Гончаровой было совершено 18 февраля 1831 года въ Москвѣ (въ церкви Стараго Вознесенья на Никитской). Весну и лѣто Пушкины провели въ Царскомъ Селѣ, гдѣ въ это время жили также Жуковскій и Гоголь, съ которыми Пушкинъ видѣлся почти ежедневно. Жуковскій вызвалъ его на поэтическое состязаніе, предложивъ обработать въ художественной формѣ русскія народныя сказки. Пушкинъ воспользовался однимъ изъ сказочныхъ сюжетовъ, переданныхъ ему няней Ариной Родіоновной, и написалъ свою „Сказку о царѣ Салтанѣ". Пальма первенства въ этомъ состязаніи осталась, несомнѣнно, за Пушкинымъ, потому что въ его „Сказкѣ" гораздо полнѣе уловленъ и воспроизведенъ самый духъ народной поэзіи, чѣмъ въ сказкахъ Жуковскаго („О царѣ Берендеѣ", „О спящей царевнѣ"). Къ этому же времени относятся два стихотворенія патріотическаго характера: „Клеветникамъ Россіи" и „Бородинская годовщина". Стихотворенія

эти были вызваны современными историческими событіями: польскимъ возстаніемъ и ожесточенными нападками на Россію со стороны европейской прессы и даже парламентскихъ ораторовъ (во французской палатѣ депутатовъ). Возмущенный этими нападками, Пушкинъ въ горячей отповѣди предостерегаетъ западные народы отъ вмѣшательства въ „семейный споръ“ двухъ родственныхъ племенъ, который, по предположенію поэта, долженъ закончиться тѣмъ, что „славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ“.

Осенью 1831 года Пушкинъ переселился въ Петербургъ, и съ этого времени начинается послѣдній періодъ его жизни, который можно назвать петербургскимъ, такъ какъ онъ только изрѣдка и ненадолго уѣзжалъ изъ столицы. Первые годы его пребыванія въ Петербургѣ были довольно счастливы. Въ семейной жизни Пушкинъ надѣялся найти успокоеніе отъ тревогъ и скитаній молодости, существованіе его опредѣлилось, онъ чувствовалъ въ себѣ великія силы и готовъ былъ посвятить ихъ служенію родинѣ. Уже давно отечественная исторія была предметомъ его особеннаго интереса, а въ ней болѣе всего привлекала его вниманіе личность великаго преобразователя Россіи Петра I-го. Пушкинъ задумалъ приняться за серьезный научный трудъ, именно, написать исторію Петра Великаго. Для этого онъ выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе заниматься въ государственныхъ архивахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ снова принятъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, при чемъ Государь, въ видѣ особой милости, назначилъ ему жалованье въ 5.000 рублей ассигнаціями. При своихъ архивныхъ занятіяхъ Пушкинъ не ограничивался одной Петровской эпохой, но знакомился также по документальнымъ источникамъ съ предшествующимъ и послѣдующимъ временемъ. Между прочимъ онъ заинтересовался Пугачевскимъ дѣломъ и рѣшился написать о немъ спеціальное изслѣдованіе. Для того, чтобы лично осмотрѣть мѣста, гдѣ происходило возстаніе, Пушкинъ осенью 1833 года сдѣлалъ поѣздку по Казанской и Оренбургской губерніи, а на возвратномъ пути провелъ два мѣсяца въ Болдинѣ, гдѣ снова посѣтило его вдохновеніе („Мѣдный Всадникъ“, „Анджело“, „Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ“, „Сказка о мертвой царевнѣ“). По возвращеніи въ Петербургъ Пушкинъ издалъ „Исторію Пугачевскаго бунта“, при чемъ, по приказанію Государя, ему

Историческія занятія.

было отпущено на изданіе заимообразно изъ казны 20.000 рублей.—Но Пушкинъ не могъ ограничиться сухимъ изложеніемъ историческихъ фактовъ; его художественная фантазія требовала себѣ творческой работы, отвлеченный историческій матеріалъ принималъ образную, живую форму. Поэтому, покончивъ съ „Исторіей Пугачевскаго бунта", онъ принялся за историческую повѣсть: „Капитанская дочка", гдѣ та же эпоха была изображена преимущественно съ бытовой стороны, въ рядѣ яркихъ сценъ и художественныхъ типовъ.

Отношеніе къ свѣтскому обществу.

Но сравнительно спокойное и благополучное время продолжалось для Пушкина недолго. Очень скоро начались всевозможныя мелкія и крупныя непріятности, тяжело отзывавшіяся на настроеніи поэта. Прежде всего, та разсѣянная, свѣтская жизнь, которую онъ принужденъ былъ вести ради своей жены, очень любившей балы и другія свѣтскія удовольствія, мало соотвѣтствовала его душевнымъ потребностямъ, слишкомъ много отнимала времени, необходимаго для спокойной и сосредоточенной творческой работы. Кромѣ того, самое положеніе его въ высшемъ петербургскомъ обществѣ было очень шатко и неопредѣленно. Большинство этого общества было совершенно равнодушно къ литературѣ и цѣнило людей не по степени ихъ дарованій, а по ихъ богатству и служебному значенію. Пушкинъ, который былъ не богатъ и не чиновенъ, не могъ поэтому имѣть никакого вѣсу во мнѣніи петербургскаго общества; въ его глазахъ онъ былъ только „сочинитель", литераторъ, а это званіе въ то время не пользовалось особеннымъ уваженіемъ. Такое полупренебрежительное отношеніе общества глубоко оскорбляло Пушкина, при его взглядѣ на высокое значеніе писателя и при его сознаніи собственныхъ силъ и заслугъ. Особое вниманіе, которое оказывалъ Пушкину императоръ Николай Павловичъ, возбуждало къ поэту зависть и усиливало недоброжелательство общества. Въ свою очередь, Пушкинъ, чувствуя такое враждебное къ себѣ отношеніе и оскорбленный въ своемъ самолюбіи, старался держаться гордо и независимо, тѣмъ болѣе, что онъ самъ ясно сознавалъ свое превосходство надъ большинствомъ окружающаго общества. Кромѣ того, много непріятностей доставляли Пушкину его отношенія къ графу Бенкендорфу, шефу жандармовъ, который былъ избранъ Государемъ въ качествѣ ближайшаго посредника между нимъ и поэтомъ. Бенкендорфъ же понялъ свои обязанности въ томъ смыслѣ, что ему порученъ надзоръ за Пушкинымъ, и пользовался своимъ положеніемъ для того, чтобы всячески притѣснять поэта, изводилъ его мелочной подозрительностью и придирчивостью. Дѣло дошло до того, что письма Пушкина, даже къ лицамъ самымъ близкимъ, напр., къ женѣ, вскрывались и прочитывались на почтѣ, и это вмѣшательство постороннихъ лицъ въ его интимную жизнь страшно раздражало поэта.

Матеріальныя затрудненія.

Свѣтская жизнь, которую приходилось вести Пушкину въ угоду женѣ, не только отнимала много времени, но требовала также и много денегъ. Между тѣмъ матеріальныя средства Пушкина всегда были довольно ограничены, имѣніе находилось въ разстройствѣ; кромѣ того ему пришлось взять на себя веденіе дѣлъ своего отца и брата для того, чтобы спасти ихъ отъ окончательнаго разоренія. Жизнь не по средствамъ заставляла прибѣгать къ займамъ, которые съ каждымъ годомъ накоплялись, все болѣе запутывая его положеніе. Эти матеріальныя затрудненія и связанныя съ ними хлопоты сильно угнетали поэта, заставляя его задумываться надъ участью, ожидавшей его и семью въ недалекомъ будущемъ. Въ 1835 году Пушкинъ обратился къ Государю съ просьбой о ссудѣ въ 30 тысячъ рублей, съ тѣмъ, чтобы въ уплату этого долга удерживалось получаемое имъ жалованіе. Государь разрѣшилъ эту ссуду, но полученныя деньги пошли на уплату части неотложныхъ долговъ и такимъ образомъ не могли надолго улучшить положеніе Пушкина. Онъ могъ бы пріобрѣсти значительныя средства своими сочиненіями, но для творческой работы необходимо было прежде всего душевное спокойствіе, а его-то именно и не было. Поэтому петербургскій періодъ жизни Пушкина отличается гораздо меньшей продуктивностью, чѣмъ предшествовавшіе; притомъ большая часть написаннаго Пушкинымъ за эти годы состоитъ изъ произведеній прозаическихъ, стиховъ же написано имъ въ эту эпоху очень немного (такъ, напр., къ 1834 году относятся всего три стихотворенія). Но все написанное за это время Пушкинымъ свидѣтельствуетъ о томъ, что геній его достигъ полной художественной зрѣлости и нисколько не ослабѣвалъ, хотя внѣшнія условія препятствовали его продуктивности.

Отношенія къ литературному міру.

Испытываемыя Пушкинымъ непріятности и огорченія еще усугублялись враждебнымъ отношеніемъ къ нему значительной и весьма вліятельной части литературнаго міра. Въ эпоху 30-хъ годовъ русская журналистика находилась почти всецѣло въ рукахъ такъ называемаго „тріумвирата“, состоявшаго изъ писателей, умѣвшихъ подлаживаться подъ вкусы публики и благодаря этому пользовавшихся среди читателей особеннымъ успѣхомъ и вліяніемъ; членами этого журнальнаго „тріумвирата“ были Булгаринъ, Гречъ и Сенковскій; въ ихъ рукахъ находились наиболѣе распространенныя періодическія изданія („Сѣверная Пчела“, „Сынъ Отечества“,

„Библіотека для Чтенія“). Желая удержать въ своихъ рукахъ выгодную монополію, они крайне враждебно относились ко всякому независимому литературному дѣятелю. Въ отвѣтъ на нападки этихъ журналистовъ Пушкинъ написалъ нѣсколько чрезвычайно ѣдкихъ и остроумныхъ полемическихъ статей, направленныхъ преимущественно противъ Булгарина („Торжество дружбы“, „Нѣсколько словъ о мизинцѣ г-на Булгарина“ и друг.). Чтобы до нѣкоторой степени парализовать вліяніе этихъ журналистовъ на публику, Пушкинъ задумалъ основать литературно-политическую газету; но этому плану не суждено было осуществиться, отчасти благодаря проискамъ Булгарина, пользовавшагося вліяніемъ у Бенкендорфа. Только въ 1836 г. Пушкину удалось основать собственный журналъ „*Современникъ*“, выходившій разъ въ три мѣсяца, по образцу англійскихъ „Обозрѣній“. Здѣсь были помѣщены многія новыя произведенія Пушкина („Капитанская дочка“ и друг.), а также цѣлый рядъ его критическихъ статей и замѣтокъ. Однако большого успѣха среди публики „Современникъ“ не имѣлъ. Это объясняется отчасти вліяніемъ враждебной Пушкину критики, отчасти недостаточнымъ развитіемъ литературныхъ вкусовъ самой публики. Какъ критика, такъ и публика съ восторгомъ встрѣчали первыя произведенія Пушкина, въ которыхъ онъ еще не вполнѣ освободился отъ увлеченій юности и отъ подражательности. Но затѣмъ, по мѣрѣ того какъ талантъ Пушкина развивался и онъ самъ выходилъ на самостоятельную дорогу, отношеніе къ его произведеніямъ значительно измѣнилось: послѣднія главы „Евг. Онѣгина“ (романъ Пушкина выходилъ первоначально отдѣльными главами) встрѣтили гораздо болѣе холодный пріемъ, чѣмъ первыя; точно такъ же весьма сдержано былъ встрѣченъ „Борисъ Годуновъ“, по поводу котораго нѣкоторые критики даже сочли возможнымъ говорить о „паденіи“ таланта Пушкина. Только впослѣдствіи, уже послѣ смерти Пушкина, въ 40-хъ годахъ, критика, въ лицѣ Бѣлинскаго, оказалась въ силахъ правильно понять и оцѣнить по достоинству произведенія Пушкина и разъяснить русскому обществу его великое значеніе [1].

Современникъ.

---

[1]) Въ 30-хъ годахъ наибольшимъ успѣхомъ среди русской публики пользовались *Марлинскій* (1797—1837) и *Кукольникъ* (1809—1868). По характеру творчества оба они принадлежали къ романтическому направленію, притомъ къ той разновидности его, которую можно назвать «бурнымъ романтизмомъ». Въ ихъ произведеніяхъ обыкновенно выводятся герои, отмѣченные перстомъ судьбы, вовсе не похожіе на простыхъ смертныхъ, изображаются бѣшеныя, нечеловѣческія страсти и всяческія таинственныя приключенія. Пристрастіе къ внѣшнимъ эффектамъ, къ громкимъ фразамъ, любовь къ напыщенной декламаціи, стремленіе *поразить* воображеніе читателей и зрителей, произвести сильное и рѣзкое впечатлѣніе, — вотъ характерныя черты произведеній Марлинскаго и Кукольника. При всемъ томъ оба они были не лишены таланта, но только фальшивая литературная манера, усвоенная ими, не позволяла развиться ихъ лучшимъ задаткамъ, а крупный успѣхъ, выпавшій на ихъ долю, внушилъ имъ преувеличенное представленіе о собственномъ дарованіи и утвердилъ ихъ на томъ ложномъ пути, по которому они пошли. Но этотъ чрезвычайны

Настроеніе Пушкина въ послѣдніе годы.

Охлажденіе критики и публики къ Пушкину и непониманіе, съ какимъ были встрѣчены его лучшія, наиболѣе зрѣлыя произведенія, конечно, весьма тягостно дѣйствовали на настроеніе поэта, и безъ того удрученнаго всяческими непріятностями. Тѣмъ не менѣе онъ не оставлялъ всевозможныхъ литературныхъ плановъ; между прочимъ онъ собирался написать романъ („Русскій Пеламъ"), въ которомъ хотѣлъ изобразить широкую картину жизни петербургскаго общества 20-хъ годовъ; отъ этого романа однако дошли до насъ лишь программы его и небольшой отрывокъ. Весьма характернымъ для настроенія Пушкина въ этотъ послѣдній періодъ времени является пробужденіе въ немъ религіознаго чувства, отразившагося въ нѣкоторыхъ лирическихъ стихотвореніяхъ, напр., *Молитва*: „Отцы пустынники и жены непорочны"... Вообще его стихотворенія послѣднихъ лѣтъ отличаются глубоко-серьезнымъ содержаніемъ и настроеніемъ и нерѣдко полны грустныхъ и горькихъ думъ: въ нихъ уже нѣтъ прежней безпечной жизнерадостности; таковы стихотворенія: *Полководецъ*, „Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума", „Когда великое свершалось торжество", „Вновь я посѣтилъ"... Это послѣднее стихотвореніе написано въ селѣ Михайловскомъ, куда онъ ѣздилъ въ 1835 году, по случаю смерти своей матери; тогда же онъ купилъ себѣ мѣсто для могилы въ Святогорскомъ монастырѣ (близъ Михайловскаго), гдѣ была погребена его мать; такимъ образомъ мысль о близкой смерти уже тогда посѣщала поэта. Серьезнымъ и грустнымъ настроеніемъ проникнуто стихотвореніе *19 октября 1836*, написанное на лицейскую годовщину. Придя на лицейскій праздникъ, Пушкинъ извинился, что не докончилъ своего стихотворенія на этотъ день, и сталъ читать его; но при первыхъ же строкахъ изъ глазъ поэта брызнули слезы, и стихотвореніе было дочитано товарищемъ.

успѣхъ продолжался недолго: тотъ же Бѣлинскій, разъяснившій въ своихъ критическихъ статьяхъ значеніе Пушкина, показалъ внутреннюю фальшь произведеній Марлинскаго и Кукольника и разрушилъ пріобрѣтенную ими славу. Марлинскій писалъ преимущественно романы и повѣсти („Аммалатъ-бекъ", „Фрегатъ Надежда", „Страшное гаданіе", „Наѣзды" и др.). Кукольникъ прославился главнымъ образомъ драматическими произведеніями („Торквато Тассо", „Джуліо Мости", „Рука Всевышняго отечество спасла", „Князь Скопинъ-Шуйскій" и др.); но онъ писалъ также романы, разсказы, очерки и т. д.; среди нихъ наибольшимъ талантомъ отличаются его разсказы изъ Петровской эпохи.

Тяготясь петербургскою жизнью, Пушкинъ въ послѣдніе годы упорно мечталъ о томъ, чтобы вырваться изъ Петербурга и поселиться въ деревнѣ, гдѣ онъ могъ на свободѣ вновь отдаться поэтическому творчеству. Объ этомъ планѣ онъ говоритъ въ стихахъ, обращенныхъ къ женѣ: „Пора мой другъ, пора!“, въ которыхъ онъ признается:

Давно завидная мечтается мнѣ доля,
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ.

Свѣтскія интриги.

Однако этимъ мечтамъ поэта не суждено было сбыться. Въ это время большимъ успѣхомъ среди петербургскаго свѣтскаго общества пользовался молодой гвардейскій офицеръ, баронъ Дантесъ, французъ родомъ, пріемный сынъ голландскаго посланника Геккерена. Блестящій и легкомысленный французъ усердно ухаживалъ за женою Пушкина, хотя она сама не давала къ этому никакого повода. Однако свѣтскіе недруги поэта воспользовались этими настойчивыми ухаживаніями Дантеса и пустили въ обществѣ гнусную сплетню относительно его жены, надѣясь, что эти толки вызовутъ со стороны ревниваго и чрезвычайно чуткаго въ вопросахъ чести Пушкина какую-нибудь вспышку, или, во всякомъ случаѣ, причинятъ ему еще новыя страданія. И дѣйствительно, ожиданія ихъ вполнѣ оправдались. 27-го января 1837 г. состоялась въ окрестностяхъ Петербурга дуэль между Пушкинымъ и Дантесомъ, на которой Пушкинъ получилъ смертельную рану. Будучи перевезенъ домой, онъ въ страшныхъ мученіяхъ прожилъ еще два дня и скончался 29-го января. Послѣдніе часы его жизни трогательно описаны Жуковскимъ и Далемъ, присутствовавшими при его кончинѣ.

Дуэль и смерть.

Согласно желанію Пушкина, тѣло его, послѣ отпѣванія, было отправлено въ Псковскую губернію и предано землѣ въ Святогорскомъ монастырѣ, въ выбранной имъ самимъ заранѣе могилѣ.—Въ 1880 году въ Москвѣ былъ открытъ памятникъ Пушкину, при чемъ на открытіи и сопровождавшихъ его торжествахъ присутствовало большинство современныхъ выдающихся русскихъ писателей (Тургеневъ, Достоевскій, Писемскій и др.), произнесшихъ рѣчи, посвященныя памяти великаго поэта; изъ нихъ наибольшее впечатлѣніе произвела знаменитая рѣчь Достоевскаго о національномъ и „всечеловѣческомъ“ значеніи Пушкина.

Въ 1899 году вся Россія торжественно отпраздновала столѣтній юбилей Пушкина. По поводу этого юбилея при Академіи наукъ былъ учрежденъ въ память поэта такъ-называемый „разрядъ изящной словесности“, въ члены котораго выбираются лучшіе современные писатели.

Литературная дѣятельность Пушкина.

I. Произведенія эпическія.

(Поэмы, романы, повѣсти, сказки и т. д.).

1. Русланъ и Людмила.

Первое крупное произведеніе Пушкина, поэма „*Русланъ и Людмила*“, было начато еще въ Лицеѣ, но окончено оно было лишь въ 1820 году. Пушкинъ писалъ его урывками, среди разсѣянной и легкомысленной жизни, которую онъ велъ послѣ своего выхода изъ Лицея. Тѣмъ не менѣе на отдѣлку этой поэмы, несмотря на видимую легкость ея содержанія и стиха, онъ положилъ много труда, что видно изъ его черновыхъ, испещренныхъ поправками и передѣлками.—„Русланъ и Людмила“ является отраженіемъ господствовавшаго въ сентиментально-романтическую эпоху интереса къ народнымъ преданіямъ и сказкамъ. Еще до начала своей поэмы Пушкинъ взялся (въ 1815 г.) за обработку другого сказочнаго сюжета, именно сказки о „*Бовѣ*“, но не окончилъ своего труда [1]). О русскихъ сказкахъ, которыхъ онъ наслушался отъ своей няни, Пушкинъ упоминаетъ между прочимъ и въ своемъ лицейскомъ стихотвореніи „*Сонъ*“. Кое-что, дѣйствительно, Пушкинъ заимствовалъ для своей поэмы изъ народныхъ сказокъ: напр., эпизодъ встрѣчи Рус- Источники поэмы.

---

[1]) До Пушкина на сказочные и былинные сюжеты писали еще *Александръ Радищевъ* («Бова»), его сынъ *Николай* («Алеша Поповичъ и Чурила Пленковичъ»), *Н. Львовъ* («Добрыня»—богатырская пѣснь), *Карамзинъ* («Илья Муромецъ»), — отсюда между прочимъ Пушкинъ заимствовалъ имя *Черномора*.

лана съ головою взятъ Пушкинымъ изъ популярной сказки о „Ерусланѣ Лазаревичѣ“. Однако такихъ заимствованій изъ народныхъ источниковъ въ поэмѣ немного, потому что въ эту эпоху Пушкинъ вообще былъ еще очень мало знакомъ съ народной словесностью.

Гораздо болѣе вліянія оказали на „Руслана и Людмилу“ различныя *литературныя* произведенія, русскія и иностранныя, послужившія образцами для Пушкина; таковы поэмы итальянскаго поэта 16-го вѣка *Аріосто* („Влюбленный Роландъ“ и „Неистовый Роландъ“), „Оберонъ“ *Виланда*, „Орлеанская Дѣвственница“ *Вольтера*, „Душенька“ *Богдановича* и др. Что касается до Жуковскаго, то на „Русл. и Людм.“ его вліяніе не отразилось вовсе, такъ какъ по своему тону и содержанію эта поэма совсѣмъ не подходитъ къ характеру его чистой и элегической поэзіи; Пушкинъ даже позволилъ себѣ, несмотря на все свое уваженіе къ Жуковскому, въ легкой формѣ пародировать одну изъ балладъ своего „учителя въ поэзіи“ (приключенія Ратмира въ теремѣ двѣнадцати дѣвъ, въ 4-ой пѣснѣ поэмы).

Ея недостатки.

Въ качествѣ перваго произведенія поэма „Русланъ и Людмила“ не свободна отъ существенныхъ недостатковъ. Прежде всего она совершенно лишена отпечатка *народности*: кромѣ именъ, здѣсь нѣтъ ничего типически-русскаго. Затѣмъ самый тонъ поэмы не вполнѣ выдержанъ и очень далекъ отъ простодушной наивности народныхъ сказокъ, которымъ хотѣлъ подражать Пушкинъ въ своемъ произведеніи. Очень часто ясно просвѣчиваетъ *ироническое* отношеніе автора къ своему сюжету; весь разсказъ ведется въ легкомъ, шутливомъ тонѣ: самъ Пушкинъ говоритъ въ „Посвященіи“: „Примите жъ вы мой трудъ *игривый*,“ выражая этими словами собственный взглядъ на свою поэму. Наконецъ, характеры выведенныхъ лицъ обрисованы лишь блѣдными чертами и также не вполнѣ выдержаны; такъ, напр., меланхолическія размышленія Руслана на полѣ битвы („О поле, поле, кто тебя усѣялъ мертвыми костями“) совершенно не соотвѣтствуютъ характеру древне-русскаго витязя, придавая ему какой-то сентиментальный отпечатокъ. Другія лица поэмы: Рогдай, Ратмиръ, Фарлафъ очерчены еще болѣе бѣгло [1]).

---

[1]) Изъ нихъ *Фарлафъ* представляетъ собой новую варіацію очень стараго литературнаго типа „хвастливаго воина“, который впервые изо-

Что касается до Людмилы, то нѣкоторыми чертами характера она напоминаетъ *Душеньку* Богдановича.

Достоинства *„Руслана и Людмилы“* — чисто внѣшнія и заключаются въ красивомъ и легкомъ языкѣ, въ звучныхъ стихахъ, въ картинныхъ описаніяхъ. Эти достоинства и создали громкій успѣхъ поэмы, несмотря на ничтожность ея содержанія. Друзья поэта и вообще всѣ сторонники новаго литературнаго направленія встрѣтили поэму восторженными одобреніями, и прозваніе: „пѣвца Людмилы и Руслана“ надолго утвердилось за Пушкинымъ. Напротивъ того, представители старой литературной школы отнеслись къ поэмѣ Пушкина очень несочувственно: самая попытка — подражать въ литературѣ народнымъ сказкамъ—показалась имъ чѣмъ-то неприличнымъ, унизительнымъ для художественнаго литературнаго произведенія [1]). Успѣхъ поэмы.

2. Байроническія поэмы.

Во время пребыванія на югѣ Россіи Пушкинъ познакомился съ произведеніями *Байрона*, которыя произвели на него чрезвычайно сильное впечатлѣніе. На нѣсколько лѣтъ Байронъ становится его любимымъ поэтомъ, его „властителемъ думъ“. Пушкинъ даже самъ проникается отчасти *байроническимъ настроеніемъ*, съ его разочарованностью, скептицизмомъ и презрѣніемъ къ людямъ; эти черты отразились какъ въ нѣкоторыхъ лирическихъ стихотвореніяхъ (напр., *„Демонъ“*), такъ и въ написанныхъ на югѣ поэмахъ: „Кавказскій Плѣнникъ“, „Бахчисарайскій Фонтанъ“ и „Цыганы“. Байронизмъ Пушкина.

браженъ былъ римскимъ писателемъ Плавтомъ въ комедіи «Miles gloriosus». Отъ Плавта онъ перешелъ въ старую испанскую и итальянскую комедію, гдѣ является въ образѣ «matomoro» (убійца мавровъ), постоянно похваляющагося своими геройскими подвигами, но при малѣйшей опасности обращающагося въ бѣгство. Черезъ вліяніе испанской и итальянской сцены этотъ традиціонный типъ проникъ и во французскую комедію до классической эпохи. Такимъ образомъ литературные предки Пушкинскаго Фарлафа восходятъ къ очень далекой старинѣ.

[1]) Одинъ изъ такихъ литературныхъ старовѣровъ (Каченовскій) комически жаловался въ своемъ журналѣ на паденіе вкуса и съ негодованіемъ вопрошалъ: «Возможно ли просвѣщенному, или хоть немного свѣдующему человѣку терпѣть, когда ему предлагаютъ новую поэму, написанную въ подражаніе Еруслану Лазаревичу?.. Позвольте спросить: если бы въ московское благородное собраніе какъ-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ и закричалъ бы зычнымъ голосомъ: здорово ребята! Неужели бы стали такимъ проказникомъ любоваться?»

Но это настроеніе мало соотвѣтствовало дѣйствительной природѣ Пушкина, его свѣтлому міросозерцанію и жизнерадостному характеру, и потому увлеченіе Байрономъ не могло быть продолжительнымъ, и послѣ отъѣзда съ юга въ его отношеніи къ Байрону произошелъ поворотъ, который ясно обнаруживается уже въ послѣдней изъ его байроническихъ поэмъ, въ „Цыганахъ“.

Поэзія Байрона.

Въ поэзіи Байрона преобладаютъ два главныхъ мотива. Первый изъ нихъ — *разочарованіе*, переходящее у него въ озлобленіе противъ современнаго общества и современной культуры (черта, сближающая Байрона съ романтиками). Этотъ мотивъ ясно выступаетъ уже въ первомъ крупномъ произведеніи Байрона, въ поэмѣ „Странствованія Чайльдъ-Гарольда“ (1812 г.). Герой поэмы, пресытившись разгульной жизнью въ кругу товарищей, отправляется искать новыхъ впечатлѣній въ далекія южныя страны, посѣщаетъ Испанію, Италію, Грецію, Турцію. Но повсюду онъ видитъ лишь картины человѣческихъ страданій и позора, представляющія полный контрастъ съ роскошными картинами южной природы; повсюду его преслѣдуетъ „демонъ мысли“ (the demon Thought), безпощадно разоблачающій передъ нимъ темныя стороны существованія. Байронъ является въ этомъ отношеніи однимъ изъ представителей *міровой скорби* въ литературѣ. Въ жизни онъ видитъ лишь роковыя противорѣчія, не находя изъ нихъ исхода. Даже тамъ, гдѣ онъ смѣется (напр., въ сатирической поэмѣ „*Донъ-Жуанъ*“), смѣхъ его полонъ болѣзненной грусти; онъ безпощадно разоблачаетъ человѣческіе слабости и пороки и рисуетъ мрачными красками нравы современнаго общества. Нигдѣ не замѣтно у него вѣры въ конечное торжество добрыхъ началъ въ душѣ человѣка.

Другой мотивъ, господствующій въ поэзіи Байрона, это — *культъ личности*. Этотъ мотивъ проходитъ черезъ большинство его произведеній. Герои Байрона обыкновенно являются воплощеніемъ силы воли, энергіи, вѣры въ себя и титанической гордости. Они стремятся къ безграничной личной свободѣ и для исполненія своихъ желаній не останавливаются даже передъ преступленіемъ („Корсаръ“, „Лара“). Ставя свою личность выше всего окружающаго, они къ другимъ людямъ относятся съ полнымъ презрѣніемъ, и потому

ихъ культъ собственнаго *Я* нерѣдко переходилъ въ „безнадежный эгоизмъ“, по выраженію Пушкина [1]).

„Кавказскій Плѣнникъ“ принадлежитъ къ числу наименѣе самостоятельныхъ произведеній Пушкина. Самъ Пушкинъ былъ имъ недоволенъ и не хотѣлъ печатать. На этой поэмѣ отразилось сильное вліяніе Байрона и отчасти Шатобріана. Въ лицѣ „плѣнника“ Пушкинъ хотѣлъ изобразить типъ человѣка, разочарованнаго въ современномъ культурномъ обществѣ и ищущаго себѣ счастія вдали отъ цивилизованной жизни, на лонѣ природы. Такимъ образомъ мы находимъ здѣсь характерное для всей романтической эпохи противопоставленіе культуры и природы. Кавказскій Плѣнникъ.

Но Пушкинъ мало выясняетъ намъ причины разочарованія, овладѣвшаго его героемъ, ограничиваясь лишь общими фразами: Неясность его характера.

Людей и жизнь извѣдалъ онъ
И зналъ невѣрной жизни цѣну.
Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви—безумный сонъ,—
Отступникъ свѣта, *другъ природы,*
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

О прошлой жизни „плѣнника“ мы узнаемъ лишь, что онъ любилъ какую-то женщину, но безъ взаимности, что онъ испыталъ „душевныя бури“, былъ „жертвою страстей“ и рано

[1]) Лордъ Байронъ (род. въ 1788 г.)—одинъ изъ величайшихъ англійскихъ поэтовъ. Основаніемъ его славы послужилъ «Чайльдъ-Гарольдъ» (1812). Байронъ много путешествовалъ по югу и востоку Европы; впечатлѣнія этихъ путешествій отразились въ его «восточныхъ» поэмахъ: «Гяуръ», «Корсаръ», «Осада Коринѳа». Наиболѣе крупное его произведеніе—«Донъ-Жуанъ», отличающееся замѣчательнымъ остроуміемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтической силой; здѣсь описаны приключенія молодого испанца Донъ-Жуана въ Испаніи, Греціи, Турціи, Россіи и Англіи; разнообразныя похожденія его героя даютъ Байрону полный просторъ для изображенія природы и жизни, для всевозможныхъ размышленій и лирическихъ отступленій. Въ своихъ драматическихъ мистеріяхъ: «Манфредъ» и «Каинъ» Байронъ касается высшихъ вопросовъ бытія; произведенія эти проникнуты глубокимъ пессимизмомъ, служатъ выраженіемъ «міровой скорби», составлявшей основу всего міросозерцанія Байрона. Личная жизнь Байрона сложилась очень неудачно. Въ 1816 г. онъ покинулъ Англію и уже болѣе въ нее не возвращался, а проживалъ большей частью въ Италіи. Въ послѣдніе годы жизни онъ принялъ участіе въ борьбѣ за освобожденіе Греціи и пожертвовалъ на это дѣло все свое состояніе. Въ Греціи же (въ Миссолунгахъ) онъ умеръ, въ 1824 году, 36 лѣтъ отъ роду.

сталъ ощущать скуку пресыщенія, убившаго въ немъ всякое живое чувство. Пушкинъ говоритъ о своемъ героѣ, что онъ

...бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье,
И о быломъ воспоминанье
Въ *увядшемъ сердцѣ* заключилъ.

Самъ плѣнникъ жалуется на то, что въ душѣ его царитъ „печальный хладъ", что въ ней нѣтъ уже „ни упоенья, ни желаній" и что онъ „умеръ для счастья". Такое душевное состояніе порождаетъ въ немъ равнодушіе и апатію, такъ что онъ даже начинаетъ примиряться со своимъ печальнымъ положеніемъ узника. Кромѣ того онъ слишкомъ гордъ для того, чтобы выказать свои страданія: гордость и молчаливое, одинокое страданіе—черты, принадлежащія также всѣмъ байроническимъ героямъ:

Таилъ въ молчаньи онъ глубокомъ
Движенья сердца своего
И на челѣ его высокомъ
Не отражалось ничего.

Пушкинъ самъ сознавалъ, что характеръ плѣнника вышелъ блѣднымъ и неяснымъ; образъ черкешенки также очерченъ только нѣсколькими штрихами: дитя природы—непосредственная натура, она всецѣло, безъ размышленія отдается своему чувству: ради своей любви она готова бросить отцовскій домъ и родину; она способна возвыситься даже до самопожертвованія: когда она узнаетъ, что плѣнникъ не можетъ ее полюбить, такъ какъ въ немъ жива еще его первая любовь, она возвращаетъ ему свободу, а сама въ отчаяніи кидается въ рѣку.

Достоинства поэмы.

Такимъ образомъ характеры въ поэмѣ едва намѣчены и слабо обрисованы, въ ней мало дѣйствія и драматическаго интереса, поэтому лучшими мѣстами ея являются *описательныя*. Картины Кавказа, описаніе грозы въ горахъ, быта черкесовъ, ихъ военныхъ игръ и кровавыхъ набѣговъ, ихъ простого образа жизни и патріархальнаго гостепріимства—все это отличается художественною простотою и яркостью. Въ этомъ отношеніи „Кавказскій Плѣнникъ" представляетъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ „Русл. и Людм.", гдѣ въ описаніяхъ слишкомъ мало красокъ и слишкомъ много общихъ выраженій.

Сюжетомъ „Бахчисарайскаго фонтана“ послужило старое преданіе о томъ, что нѣкогда татары, во время одного изъ своихъ опустошительныхъ набѣговъ на Польшу, увезли изъ отцовскаго дома молодую гр. Потоцкую, которая затѣмъ попала въ ханскій гаремъ, гдѣ крымскій ханъ настолько полюбилъ ее, что даже тайно съ нею обвѣнчался. Бахчисарайскій фонтанъ.

Но интересъ разсказа сосредоточивается не столько на любви хана, сколько на мученіяхъ ревности, которую эта любовь вызываетъ въ покинутой ханомъ супругѣ, Заремѣ. Ревность доводитъ наконецъ Зарему до преступленія, хотя она и знаетъ, что польская княжна ни въ чемъ передъ нею не виновата. Характеръ Заремы и Маріи представляетъ собой полную противоположность: первая — натура страстная, рѣшительная, ревнивая и мстительная. Полнѣе всего ея характеръ высказался въ сценѣ ночного свиданія съ Маріей, когда она открываетъ соперницѣ свои тайныя мученія, молитъ и заклинаетъ ее и кончаетъ угрозою, которую и приводитъ впослѣдствіи въ исполненіе.

Полную противоположность ей представляетъ Марія, натура кроткая и слабая, неспособная бороться за себя и перенести несчастіе. Ея кротость и духовная красота производитъ впечатлѣніе даже на жестокосердаго хана, такъ что онъ не хочетъ злоупотребить своей силой и робко ожидаетъ самъ ея любви.

Обѣ эти женскія фигуры напоминаютъ героинь Байрона: Медору и Гюльнару въ „Корсарѣ“, Зюлейку въ „Абидосской Невѣстѣ“; характеръ самого хана не удался Пушкину: онъ скорѣе напоминаетъ разочарованнаго байроническаго героя, чѣмъ полудикаго крымскаго татарина.

Поэма „*Цыганы*“, начатая въ Одессѣ въ 1823 г. и оконченная въ Михайловскомъ въ 1824 г., является, безспорно, наиболѣе совершенной въ художественномъ отношеніи среди его юношескихъ поэмъ. Сюжетъ *Цыганъ* былъ внушенъ Пушкину случаемъ изъ его собственной жизни: проѣзжая однажды по служебнымъ дѣламъ по Буджакской степи, Пушкинъ пригналъ къ кочевавшему тамъ цыганскому табору и нѣсколько дней провелъ вмѣстѣ съ цыганами, наблюдая ихъ бытъ и нравы. Поэзія дикой и беззаботной кочевой жизни произвела на поэта сильное впечатлѣніе, которое и отразилось въ картинахъ цыганскаго табора. Герой поэмы, Алеко, принадлежитъ, какъ и Кавказскій плѣнникъ, къ семьѣ байроническихъ героевъ, но образъ его обрисованъ Пушкинымъ гораздо полнѣе и ярче. Прежняя жизнь его, какъ и жизнь героевъ Байрона, окружена нѣкоторой таинственностью; мы узнаемъ только, что онъ и прежде велъ непостоянный образъ жизни: „гнѣзда надежнаго не зналъ“, что онъ когда-то увлекался жаждою Цыганы. Характеръ Алеко.

славы, что нерѣдко „играли страсти его послушною душой“ наконецъ, что его за что-то „преслѣдуетъ законъ“.

Какъ герои Байрона, какъ Рене Шатобріана, онъ совер шенно отрицательно относится къ современной культурно жизни. Когда Земфира спрашиваетъ его, не жалѣетъ ли он о покинутыхъ условіяхъ жизни, онъ отвѣчаетъ:

О чемъ жалѣть? Когда бъ ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душныхъ городовъ!
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой
Не дышатъ утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ;
Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей.

Его отношеніе къ цивилизаціи.

Но Алеко ненавидитъ не только культурную жизнь с неизбѣжными ея стѣсненіями, ограниченіями личной свобод ради общей пользы, онъ ненавидитъ всю цивилизацію во обще, считаетъ ее источникомъ всякаго зла и страданія. Он даже выражаетъ горькое сожалѣніе, почему онъ не родилс среди дикаго, незнакомаго съ цивилизаціей племени и вмѣст съ тѣмъ выражаетъ желаніе, чтобы его новорожденный сын остался совершенно чуждъ ея:

Подъ сѣнью мирнаго забвенья
Пускай цыгана бѣдный внукъ
Не знаетъ нѣгъ и пресыщенья
И пышной суеты наукъ...
Зато безпеченъ, здравъ и воленъ,
Не будетъ вѣдать ложныхъ нуждъ,
Онъ будетъ жребіемъ доволенъ,
Напрасныхъ угрызеній чуждъ.

Эта вражда къ культурному обществу и къ цивилизаці вообще и приводитъ Алеко въ цыганскій таборъ; стремяс „опроститься“, онъ самъ становится цыганомъ, добывая себ пропитаніе тѣмъ, что водитъ ручного медвѣдя, между тѣм какъ его подруга, Земфира, собираетъ съ зрителей деньги

Алеко скоро привыкъ къ быту цыганъ; онъ полюбил „ихъ ночлеговъ сѣни, и упоенье вѣчной лѣни, и бѣдны звучный ихъ языкъ“. Но, сбросивъ „оковы просвѣщенья Алеко не былъ въ состояніи передѣлать своего собственна

характера, основаннаго на эгоизмѣ и на стремленіи къ безусловной *личной* свободѣ, не могъ возвыситься до того беззлобнаго и простодушнаго отношенія къ жизни, образцомъ котораго является въ поэмѣ старый цыганъ. При полномъ отсутствіи образованія, у стараго цыгана есть нравственное чутье, котораго нѣтъ у Алеко.

Алеко и старый цыганъ.

Старый цыганъ уважаетъ чужую свободу и умѣетъ прощать нанесенную обиду. Алеко же ищетъ свободы лишь для самого себя, остается неисправимымъ эгоистомъ и, отуманенный жаждою мести, доходитъ наконецъ до кроваваго преступленія. Заключительныя слова стараго цыгана вскрываютъ эти отрицательныя черты характера Алеко: его эгоизмъ и презрѣніе къ людямъ. „Оставь насъ, *гордый человѣкъ*!“ говоритъ онъ:

Ты не рожденъ для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ:
Мы робки, и добры душою,
Ты золъ и смѣлъ—оставь же насъ;
Прости! да будетъ миръ съ тобою.

Старый цыганъ до конца сохраняетъ свое нравственное превосходство надъ Алеко: онъ не только не мститъ ему за убійство дочери, не проклинаетъ его, но заключаетъ свое послѣднее обращеніе къ нему добрымъ пожеланіемъ, пожеланіемъ мира его мятущейся душѣ.

Такимъ образомъ въ *Цыганахъ* мы находимъ характерное для романтизма противопоставленіе культурнаго человѣка (Алеко) и простыхъ, близкихъ къ природѣ людей, при чемъ нравственное превосходство находится на сторонѣ послѣднихъ. Это нравственное превосходство основано на природномъ добродушіи и на смиреніи передъ судьбою. Въ лицѣ Алеко полнѣе, чѣмъ въ Кавказскомъ плѣнникѣ, очерченъ типъ байроническаго героя. Но Пушкинъ уже не идеализируетъ этотъ типъ; онъ совершенно ясно указываетъ на коренной недостатокъ байроническихъ натуръ, на ихъ „безнадежный эгоизмъ“ (выраженіе самого Пушкина въ „Евг. Онѣгинѣ“). Этотъ эгоизмъ естественно возникаетъ изъ того *культа личности*, который лежитъ въ основѣ всей поэзіи

Отношеніе Пушкина къ байроническому идеалу.

Байрона. Пушкинъ назвалъ впослѣдствіи Байрона—„поэтомъ гордости“, такъ какъ гордость и презрѣніе къ людямъ—отличительныя черты его героевъ. Въ лицѣ Алеко Пушкинъ развѣнчалъ этотъ байроническій идеалъ гордой личности; это доказываетъ, что въ то время, когда онъ кончалъ свою поэму, онъ уже самъ освободился отъ своего увлеченія Байрономъ и могъ отнестись къ нему болѣе самостоятельно.

8. Евгеній Онѣгинъ.

Въ маѣ 1823 года, живя въ Кишеневѣ, Пушкинъ началъ *Евгенія Онѣгина*, почти одновременно съ *Цыганами*. Въ первыхъ своихъ поэмахъ онъ воспроизводилъ образъ байроническаго героя, въ его наиболѣе общемъ, *типическомъ* проявленіи; въ своемъ новомъ романѣ онъ хотѣлъ изобразить конкретный *бытовой* типъ русскаго байрониста и вмѣстѣ съ тѣмъ дать сатирическую картину русской жизни того времени. Ближайшими образцами для него служили „Донъ Жуанъ“ и „Беппо“, юмористическая поэма Байрона. Пушкинъ съ увлеченіемъ принялся за работу, „Пишу теперь новую поэму, въ которой забалтываюсь донельзя“, сообщалъ Пушкинъ своему другу, барону Дельвигу. Приступая къ своему новому произведенію, онъ еще самъ не зналъ, какое важное мѣсто оно займетъ въ исторіи его творчества; въ это время даже характеры главныхъ героевъ не были ему еще вполнѣ ясны: поэтъ самъ говоритъ въ концѣ 8-й главы, что въ началѣ своей работы — „даль свободнаго романа“ онъ „сквозь магическій кристаллъ еще неясно различалъ“.

Онѣгинъ, какъ бытовой типъ.

Пушкинъ работалъ надъ *Евгеніемъ Онѣгинымъ* болѣе 7 лѣтъ, и романъ этотъ успѣлъ сдѣлаться его излюбленнымъ произведеніемъ. За это время многое измѣнилось въ судьбѣ Пушкина, въ его взглядахъ и настроеніи, и эти перемѣны, конечно, должны были такъ или иначе отразиться и въ его романѣ. Когда онъ задумалъ его, онъ находился еще подъ вліяніемъ Байрона. Поэтому въ первой главѣ онъ относится къ Онѣгину съ сочувствіемъ, какъ къ лицу положительному. Пушкинъ самъ въ эту эпоху еще переживалъ байроническое настроеніе: разочарованіе, презрѣніе къ людямъ, которое отразилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ романа (напр., гл. I,

Вліяніе Байрона.

строфы 45, 46; гл. II, стр. 14, 17 и др.). Пушкинъ даже выставляетъ Онѣгина своимъ другомъ; онъ говоритъ:

Съ нимъ подружился я въ то время.
Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность
Неподражательная странность
И рѣзкій, охлажденный умъ:
Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ;
Игру страстей мы знали оба;
Томила жизнь обоихъ насъ;
Въ обоихъ сердца жаръ погасъ...

Однако уже въ первой главѣ Пушкинъ мѣстами иронически отзывается о своемъ героѣ, называетъ его „повѣсой пылкимъ“ и „философомъ въ осьмнадцать лѣтъ“ и показываетъ его внутреннюю пустоту и верхоглядство. Но онъ еще далекъ отъ мысли развѣнчать своего героя и относится къ нему съ явной симпатіей. Тѣмъ не менѣе уже въ первой главѣ ясно выступаютъ основные недостатки Онѣгина, какъ *общественнаго типа*, и указанъ также главный *источникъ* этихъ недостатковъ. Источникъ этотъ заключается въ отсутствіи правильнаго воспитанія и основательнаго образованія. Поэтому Пушкинъ и останавливается такъ подробно на *воспитаніи* Онѣгина, которое является весьма типичнымъ для богатыхъ дворянскихъ семей того времени. Съ дѣтства Онѣгинъ не зналъ настоящей семейной жизни: матери у него не было, отецъ имъ не занимался, предоставивъ его наемнымъ гувернерамъ и гувернанткамъ. Ученье его не было поставлено серьезно, его не пріучили къ систематическому труду; оттого Онѣгинъ и вышелъ съ малымъ запасомъ знаній и безъ привычки къ серьезной работѣ. Воспитаніе сообщило ему лишь внѣшній лоскъ, безукоризненное знаніе французскаго языка и умѣнье держать себя въ обществѣ,— Воспитаніе Онѣгина.

Безъ принужденья въ разговорѣ
Коснуться до всего слегка;
Съ ученымъ видомъ знатока
Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
И возбуждать улыбку дамъ
Огнемъ нежданныхъ эпиграммъ.

Этого было достаточно для того, чтобъ „свѣтъ рѣшилъ, что онъ уменъ и очень милъ“. Затѣмъ Онѣгинъ на полной

свободѣ предался всѣмъ удовольствіямъ свѣтской жизни, про водя свое время на балахъ и въ модныхъ салонахъ, посѣща рестораны и балетъ, являясь повсюду одѣтымъ по послѣд ней модѣ, но болѣе всего занимаясь „наукой страсти нѣж ной“, которую онъ постигъ въ совершенствѣ. Пушкинъ до вольно подробно останавливается на описаніи разсѣянно петербургской жизни Онѣгина, и въ этомъ описаніи мы встрѣ чаемъ, несомнѣнно, нѣкоторыя автобіографическія черты Однако Онѣгинъ не могъ вполнѣ удовлетвориться подобным образомъ жизни и быть вполнѣ счастливымъ среди постоян ныхъ разсѣяній. Подобно Чайльдъ-Гарольду Байрона, он рано *пресытился наслажденіями жизни* и отказался от нихъ. Кромѣ того полученное образованіе, несмотря на сво поверхностность, все-таки познакомило его съ болѣе высоким интересами умственной жизни и такимъ образомъ возвысил его надъ уровнемъ интересовъ окружающаго общества. Н вмѣстѣ съ тѣмъ его образованіе было слишкомъ недостаточ нымъ: Онѣгинъ нахватался лишь однихъ верховъ, напр., чи талъ Адама Смита, который въ эту эпоху былъ въ модѣ, н въ его знаніяхъ не было ни связи, ни системы.

Черты полуобразованія.

Такимъ образомъ Онѣгинъ является типичнымъ предста вителемъ *полуобразованія*, какихъ много было въ эту эпоху Съ этой точки зрѣнія Онѣгинъ пріобрѣтаетъ значеніе обще ственнаго типа. Не трудно видѣть, почему сложился у нас подобный типъ. Въ то время какъ на Западѣ образованіе раз вивалось органически, путемъ долгой и правильной работ мысли, къ намъ оно было пересажено сразу, на почву, недо статочно подготовленную. На Западѣ идеи вырабатывались переживались; въ русскомъ обществѣ онѣ принимались боль шею частью пассивно, иногда въ силу простого подражанія какъ модный покрой платья; при этомъ брались обыкновенн одни верхи; поэтому въ усвоенныхъ знаніяхъ не было твер дости и точности; принятыя на вѣру, идеи не входили в плоть и въ кровь, не входили въ жизнь, а въ усвоенныхъ на строеніяхъ было много напускного, неискренняго и театраль наго. Такимъ *напускнымъ*, *моднымъ настроеніемъ* являлс въ эпоху Онѣгина байронизмъ; поэтому не удивительно, чт Онѣгинъ усвоилъ его себѣ, выставляя напоказъ свою *разо чарованность*. Пушкинъ самъ характеризовалъ русскую полу образованность, представителемъ которой является его герой

Намъ просвѣщенье не пристало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство—больше ничего.

Воспитаніе не выработало въ Онѣгинѣ способности къ правильному и систематическому труду. Онъ даже вовсе не умѣетъ приступить къ нему: пресытившись удовольствіями свѣтской жизни, онъ берется за перо—„но трудъ упорный ему былъ тошенъ: ничего не вышло изъ пера его". Это вполнѣ понятно, такъ какъ для того, чтобы писать о чемъ-либо, нужно имѣть достаточно матеріала, который получается путемъ чтенія и внимательнаго изученія: только накопивъ такой матеріалъ можно приступить къ самостоятельной обработкѣ его. Онѣгинъ же поступаетъ какъ разъ наоборотъ: лишь потерпѣвъ неудачу на поприщѣ писателя, онъ берется за книги для того, чтобы „себѣ присвоить умъ чужой". Но и къ серьезному, дѣльному чтенію онъ неспособенъ, потому что не желаетъ начинать съ азовъ, а достаточной подготовки у него также нѣтъ; чтеніе поэтому скоро наскучиваетъ ему и онъ рѣшаетъ съ плеча:

Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ;
Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;
На всѣхъ различныя вериги;
И устарѣла старина,
И старымъ бредитъ новизна [1]).
Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги,
И полку съ пыльной ихъ семьей
Задернулъ траурной тафтой.

Характеръ его разочарованности.

Такимъ образомъ Онѣгинъ не знаетъ, за что взяться, къ чему пристроиться; свѣтская жизнь его не удовлетворяетъ: отъ однихъ онъ отсталъ, а къ другимъ не присталъ, и потому на его долю остается лишь *хандра и апатія*, которую онъ самъ принимаетъ за *разочарованность*. Полуобразованіе обыкновенно бываетъ связано съ высокимъ о себѣ мнѣніемъ; поэтому Онѣгинъ считаетъ себя въ правѣ относиться къ окружающимъ съ презрѣніемъ, хотя самъ во многихъ случаяхъ не въ состояніи возвыситься надъ предразсудками среды; напр., презирая общественное мнѣніе, въ то же время боится его и идетъ на дуэль съ Ленскимъ, опасаясь толковъ окружающихъ, хотя тутъ же на дуэли наноситъ оскорбленіе Зарѣц-

[1]) Намекъ на романтизмъ съ его культомъ старины.

кому, привозя съ собой въ качествѣ секунданта своего лакея. Сознавая себя неправымъ, Онѣгинъ не только принимаетъ вызовъ Ленскаго, но даже самъ стрѣляетъ въ него *первымъ*, и такимъ образомъ убиваетъ своего друга изъ-за мелочныхъ пересудовъ и изъ-за пустого самолюбія. Такое же высокомѣріе выказываетъ Онѣгинъ и относительно Татьяны. Онъ отвергаетъ ея любовь, потому что считаетъ себя стоящимъ выше такихъ чувствъ, какъ стремленіе къ семейному счастью, которое кажется ему мелкимъ и пошлымъ; онъ пренебрегаетъ съ высоты своего пьедестала, любовью „деревенской барышни" и читаетъ ей сухую мораль, рисуясь своей разочарованностью и холодностью. Но когда онъ встрѣчаетъ Татьяну уже въ качествѣ блестящей свѣтской дамы, окруженной блескомъ и уваженіемъ, его отношеніе къ ней перемѣняется и онъ самъ начинаетъ преслѣдовать ее своей любовью. Однако теперь роли перемѣнились, и уже Татьяна читаетъ ему мораль, въ отвѣтъ на его признаніе. Она показываетъ ему, что источникъ его любви коренится въ мелкомъ чувствѣ тщеславія, въ желаніи побѣдить сердце блестящей и уважаемой свѣтской женщины:

Зачѣмъ у васъ я на примѣтѣ?
Не потому ль, что высшемъ свѣтѣ
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна;
Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ;
Что насъ за то ласкаетъ дворъ?
Не потому ль, что мой позоръ
Теперь бы всѣми былъ замѣченъ,
И могъ бы въ обществѣ принесть
Вамъ соблазнительную честь?

Его тщеславіе.

Такимъ образомъ источникомъ любви Онѣгина къ Татьянѣ является себялюбивое *тщеславіе*, показывающее внутреннюю пустоту его натуры. Однако, возникши изъ мелочныхъ побужденій, его чувство превращается въ настоящую страсть, и онъ мучится при мысли о потерянномъ счастьѣ, которое „было такъ возможно, такъ близко!" Въ этомъ позднемъ пробужденіи настоящаго, живого человѣческаго чувства, становящагося для Онѣгина источникомъ страданія, заключается для него какъ бы наказаніе за его долголѣтнее притворство, за напускную холодность и разочарованность, за постоянное стремленіе щеголять какой-либо маской. Эту черту вѣрно разгадала въ немъ Татьяна, когда въ библіотекѣ Онѣгина ближе

познакомилась съ его любимыми книгами и съ тѣми интимными замѣтками, которыя онъ дѣлалъ на нихъ:

Что жъ онъ? Ужели *подражанье*
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ?
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?..
Ужъ не пародія ли онъ?

Байронизмъ, какъ модное явленіе.

Въ этихъ словахъ заключается опредѣленіе того, что представляетъ собой Онѣгинъ: онъ—„москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ“, человѣкъ, щеголяющій модною маской, старающійся казаться не тѣмъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, придать себѣ большее значеніе. На западѣ *байронизмъ* и вся поэзія разочарованія развились *исторически*, вытекли изъ сложившихся условій жизни и изъ самаго хода исторіи: многовѣковая умственная жизнь вызвала утомленіе въ образованномъ обществѣ и недовольство современной культурой; къ этому присоединилось еще тяжелое разочарованіе, принесенное французской революціей, на которую возлагали столь великія надежды. Ничего подобнаго не было въ Россіи: культура здѣсь была вновѣ и не могла вызвать пресыщенія, никакихъ разочарованій испытывать не приходилось, и потому не было никакихъ основаній для появленія такого типа, какъ Чайльдъ-Гарольдъ и разочарованные герои романтиковъ. Однако *русское общество, не привыкшее еще жить самостоятельной умственной жизнью*, заимствовавшее съ Запада всякую новинку, *заимствовало и романтическую разочарованность и мрачный байронизмъ*. И вотъ, въ силу подражанія, появился типъ „москвича въ Гарольдовомъ плащѣ“, воплощенный Пушкинымъ въ Онѣгинѣ и впослѣдствіи Лермонтовымъ въ Печоринѣ.

Отношеніе автора къ Онѣгину.

Развѣнчавъ въ лицѣ Алеко отвлеченный идеалъ байронизма, Пушкинъ въ лицѣ Онѣгина развѣнчалъ его *бытовое русское проявленіе*. Пушкинъ показалъ его *внутреннюю пустоту и несостоятельность*. Въ началѣ романа онъ взглянулъ на него лишь какъ на „пылкаго повѣсу“, скучающаго отъ пресыщенія; но затѣмъ онъ показалъ, какъ этотъ „повѣса“, изъ-за побужденія мелочного тщеславія и самолюбія способенъ разбить сердце дѣвушки и пролить кровь собственнаго друга.

Такимъ образомъ къ концу романа отношеніе Пушкина

къ своему герою значительно измѣнилось: задуманный, как комическая поэма въ стилѣ „Беппо“, романъ приходитъ к мрачной трагической развязкѣ, и фигура Онѣгина получает гораздо болѣе серьезное значеніе, чѣмъ портретъ скучающаго свѣтскаго франта.

Двѣ причины способствовали тому, что Пушкинъ заинтересовался Онѣгинымъ: во 1-хъ, онъ видѣлъ въ немъ довольно распространенный общественный типъ, возникшій на почвѣ господствовавшей полуобразованности и подражательности [1]); во 2-хъ, Онѣгинъ, несмотря на всѣ свои недостатки, все-таки стоитъ выше окружающей среды: онъ надѣленъ недюжиннымъ умомъ, со скептическимъ оттѣнкомъ, хочетъ казаться „положительнымъ человѣкомъ“ (отношеніе къ поэзіи чтеніе Адама Смита, бесѣды съ Ленскимъ); онъ не чуждъ даже добрыхъ стремленій: такъ, напр., пріѣхавъ въ деревню „яремъ онъ барщины старинной—оброкомъ легкимъ замѣнилъ“, но затѣмъ мало заботится о своемъ хозяйствѣ и о благосостояніи своихъ крестьянъ, предоставивъ, вѣроятно все управленіе старостѣ и приказчику. Но главное отличіе его отъ окружающихъ заключается въ томъ чувствѣ внутренней неудовлетворенности, которое повсюду его преслѣдуетъ пустая разсѣянная жизнь его не привлекаетъ, а къ разумной дѣятельности онъ неспособенъ; онъ живетъ:

Положительныя черты Онѣгина.

Внимая въ шумѣ и въ тиши
Роптанье вѣчное души.

Онъ молодъ, въ немъ много нерастраченныхъ силъ, но онъ не умѣетъ приложить ихъ къ дѣлу, оттого онъ *самъ томится пустотою своей жизни*, скука преслѣдуетъ его и въ порывѣ отчаянія онъ восклицаетъ: „Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка! чего мнѣ ждать? тоска! тоска!“ Если Онѣгинъ является *типичнымъ представителемъ русской полуобразованности* того времени, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ является и *жертвой* ея. Его неудовлетворенность и внутреннія страданія возвышаютъ его надъ уровнемъ того общества, которое Пушкинъ охарактеризовалъ въ VII-ой главѣ. Въ этомъ превосходствѣ Онѣгина и заключается причина тайной симпатіи къ нему Пушкина, вслѣдствіе которой онъ въ концѣ романа

[1]) Конечно, не вся современная русская молодежь состояла изъ Онѣгиныхъ; на ряду съ ними существовали люди совершенно иныхъ взглядовъ и настроеній,—напр., тѣ, изъ среды которыхъ впослѣдствіи вышли такъ называемые декабристы.

беретъ его подъ свою защиту противъ нападокъ со стороны людей золотой середины (гл. VIII, стр. 9—10).

Ленскій во многихъ отношеніяхъ представляетъ прямую противоположность Онѣгину. Пушкинъ самъ говоритъ: „волна и камень, стихи и проза, ледъ и пламень не столь различны межъ собой“. Но именно благодаря этому различію они и сошлись такъ близко, а также и благодаря общности интересовъ, возвышающихся надъ уровнемъ обыденныхъ интересовъ помѣщичьей среды. Но вслѣдствіе противоположности взглядовъ „межъ ними все рождало споры“. Онѣгинъ былъ скептикъ, Ленскій—пылкій энтузіастъ. Онѣгинъ съ презрѣніемъ относился къ людямъ, Ленскій питалъ глубокую вѣру въ человѣка, въ его нравственное совершенство (гл. II, стр. 8). Онѣгинъ относился ко всему равнодушно и прикрывалъ свою апатію мантіей разочарованія, Ленскій увлекается всѣмъ высокимъ и свѣтлымъ, его волнуетъ „негодованье, сожалѣнье, ко благу чистая любовь“; наконецъ, Онѣгинъ съ пренебреженіемъ относился къ поэзіи, бранилъ Гомера, Ѳеокрита, въ то время какъ Ленскій самъ былъ поэтомъ. Ленскій. Его идеалистическое настроеніе.

Ленскій получилъ образованіе въ Германіи и вернулся изъ-за границы „съ душою чисто геттингенской“, проникнутый тѣми идеями и настроеніями, которыя въ эту эпоху господствовали среди германской университетской молодежи.

Поклонникъ Канта и поэтъ,
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь
И кудри черныя до плечъ.

Проникнутый всецѣло идеализмомъ, господствовавшимъ въ то время въ нѣмецкой философіи, Ленскій мало знаетъ дѣйствительную жизнь людей, и живетъ большею частью въ мечтахъ, которыя онъ воплощаетъ въ поэзіи. Какъ представитель эпохи романтизма, онъ обыкновенно изливаетъ чувства въ элегіяхъ, излюбленной романтиками формѣ поэзіи. Ленскій, какъ романтикъ.

Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
И нѣчто, и *туманну даль*
И романтическія розы,
Онъ пѣлъ тѣ дальнія страны,

Гдѣ долго въ лоно тишины
Лились его живыя слезы;
Онъ пѣлъ *поблеклый жизни цвѣтъ,*
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

Въ этихъ словахъ чувствуется тонкая насмѣшка. Пушкинъ съ большой симпатіей относится къ Ленскому, но онъ въ своей характеристикѣ отмѣчаетъ и черты наивности и незрѣлости. Самъ Пушкинъ переживалъ въ свое время то настроеніе, которымъ проникнуты элегіи Ленскаго: онъ также, въ своихъ лицейскихъ элегіяхъ, „пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ, безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ"; но онъ уже давно пережилъ эту стадію развитія и потому относится къ Ленскому съ мягкой и снисходительной ироніей. Въ „Образцахъ стихотвореній Ленскаго" и въ элегіи „Куда, куда вы удалились"... Пушкинъ замѣчательно вѣрно воспроизвелъ форму, тонъ и содержаніе элегическихъ стиховъ того времени. Такимъ образомъ Ленскій является типичнымъ представителемъ того мечтательнаго романтизма, который былъ внесенъ въ русскую поэзію Жуковскимъ и которому самъ Пушкинъ заплатилъ дань въ своихъ лицейскихъ элегіяхъ.

Его элегіи.

Татьяна.

Татьяна является любимой героиней Пушкина: онъ часто и подробно останавливается на ея характеристикѣ, и эта характеристика проникнута чувствомъ живой симпатіи. „Я такъ люблю Татьяну милую мою!", восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ. Татьяна воспитана въ патріархальной обстановкѣ стараго помѣщичьяго дома. Отецъ ея, отставной бригадиръ, былъ, по выраженію Пушкина, „добрый малый, въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалый"; всѣ дѣла по хозяйству онъ предоставилъ своей женѣ, „а самъ въ халатѣ ѣлъ и пилъ".

Семейная обстановка.

Когда въ гостепріимный домъ Лариныхъ съѣзжались сосѣди-помѣщики, то разговоры ихъ вращались неизмѣнно въ области обыденныхъ интересовъ: „о сѣнокосѣ, о винѣ, о псарнѣ, о своей роднѣ"; другихъ, болѣе высокихъ интересовъ они не знали. Понятно, что жизнь въ такой средѣ не могла вполнѣ удовлетворить Татьяну, натуру незаурядную, отъ природы одаренную тонкой впечатлительностью и неяснымъ стремленіемъ къ другой, болѣе разумной и содержательной жизни. Поэтому съ дѣтства она росла одиноко, держалась въ сторонѣ отъ своихъ сверстницъ и „въ семьѣ своей родной ка-

залась дѣвочкой чужой". Шумныя дѣтскія игры не привлекали ея, и она предпочитала уединеніе, гдѣ на свободѣ могла отдаться своимъ мечтамъ.

Задумчивость, ея подруга,
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украшала ей.

Чуждая дѣйствительности, она все время жила въ мірѣ своей фантазіи. Окружавшая ее жизнь и люди не привлекали ее; она жила въ особомъ, идеальномъ мірѣ, который она создала въ своемъ воображеніи на основаніи своихъ любимыхъ романовъ [1]). Въ этихъ *романахъ* находила обильную пищу ея природная *мечтательность* и *чувствительность*. Чтеніе было ея излюбленнымъ занятіямъ: Пушкинъ говоритъ: Увлеченіе романами.

Ей рано нравились романы,
Они ей замѣняли все;
Она влюбилася въ обманы
И Ричардсона, и Руссо...

Но чтеніе это было крайне одностороннимъ, такъ какъ сентиментальные романы, которыми увлекалась Татьяна, еще болѣе возбуждали ея чувствительность, нисколько не знакомя ее съ дѣйствительной жизнью, ни съ людьми, которыхъ она не знала и о которыхъ судила только по романамъ. Между тѣмъ окружавшая ее дѣйствительность и сосѣди-помѣщики слишкомъ мало походили на ея идеальныя представленія о жизни и людяхъ, какія она себѣ составила.

Поэтому она чувствовала себя одинокой, неудовлетворенной и волновалась смутными ожиданіями. Это настрое- Ея настроеніе.

[1]) Чтеніе романовъ открывало душу Татьяны преимущественно для иностраннаго вліянія. Но были въ окружающей средѣ и такія условія, которыя способствовали развитію національныхъ чертъ характера и благодаря которымъ Татьяна, несмотря на свое иностранное воспитаніе, все-таки осталась, по выраженію Пушкина, „русская душою", а не стала „чужихъ причудъ истолкованьемъ", какимъ былъ Онѣгинъ. Это національное, туземное вліяніе исходило по преимуществу со стороны ея няни-старушки, въ лицѣ которой Пушкинъ изобразилъ свою собственную няню, знаменитую Арину Родіоновну. Отъ нея, очевидно, Татьяна наслышалась русскихъ народныхъ сказокъ, пѣсенъ, повѣрій. Она не чужда была даже нѣкоторыхъ суевѣрій, „вѣрила преданьямъ простонародной старины—и снамъ, и карточнымъ гаданьямъ, и предсказаніямъ луны". Читая Руссо и Стерна, она вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко заглядывала въ книгу Мартына Задеки, „толкователя сновъ". Въ самомъ снѣ Татьяны отражается ея близкое знакомство съ народными сказками; отдѣльныя черты ея сновидѣнія навѣяны различными сказочными образами, наполнявшими, очевидно, ея воображеніе.

ніе наиболѣе способствовало ея быстрому увлеченію Онѣгинымъ. Вѣроятно, она уже раньше слышала о немъ неблагопріятные толки сосѣдей и восторженные отзывы Ленскаго о его новомъ другѣ, возбудившіе въ ней интересъ къ Онѣгину, какъ къ человѣку непохожему на всѣхъ окружающихъ. Уже при первомъ знакомствѣ, Онѣгинъ произвелъ на нее сильное впечатлѣніе. Его разочарованность, напускная холодность, оригинальность манеръ и рѣзкость сужденій, все это было ново для Татьяны, внушало ей высокое мнѣніе объ Онѣгинѣ. Она увидала въ немъ героя того романтическаго міра, въ которомъ жила ея фантазія. Неопытная въ жизни и незнакомая съ людьми, она, конечно, не могла вѣрно разгадать Онѣгина, и увлеклась имъ; ей казалось, что „это онъ", „родная душа", которой не находила она среди окружающихъ и которая пойметъ ея собственныя чувства и стремленія.

Любовь къ Онѣгину.

Какъ натура прямая, не терпящая лжи и притворства, Татьяна рѣшается сама открыться въ своемъ чувствѣ Онѣгину и пишетъ ему свое знаменитое письмо. Многое въ этомъ письмѣ навѣяно литературными образцами, отдѣльныя мысли и выраженія заимствованы, напр., у Руссо (изъ „Новой Элоизы"), но все оно проникнуто такой искренностью, такимъ глубокимъ чувствомъ, что даже равнодушный Онѣгинъ „посланьемъ Тани тронутъ былъ". Но это не помѣшало ему, во время объясненія съ нею въ саду, щегольнуть передъ бѣдной дѣвушкой своимъ моднымъ разочарованіемъ („Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата... не обновлю души моей") и своимъ великодушіемъ („учитесь властвовать собою,—не всякій васъ, какъ я, пойметъ..."). Однако, и это объясненіе съ Онѣгинымъ не открыло Татьянѣ глазъ на его истинный характеръ. Только впослѣдствіи, уже послѣ смерти Ленскаго и отъѣзда Онѣгина, посѣщая покинутый домъ и читая въ его кабинетѣ оставленныя имъ книги, Татьяна ближе и полнѣе познакомилась съ его личностью, съ его взглядами и симпатіями. Уже самый выборъ книгъ свидѣтельствовалъ о преобладающихъ интересахъ и вкусахъ Онѣгина. Среди любимыхъ его писателей и произведеній она нашла—

Пѣвца Гяура и Жуана
Да съ нимъ еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ

Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

Знакомство съ его личностью.

Сначала этотъ выборъ книгъ показался ей „страненъ", потому что, очевидно, не соотвѣтствовалъ ея представленію о наклонностяхъ и симпатіяхъ Онѣгина. Но затѣмъ по отмѣткамъ на страницахъ Татьяна могла себѣ составить болѣе вѣрное понятіе о его взглядахъ и характерныхъ чертахъ. Она увидѣла, какъ много въ немъ холодности, эгоизма, высокомѣрія, презрѣнія къ людямъ и того себялюбія, о которомъ въ другомъ мѣстѣ Пушкинъ сказалъ:

Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны;
Двуногихъ тварей милліоны
Для насъ орудіе одно;
Намъ чувство дико и смѣшно.

Такимъ образомъ это чтеніе открыло Татьянѣ глаза на настоящаго Онѣгина, и она увидѣла, что онъ вовсе не похожъ на тотъ идеальный образъ, который создался въ ея воображеніи подъ вліяніемъ романовъ. Это было тяжелымъ ударомъ для Татьяны, мучительнымъ разочарованіемъ, но несмотря на то, что Онѣгинъ лишился въ ея глазахъ прежняго ореола, оказавшись „москвичомъ въ Гарольдовомъ плащѣ", онъ все-таки остался попрежнему дорогъ ей, она не въ силахъ была забыть и разлюбить его, —какъ она сама признается въ послѣднемъ разговорѣ съ нимъ.

Но серьезное, вдумчивое чтеніе, которому Татьяна предавалась въ кабинетѣ Онѣгина, имѣло для нея еще другое, не менѣе важное значеніе: оно расширило ея кругозоръ, содѣйствовало выработкѣ ея взглядовъ на жизнь и на людей,—и съ этого времени „ей открылся міръ иной", по выраженію Пушкина; она стала болѣе сознательно относиться къ окружающему и характеръ ея окончательно установился. Въ этомъ и заключалась та перемѣна въ ней, которая такъ поразила Онѣгина при новой встрѣчѣ, въ петербургскомъ „свѣтѣ". Но эта перемѣна касалась болѣе внѣшности Татьяны, ея манеръ и пріемовъ; выйдя по желанію матери замужъ (потому что—„для бѣдной Тани всѣ были жребіи равны") и

Характеръ Татьяны.

ставши знатной дамой, она по необходимости подчинилас условіямъ и обычаямъ свѣтской жизни. Но въ глубинѣ сво его существа она нимало не измѣнилась и осталась „преж ней Таней“, съ душой правдивой, мечтательной и нѣжной Окружающая ее пышность, блескъ и почетъ нисколько н радуютъ ее, а, наоборотъ, часто становятся ей въ тягост Она откровенно признается Онѣгину.

...Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за старый садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моей.

Такимъ образомъ, несмотря на свое богатство и высо кое общественное положеніе, Татьяна не удовлетворена свое жизнью, внутренно страдаетъ. „А счастье было такъ возможно такъ близко!“ говоритъ она Онѣгину. Но хотя она попреж нему любитъ его и чувствуетъ себя несчастной, она не хо четъ нарушить своего долга, не хочетъ купить себѣ счастья — цѣною чужого страданія. Въ сценѣ послѣдняго объяснені съ Онѣгинымъ ясно выступаетъ вся глубина и благородств ея характера, и обнаруживается ея нравственное превосход ство надъ Онѣгинымъ. Эти глубина и благородство натуры внутренняя цѣльность, прямота и самостоятельность, — вот характерныя черты Татьяны, которыя являются причино особенной симпатіи Пушкина къ этому созданію своего твор ческаго генія. Въ лицѣ Татьяны Пушкинъ впервые нарис валъ *идеальный образъ русской женщины*, какъ онъ его по нималъ; притомъ образъ этотъ взятъ имъ изъ элементовъ дѣй ствительности, а не придуманъ и не сочиненъ поэтомъ: отто этотъ образъ и отличается полной жизненностью и конкре ностью. Впослѣдствіи подобные женскіе типы съ особенно любовью рисовалъ Тургеневъ (Наталья въ „Рудинѣ“, Еле въ „Наканунѣ“) и Гончаровъ (Ольга въ „Обломовѣ“, Вѣра в „Обрывѣ“); родоначальницей всѣхъ этихъ женскихъ образо въ русской литературѣ является Пушкинская Татьяна.

Татьяна, какъ идеальный типъ.

Гораздо менѣе останавливается Пушкинъ на характеристикѣ другой изъ сестеръ Лариныхъ—*Ольги*, главнымъ образомъ потому, что это — натура довольно заурядная, менѣе глубокая и сложная, чѣмъ Татьяна: „любой романъ—возьмите, и найдете вѣрно — ея портретъ“, говоритъ о ней Пушкинъ. Но кромѣ характеристикъ отдѣльныхъ лицъ, романъ Пушкина интересенъ такъ же, какъ *широкая картина жизни русскаго общества 20-хъ годовъ*. Бѣлинскій называлъ его даже „энциклопедіей русской жизни“. И дѣйствительно, во всемъ романѣ разбросана масса *бытовыхъ* чертъ, иногда мелкихъ, но все-таки весьма характерныхъ для изображаемой эпохи. Особенно много такихъ бытовыхъ чертъ въ изображеніи патріархальной деревенской жизни Лариныхъ, которые

Бытовой элементъ въ романѣ.

— хранили въ жизни мирной
Привычки мирной старины:
У нихъ на масленицѣ жирной
Водились русскіе блины;
Два раза въ годъ они говѣли,
Любили круглыя качели,
Подблюдны пѣсни, хороводъ;
Въ день Троицынъ, когда народъ
Зѣвая слушаетъ молебенъ,
Умильно на пучекъ зари
Они роняли слезки три;
Имъ квасъ, какъ воздухъ, былъ потребенъ,
И за столомъ у нихъ гостямъ
Носили блюда по чинамъ.

Даже такая мелочь, какъ надгробная надпись на могилѣ Ларина: „*Господній рабъ и бригадиръ*“, вноситъ характерную черточку въ картину. Изображеніе имениннаго обѣда, деревенскій балъ съ пестрою толпою гостей, отъѣздъ Лариныхъ изъ деревни, — все это великолѣпныя жанровыя картины, великомъ взятыя изъ дѣйствительности, написанныя въ духѣ чистаго реализма. Изображая эту простую патріархальную жизнь, съ тонкой ироніей отмѣчая ея смѣшныя, комическія черты, Пушкинъ относится къ ней однако съ несомнѣннымъ сочувствіемъ. Совершенно иное отношеніе видимъ мы въ послѣднихъ главахъ романа, гдѣ Пушкинъ изображаетъ великосвѣтскую жизнь и среду: здѣсь картина, нарисованная Пушкинымъ, получаетъ мѣстами совершенно *сатирическій* характеръ, а отзывы и замѣчанія поэта полны ѣдкаго сар-

казма (напр., гл. VII, строфы XLV—LI; гл. VIII, стр. XXIV XXXI).

Лирическій элементъ въ романѣ.

Кромѣ бытовыхъ чертъ, много мѣста отведено въ „Евг ніи Онѣгинѣ“ также *лирическому* элементу. Ходъ романа бе престанно прерывается лирическими отступленіями, вставкам воспоминаніями, размышленіями. Такое соединеніе лирич скаго и эпическаго элемента составляетъ одну изъ особе ностей поэмъ Байрона („Чайльдъ-Гарольдъ“, „Беппо“, „Дон Жуанъ“); отъ него могъ усвоить себѣ эту манеру и Пушкин тѣмъ болѣе, что „Онѣгинъ“ былъ начатъ еще въ эпоху е байроническихъ увлеченій, и онъ самъ указывалъ на „Дон Жуана“, какъ на свой образецъ. *Содержаніе* и *настроен* этихъ лирическихъ отступленій чрезвычайно разнообразн Многія изъ нихъ проникнуты неподражаемымъ остроуміем другія—глубокой задушевностью. Отъ легкой насмѣшки поэ быстро переходитъ къ серьезнымъ размышленіямъ: одно чу ство смѣняется другимъ, но каждое изъ нихъ вполнѣ искрен и всѣ они, вмѣстѣ взятыя, рисуютъ намъ различныя черт многосторонней натуры Пушкина.

4. „Полтава“ и „Мѣдный Всадникъ“.

Полтава.

Поэма „*Полтава*“ была написана осенью 1828 года Петербургѣ. Это единственная крупная вещь, написанн въ тяжелый для Пушкина періодъ между отъѣздомъ и Михайловскаго и женитьбой. Вся поэма была создана Пу кинымъ съ поразительной быстротой, приблизительно въ т недѣли. Тѣмъ не менѣе она отличается большимъ худож ственнымъ совершенствомъ и законченностью.

Ея художественныя достоинства.

Стихъ въ „*Полтавѣ*“, при замѣчательной простотѣ, ражаетъ своей мѣткостью, выразительностью и силой, та что многіе отрывки изъ поэмы вошли во всѣ хрестомат какъ образцы высокаго художественнаго совершенства; ково, напр., описаніе украинской ночи и Полтавскаго б Описаніе ночи мастерски связано съ изображеніемъ му тельнаго душевнаго состоянія Мазепы, терзаемаго укора совѣсти; миръ и тишина лѣтней ночи не вносятъ успокое въ его душу: напротивъ, его встревоженное воображеніе селяетъ всю природу мрачными видѣніями.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не въ силахъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Но мрачны странныя мечты
Въ душѣ Мазепы; *звѣзды ночи,*
Какъ обвинительныя очи,
За нимъ насмѣшливо глядятъ,
И тополи, стѣснившись въ рядъ,
Качая тихо головою,
Какъ судьи, шепчутъ межъ собою,
И лѣтней, теплой ночи тьма
Душна, какъ *черная тюрьма.*

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поэмы замѣчается вліяніе *народной поэзіи*, напр., въ извѣстномъ открывкѣ: „Кто при звѣздахъ и при лунѣ...“ и въ словахъ Кочубея о „трехъ кладахъ“ (въ сценѣ допроса). Эти отрывки и формой и содержаніемъ напоминаютъ обычные въ народной поэзіи мотивы и пріемы и довольно рѣзко выдѣляются изъ поэмы.

Самъ Пушкинъ говоритъ, что мысль написать эту поэму внушило ему прочитанное имъ въ одной современной поэмѣ (въ „Думахъ“ Рылѣева) извѣстіе о несчастной любви дочери Кочубея къ Мазепѣ. Такимъ образомъ, по первоначальному плану, этотъ романическій эпизодъ долженъ былъ стоять въ центрѣ дѣйствія: вотъ почему поэма и начинается съ изображенія характера Маріи. Но, начавши съ этой частной завязки, Пушкинъ не остановился на ней и значительно расширилъ рамки своего сюжета, придавши ему болѣе общій интересъ внесеніемъ историческаго элемента въ свое повѣствованіе: поэтому на ряду съ Мазепой выдающееся мѣсто занялъ въ поэмѣ Петръ Великій, и вся поэма получила названіе *Полтавы*, а частный, любовный эпизодъ отступилъ на второй планъ передъ изображеніемъ великаго историческаго событія.

Такимъ образомъ въ поэмѣ являются *два главныхъ героя*: *Мазепа* и *Петръ Великій*. Мазепа изображенъ преимущественно въ первыхъ двухъ пѣсняхъ, Петръ является лишь въ третьей, въ которой изображена величайшая по своему значенію для Россіи Полтавская побѣда. Многіе критики (въ томъ числѣ и Бѣлинскій) находили, что благодаря этому въ поэмѣ нѣтъ необходимаго единства, что интересъ ея двоится

между характеристикой Мазепы и его отношеній къ Кочубе
и его дочери и изображеніемъ Петра и Полтавской битвы

Главная идея поэмы.

Но этотъ упрекъ несправедливъ. Несмотря на то, что въ по
эмѣ два героя, все-таки въ ней соблюдено *внутреннее идей
ное единство*. Основная идея „*Полтавы*“ вытекаетъ изъ са
маго *противопоставленія обоихъ героевъ* поэмы: Мазепы и
Петра. Мазепа является въ поэмѣ представителемъ *личнаг
начала*, руководящимся лишь эгоистическими стремленіями
преслѣдующимъ только личныя цѣли, хладнокровно губя
щимъ людей, стоящихъ ему на дорогѣ; напротивъ того, Петр
Великій является носителемъ *государственной идеи, идеи об
щаго блага*. При столкновеніи этихъ двухъ началъ,—первое
т.-е. начало личное, эгоистическое и все, созданное имъ, обре
чено на гибель, на исчезновеніе, между тѣмъ какъ дѣло
вдохновленное стремленіемъ къ общему благу, остается
сохраняетъ свое значеніе на многіе вѣка. Эту основную мысл
своего произведенія Пушкинъ самъ выразилъ въ *эпилог*
поэмы.

Прошло сто лѣтъ и *что жъ осталось*
Отъ сильныхъ гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?
Ихъ поколѣнье миновалось—
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Усилій, бѣдствій и побѣдъ.
Въ гражданствѣ сѣверной державы,
Въ ея воинственной судьбѣ,
Лишь Ты воздвигъ, герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ.

Характеръ Мазепы.

Такимъ образомъ Мазепа, въ изображеніи Пушкина, я
ляется эгоистомъ до мозга костей, готовымъ всѣмъ пожертво
вать ради личныхъ интересовъ и расчетовъ. Его вражда к
Петру также въ основѣ имѣетъ *личныя* причины: онъ хочет
отомстить ему за полученное оскорбленіе и ради этой цѣл
готовъ поднять братоубійственную войну. Оскорбленны
Петромъ во время пира, Мазепа глубоко затаилъ чувств
обиды и поклялся отомстить, не взирая на то, что его измѣв
могла послужить источникомъ бѣдствій и разоренія для ро
ной земли. Но Мазепа никогда не принимаетъ въ расчет
счастія и благополучія другихъ; поэтъ говоритъ про него,—

Что онъ не вѣдаетъ святыни.
Что онъ не помнитъ благостыни,

Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что *нѣтъ отчизны для него.*

Изъ глубокаго *эгоизма*, лежащаго въ основѣ характера Мазепы, вытекаютъ всѣ другія черты его личности: *честолюбіе*, *алчность*, *мстительность*, *вѣроломство*. Ни одной свѣтлой, благородной черты нѣтъ въ его характерѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Мазепа человѣкъ умный, искусный правитель, тонкій политикъ, умѣющій вербовать себѣ сторонниковъ и хитростью и притворствомъ избѣгать грозящихъ опасностей. Но всѣ свои дарованія онъ употребляетъ лишь для личныхъ цѣлей, не брезгая никакими средствами,— обманомъ, интригами, вѣроломствомъ.

Но несмотря на весь свой умъ и способности, Мазепа не достигъ своей цѣли, тѣмъ болѣе, что ему приходилось имѣть дѣло съ такимъ геніальнымъ противникомъ, какъ Петръ Великій. Въ противоположность Мазепѣ, Петръ изобра- Петръ Великій
женъ человѣкомъ, всецѣло отдавшимся общему дѣлу. Это не отважный искатель приключеній, какъ Карлъ XII-й, ищущій *себѣ* громкой славы и удачи, но государственный дѣятель, воодушевленный глубокой любовью къ родинѣ. Поэтому онъ умѣетъ передать такое же воодушевленіе всѣмъ окружающимъ, возбудить энтузіазмъ въ войскахъ. Пушкинъ немногими, но яркими чертами рисуетъ картину появленія Петра на полѣ битвы:

..... изъ шатра
Толпой любимцевъ окруженный
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь—какъ Божія гроза.

Полтавская битва — день величайшаго торжества Петра: она показала могущество „молодой Россіи“, которая „въ боеньяхъ силы напрягая, мужала съ геніемъ Петра“. Она укрѣпила политическое положеніе Россіи въ кругу европейскихъ державъ и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовала упроченію внутреннихъ преобразованій Петра, явившись блестящимъ оправданіемъ всей его реформаторской дѣятельности. Но Пушкинъ изображаетъ Петра не только какъ государственнаго дѣятеля и полководца, но и какъ человѣка; онъ ука-

зываетъ, напр., на его великодушіе, проявленное по отношенію къ шведскимъ плѣннымъ, которыхъ онъ ободряетъ въ несчастіи и чествуетъ, какъ своихъ учителей въ военномъ дѣлѣ.

Мѣдный Всадникъ.

Конечно, такой глубокій и всеобъемлющій переворотъ, какимъ была въ русской исторіи Петровская реформа, не могъ совершиться легко и безболѣзненно. Петръ требовалъ отъ народа напряженія всѣхъ силъ для достиженія намѣченныхъ имъ цѣлей. Это вызывало ропотъ и неудовольствіе среди людей, не понимавшихъ необходимости вводимыхъ преобразованій. Между тѣмъ цѣной этихъ личныхъ жертвъ покупалось общее благо, благо всего государства. Поэтому хотя мы и не можемъ не пожалѣть объ этихъ жертвахъ, тѣмъ не менѣе мы не въ правѣ осуждать за нихъ Петра и его дѣятельность, направленную къ благу Россіи. Такова основная мысль поэмы *Мѣдный Всадникъ* (1833). Здѣсь Петру противопоставляется бѣдный мелкій чиновникъ, потомокъ обѣднѣвшаго боярскаго рода. Это скромный и безличный молодой человѣкъ, мечтающій лишь о тихомъ, незатѣйливомъ семейномъ счастьѣ съ любимой дѣвушкой. Но грозное стихійное бѣдствіе безпощадно разрушаетъ всѣ его мечты: невѣста его гибнетъ во время страшнаго наводненія 1824 года, а самъ онъ сходитъ съ ума отъ пережитыхъ душевныхъ потрясеній.

Петръ Великій и Евгеній.

Такимъ образомъ Евгеній является одной изъ жертвъ Петровскаго дѣла—основанія новой столицы на берегу моря, а Петръ Великій—косвеннымъ виновникомъ его гибели. Но, тѣмъ не менѣе, отъ души сочувствуя горю бѣднаго своего героя, Пушкинъ становится всецѣло на сторону Петра, такъ какъ понимаетъ необходимость и пользу его преобразованій. Когда обезумѣвшій Евгеній обращается къ статуѣ Петра съ упреками и угрозой,—„Мѣдный Всадникъ“ возгорается гнѣвомъ, такъ какъ чувствуетъ свою нравственную правоту и сознаетъ свои заслуги передъ родиной.—Хотя въ поэмѣ дѣло идетъ лишь объ основаніи Петербурга, но въ этомъ частномъ фактѣ можно видѣть символическое олицетвореніе всей Петровской реформы вообще: основаніе новой столицы на берегахъ Финскаго залива сыграло важную роль въ дѣлѣ сближенія Россіи съ Западомъ, такъ какъ Петербургъ явился настоящимъ „окномъ въ Европу“, по выраженію Пушкина.

Вся поэма проникнута горячимъ сочувствіемъ къ Петру и его дѣлу и является, по мѣткому замѣчанію Бѣлинскаго, настоящей „апоѳеозой Петра“. Поэтъ съ восторженнымъ изумленіемъ останавливается передъ его гигантскимъ образомъ, нашедшимъ себѣ воплощеніе въ Фальконетовскомъ памятникѣ. Отношеніе Пушкина къ Петру.

Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?
О, мощный властелинъ судьбы!
Не такъ ли ты надъ самой бездной,
На высотѣ уздой желѣзной
Россію вздернулъ на дыбы?...

Поэма Пушкина не была напечатана при жизни поэта и потому не получила окончательной обработки. Тѣмъ не менѣе она принадлежитъ къ лучшимъ его произведеніямъ. Среди отдѣльныхъ мѣстъ особенными художественными достоинствами отличается описаніе Петербурга, проникнутое искренной симпатіей къ Петровской столицѣ („Люблю тебя, Петра творенье...“) и картина наводненія 1824 года.

Первоначально Пушкинъ хотѣлъ, повидимому, подробнѣе остановиться на характеристикѣ своего героя—Евгенія. Это видно изъ „Родословной моего героя“, которая должна была составлять часть поэмы, но впослѣдствіи Пушкинъ исключилъ ее, такъ какъ она вносила въ его произведеніе нѣкоторое внутреннее противорѣчіе, которое затемняло общую идею поэмы. Въ поэмѣ мелкій, бѣдный чиновникъ Евгеній противопоставляется „мощному властелину судьбы“—Петру. Въ Петрѣ олицетворена стихійная сила историческаго процесса, передъ которой ничтожна и безпомощна отдѣльная личность. Евгеній является одной изъ невольныхъ и незамѣтныхъ жертвъ Петровскихъ преобразованій; но поэтъ, сочувствуя его несчастіямъ, тѣмъ не менѣе становится на сторону Петра, оправдывая его преобразовательную дѣятельность, такъ какъ онъ понималъ ея историческую необходимость и благотворность: ради того общаго блага, которое принесли Россіи преобразованія Петра, мы не имѣемъ нравственнаго права ставить въ вину великому преобразователю несчастія отдѣльныхъ лицъ, вытекшія изъ его дѣятельности. Такова основная идея *Мѣднаго Всадника*. Въ *Родословной моего героя* мы встрѣчаемъ другую идею: въ этомъ отрывкѣ Пушкинъ выражаетъ сожалѣніе по поводу паденія русскаго боярскаго класса, захудалымъ представителемъ котораго былъ Евгеній. Родословная моего героя.

Паденіе это связывается Пушкинымъ съ реформою Петра, при которомъ и послѣ котораго быстро возвышаются новыя лица и образуется новая знать. Пушкинъ самъ принадлежалъ къ древнему, но уже значительно обѣднѣвшему и захудавшему роду, и поэтому при своихъ столкновеніяхъ съ новой знатью сильно страдалъ отъ сознанія разницы въ своемъ общественномъ положеніи. Вотъ почему, не желая причислять себя къ новой знати, онъ называетъ себя въ шутку „мѣщаниномъ“ (*Моя родословная*). Основываясь на подобныхъ заявленіяхъ Пушкина, его нерѣдко упрекали въ родовой спеси, но этотъ упрекъ несправедливъ, такъ какъ Пушкинъ самъ говорилъ, что „есть достоинства выше знатности, именно достоинства личныя: имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ всѣ наши родословныя“. Пушкинъ возставалъ лишь противъ пренебрежительнаго отношенія къ родной старинѣ, противъ увлеченія внѣшнимъ блескомъ, когда „иной потомокъ болѣе дорожитъ звѣздой двоюроднаго дяди, чѣмъ исторіей своего дома, т.-е. исторіей отечества“. По вѣрному замѣчанію И. С. Аксакова, въ Пушкинѣ чрезвычайно живо было *историческое чувство*, чувство своей кровной связи съ прошедшимъ. Вотъ почему онъ всю жизнь такъ интересовался русской стариной и возмущался пренебрежительнымъ къ ней отношеніемъ. Вотъ почему онъ круто разошелся съ своимъ прежнимъ учителемъ, Чаадаевымъ, который въ своихъ „философскихъ письмахъ“ выразилъ свое презрѣніе ко всей русской исторіи, ко всему прошлому русскаго народа. Съ этой точки зрѣнія ему было больно смотрѣть на униженіе многихъ древнихъ родовъ и на потерю ими прежняго ихъ значенія.

Б. Прозаическія произведенія.

Интересъ Пушкина къ исторіи.

Первое прозаическое произведеніе Пушкина относится къ 1827 году; это его неоконченная повѣсть *„Арапъ Петра Великаго“*. Интересно отмѣтить, что какъ эта повѣсть, такъ и другія крупныя произведенія въ прозѣ носятъ *историческій* характеръ. Вообще интересъ къ исторіи былъ издавна сильно развитъ у Пушкина. По выходѣ изъ Лицея онъ съ увлеченіемъ изучалъ только что вышедшую исторію Карамзина. Въ Кишиневѣ, среди своей разсѣянной жизни, онъ находилъ время много читать, преимущественно книги историческаго содержанія. Среди его михайловскихъ бумагъ сохранился рядъ замѣтокъ о Тацитѣ и о средневѣковой исторіи. Но болѣе всего его привлекала русская старина, изъ которой онъ бралъ сюжеты для нѣкоторыхъ лучшихъ своихъ произведеній, напр., для „Бориса Годунова“ и „Полтавы“. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ пробудилось желаніе написать историческую повѣсть изъ русской жизни XVIII вѣка.

Первую попытку сдѣлалъ онъ въ „Арапѣ Петра Великаго“. Героемъ этой повѣсти является одинъ изъ предковъ Пушкина—Абрамъ (Ибрагимъ) Ганнибалъ. Выдающуюся роль играетъ въ повѣсти самъ Петръ, изображенный какъ человѣкъ и какъ государственный дѣятель. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ рисуетъ также общую картину тогдашней русской жизни, изображаетъ бытъ и нравы бояръ и ихъ отношеніе къ Петровскимъ нововведеніямъ, описываетъ тогдашнія ассамблеи и выводитъ типы, какъ представителей старины (бояринъ Ржевскій), такъ и представителей новаго времени (Ибрагимъ, Корсаковъ; срав. послѣдняго съ *Медоромъ* изъ 1-ой сатиры Кантемира). И бытъ, и лица изображены съ полной объективностью и свидѣтельствуютъ о хорошемъ знакомствѣ Пушкина съ русской стариною. Къ сожалѣнію, повѣсть осталась неоконченной. Арапъ Петра Великаго.

Одновременно съ „Исторіей Пугачевскаго бунта“, Пушкинъ написалъ „*Капитанскую Дочку*“ (1833—34). Для того, чтобы лучше познакомиться съ мѣстомъ, гдѣ происходитъ дѣйствіе его повѣсти, онъ осенью 1833 года посѣтилъ Казанскую и Оренбургскую губерніи. Несмотря на то, что большинство дѣйствующихъ лицъ вымышлены, повѣсть вполнѣ заслуживаетъ названіе *исторической*, такъ какъ вѣрно и полно воспроизводитъ картину русской провинціальной жизни второй половины XVIII вѣка.—Героемъ повѣсти является Петръ Андреевичъ Гриневъ, отъ лица котораго ведется самый разсказъ. Гриневъ описываетъ, какъ бы въ назиданіе своимъ потомкамъ, исторію своей молодости, касаясь наиболѣе важныхъ эпизодовъ своей жизни. Такимъ образомъ авторъ придалъ своей повѣсти характеръ *семейной хроники*. Нравоучительныя цѣли автора этой хроники видны уже изъ перваго эпиграфа: „Береги честь съ молоду“, а также изъ отдѣльныхъ замѣчаній, разбросанныхъ по всему произведенію. Самъ Пушкинъ какъ бы скрывается за личностью выведеннаго имъ разсказчика; вездѣ выдержанъ тонъ простого, безхитростнаго повѣствованія, чуждаго всякихъ литературныхъ прикрасъ. Поэтому личность Петра Андреевича Гринева, какъ живая, выступаетъ изъ его разсказа. Капитанская дочка.

Это—простая, честная и неиспорченная натура, способная иногда къ необдуманнымъ поступкамъ, но неспособная ни на какое дурное дѣло. Глубокое чувство долга—одна изъ корен- Характеръ Гринева.

ныхъ чертъ молодого Гринева; ради него онъ готовъ даже пожертвовать жизнью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нисколько не воображаетъ себя героемъ, нигдѣ не ставитъ себя на пьедесталъ. Напротивъ того, его записки проникнуты искренностью и простотой. Иногда онъ даже тонко иронизируетъ надъ собой, напр., при разсказѣ о своемъ воспитаніи, не скрываетъ своихъ дурныхъ поступковъ и смѣшныхъ чертъ, напр., страсти къ кропанію стиховъ. При нѣкоторомъ легкомысліи молодости, онъ отличается глубокой привязанностью къ родителямъ, къ Савельичу; напр., не желая покинуть послѣдняго въ опасности, онъ попадаетъ въ плѣнъ къ Пугачеву. Его душевная чистота и природное благородство привлекаютъ къ нему симпатіи Марьи Ивановны, несмотря на то, что онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ проигрываетъ сравнительно съ блестящимъ и образованнымъ Швабринымъ. При такихъ душевныхъ расположеніяхъ онъ и самъ, естественнымъ образомъ, болѣе тяготѣетъ къ простымъ, но честнымъ людямъ, какова семья капитана Миронова, чѣмъ къ Швабрину.

Его воспитаніе.

Воспитаніе Гринева носитъ типичныя черты воспитанія дворянскихъ недорослей того времени: изъ рукъ стремянного Савельича, за трезвое поведеніе пожалованнаго въ дядьки, онъ перешелъ въ вѣдѣніе мосье Бопре, выписаннаго изъ Москвы „вмѣстѣ съ годовымъ запасомъ вина и прованскаго масла“,—человѣка совершенно невѣжественнаго и, вдобавокъ, далеко не безупречнаго по своему поведенію; конечно, такой педагогъ не могъ принесть никакой пользы своему воспитаннику. Однако этотъ недостатокъ образованія возмѣщался природнымъ умомъ и здравымъ смысломъ; какъ видно изъ записокъ, Гриневъ любилъ чтеніе и даже питалъ склонность къ литературнымъ занятіямъ.

Гриневъ, какъ типъ.

Нѣкоторые критики упрекали Пушкина въ безцвѣтности его героя, но этотъ упрекъ основанъ на недоразумѣніи: Гриневъ не „герой“ въ собственномъ смыслѣ этого слова,—онъ заурядный человѣкъ, ничѣмъ особенно не выдѣляющійся среди окружающихъ. Тѣмъ не менѣе онъ является вполнѣ опредѣленнымъ типомъ, представителемъ своей среды и своего времени. Гриневъ, по выраженію проф. Ключевскаго, „одинъ изъ тѣхъ пѣхотныхъ армейскихъ офицеровъ, которые сдѣлали русскую военную исторію 18-го вѣка“. Твердое сознаніе долга, здравый смыслъ и душевная чистота замѣняютъ имъ недо-

статокъ внѣшняго блеска. Впослѣдствіи людей подобнаго типа съ особенной симпатіей изображалъ гр. Толстой (таковъ, напр., капитанъ Тушинъ въ „Войнѣ и мирѣ“).

Семья капитана Миронова.

Героиня романа—*Марья Ивановна*, дочь капитана Миронова. Это простая русская дѣвушка, не получившая почти никакого образованія, но отъ природы надѣленная прекраснымъ сердцемъ. Воспитанная въ патріархальной семьѣ, она привыкла во всемъ подчиняться волѣ старшихъ: поэтому она не хочетъ выходить замужъ за Гринева противъ воли его отца, потому что думаетъ, что такой бракъ не принесетъ счастья. Но когда это требуется, она проявляетъ большую энергію и настойчивость: сама ѣдетъ изъ далекой глуши въ столицу, добивается свиданія съ императрицей и освобожденія своего жениха.

Съ большой симпатіей и съ тонкимъ юморомъ обрисованы другіе обитатели Бѣлогорской крѣпости. Комендантъ ея, капитанъ Мироновъ, старый служака, человѣкъ простой и добрый, супруга его, Василиса Егоровна, наравнѣ съ нимъ завѣдующая крѣпостью, какъ своимъ собственнымъ хозяйствомъ, сажающая офицеровъ подъ арестъ и запирающая въ чуланъ отобранныя у нихъ шпаги. Понятія ея несложны и наивны; судъ и расправу она понимаетъ по-своему: „разберп Прохорова съ Устиньей, кто правъ, кто виноватъ, да обоихъ и накажи“, говоритъ она Ивану Игнатьевичу, гарнизонному поручику, который въ свободное время помогаетъ ей разматывать нитки. Вообще жизнь бѣлогорскихъ обитателей представляетъ собою настоящую идиллію. Пушкинъ не скрываетъ ихъ слабостей и комическихъ чертъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ изображеніе его проникнуто теплымъ сочувствіемъ къ этимъ простымъ и честнымъ людямъ, Онъ показываетъ намъ, что эти мирные и заурядные люди, въ которыхъ нѣтъ ничего эффектнаго, способны въ случаѣ нужды на полное самопожертвованіе; идиллія превращается въ трагедію, и старички гибнутъ, обличая въ глаза самозванца, до конца вѣрные долгу и присягѣ.

Савельичъ.

Также прекрасно обрисованъ и *Савельичъ*, типъ стараго слуги, безмѣрно и безкорыстно преданнаго своимъ господамъ. Хотя онъ называетъ себя рабомъ и холопомъ, но его привязанность къ господамъ основана на чисто человѣческомъ, глубокомъ чувствѣ; онъ любитъ не по-рабски, не изъ страха, а

какъ человѣкъ, въ силу свободной привязанности. Онъ съ трогательнымъ усердіемъ заботится о своемъ питомцѣ и простираетъ эту заботливосъ даже до мелочей; напр., подаетъ Пугачеву реестръ расхищенныхъ вещей, рискуя навлечь на себя его гнѣвъ, и даже не забываетъ упомянуть про заячій тулупчикъ. На молодого Гринева онъ все время смотритъ, какъ на несовершеннолѣтняго, и приходитъ въ неописанное удивленіе, когда тотъ сообщаетъ ему о своемъ намѣреніи жениться: „Дитя хочетъ жениться! А что скажетъ батюшка, а матушка-то что подумаетъ". Въ свою очередь Гриневъ горячо привязанъ къ своему дядькѣ, хотя онъ ясно видитъ и комическія черты старика, вытекающія обыкновенно изъ его чрезмѣрнаго усердія [1]).

Пугачевъ и Швабринъ.

Менѣе удались Пушкину отрицательные типы романа, Пугачевъ и Швабринъ. Характеристика *Швабрина* не удалась Пушкину. Мы слишкомъ мало узнаемъ о его прошломъ. Вообще личность его слишкомъ бѣдно очерчена и напоминаетъ мелодраматическихъ злодѣевъ, которыхъ такъ любили изображать романтики, окружая ихъ таинственностью и неразгаданностью.

Пугачевъ принадлежитъ къ числу великодушныхъ разбойниковъ, явившихся также излюбленными героями у писателей романтической эпохи. Его признательность и великодушіе мало вяжутся съ тѣми жестокостями, которыя онъ хладнокровно совершаетъ. Не совсѣмъ понятно также то исключительное участіе, которое онъ принимаетъ въ судьбѣ Гринева, только что сражавшагося противъ него; онъ не только избавляетъ его отъ петли, отпускаетъ на свободу, но и ѣдетъ съ нимъ освобождать его невѣсту, рискуя всѣмъ этимъ навлечь на себя неудовольствіе своихъ окружающихъ. Тѣмъ не менѣе личность его очерчена живѣе и полнѣе, чѣмъ личность Швабрина: въ немъ видны черты типичнаго казака того времени: природная сметливость, находчивость, настойчивость, и на ряду съ этимъ—лукавство, невѣжество и жестокость, не исключающія однако порывовъ великодушія.

Повѣсти Бѣлкина.

Осенью 1830 года въ Болдинѣ написаны Пушкинымъ *Повѣсти Бѣлкина* и *Исторія села Горохина*. Имя Бѣлкина

---

[1]) Многими чертами своими Савельичъ Пушкина живо напоминаетъ *Евсеича* въ „Дѣтскихъ годахъ Багрова-внука" Аксакова.

не есть просто псевдонимъ, принятый на себя Пушкинымъ— это законченный художественный типъ, созданный имъ. Бѣлкинъ самъ характеризуетъ себя въ предисловіи къ „Исторіи села Горохина“, а дополнительныя свѣдѣнія о немъ даетъ его сосѣдъ, старый помѣщикъ, въ письмѣ къ издателю „Повѣстей“. Бѣлкинъ представляетъ собой типъ самоучки, проникнутаго уваженіемъ къ наукѣ и къ литературѣ, но надѣленнаго очень ограниченными способностями.

Бѣлкинъ, какъ типъ.

Ограниченность его сказывается въ неумѣніи отличить важное отъ второстепеннаго; поэтому онъ готовъ съ самымъ серьезнымъ видомъ толковать о вещахъ, которыя не стоютъ никакого вниманія. Въ немъ есть извѣстная наблюдательность; но эта наблюдательность направлена почти исключительно на мелочи. Онъ добродушенъ отъ природы, скроменъ и даже робокъ; хозяйствомъ своимъ не занимается, такъ какъ несчастная страсть къ сочинительству поглощаетъ все его вниманіе. Пушкинъ относится къ Бѣлкину съ нескрываемой ироніей, выставляя на видъ комическія черты писателя-самоучки, его претензіи на глубокомысліе и его наивность.

Взглядъ на него Ап. Григорьева.

Не обративъ достаточнаго вниманія на это ироническое отношеніе Пушкина къ Бѣлкину, извѣстный критикъ Ап. Григорьевъ далъ типу Бѣлкина оригинальное, но неправильное толкованіе. Онъ увидѣлъ въ Бѣлкинѣ воспроизведеніе типичныхъ сторонъ русской натуры: добродушія, незлобія, скромности, душевной мягкости, простоты. Но онъ не обратилъ вниманія на другія черты, отмѣченныя Пушкинымъ, напр., ограниченность и наивность. Григорьевъ говоритъ, что „Пушкинскій Бѣлкинъ есть простой здравый толкъ и здравое чувство, кроткое и смиренное“; но совершенно неестественно, чтобы человѣкъ, надѣленный здравымъ смысломъ, сталъ бы писать „Исторію села Горохина“ съ такой комической важностью, какъ это дѣлаетъ Бѣлкинъ.

Повѣсти Бѣлкина представляютъ собой рядъ отдѣльныхъ эпизодовъ, записанныхъ Бѣлкинымъ съ чужихъ словъ, такъ какъ самъ онъ, по свидѣтельству своего сосѣда, отличался „недостаткомъ воображенія“. Каждый изъ этихъ разсказовъ носитъ поэтому своеобразный отпечатокъ, соотвѣтственно характернымъ чертамъ разсказчика. Тонъ каждаго изъ нихъ прекрасно выдержанъ Пушкинымъ. „Выстрѣлъ“ разсказанъ военнымъ, и дѣйствіе вертится вокругъ понятій, особенно

Повѣсти романтическаго характера.

свойственныхъ военной средѣ. Въ характерѣ Сильвіо замѣтн черты байронизма, въ то время весьма популярнаго сред русской молодежи, особенно военной; намѣченный здѣс Пушкинымъ этотъ типъ впослѣдствіи наиболѣе полно ра работанъ былъ Лермонтовымъ въ Печоринѣ.—„Барышня-кр стьянка“ и „Мятель“ записаны Бѣлкинымъ со словъ какой-т чувствительной барышни, очевидно плѣнившейся ихъ запу танной интригой.—Лучшими разсказами являются *„Гробо щикъ“* и *„Станціонный смотритель“*. Здѣсь Пушкинъ ка сается будничнаго быта простыхъ и мелкихъ людей и изо бражаетъ его съ полнымъ реализмомъ, нисколько не прикра шивая и не искажая дѣйствительности. Онъ умѣетъ растрогат насъ простымъ разсказомъ о несчастной судьбѣ стараго ста ціоннаго смотрителя, не прибѣгая къ сентиментальной сле ливости, какъ Карамзинъ въ „Бѣдной Лизѣ“. Характеръ ег изображенъ вполнѣ правдиво: Пушкинъ не скрываетъ и ег слабостей и комическихъ чертъ, но весь разсказъ проникнут состраданіемъ къ бѣдному и забитому существу. Въ разсказ „Гробовщикъ“ чрезвычайно искусно соединенъ фантастическі сюжетъ съ полнымъ реализмомъ въ изображеніи жизни быта ремесленниковъ, проникнутомъ тонкимъ юморомъ.

Повѣсти реалистическаго характера.

Исторія села Горохина.

„Исторія села Горохина“ (1830) представляетъ собо остроумную пародію на невѣжественныхъ самоучекъ, бер щихся за задачу, не соотвѣтствующую ихъ силамъ или я не стоющую труда. Комизмъ этого произведенія заключаетс въ томъ, что Бѣлкинъ съ самымъ серьезнымъ видомъ гов ритъ о предметахъ ничтожныхъ и не имѣющихъ никако интереса, совершенно не замѣчая, что важный тонъ его п вѣствованія вовсе не соотвѣтствуетъ его ничтожному соде жанію. Бѣлкина одолѣваетъ страсть къ писательству; пер пробовавъ свои силы въ разныхъ родахъ литературы, он наконецъ останавливается на мысли сдѣлаться историком Въ качествѣ образца онъ беретъ себѣ „Исторію“ Карамзи и старается во всемъ подражать ей [1]). Подобно Карамзи

[1]) Довольно часто высказывалось мнѣніе, что «Исторія села Горохи представляетъ собой *пародію* на „Исторію государства Россійскаго“ рамзина или на «Исторію русскаго народа» Полевого: но это мнѣніе правильно, такъ какъ повѣствованіе ведется отъ лица Бѣлкина, котор конечно, къ сознательной пародіи не склоненъ и неспособенъ. Онъ са пишетъ вполнѣ искренно и серьезно, но такъ какъ усвоенный имъ т совершенно не соотвѣтствуетъ ничтожности содержанія, то въ результа дѣйствительно, получается произведеніе, имѣющее характеръ пародіи.

онъ сначала говоритъ о своихъ источникахъ, затѣмъ переходитъ къ баснословнымъ временамъ, потомъ дѣлаетъ географическій и этнографическій очеркъ Горохина и, наконецъ, начинаетъ повѣствованіе о временахъ историческихъ; подобно Карамзину, Бѣлкинъ вставляетъ по временамъ нравоучительныя замѣчанія и ведетъ свое повѣствованіе въ приподнятомъ, витіеватомъ тонѣ, такъ мало соотвѣтствующемъ незначительности сюжета. Но несмотря на этотъ комически-серьезный тонъ разсказа, въ немъ вполнѣ ясно выступаютъ многія черты деревенской жизни и крестьянскаго быта эпохи крѣпостного права.

Дубровскій.

Къ историческимъ повѣстямъ въ широкомъ смыслѣ слова могутъ быть причислены также *Дубровскій* и *Рославлевъ*. Въ первой художественно и полно изображенъ типъ богатаго русскаго помѣщика конца 18-го и начала 19-го вѣка, отставного Екатерининскаго вельможи, съ его надменностью, самовластіемъ и полнымъ презрѣніемъ къ окружающимъ. Въ эпоху Пушкина этотъ типъ уже исчезалъ изъ жизни и становился достояніемъ исторіи, но преданіе о подобныхъ людяхъ еще живо сохранялось въ обществѣ. Быть-можетъ, не безъ вліянія на характеристику Троекурова остались воспоминанія Нащокина объ его отцѣ, записанныя Пушкинымъ.

Рославлевъ.

Въ *Рославлевѣ* Пушкинъ хотѣлъ дать картину русскаго общества въ эпоху Отечественной войны. Обращаетъ на себя вниманіе характеръ героини, русской дѣвушки, выдѣляющейся среди окружающаго общества свѣтлымъ умомъ и силою воли, негодующей на легкомысліе свѣтской среды и отличающейся пламеннымъ и искреннимъ патріотизмомъ, несмотря на свое иностранное воспитаніе. Характеръ ея задуманъ весьма оригинально, но повѣсть, къ сожалѣнію, осталась неоконченной.

Египетскія ночи.

Кромѣ перечисленныхъ прозаическихъ произведеній, въ бумагахъ Пушкина сохранилось нѣсколько неоконченныхъ отрывковъ, имѣющихъ значительный интересъ. Таковы „*Египетскія ночи*“, въ которыхъ Пушкинъ въ лицѣ Чарскаго изобразилъ нѣкоторыя черты своей собственной личности, свои привычки и свое отношеніе къ свѣтскому обществу (срав. также отрывокъ: „Несмотря на великія преимущества“...). Къ числу подготовительныхъ набросковъ къ *Египетскимъ ночамъ* принадлежитъ еще отрывокъ: „Цезарь путешествовалъ“, въ которомъ замѣчательно воспроизведена стройная простота латинской рѣчи; такъ же интересно задумана характеристика Петронія, высоко образованнаго, но ко всему охладѣвшаго римлянина временъ упадка. Въ *Разговорѣ вечеромъ на раутѣ* отражаются взгляды Пушкина на значеніе дворянства, такъ же какъ и въ *Отрывкахъ изъ романа въ письмахъ* (см. письмо 8-е). Въ послѣднихъ интересна также личность Лизы, умной наблюдательной и оригинальной дѣвушки, напоминающей нѣкоторыми чертами Полину изъ „Рославлева“.

6. Мелкія произведенія эпическаго характера.

Среди стихотвореній и другихъ мелкихъ произведеній Пушкина встрѣчается не мало піесъ *эпическаго* характера: балладъ, пѣсенъ, сказокъ и т. д. Особую и наиболѣе многочисленную группу среди нихъ составляютъ *произведенія, написанныя въ народномъ духѣ*. Интересъ къ народной старинѣ и къ народной поэзіи является вообще одной изъ характерныхъ чертъ всей романтической эпохи. Но у насъ въ Россіи, до Пушкина, онъ выражался довольно слабо, и всѣ стремленія романтиковъ къ народности ограничивались чисто внѣшними чертами. Пушкинъ первый сумѣлъ уловить настоящій тонъ русскихъ народныхъ сказокъ и пѣсенъ и усвоить духъ истинной народности своимъ подражаніямъ и передѣлкамъ народныхъ сюжетовъ. Еще на югѣ онъ началъ собирать и записывать народныя пѣсни (напр., о Стенькѣ Разинѣ). Но особенно этотъ интересъ къ русскому народному творчеству развивается въ немъ послѣ переселенія въ Михайловское. Одѣтый въ русское платье, въ поддевкѣ и косовороткѣ, Пушкинъ ходилъ по базарамъ, вмѣшивался въ народную толпу, вслушивался въ живую народную рѣчь, приглядывался къ народнымъ обычаямъ и обрядамъ (сохранилась, напр., сдѣланная имъ запись свадебныхъ пѣсенъ, которыми онъ самъ впослѣдствіи воспользовался для „Русалки“). Но главнымъ источникомъ его знакомства съ народнымъ творчествомъ была его няня, Арина Родіоновна, сказки которой онъ любилъ слушать по вечерамъ. О нихъ онъ писалъ своему брату: „Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!“ Сюжетами нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ впослѣдствіи воспользовался, придавши имъ художественную форму, но сохранивши съ замѣчательнымъ мастерствомъ *духъ* наивной народной поэзіи и яркій народный *языкъ*. Къ числу такихъ художественно-народныхъ сказокъ Пушкина принадлежатъ: *„Женихъ“*, *„Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ“*, *„О Царѣ Салтанѣ“*, *„О мертвой царевнѣ“* и др. Неоконченной осталась замѣчательная сказка *„О медвѣдицѣ“*, принадлежащая къ самымъ яркимъ проявленіямъ народности въ творчествѣ Пушкина. Кромѣ сказокъ, Пушкинъ подражалъ также и народнымъ пѣснямъ; къ числу такихъ подражаній принадлежатъ: „Какъ за-церковью, за нѣмецкою“, „Въ лѣсахъ дремучіихъ“, „Одинъ

Произведенія въ народномъ духѣ.

Сказки и пѣсни.

то былъ у отца у матери единый сынъ“ и др. Яркія черты народности отразились также и въ нѣкоторыхъ самостоятельныхъ стихотвореніяхъ, каковы, напр., баллады: „Бѣсы“, „Утопленникъ“, „Гусаръ“.

Подражательныя произведенія Пушкина.

Однако интересъ Пушкина къ народному творчеству не ограничивался русскими сказками и пѣснями, но былъ гораздо шире. Свидѣтельствомъ его интереса къ народной поэзіи вообще являются его „*Подражанія Корану*“ (1824) и „*Пѣсни западныхъ славянъ*“ (1832—33). Въ этихъ произведеніяхъ особенно ярко обнаруживается одна характерная черта Пушкина, какъ поэта, — именно, его замѣчательная *переимчивость*, его способность проникаться всецѣло духомъ чуждаго оригинала, отрѣшаться отъ личныхъ, субъективныхъ чертъ, и—въ моментъ творчества—какъ бы перевоплощаться, воспринимать характеръ другого лица, чужой индивидуальности. Эта замѣчательная способность является показателемъ полной *объективности* Пушкинскаго творчества, и она невозможна у поэтовъ субъективнаго склада, каковы, наприм., Жуковскій и Лермонтовъ. Въ творчествѣ Пушкина эта переимчивость проявляется неоднократно. Такъ, напр., въ „Капитанской дочкѣ“ поэтъ совершенно скрывается за лицомъ Гринева, отъ имени котораго ведется разсказъ; въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“ и въ „Исторіи села Горохина“ онъ съ замѣчательнымъ искусствомъ уловилъ тонъ и манеру добродушнаго и недалекаго самоучки-литератора; та же способность—писать въ чужомъ духѣ, обнаруживается и во многихъ „подражаніяхъ“ Пушкина, напр. въ „Подражаніяхъ Данту“, въ „стихахъ Ленскаго“, даже въ шуточной пародіи на оды Хвостова („Султанъ ярится...“). Но нигдѣ эта способность не проявляется съ такою яркостью, какъ въ „*Подражаніяхъ Корану*“, въ которыхъ каждый стихъ проникнутъ духомъ восточной поэзіи. Точно такъ же удался Пушкину, въ смыслѣ передачи характера подлинника, и его переводъ „*Пѣсенъ западныхъ славянъ*“. Большинство ихъ онъ заимствовалъ изъ французскаго сборника *Мериме*, представляющаго вольную передѣлку различныхъ сербскихъ и далматскихъ народныхъ пѣсенъ; только нѣкоторыя заимствованы Пушкинымъ изъ болѣе вѣрнаго источника (изъ „Пѣсенника“ сербскаго ученаго Вука Караджича). Но и сквозь вольную передачу французскаго писателя Пушкинъ сумѣлъ уловить духъ сла-

вянскаго оригинала и передать его въ своихъ подражаніяхъ. Для своего перевода Пушкинъ воспользовался сербскимъ эпическимъ размѣромъ; этимъ же размѣромъ написана и его собственная „Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ“.

II. Драматическія произведенія Пушкина.

1. Борисъ Годуновъ.

Трагедія „*Борисъ Годуновъ*“ была написана Пушкинымъ въ селѣ Михайловскомъ, въ 1825 г. Вмѣстѣ съ „Евг. Онѣгинымъ“, она принадлежитъ къ числу лучшихъ и любимѣйшихъ его созданій. Самъ Пушкинъ цѣнилъ ее очень высоко и возлагалъ на нее большія надежды. Въ эпоху созданія трагедіи талантъ его достигъ полной зрѣлости: Пушкинъ ясно сознавалъ свои силы и чувствовалъ себя способнымъ къ самобытному творчеству. Задумывая своего „Бориса Годунова“, онъ хотѣлъ создать образецъ *народной* драмы и такимъ образомъ освободить русскій театръ отъ господства французскаго псевдо-классицизма [1]). Французскимъ трагикамъ и ихъ русскимъ подражателямъ Пушкинъ противопоставлялъ *Шекспира*, съ произведеніями котораго онъ познакомился въ это время и который произвелъ на него очень сильное впечатлѣніе.

Источники.

Самъ Пушкинъ перечисляетъ тѣ вліянія, подъ которыми слагалась его трагедія: „Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль облечь въ формы драматическія одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. *Шекспиру* подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ сопоставленіи типовъ и простотѣ; *Карамзину* слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ *лѣтописяхъ* старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени“. Таковы были источники, которыми пользовался Пушкинъ при своей творческой работѣ. — Изученіе лѣтописей всего ярче

Вліяніе лѣтописей.

[1]) Первоначально Пушкинъ хотѣлъ дать своему произведенію заглавіе «Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ. Писалъ рабъ Божій Александръ, сынъ Сергѣевъ Пушкинъ, въ лѣто 7333, въ городищѣ Вороничѣ». По формѣ это заглавіе представляетъ подражаніе заглавіямъ драматическихъ произведеній Петровской эпохи.

отразилось на образѣ Пимена, въ лицѣ котораго Пушкинъ создалъ художественно-законченный типъ древне-русскаго лѣтописца, проникнутаго глубокимъ религіозно-нравственнымъ настроеніемъ, дѣтской вѣрой и теплой любовью къ родной землѣ, со смиреніемъ и простосердечной правдивостью, „не мудрствуя лукаво“, въ тишинѣ монастырской кельи заносящаго на страницы хартіи „войну и миръ, управу государей, угодниковъ святыя чудеса, пророчества и знаменья небесны“ —

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро —
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.

Вліяніе *Карамзина* сказалось преимущественно въ *изображеніи характеровъ и событій*. X и XI томы „Исторіи Госуд. Россійск.“, заключающіе въ себѣ эпоху Ѳеодора Іоанновича, Бориса Годунова и Смутнаго времени, вышли въ свѣтъ въ 1824 году. Пушкинъ прочелъ ихъ уже въ Михайловскомъ, и это чтеніе навело его на мысль драматизировать изображенныя здѣсь событія. Въ своей трагедіи онъ почти шагъ за шагомъ слѣдуетъ изложенію Карамзина, перелагая его разсказъ въ живыя и яркія сцены. Точно такъ же слѣдуетъ онъ Карамзину въ изображеніи отдѣльныхъ историческихъ лицъ, усвоиваетъ себѣ его взгляды на ихъ характеръ и поступки. Такъ, напр., изображая характеръ царя Бориса, онъ понимаетъ его такъ же, какъ понималъ его Карамзинъ: подобно Карамзину, считаетъ Бориса прямымъ виновникомъ убіенія царевича Димитрія, смотритъ на него какъ на преступника, терзаемаго угрызеніями совѣсти. Изъ „Исторіи“ Карамзина Пушкинъ усвоилъ и *главную идею* своей трагедіи, заключающуюся въ мысли, что преступленіе, подобное совершенному Борисомъ, не можетъ остаться безнаказаннымъ, а должно привести къ гибели преступника и повлечь за собой тяжелыя бѣдствія для всего государства, — эта мысль, которую проводитъ въ своемъ разсказѣ Карамзинъ, является естественнымъ выраженіемъ той общей моральной тенденціи, которою проникнута вся его „Исторія“. Вліяніе Карамзина.

Но заимствуя изъ „Исторіи“ Карамзина основу дѣйствія своей трагедіи, Пушкинъ обнаруживаетъ вполнѣ самостоя- Черты самостоятельности.

тельное отношеніе къ своему источнику. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ даже сумѣлъ глубже понять смыслъ историческихъ явленій, чѣмъ Карамзинъ: такъ, напр., онъ очень вѣрно оцѣнилъ выдающуюся роль боярства въ дѣлѣ подготовки перваго самозванца. Современная наука выяснила, что этотъ самозванецъ былъ ставленникомъ боярской партіи, которая воспользовалась имъ, какъ орудіемъ для низверженія ненавистнаго ей Бориса. Поэтому, выводя въ первой сценѣ своей трагедіи бесѣдующихъ бояръ (Шуйскаго и Воротынскаго), изображая ихъ настроеніе въ моментъ избранія Бориса на царство, Пушкинъ этимъ самымъ обнаружилъ замѣчательное историческое чутье, угадавъ значеніе боярства въ ходѣ развитія историческихъ событій: эта первая сцена сразу вводитъ насъ въ историческую обстановку, среди которой развивались эти событія, раскрываетъ передъ нами тайное недоброжелательство бояръ къ Борису, подготовившее его паденіе [1]).

Борисъ и бояре.

Вліяніе Шекспира.

Вліяніе *Шекспира* имѣло весьма важное значеніе для Пушкина. Въ произведеніяхъ Шекспира Пушкинъ видѣлъ высоко-художественные образцы трагедій, свободныхъ отъ стѣснительнаго вліянія псевдо-классическихъ „правилъ“ и всевозможныхъ условностей.

Въ „Борисѣ Годуновѣ“ Пушкинъ хотѣлъ дать русской литературѣ такой же образецъ „романтической трагедіи“, какъ онъ его называлъ въ письмахъ къ друзьямъ, подразумѣвая подъ этимъ выраженіемъ, что его произведеніе по формѣ и по духу будетъ рѣзко отличаться отъ обычнаго типа псевдо-классической трагедіи. Но подчиняясь вліянію Шекспира, Пушкинъ былъ вовсе чуждъ рабской подражательности или прямыхъ заимствованій: онъ усвоилъ себѣ лишь Шекспировскіе *пріемы творчества*, его простоту и естественность, его „широкое и вольное изображеніе характеровъ“, т.-е. изображеніе ихъ не съ точки зрѣнія какой-либо

---

[1]) Кромѣ Карамзина, Пушкинъ пользовался также и другими историческими источниками: лѣтописями, сказаніями современниковъ и т. д. Изъ «Исторіи» кн. Щербатова онъ заимствовалъ, напр., эпизодъ съ конемъ самозванца; другой источникъ («Краткая повѣсть о самозванцахъ») далъ ему основу для характеристики Марины, о которой этотъ памятникъ отзывается, какъ о «дѣвѣ гордой, хитрой и дерзновенной“.

одной господствующей страсти, а во всей полнотѣ и многообразіи, свойственныхъ живой человѣческой личности [1]).

Взгляды Пушкина на Шекспира и на драму.

Сравнивая Шекспира съ писателями псевдо-классической школы въ отношеніи изображенія характеровъ, Пушкинъ говоритъ: „Лица, созданныя Шекспиромъ, не суть, какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живыя, исполненныя многихъ страстей, многихъ пороковъ; обстоятельства развиваютъ передъ зрителями ихъ разнообразные, многосложные характеры. У Мольера Скупой скупъ—и только; у Шекспира Шайлокъ скупъ, сметливъ, мстителенъ, чадолюбивъ, остроуменъ. У Мольера лицемѣръ волочится за женой своего благодѣтеля, лицемѣря; принимаетъ имѣніе подъ храненіе, лицемѣря; спрашиваетъ стаканъ воды, лицемѣря“;—гораздо полнѣе и жизненнѣе, по мнѣнію Пушкина, изображенъ типъ лицемѣра у Шекспира, въ лицѣ Анджело. Эта полнота и многосторонность характеристики составляютъ въ глазахъ Пушкина одно изъ главныхъ достоинствъ Шекспира. „Истина страстей, правдоподобіе чувствованій въ предлагаемыхъ обстоятельствахъ—вотъ чего требуетъ нашъ умъ отъ драматическаго писателя“, говоритъ Пушкинъ въ своихъ замѣткахъ „О драмѣ“; ту же мысль повторяетъ онъ и въ одномъ частномъ письмѣ: „Правдоподобіе положеній, естественность діалога—вотъ настоящіе законы трагедіи“. Сопоставляя всѣ эти сужденія Пушкина, мы можемъ выяснить тѣ требованія, которымъ, по мнѣнію Пушкина, должны были удовлетворять драматическія произведенія; это были тѣ же *требованія художественнаго реализма*, которымъ постепенно проникалось все творчество Пушкина; съ точки зрѣнія этихъ требованій Пушкинъ не могъ уже удовлетворяться условностью и искусственностью псевдо-классическаго театра и обратился къ Шекспиру, вѣрно оцѣнивъ жизненную правду его изображеній. Въ своей трагедіи Пушкинъ постарался осуществить тѣ требованія, которыя онъ ставилъ драматическому писателю и которыя онъ находилъ осуществленными у Шекспира.

Особенности формы трагедіи.

Со стороны внѣшней *формы* „Борисъ Годуновъ“ также представляетъ близкое сходство съ произведеніями Шекспира и полную противоположность псевдо-классическимъ трагедіямъ. У Пушкина *не соблюдено единство времени и мѣста*:

---

[1]) Нѣкоторые изслѣдователи указывали на черты сходства отдѣльныхъ сценъ «Бориса Годунова» со сценами изъ Шекспировскихъ хроникъ и дѣлали отсюда выводъ о прямомъ подражаніи Шекспиру; особенно указывалось на одну сцену изъ «Генриха Четвертаго» (ч. II, дѣйст. IV, сцена 4-я), содержащую въ себѣ предсмертную бесѣду короля со своимъ наслѣдникомъ, какъ на образецъ, которому подражалъ Пушкинъ въ сценѣ между Борисомъ и Ѳеодоромъ. Но черты совпаденія основаны здѣсь на сходствѣ положенія выведенныхъ лицъ, отца-правителя и сына-наслѣдника, а характеръ и содержаніе наставленій, которыя даетъ отецъ сыну, совершенно иные, такъ что о прямомъ заимствованіи не можетъ быть и рѣчи.

дѣйствіе трагедіи растянуто на 7 лѣтъ (съ февр. 1598 г. — избраніе Бориса, по іюнь 1605 г.—убійство его сына Ѳеодора); притомъ мѣсто дѣйствія постоянно мѣняется. Вмѣсто пяти актовъ, на которые должна была дѣлиться трагедія по правиламъ псевдо-классической теоріи, „Борисъ Годуновъ" состоитъ изъ *отдѣльныхъ сценъ*, разной величины, числомъ 25. Вмѣсто александрійскаго стиха, обязательнаго для псевдо-классич. трагедіи, „Бор. Годуновъ" написанъ *пятистопнымъ ямбомъ*, подобно произведеніямъ Шекспира и Шиллера; нѣкоторыя же сцены написаны прозой. Въ трагедіи Пушкина нѣтъ традиціонныхъ наперсниковъ и вѣстниковъ, но зато въ нее введенъ *народъ*, участіе котораго въ дѣйствіи не допускалось псевдо-классиками. Наконецъ, въ „Бор. Годуновѣ" есть *комическій элементъ* (сцена въ корчмѣ), внесеніе котораго въ трагедію считалось по старой теоріи величайшею ересью.

Царь Борисъ.

Главнымъ героемъ трагедіи Пушкина является царь Борисъ Годуновъ. Характеръ его представленъ Пушкинымъ во всей полнотѣ, сложности и разнообразіи его жизненныхъ чертъ. Хотя главною страстью Бориса, двигательной пружиной его поступковъ, является *властолюбіе*, однако Пушкинъ не основалъ на ней одной всей характеристики своего героя и такимъ образомъ уберегся отъ той односторонности въ обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ, въ которую часто впадали драматурги псевдо-классической школы. Напротивъ того, у Пушкина Борисъ изображенъ *всесторонне*, изображенъ какъ *человѣкъ* и какъ *правитель*, со всѣми своими *положительными* и *отрицательными* качествами, при чемъ въ характеристикѣ Пушкина эти положительныя черты значительно перевѣшиваютъ, и благодаря этому личность Бориса невольно привлекаетъ къ себѣ наши симпатіи, возбуждаетъ наше сочувствіе. Такое впечатлѣніе, несомнѣнно, входило въ художественные расчеты Пушкина: благодаря ему, Борисъ получаетъ въ нашихъ глазахъ значеніе *истинно-трагическаго лица*; мы видимъ передъ собой человѣка, богато одареннаго отъ природы, одушевленнаго стремленіемъ къ общему благу, могущаго по своимъ способностямъ принести великую пользу народу и государству,—и мы видимъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ этотъ человѣкъ, совершивши для достиженія власти кровавое преступленіе, самъ становится жертвою своего злодѣянія, какъ онъ мучится угрызеніями совѣсти, какъ всѣ его благія стремленія

Борисъ, какъ лицо трагическое.

и начинанія оканчиваются неудачей, какъ онъ оказывается безсильнымъ и беззащитнымъ предъ лицомъ опасности, угрожающей крушеніемъ всѣхъ его плановъ и гибелью его самого и всего его семейства, — гибелью, въ которой мы признаемъ дѣйствіе небеснаго правосудія, карающаго Бориса за совершенное имъ преступленіе.

Борисъ, какъ правитель.

Какъ *правитель*, Борисъ обладаетъ въ высокой степени качествами, особенно необходимыми для государственнаго дѣятеля. Сюда относится прежде всего его свѣтлый умъ и широта взгляда, — „высокій духъ державный“, по выраженію Басманова. Будучи самъ человѣкомъ необразованнымъ, Борисъ однако вполнѣ понимаетъ цѣну образованія и пользу его для государства. Поэтому онъ самъ заботится объ образованіи сына, слѣдитъ за его занятіями, поощряетъ его къ ученью, ясно сознавая необходимость знанія, особенно для правителя:

Учись, мой сынъ, ученье сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни.
Когда-нибудь, и скоро, можетъ быть,
Всѣ области, которыя ты нынѣ
Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
Всѣ подъ руку достанутся твою.
Учись, мой сынъ, и легче и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать.

Умирая, онъ совѣтуетъ сыну быть милостивымъ, доступнымъ къ иностранцамъ и принимать ихъ довѣрчиво на службу, потому что въ нихъ онъ видитъ носителей европейскаго просвѣщенія, столь необходимаго для Россіи. Этотъ же широкій государственный умъ Бориса сказывается и въ отношеніи его къ обычаю мѣстничества; онъ ясно понимаетъ, какое зло для государства проистекаетъ отъ этого обычая, настолько укоренившагося, что даже царь Іоаннъ Грозный, несмотря на свою вражду къ боярству, не рѣшался его нарушать. Борисъ же рѣшается уничтожить этотъ „гибельный обычай“; посылая Басманова, человѣка незнатнаго, но способнаго, начальствовать надъ войскомъ, помимо родовитыхъ бояръ, онъ говоритъ: „Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы“.—Для того, чтобы бороться противъ вѣкового обычая, для того, чтобы ради сознанной пользы „презрѣть ропотъ знатной черни“, нужно было обладать бо́льшимъ запасомъ *рѣшимости* и *энергіи*,

качествами, существенно необходимыми для правителя, если онъ хочетъ успѣшно проводить въ жизнь свои предначертанія.

Но кромѣ *ума* и *энергіи*, необходимыхъ для правителя, у Бориса есть искреннее *желаніе* употребить свои силы и способности *ко благу подданныхъ*. Борисъ властолюбивъ, но его властолюбіе вовсе не связано съ низменными, корыстолюбивыми, узко-эгоистичными мотивами, какъ, напр., у Мазепы. Принимая власть, къ которой онъ проложилъ себѣ путь преступленіемъ, Борисъ искренно хочетъ быть царемъ „благимъ и праведнымъ", заслужить себѣ любовь народа: въ этомъ смыслѣ онъ даетъ, послѣ своего избранія, торжественный обѣтъ предъ лицомъ патріарха, духовенства и бояръ. Что этотъ обѣтъ не былъ лицемѣрнымъ, а выражалъ дѣйствительное настроеніе Бориса, это мы видимъ изъ его *монолога*; здѣсь, наединѣ съ самимъ собою, Борисъ не имѣлъ никакой надобности лгать или притворствовать и могъ говорить съ полной искренностью,— между тѣмъ онъ повторяетъ здѣсь то же самое, что говорилъ при вступленіи на престолъ:

.... Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить.
Щедротами любовь его снискать.

Такимъ образомъ мы видимъ, что при своемъ вступленіи на престолъ Борисъ дѣйствительно былъ одушевленъ лучшими намѣреніями, дѣйствительно хотѣлъ принести пользу своимъ подданнымъ, хотѣлъ своими благодѣяніями народу искупить совершенное имъ преступленіе. Это доказываетъ, что Борисъ, какъ *человѣкъ*, вовсе не былъ закоснѣлымъ злодѣемъ, что въ основѣ его натуры лежатъ свѣтлыя, здоровыя черты, и если онъ доходитъ до кроваваго преступленія, то лишь подъ вліяніемъ овладѣвшей имъ страсти — властолюбія. Но сознаніе своей преступности мучитъ его, угрызенія совѣсти преслѣдуютъ его, въ душѣ его нѣтъ ни счастія, ни спокойствія; его терзаютъ темныя предчувствія:

Борисъ, какъ человѣкъ.

Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной —
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ...

„Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!“ — восклицаетъ онъ съ горечью въ концѣ своего монолога. Эти душевныя страданія неотступно преслѣдуютъ Бориса. Даже во снѣ не находитъ онъ себѣ отрады и успокоенія: „Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду — все снилося убитое дитя!“—восклицаетъ онъ послѣ перваго извѣстія о самозванцѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ для него является мысль, что сынъ не виновенъ въ совершенномъ имъ злодѣяніи и что онъ станетъ царствовать послѣ отца уже „по праву“. Но и здѣсь его преслѣдуетъ опасеніе, не отразится ли его вина на судьбѣ дѣтей. Утѣшая Ксенію, потерявшую своего жениха, онъ говоритъ:

Я, можетъ быть, прогнѣвалъ небеса,
Я счастіе твое не могъ устроить;
Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь!

Вообще отношеніе Бориса къ семьѣ, къ дѣтямъ, является одной изъ наиболѣе симпатичныхъ сторонъ его характера. Эти отношенія отличаются теплотою и задушевностью, рисуютъ его какъ нѣжнаго и любящаго отца. Особенно ярко его глубокая любовь къ сыну обнаруживается въ сценѣ прощанія Бориса съ сыномъ передъ смертью. Рискуя остаться безъ покаянія, онъ пользуется послѣдними минутами жизни для того, чтобы дать Ѳеодору наставленія относительно его будущей правительственной дѣятельности.

.... О Боже, Боже!
Сейчасъ явлюсь передъ Тобой — и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!
Но чувствую, мой сынъ,—*ты мнѣ дороже*
Душевнаго спасенья... такъ и быть!

Къ мученіямъ совѣсти, терзающимъ Бориса, присоединяются еще огорченія, вызванныя сознаніемъ враждебнаго отношенія къ нему не только бояръ, но и народа. Какъ человѣкъ умный, Борисъ ясно понимаетъ, что для прочности его власти необходимо, чтобы она опиралась на народную любовь. Поэтому онъ всѣми мѣрами старается привлечь къ себѣ сердца своихъ подданныхъ: милостями, щедростью, благодѣяніями. Однако, всѣ его старанія остаются тщетны- Отношеніе на-
ли: народъ не только не любитъ Бориса, но онъ считаетъ рода къ Борису.
его виновникомъ всѣхъ своихъ бѣдствій и взводитъ на него

совершенно нелѣпыя обвиненія, — напр., въ смерти его родной сестры—царицы и жениха дочери, датскаго королевича. Такое отношеніе народа приводитъ къ тому, что любовь его къ народу обращается въ озлобленіе; темныя силы получаютъ перевѣсъ въ его существѣ: онъ становится мрачнымъ, подозрительнымъ, жестокимъ, прибѣгаетъ къ казнямъ и пыткамъ, устанавливаетъ систему шпіонства, старается дѣйствовать уже не милостью, а страхомъ — и этимъ возбуждаетъ противъ себя всеобщее негодованіе.

Настроеніе народа.

Но чѣмъ же вызвано такое отношеніе народа къ Борису, который, по крайней мѣрѣ въ началѣ царствованія, такъ заботился о привлеченіи къ себѣ любви народной? Главной причиной такого отношенія является *недовѣріе* народа къ Борису: народъ видитъ въ немъ преступника, убѣжденъ, что убійство Дмитрія совершено по его желанію, и потому считаетъ его способнымъ на всякое другое преступленіе, на всякое злое дѣло. Болѣе того: совѣсть самого народа неспокойна; выбравъ царемъ завѣдомаго преступника, убійцу законнаго наслѣдника, народъ тѣмъ самымъ *сталъ какъ бы причастнымъ преступленію Бориса*, поэтому онъ считаетъ, что вина Бориса легла тяжелымъ бременемъ и на него самого. Выразителемъ такого настроенія народа является *Пименъ*, который прямо говоритъ:

О, страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

Въ этомъ смыслѣ вся сцена въ Чудовомъ монастырѣ имѣетъ глубокое, *символическое* значеніе. *Пименъ* представляетъ собой какъ бы живое *воплощеніе народной совѣсти*, смущенной преступленіемъ царя; онъ — носитель нравственнаго сознанія, законы котораго нарушены Борисомъ. Поэтому онъ первый, невѣдомо для самого себя, даетъ толчокъ къ смутѣ, которая должна привести къ гибели всѣхъ плановъ Бориса, онъ первый зароняетъ мысль о самозванствѣ въ душу своего послушника, — *изъ его кельи выходитъ самозванецъ*, долженствующій служить орудіемъ наказанія за попранный нравственный законъ. Быть можетъ, именно для того, чтобы яснѣе подчеркнуть внутренній смыслъ сцены въ Чудовомъ монастырѣ, Пушкинъ исключилъ изъ перваго изданія тра

діи слѣдовавшую за ней сцену съ „злымъ чернецомъ“ [1]), въ которой этотъ послѣдній является иниціаторомъ дерзкаго замысла Григорія Отрепьева.

Такимъ образомъ истинная причина гибели Бориса и крушенія всѣхъ его плановъ заключается въ самомъ его преступленіи, въ попраніи нравственнаго закона. Причина гибели Бориса.

Между народомъ и Борисомъ стоитъ тѣнь убитаго имъ царевича: народъ, сознавая преступность царя, не можетъ довѣрять ему,—и объ это глухое и упорное недовѣріе народа разбиваются всѣ благія стремленія Бориса. Въ томъ и заключается истинный *трагизмъ его положенія,* что онъ, несмотря на всѣ свои государственныя способности, на умъ и энергію, на искреннее желаніе принести пользу родинѣ, оказывается не въ силахъ этого сдѣлать, потому что надъ нимъ тяготѣетъ совершенное имъ преступленіе, лишающее его душевнаго мира, а также народной любви и поддержки.—Хотя *народъ* рѣдко выводится Пушкинымъ на сцену и играетъ въ трагедіи, на первый взглядъ, пассивную роль, однако значеніе его весьма важно для всего развитія дѣйствія. Его *настроеніе* составляетъ ту атмосферу, среди которой проходитъ дѣйствіе, и которая обезпечиваетъ успѣхъ однимъ лицамъ и вызываетъ неудачу другихъ. Въ этомъ народномъ настроеніи и заключается главная сила Самозванца, а не въ козняхъ бояръ и не въ кучкѣ польскихъ искателей приключеній, которыхъ собралъ для него Мнишекъ Роль народа въ трагедіи.

> Но знаешь ли, чѣмъ сильны мы, Басмановъ?
> Не войскомъ, нѣтъ не польскою помогой,
> *А мнѣніемъ, да, мнѣніемъ народнымъ* —

говоритъ Пушкинъ Басманову, склоняя его перейти на сторону Лжедмитрія. Поэтому собственныя качества Самозванца почти не имѣютъ значенія въ успѣхѣ его борьбы съ Борисомъ. Чтобы яснѣе обнаружить это, Пушкинъ особенно подчеркиваетъ въ его характерѣ черты безпечности, беззаботности и дерзкой отваги. Такъ, напр., занятый своей любовью къ Маринѣ, онъ Характеръ Самозванца.

---

[1]) Сцена эта основана на замѣчаніи Карамзина, нашедшаго въ одномъ источникѣ (у Петрея) указаніе на то, что мысль о самозванствѣ была внушена Григорію какимъ-то «злымъ инокомъ». Это показываетъ, какъ внимательно Пушкинъ изучилъ Карамзина: даже сдѣланное имъ мимоходомъ замѣчаніе не укрылось отъ его вниманія, и на немъ онъ построилъ цѣлую сцену.

беззаботно пируетъ въ замкѣ Мнишка, теряя драгоцѣнное время и позволяя Борису принять свои мѣры обороны; затѣмъ онъ даже открываетъ Маринѣ свое настоящее званіе, потому что не хочетъ, чтобы она любила въ немъ другого, хотя этотъ порывъ откровенности могъ бы ему очень повредить. Потерпѣвъ пораженіе, потерявъ почти все свое войско и спасаясь бѣгствомъ, онъ не столько огорченъ испытанной неудачей, сколько смертью своего любимаго коня, и наконецъ спокойно засыпаетъ, не думая объ опасности; въ этомъ спокойствіи Самозванца сторонники его даже почерпаютъ себѣ увѣренность въ успѣхѣ, какъ это видно изъ словъ Пушкина:

... Пріятный сонъ, царевичъ!
Разбитый въ прахъ, спасаяся побѣгомъ,
Безпеченъ онъ, какъ глупое дитя:
Хранитъ его, конечно, Провидѣнье;
И мы, друзья, не станемъ унывать.

Жажда приключеній, стремленіе къ широкой, шумной и разгульной жизни, къ блеску и наслажденію, побуждаютъ Самозванца выступить со своимъ отважнымъ планомъ. Томясь тишиной келіи и однообразіемъ иноческой жизни, онъ завидуетъ Пимену за богатую впечатлѣніями молодость. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Самозванецъ способенъ и къ болѣе благороднымъ чувствамъ. Въ немъ есть гордость и сознаніе своего достоинства, проявляющіяся, напр., въ сценѣ съ Мариной. Есть въ немъ и привязанность къ родинѣ, которая видна изъ того, что его даже смущаетъ мысль о предстоящемъ кровопролитіи, о необходимости искать поддержки у враговъ Россіи. Передъ сраженіемъ, на Литовской границѣ, онъ говоритъ Курбскому:

Кровь русская, о Курбскій, потечетъ!
Вы за царя подъяли мечъ, вы чисты:
Я жъ васъ веду на братьевъ; я Литву
Позвалъ на Русь, я въ красную Москву
Кажу врагамъ завѣтную дорогу!

Василій Шуйскій.

Среди другихъ лицъ, выведенныхъ Пушкинымъ, чрезвычайно ярко обрисованъ князь Шуйскій, „лукавый царедворецъ“, какъ называетъ его Воротынскій. Это человѣкъ умный и хитрый, склонный къ интригамъ и проискамъ. Съ самаго начала онъ ведетъ по отношенію къ Борису двойную игру:

съ одной стороны, онъ чрезвычайно недоволенъ его избраніемъ, возмущается тѣмъ, что

Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ,
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха —

— и даже предлагаетъ Воротынскому подъ рукой волновать народъ, возстановляя его противъ Бориса. А съ другой стороны, онъ всячески старается выказать царю свою преданность, первый спѣшитъ сообщить ему извѣстіе о появленіи самозванца, а когда въ Царской Думѣ Борисъ приведенъ въ замѣшательство неловкимъ предложеніемъ патріарха, онъ, со свойственною ему находчивостью, приходитъ на помощь царю и выводитъ его изъ непріятнаго положенія. Поэтому даже тонкій и проницательный умъ Бориса не въ силахъ разгадать истинный характеръ Шуйскаго; иногда онъ кажется ему подозрительнымъ: „уклончивый, но смѣлый и лукавый“, отзывается онъ о Шуйскомъ,—но вмѣстѣ съ тѣмъ въ своихъ предсмертныхъ наставленіяхъ сыну онъ указываетъ именно на Шуйскаго, какъ на наиболѣе подходящаго совѣтника для молодого монарха. Чтобы выказать свою мнимую преданность, Шуйскій не останавливается и передъ явной лестью:

Ты милостью, радѣньемъ и щедротой
Усыновилъ сердца своихъ рабовъ —

—говоритъ онъ Борису, а на его угрозу отвѣчаетъ съ видомъ полнаго чистосердечія и угодливости: „Не казнь страшна, — страшна твоя немилость; передъ тобой дерзну ли я лукавить?“—Однако въ то же время онъ даетъ понять царю, что ему прекрасно извѣстна его тайна; для этого онъ съ такой подробностью разсказываетъ о томъ впечатлѣніи, которое производилъ видъ убитаго царевича, лежавшаго среди растерзанныхъ народомъ тѣлъ, по которымъ „ужъ тлѣніе притѣтно проступало“, между тѣмъ какъ „дѣтскій ликъ царевича былъ ясенъ, и свѣжъ, и тихъ, какъ будто усыпленный; глубокая не запекалась язва, черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились“. Шуйскій знаетъ, что каждое слово его разсказа острымъ ножомъ входитъ въ душу Бориса, такъ что Борисъ наконецъ теряетъ самообладаніе и прерываетъ его: „Довольно, удались!“—но Шуйскій не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи съ самымъ простосердечнымъ видомъ пому-

чить того, кого онъ втайнѣ презираетъ, какъ „вчерашняго раба“, но передъ которымъ онъ явно принужденъ раболѣпствовать.

Относительно характера *Марины* самъ Пушкинъ говоритъ въ одномъ письмѣ: „Конечно, эта была самая странная изъ всѣхъ хорошенькихъ женщинъ; у ней была только одна страсть—честолюбіе, но зато такое сильное, бѣшеное, какое трудно себѣ и представить“. Изъ другихъ второстепенныхъ лицъ трагедіи очень жизненно и удачно обрисованъ простодушный, но недалекій патріархъ, „вѣрный богомолецъ, въ дѣлахъ мірскихъ не мудрый судія“, называющій самозванца „сосудомъ дьявольскимъ“, искренно преданный „отцу государю“, но приводящій его въ немалое смущеніе своимъ простодушнымъ разсказомъ о чудѣ исцѣленія надъ гробомъ царевича Димитрія и своимъ совѣтомъ—перенести его мощи въ Москву для прекращенія народныхъ толковъ. Въ художественномъ отношеніи этотъ разсказъ патріарха и вообще вся сцена въ Царской Думѣ принадлежитъ къ числу наиболѣе удачныхъ и сильныхъ сценъ трагедіи.

Языкъ трагедіи.

Кромѣ яркой обрисовки характеровъ, большое художественное достоинство трагедіи составляетъ ея *языкъ*, вполнѣ соотвѣтствующій какъ характерамъ выведенныхъ лицъ, такъ и духу эпохи вообще. Пушкинъ съ замѣчательнымъ искусствомъ сумѣлъ придать своему языку *отпечатокъ старины*; при этомъ однако въ трагедіи вовсе нѣтъ тяжелыхъ архаизмовъ; вставляя въ рѣчь дѣйствующихъ лицъ старинныя выраженія и обороты, Пушкинъ тщательно избѣгалъ такихъ, которые бы слишкомъ бросались въ глаза своей необычайностью и могли бы показаться непонятными: въ этомъ сказывается *тонкое чувство мѣры*, присущее творчеству Пушкина вообще. Оттого, сохраняя свой отпечатокъ старины, языкъ трагедіи воспринимается нами какъ живая, а не какъ книжная рѣчь. Примѣрами такого осторожнаго и обдуманнаго употребленія старинныхъ оборотовъ могутъ послужить такія выраженія, такъ: „*Наряжены* мы вмѣстѣ *городъ вѣдать*“ (слова Воротынскаго, первая фраза трагедіи); „*Соборомъ положили* въ послѣдній разъ отвѣдать силу просьбы“; „...мы *по старинѣ пожалуемъ* нашъ вѣрный, вольный Донъ“; „мужъ битвы и совѣта“, и мн. др. Изрѣдка встрѣчаются старыя конструкціи, напр.: „благословится подвигъ, его жъ (=который) они прославили заранѣ“. Болѣе всего старинныхъ выраженій находимъ мы въ рѣчахъ Пимена и патріарха (*зане, днесь, кладезь, нашептанье*, святый соборъ и др.).

И *свѣдано*, что многіе страдальцы
Спасеніе *подобно* находили
У гробовой царевича доски...
... И власть бѣсовъ исчезнетъ, *яко прахъ*.

Эти и подобныя выраженія характеризуютъ изображаемыхъ лицъ какъ „книжниковъ“, по привычкѣ уснащающихъ свою рѣчь словами, заимствованными изъ церковно-славянскихъ книгъ.

Окончивъ „Бориса Годунова“ въ 1825 г., Пушкинъ долго не рѣшался напечатать свою трагедію, ограничиваясь чтеніемъ ея въ избранномъ кругу друзей и знакомыхъ. Въ 1827 г. онъ помѣстилъ отрывокъ изъ нея (сцену въ Чудовомъ монастырѣ) въ „Московск. Вѣстникѣ“, но только три года спустя рѣшился онъ приступить къ печатанію, и 1-го января 1831 г. трагедія его вышла въ свѣтъ съ посвященіемъ „драгоцѣнной для Россіянъ памяти Карамзина“. Такое долгое колебаніе объясняется тѣмъ, что Пушкинъ не былъ увѣренъ, будетъ ли публика въ состояніи оцѣнить по достоинству это произведеніе, которое онъ особенно любилъ и неуспѣхъ котораго причинилъ бы ему поэтому большое огорченіе. Опасенія Пушкина оказались вполнѣ основательными. Хотя трагедія имѣла внѣшній успѣхъ, такъ что въ первый же день разошлось 400 экземпляровъ, однако ни критика, ни публика, воспитанныя на псевдо-классическихъ образцахъ и традиціяхъ, не оказались въ состояніи понять художественную простоту и силу новаго произведенія. Отзывы критики были по большей части неблагопріятны для трагедіи, а въ нѣкоторыхъ прямо говорилось о паденіи Пушкина, о томъ, что его талантъ ослабѣваетъ. Такое отношеніе критики и выказанное ею непониманіе одного изъ наиболѣе совершенныхъ художественныхъ произведеній Пушкина очень тяжело подѣйствовало на него. Даже впослѣдствіи, еще Бѣлинскій, при всемъ своемъ эстетическомъ чутьѣ, не могъ въ достаточной мѣрѣ оцѣнить высокое художественное значеніе „Бориса Годунова“, который, по его мнѣнію, лишенъ былъ внутренняго единства; онъ даже не считалъ произведеніе Пушкина настоящей „трагедіей“, которая невозможна безъ „страстей, борьбы, дѣйствія“, а видѣлъ въ немъ лишь „эпическую поэму въ разговорной формѣ“, а въ личности самого Бориса— „мелодраматическаго злодѣя“. Всѣ эти недостатки произведенія Бѣлинскій приписывалъ главнымъ образомъ тому, что Пушкинъ слишкомъ близко придерживался Карамзина въ своемъ пониманіи характеровъ и событій. Но отдѣльныя сцены Бѣлинскій ставилъ очень высоко, называлъ даже геніальными. Также „геніальной чертой, достойной Шекспира“, считалъ онъ заключительныя слова трагедіи: „Народъ безмолвствуетъ“.—„Въ этомъ безмолвіи народа,— говорилъ онъ,—слышенъ страшный, трагическій голосъ новой Немезиды, изрекающей судъ свой надъ новой жертвой — надъ тѣми, кто погубилъ родъ Годуновыхъ“.

Отношеніе критики и публики.

. Драматическія сцены.

Воспроизводя въ „Борисѣ Годуновѣ“ русскую старину, еще незатронутую иноземнымъ вліяніемъ, и стараясь при этомъ уловить въ своемъ изображеніи „духъ времени“, Пушкинъ естественно долженъ былъ придать своему произведенію отпечатокъ *народности*, что ему особенно удалось при обрисовкѣ такихъ лицъ, какъ Пименъ, патріархъ, бѣглые монахи и др. Въ „драматическихъ сценахъ“, написанныхъ въ Болдинѣ въ 1830 г. („Скупой Рыцарь“,

Ихъ психологическій интересъ.

„Моцартъ и Сальери“, „Каменный Гость“), Пушкинъ съ замѣчательнымъ искусствомъ нарисовалъ рядъ *общечеловѣческихъ типовъ*, представляющихъ собой воплощеніе различныхъ страстей и душевныхъ особенностей. Интересъ этихъ сценъ чисто *психологическій*: въ нихъ Пушкинъ выказалъ себя тонкимъ психологомъ, умѣющимъ проникать въ глубину человѣческой души и изображать человѣческія чувства и страсти въ ихъ наиболѣе типическихъ проявленіяхъ. При этомъ особенно замѣчательна обнаруженная здѣсь Пушкинымъ *способность немногими словами рисовать цѣлую картину*, цѣлый живой образъ, обобщающій обширный кругъ жизненныхъ явленій. Эта способность Пушкина—*художественный лаконизмъ* составляетъ одну изъ наиболѣе характерныхъ чертъ его творческаго генія. Съ особенной яркостью эта черта обнаруживается именно въ его драматическихъ сценахъ. Несмотря на свою краткость, онѣ отличаются замѣчательнымъ богатствомъ содержанія. Въ нихъ нѣтъ вовсе лишнихъ словъ, но зато каждое слово исполнено глубокаго значенія, въ каждой фразѣ конденсировано (сгущено, сжато) чрезвычайно богатое содержаніе. Эта сжатость формы и придаетъ Пушкинскимъ произведеніямъ особенную силу.

Скупой Рыцарь.

Въ трехъ сценахъ „Скупого Рыцаря“ съ замѣчательнымъ мастерствомъ изображена Пушкинымъ одна изъ самыхъ отталкивающихъ человѣческихъ страстей— *скупость*. При этомъ Пушкинъ обрисовалъ эту страсть съ ея *трагической* стороны, въ лицѣ стараго барона, средневѣковаго рыцаря. Баронъ—фигура истинно трагическая. При всей непривлекательности владѣющей имъ страсти, онъ производитъ впечатлѣніе внутренней силы и какого-то мрачнаго величія. Одинъ критикъ мѣтко назвалъ его „поэтомъ скупости“. Дѣйствительно, въ воображеніи стараго барона предметъ его страсти, *богатство*, *золото*, получаетъ особенное, грандіозное значеніе, какъ *символъ высшаго могущества*, необоримой власти. Именно это всемогущество золота и привлекаетъ къ нему барона: чувствуя себя обладателемъ богатства, онъ чувствуетъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ владыкою всѣхъ благъ земныхъ,—„Что не подвластно мнѣ?..,—говоритъ онъ, созерцая покоющееся въ сундукахъ золото—

...Какъ нѣкій демонъ,
Отселѣ править міромъ я могу;
Лишь захочу—воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою;
И музы дань свою мнѣ принесутъ,
И вольный геній мнѣ поработится,
И добродѣтель, и безсонный трудъ
Смиренно будутъ ждать моей награды.
Я свистну—и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Глядѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.

Но, чувствуя себя всемогущимъ, наслаждаясь сознаніемъ своей мощи, баронъ довольствуется этимъ сознаніемъ и не дѣлаетъ никакой попытки осуществить свою власть:

Мнѣ все послушно, я же—ничему.
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья...

Однако эта гордая мысль основана на чистой иллюзіи, на самообманѣ: баронъ думаетъ, что онъ „выше всѣхъ желаній", но на самомъ дѣлѣ онъ уже самъ неспособенъ ни къ какому желанію, кромѣ того, которое внушаетъ ему поглотившая его страсть. Для него золото, деньги, служащія, при нормальномъ отношеніи къ нимъ, лишь *средствомъ* для достиженія извѣстныхъ жизненныхъ благъ, стали *цѣлью* сами по себѣ, т.-е. въ его душѣ совершилась та перестановка понятій, которая именно и составляетъ характерную черту скупости. Поэтому, несмотря на призрачное сознаніе своего всемогущества, баронъ на самомъ дѣлѣ является покорнымъ рабомъ своей страсти, своего богатства. По выраженію Альбера, онъ видитъ въ деньгахъ „не слугъ, и не друзей", а господъ, и служитъ имъ, „какъ алжирскій рабъ, какъ песъ цѣпной".

Психологія скупости.

Но, сознавая могущество и власть денегъ, баронъ въ то же время отлично знаетъ ихъ темную силу, знаетъ все то зло и всѣ страданія, которыя съ ними связаны:

Да! если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ—я захлебнулся бъ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ.

Но мысль о пролитыхъ „слезахъ и крови" не только не смущаетъ барона, но даже придаетъ чувству обладанія скопленными сокровищами какую-то особенную болѣзненную „пріятность", которую особенно сильно испытываетъ онъ въ тѣ минуты, когда вкладываетъ ключъ въ замокъ своихъ сундуковъ и которую онъ самъ сравниваетъ съ ощущеніями убійцы, вонзающаго ножъ въ тѣло своей жертвы. Сердце барона зачерствѣло, какъ сердце преступника. Онъ равнодушно смотритъ на слезы бѣдной вдовы, принесшей ему „дублонъ старинный", — очевидно послѣднюю золотую монету, сберегавшуюся для чернаго дня; онъ мало смущается мыслью о томъ, какимъ образомъ достаются деньги Тибо, „лѣнивцу, плуту". Однако и у барона бываютъ тяжелыя минуты, когда и его черствую душу терзаетъ совѣсть—

Когтистый звѣрь, скребящій сердце—совѣсть,
Незванный гость, докучный собесѣдникъ,
Заимодавецъ грубый; эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ!...

Но эти мученія совѣсти только придаютъ въ его глазахъ еще большую цѣну его сокровищамъ.—Нѣтъ, говоритъ онъ,—

...*Выстрадай* сперва себѣ богатство,
А тамъ посмотримъ, станетъ ли несчастный
То расточать, что *кровью* пріобрѣлъ.

Овладѣвшая старымъ барономъ страсть убиваетъ въ немъ всякое другое живое чувство, всякую человѣческую привязанность,—даже естественное чувство отцовской любви. Въ лицѣ Альбера, на котораго онъ взводитъ тяжкую клевету передъ герцогомъ, онъ видитъ не столько сына, сколько „наслѣдника", къ которому должны перейти накопленныя съ такимъ трудомъ богатства и который „расточитъ" ихъ „съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ". Одна эта мысль приводитъ стараго барона въ страшное волненіе, терзаетъ его, какъ кошмаръ. Онъ хотѣлъ бы и послѣ смерти сохранить свою власть надъ своими сокровищами, хотѣлъ бы скрыть ихъ „отъ взоровъ недостойныхъ", сидѣть надъ ними „сторожевою тѣнью", („какъ песъ цѣпной", по выраженію Альбера), охраняя ихъ отъ всѣхъ живыхъ. Это противоестественное желаніе показываетъ всю силу страсти, овладѣвшей барономъ: онъ смущается не столько мыслью о собственной смерти, сколько заботой о своихъ сокровищахъ, которыя онъ хотѣлъ бы навсегда сохранить за собою; даже умирая, онъ думаетъ только о нихъ и испускаетъ духъ съ болѣзненно-жалкимъ крикомъ: „Ключи, ключи мои!.."

Моцартъ и Сальери.

Драматическія сцены: „Моцартъ и Сальери" посвящены изображенію дѣйствія *зависти* на душу человѣка. Олицетвореніемъ этого чувства и вмѣстѣ съ тѣмъ жертвою его является здѣсь Сальери. Въ его лицѣ дѣйствіе зависти представлено Пушкинымъ съ ея трагической стороны, какъ скупость въ лицѣ стараго барона. Зависть Сальери не низменнаго характера, потому что она тѣсно связана у него съ глубокой любовью къ музыкѣ и съ тѣмъ почти религіознымъ уваженіемъ, какое онъ питаетъ къ этому искусству. Зависть Сальери къ Моцарту есть зависть *труженика*, всецѣло посвятившаго себя служенію своему дѣлу, съ „усильнымъ, напряженнымъ постоянствомъ" стремящагося къ совершенству, — къ *генію*, которому это совершенство дается безъ видимаго труда, почти шутя. Въ этомъ неравномѣрномъ распредѣленіи способностей онъ видитъ явную несправедливость судьбы.— „О, небо!" восклицаетъ онъ:

— Гдѣ жъ правота, когда священный даръ,
Когда безсмертный геній—не въ награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій посланъ,
А озаряетъ голову безумца,
Гуляки празднаго?.. О Моцартъ, Моцартъ!

При томъ глубокомъ уваженіи, которое Сальери питалъ къ музыкѣ, отношеніе къ ней Моцарта кажется ему легкомысленнымъ.

„Ты, Моцартъ, недостоинъ самъ себя“,—говоритъ онъ ему. Сальери при своемъ вѣчно-серьезномъ настроеніи, не понимаетъ, какъ Моцартъ можетъ добродушно смѣяться надъ игрой слѣпого старика, забавно искажающаго его музыку, которая для Сальери служитъ предметомъ восторга и тайной зависти. Этотъ дѣтски-простодушный, наивный смѣхъ Моцарта вызываетъ въ немъ негодованіе, кажется ему признакомъ недостаточнаго уваженія къ искусству. „Нѣтъ,—говоритъ онъ:—мнѣ не смѣшно,

... когда маляръ негодный
Мнѣ пачкаетъ Мадонну Рафаэля
Мнѣ не смѣшно, когда фигляръ презрѣнный
Пародіей безчеститъ Алигьери...

Признавая Моцарта „недостойнымъ“ того „генія“, носителемъ котораго онъ является, Сальери чувствуетъ себя по сравненію съ нимъ несправедливо обиженнымъ,—поэтому онъ и завидуетъ ему, завидуетъ „глубоко, мучительно“, и его мученія еще болѣе усугубляются отъ сознанія, что это чувство зависти—недостойно благороднаго человѣка. Раньше, до знакомства съ Моцартомъ, онъ и не зналъ этого чувства. „Кто скажетъ, чтобъ Сальери *гордый* былъ—когда-нибудь завистникомъ *презрѣннымъ—змѣей*, людьми растоптанною, вживѣ—песокъ и пыль грызущею безсильно?“ Это чувство зависти унижаетъ Сальери въ собственныхъ глазахъ, но онъ не можетъ отъ него освободиться.

Въ противоположность простой, непосредственной, дѣтски-наивной натурѣ Моцарта, характеръ Сальери отличается сложностью, противорѣчивостью и преобладаніемъ рефлексіи. Натура его—раціоналистическаго склада. Это видно даже изъ его отношенія къ музыкѣ: въ то время какъ Моцартъ непосредственно отдается своему генію, вдохновенію,—Сальери стремится постигнуть тайну творчества путемъ отвлеченнаго изученія; онъ самъ выражается объ этомъ: „звуки умертвивъ, музыку я разъялъ, какъ трупъ,—*повѣрилъ я алгеброй гармонію*“. Но хотя онъ этимъ путемъ, „усильнымъ, напряженнымъ постоянствомъ“, и достигъ „въ искусствѣ безграничномъ“ „степени высокой“,—однако Моцартъ однимъ усиліемъ творческаго генія сразу опередилъ его, оставилъ далеко позади себя. И вотъ, подъ вліяніемъ мучительной зависти, у Сальери рождается мысль—устранить своего счастливаго соперника, отравить его. Какъ натура разсудочная, раціоналистическая, онъ тотчасъ старается подыскать логическіе мотивы для своего рѣшенія, старается различными софизмами оправдать въ собственныхъ глазахъ свое злодѣяніе. Ему кажется, что онъ „призванъ“ для того, чтобы „остановить“ Моцарта, геній котораго грозитъ затмить все то, что сдѣлали въ искусствѣ другіе, истинные, по мнѣнію Сальери, „жрецы“, „служители музыки“. Онъ даже пытается оправдать свое преступленіе соображеніями *пользы* его дѣла для искусства:

Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой высоты еще достигнетъ?
Подниметъ ли онъ тѣмъ искусство? Нѣтъ?
Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ.

Но всѣ эти софизмы служатъ лишь покровомъ, подъ которымъ скрывается его мучительная зависть, зависть труженика за то, что ему никогда, никакими усиліями, не достигнуть той высоты, до которой свободно поднимается геній. И это сознаніе остается въ душѣ Сальери и послѣ совершенія преступленія, служа источникомъ для новыхъ мученій...—„Ужель онъ правъ, и я не геній? Геній и злодѣйство—двѣ вещи несовмѣстныя“...

Каменный Гость.

Въ *„Каменномъ Гостѣ“* Пушкинъ воспользовался преданіемъ о знаменитомъ севильскомъ соблазнителѣ Донъ-Жуанѣ, самое имя котораго стало съ теченіемъ времени нарицательнымъ. Преданіе это уже раньше неоднократно обрабатывалось въ литературѣ, напр., Мольеромъ („Don-Juan, ou le Festin de Pierre“); имъ же воспользовался и Моцартъ для своей знаменитой оперы: Донъ-Жуанъ, или наказанный распутникъ“. Либретто этой оперы (составленное аббатомъ да-Понте) и послужило ближайшимъ источникомъ для пьесы Пушкина, хотя онъ, какъ въ обработкѣ своей темы, такъ и въ обрисовкѣ характеровъ допустилъ значительныя отступленія, придающія его произведенію вполнѣ самостоятельное значеніе. Согласно традиціонному представленію, Пушкинъ изобразилъ Донъ-Жуана, какъ *типъ обольстителя*, виртуоза въ „наукѣ страсти нѣжной“, котораго особенно привлекаютъ лишь такія побѣды, которыя связаны съ различными препятствіями, съ борьбой и усиліями: оттого онъ и добивается съ такимъ упорствомъ любви донны Анны, мужа которой онъ убилъ на дуэли. Менѣе ясно выражена другая черта, присущая характеру Донъ-Жуана: это—его вольнодумство, нравственный скептицизмъ, ярко оттѣненные, напр., въ комедіи Мольера.—*„Пиръ во время чумы“* представляетъ собой довольно близкій переводъ одной сцены изъ драматической поэмы англійскаго поэта Вильсона; но прекрасныя вставочныя пѣсни: „Было время, процвѣтала...“ и гимнъ въ честь чумы, всецѣло принадлежатъ Пушкину.—Неоконченная драма *„Русалка“* замѣчательна не только по своей художественности, но и по проникающему ее духу народности, выражающемуся въ обрисовкѣ характеровъ, въ изображеніи старыхъ народныхъ обрядовъ и бытовыхъ чертъ и, наконецъ, въ самомъ языкѣ произведенія.

III. Лирика Пушкина.

Общій характеръ лирики Пушкина.

Въ лирическихъ стихотвореніяхъ Пушкина особенно полно отражаются черты его личности, благодаря глубокой *искренности* его творчества. Только въ самомъ началѣ его дѣятель-

ности, въ его лицейскихъ „элегіяхъ“, замѣтны черты подражательности, искусственности настроенія, — именно въ тѣхъ стихотвореніяхъ, гдѣ 17-лѣтній авторъ говоритъ о своей „разочарованности“ и „безнадежности“, объ „увядшемъ сердцѣ“ и о своемъ уныніи; все это, конечно, нисколько не соотвѣтствовало его дѣйствительному настроенію и являлось лишь отраженіемъ господствовавшаго въ лирикѣ сентиментально-романтической эпохи элегическаго тона, при чемъ ближайшими образцами для Пушкина служили элегіи Жуковскаго.

Но приблизительно съ 1820 года лирика Пушкина достигаетъ полной самобытности и вмѣстѣ съ тѣмъ становится вполнѣ искреннимъ выраженіемъ его чувствъ, думъ и настроеній[1]). *Общій тонъ* его лирическихъ стихотвореній— *свѣтлый, бодрый и жизнерадостный*. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что жизненныя обстоятельства далеко не всегда складывались благопріятно для поэта: но онъ не поддавался ихъ угнетающему вліянію, не впадалъ въ уныніе или пессимизмъ (такія стихотворенія, какъ: „Три ключа“, „26 мая 1828 года“, представляютъ собой рѣдкое исключеніе). Даже въ его *элегіяхъ* ярко обнаруживается этотъ свѣтлый, жизнерадостный характеръ поэзіи Пушкина: меланхолическое настроеніе въ нихъ разрѣшается обыкновенно какимъ-нибудь бодрымъ чувствомъ или мыслью, поэтъ всегда находитъ для себя выходъ изъ этого грустнаго настроенія и заканчиваетъ свою элегію свѣтлымъ аккордомъ.

Особенности его элегій.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье.
Но какъ вино—печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ, чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать;
И, вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ быть, на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

---

[1]) Многія стихотворенія, непосредственно связанныя съ обстоятельствами жизни Пушкина, указаны въ его біографіи.

Даже мысль о непрочности и мимолетности всего земного не смущаетъ Пушкина, и онъ легко примиряется съ нею. „Все мгновенно, все пройдетъ; что пройдетъ, то будетъ мило“, говоритъ онъ въ одномъ стихотвореніи. Самая мысль о смерти и о вѣчномъ „равнодушіи“ природы не вызываетъ въ немъ чувства горечи, и онъ заканчиваетъ свои „Стансы“ („Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ...“) словомъ спокойнаго примиренія съ неизбѣжнымъ:

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Любовь къ жизни никогда не переходила у Пушкина въ слабодушный эгоизмъ, робко цѣпляющійся за личное существованіе; онъ умѣлъ цѣнить жизнь и красоту жизни въ ея объективномъ значеніи, умѣлъ радоваться жизни не только за себя, но и за другихъ,—напр., за новыя поколѣнія, идущія на смѣну старому; такъ., напр., къ нимъ онъ обращается мыслью въ стихотвореніи „Вновь я посѣтилъ...“, привѣтствуя „племя младое, незнакомое“, выросшее вокругъ его „старыхъ знакомцевъ“—сосенъ, стоявшихъ на границѣ владѣній дѣдовскихъ“ (сравн. также: „Евг. Онѣг.“, гл. II, строфа 38-я). Эта черта, т.-е. способность безкорыстно радоваться за другого, характеризуетъ природное *благожелательство* Пушкина въ его отношеніяхъ къ жизни и къ людямъ.

Главныя темы его лирики.

Среди мотивовъ, вдохновлявшихъ лирику Пушкина, первое мѣсто по числу посвященныхъ имъ стихотвореній занимаетъ *любовь*. При всей силѣ и страстности чувства, любовные стихи Пушкина отличаются глубокой нѣжностью и задушевностью; таковы, напр., стихотворенія: „Разставанье“, „Я васъ любилъ“, „Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я“... Много стихотвореній посвящено Пушкинымъ также *дружбѣ*, они проникнуты тѣмъ же духомъ благожелательства, который составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ его личности; особенно тѣсны были его дружественныя связи съ лицейскими товарищами: имъ посвященъ рядъ стихотвореній, написанныхъ по поводу лицейскихъ „годовщинъ“ (19 октября) и многочисленныя „посланія“.—Чувство *природы* также нашло себѣ выраженіе въ поэзіи Пушкина; его картины родной

природы отличаются полной простотой и безыскусственностью, но въ то же время проникнуты теплымъ сочувствіемъ къ ней и обнаруживаютъ тонкое пониманіе ея неяркой и спокойной красоты („Осень“, картины временъ года въ „Онѣгинѣ“).— Наконецъ, и болѣе сложныя и высокія чувства, каковы, напр., *религіозное* и *патріотическое*, неоднократно служили для Пушкина источникомъ поэтическаго вдохновенія („Молитва“, „Клеветникамъ Россіи“, „Бородинская годовщина“).

Идейная лирика.

Но содержаніе лирики не ограничивается одной лишь областью чувства: она можетъ почерпать свои мотивы также изъ области мысли. Стихотвореній, принадлежащихъ къ идейной лирикѣ, къ *лирикѣ мысли*, у Пушкина сравнительно немного, но они представляютъ значительный интересъ, потому что въ нихъ отражаются его взгляды на различные вопросы. Таковы, напр., стихотворенія, въ которыхъ мы находимъ выраженіе его умственныхъ интересовъ и литературныхъ вкусовъ („Къ Жуковскому“, „Чаадаеву“, „Посланія къ цензору“ и др.). Сюда же относятся такія стихотворенія, какъ: „Наполеонъ“, „Герой“, „Полководецъ“, „Къ вельможѣ“; особенно замѣчательно изъ нихъ послѣднее, въ которомъ поэтъ рисуетъ широкую картину 18-го вѣка, отмѣчая его наиболѣе характерныя явленія и моменты и живо воспроизводя самый духъ этой эпохи.

Взгляды на поэта и на поэзію.

Среди стихотвореній, принадлежащихъ къ области *лирики мысли*, наибольшій интересъ представляютъ тѣ, въ которыхъ выражаются его *взгляды на поэзію и значеніе поэта*. Къ числу такихъ стихотвореній относятся „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“ (1824), „Поэтъ“ (1827), „Чернь“ (1828), „Поэту“ (1830), „Эхо“ (1831), „Изъ VI Пиндемонте“ (1836), и, наконецъ, „Памятникъ“ (1836).—Пушкинъ чрезвычайно высоко ставилъ поэзію, какъ одно изъ высшихъ проявленій творческой силы человѣческаго духа; въ соотвѣтствіи съ этимъ онъ и поэту приписывалъ особенное значеніе, какъ „любимцу Аполлона“, „сыну небесъ“. Въ обыкновенныхъ условіяхъ жизни поэтъ можетъ ничѣмъ не выдѣляться среди окружающихъ; но въ минуты творческаго вдохновенія, когда его „чуткаго слуха“ касается „божественный глаголъ“, душа его сразу поднимается до такой высоты, которая совершенно недоступна для обыкновенныхъ людей, „дѣтей ничтожныхъ

міра“ („Поэтъ“). Оттого въ своемъ творчествѣ поэтъ, по мнѣнію Пушкина, долженъ быть вполнѣ независимъ отъ какихъ-либо постороннихъ вліяній, онъ долженъ „итти одинъ, дорогою свободной, куда его влечетъ свободный умъ“, никому не отдавая отчета въ своемъ творчествѣ, долженъ быть „самъ свой высшій судъ“(„Поэту“). Эта мысль о полной *свободѣ творчества* выражаетъ собой глубочайшее убѣжденіе Пушкина; онъ неоднократно повторялъ ее какъ въ своихъ стихотвореніяхъ, такъ и въ критическихъ статьяхъ и замѣткахъ. Но особенно ярко эта мысль выражена въ стихотвореніи „*Чернь*“. Здѣсь мы находимъ рѣзкое противопоставленіе *поэта* и *толпы*. Такое противопоставленіе встрѣчается нерѣдко и у другихъ поэтовъ романтической эпохи, являясь однимъ изъ выраженій присущаго ей индивидуализма, но у Пушкина оно имѣло еще особенное, спеціальное значеніе: дѣло въ томъ, что общество, среди котораго ему приходилось жить и работать, очевидно, не доросло до дѣйствительнаго пониманія его поэзіи; оттого его позднѣйшія, наиболѣе зрѣлыя и совершенныя произведенія встрѣчали гораздо болѣе холодный и даже отрицательный пріемъ, чѣмъ его первыя юношескія поэмы. Эти толки критики и публики, старавшихся даже повліять на самое творчество поэта, ставившихъ ему тѣ или другія задачи, сильно раздражали Пушкина, и въ стихотвореніи „Чернь“ онъ далъ волю своему раздраженію, вслѣдствіе чего его отповѣдь непризваннымъ критикамъ и судьямъ носитъ, дѣйствительно, нѣсколько рѣзкій характеръ; это отражается даже въ самомъ заглавіи, потому что подъ словомъ „чернь“ Пушкинъ, конечно, подразумѣвалъ не простой народъ, а именно то полуобразованное общество, которое бралось судить поэта и указывать ему цѣли для творчества, не будучи однако въ состояніи даже понять его, какъ слѣдуетъ [1]).

Поэтъ и толпа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ стихотвореніи „Чернь“ мы находимъ выраженіе тѣхъ взглядовъ на поэзію, которые носятъ названіе теоріи „чистаго искусства“ или „искусства для искусства“. Пушкинъ считалъ недопустимой въ поэзіи узкую тенденціозность или преслѣдованіе какихъ-либо утилитарныхъ

[1]) Та же мысль о полной свободѣ поэтическаго творчества съ большой силой выражена Пушкинымъ и въ одномъ мѣстѣ „Родословной моего героя“ („Зачѣмъ крутится вихрь въ оврагѣ...“).

и дидактическихъ цѣлей, которыхъ требуетъ отъ поэта „чернь“ недовольная тѣмъ, что

Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
Зато какъ вѣтеръ и безплодна;
Какая *польза* намъ отъ ней?

Пушкинъ же считалъ, что поэтическое произведеніе отнюдь нельзя оцѣнивать мѣркой непосредственной пользы, хотя бы морально-дидактической. По его мнѣнію, „цѣль поэзіи—сама поэзія“; Пушкинъ совершенно ясно сознавалъ, что въ самой поэзіи, какъ и въ искусствѣ вообще, заключена великая облагораживающая и возвышающая душу сила, и потому онъ могъ по справедливости поставить себѣ въ особенную заслугу, „что чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ“ („Памятникъ“).

Общій характеръ Пушкинской поэзіи.

Значеніе Пушкина въ исторіи русской литературы чрезвычайно велико. Это первый нашъ самобытный, національный поэтъ, который по силѣ таланта можетъ выдержать сравненіе съ величайшими писателями другихъ народовъ.— Къ числу главнѣйшихъ особенностей поэзіи Пушкина принадлежитъ прежде всего замѣчательная *художественность* всѣхъ его произведеній, въ которыхъ достигнута полная *гармонія между формой и содержаніемъ*. Но эта внѣшняя гармонія является лишь выраженіемъ той *внутренней гармоніи*, которая проникала собою какъ личность, такъ и творчество Пушкина, и которая основана на богатствѣ его душевныхъ силъ и на ихъ равномѣрномъ развитіи. Изъ этой внутренней гармоніи проистекаетъ и бодрое, свѣтлое, жизнерадостное настроеніе, проникающее всю поэзію Пушкина и отражающееся на его отношеніяхъ къ жизни, къ природѣ и къ людямъ. Пушкина называли, въ противоположность Гоголю, „поэтомъ *прекрасной* дѣйствительности“; это опредѣленіе совершенно вѣрно, но его нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что Пушкинъ прикрашивалъ дѣйствительность, представлялъ ее въ идеализованномъ видѣ; напротивъ того, онъ бралъ ее такою, какова она есть на самомъ дѣлѣ, но взоромъ истиннаго художника онъ умѣлъ подмѣчать черты присущей ей красоты даже тамъ, гдѣ онѣ не бросаются рѣзко въ глаза. По этому поводу одинъ изъ иностранныхъ цѣнителей Пушкина, французскій писатель Мериме, прекрасно замѣтилъ: „у Пушкина поэзія чуднымъ образомъ рас-

цвѣтаетъ изъ самой трезвой прозы".—Это трезвое, простое отношеніе къ дѣйствительности сказывается и въ полной *простотѣ* всего творчества Пушкина, въ отсутствіи всякой искусственности, напряженности, аффектаціи. Эта простота творчества стоитъ въ тѣсной связи со стремленіемъ къ полной правдивости, съ духомъ *художественнаго реализма*, проникающимъ всѣ произведенія Пушкина. Русская жизнь, русскій бытъ, русская природа нашли себѣ въ его творчествѣ вѣрное, неискаженное отраженіе, и въ этомъ смыслѣ Пушкинъ можетъ быть названъ однимъ изъ родоначальниковъ реализма въ русской литературѣ.

Главныя особенности его творчества.

Отличительнымъ свойствомъ творчества Пушкина является его глубокая *объективность*: поэтъ какъ бы вовсе исчезаетъ за созданными имъ фигурами и картинами,—нигдѣ не видно направляющей руки автора. Въ ближайшей связи съ этой объективностью творчества Пушкина стоитъ его *переимчивость*, способность перевоплощаться, проникаться чужимъ духомъ и воплощать его въ своихъ созданіяхъ.—Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта объективность творчества сочетается у Пушкина со склонностью къ глубокому, задушевному *лиризму*, который проявляется нерѣдко даже въ произведеніяхъ объективнаго характера, напр., въ „Евг. Онѣгинѣ", а лирическія стихотворенія Пушкина отличаются полной искренностью чувства и носятъ на себѣ яркій отпечатокъ его личности.—Вообще *объемъ* дарованія Пушкина отличается чрезвычайной широтою: онъ одинаково великъ какъ въ эпическихъ произведеніяхъ, такъ и въ драмѣ и въ лирикѣ; ему одинаково доступна была какъ область высокаго, трагическаго, такъ и область комическаго, шутливаго; все богатство человѣческихъ чувствъ, всѣ переходы настроеній нашли себѣ выраженіе въ его поэзіи. Притомъ вся она проникнута духомъ истинной *человѣчности*; поэтому Бѣлинскій совершенно справедливо замѣтилъ, что къ числу характерныхъ свойствъ пушкинской поэзіи „принадлежитъ ея способность развивать въ людяхъ не только чувство изящнаго, но и чувство *гуманности*, разумѣя подъ этимъ словомъ безконечное уваженіе къ достоинству человѣка, какъ человѣка".

Достоинства языка и формы.

Наконецъ, къ числу достоинствъ поэзіи Пушкина принадлежитъ высокое художественное совершенство ея *формы*.

Изящество Пушкинскаго стиха вошло въ пословицу. Притомъ языкъ его, какъ въ стихотворныхъ, такъ и въ прозаическихъ произведеніяхъ, отличается полной *простотой*; въ немъ нѣтъ ничего изысканнаго, вычурнаго; въ немъ нашли себѣ гармоническое примиреніе всѣ составные элементы русской рѣчи. Отличительное свойство Пушкинскаго языка—его *сжатость* и *сила*. Въ произведеніяхъ Пушкина больше мыслей, чѣмъ словъ; каждое его стихотвореніе, по мѣткому замѣчанію Бѣлинскаго, „есть цѣлая поэма", по богатству своего содержанія.

Литературные взгляды Пушкина.

Пушкинъ принадлежалъ къ числу наиболѣе образованныхъ людей своего времени. Не получивъ въ юности правильной и систематической подготовки, онъ впослѣдствіи путемъ усиленнаго и разнообразнаго чтенія старался восполнить пробѣлы своего образованія и для этого собралъ весьма значительную и богатую библіотеку, на нѣсколькихъ языкахъ (Пушкинъ прекрасно владѣлъ французскимъ и англійскимъ языками, свободно читалъ по-итальянски и по-польски; менѣе былъ ему знакомъ языкъ нѣмецкій, и потому онъ предпочиталъ читать германскихъ авторовъ въ французскихъ переводахъ). Умственные интересы Пушкина были устремлены преимущественно въ область *исторіи* и *литературы*, въ особенности послѣдней. При этомъ Пушкинъ не только внимательно слѣдилъ за современной литературой, но также былъ хорошо знакомъ съ ея исторіей, при чемъ не ограничивался наиболѣе крупными писателями, но на ряду съ ними не оставлялъ безъ вниманія и творчество менѣе замѣтныхъ и даже мало извѣстныхъ писателей, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.—Въ своихъ сужденіяхъ о литературныхъ дѣятеляхъ и явленіяхъ Пушкинъ всегда обнаруживалъ ясность взгляда и широту пониманія, оберегавшія его отъ односторонности и пристрастія. Эти же свойства его умственнаго склада позволяли ему сохранять полную независимость мнѣнія, которой онъ не поступался въ угоду ни лицамъ, ни литературнымъ партіямъ. Хотя по своимъ личнымъ отношеніямъ Пушкинъ всего ближе примыкалъ къ писателямъ романтическаго направленія, господствовавшаго въ его время во всѣхъ европейскихъ странахъ, однако это не мѣшало ему высоко цѣнить творчество такихъ писателей-классиковъ, какъ Корнель и Расинъ, а также и относиться критически и безпристрастно къ представителямъ новаго направленія, даже такимъ, которые въ годы молодости оказывали на него непосредственное вліяніе, какъ напр., къ Байрону.—Хотя Пушкинъ не оставилъ намъ связнаго и систематическаго изложенія своихъ литературныхъ взглядовъ, но въ его критическихъ статьяхъ, записныхъ тетрадяхъ и письмахъ разбросано множество отдѣльныхъ мыслей и замѣчаній по поводу различныхъ явленій литературы. Въ этихъ замѣчаніяхъ и отзывахъ Пушкина ярко выразился его не-

обыкновенно тонкій художественный вкусъ, его эстетическое чутье. Въ своихъ отзывахъ онъ всегда исходилъ изъ принципа *художественности*, который являлся въ его глазахъ высшимъ критеріемъ при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній. Отстаивая полную свободу художественнаго творчества, Пушкинъ рѣзко возставалъ противъ всякой тенденціозности, противъ всякой попытки подчинить искусство какой бы то ни было внѣ его лежащей цѣли. „Цѣль поэзіи— поэзія",—писалъ онъ однажды Жуковскому:—„Думы" Рылѣева в цѣлятъ, а все невпопадъ". Требованіе художественности неизмѣнно соединялось у Пушкина съ требованіемъ простоты, правдивости и искренности: безъ этихъ качествъ даже прекрасное по формѣ произведеніе лишалось въ его глазахъ значительной доли своего достоинства. Такимъ образомъ въ своихъ отзывахъ о литературныхъ явленіяхъ Пушкинъ близко подошелъ къ тому принципу художественнаго реализма, который впослѣдствіи былъ положенъ Бѣлинскимъ въ основу своей критической дѣятельности. Точно такъ же многія отдѣльныя замѣчанія Пушкина по поводу тѣхъ или другихъ русскихъ писателей близко напоминаютъ ихъ общую оцѣнку у Бѣлинскаго. Особенной мѣткостью отличаются его отзывы о Ломоносовѣ, Державинѣ, Фонвизинѣ, Жуковскомъ; изъ современныхъ поэтовъ Пушкинъ очень высоко ставилъ Баратынскаго; онъ же одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ художественное дарованіе Гоголя и даже вполнѣ вѣрно опредѣлилъ главнѣйшую особенность его юмора, заключающуюся въ „смѣхѣ сквозь слезы".

Письма Пушкина.

Чрезвычайно богатый матеріалъ для характеристики взглядовъ Пушкина, а также и его личности представляютъ собой его *письма* къ друзьямъ и близкимъ ему лицамъ. Въ нихъ Пушкинъ съ полной искренностью и непринужденностью касается самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, хотя и въ нихъ замѣчается преобладаніе литературныхъ интересовъ надъ всѣми другими. Таковы его письма къ кн. Вяземскому, Дельвигу, Рылѣеву, Плетневу и другимъ литераторамъ. Всѣ они отличаются легкостью формы, блещутъ остроуміемъ, исполнены огня и воодушевленія. Повсюду разсѣяна масса мѣткихъ замѣчаній и отзывовъ, въ которыхъ отразилась присущая Пушкину способность схватывать на-лету впечатлѣнія дѣйствительности и давать имъ яркія и остроумныя опредѣленія. По этимъ письмамъ можно до нѣкоторой степени составить себѣ понятіе о томъ, что представляла собой живая, блестящая и одушевленная бесѣда Пушкина. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ перепискѣ Пушкина высказалась вся его богатая и разносторонняя натура, его открытый характеръ, страстный, увлекающійся темпераментъ, соединявшійся однако съ замѣчательной трезвостью взгляда и сужденія, свидѣтельствовавшей о необыкновенномъ равновѣсіи всѣхъ душевныхъ силъ. Можно сказать, что въ перепискѣ Пушкина яснѣе, чѣмъ гдѣ-либо отпечатлѣлся портретъ Пушкина, какъ частнаго лица; и этотъ портретъ настолько живъ, личность Пушкина настолько интересна и своебытна, что письма его читаются съ неослабѣ-

вающимъ вниманіемъ, какъ завлекательная и богатая содержаніемъ книга. Кромѣ того переписка Пушкина имѣетъ громадное значеніе при изученіи его біографіи, характеризуетъ его настроеніе въ разныя эпохи жизни и освѣщаетъ его отношенія къ различнымъ лицамъ. Въ этомъ отношеніи, кромѣ указанныхъ выше писемъ къ его литературнымъ друзьямъ, особенно важны его письма къ младшему брату Льву Сергѣевичу, къ женѣ и къ П. В. Нащокину, который былъ особенно близокъ къ Пушкину въ послѣдніе годы его жизни [1]).

---

[1]) Лучшія изданія произведеній Пушкина: *Академическое* (вышло пока два тома, подъ редакціей *Л. Майкова* и *В. Якушкина*), Суворина—подъ ред. *Ефремова*, и т-ва „Просвѣщенія"—подъ ред. *Морозова*. Въ настоящее время выходитъ новое полное собраніе сочиненій Пушкина, подъ редакціей *Венгерова*, съ массой художественныхъ иллюстрацій, портретовъ, снимковъ со старинныхъ гравюръ, а также съ многочисленными примѣчаніями и вводными статьями, въ которыхъ собрано все необходимое для пониманія творчества Пушкина; когда это изданіе будетъ закончено, оно представитъ собой цѣлую Пушкинскую энциклопедію (пока вышелъ лишь 1-ый томъ). Менѣе полно, но зато очень цѣнно и полезно по своимъ объяснительнымъ примѣчаніямъ и выдержкамъ изъ критическихъ статей—изданіе *Поливанова*. Кромѣ того, существуетъ масса дешевыхъ изданій.—Научная и критическая литература о Пушкинѣ чрезвычайно обширна. Наиболѣе важные труды: *Анненковъ*: „Матеріалы для біографіи Пушкина" и „Пушкинъ въ Александровскую эпоху"; *Сиповскій*: „Пушкинъ, жизнь и творчество"; *Стоюнинъ*: „Пушкинъ"; *Незеленовъ*: „Пушкинъ, въ его произведеніяхъ"; *Гротъ*: „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники"; *Страховъ*: „Замѣтки о Пушкинѣ"; *Л. Майковъ*: „Пушкинъ; біографическіе матеріалы"; *Сумцовъ*: „А. С. Пушкинъ"; *Якушкинъ*: „О Пушкинѣ"; *Черняевъ*: „Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ" и „Капитанская дочка„, *Айхенвальдъ*: „Пушкинъ". Кромѣ того, критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ *Бѣлинскаго* и *Ап. Григорьева* въ собраніяхъ сочиненій. Для біографическихъ справокъ очень полезна книга *Лернера*: „Труды и дни", представляющая собою подробную хронологическую канву для біографіи Пушкина.

Глава V-я.

Главнѣйшіе русскіе поэты первой половины 19-го вѣка.

I. Лермонтовъ.

1. Его жизнь.

Происхожденіе.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ родился въ Москвѣ въ 1814 году (3-го октября). Онъ былъ потомкомъ древней шотландской фамиліи, одинъ изъ представителей которой въ XVII ст. выѣхалъ въ Россію и поступилъ на русскую службу. Впрочемъ, несмотря на древность происхожденія, родъ Лермонтовыхъ не занималъ въ Россіи выдающагося положенія и принадлежалъ къ числу обѣднѣвшихъ и захудалыхъ. Мать Лермонтова, напротивъ того, происходила изъ богатаго и вліятельнаго рода Арсеньевыхъ. Вскорѣ послѣ рожденія Лермонтова родители его поселились въ имѣніи бабушки (Арсеньевой), селѣ Тарханахъ, Пензенской губ. Здѣсь мать Лермонтова скоро умерла отъ чахотки, когда сыну ея не было еще трехъ лѣтъ.

Послѣ смерти дочери бабушка всю свою любовь перенесла на внука; напротивъ того, съ отцомъ его она была въ открытой ссорѣ, и онъ, еще при жизни жены, уѣхалъ изъ Тарханъ въ свое небольшое имѣніе. Арсеньева ни за что не хотѣла разставаться съ внукомъ, и когда отецъ сталъ требовать сына къ себѣ, она уговорила оставить его у нея для воспитанія, на томъ основаніи, что при своихъ ограниченныхъ средствахъ отецъ не можетъ дать ему такого тщательнаго образованія, какое можетъ дать богатая бабушка. Отецъ согласился съ этими доводами и оставилъ своего сына у

Воспитаніе и образованіе.

Арсеньевой. И дѣйствительно, бабушка не жалѣла средствъ для воспитанія своего любимца: съ дѣтства Лермонтовъ былъ окруженъ французскими и нѣмецкими воспитателями, такъ что обоими этими языками онъ овладѣлъ въ такомъ совершенствѣ, что впослѣдствіи даже писалъ по-нѣмецки и по-французски стихи.

Свое дѣтство Лермонтовъ изобразилъ отчасти въ отрывкѣ изъ неоконченной повѣсти, гдѣ онъ вывелъ самого себя въ лицѣ Арбенина. Онъ былъ слабымъ, болѣзненнымъ ребенкомъ. Страстно любившая его бабушка окружала его самымъ заботливымъ уходомъ, старалась исполнять всѣ его желанія и даже капризы. Такая чрезмѣрная любовь имѣла однакоже и вредное вліяніе на характеръ мальчика, такъ какъ избаловала его, пріучила его считать себя центромъ всеобщаго вниманія, сдѣлала его капризнымъ и своевольнымъ. Впослѣдствіи въ жизни эти недостатки характера во многомъ повредили самому Лермонтову, снискавъ ему репутацію гордаго и неуживчиваго человѣка. Съ другой стороны, болѣзненное состояніе и вынужденное имъ одиночество, при отсутствіи въ семьѣ братьевъ или сестеръ, способствовали развитію въ душѣ Лермонтова природной чуткости и впечатлительности, рано пробудили въ немъ мысль и фантазію.

Въ 1825 году бабушка возила Лермонтова лѣчиться на Кавказъ, чтобы тамъ пользоваться минеральными водами. Кавказъ съ его величественными горными видами произвелъ на душу мальчика сильнѣйшее впечатлѣніе, пробудилъ въ немъ глубокую любовь къ природѣ, сохранившуюся у Лермонтова до конца жизни. Впослѣдствіи, когда въ немъ проснулась потребность творчества, онъ любилъ переносить дѣйствіе своихъ произведеній въ Кавказскія горы, съ которыми какъ бы сроднилась его фантазія.

Въ 1827 году Арсеньева повезла внука для продолженія образованія въ Москву, гдѣ къ нему были приглашены новые гувернеры и преподаватели; между прочимъ, въ это время онъ изучилъ англійскій языкъ и познакомился съ Байрономъ, которому суждено было оказать такое сильное вліяніе на его собственное творчество... Вскорѣ Лермонтовъ поступилъ въ университетскій Благородный пансіонъ, гдѣ до него получили образованіе изъ русскихъ литераторовъ Жуковскій и Грибоѣдовъ. Въ пансіонѣ издавна господствовала любовь къ литературѣ, воспитанники пробовали свои силы въ переводахъ и самостоятельномъ творчествѣ, устраивали литературные вечера, даже издавали рукописный журналъ. Этими занятіями воспитанниковъ руководилъ преподаватель русской словесности, профессоръ Мерзляковъ, извѣстный въ свое время

Литературные опыты.

ученый и литераторъ; кромѣ того Мерзляковъ давалъ Лермонтову еще частные уроки. Благодаря этому литературному направленію, господствовавшему въ Благородномъ пансіонѣ у Лермонтова рано проснулась любовь къ поэзіи. Сначала онъ ограничивался тѣмъ, что списывалъ въ особую тетрадку понравившіяся ему стихотворенія и даже цѣлыя поэмы, но скоро отъ простого списыванія перешелъ къ болѣе самостоятельной переработкѣ полюбившихся ему произведеній; прежде всего, такой переработкѣ подверглись нѣкоторыя изъ раннихъ поэмъ Пушкина („Кавказскій плѣнникъ“ и „Братья разбойники“).

Увлеченіе Байрономъ.

Кромѣ Пушкина, на Лермонтова уже въ пансіонѣ сильное вліяніе стали оказывать Шиллеръ и Байронъ, особенно послѣдній. Уже тогда онъ усвоилъ себѣ байроническій идеалъ гордой и независимой личности, жаждущей безграничной свободы и, въ сознаніи своихъ силъ и своего превосходства, относящейся съ презрѣніемъ ко всѣмъ окружающимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ страдающей отъ внутренняго разлада. Большинство его стихотвореній этой эпохи носятъ грустный, иногда безнадежно мрачный отпечатокъ. Онъ говоритъ о своихъ страданіяхъ, о разочарованіи въ жизни и въ людяхъ, называетъ себя „сыномъ рока“, „изгнанникомъ“, скорбитъ о ничтожности міра и человѣка: во всѣхъ этихъ чувствахъ есть доля юношеской рисовки и слѣды литературныхъ вліяній, но вмѣстѣ съ тѣмъ это мрачное настроеніе имѣло и нѣкоторое реальное основаніе, такъ какъ Лермонтову пришлось въ это время пережить тяжелую семейную драму, вслѣдствіе столкновеній между отцомъ и бабушкой.

Семейный разладъ.

Отецъ поэта, согласно условію, потребовалъ, чтобы съ 16-лѣтняго возраста сынъ былъ предоставленъ ему: онъ хотѣлъ, между прочимъ, чтобы Лермонтовъ отправился для окончанія образованія въ Германію и поступилъ въ какой-нибудь изъ нѣмецкихъ университетовъ; но Арсеньева ни за что не соглашалась отпустить внука и употребляла всѣ усилія, чтобы оставить его у себя. Положеніе поэта между горячо любимымъ отцомъ и бабушкой, которой онъ былъ столько обязанъ, было въ высшей степени тяжелое. Борьба между близкими ему людьми шла изъ-за обладанія его сердцемъ, при чемъ каждый обращался къ его чувству, стараясь склонить на свою сторону. Повидимому, бабушка не остановилась даже передъ темными средствами, стараясь очернить сына въ глазахъ отца и отца въ глазахъ сына. Благодаря такимъ средствамъ Арсеньева

одержала верхъ въ этой борьбѣ за внука, который остался у нея. Отецъ Лермонтова уѣхалъ изъ Москвы и вскорѣ послѣ этого умеръ. Эта развязка страшно поразила молодого поэта, который обвинялъ себя въ недостаткѣ любви къ отцу. „Ужасная судьба отца и сына—жить розно и въ разлукѣ умереть!“ восклицаетъ онъ въ одномъ стихотвореніи. Всю исторію этого семейнаго разлада Лермонтовъ изобразилъ въ драмѣ „Menschen und Leidenschaften“ (т.-е. „Люди и страсти“), въ которой бабушка—Арсеньева—обрисована очень несимпатичными чертами, какъ особа деспотичная и самовластная, прикрывающая свою жестокость маской ложной святости и становящаяся виновницей разлада между отцомъ и сыномъ. Вообще, какъ натура глубоко субъективная, Лермонтовъ часто и охотно бралъ сюжеты для своихъ произведеній изъ собственнаго жизненнаго опыта и надѣлялъ своихъ героевъ чертами собственной личности. Чрезвычайно замкнутый и недовѣрчивый въ обращеніи съ людьми, за исключеніемъ ближайшихъ друзей, Лермонтовъ, напротивъ того, въ своемъ творчествѣ отличался глубокой искренностью. Въ немъ жила какая-то потребность раскрывать свою душу въ художественныхъ произведеніяхъ, изливать свои чувства, думы, даже мимолетныя жизненныя впечатлѣнія. Его лирическія стихотворенія представляютъ поэтому какъ бы поэтическій дневникъ или исповѣдь, и по нимъ мы можемъ прослѣдить всю исторію его внутренней жизни.

Въ 1830 году Лермонтовъ поступилъ въ Московскій университетъ на словесное отдѣленіе. Въ это время среди студентовъ существовало нѣсколько частныхъ кружковъ, въ которыхъ занимались преимущественно философіей и литературой, но Лермонтовъ ни къ одному изъ нихъ не примкнулъ: онъ вообще держался въ сторонѣ отъ товарищей и не сближался съ ними, вращаясь преимущественно въ свѣтской средѣ. Впрочемъ университетскіе годы не прошли для Лермонтова безслѣдно: онъ много читалъ, выписывая себѣ книги на иностранныхъ языкахъ, въ немъ происходила серьезная работа мысли, отражавшаяся и въ его творчествѣ, которое становится менѣе зависимымъ отъ образцовъ, болѣе сознательнымъ и зрѣлымъ. Къ этому времени относятся его поэмы: „Ангелъ смерти“, „Измаилъ Бей“, „Аулъ Бастунджи“ и драма „Странный человѣкъ“. Эта послѣдняя имѣетъ несомнѣнно автобіографическое значеніе, подобно написанной раньше („Menschen und Leidenschaften); здѣсь въ лицѣ Арбенина Лермонтовъ изобразилъ самого себя и отчасти свои семейныя отношенія, но въ то же время въ Арбенинѣ есть черты, напоминающія Печорина, такъ что онъ можетъ быть разсматри- Университетъ.

ваемъ какъ первый очеркъ этого типа. Интересно также отмѣтить нѣкоторыя нападки на крѣпостное право и на злоупотребленіе помѣщичьей властью, вложенныя Лермонтовымъ въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ (Бѣлинскаго).

Два года пробылъ Лермонтовъ въ Московскомъ университетѣ, но затѣмъ долженъ былъ выйти, не окончивъ курса, вслѣдствіе столкновенія съ однимъ изъ профессоровъ. Онъ переѣхалъ въ Петербургъ и собирался сперва поступить въ Петербургскій университетъ, но затѣмъ, послѣ нѣкотораго колебанія, опредѣлился въ юнкерское кавалерійское училище.

Юнкерская школа.

Главной причиной, обусловившей это рѣшеніе, было, повидимому, желаніе Лермонтова скорѣе выйти въ самостоятельную жизнь, между тѣмъ какъ въ университетѣ ему пришлось бы потерять лишній годъ. Пребываніе въ „Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ“, куда онъ поступилъ осенью 1832 года, было во многихъ отношеніяхъ неблагопріятно для правильнаго развитія духовныхъ способностей Лермонтова. Литературные и вообще умственные интересы были очень мало развиты въ новой средѣ, въ которой теперь пришлось вращаться Лермонтову. Фронтовое ученіе, а въ свободное время—кутежи и легкомысленныя приключенія, вотъ на чемъ сосредоточивались главные интересы юнкеровъ. И Лермонтовъ, не желая ни въ чемъ отставать отъ товарищей, усвоилъ себѣ ихъ тонъ и манеры, хотя это напускное ухарство стояло въ полномъ противорѣчіи съ внутренними запросами его духа, съ его общимъ настроеніемъ. Такія условія жизни были очень неблагопріятны для серьезной литературной дѣятельности: а лирическая исповѣдь поэта почти вовсе прекращается, словно ему тяжело было взглянуть внутрь самого себя. Впослѣдствіи самъ поэтъ называлъ два года, проведенные въ юнкерской школѣ, „ужасными годами“, намекая этимъ на тайный разладъ съ самимъ собою, который ему приходилось испытывать.

Свѣтская жизнь.

Двадцати лѣтъ отъ роду (въ 1834 г.) Лермонтовъ началъ самостоятельную жизнь, поступивъ офицеромъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ. Первое время онъ съ увлеченіемъ отдался свѣтской жизни и удовольствіямъ, посѣщалъ балы и собранія, принималъ участіе въ бурныхъ развлеченіяхъ своихъ полковыхъ товарищей. Однако эта разсѣянная жизнь не удовлетворяла Лермонтова. Свѣтское общество того времени, за малыми исключеніями, не отличалось широтою образованія и интересовъ, и жизнь его, при всемъ наружномъ блескѣ, была безсодержательна и однообразна. Только въ немногихъ домахъ существовали серьезные умственные и литера-

турные интересы: они представляли собой центры духовной жизни современнаго Петербурга (салоны Смирновой, Карамзиной, кн. Одоевскаго). Ихъ посѣщалъ также и Лермонтовъ.

Сердечныя испытанія.

Въ это время Лермонтову пришлось пережить тяжелую сердечную драму. Еще мальчикомъ, въ Москвѣ, онъ близко сошелся съ семействомъ своихъ дальнихъ родственниковъ Лопухиныхъ, изъ которыхъ братъ и двѣ сестры были по возрасту почти сверстниками Лермонтова. Съ одной изъ этихъ сестеръ (Марьей Александровной) Лермонтовъ велъ оживленную переписку послѣ своего переселенія въ Петербургъ, повѣряя ей свои чувства, думы и планы, которыми онъ вообще не любилъ ни съ кѣмъ дѣлиться, вслѣдствіе замкнутости своего характера: это одно уже показываетъ, какъ сильна была его дружеская привязанность къ молодой дѣвушкѣ. Но съ ея младшей сестрой (Варварой Александровной) его связывало чувство еще болѣе сильное, чѣмъ дружба. Варенька Лопухина была предметомъ его чистой юношеской любви; это была натура мягкая, нѣжная, нѣсколько склонная къ меланхоліи. Повидимому, молодая дѣвушка также отвѣчала поэту взаимностью. Съ 1830 года тянется цѣлый рядъ стихотвореній, посвященныхъ ей, въ которыхъ раскрывается вся исторія этой любви, съ ея перемежающимися радостями и горестями. Разлука не уничтожила этого чувства въ душѣ Лермонтова, напротивъ тото, оно сдѣлалось болѣе нѣжнымъ и задушевнымъ. Потому для него было тяжелымъ ударомъ, когда онъ, вскорѣ послѣ окончанія юнкерской школы, узналъ о томъ, что Варенька вышла замужъ въ Москвѣ, подчиняясь, повидимому, желаніямъ родителей. Теперь чувство любви смѣшалось у Лермонтова съ муками ревности, разочарованія и даже ненависти къ прежнему идеалу. По своему обыкновенію, онъ прибѣгнулъ къ творчеству, чтобы изобразить собственныя переживанія. Въ драмѣ „Два брата“ и въ неоконченной повѣсти „Княгиня Лиговская“ онъ вывелъ Вареньку Лопухину и ея мужа, изобразивъ обоихъ въ мало привлекательномъ видѣ. Этимъ онъ отдалъ дань овладѣвшему имъ чувству озлобленія за испытанное разочарованіе. Но это злое чувство не долго держалось въ душѣ поэта: сердце его смягчилось и стало доступно болѣе свѣтлому чувству прощенія и примиренія. Любовь его не умерла, но утратила свой эгоистическій, страстный характеръ, и это новое, просвѣтленное чувство внушило Лермонтову цѣлый рядъ прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній („Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ...“, „Молитва“, „Ребенку“, „Сонъ“, „Валерикъ“, „Оправданіе“), въ которыхъ сказались лучшія стороны души поэта: трогательная нѣжность, глубина и чистота чувства, мягкая задушевность. Въ образѣ *Вѣры* (въ повѣсти „Княжна Мэри) Лермонтовъ изобразилъ предметъ своей юношеской любви. Ей же онъ посвятилъ любимѣйшее свое произведеніе, поэму „Демонъ“.

Поэтическое творчество.

Послѣ выхода изъ юнкерской школы снова оживляется литературная дѣятельность Лермонтова. Въ 1835 году появляется въ печати первое его произведеніе, поэма „Хаджи-Абрекъ“. Къ этой же эпохѣ жизни Лермонтова относятся поэмы: „Бояринъ Орша“, „Сашка“, драма „Маскарадъ“, повѣсть „Княгиня Лиговская“. Послѣднія два произведенія замѣчательны еще потому, что въ нихъ Лермонтовъ впервые пытается нарисовать общую картину жизни современнаго свѣтскаго общества: изъ этого изображенія мы видимъ, какъ отрицательно относится молодой поэтъ къ этому обществу, выводя въ качествѣ его представителей людей ничтожныхъ, пошлыхъ и даже порочныхъ. Вообще отношенія Лермонтова къ петербургскому обществу слагались очень неблагопріятно для поэта. Въ высшемъ свѣтѣ на него смотрѣли, какъ на неродовитаго выскочку съ большими претензіями, какъ на человѣка безпокойнаго; со своей стороны Лермонтовъ держался не только независимо, но даже вызывающимъ образомъ. Вообще у Лермонтова былъ тяжелый, непріятный характеръ: только съ близкими друзьями онъ обращался просто, непринужденно, выказывая лучшія стороны своей души; по отношенію ко всѣмъ другимъ онъ держался холодно и презрительно, вызывая этимъ противъ себя въ обществѣ неудовольствіе.

Стихотвореніе «На смерть Пушкина».

Вскорѣ ему пришлось вступить съ обществомъ въ открытое столкновеніе. Поводомъ къ этому послужила смерть Пушкина, къ которому Лермонтовъ относился съ благоговѣніемъ. Смерть эта глубоко потрясла Лермонтова и онъ, подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ этой невознаградимой утраты, написалъ прекрасное, прочувствованное стихотвореніе, въ которомъ выступилъ защитникомъ Пушкина, „невольника чести“, и суровымъ обвинителемъ его свѣтскихъ враговъ, интриговавшихъ противъ него и доведшихъ его до гибели. Однако далеко не всѣ раздѣляли въ этомъ случаѣ чувства Лермонтова: очень многіе изъ петербургскаго общества оправдывали Дантеса и обвиняли Пушкина. Эти враждебные Пушкину толки такъ возмутили Лермонтова, что онъ приписалъ къ своему стихотворенію еще 16 новыхъ стиховъ, въ которыхъ въ еще болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ нападаетъ на свѣтское общество, обвиняя его въ гибели поэта. Стихотвореніе „На смерть Пушкина“ быстро распространилось въ Петер-

бургѣ въ многочисленныхъ копіяхъ и вызвало противъ Лермонтова негодованіе со стороны людей, чувствовавшихъ себя задѣтыми его нападками. Благодаря ихъ вліянію, Лермонтовъ былъ высланъ изъ Петербурга и переведенъ на службу на Кавказъ.

Первая ссылка на Кавказъ.

Впрочемъ Лермонтовъ пробылъ на Кавказѣ недолго, менѣе полугода, и въ дѣлахъ съ непріятелемъ участія не принималъ. Нѣкоторое время онъ провелъ въ Пятигорскѣ, гдѣ лѣчился отъ ревматизма, полученнаго во время путешествій по горамъ. Здѣсь, повидимому, былъ задуманъ романъ „Герой нашего времени", хотя писать его онъ началъ уже послѣ возвращенія въ Петербургъ. Природа Кавказа произвела на Лермонтова могущественное впечатлѣніе, которое отразилось и въ его творчествѣ. На Кавказѣ Лермонтовъ задумалъ новую переработку поэмы „Демонъ", начатой имъ еще въ Благородномъ пансіонѣ. Кромѣ „Демона", на Кавказѣ же задуманы имъ поэмы „Мцыри" и „Бѣглецъ" и написано знаменитое стихотвореніе „Бородино", созданное подъ живымъ впечатлѣніемъ боевой обстановки.

Между тѣмъ Арсеньева хлопотала въ Петербургѣ о возвращеніи внука и, благодаря ея связямъ, ей удалось этого достигнуть. Несмотря на свою кратковременность, пребываніе Лермонтова на Кавказѣ имѣло для него большое значеніе: онъ вернулся въ Петербургъ вполнѣ зрѣлымъ, сложившимся человѣкомъ, благодаря перенесенному испытанію, новымъ жизненнымъ впечатлѣніямъ, а также отчасти благодаря знакомству съ нѣсколькими выдающимися по образованію и дарованіямъ людьми съ которыми онъ встрѣтился на Кавказѣ [1]). Въ Лермонтовѣ созрѣла рѣшимость всецѣло посвятить себя литературѣ, какъ своему настоящему призванію. Для этого онъ даже хотѣлъ выйти въ отставку—и только по желанію бабушки остался на военной службѣ. Къ этому періоду относятся лучшія, наиболѣе зрѣлыя произведенія Лермонтова, свидѣтельствующія о быстромъ развитіи его таланта. Въ 1838 году была напечатана „Пѣсня про купца Калашникова", произведеніе вполнѣ самобытное, показывающее въ Лермонтовѣ замѣчательную способность проникаться духомъ

---

[1]) Къ числу ихъ принадлежали: декабристъ князь Одоевскій, котораго Лермонтовъ впослѣдствіи воспѣлъ въ стихотвореніи, посвященномъ его памяти, писатель Бестужевъ-Марлинскій и докторъ Мейеръ, изображенный въ „Героѣ нашего времени" въ лицѣ Вернера.

русской старины и народной поэзіи. Въ 1840 году вышелъ въ свѣтъ „Герой нашего времени“, а вскорѣ за нимъ—первый сборникъ стихотвореній, куда вошли его лучшія лирическія піесы. Критика очень сочувственно встрѣтила эти произведенія, а Бѣлинскій прямо назвалъ Лермонтова „наслѣдникомъ Пушкина“. Имя его получило уже громкую извѣстность среди публики. Но это блестящее начало было вскорѣ прервано роковымъ образомъ. Въ 1840 году Лермонтовъ за дуэль съ сыномъ французскаго посланника, Барантомъ, былъ снова высланъ на Кавказъ и переведенъ на службу въ Тенгинскій пѣхотный полкъ. Здѣсь онъ участвовалъ въ сраженіяхъ съ горцами, при чемъ проявилъ большую храбрость. Одну изъ этихъ битвъ онъ изобразилъ въ стихотвореніи „Валерикъ“. Это стихотвореніе замѣчательно еще потому, что изъ него мы видимъ, какъ самъ Лермонтовъ относился къ войнѣ вообще. Описавъ кровопролитное столкновеніе русскихъ съ горцами, поэтъ заканчиваетъ грустнымъ размышленіемъ:

Вторая ссылка.

Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно;
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?

Весной 1841 года Лермонтовъ поселился въ Пятигорскѣ. Онъ снова сталъ серьезно думать о томъ, чтобы выйти въ отставку и на свободѣ отдаться литературной дѣятельности. Но уже дни его были сочтены. Въ Пятигорскѣ въ это время жилъ также одинъ изъ товарищей поэта по юнкерской школѣ, Мартыновъ. Лермонтовъ, по своему обыкновенію, позволялъ себѣ насмѣшки надъ нимъ, рисовалъ на него карикатуры и т. д. Это повело къ ссорѣ между ними, результатомъ которой была дуэль, состоявшаяся недалеко отъ Пятигорска, у подошвы Машука, 15-го іюля 1841 года. Выстрѣломъ Мартынова Лермонтовъ былъ убитъ на мѣстѣ. Впослѣдствіи тѣло его было перевезено въ Тарханы и погребено въ фамильномъ склепѣ.

2. Литературная дѣятельность Лермонтова.

Вліяніе Байрона.

Хотя Лермонтовъ началъ писать очень рано, когда ему было всего 14 лѣтъ, но творчество его было прервано прежде-

временной смертью и потому не достигло полной зрѣлости, и Лермонтовъ не успѣлъ дать русской литературѣ всего того, что можно было ожидать отъ его могучаго дарованія. Въ теченіе большей половины его дѣятельности творчество Лермонтова обнаруживаетъ подчиненіе чужимъ вліяніямъ, отличается неустановившимся характеромъ, и только въ послѣдніе годы жизни онъ сталъ выходить на самостоятельную дорогу, когда неожиданная смерть пресѣкла дальнѣйшее развитіе его таланта. Больше всего оказалъ на него вліяніе Байронъ, который былъ въ полномъ смыслѣ слова „властителемъ его думъ"; поэтому Лермонтовъ является наиболѣе яркимъ представителемъ *байронизма* въ русской литературѣ.

Юношескія произведенія.

Первые литературные опыты Лермонтова представляютъ собой подражаніе или точнѣе—передѣлки Пушкинскихъ произведеній (его байроническихъ поэмъ: „Кавказскій Плѣнникъ", „Братья-Разбойники"). Однако уже въ этихъ раннихъ подражательныхъ попыткахъ сказываются нѣкоторыя индивидуальныя черты его личности и творчества: напр., его склонность ко всему мрачному и трагическому, которая выразилась въ тѣхъ измѣненіяхъ, какимъ онъ подвергъ, напр., развязку первой поэмы: у Лермонтова отецъ черкешенки убиваетъ плѣнника, послѣ чего черкешенка бросается въ рѣку, а отецъ терзается упреками совѣсти за то, что онъ сталъ виновникомъ смерти дочери. Кромѣ Пушкина, на раннія произведенія Лермонтова оказали замѣтное вліяніе также Шиллеръ и особенно Байронъ („Испанцы", „Корсаръ", „Menschen und Leidenschaften", „Странный человѣкъ"). Но уже въ двухъ послѣднихъ драмахъ обнаруживается нѣкоторая самостоятельность, которая выражается во внесеніи различныхъ автобіографическихъ и бытовыхъ чертъ. Однако байроническій идеалъ гордой личности, надѣленной сильной и непреклонной волей, идеалъ „демонической натуры", одинаково способной къ высокимъ подвигамъ и къ кровавымъ преступленіямъ, презирающей людей, разочарованной и страдающей,—надолго становится господствующимъ въ творчествѣ Лермонтова. Впервые среди юношескихъ произведеній этотъ идеалъ отразился съ бо́льшею полнотой въ поэмѣ „Измаилъ-бей" (1832). Героемъ ея является черкесскій князь Измаилъ, выросшій и воспитанный въ Россіи, но проникнутый глубокою ненавистью къ русскимъ и мстящій имъ за угнетеніе родины. Однако соприкосновеніе съ европейской культурой не прошло ему даромъ, и онъ вернулся въ родныя горы съ душой, „зараженной ядомъ просвѣщенія", съ сердцемъ „мертвымъ" и разочарованнымъ. Оттого и на родинѣ, среди дикой и свободной жизни, не можетъ онъ найти себѣ счастья, чувствуетъ себя „лишнимъ межъ людей". Онъ принадлежитъ къ числу людей, отмѣченныхъ „рокомъ", которымъ „мѣста въ мірѣ нѣтъ", которые —

Измаилъ-бей.

... пособій отъ рабовъ не просятъ,
Хотятъ ихъ превзойти въ добрѣ и злѣ,
И власти знакъ на гордомъ ихъ челѣ.

Измаилъ—„для великихъ созданъ былъ страстей и обладалъ пылающей душою“, но рано подвергся разочарованію—

.. и боялся
Онъ вѣрить только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему.
И презиралъ онъ этотъ міръ ничтожный,
Гдѣ жизнь—измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ,
Гдѣ радость и печаль—все призракъ ложный,
Гдѣ память о добрѣ и злѣ—все ядъ!..

Ненавидя русскихъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается чуждымъ своему родному народу и погибаетъ, наконецъ, отъ черкесской пули, всѣми оставленный, одинокій.—Впрочемъ этотъ первый очеркъ байроническаго характера, въ лицѣ Измаила-бея, не удался Лермонтову, вышелъ блѣднымъ и неяснымъ, главнымъ образомъ потому, что мы слишкомъ мало узнаемъ о причинахъ его „разочарованности“ и вообще о его прежней жизни.—Такою же неясностью страдаетъ и обрисовка характера *Арсенія* въ поэмѣ „Бояринъ Орша“ (1835). Хотя дѣйствіе перенесено въ Россію, въ эпоху Іоанна Грознаго, но ничего народнаго въ поэмѣ нѣтъ, кромѣ именъ. Байроническій характеръ главнаго лица совершенно не соотвѣтствуетъ духу того времени. Онъ изображенъ такимъ же гордымъ страдальцемъ, съ печатью отверженія, какъ и Измаилъ-бей. Личность его окружена какой-то таинственностью. Нѣкоторыми чертами своего характера, а также отчасти обстоятельствами своей жизни (воспитаніе въ монастырѣ) Арсеній напоминаетъ героя позднѣйшей поэмы Лермонтова „Мцыри“; многіе стихи изъ „Боярина Орши“ (напр., признанія Арсенія) цѣликомъ перешли въ эту поэму.

Бояринъ Орша.

Маскарадъ.

Къ числу гордыхъ и страдающихъ байроническихъ характеровъ принадлежитъ и герой драмы „Маскарадъ“ (1834—35) Арбенинъ, который самъ говоритъ про себя, что онъ „рожденъ съ душой кипучею, какъ лава“. Съ сильными страстями въ немъ соединенъ холодный, скептическій умъ, неспособный ни къ какому увлеченію. Изъ этого сочетанія проистекаютъ его внутреннія страданія, о которыхъ онъ говоритъ

Я все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ:
Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ,
И болѣе всего страдалъ.
Сначала все хотѣлъ, потомъ все презиралъ я:
То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ.
На жизни я своей узналъ печать проклятья,
И холодно закрылъ объятья
Для чувствъ и счастія земли...

Разочарованіе Арбенина, его холодное равнодушіе поддерживается его презрѣніемъ къ окружающему обществу, изображенному Лермонтовымъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Единственною связью его съ жизнью служитъ его любовь къ женѣ; но одному изъ враговъ удается возбудить въ немъ чувство ревности: Арбенинъ отравляетъ ее, но затѣмъ онъ узнаетъ о ея невинности и сходитъ самъ съ ума.

Поэму *„Демонъ“* Лермонтовъ задумалъ въ 1829 году, во время пребыванія въ Благородномъ пансіонѣ. Съ тѣхъ поръ онъ не переставалъ надъ нею работать вплоть до своей смерти, постоянно передѣлывая и выправляя ее. Изъ этого видно, какъ сильно сюжетъ поэмы занималъ Лермонтова и какое значеніе онъ ей придавалъ. Въ творчествѣ Лермонтова „Демонъ“ игралъ ту же роль, какую „Евг. Онѣгинъ“ въ творчествѣ Пушкина; эта поэма была главнымъ дѣломъ его жизни его излюбленнымъ трудомъ. — Насчитываютъ всего до пяти различныхъ редакцій поэмы; тѣмъ не менѣе весьма вѣроятно, что и послѣдняя редакція, надъ которою онъ работалъ еще въ годъ смерти, не является окончательной, и что Лермонтовъ, если бы онъ прожилъ долѣе, снова вернулся бы къ своему труду. Въ печати „Демонъ“ появился лишь много лѣтъ послѣ смерти Лермонтова. —Судя по первоначальнымъ наброскамъ, дѣйствіе поэмы должно было происходить въ Испаніи и героиней ея является испанская монахиня. Но пребываніе на Кавказѣ въ 1837 году и впечатлѣніе, произведенное на душу поэта кавказской природой, заставили его перенести въ этотъ край дѣйствіе поэмы, тѣмъ болѣе, что въ основу своей новой переработки Лермонтовъ положилъ кавказское преданіе о томъ, какъ одна непорочная монахиня хотѣла своею любовью вернуть къ добру злого духа.

Демонъ.

Сюжетъ поэмы.

„Демонъ“ написанъ подъ сильнымъ вліяніемъ Байрона; мѣстами замѣтно и нѣкоторое вліяніе „Фауста“ Гете, особенно въ концѣ поэмы. Подобно Байроновскому Люциферу (въ поэмѣ „Каинъ“), Демонъ есть падшій ангелъ. Въ порывѣ титанической гордости, въ стремленіи къ полной и безграничной свободѣ, онъ возсталъ противъ Бога, противъ начала свѣта и любви; и за это отпаденіе осужденъ на вѣчное блужданіе „въ пространствѣ міра, безъ цѣли и пріюта“. Но память о прежнемъ блаженствѣ сохранилась въ его душѣ и является для него источникомъ вѣчнаго страданія: вотъ почему уже

Характеръ Демона.

въ первой строфѣ поэтъ выражается о немъ словами: „*Печальный* Демонъ, духъ изгнанья“... Сознаніе своего могущества не доставляетъ ему никакой радости: „онъ сѣялъ зло безъ наслажденья“,—говоритъ о немъ Лермонтовъ:

Нигдѣ искусству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья—
И зло наскучило ему.

Его страданія.

Чуждый любви, онъ однако томится своимъ одиночествомъ. Послѣ его паденія для него порвались всѣ связи съ міромъ, для него остыли навсегда „природы жаркія объятья“. Въ людяхъ встрѣчаетъ онъ одну только вражду, одни проклятія. Въ разговорѣ съ Тамарой Демонъ самъ рисуетъ весь ужасъ своей участи:

Какое горькое томленье
Всю жизнь, вѣка, *безъ раздѣленья*
И наслаждаться и страдать!..
Жить для себя, скучать собою
И этой вѣчною борьбою,
Всегда желать и не желать,
Все знать, все чувствовать, все видѣть,
Все *противъ воли ненавидѣть*,
Все безотрадно презирать!..

Мученья одиночества и отверженія усиливаются для Демона вѣчною мыслью о потерянномъ раѣ, усиливаются невозможностью для него „незабвенное забыть“. Передъ этими мученіями ему кажутся ничтожными всѣ бѣдствія и страданія людей. Единственнымъ утѣшеніемъ для него является надежда, что когда-нибудь смертная дѣвушка полюбитъ его и своею любовью возродитъ его къ новой жизни. Но эта дѣвушка не можетъ быть обыкновеннымъ существомъ: она должна быть надѣлена особенной чистотой и святостью души, особенной силою чувства. Такою и является Тамара, принадлежащая къ числу тѣхъ смертныхъ, о которыхъ поэтъ говоритъ:

Творецъ изъ лучшаго эѳира
Соткалъ живыя души ихъ,
Они не созданы для міра,
И міръ былъ созданъ не для нихъ.

Тамара.

Увидя Тамару, Демонъ проникается къ ней любовью; въ немъ является надежда на спасеніе. Онъ посѣщаетъ Тамару въ сновидѣніяхъ, тревожитъ ея сердце любовью и жалостью.

Считая эти видѣнія грѣховнымъ искушеніемъ, Тамара уходитъ, наконецъ, въ монастырь, посвящаетъ себя служенію Богу. Но и въ монастырѣ она не находитъ спокойствія и мира для своей измученной души; Демонъ не оставляетъ ее и въ этомъ убѣжищѣ, стараясь вызвать ея сожалѣніе и добиться ея любви, въ которой онъ видитъ свое спасеніе. Мысль о немъ постоянно тревожитъ ее, смущаетъ ея молитвенное настроеніе. Она начинаетъ наконецъ поддаваться чувству жалости. Ей вспоминается старинное повѣріе о томъ, что чистая дѣвушка можетъ вернуть къ добру злого духа.

Ея тревожныя мечтанья
Опять къ нему обращены;
Вновь гость чудесный передъ нею
Съ челомъ развѣнчаннымъ стоялъ,
Онъ отъ нея спасенья ждалъ,
Любить и вѣровать не смѣя;
Онъ такъ смотрѣлъ, онъ такъ молилъ,
Онъ, мнилось, такъ несчастливъ былъ...

Сожалѣніе, возбужденное имъ въ сердцѣ дѣвушки, является для Демона первымъ шагомъ къ окончательной побѣдѣ. До сихъ поръ онъ только въ сновидѣніяхъ посѣщалъ Тамару; теперь онъ рѣшается самъ проникнуть въ монастырь и, несмотря на сопротивленіе хранителя-ангела, входитъ въ келью Тамары.

И входитъ онъ, *любить готовый,*
Съ душой, открытой для добра;
И мыслитъ онъ, что *жизни новой*
Пришла *желанная* пора.

Душевная трагедія Демона

Мысль о возрожденіи черезъ посредство любви, о прекращеніи своего одиночества и своихъ страданій волнуетъ его сладостной надеждой. Онъ разсказываетъ Тамарѣ о своей судьбѣ, о своихъ терзаніяхъ, о своей вѣчной печали, которая „то ластится, какъ змѣй, то жжетъ и блещетъ, будто пламень, то давитъ мысль его, какъ камень“... Тамара глубоко взволнована и растрогана его рѣчью; въ отвѣтъ на его страстныя признанія, она требуетъ отъ него только клятвы въ томъ, что онъ откажется отъ зла. „Клянися мнѣ...“ говоритъ она:

Отъ злыхъ стяжаній
Отречься нынѣ дай обѣтъ!
Уже ль ни клятвъ, ни обѣщаній
Ненарушимыхъ нынѣ нѣтъ?..

Въ послѣднихъ словахъ Тамары еще звучитъ отголосокъ мучительныхъ сомнѣній, но Демонъ старается ее успокоить своею клятвой, въ которой онъ клянется „паденья горькой мукой, и вѣчной правды торжествомъ“. Онъ говоритъ:

Отрекся я отъ старой мести,
Отрекся я отъ гордыхъ думъ;
Отнынѣ ядъ коварной лести
Ничей ужъ не встревожитъ умъ;
Хочу я съ небомъ примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я вѣровать добру...

Невозможность спасенія.

Слова Демона вполнѣ искренни,—но для того, чтобы примириться съ небомъ, ему необходимо переродиться нравственно, проникнуться свѣтлой, чистой и всеобъемлющей любовью,— а къ этому Демонъ совершенно неспособенъ. Онъ любитъ *для себя*, любовь его отличается эгоистическимъ характеромъ, она не смягчаетъ, не просвѣтляетъ его души. Это ясно сказывается въ его словахъ, обращенныхъ къ Тамарѣ:

Безъ сожалѣнья, безъ участья
Смотрѣть на землю станешь ты,
Гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья,
Ни долговѣчной красоты,
Гдѣ преступленья лишь да казни,
Гдѣ страсти мелкой только жить.

Въ этихъ словахъ Демона дышитъ одно только холодное презрѣніе къ жизни и къ людямъ; они показываютъ, что сердце его осталось такимъ же черствымъ и надменнымъ, какъ и прежде, и что любовь къ Тамарѣ не привела его къ внутреннему перерожденію. При такихъ условіяхъ примиреніе съ небомъ, возвращеніе къ Богу, вѣчному источнику любви, для Демона, конечно, попрежнему невозможно. Тамара умираетъ и душа ея уносится къ нему, потому что своей самоотверженной любовью она заслужила спасеніе; напрасно Демонъ предъявляетъ свои права на душу Тамары; ангелъ отстраняетъ его, говоря, что „она страдала и любила — и рай открылся для любви“. А для Демона рай остается попрежнему недоступнымъ, потому что душа его неспособна къ истинной любви.

И проклялъ демонъ побѣжденный
Мечты безумныя свои,
И вновь остался онъ, надменный,
Одинъ, какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви!

Поэма Лермонтова отличается большими поэтическими достоинствами. Стихъ его достигаетъ здѣсь замѣчательной силы, пластичности и музыкальности; картины Кавказа выдѣляются, какъ живыя; отдѣльныя сцены отличаются большой драматичностью и захватываютъ читателя: напр., сцена объясненія Демона съ Тамарой. Однако на ряду съ этими достоинствами есть въ поэмѣ и существенные недостатки, изъ которыхъ главнымъ является неясность и неопредѣленность центральнаго лица, т.-е. самого Демона. Этотъ недостатокъ особенно ясно выступаетъ, если мы будемъ сравнивать поэму Лермонтова съ тѣми произведеніями, которыя оказали на нее вліяніе, напр., съ „Каиномъ“ Байрона. Изъ поэмы Лермонтова мы не узнаемъ о причинахъ паденія Демона, а это очень важно для его характеристики; многіе намеки оставлены безъ разъясненія: напр., Демонъ говоритъ: „я царь *познанья* и свободы“, однако эта важная черта такъ и осталась у Лермонтова невыясненной. Есть также противорѣчія и въ характерѣ Тамары (между 1-ой и 2-ой частью). Вѣроятно, Лермонтовъ самъ сознавалъ эти недостатки своей поэмы и потому не торопился съ печатаніемъ; быть можетъ, онъ предполагалъ впослѣдствіи снова вернуться къ ней и подвергнуть ее новой передѣлкѣ, но этому помѣшала его ранняя смерть. Достоинства и недостатки поэмы.

Подобно „Демону“, поэма „Мцыри“ носитъ на себѣ яркіе слѣды байроническаго настроенія. Героемъ поэмы является молодой черкесъ, ребенкомъ попавшій въ грузинскій монастырь и воспитанный тамъ монахами, приготовлявшими и его къ мирному служенію Богу. Но Мцыри (по-грузински — послушникъ), подобно героямъ восточныхъ поэмъ Байрона, отличается характеромъ сильнымъ и страстнымъ; его не удовлетворяетъ тихая и однообразная монастырская жизнь; онъ жаждетъ свободы, жаждетъ дѣятельности и борьбы; мечтанья уносятъ его Мцыри.

Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ Мцыри живетъ страстная тоска по родинѣ, тоска по родному дому, отъ котораго онъ былъ насильственно оторванъ. Въ своей предсмертной исповѣди онъ жалуется на свое одиночество, на то, что онъ „никому не могъ сказать священныхъ словъ *отецъ* и *мать*“. Онъ тоскуетъ, видя у другихъ „отчизну, домъ, друзей, родныхъ“, все то, чего самъ онъ былъ лишенъ съ дѣтства. Любимой мечтою его дѣлается мысль о бѣгствѣ изъ монастырскаго

плѣна на родину, къ роднымъ людямъ, живущимъ вольно жизнью на лонѣ природы. Для того, чтобы привести эту мысл въ исполненіе, Мцыри, наканунѣ своего постриженія въ мо нахи, покидаетъ монастырь, во время ночной бури, когд остальные монахи въ ужасѣ искали успокоенія въ молитвѣ Но для Мцыри, жаждущаго воли, борьбы и опасностей, бур является какъ бы родной стихіей, такъ что даже въ воспо минаніяхъ для него нѣтъ ничего слаще „той дружбы крат кой, но живой, межъ бурнымъ сердцемъ и грозой". Въ этом отношеніи Мцыри принадлежитъ къ числу наиболѣе типич ныхъ героевъ Лермонтова: подобно имъ, онъ тяготится мир ной, обыденной жизнью, ищетъ новыхъ, неизвѣданныхъ сильныхъ впечатлѣній; про него, какъ и про другихъ Лер монтовскихъ героевъ, можно сказать словами поэта:

А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

Очень характеренъ также самый тонъ исповѣди Мцыри проникнутый гордостью, сознаніемъ своей нравственной сил и правоты. Неудача не сломила его морально; онъ ни ми нуты не раскаивается въ своемъ поступкѣ: напротивъ того тѣ три дня, которые онъ провелъ въ скитаньяхъ, сред опасностей и лишеній, кажутся ему самымъ счастливым временемъ жизни: только въ эти три дня, говоритъ Мцыри онъ „жилъ", въ полномъ смыслѣ этого слова.

Пѣсня про купца Калашникова.

Совершенно особенное положеніе среди произведеній Лер монтова занимаетъ его „Пѣсня про царя Ивана Васильевича молодого опричника и удалого купца Калашникова". Въ т время, какъ въ другихъ произведеніяхъ ярко сказываетс вліяніе Байрона, отъ котораго Лермонтовъ до конца жизн не успѣлъ освободиться, въ этой „Пѣснѣ" Лермонтовъ вы казалъ полную самостоятельность, замѣчательное понимані народной поэзіи и способность творить въ народномъ духѣ Въ одномъ изъ своихъ юношескихъ стихотвореній Лермонтов выразился про самого себя:

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ,—
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только *съ русскою душой*.

Ея народность и художественность.

Этотъ національный элементъ проявился въ творчествѣ Лермонтова, только однажды,—именно, въ „Пѣснѣ про купца Калашникова“, но зато въ этомъ небольшомъ по размѣрамъ произведеніи поэтъ блестящимъ образомъ выказалъ свою способность къ самобытному творчеству въ народномъ духѣ. По формѣ и по содержанію „Пѣсня“ отличается замѣчательной художественной законченностью. Въ ней заключена цѣлая драма, развивающаяся съ роковой неизбѣжностью. Быстрота дѣйствія и сжатость разсказа еще болѣе усиливаютъ трагическое впечатлѣніе. При этомъ изложеніе отличается эпически-спокойнымъ тономъ, столь характернымъ для народной поэзіи. Вообще Лермонтовъ съ замѣчательнымъ искусствомъ проникъ въ самый духъ русской поэзіи, въ духъ русской старины.

Фигура царя Ивана, напр., нарисована имъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ тѣмъ представленіемъ о „Грозномъ“, какое сложилось въ воображеніи народа: Лермонтовъ ни въ чемъ не отступаетъ отъ традиціоннаго образа грознаго царя, какимъ онъ рисуется въ народныхъ пѣсняхъ о немъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ Лермонтовъ сумѣлъ отдѣльными штрихами придать этому образу замѣчательную жизненность: такова, напр., добродушная иронія, съ которой Іоаннъ посылаетъ на казнь купца Калашникова, утѣшая его, что и онъ „не оставленъ его милостью“:

Я топоръ велю наточить—навострить,
Палача велю одѣть—нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью.

Языкъ „Пѣсни“ отличается чисто народнымъ складомъ. Многіе образы, выраженія и пріемы повѣствованія непосредственно взяты изъ народной поэзіи. Къ числу такихъ пріемовъ народной поэзіи принадлежитъ, напр., *повторенье* отдѣльныхъ выраженій или даже цѣлыхъ строфъ и употребленіе *аллитераціи* („единоначатій“, т.-е. когда нѣсколько словъ въ стихѣ начинаются съ одинаковыхъ звуковъ):

Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый *подъ* корень *под*рубленная...

Картина морознаго утра надъ Москвой также отличается народными красками. Совершенно въ духѣ народной поэзіи также и самое окончаніе „Пѣсни“: описавъ казнь Калашникова и могилу „безыменную“, за Москвой-рѣкой „въ чистомъ полѣ, промежъ трехъ дорогъ, промежъ тульской, рязанской, владимірской“,—поэтъ не останавливается однако на грустномъ чувствѣ, а ищетъ изъ него исхода и примиренія:

И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ—перекрестится,
Пройдетъ молодецъ—пріосанится,
Пройдетъ дѣвица—пригорюнится,
А пройдутъ гусляры—споютъ пѣсенку.

Герой нашего времени.

Романъ „*Герой нашего времени*“ вышелъ въ свѣтъ въ 1840 году. Это наиболѣе зрѣлое и законченное произведеніе Лермонтова. Главный интересъ романа — психологическій и заключается въ характеристикѣ и анализѣ личности героя его Печорина. Для характеристики Печорина Лермонтовъ очень удачно пользуется различными художественными пріемами: приводитъ разсказы о немъ другихъ лицъ, свидѣтельствующихъ о впечатлѣніи, производимомъ Печоринымъ на окружающихъ („Бэла“, „Максимъ Максимычъ“); заставляетъ самого Печорина характеризовать себя въ своемъ дневникѣ, представляющемъ какъ бы его исповѣдь („Княжна Мэри“); наконецъ, включаетъ въ романъ нѣсколько разсказовъ, записанныхъ Печоринымъ и свидѣтельствующихъ о томъ, какіе случаи жизни и какія встрѣченныя имъ лица наиболѣе заинтересовали его и произвели наибольшее впечатлѣніе („Тамань“, „Фаталистъ“).

Личность Печорина.

Самый обильный матеріалъ для сужденія о личности Печорина заключенъ въ его дневникѣ, въ которомъ онъ съ полной откровенностью заноситъ свои думы, чувства и впечатлѣнія. Къ сожалѣнію, изъ этихъ признаній мы мало узнаемъ о прошломъ Печорина, о томъ, какъ слагался его характеръ, однако личность его обрисовывается съ большой полнотой и жизненностью. Главная черта личности Печорина, черта, отъ которой зависятъ всѣ прочія особенности его характера, заключается въ непропорціональномъ развитіи его душевныхъ способностей, именно, въ преобладаніи въ немъ *ума* и *воли*, при слабомъ развитіи *чувства*. Результатомъ этого

нарушенія душевнаго равновѣсія является внутренній разладъ, раздвоеніе, отъ котораго страдаетъ Печоринъ. Самъ онъ признается доктору Вернеру: „Изъ жизненной бури я вынесъ только нѣсколько идей — и ни одного чувства. Я давно уже живу не сердцемъ, а головою. Я взвѣшиваю, разбираю свои собственные страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслитъ и судитъ его". Ту же самую мысль Печоринъ выражаетъ и въ разговорѣ съ княжной Мэри: „Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собою и свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца: они тамъ и умерли... Я сдѣлался нравственнымъ калѣкой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла; я ее отрѣзалъ и бросилъ—тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго".

Такое неравномѣрное развитіе душевныхъ силъ, сдѣлавшее Печорина, по его собственному выраженію „нравственнымъ калѣкой", становится для него источникомъ тяжелыхъ страданій. Работа ума не вноситъ въ душу Печорина умиротворенія, такъ какъ *умъ* его по преимуществу *скептическій*, склонный подмѣчать въ дѣйствительности одни отрицательныя явленія и потому относящійся къ ней съ полнымъ отрицаніемъ. Слѣдствіемъ такого отношенія является глубокая розочарованность Печорина, мрачный взглядъ на жизнь и на людей, отсутствіе вѣры въ добро и въ лучшіе человѣческіе идеалы. — Будучи скептическимъ по существу, умъ Печорина вмѣстѣ съ тѣмъ отличается *аналитическимъ* складомъ, склонностью анализировать, разбирать и разлагать всякое жизненное явленіе и всякое полученное впечатлѣніе. Печоринъ слѣдитъ постоянно за самимъ собою, наблюдаетъ за всякимъ своимъ чувствомъ, роется въ своей душѣ и, находя въ ней много дурного и темнаго, доходитъ до того, что, по собственному признанію, иногда презираетъ самого себя. „Не оттого ли я презираю и другихъ?" — спрашиваетъ онъ себя и съ горечью сознается, что онъ сталъ неспособенъ къ благороднымъ порывамъ изъ боязни показаться самому себѣ смѣшнымъ. Печоринъ живетъ со взоромъ, вѣчно обращеннымъ внутрь, въ глубину своей души; это лишаетъ его возможности болѣе просто и непосредственно относиться

Характеръ его умственнаго склада.

Скептицизмъ и самоанализъ.

къ жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ до болѣзненности обостряет всякое впечатлѣніе. Самъ Печоринъ хорошо сознаетъ отсут ствіе непосредственности въ своей натурѣ и видитъ въ этом преобладаніи рефлексіи и анализа надъ живымъ чувством главный источникъ своихъ нравственныхъ страданій и раз лада. Вотъ почему случайная встрѣча съ людьми противо положнаго склада характера, живущими жизнью близкой къ природѣ, руководящимися чувствами простыми, но силь ными, въ вѣчной борьбѣ съ опасностями всякаго рода, по добно контрабандистамъ въ „Тамани", такъ поразила Пе чорина, что онъ даже внесъ въ свои записки разсказъ о пе режитомъ имъ приключеніи. То же самое тяготѣніе къ нату рамъ простымъ, первобытнымъ и непосредственнымъ сказы вается и въ увлеченіи Печорина дикаркою Бэлой; однако очень скоро Печоринъ убѣждается, что между ними слиш комъ мало общаго, и начинаетъ скучать и тяготиться лю бовью Бэлы, не будучи способенъ отвѣчать ей такимъ же чувствомъ.

Сила воли. На ряду съ умомъ въ характерѣ Печорина сильно раз витъ элементъ *воли*. Печоринъ—человѣкъ сильный, энергич ный. Но онъ не умѣетъ или не хочетъ найти для своей энер гіи достойнаго примѣненія, не можетъ найти себѣ дѣла, со отвѣтствующаго его силамъ. Избытокъ силы, не находящей себѣ примѣненія, тяготитъ Печорина, и онъ инстинктивно ищетъ способовъ проявить ее: такъ, напр., онъ охотно всту паетъ въ борьбу съ окружающими и даже нарочно создаетъ себѣ враговъ, потому что борьба съ ними даетъ ему по край ней мѣрѣ нѣкоторую иллюзію дѣятельности. Вотъ почему онъ даже замѣчаетъ, что любитъ своихъ враговъ, хотя и не христіанскою любовью: борьба съ ними занимаетъ его, спа саетъ его хоть на время отъ томительной скуки бездѣйствія При этомъ Печоринъ не замѣчаетъ однако, что часто расхо дуетъ свои силы попустому, тратитъ ихъ на мелочи: онъ презираетъ Грушницкаго, насквозь видитъ его внутреннюю пустоту и ничтожность, смѣется надъ нимъ,—но въ то же время не считаетъ для себя унизительнымъ вступить съ нимъ въ борьбу, какъ съ равнымъ, и даже ведетъ противъ него интригу. Съ другой стороны, избытокъ воли сказывается въ стремленіи Печорина подчинять себѣ окружающихъ, за ставлять ихъ служить своимъ цѣлямъ, исполнять всѣ свои

желанія и прихоти. Это особенно ясно видно изъ его отношеній къ женщинамъ; онъ не любитъ Мэри, но добивается съ ея стороны признанія, потому что его тѣшитъ мысль сломить гордость молодой дѣвушки и подчинить ее своей волѣ. Онъ пишетъ по этому поводу: „А вѣдь есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодой, едва распустившейся душой! Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчается на пути; я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. Самъ я больше неспособенъ безумствовать подъ вліяніемъ страсти; честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ; ибо честолюбіе есть не что иное, какъ *жажда власти*, а первое мое удовольствіе—подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ. Быть для кого-нибудь причиною страданій и радостей, не имѣя на то никакого положительнаго права—не есть ли это сладкая пища нашей гордости?“ Чѣмъ больше препятствій встрѣчаетъ онъ въ своемъ стремленіи заставить другихъ подчиняться себѣ, тѣмъ заманчивѣе и интереснѣй становится для него дѣло, такъ какъ на преодолѣніе этихъ препятствій расходуется избытокъ его энергіи. Достиженіе же цѣли въ этомъ стремленіи доставляетъ ему единственное доступное ему удовлетвореніе, такъ какъ сущность счастія вообще, по его словамъ, состоитъ въ „насыщенной гордости“.

Слабость чувства.

Въ сравненіи съ умомъ и волей, въ личности Печорина довольно слабо развитъ элементъ *чувства* (эмоціональный). Печоринъ—натура холодная и сдержанная. Онъ неспособенъ ни къ какому увлеченію, ни къ какой привязанности, неспособенъ полюбить кого бы то ни было или что бы то ни было истинной и глубокой любовью. Отсюда — чувство духовнаго одиночества, тяготящее его, несмотря на сознаніе своего превосходства надъ окружающими. Поэтому, подобно Демону, Печоринъ томится жаждою любви; онъ ищетъ въ другихъ того, чего недостаетъ ему самому, т.-е. глубокаго и непосредственнаго чувства. Печорину даже кажется, что если бы всѣ его любили, то онъ самъ „нашелъ бы въ себѣ безконечные источники любви“; но на самомъ дѣлѣ такая мысль основана на самообманѣ, потому что любовь онъ понимаетъ только какъ порабощеніе чужой личности своей волѣ, онъ

ищетъ въ ней лишь эгоистическаго наслажденія, ничѣмъ не жертвуя со своей стороны и ревниво охраняя свою полную свободу. Оттого его любовь приноситъ гибель или заставляетъ страдать тѣхъ, на кого она обращена (Бэла, Вѣра, княжна Мэри). Неспособный полюбить истинной любовью какого-либо человѣка, Печоринъ вмѣстѣ съ тѣмъ неспособенъ и къ увлеченію какими бы то ни было идеями и идеалами, которые могли бы заполнить его жизнь, дать ей смыслъ и содержаніе. Благодаря скептическому, разлагающему складу своего ума, онъ останавливается на одномъ холодномъ и мрачномъ отрицаніи: мы не видимъ въ немъ никакихъ положительныхъ идеаловъ, никакой твердой вѣры, а лишь полное равнодушіе къ добру и злу и высокомѣрное презрѣніе ко всѣмъ окружающимъ.

Внутреннія страданія.

Однако самъ Печоринъ тяжело страдаетъ отъ своей неспособности къ живому, непосредственному чувству, отъ вѣчной рефлексіи, преслѣдующей его и раскрывающей передъ нимъ изнанку жизни. Онъ отлично сознаетъ свои недостатки, хотя не дѣлаетъ ни одной попытки исправиться. Ни въ чемъ онъ не находитъ себѣ удовлетворенія и чувствуетъ себя глубоко несчастливымъ. Печоринъ ясно видитъ, что жизнь его сложилась неудачно и что бѣда уже непоправима; онъ даже догадывается, что причина этой неудачи заключается въ немъ самомъ. Онъ тяготится безцѣльностью и безплодностью своего существованія. Глубокой грустью проникнуты его размышленія передъ дуэлью, когда онъ, передъ лицомъ угрожающей смерти, задается вопросомъ о цѣли и смыслѣ своей жизни:

„Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?.. А вѣрно, она существовала и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ: изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій—лучшій свѣтъ жизни... Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничѣмъ не жертвовалъ для тѣхъ, кого любилъ: я любилъ для себя, для собственнаго удовольствія; я только удовлетворялъ странную потребность сердца, съ жадностью поглощая ихъ чувства, ихъ нѣжность, ихъ радости и страданія—и никогда не могъ насытиться... И, можетъ быть, я завтра умру!.. и не оста-

нется на землѣ ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитаютъ меня хуже, другіе лучше, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ. Одни скажутъ: онъ былъ добрый малый, другіе— мерзавецъ. И то, и другое будетъ ложно"...

Еще современники высказывали мнѣніе, что въ лицѣ Печорина Лермонтовъ хотѣлъ изобразить самого себя. Хотя самъ Лермонтовъ и возражалъ противъ этого взгляда, однако въ немъ, несомнѣнно, есть доля истины. Въ дневникѣ Печорина встрѣчаются нерѣдко мысли, которыя Лермонтовъ высказывалъ въ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ; напр., размышленія Печорина надъ самимъ собою близко напоминаютъ мысли Лермонтова о всемъ современномъ поколѣніи, выраженныя въ стихотвореніи „Дума": отсутствіе искренней вѣры и живого чувства, холодность и равнодушіе ко всему на свѣтѣ, насмѣшливый скептицизмъ и грустное сознаніе безцѣльности и безплодности собственнаго существованія,— вотъ какими чертами характеризуетъ Лермонтовъ свое поколѣніе; мрачнымъ, Печоринскимъ настроеніемъ проникнуты и нѣкоторыя другія стихотворенія, напр.: „И скучно, и грустно...", „Не вѣрь себѣ", „Благодарность" и „Первое января". Общей чертой является и глубокая любовь къ природѣ, которая вызываетъ въ дневникѣ Печорина рядъ лирическихъ изліяній, представляющихъ рѣзкій контрастъ съ его обычнымъ холоднымъ и ироническимъ тономъ. Наконецъ, въ описаніи самой внѣшности, манеръ и пріемовъ Печорина встрѣчаются черты сходства съ Лермонтовымъ.—Однако было бы совершенно ошибочно вполнѣ отождествлять ихъ и думать, что въ лицѣ Печорина авторъ нарисовалъ свой собственный портретъ. Лучшимъ средствомъ для знакомства съ личностью Лермонтова является его лирика, отличающаяся большою искренностью; замкнутый и несообщительный въ сношеніяхъ съ людьми Лермонтовъ открываетъ въ ней всю свою душу; лучшія изъ его лирическихъ піесъ проникнуты трогательной нѣжностью, задушевной мягкостью и глубиною чувства, т.-е. какъ разъ такими чертами, которыхъ вовсе нѣтъ въ характерѣ Печорина.—Относясь съ явной симпатіей къ своему герою, Лермонтовъ однако не идеализируетъ его, не скрываетъ его недостатковъ. Это ясно видно изъ сопоставленія его съ Максимомъ Максимычемъ. Вводная личность браваго штабсъ-капитана, не играющаго въ дѣйствіи большой роли, пона-

Лермонтовъ и Печоринъ.

добилась Лермонтову для того, чтобы оттѣнить нѣкоторы: изъ отрицательныхъ сторонъ личности Печорина. Мы видимъ что по сравненію съ послѣднимъ, Лермонтовъ явно сочув ствуетъ Максиму Максимычу, рисуя его простоту, сердеч ность, привязчивость, отсутствіе высокомѣрія и рисовки Симпатіи же Лермонтова къ Печорину вызваны сознаніем его умственнаго превосходства надъ окружающими и ег нравственными страданіями, которыми Печоринъ отчасти иску паетъ въ глазахъ Лермонтова свой эгоизмъ, холодность и презрѣніе къ людямъ.

Печоринъ, какъ типъ.

Въ предисловіи къ своему роману Лермонтовъ, возражая противъ мнѣнія, что въ лицѣ Печорина онъ изобразилъ са мого себя, говоритъ, что Печоринъ, дѣйствительно, порт ретъ, но только портретъ не одного человѣка, а всего со временнаго поколѣнія: этимъ Лермонтовъ хотѣлъ подчерк нуть *типическое* значеніе своего героя, на которое указы ваетъ уже самое заглавіе. Въ качествѣ общественнаго типа Печоринъ есть представитель русскаго байронизма, въ ег наиболѣе полномъ и законченномъ выраженіи. Глубокое раз очарованіе въ жизни и въ людяхъ, презрѣніе къ окружаю щимъ, вмѣстѣ съ горделивымъ чувствомъ собственнаго пре восходства, — вотъ черты, которыя уже раньше намѣчен были Пушкинымъ въ характеристикѣ Онѣгина, и которы въ Печоринѣ получили дальнѣйшее развитіе и углубленіе По сравненію съ Онѣгинымъ, Печоринъ представляется го раздо болѣе сильной и оригинальной натурой. Его разоча рованность глубже и искреннѣе, чѣмъ напускное разочаро ваніе Онѣгина, въ которомъ преобладаетъ рисовка. Онѣгин просто скучаетъ, Печоринъ же тяжело страдаетъ. Несмотр на свой Гарольдовъ плащъ, Онѣгинъ часто оказывается „добрымъ малымъ“; напр., онъ щадитъ поэтическія иллюзі Ленскаго, сдерживаетъ въ себѣ „охладительное слово“; на противъ того, настроеніе Печорина можетъ быть опредѣлено какъ *злое* разочарованіе; страдая самъ отъ него, Печорин заставляетъ страдать и другихъ, стараясь сознательно при чинить имъ зло; таково, напр., его отношеніе къ Грушни кому, къ княжнѣ Мэри. Антипатія его къ Грушницкому от части обусловлена еще тѣмъ, что въ немъ онъ видитъ как бы карикатуру на самого себя: Грушницкій наслышался Байронѣ или, вѣрнѣе, начитался романовъ Марлинскаго,

Байронизмъ Печорина.

потому считаетъ своимъ долгомъ говорить о своей разочарованности, о презрѣніи къ людямъ, о своихъ непонятыхъ чувствахъ, о пережитыхъ буряхъ и т. д. Но всѣ эти слова о страданіяхъ и разочарованіи, которыми онъ рисуется въ обществѣ, получаютъ въ устахъ Грушницкаго оттѣнокъ невыносимой пошлости, потому что прикрываютъ собой напускныя, неискреннія чувства. Печоринъ же на самомъ дѣлѣ страдаетъ отъ своей разочарованности, отъ внутренняго разлада, и потому фальшивыя слова Грушницкаго, котораго онъ видитъ насквозь, со всей его пошлостью и ничтожностью, раздражаютъ его и возбуждаютъ въ немъ враждебныя чувства, приводящія наконецъ къ дуэли и къ гибели Грушницкаго. Искренность страданія Печорина безконечно возвышаетъ его надъ Грушницкимъ, который и былъ введенъ Лермонтовымъ въ разсказъ для того, чтобы оттѣнить положительныя черты въ характерѣ его героя. Эта искренность и эти страданія возбуждаютъ сочувствіе Лермонтова; онъ не скрываетъ недостатковъ Печорина, но онъ сожалѣетъ о немъ, какъ сожалѣетъ онъ въ своей *Думѣ* обо всемъ современномъ поколѣніи, типичнымъ представителемъ котораго былъ, въ его глазахъ, Печоринъ.

Общій характеръ поэзіи Лермонтова.

Вся поэзія Лермонтова, въ противоположность поэзіи Пушкина, проникнута духомъ глубокой *субъективности*. На всѣхъ его произведеніяхъ лежитъ яркій отпечатокъ его личности, своихъ героевъ онъ обыкновенно дѣлалъ носителями собственныхъ чувствъ и настроеній; байроническій идеалъ потому такъ занималъ воображеніе Лермонтова, что въ себѣ самомъ онъ находилъ соотвѣтствующія черты. Субъективный характеръ творчества сказался и въ особенномъ богатствѣ его лирики.

Его лирика.

Лирика Лермонтова отличается глубокой искренностью настроенія. Насколько сдержанъ и замкнутъ былъ Лермонтовъ въ жизни, настолько откровененъ онъ въ своей поэзіи. Въ его лирическихъ стихотвореніяхъ отразились всѣ перемѣны его судьбы, его чувства и думы; по нимъ можно шагъ за шагомъ прослѣдить всю его жизнь, такъ что лирика Лермонтова является какъ бы его поэтической автобіографіей. Общій характеръ Лермонтовской лирики—*мрачный и меланхолическій*. Такимъ онъ сложился отчасти подъ вліяніемъ

литературныхъ образцовъ (Байронъ), отчасти подъ вліяніемъ собственнаго жизненнаго опыта (семейный раздоръ, несчастная любовь). Душевный разладъ, мрачная разочарованность, чувство одиночества—вотъ обычные мотивы его лирики. Ст особенной силой это настроеніе сказалось въ стихотвореніи „И скучно, и грустно...“.

Ея настроеніе.

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!... что пользы напрасно и вѣчно желать?...
А годы проходятъ—всѣ лучшіе годы!
Любить... но кого же? на время не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.
Въ себя ли заглянешь,—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все такъ ничтожно...
Что страсти?—вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка!

Такимъ же настроеніемъ проникнуты и стихотворенія „Еврейская мелодія“, „Гляжу на будущность съ боязнью“, „Не вѣрь себѣ“, „Благодарность“, „Не смѣйся надъ моей пророческой тоской“ и др.—Однимъ изъ главныхъ источниковъ этого тяжелаго настроенія было отношеніе Лермонтова къ современному обществу, которое онъ отождествлялъ съ тѣмъ свѣтскимъ кругомъ, среди котораго вращался и который относился къ гордому и самолюбивому поэту весьма недоброжелательно. Въ стихотвореніи „Дума“ Лермонтовъ даетъ общую характеристику своего поколѣнія, которое онъ обвиняетъ въ томъ, что оно „къ добру и злу постыдно равнодушно“, что оно неспособно ни къ вѣрѣ, ни къ любви, что существованіе его безсодержательно и безплодно.

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Относясь съ такой суровостью къ своимъ современникамъ, которымъ онъ хотѣлъ бы бросить въ лицо „желѣзный

тихъ, облитый горечью и злостью", Лермонтовъ нерѣдко адавался вопросомъ о положеніи поэта среди этого общества („Не вѣрь себѣ", „Поэтъ", „Журналистъ, читатель и исатель", „Пророкъ"). Выводъ всегда получался весьма безградный: между поэтомъ и обществомъ не можетъ быть никакого пониманія; общество, „толпа", погружено въ свои меочныя заботы, чуждо высокихъ, идеальныхъ цѣлей и подергаетъ гоненіямъ всякаго, кто смущаетъ его спокойное, амодовольное существованіе („*Пророкъ*").

Поэтъ и общество.

Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.

И когда поэтъ-пророкъ, которому Вѣчный Судія дароалъ „всевѣдѣніе" и который читаетъ сокровенное въ сердахъ людей—„страницы злобы и порока",—когда онъ торопиво пробирается черезъ „шумный градъ", для того, чтобы крыться въ „пустынѣ", старцы указываютъ на него дѣтямъ съ улыбкою самолюбивой", какъ на несчастнаго отверженца:

«Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Глупецъ—хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!
«Смотрите жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ!
Какъ презираютъ всѣ его!»

Природа и родина.

Какъ „пророкъ" Лермонтова удаляется отъ не признававаго его общества въ „пустыню", тамъ самъ поэтъ ищетъ ебѣ утѣшенія въ живомъ единеніи съ природой. *Любовь къ природѣ* является однимъ изъ самыхъ богатыхъ источниковъ дохновенія для Лермонтова. Во всѣхъ его произведеніяхъ азбросаны великолѣпныя картины природы; ея изображенію освящены многія самостоятельныя стихотворенія; на лонѣ рироды онъ находилъ себѣ успокоеніе и примиреніе съ изнью („Когда волнуется желтѣющая нива...").

Но и природа не всегда умиротворяющимъ образомъ дѣйвовала на поэта: ея „безстрастіе", ея равнодушное отноеніе къ человѣку и его судьбѣ внушали ему иногда пеальныя размышленія: въ своей самодовлѣющей красотѣ и

силѣ она чужда какого-либо состраданія къ бѣдному стра нику — человѣку, какъ роскошная молодая „чинара“, отве гающая съ презрѣніемъ засохшій „дубовый листокъ“, зан сенный вѣтромъ на берегъ Чернаго моря („Дубовый листок оторвался отъ вѣтки родимой...“).

Особенно много стиховъ посвящено Лермонтовымъ Ка казу, мрачное величіе котораго сильно дѣйствовало на е воображеніе. Но Лермонтовъ былъ доступенъ также и ми нымъ впечатлѣніямъ простой и неяркой родной природ Вообще *любовь къ родинѣ* неоднократно находила себѣ отр женіе въ его лирикѣ; особенно сильно это чувство любви к родной землѣ и органической связи съ нею выразилось в стихотвореніи *„Родина“* („Люблю отчизну я, но странно любовью...“). Патріотическимъ чувствомъ проникнуты и мн гія другія стихотворенія: „Бородино“, „Споръ“, „Два вел кана“ и др.

Идеальный міръ.

Наконецъ, весьма важной и характерной чертой поэз Лермонтова является ея глубокое *идеалистическое настроен* Этимъ настроеніемъ и объясняется въ значительной степен чувство неудовлетворенности, проникающее всю его лирик это чувство не есть „плѣнной мысли раздраженье“, ка думалъ иногда самъ поэтъ въ тяжелыя минуты,—а смутна тоска по идеалу, осуществленія котораго онъ не находил въ дѣйствительности. Здѣсь опять мы видимъ коренну разницу съ Пушкинымъ; Пушкинъ, съ его натурой реал ста, умѣлъ находить прекрасное и въ окружающей жизн умѣлъ примириться съ нею; для Лермонтова такое примир ніе было невозможно, такъ какъ помыслы его устремлен были въ міръ идеальный, отголосокъ котораго сохранился в его душѣ, и потому—„звуковъ небесъ замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли“ („*Ангелъ*“). Это идеалистическ настроеніе сказывается нерѣдко и въ стихотвореніяхъ, пр никнутыхъ *религіознымъ чувствомъ*; неудовлетворенный н жизнью, ни людьми, обуреваемый страстями, заставлявшим его „просить бури, какъ будто въ буряхъ есть покой“, поэ только въ уединеніи, на лонѣ природы, да еще въ м нуты религіознаго умиленія, находилъ отраду для сво страдающей души („Молитва“, „Я, Матерь Божія...“, „Вѣт Палестины“) *).

*) Лучшія изданія Лермонтова: *Висковатова* (въ 6 томахъ; весь п слѣдній томъ занятъ обстоятельной біографіей поэта) и т-ва «Просвѣщ

II. Баратынскій.

Къ Пушкинской эпохѣ относится и дѣятельность другого выдающагося поэта—*Баратынскаго* (1800—1844); впрочемъ дѣятельность его развилась вполнѣ самостоятельно, и Пушкинъ не оказалъ замѣтнаго вліянія ни на содержаніе, ни на форму его поэзіи. Бѣлинскій очень вѣрно назвалъ его *„поэтомъ мысли“*; дѣйствительно,—мысль, рефлексія являются преобладающимъ элементомъ поэзіи Баратынскаго. Притомъ мысли, думы, лежащія въ основѣ его произведеній, обыкновенно грустнаго, безотраднаго свойства. Баратынскій является въ нашей литературѣ однимъ изъ наиболѣе яркихъ и послѣдовательныхъ представителей такъ называемой *„міровой скорби“*; вся поэзія его проникнута безнадежно-мрачнымъ *пессимизмомъ*. Большинство его стихотвореній представляютъ собой печальныя размышленія о ничтожности человѣческой жизни, о невозможности прочнаго счастья, о внутреннемъ разладѣ, терзающемъ человѣка. За эти грустныя думы о коренныхъ вопросахъ существованія Пушкинъ назвалъ Баратынскаго Гамлетомъ.

Однимъ изъ источниковъ пессимистическаго настроенія Баратынскаго служитъ признаніе роковыхъ противорѣчій дѣйствительности, ея несоотвѣтствія съ идеаломъ, съ высшими требованіями ума и сердца. Своимъ проницательнымъ умомъ, одареннымъ способностью тонкаго анализа, онъ подмѣчалъ въ окружающей жизни ея печальныя и отталкивающія явленія, оскорблявшія его благороднѣйшія чувства:

Что свѣтъ являетъ?—Пиръ нестройный!
Презрѣнный властвуетъ, достойный
Поникъ гонимой головой.
Несчастливъ добрый, счастливъ злой— («Отрывокъ»).

Но такое же противорѣчіе между идеаломъ и дѣйствительностью, какъ и во внѣшнемъ мірѣ, господствуетъ и въ душѣ человѣка: оно состоитъ въ мучительномъ разладѣ между высокими, благородными порывами духа и грубыми эгоистическими инстинктами, присущими матеріальной природѣ человѣка. Человѣкъ по своей духовной природѣ принадлежитъ иному, высшему міру, но въ то же время онъ тѣломъ прикованъ къ землѣ и не можетъ отъ нея оторваться; онъ—нравственный „недоносокъ“, духъ, остановившійся въ своемъ развитіи.

Я—изъ племени духовъ,
Но не житель Эмпирея,—
И едва до облаковъ
Возлетѣвъ, паду слабѣя.

«е» подъ редакціей *Арс. Введенскаго* (въ 4-хъ т.). Изъ сочиненій о Лермонтовѣ наиболѣе цѣнное—книга *Н. Котляревскаго* «М. Ю. Лермонтовъ; личность поэта и его произведенія».

Какъ Мнѣ быть? Я малъ и плохъ,
Знаю: рай за ихъ волнами,—
И ношусь, крылатый вздохъ,
Межъ землей и небесами... («Недоносокъ»)

Этотъ внутренній разладъ исключаетъ возможность прочнаг счастія даже тогда, когда внѣшнія обстоятельства складываютс благопріятно для человѣка. Поэтому единственнымъ вѣрнымъ бла гомъ и замѣною счастья является—спокойствіе („атараксія" древних мудрецовъ); эту мысль Баратынскій высказывалъ неоднократно, съ особенной силой она выражена въ стихотвореніи: *„Двѣ доли"*

Дало двѣ доли Провидѣніе
На выборъ мудрости людской:
Или надежду и волненіе
Иль безнадежность и покой!

Изъ этихъ двухъ жребіевъ поэтъ отдаетъ предпочтеніе послѣд нему. Предоставивъ юности увлекаться иллюзіями и лелѣять „за мыслы блестящіе и сердца пламенные сны", онъ обращается к людямъ, искушеннымъ житейскимъ опытомъ:

Но вы, судьбину испытавшіе,
Тщету утѣхъ, печали власть,
Вы знанье бытія пріявшіе
Себѣ на тягостную часть!
Гоните прочь ихъ рой прельстительный.
Такъ, доживайте жизнь въ тиши,
И *берегите хладъ спасительный*
Своей бездѣйственной души.

Но такой душевный покой, служащій замѣной счастья, воз моженъ лишь на время и безпрестанно нарушается страданіями. Пол ный покой даетъ только смерть; ей Баратынскій посвятилъ на стоящій хвалебный гимнъ:

Смерть дщерью тьмы не назову я
И, раболѣпною мечтой
Гробовый остовъ ей даруя,
Не ополчу ее косой.
О, дочь верховнаго Эѳира!..
О, свѣтозарная краса!
Въ рукѣ твоей—олива мира,
А не губящая коса.
....
Недоумѣнье, принужденье—
Условье смутныхъ нашихъ дней;
Ты всѣхъ загадокъ разрѣшенье,
Ты разрѣшенье всѣхъ цѣпей. («Смерть»)

Но не всегда поэтъ относился съ одинаковымъ чувствомъ къ мысли о смерти; нерѣдко эта мысль о неизбѣжномъ концѣ, о грозящемъ уничтоженіи глубоко возмущала его.

Безсиліе человѣка передъ стихійной мощью природы и мимолетность его существованія, въ сравненіи съ ея вѣчнымъ обновленіемъ—вотъ одинъ изъ излюбленныхъ мотивовъ поэзіи Баратынскаго, какъ и вообще всей поэзіи міровой скорби. Человѣкъ проходитъ по лицу земли, не оставляя по себѣ прочныхъ слѣдовъ; точно такъ же пройдетъ со временемъ и все человѣчество,—и оно такъ же осуждено на уничтоженіе, какъ и отдѣльная личность. Въ стихотвореніи *„Послѣдняя смерть“* Баратынскій изображаетъ тотъ процессъ внутренняго вырожденія человѣчества, который, по его мнѣнію, долженъ привести къ исчезновенію его съ лица земли. Поэту рисуются три послѣдовательныхъ фазиса въ исторіи далекой будущности человѣчества: сперва пышное развитіе всѣхъ даровъ человѣческаго духа, торжество мысли надъ стихійными силами природы, „разума великолѣпный пиръ“. Затѣмъ, когда стихіи подчинены окончательно и человѣческій бытъ устроенъ и упроченъ, наступаетъ эпоха упадка внутренней энергіи,—не силы разума, а силы воли, потому что послѣдняя питается преимущественно борьбой и сопротивленіемъ,—разумъ же продолжаетъ развиваться и совершенствоваться, торжествуя все новыя побѣды: „ихъ (т.-е. людей будущаго) въ Эмпирей и Хаосъ уносила живая мысль на крыліяхъ своихъ“. Но въ людяхъ уже нѣтъ прежней стихійной силы, которая поддерживала ихъ земное бытіе; поэтому въ третьемъ и послѣднемъ періодѣ это пониженіе жизненной энергіи обнаруживается въ своихъ конечныхъ результатахъ: человѣчество дряхлѣетъ физически и нравственно и, наконецъ, вымираетъ, не будучи въ состояніи нести бремя земного существованія, а „державная природа“ снова облачается „въ дикую порфиру древнихъ лѣтъ“, уничтожая вездѣ самые слѣды исчезнувшаго человѣчества.

Такимъ образомъ Баратынскій одной изъ главныхъ причинъ вырожденія человѣчества считалъ чрезмѣрное развитіе его духовныхъ силъ, неустанную работу мысли, подтачивающую его физическія силы. Бѣлинскій весьма вѣрно подмѣтилъ въ его поэзіи „вражду съ мысли“. Эта вражда къ мысли, признаніе, что дѣятельность разума вообще несовмѣстима со счастіемъ, сближаетъ Баратынскаго съ *романтиками*. Счастье возможно только при условіи „забвенія мысли“, спасающаго человѣка отъ мучительнаго раздвоенія между разсудкомъ и чувствомъ и дающаго ему возможность слиться воедино съ безсознательной жизнью природы („Весна, весна! какъ высоко“...).—Видя въ дѣятельности разума главный источникъ внутренняго страданія, на которое обреченъ мыслящій человѣкъ, Баратынскій считалъ, что именно благодаря ему рушилась исконная и необходимая связь между человѣкомъ и стихійной силой природы. Въ стихотвореніи *„Примѣты“* онъ говоритъ:

Пока человѣкъ естества не пыталъ
Горниломъ, вѣсами и мѣрой,

Но дѣтски вѣщаньямъ природы внималъ,
Ловилъ ея знаменья съ вѣрой;
Покуда природу любилъ онъ,—она
Любовью ему отвѣчала.
. . . . . .
Въ пустынѣ безлюдной онъ не былъ одинъ:
Нечуждая жизнь въ ней дышала.
Но *чувство презрѣвъ, онъ довѣрилъ уму,*
Вдался *въ суету изысканій,—*
И сердце природы закрылось ему,
И нѣтъ на землѣ прорицаній!

Баратынскій полагалъ, что строгая истина вообще не соотвѣ ствуетъ слабымъ силамъ человѣка, что познаніе ея несовмѣстим со счастіемъ. Въ стихотвореніи „*Истина*“ онъ изобразилъ ее в видѣ прекрасной и гордой богини, вступающей въ бесѣду съ поэтом который жалуется ей, что „о счастіи съ младенчества тоскуя“, он до сихъ поръ все „бѣденъ счастьемъ“. На это *Истина* гов ритъ ему:

Свѣтильникъ мой покажетъ путь ко счастью!
(Вѣщала): Захочу—
И, страстнаго, *отрадному безстрастью*
Тебя я научу.
Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь;
Пускай, узнавъ людей,
Ты, можетъ быть, испуганный разлюбишь
И ближнихъ и друзей.
Я бытія всѣ прелести разрушу,
Но умъ наставлю твой;
Я оболью суровымъ хладомъ душу,
Но дамъ душѣ покой.

Но поэтъ отвергаетъ это „отрадное „безстрастіе“, отвергает „свѣтильникъ“ истины, потому что онъ, по его мнѣнію,—„свѣтил никъ погребальный всѣхъ радостей земныхъ“, и что для челов ческой жизни „надобны и страсти и мечты,—въ нихъ бытія услов и пища“ („*Черепъ*“).

Такимъ образомъ по своему основному характеру поэзія Б ратынскаго отличается глубокимъ пессимизмомъ; но среди его пр изведеній есть и такія, которыя проникнуты инымъ настроеніемъ, напр., прекрасное стихотвореніе „*На смерть Гёте*“. Кромѣ лир ческихъ стихотвореній, Баратынскому принадлежитъ также нѣсколь поэмъ: „*Эда*“, „*Цыганка*“, „*Балъ*“ и др. Всѣ онѣ написаны пр красными, звучными стихами и отличаются, подобно его лирик серьезнымъ и грустнымъ содержаніемъ.

III. Кольцовъ.

Біографія Кольцова.

Крупнѣйшій представитель русской художественно-народной пѣсни, поэтъ-прасолъ Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, родился въ Воронежѣ, въ 1808 году, въ мѣщанской семьѣ, довольно богатой, но совершенно невѣжественной. Отецъ его занимался прасольствомъ, т.-е. скупкой и продажей овецъ и рогатаго скота, и этимъ путемъ нажилъ себѣ значительное состояніе. Семья Кольцовыхъ жила еще вполнѣ по старинѣ, держась старыхъ, патріархальныхъ взглядовъ. Умственныхъ интересовъ у ней не было, образованіе цѣнилось очень низко; впослѣдствіи старикъ Кольцовъ даже говорилъ про своего сына, что его „сгубили книги". Поэтому молодой Кольцовъ не получилъ почти никакого образованія; отецъ не далъ ему даже кончить полный курсъ уѣзднаго училища и взялъ его изъ 2-го класса, находя, что полученныхъ знаній ему достаточно для жизни. Зато съ очень ранняго возраста отецъ сталъ пріучать его къ „дѣлу", къ торговлѣ; эти торговыя дѣла приводили молодого Кольцова въ близкое соприкосновеніе съ разнымъ людомъ, знакомили его съ жизнью и бытомъ простого народа. Нерѣдко также ему приходилось подолгу кочевать въ степи съ гуртами отцовскаго скота; тамъ его душа открывалась поэтическимъ впечатлѣніямъ родной природы, которую онъ впослѣдствіи съ такой любовью изображалъ въ своихъ пѣсняхъ.

Врожденная любознательность Кольцова требовала себѣ однако пищи, но удовлетворять ее приходилось лишь случайнымъ и безпорядочнымъ чтеніемъ. Какъ-то разъ въ руки его попалъ сборникъ стихотвореній Дмитріева: они ему такъ понравились, что съ этого времени Кольцовъ пристрастился къ стихамъ и перечиталъ большинство русскихъ поэтовъ. Скоро онъ и самъ принялся сочинять стихи, хотя не имѣлъ никакого понятія о стихосложеніи. Сближеніе съ однимъ семинаристомъ (Серебрянскимъ), большимъ любителемъ поэзіи, было очень полезно для развитія въ немъ художественнаго вкуса и вообще для пробужденія его умственныхъ интересовъ. Но еще полезнѣе было для Кольцова его знакомство со Станкевичемъ, главою знаменитаго московскаго университетскаго кружка 30-хъ годовъ. Станкевичъ сразу опѣнилъ высокое поэтическое достоинство Кольцовскихъ пѣсенъ и въ 1835 г.

издалъ небольшой сборникъ ихъ, въ который вошло 18 избран ныхъ піесъ. Сборникъ этотъ произвелъ значительное впечат лѣніе въ литературныхъ кругахъ. Въ слѣдующемъ году Кольцовъ прожилъ довольно долго въ Москвѣ и Петербургѣ гдѣ познакомился со многими выдающимися писателями: ст Пушкинымъ, Жуковскимъ, кн. Одоевскимъ и др. Особенно близко сошелся онъ съ Бѣлинскимъ, съ которымъ онъ потомъ состоялъ въ дѣятельной перепискѣ и который имѣлъ сильное вліяніе на всю его духовную жизнь.

Но соприкосновеніе съ кругомъ лицъ, жившихъ высо кими духовными интересами, еще яснѣе показало Кольцову грубость и отсталость той среды, въ которой ему приходи лось вращаться въ родномъ городѣ. Поэтому, хотя знакомств это было очень полезно для умственнаго развитія Кольцова но оно поселило въ немъ чувство недовольства жизнью, ко торую ему приходилось вести. Отсюда—постоянныя столкно венія съ родными, омрачившія послѣдніе годы его жизни Кольцовъ все время мечталъ о томъ, чтобы вырваться из несимпатичной ему среды и поселиться въ столицѣ. „Тѣсен мой кругъ, грязенъ мой міръ, горько жить мнѣ, и я не знаю какъ я еще не потерялся въ немъ давно“, жаловался онъ в одномъ письмѣ. Только во время поѣздокъ въ Москву и Петербургъ отдыхалъ онъ душою, среди своихъ новыхъ знаком цевъ-литераторовъ. Къ внутреннимъ страданіямъ, вызванным разладомъ съ окружающими, присоединилась еще тяжка болѣзнь, которая и свела его преждевременно въ могилу 34 лѣтъ отъ роду, въ 1842 году.

Пѣсни Кольцова: ихъ народный характеръ.

Главная заслуга Кольцова—созданіе *художественной на родной пѣсни*: она по праву обезпечила ему почетное мѣсто въ кругу русскихъ писателей [1]). Будучи близокъ къ народу

[1]) Попытки писать въ народномъ духѣ дѣлались неоднократно ещ задолго до Кольцова. Къ числу предшественниковъ его принадлежали *Н. Львовъ*, другъ Державина, написавшій нѣсколько пѣсенъ народнаг склада; *Николевъ* («Взвейся выше, понесися», «Вечеркомъ румяну зорю») *Нелединскій-Мелецкій* («Выйду ль я на рѣченьку»); *Мерзляковъ* («Сред долины ровныя», «Чернобровый, черноглазый»); *Цыгановъ* («Не шей т мнѣ, матушка», «Я посѣю, молоденька» и др.).

Довольно много романсовъ въ народномъ духѣ написалъ *баронъ Дельвигъ*: въ свое время они пользовались значительнымъ успѣхомъ («Солове мой, соловей», «Пѣла, пѣла пташечка», «Ахъ ты, ночь ли, ноченька»). Нѣкоторыя изъ пѣсенъ этихъ поэтовъ отличаются поэтическимъ достоинством и близко подходятъ къ народнымъ, но во всѣхъ нихъ ясно чувствуетс *подражаніе*, между тѣмъ какъ Кольцовскія производятъ впечатлѣніе под линныхъ народныхъ пѣсенъ.

по своему происхожденію, вращаясь большую часть жизни въ его средѣ, Кольцовъ лучше другихъ поэтовъ, происходившихъ изъ интеллигентнаго круга, могъ познакомиться съ бытомъ и нравами русскаго простонародья, могъ полнѣе усвоить особенности его духовнаго склада, его чувствъ, стремленій и идеаловъ. Оттого его поэзія и по формѣ, и по содержанію отличается чисто народнымъ духомъ; въ его пѣсняхъ встрѣчаемъ мы тѣ же мотивы и тѣ же пріемы творчества, какъ и въ пѣсняхъ народныхъ, но только у Кольцова эти типическіе мотивы и пріемы возведены до высшей степени художественнаго совершенства.

Ихъ содержаніе.

Въ поэзіи Кольцова отразилась жизнь русскаго крестьянина, съ ея смѣной труда и отдыха, горя и веселья, отразилась во всей своей трезвой простотѣ, безъ ложной идеализаціи и сентиментальной слащавости, съ какою изображали въ своихъ повѣстяхъ и идилліяхъ типы „пейзановъ“ поэты Карамзинской эпохи. Въ смыслѣ жизненной правдивости изображенія пѣсни Кольцова проникнуты тѣмъ же духомъ реализма, который составляетъ характерную особенность всей новой русской поэзіи, начиная съ Пушкина. При этомъ Кольцовъ особенно охотно останавливается на свѣтлой, праздничной сторонѣ народной жизни; многія темныя, отрицательныя стороны народнаго быта, напр., крѣпостное право, почти не затронуты Кольцовымъ. Въ его пѣсняхъ отразилась преимущественно *поэзія деревенской жизни*, поэзія *крестьянскаго труда*. Въ стихотвореніи „*Урожай*“ съ замѣчательнымъ искусствомъ опоэтизированы обычныя земледѣльческія заботы: одинъ критикъ очень мѣтко назвалъ это стихотвореніе „пѣснью о хлѣбѣ“: подъ рукой Кольцова, какъ истиннаго поэта, простыя крестьянскія „думы мирныя, завѣтныя“, думы о хлѣбѣ, и связанные съ ними заботы и труды получаютъ поэтическое значеніе. Глубокой любовью проникнуто изображеніе мирной трудовой жизни русскаго крестьянина.

Поэзія народной жизни.

Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ.
Выше пояса
Рожь зернистая
Дремлетъ колосомъ
Почти до земли;
Словно Божій гость,
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается;
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ—лоснится,

Золотой волной
Разбѣгается...
Люди семьями
Принялися жать
Косить подъ корень
Рожь высокую.
Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрипитъ музыка.
На гумнахъ, вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.
Видитъ солнышко—
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени;
Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

Бодростью и силой проникнуты пѣсни Кольцова о труд („*Пѣсня пахаря*“). Но и сладкій отдыхъ послѣ трудов страды нашелъ себѣ отзвукъ въ его поэзіи („*Крестьянск пирушка*“). Въ соотвѣтствіи съ преобладающимъ бодрымъ жизнерадостнымъ настроеніемъ своей поэзіи, Кольцовъ ос бенно охотно влагаетъ свои пѣсни въ уста „удалого доб молодца“, представляющаго собой также типичную фигу народныхъ пѣсенъ и сказокъ.

Типъ удальца.

Иногда это просто—любимецъ счастья, человѣкъ, ко рый „въ сорочкѣ родился“, которому во всемъ удача, ко рый живетъ себѣ припѣваючи, ничего не дѣлая („*Перв пѣсня лихача-кудрявича*“). Болѣе симпатиченъ другой ти —человѣка сильнаго, смѣлаго, бодраго, полагающагося столько на судьбу, сколько на собственныя силы. Такого ч ловѣка и горе не сломитъ, онъ не склонится безвольно п редъ судьбой, а будетъ бороться за свое счастье. Таков напр., добрый молодецъ въ пѣснѣ: „*Косарь*“; полюбила ему Груня, дочка старосты, и ей онъ пришелся по серд да отецъ упрямится, не хочетъ выдавать ее за бѣдняка,— болитъ сердце молодца, но не падаетъ онъ духомъ:

Я куплю себѣ
Косу новую,
Отобью ее,
Наточу ее—
И прости-прощай,
Село родное!

Съ думой бодрою, съ косой новою, пойдетъ онъ въ зовыя степи; тамъ онъ будетъ работать и накопитъ дене чтобы „разжалобить“ упрямаго старосту „золотой казно

Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась!
Къ морю Черному
Понадвинулась.
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной
Вдоль и поперекъ
Съ ней хотѣлося...
Раззудись плечо!
Размахнись рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ, съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава
Подкошенная,
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!..

Вообще всѣ симпатіи Кольцова клонятся къ личности сильной и смѣлой, полной бодрости и жизнерадостности, умѣющей легко сносить всякое горе. Поэтъ высказываетъ желаніе, чтобы и у него самого было достаточно внутренней силы—

Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать;
И чтобъ съ горемъ въ пиру
Быть съ веселымъ лицомъ;
На погибель итти—
Пѣсни пѣть соловьемъ!

Типъ бѣдняка.

Однако на ряду съ мотивами свѣтлыми и бодрыми, встрѣчаются въ поэзіи Кольцова также и мотивы иного характера, внушенные нуждою и горемъ („*Раздумье селянина*“, „*Доля бѣдняка*“). На ряду съ типомъ удальца—добра молодца, встрѣчается у него типъ несчастнаго бѣдняка-горемыки, которому ни въ чемъ нѣтъ удачи и радости, котораго повсюду преслѣдуетъ судьба („*Вторая пѣсня лихача-кудрявича*“). Въ изображеніи этой безпощадной судьбы сказывается у Кольцова народное представленіе о „горѣ-злосчастьѣ“, какъ о какой-то злой и враждебной человѣку силѣ, которая—

Ходитъ невидимкой,
Губитъ безъ разбора:
Отъ ея напасти
Не уйти на лыжахъ:
Въ чистомъ полѣ найдетъ,
Въ темномъ лѣсѣ сыщетъ.

Чуешь только сердцемъ:
Придетъ, сядетъ рядомъ,
Объ руку съ тобою
Пойдетъ и поѣдетъ...

Любовь и бракъ въ пѣсняхъ Кольцова.

Весьма значительную группу среди пѣсенъ Кольцова составляютъ пѣсни *любовныя*. Въ нихъ отразилась как счастливая любовь, полная силы, страсти и огня („Въ пол вѣтеръ вѣетъ...“, „Такъ и рвется душа...“, „Послѣдній по цѣлуй“ „Молодая женщина“), такъ и любовь несчастная, съ е горемъ и страданіями, происходящими отъ нераздѣленнаг чувства, отъ разлуки или потери любимаго существа, ил отъ сознанія роковой невозможности соединить съ нимъ сво судьбу, увѣнчать любовь бракомъ („Разлука“, „Не шуми ты рожь...“, „Не на радость, не на счастіе...“, „Измѣна суже ной“, „Кольцо“, „Грусть дѣвушки“). Но и бракъ не всегд соединенъ бываетъ со счастіемъ. Однимъ изъ наиболѣе ча стыхъ мотивовъ народныхъ пѣсенъ являются жалобы жен щины на несчастный бракъ, на то, что ее противъ воли вы дали „за немилова—мужа старова“; встрѣчаются такія пѣсн и у Кольцова („Ахъ, зачѣмъ меня силой выдали...“, „Без ума, безъ разума...“).

Такимъ образомъ въ большинствѣ своихъ пѣсенъ Коль цовъ пользовался мотивами, взятыми изъ народной поэзіи но онъ сумѣлъ этимъ *типическимъ* мотивамъ придать осо бенную силу и высшую художественную обработку, благо даря чему пѣсни его, не утрачивая ничего изъ своей *народ ности*, пріобрѣтаютъ въ то же время *общечеловѣческое* зна ченіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ пѣсни Кольцова, раскрывая перед образованнымъ обществомъ богатство силъ и чувствъ, тая щихся въ груди простого, необразованнаго человѣка, ока зали свою долю вліянія на пробужденіе интереса къ народ ной жизни, который со второй половины 40-хъ годовъ яв ственно обнаруживается въ русской литературѣ, въ произве деніяхъ такихъ писателей, какъ Тургеневъ и Григоровичъ

Думы.

Кромѣ пѣсенъ, Кольцовъ писалъ еще такъ называемы *думы*. Это—стихотворенія, большей частью философскаго ха рактера, въ которыхъ поэтъ останавливается на высшихъ міровыхъ вопросахъ („Великая тайна“, „Божій міръ“, „Не разгаданная истина“). Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ *думъ* отра

зилось вліяніе Гегеліанскихъ идей, съ которыми Кольцовъ познакомился, хотя и очень поверхностно, черезъ своихъ столичныхъ друзей, преимущественно черезъ Бѣлинскаго, въ эту пору какъ разъ переживавшаго эпоху безусловнаго увлеченія идеалистической философіей („Царство мысли", „Поэтъ"). Всѣ эти *думы* въ художественномъ отношеніи стоятъ гораздо ниже пѣсенъ Кольцова, такъ какъ въ нихъ онъ берется за несродный ему и недостаточно знакомый предметъ. Удачное исключеніе представляютъ собой лишь тѣ *думы*, въ которыхъ Кольцовъ не ставитъ себѣ сложныхъ философскихъ вопросовъ, а просто отдается нахлынувшимъ мыслямъ; таковы: „*Могила*", „*Молитва*" и знаменитый „*Лѣсъ*", посвященный памяти Пушкина и символически изображающій какъ его судьбу, такъ и судьбу всякой сильной, выдающейся личности, сломленной темными силами зависти и злобы, побѣжденной не бурей-грозой, а „безвременьемъ"— „черной осенью...".

Глава VI-я.

Гоголь.

Гоголь, на ряду съ Пушкинымъ, является основателемъ русской національной литературы. По характеру своей дѣятельности и по содержанію своихъ произведеній оба эти великіе писатели рѣзко отличаются другъ отъ друга. Пушкинъ—*чистый художникъ*, для котораго искусство служитъ цѣлью само-по-себѣ,—натура свѣтлая, уравновѣшенная, умѣющая во всякой дѣйствительности находить прекрасныя стороны и потому вызывающая въ насъ чувство примиренія съ жизнью и людьми. Гоголь—*художникъ-моралистъ*, по направленію своего творчества,—и *юмористъ-сатирикъ* по его основному характеру: какъ сатирикъ, онъ подмѣчаетъ въ жизни преимущественно ея *темныя, отрицательныя стороны*, осмѣивая своимъ скорбнымъ смѣхомъ, „смѣхомъ сквозь слезы", печальныя язвы дѣйствительности и призывая этимъ путемъ людей къ нравственному исправленію.

Дѣятельность Гоголя имѣла громадное вліяніе на все дальнѣйшее развитіе русской литературы, которая послѣ него получаетъ строго *реалистическій* характеръ. Воспроизводя окружающую дѣйствительность, со всѣми ея мелочами, во всей ея будничности, рисуя по преимуществу фигуры типическія, обыденныя, Гоголь далъ прекрасные образцы высоко-художественнаго и въ то же время глубоко-правдиваго изображенія жизни. Правда, и до Гоголя въ русской литературѣ явственно обнаружилось тяготѣніе въ сторону реализма: въ произведеніяхъ Крылова, Грибоѣдова, Пушкина и даже еще ранѣе зачатки его уже встрѣчаются у Фонвизина и Новикова; это стремленіе къ простому и трезвому воспроизве-

денію дѣйствительности стоитъ, очевидно, въ ближайшей связи съ особенностями національнаго душевнаго склада, съ присущимъ ему стремленіемъ къ простотѣ и правдѣ. Такимъ образомъ заслуга Гоголя заключается *не въ томъ, что онъ внесъ реализмъ* въ русскую литературу, а въ томъ, что онъ *утвердилъ* его господство въ ней и такимъ путемъ содѣйствовалъ тѣснѣйшему сближенію литературы съ жизнью.

Біографія Гоголя.

Николай Васильевичъ Гоголь родился 20 марта 1809 года въ Полтавской губерніи (въ селѣ Сорочинцахъ). Раннее дѣтство его прошло въ имѣніи его родителей, Васильевкѣ. Отецъ его происходилъ изъ стараго казацкаго рода; онъ былъ человѣкъ мягкій, добродушный, одаренный юмористической жилкой и даже не лишенный литературнаго дарованія; для домашняго театра онъ написалъ нѣсколько комедій изъ малороссійской народной жизни, отличавшихся наблюдательностью и остроуміемъ; впрочемъ особеннаго вліянія на сына онъ оказать не могъ, такъ какъ умеръ рано. Мать Гоголя была женщина очень добрая, очень религіозная и впечатлительная до болѣзненности: отъ нея Гоголь могъ унаслѣдовать тонкую и сложную душевную организацію и глубокую религіозность, всегда отличавшую его въ жизни. Семья Гоголя.

Первоначальное образованіе Гоголь получилъ дома, подъ руководствомъ наемнаго семинариста; десяти лѣтъ отъ роду онъ поступилъ въ Полтавскую гимназію, но черезъ два года перешелъ въ только что основанную въ Нѣжинѣ гимназію высшихъ наукъ, учрежденную кн. Безбородко. Первое время онъ очень тосковалъ по горячо любимой матери и родному дому. Съ товарищами онъ сближался мало, за исключеніемъ двухъ-трехъ друзей, знакомыхъ ему еще до поступленія въ гимназію. Въ дѣлѣ ученія онъ не отличался ни прилежаніемъ, ни успѣхами, такъ что преподаватели считали его мальчикомъ заурядным и мало способнымъ. Такимъ образомъ онъ изъ гимназическаго курса вынесъ очень мало знаній; нѣкоторую склонность онъ выказалъ только къ занятіямъ исторіей. Зато очень рано въ немъ развивается интересъ къ искусству: онъ охотно занимается рисованіемъ и очень Нѣжинская гимназія.

увлекается театромъ, который, съ разрѣшенія начальств
Увлеченіе театромъ и литературой.
былъ устроенъ учениками гимназіи. На представленія, д
ваемыя гимназистами, собиралось все городское общество; н
нихъ Гоголь, по преданію, особенно отличался въ комических
роляхъ, даже женскихъ: такъ, напр., очень удавалась ем
роль госпожи Простаковой въ „Недорослѣ“. Къ этой же эп
хѣ относятся и его первые литературные опыты: вмѣстѣ с
нѣсколькими товарищами Гоголь задумалъ издавать журнал
„Звѣзда“, въ которомъ помѣщалъ различные статьи, ра
сказы и даже стихотворенія. Въ разсказахъ своихъ Гого
стремился подражать господствовавшему тогда романтизм
преимущественно повѣстямъ Марлинскаго, и писалъ въ п
вышенномъ искусственномъ тонѣ; такова была, напр., его ист
рическая повѣсть „Братья Твердиславичи“. Но порою и в
этихъ первыхъ опытахъ прорывалось его комическое даров
ніе, напр., въ сатирическихъ очеркахъ: „Нѣчто о Нѣжин
или дуракамъ законъ не писанъ“, въ которыхъ онъ изобр
зилъ различныя сословія нѣжинскихъ жителей. Но всѣ эт
ранніе литературные опыты Гоголя до насъ не дошли.

Планы и настроеніе.
Несмотря на эти занятія литературой, Гоголь въ эту эпо
вовсе не думалъ о томъ, чтобы посвятить себя писательству. Хо
онъ, по собственному признанію, рано началъ мечтать о томъ, ч
онъ сдѣлается человѣкомъ извѣстнымъ, что его ожидаетъ обши
ный кругъ дѣйствій, однако онъ думалъ, что все это дастъ ем
государственная служба. Однако онъ видѣлъ въ службѣ не сре
ство личнаго возвышенія, а способъ приносить общую польз
мысль о службѣ неразрывно связывалась у него съ мечтой о *сл*
женіи общественному благу. Смутно чувствуя въ душѣ своей б
гатый запасъ силъ, но не найдя еще своего истиннаго призвані
Гоголь очень рано сталъ нѣсколько свысока смотрѣть на всѣх
окружающихъ; въ письмѣ къ одному пріятелю онъ называетъ ж
телей Нѣжина жалкими „существователями“, забывшими о высоком
назначеніи человѣка, и ужасается при мысли, что „судьба зашвы
нетъ его вмѣстѣ съ самодовольной чернью въ самую глубь н
чтожности“. Такимъ образомъ высокое мнѣніе о себѣ и о своем
призваніи зарождается у Гоголя еще во время его пребыванія в
школѣ.

Передъ выпускными экзаменами Гоголю пришлось ус
ленно заниматься для того, чтобы хотя отчасти заполни
пробѣлы въ своихъ знаніяхъ. Въ іюнѣ 1828 года онъ око
Гоголь въ Петербургѣ.
чилъ курсъ въ Нѣжинской гимназіи, а въ концѣ того ж
года поѣхалъ въ Петербургъ для того, чтобы поступить в

службу. Онъ отправился съ самыми радужными надеждами, думая, что ему удастся легко и быстро устроить свою личную судьбу и что сразу откроется передъ нимъ возможность широкой и плодотворной дѣятельности. Но дѣйствительность готовила ему цѣлый рядъ тяжелыхъ разочарованій. Несмотря на всѣ его хлопоты, ему долгое время не удавалось даже опредѣлиться на службу, и потому приходилось жить въ очень стѣсненныхъ матеріальныхъ условіяхъ. Такъ же неудачно было и начало его литературной дѣятельности: въ 1829 году онъ издалъ, подъ псевдонимомъ Алова, идиллію въ стихахъ: „*Ганцъ Кюхельгартенъ*“, но критика встрѣтила его первинку очень суровыми отзывами, и самолюбивый авторъ собралъ всѣ экземпляры своей книги и предалъ ихъ сожженію.

Неудачи и разочарованія.

Эти неудачи такъ подѣйствовали на впечатлительнаго Гоголя, что онъ рѣшился оставить Петербургъ и уѣхать за границу. Онъ ѣхалъ безъ всякаго опредѣленнаго плана, почти не зная иностранныхъ языковъ, съ небольшой только суммой денегъ. Поэтому, когда пароходъ вышелъ въ отрытое море, Гоголь началъ раскаиваться въ своемъ намѣреніи: пріѣхавъ въ Любекъ, онъ дождался только слѣдующаго срочнаго парохода и возвратился съ нимъ обратно въ Петербургъ. Эта кратковременная поѣздка почти не оставила по себѣ слѣда въ его памяти: только готическая архитектура, съ которой Гоголь познакомился въ Любекѣ, произвела на него довольно сильное впечатлѣніе, отразившееся впослѣдствіи въ его статьяхъ. По возвращеніи въ Петербургъ, Гоголь снова принялся искать себѣ мѣста. Наконецъ, ему удалось устроиться въ одномъ изъ департаментовъ: но мѣсто это было незначительное, занятія неинтересныя, такъ что Гоголь очень тяготился службой, служилъ неохотно и неаккуратно и даже нѣсколько разъ перемѣнялъ мѣста. Служба имѣла для него только то значеніе, что познакомила его съ жизнью и бытомъ мелкихъ петербургскихъ чиновниковъ, и своими наблюденіями надъ этимъ міромъ онъ воспользовался впослѣдствіи въ нѣкоторыхъ разсказахъ. Въ это время Гоголь сдѣлалъ попытку поступить на сцену, но и это ему не удалось.

Малороссійскіе разсказы.

Понятно, что при всѣхъ этихъ неудачахъ настроеніе Гоголя должно было быть очень тяжелымъ. Однако онъ не падалъ духомъ; его поддерживала, съ одной стороны, вѣра въ свои силы, въ свое высокое призваніе, впрочемъ неясное еще для него въ то время, а, съ другой стороны, глубокое религіозное чувство, благодаря которому онъ въ своихъ неудачахъ видѣлъ лишь испытанія, ниспосланныя ему Провидѣніемъ, своего рода жизненную школу. Въ тяжелыхъ обстоя-

тельствахъ жизни лучшей отрадой Гоголя были мечты о покинутой родинѣ, о Малороссіи. Поэтому онъ задумалъ написать нѣсколько разсказовъ изъ малороссійской жизни, изъ которыхъ и составилась впослѣдствіи его книга: „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“.

Знакомство съ литературнымъ кругомъ.

Литературныя занятія сблизили Гоголя съ нѣкоторыми изъ современныхъ писателей. Онъ помѣстилъ нѣсколько небольшихъ статей и отрывковъ въ изданіяхъ Дельвига („Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ и „Литературной Газетѣ“); Дельвигъ познакомилъ его съ Жуковскимъ и Плетневымъ, которые очень радушно приняли молодого, талантливаго литератора и помогли ему устроить свое положеніе. Плетневъ, бывшій въ то время инспекторомъ Патріотическаго института, доставилъ ему мѣсто преподавателя исторіи въ этомъ институтѣ и частные уроки въ нѣкоторыхъ аристократическихъ домахъ. Наконецъ, весной 1831 года, Гоголь познакомился и съ Пушкинымъ, который незадолго до этого времени женился и поселился въ Царскомъ Селѣ, гдѣ жилъ и Гоголь. Сближеніе Гоголя съ Пушкинымъ и его друзьями имѣло для него громадное значеніе. До сихъ поръ Гоголь вращался въ тѣсной сферѣ своихъ школьныхъ товарищей и мелкихъ петербургскихъ чиновниковъ; теперь онъ вступилъ въ кружокъ высоко-образованныхъ и развитыхъ лицъ, стоявшихъ головой выше окружающаго общества и во главѣ современной литературы. Общеніе съ этими людьми оказало большое вліяніе на развитіе Гоголя: кругозоръ его расширился, литературные вкусы и взгляды его опредѣлились, онъ сознательнѣе началъ относиться къ литературнымъ явленіямъ и къ собственному призванію. Пушкинъ своими замѣчаніями и совѣтами уяснилъ Гоголю сущность его дарованія и указалъ истинную дорогу его таланту, который заключался въ способности вѣрно наблюдать и мѣтко изображать обычную, будничную дѣйствительность.

Гоголь и Пушкинъ.

Самъ Пушкинъ въ это время окончательно освободился отъ всякихъ постороннихъ вліяній и вступилъ на путь художественнаго реализма, и своимъ примѣромъ, еще болѣе чѣмъ теоретическими указаніями, дѣйствовалъ на Гоголя. Гоголь издавна благоговѣлъ передъ Пушкинымъ и восторгался не только такими произведеніями его, какъ „Евгеній Онѣгинъ“ и „Борисъ Годуновъ“ (о „Бор. Год.“ онъ даже написалъ статью тотчасъ послѣ выхода его въ свѣтъ),

но и второстепенными его произведеніями, какъ „Домикъ въ Коломнѣ“, въ которомъ онъ особенно восхищался тѣмъ, что тамъ „вся Коломна и петербургская природа какъ живая“. Впослѣдствіи Пушкинъ далъ Гоголю сюжеты для его лучшихъ произведеній: „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“. Гоголь сообщалъ Пушкину о всѣхъ своихъ литературныхъ планахъ и, какъ онъ самъ говорилъ, ничего не предпринималъ безъ его вѣдома и одобренія. До конца жизни онъ сохранилъ благоговѣйное воспоминаніе о Пушкинѣ; смерть поэта страшно поразила его: „моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ“, писалъ онъ по этому поводу одному изъ друзей. Но онъ не только любилъ Пушкина, какъ человѣка и поэта, но глубоко понималъ его историческое и національное значеніе, что видно изъ его статей и отзывовъ о Пушкинѣ, котораго онъ умѣлъ вѣрно оцѣнить еще въ то время, когда критика и публика увлекались произведеніями Марлинскаго и Кукольника и видѣли въ нихъ высшую ступень искусства.

Въ 1831 году, вскорѣ послѣ знакомства съ Пушкинымъ, вышелъ въ свѣтъ 1-ый томъ *„Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“*. По совѣту Плетнева, Гоголь выпустилъ свою книгу подъ псевдонимомъ „пасичника Рудаго Панька“, чтобы предохранить себя отъ нападковъ критики. Пушкинъ встрѣтилъ книгу Гоголя очень сочувственнымъ отзывомъ: „вотъ истинная веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства и чопорности! и мѣстами какая поэзія, какая чувствительность!“ писалъ онъ. Среди публики „Вечера“ также имѣли значительный успѣхъ, такъ что Гоголь рѣшился продолжать писать въ томъ же духѣ и издалъ въ слѣдующемъ же году 2-ой томъ. Вечера на хуторѣ.

Слѣдующіе годы, вплоть до отъѣзда за границу, были лучшимъ и наиболѣе свѣтлымъ временемъ его жизни. Онъ былъ здоровъ, достигъ нѣкоторой матеріальной обезпеченности и независимости, вращался въ кругу выдающихся и симпатичныхъ ему людей, пользовался извѣстностью и почетомъ. Единственнымъ непріятнымъ эпизодомъ за это время была его попытка сдѣлаться профессоромъ, окончившаяся полной неудачей. Взявшись за преподаваніе исторіи въ институтѣ, Гоголь заинтересовался этой наукой, которою онъ занимался еще въ гимназіи. Особенно его привлекала къ себѣ исторія Малороссіи и эпохи среднихъ вѣковъ. Онъ задумалъ даже создать въ этой области обширный научный трудъ, въ нѣсколькихъ томахъ, и даже объявилъ въ газетахъ, что пишетъ исторію Малороссіи, и просилъ высылать ему подходящіе

Гоголь-профессоръ.

матеріалы. Въ связи съ этими научными планами, Гоголь задумалъ занять каѳедру исторіи въ университетѣ; это ему и удалось при помощи его вліятельныхъ друзей. Однако Гоголь вовсе не былъ подготовленъ къ профессурѣ: общее образованіе его, ограничивавшееся тѣмъ немногимъ, что онъ вынесъ изъ Нѣжинской гимназіи, было слишкомъ незначительно; кромѣ того, по характеру своему онъ не былъ способенъ къ правильнымъ методическимъ занятіямъ и эти занятія могли только мѣшать его художественному творчеству; наконецъ, онъ даже плохо былъ знакомъ съ иностранными языками, такъ что не могъ знакомиться съ богатой исторической литературой Западной Европы. Одного интереса къ исторіи было недостаточно для успѣшнаго хода дѣла. Гоголь прочелъ блестящую вступительную лекцію объ общемъ характерѣ среднихъ вѣковъ (она была напечатана въ „Арабескахъ"), но слѣдующія же лекціи сильно разочаровали его слушателей, среди которыхъ находился и И. С. Тургеневъ. Гоголь читалъ вяло и неинтересно, къ лекціямъ не готовился, часто ихъ пропускалъ и, видимо, тяготился своей службой. Такимъ образомъ скоро выяснилось, что Гоголь вовсе не подходилъ къ занятой имъ должности, и онъ черезъ годъ принужденъ былъ ее оставить. Съ этого времени онъ болѣе уже не вступалъ на государственную службу и всецѣло отдался литературной дѣятельности, на которую впрочемъ онъ также смотрѣлъ, какъ на особую форму „служенія" государству и обществу.

Литературная дѣятельность.

Во время своей педагогической и профессорской дѣятельности Гоголь не оставлялъ однако и занятій литературой, подчиняясь внутренней потребности художественнаго творчества. Произведенія свои, написанныя за это время, онъ издалъ (въ началѣ 1835 г.) въ видѣ двухъ сборниковъ, подъ названіемъ: „*Арабески*" и „*Миргородъ*". Въ „Миргородѣ" была помѣщена между прочимъ и первая крупная вещь Гоголя, повѣсть „*Тарасъ Бульба*", явившаяся результатомъ изученія малороссійской старины. Въ „Арабескахъ", кромѣ нѣсколькихъ разсказовъ, напечатаны были и научныя статьи Гоголя разнообразнаго содержанія (о среднихъ вѣкахъ, о поэзіи Пушкина, о малороссійскихъ пѣсняхъ, объ архитектурѣ и др.).

Ревизоръ.

Въ 1835 году Гоголь написалъ свою знаменитую комедію „*Ревизоръ*". Сюжетъ ея былъ данъ ему Пушкинымъ. Такъ

какъ въ ней съ невыгодной стороны было изображено провинціальное чиновничество, то разныя вліятельныя лица, чувствовавшія себя задѣтыми сатирой Гоголя, стали хлопотать, чтобы постановка ея была запрещена, подъ тѣмъ предлогомъ, что изображеніе порочныхъ и недостойныхъ чиновниковъ роняетъ уваженіе къ власти вообще. Только благодаря покровительству императора Николая Павловича, который не только разрѣшилъ комедію, но и самъ присутствовалъ на первомъ представленіи, „*Ревизоръ*“ былъ поставленъ на сцену, весною 1836 года (19-го апрѣля). Однако постановка комедіи не оправдала надеждъ автора. Съ одной стороны, онъ былъ недоволенъ игрою актеровъ, которые представляли нѣкоторыхъ лицъ въ грубо-карикатурномъ видѣ (напр., Хлестакова), съ другой стороны и публика, не привыкшая видѣть на сценѣ реальное воспроизведеніе дѣйствительной жизни, не оцѣнила сразу серьезнаго общественнаго значенія комедіи и смотрѣла на нее лишь какъ на веселый фарсъ; наконецъ, литературные враги Гоголя (Булгаринъ, Сенковскій и др.), а также и та часть публики, которая чувствовала себя задѣтой обличеніемъ пороковъ и недостатковъ изображаемой среды, громко негодовала на Гоголя и его комедію, выставляя противъ него даже ложное обвиненіе, будто своею комедіей Гоголь хотѣлъ подорвать уваженіе къ власти, поколебать ея авторитетъ. Все это дѣйствовало на Гоголя самымъ угнетающимъ образомъ; имъ овладѣло чувство глубокаго разочарованія: отдѣльные сочувственные отзывы его друзей и лицъ, сразу понявшихъ дѣйствительное значеніе комедіи, не могли разсѣять этого тяжелаго чувства.

Настроеніе Гоголя послѣ постановки комедіи.

Первоначально Гоголь предполагалъ поѣхать въ Москву, чтобы тамъ самому слѣдить за постановкой своей комедіи на сценѣ, но подъ вліяніемъ овладѣвшей имъ апатіи онъ отказался отъ этого намѣренія. Знаменитому московскому комическому артисту Щепкину, исполнявшему въ „Ревизорѣ“ роль городничаго, онъ писалъ, въ отвѣтъ на приглашеніе его поспѣшить пріѣздомъ въ Москву: „Дѣлайте, что хотите съ моей піесой, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она сама надоѣла такъ же, какъ и хлопоты о ней. Дѣйствіе, произведенное ею, было большое и шумное. Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на піесу; на четвертое представле-

ніе нельзя достать билетовъ. Если бы не высокое заступничеств государя, піеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находи лись люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я знаю, что зна читъ быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій призракъ истины— и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія"

Подъ вліяніемъ этихъ тяжелыхъ чувствъ и впечатлѣній у Гоголя созрѣло рѣшеніе надолго уѣхать изъ родины, чтоб вдали отъ нея отдохнуть отъ пережитыхъ волненій и на сво бодѣ обдумать свои новые труды. „Ѣду за границу, писал онъ одному изъ своихъ друзей (историку Погодину), там размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мо соотечественники. Писатель современный, писатель комиче скій, писатель нравовъ долженъ подальше быть отъ свое родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ"...

Отъѣздъ за границу.

Въ такомъ тяжеломъ настроеніи Гоголь выѣхалъ за гра ницу (въ іюнѣ 1836 г.). Съ этого времени начинается эпох его заграничной жизни, которая съ нѣкоторыми перерывам продолжается двѣнадцать лѣтъ (до 1848 г.). Проѣхавъ через Германію, Гоголь поселился на нѣкоторое время въ Швей царіи, на берегу Женевскаго озера.

Швейцарская природа не произвела на него особенн сильнаго впечатлѣнія. „Все виды, да виды, — писалъ он одному пріятелю, — такіе, что мнѣ уже отъ нихъ становитс тошно, и если бы мнѣ попалось теперь наше плоское рус ское мѣстоположеніе, съ бревенчатою избою и сѣреньким небомъ, то я бы въ состояніи имъ восхищаться какъ новымъ" Впрочемъ Гоголь и не ѣздилъ за границу въ качествѣ празд наго туриста, для того только, чтобы наслаждаться природо и жизнью. Онъ хотѣлъ лишь отдохнуть душою отъ пере житыхъ волненій и на свободѣ отдаться творческой работѣ

Работа надъ Мертвыми Душами.

Поэтому вскорѣ послѣ прибытія въ Швейцарію онъ принялс за *„Мертвыя Души"*, сюжетъ которыхъ данъ былъ ему Пуш кинымъ и которыя были начаты имъ еще въ Россіи.—Эту ж работу Гоголь продолжалъ и въ Парижѣ, гдѣ онъ провел цѣлую зиму. Здѣсь, вдали отъ родины, ему еще яснѣе пред ставлялась картина родной дѣйствительности, въ ея типич ныхъ проявленіяхъ, которыхъ теперь не заслоняла перед нимъ пестрая суета вседневной жизни. „Мнѣ совершенн кажется,—писалъ онъ въ одномъ письмѣ,—какъ будто я в Россіи: передо мною все наше, наши помѣщики, наши чи

новники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, — словомъ, вся православная Русь". Гоголь былъ доволенъ своимъ трудомъ, планъ котораго постепенно разрастался настолько, что, по словамъ самого Гоголя, вся Русь должна была явиться въ немъ. Шумная парижская жизнь не отвлекала его отъ работы, такъ какъ Гоголь вообще довольно мало интересовался политическими и общественными дѣлами и не искалъ знакомства съ современными французскими политическими и литературными дѣятелями, проводя свободное время въ кругу нѣсколькихъ русскихъ знакомыхъ; только театръ французскій привлекъ его вниманіе, и онъ съ похвалой отзывается объ игрѣ артистовъ.—Въ концѣ своего пребыванія въ Парижѣ Гоголь получилъ извѣстіе о смерти Пушкина; извѣстіе это страшно поразило его. „Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ,—писалъ онъ по этому поводу.—Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собой только Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки,—мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. Ничего не предпринималъ, ничего не писалъ я безъ его совѣта. И теперешній трудъ мой (т.-е. „Мертвыя Души") есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ"... „О, Пушкинъ, Пушкинъ! Какой прекрасный сонъ удалось мнѣ видѣть въ жизни, и какъ печально было мое пробужденіе!" восклицалъ онъ въ другомъ письмѣ. Смерть Пушкина.

Только переѣздъ въ Италію, гдѣ онъ поселился съ весны 1837 года, смягчилъ горечь понесенной имъ утраты. Италія съ ея роскошной южной природой, съ ея памятниками искусства, съ ея величественными историческими воспоминаніями, произвела на него чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Нигдѣ Гоголь не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ подъ итальянскимъ небомъ; всѣ отзывы его объ Италіи проникнуты неподдѣльнымъ восторгомъ; онъ даже называлъ эту страну своею „второй родиной" и находилъ въ итальянской жизни сходство съ роднымъ малороссійскимъ бытомъ. — Особенно полюбился ему Римъ. Какъ художникъ, онъ наслаждался красотою „вѣчнаго города" и памятниками искусства, собранными въ немъ, изучалъ его достопримѣчательности и нигдѣ не жилъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ именно въ Римѣ. Вообще первые три года пребыванія за границей являются однимъ изъ наиболѣе свѣтлыхъ періодовъ въ жизни Гоголя; объ этомъ свидѣтельствуетъ его переписка того времени, Гоголь въ Римѣ.

проникнутая жизнерадостнымъ настроеніемъ, веселостью и остроуміемъ. Онъ находился въ расцвѣтѣ силъ; творчество его также достигло высшей ступени развитія: здѣсь, въ Римѣ онъ окончилъ свое главное произведеніе: „Мертвыя Души“.

Но любовь къ Италіи и къ Риму нисколько не ослабляла въ Гоголѣ глубокаго чувства любви къ родинѣ. Въ отвѣтъ на упрек въ отчужденіи онъ писалъ одному изъ друзей: „Я живу около года въ чужой землѣ, вижу прекрасныя небеса, міръ, богаты искусствами и человѣкомъ; но развѣ перо мое принялось описывать предметы, могущіе поразить каждаго? Ни одной строки не могъ посвятить чуждому. Непреодолимою цѣпью прикованъ я къ своему и нашъ бѣдный, не яркій міръ нашъ, наши курныя избы, обнаженныя пространства предпочелъ я небесамъ лучшимъ, привѣтливо глядѣвшимъ на меня! И я ли могу послѣ этого не любить свое отчизны?“ Объ этой любви къ родинѣ свидѣтельствуетъ также то обстоятельство, что и въ Римѣ Гоголь большею частью вращался въ кругу русскихъ; особенно сблизился онъ съ художникомъ Ивановымъ, который въ это время работалъ надъ своей знаменитой картиной: „Явленіе Христа народу“.

Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, проведенныхъ за границей Гоголь только дважды, на нѣсколько мѣсяцевъ, пріѣзжалъ въ Россію: одинъ разъ (въ 1839—40 гг.) по семейнымъ дѣламъ, другой (въ 1841—42 гг.) для печатанія I-го тома „Мертвыхъ Душъ“. Послѣ своего перваго путешествія въ Россію Гоголь на возвратномъ пути заболѣлъ (въ 1840 г. въ Вѣнѣ) настолько серьезно, что ожидалъ смерти и даже составилъ духовное завѣщаніе. Эта болѣзнь оказала сильное вліяніе на всю дальнѣйшую жизнь Гоголя, она потрясла его тѣлесный организмъ, который и раньше не отличался особенной крѣпостью; онъ сталъ чувствовать упадокъ физическихъ силъ, часто болѣлъ и принужденъ былъ безпрестанно лѣчиться, переѣзжая изъ одного курорта въ другой. При этомъ Гоголю приходилось жить въ очень неблагопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ, такъ какъ у него не было никакихъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію, такъ что ему приходилось разсчитывать лишь на великодушную помощь Государя, нѣсколько разъ назначавшаго ему денежное пособіе, и на своихъ друзей, какъ Жуковскій, Аксаковы и др.

Болѣзнь 1840-го года.

Перемѣна настроенія.

Разстройство здоровья тяжело отразилось также на характерѣ Гоголя и на всемъ его духовномъ существѣ. Прежняя беззаботная веселость исчезла и все чаще овладѣвало им

рачное настроеніе. Онъ начинаетъ сомнѣваться въ пользѣ и ѣлесообразности своей прежней литературной дѣятельности, суждаетъ свои лучшія произведенія, какъ несовершенныя грѣховныя. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Гоголѣ усиливается склонность къ мистицизму, задатки котораго были въ немъ и аньше. Онъ начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на избранника Божьяго, долженствующаго повѣдать людямъ великія истины, сравниваетъ себя со „старою полуразбитою вазой, наполненной драгоцѣннымъ содержаніемъ". Письма его къ рузьямъ все болѣе принимаютъ тонъ проповѣдей и поучеій на моральныя темы. Эта черта: *стремленіе поучать* и роповѣдывать, замѣчалась въ немъ и раньше, но теперь она тановится преобладающей.

Соотвѣтственнымъ образомъ измѣняется и направленіе го художественнаго творчества: пользуясь свѣтлыми промекутками между приступами болѣзни, онъ усердно работаетъ адъ продолженіемъ „Мертвыхъ Душъ", но теперь уже онъ тавитъ себѣ задачей изображеніе характеровъ положительыхъ и идеальныхъ для того, чтобы поставить передъ глаами русскаго общества рядъ воспитательныхъ примѣровъ. Но Гоголь не справился со своей задачей. Во-первыхъ, дароаніе Гоголя было по преимуществу сатирическое, и потому му лучше всего удавалось изображеніе типовъ отрицательыхъ; во-вторыхъ, болѣзнь, подтачивавшая тѣлесное и дуевное здоровье Гоголя, ослабила и его творческія способости: въ письмахъ своихъ онъ часто жалуется на „душевое одеревенѣніе", на отсутствіе мыслей, на неспособность ь работѣ; наконецъ, долголѣтнее отсутствіе изъ Россіи, единенная жизнь и углубленіе въ самого себя, въ свой утренній міръ, разобщили его съ русской дѣйствительстью, а Гоголь, по собственному призванію, могъ хорошо ображать лишь то, что было ему извѣстно по собственнымъ, посредственнымъ наблюденіямъ. По этимъ причинамъ раота подвигалась съ большимъ трудомъ, и Гоголь, какъ взыательный художникъ, былъ недоволенъ ея результатами.

Перемѣна въ направленіи творчества.

Однако Гоголя томило желаніе высказать передъ русимъ обществомъ свои мысли и взгляды, сложившіеся въ мъ путемъ уединеннаго размышленія. Человѣкъ глубокоолигіозный, проникнутый стремленіемъ къ нравственному вершенствованію, Гоголь стремился подѣйствовать на своихъ

Переписка съ друзьями.

соотечественниковъ, и потому рѣшился выступить въ ново роли учителя-моралиста. Уже издавна въ немъ была склонност къ учительству и проповѣдничанію; съ годами и ростом его самоувѣренности эта склонность все увеличивалась, и ег письма къ друзьямъ получаютъ форму настоящихъ поученій Теперь, недовольный медленной работой надъ „Мертвым Душами“, онъ рѣшился въ иной формѣ выступить передъ ру скимъ обществомъ, подѣйствовать на него уже путемъ непо средственныхъ поученій. Для этого онъ издалъ въ 1847 год собраніе статей разнообразнаго содержанія, касавшихся вопро совъ религіозныхъ, нравственныхъ, общественныхъ и лите ратурныхъ, подъ заглавіемъ: *„Выбранныя мѣста изъ пер писки съ друзьями“*. Издавая эту книгу, Гоголь руководилс искреннимъ желаніемъ принести пользу обществу, послу жить общему благу. Онъ возлагалъ на нее очень больш надежды: ему казалось, что книга его произведетъ перев ротъ въ убѣжденіяхъ общества, откроетъ всѣмъ глаза н долгъ и истину, примиритъ враждующія партіи. Но Гогол пришлось и на этотъ разъ горько обмануться въ своихъ на деждахъ; книга его не только не произвела ожидаемаго дѣй ствія, но даже вызвала нареканія и нападки на автора. Даж близкіе друзья Гоголя, какъ, напр., Аксаковы, были нед вольны книгой, обвиняя Гоголя въ гордости и самоувѣрен ности. Общее мнѣніе сводилось къ тому, что Гоголь взял не за свое дѣло, такъ какъ захотѣлъ въ небольшой книжк разрѣшить сложные и запутанные вопросы, къ рѣшенію к торыхъ у него не было ни достаточныхъ знаній, ни подг товки [1]).

Неудача книги.

Общій характеръ «Переписки».

Причины неуспѣха, постигшаго „Выбранныя мѣста“, вполн понятны. Взгляды, которые высказывалъ здѣсь Гоголь, во многом рѣзко расходились со взглядами наиболѣе передовой части общ ства. Гоголь въ своей книгѣ выступилъ рѣшительнымъ консерв торомъ, защищая и оправдывая многія явленія тогдашней русск дѣйствительности, составлявшія настоящую язву общественн жизни, каково, напр., крѣпостное право; считая необходимымъ с

[1]) Лучшей статьей въ «Выбранныхъ мѣстахъ» является статья: «Н чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенност Въ этой статьѣ Гоголь выказалъ замѣчательную критическую прони тельность въ оцѣнкѣ старыхъ и новыхъ русскихъ писателей, умѣнье по мѣтить наиболѣе характерныя стороны каждаго и въ немногихъ слова дать вѣрное и точное опредѣленіе свойствъ и особенностей ихъ творчест и таланта.

храненіе власти и опеки помѣщиковъ надъ крестьянами, Гоголь находилъ также безполезнымъ и даже вреднымъ для народа образованіе и даже простую грамотность. Вообще вся книга Гоголя проникнута крайнимъ недовѣріемъ ко всякимъ новымъ вѣяніямъ въ области мысли, ко всякому прогрессу въ области политическихъ и общественныхъ отношеній. Для противниковъ Гоголя эти взгляды его казались чуть ли не отступничествомъ отъ прежнихъ убѣжденій, потому что въ немъ они привыкли видѣть смѣлаго и безпощаднаго разоблачителя старыхъ, дореформенныхъ порядковъ на Руси. Находились даже отдѣльные голоса, которые прямо обвиняли Гоголя въ неискренности, въ льстивомъ угодничествѣ изъ-за личныхъ интересовъ.

Однако, такія обвиненія совершенно несправедливы: Гоголь, несомнѣнно, думалъ сослужить своею книгой великую службу родинѣ, принести русскому обществу великую *нравственную* пользу.

Поэтому для правильной оцѣнки его книги необходимо принять во вниманіе то основное настроеніе, которымъ она проникнута и изъ котораго вытекаютъ всѣ ея руководящія идеи. Характеръ этого настроенія—чисто *религіозный*, а главная идея, проходящая черезъ всю книгу, заключается въ убѣжденіи, что самое важное въ жизни человѣческой есть „душа и дѣло душевное". Это *дѣло душевное* состоитъ въ приготовленіи человѣка къ загробному существованію. Вся жизнь земная есть школа, въ которой человѣкъ воспитывается для жизни вѣчной.

Воспитаніе должно заключаться въ *нравственномъ совершенствованіи*,—въ этомъ цѣль и задача всего существованія и этой основной цѣли должны быть подчинены всѣ остальныя. Отъ такого взгляда на задачу человѣческаго существованія все міросозерцаніе неизбѣжно должно было принять *аскетическій* характеръ: все въ жизни, кромѣ морально-религіозной задачи, несущественно или излишне, потому что нужно заботиться лишь о „единомъ на потребу", т.-е. о нравственномъ воспитаніи души, безъ котораго немыслимо душевное спасеніе.

При такомъ взглядѣ, всѣ *общественныя* проблемы естественно сводились къ единой *моральной* и притомъ личной задачѣ. Болѣе того, увлеченіе какими-либо общественными вопросами, стремленіе устроить лучше и счастливѣе временное, земное существованіе казалось Гоголю даже вреднымъ и опаснымъ, потому что отвлекало человѣка отъ той задачи, на которую должно было быть устремлено все его вниманіе, на задачу *вѣчнаго* спасенія,—а съ точки зрѣнія этой задачи, съ точки зрѣнія вѣчности, всѣ остальные вопросы земного существованія должны казаться совершенно ничтожными и безразличными.

Таковы главныя идеи, проникающія всю книгу Гоголя; онѣ не вездѣ ясно выражены, но повсюду составляютъ скрытую предпосылку, на основаніи которой онъ строитъ свои выводы, касающіеся того или другого вопроса.

Послѣдніе годы жизни.

Неудача, постигшая „Переписку“, была новымъ тяжким ударомъ для Гоголя, особенно послѣ тѣхъ преувеличенных надеждъ, которыя онъ возлагалъ на свою книгу. Сомнѣні въ своихъ силахъ смѣнило прежнюю самоувѣренность. Ег письма полны жалобъ на тѣлесныя и душевныя страданія Единственнымъ утѣшеніемъ была для него молитва. Его стал угнетать сознаніе своей грѣховности, страхъ смерти и мысл что онъ не сумѣлъ выполнить своего долга въ жизни. Вес ною 1848 года Гоголь отправился на богомолье въ Іеруса лимъ и оттуда вернулся въ Россію. Здѣсь онъ поселился н жительство въ Москвѣ, хотя временами жилъ въ Одессѣ, в Калугѣ (у своей близкой знакомой А. О. Смирновой) и матери, въ Полтавской губерніи. Онъ продолжалъ еще раб тать надъ продолженіемъ „Мертвыхъ Душъ“, но силы ег падали съ каждымъ годомъ. Мрачное настроеніе все болѣ овладѣвало Гоголемъ. Во время одного изъ приступовъ тако болѣзненной тоски онъ сжегъ однажды ночью рукопис „Мертвыхъ Душъ“, почти готовую для печати. Нѣсколь дней спустя, онъ скончался, 21 февраля 1852 года, въ Мо сквѣ. Похороненъ онъ былъ на Даниловскомъ кладбищѣ; н простомъ его памятникѣ вырѣзаны были слова пророка „Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся“.

Литературная дѣятельность Гоголя.

I. Вечера на хуторѣ близъ Диканьки.

Юношескіе опыты.

Литературная дѣятельность Гоголя началась еще въ Нѣжин ской гимназіи. Сюжеты для своихъ произведеній онъ бралъ, пови димому, главнымъ образомъ изъ украинской жизни и старины. От этихъ юношескихъ попытокъ не сохранилось ничего, кромѣ двух отрывковъ изъ историческаго романа, напечатанныхъ впослѣдстві въ „Арабескахъ“. Въ Нѣжинѣ же была начата Гоголемъ и ег поэма, или, какъ онъ ее самъ назвалъ, идиллія въ картинахъ „*Ганцъ Кюхельгартенъ*“, которую онъ издалъ вскорѣ послѣ пе реселенія въ Петербургъ. Поэма эта была произведеніемъ еще очень незрѣлымъ по формѣ и содержанію, и потому критика отне слась къ ней очень сурово. Этотъ приговоръ такъ подѣйствовал на самолюбіе Гоголя, что онъ тотчасъ же потребовалъ обратн розданные по книжнымъ лавкамъ экземпляры поэмы и предалъ их сожженію.

Ошибка Гоголя заключалась въ томъ, что онъ взялся за слиш

комъ сложный въ психологическомъ отношеніи сюжетъ (изображеніе столкновенія между юношескими мечтами и дѣйствительностью) и перенесъ мѣсто дѣйствія въ чужую, незнакомую ему среду (въ Германію). Наученный этимъ опытомъ, онъ затѣмъ сталъ брать сюжеты только изъ знакомой ему малороссійской жизни. Такимъ образомъ составился рядъ разсказовъ, изданныхъ имъ въ 1831 году подъ заглавіемъ: „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки".

Вечера на хуторѣ.

Въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки" изображена малороссійская народная жизнь, выведены народные типы. Содержаніе этихъ разсказовъ преимущественно фантастическое и основано на украинскихъ повѣріяхъ и сказаніяхъ. Обращеніе Гоголя къ малороссійскимъ сюжетамъ объясняется психологически еще тѣмъ, что онъ, изображая въ свѣтлыхъ краскахъ оставленную родину, тѣмъ самымъ хотѣлъ какъ бы забыться, развлечься среди лишеній и разочарованій, которыя ему пришлось испытывать въ Петербургѣ; въ тяжелыхъ условіяхъ петербургскаго существованія Гоголю было пріятно вспоминать объ Украйнѣ, и жизнь ея рисовалась въ его воображеніи самыми радужными красками.

Кромѣ этой частной психологической причины, была еще другая, болѣе общая; оказавшая вліяніе на Гоголя при выборѣ предмета: интересъ къ народной жизни и старинѣ, къ изученію народной поэзіи, стремленіе воспользоваться сюжетами и образами, выработанными народной фантазіей, для литературнаго творчества, *стремленіе къ народности въ творчествѣ*,—все это характерныя черты эпохи *романтизма* вообще. Поэтому, обращаясь къ изображенію народнаго быта малороссовъ, заимствуя сюжеты для своихъ разсказовъ изъ ихъ повѣрій и сказаній, Гоголь въ значительной мѣрѣ подчинялся общему теченію эпохи.

Источники.

Матеріаломъ для творческой работы послужили для Гоголя главнымъ образомъ собственныя наблюденія и воспоминанія, вынесенныя имъ изъ Украйны. Но Гоголь не ограничился этимъ личнымъ запасомъ и въ письмахъ къ матери неоднократно обращался къ ней съ просьбой присылать ему подробныя описанія малороссійскихъ обычаевъ, суевѣрій, старинныхъ костюмовъ, игръ, увеселеній и т. д. Присылаемыми матеріалами Гоголь пользовался съ большимъ искусствомъ, вставляя въ свое повѣствованіе отдѣльныя черты или цѣлыя описанія: напр., описаніе старинной свадьбы въ „Ве-

черѣ наканунѣ Ивана Купала". Кромѣ того, Гоголь просилъ присылать ему также и записи пѣсенъ и пользовался ими для того, чтобы придать своему разсказу отпечатокъ народности; такъ, напр., ясный отголосокъ народныхъ мотивовъ слышится въ жалобахъ Пидорки и Петра, разлученныхъ волею отца. Особенно много подобныхъ заимствованій народныхъ пѣсенныхъ образовъ и мотивовъ въ разсказѣ „Страшная Месть", самый языкъ котораго отличается пѣсеннымъ складомъ.

Фантастическій элементъ.

Фантастическій элементъ въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки" отличается большимъ разнообразіемъ. Одни изъ разсказовъ основаны на вѣрѣ въ сношеніе съ нечистою силой, какъ напр., „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала", гдѣ бѣднякъ Петро продаетъ свою душу дьяволу, для того, чтобы овладѣть заповѣднымъ кладомъ и жениться на Пидоркѣ. Подобные же клады фигурируютъ и въ разсказѣ „Заколдованное мѣсто". Въ другихъ разсказахъ выведены разныя фантастическія существа, созданныя народнымъ суевѣріемъ, напр., русалки въ „Майской Ночи", оборотни, вѣдьмы. Послѣднія особенно часто встрѣчаются у Гоголя, такъ какъ онѣ вообще играютъ большую роль въ народныхъ малороссійскихъ суевѣріяхъ: „кіевскія вѣдьмы" славятся по всей Россіи; подъ Кіевомъ же находится и знаменитая Лысая гора, на которую онѣ собираются для ночныхъ празднествъ, отправляясь туда черезъ трубу верхомъ на помелѣ, какъ Солоха въ „Ночи передъ Рождествомъ" [1]). Изображая эти созданія народной фантазіи, Гоголь строго придерживался обычныхъ народныхъ представленій о нихъ, не допуская въ ихъ традиціонномъ образѣ никакихъ произвольныхъ измѣненій. Такъ вѣдьмы изображены имъ злыми, завистливыми, кровожадными, какъ жена сотника въ „Майской Ночи", умѣющими „оборачиваться", превращаясь въ разныхъ животныхъ. Чортъ у Гоголя, такъ же какъ и въ народныхъ сказкахъ, обыкновенно играетъ комическую роль: несмотря на свою злобу и хитрость, онъ глупъ и всегда остается въ дуракахъ; человѣкъ заставляетъ его служить себѣ, какъ кузнецъ Вакула, и въ награду его же бьютъ и прогоняютъ съ позоромъ. Въ „Вечерахъ на хуторѣ"

---

[1]) Въ основу разсказа „Ночь передъ Рождествомъ" Гоголь положилъ народную малороссійскую сказку „О кузнецѣ и чортѣ".

разсѣяно также и много отдѣльныхъ чертъ, характеризующихъ суевѣрія украинскаго простонародья: примѣты, повѣрья, суевѣрные обряды (напр., выливаніе переполоха). Всѣ эти черты придаютъ его изображенію отпечатокъ народности.

Бытовой элементъ.

Кромѣ фантастическаго элемента въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“ есть еще и элементъ *бытовой*. Гоголь выводитъ здѣсь цѣлый рядъ малороссійскихъ народныхъ типовъ, описываетъ народные обычаи и увеселенія, напр., колядованіе, рисуетъ цѣлыя картины народной жизни, напр., сельскую ярмарку, со всей ея пестротой и движеніемъ. Всѣ эти бытовыя черты основаны отчасти на собственныхъ наблюденіяхъ и воспоминаніяхъ, отчасти на матеріалахъ, присланныхъ ему матерью (напр., описаніе старинной малороссійской свадьбы). Въ Гоголѣ уже рано началъ сказываться инстинктъ художника-реалиста, побуждавшій его заботиться о точности своихъ описаній, о вѣрности ихъ дѣйствительности.

Мужскіе и женскіе типы.

Выведенные Гоголемъ типы довольно разнообразны. Съ особенной симпатіей обрисовываетъ онъ молодыхъ парубковъ и дѣвушекъ. Въ характерѣ первыхъ онъ отмѣчаетъ смѣлость, безпечность, силу чувства; дѣвушки по характеру принадлежатъ къ двумъ типамъ: однѣ изъ нихъ отличаются поэтической нѣжностью, мягкою женственностью, какъ Пидорка (въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала“) и Ганна (въ „Майской ночи“), другія кокетливостью и самолюбіемъ, какъ Оксана. Въ изображеніи пожилыхъ казаковъ главная черта у Гоголя, это — упрямство, черта очень часто встрѣчающаяся у малороссовъ вообще. Эта черта очень бросается въ глаза въ характерѣ Чуба (въ „Ночи передъ Рождествомъ“), головы (въ „Майской ночи“), дѣда въ „Заколдованномъ мѣстѣ“). Другая обычная черта, это — гордость, высокое мнѣніе о себѣ; особенно ясно эта черта выступаетъ въ характерѣ головы; мимоходомъ Гоголь обрисовалъ здѣсь и его отношеніе къ подвластнымъ, о которомъ можно судить, напр., по его распоряженію доставить ему на домъ, по случаю пріѣзда комиссара, съ каждой хаты по цыпленку и по штукѣ полотна. Гоголь рисуетъ старыхъ казаковъ очень лѣнивыми, напр., Чуба и Пацюка, который настолько облѣнился, что даже для ѣды не хочетъ пошевельнуть рукою. Но въ нужныя минуты они обнаруживаютъ находчивость и присутствіе духа, какъ старый дѣдъ

въ „Заколдованномъ мѣстѣ“. Что касается до старухъ, т Гоголь обыкновенно изображаетъ ихъ сварливыми, придир чивыми, охочими до сплетенъ.—Главный недостатокъ въ изо браженіи большинства выведенныхъ лицъ заключается в отсутствіи рѣзкихъ индивидуальныхъ чертъ въ ихъ характерѣ они слишкомъ типичны, слишкомъ похожи другъ на друга Другой недостатокъ заключается въ нѣкоторой идеализаціи прикрашиваніи, къ которому иногда прибѣгаетъ Гоголь парни и дѣвушки, напр., говорятъ у него иногда слишком искусственнымъ, книжнымъ языкомъ, несвойственнымъ про стому народу.

Недостатки въ ихъ обрисовкѣ.

Страшная месть.

Вообще и въ языкѣ самого Гоголя встрѣчаются въ этих разсказахъ нѣкоторыя неправильности и замѣчается склон ность къ искусственнымъ, вычурнымъ оборотамъ. Но всѣ эт недостатки, объясняемые молодостью и неопытностью автора искупаются тонкимъ юморомъ, которымъ проникнуто все со чиненіе, мѣткостью наблюденій и яркостью картинъ: напр. въ описаніяхъ природы.

Нѣсколько особнякомъ среди разсказовъ „Вечеровъ на хуторѣ стоитъ „Страшная месть“. Она выдѣляется изъ нихъ какъ по тону, такъ и по содержанію. Въ то время, какъ содержаніе других разсказовъ отличается комизмомъ, проникнуто тонкимъ юморомъ свѣтлымъ, веселымъ настроеніемъ (за исключеніемъ „Вечера нака нунѣ Ивана Купала“, гдѣ, однако, трагизмъ сюжета смягченъ шутливыми выходками разсказчика, дьячка Ѳомы Григорьевича), сю жетъ и содержаніе „Страшной мести“ отличаются серьезнымъ мрачнымъ характеромъ, комическій элементъ отсутствуетъ совер шенно. Образъ стараго колдуна, великаго грѣшника, убившаг своего брата и жену, старавшагося обольстить собственную дочь, осужденнаго на вѣчныя мученія, долженъ былъ по замыслу Го голя производить впечатлѣніе мистическаго ужаса. Тонъ повѣство ванія также отличается полной серьезностью. Во многихъ мѣстах разсказъ написанъ размѣренною прозой (напр., знаменитое описаніе Днѣпра). Многіе черты, образы и отдѣльныя сравненія заимствованы прямо изъ народныхъ пѣсенъ и думъ: напр., причитанія Катерины надъ тѣломъ мужа, сравненіе битвы съ кровавымъ пиромъ, образ старой казачки, съ рыданіями провожающей своего сына на войну. Катеринѣ же Гоголь влагаетъ въ уста цѣлую народную пѣсню „Бижытъ возокъ кривавенькій“; наконецъ онъ выводитъ въ концѣ разсказа слѣпца-бандуриста, заставляя его пѣть передъ народомъ пѣсню—сказаніе о братоубійствѣ и его слѣдствіяхъ. Среди особенностей „Страшной мести“ слѣдуетъ также отмѣтить черты истори ческія (борьба съ поляками и крымцами), упоминаніе опредѣлен

Вліяніе народной поэзіи.

ныхъ мѣстностей и лицъ (Глуховъ, Конотопъ, Стефанъ Баторій). Всѣ эти особенности выдѣляютъ „Страшную месть“ изъ числа остальныхъ разсказовъ сборника и сближаетъ ее съ „Тарасомъ Бульбой“, къ которому она служитъ какъ бы естественнымъ переходомъ.

2. Миргородъ.

Второй сборникъ разсказовъ Гоголя, „*Миргородъ*“, вышелъ въ свѣтъ въ 1835 году. Содержаніе его характеризуется, сравнительно съ „Вечерами на хуторѣ“, преобладаніемъ *бытового* элемента и *грустнымъ настроеніемъ*, лежащимъ въ основѣ разсказа. Въ „Миргородѣ“ впервые ярко выступаетъ наиболѣе характерная черта Гоголевскаго юмора: *смѣхъ сквозь слезы*; прежній беззаботно-веселый юношескій смѣхъ смѣняется горькимъ смѣхомъ юмориста, видящаго пошлость и мелочность жизни и скорбящаго о духовномъ убожествѣ и паденіи человѣка. За эти годы Гоголь много испыталъ тяжелаго и непріятнаго, ближе познакомился съ жизнью, началъ вдумчивѣе къ ней относиться, чѣмъ въ эпоху созданія „Вечеровъ на хуторѣ“. Лѣтомъ 1832 года онъ съѣздилъ къ себѣ на родину, которая издали и по воспоминаніямъ рисовалась ему въ такихъ свѣтлыхъ, радужныхъ краскахъ. Теперь, умудренный опытомъ и жизнью, онъ увидѣлъ и здѣсь много темныхъ, отрицательныхъ чертъ и явленій, которыхъ раньше и не замѣчалъ. Теперь впервые въ Гоголѣ проявилась та характерная способность его о которой онъ самъ говоритъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ (начало 7-й гл.), способность „вызывать наружу все, что ежеминутно передъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ“.

Содержаніе и настроеніе.

Въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“ Гоголь рисуетъ намъ идиллическую картину жизни добродушныхъ старичковъ-супруговъ, изображенныхъ имъ съ глубокой любовью. Онъ подробно останавливается на всѣхъ мелочахъ, начиная съ описанія ихъ жилища и хозяйства, кончая ихъ времяпрепровожденіемъ. Но всѣ эти мелочи выбраны такъ искусно, что наглядно характеризуютъ выведенныхъ лицъ, такъ что уже по одному описанію усадьбы съ низенькимъ домикомъ, съ протоптанной дорожкой отъ амбара до кухни и отъ кухни до

Старосвѣтскіе помѣщики.

барскихъ покоевъ, съ частоколомъ, обвѣшаннымъ связкам сушеныхъ грушъ и яблокъ, съ жарко натопленными комнат ками и поющими дверями,— мы уже можемъ составить себ представленіе о характерѣ ея владѣльцевъ. Жизнь Пульхе ріи Ивановны и Аѳанасія Ивановича чрезвычайно однообраз на и проходитъ въ ѣдѣ и спаньѣ. Интересы ихъ очен ограничены, а желаніе „не перелетаютъ за частоколъ, окру жавшій ихъ дворикъ“, по выраженію Гоголя. Хозяйство их сводилось къ заботамъ о кухнѣ и кладовыхъ, къ соленью сушенью, варенью всевозможныхъ запасовъ, такъ что дом осенью обращался какъ бы въ „химическую лабораторію“ Между тѣмъ въ остальныхъ отрасляхъ хозяйства господство валъ полный безпорядокъ, такъ что староста и приказчик безбожно обкрадывали старичковъ, пользуясь ихъ доброду шіемъ и житейской неопытностью. Умственная жизнь их была чрезвычайно бѣдна и лишена всякихъ высшихъ инте ресовъ. Низкій уровень умственнаго развитія сказывается напр., въ склонности къ суевѣрію (эпизодъ съ кошкой Пул Ив.). Но въ то же время въ ихъ характерѣ было и мног хорошихъ чертъ: простота, нетребовательность, добродушіе гостепріимство; но особенно трогательное впечатлѣніе про изводитъ ихъ глубокая взаимная любовь; старички живут съ мыслью другъ о другѣ; умирая, Пульхерія Ивановна ду маетъ только о своемъ супругѣ, ее тревожитъ мысль, чт некому будетъ заботиться о немъ, присмотрѣть за нимъ, чт Аѳанасій Ивановичъ безъ нея можетъ выйти къ гостямъ в старомъ халатѣ. Въ свою очередь Аѳанасій Ивановичъ н можетъ забыть свою потерю, и черезъ пять лѣтъ одно воспо минаніе о женѣ вызываетъ въ немъ горькія слезы. Всѣ эт свѣтлыя, высокочеловѣчныя черты примиряютъ насъ со „старо свѣтскими помѣщиками“, и мы невольно любуемся ими, хот въ то же время скорбимъ вмѣстѣ съ авторомъ о мелочност и пошлости ихъ жизни, о ничтожности ихъ интересовъ, об отсутствіи въ нихъ всякихъ высшихъ стремленій.

Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ.

Этихъ смягчающихъ, примиряющихъ чертъ вовсе нѣт въ герояхъ „Повѣсти о томъ, какъ поссорились Иванъ Ива новичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ [1]). Въ ихъ изображе

[1]) Сюжетъ этого разсказа заимствованъ Гоголемъ изъ повѣсти На рѣжнаго „Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ“.

ніи Гоголь съ особеннымъ искусствомъ проявилъ свое умѣнье уловить и живо представить всю „пошлость пошлаго человѣка“, по его собственному выраженію. Мелочность и ничтожность ихъ жизни и привычекъ не искупается никакими положительными качествами; въ нихъ, напр., вовсе нѣтъ сердечности и добродушія, которыми такъ богаты старосвѣтскіе помѣщики: достаточно вспомнить напр., разговоры Ивана Ивановича съ нищими. Рисуя общія черты миргородскихъ друзей: ихъ пошлость, упрямство, мелочное самолюбіе, сутяжничество, Гоголь въ то же время отмѣчаетъ индивидуальныя различія, такъ что, несмотря на все сходство въ ихъ образѣ жизни, привычкахъ, интересахъ и т. д., мы не смѣшаемъ ихъ другъ съ другомъ. Въ характерѣ Ивана Ивановича отмѣчена наклонность къ щегольству (бекеша), тонкость обращенія и витіеватость рѣчи, любопытство, показная религіозность; напротивъ того, Иванъ Никифоровичъ грубъ, нескладенъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, лѣнивъ и неподвиженъ; въ немъ есть черты, напоминающія будущаго Собакевича, между тѣмъ какъ у Ивана Ивановича замѣтно нѣкоторое сходство съ Чичиковымъ. Ни одной отрадной черты нѣтъ въ ихъ характерахъ, одна только пошлость и мелочность, производящія самое удручающее впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго у автора вырывается тоскливый заключительный возгласъ: „скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“ Мимоходомъ Гоголь обрисовываетъ бѣглыми штрихами и самый городъ, съ его чиновниками (судья, городничій), съ его повѣтовымъ (т.-е. уѣзднымъ) судомъ, гдѣ судья во время разбора дѣлъ мирно бесѣдуетъ о дроздахъ, гдѣ въ сундукахъ хранятся кипы повѣтовой ябеды, и куда просители приходятъ съ мѣшками крупы и другихъ припасовъ; выводитъ типы чиновниковъ (городничаго), описываетъ уѣздную ассамблею. Эти бѣглыя черты — какъ бы намекъ на будущую картину провинціальной жизни, которую Гоголь далъ впослѣдствіи въ Ревизорѣ.

Черты сходства и различія.

Вій.

Въ разсказѣ „Вій“ мы видимъ соединеніе фантастическаго элемента съ бытовымъ. Фантастическая фабула разсказа основана на народныхъ сказкахъ и суевѣрныхъ представленіяхъ. При этомъ по мѣрѣ развитія разсказа изображеніе фантастическаго значительно измѣняетъ свой характеръ. Сначала онъ носитъ нѣсколько комическую окраску (какъ обыкновенно въ „Вечерахъ“): напр., въ сценѣ ночной скачки вѣдьмы-

оборотня верхомъ на философѣ Хомѣ Брутѣ; но затѣмъ этотъ комическій характеръ исчезаетъ и фантастическій элементъ выступаетъ съ его трагически ужасной стороны. Съ большимъ искусствомъ Гоголь изобразилъ постепенное нарастаніе страха въ душѣ Хомы, все болѣе сгущая краски въ разсказѣ о ночныхъ ужасахъ, пока наконецъ дѣло доходитъ до трагической развязки, съ появленіемъ Вія [1].—Бытовой интересъ разсказа заключается въ описаніи старинной бурсы, съ ея своеобразнымъ устройствомъ, заимствованнымъ отъ польскихъ іезуитскихъ школъ, съ ея нравами и обычаями, съ ея сенаторами и авдиторами, философами и богословами, съ огородными фуражировками бурсаковъ, ихъ святочнымъ колядованіемъ и вакаціонными путешествіями. На эти бытовыя черты разсказа Гоголя оказалъ замѣтное вліяніе Нарѣжный, который въ романѣ „Бурсакъ" далъ довольно подробную картину жизни бурсы въ старинные годы. Однако и здѣсь въ характеристикѣ отдѣльныхъ типовъ Гоголь проявилъ полную самостоятельность и большое мастерство: мрачный богословъ Халява; лѣнивый, безпечный, невозмутимый, но вмѣстѣ съ тѣмъ веселый философъ Хома Брутъ; юный риторъ Тиберій Горобецъ, все это—живыя, прекрасно очерченныя фигуры. Кромѣ изображенія бурсы и бурсаковъ, встрѣчаются также и другія бытовыя черты: напр., жизнь и бытъ панской дворни, отдѣльные типы дворовыхъ и ихъ вечернія бесѣды въ кухнѣ и много мелкихъ замѣчаній бытового характера.

Мастерство разсказа.

Типы бурсаковъ.

Тарасъ Бульба.

Въ составъ „Миргорода" вошла также большая историческая повѣсть „*Тарасъ Бульба*". Гоголь живо интересовался и много занимался родной стариною: изучалъ историческія сочиненія и записки современниковъ, собиралъ народныя пѣсни и „думы", въ которыхъ отразилось историческое прошлое Украины. Онъ собирался даже написать подробную исторію Малороссіи и даже сдѣлалъ въ газетахъ объявленіе, въ которомъ просилъ присылать ему необходимые для работы матеріалы, документы, записки и т. д. Но вмѣсто научнаго изслѣдованія результатовъ его занятій явилось поэтическое произведеніе: историческій матеріалъ, добытый имъ, принялъ

---

[1]) Вій — фантастическое существо стихійнаго характера, убивающее человѣка своимъ взглядомъ. Нѣкоторые этнографы (Афанасьевъ) считаютъ его отраженіемъ древне-славянскихъ миѳологическихъ представленій о богѣ-громовикѣ.

форму живыхъ художественныхъ образовъ, подобно тому какъ занятія Пушкина Екатерининской эпохой привели къ созданію „Капитанской Дочки“.

Сравненіе этого произведенія Пушкина съ „Тарасомъ Бульбой“ яснѣе всего показываетъ намъ разницу въ характерѣ и пріемахъ творчества обоихъ писателей. „Капитанская Дочка“ отличается полной объективностью, выведенныя лица изображены здѣсь безъ всякихъ прикрасъ, безъ всякой идеализаціи; замѣчательна также безыскусственная простота изложенія и спокойствіе тона. Напротивъ того, разсказъ Гоголя отличается значительной приподнятостью тона, идеализаціей изображаемыхъ героевъ и лирическимъ энтузіазмомъ, проникающимъ все произведеніе: въ этомъ отношеніи на повѣсти Гоголя лежитъ отпечатокъ романтической эпохи, между тѣмъ какъ произведеніе Пушкина проникнуто духомъ строгаго реализма.

Особенности содержанія и тона.

Среди другихъ произведеній, вошедшихъ въ составъ „Миргорода“, „Тарасъ Бульба“ выдѣляется серьезностью содержанія и тона и отсутствіемъ комическаго элемента, за исключеніемъ немногихъ сценъ, гдѣ является Янкель и изображенъ жидовскій кварталъ Варшавы. Эта разница въ тонѣ объясняется различіемъ въ самомъ отношеніи Гоголя къ изображаемой имъ жизни: въ другихъ разсказахъ онъ останавливался на отрицательныхъ явленіяхъ, на изображеніи духовной бѣдности („Стар. Пом.“ и пошлости („Повѣсть о гомъ...“); здѣсь же, въ „Тарасѣ Бульбѣ“, Гоголь съ любовью и сочувствіемъ рисуетъ героическіе образы, взятые изъ украинской старины. Хотя Гоголь не пріурочиваетъ дѣйствія своей повѣсти къ опредѣленному историческому моменту и не выводитъ дѣйствительныхъ историческихъ личностей, тѣмъ не менѣе „Тарасъ Бульба“ съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ *историческою* повѣстью, такъ какъ въ ней Гоголю удалось нарисовать *общую картину родной старины*, въ ея наиболѣе яркихъ и типичныхъ проявленіяхъ.

Источники повѣсти.

При созданіи этой картины Гоголь руководствовался разнообразнымъ матеріаломъ: историческими сочиненіями (напр., „Исторіей Малой Россіи“ Бантыша-Каменскаго), лѣтописями и записками современниковъ и пр. Но *главнымъ источникомъ его были малороссійскія народныя пѣсни и „думы“*. Въ нихъ онъ видѣлъ живое отраженіе прошлой жизни народа, его взгля-

довъ, симпатій, стремленій и идеаловъ, черезъ нихъ онъ думалъ постигнуть самый духъ той далекой эпохи. Въ своей статьѣ „О малороссійскихъ пѣсняхъ“ Гоголь писалъ о нихъ „Пѣсни — это народная исторія, живая, яркая, исполненная красокъ, истины, обнажающая всю жизнь народа. Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи — все и поэзія, и исторія и отцовская могила“. Изъ пѣсенъ историкъ не можетъ почерпнуть много точныхъ фактическихъ данныхъ, но зато онъ можетъ узнать въ нихъ „бытъ, стихіи характера, всѣ изгибы и оттѣнки чувствъ, волненій, страданій, веселій народа, духъ минувшаго вѣка, общій характеръ всего цѣлаго, такъ что исторія народа разоблачится передъ нимъ въ ясномъ величіи“. Сознавая эту важность народной поэзіи, Гоголь дѣятельно собиралъ малороссійскія пѣсни. Въ письмахъ своихъ онъ неоднократно отзывался о нихъ съ большимъ восторгомъ „Что всѣ черствыя лѣтописи, предъ этими звонкими живыми лѣтописями!“ восклицаетъ онъ, напр., въ письмѣ къ одному другу; объ историческихъ „думахъ“ онъ выражался, что онѣ „ослѣпительно хороши“.

Вліяніе народной поэзіи.

Понятно, что при подобномъ увлеченіи народной поэзіей она непремѣнно должна была оказать вліяніе и на его собственное поэтическое творчество. Уже въ „Страшной Мести“ чувствуется это вліяніе, а въ „Тарасѣ Бульбѣ“ оно становится еще замѣтнѣе. Оно отразилось какъ на *формѣ* произведенія, такъ и на его *содержаніи*. Съ формальной стороны это вліяніе сказывается въ повышенномъ тонѣ повѣствованія, въ тѣхъ частяхъ, которыя посвящены изображенію казаковъ и казачества,—въ общемъ лирическомъ его теченіи, въ употребленіи пріемовъ и оборотовъ, свойственныхъ народной поэзіи, въ яркой образности языка. Такъ, напр., Гоголь въ „Тарасѣ Бульбѣ“ часто прибѣгаетъ къ картиннымъ сравненіямъ, изъ которыхъ многія прямо заимствованы изъ народныхъ мотивовъ: напр., сравненіе битвы съ пиромъ, казаковъ съ орлами; встрѣчаются у Гоголя и повторенія однихъ и тѣхъ же выраженій,—излюбленный пріемъ народнаго эпоса: напр., въ описаніи битвы съ поляками [1]); описаніе едино-

[1]) Здѣсь нѣсколько разъ повторяются слова Тараса: „А что, паны, есть еще порохъ въ пороховницахъ?..“ и т. д.; такія повторенія составляютъ вообще одну изъ формальныхъ особенностей народной поэзіи и встрѣчаются не только у малороссовъ, но также въ эпическихъ пѣсняхъ другихъ народовъ.

ства отдѣльныхъ казаковъ выдержано въ строго-эпическомъ
лѣ; наконецъ, во многихъ мѣстахъ самый языкъ повѣсти
нимаетъ пѣсенный складъ, проза получаетъ видъ размѣ-
ной рѣчи. Со стороны *содержанія* вліяніе народной по-
ясно сказалось въ общей характеристикѣ казачества,
пониманіи самаго духа эпохи, ея идеаловъ и стремленій,
очувственномъ воспроизведеніи поэзіи битвъ и широкаго
ула молодецкихъ силъ.

Типическимъ воплощеніемъ казачества, какъ понималъ Гоголь, является самъ Тарасъ Бульба, центральное лицо повѣсти. Главной задачей казачества было охраненіе ской народности отъ напора внѣшнихъ враговъ, татаръ и яковъ, и охраненіе православія отъ покушеній со стороп папства. Поэтому главной чертой въ характерѣ Тараса яется его пламенный патріотизмъ и ненависть къ врагамъ ритѣснителямъ родины. Въ этой ненависти онъ способенъ ходить всѣ предѣлы и проявлять страшную, безпощад- жестокость, напр., при мести за смерть Остапа. Другая ктерная черта Тараса, какъ представителя казацкаго царства", это — глубокое чувство товарищества, воодуше- щее его; этимъ чувствомъ проникнута его рѣчь къ войску дъ битвой, и ему остается онъ вѣренъ до конца, когда, рая въ мученіяхъ, заботится еще о судьбѣ товарищей и ываетъ имъ путь къ бѣгству. Бульба, какъ историческій типъ.

Какъ представитель воинственнаго народа, Тарасъ — на- страстная, увлекающаяся, предпріимчивая, тяготящаяся ымъ бездѣйствіемъ и не любящая никакого мирнаго . Отсюда—его непосѣдливость, отсюда же и слабая при- ность его къ семьѣ и къ дому. На жену онъ смотритъ, на безвольную рабу, не спрашивая ни въ чемъ ея со- и согласія; въ дѣтяхъ своихъ онъ цѣнитъ главнымъ омъ воиновъ; это видно, напр., уже изъ комической сцены чи Тараса съ сыновьями, когда Тарасъ старается на- ками испытать „лыцарскій" духъ своихъ сыновей и аетъ съ ними въ драку, чтобы узнать ихъ силы. Но сыновья его оказались бравыми молодцами, Бульба тся и любуется ими и тотчасъ рѣшаетъ ѣхать въ Сѣчь, показать сыновей своимъ боевымъ товарищамъ. Но одинъ изъ нихъ, Андрій, увлеченный любовью къ по- , сдѣлался измѣнникомъ и перешелъ на сторону вра-

говъ, Бульба не знаетъ къ нему пощады и казнитъ вино наго собственной рукой. Зато вся сила отцовскаго чувст просыпается въ немъ, когда Остапъ, его старшій сынъ, п падаетъ въ плѣнъ къ непріятелю. Горе его настолько велик что заставляетъ даже упрямаго Тараса переломить характер онъ соглашается на унизительное путешествіе подъ кирпи нымъ грузомъ, послушно исполняетъ всѣ требованія Янкел прибѣгаетъ къ переодѣванію, чтобы только увидѣться съ Ост помъ; но все-таки въ послѣднюю минуту его планы рушатс потому что онъ не сумѣлъ сдержать себя, когда тюремны сторожъ-гайдукъ неосторожнымъ словомъ оскорбилъ его р лигіозное и патріотическое чувство.—Потрясающее впечатл ніе производитъ сцена казни Остапа, на которой присутствуе и старый Бульба. Остапъ мужественно выдерживаетъ нечел вѣческія мученія пытки; „добре, сынку, добре!“ ободряю говоритъ про себя Бульба, страдая самъ отъ страданій сын но пытка становится все нестерпимѣе, и изъ груди Оста вырывается стонъ: „батько! гдѣ ты? слышишь ли ты все?“ „Слышу!“ восклицаетъ среди тишины Бульба, у котора сердце надорвалось отъ душевной боли... Повѣсть заканч вается описаніемъ жестокой, безпощадной мести Бульбы казненнаго сына и его собственной гибели.

Изъ сыновей Бульбы—старшій, Остапъ, во многомъ нап минаетъ своего отца: та же воинственность, отвага, презрѣн къ мирной жизни, суровость въ обращеніи, энергія и пре пріимчивость въ военномъ дѣлѣ. Младшій же сынъ ег Андрій, отличается большею мягкостью и впечатлительность въ немъ нѣтъ отцовской твердости характера и онъ лег поддается чужому вліянію. Любовь къ прекрасной полячк заставляетъ его отречься отъ родины и отъ семьи и прив дитъ его наконецъ къ гибели [1]). Кромѣ этихъ главныхъ ф гуръ, въ повѣсти выведено довольно много второстепенных напр., жена Бульбы, Янкель и др. Мимоходомъ при опис ніи казацкой рады и битвы Гоголь очертилъ цѣлый ря казацкихъ типовъ, выступающихъ на общемъ фонѣ запоро скаго войска. Во многихъ мѣстахъ повѣсти разбросаны отдѣл

Черты бытовыя.

---

[1]) Впрочемъ нравственный переломъ въ душѣ Андрія подъ вліяніе любви къ полячкѣ мало выясненъ Гоголемъ. Вообще изображеніе чувс любви плохо удавалось Гоголю, и въ лучшихъ его произведеніяхъ люб пая интрига вовсе отсутствуетъ.

ныя бытовыя черты эпохи: описаніе Сѣчи и ея обычаевъ (судъ и казнь, выборъ кошевого, сборы къ походу). Эти бытовыя черты представляютъ собой по большей части вставки второй, позднѣйшей редакціи повѣсти; внесеніе ихъ служитъ показателемъ усилившагося стремленія къ реализму и полнотѣ изображенія.

Національныя симпатіи.

Въ повѣсти Гоголя ясно выступаютъ его національныя симпатіи; вся она проникнута горячей любовью къ родному краю и казачеству, какъ его защитнику и оберегателю. Оттого выведенныя лица обрисованы героическими чертами, а все изображеніе быта и нравовъ эпохи носитъ отпечатокъ идеализаціи, столь рѣдкой у Гоголя и вообще несвойственной его таланту. Любовью къ родинѣ дышатъ и прекрасныя картины малороссійской природы, разбросанныя въ повѣсти, напр., знаменитое изображеніе южной степи.

3. Петербургскія повѣсти.

Шинель.

Жизнь Гоголя въ Петербургѣ и его наблюденія надъ петербургскими типами нашли себѣ отраженіе въ рядѣ небольшихъ разсказовъ. Лучшіе изъ этихъ разсказовъ изображаютъ бытъ мелкаго чиновничества, который Гоголь легко могъ изучить во время своей службы въ разныхъ петербургскихъ канцеляріяхъ; таковы: *„Шинель“* и *„Записки сумасшедшаго“*. Героемъ перваго разсказа является мелкій департаментскій чиновникъ Акакій Акакіевичъ. Это — человѣкъ жалкій, обиженный судьбой. Умственное развитіе его крайне ограничено. Изъ года въ годъ, переписывая служебныя бумаги, онъ какъ бы самъ превратился въ живую пишущую машину. Содержаніе этихъ бумагъ его совершенно не интересуетъ, оно даже недоступно его пониманію. Акакія Акакіевича занимаетъ лишь самый механическій процессъ переписыванія, а къ осмысленной работѣ онъ вовсе неспособенъ; поэтому, когда начальникъ хотѣлъ, въ награду за его рвеніе, повысить его по службѣ и далъ ему для этого какую-то нетрудную, но болѣе самостоятельную работу, Акакій Акакіевичъ не былъ въ состояніи ее исполнить. Умъ его настолько неразвитъ, что всякое сколько-нибудь сложное мышленіе представляетъ для него большія затрудненія; эта трудность мышленія отражается и въ его языкѣ, отличающемся большой несвязностью и обиліемъ всевозможныхъ вспомогательныхъ частицъ и мѣстоименій.

Акакій Акакіевичъ.

Никакихъ интересовъ, желаній или пристрастій у него нѣтъ. Жизнь его протекаетъ съ крайнимъ однообразіемъ, какъ заведенная машина. Но онъ настолько уже привыкъ къ своему положенію, что оно вовсе не тяготитъ его, и онъ ничего не ждетъ лучшаго отъ будущаго. Но и въ этомъ жалкомъ, забитомъ существѣ Гоголь сумѣлъ показать черту глубоко-человѣческую: всякому человѣку, не погрязшему окончательно въ животной жизни, свойственно стремленіе къ идеалу, свойственна потребность—мечтою скрасить свое существованіе. Жива эта потребность и въ Акакіи Акакіевичѣ; но сообразно его низкому умственному развитію мечта эта, этотъ идеалъ заключается—въ теплой ватной шинели. Въ стремленіи къ достиженію поставленной цѣли Акакій Акакіевичъ проявилъ даже значительную твердость и силу воли, сокращая до послѣдняго предѣла свои издержки, не останавливаясь даже передъ „небольшимъ голоданіемъ". Наконецъ цѣль достигнута, мечта осуществлена; Акакій Акакіевичъ находится на верху блаженства, но—лишь на краткій мигъ: онъ теряетъ свою шинель, стоившую ему столькихъ усилій и лишеній, и вслѣдъ затѣмъ умираетъ.

Основная идея и цѣль повѣсти.

Хотя Акакій Акакіевичъ изображенъ у Гоголя въ комическомъ видѣ, однако Гоголь вовсе не задавался цѣлью осмѣять своего жалкаго героя: напротивъ того, онъ хотѣлъ вызвать къ нему состраданіе, растрогать читателя картиной человѣческаго униженія, возбудить сочувствіе ко всѣмъ обездоленнымъ и несчастнымъ. Эта цѣль автора ясно видна изъ того мѣста разсказа, гдѣ онъ описываетъ, какъ издѣвались молодые чиновники надъ бѣднымъ Акакіемъ Акакіевичемъ, какъ мѣшали ему работать, какъ онъ покорно переносилъ ихъ насмѣшки и только иногда, если ужъ очень ему досаждали, произносилъ: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?.."

„И что-то странное заключалось въ словахъ и голосѣ, съ какимъ они были произнесены. Въ немъ слышалось что-то такое, преклоняющее на жалость, что одинъ молодой человѣкъ, который, по примѣру другихъ, позволилъ было себѣ посмѣяться надъ нимъ, вдругъ остановился, какъ-будто пронзенный, и съ тѣхъ поръ, какъ-будто все перемѣнилось передъ нимъ и показалось въ другомъ видѣ. Какая-то неестественная сила оттолкнула его отъ товарищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за приличныхъ свѣт-

скихъ людей. И долго потомъ, среди самыхъ веселыхъ минутъ, представлялся ему низенькій чиновникъ съ лысиною на лбу, съ своими проникающими словами: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?“ И въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: „Я братъ твой“. И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человѣкъ, и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и, Боже! даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ“.

Это „безчеловѣчье и грубость“ въ утонченномъ и образованномъ человѣкѣ Гоголь показываетъ намъ на примѣрѣ „значительнаго лица“. „Значительное лицо“ вовсе не умѣетъ цѣнить человѣческаго достоинства: для него имѣетъ значеніе лишь внѣшнее положеніе человѣка. На всякаго, стоящаго ступенью ниже въ общественномъ отношеніи, „значительное лицо“ смотритъ свысока. Для него нѣтъ высшаго удовольствія, какъ показать человѣку свою власть и значеніе, внушить подчиненнымъ страхъ и трепетъ, не разсуждая, будетъ ли подобное отношеніе полезно для дѣла. Суровость и недоступность „значительное лицо“ считаетъ необходимыми внѣшними признаками власти и потому подвергаетъ бѣднаго Акакія Акакіевича такому распеканію, которое въ концѣ концовъ сводитъ его въ могилу. При всемъ томъ „значительное лицо“ вовсе не дурной отъ природы человѣкъ: послѣ ухода злосчастнаго чиновника у него является мысль, что все-таки онъ поступилъ дурно, отославъ просителя, не выслушавши порядкомъ дѣла; а когда „значительное лицо“ узнаетъ, что Акакій Акакіевичъ умеръ, не выдержавъ должностного распеканія, оно чувствуетъ столь сильные упреки совѣсти, что даже въ уличномъ грабителѣ ему мерещится покойный Акакій Акакіевичъ, и потомъ, потрясенное этимъ случаемъ, оно измѣняетъ свое обычное поведеніе и становится болѣе доступнымъ и мягкимъ въ сношеніяхъ съ низшими.

Поприщинъ, герой *„Записокъ сумасшедшаго“*, въ умственномъ отношеніи стоитъ ступенью выше Акакія Акакіевича. У него есть кое-какіе интересы: онъ читаетъ газеты, ходитъ изрѣдка въ театръ. Между тѣмъ, какъ у Акакія Акакіевича вовсе нѣтъ сознанія своего человѣческаго достоинства, Поприщинъ возмущается пренебрежительнымъ отношеніемъ начальниковъ, негодуетъ на фамиліарность лакеевъ. Въ немъ есть также потребность личнаго счастья, изъ которой вытекаетъ его комическая по своей несообразности любовь къ дочери директора. Онъ живо сознаетъ свое униженное положеніе и негодуетъ на свою судьбу. „Все, что есть лучшаго на свѣтѣ, все достается или камеръ-юнкерамъ или

Записки сумасшедшаго.

генераламъ,—пишетъ онъ.—Найдешь себѣ бѣдное богатство, думаешь достать его рукою,—срываетъ у тебя камеръ-юнкеръ или генералъ". Но зато въ Поприщинѣ гораздо болѣе мелочности и пошлости, чѣмъ въ Акакіи Акакіевичѣ, и въ общемъ онъ производитъ болѣе комическое впечатлѣніе.

Душевныя страданія Поприщина отъ сознанія своей ничтожности и своего безсилія приводятъ его наконецъ къ полному сумасшествію. При этомъ самый родъ его безумія очень характеренъ: это—манія величія. Угнетенная личность Поприщина, всю жизнь испытывавшаго одни лишенія и разочарованія, ищетъ себѣ какъ бы вознагражденія въ горделивой мечтѣ, что онъ—король испанскій, а вовсе не титулярный совѣтникъ.—Въ психологическомъ отношеніи „Записки сумасшедшаго" и „Шинель" стоятъ гораздо выше всѣхъ предшествующихъ произведеній Гоголя. Здѣсь впервые жизнь человѣческой души, сложные процессы, въ ней совершающіеся, становятся предметомъ его наблюденія. Шагъ за шагомъ Гоголь вскрываетъ передъ нами всю душу своихъ героевъ, съ ихъ маленькими радостями и большими страданіями, заставляетъ насъ всмотрѣться въ нихъ, вызываетъ къ нимъ наше сочувствіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь даетъ и картину быта мелкаго петербургскаго чиновничества, представителями котораго являются Акакій Акакіевичъ и Поприщинъ.

Психологическій интересъ повѣстей.

Типы художниковъ.

Кромѣ чиновничества, особенное вниманіе Гоголя привлекъ въ Петербургѣ также и міръ художниковъ. Гоголь всегда живо интересовался искусствомъ и самъ занимался рисованіемъ, для чего даже посѣщалъ вечерніе классы въ Академіи Художествъ, гдѣ онъ и могъ ближе познакомиться съ типами художниковъ и ихъ бытомъ. Впослѣдствіи въ Римѣ Гоголь часто бывалъ въ обществѣ русскихъ пенсіонеровъ Академіи и особенно сблизился съ Ивановымъ. Интересъ Гоголя къ искусству и къ міру художниковъ отразился въ цѣломъ рядѣ статей (о Брюлловѣ, объ Ивановѣ) и въ его разсказахъ *„Портретъ"* и *„Невскій проспектъ"*. Оба разсказа отличаются трагическимъ характеромъ, въ обоихъ изображается столкновеніе идеала съ дѣйствительностью въ душѣ художника, приводящее его къ гибели. Но Чертковъ (въ „Портретѣ") погибаетъ отъ того, что прельстился благами міра, забылъ о высокомъ значеніи искусства, сталъ смотрѣть на

него не какъ на цѣль, а лишь какъ на средство къ обогащенію и такимъ образомъ загубилъ свой талантъ; напротивъ того, Пискаревъ погибъ потому, что его идеально настроенная душа не могла примириться съ пошлостью и грязью дѣйствительности, съ которыми легко примирялся его пріятель, поручикъ Пироговъ [1]). Настоящимъ воплощеніемъ пошлости, притомъ пошлости преуспѣвающей, является „майоръ" Ковалевъ (въ разсказѣ „*Носъ*"): самодовольство, мелочное тщеславіе, ограниченность,—вотъ характерныя черты Ковалева, какъ типа. Комическое впечатлѣніе особенно усиливается благодаря тому, что невѣроятная фабула разсказа вставлена въ рамку строго реалистическихъ бытовыхъ подробностей.

4. Театральныя піесы Гоголя.

Любовь Гоголя къ театру.

Еще въ Нѣжинѣ въ Гоголѣ сталъ развиваться интересъ и любовь къ театру, и онъ даже пробовалъ съ успѣхомъ самъ играть на сценѣ. И въ позднѣйшіе годы, по свидѣтельству своихъ друзей, Гоголь отличался замѣчательнымъ умѣньемъ схватывать и передавать, со всѣми оттѣнками въ голосѣ и манерѣ, характерныя особенности того или другого знакомаго лица или же общественнаго типа; кромѣ того, Гоголь славился также и какъ искусный чтецъ, прекрасно „разыгрывавшій" въ лицахъ свои произведенія. Неудивительно поэтому, что онъ вскорѣ же послѣ первыхъ литературныхъ успѣховъ сталъ думать о томъ, чтобы испытать свои силы и въ области драматическаго искусства. Въ эту эпоху на русской сценѣ господствовали трескучія трагедіи Кукольника, романтическія мелодрамы и легкія комедіи, большей частью передѣланныя съ французскаго. У всѣхъ этихъ произведеній была одна общая особенность: именно, полная отрѣшенность ихъ отъ русской жизни и дѣйствительности. По этому поводу Гоголь писалъ въ одной статьѣ („Петербургскія Записки": „Положеніе русскихъ актеровъ

Положеніе русской сцены.

---

[1]) Въ разсказѣ „Портретъ" мы находимъ также и выраженіе взглядовъ самого Гоголя на сущность и на значеніе искусства. Изъ второй части разсказа видно, какую высокую роль въ жизни отводитъ Гоголь искусству. Оно есть служеніе высшему идеалу, живая проповѣдь духовнаго совершенства; поэтому художникъ долженъ проникнуться всецѣло религіознымъ настроеніемъ для того, чтобы очистить свою душу для выполненія этой задачи. Впослѣдствіи самъ Гоголь такъ именно смотрѣлъ и на собственную задачу, пытаясь соединить (во 2-мъ томѣ „Мертвыхъ Душъ" искусство съ нравственной проповѣдью. Затѣмъ интересно отмѣтить мнѣніе Гоголя, что произведеніе искусства не должно быть рабскиточной копіей съ натуры (какъ портретъ ростовщика), что есть для творчества извѣстная граница, за которой начинается „ужасная дѣйствительность" и которую художникъ не долженъ переступать.

жалко. Передъ ними трепещетъ и кипитъ свѣжее народонаселе
а имъ даютъ лица, которыхъ они и въ глаза не видѣли. Что и
дѣлать съ этими странными героями, которые ни французы,
нѣмцы, но какіе-то взбалмошные люди, не имѣющіе рѣшител
никакой опредѣленной страсти и рѣзкой физіономіи? гдѣ вы
заться? на чемъ развиться таланту? Ради Бога, дайте намъ русск
характеровъ, насъ самихъ дайте намъ, нашихъ плутовъ, наш
чудаковъ! На сцену ихъ, на смѣхъ всѣмъ!" Такимъ образо
Гоголь ясно сознавалъ необходимость сблизить сцену съ дѣйст
тельною жизнью. Если многіе изъ его первоначальныхъ повѣс
и разсказовъ носятъ на себѣ нѣкоторыя черты романтизма, то
своихъ драматическихъ произведеніяхъ Гоголь съ самаго нач
является строгимъ реалистомъ. Въ 1833—34 гг. была напис
имъ комедія „*Женитьба*". Здѣсь впервые выведены были на сц
типы изъ купеческой среды, напр., невѣста Агаѳья Тихоновна
изображены черты купеческаго быта (сватовство, смотрины);
этомъ отношеніи Гоголь является прямымъ предшественникомъ Остр
скаго. Замѣчателенъ также образъ Подколесина, въ которомъ
произведены (въ нѣсколько сгущенномъ видѣ) черты очень р
пространеннаго русскаго типа, родственнаго типу Обломова.
натура флегматичная, вялая и нерѣшительная, легко подчиняюща
чужому вліянію и дѣйствующая лишь по наущенію со сторо
Одновременно съ „Женитьбой" Гоголь работалъ и надъ дру
комедіей, съ сюжетомъ изъ быта столичнаго чиновничества. Ко
дія должна была называться „Владиміръ 3-й степени", но
осталась неоконченной и отъ нея сохранились лишь отдѣль
сцены: „Утро дѣлового человѣка" и „Тяжба".

Женитьба.

Ревизоръ, какъ бытовая комедія.

Сюжетъ „*Ревизора*", по собственному свидѣтельству
голя, былъ данъ ему Пушкинымъ. Въ своей комедіи Гог
изобразилъ бытъ и нравы мелкаго уѣзднаго города и выс
пилъ обличителемъ злоупотребленій и недостатковъ тогда
няго провинціальнаго чиновничества. Противъ этихъ з
употребленій: взяточничества, казнокрадства, произвола,
стоянно боролось само правительство, и русская литерат
уже издавна оказывала ему въ этой борьбѣ посильную
мощь, осмѣивая и обличая эти недостатки; сатирическія п
изведенія Кантемира, Фонвизина, Новикова, Капниста
этомъ отношеніи являются прямыми предшественниками
голевскаго „Ревизора". Но „Ревизоръ" отличается отъ ни
замѣчательной художественной силой, которой прежни
сатирикамъ обыкновенно недоставало. Въ этомъ отноше
комедію Гоголя можно сравнивать только съ „Горемъ
ума". Выведенныя въ „Ревизорѣ" лица являются не воп
щеніемъ какой-либо одной преобладающей страсти или

рока: это вполнѣ живыя фигуры, изображенныя съ замѣчательной психологической правдивостью, надѣленныя каждая различными характерными чертами и особенностями. Общимъ для всѣхъ выведенныхъ лицъ является ихъ глубокое невѣжество и отсутствіе сознанія своего долга, но у каждаго изъ нихъ эти черты сказываются различнымъ образомъ.

Особенности Ревизора.

Къ числу особенностей „*Ревизора*“, какъ комедіи, принадлежатъ: 1) *отсутствіе положительныхъ типовъ*, какими являлись резонеры въ комедіяхъ 18-го вѣка, какимъ является Чацкій у Грибоѣдова. Впрочемъ, самъ Гоголь находилъ, что въ его комедіи есть такое положительное, благородное лицо, именно—*смѣхъ*; но подъ этимъ лицомъ скрывается, собственно говоря, самъ авторъ, выставившій на всеобщее посмѣяніе своихъ неприглядныхъ героевъ. 2) Другою особенностью комедіи является отсутствіе въ ней *любовной интриги*, которая считалась раньше почти неизбѣжной принадлежностью всякой піесы. 3) Эта особенность стоитъ въ связи съ особымъ характеромъ *завязки всей комедіи*. Самъ Гоголь говоритъ по этому поводу (въ „Театральномъ разъѣздѣ“): „Комедія должна вязаться сама собой, всей своей массою, въ одинъ большой общій узелъ. *Завязка должна обнимать всѣ лица*, а не одно или два, коснуться того, что волнуетъ болѣе или менѣе всѣхъ дѣйствующихъ. Тутъ всякій герой; теченіе и ходъ пьесы производитъ потрясеніе всей машины“. Въ этомъ отношеніи завязка комедіи выбрана Гоголемъ чрезвычайно удачно: извѣстіе о ревизорѣ, дѣйствительно, задѣваетъ за живое всѣхъ выведенныхъ лицъ, производитъ всеобщее потрясеніе, заставляетъ каждаго невольно выказать свой характеръ. Уже одно то обстоятельство, что они такъ легко вдались въ обманъ, достаточно характеризуетъ выведенныхъ лицъ; въ этомъ сказалось неспокойное состояніе ихъ совѣсти, сознаніе своихъ проступковъ, боязнь законной кары, которая какъ бы ослѣпляетъ ихъ и заставляетъ, по выраженію городничаго, „сосульку, тряпку принять за важнаго человѣка“.

Характеристика городничаго.

Главнымъ лицомъ въ комедіи является городничій Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій. Это человѣкъ безъ всякаго образованія, но вовсе не глупый отъ природы. Онъ сразу видитъ всю нелѣпость предположенія судьи, что ревизоръ посланъ, чтобы узнать, нѣтъ ли въ городѣ измѣны. Но умъ городничаго преимущественно практическаго характера

и проявляется главнымъ образомъ въ его хитрости, въ умѣньи обдѣлывать свои дѣла, въ практической сноровкѣ. Онъ самъ хвастается: „ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ меня провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду!“... Также и при извѣстіи о ревизорѣ онъ не теряетъ головы и немедленно принимаетъ свои мѣры, чтобы по возможности выйти сухимъ изъ воды. Если онъ все-таки обманывается и принимаетъ Хлестакова за ревизора, то въ этомъ виноватъ главнымъ образомъ страхъ преступной совѣсти, лишающій его возможности спокойно обсуждать положеніе; недаромъ говорится, что у страха глаза велики: поэтому ошибка городничаго представляется не только психологически вѣроятной, но даже неизбѣжной.

Отсутствіе образованія сказывается у городничаго въ его грубости, въ его суевѣріи (напр., онъ вѣритъ снамъ), въ отсутствіи какихъ-либо духовныхъ интересовъ и потребностей. Онъ самъ считаетъ себя религіознымъ человѣкомъ, говоритъ, что онъ „въ вѣрѣ твердъ“, но религіозность его чисто внѣшняя, выражающаяся только въ соблюденіи церковныхъ обрядовъ. Вмѣсто раскаянія въ своихъ проступкахъ онъ даетъ лишь обѣщаніе: „поставлю ужъ такую свѣчку, какой еще никто не ставилъ: на каждую бестію купца наложу доставить по три пуда воску“. Впрочемъ, онъ самъ сознаетъ, что поступаетъ дурно, но утѣшаетъ себя мыслью, что „нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-либо грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ“.

При всемъ томъ городничій вовсе не какой-либо злодѣй, онъ только не хочетъ упускать того, что плыветъ ему въ руки, не можетъ удержаться отъ искушенія воспользоваться своею властью для личныхъ выгодъ. Онъ только не отдаетъ себѣ яснаго отчета, какъ тяжело отражаются его пріемы на подчиненныхъ, и съ большой наивностью говоритъ: „если что я и взялъ, то ужъ безо всякой злобы“. А между тѣмъ купцы жалуются на него Хлестакову: „такого городничаго никогда еще, государь, не было. Такія обиды чинитъ, что описать нельзя... Если бы, то-есть, чѣмъ-нибудь не уважили его, а то мы ужъ *порядокъ* всегда исполняемъ: *что слѣдуетъ* на платья супружницѣ его и дочкѣ—мы противъ этого

е стоимъ. Нѣтъ, вишь ты, ему всего мало!—ей, ей!". Жеая взять больше, городничій, по словамъ купцовъ, даже менины свои справляетъ дважды въ годъ, на Антона и на нуфрія.

Но злоупотребленія его не ограничиваются однѣми взятами съ обывателей: онъ старается при случаѣ нажиться и а счетъ казны: вступаетъ въ стачку съ купцами при подряахъ, присваиваетъ себѣ деньги, которыя были ассигнованы а постройку церкви при богоугодномъ заведеніи. Властью воей онъ пользуется часто по личному произволу, противно аконамъ; такъ, напр., онъ приказалъ высѣчь унтеръ-офиершу, отдалъ въ солдаты не въ очередь мужа слесарши и . д. Вотъ почему, когда по городу пронеслась молва о пріѣзѣ ревизора, къ Хлестакову нагрянула цѣлая толпа проителей съ жалобами на городничаго: такъ солоно достался нъ обывателямъ.—Грубость натуры городничаго особенно рко сказывается въ минуты торжества, когда онъ съ ругаельствами набрасывается на купцовъ, или когда онъ начиаетъ мечтать о томъ, что будетъ генераломъ и всѣ низшіе удутъ трепетать передъ нимъ и вытягиваться въ струнку. мѣстѣ съ тѣмъ однако городничій не лишенъ и нѣкотораго обродушія: онъ обѣщаетъ, напр., похлопотать впослѣдствіи а своихъ сослуживцевъ, между тѣмъ какъ жена его съ пребреженіемъ заявляетъ, что „не всякой же мелюзгѣ оказыать покровительство".

Его жена и дочь.

Жена городничаго—типъ перезрѣлой кокетки. Несмотря а почтенные уже годы, она болѣе всего думаетъ о нарядахъ, а при извѣстіи о ревизорѣ главнымъ образомъ интесуется его возрастомъ и цвѣтомъ глазъ и волосъ. Она, о выраженію мужа, „немного съ придурью", что не мѣаетъ ей выказывать претензію на свѣтскость и тонкое знае приличій. Несмотря на то, что она, по собственному выраженію, „въ нѣкоторомъ родѣ замужемъ", ей очень нравится каживаніе Хлестакова и она даже ревнуетъ его къ собственой дочери. Послѣдняя во многомъ напоминаетъ свою маушку: то же кокетство и жеманство, та же забота о нарядахъ, же пустота и любопытство.

Другіе уѣздные чиновники.

Изъ другихъ городскихъ чиновниковъ Гоголь изобралъ судью, почтмейстера, попечителя богоугодныхъ заведей и смотрителя училищъ. Судья Ляпкинъ-Тяпкинъ—чело-

вѣкъ очень наивный. Въ свою жизнь онъ прочелъ нѣсколь книгъ и потому считаетъ себя человѣкомъ образованным любитъ авторитетнымъ тономъ говорить о матеріяхъ важны Среди чиновниковъ онъ даже слыветъ вольнодумцемъ. случаѣ онъ беретъ взятки борзыми щенками, такъ какъ страстный охотникъ. Дѣломъ своимъ онъ не занимает самъ откровенно заявляетъ: „Я вотъ уже пятнадцать л сижу на судейскомъ стулѣ, а какъ загляну въ доклад записку—а! только рукой махну. Самъ Соломонъ не ра шитъ, что въ ней правда и что неправда“.

Попечитель богоугодныхъ заведеній Земляника—боль руки плутъ. Онъ наживается отъ своей службы. Чтобы бол было доходу, онъ не употребляетъ въ больницѣ доро лѣкарствъ, на томъ основаніи, что „человѣкъ простой: умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ здоровѣетъ“. Естественно, что при подобныхъ порядкахъ б ные „всѣ какъ мухи выздоравливаютъ, и не столько мед ментами, сколько честностью и порядкомъ“. Въ нравст номъ отношеніи Земляника стоитъ еще ниже городнич въ немъ нѣтъ и тѣни добродушія, присущаго послѣдн онъ завистливъ, двуличенъ и склоненъ къ интригѣ; при говорѣ съ Хлестаковымъ онъ, думая поддѣлаться къ н раскрываетъ проступки своихъ сослуживцевъ и даже вы вается написать на нихъ письменный доносъ.

Почтмейстеръ Шпекинъ—человѣкъ до крайности наив и любопытный. У него пренебреженіе къ служебному до выражается въ болѣе безобидной формѣ, чѣмъ у его тов щей: удовлетворяя своему простодушному любопытству, задерживаетъ и распечатываетъ на почтѣ письма, чтеніе торыхъ доставляетъ ему большое удовольствіе. Смотрит училищъ Хлоповъ, по опредѣленію Гоголя, просто „н ганный человѣкъ“, совершенно теряющійся въ присутс мнимаго ревизора.

Типы уѣздныхъ обывателей.

Изъ лицъ провинціальнаго общества, не принадле щихъ къ числу чиновниковъ, въ комедіи выведены два вателя: Бобчинскій и Добчинскій. На нихъ яснѣе всего ви пустота и безсодержательность провинціальной жизни. отсутствіемъ какихъ-либо высшихъ интересовъ, обществ нимается лишь сплетнями и пересудами, и главную роль этомъ отношеніи играютъ именно оба пріятеля. Они—пер

вщики города; узнавши какую-нибудь новость, они спѣ-
съ нею изъ дома въ домъ; для нихъ нѣтъ высшаго
льствія, какъ разсказать о чемъ-либо новомъ и сосре-
ить на себѣ всеобщее вниманіе: въ эти минуты они
вуютъ себя настоящими героями, тѣмъ болѣе, что въ
ьное время къ нимъ вообще относятся съ пренебреже-
, къ чему впрочемъ они вполнѣ привыкли, а городни-
даже употребляетъ ихъ на побѣгушки.

Хлестаковъ.

Въ лицѣ *Хлестакова*, по выраженію одного критика,
щена „комическая Немезида“ піесы. Чѣмъ пустѣе и
нѣе это лицо, тѣмъ обиднѣе для городничаго тотъ само-
ть, въ который онъ впалъ, когда, ослѣпленный страхомъ
и наказанія, принялъ „сосульку за важнаго человѣка“.
твительно, Хлестаковъ—воплощенная ничтожность и
ость; по своей внутренней пустотѣ онъ даже стоитъ го-
ниже не только городничаго и другихъ выведенныхъ
зниковъ, но и своего лакея Осипа. Къ сколько-нибудь
ому мышленію онъ совершенно неспособенъ; у него по
венному выраженію, „замѣчательная легкость въ мы-
“: мысль его безпрестанно перелетаетъ съ предмета на
етъ, такъ что онъ самъ забываетъ, о чемъ говорилъ
о что. Высшее наслажденіе его заключается въ томъ,
пощеголять на гуляньѣ въ модномъ костюмѣ, порисо-
, особенно передъ дамами. Мелкое тщеславіе, желаніе
ть пыль въ глаза, вотъ что руководитъ всѣми его по-
ами. Ради удовлетворенія этой страстишки, онъ прибѣ-
къ самой беззастѣнчивой лжи, особенно, когда видитъ,
о слушаютъ, что за нимъ ухаживаютъ: онъ и депар-
томъ управляетъ, и во дворецъ ѣздитъ, и съ послан-
и въ карты играетъ. Наконецъ онъ такъ завирается,
аже перепуганный городничій замѣчаетъ это, хотя и
яетъ по-своему: „да еще наговорилъ больше, чѣмъ
; видно, что человѣкъ молодой“.

днако Хлестаковъ вовсе не сознательный обманщикъ и
юзванецъ. Онъ лжетъ безъ всякой цѣли, не изъ ка-
ибо личныхъ, корыстныхъ побужденій, а изъ простого
ыслія и фанфаронства. Въ минуты, когда онъ лжетъ,
аже вѣритъ собственнымъ словамъ, хотя тотчасъ же
етъ о нихъ и иногда сбивается съ тона и вспоминаетъ
ї комнаткѣ въ четвертомъ этажѣ, о кухаркѣ Маврушкѣ.

Какъ мало связи въ его мысляхъ, такъ же мало связи и в его поступкахъ. Онъ вовсе не отдаетъ себѣ отчета въ своих дѣйствіяхъ, не думаетъ о результатѣ. Мысль, мелькнувш въ его головѣ, немедленно превращается въ слово или в дѣло: въ этомъ смыслѣ Хлестаковъ—натура чисто импул сивная. Эта черта его особенно ярко проявляется въ 4-м дѣйствіи, когда Хлестаковъ то принимаетъ чиновниковъ беретъ у нихъ деньги (взаймы, такъ какъ онъ слыхалъ в Петербургѣ, что брать взятки неблагородно), то обѣщает купцамъ „убрать" городничаго, то объясняется въ люб одновременно его женѣ и дочери, то, наконецъ, неожидан уѣзжаетъ, соблазнившись перспективой прокатиться съ ш комъ на лихой тройкѣ, и, такимъ образомъ, слѣдуя бла разумному совѣту Осипа, избавляется отъ ожидавшихъ е непріятностей при пріѣздѣ настоящаго ревизора.

Хлестаковъ, какъ психологическій типъ.

Гоголь придавалъ роли Хлестакова очень большое значеніе былъ недоволенъ игрою актеровъ, которые при исполненіи ея вн дали въ карикатурность.

Хлестаковъ, по мысли Гоголя, не просто мелкій петербургск фатъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ представитель очень распростране наго *типа*; слѣдовательно, образъ его, кромѣ частнаго, имѣе еще и *общее* значеніе. Очень многіе люди стремятся въ жиз казаться не тѣмъ, что они есть на самомъ дѣлѣ, и въ этомъ пр тиворѣчіи между *быть* и *казаться* именно и заключается коре всякой „хлестаковщины", съ тою только разницей, что не всег она проявляется такъ ярко и наглядно, какъ въ лицѣ Хлестакова Эту мысль Гоголь самъ выразилъ въ „Письмѣ къ одному литер тору", написанномъ послѣ перваго представленія *Ревизора*: „Во кій на минуту, если не на нѣсколько минутъ дѣлался или дѣлает Хлестаковымъ, но, натурально, въ этомъ не хочетъ только пр знаться; онъ любитъ даже и посмѣяться надъ этимъ фактомъ, только, конечно, въ кожѣ другого, а не въ собственной. И лов гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и государств ный мужъ окажется иногда Хлестаковымъ, и нашъ братъ, грѣ ный литераторъ, окажется подчасъ Хлестаковымъ. Словомъ, рѣд кто имъ не будетъ хоть разъ въ жизни,—дѣло только въ том что вслѣдъ затѣмъ очень ловко повернется, и какъ будто бы не онъ".

Общественное значеніе комедіи.

Кромѣ художественнаго, „Ревизоръ" имѣлъ еще важн общественное значеніе, какъ правдивая картина невѣжеств произвола и злоупотребленій, часто встрѣчавшихся въ то дашней Россіи, особенно, въ провинціальномъ захолустьѣ, гд лица, въ родѣ городничаго и Земляники, чувствовали се

безопасными отъ контроля и могли спокойно притѣснять подвластныхъ и обдѣлывать свои темныя дѣлишки. Это общественное значеніе „Ревизора“ ясно понималъ и самъ авторъ и потому выбралъ эпиграфомъ для своей комедіи пословицу: „на зеркало неча пенять, коли рожа крива“. Но именно это обличеніе общественныхъ недостатковъ и вызвало противъ автора многочисленныя нападки и обвиненія, какъ со стороны лицъ, чувствовавшихъ себя задѣтыми комедіей, такъ и со стороны литературныхъ враговъ Гоголя. Всѣ эти толки и пересуды публики Гоголь изобразилъ въ особой піесѣ: „*Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи*“.

Театральный разъѣздъ.

Здѣсь въ рядѣ живо очерченныхъ типовъ проходятъ представители различныхъ общественныхъ слоевъ. Среди нихъ есть и люди совершенно равнодушные къ комедіи и къ поднятымъ ею вопросамъ, не имѣющіе никакого собственнаго сужденія и ожидающіе, „что скажутъ въ журналахъ“.

Нападки на комедію.

Но большинство задѣто комедіей за живое, оживленно толкуетъ о ней и съ ожесточеніемъ нападаетъ на нее и на автора. Литераторы (въ ихъ лицѣ Гоголь изобразилъ Булгарина и Сенковскаго и даже вложилъ имъ въ уста фразы, заимствованныя изъ ихъ собственныхъ статей) озлоблены успѣхомъ комедіи и называютъ ее грязнымъ фарсомъ, невѣроятною карикатурой. Другіе недовольны комедіей въ литературномъ отношеніи, не находятъ въ ней ни настоящей завязки, ни развязки. Наконецъ, болѣе всего нападаютъ на моральную и общественную цѣль піесы, при чемъ одни находятъ недостатокъ ея въ томъ, что въ ней выведены все порочныя лица и нѣтъ ни одного благороднаго, что комедія производитъ поэтому слишкомъ удручающее впечатлѣніе; другіе же находятъ ее прямо опасной, подозрѣваютъ автора въ тайномъ намѣреніи подорвать уваженіе къ правительству, говорятъ, что для него нѣтъ ничего священнаго, что вся піеса есть насмѣшка надъ Россіей.

Защитники комедіи.

Противъ всѣхъ толковъ и обвиненій Гоголь возражаетъ въ „*Театральномъ разъѣздѣ*“, при чемъ въ свою защиту онъ заставляетъ выступить нѣкоторыхъ изъ выведенныхъ лицъ; такъ, напр., одинъ изъ зрителей разъясняетъ особенность завязки комедіи, объединяющей всѣхъ лицъ въ одно цѣлое, и, ссылаясь на примѣръ Аристофана, указываетъ на серьезное общественное значеніе, какое можетъ имѣть комическое произведеніе. Другой зритель, „очень скромно одѣтый человѣкъ“, возражаетъ противъ обвиненія, будто авторъ, представляя въ дурномъ видѣ должностныхъ лицъ, имѣлъ цѣлью подорвать уваженіе къ власти, и что комедія его можетъ поэтому оказать дурное вліяніе на народъ; въ отвѣтъ на эти обвиненія онъ указываетъ на слова одного изъ зрителей изъ простонародья: „Небось, прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, когда пришла царская расправа!“ Уваженіе теряется не къ

чиновникамъ и должностямъ, а къ тѣмъ, которые дурно исполняютъ свой долгъ; въ этомъ отношеніи комедія имѣетъ даже воспитательное значеніе, такъ какъ показываетъ, что служебныя злоупотребленія не остаются безнаказанными. Наконецъ, „скромно одѣтый человѣкъ“ выражаетъ мысль, что комедія должна оказывать благотворное нравственное воздѣйствіе на всѣхъ зрителей вообще, такъ какъ должна каждаго заставить оглянуться на самого себя и спросить себя, нѣтъ ли въ немъ самомъ тѣхъ пороковъ, которые выведены авторомъ на сцену. Эту же мысль о морально-воспитательномъ значеніи искусства повторяетъ и господинъ Б., находящій, что выставленіе общественныхъ пороковъ и недостатковъ на позорище есть необходимая исповѣдь и первый шагъ къ исправленію. Наконецъ, въ заключеніе піесы, выступаетъ самъ авторъ и въ длинной рѣчи высказываетъ свои взгляды на значеніе смѣха и на роль писателя-юмориста. Смѣхъ есть могучая сила: „насмѣшки боится даже тотъ, кто уже ничего не боится на свѣтѣ“. Смѣхъ въ комедіи не есть праздная забава: „Онъ углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проницающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугали бы такъ человѣка; ничтожное и презрѣнное, мимо чего человѣкъ проходитъ равнодушно всякій день“, становится яснымъ, будучи освѣщено смѣхомъ поэта-юмориста. Смѣхъ имѣетъ серьезное воспитательное значеніе, потому что заставляетъ человѣка оглянуться на самого себя, потому что показываетъ, что человѣкъ можетъ возвыситься надъ своими недостатками, осмѣять свои пороки. Задача поэта-юмориста заключается въ томъ, чтобы поучать отрицательными образами. Осмѣивая порокъ, онъ тѣмъ самымъ противопоставляетъ его идеалу добродѣтели. Онъ—врачъ общественныхъ недостатковъ: осмѣивая ихъ, онъ въ то же время скорбитъ надъ нравственнымъ паденіемъ человѣка. „Въ глубинѣ холоднаго смѣха могутъ отыскаться горячія искры вѣчной, могучей любви, и кто льетъ часто душевныя, глубокія слезы, тотъ, кажется, болѣе всѣхъ смѣется на свѣтѣ“...

Взгляды Гоголя на значеніе смѣха.

5. Мертвыя души.

Замыселъ поэмы.

Поэма „*Мертвыя Души*“ была начата Гоголемъ въ 1835 г. Сюжетъ ея былъ данъ Гоголю Пушкинымъ, такъ же какъ и сюжетъ „Ревизора“. Въ октябрѣ 1835 г. онъ сообщалъ Пушкину: „Началъ писать „Мерт. Души“; сюжетъ растянулся на предлинный романъ и, кажется, будетъ очень смѣшонъ. Но теперь остановилъ его на третьей главѣ. Ищу хорошаго ябедника, съ которымъ бы можно хорошо сойтись. Мнѣ хочется въ этомъ романѣ *показать хотя съ одного боку всю Русь*“. Гоголь даже успѣлъ прочесть Пушкину первыя главы своего новаго произведенія; разсказывая объ этомъ чтеніи,

Гоголь сообщаетъ, что Пушкинъ сперва очень смѣялся, затѣмъ глубоко задумался, сдѣлался мраченъ и, когда чтеніе кончилось, произнесъ съ тоскою: „Боже, какъ грустна наша Россія!“ Изъ этого видно, что уже изъ первыхъ набросковъ Пушкинъ угадалъ глубоко-серьезное значеніе этого комическаго произведенія, почуялъ въ немъ сквозь видимый смѣхъ незримыя слезы.

Его дальнѣйшее расширеніе.

Переселившись за-границу, Гоголь ревностно принялся за продолженіе начатаго произведенія, которое становится съ этихъ поръ главнымъ трудомъ его жизни. Постепенно планъ работы разростался и измѣнялся въ его головѣ: онъ уже не хотѣлъ ограничитья цѣлью показать Русь „съ одного боку“, но ставилъ себѣ задачей изобразить русскую жизнь со всѣхъ сторонъ, во всемъ ея многообразіи. По этому новому плану поэма должна была обнимать три тома, при чемъ въ первомъ томѣ должны были быть выведены исключительно отрицательные типы, во второмъ томѣ должны были выступить лица менѣе дурныя и пошлыя, съ хорошими задатками и безъ порочныхъ наклонностей, а въ третьемъ томѣ Гоголь хотѣлъ не только показать идеальные русскіе типы, но даже заставить исправиться и возродиться къ новой жизни порочныхъ и пошлыхъ героевъ перваго тома.

На это продолженіе поэмы въ новомъ духѣ есть намеки уже въ первомъ томѣ, гдѣ Гоголь говоритъ, что впослѣдствіи „предстанутъ колоссальные образы, двинутся сокровенные рычаги широкой повѣсти, раздастся далече ея горизонтъ и вся она приметъ величавое лирическое теченіе“. Встрѣчаются даже болѣе опредѣленные намеки на будущихъ героевъ поэмы, въ которой „почуются иныя, еще небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божескими доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся передъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга передъ живымъ словомъ!“ Наконецъ, это именно продолженіе поэмы, съ новыми идеальными героями, имѣлъ въ виду Гоголь, когда, на послѣдней страницѣ перваго тома, сравнивалъ Русь съ тройкой необгонной тройкой, мчащейся впередъ, оставляя позади себя другіе народы и государства.

Однако этотъ обширный планъ не былъ приведенъ въ исполненіе во всемъ своемъ объемѣ. Въ 1842 году вышелъ въ свѣтъ 1-й томъ „Мертвыхъ Душъ“. Посылая Жуковскому

свою книгу, Гоголь назвалъ ее „скромнымъ крыльцомъ к величественному зданію“, подразумѣвая подъ этимъ задуман

Судьба второго тома.

ное продолженіе своей поэмы. Надъ этимъ продолженіем Гоголь трудился вплоть до своей смерти, неоднократно пе редѣлывая и перерабатывая его. Однако растроенное здоров сильно мѣшало его творческой работѣ: онъ принужденъ был упорно лѣчиться, вдохновеніе приходило изрѣдка и съ пере рывами. Одно время онъ былъ сильно отвлеченъ работой над „Избранными мѣстами изъ переписки съ друзьями“. Неудач этой книги чрезвычайно огорчила Гоголя, но она имѣл тотъ благой результатъ, что онъ отказался отъ роли фило софа-моралиста, какъ несвойственной ему, и вернулся къ ху дожественной дѣятельности, т.-е. къ продолженію „Мертвых Душъ“. Лѣтомъ 1851 года второй томъ былъ уже совер шенно приготовленъ Гоголемъ для печати, и онъ даже пріѣ халъ въ Москву, чтобы самому слѣдить за печатаніемъ, н отложилъ изданіе до слѣдующаго года. Но изданію не суж дено было состояться, такъ какъ за нѣсколько дней д смерти Гоголь сжегъ переписанную набѣло рукопись 2-г тома, отъ котораго сохранились лишь нѣкоторые отрывки найденные уже послѣ кончины Гоголя въ его черновых бумагахъ.

Сюжетъ поэмы.

Сюжетъ „*Мертвыхъ Душъ*“ заключается въ томъ, чт отставной чиновникъ Чичиковъ разъѣзжаетъ по Россіи и ску паетъ у помѣщиковъ умершихъ крестьянъ, т.-е. такихъ, ко торые по ревизскимъ книгамъ („сказкамъ“) еще числятс живыми, намѣреваясь заложить ихъ въ ломбардъ, уже в качествѣ живыхъ, и такимъ образомъ сразу нажить себѣ со стояніе. Этотъ сюжетъ по самому свойству своему какъ нельз болѣе подходилъ къ цѣли, поставленной себѣ Гоголемъ: обнят въ своемъ произведеніи всю Россію, такъ какъ Чичиковъ в своихъ странствованіяхъ долженъ былъ войти въ сношені съ самыми разнообразными лицами, взятыми изъ различных круговъ общества.

Чичиковъ.

Героемъ поэмы является Павелъ Ивановичъ Чичиковъ „плутоватый человѣкъ“, или какъ его еще называетъ Го голь „*пріобрѣтатель*“. Главная забота его заключается в томъ, чтобы пріобрѣсти себѣ состояніе; ради этого онъ го товъ покривить душой, готовъ пойти на противозаконно дѣло. Гоголь показываетъ намъ, какъ сложился его хара

еръ, разсказываетъ всю его жизнь. Судьба мало благопріят- Условія его жизни.
твовала Чичикову, одинокое, безрадостное дѣтство, бѣдность, тсутствіе помощи и поддержки извнѣ, вотъ что онъ встрѣ-илъ при вступленіи въ жизнь. Однако, всѣ эти неблаго-ріятныя условія не сломили его, но, напротивъ того, только акалили его характеръ. Отсутствіе поддержки извнѣ пріучило ичикова во всемъ разсчитывать лишь на самого себя, на обственныя силы; борьба съ препятствіями воспитала въ емъ энергію, силу воли и настойчивость въ преслѣдованіи амѣченной цѣли; необходимость изворачиваться среди труд-ыхъ обстоятельствъ изощрила его умъ, который однако тличается исключительно практическимъ характеромъ и роявляется въ хитрости, въ умѣньи изъ всего извлекать ебѣ пользу, приспособляясь къ людямъ и обстоятельствамъ.
ила воли, хитрость, способность приспособленія — вотъ Главныя черты характера.
лавныя черты характера Чичикова; но всѣ онѣ подчинены сновному стремленію къ *пріобрѣтенію*, служатъ лишь сред-твомъ для достиженія этой цѣли. Главный двигатель его уши — корыстолюбіе. Однако, Чичиковъ вовсе не грязный ряга, какъ Плюшкинъ, у котораго страсть къ пріобрѣте-ію приняла совершенно болѣзненныя формы: Чичиковъ ста-ется составить себѣ состояніе для того, чтобы впослѣдствіи льзоваться имъ, отказываетъ себѣ до поры до времени во ногомъ, въ надеждѣ впослѣдствіи вознаградить себя за это здержаніе и насладиться всѣми благами жизни.

Основныя черты характера стали сказываться въ Чичи- Школа служба.
вѣ очень рано. Уже въ школѣ онъ началъ копить копейку, казывая себѣ во всякихъ удовольствіяхъ и лакомствахъ. рпѣніе и настойчивость его проявились, напр., въ дресси-вкѣ мыши, которую онъ затѣмъ продалъ товарищамъ. Свою особность приспособляться къ людямъ онъ обнаружилъ въ кусствѣ, съ какимъ онъ поддѣлался къ старому учителю, льшому любителю тишины и благонравія". Это же искус-во помогало ему и впослѣдствіи въ его сношеніяхъ съ дьми: даже стараго повытчика, человѣка съ кремневой шой, онъ сумѣлъ обойти и воспользоваться его поддерж-й для первыхъ успѣховъ на служебномъ поприщѣ. Въ одѣ N. онъ очаровалъ всѣхъ чиновниковъ ловкостью сво-обращенія, умѣньемъ сказать всѣмъ что-нибудь пріятное, дѣ нужно—подѣйствовать лестью.Точно такъ же въ сноше-

ніяхъ съ помѣщиками онъ съ каждымъ обращался по ра
ному: съ Маниловымъ мечталъ о прелестяхъ дружеской жизн
съ Собакевичемъ бесѣдовалъ о хозяйствѣ, съ Плюшкины
о разумной экономіи—всѣмъ онъ умѣлъ понравиться и и
всѣхъ умѣлъ извлечь пользу; не малую помощь принес
ему при этомъ его знаніе людей и преимущественно челов
ческихъ слабостей.

Положительныя черты.

Гоголь отмѣчаетъ также громадную силу воли и насто
чивость своего героя. Чичиковъ не падаетъ духомъ при н
удачахъ, даже тогда, когда онъ вдругъ лишается всего бл
госостоянія, достигнутаго, съ такимъ трудомъ, цѣною доли
лѣтнихъ усилій и лишеній. Эта настойчивость представляет
несомнѣнно, крупную положительную черту въ характе
Чичикова; поэтому вполнѣ понятно восклицаніе Муразо
„Ахъ, Павелъ Ивановичъ! какой бы изъ васъ былъ человѣк
если бы также, и силою, и терпѣніемъ, да подвизались
на добрый трудъ, имѣя лучшую цѣль! Боже мой, сколь
бы вы надѣлали добра!“ Но у Чичикова вся эта сила, в
энергія уходитъ на удовлетвореніе эгоистическихъ цѣле
на погоню за богатствомъ, такъ какъ ни школа, ни жиз
не воспитали въ немъ иныхъ, болѣе высокихъ нравстве
ныхъ чувствъ и понятій.

Типы помѣщиковъ: Маниловъ.

Скупая мертвыя души, Чичиковъ посѣщаетъ цѣл
рядъ помѣщиковъ, дающихъ въ изображеніи Гоголя цѣл
галлерею портретовъ. Прежде всего Чичиковъ отправляет
къ молодому помѣщику *Манилову*. Это—человѣкъ безъ в
кой опредѣленной физіономіи, „ни то, ни се, ни въ горо
Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ“. Никакой рѣзкой отлич
тельной черты нѣтъ въ его характерѣ. У каждаго человѣ
говоритъ Гоголь, есть какая-нибудь страсть или просто
машка, „у всякаго есть свое, но у Манилова ничего не был
Не было у Манилова и никакихъ опредѣленныхъ собственны
взглядовъ; поэтому онъ о всѣхъ людяхъ отзывается сов
шенно одинаково: всѣ въ его глазахъ препочтенные и п
любезные люди, такъ какъ самъ онъ добрѣйшей души че
вѣкъ, хотя доброта его выражается лишь отрицательно. т
онъ не дѣлаетъ ничего дурного,—потому что вообще нич
не дѣлаетъ. Времяпровожденіе его заключается въ то
что онъ сидитъ у окна, куритъ трубку и мечтаетъ о пре
стяхъ дружеской жизни или о томъ, чтобы „слѣдить каку

нибудь этакую науку". Однако, живыхъ духовныхъ интересовъ въ немъ вовсе нѣтъ: поэтому лежавшая въ его кабинетѣ книга неизмѣнно оставалась развернутой на 14 страницѣ. Хозяйствомъ онъ не занимался, предоставивъ это дѣло приказчику, который, конечно, старался извлечь свою пользу изъ довѣрчивости барина: оттого деревня Манилова находилась въ очень плохомъ состояніи, мужики были разорены и пьянствовали. Но ничего этого не замѣчалъ Маниловъ, занятый мечтами о томъ, какъ хорошо было бы построить мостъ черезъ прудъ или такую башню, съ которой была бы видна Москва.

Собакевичъ

Полную противоположность Манилову представляетъ собой *Собакевичъ*. По внѣшности это настоящій медвѣдь „средней величины": толстый, неуклюжій, угрюмый. Характеръ его вполнѣ соотвѣтствуетъ этой внѣшности. Желанья, вкусы и привычки его отличаются животной грубостью и низменностью. *Алчность*—его главная характерная черта; она проявляется не только въ ѣдѣ, но и въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ людьми. Грубый въ обращеніи, Собакевичъ обо всѣхъ людяхъ отзывается дурно, честитъ всѣхъ мошенниками и ворами. Впрочемъ, его неповоротливость не мѣшаетъ ему ловко обдѣлывать свои дѣла, такъ что онъ даже перехитрилъ Чичикова, ввернувъ ему „Елизаветъ Воробья". Притомъ Собакевичъ отличный хозяинъ: имѣнье его въ прекрасномъ состояніи, домъ — полная чаша, вся обстановка, не щеголяя красотой и изяществомъ, отличается прочностью и солидностью; крестьяне также живутъ хорошо, такъ какъ Собакевичъ понимаетъ, что его собственное благосостояніе прямо зависитъ отъ благосостоянія крестьянъ. Нѣкоторыя черты того кулака-помѣщика, умѣющаго изъ всего извлекать пользу, повторяются, въ нѣсколько смягченномъ видѣ, у *Коробочки*. Она также хорошая, домовитая хозяйка и, несмотря на свои жалобы на вдовью неопытность, отлично умѣетъ блюсти свои выгоды. Однако, въ ней нѣтъ той хитрости и практической расчетливости, какой отличается Собакевичъ: Чичикову стоило громадныхъ трудовъ убѣдить ее въ выгодности своего предложенія, такъ что не даромъ онъ въ сердцахъ даже назвалъ ее „дубинно-головой"; да и то Коробочка, вступивъ съ Чичиковымъ въ сдѣлку, стала затѣмъ опасаться, не прогадала ли она, и отправилась въ городъ узнавать, по чемъ продятъ мертвыя души.

Такую же рѣзкую психологическую противоположност
какъ Маниловъ и Собакевичъ, представляетъ собой *Ноздре*
Плюшкинъ. и *Плюшкинъ*. Плюшкинъ—олицетвореніе скупости во всемъ е
безобразіи. Онъ въ полномъ смыслѣ слова—*рабъ* своей страст
убившей въ немъ всѣ другія человѣческія чувства. Гого
показываетъ намъ, какъ эта страсть постепенно овладѣва
душою Плюшкина, пока, наконецъ, не превратила его из
разумнаго и уважаемаго хозяина и семьянина въ жалкаго скр
гу, ходящаго въ отрепьяхъ, собирающаго всякую дрянь, м
чащаго себя и людей голодомъ, всѣми оставленнаго и пр
зираемаго. Скупость сдѣлала его угрюмымъ, подозрител
нымъ и нелюдимымъ, скупость убила въ немъ даже любо
къ собственнымъ дѣтямъ. Эта страсть такъ затуманила е
разумъ, что онъ даже не въ состояніи правильно расчес
свои собственныя выгоды: собирая потерянныя подков
гвозди, старыя подошвы, онъ не замѣчаетъ, какъ хозяйст
его приходитъ въ упадокъ, хлѣбъ гніетъ въ скирдахъ, п
тому что онъ не продаетъ его, боясь продешевить, крестья
бѣднѣютъ и разбѣгаются, какъ все вокругъ него „становит
гниль и прорѣха“, и какъ самъ онъ обратился, наконец
въ какую-то „прорѣху на человѣчествѣ“ [1]).

Ноздревъ. Въ противоположность Плюшкину, у котораго преобл
даетъ стремленіе сжаться, уйти въ себя, въ основѣ характе
Ноздрева лежитъ стремленіе развернуться, истратить как
нибудь избытокъ жизненныхъ силъ. Это, что называетс
„широкая натура“, какихъ много на Руси. Насколько угрюм
и нелюдимъ Плюшкинъ, настолько веселъ и общителенъ Ноз
ревъ. Онъ не выноситъ одиночества: быть въ обществѣ с
ставляетъ для него потребность, и чѣмъ шумнѣе компані
тѣмъ для него лучше; вотъ почему онъ особенно любитъ п
сѣщать ярмарки и всевозможныя сборища, гдѣ можно де
жаться нараспашку. Кутила и забіяка, Ноздревъ, вмѣстѣ с
тѣмъ „историческій человѣкъ“, потому что ни одного собр
нія съ его участіемъ не обходится безъ какой-либо исторі
или онъ бьетъ, или его бьютъ,—большей частью за шуле

---

[1]) На Плюшкина можно взглянуть и съ болѣе общей точки зрѣні
съ которой онъ представитъ собой не только типъ скупца, но и изобр
женіе старческаго одряхлѣнія, духовнаго упадка, однимъ изъ проявлен
котораго нерѣдко является скупость; возможность такого болѣе широка
толкованія типа Плюшкина дана самимъ Гоголемъ въ словахъ, обраще
ныхъ къ молодому поколѣнію.

ство въ карточной игрѣ, въ которой онъ питаетъ большое пристрастіе. Впрочемъ шулерствомъ онъ занимается болѣе изъ любви къ искусству, чѣмъ изъ корыстолюбія, потому что все выигранное имъ тотчасъ же спускаетъ на разныя ненужныя покупки. Ложь и хвастовство—также его отличительныя качества, при чемъ, подобно Хлестакову, лжетъ онъ безъ всякой цѣли и безъ какихъ-либо корыстныхъ расчетовъ. Натура подвижная, неусидчивая, Ноздревъ совсѣмъ не занимается своимъ хозяйствомъ и оно находится въ очень плохомъ состояніи, о чемъ, впрочемъ, Ноздревъ мало печалится, такъ какъ не привыкъ задумываться о будущемъ.

Общія типическія черты.

Таковы различные, частью противоположные типы, выведенные Гоголемъ въ 1-мъ томѣ „Мертвыхъ Душъ". Но при всемъ различіи ихъ характерныхъ особенностей въ нихъ есть одна общая черта: это—бѣдность ихъ духовной жизни, отсутствіе болѣе высокихъ интересовъ и потребностей, низкій уровень умственнаго и нравственнаго развитія. Жизнь ихъ отличается пошлостью и безсодержательностью и похожа на полуживотное прозябаніе. Лучшія человѣческія черты въ нихъ заглушены и подавлены, такъ что къ нимъ самимъ можно съ полнымъ основаніемъ примѣнить заглавіе поэмы и назвать ихъ „мертвыми" душами.

Широта Гоголевскихъ типовъ.

Къ числу характерныхъ особенностей Гоголевскаго творчества принадлежитъ одно общее свойство созданныхъ имъ типовъ: ихъ большая собирательная сила, *широта обобщенія*, имъ принадлежащая. Типы Гоголя суть не только типы національные и общественные, съ опредѣленными чертами времени и мѣста, но вмѣстѣ съ тѣмъ они суть *типы психологическіе*, имѣющіе широкое общечеловѣческое значеніе. Въ нихъ воплощены черты, очень часто встрѣчающіяся въ жизни, только съ разными видоизмѣненіями, въ различныхъ сочетаніяхъ; Гоголь ограничился тѣмъ, что рѣзче подчеркнулъ эти черты, заставилъ ихъ выпукло выступить передъ нашими глазами. Благодаря этой широтѣ обобщенія Гоголевскіе типы получили *нарицательное* значеніе: достаточно назвать какого-нибудь человѣка Плюшкинымъ, Собакевичемъ, Хлестаковымъ, чтобы сразу получить о немъ вполнѣ опредѣленное представленіе; точно такъ же для насъ вполнѣ ясно понятіе „маниловщина". Гоголь самъ хорошо понималъ широту созданныхъ имъ образовъ и даже старался ее подчеркнуть своими замѣчаніями (напр., о Собакевичѣ, о Коробочкѣ, о Ноздревѣ), подобно тому, какъ въ письмѣ по поводу „Ревизора" онъ особенно подчеркнулъ широту типа Хлестакова.—Въ связи съ широтой обобщенія, свойственной типамъ Гоголя, стоитъ и его моральная тенденція. Обрисовывая

характеръ, черты котораго имѣютъ широкое распространеніе, Гогол
какъ бы подставляетъ зеркало, приглашая читателей вглядѣтьс
въ самихъ себя, нѣтъ ли въ нихъ подобныхъ же чертъ, над
которыми они сами смѣялись, когда увидѣли ихъ въ рѣзкомъ и яр
комъ изображеніи художника. Послѣ характеристики Чичикова
Гоголь прямо выражаетъ это требованіе: „А кто изъ васъ, пол
ный христіанскаго смиренія, не гласно, а въ тишинѣ, одинъ, в
минуты уединенныхъ бесѣдъ съ самимъ собою, углубитъ во внутр
собственной души сей тяжелый запросъ: „а нѣтъ ли и во мн
какой-нибудь части Чичикова?“ Такимъ образомъ и въ „Мертвых
Душахъ“ Гоголь остается вѣренъ своему убѣжденію, что писатель
сатирикъ есть въ то же время моралистъ, проповѣдникъ нрав
ственнаго идеала, поучающій людей путемъ осмѣянія человѣческих
слабостей и пороковъ.

Губернскій городъ N.

Кромѣ перечисленныхъ помѣщичьихъ типовъ, въ 1-м
томѣ „Мертвыхъ Душъ“ есть еще одно *собирательное лицо*
это собирательное лицо—*губернскій городъ N*. Гоголь не оста
навливается долго на характеристикѣ отдѣльныхъ чиновни
ковъ, обрисовывая каждаго изъ нихъ лишь нѣсколькими чер
тами: губернаторъ—добродушный человѣкъ, даже вышивав
шій иногда по тюлю; полицеймейстеръ, „отецъ и благодѣтел
города“, который навѣдывался въ купеческія лавки, какъ в
свои кладовыя, но который очень хорошо умѣлъ ладить с
купцами, такъ что они говорили: „хоть онъ и возьметъ, н
зато ужъ никакъ тебя не выдастъ“; почтмейстеръ, губернскі
острякъ и философъ, читавшій Юнговы „Ночи“ и „Ключ
къ таинствамъ натуры“ Эккартгаузена; прокуроръ, предсѣ
датель палаты, и другіе чиновники, которые всѣ раздѣляютс
Гоголемъ на „толстыхъ“ и „тоненькихъ“. Гоголь показывает
ихъ и во время служебныхъ занятій (при описаніи засѣда
нія судебной палаты), и въ часы развлеченій (балъ у губер
натора, обѣдъ у полицеймейстера), и въ трудныя минут
жизни, напр., при совѣщаніи относительно Чичикова и мерт
выхъ душъ. Въ общемъ получается картина, во многих
отношеніяхъ сходная съ „Ревизоромъ“, тѣмъ болѣе, что отдѣл
ными чертами изображенныя здѣсь лица напоминаютъ нѣ
которыхъ лицъ комедіи, напр., философъ почтмейстеръ на
поминаетъ судью, полицеймейстеръ — городничаго. Подобн
тому, какъ въ комедіи городничій и его сослуживцы нап
ганы слухами о ревизорѣ, такъ и здѣсь чиновники прихо
дятъ въ волненіе при толкахъ о „мертвыхъ душахъ“, потом
что и у нихъ, оказывается, совѣсть не очень чиста, и он

также опасаются, какъ бы толки эти не вызвали вмѣшательства высшаго начальства, при чемъ могутъ открыться разныя непріятныя для нихъ обстоятельства: прокуроръ, на обязанности котораго лежало слѣдить за разными злоупотребленіями, даже умираетъ отъ испытаннаго волненія. Никакихъ живыхъ умственныхъ интересовъ нѣтъ у изображеннаго Гоголемъ общества: оно занимается сплетнями и пересудами, которымъ съ особенной охотой предаются дамы на ряду съ модами и нарядами. Главное развлеченіе общества составляютъ обѣды и карты. Низшее чиновничество (палатскіе служащіе, напр., Иванъ Антоновичъ, „кувшинное рыло") отличается отъ высшаго лишь большей внѣшней грубостью; взятки и мелкія злоупотребленія среди нихъ вещь самая обычная. Въ общемъ картина губернской жизни получается очень безотрадная, благодаря царящей пошлости, невѣжеству, отсутствію чувства долга и законности.

Лиризмъ Гоголя.

Въ „Мертвыхъ Душахъ" обращаютъ на себя вниманіе и такъ называемыя *лирическія мѣста*. Впрочемъ лирическое одушевленіе есть одна изъ особенностей Гоголевскаго творчества вообще. Лиризмомъ проникнуто большинство его произведеній; онъ сказывается въ „Вечерахъ" (напр., описаніе украинской ночи) и въ „Миргородѣ" (воспоминанія о старосвѣтскихъ усадьбахъ, заключительныя слова „Повѣсти о Иванѣ Ивановичѣ и Иванѣ Никифоровичѣ"), въ „Тарасѣ Бульбѣ" (патріотическое одушевленіе), въ „Шинели", въ „Невскомъ проспектѣ" и т. д. Самый *юморъ* Гоголя есть въ сущности одно изъ проявленій его лиризма, потому что онъ характеризуетъ отношеніе автора къ изображаемому предмету, раскрывая чувства самого автора, его личность. Этотъ юморъ Гоголя есть та „гуманная субъективность", по выраженію Бѣлинскаго, которая присуща всѣмъ его произведеніямъ, и которая заставляла его проливать надъ своими жалкими героями горькія, хотя и незримыя слезы, сквозь видимый міру смѣхъ.

Лирическія мѣста въ «Мерт. Душахъ».

Но нигдѣ этотъ лирическій элементъ не обнаруживается съ такою яркостью, какъ именно въ „Мертвыхъ Душахъ", нигдѣ такъ часто не выступаетъ самъ авторъ, со своими чувствами и размышленіями, какъ бы обращаясь непосредственно къ читателямъ. Эти лирическія отступленія отличаются различнымъ характеромъ: въ однихъ Гоголь отдается воспоминаніямъ (напр., дорога въ дѣтствѣ) и сожалѣнію объ утерян-

ной свѣжести первоначальныхъ впечатлѣній; въ другихъ вы разилась его горячая любовь къ родинѣ и ко всему русском (напр., размышленія о силѣ и выразительности русскаго язы ка, обращеніе къ родинѣ (въ XI-ой гл.): „Русь, Русь! виж тебя изъ моего чуднаго, прекраснаго далека...“, сравнені Руси съ птицей-тройкой, заканчивающее всю поэму); къ числ такихъ лирическихъ отступленій принадлежатъ и размышле нія Чичикова надъ списками купленныхъ душъ, въ которых сказалась глубокая любовь Гоголя къ русскому народу; эт размышленія тѣмъ знаменательнѣе, что представляютъ собо единственное мѣсто, характеризующее отношеніе Гоголя к народу, такъ какъ Гоголь въ своемъ изображеніи русско жизни почти не коснулся крѣпостного крестьянства, если н считать комическихъ дядю Митяя и дядю Миняя.

Наконецъ, многія изъ лирическихъ отступленій имѣют значеніе комментаріевъ къ поэмѣ, въ которыхъ Гоголь выя няетъ свои взгляды на собственное художественное творч ство (напр., начало VII-ой гл.), на отдѣльныхъ выведенных лицъ, или же возражаетъ противъ различныхъ обвиненій ложныхъ толкованій, какимъ подвергались его произведені (напр., обвиненіе въ недостаткѣ патріотизма,—въ притчѣ Кифѣ Мокіевичѣ и Мокіи Кифовичѣ). Нѣкоторыя изъ этих лирическихъ отступленій лишь слабо связаны съ разсказом прерываютъ его естественное теченіе, но всѣ они отличаютс замѣчательными поэтическими достоинствами и могутъ быт по справедливости названы стихотвореніями въ прозѣ.

Второй томъ «Мертвыхъ Душъ».

Въ первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“ Гоголь изобразил русскую дѣйствительность, по его собственному выраженій „съ одного боку“, т.-е. ограничился лишь одними отриц тельными явленіями. На этомъ однако Гоголь не хотѣлъ ост новиться. Обвиненія, что онъ въ своихъ произведеніяхъ вы ставляетъ лишь „бѣдность и несовершенство нашей жизни больно задѣвали его; поэтому завидной казалась ему судьб писателя-идеалиста, изображающаго свѣтлые, положител ные типы и увлекающаго всѣхъ своимъ изображеніемъ (см лирическое отступленіе въ началѣ VII-ой гл.). Эти обвинені были для Гоголя тѣмъ тяжелѣе, что онъ горячо любилъ р дину, вѣрилъ въ духовныя силы русскаго народа и потом самъ чувствовалъ односторонность своего изображенія. В

дальнѣйшемъ теченіи поэмы онъ задумалъ поэтому измѣнить характеръ ея содержанія и вывести положительные русскіе типы, идеальные образы, „представить несмѣтное богатство русскаго духа“.

Положительные типы: блѣдность ихъ изображенія.

Но эта задача не соотвѣтствовала характеру его дарованія; по природѣ своей, по своему психическому складу Гоголь былъ сатирикомъ-юмористомъ: ему бросались въ глаза прежде всего комическія или отрицательныя явленія; онъ умѣлъ уловлять ихъ даже тамъ, гдѣ другіе ихъ и не замѣчали, и изображать ихъ съ высокимъ мастерствомъ. Но когда Гоголь сдѣлалъ попытку нарисовать идеальные образы, они вышли у него безжизненными и безцвѣтными: слишкомъ ясно въ ихъ изображеніи чувствовалась предвзятая мысль автора, голая *идея*, не обличенная живою плотью. Къ числу такихъ неудачныхъ образовъ въ сохранившихся отрывкахъ продолженія „Мертв. Душъ“ принадлежатъ: помѣщикъ Костанжогло, идеальный хозяинъ, человѣкъ разсчетливый и практичный, но умѣющій сочетать свою пользу съ пользой окружающихъ; откупщикъ Муразовъ, умудренный опытомъ старецъ, краснорѣчиво проповѣдующій Чичикову о „благоустройствѣ душевнаго имущества“; наконецъ, идеальная русская дѣвушка Улинька, которую Гоголь хотѣлъ изобразить какимъ-то ангеломъ во плоти, но которая вышла оттого совершенно безжизненной и неестественной.

Гораздо болѣе удачными вышли и здѣсь лица комическія, какъ, напр., Петръ Петровичъ Пѣтухъ, или же такія, у которыхъ на ряду съ положительными качествами есть и крупныя отрицательныя черты; таковы Тентетниковъ, Платоновъ, генералъ Бетрищевъ, помѣщикъ Хлобуевъ. Изъ перечисленныхъ лицъ наибольшее значеніе имѣетъ Тентетниковъ, который, повидимому, долженъ былъ играть немаловажную роль въ продолженіи поэмы. На его характиристикѣ Гоголь останавливается съ особенной подробностью. Тентетниковъ— человѣкъ съ очень хорошими задатками и способностями. Эти задатки, кромѣ того, получили особенное развитіе въ школѣ, подъ руководствомъ одного замѣчательнаго педагога, умѣвшаго возбудить въ ученикахъ рвеніе къ добру и стремленіе приносить пользу. Изъ школы Тентетниковъ вышелъ съ горячимъ желаніемъ посвятить свои силы служенію родинѣ и тотчасъ отправился въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ на служ-

Характеристика Тентетникова.

бу. Однако въ характерѣ его не было настоящей выдержки, не было терпѣнія, чтобы преодолѣть первыя трудности: онъ надѣялся сразу найти себѣ широкое поле дѣятельности, а на самомъ дѣлѣ долженъ былъ ограничиться переписываніемъ бумагъ; эта ничтожность занятій тяготила его, а кромѣ того онъ не поладилъ со своимъ ближайшимъ начальствомъ, такъ что вскорѣ принужденъ былъ вовсе выйти въ отставку.

Вернувшись изъ Петербурга, Тентетниковъ поселился у себя въ имѣніи, поставивъ себѣ цѣлью улучшить положеніе своихъ крестьянъ. Но и съ этой задачей онъ не сумѣлъ справиться, такъ какъ у него не было ни достаточнаго знанія жизни, ни достаточной настойчивости въ проведеніи своихъ плановъ. Кончилось тѣмъ, что Тентетниковъ совсѣмъ охладѣлъ къ своему дѣлу, бросилъ всякія занятія имѣньемъ и крестьянами, проводилъ время въ сидѣніи у окна, куреніи трубки и въ обдумываніи обширнаго сочиненія, которое должно было обнять всю Россію со всѣхъ точекъ — съ гражданской, политической, религіозной, философской,—но которое ни на шагъ не подвигалось впередъ. Такъ проходила, лѣниво, вяло и безцѣльно, жизнь Тентетникова, который изъ даровитаго, одушевленнаго лучшими стремленіями юноши превратился въ „байбака“, въ „коптителя неба“, по выраженію Гоголя. Но это погруженіе въ моральную спячку не прошло для него даромъ и въ сознательныя минуты онъ горько укорялъ себя за свое нравственное паденіе и проливалъ слезы надъ своимъ безсиліемъ и надъ погубленной жизнью.

Его типическое значеніе.

Типъ Тентетникова — типъ очень распространенный въ тогдашней Россіи. Гоголь вѣрно схватилъ его характерныя черты: даровитость натуры, стремленіе къ добру, безволіе, отсутствіе стойкости и знанія жизни, и вслѣдствіе этого постепенное нравственное паденіе до состоянія полуживотнаго прозябанія. Впослѣдствіи этотъ типъ съ бо́льшею полнотой и обстоятельностью былъ воспроизведенъ Гончаровымъ въ лицѣ Обломова, но за Гоголемъ остается та заслуга, что онъ первый уловилъ характерныя черты этого типа и изобразилъ ихъ въ Тентетниковѣ.

Главныя черты творчества Гоголя: реализмъ.

Творчество Гоголя, по своему характеру, отличается большою сложностью. Къ числу наиболѣе важныхъ особенностей его принадлежитъ, прежде всего, тотъ духъ жизненнаго

реализма, которымъ оно всецѣло проникнуто. Гоголь сознательно постановилъ себѣ задачей—воспроизведеніе будничной, сѣренькой дѣйствительности, изображеніе заурядныхъ, типическихъ людей, съ ихъ обыденными привычками, чувствами, стремленіями. При этомъ, вслѣдствіе особаго склада своего дарованія, Гоголь изображалъ преимущественно темныя, отрицательныя стороны дѣйствительности, выводилъ типы, комическіе или отталкивающіе. Къ изображенію же положительныхъ лицъ и свѣтлыхъ явленій онъ былъ органически неспособенъ, и когда брался за эту задачу (какъ, напр., во 2-мъ томѣ „Мертвыхъ Душъ"), то дѣло кончалось обыкновенно полной неудачей. Такимъ образомъ, хотя изображеніе жизни въ произведеніяхъ Гоголя отличается полной жизненной правдивостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно отличается односторонностью, потому что отмѣчаетъ одни лишь отрицательныя явленія жизни.—При этомъ, воспроизводя окружающую дѣйствительность, Гоголь вовсе не остается равнодушнымъ и безучастнымъ къ предмету своего изображенія; все творчество его проникнуто, по выраженію Бѣлинскаго, „гуманной субъективностью", которая отражается въ его *юморѣ*, составляющемъ одну изъ наиболѣе характерныхъ свойствъ его таланта. Этотъ юморъ заключается въ особенномъ взглядѣ на жизнь и на людей — „сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы". Изображая темныя, отрицательныя стороны тогдашней русской дѣйствительности, выводя длинный рядъ комическихъ или отталкивающихъ типовъ, выставляя на всеобщее посмѣяніе „пошлость пошлаго человѣка" (выраженіе самого Гоголя), онъ въ то же время душевно скорбитъ о томъ нравственномъ паденіи, до котораго дошли его печальные герои, — смѣхъ его полонъ горечи и глубокаго сожалѣнія о падшихъ.—Вмѣстѣ съ тѣмъ, изображая человѣческія слабости и мертвящую силу пошлости, Гоголь этимъ самымъ стремился воздѣйствовать на настроеніе общества, вызвать въ немъ спящія нравственныя силы, необходимыя для душевнаго обновленія. Эти *моральныя стремленія*, желаніе давать обществу въ своихъ произведеніяхъ предметные уроки нравственности, проходятъ черезъ все творчество Гоголя. Съ этой точки зрѣнія Гоголь и смотрѣлъ на свою дѣятельность какъ на прямое служеніе обществу и государству, придавая своему творчеству воспитательное зна-

Юморъ.

Поучительныя цѣли.

Широта обобщенія въ типахъ Гоголя.

ченіе. — Осуществленію этой моральной задачи должна была способствовать *широта концепціи его типовъ*, служащихъ обобщеніемъ для весьма распространенныхъ въ жизни явленій или душевныхъ качествъ. Только при такой широтѣ обобщенія типическихъ чертъ, взятыхъ изъ дѣйствительности, Гоголь могъ разсчитывать, что читатели и зрители признáютъ въ его изображеніи собственныя черты, и такимъ образомъ уразумѣютъ преподанный имъ урокъ (см. замѣчаніе Гоголя о Чичиковѣ въ концѣ XI главы 1-го тома). — Наконецъ, къ числу характерныхъ особенностей Гоголевскаго творчества принадлежитъ и присущій ему *лиризмъ*: во всѣхъ произведеніяхъ Гоголя чувствуется присутствіе самого автора, всѣ они носятъ яркій субъективный отпечатокъ; иногда эта субъективность сказывается косвеннымъ образомъ, — напр., въ юмористическомъ освѣщеніи изображаемаго предмета; въ другихъ случаяхъ личность автора выступаетъ непосредственно передъ читателями, какъ, напр., въ лирическихъ мѣстахъ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“.

Лиризмъ.

Вліяніе Гоголя на русскую литературу.

Вліяніе, оказанное Гоголемъ на современную русскую литературу, было очень значительно и важно. Гоголь окончательно утвердилъ господство въ ней реалистическаго направленія или, какъ въ то время выражались, „натуральной школы“. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ творчествѣ Гоголя опредѣлился и основной характеръ русскаго реализма, составляющій его особенность и отличающій его отъ чистаго натурализма. Въ то время какъ послѣдній воспроизводитъ дѣйствительность безстрастно и равнодушно („протоколизмъ“), реализмъ Гоголя проникнутъ духомъ гуманности, человѣколюбія; можно сказать, что въ его изображеніи находимъ мы „прочувствованную дѣйствительность“, освѣщенную мягкимъ свѣтомъ его юмора. — Произведенія Гоголя оказали непосредственное вліяніе на большинство современныхъ русскихъ писателей. Задачей ихъ становится неприкрашенное изображеніе будничной жизни, во всей ея полнотѣ, со всѣми ея мелочами. Появляется цѣлый рядъ такъ называемыхъ „физіологическихъ очерковъ“, въ которыхъ обрисованъ какой-нибудь типъ или рядъ типовъ, взятыхъ непосредственно изъ обыденной дѣйствительности (Григоровичъ, Панаевъ, Бутковъ; къ числу такихъ физіологическихъ очерковъ принадлежитъ и

первый разсказъ въ серіи „Записокъ Охотника“ Тургенева— „Хорь и Калинычъ“). Очень сильное вліяніе оказалъ Гоголь на Достоевскаго, первая повѣсть котораго — „Бѣдные люди“ посвящена обработкѣ темы, уже затронутой Гоголемъ въ его „Шинели“. Но и на писателей болѣе стараго поколѣнія примѣръ Гоголя не остался безъ вліянія: такъ, напр., С. Т. Аксаковъ, воспитанный еще всецѣло въ традиціяхъ старой школы XVIII вѣка, подъ вліяніемъ Гоголя перешелъ къ изображенію дѣйствительной жизни и создалъ произведенія, проникнутыя духомъ художественнаго реализма, какова, напр., его знаменитая „Семейная Хроника“ [1])

---

[1]) Лучшее изданіе Гоголя вышло подъ редакціей и съ примѣчаніями. *ихонравова* и *Шенрока* (10-е изд.). Въ настоящее время это изданіе рас-одано; изъ существующихъ въ продажѣ наиболѣе полнымъ является из-ніе „Просвѣщенія“ подъ редакціей *Каллаша*, въ 9-ти томахъ; оно снаб-но объяснительными статьями и примѣчаніями; въ послѣдній томъ вошли бранныя письма Гоголя. Наиболѣе важные труды, посвященные Гоголю: аписки о жизни Н. В. Гоголя»; (*Кулиша*; изданы безъ имени автора); *Шен-къ*: «Матеріалы для біографіи Гоголя»; *Котляревскій*: «Н. В. Гоголь» нтересныя указанія на связь творчества Гоголя съ общимъ теченіемъ ской литературы); *Овсянико-Куликовскій*: «Н. В. Гоголь» (психологи-ское изслѣдованіе о Гоголѣ и его творчествѣ). Для характеристики лич-сти Гоголя важный матеріалъ представляетъ 4-томное собраніе его писемъ зд. Маркса).

Глава VII-я.

Умственныя теченія въ Россіи въ первой половинѣ XIX-го вѣка.

Начало царствованія Александра I.

Начало 19-го столѣтія было ознаменовано значительнымъ ожи вленіемъ умственной жизни русскаго общества. Само правительств во многомъ способствовало этому оживленію. Императоръ Але ксандръ I, воспитанный республиканцемъ Лагарпомъ, былъ про никнутъ либеральными идеями и благородными мечтами о счастіи благоденствіи подвластныхъ ему народовъ. Въ этомъ настроені Государя поддерживали нѣкоторыя изъ наиболѣе близкихъ къ нем лицъ, составлявшихъ его интимное общество; къ числу ихъ при надлежали: гр. Строгановъ, Новосильцевъ, кн. Чарторижскій, гр Кочубей [1]), входившіе въ составъ „негласнаго комитета", занимав шагося вмѣстѣ съ Государемъ выработкой проекта широкихъ го сударственныхъ реформъ. Реформы эти должны были внести болѣ правильности и закономѣрности въ дѣйствія правительственной власт и ограничить тотъ произволъ, который особенно ярко обнаружилс въ кратковременное царствованіе Павла. Уже первые дни правлені имп. Александра ознаменовались цѣлымъ рядомъ указовъ, отмѣ нявшихъ различныя стѣснительныя мѣры его предшественника показывавшихъ въ новомъ правительствѣ стремленіе дѣйствоват въ либеральномъ духѣ. Къ числу такихъ либеральныхъ мѣропрія тій правительства относятся: разрѣшеніе свободнаго въѣзда и выѣзд за границу, отмѣна запрещенія ввоза иностранныхъ книгъ, уничто женіе тайной канцеляріи, возстановленіе жалованной грамоты дво

Либеральныя мѣры правительства.

---

[1]) Всѣ они были поклонниками англійскаго государственнаго устро ства. Вообще англійскіе порядки, англійскіе нравы и образъ жизни, англі скій языкъ и литература начинаютъ привлекать къ себѣ при Александрѣ особенное вниманіе высшаго русскаго общества и становятся для не предметомъ изученія и подражанія. Все англійское становится моднымъ на ряду съ прежними поклонниками всего французскаго въ обществѣ п является типъ *англомана*, хотя въ большинствѣ случаевъ эта англоман выражается въ чисто внѣшнемъ подражаніи. Намекъ на этотъ типъ ест напр., у Грибоѣдова (кн. Григорій); полнѣе онъ былъ впослѣдствіи изобр женъ Тургеневымъ (отецъ Лаврецкаго въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ").

янству и городамъ, отмѣна пытки, расширеніе правъ сената и т. д.; между прочимъ были сдѣланы нѣкоторые шаги для ограниченія крѣпостного права: напр., было запрещено продавать крестьянъ безъ земли, былъ изданъ законъ о „свободныхъ хлѣбопашцахъ“, по которому помѣщики получали возможность отпускать крестьянъ на волю цѣлыми семьями или селеніями, съ надѣленіемъ ихъ землей.

Въ 1801 году былъ основанъ *Государственный Совѣтъ*, въ качествѣ высшаго законосовѣщательнаго учрежденія, а въ слѣдующемъ году были организованы *министерства*, числомъ 8, для завѣдыванія отдѣльными отраслями государственнаго управленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ намѣченъ цѣлый рядъ мѣръ въ области администраціи, судопроизводства, государственныхъ финансовъ. Всѣ эти мѣры и проекты преобразованій вызвали большое неудовольствіе среди старыхъ государственныхъ дѣятелей Екатерининскаго времени (Державинъ, Трощинскій), относившихся съ недовѣріемъ ко всякимъ новшествамъ, а также среди большей части чиновничества, которое опасалось, что реформы правительства сдѣлаютъ невозможными прежнія злоупотребленія.

Война съ Наполеономъ (1805—1807) на время отвлекла императора Александра отъ внутреннихъ дѣлъ. Но послѣ заключенія Тильзитскаго мира онъ снова вернулся къ своимъ планамъ государственныхъ преобразованій, при чемъ съ 1807 года ближайшимъ сотрудникомъ его въ этомъ дѣлѣ становится знаменитый *Сперанскій*. По порученію Государя, Сперанскій составилъ обширный конституціонный проектъ, по которому всѣ свободныя сословія должны были получить извѣстныя политическія права, т.-е. могли черезъ своихъ выборныхъ представителей участвовать въ дѣлахъ законодательства. Сперанскій.

Центральными законодательными учрежденіями по этому проекту являлись: Государственная Дума, состоявшая изъ выборныхъ членовъ, и Государственный Совѣтъ, въ составъ котораго должны были войти наиболѣе выдающіеся и заслуженные государственные дѣятели по назначенію Государя. На ряду съ Государственной Думой предполагались также, въ качествѣ органовъ мѣстнаго самоуправленія, Думы волостныя, уѣздныя и губернскія. Не менѣе важныя реформы были намѣчены Сперанскимъ и въ области судебной и исполнительной власти, при чемъ нѣкоторыя черты въ его проектѣ были имъ заимствованы изъ французскаго законодательства Наполеоновской эпохи (изъ такъ-назыв. Code Napoléon). Однако изъ всего этого стройнаго плана государственныхъ преобразованій были осуществлены лишь отдѣльныя части: такъ, напр., въ 1810 году былъ по проекту Сперанскаго реформированъ Государственный Совѣтъ. Общее направленіе дѣятельности Сперанскаго и смутные слухи, носившіеся въ публикѣ относительно его проектовъ, возбудили въ консервативной части русскаго общества сильное неудовольствіе. Наиболѣе яркимъ выраженіемъ этого настроенія явилась записка Карамзина „О древней и новой Россіи“, поданная имъ императору Александру въ 1811 году. Но еще болѣе

негодованія вызвали противъ Сперанскаго въ придворныхъ и чи новничьихъ кругахъ проведенныя имъ отдѣльныя мѣры, которым были непосредственно затронуты интересы этихъ круговъ. Враг Сперанскаго ловко воспользовались нѣкоторыми неосторожными по ступками и словами его и сумѣли возбудить недовѣріе къ нему в душѣ Александра. Въ 1812 году, незадолго до начала Отечествен ной войны, Сперанскій былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ въ преступныхъ сношеніяхъ съ Наполеономъ, отстраненъ отъ дѣл и высланъ изъ Петербурга сперва въ Нижній-Новгородъ, а затѣм въ Пермь.

Вмѣстѣ съ опалой Сперанскаго окончилась и эпоха либерал ныхъ начинаній правительства. Хотя впослѣдствіи Сперанскому уда лось вполнѣ оправдаться отъ выставленныхъ противъ него обви неній и онъ даже былъ снова принятъ на службу, однако онъ уж никогда впослѣдствіи не игралъ вліятельной роли въ государствен ныхъ дѣлахъ, тѣмъ болѣе, что въ концѣ царствованія император Александра I въ самомъ правительствѣ возобладали реакціонны теченія.

Просвѣтительныя мѣры.

Среди мѣръ, предпринятыхъ правительствомъ въ первую по ловину царствованія Александра, особенное значеніе имѣли тѣ, ко торыя имѣли въ виду поднятіе просвѣщенія въ Россіи. Признава образованіе однимъ изъ существенныхъ условій процвѣтанія госу дарства, правительство въ первую половину царствованія Але ксандра I дѣятельно заботилось о его распространеніи въ Россіи Для этой цѣли были основаны *университеты* въ Вильнѣ, Казани Харьковѣ и Петербургѣ (преобразованный изъ педагогическаг института), получившіе автономное устройство и весьма либерал ный уставъ (1804 г.). Въ качествѣ профессоровъ были пригла шены изъ-за границы многіе извѣстные ученые. Кромѣ универси тетовъ было основано нѣсколько другихъ учебныхъ заведеній с широкимъ общеобразовательнымъ курсомъ (Царскосельскій Лицей Гимназія высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ и др.), а въ большинств губернскихъ городовъ были открыты *гимназіи*. Въ дѣлѣ первона чальнаго обученія весьма полезными оказались *ланкастерскі школы взаимнаго обученія*, пользовавшіяся одно время значи тельнымъ распространеніемъ.

Не ограничиваясь учрежденіемъ учебныхъ и воспитательных заведеній, правительство разными другими мѣрами старалось содѣй ствовать распространенію просвѣщенія въ русскомъ обществѣ. К числу такихъ мѣръ относятся: смягченіе цензуры (либеральны цензурный уставъ 1804 г.), разрѣшеніе ввоза иностранныхъ книг разрѣшеніе открытія частныхъ типографій, закрытыхъ при Павл покровительство ученымъ и литераторамъ и т. д. Всѣ эти мѣр не остались безъ вліянія на русское общество, умственная жизн котораго значительно оживляется. Оживленіе это сказывается в усиленіи и распространеніи интереса къ наукѣ и литературѣ. В столицахъ и въ другихъ крупныхъ городахъ учреждаются разли ныя *ученыя* и *литературныя общества* (напр., при Москов

комъ университетѣ: Общество исторіи и древностей россійскихъ 1804 г.), Общество испытателей природы (1805 г.), Общество юбителей россійской словесности (1811 г.); въ Петербургѣ: „Вольное общество любителей словесности“, „Бесѣда любителей русскаго лова“, „Арзамасъ“; (существовали также литературныя общества ъ провинціи,—напр., въ Казани и Харьковѣ). Въ 1810 году былъ твержденъ уставъ *Импер. Публичной Библіотеки*; но военныя обстоятельства нѣсколько задержали открытіе ея, которое полѣдовало въ 1814 году.

О пробужденіи въ русскомъ обществѣ болѣе глубокихъ умственныхъ интересовъ свидѣтельствуютъ также появленіе различныхъ ерьезныхъ *научныхъ сочиненій*, какъ переводныхъ, такъ и оринальныхъ. Къ числу первыхъ относятся такіе важные и цѣнные руды, какъ книга Адама Смита „О богатствѣ народовъ“ (1802), Беккарія „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“ (1803), Бентама „О ражданскомъ и уголовномъ законодательствѣ“ (1805), Делольма „О конституціи Англіи“ (1806), Монтескье „О духѣ законовъ“ 1809) и др. Къ числу самостоятельныхъ научныхъ сочиненій рускихъ авторовъ, кромѣ знаменитаго труда Карамзина, относятся: Опытъ о просвѣщеніи относительно Россіи“ Пнина (1804), въ оторомъ авторъ касается многихъ мрачныхъ явленій русской жизни особенно возстаетъ противъ крѣпостного права; „Исторія филоофскихъ системъ“ (1818) и „Опытъ науки изящнаго“ (1825) Галича; „Право естественное“ (1818) Куницына, принадлежавшаго мѣстѣ съ Галичемъ къ числу любимыхъ учителей Пушкина; „Опытъ еоріи налоговъ“ Н. Тургенева (1818), въ которомъ доказывалась еобходимость широкихъ реформъ для поднятія благосостоянія народа и всего государства. Наука.

Съ началомъ XIX вѣка замѣтно оживляется также и русская *урналистика*, умножается число періодическихъ изданій, изъ оторыхъ нѣкоторыя пріобрѣтаютъ значительный кругъ читателей. реди этихъ журналовъ наибольшее значеніе въ свое время имѣли: Вѣстникъ Европы“ Карамзина (съ 1802 г.), „Русскій Вѣстникъ“ . Глинки (съ 1808 г.), „Цвѣтникъ“ (съ 1810 г.) Измайлова и Бецкаго, въ которомъ впервые выдающееся мѣсто занялъ критическій отдѣлъ, „Сынъ Отечества“ Греча, возникшій въ эпоху Отечественной войны, „Духъ Журналовъ“ Яценко (1816—1820), посвящавшій много вниманія политическимъ и общественнымъ вопросамъ лличавшійся либеральнымъ направленіемъ, „Мнемозина“, кн. Одоевскаго и Кюхельбекера, старавшаяся познакомить русскую публику ъ новой германской идеалистическій философіей (Фихте, Шеллингъ), „Сѣверный Архивъ“ Булгарина, „Дамскій Журналъ“ кн. Шаикова и нѣк. др. Кромѣ журналовъ въ эту эпоху получаютъ знаительное распространеніе такъ называем. *альманахи*—сборники азнообразныхъ произведеній въ стихахъ и прозѣ; среди нихъ наольшимъ богатствомъ содержанія отличался альманахъ Бестужева Рылѣева, „Полярная Звѣзда“ (1823—25), въ которомъ участвоали лучшіе русскіе писатели того времени: Пушкинъ, Жуковскій, Журналистика.

Баратынскій, Крыловъ, кн. Вяземскій, Козловъ, Гнѣдичъ и д
характерной особенностью большинства журналовъ и альманахо
первой четверти 19-го вѣка является преобладаніе въ нихъ сти
творнаго отдѣла надъ прозаическимъ.

Вліяніе заграничнаго похода.

Громадное вліяніе на настроеніе русскаго общества и на н
его духовную жизнь оказала Отечественная война 1812 года и с
довавшій за нею заграничный походъ. Война чрезвычайно подня
въ русскомъ обществѣ чувство любви къ родинѣ, пламеннаго патр
тизма и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно способствовала духовно
сближенію всѣхъ сословій, всѣхъ классовъ населенія, соедин
шихся въ одномъ великомъ общемъ дѣлѣ—защиты отечества о
внѣшняго врага. Значительная часть русской молодежи того в
мени приняла участіе въ этой войнѣ и въ заграничномъ похо
Трехлѣтнее пребываніе въ наиболѣе образованныхъ странахъ З
Европы, ближайшее и непосредственное знакомство съ европейск
культурой и съ новыми, болѣе сложными и болѣе высокими ф
мами и условіями общественной жизни произвели на молодыхъ у
стниковъ похода чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Многіе изъ ни
прониклись новыми либеральными идеями, жаждою свободы и п
рокой общественной дѣятельности. Поэтому, вернувшись въ Росс
они были глубоко поражены культурной отсталостью своей роди
царящимъ въ ней невѣжествомъ, произволомъ и неправосудіемъ
Либерализмъ.
также тяжелымъ положеніемъ низшихъ классовъ населенія. По
вліяніемъ занесенныхъ съ Запада либеральныхъ идей, въ русско
обществѣ больше чѣмъ когда-либо раньше, сталъ развиваться ин
ресъ къ общественнымъ вопросамъ и общественнымъ наукам
Среди блестящей гвардейской молодежи образуются отдѣльн
кружки и группы, съ увлеченіемъ занимавшіеся серьезнымъ ч
ніемъ и отказавшіеся ради этого отъ обычныхъ удовольствій
разсѣяній свѣтской жизни. „Въ 1818 году, говоритъ Пушкинъ
одномъ отрывкѣ,—строгость правилъ и политическая экономія бы
въ модѣ“. Даже разочарованный Онѣгинъ „читалъ Адама Смит
и старался казаться „глубокимъ экономомъ“, т.-е. серьезным
„положительнымъ человѣкомъ“. Свидѣтельствомъ этого интереса
важнымъ общественнымъ вопросамъ является, напр., необыкнов
ный успѣхъ такого спеціальнаго сочиненія, какъ „Опытъ тео
налоговъ“ Н. Тургенева, первое изданіе котораго разошлось
нѣсколько недѣль. Но дѣло не ограничивалось однимъ лишь тео
тическимъ интересомъ къ общественнымъ вопросамъ; многіе и
молодыхъ офицеровъ, усвоившихъ себѣ новые просвѣщенные взг
ды, пытались примѣнить ихъ на дѣлѣ: заводили въ своихъ полка
новые, болѣе гуманные порядки, изгоняли прежнія жестокія тѣл
ныя наказанія, учреждали для солдатъ ланкастерскія школы и т.
Но нѣкоторые изъ наиболѣе энергичныхъ и либерально настро
ныхъ не удовлетворялись этимъ и стали стремиться къ болѣе п
рокой общественной дѣятельности. Однако эти стремленія встрѣча
многочисленныя препятствія и потому, не находя себѣ осуществ

ія въ условіяхъ современной жизни, привели къ созданію цѣ-
аго ряда тайныхъ обществъ, задававшихся политическими цѣлями,
.-е. стремившихся къ измѣненію существующаго государственнаго
троя.

Другое важное умственное теченіе въ русскомъ обществѣ Але- Мистицизмъ.
сандровской эпохи—*мистицизмъ*. Хотя мистическія ученія про-
икли въ Россію еще въ царствованіе Екатерины II, вмѣстѣ съ
асонствомъ (Новиковъ и его кружокъ), однако лишь послѣ 1812 г.
ни получили особенное распространеніе и вліяніе въ различныхъ
ругахъ общества. Связующимъ звеномъ между мистицизмомъ Но-
иковскаго времени и позднѣйшей эпохи является дѣятельность
ѣкоторыхъ изъ младшихъ членовъ Новиковскаго кружка, напр.,
Лабзина, который перевелъ цѣлый рядъ сочиненій различныхъ
ападно-европейскихъ мистиковъ: Якова Бёма, Юнгъ-Штиллинга,
ккартсгаузена, Франсуа де-Саля и др. Характерной чертой ми-
тицизма является вѣра въ возможность прямого и непосредствен-
аго общенія съ Божествомъ, которое открывается человѣку въ
оментъ мистическаго созерцанія, „тайнаго видѣнія". Путемъ та-
ого же внутренняго прозрѣнія становятся для человѣка доступ-
ыми и всѣ тайны мірозданія, тайны внѣшней природы и души
еловѣческой. Но для того чтобы достигнуть подобнаго состоянія,
еловѣку необходимо прежде стать достойнымъ „воспріятія благо-
ати", необходимо „совлечь съ себя ветхаго Адама", побѣдить свои
грасти и дурные помыслы и желанія. Слѣдовательно, мистическое
ткровеніе всегда предполагаетъ нравственное самосовершенствова-
е. Лучшимъ средствомъ для достиженія состоянія благодати ми-
тики считали такъ назыв. „умную молитву", т.-е. постоянное об-
щеніе человѣческой мысли къ Божеству; что же касается до
блюденія внѣшнихъ религіозныхъ обрядовъ, то къ нимъ мистики
носились довольно равнодушно; точно такъ же мало значенія при-
вали они догматическимъ тонкостямъ и частнымъ различіямъ въ
ченіяхъ тѣхъ или другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.—Вѣра
ъ силу внутренняго откровенія обыкновенно приводила послѣдова-
телей мистицизма къ различнымъ крайностямъ: они отвергали опыт-
ое знаніе и науку, въ своихъ объясненіяхъ явленій природы при-
бегали ко всевозможнымъ фантастическимъ предположеніямъ („Ключъ
ъ таинствамъ натуры" Эккартсгаузена), вѣрили въ возможность
непосредственныхъ сношеній съ загробнымъ міромъ, въ предсказа-
нія и привидѣнія (Юнгъ-Штиллингъ). Но вмѣстѣ съ тѣмъ мисти-
цизмомъ увлекались и лица, принадлежавшія къ числу наиболѣе
образованныхъ людей того времени,—напр., Сперанскій и Чаадаевъ.
даже нѣкоторые изъ пастырей православной церкви не остались
чужды вліянію мистическихъ ученій, напр., знаменитый Филаретъ,
бывшій впослѣдствіи митрополитомъ московскимъ.—Насколько во
торую половину царствованія Александра мистическое настроеніе
было распространено въ русскомъ обществѣ, свидѣтельствуетъ
успѣхъ журнала „*Сіонскій Вѣстникъ*", издававшагося Лабзинымъ

и наполненнаго религіозно-мистическими статьями. Вмѣстѣ съ тѣм эта эпоха является эпохой наибольшаго процвѣтанія масонства в Россіи, при чемъ въ масонствѣ получаютъ преобладаніе мистиче скія теченія. Наконецъ, характернымъ показателемъ настроені значительной части общества является чрезвычайный успѣхъ „Бі блейскаго Общества“, членами котораго была масса духовныхъ свѣтскихъ лицъ.

Политическая реакція.

Но мистицизмъ не остался безъ вліянія и на общую политик государственной власти, при чемъ вліяніе его въ этой области был далеко не благотворно и сказалось въ *реакціонномъ* характер который получило направленіе политики правительства во второ половинѣ царствованія императора Александра. Въ самомъ мисти цизмѣ, несомнѣнно, заключались элементы реакціи: какъ одно из проявленій общаго романтическаго теченія, онъ представлялъ собо рѣзкій протестъ противъ философскихъ идей XVIII вѣка; а так какъ предполагалось, что французская революція и всѣ вызванны ею перемѣны и потрясенія въ европейской жизни явились есте ственнымъ результатомъ развитія этихъ идей, то мистицизмъ, боря противъ нихъ, въ области политики неизбѣжно долженъ былъ пр вести къ реакціи.—Съ мистическими идеями, овладѣвшими умам нѣкоторыхъ слоевъ европейскаго общества, императоръ Александр ближе познакомился во время своего пребыванія за границей, в 1813—15 гг., и онѣ произвели на него громадное впечатлѣні произвели переворотъ въ его душевной жизни,—тѣмъ болѣе, ч въ эту эпоху онъ уже значительно охладѣлъ къ дѣлу внутренних преобразованій,—съ одной стороны потому, что многолѣтняя борь съ Наполеономъ и сложныя международныя отношенія поглоща все его вниманіе и отвлекали отъ внутреннихъ дѣлъ,—а съ др гой стороны потому, что на него не могла не оказать вліянія оппозиція, которую встрѣтили намѣченныя имъ преобразованія в различныхъ вліятельныхъ кругахъ русскаго общества. Во врем Вѣнскаго конгресса (1815 г.) былъ основанъ, по иниціативѣ Ал ксандра I, такъ называемый „*Священный Союзъ*“ (Россія, Австрі Пруссія), который вскорѣ сталъ наиболѣе важнымъ оплотомъ межд народной реакціонной политики. Главнымъ вдохновителемъ этой п литики былъ австрійскій министръ Метттернихъ, которому удало пріобрѣсти значительное вліяніе на Царя. Хотя Александръ дар валъ присоединенному къ Россіи Царству Польскому конституціонн устройство, но во внутреннихъ русскихъ дѣлахъ дѣятельность пр вительства получаетъ реакціонное направленіе. Наиболѣе вліятел ную роль въ области внутренней политики начинаетъ играть (с 1816 г.) министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія к А. М. Голицынъ, человѣкъ, изъ вольнодумца и атеиста ставш мистикомъ. Голицынъ всячески покровительствовалъ распростране нію мистицизма и преслѣдовалъ ученія и идеи, съ нимъ несогла ныя. Самъ Голицынъ былъ человѣкъ вполнѣ искренній, но мног приставали къ мистицизму изъ моды или изъ расчета, для сост вленія легкой служебной карьеры. Въ эту эпоху чрезвычайно ус

ливается строгость цензуры, которая становится крайне придирчивой и мелочной (см. два „Посланія къ цензору“ Пушкина). Вмѣстѣ съ тѣмъ начинается стѣсненіе свободы преподаванія въ университетахъ, подвергаются преслѣдованіямъ многіе изъ лучшихъ профессоровъ, напр., Куницынъ и Галичъ; особенно прославились своими преслѣдованіями Магницкій въ Казанскомъ и Руничъ въ Петербургскомъ университетахъ [1]).—Но на этомъ реакція не остановилась: могущественный Аракчеевъ, организаторъ такъ-назыв. „военныхъ поселеній“, человѣкъ жестокій и невѣжественный, но сумѣвшій своей исполнительностью и преданностью пріобрѣсти довѣріе и любовь Государя, будучи недоволенъ вліяніемъ Голицына, повелъ противъ него интригу, съ помощью архимандрита Фотія, узкаго фанатика. Въ 1824 году Голицынъ былъ уволенъ, а на его мѣсто назначенъ адмиралъ Шишковъ. Но эта перемѣна нисколько не отразилась на общемъ направленіи политики, въ которой попрежнему продолжала господствовать реакція.

Эта реакціонная политика правительства вызвала сильное недовольство среди наиболѣе образованнаго и либеральнаго круга общества, потому что она шла въ разрѣзъ съ его собственнымъ настроеніемъ и ожиданіями. Недовольство это нашло себѣ отраженіе и въ литературѣ, хотя благодаря строгости цензуры большинство произведеній политическаго содержанія не попадало въ печать и распространялось въ публикѣ въ рукописномъ видѣ. Къ числу нихъ принадлежатъ нѣкоторыя стихотворенія Пушкина, напр.: ода „Вольность“, „Кинжалъ“, эпиграммы на Фотія и Аракчеева и др. Гражданскимъ чувствомъ проникнуты многія изъ произведеній *Рылѣева* (1795—1826), напр., направленное противъ Аракчеева сильное и рѣзкое стихотвореніе „Къ временщику“, ода „Гражданское мужество“, нѣкоторыя изъ „Думъ“. Но особенно ярко выразилось недовольство реакціей въ дѣятельности различныхъ *тайныхъ обществъ*. Первымъ по времени возникновенія былъ „Союзъ Спасенія“ (переименованный вскорѣ въ „Союзъ Благоденствія“), основанный въ 1817 г. по образцу нѣмецкаго „Тугендъ-бунда“ (Tugendbund—союзъ добродѣтели). Первоначально его задачей было—всѣми способами содѣйствовать общему благу, раскрывать совершающіяся злоупотребленія и беззаконія и оказывать поддержку всѣмъ полезнымъ начинаніямъ правительства. Такимъ образомъ это общество вначалѣ вовсе не имѣло опредѣленной политической цѣли. Но затѣмъ, по мѣрѣ того какъ окончательно опредѣляется реакціонная политика правительства, возникаютъ другія тайныя общества, уже ставящія себѣ чисто политическія задачи; изъ нихъ наибольшее значеніе имѣли два общества: *Сѣверное* и *Южное*. Сѣверное—въ которомъ главную роль

Тайныя общества.

---

[1]) На эти реакціонныя мѣры противъ просвѣщенія есть намеки въ комедіи Грибоѣдова, именно въ словахъ Скалозуба о томъ, что—

Есть проектъ на счетъ лицеевъ, школъ, гимназій:
Тамъ будутъ обучать по-нашему: разъ! два!
А книги сохранятъ такъ, для большихъ оказій.

играли Никита Муравьевъ и Рылѣевъ, стремилось къ введені конституціи въ Россіи, а Южное (Пестель), не ограничиваясь этим мечтало объ учрежденіи республики. Неудачная попытка возстанія предпринятая при вступленіи на престолъ императора Никола Павловича (14 декабря 1825 г.), разрушила всѣ расчеты и план тайныхъ обществъ. Участники возстанія, такъ называемые „декаб ристы", подверглись суровымъ наказаніямъ: большинство ихъ был сослано въ Сибирь, нѣкоторые были заточены въ крѣпость, а пя теро повѣшаны (между ними и Рылѣевъ). Въ лицѣ декабристов сошла со сцены наиболѣе активная и энергичная часть русскаг образованнаго общества, а остальная часть была настолько нап гана постигшей ихъ участью, что не рѣшалась уже мечтать о ка кой-либо политической дѣятельности. Съ другой стороны и прави тельство, опасаясь повторенія безпорядковъ, подавляло всяко проявленіе общественной самостоятельности, подчиняло всю жизн общества строгому и бдительному надзору. Охраняя существующі порядокъ, правительство не дозволяло никакой критики тѣхъ ил другихъ общественныхъ отношеній, напр., крѣпостного права, хот самъ императоръ Николай Павловичъ былъ убѣжденъ въ необхо димости его уничтоженія. Писатели, касавшіеся въ своихъ произ веденіяхъ крѣпостныхъ отношеній, подверглись преслѣдованіямъ,— напр., Павловъ („Три повѣсти") и Тургеневъ („Записки Охотника") Вообще цензура только съ трудомъ допускала изображеніе темных сторонъ жизни: напр., Московскій цензурный комитетъ собирал запретить „Мертвыя Души" Гоголя, и только благодаря хлопотам его вліятельныхъ друзей въ Петербургѣ произведеніе Гоголя мог появиться въ печати. Особенно придирчива была цензура по отн шенію къ журналамъ, которые иногда за бездѣлицу подвергали запрещенію (напр. „Литературная Газета" барона Дельвига, „Евро пеецъ" Кирѣевскаго, „Московскій Телеграфъ" Полевого). Благо даря этому руководящую роль въ русской журналистикѣ 30-х годовъ получилъ такъ называемый тріумвиратъ (Булгаринъ, Греч Сенковскій) людей, совершенно чуждыхъ широкихъ общественных интересовъ и смотрѣвшихъ на журнальное дѣло исключительно как на выгодное коммерческое предпріятіе.

Увлеченіе нѣмецкой философіей.

Но несмотря на тяжелыя и неблагопріятныя условія, въ кото рыя была поставлена въ эту эпоху умственная жизнь русскаго об щества, стѣсненная въ своемъ свободномъ развитіи, она не заглохл окончательно, но лишь измѣнила свое направленіе. Вмѣсто преж нихъ интересовъ къ общественнымъ и политическимъ вопросамъ въ русскомъ обществѣ, начиная со второй половины 20-хъ годовъ съ особенной силой развивается интересъ къ *вопросамъ отвле ченнымъ, философскимъ*. Въ это время господство въ русско умственной жизни пріобрѣтаетъ нѣмецкая идеалистическая филос фія, преимущественно системы *Шеллинга* и *Гегеля*. Однимъ из первыхъ, познакомившихъ русскую публику съ философіей Шел линга былъ *Галичъ* („Исторія философскихъ системъ"). Въ 1824 г

былъ основанъ въ Москвѣ *княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ* журналъ „Мнемозина“, ставившій себѣ главной задачей ознакомленіе русской публики съ нѣмецкой идеалистической философіей и нѣмецкимъ романтизмомъ. Ближайшее участіе въ изданіи „Мнемозины“ принималъ между прочимъ Кюхельбекеръ. Въ Московскомъ университетѣ представителями шеллингіанства были профессора Давыдовъ и Павловъ, при чемъ послѣдній умудрялся знакомить слушателей съ нѣмецкой натуръ-философіей на лекціяхъ физики и сельскаго хозяйства, такъ какъ спеціальная философская каѳедра была упразднена. Вообще философское направленіе сосредоточивалось по преимуществу въ Москвѣ. Здѣсь еще въ 20-хъ годахъ образовался небольшой дружескій кружокъ лицъ, занимавшихся изученіемъ нѣмецкой философіи (Канта, Фихте, Шеллинга) и называвшихъ себя „обществомъ любомудровъ“. Въ составъ этого кружка входили: кн. Одоевскій, Веневитиновъ, бр. Кирѣевскіе и нѣк. др. Но особенное значеніе пріобрѣлъ образовавшійся въ началѣ 30-хъ годовъ философскій кружокъ университетской молодежи, группировавшейся вокругъ *Н. В. Станкевича* (1813—1840). Станкевичъ былъ личностью въ высшей степени свѣтлой и обаятельной. Въ немъ чрезвычайно гармонически соединились высокія умственныя и нравственныя достоинства. Стремленіе къ истинѣ, пламенная любовь къ добру, постоянная забота о внутреннемъ самосовершенствованіи, доброта и мягкость въ отношеніяхъ къ окружающимъ, тонкое чувство красоты и поэзіи,—вотъ главныя черты личности Станкевича. Написалъ онъ очень немного, но его нравственное вліяніе на окружающихъ было чрезвычайно значительно и благотворно. Въ составъ кружка Станкевича входили: Бѣлинскій (который въ первыхъ своихъ статьяхъ развивалъ преимущественно идеи, усвоенныя имъ въ кружкѣ Станкевича), Константинъ Аксаковъ, поэты Клюшниковъ и Красовъ; нѣсколько позднѣе къ нему присоединились Грановскій, Катковъ, Василій Боткинъ и др. Кружокъ Станкевича развивался преимущественно подъ вліяніемъ нѣмецкой поэзіи и нѣмецкой идеалистической философіи. Изъ нѣмецкихъ мыслителей наибольшее вліяніе оказалъ на членовъ этого кружка—сначала Шеллингъ, а затѣмъ (съ половины 30-хъ годовъ) Гегель. Увлеченіе идеалистической философіей было весьма благотворно для русской молодежи того времени: оно расширяло ея умственный кругозоръ, внушало вѣру въ высокое призваніе человѣка, какъ носителя божественной *идеи*, поддерживало свѣтлое и гуманное чувство, вмѣстѣ съ стремленіемъ къ нравственному самосовершенствованію. Въ школѣ нѣмецкаго идеализма получили свое нравственное воспитаніе большинство такъ-называемыхъ „людей сороковыхъ годовъ“, отличительной чертой которыхъ была глубокая гуманность и непоколебимая вѣра въ идеалъ. Наиболѣе типичными представителями этого поколѣнія были Бѣлинскій, Грановскій и Константинъ Аксаковъ.— Однако одностороннее увлеченіе идеалистической философіей имѣло свои отрицательныя стороны: привыкнувъ витать въ мірѣ отвлеченностей, послѣдователи этого направленія иногда утрачивали ясное

Станкевичъ.

сознаніе реальной дѣйствительности, отчуждались отъ живой жизни стремясь всякое явленіе ея переводить въ абстрактъ. Герцен остроумно замѣчаетъ по этому поводу, вспоминая о московскихъ философскихъ кружкахъ 30-хъ годовъ: „Молодые философы наш испортили себѣ не однѣ фразы, но и пониманіе; отношеніе къ жизни къ дѣйствительности, сдѣлалось школьное, книжное. Все непосред ственное, всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченны категоріи и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдно алгебраической тѣнью. Во всемъ этомъ была своего рода наивность потому что все это было совершенно искренно. Человѣкъ, которы шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобы отдаться пан теистическому чувству своего единства съ космосомъ; и если ем попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмелькомъ ил баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ с ними, но опредѣлялъ субстанцію народную въ ея непосредственном и случайномъ проявленіи. Самая слеза, навертывавшаяся на вѣкахъ была строго отнесена къ своему порядку, къ „гемюту“ или к „трагическому въ сердцѣ“.

Московскій университетъ 40-хъ годовъ.

Въ 40-хъ годахъ, когда на арену дѣятельности выступило но вое поколѣніе, воспитанное на германской философіи, умственна жизнь въ Россіи значительно оживляется. Большое значеніе въ эт эпоху пріобрѣтаетъ Московскій университетъ, въ которомъ появляетс цѣлый рядъ молодыхъ талантливыхъ профессоровъ. Попечителем университета былъ въ то время просвѣщенный вельможа граф Строгановъ. По его мысли былъ отправленъ за границу, для усо вершенствованія въ наукахъ, цѣлый рядъ молодыхъ даровитых ученыхъ, предназначенныхъ занять профессорскія каѳедры въ Мо сковскомъ университетѣ. Къ числу ихъ принадлежали: Грановскій— профессоръ всеобщей исторіи, Рѣдкинъ—проф. энциклопедіи и фи лософіи права, Чевилевъ—проф. политической экономіи, Крюковъ— проф. римской литературы. Крыловъ—проф. римскаго права и др Получивъ превосходную подготовку у лучшихъ иностранныхъ уче ныхъ въ германскихъ университетахъ, проникшись широкими фи лософскими идеями, свойственными эпохѣ, эти молодые профессора послѣ возвращенія въ Москву, высоко подняли уровень универси тетскаго преподаванія и пріобрѣли громадное нравственное вліяні на своихъ слушателей. Вообще „Строгановская эпоха“ являетс эпохой расцвѣта научной дѣятельности Московскаго университета Кромѣ перечисленныхъ выше, въ это время начали здѣсь сво профессорскую дѣятельность многіе другіе даровитые ученые, напр. Соловьевъ (русская исторія), Буслаевъ (исторія литературы), Ка велинъ и Бѣляевъ (исторія русскаго права). Но наибольшей по

Грановскій.

пулярностью и уваженіемъ пользовался изъ нихъ Тимоѳей Нико лаевичъ *Грановскій* (1813—1855). Грановскій, подобно Станке вичу, съ которымъ онъ близко сошелся во время своего пребыва нія въ Берлинѣ и который имѣлъ значительное вліяніе на его ум ственное развитіе, — представлялъ собой гармоническое соединен сильнаго и свѣтлаго ума съ замѣчательной душевной чистотой и бла

городствомъ. Весь проникнутый высокимъ идеализмомъ, онъ умѣлъ и въ душѣ слушателей пробуждать лучшія человѣческія чувства. Излагая со строгой научностью историческіе факты, разъясняя ихъ взаимную связь, онъ умѣлъ выводить изъ нихъ нравственныя поученія, проникать во внутренній, идейный смыслъ событій. Но не только своими лекціями и статьями — Грановскій самой личностью своей облагораживающимъ образомъ воздѣйствовалъ на окружающихъ. „Отъ него вѣяло чѣмъ-то возвышенно-чистымъ,—говоритъ о немъ Тургеневъ,—ему было дано (рѣдкое и благодатное свойство) не убѣжденіями, не доводами, а собственной душевной красотой возбуждать прекрасное въ душѣ другого; онъ былъ идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова". Грановскій написалъ немного, но все написанное имъ отличается научностью содержанія и художественнымъ изяществомъ формы. Его характеристики отдѣльныхъ историческихъ лицъ (напр., аббата Сугерія, Людовика IX, Бэкона) замѣчательны своей жизненностью и пластичностью. Самый языкъ лекцій и статей Грановскаго всегда отличался легкостью и художественностью обработки. Кромѣ университетскихъ лекцій, Грановскій нѣсколько разъ читалъ также публичные курсы, на которые собиралось все московское образованное общество и которые также пользовалось громаднымъ успѣхомъ.

Работа серьезной общественной мысли съ особенной яркостью сказалась въ 40-хъ годахъ въ возникновеніи и борьбѣ двухъ литературно-общественныхъ теченій: *западничества и славянофильства*. Сущность западничества заключается въ признаніи безусловной цѣнности западно-европейской культуры, въ убѣжденіи, что благо Россіи заключается въ полномъ усвоеніи западно-европейскихъ началъ и формъ жизни и что постепенное приближеніе къ нимъ является необходимымъ условіемъ истиннаго прогресса. Западники являются у насъ преимущественно проводниками новыхъ идей. Свою задачу они видѣли въ распространеніи въ Россіи европейскаго образованія и потому старались въ своихъ статьяхъ и лекціяхъ познакомить русскую публику съ наукой, литературой, общественной и политической жизнью Зап. Европы. Отрицательно относясь къ основамъ древне-русской жизни, западники чрезвычайно высоко ставили преобразовательную дѣятельность Петра Великаго именно потому, что онъ положилъ начало сближенію Россіи съ Западомъ. Западничество явилось естественнымъ слѣдствіемъ признанія превосходства европейской культуры и выросшаго отсюда стремленія усвоить себѣ эту культуру. Въ этомъ смыслѣ западничество зародилось у насъ еще въ XVIII-мъ вѣкѣ, и даже ранѣе. Большинство русскихъ писателей XVIII-го и начала XIX-го столѣтія были по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ западниками, хотя и среди нихъ нерѣдко раздавались голоса противъ односторонняго и часто поверхностнаго увлеченія всѣмъ иноземнымъ и пренебрежительнаго отношенія ко всему русскому (Новиковъ, Фонвизинъ); а у нѣкоторыхъ писателей встрѣчается даже принципіальный протестъ противъ основъ Петров- Западничество.

ской реформы (кн. Щербатовъ: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“).

Чаадаевъ. Но самымъ яркимъ выраженіемъ западничества, какъ отрицанія основныхъ началъ русской жизни и русской исторіи, являются „Философическія Письма“ *Чаадаева*, напечатанныя въ 1836 году и произведшія сильное впечатлѣніе на все образованное русское общество. Взгляды Чаадаева отличаются мрачной безнадежностью. Во всей настоящей и прошлой русской жизни онъ не видитъ ничего свѣтлаго, ничего отраднаго; будущее представляется ему темнымъ и невѣрнымъ. Основнымъ источникомъ всѣхъ золъ русской жизни Чаадаевъ считалъ ея роковую отрѣшенность отъ общечеловѣческаго культурнаго развитія, обусловленную тѣмъ, что основы цивилизаціи Русь воспріяла не съ Запада, а отъ Византіи, находившейся въ состояніи нравственнаго упадка [1]). Благодаря этой оторванности русскіе были лишены возможности принять участіе въ общей культурной жизни. Между тѣмъ только та культура, по мнѣнію Чаадаева, имѣетъ истинную цѣнность, которая основана на преемственной работѣ поколѣній, благодаря чему она переходитъ въ плоть и кровь человѣка, создаетъ весь укладъ его жизни. Безъ этой вѣковой преемственности внутренняго развитія культура всегда останется чѣмъ-то чуждымъ, постороннимъ, чисто-внѣшнимъ, подражательнымъ. Этому не могла помочь и реформа Петра I-го, потому что все дѣло ограничилось пассивнымъ воспріятіемъ готовыхъ идей, усвоеніемъ чужихъ обычаевъ и порядковъ, безъ глубокой и прочной внутренней переработки. „Мы растемъ, но не зрѣемъ“, говоритъ Чаадаевъ въ одномъ мѣстѣ своего *Философич. Письма*. „Одинокіе въ мірѣ, мы ничего не дали міру, ничему не научили мы его; мы не внесли ни одной идеи въ массу идей человѣческихъ, ничѣмъ не содѣйствовали прогрессу человѣческаго разума, и все, что намъ досталось отъ этого прогресса, мы исказили“... „Нѣкогда великій человѣкъ захотѣлъ просвѣтить насъ,—и для того, чтобы пріохотить насъ къ образованію, онъ кинулъ намъ плащъ цивилизаціи; мы подняли плащъ, но не коснулись до просвѣщенія“. Отрицательно относясь ко всему прошлому родной земли, Чаадаевъ не питалъ также никакой надежды на болѣе свѣтлое будущее. Свой мрачный взглядъ на судьбу Россіи онъ доводитъ до крайней степени отрицанія, считая всю ея исторію какимъ-то „пробѣломъ въ нравственномъ міропорядкѣ“, и признавая, что единственный смыслъ ея существованія заключается въ томъ, чтобы „послужить какимъ-то важнымъ

---

[1]) Самъ Чаадаевъ склонялся къ католицизму и находился подъ сильнымъ вліяніемъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ мистиковъ (напр., Юнгъ-Штиллинга) и французскихъ католическихъ писателей: Жозефа де-Мэстра, Монталамбера и др. Послѣ опубликованія „*Философич. Писемъ*“, журналъ „Телескопъ“ былъ запрещенъ, а самъ Чаадаевъ объявленъ сумасшедшимъ. Это однако не помѣшало ему до самой смерти (въ 1856 г.) занимать почетное положеніе въ московскомъ обществѣ, среди котораго онъ пользовался большимъ уваженіемъ за свой рѣзкій, хотя и парадоксальный умъ, широкую образованность и блестящее остроуміе. Объ отношеніяхъ Чаадаева къ Пушкину см. стр. 179.

урокомъ для отдаленныхъ поколѣній, которыя сумѣютъ его понять" — „Филос. Письма" Чаадаева при своемъ появленіи произвели значительное впечатлѣніе на образованное русское общество. Они были однимъ изъ главнѣйшихъ толчковъ, вызвавшихъ дифференціацію умственныхъ теченій въ средѣ русской интеллигенціи и послужившихъ къ основанію двухъ главныхъ партій, на которыя она раздѣлилась въ срединѣ 40-хъ годовъ: партіи западниковъ и славянофиловъ. Славянофильство явилось естественной реакціей противъ чрезмѣрнаго отрицанія, съ которымъ Чаадаевъ отнесся ко всей русской жизни и къ русской исторіи; въ этой реакціи сказалось оскорбленное національное чувство, глубокая любовь къ родинѣ и горячая вѣра въ ея будущее. Впрочемъ, большинство западниковъ также далеко не раздѣляло мрачныхъ взглядовъ Чаадаева. не менѣе славянофиловъ вѣруя въ нравственныя силы русскаго народа и въ его свѣтлое будущее, достигнуть котораго онъ можетъ, проникшись началами общечеловѣческой культуры.

Въ 40-хъ годахъ наиболѣе выдающимися представителями западничества были: Грановскій, Герценъ и Бѣлинскій. Къ нимъ примыкалъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе талантливыхъ писателей, ученыхъ, критиковъ и т. д. Главными органами западниковъ были: „Отечественныя Записки" и „Современникъ", съ 1847 года перешедшій въ руки Некрасова и Панаева. Особенное вниманіе дѣятели западническаго лагеря посвящали ознакомленію русскаго общества съ современной европейской жизнью, литературой и господствующими умственными теченіями. Но иностранная литература оказывала на русское общество и непосредственное воздѣйствіе, благодаря распространенному среди него знанію языковъ. При этомъ въ 40-хъ годахъ снова начинаетъ распространяться особенный интересъ къ политическимъ вопросамъ и къ политической жизни Западной Европы, преимущественно Франціи[1]). Этотъ политическій и общественный интересъ весьма замѣтно отразился и на критическихъ статьяхъ Бѣлинскаго послѣдняго періода его дѣятельности. Изъ иностранныхъ писателей наибольшей популярностью стали пользоваться французскіе и отчасти англійскіе (Жоржъ-Зандъ, Викторъ Гюго, Бальзакъ, Диккенсъ, Теккерей). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Россію начинаютъ проникать и идеи французскаго утопическаго соціализма (Сенъ-Симонъ, Кабе, Фурье); въ концѣ 40-хъ годовъ въ Петербургѣ даже образовался кружокъ „фурьеристовъ", часть которыхъ впослѣдствіи была привлечена къ суду по дѣлу такъ назыв. „петрашевцевъ" (въ томъ числѣ Достоевскій и Плещеевъ). Вліяніе новыхъ идей.

Въ то время какъ западники исходили изъ мысли, что европейская культура является вмѣстѣ съ тѣмъ единственной обще- Славянофильство.

[1]) Впрочемъ еще въ 30-хъ годахъ, на ряду съ кружкомъ Станкевича, существовалъ въ Москвѣ кружокъ Герцена и Огарева, увлекавшійся преимущественно политическими интересами.

человѣческой формой культуры вообще, *славянофилы* отстаивали самостоятельное значеніе національно-русской культуры и даже ставили ее, по крайней мѣрѣ въ нравственномъ отношеніи, выше западной. На этомъ основаніи они совершенно отрицательно относились къ реформамъ Петра Великаго, считая усвоеніе западно-европейскихъ началъ пагубнымъ для государства и для народа. По ихъ мнѣнію, переворотъ, совершенный Петромъ, остановилъ естественное развитіе русской жизни и положилъ начало чрезвычайно вредному раздвоенію между высшими классами, усвоившими западно-европейскую культуру, и простымъ народомъ, оставшимся вѣрнымъ старинѣ. Видя въ народѣ вѣрнаго хранителя національнаго міросозерцанія и вѣрованій, стараго уклада жизни, традицій и обычаевъ, славянофилы относились къ нему съ глубочайшей любовью, и не менѣе западниковъ возмущались тѣмъ тяжелымъ положеніемъ, въ которомъ находился народъ, подъ гнетомъ крѣпостного права; впослѣдствіи нѣкоторые изъ славянофиловъ приняли дѣятельное участіе въ работахъ по освобожденію крестьянъ (Самаринъ, Кошелевъ, кн. Черкасскій).—Девизомъ славянофиловъ было: православіе, самодержавіе и народность; но вмѣстѣ съ тѣмъ они являлись убѣжденными сторонниками полной вѣротерпимости, защитниками свободы совѣсти и слова и противниками всякихъ насильственныхъ мѣръ противъ инородцевъ. Православная церковь, по убѣжденію славянофиловъ, является носительницей „соборнаго сознанія“, которому только и можетъ быть доступна вся полнота истины, тогда какъ отдѣльный умъ познаетъ лишь часть ея и нерѣдко безнадежно запутывается въ противорѣчіяхъ. Высказываясь въ пользу неограниченнаго самодержавія, славянофилы исходили изъ мысли, что „русскій народъ не имѣетъ въ себѣ политическаго элемента и самъ государствовать не хочетъ“. Поэтому они строго раздѣляли въ принципѣ „землю, земщину“ и „государство“. Предоставивъ правительству всю полноту власти, народъ сохранилъ за собой всю полноту внутренней свободы. Отказываясь отъ всякаго непосредственнаго вмѣшательства въ дѣла правленія, отъ всякихъ политическихъ правъ, народъ оставилъ себѣ право нравственнаго воздѣйствія, осуществленіе котораго славянофилы видѣли въ Земскихъ Соборахъ до-Петровской эпохи. О возстановленіи этого обычая — прибѣгать къ созыву излюбленныхъ людей ходатайствуетъ К. Аксаковъ въ запискѣ, поданной имъ императору Александру II въ 1855 году; въ той же запискѣ онъ рѣшительно высказывается въ пользу полной свободы слова, какъ естественнаго слѣдствія принадлежащаго народу „права мнѣнія“. — Вмѣстѣ съ тѣмъ славянофилы первые обратили серьезное вниманіе на русскую „общину“, на деревенскій „міръ“. Въ нихъ они видѣли живое свидѣтельство того общинно-вѣчевого строя, который, по ихъ мнѣнію, составлялъ характерную особенность древне-русской жизни. Этотъ общинно-вѣчевой строй, въ свою очередь, зависѣлъ, по мнѣнію славянофиловъ, отъ преобладанія въ русскомъ національномъ характерѣ чувства солидарности, живой и любовной связи съ окружающими, которая не допу-

Ученіе славянофиловъ.

скала односторонняго развитія *личнаго* начала, индивидуализма, являющагося характерной чертой западно-европейскаго уклада жизни.—Наконецъ, не ограничиваясь симпатіями къ родному народу, славянофилы распространяли ихъ и на другихъ представителей славянскаго племени, устанавливая дружескія связи съ національными дѣятелями чеховъ, сербовъ, хорватовъ и др. западныхъ и южныхъ славянъ, поддерживая въ нихъ стремленіе къ національной самобытности.

Въ покровительствѣ и поддержкѣ зарубежныхъ славянъ они видѣли историческую миссію Россіи, окончательное осуществленіе которой должно заключаться въ политическомъ объединеніи всѣхъ славянскихъ народностей (панславизмъ). Въ 1876—77 гг. нѣкоторые изъ славянофиловъ, особенно Иванъ Аксаковъ, сыграли видную роль въ дѣлѣ возбужденія въ русскомъ обществѣ сочувствія къ угнетеннымъ турками южнымъ славянамъ, результатомъ чего была война съ Турціей, окончившаяся освобожденіемъ Болгаріи.

Главнѣйшіе славянофилы

Среди славянофиловъ особенно замѣчательны: Хомяковъ, братья Кирѣевскіе, братья Аксаковы, Юрій Самаринъ, Кошелевъ и нѣкот. др. *Хомяковъ* (1804—1860), чрезвычайно талантливый и разносторонне образованный человѣкъ, былъ наиболѣе плодовитымъ писателемъ среди славянофиловъ; онъ писалъ по вопросамъ богословскимъ, историческимъ, юридическимъ, сельскохозяйственнымъ, экономическимъ, вездѣ обнаруживая громадную эрудицію и оригинальность взгляда. Хомякову принадлежитъ также довольно много поэтическихъ произведеній, отличающихся сильнымъ и звучнымъ стихомъ и возвышенной мыслью. *Иванъ Кирѣевскій* (1806—1856) въ своихъ немногочисленныхъ статьяхъ разрабатывалъ преимущественно религіозно-философскую сторону славянофильскаго ученія (напр., „О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи“). Братъ его *Петръ Кирѣевскій* (1808—1856) болѣе всего извѣстенъ какъ ревностный собиратель народныхъ пѣсенъ. *Константинъ Аксаковъ* (1817—1860), человѣкъ замѣчательной душевной чистоты, пламенный идеалистъ, до фанатизма преданный своимъ убѣжденіямъ; сочиненія его по преимуществу историческаго и филологическаго характера и посвящены главнымъ образомъ изученію русскаго языка (диссертація о Ломоносовѣ, „Опытъ русской грамматики“) и русской исторіи (между прочимъ К. Аксаковъ впервые выдвинулъ для объясненія явленій древне-русской жизни свою *общинно-вѣчевую теорію*, въ противовѣсъ теоріи родового быта Соловьева и Кавелина). *Иванъ Аксаковъ* (1823—1886), младшій изъ славянофиловъ, былъ по преимуществу *публицистомъ*, примѣнявшимъ теоретическіе взгляды своихъ предшественниковъ ко всевозможнымъ политическимъ и общественнымъ вопросамъ современности; впрочемъ его дѣятельность принадлежитъ главнымъ образомъ 60—80-мъ годамъ, когда онъ издавалъ нѣсколько журналовъ („День“, „Москва“, „Русь“) и основалъ „Славянское благотворительное общество“.

На славянофильское ученіе, при его возникновеніи, замѣтное

вліяніе оказала философія Шеллинга, а затѣмъ Гегеля. Констан тинъ Аксаковъ былъ членомъ философскаго кружка Станкевича братья Кирѣевскіе были въ Мюнхенѣ учениками Шеллинга. Силь ный толчокъ къ опредѣленію своихъ взглядовъ дали славянофилам „Философическія письма“ Чаадаева, которыя задѣли ихъ національ ное чувство и вызвали на возраженія. Такъ какъ по тогдашним цензурнымъ условіямъ многихъ вопросовъ нельзя было касатьс въ печати, то славянофилы вырабатывали свои взгляды преимущс ственно въ устныхъ спорахъ съ западниками, въ московскихъ са лонахъ (Елагиныхъ, Свербѣевыхъ); на этихъ спорахъ, или, как ихъ въ шутку называлъ Герценъ, „всенощныхъ преніяхъ“, осо бенно выдѣлялся Хомяковъ, благодаря своимъ замѣчательным діалектическимъ способностямъ. Главными оппонентами славянофи ловъ въ этихъ преніяхъ были Герценъ и Чаадаевъ, а въ печат ихъ наиболѣе ярымъ противникомъ былъ Бѣлинскій. Около 1844 г взаимныя отношенія западниковъ и славянофиловъ настолько обо стрились, что между ними произошелъ окончательный разрывъ.

Славянофилы не оставили общаго систематическаго изложені своего ученія, которое приходится возстанавливать по частямъ н основаніи отдѣльныхъ сочиненій и статей. Въ 40-хъ годахъ у них не было собственнаго органа печати и они принуждены были по мѣщать свои статьи въ „Москвитянинѣ“ Погодина, хотя были далек не согласны съ духомъ и направленіемъ этого журнала. Съ 1846 г славянофилы начали издавать „Московскій Сборникъ“, но вышл всего три выпуска этого изданія, а 4-й былъ запрещенъ цензурой Только послѣ воцаренія Александра II славянофиламъ удалось осно вать собственный журналъ („Русская Бесѣда“ (1856—1860), кото рый однако не имѣлъ замѣтнаго вліянія на общество.

Глава VIII-я.

Литературная критика въ первой половинѣ XIX вѣка.

Въ XVIII вѣкѣ, при господствѣ въ русской литературѣ псевдо-классическаго направленія, теоретическіе взгляды этой школы пользовались у насъ неоспоримымъ авторитетомъ. Буало, а нѣсколько позднѣе его послѣдователи: Батте и Лагарпъ, считались законодателями изящнаго вкуса, разъ навсегда установившими незыблемыя „правила", которымъ должны одинаково подчиняться и авторы, при созданіи своихъ произведеній, и критика—при ихъ оцѣнкѣ. Впрочемъ настоящей критики у насъ въ XVIII столѣтіи не существовало еще вовсе, и критическіе отзывы ограничивались лишь отдѣльными замѣчаніями, касающимися преимущественно языка и стиля того или другого произведенія.—Литературная реформа, произведенная Карамзинымъ, и вызванныя ею возраженія со стороны представителей старой школы, нѣсколько оживили литературную полемику. Впрочемъ нападки на Карамзина сосредоточивались преимущественно на его нововведеніяхъ въ области литературнаго языка, такъ что споры сторонниковъ и противниковъ Карамзинскихъ преобразованій почти не выходили изъ круга грамматическихъ и стилистическихъ вопросовъ („О старомъ и новомъ слогѣ" Шишкова; возраженія на эту книгу Дашкова и Макарова).

Карамзинъ и его противники.

Нерѣдко сторонники той и другой школы въ своей литературной полемикѣ прибѣгали къ *сатирѣ*, осмѣивая въ той или иной формѣ взгляды своихъ противниковъ и ихъ произведенія. Къ числу такихъ полемическихъ сочиненій принадлежатъ: со стороны приверженцевъ старой школы—нѣкоторыя комедіи кн. Шаховского („Новый Стернъ", „Ли-

пецкія воды"), его же сатирическая поэма „Расхищенны шубы", комедія Грибоѣдова „Студентъ", сатиры кн. Горча кова); со стороны представителей новаго направленія—различ ныя стихотворенія, сатиры, посланія членовъ „Арзамаса (Батюшкова, Жуковскаго, Пушкина, Воейкова), осмѣивающі литературныя мнѣнія „славяно-россовъ" и пародирующі ихъ произведенія.

Борьба классиковъ и романтиковъ.

Только съ 20-хъ годовъ XIX вѣка литературные спор переносятся на принципіальную почву: критики, не огра ничиваются уже голословными утвержденіями или насмѣш ками, а стараются обосновать свои сужденія на теоретиче скихъ началахъ. Появленіе первыхъ поэмъ Пушкина: „Ру слана и Людмилы" и „Кавказскаго Плѣнника", вызвало в журналахъ оживленную полемику, вращавшуюся преимуще ственно вокругъ вопроса о новомъ литературномъ направле ніи, о *„романтизмѣ"*. Споры о романтизмѣ продолжаются в теченіе всѣхъ 20-хъ годовъ, при чемъ сторонниками этог направленія выступаетъ цѣлый рядъ талантливыхъ писателей кн. Вяземскій, Бестужевъ, Веневитиновъ, Полевой и др. а со стороны классиковъ—Мерзляковъ, Каченовскій, Катенин и отчасти Надеждинъ. Защитники „классицизма" особеннаг успѣха среди публики не имѣли; ихъ журналы („Вѣстник Европы", „Амфіонъ" и нѣк. др.) были мало распространен и потому не могли имѣть такого вліянія на общество, как „Московскій Телеграфъ" Полевого, расходившійся въ боль шомъ количествѣ экземпляровъ; такимъ образомъ уже съ се редины 20-хъ годовъ окончательная побѣда оказывается н сторонѣ романтиковъ. Однако среди самихъ романтиковъ скор обнаружилось полное отсутствіе ясныхъ и устойчивыхъ тео ретическихъ взглядовъ, несмотря на ихъ стремленіе построит систему литературной критики на философскихъ основахъ на ученіи нѣмецкаго идеализма. Только съ появленіем Бѣлинскаго, внесшаго новые пріемы въ изученіе литератур ныхъ явленій, русская критика выходитъ наконецъ на пра вильную дорогу и становится дѣйствительно истолковател ницей произведеній русскихъ писателей.

Мерзляковъ.

Среди сторонниковъ классическаго направленія наиболѣ замѣчательнымъ является *Мерзляковъ*. Онъ родился в 1778 году въ Пермской губ. и получилъ образованіе въ М

сковскомъ университетѣ. Еще въ молодыхъ лѣтахъ онъ обнаружилъ литературное дарованіе въ своихъ подражаніяхъ произведеніямъ Ломоносова, Державина и др. писателей XVIII вѣка. Между прочимъ онъ перевелъ и „Ars poëtica“ Горація („Наука стихотворства“).

Въ 1804 году Мерзляковъ былъ назначенъ профессоромъ россійскаго краснорѣчія и поэзіи. Не ограничиваясь преподаваніемъ съ университетской каѳедры, Мерзляковъ устраивалъ также публичные курсы, пользовавшіеся въ московскомъ обществѣ большимъ успѣхомъ. По своимъ теоретическимъ взглядамъ Мерзляковъ всецѣло примыкалъ къ псевдо-классической школѣ. Учебнымъ пособіемъ къ его курсу служила книга Эшенбурга, одного изъ нѣмецкихъ теоретиковъ этого направленія. Но, какъ человѣкъ, надѣленный тонкимъ художественнымъ вкусомъ, Мерзляковъ въ своихъ разборахъ литературныхъ произведеній часто отступалъ невольно отъ своихъ теоретическихъ взглядовъ и высказывалъ очень вѣрныя и вполнѣ безпристрастныя сужденія. Такъ, напр., онъ одинъ изъ первыхъ рѣшился выступить противъ установившагося мнѣнія о Сумароковѣ и Херасковѣ, какъ о первоклассныхъ писателяхъ, и подвергъ ихъ главныя произведенія („Россіаду“ и „Димитрія Самозванца“) подробному и строгому разбору, въ которомъ доказалъ ихъ многочисленные художественные недостатки и логическія несообразности. Когда появились первыя поэмы Пушкина, Мерзляковъ отнесся къ нимъ отрицательно, хотя не могъ не почувствовать ихъ поэтической красоты: онъ самъ признавался, что эти поэмы производятъ на него глубокое впечатлѣніе, но, вѣрный своимъ принципамъ, осуждалъ Пушкина за допущенныя имъ отступленія отъ установленныхъ „правилъ“ и литературныхъ традицій [1]).

Толки о романтизмѣ, какъ о новомъ литературно-эстетическомъ направленіи начинаются въ русской журналистикѣ около 1820 года. Романтическія теоріи проникали къ намъ

[1]) Мерзляковъ самъ былъ одаренъ нѣкоторымъ поэтическимъ талантомъ, но и въ его собственномъ творчествѣ отразилось характерное для него противорѣчіе между живымъ эстетическимъ вкусомъ и преклоненіемъ передъ школьными „правилами“: на ряду съ ложно-классическими *одами*, отличающимися однообразіемъ и напыщенностью, онъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ *пѣсенъ* въ народномъ духѣ, изъ которыхъ нѣкоторыя пріобрѣли широкую извѣстность, какъ, напр.: „Среди долины ровныя“, „Чернобровый, черноглазый, молодецъ удалый“ и др.

Нѣмецкій философскій романтизмъ.

съ двухъ сторонъ: изъ Германіи и изъ Франціи.— Особенность нѣмецкаго романтизма заключается въ преобладаніи въ немъ *философскаго* элемента, въ стремленіи обосновать эстетическіе взгляды на цѣльномъ философскомъ міросозерцаніи. Такое философское обоснованіе своихъ теорій романтики видѣли въ „системѣ тождества“ *Шеллинга*.

Согласно ученію Шеллинга, два основныхъ начала, изъ различныхъ сочетаній которыхъ слагается все многообразіе явленій дѣйствительности, *природа* и *духъ*, реальное и идеальное, представляютъ собой лишь два проявленія *Абсолюта* и потому въ своей основѣ тождественны.

Это внутреннее тождество первичныхъ элементовъ міровой жизни наиболѣе ясно обнаруживается въ искусствѣ, которое представляетъ собой откровеніе въ *чувственныхъ* образахъ *духовнаго* содержанія, проявленіе безконечнаго въ конечномъ. Отсюда—чрезвычайно высокій взглядъ на значеніе искусства и на роль художника-поэта, геній котораго является высочайшимъ воплощеніемъ человѣческаго „я“. На этомъ взглядѣ на поэта, какъ на носителя высшей истины, романтики основывали свое требованіе полной свободы художественнаго творчества, полной независимости поэта-художника отъ желаній или мнѣній „толпы“, а также отъ всякихъ предустановленныхъ „правилъ“, въ родѣ тѣхъ, которыми руководились писатели псевдо-классической школы. Съ особенной яркостью это ученіе о свободѣ творчества и о призваніи поэта выразилось въ критическихъ статьяхъ и лекціяхъ *Шлегеля*, одного изъ наиболѣе вліятельныхъ писателей романтическаго направленія [1]).

Отрицательно относясь ко всей псевдо-классической литературѣ, романтики противопоставляли новую поэзію — поэзіи античной, какъ два противоположныхъ полюса литературнаго развитія; въ высокой *пластической* красотѣ античнаго искусства они видѣли торжество формы надъ идеей, законченное воплощеніе земной красоты, между тѣмъ какъ въ произведеніяхъ новаго искусства и новой поэзіи они находили преобладаніе

---

[1]) Этотъ взглядъ на безусловную свободу художественнаго творчества и на высокое призваніе поэта нашелъ себѣ отголосокъ и въ русской литературѣ, напр., въ извѣстныхъ стихотвореніяхъ Пушкина: „Чернь“, „Поэту“ и др., а также въ стихотвореніяхъ Веневитинова, Хомякова и нѣкоторыхъ другихъ современныхъ поэтовъ.

духовнаго элемента, выраженіе безпокойныхъ исканій человѣка и его стремленій въ міръ идеальный, сверхчувственный.

Эта внутренняя неудовлетворенность формами земной жизни явилась, по мнѣнію романтиковъ, естественнымъ слѣдствіемъ новаго, христіанскаго міропониманія: поэтому они возводили начало романтизма именно къ эпохѣ среднихъ вѣковъ, которую они считали наиболѣе яркимъ выраженіемъ христіанскихъ идеаловъ: самый терминъ „романтизмъ" они приводили въ связь съ наименованіемъ *романскихъ* народовъ.

Противопоставляя новую поэзію античной, романтики видѣли наиболѣе характерную черту первой въ ея *субъективности*, являющейся слѣдствіемъ присущаго ей стремленія къ высшему самосознанію. Эта субъективность можетъ быть болѣе узкая (индивидуальная) и болѣе широкая, т.-е. такая, въ которой отражаются характерныя черты извѣстной народности или эпохи. Изъ этого взгляда романтиковъ вытекаетъ ихъ интересъ къ *народности* въ искусствѣ и широкій взглядъ на литературу, обнимающій произведенія всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ. Въ то время, какъ классики выдвигали на первое мѣсто античную литературу, выставляя въ качествѣ недосягаемыхъ образцовъ произведенія Гомера, Софокла, Овидія, Горація,—романтики столь же высокое значеніе приписывали твореніямъ Данте, Шекспира, Кальдерона; такимъ путемъ создавалось понятіе о міровой литературѣ, которая въ своемъ развитіи является выраженіемъ различныхъ сторонъ человѣческаго духа.

Таковы были главнѣйшія основанія эстетическихъ взглядовъ нѣмецкаго романтизма, опиравшагося на идеалистическую философію Шеллинга. У насъ онъ нашелъ себѣ отраженіе въ книгѣ *Галича*: „Опытъ науки изящнаго" (1825), въ статьяхъ *Веневитинова*, *Шевырева* и нѣк. др.; среди журналовъ проводникомъ идей нѣмецкаго романтизма былъ преимущественно „Московскій Вѣстникъ" (1827—30).—Но романтическія теченія проникли въ русскую литературу также изъ Франціи; книга г-жи Сталь: „О Германіи" (M-me de Staël: De l'Allemagne), впервые познакомила многихъ, не владѣвшихъ нѣмецкимъ языкомъ, съ новой литературной школой. Изъ французскихъ писателей-романтиковъ значительную популярность и вліяніе пріобрѣли въ Россіи Шатобріанъ, Викторъ Гюго, Ламартинъ, Мериме, Шарль Нодье и мн. др. При общемъ сходствѣ главнѣйшихъ

Французскій романтизмъ.

литературно-эстетическихъ теорій, французскій романтизмъ отличался отъ нѣмецкаго тѣмъ, что въ первомъ гораздо меньшее значеніе имѣлъ философскій элементъ. Въ нашей литературной критикѣ послѣдователями французскаго романтизма были кн. Вяземскій, Бестужевъ (Марлинскій) и Полевой; особенную важность въ исторіи умственной жизни русскаго общества имѣла дѣятельность послѣдняго.

Полевой.

Полевой родился въ Иркутскѣ въ 1796 году, въ купеческой семьѣ. Впослѣдствіи отецъ его переселился въ Курскъ, гдѣ завелъ торговое дѣло, въ которомъ съ раннихъ лѣтъ должны были помогать ему сыновья. Благодаря этому Полевой не получилъ систематическаго образованія. Но вслѣдствіе природной любознательности онъ рано пристрастился къ чтенію, самоучкой изучилъ нѣсколько иностранныхъ языковъ, просиживалъ цѣлыя ночи надъ книгами, несмотря на то, что отецъ и другіе окружающіе чрезвычайно неодобрительно относились къ его занятіямъ. Только послѣ смерти отца Полевой получилъ возможность безпрепятственно отдаться литературнымъ и ученымъ интересамъ. Онъ поселился въ Москвѣ и усердно занялся пополненіемъ своего образованія; нѣкоторое время онъ даже былъ вольнослушателемъ въ Московскомъ университетѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Полевой началъ сотрудничать въ различныхъ журналахъ, гдѣ помѣщалъ разсказы, стихотворенія, критическія и историческія статьи. Въ 1825 году Полевой самъ сталъ издавать журналъ „Московскій Телеграфъ", при ближайшемъ участіи князя Вяземскаго. Этотъ журналъ по богатству, разнообразію и серьезности содержанія является лучшимъ изъ тогдашнихъ періодическихъ изданій и скоро привлекъ къ себѣ вниманіе и симпатіи публики, среди которой онъ пользовался большимъ распространеніемъ и значительнымъ вліяніемъ. Полевой поставилъ себѣ главною цѣлью познакомить русское общество съ современной иностранной литературой; поэтому въ его журналѣ было напечатано много переводовъ различныхъ произведеній Гёте, Байрона, В. Гюго, Гофмана, Вальтеръ-Скотта и др., а также цѣлый рядъ критическихъ статей о новой литературѣ, изъ которыхъ многія принадлежали самому Полевому.

Отношеніе къ старымъ писателямъ.

Въ своихъ критическихъ статьяхъ Полевой является убѣжденнымъ сторонникомъ новаго, романтическаго направленія

и противникомъ всѣхъ псевдо-классическихъ традицій. Оцѣнивая съ этой точки зрѣнія русскую литературу, Полевой, естественно долженъ былъ отнестись отрицательно къ большинству старыхъ писателей, какъ Ломоносовъ, Сумароковъ, Княжнинъ, Херасковъ и др. Суровые отзывы Полевого объ этихъ прославленныхъ писателяхъ возбудили противъ него особенное негодованіе всѣхъ представителей старины, а критическое отношеніе къ „Исторіи“ Карамзина возстановило противъ него многочисленныхъ почитателей послѣдняго, въ томъ числѣ и Пушкина.

Оцѣнка Карамзина, Жуковскаго и Пушкина.

Указавъ на нѣкоторые недостатки Карамзина, какъ историка, Полевой вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрно опредѣлилъ общій характеръ его литературной дѣятельности, отмѣтивъ ея зависимость отъ французскаго сентиментализма (Мармонтеля и Жанлисъ), произведенія котораго послужили образцомъ для его повѣстей. Прекрасно понялъ также Полевой особенности поэзіи Жуковскаго: ея зависимость отъ сентиментализма Карамзина, ея „односторонность“, выражающуюся въ „безотчетной мечтательности“, отсутствіе въ ней настоящей „народности“, благодаря чему собственныя произведенія Жуковскаго почти невозможно отличить отъ его переводовъ.— Отношенія Полевого къ Пушкину отличаются нѣкоторой двойственностью: съ одной стороны, онъ называлъ его первымъ истинно-національнымъ русскимъ поэтомъ; съ другой стороны, сравнивая его произведенія, напр., „Евгенія Онѣгина“ и „Капитанскую дочку“, съ произведеніями Байрона и Вальтеръ-Скотта, онъ считалъ ихъ лишь блѣдными копіями. Выше всего онъ ставилъ „Полтаву“, въ которой находилъ черты истинной народности, и „Бориса Годунова“, хотя и считалъ, что характеристикѣ главнаго героя сильно повредилъ „карамзинизмъ“ Пушкина, т.-е. слѣдованіе взглядамъ Карамзина на личность Бориса.—Но съ полнымъ непониманіемъ отнесся Полевой къ произведеніямъ Гоголя. Воспитавъ свой вкусъ и свои литературные взгляды преимущественно на образцахъ романтической школы, Полевой оказался не въ состояніи правильно оцѣнить значеніе новаго, реалистическаго направленія, представителемъ котораго въ русской литературѣ явился Гоголь. Точно такъ же не разгадалъ онъ и истиннаго характера Гоголевскаго юмора, того „смѣха сквозь слезы“, который составляетъ особенность всѣхъ его

Отношеніе къ Гоголю.

произведеній. Поэтому въ глазахъ Полевого „Ревизоръ“ оказался пустымъ „фарсомъ“, лишеннымъ правдоподобія, а „Мертвыя Души“— коллекціей уродливостей, недостойныхъ изображенія искусства.

Критическая дѣятельность Полевого вызвала противъ него враждебное отношеніе въ различныхъ литературныхъ кружкахъ, особенно со стороны тѣхъ посредственностей, самолюбіе которыхъ онъ задѣлъ своими суровыми отзывами. Вмѣстѣ съ тѣмъ значительный успѣхъ, выпавшій на долю „Московскаго Телеграфа“, возбудилъ зависть со стороны журнальныхъ конкурентовъ Полевого—Булгарина и Греча. Враги Полевого не остановились даже передъ самыми низменными средствами, передъ доносами, для того, чтобы погубить журналъ. Это средство было тѣмъ дѣйствительнѣе, что либеральный духъ „Московскаго Телеграфа“ давно уже обратилъ на себя неблагосклонное вниманіе высшаго начальства: особенно враждебно былъ настроенъ противъ Полевого тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ, въ вѣдѣніи котораго въ то время находилась цензура. Въ 1834 году онъ добился запрещенія журнала, придравшись къ неодобрительному отзыву Полевого о патріотической пьесѣ Кукольника: „Рука Всевышняго отечество спасла“.—Это запрещеніе, отрывавшее Полевого отъ любимаго дѣла, было для него чрезвычайно тяжелымъ ударомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пошатнулось и его матеріальное положеніе, такъ что въ послѣдніе годы ему приходилось много писать ради заработка, и эта спѣшность работы, конечно, не могла не отразиться на ея внутреннемъ достоинствѣ. Полевой скончался въ 1846 году, въ Петербургѣ. Бѣлинскій посвятилъ ему обширную некрологическую статью, въ которой онъ выяснилъ заслуги Полевого передъ русской литературой и обществомъ [1]).

---

[1]) Литературная дѣятельность Полевого однако не ограничивалась журнальными трудами и критическими статьями. Полевой былъ однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ и разностороннихъ писателей своего времени. Ему принадлежитъ нѣсколько романовъ и повѣстей («Клятва при гробѣ Господнемъ», «Живописецъ», «Аббадонна»), написанныхъ въ романтическомъ духѣ, множество театральныхъ пьесъ (около 40), большей частью патріотическаго содержанія («Дѣдушка русскаго флота», «Купецъ Иголкинъ», «Параша-сибирячка») и цѣлый рядъ историческихъ сочиненій, каковы: «Исторія русскаго народа» (въ 6 томахъ), «Исторія Петра Великаго», «Исторія Суворова».

Самостоятельное положеніе въ спорѣ между классиками и романтиками занималъ *Надеждинъ* (1804—1856). Онъ выступилъ съ критическими статьями, направленными противъ романтизма и написанными въ легкой, остроумной формѣ, подъ псевдонимомъ Никодима Надоумка. Статьи эти были напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“ Каченовскаго, являвшемся главнымъ органомъ старыхъ литературныхъ взглядовъ. Однако, самъ Надеждинъ далеко не раздѣлялъ этихъ взглядовъ. Усвоивъ себѣ воззрѣнія Шеллинга, онъ считалъ классицизмъ и романтизмъ двумя необходимыми ступенями въ развитіи человѣческаго духа, двумя противоположными полюсами этого развитія; но подъ *классицизмомъ* онъ подразумѣвалъ исключительно *античный*, греческій классицизмъ и совершенно отрицательно относился къ французскимъ псевдо-классикамъ и ихъ русскимъ подражателямъ; точно такъ же подъ *романтизмомъ* онъ подразумѣвалъ лишь *поэзію среднихъ вѣковъ*, послѣднимъ великимъ представителемъ которой онъ считалъ Шекспира; что же касается до современныхъ писателей новаго направленія, то онъ называлъ ихъ лже-романтиками и высмѣивалъ крайности ихъ теорій.—Критически относясь къ обѣимъ спорящимъ сторонамъ, Надеждинъ видѣлъ выходъ изъ этого спора лишь въ созданіи такого литературнаго направленія, которое бы воспріяло въ себѣ и примирило идеалы классицизма и романтизма, понятыхъ въ ихъ настоящемъ значеніи. Возражая противъ произвольныхъ ограниченій области поэтическаго творчества, Надеждинъ неоднократно повторяетъ латинское изреченіе: ubi vita, ibi poësis („гдѣ жизнь, тамъ и поэзія“); такимъ образомъ онъ, очевидно, считалъ, что всѣ явленія дѣйствительности могутъ быть предметомъ художественнаго изображенія; при этомъ онъ видѣлъ въ естественности и народности необходимыя условія истиннаго искусства. Эти взгляды Надеждина показываютъ, что онъ былъ недалекъ отъ требованій художественнаго реализма.—Однако, несмотря на эти вѣрные теоретическіе взгляды, Надеждинъ самъ не умѣлъ примѣнять ихъ на практикѣ, въ своихъ критическихъ статьяхъ, такъ какъ былъ почти вовсе лишенъ эстетическаго чутья, вслѣдствіе чего онъ, напр., совершенно не понималъ поэзіи Пушкина. Тѣмъ не менѣе взгляды Надеждина не остались безъ вліянія на дальнѣйшее развитіе русской критики, въ частности на Бѣлинскаго, который въ университетѣ

Надеждинъ.

былъ слушателемъ Надеждина, а затѣмъ началъ свою литературную дѣятельность въ издаваемыхъ имъ журналахъ: „Молвѣ“ и „Телескопѣ“.

Бѣлинскій. Расцвѣтъ русской критики первой половины XIX-го вѣка связанъ неразрывно съ именемъ *Бѣлинскаго*, который явился геніальнымъ истолкователемъ творчества нашихъ выдающихся писателей въ одинъ изъ наиболѣе важныхъ моментовъ въ исторіи русской литературы, въ эпоху, когда она, освободившись отъ прежней подражательности, вступала на новую, самостоятельную дорогу, становилась національной по духу, реалистической по содержанію.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій родился въ 1811 году, въ Свеаборгѣ, гдѣ въ это время служилъ его отецъ, состоявшій флотскимъ врачомъ. Дѣтство свое Бѣлинскій провелъ въ уѣздномъ городкѣ Чембарѣ (Пензенской губ.). Образованіе онъ получилъ сперва въ Чембарскомъ уѣздномъ училищѣ, а затѣмъ въ Пензенской гимназіи, но курса въ ней не кончилъ. Окружающая обстановка мало благопріятствовала правильному умственному развитію, однако, уже съ раннихъ лѣтъ въ немъ проявился особенный интересъ къ литературѣ.

Въ 1829 году Бѣлинскій выдержалъ пріемный экзаменъ и поступилъ въ Московскій университетъ, на словесный факультетъ. Впрочемъ, университетское преподаваніе не оказало на Бѣлинскаго особеннаго вліянія, за исключеніемъ лекцій Надеждина, который вводилъ своихъ слушателей въ кругъ философскихъ интересовъ, знакомя ихъ съ нѣмецкими идеалистическими системами. Притомъ Бѣлинскому даже не удалось окончить полнаго курса въ университетѣ, такъ какъ въ 1832 году онъ былъ изъ него уволенъ за неаккуратное посѣщеніе лекцій и „по ограниченности способностей“, какъ сказано въ оффиціальной бумагѣ. Дѣйствительной же причиной его увольненія послужили, во 1-хъ, его столкновенія съ нѣкоторыми изъ профессоровъ, а во 2-хъ, написанная имъ драма „Дмитрій Калитинъ“, являвшаяся чрезвычайно рѣзкимъ протестомъ противъ крѣпостного права. Такъ какъ въ ту эпоху профессора университета вмѣстѣ съ тѣмъ состояли и цензорами, то запрещеніе рукописи отразилось и на судьбѣ самого автора, и на увольненіе изъ университета можно смотрѣть, какъ на наказаніе за выказанное имъ въ драмѣ вольнодумство.

Гораздо больше значенія, чѣмъ университетскія лекціи, имѣло для Бѣлинскаго его сближеніе съ кружкомъ Станкевича. Здѣсь въ кругу молодыхъ идеалистовъ, восторженныхъ учениковъ Шеллинга, Бѣлинскій имѣлъ возможность хорошо познакомиться съ современной нѣмецкой философіей, и это знакомство оказало громадное вліяніе на все его міросозерцаніе. Хотя Бѣлинскій слабо зналъ нѣмецкій языкъ и потому не могъ читать произведенія нѣмецкихъ философовъ въ подлинникѣ, однако онъ былъ настолько одаренъ способностями къ отвлеченному философскому мышленію, что со словъ своихъ друзей составилъ себѣ достаточно вѣрное и полное представленіе о философскихъ системахъ Шеллинга и Гегеля. Въ своихъ первыхъ статьяхъ онъ развивалъ теоретическіе взгляды, усвоенные имъ въ кружкѣ Станкевича, служа такимъ образомъ проводникомъ философскихъ идей этого тѣснаго дружескаго кружка въ печати. Поэтическая сторона шеллингизма, взглядъ на природу, какъ на живой организмъ, какъ на конкретное воплощеніе духа, нашелъ себѣ въ Бѣлинскомъ восторженнаго послѣдователя. Еще важнѣе для Бѣлинскаго, какъ для литературнаго критика, былъ усвоенный имъ въ эту эпоху взглядъ на особенное значеніе художника-поэта, какъ глашатая вѣчной истины, и на искусство, какъ на высшее откровеніе божественнаго духа въ человѣкѣ, взглядъ, вытекавшій изъ основныхъ принциповъ философіи тождества [1]). Исходя изъ этого взгляда, Бѣлинскій въ своихъ первыхъ статьяхъ является убѣжденнымъ сторонникомъ теоріи чистаго искусства, „искусства для искусства“, и вмѣстѣ съ тѣмъ проповѣдникомъ полной и безусловной свободы поэтическаго творчества. Защищая эту точку зрѣнія, Бѣлинскій боролся противъ всякой попытки подчинить искусство какимъ-либо цѣлямъ, лежащимъ внѣ его, напр., моральнымъ, или же стѣснить творчество художника какими-либо теоретическими предписаніями или правилами. Высшее воплощеніе поэтическаго генія Бѣлинскій въ эту эпоху видѣлъ въ лицѣ Шекспира и Гёте; Шиллера (которому онъ самъ раньше подражалъ въ своей драмѣ) Бѣлинскій ставилъ гораздо ниже, именно потому, что Шиллеръ въ своихъ произведеніяхъ является проповѣдникомъ различныхъ нравственныхъ идей,

Кружокъ Станкевича.

---

[1]) См. стр. 388.

слѣдовательно придаетъ искусству чуждое ему служебное значеніе; къ французскимъ же писателямъ, какъ классикамъ такъ и романтикамъ (напр. къ В. Гюго), Бѣлинскій относился совершенно отрицательно, признавая всю французскую литературу лишенной истинной поэзіи.

Гегеліанство. Въ концѣ 30-хъ годовъ Бѣлинскій познакомился, главнымъ образомъ черезъ посредство Бакунина, съ философіей *Гегеля*, которая произвела на него сильное впечатлѣніе своимъ широкимъ, всеобъемлющимъ характеромъ. Система Гегеля представляетъ собой высшую точку въ развитіи нѣмецкой идеалистической философіи. Подобно системѣ Шеллинга, она основана на признаніи внутренняго тождества духовнаго и матеріальнаго міра, мышленія и бытія. Но отъ шеллингіанства философія Гегеля отличается гораздо большею логической стройностью и законченностью.—Этой стройностью система Гегеля обязана главнымъ образомъ строгимъ примѣненіемъ такъ называемаго *діалектическаго метода*, проведеннаго черезъ всѣ части системы. Методъ этотъ, въ его примѣненіи слагается изъ трехъ послѣдовательныхъ моментовъ: *тезиса*, *антитезиса* и *синтезиса*. Каждое отдѣльное понятіе сперва полагается въ своей ограниченности и особенности (тезисъ); но именно благодаря своей ограниченности оно вызываетъ въ сознаніи понятіе противоположное (антитезисъ), и наконецъ изъ сочетанія этихъ противоположныхъ понятій получается новое, въ которомъ противорѣчія двухъ предыдущихъ достигаютъ логическаго примиренія (синтезисъ). Полученное этимъ путемъ новое понятіе снова полагается, въ качествѣ тезиса, и такимъ образомъ становится первымъ звеномъ новаго діалектическаго ряда, и такъ далѣе до безконечности.—Но вслѣдствіе признанія *тождества мышленія и бытія*, основной законъ развитія идеи, на которомъ построенъ былъ діалектическій методъ, распространяется также на всю область реальнаго существованія, въ которой мы можемъ наблюдать такую же смѣну тезиса, антитезиса и синтезиса. Благодаря распространенію діалектическаго метода на всю область явленій внѣшняго міра, Гегель внесъ въ ихъ объясненіе новый и чрезвычайно плодотворный принципъ *эволюціи*, примѣненіе котораго яснѣе обнаруживало взаимную связь и зависимость явленій дѣйствительности. —Такъ какъ, по взгляду Гегеля,

весь внѣшній міръ есть *воплощеніе идеи въ процессѣ ея діалектическаго развитія*, то всякое явленіе получаетъ значеніе необходимаго звена въ непрерывной цѣпи этого развитія. Изъ этого признанія необходимости всякаго отдѣльнаго явленія естественно вытекаетъ признаніе его разумности и цѣлесообразности. Этотъ выводъ получилъ свое выраженіе въ знаменитой формулѣ: *„все дѣйствительное разумно“*, наиболѣе полно усвоенной именно русскими гегеліанцами, въ томъ числѣ и Бѣлинскимъ.—Въ своихъ статьяхъ перваго періода Бѣлинскій является восторженнымъ апологетомъ дѣйствительности, проповѣдниковъ примиренія со всѣмъ существующимъ, преклоненія предъ нимъ, какъ необходимымъ конкретнымъ выраженіемъ „идеи“ на извѣстной ступени ея развитія. На этомъ основаніи онъ, напр., отнесся совершенно отрицательно къ Чацкому за его нападки на современное общество: въ его глазахъ, Чацкій — „крикунъ, фразеръ, идеальный шутъ“, лицо комическое, и „горе“ его происходитъ вовсе не „отъ ума, а отъ умничанія“.—Стремленіе во что бы то ни стало „оправдать“ дѣйствительность ставило подчасъ Бѣлинскаго въ весьма затруднительное положеніе тамъ, гдѣ ему приходилось касаться различныхъ отрицательныхъ явленій жизни или типовъ, напр., при разборѣ произведеній Гоголя. Но въ томъ же гегеліанствѣ онъ нашелъ и выходъ изъ этого затрудненія. Дѣло въ томъ, что формула Гегеля: „все дѣйствительное разумно“, дополняется второю половиной: „только разумное дѣйствительно“: поэтому Гегель различалъ высшую дѣйствительность, представляющую полное выраженіе идеи въ конкретномъ явленіи, отъ ея искаженнаго выраженія, вслѣдствіе примѣси случайныхъ элементовъ, благодаря чему получается несоотвѣтствіе между идеей и ея реальнымъ проявленіемъ. Этимъ различеніемъ воспользовался Бѣлинскій при оцѣнкѣ Гоголевскихъ типовъ: при всей вѣрности и реальности своего изображенія, они однако, по его мнѣнію, принадлежатъ не міру дѣйствительности, а міру случайности, призрачности; такъ, напр., Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича Бѣлинскій, съ этой точки зрѣнія, называетъ „героями-призраками“, потому что ихъ нравственный обликъ совершенно не соотвѣтствуетъ идеѣ „человѣка“, а скорѣе является ея рѣшительнымъ отрицаніемъ.—Убѣжденіе въ разумности мірового процесса, какъ осуществленія въ дѣйствительности

Отношеніе къ дѣйствительности.

божественной идеи въ ея прогрессивномъ развитіи, придавал всему міросозерцанію Гегеля отпечатокъ *оптимизма*. Этимъ же свѣтлымъ, оптимистическимъ настроеніемъ проникнуты статьи Бѣлинскаго изъ этого періода его дѣятельности.

Между тѣмъ въ матеріальномъ отношеніи положеніе Бѣлинскаго въ эту эпоху было чрезвычайно тяжелое. Уволенный изъ университета, онъ долго не находилъ себѣ подходящаго занятія и сильно бѣдствовалъ, добывая себѣ средства къ существованію случайными уроками и переводами с французскаго. Оригинальная критическая дѣятельность Бѣлинскаго началась въ 1834 году, когда онъ помѣстилъ в журналѣ Надеждина „Молва“ свою обширную статью: *„Литературныя мечтанія“*. Въ этой статьѣ Бѣлинскій даетъ обозрѣніе всей русской литературы, какъ старой, такъ и новой. Исходя изъ мысли, что литература должна быть „выраженіемъ общества“, Бѣлинскій приходитъ къ выводу, что у насъ до сихъ поръ не было литературы въ собственномъ смыслѣ этого слова, а были только отдѣльные писатели, болѣе или менѣе удачно подражавшіе европейскимъ образцамъ. Развѣнчивая литературные авторитеты, старые и новые, Бѣлинскій однако заканчиваетъ выраженіемъ глубокой увѣренности въ великой будущности русской литературы, залогъ которой онъ видитъ въ произведеніяхъ Пушкина, перваго національнаго русскаго поэта.

Первыя статьи.

За „Литературными мечтаніями“ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ критическихъ статей, въ которыхъ Бѣлинскій высказывался по поводу различныхъ явленій русской литературы („О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя“, „О стихотвореніяхъ Баратынскаго, Кольцова, Бенедиктова“, „О романахъ Лажечникова“ и др.). Нѣкоторое время Бѣлинскій состоялъ редакторомъ „Телескопа“ (во время отсутствія Надеждина), а затѣмъ „Московскаго Наблюдателя“, который въ рукахъ Бѣлинскаго явился главнымъ органомъ русскаго гегеліанства, такъ какъ Бѣлинскій привлекъ къ участію въ немъ многихъ изъ своихъ друзей изъ кружка Станкевича (К. Аксакова, Бакунина, Каткова, Красова и др.). Впрочемъ этотъ журналъ успѣха среди публики не имѣлъ и потому вскорѣ долженъ былъ прекратиться.

Матеріальное положеніе Бѣлинскаго улучшилось лишь послѣ того, какъ онъ принялъ предложеніе Краевскаго вести критическій отдѣлъ въ „*Отечественныхъ Запискахъ*“ и для этого переселился въ Петербургъ, въ концѣ 1839 года. Здѣсь окончательно развернулись силы Бѣлинскаго; въ „Отечественныхъ Запискахъ“ появились его лучшія критическія статьи, доставившія ему громкую извѣстность и чрезвычайное вліяніе, въ особенности на молодое поколѣніе. Первыя статьи Бѣлинскаго въ этомъ журналѣ еще всецѣло проникнуты гегеліанскими идеями („Очерки Бородинскаго сраженія“, „Менцель, критикъ Гёте“, „Горе отъ ума“).—Но уже съ середины 1840 года во взглядахъ Бѣлинскаго обнаруживается рѣзкій переломъ: прежнее примирительное отношеніе къ дѣйствительности замѣняется отношеніемъ отрицательнымъ и протестующимъ. Въ связи съ этимъ измѣняются и взгляды Бѣлинскаго на сущность и значеніе искусства: вмѣсто прежней проповѣди чистаго искусства, въ себѣ самомъ имѣющаго свою цѣль, „искусства для искусства“, Бѣлинскій выступаетъ теперь защитникомъ „идейнаго“ искусства, подчеркиваетъ его *общественное* значеніе. Раньше Бѣлинскій предъявлялъ къ искусству требованіе безусловной объективности и на основаніи этого критерія превозносилъ Гёте и довольно низко оцѣнивалъ творчество Шиллера; теперь, нисколько не умаляя значенія Гёте, въ качествѣ великаго поэта, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняетъ свое отношеніе къ Шиллеру, цѣня въ немъ прежде всего проповѣдника гуманныхъ идей, называя его „благороднымъ адвокатомъ человѣчества“.—Требуя отъ литературы трезваго и правдиваго изображенія жизни и возставая на этомъ основаніи противъ всѣхъ пережитковъ романтизма, Бѣлинскій въ своихъ статьяхъ является горячимъ сторонникомъ реальнаго направленія въ литературѣ, или, какъ онъ самъ выражался, „*натуральной*“ школы, главнымъ представителемъ которой въ его глазахъ являлся Гоголь. Но въ Гоголѣ Бѣлинскій цѣнилъ не только жизненную вѣрность его творчества, но также и тотъ духъ „гуманной субъективности“, которымъ оно проникнуто. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь, раскрывая въ своихъ произведеніяхъ недостатки русскаго общества и темныя стороны русской жизни, давалъ Бѣлинскому обильный матеріалъ для публицистическихъ разсужденій, такъ какъ Бѣлинскій во второй періодъ своей

Переѣздъ въ Петербургъ.

Переворотъ во взглядахъ.

Воззрѣніе на искусство.

Защита реализма.

дѣятельности не считалъ возможнымъ ограничиваться одной эстетической оцѣнкой разбираемыхъ произведеній, но стремился въ то же время высказаться и по поводу тѣхъ явленій дѣйствительной жизни, которыя въ нихъ затронуты.

Западничество Бѣлинскаго.

По своимъ общимъ взглядамъ Бѣлинскій въ эту эпоху рѣшительно примкнулъ къ партіи *„западниковъ“* и въ своихъ статьяхъ сталъ съ увлеченіемъ проводить идеи и идеалы западно-европейской культуры; при этомъ въ связи съ общей перемѣной взглядовъ и интересовъ Бѣлинскаго, онъ переходитъ отъ увлеченія философскими и эстетическими вопросами, разрѣшенія которыхъ онъ раньше искалъ у нѣмецкихъ писателей и мыслителей, — къ вопросамъ политическимъ и общественнымъ, при чемъ преобладающее вліяніе на него начинаетъ оказывать современная французская литература, въ особенности романы Жоржъ Зандъ.—Преклоненіе передъ европейской культурой привело Бѣлинскаго къ отрицательному взгляду на народную поэзію; но особенно ярко западничество Бѣлинскаго отразилось въ его полемикѣ противъ славянофиловъ, на которыхъ онъ нападалъ въ своихъ статьяхъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Это крайне враждебное отношеніе Бѣлинскаго къ славянофильству не позволяло ему видѣть никакихъ положительныхъ чертъ въ этомъ ученіи и нерѣдко доводило его до несправедливыхъ нападокъ, такъ какъ Бѣлинскій приписывалъ иногда славянофиламъ такія мнѣнія, которыхъ они вовсе не раздѣляли. Впрочемъ это зависѣло отчасти оттого, что Бѣлинскій былъ недостаточно знакомъ съ славянофильскимъ ученіемъ и судилъ о немъ лишь по статьямъ Погодина и Шевырева, у которыхъ это ученіе подвергалось значительнымъ искаженіямъ; что же касается до настоящихъ славянофиловъ (К. Аксакова, Кирѣевскаго, Хомякова, Самарина), то они выступили въ печати съ изложеніемъ своихъ мнѣній уже послѣ смерти Бѣлинскаго.

Къ числу лучшихъ критическихъ статей Бѣлинскаго въ этотъ періодъ его дѣятельности принадлежатъ его статьи о Пушкинѣ (1844 г.), представляющія собой цѣлый курсъ исторіи русской литературы, начиная съ Ломоносова,—а также статьи о Лермонтовѣ, Державинѣ, Кольцовѣ, Марлинскомъ, и цѣлый рядъ годичныхъ „обозрѣній“ (1844—47 гг.), въ которыхъ подвергнуты разбору всѣ сколько-нибудь замѣчательныя явленія современной литературы. Къ этому присое-

диняется громадное число рецензій о книгахъ самаго разнообразнаго содержанія, начиная отъ научныхъ сочиненій и кончая пѣсенниками и сонниками.—Однако этотъ непрерывный и напряженный трудъ пагубнымъ образомъ дѣйствовалъ на здоровье Бѣлинскаго, которое никогда не отличалось особенной крѣпостью. Скоро у него обнаружились явные признаки чахотки. Озабоченные его состояніемъ, друзья уговорили Бѣлинскаго оставить работу въ „Отечественныхъ Запискахъ", редакторъ которыхъ предъявлялъ къ нему непомѣрныя требованія. Въ 1847 году Некрасовъ и Панаевъ взяли въ свои руки основанный Пушкинымъ „Современникъ", и Бѣлинскій вошелъ въ составъ редакціи этого журнала. Въ томъ же году Бѣлинскій отправился для лѣченія свой болѣзни за границу, но эта поѣздка не принесла ему существенной пользы, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ возвращенія въ Петербургъ онъ скончался, 28 мая 1848 года.

Значеніе дѣятельности Бѣлинскаго.

Дѣятельность Бѣлинскаго развивалась въ *переходную* эпоху, когда на ряду съ элементами новаго литературнаго движенія значительную роль играли въ литературѣ и во мнѣніяхъ публики старыя литературныя традиціи. Поэтому въ дѣятельности Бѣлинскаго нужно различать *двѣ стороны*: одну *отрицательную*, разрушительную, направленную противъ старыхъ авторитетовъ и противъ нѣкоторыхъ современныхъ писателей, пользовавшихся среди публики репутаціей первоклассныхъ талантовъ (Кукольникъ, Марлинскій, Бенедиктовъ). Другая сторона дѣятельности Бѣлинскаго—*положительная*, созидательная, заключающаяся въ выработкѣ болѣе правильныхъ и сознательныхъ взглядовъ на литературу и ея отношеніе къ дѣйствительности, во всесторонней оцѣнкѣ творчества Пушкина, Лермонтова и Гоголя и въ развитіи художественнаго вкуса русской публики. Многія мнѣнія, впервые высказанныя Бѣлинскимъ, получили затѣмъ всеобщее признаніе и перешли въ учебники.—Вмѣстѣ съ тѣмъ Бѣлинскій является первымъ историкомъ русской литературы; онъ установилъ общій взглядъ на ходъ ея развитія и указалъ отдѣльные моменты этого развитія; почти всѣ его крупныя статьи, начиная съ „Литературныхъ Мечтаній", содержатъ въ себѣ ретроспективный обзоръ русской словесности, въ ея цѣломъ или въ отдѣльныхъ видахъ (напр., очеркъ развитія русской повѣсти, по поводу повѣстей Гоголя).

Его заслуги.

Больше всего труда Бѣлинскій посвятилъ истолковані произведеній Пушкина и Гоголя; но вмѣстѣ съ тѣмъ он внимательно слѣдилъ за всей текущей литературой и в теченіе своей 14-лѣтней дѣятельности (1834—48) не оставил не отмѣченнымъ ни одного сколько-нибудь выдающагос явленія. Онъ одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ талантъ Кольцова оказалъ ему нравственную поддержку въ началѣ его дѣя тельности, а послѣ его смерти посвятилъ ему обширную прочувствованную статью.

Точно такъ же Бѣлинскій съ одобреніемъ встрѣтилъ пер выя попытки молодыхъ писателей поколѣнія 40-хъ годовъ Тургенева, Достоевскаго, Григоровича, Герцена, Некрасова Майкова и др.; по этимъ первымъ опытамъ онъ больше частью совершенно вѣрно опредѣлилъ характерныя особен ности дарованія каждаго изъ нихъ, обнаруживъ такимъ обра зомъ рѣдкую проницательность и эстетическое чутье.—Н Бѣлинскій не ограничивался одной литературной критико и обнаружилъ также тонкое пониманіе сценическаго искусств въ своихъ театральныхъ рецензіяхъ. Онъ часто и много пи салъ о театрѣ, къ которому питалъ страстную любовь. Осо бенно высоко ставилъ онъ московскихъ артистовъ: Щепкин (комика) и Мочалова (трагика). Среди его статей, посвящен ныхъ театру, особенно замѣчательна статья: „Мочаловъ в роли Гамлета“, представляющая подробный и детальны разборъ игры знаменитаго трагика въ этой роли.

По своей внѣшней формѣ статьи Бѣлинскаго больше частью представляютъ собой блестящія, исполненныя огня чувства, проникнутыя иногда чисто лирическимъ воодуше вленіемъ, импровизаціи. Обладая страстнымъ, увлекающимс темпераментомъ, Бѣлинскій невольно вносилъ эту страстност своей натуры и въ свою критическую дѣятельность, вслѣд ствіе чего ему иногда случалось дѣлать промахи, впадат въ крайности: но затѣмъ онъ самъ добросовѣстно сознавалс въ своихъ ошибкахъ. Полемическія статьи Бѣлинскаго отли чаются большимъ остроуміемъ и язвительностью.—Всѣ эт качества Бѣлинскаго, какъ критика, создали ему исключи тельно вліятельное положеніе въ литературѣ. Публика и в особенности молодое поколѣніе усваивали себѣ взгляды Бѣ линскаго на значеніе литературы, на ходъ ея развитія в Россіи, на характеръ дѣятельности отдѣльныхъ писателе

Вліяніе Бѣлинскаго.

на художественное достоинство ихъ произведеній. Но еще важнѣе было нравственное воздѣйствіе критики Бѣлинскаго, придававшее его статьямъ воспитательное значеніе, благодаря тому духу высокой гуманности и благороднаго идеализма, которымъ онѣ проникнуты и который онъ умѣлъ передать читателямъ, заражая ихъ своимъ нравственнымъ энтузіазмомъ[1]).

В. Майковъ.

Въ 40-хъ годахъ выступилъ также другой даровитый критикъ, *Валеріанъ Майковъ* (1823—1847), родной братъ извѣстнаго поэта. Онъ рано скончался и потому написалъ сравнительно немного и не успѣлъ вполнѣ развить свои силы. Онъ особенно интересовался общественными и экономическими науками и этотъ интересъ отразился также на его критическихъ взглядахъ. Еще болѣе, чѣмъ Бѣлинскій, котораго онъ замѣнилъ въ „Отечественныхъ Запискахъ", Майковъ подчеркивалъ въ своихъ статьяхъ общественное значеніе искусства и въ особенности выдвигалъ въ литературныхъ произведеніяхъ ихъ этическій элементъ. Задачей искусства, по мнѣнію Майкова, должно быть не простое воспроизведеніе дѣйствительности, а также и не измѣненіе или прикрашиваніе ея формъ и явленій, но „возведеніе ихъ въ міръ человѣческихъ интересовъ". Майковъ былъ горячимъ сторонникомъ Гоголя и писателей „натуральной школы", потому что видѣлъ въ ихъ произведеніяхъ осуществленіе своихъ взглядовъ на искусство.

Аполлонъ Григорьевъ.

Какъ Бѣлинскій, такъ и Майковъ были представителями западническаго лагеря въ литературной критикѣ; прямыми продолжателями ихъ дѣла въ слѣдующей эпохѣ явились Добролюбовъ, Чернышевскій, Писаревъ и др.; что же касается до славянофиловъ, то изъ ихъ среды выдѣлился лишь одинъ

---

[1]) Лучшее изданіе сочиненій Бѣлинскаго—изданіе *С. А. Венгерова*, съ многочисленными примѣчаніями и пояснительными статьями, касающимися какъ самого Бѣлинскаго, такъ и тѣхъ авторовъ, о которыхъ онъ писалъ. Изданіе это пока еще не закончено (вышло 8 томовъ); въ него войдетъ и вся переписка Бѣлинскаго.—Другое хорошее изданіе—*О. Н. Поповой*, подъ редакціей *Н. А. Котляревскаго* (въ двухъ томахъ); въ него вошли избранныя сочиненія Бѣлинскаго; въ концѣ каждаго тома приложено краткое резюме содержащихся въ немъ статей, весьма полезное для справокъ.—Изъ многочисленныхъ трудовъ о Бѣлинскомъ до сихъ поръ самымъ лучшимъ и полнымъ является книга *Пыпина*: „В. Г. Бѣлинскій, его жизнь и переписка" (два тома).

выдающійся критикъ—*Аполлонъ Григорьевъ*, хотя впрочем онъ далеко не во всемъ былъ солидаренъ съ ними.—Григорьевъ родился въ Москвѣ въ 1822 году. Образованіе он получилъ въ Московскомъ университетѣ. Литературная дѣя тельность его началась въ 1845 году въ „Отечественных Запискахъ", гдѣ онъ помѣстилъ нѣсколько стихотвореній въ слѣдующемъ году онъ издалъ цѣлую книжку стиховъ вызвавшую довольно благосклонный отзывъ Бѣлинскаго. В 1850 году онъ становится однимъ изъ членовъ такъ назы ваемой „молодой редакціи *Москвитянина*"; въ составъ дру жескаго кружка, группировавшагося вокругъ этого изданія входили: Островскій, Писемскій, Мельниковъ-Печерскій, По тѣхинъ, Мей, Горбуновъ и нѣкоторые другіе. Всѣ они был сторонниками національно-русскаго направленія къ литера турѣ и въ этомъ отношеніи примыкали къ славянофиламъ Въ „Москвитянинѣ" Григорьевъ помѣстилъ многія изъ своих выдающихся статей; впослѣдствіи, послѣ прекращенія „Мо сквитянина" Григорьевъ сотрудничалъ въ различныхъ пе тербургскихъ изданіяхъ („Русское Слово", „Русскій Міръ" „Время" и др.). Однако сколько-нибудь значительнаго влія нія на публику критическая дѣятельность Григорьева н имѣла, такъ какъ въ эту эпоху наибольшимъ успѣхомъ поль зовалась публицистическая критика Добролюбова, Чернышев скаго и Писарева, съ которыми Григорьевъ совершенно расхо дился какъ по общему міросозерцанію, такъ и по взглядам на роль и значеніе литературы. Личная жизнь Григорьев также складывалась довольно неудачно и ему нерѣдко при ходилось бѣдствовать. Впрочемъ, виною этого былъ отчаст онъ самъ, такъ какъ въ молодости привыкъ вести крайн неправильный образъ жизни. Въ послѣдніе годы онъ прям страдалъ запоемъ и этотъ недугъ расшаталъ его здоровье привелъ къ преждевременной смерти въ 1864 году.

отношеніе къ искусству.

Григорьевъ былъ человѣкъ чрезвычайно даровитый многосторонне образованный, прекрасный знатокъ не тольк русской, но и иностранной литературы (между прочимъ он перевелъ нѣсколько пьесъ Шекспира и одну поэму Байрона) При этомъ онъ былъ надѣленъ тонкимъ художественным вкусомъ и восторженной любовью къ поэзіи. Онъ, можн сказать, жилъ литературой, всецѣло былъ поглощенъ ея инте ресами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Григорьевъ вовсе не былъ сторон

никомъ „искусства для искусства“ и полемизировалъ противъ эстетической критики, оцѣнивающей литературныя произведенія исключительно съ художественной стороны, не принимая во вниманіе ихъ отношенія къ дѣйствительности. Въ глазахъ Аполлона Григорьева, литература имѣла громадное *жизненное* значеніе: она не должна была ограничиваться простымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, но должна была быть истолковательницей ея и верховнымъ судомъ надъ нею. При этомъ судъ литературы, и вообще искусства, надъ явленіями жизни долженъ былъ совершаться во имя идеаловъ, присущихъ самой изображаемой жизни, а не заимствованныхъ извнѣ, не созданныхъ чисто теоретическимъ путемъ. Только въ такомъ случаѣ, по мнѣнію Аполлона Григорьева, литература будетъ явленіемъ „органическимъ“, тѣсно связаннымъ съ жизнью, а не случайнымъ, подражательнымъ, постороннимъ самой жизни. Исходя изъ такого взгляда на искусство, Григорьевъ требовалъ и соотвѣтствующей постановки критики. Поэтому въ противоположность „исторической“ критикѣ Бѣлинскаго (къ которому, впрочемъ, онъ относился съ глубочайшимъ уваженіемъ) и „теоретической“ критикѣ нѣкоторыхъ изъ его продолжателей (Добролюбова, Чернышевскаго, Писарева), Григорьевъ называлъ свою критику *органической*.

Теорія органической критики.

При той неразрывной связи между литературой и жизнью, которую Аполлонъ Григорьевъ признавалъ необходимымъ условіемъ всякаго истиннаго искусства, литература необходимымъ образомъ должна была носить отпечатокъ народности, должна была быть *органомъ національнаго самосознанія*. Поэтому Григорьевъ видѣлъ главнѣйшую задачу критики въ уясненіи этихъ національныхъ элементовъ литературы, ея органическихъ, „*типовыхъ*“, особенностей.—Впервые русскій національный характеръ нашелъ себѣ цѣлостное и вѣрное отраженіе въ творчествѣ Пушкина; въ лицѣ Пушкина, по словамъ Григорьева, „въ первый разъ обособилась и ясно обозначилась наша русская физіономія, истинная мѣра всѣхъ нашихъ общественныхъ, нравственныхъ и художественныхъ сочувствій, полный очеркъ типа русской души“.

Но прежде чѣмъ достигнуть полной самобытности, Пушкину нужно было пережить увлеченіе чуждыми типами душевнаго склада, усвоить ихъ себѣ, „помѣряться съ ними“.

Наиболѣе сильнымъ изъ этихъ увлеченій Пушкина было его увлеченіе гордымъ, сильнымъ и жестокимъ байроническимъ типомъ, который онъ ярче всего воплотилъ въ лицѣ Алеко. Однако это увлеченіе было лишь временнымъ, и подобно тому какъ Пушкинъ освободился отъ французскаго сенсуализма и туманнаго романтизма, точно такъ же преодолѣлъ онъ и вліяніе Байрона. Это преодолѣніе постороннихъ вліяній Григорьевъ называлъ „борьбой съ чужими типами". Путемъ такой борьбы Пушкинъ освобождался постепенно отъ всего наноснаго, чуждаго,—и отъ увлеченія *„хищнымъ типомъ"* байроническихъ героевъ перешелъ наконецъ къ созданію *„смирнаго"* типа, который онъ воплотилъ въ лицѣ Бѣлкина и персонажей „Капитанской Дочки", и который, по мнѣнію Аполлона Григорьева, является вѣрнымъ выраженіемъ основныхъ чертъ русскаго народнаго характера. Созданіе типа Бѣлкина и Гринева Григорьевъ считалъ величайшимъ художественнымъ открытіемъ Пушкина и съ любовью отмѣчалъ дальнѣйшія варіаціи этого типа въ произведеніяхъ Лермонтова („Максимъ Максимычъ"), Островскаго и Толстого. Пушкинъ былъ любимѣйшимъ поэтомъ Григорьева; къ его характеристикѣ онъ возвращался почти въ каждой своей статьѣ. Изъ писателей позднѣйшей эпохи онъ особенно высоко ставилъ Островскаго, но не столько за обличеніе „темнаго царства", сколько за тѣ положительные національные элементы, которые онъ находилъ въ нѣкоторыхъ его типахъ.

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе къ 5-му изданію III

Введеніе: **Сентиментализмъ и романтизмъ въ западно-европейской литературѣ** 1

Глава I-я: **Сентиментализмъ и романтизмъ въ русской литературѣ.**

1. *Карамзинъ и его школа* 24
2. *Жуковскій и его поэзія* 59

Глава II-я: **Классическое направленіе.**

Батюшковъ, Гнѣдичъ, Озеровъ 102

Глава III-я: **Развитіе національныхъ элементовъ въ литературѣ и зарожденіе реалистическаго направленія.**

1. *Крыловъ* 114
2. *Грибоѣдовъ* 139
3. *Первые опыты русскаго реальнаго романа (Измайловъ и Нарѣжный)* 167

Глава IV-я: **Пушкинъ.**

Біографія Пушкина 173

Литературная дѣятельность Пушкина.

I. *Произведенія эпическія:*

1. Русланъ и Людмила 205
2. Байроническія поэмы 207
3. Евгеній Онѣгинъ 214
4. Полтава и Мѣдный всадникъ 228
5. Прозаическія произведенія 234
6. Мелкія произведенія эпическаго характера 242

II. *Драматическія произведенія:*

1. Борисъ Годуновъ 244
2. Драматическія сцены 257

III. *Лирика Пушкина* 262

Общій характеръ поэзіи Пушкина 267

Стр.

Глава V-я: **Главнѣйшіе русскіе поэты первой половины XIX вѣка.**

I. *Лермонтовъ.*

1. Его жизнь 272
2. Литературная дѣятельность 280
   Демонъ 283
   Мцыри 287
   Пѣсня про купца Калашникова 288
   Герой нашего времени 290
   Лирика Лермонтова 297

I. *Баратынскій* 301

III. *Кольцовъ* 305

Глава VI-я: **Гоголь.**

Біографія Гоголя 313

Литературная дѣятельность.

1. Вечера на хуторѣ близъ Диканьки 326
2. Миргородъ 331
   Тарасъ Бульба 334
3. Петербургскія повѣсти 339
4. Театральныя пьесы Гоголя 343
   Ревизоръ 344
5. Мертвыя Души 352

Глава VII-я: **Умственныя теченія въ Россіи въ первой половинѣ XIX-го вѣка** 368

Глава VIII-я: **Русская литературная критика въ первой половинѣ XIX-го вѣка** 385

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Е. А. Баратынскій. Критико-біографическій очеркъ. Москва, 1900. Цѣна 30 к.

Поэзія *Вл. С. Соловьева*. Критическій очеркъ. Москва, 1901. Ц. 25 к.

Къ вопросу о Пушкинскомъ словарѣ (Оттискъ изъ «Извѣстій 2-го Отдѣленія Импер. Академіи Наукъ»). СПБ., 1904. Ц. 40 к.

Ницшеанецъ 40-хъ годовъ. Максъ Штирнеръ и его философія. Москва, 1902. Ц. 60 к.

Стихотворенія (1891—1898). Москва, 1898. Ц. 1 р.

Новыя стихотворенія. Москва, 1903. Ц. 60 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. П. Карбасникова.

Петербургъ, Литейн., д. 46. **Москва,** Моховая, д. Баженова. **Варшава,** Нов. Свѣтъ, д. 69. **Вильно,** Большая, д. Гордона.

Имѣется въ продажѣ также и въ другихъ главныхъ столичныхъ магазинахъ.

В. Саводникъ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX-го вѣка.

Часть вторая

(съ приложеніемъ синхроническихъ таблицъ).

Изданіе 7 е.

Въ предыдущихъ изданіяхъ Учен. Комитетомъ Минист. Народн. Просвѣщенія допущено къ употребленію въ качествѣ *руководства* въ старш. клас. сред.-учебн. заведеній.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

МОСКВА.
Т-во «Печатня С. П. Яковлева». Петровка, Салтыковскій пер., д. Т-ва, № 9.
1911.

В. Саводникъ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX-го вѣка.

Часть вторая

(съ приложеніемъ синхроническихъ таблицъ).

Изданіе 7-е.

Въ предыдущихъ изданіяхъ Учен. Комитетомъ Минист. Народн. Просвѣщенія допущено къ употребленію въ качествѣ *руководства* въ старш. клас. сред.-учебн. заведеній.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

МОСКВА.
Т-во «Печатня С. П. Яковлева». Петровка, Салтыковскій пер., д. Т-ва, № 9.
1911.

Глава I-я.

С. Т. Аксаковъ.

1. Біографія Аксакова.

Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ родился въ Уфѣ въ 1791 году (20 сентября). Объ обстоятельствахъ его жизни, о его семьѣ и ближайшихъ предкахъ мы узнаемъ изъ автобіографическихъ произведеній: „Семейная хроника“ и „Дѣтскіе годы Багрова-внука“. Въ дѣтствѣ на Аксакова особенное вліяніе имѣла его мать, женщина умная и по тому времени достаточно образованная, страстно любившая своего первенца-сына. Первые годы жизни Аксаковъ провелъ частью въ Уфѣ, частью въ деревнѣ, въ Оренбургской губерніи; здѣсь очень рано развилась въ немъ любовь къ природѣ и всевозможнымъ охотничьимъ удовольствіямъ, доступнымъ дѣтскому возрасту, напр., къ рыбной ловлѣ. Другимъ удовольствіемъ его было чтеніе книгъ, къ которымъ онъ особенно пристрастился, научившись читать въ очень раннемъ возрастѣ. Особенно сильное впечатлѣніе произвела на него „Россіада“ Хераскова и трагедіи Сумарокова, изъ которыхъ онъ выучилъ наизусть цѣлыя сцены. Образованіе Аксаковъ получилъ въ Казанской гимназіи. Когда въ Казани былъ учрежденъ университетъ, онъ, вмѣстѣ съ другими воспитанниками старшаго класса, былъ „произведенъ въ студенты“ (въ 1805 г.), хотя, по собственному признанію, мало былъ подготовленъ къ слушанію университетскихъ лекцій.

Раздѣленія на факультеты въ ново-учрежденномъ университетѣ не было, такъ что студенты слушали и юридическія, и математическія, и даже медицинскія науки, при чемъ нѣкоторые профессора, призванные изъ-за границы, читали свои лекціи на иностранныхъ языкахъ; все это мало способствовало успѣшности занятій юныхъ студентовъ. Кромѣ того Аксакову много мѣшало его увлеченіе театромъ; у него еще во время пребыванія въ гимназіи обнаружились значительныя сценическія и декламаторскія способности; съ особеннымъ увлеченіемъ декламировалъ онъ стихи Ломоносова и Державина, любимыхъ своихъ поэтовъ, и вмѣстѣ съ товарищами участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ, на которыхъ ставились піесы Сумарокова и Веревкина (комическаго писателя XVIII

вѣка), мелодрамы Коцебу и даже „Разбойники“ Шиллера.—Въ эт же эпоху начались и литературныя упражненія Аксакова. Въ стар шемъ классѣ гимназіи нѣкоторые изъ его товарищей стали изда вать журналъ: „Аркадскіе пастушки“, наполняя его стихами и про зой въ идиллически-сентиментальномъ родѣ. Главнымъ сотрудником журнала былъ Иванъ Панаевъ, получившій впослѣдствіи извѣст ность своими идилліями. Послѣ перехода въ университетъ, студент основали собственное литературное общество, въ дѣятельности ко тораго принялъ участіе и Аксаковъ. Однако, въ то время какъ ег товарищи увлекались Карамзинымъ и старались подражать ему в своихъ произведеніяхъ, Аксаковъ остался чуждъ всеобщему увле ченію и относился къ новому сентиментальному направленію в литературѣ сдержанно и неодобрительно; для него высшимъ автори тетомъ остались русскіе писатели старой школы, за что товарищ прозвали его литературнымъ старовѣромъ. Окончательно опредѣли лись литературные взгляды и вкусы Аксакова послѣ его знакомств съ „Разсужденіемъ о старомъ и новомъ слогѣ“ Шишкова, которо оказало на него сильное вліяніе.

Въ 1807 году, когда Аксакову не исполнилось еще шестнад цати лѣтъ, онъ окончилъ университетъ и получилъ аттестатъ, „с прописаніемъ такихъ наукъ, какія онъ зналъ только по-наслышкѣ“ Годъ спустя онъ уже опредѣлился на службу въ Петербургѣ (в комиссію по составленію законовъ). Мало подготовленный для серьез ныхъ служебныхъ занятій, Аксаковъ относился къ службѣ довольн безучастно; зато онъ чрезвычайно увлекся петербургскимъ теат ромъ, ревностно посѣщалъ спектакли и познакомился со многим изъ тогдашнихъ выдающихся актеровъ: Яковлевымъ, Шушериным и др. Черезъ одного изъ своихъ сослуживцевъ Аксаковъ получил доступъ въ домъ адмирала Шишкова, и это знакомство способство вало укрѣпленію его литературныхъ симпатій, которыя и раньш уже склонялись въ сторону старой, классической школы. Въ Шиш ковѣ Аксакова особенно привлекало его національное направлені и горячая любовь къ русской старинѣ. Впослѣдствіи въ своих „Воспоминаніяхъ“ Аксаковъ подробно описалъ свое знакомство с Шишковымъ и далъ прекрасную его характеристику. Познакомилс онъ также и съ Державинымъ, который отнесся къ нему чрезвы чайно благосклонно и очень любилъ слушать его декламацію, в особенности же чтеніе своихъ одъ.

Черезъ Шишкова молодой Аксаковъ вошелъ въ кругъ „Бе сѣды любителей русскаго слова“, приверженцевъ стараго литера турнаго направленія; это сближеніе, конечно, не могло быть благо творнымъ для развитія его литературныхъ вкусовъ и дарованій потому что выводило его на ложную дорогу, не соотвѣтствовавшу характеру его таланта.

Прослуживъ въ Петербургѣ три года, Аксаковъ вышелъ в отставку и затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, жилъ частью в Москвѣ, частью въ деревнѣ, въ Оренбургской губерніи, гдѣ съ увле ченіемъ занимался охотой. Въ 1826 году онъ окончательно поселилс

въ Москвѣ и снова поступилъ на службу, сперва цензоромъ въ Московскій цензурный комитетъ, а затѣмъ инспекторомъ въ Межевой Институтъ. Въ первые годы своего пребыванія въ Москвѣ Аксаковъ жилъ главнымъ образомъ театральными интересами, сближаясь преимущественно съ артистами и драматургами. При этомъ большинство его литературныхъ связей, какъ и въ Петербургѣ, принадлежало къ старой литературной школѣ (директоръ Московскаго театра Кокошкинъ, драматурги: кн. Шаховской, Писаревъ, Верстовскій; профессора: Мерзляковъ, Каченовскій и др.). Особенно сблизился Аксаковъ съ извѣстнымъ романистомъ Загоскинымъ, авторомъ „Юрія Милославскаго" и другихъ романовъ историческаго и патріотическаго содержанія.

Соотвѣтственно этимъ связямъ и интересамъ Аксакова развивалась и его литературная дѣятельность въ первый періодъ; дѣятельность эта по преимуществу сосредоточивалась вокругъ театра: онъ перевелъ нѣсколько драматическихъ произведеній (комедіи Мольера: „Скупой" и „Школа мужей", трагедію Софокла: „Филоктетъ" въ передѣлкѣ Лагарпа) и напечаталъ въ журналахъ много театральныхъ рецензій и замѣтокъ. Кромѣ того Аксаковъ написалъ еще нѣсколько стихотвореній разнообразнаго содержанія; изъ нихъ наиболѣе замѣчательно „Посланіе къ Казначееву", въ которомъ авторъ нападаетъ на слѣпое увлеченіе всѣмъ французскимъ, царившее въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Классическіе вкусы Аксакова выразились также въ переводѣ двухъ сатиръ Буало. Впрочемъ всѣ эти произведенія не отличаются большими художественными достоинствами.

Однако, несмотря на вліяніе отжившихъ литературныхъ традицій, Аксаковъ сохранилъ природное художественное чутье и независимость сужденія. Поэтому, когда появился Гоголь, Аксаковъ сразу оцѣнилъ значеніе его произведеній и сдѣлался его ревностнымъ поклонникомъ. Въ первый же пріѣздъ Гоголя въ Москву, онъ явился къ Аксакову и съ этой поры сталъ любимымъ гостемъ въ его домѣ. Примѣръ Гоголя открылъ Аксакову глаза на характеръ его собственнаго дарованія и вывелъ его наконецъ на правильную дорогу. Признавъ, что задача литературы заключается въ художественномъ воспроизведеніи дѣйствительности, Аксаковъ рѣшился воспользоваться богатымъ матеріаломъ воспоминаній и наблюденій, накопленныхъ имъ въ теченіе годовъ. Какъ страстный охотникъ и любитель природы, онъ прежде всего занялся обработкой своихъ охотничьихъ воспоминаній; такимъ образомъ составились книги: *„Записки объ уженіи рыбы"* (1847 г.) и *„Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи"* (1852 г.).

Сочиненія эти написаны безъ всякихъ притязаній: Аксаковъ при составленіи своей книги имѣлъ въ виду дать охотникамъ и любителямъ рядъ практическихъ указаній и совѣтовъ, почерпнутыхъ изъ наблюденій надъ животнымъ міромъ, но эти чисто *практическія* цѣли не помѣшали ему создать произведенія высокаго художественнаго достоинства. Горячая любовь къ природѣ и тонкая

художественная наблюдательность, — вотъ главныя качества охо ничьихъ книгъ Аксакова: первая выразилась въ великолѣпных общихъ картинахъ природы (напр., въ описаніяхъ лѣса, степ болота); вторая сказалась въ цѣломъ рядѣ тонкихъ и мѣтких характеристикъ отдѣльныхъ представителей животнаго царства, в описаніи ихъ нравовъ, привычекъ, особенностей и т. д. По повод этихъ блестящихъ характеристикъ Гоголь говорилъ Аксакову: „В вашихъ птицахъ болѣе жизни, чѣмъ въ моихъ людяхъ". Оче высоко ставилъ охотничьи сочиненія Аксакова также и Тургенев Успѣхъ этихъ произведеній побудилъ Аксакова заняться обрабо кою и своихъ фамильныхъ воспоминаній. Первые очерки были н писаны имъ еще въ 40-хъ годахъ, а затѣмъ собраны въ отдѣл ную книгу, подъ заглавіемъ: *„Семейная Хроника"*, вышедшую в 1856 году. Это сочиненіе, такъ же какъ и вышедшіе черезъ два го *„Дѣтскіе годы Багрова-внука"*, окончательно укрѣпили извѣс ность Аксакова и доставили ему славу первокласснаго писателя.

Внѣшнія условія жизни вполнѣ благопріятствовали свободном развитію литературной дѣятельности Аксакова. Въ 1839 г. он вышелъ въ отставку и съ этого времени зажилъ спокойной, семе ной жизнью. Въ сороковыхъ годахъ домъ Аксаковыхъ стал центромъ славянофильскаго кружка, благодаря старшему сын Аксакова, Константину, одному изъ наиболѣе талантливыхъ и ре ностныхъ славянофиловъ. Здѣсь собирались: Хомяковъ, брат Кирѣевскіе, Кошелевъ и др.; писатели—Гоголь и Загоскинъ, уч ные — Погодинъ и Шевыревъ также были частыми посѣтителям гостепріимнаго дома, въ которомъ постоянно поддерживались живы литературные, научные и общественные интересы. До глубоко старости Аксаковъ сохранилъ пытливость мысли и отзывчивост чувства, живо интересуясь всѣмъ, что занимало и волновало мол дое поколѣніе, поколѣніе его сыновей. Послѣдніе годы его жизн были омрачены тяжелыми недугами; между прочимъ онъ почти во все лишился зрѣнія. Тѣмъ не менѣе онъ до конца сохранилъ пол ную ясность и бодрость духа и еще незадолго до смерти, не будуч въ состояніи писать, диктовалъ свои новыя произведенія своим дѣтямъ. Скончался онъ 30 апрѣля 1859 года.

2 Главнѣйшія произведенія Аксакова

Семейная Хроника: ея общій характеръ.

Наиболѣе замѣчательное изъ произведеній Аксакова—*„Се мейная Хроника"*, въ которой подъ именемъ Багровыхъ Акса ковъ изобразилъ свою собственную семью. Главное достоин ство „Хроники" заключается въ художественной простотѣ правдивости разсказа. Содержаніе „Хроники" отличается стр го *реалистическимъ* характеромъ; авторъ вездѣ остается в ренъ дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи Аксаковъ п шелъ по слѣдамъ Гоголя; но въ то время, какъ Гоголь к

сался преимущественно темныхъ, отрицательныхъ сторонъ русской жизни, Аксаковъ взглянулъ на нее съ *положительной* точки зрѣнія. Поэтому изображеніе его производитъ на читателя совершенно иное впечатлѣніе, внося въ его душу чувство успокоенія и примиренія, вмѣсто негодованія и протеста.

Изображая дѣйствительность съ ея положительной стороны, Аксаковъ иногда рисуетъ чисто-*идиллическую* картину, но эта идиллія *лишена всякой приторности и сентиментальности*. Поэтическія краски, которыми онъ рисуетъ свою картину, и теплое сочувствіе, съ какимъ онъ относится къ изображаемымъ лицамъ, нисколько не вредятъ правдивости и объективности его повѣствованія, такъ какъ Аксаковъ чуждается всякихъ прикрасъ, всякаго ложнаго паѳоса. Объективность Аксакова сказывается въ томъ, что онъ не прибѣгаетъ ни къ какой идеализаціи выводимыхъ лицъ, даже тѣхъ, которымъ онъ явно сочувствуетъ, и на ряду съ хорошими и симпатичными ихъ чертами рисуетъ также недостатки и темныя стороны своихъ героевъ.—При этомъ герои его повѣствованія вовсе не представляютъ собой ничего выдающагося, исключительнаго ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи. Багровы—заурядная семья, средняго дворянскаго круга, въ глухой провинціи; но именно благодаря этому ихъ *семейная* хроника получаетъ гораздо болѣе общее, *типическое* значеніе. Въ этомъ отношеніи Аксаковъ является правдивымъ бытописателемъ старой помѣщичьей жизни. Съ эпическимъ спокойствіемъ и подробностью рисуетъ онъ бытъ и нравы семьи Багровыхъ, ихъ привычки и времяпрепровожденіе, труды и забавы, заботы и удовольствія. Повѣствованіе Аксакова поражаетъ *обиліемъ деталей и подробностей*; иногда эти детали могутъ даже показаться мелкими и ненужными; но на самомъ дѣлѣ всѣ мелочи эти выбраны въ силу ихъ *характерности*, и въ своей совокупности онѣ рисуютъ живую и яркую картину стараго провинціальнаго дворянскаго быта.

Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ эти мелочи и подробности, получая значеніе характерности и необходимости въ общей картинѣ, нарисованной съ такой теплотой и сочувствіемъ, сами производятъ художественное впечатлѣніе, такъ что про „Семейную Хронику“, можно сказать, что въ ней Аксакову уда-

лось уловить *поэзію будничной жизни*, возвести ничтожныя и мелкія ея явленія, по выраженію Гоголя, „въ перлъ созданія“. Художественное впечатлѣніе еще усиливается мастерскими картинами природы, разбросанными по всему произведенію; въ нихъ сказывается страстная любовь автора къ природѣ, его отзывчивость къ ея красотамъ и умѣнье изображать ее широкими и яркими чертами: такова, напр., его картина Оренбургской степи, которую по справедливости можно назвать стихотвореніемъ въ прозѣ.

Достоинства языка и стиля.

На ряду съ внутренними достоинствами „Семейной Хроники“, не менѣе замѣчательны и внѣшнія достоинства формы, стиля и языка. Во всемъ произведеніи строго выдержанъ *ровный эпически-спокойный тонъ повѣствованія*; особенно бросается въ глаза этотъ эпическій складъ „Хроники“ тамъ, гдѣ Аксакову приходится изображать сильные драматическіе моменты, напр., при разсказѣ о заключеніи Прасковьи Ивановны и объ освобожденіи ея старикомъ Багровымъ. Что касается до языка „Хроники“, то онъ, при всей своей простотѣ, отличается замѣчательной мѣткостью и выразительностью, несмотря на то, что Аксаковъ не прибѣгаетъ ни къ какимъ образнымъ выраженіямъ и уподобленіямъ; не менѣе замѣчательны также богатство и чистота языка Аксакова: во всей „Хроникѣ“ едва ли наберется болѣе десятка иностранныхъ словъ, зато встрѣчается очень много выраженій, заимствованныхъ авторомъ изъ живой народной рѣчи и впервые внесенныхъ имъ въ литературу.

Старинъ Багровъ.

Главное мѣсто среди лицъ, выведенныхъ въ „Семейной Хроникѣ“, занимаетъ дѣдушка Степанъ Михайловичъ. Авторъ относится къ нему съ нескрываемой симпатіей, что не мѣшаетъ ему однако отмѣчать и отрицательныя черты своего героя. Дѣдушка Багровъ прежде всего *цѣльная натура*; ему чужды всякія сомнѣнія и колебанія, вносящія раздвоеніе и разладъ въ душу человѣка. Міросозерцаніе его, не отличаясь особенной широтой и возвышенностью, замѣчательно по своей ясности и опредѣленности; при этомъ поступки его всегда соотвѣтствуютъ его взглядамъ и убѣжденіямъ: между тѣми и другими нѣтъ противорѣчія.—Міросозерцаніе Багрова основано на унаслѣдованныхъ традиціонныхъ понятіяхъ; поэтому самъ онъ является *представителемъ старины*, стараго родо-

вого уклада жизни. Вообще *родовое* начало особенно близко его душѣ; оно лежитъ въ основѣ всѣхъ его взглядовъ и привычекъ и придаетъ его личности отпечатокъ *патріархальности*. — Особенно ярко сказываются патріархальныя понятія въ отношеніяхъ Степана Михайловича къ своимъ домашнимъ. Въ качествѣ главы семьи и дома онъ смотритъ на себя, какъ на полновластнаго и безусловнаго распорядителя судьбы всѣхъ своихъ семейныхъ. Онъ любитъ свою семью, заботится о ней, но требуетъ съ ея стороны безпрекословнаго повиновенія своей волѣ и даже своимъ причудамъ. Всѣ вопросы, касающіеся судьбы отдѣльныхъ членовъ семьи, онъ рѣшаетъ самъ, не спрашивая ничьего мнѣнія, ни совѣта; никто даже не смѣетъ заикнуться о своихъ желаніяхъ. Эта привычка повелѣвать легко могла бы превратиться въ суровый деспотизмъ, если бы не смягчалась добрыми склонностями его природы. Однако Степанъ Михайловичъ не терпитъ никакого сопротивленія своей волѣ и легко раздражается при всякомъ противорѣчіи: въ состояніи раздраженія онъ дѣлается чрезвычайно вспыльчивъ: тогда—бѣда человѣку, вызвавшему его неудовольствіе, потому что въ гнѣвѣ Степанъ Михайловичъ становится страшенъ. Съ чувствомъ невольнаго отвращенія, но съ правдивостью бытописателя авторъ описываетъ вспышки этого бѣшенаго гнѣва, омрачавшаго свѣтлую и добрую душу старика Багрова; въ такія минуты домашніе въ страхѣ спасались бѣгствомъ, предоставляя Степану Михайловичу бушевать на просторѣ въ опустѣломъ домѣ. Впрочемъ такіе припадки случались не часто и проходили безслѣдно, потому что дѣдушка вовсе не былъ злопамятенъ и даже старался какой-нибудь лаской вознаградить пострадавшаго отъ его гнѣва.

Его типическія и индивидуальныя черты.

Однако такое постоянное подчиненіе окружающихъ своей волѣ, подавленіе въ нихъ всякой свободы, не могло привести къ добрымъ результатамъ: въ натурахъ мягкихъ и слабыхъ, какимъ является, напр., сынъ старика Багрова, оно развило полную безхарактерность, нравственную дряблость, привычку во всемъ подчиняться чужой волѣ, жить чужимъ умомъ: какъ раньше онъ во всемъ подчинялся отцу, такъ впослѣдствіи сталъ подчиняться своей умной и энергичной супругѣ. На натуры болѣе сильныя и стойкія, каковы натуры дочерей старика Багрова, деспотизмъ его также оказалъ вред-

ное вліяніе: не подавивъ въ нихъ самостоятельной воли, онъ способствовалъ развитію въ нихъ дурныхъ инстинктовъ: хитрости, лукавства, зависти, притворства.—Отношенія Степана Михайловича къ слугамъ и къ крестьянамъ также проникнуты патріархальностью: онъ смотритъ на нихъ, какъ бы на младшихъ членовъ своей семьи; такому отношенію много способствовало также то обстоятельство, что по своимъ взглядамъ, интересамъ, привычкамъ, даже образу жизни Багровъ стоялъ еще очень близко къ народу, имѣлъ съ нимъ много общаго. Высоко цѣня свое древнее дворянство (также черта, характеризующая его, какъ носителя родовыхъ традицій), Степанъ Михайловичъ относился къ низшимъ безъ всякаго высокомѣрія и надменности и отличался полной доступностью и простотой въ обращеніи съ ними. Будучи самъ заботливымъ и трудолюбивымъ хозяиномъ, Багровъ былъ также требователенъ и строгъ къ своимъ крестьянамъ, преслѣдовалъ лѣность и нерадѣніе, но зато всякій изъ нихъ зналъ, что въ случаѣ нужды всегда можетъ обратиться къ нему за помощью и никогда не встрѣтитъ отказа.

Умственный и нравственный складъ личности.

Степанъ Михайловичъ не получилъ никакого образованія, даже не отличался особенной грамотностью. Умственные интересы и запросы его были очень несложны и невелики; книги въ его домѣ вовсе не были въ употребленіи. Но у него былъ природный здравый смыслъ, сметливость и проницательность, восполнявшіе недостатокъ образованія. Однако при отсутствіи особенной умственной пытливости, старикъ Багровъ отличался замѣчательной *нравственной чуткостью*, помогавшей ему разбираться въ сложныхъ жизненныхъ явленіяхъ, отличать хорошее отъ дурного, должное отъ недолжнаго. Благодаря этой чуткости онъ сразу разгадалъ дѣйствительный характеръ Куролесова, который такъ хорошо умѣлъ всѣхъ другихъ подкупать въ свою пользу. „Хорошъ парень, ловокъ и смышленъ, а сердце не лежитъ“, говорилъ про него старикъ Багровъ, смутно чувствуя, что подъ этой мягкой, подкупающей внѣшностью таятся звѣрскіе и низменные инстинкты.

Этимъ же нравственнымъ сознаніемъ руководился Багровъ и во всѣхъ случаяхъ жизни. Натура глубоко честная и правдивая, онъ вовсе не былъ способенъ ко лжи и обману; онъ не хотѣлъ воспользоваться, подобно многимъ

другимъ помѣщикамъ, простодушной довѣрчивостью башкиръ для того, чтобы за безцѣнокъ купить у нихъ земельныя угодья. Во всѣхъ поступкахъ онъ подчинялся голосу совѣсти и справедливости; этимъ онъ заслужилъ любовь и уваженіе не только своихъ собственныхъ крестьянъ, но также и окрестныхъ жителей, русскихъ и инородцевъ, такъ что тѣ нерѣдко обращались къ нему за совѣтомъ и даже просили его иногда разобрать по совѣсти ихъ ссоры и тяжбы, вполнѣ довѣряя безпристрастію его рѣшенія. Точно такъ же въ случаѣ нужды къ нему обращались за помощью—и никому не было отказу: суровый на видъ дѣдушка Степанъ Михайловичъ обладалъ добрымъ и отзывчивымъ сердцемъ; вотъ почему, когда онъ умеръ, на похороны его стеклась масса народа, даже изъ отдаленныхъ мѣстностей, и долго еще жила въ потомствѣ память о строгомъ, но справедливомъ баринѣ.

Куролесовъ.

Въ то время какъ Степанъ Михайловичъ является положительнымъ типомъ русскаго помѣщика XVIII вѣка, *Куролесовъ* воплощаетъ въ себѣ отрицательныя черты тогдашняго крѣпостного барства. Натура незаурядная, богато одаренная природными способностями, онъ однако производитъ отталкивающее впечатлѣніе своей необузданной жестокостью, произволомъ и грубыми животными пороками. Всѣ эти черты развились въ немъ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ тогдашнихъ условій жизни, предоставлявшихъ сильному человѣку полный просторъ для притѣсненія слабыхъ и низшихъ. А Куролесовъ прежде всего является *сильной натурой*, съ темпераментомъ энергичнымъ, дѣятельнымъ и властнымъ. Съ непоколебимой настойчивостью преслѣдуетъ онъ свои цѣли: не имѣя ни средствъ, ни связей, единственно при помощи своего умѣнія обходиться съ людьми, располагать ихъ въ свою пользу, подчинять своимъ желаніямъ, выбивается онъ изъ стѣсненнаго положенія мелкопомѣстнаго нечиновнаго дворянина, женится на богатой невѣстѣ и достигаетъ независимаго и почетнаго положенія въ обществѣ. Послѣ этого онъ съ кипучей энергіей принимается за устройство своего обширнаго хозяйства, предпринимаетъ большія постройки, переселяетъ крестьянъ на новыя мѣста, во все вникаетъ и всѣмъ руководитъ самъ, — и достигаетъ въ своей дѣятельности такихъ блестящихъ результатовъ, что вызываетъ удивленіе даже

хозяйственнаго и дѣловитаго Степана Михайловича. Но когда дѣло налажено, оно уже утрачиваетъ для Куролесова значительную долю своей привлекательности, потому что его кипучая энергичная натура жаждетъ широкой дѣятельности, не удовлетворяясь мелкой и обыденной. Если же у него нѣтъ такой дѣятельности, поглощающей его энергію, то богатый запасъ силъ, не находя себѣ приложенія, ищетъ выхода въ буйномъ разгулѣ и въ различныхъ неистовствахъ. Въ сильномъ человѣкѣ и страсти сильныя; Куролесовъ не умѣетъ и не желаетъ ихъ обуздывать, потому что *въ немъ вовсе нѣтъ той нравственной, сдерживающей силы*, которая должна руководить поведеніемъ человѣка. Избытокъ воли, не находя себѣ настоящаго примѣненія, выражается въ дикихъ выходкахъ, въ грубомъ насиліи, въ попраніи всѣхъ правъ чужой личности. Опьяненный сознаніемъ своей власти и полной безнаказанности, не встрѣчая ни въ комъ сопротивленія своему произволу, онъ доходитъ до тяжелыхъ преступленій. Жестокость и мучительство становятся для него потребностью, звѣрскія наклонности, скрывавшіяся подъ покровомъ мягкой внѣшности и изящныхъ манеръ, вырываются наружу, и онъ, по опредѣленію автора, являетъ собою примѣръ „ужаснаго соединенія инстинкта тигра съ разумностью человѣка“. Но давъ своимъ страстямъ разыграться на просторѣ, Куролесовъ въ концѣ концовъ утрачиваетъ способность управлять ими, и самъ становится ихъ жертвой; трагическая гибель его является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его поведенія и справедливымъ возмездіемъ за попраніе нравственнаго закона. Вся исторія Куролесова разсказана Аксаковымъ тѣмъ же спокойнымъ эпическимъ тономъ, какъ и „добрый день дѣдушки Багрова“, только порой нравственное негодованіе и отвращеніе заставляютъ автора прерывать свое повѣствованіе, когда онъ касается описанія неистовствъ и злодѣйствъ своего героя. Однако это спокойствіе вовсе не является слѣдствіемъ равнодушія: мы ясно видимъ отношеніе самого автора къ описываемымъ явленіямъ, и потому простота и эпическое спокойствіе разсказа только еще болѣе усиливаютъ трагическое впечатлѣніе.

Софья Николаевна.

Третьимъ главнымъ лицомъ въ портретной галлереѣ „Семейной Хроники“ является *Софья Николаевна*, мать автора записокъ; она занимаетъ видное мѣсто также и въ „Воспоми-

наніяхъ“ и въ „Дѣтскихъ годахъ Багрова внука“. Аксаковъ отводитъ много страницъ описанію ея жизни и изображенію ея характера; изображеніе это проникнуто глубокой симпатіей, свидѣтельствующей о сыновней любви автора, но вмѣстѣ съ тѣмъ настолько правдиво и объективно, что мы можемъ составить себѣ полное представленіе о характерѣ этого лица, даже о такихъ чертахъ его, которыя могутъ показаться несимпатичными. Софья Николаевна—натура чрезвычайно даровитая, надѣленная незаурядными способностями. Въ патріархальной деревенской семьѣ Багровыхъ она является *представительницей новаго времени, новой городской культуры.* По своему умственному развитію она стоитъ гораздо выше ихъ; не получивъ правильнаго образованія, она, благодаря природному уму, разнообразному чтенію и сношенію съ наиболѣе образованными людьми города, пріобрѣла знанія и развитіе, которые выдѣляли ее среди окружающихъ. Ея умная, краснорѣчивая бесѣда привлекала даже вниманіе высокообразованныхъ иностранныхъ путешественниковъ; одинъ изъ нихъ въ похвальномъ мадригалѣ называлъ ее даже Минервой. Новиковъ переписывался съ нею и посылалъ ей вновь вышедшія книги. Блестящая красавица, она была окружена толпою поклонниковъ, но умственные интересы влекли ее въ кругъ серьезнаго интеллигентнаго общества, и она мало заботилась о своихъ свѣтскихъ успѣхахъ. Но это тяготѣніе къ образованному обществу нерѣдко вызывало въ ней презрительное отношеніе къ людямъ, стоящимъ ниже по умственному развитію. Жизнь въ деревнѣ была ей противна, тяготила ее; она не только не питала никакого сочувствія къ простому народу, но даже относилась къ нему съ какой-то брезгливостью и запрещала своему сыну вступать съ крестьянами и слугами въ болѣе близкія сношенія, даже присутствовать на святочныхъ играхъ и слушать народныя пѣсни. Такимъ отношеніемъ къ простымъ и добрымъ людямъ она огорчала не только своего мужа, но даже своего малолѣтняго сына, въ которомъ рано проснулись симпатіи къ народу.

Не менѣе ума развита въ Софьѣ Николаевнѣ и *воля.* Это — женщина энергичная и независимая. Обстоятельства жизни способствовали развитію въ ней этихъ сторонъ ея личности: она рано была предоставлена самой себѣ, еще въ дѣтскіе годы испытала со стороны мачехи гоненія, закалившія

ея характеръ; наконецъ, послѣ смерти своей гонительницы стала полновластной хозяйкой въ домѣ и даже до нѣкоторой степени оффиціальной особой въ городѣ, замѣнявшей иногда своего больного отца, посвящавшаго ее въ свои служебныя дѣла. Благодаря этимъ особенностямъ ея положенія, въ ней развилась не только независимость характера, но и стремленіе подчинять своему вліянію окружающихъ и даже властолюбивыя наклонности. Мужъ, человѣкъ мягкій и безхарактерный, притомъ не чаявшій въ ней души, всецѣло подчинился ея волѣ, и она играла въ домѣ главную роль; дѣдушка Степанъ Михайловичъ, считавшій, что мужъ долженъ быть главою семьи, смотрѣлъ на это съ неудовольствіемъ, не сознавая, что онъ самъ въ значительной мѣрѣ былъ виноватъ въ безхарактерности и дряблости своего сына.

Натура сложная и противорѣчивая, Софья Николаевна представляетъ собой рѣдкое *соединеніе разсудочности и страстности.* Легкомысліе, свойственное молодости, совершенно чуждо ей; жизненный опытъ рано пріучилъ ее къ серьезности и благоразумію. Замужъ выходитъ она по расчету, строго взвѣсивши всѣ доводы за и противъ брака. Особенно ее прельщала мысль о томъ, что она будетъ играть въ семьѣ главную роль, будетъ во всемъ руководить мужемъ; она даже мечтала о томъ, чтобы перевоспитать его, возвысить до своего умственнаго уровня; мечтамъ этимъ однако не суждено было сбыться. Много тонкаго расчета видно также въ ея отношеніяхъ къ Степану Михайловичу; зная, что онъ является полновластнымъ распорядителемъ семьи и чувствуя, что другіе члены враждебно противъ нея настроены, она употребляетъ всѣ усилія, чтобы понравиться старику, ухаживаетъ за нимъ, даже старается поддѣлаться подъ его понятія,—и въ концѣ концовъ вполнѣ достигаетъ своей цѣли. — Но на ряду съ этой разсудочностью, въ ея характерѣ есть черты, указывающія на ея впечатлительность и страстность. Сила чувства въ ней настолько велика, что она можетъ доходить до самозабвенія, возвышаться до героизма. Не любя мужа, относясь къ нему равнодушно, она всю силу своей привязанности, на которую способна ея страстная, увлекающаяся природа, сосредоточила на сынѣ. Своей любовью, своимъ самоотверженнымъ уходомъ она спасла его жизнь, едва не поплатившись собственной; впослѣдствіи, когда онъ заболѣлъ

въ первый годъ своего пребыванія въ гимназіи, она въ весеннюю распутицу, презирая всѣ препятствія и опасности, спѣшитъ къ нему, совершая геройскій подвигъ материнской любви, во время переправы по льду черезъ Каму, готовую тронуться. Но материнская любовь принимаетъ у нея слишкомъ страстный, исключительный характеръ. Любя сына до самозабвенія, она требуетъ отъ него такого же отношенія: она ревнуетъ его къ отцу, ревнуетъ его къ занятіямъ и увлеченіямъ, недовольная тѣмъ, что любовь къ природѣ, увлеченіе рыбной ловлей отвлекаютъ сына отъ нея.

Дѣтскіе годы Багрова-внука

„Дѣтскіе годы Багрова-внука“ представляютъ собой разсказъ автора о собственномъ дѣтствѣ. Это произведеніе отличается тѣми же достоинствами, какъ и „Семейная Хроника“: художественной простотой и правдивостью содержанія, спокойной объективностью изложенія, обиліемъ характерныхъ подробностей описываемой жизни и быта. Но къ этому присоединяется еще *тонкость психологическаго наблюденія*, составляющая отличительную черту этого сочиненія Аксакова. Вообще главный интересъ книги — психологическій: въ ней раскрывается *жизнь дѣтской души*, притомъ души ребенка, богато одареннаго отъ природы. Духовная жизнь Багрова-внука отличается большой сложностью: съ одной стороны, въ немъ рано просыпаются живые умственные запросы, начинается работа мысли и воображенія, въ чемъ сказываются черты, унаслѣдованныя отъ высоко развитой матери; съ другой стороны, мы видимъ въ немъ горячее сочувствіе къ деревенской жизни, къ народному быту, любовь къ природѣ и связаннымъ съ нею удовольствіямъ (охота, рыбная ловля): всѣ эти черты унаслѣдованы имъ отъ отца; однако и въ нихъ, въ страстности ихъ проявленія, въ крайнихъ увлеченіяхъ, до которыхъ онъ доходитъ, сказывается пылкій и увлекающійся темпераментъ матери.

Психологія ребенка.

Черты умственной жизни.

Раннее умственное развитіе въ значительной степени обусловлено продолжительной болѣзнью ребенка-Багрова, которая, лишивъ его обычныхъ дѣтскихъ разсѣяній, заставила его сосредоточиться въ себѣ, въ своемъ внутреннемъ мірѣ. Въ силу этой сосредоточенности въ себѣ, онъ дѣлается застѣнчивымъ и робкимъ въ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ, чуждается обычныхъ дѣтскихъ игръ и становится въ исклю-

чительное положеніе. „Голова моя была старше моихъ лѣтъ,— говоритъ онъ о себѣ,—и общество однолѣтнихъ со мною дѣтей не удовлетворяло меня“. Къ этому присоединялось еще вліяніе матери, которая, чувствуя себя одинокой въ семьѣ и страстно любя своего первенца, сдѣлала его, не взирая на разницу лѣтъ, своимъ другомъ и повѣреннымъ и ничего отъ него не скрывала; такое отношеніе, по собственному признанію автора, было даже вредно для него, потому что онъ слишкомъ рано „узналъ много такого, чего не могъ понять, что понималъ превратно, и чего ему еще знать не слѣдовало“.

Какъ часто случается съ одинокими, умственно одаренными дѣтьми, ребенокъ-Багровъ, *увлекается чтеніемъ и книгами*; онъ самъ не помнитъ, когда выучился читать: эпоха связныхъ воспоминаній начинается для него уже въ то время, когда онъ уже разбиралъ по складамъ „Зеркало добродѣтели“. Вскорѣ ему попадаетъ въ руки Новиковскій журналъ: „Дѣтское Чтеніе“,—и онъ читаетъ съ такимъ увлеченіемъ, что забываетъ все на свѣтѣ, и мать принуждена была на время отнимать у него книги, чтобы дать ему успокоиться. Когда ему было пять лѣтъ, онъ получилъ въ подарокъ „Россіаду“ Хераскова и собраніе сочиненій Сумарокова—и на долгое время эти писатели ложно-классической школы становятся его излюбленными авторами. Онъ выучилъ наизусть большіе отрывки изъ „Россіады“ и цѣлыя сцены изъ трагедій Сумарокова, и охотно ихъ декламировалъ.—Чтеніе способствуетъ въ немъ *развитію фантазіи*; силою воображенія дополняетъ онъ то, чего не находитъ въ книгѣ, выдумываетъ новыя подробности и новыя приключенія, и самъ настолько увлекается своими вымыслами, что не можетъ ихъ затѣмъ отличить отъ дѣйствительныхъ данныхъ. Въ этой работѣ фантазіи сказывается безсознательная потребность творчества, характерная для Аксакова, какъ будущаго писателя-художника, для котораго сила творческаго воображенія является необходимымъ условіемъ, даже если онъ, подобно Аксакову, остается въ предѣлахъ строго-реальной дѣйствительности.

Сила воображенія.

Другой характерной чертой ребенка-Багрова, указывающей въ немъ на задатки будущаго художника-бытописателя, является его *тонкая наблюдательность*, отъ которой не

Наблюдательность.

ускользаетъ никакая мелочь окружающей жизни. И весь этотъ богатый запасъ наблюденій не улетучивается безслѣдно, а сохраняется въ его душѣ, благодаря чрезвычайно сильной *предметной памяти*, также составляющей необходимую основу памяти художественной. Наблюдательность его особенно просыпается подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній: вотъ почему рядъ связныхъ его воспоминаній начинается съ перваго путешествія въ Парашино, когда на него нахлынула сразу такая масса еще неизвѣданныхъ впечатлѣній; тогда же впервые пробудилась въ немъ и горячая любовь къ природѣ, точно онъ впервые замѣтилъ теперь красоты *внѣшняго* міра. Во время этой же поѣздки ребенокъ-Багровъ знакомится съ нѣкоторыми житейскими противорѣчіями, которыя вызываютъ въ немъ недоумѣніе и негодованіе: онъ не можетъ понять, какимъ образомъ приказчикъ Миронычъ, человѣкъ недобрый, который ставитъ дряхлаго старика на тяжелую работу мельничнаго засыпки и котораго мать даже прямо называетъ разбойникомъ, въ то же время пользуется полнымъ довѣріемъ господъ и распоряжается судьбами цѣлой деревни. Разъясненія отца, что Миронычъ хорошій управитель, заботливый и распорядительный, не устраняютъ вполнѣ его недоумѣнія, потому что, какъ онъ самъ пишетъ, „житейская мудрость не можетъ быть понимаема дитятей и добровольныя уступки несовмѣстны съ чистотою его души“.—Наблюдательность, давая обильную пищу его *любознательности*, вмѣстѣ съ тѣмъ пробуждаетъ въ немъ работу мысли; подмѣтивъ что-нибудь, онъ сейчасъ же обращается за объясненіемъ къ отцу или къ матери, или же самъ составляетъ себѣ объясненіе, иногда довольно фантастическое.

Чувствительность.

На ряду съ данными, относящимися къ умственной жизни ребенка-Багрова, встрѣчаемъ мы въ „Дѣтскихъ годахъ“ также и много данныхъ, рисующихъ намъ его душевную жизнь со стороны проявленій *чувства*, играющаго въ дѣтской психологіи еще болѣе важную роль, чѣмъ проявленія интеллектуальныхъ способностей. Вообще ребенокъ-Багровъ отличается большой *чувствительностью* и *впечатлительностью*. Одно изъ первыхъ чувствъ, которое онъ въ себѣ отмѣчаетъ, есть чувство *жалости*, распространяющейся въ одинаковой мѣрѣ и на его маленькую сестрицу и на брошенную собаченку. Развитію этой отзывчивости къ чужому страданію

особенно способствовала продолжительная болѣзнь, перенесенная имъ въ раннемъ дѣтствѣ. Это свидѣтельствуетъ о его хорошихъ предрасположеніяхъ въ нравственномъ отношеніи, потому что нерѣдко дѣти подъ вліяніемъ болѣзни, наоборотъ, становятся капризными, требовательными и эгоистичными.— Впечатлительность его настолько велика, что онъ не выноситъ даже вида страданія; поэтому при посѣщеніи городского училища, при видѣ наказанія учениковъ, онъ приходитъ въ гораздо болѣе сильное волненіе, чѣмъ даже самъ наказуемые. Эта же душевная отзывчивость обнаруживается и въ томъ впечатлѣніи, какое произвели на него полевыя работы, впервыя увидѣнныя имъ во время поѣздки въ Парашино; объ этомъ впечатлѣніи онъ самъ говоритъ: „Невыразимое чувство состраданія къ работающимъ съ такимъ напряженіемъ силъ, на солнечномъ зноѣ, охватило мою душу и много разъ потомъ, бывая на жнитвѣ, я всегда вспоминалъ это первое впечатлѣніе“. Изъ этого состраданія къ трудовой жизни крестьянина развивается впослѣдствіи горячее сочувствіе къ народному быту вообще, которое ясно сказывается въ тѣхъ мѣстахъ „Дѣтскихъ Годовъ“, гдѣ авторъ приходится касаться простого народа.

Два главныхъ чувства, преобладающія въ немъ въ эпохѣ дѣтства, это—любовь къ матери и любовь къ природѣ. *Любовь къ матери* выражается съ трогательной нѣжностью и постоянствомъ, питаясь взаимной страстной материнской привязанностью, доходившей до самоотверженія. Мать составляла его постоянное общество, сама слѣдя за всѣми мелочами его жизни, занимаясь его воспитаніемъ и образованіемъ; ребенокъ привыкъ относиться къ ней съ полной откровенностью, ничего отъ нея не утаивая; когда ему по чьей-либо посторонней просьбѣ приходится что-нибудь скрывать отъ матери, онъ чувствуетъ себя какъ бы виноватымъ передъ нею, ему становится тяжело и неловко. Если ему случается увлечься чѣмъ-нибудь до того, чтобы на время забыть о матери, онъ чувствуетъ угрызеніе совѣсти, мучится раскаяніемъ, ему кажется, что онъ недостаточно любитъ свою мать, что онъ дурной, неблагодарный сынъ. Онъ ухаживаетъ, насколько можетъ, за матерью во время ея болѣзни, занимаетъ ее чтеніемъ и разговорами, ободряетъ своими ласками и увѣреніями въ любви. Въ разлукѣ съ матерью онъ страшно то

скуетъ; впослѣдствіи, когда его помѣстили въ гимназію, эта тоска по матери и по родному дому довела его до настоящей болѣзни. Во всякомъ случаѣ по силѣ и глубинѣ проявленнаго чувства психическая жизнь ребенка Багрова представляетъ собой незаурядное явленіе и обличаетъ въ немъ тонкую душевную организацію.

Не менѣе важную роль въ духовной жизни Багрова играетъ *чувство природы*. Оно пробуждается въ немъ необыкновенно рано. Сперва, какъ это обыкновенно бываетъ съ дѣтьми, онъ увлекается отдѣльными мелкими явленіями, бросающимися ему въ глаза: камешками, цвѣтами и т. п. Но очень скоро душа его раскрывается *общему* впечатлѣнію природы, охватываетъ общую ея картину, и это впечатлѣніе настолько сильно, что производитъ въ немъ настоящее душевное потрясеніе. Въ главѣ: „Первая весна въ деревнѣ“ краснорѣчиво описываетъ онъ то нервное, повышенное настроеніе, которое овладѣло имъ при весеннемъ пробужденіи природы, когда онъ, то подолгу простаивалъ на одномъ мѣстѣ, погруженный въ нѣмое созерцаніе, то приходилъ въ какое-то восторженное состояніе, причины котораго и самъ не понималъ, то по ночамъ заслушивался пѣнія соловьевъ, такъ что долго не могъ заснуть.—Эта отзывчивость къ жизни природы, къ ея красотѣ и величію, указываетъ на силу *эстетическаго* чувства, которое потомъ проявилось у Аксакова въ мастерскихъ описаніяхъ природы, въ картинахъ, полныхъ тонкой наблюдательности и красоты. Вмѣстѣ съ любовью къ природѣ просыпается въ душѣ ребенка-Багрова и охотничья жилка, унаслѣдованная имъ отъ отца; хотя онъ былъ еще слишкомъ малъ для настоящей охоты, но уже его страстное увлеченіе рыбною ловлей обличаетъ въ немъ будущаго страстнаго охотника. Любовь къ природѣ.

Отмѣчены въ „Дѣтскихъ Годахъ“ также и проявленія *чувства личности* въ душѣ ребенка-Багрова. Онъ чуждъ эгоизма, но въ немъ рано начинаетъ сказываться *самолюбіе*: ему непріятно, напр., если онъ чего-либо не въ состояніи понять, непріятно, что его считаютъ за „маленькаго“; особенно ярко самолюбіе его проявляется во время столкновенія съ однимъ знакомымъ господиномъ (Волковымъ), который всячески донималъ и дразнилъ его и сумѣлъ довести до такого состоянія, что ребенокъ ударилъ своего обидчика, и затѣмъ Чувство личности.

ни за что не хотѣлъ просить у него извиненія, считая себ
правымъ. Испытанное имъ волненіе, внутренняя борьба и г
речь наказанія, наложеннаго матерью, такъ подѣйствовал
на его впечатлительную душу, что онъ заболѣлъ. Всѣ в
обще проявленія чувствъ отличаются у ребенка-Багрова бол
шою интенсивностью (силой); онъ легко склоненъ къ увл
ченіямъ, и въ этихъ увлеченіяхъ доходитъ иногда до сам
забвенія; и радость, и горе одинаково глубоко потрясают
его, такъ что иногда сила чувства даже не соотвѣтствует
его возрасту. Всѣ эти черты характера, повидимому, унасл
дованы имъ отъ матери, отличавшейся страстной, впечатл
тельной и увлекающейся натурой, и только гораздо позж
эти черты значительно смягчились въ характерѣ Аксакова
его душевная жизнь достигла бо́льшей уравновѣшенности.

Глава II-я.

И. С. Тургеневъ.

Очеркъ жизни и дѣятельности Тургенева.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ родился въ Орлѣ, въ 1818 г. (28 октября). Большую часть дѣтства онъ провелъ въ имѣньи матери, селѣ Спасскомъ-Лутовиновѣ, Мценскаго уѣзда. Главную роль въ семьѣ играла мать, происходившая изъ богатаго и родовитаго дома Лутовиновыхъ. Это была женщина съ твердымъ, самовластнымъ характеромъ, передъ которой трепетали всѣ домашніе; съ крестьянами и слугами, такъ же какъ и съ членами собственной семьи, она обращалась сурово и строго, не терпя никакого противорѣчія, взыскивая за всякую, даже ничтожную вину или оплошность. Много тяжелыхъ картинъ самодурства и произвола насмотрѣлся Тургеневъ въ родительскомъ домѣ, и эти картины внушили ему то благородное негодованіе противъ крѣпостного права, которое онъ выразилъ впослѣдствіи въ цѣломъ рядѣ своихъ произведеній. Нѣкоторыя изъ нихъ прямо основаны на фактахъ, которые ему пришлось наблюдать въ дѣтствѣ, другія—на семейныхъ воспоминаніяхъ; такъ, напр., въ разсказѣ *Муму* описывается дѣйствительный случай въ домѣ его матери, въ *Однодворцѣ Овсяниковѣ* поминается его дѣдъ—Лутовиновъ, суровый и надменный деспотъ. Такимъ образомъ дѣтство Тургенева, несмотря на окружавшее богатство и роскошь, было далеко не радостно. Самъ онъ хотя и считался любимцемъ матери, долженъ былъ много терпѣть отъ ея непреклонной строгости, подвергаясь наказанію за всякую мелочь, за безобидную дѣтскую шалость, за неосторожное слово; „драли меня за всякій пустякъ чуть не каждый день", вспоминалъ онъ самъ впослѣдствіи. Семейная обстановка.

Воспитаніе дѣтей въ домѣ Тургеневыхъ было поставлено такъ же, какъ въ другихъ богатыхъ дворянскихъ семьяхъ, т.-е. было поручено иностраннымъ гувернерамъ и гувернанткамъ, при чемъ мало обращалось вниманія на то, достаточно ли были эти педагоги подготовлены для своего дѣла. По крайней мѣрѣ въ числѣ гувернеровъ Тургенева, которыхъ перебывало у него множество, нашелся даже одинъ нѣмецъ, раньше бывшій шорникомъ. Никто изъ этихъ гу- Воспитаніе.

вернеровъ не могъ поэтому оказать на своего питомца замѣтнаго вліянія. Что касается до русскаго языка, то первымъ учителемъ его былъ для Тургенева одинъ крѣпостной человѣкъ, камердинеръ его матери, большой любитель русской поэзіи XVIII вѣка, поклонникъ Ломоносова, Сумарокова, Хераскова. Его Тургеневъ изобразилъ впослѣдствіи въ разсказѣ *Пунинъ и Бабуринъ*. Этотъ крѣпостной слуга былъ первымъ руководителемъ будущаго писателя въ области русской литературы; съ нимъ вмѣстѣ они читали старыхъ авторовъ ложно-классической школы, при чемъ ученикъ и учитель особенно увлекались „Россіадой" Хераскова. Эти чтенія происходили большей частью тайкомъ, въ какомъ-нибудь укромномъ уголку сада, потому что въ домѣ Тургеневыхъ русскій языкъ былъ въ загонѣ, всѣ говорили между собой по-французски, а русскіе стихи даже считались чѣмъ-то почти неприличнымъ; мать Тургенева открыто говорила, что для нея все равно—что писатель, что писарь,—выражая этимъ свое презрѣніе къ литературнымъ занятіямъ, которыя она считала дѣломъ, не достойнымъ дворянина.

Въ 1827 году вся семья Тургеневыхъ, для продолженія образованія дѣтей, переѣхала въ Москву. Ивана Сергѣевича отдали сперва въ одинъ частный пансіонъ, затѣмъ въ Лазаревское училище (впослѣдствіи институтъ восточныхъ языковъ). Но Тургеневъ пробылъ тамъ недолго и сталъ на-дому готовиться къ поступленію въ университетъ. Въ числѣ его преподавателей былъ между прочимъ студентъ Клюшниковъ, поэтъ и членъ философскаго кружка Станкевича, черезъ котораго Тургеневъ еще до поступленія въ университетъ могъ войти въ кругъ интересовъ тогдашней студенческой молодежи. Пятнадцати лѣтъ отъ роду (въ 1833 г.). Тургеневъ выдержалъ вступительный экзаменъ и зачислился на словесный факультетъ. Въ Московскомъ университетѣ онъ пробылъ всего одинъ годъ, и мы имѣемъ очень мало положительныхъ данныхъ относительно этого пребыванія; тѣмъ не менѣе этотъ годъ имѣлъ, очевидно, большое значеніе въ исторіи внутренняго развитія Тургенева, потому что онъ неоднократно, во многихъ своихъ произведеніяхъ, возвращаясь къ своимъ студенческимъ воспоминаніямъ, изображаетъ московскую студенческую среду и университетскую жизнь 30-хъ годовъ; такъ, напр., въ *Рудинѣ* и въ *Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда* изображены философскіе, идеалистическіе кружки молодежи, съ ихъ положительными и отрицательными чертами, а университетскіе типы выведены въ *Дворянскомъ Гнѣздѣ* (Михалевичъ), въ *Смерти*, въ *Несчастной* и въ нѣк. др. разсказахъ.

Московскій университетъ.

Въ 1834 году семья Тургеневыхъ переѣхала на жительство въ Петербургъ, и Иванъ Сергѣевичъ поступилъ въ Петербургскій университетъ, гдѣ онъ и кончилъ курсъ въ 1837 году. Во время пребыванія въ университетѣ началась и литературная дѣятельность Тургенева. Первые стихотворные опыты его написаны были въ духѣ господствовавшаго въ то время романтизма. Одно изъ этихъ произведеній, фантастическую драму „Стеніо", представлявшую, по его собственнымъ словамъ, „дѣтски-неумѣлое и рабское подража-

Петербургъ.

ніе Байроновскому „Манфреду“, Тургеневъ отдалъ на разсмотрѣніе профессору Плетневу, который раскритиковалъ драму, но въ заключеніе замѣтилъ, что въ авторѣ все-таки „что-то есть“. Ободренный этимъ отзывомъ, Тургеневъ передалъ Плетневу еще нѣсколько стихотвореній, изъ числа которыхъ Плетневъ выбралъ два и напечаталъ ихъ въ своемъ журналѣ „Современникъ“ (въ 1848 г.). Плетневу Тургеневъ посвятилъ впослѣдствіи нѣсколько прочувствованныхъ страницъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“. Изъ другихъ профессоровъ Тургеневъ упоминаетъ только Гоголя, который, однако, какъ извѣстно, не долго занималъ университетскую каѳедру, такъ какъ скоро обнаружилась его полная неподготовленность къ ученой дѣятельности.

Пребываніе въ Берлинскомъ университетѣ.

По окончаніи университетскаго курса Тургеневъ, чувствуя большіе пробѣлы въ своихъ знаніяхъ, поѣхалъ „доучиваться“ за границу, гдѣ онъ и провелъ три года (1838—1841 гг.). При переѣздѣ моремъ въ Любекъ онъ едва не погибъ у береговъ Германіи, такъ какъ на пароходѣ вспыхнулъ пожаръ и пассажирамъ пришлось спасаться вплавь. Тургеневъ поступилъ въ Берлинскій университетъ и съ большимъ усердіемъ отдался научнымъ занятіямъ, интересуясь преимущественно исторіей и классической филологіей. Гегеля онъ уже не засталъ въ живыхъ, но Гегелевская философія еще всецѣло господствовала въ университетѣ, въ лицѣ его непосредственныхъ учениковъ и послѣдователей (напр., проф. Вердера, котораго слушалъ и Тургеневъ). Въ Берлинѣ же Тургеневъ сблизился со Станкевичемъ и Грановскимъ, которые также пріѣхали сюда для довершенія своего образованія. Вмѣстѣ съ нѣсколькими другими молодыми русскими они составили тѣсный дружескій кружокъ лицъ, преданныхъ интересамъ науки и философіи, проникнутыхъ высокимъ гуманнымъ настроеніемъ и благородными стремлеціями, усвоившихъ себѣ міросозерцаніе германскаго идеализма, преимущественно въ приложеніи къ нравственнымъ вопросамъ: впослѣдствіи эти лица, воспитанныя на идеяхъ нѣмецкой философіи, получили наименованіе „людей сороковыхъ годовъ“. Трехлѣтнее пребываніе за границей имѣло для Тургенева весьма большое значеніе: за это время окончательно сложился его характеръ, опредѣлились его взгляды; онъ самъ говоритъ объ этомъ: „я бросился внизъ головою въ *нѣмецкое море*, долженствовавшее очистить и возродить меня, и когда я наконецъ вынырнулъ изъ его волнъ— я все-таки очутился *западникомъ*, и остался имъ навсегда“. Но это „западничество“ Тургенева, коренившееся въ его глубокомъ уваженіи къ европейской культурѣ, отнюдь не мѣшало ему оставаться вполнѣ русскимъ человѣкомъ по характеру и симпатіямъ, и относиться съ горячею любовью къ Россіи и къ русскому народу.

Служба

Вернувшись въ Россію въ 1841 году, Тургеневъ первоначально имѣлъ намѣреніе посвятить себя научной дѣятельности и сталъ хлопотать о разрѣшеніи держать при Московскомъ университетѣ экзаменъ на магистра философіи; но встрѣтились нѣкоторыя внѣшнія препятствія къ осуществленію этого намѣренія, и Тургеневъ,

оставивъ первоначальный планъ, рѣшился поступить на службу. Къ этому рѣшенію склонило его отчасти и измѣнившееся денежное положеніе, вслѣдствіе его ссоры съ матерью, возникшей изъ-за попытки Тургенева вмѣшаться въ пользу крестьянъ, побудить ее измѣнить свое отношеніе къ нимъ. Разгнѣванная этимъ вмѣшательствомъ, мать почти вовсе лишила его своей поддержки, и Тургеневу пришлось искать себѣ средствъ къ жизни, постояннаго заработка. Онъ опредѣлился на службу въ канцелярію Министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ его непосредственнымъ начальникомъ былъ довольно извѣстный литераторъ Даль. Однако Тургеневъ очень тяготился службой, къ которой не питалъ никакого интереса, и относился къ ней весьма небрежно; черезъ два года онъ вышелъ въ отставку съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе не возвращаться на службу.

Начало литературной дѣятельности.

Въ 1843 году Тургеневъ издалъ небольшую поэму *Параша*, которая при своемъ появленіи вызвала одобрительную рецензію Бѣлинскаго. Это послужило поводомъ къ ихъ сближенію и вмѣстѣ съ тѣмъ побудило Тургенева продолжать свои литературныя занятія. Знакомство съ Бѣлинскимъ подробно описано въ одной изъ главъ „Воспоминаній“, гдѣ мы встрѣчаемъ и прекрасную характеристику личности знаменитаго критика, къ которому Тургеневъ относился съ неизмѣнной любовью и уваженіемъ. Въ свою очередь Бѣлинскій высоко цѣнилъ его умъ и образованіе, и разспрашивалъ Тургенева, какъ человѣка, недавно вернувшагося изъ Германіи, о послѣднихъ выводахъ Гегелевской философіи, такъ какъ самъ не могъ слѣдить за ея развитіемъ, вслѣдствіе незнанія нѣмецкаго языка.

Вліяніе Лермонтова и Гоголя.

Первыя произведенія Тургенева, хотя и показываютъ въ немъ литературное дарованіе, но не отличаются самостоятельностью. Въ началѣ своей дѣятельности Тургеневъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Лермонтова. Это вліяніе сказывается какъ въ его поэмахъ (*Параша*, *Разговоръ*), такъ и въ его раннихъ разсказахъ, написанныхъ до „Записокъ Охотника“ (*Андрей Колосовъ*, *Бреттеръ*, *Три портрета*). Въ герояхъ его встрѣчаются тѣ или другія Печоринскія черты: разочарованіе, озлобленность, презрѣніе къ людямъ, эгоизмъ. Наиболѣе полнымъ выраженіемъ этого типа является *Василій Лучиновъ* („Три портрета“), въ которомъ авторъ изобразилъ типъ *сильнаго человѣка*, ни передъ чѣмъ не останавливающагося для исполненія своихъ желаній или прихотей. Есть достовѣрныя свидѣтельства современниковъ, что и самъ Тургеневъ въ частныхъ отношеніяхъ въ эту эпоху старался изобразить изъ себя „исключительную натуру“, поразить окружающихъ парадоксальностью своихъ взглядовъ, рисовался, оригинальничалъ; но эти напускныя манеры были только проявленіемъ молодости и съ годами исчезли безслѣдно, потому что вовсе не соотвѣтствовали простой и правдивой натурѣ Тургенева.—Кромѣ Лермонтова, на нѣкоторыя произведенія Тургенева оказалъ замѣтное вліяніе и Гоголь, именно той стороной своего творчества, которая особенно ярко выразилась въ „Шинели“ и которая, вызвавъ подражанія, создала

школу, такъ называемаго, „сентиментальнаго натурализма“ (выраженіе Аполлона Григорьева). Излюбленнымъ предметомъ изображенія писателей этой школы служили люди забитые, слабые, обиженные судьбой, робкіе и безсильные. Полнѣе всего это литературное теченіе отразилось въ творчествѣ Достоевскаго, наприм., въ „Бѣдныхъ людяхъ“; у Тургенева оно сказалось въ *Пѣтушковѣ*, въ комедіи *Нахлѣбникѣ*, отчасти въ *Дневникѣ лишняго человѣка*. Но дарованіе Тургенева было слишкомъ здоровое для того, чтобы становиться на созданіи подобныхъ „госпитальныхъ фигуръ“, по выраженію одного критика (Дружинина). Поэтому вліяніе на него „сентиментальнаго натурализма“ было кратковременно, и, освободившись отъ него, онъ вступилъ на путь самостоятельнаго творчества, самостоятельнаго и всесторонняго воспроизведенія дѣйствительной жизни. Путеводителемъ на этомъ поприщѣ былъ для него Пушкинъ, котораго Тургеневъ всегда считалъ своимъ настоящимъ учителемъ.

Начало самобытнаго творчества Тургенева можно считать съ 1847 года. Въ этомъ году въ журналѣ „Современникъ“ въ отдѣлѣ „Смѣси“, былъ напечатанъ его очеркъ *Хорь и Калиныч*, съ подзаголовкомъ: „Изъ записокъ охотника“. Этотъ очеркъ произвелъ значительное впечатлѣніе на критику и на публику, и показалъ Тургеневу, въ какомъ именно направленіи ему слѣдовало работать. Впечатлѣніе, произведенное этой небольшой вещью, въ значительной степени обусловлено было новизною затронутаго сюжета: крестьянская жизнь, крестьянскіе типы, крѣпостныя отношенія до сихъ поръ почти вовсе не были представлены въ русской литературѣ, если не считать повѣсти Григоровича „Деревня“, напечатанной за годъ до перваго разсказа изъ „Записокъ Охотника“. Успѣхъ этого разсказа ободрилъ Тургенева; онъ понялъ, что, работая въ томъ же направленіи, вызывая въ обществѣ интересъ и сочувствіе къ положенію крестьянъ, онъ можетъ сдѣлать полезное для нихъ дѣло. Картины крѣпостного права, которыхъ онъ насмотрѣлся еще съ дѣтства, внушили ему ненависть къ этому учрежденію. Онъ, какъ самъ выражается, далъ „Аннибаловскую клятву“ никогда не примириться съ этимъ зломъ тогдашней русской жизни, въ которомъ онъ видѣлъ какъ бы „личнаго врага“,—и бороться съ этимъ врагомъ всѣми возможными для него средствами. Конечно, главнымъ средствомъ въ этой борьбѣ была для него литература,—и вотъ вслѣдъ за первымъ очеркомъ изъ деревенской жизни онъ создаетъ рядъ другихъ, въ которыхъ выводитъ цѣлую галлерею крестьянскихъ типовъ.

Хорь и Калиныч.

Эти разсказы написаны Тургеневымъ уже за границей, куда онъ уѣхалъ въ началѣ 1847 года, вскорѣ послѣ напечатанія „Хоря и Калиныча“. Жилъ Тургеневъ преимущественно въ Парижѣ, терпя по временамъ большую нужду, такъ какъ мать, недовольная его выходомъ въ отставку и отъѣздомъ за границу, вовсе перестала оказывать ему поддержку, такъ что Тургеневу приходилось разрабатывать себѣ хлѣбъ литературнымъ трудомъ, который въ то

Жизнь за границей.

время оплачивался довольно скудно; одну зиму Тургеневу пр шлось прожить въ нежилой и нетопленной дачѣ въ окрестностях Парижа. Болѣе трехъ лѣтъ провелъ Тургеневъ за границей, н писалъ за это время цѣлый рядъ очерковъ изъ „Записокъ Охо ника“ („Ермолай и мельничиха“, „Однодворецъ Овсяниковъ“, „Бу мистръ“, „Контора“, „Смерть“, „Пѣвцы“ и др.). Только въ кон 1850 года вернулся онъ въ Россію, вызванный извѣстіемъ о болѣз матери. Но Тургеневу уже не удалось застать ее въ живыхъ. Вст пивъ во владѣніе наслѣдствомъ, Тургеневъ тотчасъ же позаботил объ улучшеніи положенія своихъ крестьянъ: дворовыхъ отпустилъ волю, пожелавшихъ крестьянъ перевелъ на оброкъ, а впослѣдстві при освобожденіи, всячески содѣйствовалъ успѣху этого дѣла: вез при выкупѣ уступилъ пятую часть, а въ главномъ имѣніи (Спа скомъ) ничего не взялъ за усадебную землю. Но и послѣ освоб жденія Тургеневъ оказывалъ своимъ бывшимъ крѣпостнымъ всяч скую поддержку; подарилъ имъ лѣсъ, устроилъ школу, больниц Эта живая связь съ крестьянами не прерывалась до конца жиз Тургенева: еще во время предсмертной болѣзни онъ написалъ и письмо, въ которомъ ясно выразилась его заботливость объ и нравственномъ и матеріальномъ благосостояніи.

Записки Охотника.

Въ 1852 году Тургеневъ собралъ свои крестьянскіе очерки издалъ ихъ подъ заглавіемъ „Записки Охотника“. Собранные в едино, эти разсказы должны были произвести еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ при печатаніи ихъ въ отдѣльности. Яснѣе выступа въ нихъ мысль о несовмѣстимости крѣпостного права съ челов ческимъ достоинствомъ, образцы котораго Тургеневъ показалъ в своихъ крестьянскихъ типахъ. Но эта мысль шла въ разрѣзъ с мнѣніями многихъ вліятельныхъ лицъ, считавшихъ крѣпостное пра однимъ изъ устоевъ русской государственности. Цензоръ, проп стившій отдѣльное изданіе „Записокъ Охотника“, былъ уволенъ; ч касается до самого автора, то воспользовались первымъ удобны случаемъ, чтобы и его подвергнуть наказанію; подъ живымъ впечатлѣніемъ смерти Гоголя Тургеневъ написалъ небольшую стать которая однако была запрещена петербургской цензурой; тогда о послалъ ее въ Москву, гдѣ она и была, съ одобренія Московска цензурнаго комитета, напечатана въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ это было сочтено за неповиновеніе начальству, и Тургеневъ бы на мѣсяцъ посаженъ „на съѣзжую“ (т.-е. въ участокъ; тамъ он между прочимъ, написалъ свой разсказъ *Муму*), а затѣмъ высла на жительство въ свое орловское имѣнье, безъ права выѣзда. Э ссылка продолжалась болѣе двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ о много читалъ (Иванъ Сергѣевичъ собралъ въ Спасскомъ богат библіотеку), знакомился въ подробностяхъ съ крестьянскимъ быто и написалъ нѣсколько разсказовъ (*Постоялый дворъ*, *Затиш* и др.). Въ 1854 году, послѣ обращенія Тургенева къ наслѣдни цесаревичу Александру Николаевичу, опала была съ него снята онъ получилъ возможность выѣхать изъ деревни.

Ссылка въ деревню.

Романы Тургенева.

Во второй половинѣ 50-хъ годовъ Тургеневъ обнаружилъ особенную продуктивность творчества. Отъ мелкихъ разсказовъ и повѣстей онъ переходитъ теперь къ болѣе крупнымъ произведеніямъ и создаетъ цѣлый рядъ романовъ: первымъ въ ихъ серіи былъ *Рудинъ*, написанный въ 1855 году; за нимъ послѣдовали: *Дворянское Гнѣздо* (1858), *Наканунѣ* (1859), *Отцы и Дѣти* (1861). Эти романы вмѣстѣ съ написанными позднѣе *Дымомъ* (1867) и *Новью* (1876) представляютъ собой яркую картину русской общественной жизни отъ 40-хъ до 70-хъ годовъ. Тургеневъ, благодаря своему уму и наблюдательности, умѣлъ тонко и вѣрно подмѣчать характерныя черты смѣнявшихъ другъ друга общественныхъ настроеній, умѣлъ „уловлять моментъ", по выраженію одного критика. Въ своихъ романахъ онъ воспользовался главнымъ образомъ этой особенностью своего писательскаго дарованія и создалъ цѣлую галлерею *общественныхъ типовъ*, воплощавшихъ господствовавшія идеи и стремленія русскаго общества въ различные моменты. Изъ этихъ романовъ наибольшій успѣхъ имѣло „Дворянское Гнѣздо", встрѣченное единодушными похвалами критики, безъ различія партій, и доставившее автору славу перваго и любимѣйшаго русскаго писателя.—Но это сочувственное отношеніе критики рѣзко измѣнилось послѣ появленія романа „Отцы и Дѣти". Въ фигурѣ Базарова большинство критиковъ и значительная часть русской молодежи увидали карикатуру на молодое поколѣніе. На Тургенева посыпались всевозможныя обвиненія, которыя, несмотря на ихъ неосновательность, такъ больно на него подѣйствовали, что онъ началъ серьезно подумывать о томъ, чтобы совершенно прекратить литературную дѣятельность. Это настроеніе особенно ярко выразилось въ небольшомъ очеркѣ *Довольно*, проникнутомъ мрачнымъ, безнадежнымъ пессимизмомъ.—Вообще пессимистическое настроеніе было и раньше знакомо Тургеневу. Еще въ очеркѣ *Поѣздка въ Полѣсье* (1857) встрѣчается мысль о ничтожности человѣческихъ силъ и человѣческихъ стремленій въ сравненіи со стихійной жизнью природы. Эта же мысль, отягченная еще страхомъ неизбѣжнаго конца, уничтоженія, повторяется и въ другихъ произведеніяхъ: въ *Призракахъ* (1863), *Довольно* (1864), въ нѣкоторыхъ *Стихотвореніяхъ въ прозѣ* (1878—1882), напр.: *Разговоръ*, *Старуха*, *Конецъ свѣта*, *Природа* и др.). Пессимистическимъ чувствомъ проникнутъ и его большой романъ „Дымъ"; въ широкой картинѣ русскаго образованнаго общества, нарисованной здѣсь Тургеневымъ, нѣтъ ничего свѣтлаго, привлекательнаго: оттого въ этомъ романѣ, болѣе чѣмъ въ какомъ-либо другомъ произведеніи, преобладаетъ *сатирическій* элементъ; вся русская жизнь, со всѣмъ многообразіемъ ея явленій, кажется ему какимъ-то безсодержательнымъ призракомъ, *дымомъ*, который безслѣдно разсѣивается въ воздухѣ. Этотъ романъ былъ самымъ крайнимъ проявленіемъ „западничества" Тургенева; но остановиться на такомъ полномъ отрицаніи русской жизни онъ, конечно, не могъ; въ слѣдующемъ своемъ романѣ: „Новь", Тургеневъ, отвергнувъ различныя крайности и увлеченія, которымъ поддалась

Ихъ общественное значеніе.

Отношеніе критики и публики.

Настроеніе Тургенева.

нѣкоторая часть русской молодежи, попытался нарисовать, въ лицѣ *Соломина*, фигуру положительнаго русскаго человѣка, съ трезвымъ умомъ, твердою волей и врожденной симпатіей къ трудящемуся народу: фигура эта въ художественномъ отношеніи не совсѣмъ удалась автору, такъ какъ мы слишкомъ мало видимъ Соломина въ дѣйствіи, но все-таки по немъ мы можемъ судить, какими представлялъ себѣ Тургеневъ тѣхъ „настоящихъ людей", въ которыхъ въ данный моментъ нуждается Россія: „это крѣпкіе, сѣрые, одноцвѣтные, народные люди", которыми дѣйствительно держится земля и которые спокойно, безъ громкихъ фразъ, работаютъ на общую пользу.

Условія личной жизни Тургенева.

Конечно, не всѣ произведенія Тургенева проникнуты такимъ безнадежнымъ пессимизмомъ, какъ „Призраки" и „Довольно", но и во многихъ другихъ преобладаетъ грустное настроеніе: слѣдуетъ отмѣтить, что большинство произведеній Тургенева заканчивается если не трагической, то все же печальной развязкой. Причины этого меланхолическаго характера Тургеневскаго творчества весьма многоразличны; въ значительной степени онѣ коренятся въ его общемъ міросозерцаніи и въ особенностяхъ его психическаго склада,—но не малую долю вліянія имѣли на это настроеніе и обстоятельства его личной жизни, которая сложилась для него неудачно и поддерживала въ немъ чувство неудовлетворенности. Тургеневъ всегда отличался склонностью къ семейной жизни, онъ очень любилъ дѣтей и умѣлъ съ ними обращаться, даже иногда предпочиталъ имъ общество взрослыхъ,—но ему никогда не удалось основать свою собственную семью, всю жизнь пришлось прожить одинокимъ холостякомъ. За неимѣніемъ собственной семьи Тургеневъ „прикрѣпился", какъ онъ самъ выражается, къ чужой,—именно, къ семьѣ знаменитой французской пѣвицы Віардо-Гарсія. Съ нею онъ познакомился еще въ серединѣ сороковыхъ годовъ, когда она пріѣзжала въ Петербургъ, гдѣ пользовалась громаднымъ успѣхомъ. Г-жа Віардо была не только талантливая пѣвица, но и очень умная и образованная женщина. Съ мужемъ ея, довольно извѣстнымъ писателемъ по вопросамъ искусства и литературы, Тургеневъ также близко сошелся: вмѣстѣ съ нимъ онъ занимался впослѣдствіи переводомъ на французскій языкъ драматическихъ произведеній Пушкина.

Переселеніе за границу.

Въ концѣ 1856 года Тургеневъ уѣхалъ за границу и съ тѣхъ поръ проживалъ тамъ, обыкновенно съ семьею Віардо, большей частью въ Парижѣ или Баденъ-Баденѣ; одну зиму онъ провелъ въ Римѣ, вмѣстѣ съ писателемъ Вас. Боткинымъ; здѣсь же онъ близко сошелся съ художникомъ Ивановымъ. Однако каждый годъ онъ пріѣзжалъ въ Россію, гдѣ проводилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ и въ своемъ орловскомъ имѣніи, селѣ Спасскомъ. Въ 1863 году Тургеневъ надолго основался въ Баденъ-Баденѣ, гдѣ пріобрѣлъ себѣ рядомъ съ дачей Віардо прекрасную виллу. Здѣсь собиралось избранное образованное общество, съѣзжавшееся въ модный курортъ: писатели, артисты, государственные дѣятели; здѣсь же устраивались концерты и театральныя представленія съ уча-

іемъ Віардо; для этой любительской сцены Тургеневъ написалъ
всколько остроумныхъ оперетокъ, въ которыхъ и самъ участво-
алъ. Здѣсь же, въ Баденъ-Баденѣ, установились и связи Тургенева
многими извѣстными представителями нѣмецкой литературы.
послѣдствіи многія изъ произведеній Тургенева были переведены
нѣмецкій языкъ и стали пользоваться въ Германіи значительной
опулярностью. Тургеневъ былъ одинъ изъ первыхъ русскихъ пи-
телей, получившихъ признаніе на Западѣ; въ свою очередь онъ
ого старался о распространеніи тамъ интереса къ русской лите-
атурѣ: при его содѣйствіи изданы были переводы нѣкоторыхъ про-
веденій Пушкина, Гоголя, гр. Л. Толстого.

Тургеневъ въ Парижѣ.

Послѣ франко-прусской войны Тургеневъ, вмѣстѣ съ семьею
іардо, переселился въ 1871 г. въ Парижъ, гдѣ онъ въ окрестно-
яхъ города (въ Буживалѣ) купилъ себѣ дачу. Въ Парижѣ онъ
овелъ послѣднія 12 лѣтъ своей жизни, омраченныя частыми при-
упами мучительной болѣзни (подагры). Эта болѣзнь иногда пре-
тствовала его ежегоднымъ путешествіямъ въ далекую Россію.
время своей парижской жизни Тургеневъ близко сошелся съ
чшими современными французскими писателями: Флоберомъ,
оржъ Зандъ, Додэ, Золя; изъ нихъ онъ выше всего ставилъ
лобера, два разсказа котораго онъ самъ перевелъ на русскій
ыкъ. Тургеневъ также былъ однимъ изъ первыхъ, оцѣнившихъ
игинальный талантъ Мопассана.

Душевное настроеніе.

Однако жизнь вдали отъ родины была тяжела для Тургенева.
мья, среди которой онъ жилъ и которую осыпалъ благодѣяніями
ежду прочимъ онъ далъ крупное приданое обѣимъ дочерямъ
ки Віардо), все-таки во многихъ отношеніяхъ оставалась ему
утренно чуждой. Отсюда его постоянныя жалобы (въ письмахъ
друзьямъ) на одиночество, на „холодъ старости“, на душевную
удовлетворенность. Нерѣдко имъ овладѣвала тоска по родинѣ, и
ъ мечталъ о томъ, чтобы навсегда поселиться въ Россіи, но у
го не хватало силы воли для того, чтобы порвать отношенія,
зывавшія его съ французскимъ семействомъ, порвать съ много-
тними привычками. Эта слабость воли была кореннымъ недостат-
ъ характера Тургенева, въ которомъ онъ самъ неоднократно
знавался: оттого такъ хорошо была ему знакома психологія
быхъ, безвольныхъ людей, которые такъ часто встрѣчаются въ
произведеніяхъ.—Немало горечи доставляли Тургеневу и по-
лянныя нападки критики, которая послѣ „Отцовъ и Дѣтей“ встрѣ-
а каждое его новое произведеніе крайне недоброжелательно. За-
ѣло это оттого, что большая часть произведеній 1870—80-хъ
совъ (*Странная исторія*, *Степной король Лиръ*, *Вешнія воды*,
сы и др.) почти вовсе чужды широкихъ общественныхъ интере-
съ, въ нихъ не выводятся „общественные типы“, какъ въ большихъ
анахъ Тургенева, и они имѣютъ преимущественно *психологиче-
е* значеніе; въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ разсказовъ проби-
ется струя своеобразнаго *мистицизма*, котораго раньше не было
аѣтно въ творчествѣ Тургенева (*Сонъ*, *Пѣснь торжествующей*

Послѣднія произведенія.

любви, *Клара Миличъ*); между тѣмъ тогдашняя русская крити отличалась преимущественно публицистическимъ характеромъ и п тему должна была отнестись къ выбраннымъ Тургеневымъ тема несочувственно.—Но враждебное отношеніе къ Тургеневу журнал ной критики нисколько не мѣшало распространенію его популяр сти среди русскаго общества. Гуманныя и свѣтлыя чувства, кот рыми проникнуты его произведенія, не могли не встрѣтить се отзыва, особенно среди молодого поколѣнія. Эти симпатіи общест къ личности и къ творчеству Тургенева особенно ярко сказались время его послѣднихъ пріѣздовъ въ Россію. Въ 1880 году Тур невъ участвовалъ въ торжествахъ при открытіи памятника Пушки въ Москвѣ и произнесъ рѣчь о національномъ значеніи Пушки Рѣчь эта произвела большое впечатлѣніе. Повсюду, гдѣ онъ появлялся, публика его восторженно привѣтствовала. Московс университетъ избралъ его своимъ почетнымъ членомъ. Вообще в пребываніе Тургенева въ Москвѣ показало ему, какъ высоко п нитъ и любитъ его русское общество, и такимъ образомъ дос вило ему хоть позднее утѣшеніе среди испытанныхъ непріятносте Въ слѣдующемъ году онъ еще разъ пріѣзжалъ въ Россію, но в было уже его послѣднее пребываніе на родинѣ. Въ концѣ 1881 го онъ заболѣлъ, и эта болѣзнь, чрезвычайно упорная и мучительна постепенно разрушала его могучій организмъ, не поддаваясь ни кому лѣченію парижскихъ медицинскихъ знаменитостей. 22 авгу 1883 года Тургеневъ скончался въ Буживалѣ, близъ Парижа. Тѣ его было перевезено въ Петербургъ и погребено на Волковомъ кла бищѣ. Похороны Тургенева отличались необыкновенной торжестве ностью. Многотысячная толпа провожала до могилы тѣло любима писателя. Много депутацій было прислано на похороны отъ разны обществъ, отъ городовъ, учебныхъ заведеній, отъ печати и т. Масса вѣнковъ слѣдовала за гробомъ, а вся погребальная проце сія растянулась болѣе чѣмъ на двѣ версты. Такимъ образо похороны Тургенева представляли собой громадную манифестаці обнаружившую въ полной мѣрѣ всю ту любовь, которую пита русское общество къ почившему писателю.

2. Записки Охотника.

Отношеніе литературы къ народу.

Почти до половины XIX вѣка въ русской литературѣ не встр чается ни одного произведенія, посвященнаго изображенію крестья скаго быта: наиболѣе обширный классъ населенія оставался ка бы внѣ сферы литературныхъ интересовъ и наблюденій. *Ложн классическая* школа, *аристократическая* по духу, вовсе игн рировала простой, или какъ тогда выражались, „подлый“ народ только въ сатирическихъ журналахъ Новикова и его послѣдоват лей проскальзываетъ иногда выраженіе сочувствія къ тяжело положенію крѣпостного крестьянина, вмѣстѣ съ обличеніемъ злоу требленія и произвола помѣщиковъ. Писатели *сентиментально* направленія, наоборотъ, охотно выбирали своихъ героевъ, изъ н

Эпоха сентиментализма.

ихъ слоевъ населенія и, благодаря общему гуманному настроенію, войственному сентиментализму, съ сочувствіемъ относились къ этимъ редставителямъ народа. Однако, изображая народную жизнь и выодя народные типы (напр., Карамзинъ въ „Бѣдной Лизѣ", Пааевъ, Гнѣдичъ, бар. Дельвигъ въ своихъ „идилліяхъ"), они счиали какъ бы своимъ долгомъ *прикрасить* предметъ своего изораженія, и, вслѣдствіе такой ложной идеализаціи, изображеніе ихъ ишалось правдоподобія, а выведенныя лица напоминали какихъ-то антастическихъ „пейзанъ" или аркадскихъ пастушковъ, а не протыхъ русскихъ крестьянъ и крестьянокъ. *Романтизмъ*, вслѣдтвіе своего стремленія въ область необычайнаго и фантастическаго отчужденія отъ простой будничной дѣйствительности, также не ылъ склоненъ къ изображенію смиренной и бѣдной, лишенной ркихъ красокъ и внѣшней привлекательности жизни простого рускаго человѣка.—Однако въ романтическомъ движеніи былъ одинъ лементъ, который долженъ былъ оказать вліяніе на общественное астроеніе, въ смыслѣ распространенія интереса къ жизни и быту арода: романтики, враждуя противъ современной культуры, какъ звѣстно, искали своихъ идеаловъ въ давно минувшихъ эпохахъ и ротивопоставляли современное, испорченное культурой образованное бщество высшихъ слоевъ нетронутымъ ею народнымъ массамъ, реди которыхъ еще сохранились живые остатки старины, въ видѣ казокъ, преданій, повѣрій и т. д. Съ эпохи романтизма начиается поэтому усиленное собираніе и изученіе памятниковъ народаго творчества, которое вмѣстѣ съ тѣмъ становится благодарнымъ сточникомъ, изъ котораго писатели и поэты почерпаютъ сюжеты ія своихъ произведеній. У насъ въ Россіи романтизмъ былъ явлеемъ наноснымъ, заимствованнымъ, а не развился, какъ на Заадѣ, изъ историческихъ данныхъ, въ силу естественной литератрой эволюціи: поэтому большинство его представителей остались ь своемъ творчествѣ чужды русскому національному духу и польвались для своихъ произведеній большею частью иностранными ожетами (Жуковскій, Марлинскій, Кукольникъ, кн. Одоевскій). днако требованіе „народности" въ литературныхъ произведеніяхъ остепенно все болѣе и болѣе утверждается въ критикѣ и въ общевенномъ сознаніи (Надеждинъ, Полевой, Бѣлинскій), а въ творествѣ Пушкина, глубоко національномъ по духу и содержанію, это ребованіе получаетъ наконецъ себѣ полное удовлетвореніе: Пушинъ, первый представитель русскаго *художественнаго реализма*, ъ его простотой, близостью къ жизни и мягкой человѣчностью, есть мѣстѣ съ тѣмъ первый представитель русскаго національнаго духа ъ литературѣ.—Однако ни Пушкинъ, ни его ближайшіе преемники, ермонтовъ и Гоголь, не останавливались сколько-нибудь подробно а изображеніи жизни и быта русскаго крестьянства (Гоголь въ Вечерахъ" изображалъ малороссовъ, притомъ не касаясь вовсе ногихъ важнѣйшихъ сторонъ быта, напр., крѣпостного права), отя и относились къ русскому народу съ глубокимъ сочувствіемъ. о интересъ къ народу, къ изученію народности, пробужденный

Романтизмъ.

Пробужденіе интереса къ народной старинѣ.

Реалистическая школа: Пушкинъ и Гоголь

романтизмомъ, оказалъ, уже свое вліяніе на литературу и на общ
ство: *Пушкинъ* одинъ изъ первыхъ занялся *собираніемъ наро*
ныхъ пѣсенъ и сказокъ и самъ написалъ нѣсколько произведен
въ народномъ духѣ. Несмотря на свой байронизмъ, *Лермонтов*
также въ своемъ творчествѣ не остался чуждъ національному н
правленію, прекрасный образецъ котораго онъ далъ въ „Пѣсн
Кольцовъ. про купца Калашникова". Народнымъ пѣснямъ подражалъ ба
Дельвигъ и другіе; наконецъ въ лицѣ *Кольцова* явился въ ру
ской литературѣ настоящій народный поэтъ, давшій прекрасны
образцы художественной обработки народной поэзіи. Вмѣстѣ с
тѣмъ народная пѣсня обратила на себя вниманіе и съ другой ст
роны—музыкальной: композиторы начинаютъ пользоваться наро
ными мотивами для своихъ произведеній, стараются придать им
національный отпечатокъ: напр., *Верстовскій* (опера „Аскольдо
могила"), *Алябьевъ* (романсы) и др.; наконецъ *Глинка*, построи
шій на народныхъ мотивахъ свою знаменитую оперу „Жизнь
царя" (1836 г.), полагаетъ основаніе русской національной школ
въ музыкѣ.—Параллельно этому усвоенію литературой и иску
ствомъ національнаго содержанія шло дѣятельное собираніе и изуч
ніе произведеній народнаго творчества; въ этой области работал
Кирѣевскій („Русскія былины и пѣсни"), *Аѳанасьевъ* („Наро
ныя русскія сказки"), *Сахаровъ* („Сказанія русскаго народа
Даль („Пословицы русскаго народа") и мн. др.

Славянофильство.

Такой интересъ къ народному творчеству естественнымъ обр
зомъ долженъ былъ соединяться съ сочувствіемъ къ самому н
роду. Историческія событія, напр. Отечественная война, сблизи
шая всѣ сословія въ единомъ чувствѣ любви къ родинѣ и вызва
шая подъемъ національнаго духа, также способствовали пробужд
нію симпатій къ народнымъ массамъ. Въ этомъ направленіи ос
бенно усердно дѣйствовали *славянофилы*, цѣнившіе въ простом
народѣ ту *самобытность*, которую потеряли высшіе класс
усвоившіе западно-европейскую культуру.—Постепенно въ наибол
образованной части русскаго общества, подъ вліяніемъ распростр
ненія гуманныхъ идей, окончательно устанавливается сознаніе н
нормальности того положенія, въ которомъ находилась народна
Филантропическое направленіе. масса, благодаря существованію крѣпостного права. Это сознан
не могло наконецъ не проникнуть въ литературу, тѣмъ болѣе, ч
русская литература уже раньше отличалась своимъ гуманнымъ н
строеніемъ, своимъ сочувствіемъ къ слабымъ и угнетеннымъ („Бѣ
ная Лиза", „Станціонный смотритель", „Шинель"). Первымъ п
сателемъ, обратившимся къ изображенію народной жизни, взявшим
своихъ героевъ изъ простой крестьянской среды, былъ *Григор*
вичъ; въ 1846 году была напечатана его повѣсть „Деревня", котора
несмотря на нѣкоторые художественные недостатки, обратила на себ
вниманіе критики и публики новизною содержанія, картиной дер
венской жизни, крестьянскаго быта. Вслѣдъ за Григоровичем
выступилъ и Тургеневъ, напечатавшій въ 1847 году въ журнал
„Современникъ" небольшой очеркъ: „Хорь и Калинычъ".

„Записки Охотника“ состоятъ изъ ряда очерковъ и разсказовъ, между собой ничѣмъ не связанныхъ. Однако во всей книгѣ есть извѣстная цѣльность, которая обусловливается *единствомъ содержанія и настроенія*: предметомъ Тургенева было правдивое изображеніе народной жизни, а цѣлью—вызвать сочувствіе къ тяжелому положенію крѣпостного крестьянина. Первый очеркъ „Хорь и Калинычъ“ былъ напечатанъ въ 1847 г. и обратилъ на себя всеобщее вниманіе; вскорѣ затѣмъ Тургеневъ уѣхалъ за границу, и тамъ, живя большей частью въ Парижѣ, написалъ цѣлый рядъ другихъ разсказовъ изъ деревенской жизни; послѣ возвращенія Тургенева на родину, они были собраны въ одну книгу и вышли въ свѣтъ въ Москвѣ въ 1852 году.—Въ лицѣ Хоря и Калиныча Тургеневъ намѣтилъ *два основныхъ типа* русскаго крестьянина, составляющихъ *по своему духовному складу* и *по образу жизни* полную *противоположность* другъ другу: къ нимъ болѣе или менѣе подходитъ, съ нѣкоторыми индивидуальными различіями, большинство другихъ крестьянскихъ типовъ, выведенныхъ въ „Запискахъ Охотника“. Хорь, это—типъ *реалиста-практика*, Калинычъ—типъ *идеалиста-мечтателя*; оба они изображены съ положительной стороны и какъ бы дополняютъ собою другъ друга. У Хоря преобладаютъ *умъ* и *воля*, а Калиныча—*чувство*.

Записки Охотника.

Два основныхъ типа крестьянъ: Хорь и Калинычъ.

Въ Хорѣ Тургеневъ отмѣтилъ здравый смыслъ русскаго народа и его стойкость въ жизненной борьбѣ. Благодаря этимъ чертамъ характера, Хорь сумѣлъ отлично устроиться въ жизни. Онъ одаренъ проницательнымъ критическимъ умомъ, умѣетъ вѣрно понимать и опредѣлять людей: такъ, напр., онъ „насквозь видитъ“ своего барина, г. Полутыкина, передъ которымъ наивно благоговѣетъ его другъ Калинычъ. Въ своихъ поступкахъ онъ руководится здравымъ расчетомъ и жизненнымъ опытомъ, и потому рѣдко ошибается; по вѣрному соображенію своихъ выгодъ онъ поселился отдѣльно, на болотѣ, „подальше отъ господскаго двора“, и его отношенія къ барину ограничиваются тѣмъ, что Хорь исправно платитъ ему довольно значительный оброкъ и этимъ откупается отъ вмѣшательства въ свою жизнь; но по такимъ же соображеніямъ Хорь не хочетъ откупиться совсѣмъ на волю, потому что тогда онъ лишится защиты своего господина и „кто безъ бороды живетъ (т.-е. всякій чиновникъ), тотъ Хорю

Хорь, какъ реалистъ-практикъ.

и набольшій будетъ". Въ сношеніяхъ съ людьми Хорь осто-
роженъ, „крѣпокъ на языкъ"; о своихъ дѣлахъ онъ не лю-
битъ говорить съ посторонними и вообще отличается большо
сдержанностью въ проявленіи своихъ чувствъ и мыслей
жизненный опытъ пріучилъ его къ осмотрительности.

Кромѣ практической расчетливости, основой благосостоя-
нія Хоря является его настойчивость, трудолюбіе и домови-
тость. Хорь—хорошій хозяинъ, онъ не любитъ сидѣть без
работы: поэтому домъ у него—полная чаша; на всемъ лежит
отпечатокъ довольства и прочности. Многочисленная семья
Хоря живетъ дружно, не раздѣляясь. Среди нея Хорь дер-
житъ себя настоящимъ патріархомъ, родовладыкой; онъ тре-
буетъ себѣ повиновенія, никому не отдаетъ отчета въ своих
намѣреніяхъ и поступкахъ, но въ то же время нисколько не
деспотиченъ, не придирается по пустякамъ. Оттого всѣ до-
машніе относятся къ нему съ искренней любовью и уваже-
ніемъ, а любимецъ Ѳедя иногда даже позволяетъ себѣ добро-
душно подшутить надъ старикомъ.

Наслѣдіемъ невѣжественной старины является у Хоря
его взглядъ на женщинъ, какъ на существа низшія, пусты
и достойныя презрѣнія; онъ цѣнитъ въ нихъ лишь рабочу
силу: по его мнѣнію, „баба мужику слуга"; впрочемъ его
злая и сварливая жена, притѣснявшая своихъ невѣстокъ и
любившая безъ толку „лаяться" съ прохожими, могла только
укрѣпить въ немъ такой презрительный взглядъ. Однако
Хорь не привязанъ слѣпо къ старинѣ: не будучи самъ гра-
мотенъ, онъ обучилъ грамотѣ своего младшаго сына, так
какъ сознаетъ ея пользу. Вообще все полезное, разумное вы-
зываетъ его сочувствіе и одобреніе; слушая разсказы автора
про чужія страны, Хорь интересуется преимущественно их
общественнымъ бытомъ и административными учрежденіями
одно одобряетъ, другое отвергаетъ, и очень здраво судит
при этомъ, что „пошлò бы у насъ" и что „не пошлò": эти
размышленія Хоря даютъ автору поводъ сопоставить его с
Петромъ Великимъ, который, по убѣжденію автора „былъ п
преимуществу русскій человѣкъ, русскій именно въ своих
преобразованіяхъ", такъ какъ „русскій человѣкъ такъ увѣ-
ренъ въ своей силѣ и крѣпости, что не прочь и поломат
себя: что хорошо—то ему и нравится, что разумно—того ем
и подавай, а откуда оно идетъ—ему все равно".

Однако при своей житейской практичности и разсудоч-
омъ складѣ, Хорь вовсе не дурной и не черствый человѣкъ:
ь его характерѣ есть черты добродушія и доброжелатель-
тва, проявляющіяся, напр., въ его отношеніяхъ къ Кали-
ычу, котораго онъ любитъ за его добросердечность и ува-
аетъ за нѣкоторыя особенныя „способности“: за умѣнье
бращаться съ пчелкой Божіей, за искусство заговаривать
ровь и испугъ, за то, что у него—„рука легкая“: несмотря
а свой критическій и скептическій умъ, Хорь, очевидно,
се-таки не въ силахъ былъ освободиться отъ нѣкоторыхъ
наслѣдованныхъ суевѣрій.

Однодворецъ Овсяниковъ.

Къ Хорю по характеру близко подходитъ *однодворецъ Овся-
иковъ*. Проницательный умъ, практичность и домовитость
акже составляютъ его отличительныя черты; по своему ду-
овному складу и развитію, онъ даже стоитъ выше Хоря:
го объясняется отчасти тѣмъ, что ему, какъ не крѣпостному,
ще приходилось сходиться съ помѣщиками и людьми бо-
ѣе образованными и бывалыми; съ нѣкоторыми изъ нихъ
ъ даже водитъ дружбу, напр., съ мусье Леженемъ, рус-
имъ дворяниномъ изъ французскихъ барабанщиковъ. Рѣзче,
ъмъ у Хоря, выступаетъ въ характерѣ Овсяникова также
рта *добродушія* и *благожелательства*: несмотря на то, что
у много пришлось пережить, онъ сохранилъ свѣтлый взглядъ
жизнь и доброе отношеніе къ людямъ, съ которыми онъ
ращается съ бо́льшею довѣрчивостью, чѣмъ Хорь, и больше
дитъ въ нихъ хорошихъ сторонъ. Душевная мягкость его
дна и въ отношеніяхъ къ женѣ, съ которой онъ живетъ
ша въ душу. Привѣтливость и гостепріимство, характери-
ющія Овсяникова, являются слѣдствіемъ его искренней
роты, которая проявляется, напр., въ его отношеніяхъ къ
тѣ: хотя онъ и выговариваетъ племяннику за его горяч-
сть и неосмотрительность, однако ему видимо нравится въ
тѣ его любовь къ правдѣ и справедливости, и онъ, на-
олько можетъ, оказываетъ ему свою поддержку.—Среди окру-
ющихъ Овсяниковъ пользуется большимъ уваженіемъ: къ
му даже обращаются нерѣдко за совѣтомъ и за рѣшеніемъ
орныхъ дѣлъ, потому что довѣряютъ его справедливости и
пристрастію. И по внѣшности Овсяниковъ производитъ вы-
чное впечатлѣніе: величавое спокойствіе, соединенное съ

Сходство и различіе съ Хоремъ.

благодушіемъ, свѣтится въ его лицѣ и сказывается во вс
его повадкѣ; этими чертами Овсяниковъ напоминаетъ авто
старинныхъ русскихъ бояръ до-Петровской эпохи: „ферязь
къ нему пристала“, замѣчаетъ онъ по этому поводу.—Вооб
Овсяниковъ былъ „человѣкомъ стараго вѣка“, во много
придерживался старины, старинныхъ обычаевъ. Однако,
замѣчанію автора, „душа у него была довольно свободная
и потому онъ былъ далекъ отъ слѣпого пристрастія къ с
ринѣ и многое въ быломъ вѣкѣ не вызывало его сочувств
Такъ, напр., вспоминая о дѣдушкѣ разсказчика, „властно
человѣкѣ“ (въ которомъ Тургеневъ дѣйствительно изобр
зилъ отца своей матери—Лутовинова), вспоминая о тѣхъ пр
тѣсненіяхъ и обидахъ, которыя приходилось терпѣть отъ не
людямъ мелкимъ и беззащитнымъ, Овсяниковъ съ удовлет
реніемъ замѣчаетъ, что подобные порядки и отношенія ста
теперь невозможными, что времена измѣнились къ лучшему,
а вашимъ дѣткамъ еще лучше будетъ, Богъ дастъ“, зам
чаетъ Овсяниковъ въ заключеніе.

Калинычъ, какъ типъ идеалиста.

Полную противоположность Хорю представляетъ его дру
Калинычъ. Это, по опредѣленію Тургенева, *идеалистъ*-р
мантикъ“. Въ противоположность разсудительному, практи
ному и дѣятельному Хорю, Калинычъ — *натура восторже
ная и мечтательная*. Его не тянетъ устраивать свой дом
онъ не заботится о будущемъ и перебивается кое-какъ. Кр
тость и незлобивость, способность къ сильной и безкорыстн
привязанности (къ Хорю, къ г. Полутыкину), младенческ
ясность души и наивная нѣжность въ способѣ проявлен
своихъ чувствъ (онъ является къ Хорю съ пучкомъ полев
земляники, набранной для друга), наконецъ, глубокая л
бовь къ природѣ,—вотъ основныя черты нравственной пр
роды Калиныча. Въ противоположность раціоналисту Хор
Калинычъ живетъ преимущественно чувствами: „онъ не л
билъ разсуждать и всему вѣрилъ слѣпо“, замѣчаетъ автор
Въ то время какъ Хорь тѣснѣе связанъ съ жизнью и инт
ресами людей, общества,—Калинычъ *стоитъ ближе къ пр
родѣ*: въ разсказахъ автора о чужихъ краяхъ его преимущ
ственно занимали описанія горъ, водопадовъ, всякихъ чуде
природы и искусства. Въ душѣ Калиныча есть поэтическ
жилка; онъ живо чувствуетъ красоты Божьяго міра и н

Отношеніе къ природѣ.

слаждается ими. Не заботясь о своемъ хозяйствѣ (отъ котораго, кромѣ того, его постоянно отрываетъ его помѣщикъ, г. Полутыкинъ), Калинычъ проводитъ дни свои на лонѣ природы, въ поэтическомъ созерцаніи, слѣдитъ за всѣми явленіями ея, наблюдаетъ нравы и обычаи животныхъ, и потому умѣетъ съ ними обращаться.

Еще рѣзче эти черты выступаютъ въ личности *Касьяна* („Касьянъ съ Красивой Мечи"). Это—человѣкъ „не отъ міра сего". Къ практической жизни среди людей, къ жизненной борьбѣ, онъ совершенно неспособенъ. „Ничѣмъ я не промышляю,—говоритъ онъ о себѣ,—неразуменъ я больно, съ мальства; работникъ-то я плохой... гдѣ мнѣ! Здоровья нѣтъ, и руки глупы". Крестьяне смотрятъ на него, какъ на юродиваго, и относятся къ нему нѣсколько презрительно; „чудной человѣкъ, несообразный", отзывается о немъ одинъ изъ нихъ. Но Касьянъ нисколько не обижается такимъ отношеніемъ, такъ же какъ не жалуется онъ на свою судьбу, обидѣвшую его здоровьемъ и тѣлесными силами. Смиреніе, безропотная покорность составляютъ его отличительную черту: его вмѣстѣ съ другими мужиками переселили со старыхъ, родныхъ мѣстъ, гдѣ жилось хорошо и привольно, на мѣста гораздо худшія,—но Касьянъ и на это не жалуется: „ну, опека, конечно, справедливо разсудила; видно ужъ такъ пришлось", замѣчаетъ онъ по этому поводу.—Живя какъ бы внѣ человѣческаго общества, Касьянъ еще ближе, чѣмъ Калинычъ, стоитъ къ природѣ. Онъ знаетъ свойство всякой травки, умѣетъ ухаживать за пчелами, ловить соловьевъ, пѣніе которыхъ наполняетъ его душу „сладкой жалостью". Красота и величіе Божьяго міра глубоко волнуютъ и восхищаютъ его. Чуждый практической дѣятельности, онъ проводитъ жизнь въ поэтическомъ созерцаніи и въ безцѣльныхъ странствіяхъ по родному краю. Поэтическими чертами описываетъ онъ эти странствія: „Человѣкъ я безсемейный, непосѣдъ,—говоритъ онъ. Да и что! много, что ли дома-то высидишь? А вотъ, какъ пойдешь, какъ пойдешь, подхватилъ онъ, возвысивъ голосъ,—и полегчитъ, право. И солнышко на тебя свѣтитъ, и Богу-то ты виднѣй; и поется-то ладнѣе. Тутъ смотришь,—трава какая растетъ: ну замѣтишь,—сорвешь, вода тутъ бѣжитъ, напримѣръ, ключевая, родникъ: святая вода; ну напьешься,—замѣтишь тоже. Птицы поютъ небесныя... А то, за Курскомъ

Касьянъ съ Красивой Мечи.

Нравственныя черты

Отношенія къ природѣ и къ людямъ.

пойдутъ степи, этакія степныя мѣста, вотъ удивленіе, вотъ удовольствіе человѣку, вотъ раздолье-то, вотъ Божія-то благодать! И идутъ онѣ, люди сказываютъ, до самыхъ теплыхъ морей, гдѣ живетъ птица Гамаюнъ сладкогласная, и съ деревьевъ листъ ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоки растутъ золотыя, на серебряныхъ вѣткахъ, и *живетъ всякъ человѣкъ въ довольствѣ и справедливости*". Послѣднія слова Касьяна особенно знаменательны, такъ какъ бросаютъ свѣтъ на причины его отчужденія отъ людей и жизни; причины эти заключаются вовсе не въ равнодушіи или нелюбви къ людямъ, а въ сознаніи, что „справедливости въ человѣкѣ нѣтъ": кроткую и чуткую душу Касьяна смущаютъ зло и страданіе, царящія въ человѣческомъ обществѣ, онъ не можетъ выносить ихъ вида, уходитъ отъ людей, „отъ грѣха". И не онъ одинъ надѣленъ такой нравственной чуткостью: „много другихъ крестьянъ,— говоритъ онъ,—въ лаптяхъ ходятъ, по міру бродятъ, *правды ищутъ*"... Но живя въ отчужденіи отъ людей, Касьянъ все-таки думаетъ о нихъ, старается принести имъ пользу, чѣмъ можетъ: онъ собираетъ цѣлебныя травы, лѣчитъ обращающихся къ нему крестьянъ и слыветъ среди нихъ знахаремъ. Съ трогательной нѣжностью относится онъ также и къ своей дочкѣ Аннушкѣ. Вообще все слабое, беззащитное вызываетъ его симпатію, и эта симпатія распространяется не только на людей, но и на животныхъ. Его кроткая душа любовно объемлетъ все живущее вообще: всякое насиліе и страданіе его глубоко возмущаютъ, поэтому, когда охотникъ убиваетъ птичку, онъ обращается къ нему съ горькимъ негодованіемъ: „великій грѣхъ показать свѣту кровь, великій грѣхъ и страхъ... Охъ, великій!"

Лукерья («Живыя Мощи»).

Нѣкоторыя характерныя черты Касьяна повторяются и у *Лукерьи* („Живыя Мощи"). Та же душевная чистота и кротость, та же безропотная покорность, то же отсутствіе заботы о себѣ, личнаго эгоизма, та же любовь къ природѣ,— вотъ общія ихъ нравственныя качества. Характерной же особенностью Лукерьи является свойственная ей въ высокой степени *сила терпѣнія*. Эпиграфъ, взятый изъ Тютчева, показываетъ, что въ этой силѣ терпѣнія Тургеневъ видѣлъ типическую черту національнаго характера, сложившуюся подъ вліяніемъ тяжелыхъ естественныхъ и историческихъ условій жизни русскаго народа, развившихъ въ немъ пассивное терпѣ-

ніе и выносливость.—Эта душевная сила основана у Лукерьи на ея глубокой *религіозности*, которая помогла ей сохранить спокойную ясность души, свѣтлый взглядъ на жизнь и отзывчивость къ чужому страданію. Несчастіе не озлобило ея, а смягчило ея душу. Она несетъ свой крестъ не только безропотно, но и радостно, потому что смотритъ на страданіе, какъ на искупленіе грѣховъ,—какъ своихъ, такъ и чужихъ. Свое терпѣніе она даже не вмѣняетъ себѣ въ особую заслугу, указывая на терпѣніе угодниковъ Божіихъ, на самоотверженный подвигъ дѣвы—освободительницы своей родины (Жанна д'Аркъ). На свое положеніе она не жалуется и даже говоритъ: „Нѣтъ, что Бога гнѣвить? — многимъ хуже моего бываетъ"; она даже ухитряется находить еще въ жизни свои радости; весеннее пробужденіе природы, пѣнье птицъ, принесенные цвѣты, забѣжавшій къ ней въ сарайчикъ заяцъ („все носомъ водилъ и усами дергалъ—настоящій офицеръ",—шутитъ она),—все это доставляетъ ей минуты тихаго удовольствія.—Въ ней нѣтъ и тѣни эгоизма; она словно отрѣшилась отъ своего *я*, отъ личныхъ заботъ и желаній: она даже у Бога не проситъ себѣ никакой милости, говоря, что нечего наскучивать Ему просьбами и что Онъ лучше знаетъ, кто въ чемъ нуждается. Нѣтъ въ ней зависти и къ другимъ людямъ, къ чужому счастью, вообще никакого нехорошаго, злобнаго чувства; недаромъ она говоритъ: „отъ меня самъ грѣхъ отошелъ". Напротивъ того, ничего не прося для себя лично, она пользуется случаемъ для того, чтобы походатайствовать за другихъ, просить сбавить оброка съ крестьянъ, указывая на ихъ бѣдность и малоземелье

Разсказъ „Бѣжинъ Лугъ" посвященъ изображенію крестьянскихъ дѣтей. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ узнаемъ мы уже знакомыя типическія черты: такъ, напр., разсудительный энергичный и рѣшительный Павлуша по характеру напоминаетъ Хоря, между тѣмъ, какъ нѣжный и мечтательный Костя, заглядывающійся на звѣзды и грезящій о дальнихъ краяхъ за теплыми морями, ближе подходитъ къ типу Калиныча и Касьяна. Особнякомъ отъ нихъ стоитъ Ильюша, мальчикъ, работающій на фабрикѣ, существо забитое и запуганное.—Общая черта, характеризующая всѣхъ мальчиковъ, заключается въ ихъ склонности къ суевѣрію, коренящейся въ

Типы крестьянскихъ дѣтей.

глубокомъ невѣжествѣ, свойственномъ крестьянской средѣ. Но у каждаго изъ нихъ замѣчается нѣкоторая разница въ оттѣнкахъ суевѣрныхъ представленій. У забитаго и запуганнаго Ильюши они носятъ мрачный колоритъ и отличаются безобразной формой (домовой, лѣшій), потому что порождены страхомъ: онъ вѣритъ въ нихъ безусловно. У Кости фантастическіе образы отличаются бо́льшею красотой, поэтическимъ характеромъ (разсказъ о русалкѣ). Наконецъ, Павлуша, хотя и нечуждъ суевѣрія (онъ слышитъ голосъ утонувшаго мальчика), но не отдается власти страха, сохраняетъ спокойствіе и самообладаніе даже въ минуты, когда, подъ вліяніемъ фантастическихъ разсказовъ, душа становится особенно воспріимчива къ чувству страха: онъ отправляется одинъ къ рѣкѣ за водою, одинъ, безъ хворостины, бросается за собаками, почуявшими волка. Вмѣстѣ съ тѣмъ у Павлуши замѣчается склонность объяснять естественнымъ образомъ такія явленія, въ которыхъ другіе видятъ черты сверхъестественнаго. Въ его душѣ какъ бы происходитъ борьба между силой разума и силой традиціонныхъ суевѣрныхъ представленій; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ даже готовъ отнестись къ нимъ иронически (напр., при разсказѣ о Тришкѣ). Тургеневъ съ большой симпатіей рисуетъ образъ этого мальчика и съ сожалѣніемъ заканчиваетъ разсказъ замѣчаніемъ о его преждевременной смерти. Вообще „Бѣжинъ Лугъ“ принадлежитъ къ числу лучшихъ очерковъ изъ „Записокъ Охотника“; кромѣ мастерскихъ портретовъ крестьянскихъ ребятъ, здѣсь особенно замѣчательны прекрасныя картины природы, напр., картина лѣтней ночи, которая своей таинственной прелестью вполнѣ гармонируетъ съ содержаніемъ разсказа.

Изъ другихъ крестьянскихъ типовъ въ „Запискахъ Охотника“ замѣчательны: *охотникъ Ермолай*, въ характерѣ котораго страннымъ образомъ сочетаются полная беззаботность и непосѣдливость съ удивительною находчивостью въ нужные моменты (приключеніе съ лодкой), внѣшняя суровость и грубость обращенія съ жалостью и отзывчивостью къ чужимъ страданіямъ („Ермолай и Мельничиха“). Въ лицѣ угрюмаго, нелюдимаго лѣсника, получившаго за свой тяжелый характеръ прозваніе *бирюка*, Тургеневъ изобразилъ чуткое *сознаніе своего долга*, строгое отношеніе къ своимъ обязанностямъ. „Бирюкъ“ говоритъ про себя: „должность свою справляю: даромъ господскій хлѣбъ ѣсть не приходится“. Но авторъ показалъ и въ этомъ суровомъ человѣкѣ (котораго притомъ только что постигла

емейная бѣда), душевную отзывчивость къ чужому горю: онъ ывелъ его какъ разъ въ такой моментъ, когда въ его душѣ происходитъ *борьба между чувствомъ долга и состраданіемъ*. оканчивающаяся побѣдой послѣдняго.

На ряду съ другими высокими нравственными качествами простого русскаго человѣка, Тургеневъ показалъ въ его душѣ также и глубокую *эстетическую воспріимчивость*. Въ разказѣ „Пѣвцы“ онъ изобразилъ отношеніе русскаго народа къ искусству, въ той формѣ, которая ему наиболѣе доступна, т.-е. въ формѣ пѣнія. Онъ описываетъ здѣсь состязаніе пѣвцовъ въ деревенскомъ кабачкѣ, передъ публикой, состоящей большей частью изъ трактирныхъ завсегдатаевъ. Личности обоихъ соперниковъ рѣзко отличаются другъ отъ друга, и та разница отражается въ ихъ пріемахъ пѣнія, въ тонѣ и характерѣ пѣсенъ и въ произведенномъ впечатлѣніи. Одинъ изъ нихъ, мѣщанинъ-рядчикъ, бойкій и самодовольный малый, выступаетъ на состязаніе съ веселой плясовой пѣсней, полной силы и удали. Другой,—Яковъ - Турокъ, фабричный рабочій, человѣкъ съ натурой глубокой, восторженной и страстной, „художникъ въ душѣ“, по опредѣленію самого автора, выбралъ грустную, заунывную пѣсню, — и сразу приковалъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Глубокая искренность чувства и сила лирическаго подъема обезпечили ему побѣду надъ соперникомъ. Яковъ самъ увлекается своимъ пѣніемъ, забываетъ о слушателяхъ, о цѣли состязанія, вкладываетъ всю свою душу въ звуки пѣсни; въ ней была „и неподдѣльная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-безпечная грустная скорбь; русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала въ ней, и такъ и хватала васъ за сердце, хватала прямо за его русскія струны“. Русская народная пѣсня вообще отличается грустнымъ, минорнымъ складомъ: очевидно, этотъ складъ соотвѣтствуетъ настроенію, преобладающему въ національномъ характерѣ и воспитанному, быть можетъ, всей совокупностью условій русской народной жизни. Недаромъ Пушкинъ сказалъ („Домикъ въ Коломнѣ“).

Пѣвцы.

...всей семьей,
Отъ ямщика до перваго поэта
Мы всѣ поемъ уныло...
Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ музъ, и дѣвъ,
Но нравится ихъ жалобный напѣвъ!

Этотъ глубоко національный характеръ его пѣнія, вмѣст съ неподдѣльною искренностью вложеннаго чувства, рѣшил споръ въ пользу Якова. Отъ его пѣнія въ душу каждаго из слушателей вѣяло чѣмъ-то роднымъ и близкимъ, безконечн широкимъ и безконечно дорогимъ; оно пробуждало въ них лучшія чувства, проникало до глубины души. Между тѣм какъ пѣніе рядчика только „потѣшило“ слушателей, по вы раженію Обалдуя,—пѣніе Якова глубоко растрогало всѣхъ даже у Дикаго Барина выступили слезы, не говоря уже женѣ цѣловальника и „сѣромъ мужичкѣ“, которые плакал навзрыдъ. Окончаніе пѣсни рядчика вызвало у всѣхъ шум ныя выраженія восторга и одобренія, послѣ же пѣнія Яков въ первую минуту никто не могъ произнести ни слова и слу шатели стояли словно очарованные: такъ глубоко взволновал всѣхъ его пѣсня. Чистое, возвышающее душу вѣяніе искус ства ворвалось въ смрадный и темный деревенскій кабакъ заставило присутствующихъ хоть на мигъ отрѣшиться от житейской пошлости, мелочности и грязи. Среди этихъ при сутствующихъ были люди, различные по характеру, по заня тіямъ и образу жизни; но всѣ они оказываются въ одинаково мѣрѣ доступными просвѣтляющему воздѣйствію искусства и въ моментъ такого воздѣйствія объединяются въ одном чувствѣ чистаго, не-эгоистическаго наслажденія. Тургенев потому именно и остановился болѣе подробно на характери стикѣ каждаго изъ слушателей (подробнѣе, чѣмъ на ха рактеристикѣ самихъ пѣвцовъ), чтобы показать чуткую отзы чивость къ искусству, свойственную простому русскому че ловѣку, въ какое бы положеніе ни поставила его судьба.

Положительныя черты народнаго характера.

Такимъ образомъ въ „Запискахъ Охотника“ Тургеневым отмѣченъ въ выведенныхъ типахъ изъ крестьянской сред цѣлый рядъ положительныхъ и симпатичныхъ качествъ: ум и энергія (Хорь), нравственная чуткость и стремленіе к добру и правдѣ (Касьянъ), религіозность и терпѣніе (Лукерья чувство долга („Бирюкъ“), кротость и преданность (Калинычъ находчивость (Ермолай), самообладаніе („Смерть“), эстетиче ское чувство („Пѣвцы“). Наконецъ, есть въ нихъ еще одн общая черта, присущая всѣмъ, несмотря на разницу въ ха рактерѣ, и составляющая глубокую національную особенност русскаго человѣка вообще: это — *простота*, естественност

въ словахъ и поступкахъ, отсутствіе рисовки и фразерства,— черта, очень высоко цѣнимая самимъ Тургеневымъ.

Нетрудно понять, почему Тургеневъ останавливался преимущественно на положительныхъ сторонахъ народнаго характера: задачей его было вызвать сочувствіе къ народу, къ его тяжелому положенію подъ гнетомъ крѣпостного права, показать, какой богатый запасъ нравственныхъ и умственныхъ силъ таится въ простомъ и невѣжественномъ крестьянинѣ. Но какъ правдивый художникъ, художникъ-реалистъ, Тургеневъ не могъ не обратить вниманія и на обратную сторону медали, не могъ упустить изъ виду и *отрицательныхъ типовъ* крестьянской среды. Къ числу ихъ принадлежатъ: *бурмистръ Софронъ* (въ разсказѣ „Бурмистръ"), угнетающій подвластныхъ ему крестьянъ и обогащающійся на ихъ счетъ: въ немъ впервые уловлены типическія черты тѣхъ „кулаковъ" и „міроѣдовъ", которые затѣмъ неоднократно обращали на себя вниманіе русскихъ писателей; обращаясь съ бариномъ съ раболѣпнымъ подобострастіемъ, называя его „отцомъ и милостивцемъ", онъ въ то же время обманываетъ его и распоряжается имѣніемъ и крестьянами, какъ своею собственностью. „Собака, а не человѣкъ, — отзываются о немъ крестьяне, — такой собаки до самого Курска не найдешь". Софрона близко напоминаетъ по характеру и отношенію къ крестьянамъ и господамъ *главный конторщикъ Николай Еремѣичъ* (въ разсказѣ „Контора"), обманывающій свою барыню и преслѣдующій изъ личныхъ видовъ тѣхъ дворовыхъ, которые не хотятъ ему во всемъ подчиняться (напр., фельдшера Павла). Къ числу отрицательныхъ типовъ принадлежитъ и *камердинеръ Викторъ* („Свиданіе"); вообще *дворовые и крѣпостная прислуга*, оторванные отъ правильнаго и здороваго труда и поставленные въ ближайшую зависимость отъ произвола и расположенія господъ, легче подвергались нравственной порчѣ, чѣмъ простые тягловые крестьяне: поэтому типы дворовыхъ у Тургенева вообще менѣе симпатичны, чѣмъ типы крестьянъ-земледѣльцевъ.

Отрицательные типы.

Касаясь *отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ*, Тургеневъ остается такимъ же правдивымъ, спокойно объективнымъ художникомъ. Онъ не выбираетъ для своего изображенія какихъ-либо исключительныхъ случаевъ притѣсненія и жестокостей, не сгущаетъ преднамѣренно красокъ для того, чтобы поразить читателей ужа-

Отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ.

сомъ и омерзѣніемъ: онъ рисуетъ крѣпостное право съ будничной, обычной стороны, изображаетъ явленія заурядныя, массовыя, — но этотъ художественный пріемъ еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе, потому что благодаря ему авторъ освобождается отъ упрековъ въ тенденціозности, въ преднамѣренномъ подборѣ фактовъ и въ ложномъ ихъ освѣщеніи. Но сами описанные факты говорятъ достаточно ясно, и потому Тургеневъ, оставаясь правдивымъ бытописателемъ эпохи крѣпостного права, въ то же время является и ея краснорѣчивымъ обвинителемъ.—Характеризуя отношеніе помѣщиковъ къ крѣпостнымъ „подданнымъ" преимущественно съ отрицательной стороны, Тургеневъ, какъ объективный художникъ, избѣгаетъ односторонности освѣщенія, рисуя на ряду съ отрицательными, также и симпатичные типы помѣщиковъ: таковы: мягкосердечный и слабый Каратаевъ,—взбалмошный, но благородный Чертопхановъ, добрая и простая Татьяна Борисовна.—Одни изъ помѣщиковъ относятся къ судьбѣ своихъ подвластныхъ съ полнымъ равнодушіемъ (какъ г. Полутыкинъ и хозяинъ Ермолая), не заботясь о нихъ, предоставляя имъ устраиваться, какъ сами знаютъ; другіе поручаютъ управленіе имѣніями и крѣпостными людьми своимъ приказчикамъ, которые часто пользуются ихъ довѣріемъ въ цѣляхъ личнаго обогащенія: въ такомъ положеніи находится, напр., бурмистръ Софронъ, про котораго окрестные мужики говорятъ: „Да вѣдь Шипиловка только что числится за тѣмъ, какъ бишь его, за Пѣнкинымъ-то (помѣщикомъ); вѣдь не онъ ею владѣетъ: Софронъ владѣетъ. Крестьяне ему кругомъ должны; работаютъ на него, словно батраки... затормошилъ совсѣмъ".—Но чаще всего Тургеневъ обращаетъ вниманіе на тѣ явленія крѣпостного быта, въ которыхъ выражалось принадлежавшее помѣщикамъ право вмѣшательства въ личную жизнь крестьянъ, безотчетное распоряженіе ихъ участью. Эта личная зависимость была для крѣпостныхъ еще тяжеле, чѣмъ матеріальная, и хотя правительство издавна старалось указами ограничить власть помѣщиковъ (запрещая, напр., продавать семьи крестьянъ въ розницу), однако, все-таки у нихъ оставалось широкое поле для произвола и злоупотребленій вмѣстѣ съ привычкой смотрѣть на крестьянъ, какъ на безотвѣтныхъ животныхъ, у которыхъ нѣтъ и не можетъ быть своей воли. Конечно, не всѣ помѣщики пользовались своимъ правомъ для притѣсненія крестьянъ, многіе даже тяготились предоставленной имъ властью и среди наиболѣе образованной части дворянства постепенно созрѣвала мысль о необходимости полнаго освобожденія крестьянъ. Тургеневъ въ „Запискахъ Охотника" выступаетъ убѣжденнымъ проводникомъ этой идеи, въ живыхъ образахъ выставляя произволъ и безправіе, характеризующіе крѣпостныя отношенія.—

Положеніе дворовыхъ.

Зависимость отъ господскаго каприза тяжело отражалась на самомъ характерѣ крестьянина, особенно двороваго, превращая его въ существо безличное, безвольное и запуганное. Яркимъ примѣромъ въ данномъ случаѣ можетъ служить „господскій рыболовъ" Сучокъ (въ разсказѣ „Льговъ"), переходившій въ теченіе своей долгой жизни изъ рукъ въ руки, служившій и поваромъ, и „фалеторомъ",

и доѣзжачимъ, и актеромъ, и „кофишенкомъ“, и кучеромъ и относящійся къ собственной судьбѣ съ какимъ-то безчувственнымъ равнодушіемъ. Въ еще болѣе трагическое положеніе попадали тѣ изъ дворовыхъ, которымъ помѣщики, ради своихъ цѣлей или прихотей, давали нѣкоторое образованіе, не снимая съ нихъ однако крѣпостной зависимости: въ такомъ положеніи находится фельдшеръ Павелъ („Контора“), поставленный въ зависимость отъ грубаго и корыстолюбиваго главнаго конторщика, преслѣдующаго дѣвушку, на которой Павелъ хочетъ жениться.—Вообще вмѣшательство помѣщиковъ въ интимную личную жизнь подвластныхъ часто приводитъ къ трагическимъ результатамъ, разбивая ихъ существованіе, дѣлая ихъ глубоко несчастными. Такова судьба Арины („Ермолай и мельничиха“) и Матрены („П. П. Каратаевъ“). Когда Арина проситъ позволенія выйти замужъ за любимаго человѣка, ея помѣщикъ, г. Звѣрковъ, смотритъ на это желаніе, какъ на проявленіе дерзости и черной неблагодарности по отношенію къ его женѣ, произведшей Арину въ главныя горничныя къ своей особѣ.—настолько глубоко убѣжденъ онъ въ своемъ правѣ распоряжаться чужой жизнью по своимъ соображеніямъ. Точно такъ же и въ другомъ разсказѣ старушка-помѣщица, составившая себѣ „отъ скуки“ планъ женить Каратаева на своей компаньонкѣ, ни за что не соглашается уступить ему Матрену, хотя онъ предлагаетъ за нее крупный выкупъ; дѣло кончается печально, какъ для Каратаева, такъ и для бѣдной дѣвушки, которая тайкомъ бѣжала къ нему, но затѣмъ добровольно выдала себя, не желая подвергать любимаго человѣка полному разоренію. Такіе и подобные факты были заурядным явленіемъ въ эпоху крѣпостного права, — и Тургеневъ не могъ ихъ пропустить безъ вниманія, потому что они громче всего свидѣтельствовали о ненормальности такого положенія, при которомъ крестьянинъ разсматривался лишь какъ рабочая сила или даже какъ неодушевленная вещь, которою можно распоряжаться по своему произволу.

Значеніе „Записокъ Охотника“ весьма велико и много-различно: кромѣ чисто художественнаго, онѣ имѣютъ также историческое, а въ свое время имѣли и крупное общественное значеніе. Значеніе Записокъ Охотника.

Художественное значеніе „Записокъ“ зависитъ отъ тонкой наблюдательности автора, отъ полноты и вѣрности его характеристикъ, отъ жизненности его изображенія, въ которомъ нѣтъ ничего надуманнаго, неестественнаго, преднамѣреннаго (тенденціознаго),—наконецъ, отъ множества мастерскихъ картинъ великорусской природы, проникнутыхъ тонкой поэзіей и красотой; многіе изъ разсказовъ какъ бы вставлены въ рамку изъ такихъ поэтическихъ описаній, при чемъ нарисованныя картины природы обыкновенно гармонируютъ съ содержаніемъ разсказа и свидѣтельствуютъ о любви автора

къ родной природѣ и о тонкомъ чутьѣ ея красотъ. *Общ ственное* значеніе „Записокъ“ заключается въ томъ, что, во буждая интересъ и сочувствіе къ крестьянской массѣ, пок зывая, что, несмотря на тяжелыя условія жизни, въ крѣп стномъ рабѣ все-таки сохранились лучшія человѣческія черт онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ являлись краснорѣчивой проповѣдь гуманности и протестомъ противъ крѣпостного права. Св *историческое* значеніе, въ качествѣ правдивой картины кр постного быта, „Записки Охотника“ сохраняютъ и до сих поръ; кромѣ того онѣ и въ свое время сыграли важную ист рическую роль: по словамъ самого императора Александра I эти разсказы Тургенева, бывшіе въ эту эпоху его настол ной книгой, окончательно опредѣлили его намѣреніе осв бодить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; такимъ обр зомъ въ лицѣ Тургенева русская литература сослужила р динѣ важную и незабвенную службу.

3. Рудинъ.

Художественные недостатки романа.

Романъ „Рудинъ“ написанъ Тургеневымъ въ 1855 год Это—его первое крупное произведеніе, и въ качествѣ пер ваго опыта оно не лишено нѣкоторыхъ художественныхъ н достатковъ, которыхъ уже не встрѣчается въ послѣдующих романахъ Тургенева. Въ „Рудинѣ“ мало дѣйствія, мал драматическихъ элементовъ; поэтому характеристика гла наго героя отличается нѣкоторой *отвлеченностью*: т.-е. ли ность его выясняется не столько изъ его поступковъ, скол ко изъ разсказовъ и отзывовъ о немъ другихъ лицъ, гла нымъ образомъ Лежнева. Произошло это преимуществен оттого, что *главный моментъ романа*: *эпизодъ любви Руди къ Натальѣ*, *выбранъ не совсѣмъ удачно*, такъ какъ нату Рудина не такова, чтобы вполнѣ выразиться въ этомъ чу ствѣ, да къ тому же оно и не отличается особенной сило не захватываетъ его цѣликомъ. Наконецъ, самое отношен автора къ своему герою недостаточно опредѣленно; поэто въ обрисовкѣ характера Рудина *нѣтъ внутренней цѣльност* устами Лежнева Тургеневъ далъ, въ сущности, двѣ характ ристики, во многомъ діаметрально противоположныя дру другу. Въ первой половинѣ романа Рудинъ изображенъ пр имущественно съ отрицательной стороны, мѣстами даже явной проніей; а въ послѣднихъ главахъ, наоборотъ, автор

Двойственность характеристики Рудина.

акъ бы старается исправить невыгодное впечатлѣніе и заставляетъ Лежнева произнести горячую рѣчь въ защиту Рудина, изображаетъ его человѣкомъ глубоко искреннимъ, порнымъ искателемъ добра и правды, симпатичнымъ неучникомъ. Такое противорѣчіе въ *освѣщеніи* характера Рудина дало извѣстному критику Ап. Григорьеву поводъ къ замѣчанію, что Тургеневъ началъ съ развѣнчанія, а кончилъ поѳеозомъ своего героя [1]).

Самъ Тургеневъ объясняетъ указанное противорѣчіе тѣмъ соображеніемъ, будто первый, неблагопріятный для Рудина отзывъ Лежнева явился слѣдствіемъ его опасеній, какъ бы блестящее краснорѣчіе Рудина не произвело слишкомъ сильнаго впечатлѣнія на нѣкоторыхъ лицъ, въ настроеніи которыхъ самъ Лежневъ былъ особенно заинтересованъ. Но настоящую причину этой двойственности характеристики Рудина нужно искать гораздо глубже, именно въ отношеніяхъ и симпатіяхъ самого автора и въ особенномъ значеніи, которое имѣетъ Рудинъ, въ качествѣ *общественно-психологическаго типа*, т.-е. такого типа, въ которомъ нашли себѣ воплощеніе складъ мыслей и чувствъ, вѣрованія и настроенія цѣлой эпохи. Совершенно справедливо одинъ изъ современныхъ Тургеневу критиковъ (Дружининъ) назвалъ его романъ — „исповѣдью лучшаго поколѣнія“; нужно только прибавить, что къ этому же поколѣнію, представителемъ котораго является Рудинъ, поколѣнію 30—40-хъ годовъ, принадлежалъ и самъ Тургеневъ, что онъ воспитывался и развивался подъ однородными вліяніями и въ одинаковомъ направленіи и до конца жизни сохранялъ въ своемъ характерѣ многія черты, свойственныя этому поколѣнію, оставался „человѣкомъ сороковыхъ годовъ“. Послѣдствіе этой тѣсной связи автора съ изображаемымъ по-

Рудинъ, какъ общественный типъ.

Отношеніе къ нему автора.

[1]) Нѣкоторые изъ критиковъ пытались объяснить эту двойственность характеристики Рудина при помощи слѣдующихъ соображеній: уже при самомъ появленіи романа въ литературныхъ кругахъ было очень распространено мнѣніе, что въ лицѣ Рудина Тургеневъ изобразилъ одного изъ членовъ кружка Станкевича, именно Михаила Бакунина, извѣстнаго впослѣдствіи эмигранта и политическаго дѣятеля; съ Бакунинымъ Тургеневъ былъ въ очень натянутыхъ отношеніяхъ, и это недружелюбное чувство отразилось и на изображеніи его героя; съ другой стороны, со многими изъ «идеалистовъ 30-хъ годовъ» Тургеневъ былъ очень близокъ: его связывала съ ними общность настроенія и свѣтлыя воспоминанія юности; поэтому, придавая своему изображенію *типическое* значеніе, разсматривая Рудина, какъ представителя извѣстной эпохи, Тургеневъ не могъ остановиться на первоначальномъ отрицательномъ отношеніи и закончилъ романъ апологіей своего героя.

колѣніемъ, съ лучшими представителями котораго онъ был связанъ узами дружбы, его изображеніе естественнымъ обра зомъ должно было быть проникнуто теплой симпатіей. Н съ другой стороны, Тургеневъ, какъ добросовѣстный и *об ективный* художникъ, стремился отнестись къ своей темѣ къ своему герою съ возможнымъ безпристрастіемъ; притом благодаря проницательности своего ума, онъ ясно видѣлъ сознавалъ ошибки и недостатки того поколѣнія, къ котором самъ принадлежалъ. Эта внутренняя борьба противорѣчивых чувствъ и отношеній отразилась и на самомъ произведені отразилась въ двойственности характеристики главнаго геро Дмитрія Рудина.

Типическія черты его личности.

Несмотря на указанныя противорѣчія въ обрисовкѣ геро романа, происходящія отъ перемѣщенія точки зрѣнія автор мы все-таки можемъ съ достаточной полнотой выяснить на болѣе характерныя черты Рудина, какъ представителя п колѣнія 30—40-хъ годовъ. Въ личности Рудина Тургенев удалось сконцентрировать какъ положительныя, такъ и отр цательныя особенности этого поколѣнія, отдѣльныя черт котораго были отмѣчены имъ и во многихъ другихъ прои веденіяхъ, каковы: „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда“, „Яков Пасынковъ“, „Дневникъ лишняго человѣка“ и др. Но в „Рудинѣ“ авторъ впервые сдѣлалъ попытку представить э типическія особенности и психологическія противорѣчі свойственныя эпохѣ, въ единомъ образѣ.—Къ числу типи ческихъ чертъ эпохи, воспроизведенныхъ Тургеневымъ в лицѣ Рудина, относятся: *преобладаніе философскихъ и эст тическихъ интересовъ*, созданныхъ вліяніемъ преимуществен но нѣмецкой философіи и поэзіи, *высокій нравственный ид ализмъ*, *восторженная вѣра въ добро и правду*,—а на ряд съ этими положительными качествами—*грустный разла между словомъ и дѣломъ*, *неприспособленность къ жизн неспособность къ дѣятельному проведенію своихъ идеало слабость воли*, при сильномъ развитіи *рефлексіи* и *самоан лиза*. Отъ этихъ типическихъ чертъ Рудина, какъ предст вителя эпохи, нужно отличать въ его характерѣ черты ли ныя, *индивидуальныя*: повышенное самолюбіе и самоувѣре ность, блестящее краснорѣчіе, любовь къ громкимъ фразам жажда успѣха, восторженность,—болѣе головная, т.-е. происх

Черты индивидуальныя.

дящая отъ увлеченія идеей, чѣмъ эмоціональная (т.-е. зависящая отъ силы чувства). Изъ этихъ разнообразныхъ, частью даже противорѣчивыхъ чертъ, складывается чрезвычайно сложная натура Рудина.

Исторія умственнаго развитія Рудина.

Объ условіяхъ прежней жизни Рудина и о ходѣ его духовнаго развитія мы узнаемъ главнымъ образомъ изъ разсказа Лежнева. Какъ единственный сынъ у матери, Рудинъ съ дѣтства былъ предметомъ трогательной любви и заботливости: мать души въ немъ не чаяла, во всемъ отказывала себѣ ради того, чтобы ея любимецъ ни въ чемъ не терпѣлъ недостатка, чуть не молилась на своего сына. Такое отношеніе должно было въ самолюбивомъ мальчикѣ способствовать развитію самомнѣнія, привычки смотрѣть на себя, какъ на исключительную натуру,—а неусыпная заботливость матери пріучила его во всемъ разсчитывать на чужую помощь и относиться беззаботно къ практическимъ вопросамъ существованія. Образованіе свое Рудинъ получилъ въ Московскомъ университетѣ. Онъ попалъ туда какъ разъ въ то время, когда среди университетской молодежи особеннымъ вліяніемъ пользовалась нѣмецкая идеалистическая философія, главнымъ образомъ Шеллингъ и Гегель. Занятія философіей происходили преимущественно въ тѣсныхъ товарищескихъ кружкахъ, такъ какъ въ самомъ университетѣ не было въ это время философской каѳедры. Рудинъ примкнулъ къ одному изъ этихъ кружковъ, въ центрѣ котораго стоялъ благородный и восторженный юноша Покорскій. Философскія занятія какъ нельзя болѣе подходили къ умственному складу Рудина, благодаря его особенной *способности къ отвлеченному и систематическому мышленію*. Эта способность, въ связи съ блестящимъ *даромъ краснорѣчія*, развитію котораго особенно способствовали постоянныя философскія пренія, обезпечила за Рудинымъ вліятельное мѣсто среди его товарищей. Уже въ юности, по свидѣтельству Лежнева, Рудинъ любилъ первенствовать и подчинять другихъ своему вліянію, но особенно близко ни съ кѣмъ не сходился, такъ какъ въ немъ совсѣмъ не было той сердечности, задушевности, которыя поддерживали обаяніе Покорскаго. Въ этомъ студенческомъ философскомъ кружкѣ сложились взгляды и убѣжденія Рудина: здѣсь онъ усвоилъ тотъ высокій, свѣтлый нравственный идеализмъ, ту пламенную вѣру въ добро и истину, ко-

Вліяніе идеалистической философіи.

торыя составляютъ лучшія черты личности Рудина и благодаря которымъ мы прощаемъ ему его недостатки. Здѣсь же усвоилъ онъ себѣ и привычку къ отвлеченнымъ разсужденіямъ, интересъ къ общимъ философскимъ вопросамъ. Такимъ образомъ Рудинъ многимъ обязанъ своему участію, своему соприкосновенію съ кружкомъ Покорскаго,—и не онъ одинъ: Лежневъ, представленный въ романѣ человѣкомъ положительнымъ, уравновѣшеннымъ, также съ умиленіемъ и благодарностью вспоминаетъ объ этихъ юношескихъ сходкахъ, о царившемъ на нихъ восторженно-свѣтломъ настроеніи, о томъ увлеченіи, съ которымъ обсуждались молодыми философами высшіе вопросы существованія, вопросы „о Богѣ, о правдѣ, о будущности человѣчества, о поэзіи“.

Кружокъ Станкевича.

Изображая юношескій философскій кружокъ, среди котораго вращался Рудинъ, Тургеневъ имѣлъ въ виду знаменитый кружокъ *Станкевича*, наиболѣе характерныя черты котораго представлены имъ въ лицѣ Покорскаго [1]). Самъ Тургеневъ сблизился со Станкевичемъ уже за границей, въ Берлинѣ, куда оба они поѣхали для завершенія своего образованія. Кружокъ Станкевича, какъ извѣстно, развивался преимущественно подъ вліяніемъ нѣмецкой поэзіи и нѣмецкой идеалистической философіи (срав. въ романѣ: „Рудинъ былъ весь погруженъ въ германскую поэзію, въ германскій романтическій и философскій міръ“; онъ читаетъ и бесѣдуетъ съ Натальей о Гётевскомъ Фаустѣ, о Гофманѣ, о Новалисѣ). Изъ нѣмецкихъ мыслителей наибольшее вліяніе оказали на членовъ кружка — сначала Шеллингъ, а затѣмъ (съ половины 30-хъ годовъ) Гегель. Изъ этого кружка Рудинъ вынесъ то свѣтлое, гуманное, идеалистическое настроеніе, которое является характернымъ для „людей сороковыхъ годовъ“, къ числу которыхъ принадлежалъ и самъ Тургеневъ, неоднократно и съ большой симпатіей рисовавшій типы *идеалистовъ-романтиковъ*, каковы: Яковъ Пасынковъ, Михалевичъ („Дворянское Гнѣздо“), Авениръ Сорокоумовъ („Смерть“).

Польза и вредъ идеалистическихъ увлеченій.

Но отъ Тургенева не укрылись и отрицательныя стороны этого увлеченія идеалистической философіей, которыя онъ также отмѣтилъ въ своихъ произведеніяхъ. Во-первыхъ, занимаясь преимущественно отвлеченными и метафизическими вопросами, современное поколѣніе мало считалось съ фактами дѣйствительности, мало ее знало и изучало; оттого впослѣдствіи, когда пришлось выступить въ дѣятельную жизнь, оно оказалось плохо подготовленнымъ къ ней, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ дѣйствительностью. На эту *отрѣшенность отъ жизни* жалуется своему собесѣднику „Гамлетъ“ Щигровскаго уѣзда: „Посудите сами, какую, ну какую,

Отрѣшенность отъ жизни.

---

[1]) О кружкѣ Станкевича см. часть I, стр. 375.

кажите на милость, какую пользу могъ я извлечь изъ энциклоедіи Гегеля? Что общаго, скажите, между этой энциклопедіей и усской жизнью? И какъ прикажете примѣнить ее къ нашему быту, а не ее одну, энциклопедію, а вообще нѣмецкую философію... кажу болѣе—науку?"—„Такъ зачѣмъ же ты таскался за границу?"—бращается онъ далѣе съ упрекомъ къ самому себѣ.—„Зачѣмъ не идѣлъ дома, да не изучалъ окружающей тебя жизни на мѣстѣ? ы бы и потребности ея узналъ, будущность, и на счетъ своего, акъ сказать, призванія тоже въ ясность бы пришелъ"... Касаясь осковскихъ философскихъ кружковъ, „Гамлетъ" чрезвычайно темыми красками рисуетъ кружковую жизнь, признаетъ ихъ дѣятельость безплодной, а вліяніе прямо вреднымъ для свободнаго и самоытнаго развитія личности. Но этотъ враждебный и ироническій тзывъ, діаметрально противоположный восторженному отзыву Лежева, въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что онъ принадлежитъ человѣку желчному и озлобленному, и склонному поэтому во сякомъ явленіи видѣть только отрицательную сторону, упуская зъ виду положительныя.

Чрезмѣрное развитіе рефлексіи и самоанализа.

Кромѣ незнакомства съ жизнью, „Гамлетъ" отмѣчаетъ еще ругую характерную черту своего поколѣнія, являющуюся результатомъ исключительнаго интереса къ отвлеченнымъ вопросамъ. Вслѣдствіе стремленія подвести всякое явленіе окружающей жизни и вся-е собственное чувство подъ абстрактное понятіе, расчленить путемъ анализа ихъ внутреннее логическое содержаніе, у многихъ рялось постепенно чутье живой дѣйствительности, на мѣсто котораго становилась разсудочная рефлексія. Это *преобладаніе рефлексіи и самоанализа* вносило разладъ въ душевный міръ, ничтожало свѣжесть и непосредственность чувства, дѣлало человѣка нерѣшительнымъ, лишая его увѣренности въ себѣ и энергіи, необходимой для жизненной дѣятельности. Болѣе сильныя и гармонически сложенныя натуры, къ числу которыхъ принадлежали всѣ чшіе „люди сороковыхъ годовъ", такъ или иначе находили себѣ ходъ изъ этого настроенія, находили себѣ мѣсто въ жизни поприще для плодотворной работы. Но для натуръ болѣе абыхъ это чрезмѣрное развитіе рефлексіи и самоанализа ставилось источникомъ постоянныхъ сомнѣній и колебаній, мучительной неувѣренности, неумѣнія спокойно и просто отдаваться зни, найти себѣ дѣло по сердцу.—Все это, въ связи съ недостаточнымъ знакомствомъ съ реальной дѣйствительностью, способствовало возникновенію типа такъ называемыхъ *лишнихъ людей*, болѣе характерная черта которыхъ заключается *въ ясномъ сознаніи своей неприспособленности къ жизни*, въ чувствѣ собственной ненужности. Условія окружающей дѣйствительности, среди которой господствовали невѣжество, грубость нравовъ и произволъ, скрытые и облеченные въ произведеніяхъ Гоголя, также приводили к тому, что люди, умственное развитіе которыхъ возвышалось надъ днимъ уровнемъ, но которые при этомъ не обладали достаточнымъ засомъ энергіи для жизненной борьбы, чувствовали себя выби-

Лишніе люди. «Гамлетъ» и Чулкатуринъ.

тыми изъ колеи, „лишними“ въ жизни. Впервые типъ этотъ нам
ченъ Тургеневымъ въ лицѣ „Гамлета“ Щигров. уѣзда, доходяща
въ сознаніи своей жизненной непригодности до „смиренія“ пере
окружающей дѣйствительностью, и даже до уничиженія, до иронич
ской насмѣшки надъ самимъ собою, хотя въ самомъ уничижен
этомъ много затаенной злобы и уязвленнаго самолюбія. Полн
психологія этого типа выяснена въ „Дневникѣ лишняго человѣка
(1850 г.), гдѣ впервые употреблено это выраженіе для обозначен
извѣстной категоріи людей. Чулкатуринъ весь разъѣденъ *рефл
ксіей, самоанализомъ*: „я разбиралъ самого себя до послѣдней н
точки, сравнивалъ себя съ другими... цѣлые дни проходили въ эт
мучительной, безплодной работѣ“, пишетъ онъ. Онъ не може
удержаться отъ того, чтобы не анализировать каждаго своего чу
ства, разбираться въ каждомъ душевномъ порывѣ, хотя самъ иног
съ недоумѣніемъ задается вопросомъ: „какая причина этой кропо
ливой возни съ самимъ собою“? У Чулкатурина есть умъ и набл
дательность, онъ умѣетъ чувствовать глубоко и нѣжно, онъ да
способенъ къ великодушію, но разлагающая сила анализа лиш
етъ его внутренней цѣльности, спокойствія и увѣренности
самомъ себѣ, порождаетъ въ немъ робость, застѣнчивость, мнител
ность, дѣлаетъ его неспособнымъ къ стойкости и рѣшительност
Сомнѣніе, колебанія—его обычное настроеніе; онъ тщетно старает
уяснить себѣ собственное призваніе, найти мѣсто въ жизни, съ
вѣчной смѣной радости и горя,—жизнь какъ бы отталкиваетъ ег
такъ что ему приходится отступать даже передъ ничтожным
простодушнымъ Безьменковымъ, который, въ отношеніи ума и образ
ванія, стоитъ гораздо ниже его. „Во все продолженіе жизни,—ж
луется онъ въ дневникѣ,—я постоянно находилъ свое мѣсто зан
тымъ, можетъ быть, оттого, что искалъ это мѣсто не тамъ, г
бы слѣдовало“. Въ послѣднихъ словахъ ясно сказывается сознан
своей неспособности оріентироваться въ жизни, найти себѣ насто
щую дорогу, выйти изъ печальнаго положенія лишняго, „свер
штатнаго“ человѣка, какъ онъ самъ себя иронически величает
Но это горькое *сознаніе своей ненужности*, своей неприспособле
ности къ жизни не вызываетъ въ Чулкатуринѣ, какъ въ „Гамлет
Щигр. уѣзда, озлобленія противъ другихъ, болѣе счастливы
людей, нашедшихъ свое мѣсто въ жизни. Умирая въ глуши и
одиночествѣ, ясно сознавая, что смерть приближается, что е
„маленькая комедія разыграна, занавѣсъ падаетъ“, онъ утѣшае
себя мыслью, что, „уничтожаясь, онъ перестаетъ быть лишним
и съ трогательной нѣжностью прощается со всѣмъ окружающим
со всею природой, красоту которой онъ такъ глубоко умѣлъ чу
ствовать. „Я умираю... Живите, живые!“ восклицаетъ онъ въ кон
своего дневника: ни зависть, ни какое другое злобное чувство
омрачаютъ его души въ торжественный моментъ разставанія
жизнью, которая для него всегда была злою мачехой [1]).

---

[1]) Повидимому, при созданіи „Дневника лишняго человѣка“ Тургев

Такимъ же *лишнимъ человѣкомъ*, страдающимъ отъ вѣчго самоанализа, неспособнымъ къ простому и крѣпкому чувству, ляется и герой „Переписки“; онъ жалуется на то, что „слишкомъ но пробуждается въ насъ сознательность, слишкомъ рано начиемъ мы наблюдать за самими собою“; о себѣ онъ отзывается къ объ „одномъ изъ тѣхъ существъ, обезсиленной, безпокойной сли которыхъ незнакомо вовѣкъ ни уловлетвореніе естественной ятельности, ни искреннее страданіе, ни искреннее торжество убѣенія“.—Повѣсть „Переписка“ написана одновременно съ „Рудимъ“ (1855 г.). Въ лицѣ Рудина, котораго также можно причить къ разряду „лишнихъ людей“, встрѣчаются многія черты, рактерныя для этого типа, при чемъ черты эти особенно ярко ступаютъ въ заключительныхъ главахъ романа.

Натура Рудина *интеллектуальнаго* склада, т.-е. въ немъ ъ явно преобладаетъ надъ другими душевными способноями: чувствомъ и волею. У него, по мѣткому выраженію игасова, „голова перевѣшиваетъ“. Увлеченіе философіей де болѣе укрѣпило въ немъ эту черту, прививъ привычку *абстрактному мышленію*. Интересы его сосредоточиваись преимущественно на вопросахъ отвлеченныхъ и общихъ, благодаря систематическому складу ума, онъ легко разбился среди философскихъ понятій и вносилъ въ нихъ стройй порядокъ. Эта особенность его умственнаго склада отлила Рудина еще въ годы юности; товарищъ его молодости, жневъ, такъ характеризуетъ его: „Рудинъ читалъ преимуственно философскія книги, и голова у него такъ была троена, что онъ тотчасъ же изъ прочитаннаго извлекалъ *общее*, хватался за самый корень дѣла, и уже потомъ оводилъ отъ него свѣтлыя, правильныя нити мысли, открылъ духовныя перспективы... Стройный порядокъ водворился во всемъ, все разбросанное вдругъ соединялось, складывалось, точно зданіе. Ничего не оставалось безсмысленнымъ, учайнымъ; во всемъ высказывалась разумная необходимость

Основныя черты личности Рудина.

Склонность къ отвлеченному мышленію.

не вполнѣ ясно было *общественное* значеніе этого типа. Онъ подходилъ нему съ точки зрѣнія „сентиментальнаго натурализма“, изображалъ катурина, какъ человѣка безвинно и безпричинно гонимаго судьбой, наго страдальца, не могущаго найти себѣ мѣста въ жизни. Поэтому ргеневъ не сдѣлалъ попытки поставить характеръ «лишняго человѣка» связь съ общими условіями жизни, показать, какъ онъ сложился, подъ ими вліяніями развивался. Онъ остановился только на изображеніи ого эпизода изъ жизни Чулкатурина, именно, его несчастной любви. ого его характеръ недостаточно полно обрисованъ и значеніе его, какъ бественнаго типа, выясняется только изъ сопоставленія съ другими, днѣйшими произведеніями Тургенева, въ которыхъ этотъ типъ разранъ съ большею подробностью.

и красота, все получало значеніе ясное и въ то же вре таинственное...“ Но эта привычка къ отвлеченному, дедукти ному мышленію и *преобладаніе общихъ интересовъ* какъ заслоняли передъ Рудинымъ конкретныя явленія окружа щей жизни, мѣшали развитію въ немъ наблюдательност Это отражалось даже на внѣшнемъ характерѣ его рѣчи: Р динъ лучше разсуждалъ, чѣмъ разсказывалъ. Когда онъ, разговорѣ съ Ласунской, касается своей заграничной студе ческой жизни, Тургеневъ замѣчаетъ по этому поводу: „Р сказывалъ онъ не совсѣмъ удачно. Въ описаніяхъ его *не ставало красокъ*. Онъ не умѣлъ смѣшить. Впрочемъ Руди отъ разсказовъ о своихъ заграничныхъ похожденіяхъ ско *перешелъ къ общимъ разсужденіямъ* о значеніи просвѣщен и науки, объ университетахъ и жизни университетской вообщ Широкими и смѣлыми чертами набросалъ онъ громадн картину... Онъ говорилъ мастерски, увлекательно, не совсѣ ясно... но самая эта неясность придавала особенную прелес его рѣчамъ“.

Характеръ умственныхъ интересовъ Рудина.

Разсужденія Рудина всегда вращаются вокругъ общи вопросовъ величайшей важности и проникнуты высоки нравственнымъ идеализмомъ. Онъ говоритъ о необходимос вѣры, о значеніи науки, о себялюбіи и самолюбіи, о приз ніи человѣка, о будущности человѣчества. „Всѣ мысли Р дина казались обращенными въ будущее; это придавало и что-то стремительное и молодое“, замѣчаетъ Тургеневъ. Сло Рудина, полныя благороднаго энтузіазма и красоты, об тельно дѣйствуютъ не только на впечатлительныя души м лодыхъ слушателей, какъ Наталья и Басистовъ, но даже самоувѣренную и спокойную свѣтскую даму, какъ госпо Ласунская, которая въ восторгѣ называетъ его „поэтом Дѣйствительно, въ разсужденіяхъ Рудина много поэти скихъ элементовъ: недаромъ онъ, на ряду съ нѣмецкой ф лософіей, такъ увлекался нѣмецкой романтической поэзіе „Обиліе мыслей мѣшало Рудину выражаться опредѣлитель и точно. Образы смѣнялись образами, сравненія, то неож данно смѣлыя, то поразительно вѣрныя, возникали за срав ніями. Не самодовольной изысканностью опытнаго говруна вдохновеніемъ дышала его нетерпѣливая импровизація. Р динъ владѣлъ едва ли не высшей тайной—музыкой крас рѣчія. Онъ умѣлъ, ударяя по однѣмъ струнамъ серд заставлять смутно звенѣть и дрожать всѣ другія“.

Рудинъ самъ знаетъ силу своего краснорѣчія и любитъ ю пользоваться. Натура въ высшей степени самолюбивая, нъ полонъ сознанія своего умственнаго превосходства. Это казывается и въ самой манерѣ Рудина держать себя въ бществѣ; онъ привыкъ вездѣ быть центромъ всеобщаго вниманія, играть первую роль, и потому обращается съ окружающими мягко и снисходительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ самовѣренно, „какъ путешествующій принцъ", по ироническому амѣчанію Тургенева. Самоувѣренность эта, характеризующая всѣ его слова и разсужденія (но не поступки), даетъ аже поводъ Лежневу упрекнуть его въ нетерпимости (по его ловамъ, Рудинъ „деспотъ въ душѣ"). Она проявляется и въ го „страсти во все вмѣшиваться, все опредѣлять и разъяснять", на которую намекаетъ Лежневъ: Рудинъ съ легкимъ ердцемъ берется судить о предметахъ, мало ему знакомыхъ, апр., о хозяйствѣ, о воспитаніи дѣтей, объ управленіи мѣньемъ, и даже даетъ по поводу нихъ совѣты Ласунской. амоувѣренность Рудина поддерживается тѣми успѣхами въ бществѣ, которыми онъ обязанъ своему краснорѣчію. Эти спѣхи ласкаютъ его самолюбіе; ему пріятно первенствовать ь бесѣдѣ, побѣждать своихъ противниковъ въ спорахъ, прилекать къ себѣ всеобщее вниманіе и сочувствіе. Ради этого амолюбиваго удовольствія онъ нерѣдко даже злоупотребляетъ воимъ даромъ краснорѣчія, и даетъ поэтому поводъ упрекать его въ пристрастіи къ громкимъ фразамъ, въ стремлеіи „рисоваться", производить эффектъ. Лежневъ называетъ го „актеромъ", „кокеткой", человѣкомъ „холоднымъ какъ ледъ, который однако прикидывается пламеннымъ", для ого чтобы поражать и увлекать слушателей. Такимъ образомъ главное обвиненіе, выставляемое Лежневымъ противъ Рудина въ первой половинѣ романа, это обвиненіе въ *неискренности*, въ томъ, что онъ самъ не вѣритъ въ собственныя слова. Однако подобное обвиненіе несправедливо и основано только на самолюбивомъ стремленіи Рудина покорять себѣ слушателей силою своего краснорѣчія. Но увлекая другихъ, Рудинъ самъ также увлекается своими словами; въ рчахъ его нѣтъ внутренней фальши. Чтобы рѣзче оттѣнить ему искренность настроенія Рудина, его убѣжденность, Тургеневъ ввелъ въ романъ эпизодическое лицо — Пигасова, злобленнаго скептика и мизантропа. Въ отвѣтъ на желчныя

Самолюбіе и самоувѣренность

Искренность.

замѣчанія Пигасова и на его нападки на всякія „общія р
сужденія“, Рудинъ горячо защищаетъ права человѣческа
разума, возражаетъ противъ безплоднаго сомнѣнія и отр
цанія, доказываетъ необходимость вѣры для жизни и дѣ
тельности человѣка. „Скептицизмъ, — говоритъ онъ, — всег
отличался безплодностью и безсиліемъ. Въ отрицаніи,
отрицаніи полномъ и всеобщемъ, нѣтъ благодати. Умъ, н
правленный на одно отрицаніе, бѣднѣетъ, сохнетъ. Порица
бранить имѣетъ право только тотъ, кто любитъ“. Этого пра
по мнѣнію Рудина, Пигасовъ не имѣетъ, потому что
разочарованность чисто-эгоистическаго происхожденія, за
ситъ отъ его уязвленнаго самолюбія. Рудинъ также чрез
чайно самолюбивъ: недаромъ онъ доказываетъ законное
самолюбія, которое, по его словамъ, „какъ дѣятельное стр
леніе къ совершенству, есть источникъ всего великаго“.
онъ строго различаетъ законное самолюбіе отъ узкаго се
любія: послѣднее, по его мнѣнію, есть моральное самоуб
ство; „себялюбивый человѣкъ засыхаетъ, словно одинок
безплодное дерево... Да! человѣку надо надломить упорн
эгоизмъ своей личности, чтобы дать ей право высказатьс
Подчиняясь иногда внушеніямъ самолюбія, Рудинъ одна
никогда не соблазнялся эгоистическими интересами, нико
ради нихъ не измѣнялъ своимъ идеаламъ и убѣжденія
Исторія его „скитаній“ и злоключеній, разсказанная въ
слѣднихъ главахъ романа, служитъ лучшимъ доказате
ствомъ полной искренности его словъ. Это принужденъ в
слѣдствіи признать и самъ Лежневъ (въ эпилогѣ), высказ
вающій Рудину свое уваженіе за его вѣрность идеала
юности, за отсутствіе эгоистическихъ помысловъ, за то
„огонь любви къ истинѣ“, который онъ сумѣлъ сохран
въ себѣ, несмотря на всѣ жизненныя неудачи.

Разладъ между словомъ и дѣломъ.

Главный недостатокъ Рудина—*разладъ между словом
дѣломъ*; онъ говоритъ хорошо и увлекательно, но его сло
такъ и остаются словами, не переходятъ въ дѣло. Онъ
жилъ до 35 лѣтъ, и до сихъ поръ не нашелъ себѣ попри
для дѣятельности, все еще только „собирается“ жить. Пр
выкнувъ одерживать легкіе успѣхи въ обществѣ при помо
своего краснорѣчія, Рудинъ совсѣмъ не привыкъ и *не умѣе
трудиться*. Тургеневъ постоянно подчеркиваетъ эту безде
тельность и неработоспособность своего героя; онъ замѣчает

что Рудинъ „повѣрялъ Натальѣ свои планы, читалъ ей *первыя* страницы *предполагаемыхъ* статей и сочиненій“. Когда же Наталья, въ отвѣтъ на его слова, что ему „пора отдохнуть“, выражаетъ свое удивленіе и рѣшается робко замѣтить о необходимости трудиться, приносить пользу, Рудинъ сейчасъ же подхватываетъ эту мысль, говоритъ о своемъ долгѣ, о позорѣ малодушія и лѣни, упрекаетъ себя въ томъ, что онъ до сихъ поръ „растрачивалъ свои силы на одну пустую, безполезную болтовню, на одни слова“... „И слова его полились рѣкою“,— иронически замѣчаетъ авторъ.

Причины этой бездѣятельности заключаются, во-первыхъ, въ самомъ характерѣ Рудина, въ складѣ его личности. Какъ указано раньше, Рудинъ живетъ преимущественно головою; подобно другимъ, „лишнимъ людямъ“ Тургенева, онъ страдаетъ отъ преобладанія *рефлексіи*, которая препятствуетъ свободному развитію другихъ душевныхъ способностей, дѣлаетъ его нерѣшительнымъ и неспособнымъ къ беззавѣтному увлеченію. „Странная, почти комическая моя судьба,—говоритъ самъ Рудинъ:—я отдаюсь весь, съ жадностью, вполнѣ — и не могу отдаться“. *Чувство* вообще не играетъ большой роли въ жизни Рудина: Тургеневъ даже называетъ его „безстрастнымъ“, въ натурѣ его нѣтъ душевной теплоты, оттого онъ неспособенъ прочно привязываться къ людямъ и осужденъ на вѣчное одиночество. „Мнѣ недостаетъ, вѣроятно, того, безъ чего такъ же нельзя двигать сердцами людей, какъ и овладѣть женскимъ сердцемъ; а господство надъ одними умами и непрочно, и безполезно“, жалуется Рудинъ, называя себя „неоконченнымъ существомъ“. Этотъ *недостатокъ чувства* и *слабость воли* особенно ясно обнаруживаются въ эпизодѣ съ Натальей. Признаніе молодой дѣвушки повергаетъ его въ смущеніе, онъ не можетъ разобраться въ своемъ собственномъ чувствѣ, сомнѣвается, колеблется. Когда же Наталья требуетъ окончательнаго отвѣта, Рудинъ останавливается передъ первымъ препятствіемъ, потому что въ характерѣ его недостаетъ рѣшительности, недостаетъ твердой воли. *Рудинъ болѣе разсуждаетъ о жизни, чѣмъ живетъ на самомъ дѣлѣ*; самоувѣренный на словахъ и въ разсужденіяхъ, онъ оказывается робкимъ и нерѣшительнымъ на дѣлѣ, и эта *слабость воли*, *отсутствіе стойкости и послѣдовательности* мѣшаютъ ему проявить свои недюжинныя способ-

Его причины.

Преобладаніе рефлексіи.

Слабость воли

ности. Подобно другимъ „лишнимъ людямъ“, Рудинъ *сознает эти недостатки своего характера*, мучится этимъ сознаніем и приходитъ наконецъ къ горькому убѣжденію, что, хотя „природа дала ему много, но онъ умретъ, не сдѣлавъ ничего достойнаго своихъ силъ, не оставивъ за собой никакого благотворнаго слѣда“.

Незнакомство съ жизнью.

Другою, не менѣе важной причиной бездѣятельности Рудина и его неудачъ является его *незнакомство съ жизнью* съ реальными условіями окружающей дѣйствительности. В этомъ отчасти виновато полученное имъ исключительно философское образованіе, не подготовившее его для жизненной дѣятельности. Увлекаясь преимущественно общими, отвлеченными вопросами (къ чему особенно предрасполагалъ его самый складъ его ума), Рудинъ слишкомъ мало обращалъ вниманія на изученіе фактовъ живой дѣйствительности: весьма характерно, что онъ и въ области исторіи мало былъ знакомъ с фактами, а довольствовался преимущественно общими идеями. Естественнымъ слѣдствіемъ такой *отрѣшенности отъ жизни* было *неумѣніе дѣйствовать*, неприспособленность къ жизненной борьбѣ, къ дѣятельному осуществленію своихъ идей и идеаловъ. Всѣ его попытки и въ этомъ направленіи оканчивались полной неудачей, нерѣдко потому, что онъ, вслѣдствіе своей жизненной неопытности, брался за несбыточныя предпріятія: таковъ его фантастическій планъ—сдѣлать судоходной какую-то незначительную рѣчку для того, чтобы оживить жизнь цѣлаго края. Въ концѣ концовъ, видя что всѣ его стремленія „быть полезнымъ“ оканчиваются неудачей, Рудинъ самъ принужденъ признаться въ своей неприспособленности къ жизни, признаться, что у него „нѣтъ почвы подъ ногами“. Ту же мысль еще яснѣе развиваетъ авторъ устами Лежнева: „Несчастіе Рудина состоитъ въ томъ, что онъ Россіи не знаетъ, и это, точно, большое несчастіе. Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись. Горе тому, кто это думаетъ, двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится! Космополитизмъ — чепуха, космополитъ — нуль, хуже нуля; внѣ народности — ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ... Да, опять-таки скажу, это не вина Рудина: это его судьба, судьба горькая и тяжелая, за которую мы винить его не можемъ“.

Неудачи, преслѣдующія Рудина, заставляютъ его сми-оиться, отказаться отъ юношескаго самомнѣнія. Въ такомъ настроеніи выступаетъ онъ въ эпилогѣ романа. Съ грустнымъ недоумѣніемъ, но безъ всякой озлобленности оглядывается здѣсь Рудинъ на свою жизнь, на свои „духовныя и тѣлесныя скитанія“, съ горькой ироніей называетъ себя „перекати-полемъ“, укоряетъ себя за безполезно прожитую жизнь, за то, что онъ, „инвалидъ мысли“, какъ называетъ его Лежневъ, на самомъ дѣлѣ „не служилъ мысли, какъ слѣдуетъ“. Но глубоко тронутый Лежневъ съ жаромъ защищаетъ его отъ собственныхъ упрековъ, доказываетъ, что его существованіе вовсе не прошло безъ всякой пользы для другихъ, что, увлекая людей своими краснорѣчивыми и благородными рѣчами, пробуждая въ нихъ мысль и стремленіе къ благу, Рудинъ этимъ самымъ исполнилъ свое предназначеніе, осуществлялъ свою жизненную задачу, потому что *„доброе слово—то же дѣло“*.— Эти слова Лежнева выражаютъ, повидимому, взглядъ самого автора на Рудина, на *значеніе и призваніе всего поколѣнія Рудиныхъ*. „Кто въ правѣ сказать, что онъ не принесъ, что онъ не принесетъ еще пользы? говоритъ Лежневъ,—что его слова не заронили много добрыхъ сѣмянъ въ молодыя души, которымъ природа не отказала, какъ ему, въ силѣ дѣятельности, въ умѣніи исполнять собственные замыслы?“ Такимъ образомъ *Рудины*, не будучи сами, по словіямъ своей духовной организаціи, способны къ непосредственной дѣятельности, тѣмъ не менѣе вовсе не прошли безслѣдно въ исторіи русской жизни: своими рѣчами, лекціями, статьями, бесѣдами, проникнутыми искреннимъ исканіемъ истины и высокимъ нравственнымъ идеализмомъ, они подготовили себѣ преемниковъ, которые сумѣли съ бо́льшимъ успѣхомъ провести эти идеалы въ жизнь; за поколѣніемъ Рудиныхъ, за поколѣніемъ идеалистовъ 40-хъ годовъ, наступаетъ эпоха реформъ царствованія Александра II, эпоха дѣятельной работы на пользу государства и народа, работы, вдохновляемой высокими идеалами добра и гуманности.

Рудинъ въ эпилогѣ романа.

Роль Рудиныхъ въ жизни.

Къ числу „лишнихъ людей“ Рудинскаго типа принадлежитъ также *Бельтовъ*, герой романа „Кто виноватъ?“ Герцена (1847). Подобно Рудину, Бельтовъ — натура чрезвычайно даровитая, съ живыми умственными интересами и высокими нравственными стремленіями. Очень большое вліяніе на развитіе его характера имѣлъ

Бельтовъ. («Кто виноватъ?» Герцена).

его воспитатель, женевецъ, благородный энтузіастъ. Это влі
было весьма благотворнымъ въ нравственномъ отношеніи, пот
что женевецъ старался развить въ своемъ воспитанникѣ луч
человѣческія чувства; но, съ другой стороны, дѣло воспитанія
лось слишкомъ отвлеченно: благородный женевецъ хотѣлъ сдѣл
изъ Бельтова идеальнаго „человѣка“, въ родѣ Эмиля Руссо, в
питывалъ его „по Плутарху“ и слишкомъ мало знакомилъ его
дѣйствительной жизнью, мало подготовлялъ къ ней. Точно такъ
и университетъ, гдѣ въ эту эпоху въ студенческихъ кружка
господствовало увлеченіе германской философіей, могъ только ук
пить идеальныя стремленія юноши, но не далъ ему вѣрнаго по
манія дѣйствительности и умѣнія дѣйствовать въ ней. Поэтому у
съ первыхъ шаговъ его въ практической жизни, Бельтова жд
неудачи и разочарованія, Онъ пытался служить въ Петербургѣ,
жаромъ отдавался дѣлу, но его рвеніе не встрѣтило себѣ сочувст
въ мірѣ канцелярской рутины, и онъ быстро охладѣлъ и вышелъ
отставку. Послѣ этой первой неудачи, онъ бросался изъ сторо
въ сторону, старался найти себѣ дѣло по сердцу, „занимался всѣ
на свѣтѣ“, но безъ системы, безъ порядка, отъ медицины пе
ходя къ живописи, отъ живописи къ какому-нибудь новому уч
ченію. Но изъ всѣхъ его попытокъ ничего не вышло, онъ ника
не могъ найти своего настоящаго призванія и въ 30 лѣтъ
еще только „готовился начать свою жизнь“, подобно Руди
Бельтовъ, по выраженію Герцена, „былъ лишенъ совершеннолѣт
несмотря на возмужалость своей мысли“, онъ „нажилъ и прожи
много, но не успѣлъ установиться“. Въ концѣ концовъ онъ са
приходитъ къ горькому сознанію своей неприспособленности
жизни, своего неумѣнія жить и работать, называетъ себя „без
лезнымъ человѣкомъ“, и, потерпѣвъ неудачу въ личной жиз
бросаетъ все и уѣзжаетъ за границу. Такимъ образомъ всѣ да
ванія Бельтова и всѣ его прекрасныя стремленія пропадаютъ
ромъ, безъ всякой пользы для окружающихъ. Причину этого
чальнаго явленія Герценъ видитъ въ характерѣ полученнаго и
воспитанія, благодаря которому онъ является „чужимъ на родин
„разобщенъ съ міромъ, окружающимъ его“, „лишенъ практическ
смысла въ отношеніи своей жизни“.

Но Герценъ вскрываетъ еще другую, болѣе глубокую причи
почему изъ талантливыхъ людей, въ родѣ Рудина и Бельтова,
чего не выходитъ, почему они оказываются неспособными къ
вой дѣятельности, „лишними“ въ жизни. „Счастливъ тотъ че
вѣкъ,—говоритъ онъ, — который продолжаетъ начатое, котор
преемственно передано дѣло: онъ рано пріучается къ нему,
не тратитъ полъ-жизни на выборъ, онъ сосредоточивается, огра
чивается для того, чтобы не расплыться—и производитъ. Мы
ще всего начинаемъ вновь, мы отъ отцовъ своихъ наслѣду
только движимое и недвижимое, да и то плохо хранимъ; отъ т
по большей части мы ничего не хотимъ дѣлать, а если хоти
то выходимъ въ необозримую степь: иди, куда хочешь, во

стороны—воля вольная,—только никуда не дойдешь; это — наше многостороннее бездѣйствіе, наша дѣятельная лѣнь". Такимъ образомъ наиболѣе глубокую причину непродуктивности такихъ богато-одаренныхъ натуръ, какъ Бельтовъ, Герценъ видитъ въ самомъ характерѣ русской культуры: настоящая культура создается лишь преемственнымъ трудомъ многихъ поколѣній, она является результатомъ вѣковой работы; у насъ же людямъ талантливымъ приходится начинать все съ начала, ощупью искать себѣ дорогу, искать своего призванія, и на эти исканія и сопровождающія ихъ ошибки уходятъ жизненныя силы, тратится энергія, и человѣкъ, вмѣсто полезной дѣятельности, привыкаетъ проводить жизнь въ „многостороннемъ бездѣйствіи".

Агаринъ („Саша" Некрасова).

Подобный же типъ встрѣчаемъ мы и въ поэмѣ *Некрасова* „Саша" (1855). Въ лицѣ молодого помѣщика Агарина представлены черты Рудинскаго склада, мѣтко схваченныя Некрасовымъ. Агаринъ, по выраженію поэта, „современный герой", представитель своей эпохи, своего поколѣнія. Подобно Рудину, онъ отличается широкими умственными интересами, благородными стремленіями, жаждой дѣятельности, но въ то же время полной неспособностью примѣнить свои силы къ живому дѣлу, отсутствіемъ выдержки и силы характера. Совершенное незнакомство съ дѣйствительной жизнью, отвлеченное, книжное отношеніе къ ней, увлеченіе широкими идеалами и презрѣніе къ мелкой, обыденной, но полезной дѣятельности, неустойчивость настроенія, при первой неудачѣ переходящаго въ апатію, — вотъ характерныя черты „современнаго героя", который—

Книги читаетъ, да по свѣту рыщетъ,
Дѣла себѣ исполинскаго ищетъ,—
Благо, наслѣдье богатыхъ отцовъ
Освободило отъ малыхъ трудовъ,
Благо, итти по дорогѣ избитой
Лѣнь помѣшала, да разумъ развитый.
— „Нѣтъ, *я души не растрачу своей*
На муравьиной работѣ людей:
Или подъ бременемъ собственной силы
Сдѣлаюсь жертвою ранней могилы,
Или по свѣту звѣздой пролечу!
Міръ,—говоритъ,—осчастливить хочу!
Что жъ подъ руками, того онъ не любитъ,
То мимоходомъ безъ умыслу губитъ...

Въ наши великіе, трудные дни
Книги не шутка: укажутъ онѣ
Все недостойное, дикое, злое,
Но не дадутъ онѣ силъ на благое,
Но не научатъ любить глубоко...

Дѣло вѣковъ поправлять не легко!
Все, что высоко, разумно, свободно,
Сердцу его и доступно, и сродно,
Только дающая силу и власть
Въ словѣ и дѣлѣ чужда ему страсть!
Любитъ онъ сильно, сильнѣй ненавидитъ,
А доведись—комара не обидитъ!
Да говорятъ, что ему и любовь
Голову больше волнуетъ, чѣмъ кровь!
Чтó ему книга послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ:
Вѣрить, не вѣрить—ему все равно,
Лишь бы доказано было умно.
Самъ на душѣ ничего не имѣетъ,
Чтó вчера сжалъ, то сегодня и сѣетъ;
Нынче не знаетъ, что завтра сожнетъ,—
Только навѣрное сѣять пойдетъ...
Это въ простомъ переводѣ выходитъ,
Что въ разговорахъ онъ время проводитъ,
Если жъ за дѣло возьмется—бѣда!
Міръ виноватъ въ неудачѣ тогда;
Чуть поослабнутъ нетвердыя крылья,
Бѣдный кричитъ: «безполезны усилья!»
И ужъ куда какъ становится золъ
Крылья свои опалившій орелъ...

Но если Агаринъ и ему подобные „современные герои“, не способны къ живой практической дѣятельности, неспособны приносить непосредственной пользы, тѣмъ не менѣе ихъ жизнь не проходитъ совершенно безплодно: своею проповѣдью благородныхъ идей и высшихъ стремленій, они, подобно Рудину, пробуждаютъ въ душахъ наиболѣе отзывчивыхъ своихъ слушателей сочувственный отголосокъ, вызываютъ въ нихъ жажду правды и добра. Хотя Агаринъ занимается лишь „разговорами“, однако въ словахъ его есть много такого, чтó само по себѣ имѣетъ силу—двигать сердца „сѣетъ онъ, все-таки, доброе сѣмя!“ — замѣчаетъ о немъ поэтъ. Такое „доброе сѣмя“ посѣялъ онъ, напр., въ душѣ Саши, дѣвушки изъ патріархальной помѣщичьей семьи, въ которой онъ сумѣлъ своими бесѣдами вызвать къ жизни дремавшіе раньше умственные интересы и нравственныя стремленія.

.... Нетронутыхъ силъ
Въ Сашѣ такъ много сосѣдъ пробудилъ:
Въ добрую почву упало зерно—
Пышнымъ плодомъ отродится оно!

Въ изображеніи личности Агарина, въ нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ чувствуется ясно иронія автора, которой нѣтъ, напр., въ отношеніяхъ Герцена къ Бельтову. Еще сильнѣе выступаетъ иро-

ническое отношеніе къ лицамъ Рудинскаго типа въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ *Писемскаго:* въ лицѣ Эльчанинова („Боярщина") и Шамилова („Богатая невѣста") Писемскій представилъ вырожденіе и опошленіе Рудинскаго типа, подъ вліяніемъ условій тогдашней провинціальной жизни.

4. Дворянское Гнѣздо.

Слѣдующій романъ Тургенева, *„Дворянское Гнѣздо"*, былъ написанъ имъ въ 1858 году. При своемъ появленіи онъ былъ встрѣченъ единодушнымъ одобреніемъ критики и публики, безъ различія партій и взглядовъ. Въ художественномъ отношеніи „Дворянское Гнѣздо" представляетъ крупный шагъ впередъ, сравнительно съ „Рудинымъ", и вообще является однимъ имъ наиболѣе совершенныхъ произведеній Тургенева. *Художественныя достоинства* романа заключаются въ *стройности композиціи* всего произведенія, въ *ясности и живости характеристикъ* отдѣльныхъ лицъ, даже второстепенныхъ, въ родѣ Лемма и Марѳы Тимоѳеевны; въ *сжатости содержанія:* въ романѣ нѣтъ ничего лишняго, посторонняго, противорѣчиваго, но нѣтъ ничего неяснаго, недосказаннаго, *много отдѣльныхъ эпизодовъ* отличаются рѣдкой *красотой и поэзіей* (напр., пріѣздъ Лаврецкаго въ деревню, объясненіе съ Лизой, музыка Лемма); наконецъ, весьма замѣчательны самые *пріемы характеристики* главной героини, Лизы: характеристика ея не дается цѣликомъ, а постепенно слагается въ умѣ читателя изъ отдѣльныхъ намековъ, замѣчаній, словъ, сказанныхъ Лизой или о Лизѣ, которыя въ своей совокупности даютъ живой, но вмѣстѣ съ тѣмъ необычайно тонкій и нѣжный образъ; образъ этотъ возникаетъ какъ бы самъ собой, изъ непосредственныхъ данныхъ романа; въ созданіи его незамѣтна рука самого автора, потому что глава о воспитаніи Лизы является въ сущности лишь общимъ сводомъ того, что читатель уже узналъ раньше о ея характерѣ, и необходимымъ поясненіемъ того, какимъ образомъ характеръ этотъ сложился. Художественныя достоинства романа.

На ряду съ этими художественными достоинствами романа, успѣхъ его среди публики и пріобрѣтенное имъ въ русской литературѣ выдающееся мѣсто въ значительной степени обусловлены личностью героини, Лизы Калитиной. По своей духовной красотѣ, по возвышенному строю Лиза.

своей души, Лиза вообще имѣетъ себѣ мало равныхъ въ русской литературѣ; даже по сравненію съ Пушкинской Татьяной, которая приближается къ ней по строгому чувству долга, натура Лизы гораздо глубже, стремленія ея чище и идеальнѣй. *Характеръ Лизы* отличается необыкновенной *цѣльностью*, въ немъ нѣтъ разлада, нѣтъ внутреннихъ противорѣчій.—Ея душевный организмъ несложенъ, но поражаетъ своей красотой и глубиной. Лиза съ дѣтства жила своею внутренней жизнью, отличалась серьезностью и замкнутостью. Съ окружающими обращалась сдержанно и ни къ кому въ семьѣ не ласкалась, но не по недостатку любви, а по какой-то врожденной стыдливости въ выраженіи своихъ чувствъ. Впрочемъ, никто изъ окружающихъ, за исключеніемъ няни Агаѳьи, не былъ ей близокъ духовно, не имѣлъ на нее вліянія. Она развивалась вполнѣ самостоятельно: ничто, чуждое ея натурѣ, не прививалось къ ней,— ни легкомысліе и дешевый скептицизмъ француженки-гувернантки, ни слащавая сентиментальность матери. Эти черты: серьезность, сдержанность, самостоятельность, помогли ей навсегда сохранить душевную чистоту, среди ничтожности и пошлости окружающей жизни. Лиза и впослѣдствіи жила своей особенной жизнью, въ особомъ духовномъ мірѣ, недоступномъ для пониманія окружающихъ. „У ней не было своихъ словъ, но были свои мысли, и *шла она своею дорогой*“, говоритъ о ней Тургеневъ. То, что̀ жило и росло въ ея душѣ, было настолько чуждо для другихъ, что она даже не чувствовала потребности раскрыть свою душу и жила одинокою жизнью, какъ бы въ духовномъ монастырѣ, оставаясь замкнутой и непонятной даже для умной и проницательной, сердечно любящей ее Марѳы Тимоѳеевны, которая намекаетъ очевидно на нее, говоря, что „чужая душа — потемки, а дѣвичья и подавно“. Но несмотря на эту сдержанность и затаенность, обаяніе ея свѣтлой личности такъ велико, что ему подчиняются всѣ, приходящіе съ ней въ соприкосновеніе: не только Леммъ и Лаврецкій, но даже сухой и эгоистичный, хотя и надѣленный внѣшнимъ блескомъ и талантливостью, Паншинъ.

Цѣльность и независимость ея характера.

Основныя черты: религіозность.

Въ основѣ характера Лизы лежатъ двѣ главныя черты, тѣсно другъ съ другомъ связанныя: это—*глубокая религіозность* и чрезвычайно тонкое *нравственное чувство*. Религіоз-

ность проникаетъ собою все ея существо, служитъ основнымъ фономъ всей ея душевной жизни. На развитіе религіозности въ душѣ Лизы имѣла вліяніе ея няня Агаѳья, однако не въ томъ смыслѣ, что она насадила въ душѣ Лизы это чувство, а въ томъ смыслѣ, что она своимъ словомъ и живымъ примѣромъ воспитала его, дала опредѣленную форму неяснымъ порывамъ и задаткамъ, уже лежавшимъ въ натурѣ дѣвочки; Агаѳья разсказывала ей „житіе Пречистой Дѣвы, житіе отшельниковъ, угодниковъ Божіихъ, святыхъ мученицъ; она говорила Лизѣ, какъ жили святые въ пустынѣ, какъ спасались, голодъ терпѣли и нужду,—и царей не боялись, Христа исповѣдывали; какъ имъ птицы небесныя кормъ носили, и звѣри ихъ слушались... Лиза слушала ее—и образъ Вездѣсущаго, Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу, наполнялъ ее чистымъ, благоговѣйнымъ страхомъ, а Христосъ становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ“. Въ основѣ религіознаго чувства Лизы лежитъ глубокая, мистическая *любовь къ Богу*. Она вездѣ чувствуетъ Его незримое присутствіе, чувствуетъ себя передъ лицомъ Божіимъ, во всѣхъ случаяхъ жизни обращается къ Нему съ молитвой или благодарностью: такъ, напр., послѣ рѣшительнаго объясненія съ Лаврецкимъ въ саду Калитинскаго дома, въ то время, какъ Лаврецкій, счастливый и влюбленный, упивается волшебною музыкой Лемма,—„Лиза также не спала: она молилась“. Молиться научила ее та же Агаѳья. Иногда Агаѳья будила ее на зарѣ и брала съ собою къ заутренѣ: „Лиза шла за ней на цыпочкахъ, едва дыша; холодъ и полусвѣтъ утра, свѣжесть и пустота церкви, самая таинственность этихъ неожиданныхъ отлучекъ,—вся эта смѣсь запрещеннаго, страннаго, святого, потрясала дѣвочку, проникала въ самую глубь ея существа“. И впослѣдствіи посѣщеніе церкви было ея любимымъ дѣломъ: она шла къ обѣднѣ, какъ на праздникъ, и молилась „съ наслажденіемъ, съ какимъ-то сдержаннымъ и стыдливымъ порывомъ“. Здѣсь въ церкви, проникаясь высокимъ смысломъ, красотой и поэзіей православнаго богослуженія, Лиза сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, чувствовала свою близость къ Богу, свою живую связь съ Нимъ. Вникая въ слова литургіи, она выносила изъ церкви ту *мысль о Вѣчномъ*, которая является господствующей въ ея настроеніи.

Характеръ ея религіозности.

Эту мысль она выразила въ разговорѣ съ Лаврецкимъ „Христіаниномъ нужно быть не для того, чтобы познавать небесное... тамъ... земное, а для того, что каждый человѣкъ долженъ умереть“. Это не значитъ, что Лиза боится смерти, боится ожидающаго за гробомъ возмездія; наоборотъ, на смерть она смотритъ, какъ на переходъ къ новой, лучшей и вѣчной жизни, какъ на конечное соединеніе съ Богомъ, къ котораго она любитъ такой нѣжной и восторженной любовью; поэтому мысль о смерти, о которой она, по собственнымъ словамъ, думаетъ часто, не имѣетъ для нея ничего мрачнаго, ничего устрашающаго.

Нравственная чуткость.

Другою господствующей чертою личности Лизы является ея необычайно тонкое *нравственное чутье*, зоркая и неподкупная *совѣсть*. Она замѣняетъ ей жизненный опытъ, руководитъ ея поведеніемъ и въ каждомъ данномъ случаѣ указываетъ ей съ непреложною вѣрностью, какъ она должна поступить. И совѣсть ея, озаренная свѣтомъ Христова ученія, дѣйствительно, является надежною руководительницей. Но несмотря на это, не легко живется ей въ мірѣ, среди людей. Самая близость къ Богу, постоянная мысль о Вѣчномъ, невольно отчуждаютъ ее отъ временнаго, земного. Притомъ благодаря своей нравственной чуткости, она инстинктивно чувствуетъ, какъ много въ жизни неправды и зла, какъ много грѣха и страданія, но въ то же время боится осуждать кого бы то ни было, — даже женщину, которая разбила жизнь любимаго человѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ ея собственную жизнь. „Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ кроткимъ и добрымъ, *она любила всѣхъ и никого въ особенности*; она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно“. Она любила всѣхъ людей, и хорошихъ, и дурныхъ, любила, какъ дѣтей Божіихъ, какъ членовъ Божьяго царства, но жить среди нихъ ей было тяжело, потому что ей чужды были ихъ мелочныя заботы, и мучительно было царившее среди нихъ зло. Подобно Касьяну (изъ „Записокъ Охотника“), она думаетъ, что въ мірѣ нельзя прожить безъ грѣха, и потому инстинктивно сторонится отъ жизни: уже давно лелѣяла она мысль о монастырѣ, да и среди людей жила уединенно, какъ будто затворясь въ духовной кельѣ. Но въ монастырь она хочетъ итти не только для своего личнаго душевнаго

Отношеніе къ людямъ и къ жизни.

ласенія, а для того, чтобы имѣть возможность безъ помѣхи разсѣянія молиться за другихъ, за грѣховный міръ. „Я се знаю, и свои грѣхи, и чужіе, и какъ папенька богатство нажилъ; я все знаю. Все это отмолить, отмолить надо...“ оворитъ она передъ уходомъ въ монастырь. Для себя она ичего не проситъ, уповая на благость и милосердіе Божіе, очно такъ же, какъ Лукерья („Живыя Мощи“), молящаяся и одатайствующая за другихъ.—Эти два народныхъ типа недаомъ вспоминаются и напрашиваются на сравненіе съ Лизой. иза еще въ большей степени, чѣмъ Татьяна Пушкина, ыла „русская душою“. Вліяніе няни Агаѳьи, молитвенное щеніе съ народомъ въ храмѣ, во время богослуженія, еще олѣе укрѣпили въ ней эту природную черту. „Лизѣ и въ олову не приходило, что она патріотка; но ей было по душѣ русскими людьми; русскій складъ ума ее радовалъ; она, чинясь, по цѣлымъ часамъ бесѣдовала съ старостой маринскаго имѣнія, когда онъ пріѣзжалъ въ городъ, и бедовала съ нимъ, какъ съ ровней, безъ всякаго барскаго исхожденія“. Эти національныя симпатіи Лизы сказались при столкновеніи Лаврецкаго съ Паншинымъ: она всецѣло ановится на сторону перваго, защищающаго русскій надъ и его право на самобытное развитіе отъ высокомѣрныхъ падокъ петербургскаго чиновника; этотъ споръ, въ котомъ побѣдителемъ остается Лаврецкій, въ сущности рѣшилъ ончательно сближеніе ихъ, потому что „оба они поняли ъ словъ, что тѣсно сошлись въ этотъ вечеръ, поняли, что любятъ и не любятъ одно и то же“.

Отсутствіе эгоизма.

Подобно Касьяну и Лукерьѣ, Лиза вовсе *не думаетъ о ѣ*, о своемъ личномъ счастьѣ. Въ этомъ смыслѣ *чувство чности* не играетъ никакой роли въ ея жизни, въ ней тъ *никакихъ эгоистическихъ стремленій*. Болѣе того: саое стремленіе къ личному счастію кажется ей грѣховнымъ кушеніемъ, потому, что, привязывая человѣка къ земному, именному, оно мѣшаетъ ему сосредоточить всѣ свои поклы на вѣчномъ, отдаляетъ его отъ Бога. Съ точки зрѣ- того широкаго альтруистическаго чувства, которое жило душѣ Лизы и которое обнимало всѣхъ людей въ одинакой степени („она любила всѣхъ и никого въ особенности“), вязанность къ *одному* человѣку, любовь къ *своей* семьѣ, жны ей казаться узкими и эгоистичными. Притомъ Лиза

Взглядъ на личное счастіе.

во всемъ привыкла съ довѣріемъ подчиняться волѣ Про
дѣнія: „счастье на землѣ зависитъ не отъ насъ“, говори
она Лаврецкому, — поэтому она въ своихъ поступкахъ ру
водится лишь чувствомъ долга, голосомъ совѣсти, предос
вляя остальное суду Божьему. Вотъ почему любовь къ Л
рецкому такъ сильно взволновала ее, внесла нѣкоторый, х
и временный разладъ и смущеніе въ ея душу. Этого р
лада не было въ ея отношеніяхъ къ Паншину. Если бы
явился Лаврецкій, она, вѣроятно, уступая желанію матер
вышла бы за него замужъ; но она пошла бы за Панши
человѣка, далекаго ей по духу, не ради личнаго счаст
а ради того, что̀ она считала исполненіемъ своего земн
долга: для нея, какъ для Пушкинской Татьяны „всѣ бы
жребіи равны“, потому что не на земное счастіе были
правлены помыслы Лизы, а на стремленіе къ небесному,
вѣчному. Но явился Лаврецкій — и „первый нарушилъ
тихую внутреннюю жизнь“.

Исторія ея любви къ Лаврецкому.

Онъ сразу показался ей симпатичнымъ, она почувствовала
немъ родственную душу. Лиза знала, что онъ несчастливъ, что
страдаетъ, — и первое чувство ея по отношенію къ Лаврецк
было чувство жалости, состраданія. Она старается убѣдить Л
рецкаго простить жену, примириться съ нею, потому что стр
смотритъ на бракъ, считаетъ его нерасторжимымъ; „какъ же мож
разлучать то, что Богъ соединилъ“.—„Вы должны простить, е
хотите, чтобы и васъ простили“, говоритъ она, стараясь убѣд
его въ томъ, что „надо покоряться“, надо безропотно нести с
жизненный крестъ. Затѣмъ, когда Лаврецкій сообщаетъ ей о сме
жены и не можетъ скрыть своей невольной радости, при мысли
полученной свободѣ, она ужасается этого настроенія Лаврецка
которое кажется ей грѣховнымъ. Она объясняетъ себѣ это
строеніе Лаврецкаго тѣмъ, что онъ человѣкъ невѣрующій, и с
витъ себѣ задачей „привести его къ Богу“, зоветъ его въ церко
чтобы помолиться за упокой души его жены. Но намеки Лавр
каго и интересъ, который она сама чувствуетъ къ его личной жиз
открываетъ ей наконецъ глаза на характеръ ея собственнаго ч
ства къ нему. Немногими и нерѣзкими чертами, не вдаваясь
подробный психологическій анализъ, полунамеками обрисовыва
Тургеневъ (въ 32-ой главѣ) внутреннюю борьбу, которая проис
дитъ въ душѣ Лизы, когда она чувствуетъ, какъ просыпается
ней любовь и жажда личнаго счастья, о которомъ раньше она
все не думала. Смущеніе и тайная тревога наполняютъ ея серд
потому что она не знаетъ, какъ согласовать свое новое чувс
съ прежнимъ спокойнымъ и возвышеннымъ строемъ своей ду
Она даже избѣгаетъ Лаврецкаго, словно боится его. „Я сама с

е знаю", говоритъ она, чувствуя себя не въ силахъ разобраться ъ своемъ сложномъ душевномъ состояніи, — и по своему обыкно-енію, она ищетъ разрѣшенія своимъ сомнѣніямъ—въ молитвѣ. Это остояніе смущенія и отчужденности продолжается до тѣмъ поръ, ока изъ спора Лаврецкаго съ Паншинымъ Лиза не убѣждается, акъ много у нея общихъ взглядовъ и симпатій съ Лаврецкимъ. а этимъ споромъ, сблизившимъ, ихъ духовно, слѣдуетъ оконча-ельное объясненіе, открывающее Лизѣ возможность личнаго, зем-ого счастья.

Развязка романа.

Полюбивъ Лаврецкаго, Лиза не была спокойна, „сердце нея все щемило", какъ она сама говоритъ теткѣ. Стрем-еніе къ *личному* счастью должно было ей казаться эгоисти-ескимъ, а потому грѣховнымъ, представлялось ей какъ бы змѣной — единой, всепоглощающей любви къ Богу. Вотъ очему, когда пріѣздъ Варвары Павловны разбиваетъ ея адежды на счастье, она говоритъ Лаврецкому, что „скоро ыла наказана". Единственнымъ выходомъ изъ этого поло-ленія представляется ей поступленіе въ монастырь: въ этомъ на видитъ теперь исполненіе своего „долга". И этотъ вы-одъ является при ея господствующемъ душевномъ настрое-и вполнѣ естественнымъ. Лиза, по натурѣ своей,—*„не отъ іра сего"*: какъ Касьянъ уходитъ отъ людей, потому что справедливости въ человѣкѣ нѣтъ", и скитается по свѣту ъ поискахъ „правды", такъ и Лиза удаляется отъ міра въ онастырь, — но удаляется для того, чтобы служить этому рѣховному міру—своею молитвою. Ни примириться съ пош-остью и неправдою жизни, ни бороться противъ нихъ Лиза ъ можетъ, потому что бороться противъ зла значитъ, въ сущ-ости, бороться противъ дурныхъ и порочныхъ людей, даже ненавидѣть ихъ, а къ такимъ чувствамъ Лиза, вся проник-нутая чистою евангельскою любовью, любовью всепрощенія, синаковою для всѣхъ людей, какъ хорошихъ, такъ и дур-ныхъ, рѣшительно неспособна. Поэтому ей остается только но: уйти отъ людей — и въ монастырскомъ уединеніи мо-ться за нихъ. Въ этомъ отрѣшеніи отъ всякихъ земныхъ адеждъ сказывается своего рода нравственный героизмъ Лизы, сказывается присущая ей, несмотря на всю душевную ежность и кротость, сила воли, самостоятельность и твер-дость: когда ея рѣшеніе было окончательно принято, ника-кія препятствія не могли уже ее остановить. Можно, пожа-луй, возразить, что Лиза могла бы больше принести пользы

Причины ухода Лизы въ монастырь.

людямъ, оставаясь среди нихъ, въ міру; но, во-первых нужно имѣть въ виду, что послѣ пережитаго глубокаго трясенія у Лизы едва ли было достаточно силъ для то чтобы вести прежнюю жизнь; во-вторыхъ, что касается пол зы, то высокую нравственную пользу она и безъ того пр несла людямъ, какъ тѣмъ, которые соприкасались съ н въ жизни, напр., Лаврецкому, такъ и тѣмъ, которые знак ее лишь изъ романа: образъ этой *праведницы*, нарисованн Тургеневымъ съ такой трогательной любовью, еще долго утратитъ своего облагораживающаго вліянія на душу тателей, и еще много новыхъ поколѣній будетъ плака чистыми слезами умиленія и свѣтлой грусти надъ стра цами романа, въ которыхъ отразился ея дѣвственно-чисты нѣжный и строгій ликъ.

Лаврецкій. Другое главное дѣйствующее лицо въ романѣ—Лавр кій. Тургеневъ подробно останавливается на его характер стикѣ, разсказываетъ о его ближайшихъ предкахъ (къ „д рянскому гнѣзду“ Лаврецкихъ и относится заглавіе роман

Его отецъ. Особенное вліяніе на судьбу Лаврецкаго имѣлъ его отец хотя вліяніе далеко не благотворное. Это былъ типичн представитель поверхностнаго, напускного европеизма, торымъ отличалось русское образованное общество 18-го начала 19-го вѣка. Воспитателемъ его былъ французскій бат, поклонникъ энциклопедистовъ, который однако ог ничился тѣмъ, что „влилъ цѣликомъ въ своего воспитанни всю премудрость XVIII вѣка, и онъ (т.-е. Лаврецкій) такъ ходилъ, наполненный ею; она пребывала въ немъ, не см шавшись съ его кровью, не проникнувъ въ его душу, сказавшись крѣпкимъ убѣжденіемъ“. Впослѣдствіи, побыва въ Англіи, Лаврецкій сдѣлался ярымъ *англоманомъ*, но англоманство это было чисто внѣшнее, выражалось главны образомъ въ костюмѣ, въ манерахъ, въ привычкахъ [1]).

---

[1]) Отецъ Лаврецкаго принадлежалъ, очевидно, къ разряду тѣхъ, вольно многочисленныхъ у насъ англомановъ, которые всю суть вид въ усвоеніи внѣшнихъ формъ англійской жизни. Еще Грибоѣдовъ отмѣти этотъ типъ въ лицѣ «князя Григорія», о которомъ Репетиловъ отзывает

Чудакъ единственный! Насъ со смѣху моритъ.
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка;
И такъ же онъ сквозь зубы говоритъ,
И такъ же коротко остриженъ для порядка.

одинѣ онъ всѣмъ былъ недоволенъ, все осуждалъ, особенно
змущался отсутствіемъ „системы“ въ государственной и об-
ественной жизни, занимался проектами всеобщаго пере-
стройства, — вообще старался выказать свою дѣловитость и
иберализмъ, и даже щеголялъ патріотизмомъ (также заим-
твованнымъ: англичане, какъ извѣстно, большіе патріоты);
а самомъ же дѣлѣ Лаврецкій даже не сдѣлалъ попытки
ровести въ жизнь вывезенные имъ взгляды: вокругъ него
все осталось по-старому, только оброкъ кой-гдѣ прибавился,
а барщина стала потяжелѣе, да мужикамъ запретили обра-
аться прямо къ Ивану Петровичу: патріотъ очень ужъ пре-
ралъ своихъ согражданъ“. Впослѣдствіи, въ концѣ жизни,
есь этотъ налетъ внѣшняго европеизма совершенно соско-
илъ съ Лаврецкаго, и обнаружился его настоящій характеръ,
лабый, капризный и деспотичный.

Воспитаніе молодого Лаврецкаго совпадало съ періодомъ
нгломанства его отца. Англоманъ подчинилъ его воспитаніе
трогой *системѣ*. „Я хочу сдѣлать изъ него человѣка, un
omme,—говорилъ онъ,—и не только человѣка, но спартан-
а“. Для этого мальчика стали закаливать, одѣли въ шот-
ландскій костюмъ, приставили къ нему швейцарца, „изучив-
аго гимнастику до совершенства; музыку, какъ занятіе
одостойное мужчины, изгнали навсегда; естественныя на-
ки, международное право, математика, столярное ремесло,
о совѣту Жанъ-Жака Руссо, и геральдика, для поддержа-
ія рыцарскихъ чувствъ, — вотъ чѣмъ долженъ былъ зани-
аться будущій *человѣкъ*“. Эта нелѣпая „система“ принесла
льзу только здоровью молодого Лаврецкаго, въ остальномъ
ка оказалась для него чрезвычайно пагубной: она сбила
о съ толку, поселила путаницу въ его головѣ, „*вывихнула*“
о, какъ онъ самъ выражается. Воспитаніе *вовсе не подго-*
овило его къ жизни; стараясь выработать изъ своего сына
кого-то „спартанца“, отецъ Лаврецкаго не подумалъ о томъ,
обы сообщить ему знанія, необходимыя для него, какъ для
сскаго дворянина, необходимыя для его будущей жизнен-
й дѣятельности. Кромѣ того, „англоманъ“, самъ относив-
йся къ людямъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, ни съ
мъ не сходившійся, и сына своего держалъ въ „искус-
зенномъ уединеніи“. Поэтому, когда молодому Лаврецкому
ишлось вступить въ жизнь, онъ *не зналъ ни жизни, ни лю-*

Воспитаніе Лаврецкаго.

Недостатки этого воспитанія

дей,—и вполнѣ понятно, что онъ весьма легко могъ въ ни ошибиться, какъ ошибся онъ въ своей женѣ, — эта ошиб роковымъ образомъ отразилась на всей его дальнѣйшей жизн

Нравственныя черты Лаврецкаго.

Но, испортивъ ему существованіе, „система“ не мог однако испортить его характеръ. Добрые нравственные з датки, унаслѣдованные Лаврецкимъ отъ матери-крестьянк сохранились въ его душѣ неприкосновенными и помогли е впослѣдствіи выйти на вѣрную дорогу. Уже рано началъ о замѣчать „разладицу между словами и дѣлами отца, меж его широкими либеральными теоріями и черствымъ, мелки деспотизмомъ“. Такимъ образомъ, несмотря на господст „системы“, онъ сохранилъ извѣстную духовную независ мость, сохранилъ возможность самобытнаго развитія. Поэтом

Его духовная независимость.

какъ только представилась возможность, онъ занялся сер езной работой надъ своимъ образованіемъ, недостатки ко раго онъ ясно сознавалъ. Лаврецкій поступилъ въ Московск университетъ; будучи гораздо старше своихъ товарищей воспитанный въ отчужденіи отъ людей, Лаврецкій ни кѣмъ особенно близко не сошелся, не примкнулъ ни къ о ному изъ существовавшихъ студенческихъ кружковъ. философское идеалистическое направленіе, господствовавш въ этихъ кружкахъ, оказало и на него свое воспитывающ вліяніе, главнымъ образомъ черезъ Михалевича, восторже наго и благороднаго энтузіаста. Поэтому Лаврецкаго мож также причислить къ идеалистамъ 40-хъ годовъ, хотя иде лизмъ его носилъ нѣсколько иную окраску, чѣмъ, напр., Рудина. Нелѣпое воспитаніе Лаврецкаго, построенное на по номъ пренебреженіи, отрицаніи всѣхъ запросовъ и потре ностей русской жизни, имѣвшее цѣлью создать изъ не какого-то отвлеченнаго „человѣка“—„спартанца“, ничѣмъ связаннаго съ родною почвой,—это воспитаніе должно бы вызвать въ здоровой душѣ Лаврецкаго естественную реакці привести его къ отрицанію того фальшиваго европеизма, к торый заключался въ слѣпомъ и поверхностномъ подражан западнымъ образцамъ. Самъ Тургеневъ назвалъ Лаврецка „*славянофиломъ*“. Описывая первыя впечатлѣнія его при во вращеніи въ деревню, Тургеневъ отмѣчаетъ охватившее е „глубокое и сильное чувство родины“ и то успокоительн вліяніе, которое это чувство оказываетъ на его душевное н строеніе. Яснѣе всего славянофильскіе взгляды и симпат

Лаврецкаго выражаются въ его спорѣ съ Паншинымъ. Въ этомъ спорѣ онъ „отстаивалъ молодость и самостоятельность Россіи, онъ доказывалъ невозможность скачковъ и надменныхъ передѣлокъ, не оправданныхъ ни знаніемъ родной земли, ни дѣйствительной вѣрой въ идеалъ; приводилъ въ примѣръ свое собственное воспитаніе, требовалъ прежде всего признанія народной правды и смиренія передъ нею, — того смиренія, безъ котораго и смѣлость противъ лжи невозможна". Когда же Паншинъ задаетъ ему вопросъ, что же онъ намѣренъ дѣлать, поселившись на родинѣ, Лаврецкій отвѣчаетъ: „Пахать землю, и стараться какъ можно лучше ее пахать", — т.-е., другими словами, отказавшись отъ всякихъ широкихъ плановъ, „надменныхъ передѣлокъ" жизни, примириться съ нею, дѣлать на мѣстѣ свое маленькое дѣло, стараясь по мѣрѣ силъ приносить пользу окружающимъ. И Лаврецкій не ограничился одними словами, но осуществилъ свою мысль и на дѣлѣ: „онъ дѣйствительно сдѣлался хорошимъ хозяиномъ, дѣйствительно выучился пахать землю, и трудился не для одного себя: онъ, насколько могъ, *обезпечилъ и упрочилъ бытъ своихъ крестьянъ*".

Народныя симпатіи.

Въ этой незамѣтной, но плодотворной дѣятельности для блага другихъ Лаврецкій нашелъ себѣ замѣну личнаго счастья, нашелъ душевное успокоеніе и примиреніе съ жизнью. Нѣкогда Михалевичъ упрекалъ его въ томъ, что онъ „желалъ себѣ самоуслажденія, желалъ счастія въ жизни, хотѣлъ жить только для себя", что онъ „искалъ себѣ опоры тамъ, гдѣ ея найти нельзя, строилъ свой домъ на зыбкомъ пескѣ": Михалевичъ называлъ его „эгоистомъ", „отсталымъ вольтерьянцемъ" (по терминологіи 30-хъ годовъ это значило почти то же, что „эпикуреецъ") „сознательнымъ байбакомъ". Лаврецкій смѣялся надъ этими опредѣленіями, спорилъ противъ нихъ, защищался, — но многія слова Михалевича, этого безкавѣтнаго идеалиста-романтика, „неотразимо вошли ему въ душу", по выраженію Тургенева, и, очевидно, оказали свое вліяніе. Затѣмъ на Лаврецкаго обрушилось новое несчастіе, навсегда разбившее его личную жизнь. Но это несчастіе, — потеря Лизы, — не сломило и не ожесточило его. Его хорошіе нравственные задатки помогли ему перенести этотъ ударъ, найти себѣ выходъ къ примиренію съ судьбой. — Изъ перенесеннаго испытанія онъ вынесъ убѣжденіе, которое вмѣстѣ съ

Жизненная дѣятельность

Главная идея романа.

тѣмъ составляетъ *главную идею* романа. Идея эта заключает въ томъ, что смыслъ жизни состоитъ не въ исканіи лична счастья, а въ плодотворной работѣ на пользу общую: кто в свое существованіе оснуетъ на заботѣ о личномъ счасть тотъ „строитъ на зыбкомъ пескѣ“, потому что счастье—веш измѣнчивая и непрочная; только тотъ, кто свяжетъ свою ли ную жизнь съ какой-нибудь высшей идеей, подчинитъ велѣніямъ нравственнаго долга и будетъ стараться своею д ятельностью приносить посильную пользу,—только тотъ м жетъ въ случаѣ несчастія избѣжать нравственнаго паден и сохранить свои силы для жизни и труда. Поколѣнію Ла рецкихъ приходилось самому, путемъ тяжелой внутренне работы, среди невольныхъ ошибокъ и разочарованій, выраб тывать это убѣжденіе, которое не могли ему внушить ни во питаніе, ни окружающая среда; для новыхъ поколѣній уж не потребуется такого труда и выработанная отцами истин войдетъ въ ихъ жизнь, какъ законное наслѣдіе. Эту мысл выражаетъ самъ Лаврецкій въ своемъ послѣднемъ трогател номъ обращеніи къ молодежи, собравшейся въ Калитинском домѣ: „Играйте, веселитесь, растите, молодыя силы,—думал онъ, и не было горечи въ его думахъ: — жизнь у васъ впе реди, и вамъ легче будетъ жить: вамъ не придется, как намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и встава среди мрака; мы хлопотали о томъ, какъ бы уцѣлѣть — сколько изъ насъ не уцѣлѣло! — а вамъ надобно дѣло д лать, работать, — и благословеніе нашего брата, старика, бу детъ съ вами“...

Б. Наканунѣ.

Историческій моментъ, отразившійся въ романѣ.

Неудачный исходъ Крымской кампаніи ясно обнаружилъ что несмотря на внѣшнее могущество Россіи, государствен ный и общественный организмъ ея страдаетъ важными не достатками. Сознаніе этихъ недостатковъ и необходимост ихъ устраненія пробудило дремавшія силы русскаго общества Съ начала новаго царствованія правительство вышло на но вый путь, занялось подготовкой коренныхъ реформъ въ облас государственной жизни и общественныхъ отношеній. Печат и общественному мнѣнію было предоставлено значительн болѣе простора для обсужденія этихъ вопросовъ. Въ обще

твѣ началось усиленное броженіе. Для предполагаемыхъ еформъ потребовались и новые люди, энергичные, дѣятельные, близко знакомые съ дѣйствительной жизнью, способные ъ упорной работѣ и борьбѣ: они должны были смѣнить юдей Рудинскаго типа, ограничивавшихся отвлеченной выраоткой взглядовъ и не умѣвшихъ отъ слова перейти къ дѣлу.

Тургеневъ, обладавшій способностью чутко улавливать мѣну общественныхъ настроеній и воплощать ихъ въ своихъ роизведеніяхъ, — „уловлять моментъ", по выраженію одного ритика,—изобразилъ также и этихъ *новыхъ людей*, основной ертой которыхъ была жажда широкой *практической дѣяельности* на общую пользу. Типы этихъ представителей оваго поколѣнія онъ вывелъ впервые въ романѣ *„Наканунѣ"*, аписанномъ въ 1859 году.

Фабула этого романа основана на дѣйствительномъ факѣ,—этимъ и объясняется, почему героемъ его является боларинъ. Самое заглавіе романа относится къ опредѣленному сторическому моменту: дѣйствіе его происходитъ *наканунѣ* рымской кампаніи, вызвавшей броженіе и среди славянскихъ народностей Турціи; но въ болѣе широкомъ смыслѣ главіе это можетъ быть отнесено и къ современному полоенію самой Россіи, которая въ эту эпоху находилась *наканунѣ* широкихъ реформъ, вызвавшихъ оживленіе общественныхъ силъ.

Елена, какъ типъ новой женщины.

Центральнымъ лицомъ въ романѣ является Елена. Это— инъ изъ тѣхъ *сильныхъ женскихъ типовъ*, которыхъ такъ обилъ изображать Тургеневъ, и которымъ поэтому по преуществу принадлежитъ наименованіе „Тургеневскихъ женинъ". Ихъ онъ обыкновенно противопоставлялъ своимъ звольнымъ и бездѣятельнымъ мужскимъ героямъ, „лишнимъ одямъ". Первымъ очеркомъ этого типа является Наталья „Рудинѣ", но это очеркъ еще довольно блѣдный, въ коомъ характерныя черты типа едва намѣчены. Наталья — естная, страстная, горячая натура", по выраженію Лежнева. а не удовлетворена окружающей жизнью, мечтаетъ о какойширокой дѣятельности, даже о самопожертвованіи. Она зствуетъ себя одинокой, ей не съ кѣмъ подѣлиться своими итами и думами, и потому въ ея характерѣ развивается ытность, затаенность. Никто изъ окружающихъ не имѣетъ

на нее замѣтнаго вліянія; въ натурѣ ея есть самостоятел
ность и эту самостоятельность она проявляетъ, когда р
шается покинуть родной домъ и соединить свою судьбу с
Рудинымъ, который произвелъ на нее такое неотразимое вп
чатлѣніе своими благородными рѣчами.

Основныя черты характера.

Тѣ же типическія черты встрѣчаемъ мы и въ характер
Елены, но только въ ней онѣ болѣе ярко выражены и ясн
показанъ самый процессъ ихъ развитія. Въ семьѣ своей Еле
была одинока. Ни отецъ, ни мать не могли на нее имѣ
вліянія; вообще положеніе ея относительно родителей бы
довольно ненормально, потому что мать, женщина слабая
болѣзненная, жаловалась ей на отца, дѣлала ее какъ
судьей въ семейномъ раздорѣ. Такимъ образомъ Елена ра
вивалась одиноко и самостоятельно, подобно Лизѣ, но
совершенно иномъ направленіи, чѣмъ она, что̀ зависѣло о
коренной разницы ихъ натуръ. Въ характерѣ Елены совсѣ
не было той мягкости, кротости, которой такъ много у
роини „Дворянскаго Гнѣзда". Подобно Лизѣ, Елена—нату
цѣльная, чуждая раздвоенности и внутреннихъ противорѣч
но эта цѣльность проявляется въ ней съ какой-то рѣзкость
прямолинейностью, которая доводитъ ее до *нетерпимости*
всему, что противорѣчитъ ея симпатіямъ и стремленіям
„Слабость возмущала ее, глупость сердила, ложь она не п
щала, «во вѣки вѣковъ»; требованія ея ни передъ чѣмъ
отступали. Стоило человѣку потерять ея уваженіе, — а су
произносила она скоро, часто слишкомъ скоро, — и ужъ о
переставалъ существовать для нея". Таково, напр., ея от
шеніе къ Шубину, котораго она презираетъ за его непосто
ство, за легкомысліе, за недостаточно серьезное отношеніе
жизни и ея задачамъ, не принимая во вниманіе, что все
является слѣдствіемъ не дурныхъ нравственныхъ свойст
а молодости, увлекающагося темперамента, артистическ
склада натуры.

Стремленіе къ дѣятельности.

Главное, что бросается въ глаза въ характерѣ Еле
это—*жажды дѣятельности*, жажда дѣятельнаго добра.
черта проявляется у нея еще въ дѣтствѣ. Видъ всякаго ст
данія глубоко ее трогалъ и она старалась, насколько
можно, облегчить его, прійти на помощь. Не только ни
голодные и больные, но также „всѣ притѣсненныя животн
худыя дворовыя собаки, осужденные на смерть котята,

павшіе изъ гнѣзда воробьи находили въ Еленѣ покровительство и защиту". Особенно сблизилась она съ одной нищей-дѣвочкой Катей. Отъ нея она узнала, какъ тяжело живется на свѣтѣ бѣднымъ людямъ, какъ много въ мірѣ страданій и зла, и мысль объ этомъ прочно овладѣла ея чувствомъ и воображеніемъ, возбудила въ ней стремленіе посвятить свои силы служенію несчастнымъ и угнетеннымъ.

Окружающая жизнь не удовлетворяетъ Елены. Еще въ дѣтствѣ, подъ вліяніемъ разсказовъ Кати, она мечтала о томъ, чтобы уйти куда-нибудь и „жить на всей Божьей волѣ".

Отношеніе къ людямъ.

Точно такъ же не удовлетворяли ея и окружающіе люди, со своими обыденными слабостями и недостатками. Она, по ироническому замѣчанію Шубина, „все отыскиваетъ замѣчательныхъ людей". Такъ, напр., она и Берсенева спрашиваетъ, не было ли у него среди товарищей какого-либо замѣчательнаго человѣка, и этотъ именно вопросъ Елены наводитъ Берсенева на мысль познакомить ее съ Инсаровымъ.

Тургеневъ подробно изображаетъ возникновеніе и развитіе чувства любви къ Инсарову въ душѣ Елены. Для удобства психологическаго анализа онъ прибѣгаетъ къ выдержкамъ изъ дневника молодой дѣвушки. Елена, живя одинокою жизнью, не имѣя никого, съ кѣмъ она могла бы подѣлиться мыслями и впечатлѣніями, нерѣдко обращалась къ дневнику, когда чувствовала потребность высказаться, уяснить себѣ свое душевное состояніе. Но и дневнику она далеко не все довѣряетъ, иногда обрываетъ себя на полусловѣ: настолько велика ея сдержанность и замкнутость, развившіяся подъ вліяніемъ духовнаго одиночества. Тѣмъ не менѣе изъ дневника Елены достаточно выясняется то душевное настроеніе ея, на почвѣ котораго зародилась ея любовь къ Инсарову, выясняется, почему именно на немъ долженъ былъ остановиться выборъ Елены. Прежде всего ее угнетаетъ чувство своего одиночества, отсутствіе близкаго и любимаго человѣка. „Я одна, все одна, со всѣмъ моимъ добромъ, со всѣмъ моимъ зломъ. Некому протянуть руку", жалуется она въ дневникѣ. Чужая поддержка, чужой совѣтъ необходимы Еленѣ главнымъ образомъ для того, чтобы опредѣлить себѣ свое собственное жизненное назначеніе, выйти изъ состоянія мучительной неудовлетворенности, найти выходъ для той жажды живой дѣятельности, которую она чувствовала въ себѣ. Воспитаніе.

Исканіе новаго пути.

которое она получила и которое вообще получали дѣвушки ея круга, совершенно не подготовило ея для того, чтобы самостоятельно разобраться въ волновавшихъ ее вопросахъ. женское поколѣніе того времени воспитывалось въ полной отрѣшенности отъ дѣйствительной жизни, въ искусственной обстановкѣ (большею частью въ строго-закрытыхъ заведеніяхъ) и по окончаніи образованія оказывалось совершенно незнакомымъ съ жизнью и людьми, и потому неспособнымъ къ какой либо серьезной жизненной дѣятельности. Впрочемъ, большею частью у молодыхъ дѣвушекъ даже не являлось потребности въ подобной дѣятельности и весь ихъ кругозоръ ограничивался лишь домашними и свѣтскими интересами.

Но не такова натура Елены; въ ея лицѣ представленъ нарождающійся типъ *новой женщины*, которая уже не удовлетворяется прежними узкими рамками жизни, въ которой уже проснулись болѣе широкіе интересы, вмѣстѣ съ стремленіями къ сознательной и полезной дѣятельности. Но если есть въ Еленѣ эти стремленія, то нѣтъ у нея знанія и подготовки для ихъ осуществленія: стремленія эти живутъ въ ея душѣ въ видѣ неясныхъ порывовъ; но ей необходима посторонняя помощь для того, чтобы эти порывы могли оформиться, для того, чтобы выяснилось, что̀ именно она должна дѣлать, въ чемъ ея жизненная задача. „О, если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ: вотъ что ты должна дѣлать!—восклицаетъ она.— Быть доброю—этого мало; дѣлать добро... да; это главное въ жизни. Но какъ дѣлать добро?“—передъ этимъ вопросомъ съ тоскою останавливается Елена. Ей нужно, чтобы кто-нибудь показалъ ей дорогу въ жизни, научилъ ее „дѣлать добро“. Ограничиться какъ прежде мелкою благотворительностью, подачей милостыни нищимъ, уходомъ за больными и брошенными животными она уже не можетъ: ей нужна широкая, всепоглощающая дѣятельность, которой можно было бы отдаться всецѣло, до самозабвенія. Люди, ее окружающіе, конечно, не въ состояніи указать ей дороги къ подобной дѣятельности, да и самое стремленіе ея для нихъ непонятно. Берсеневъ также не можетъ этого сдѣлать, потому что онъ— кабинетный ученый, человѣкъ, далеко стоящій отъ живой дѣйствительности, углубленный въ свои книги: Елена цѣнитъ его умъ, доброту и гуманность, но въ немъ она не находитъ того руководителя въ жизни, котораго ей надо.

Поэтому уже первое извѣстіе объ Инсаровѣ, еще до знакомства съ нимъ, производитъ на нее необыкновенно сильное впечатлѣніе. „Освободить свою родину! эти слова даже выговорить страшно, такъ они велики“... восклицаетъ она. Въ лицѣ Инсарова встрѣтила она наконецъ такого человѣка, вся жизнь котораго есть широкая дѣятельность на общее благо, служеніе великой цѣли, требующей настоящаго героизма. Впрочемъ при первомъ посѣщеніи Инсарова Елена испытала какъ будто нѣкоторое разочарованіе; но это зависѣло оттого, что она воображала увидѣть какого-то картиннаго „героя“ и потому не могла сразу оцѣнить спокойной простоты его обращенія. Но это первое впечатлѣніе тотчасъ же разсѣялось, какъ только она ближе познакомилась съ нимъ. Въ Инсаровѣ Елена увидала свой идеалъ, увидала человѣка, который самъ знаетъ, что ему дѣлать, и который можетъ научить этому и другого. Ясное сознаніе своей цѣли придаетъ Инсарову то сосредоточенное спокойствіе, которое поражаетъ Елену, особенно по сравненіи съ собственной внутренней тревогой и неопредѣленностью своихъ стремленій. „Онъ спокоенъ, а я въ вѣчной тревогѣ; у него есть дорога, есть цѣль, — а я, куда я иду? гдѣ мое гнѣздо?“. Это душевное спокойствіе Инсарова она совершенно справедливо объясняетъ тѣмъ, что у него „оттого такъ ясно на душѣ, что онъ весь отдался своему дѣлу, своей мечтѣ. Изъ за чего ему волноваться? Кто отдался весь... весь... тому горя мало“. Отношеніе къ Инсарову.

Пламенный патріотизмъ Инсарова, высокая цѣль, которой онъ служитъ, его неутомимая дѣятельность, обнаруживающая богатый запасъ энергіи и настойчивости, наконецъ, самая опасность, съ которою связаны его предпріятія, — все это въ глазахъ Елены высоко поднимаетъ Инсарова надъ уровнемъ окружающей ее среды, ставитъ его на недоступный для другихъ пьедесталъ, а въ ней самой вызываетъ чувство удивленія, преклоненія и беззавѣтной любви. Ради Инсарова и ради его дѣла, которому онъ служитъ, она покидаетъ семью и родину и уходитъ съ нимъ въ далекій полудикій край, чтобы раздѣлять съ нимъ всѣ грядущія опасности.

Обаяніе личности Инсарова было такъ велико въ душѣ Елены, что и послѣ его смерти она продолжала итти по тому пути, который онъ ей указалъ, какъ бы утративъ свободу самоопредѣленія: несмотря на всѣ просьбы матери, она не

вернулась на родину и отправилась въ Болгарію, чтобы пр
должать дѣло своего мужа: тамъ она, вѣроятно, и погибл
Отдавшись одному дѣлу всецѣло, со всей прямолинейност
своей натуры, она уже не видѣла для себя иного исход
вотъ почему въ отвѣтъ на уговоры матери она говорит
„вернуться въ Россію—зачѣмъ? что дѣлать въ Россіи?"—оч
видно не признавая, что и въ Россіи можетъ сыскаться дл
нея живое дѣло. Вообще въ характерѣ Елены есть нѣкотор
рѣзкость и сухость, составляющія ея недостатокъ и проявл
ющіяся, напр., въ ея отношеніи къ роднымъ; она сама с
знается, что „не умѣетъ быть несправедливой вполовину
сухость характера сказывается и въ отсутствіи эстетическа
чувства: она радуется, находя въ этомъ отношеніи сходст
между собою и Инсаровымъ: „мы оба стиховъ не любим
оба не знаемъ толка въ художествѣ"; на искусство она смо
ритъ, какъ на праздную забаву, какъ на занятіе совершен
безполезное, и потому съ явнымъ пренебреженіемъ относит
къ Шубину.

Отрицательныя черты.

Три главныхъ мужскихъ фигуры романа, взятыя порозн
характеризуются преобладаніемъ въ нихъ той или другой из
трехъ основныхъ *способностей* человѣческой души: въ Бе
сеневѣ преобладаетъ *умъ*, въ Шубинѣ — *чувство*, въ Инс
ровѣ—*воля*; взятые въ совокупности, они составили бы идеал
ный человѣческій типъ.

Инсаровъ, какъ типъ общественнаго дѣятеля.

Инсаровъ, по выраженію Берсенева, „желѣзный чел
вѣкъ", отличающійся замѣчательной *силою воли*. Его упо
ство и настойчивость проявляется какъ въ великомъ, так
и въ маломъ; Тургеневъ отмѣчаетъ, напр., мелкій, но хара
терный фактъ: когда Инсаровъ переселился на дачу Берс
нева, то его письменный столъ „никакъ не хотѣлъ помѣститьс
въ назначенный для него простѣнокъ; но Инсаровъ, со свой
ственной ему молчаливой настойчивостью, все-таки добилс
своего". Всѣ его поступки отличаются послѣдовательность
и опредѣленностью; онъ „никогда не мѣнялъ никакого своег
рѣшенія, точно такъ же, какъ никогда не откладывалъ испол
ненія даннаго обѣщанія". Иногда эта настойчивость даж
граничила съ упрямствомъ: эту черту тонко подмѣтилъ в
немъ Шубинъ, изобразившій Инсарова въ видѣ бодливог
барана. Вообще въ характерѣ его вовсе нѣтъ той душевно

мягкости, которою отличается, напр., Берсеневъ. „Жизнь — дѣло грубое“, говоритъ онъ, и потому не останавливается даже передъ грубыми пріемами борьбы, если этого требуютъ обстоятельства: таково значеніе эпизода въ Царицынскомъ саду, въ которомъ Инсаровъ проявилъ свою находчивость и стремительную рѣшительность.

Всѣ эти качества: сила воли, настойчивость, рѣшительность, самообладаніе, характеризуютъ Инсарова, какъ практическаго *дѣятеля*, въ противоположность созерцательнымъ натурамъ, подобнымъ Берсеневу и Шубину. Притомъ Инсаровъ дѣятель *общественный*: всѣ силы его посвящены служенію великой патріотической цѣли, — освобожденію родины отъ чужеземнаго ига. Онъ весь проникнутъ чувствомъ пламенной *любви къ родинѣ*; при одномъ упоминаніи ея имени, онъ весь разгорается, какъ бы вырастаетъ. Инсаровъ живетъ въ Россіи и занимается въ университетѣ только для того, чтобы лучше подготовиться для ожидавшаго его дѣла. При этомъ онъ интересуется лишь тѣми предметами, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ его дѣятельности, которые могутъ быть ему полезны. Отвлеченная философія и наука его мало занимаютъ: когда Берсеневъ сталъ ему толковать объ одномъ нѣмецкомъ философѣ (Фейербахѣ), Инсаровъ слушалъ его внимательно и даже возражалъ; но „изъ возраженій его видно было, что онъ старался дать самому себѣ отчетъ въ томъ, нужно ли ему заняться Фейербакомъ, или же можно обойтись безъ него“. Точно такъ же онъ вполнѣ равнодушенъ къ поэзіи и искусству, эстетическое чувство въ немъ совершенно не развито; но въ то же время онъ собираетъ болгарскія народныя пѣсни, хотя дѣлаетъ это не ради ихъ художественной красоты, а ради ихъ національнаго значенія. Инсаровъ точно инстинктивно избѣгаетъ разбрасываться въ разныя стороны, сосредоточивая всѣ свои силы на служеніи одному дѣлу.

Этому дѣлу, идеѣ освобожденія родины, онъ посвящаетъ всего себя, всѣ свои помыслы, всю свою жизнь; „наше время не намъ принадлежитъ“, говоритъ онъ въ отвѣтъ на выраженное удивленіе его неутомимой дѣятельности. Подчиняя все личное общему, Инсаровъ способенъ даже возвыситься до героизма, до самоотверженія; такъ, когда онъ чувствуетъ, что полюбилъ Елену, онъ рѣшается прекратить съ нею вся-

кія сношенія, рѣшается пожертвовать своимъ личнымъ сча стьемъ, изъ боязни, что эта любовь свяжетъ его, послужит помѣхой для его дѣла. Понятно, что эта преданность идеѣ эта сила характера, этотъ пламенный патріотизмъ, въ связ съ высокими нравственными достоинствами: честностью, искрен ностью, правдивостью, должны были производить сильно впечатлѣніе на всѣхъ, кому приходилось сталкиваться с Инсаровымъ; не только Елена, но и Берсеневъ и даже Шу бинъ выказываютъ свое глубокое удивленіе передъ нимъ, Шубинъ даже сравниваетъ его съ Брутомъ. Что же касаетс до земляковъ Инсарова, то ихъ уваженіе къ нему доходил до того, что они призывали его въ качествѣ судьи въ своих спорахъ и безпрекословно подчинялись его рѣшенію [1]).

Берсеневъ, какъ типъ ученаго.

Берсеневъ—типъ кабинетнаго ученаго. Онъ живетъ пре имущественно *умственными интересами*, притомъ весьма да лекими отъ текущей практической жизни. Въ сравненіи с дѣятелемъ-Инсаровымъ, онъ мыслитель-теоретикъ, весь по груженный въ вопросы чистой науки. Чтобы показать, как далеки были интересы Берсенева отъ текущей дѣйствитель ности, Тургеневъ приводитъ названіе двухъ его ученых трудовъ: „О нѣкоторыхъ особенностяхъ древне-германскаг права въ дѣлѣ судебныхъ наказаній“, и „О значеніи город ского начала въ дѣлѣ цивилизаціи“. Насколько интенсивн (могущественны) его умственные интересы, видно изъ того что даже переживаемыя имъ сердечныя волненія не отра жаются на его занятіяхъ, не мѣшаютъ ему спокойно и ак куратно браться за книгу.

Но будучи кабинетнымъ ученымъ, „труженикомъ“, п его собственному выраженію, Берсеневъ вмѣстѣ съ тѣмъ — идеалистъ 40-хъ годовъ. Философія интересуетъ его не менѣ исторіи: онъ бесѣдуетъ съ Еленой о Шеллингѣ, съ Инсаро вымъ о Фейербахѣ; онъ даже хотѣлъ бы занять въ универ

---

[1]) Прототипомъ для Инсарова послужилъ Тургеневу болгарскій патріот *Катрановъ*, собиратель болгарскихъ народныхъ пѣсенъ. Пріѣхавъ въ Рос сію, съ цѣлью лучше подготовиться для служенія своей родинѣ, онъ по ступилъ въ Московскій университетъ, но курса въ немъ не кончилъ: не задолго до начала Восточной войны онъ отправился въ Болгарію, чтоб принять личное участіе въ подготовлявшемся возстаніи противъ турокъ но, не доѣхавъ до мѣста назначенія, скончался отъ чахотки въ Венеціи Собранныя имъ въ Болгаріи памятники народной поэзіи вошли въ состав изданія Безсонова: «Болгарскія пѣсни».

ситетѣ каѳедру философіи, „если это будетъ возможно“ (въ о время философія въ русскихъ университетахъ не преподавалась). Съ глубочайшимъ уваженіемъ отзывается Берсеневъ о своемъ учителѣ—Грановскомъ; одна мысль: итти по его стопамъ, наполняетъ его восторгомъ. Какъ ученикъ Грановскаго и нѣмецкой идеалистической философіи, онъ проникнутъ высокими гуманными чувствами, которыя привлекаютъ къ нему симпатіи Елены. У него доброе и благородное сердце; онъ съ самоотверженіемъ ухаживаетъ за Инсаровымъ, о время его болѣзни, служитъ повѣреннымъ Елены въ ея любви къ Инсарову; хотя онъ самъ любитъ Елену, но у него нѣтъ зависти къ счастливому сопернику, а только тихая горечь обманутыхъ надеждъ, отъ которой онъ избавляется тѣмъ, что съ удвоеннымъ рвеніемъ принимается за работу.

Шубинъ, какъ типъ художника.

Шубинъ—художникъ, артистическая натура. Онъ живетъ преимущественно *чувствомъ, эмоціями*; отсюда—его увлеченія, быстрые переходы отъ одного настроенія къ другому: онъ любитъ Елену, но въ то же время не прочь приволокнуть а другою дѣвушкой, даже за сосѣдской горничной; и въ омъ, и въ другомъ случаѣ онъ остается вполнѣ искреннимъ. ти быстрые переходы чувства придаютъ Шубину отпечатокъ ѣкоторой легкомысленности. И дѣйствительно, онъ не привыкъ долго задумываться надъ жизнью, надъ своими обязанностями, заниматься самоанализомъ или отвлеченными вопросами: онъ отдается жизненнымъ впечатлѣніямъ, какъ непосредственная натура, даже какъ эпикуреецъ, наслаждаясь артистически жизнью, молодостью, красотою, искусствомъ. Онъ глубоко любитъ искусство и надѣленъ отъ природы талантомъ, но часто размѣнивается на мелочи и не прошелъ серьезной школы, которая бы дала окончательную отдѣлку его природнымъ дарованіямъ.

Несмотря на свое легкомысліе, Шубинъ обладаетъ недюжиннымъ умомъ и наблюдательностью: онъ умѣетъ тонко подмѣчать характерныя черты людей, давать имъ остроумныя, юмористическія опредѣленія; такъ Берсенева онъ назвалъ „добросовѣстно-умѣреннымъ энтузіастомъ“, Увара Ивановича—„черноземною силой“, Инсарова изобразилъ въ карикатурной статуеткѣ, мѣтко уловивъ нѣкоторыя особенности его личности.—Шубинъ не обольщается и относительно собственнаго

характера, знаетъ свои слабости и готовъ подчасъ посмѣять
надъ самимъ собою.

Подобно Берсеневу и въ противоположность Инсаров
Шубинъ мало способенъ къ практической дѣятельности. О
они—*созерцатели*; они не дѣйствуютъ сами, не творятъ жиз
активной работой, а созерцаютъ и изучаютъ ее: одинъ—д
того, чтобы изъ фактовъ прошлаго вывести законы истор
ческаго процесса, установить связь явленій; другой — д
того, чтобы воплотить живые моменты въ пластическія, х
дожественныя формы. Поэтому ни тотъ, ни другой не могу
надолго остановить вниманія Елены, удовлетворить потре
ностямъ ея активной натуры, жаждущей „дѣятельнаго добра
Ей нуженъ человѣкъ, который указалъ бы ей путь къ р
зумной и полезной жизненной дѣятельности. Эта имен
роль выпала въ романѣ на долю Инсарова.

Но Инсаровъ — болгаринъ, и Елена принуждена ра
статься съ родиной и уйти съ нимъ въ далекую Болгарі
Самъ Тургеневъ объяснялъ впослѣдствіи этотъ фактъ тѣм
что сюжетъ романа основанъ на дѣйствительномъ происп
ствіи, главнымъ лицомъ котораго былъ именно болгарин
Тѣмъ не менѣе и въ публикѣ, и въ критикѣ высказывало
недоумѣніе, почему авторъ избралъ своимъ героемъ ин
земца, какъ-будто среди русскихъ не нашлось подходяща
для него типа сильнаго и дѣятельнаго человѣка. Этотъ
вопросъ поднимаетъ въ самомъ романѣ Шубинъ: „Нѣтъ
насъ еще никого, — говоритъ онъ, — нѣтъ людей, куда
посмотри... Кабы были между нами путные люди, не уш
бы отъ насъ эта дѣвушка, эта чуткая душа, не ускользну
бы, какъ рыба въ воду!“ Съ горькимъ недоумѣніемъ обр
щается онъ къ Увару Ивановичу,—„стихійному человѣку
„черноземной силѣ“,— въ которомъ какъ бы олицетворяет
дремлющая, но мощная Русь, живущая еще безсознательно
жизнью.—„Что жъ это, Уваръ Ивановичъ? Когда же на
придетъ пора! Когда у насъ народятся люди?“—„Дай срокъ,
отвѣчаетъ Уваръ Ивановичъ:—будутъ“ [1]).

---

[1]) Важнѣйшіе труды о Тургеневѣ: *Ив. Ивановъ*: «И. С. Тургене
жизнь, личность и творчество»; *Овсянико-Куликовскій*: «Этюды о тв
чествѣ Тургенева»; *Незеленовъ*: «И. С. Тургеневъ въ его произведеніях
Николаевъ: «Тургеневъ»; *Орестъ Миллеръ*: «Русскіе писатели послѣ
голя», т. I. *Бороздинъ*: «Литературныя характеристики», т. II.

Глава III-я.

И. А. Гончаровъ.

I. Жизнь и дѣятельность Гончарова.

Иванъ Александровичъ *Гончаровъ* родился въ Симбирскѣ, въ 1812 году (6 іюня). Происходилъ онъ изъ зажиточной купеческой семьи [1]). Городской домъ Гончаровыхъ былъ, что называется, полная чаша и представлялъ собою маленькое помѣстье. Впечатлѣнія дѣтской жизни отразились впослѣдствіи въ „Обломовѣ", въ картинѣ привольной и спокойной помѣщичьей жизни, какъ она изображена, напр., въ „Снѣ Обломова". Отецъ Гончарова умеръ рано и воспитаніе дѣтей перешло въ руки матери, женщины хотя и мало образованной, но умной и энергичной. Она постаралась дать дѣтямъ хорошее и правильное образованіе; содѣйствовалъ этому своими совѣтами и старый отставной морякъ-офицеръ (Трегубовъ), снимавшій флигель въ домѣ Гончаровыхъ и очень привязавшійся ко всему ихъ семейству: онъ былъ крестнымъ отцомъ всѣхъ дѣтей; его Гончаровъ изобразилъ впослѣдствіи въ своихъ „Воспоминаніяхъ" подъ именемъ Якубова. „Крестный" былъ человѣкъ образованный, много читавшій и много видавшій на своемъ вѣку. Бесѣды съ нимъ были весьма полезны для общаго развитія мальчика; между прочимъ разсказы стараго моряка о дальнихъ путешествіяхъ, о заморскихъ странахъ, заронили въ душу мальчика затаенную мечту когда-нибудь самому побывать въ этихъ далекихъ краяхъ, испытать самому прелесть и опасности кругосвѣтнаго плаванія: поэтому съ дѣтства любимымъ чтеніемъ Гончарова были сочиненія разныхъ путешественниковъ, и когда онъ впослѣдствіи отправился въ плаваніе, онъ былъ хорошо подготовленъ къ путешествію, благодаря своему знакомству съ литературой, относящейся къ этой области. Дѣтство Гончарова.

Первоначальное образованіе Гончаровъ получилъ въ пансіонѣ, Воспитаніе и образованіе.

---

[1]) Впрочемъ дѣдъ Гончарова былъ военнымъ и служилъ офицеромъ въ Оренбургскомъ краѣ при извѣстномъ Неплюевѣ. Вообще вся обстановка жизни Гончаровыхъ болѣе напоминала среду помѣщичью, чѣмъ купеческую.

который содержалъ сельскій священникъ, жившій недалеко от Симбирска и женатый на нѣмкѣ. Священникъ, человѣкъ хор шо образованный, не ограничивался съ нимъ одними учебны занятіями, но также слѣдилъ за его чтеніемъ, стараясь прив ему вкусъ къ серьезной литературѣ, и потому давалъ ему кни съ большимъ выборомъ. Такимъ образомъ еще въ дѣтствѣ Гонч ровъ хорошо познакомился съ лучшими произведеніями русской л тературы 18-го и начала 19-го вѣка. Среднее образованіе Гонч ровъ получилъ въ Московскомъ коммерческомъ училищѣ (на Ост женкѣ), а въ 1831 году, выдержавъ пріемный экзаменъ, он поступилъ въ Московскій университетъ, на словесный факул тетъ, гдѣ онъ и окончилъ курсъ въ 1834 году (курсъ тог былъ трехлѣтній). О своемъ пребываніи въ университетѣ Гонч ровъ разсказываетъ довольно подробно въ „Воспоминаніяхъ", пр чемъ отзывы его о родномъ университетѣ проникнуты любовью уваженіемъ: онъ считалъ себя много обязаннымъ университе и навсегда сохранилъ о немъ благодарную память, не столько полученныя свѣдѣнія, сколько за духъ научной пытливости и люб къ знанію, который сумѣлъ ему дать Московскій университет 30-хъ годовъ. Впрочемъ изъ профессоровъ лишь немногіе оказа замѣтное вліяніе на Гончарова; къ числу ихъ принадлежали: *К ченовскій*, профессоръ русской исторіи, основатель скептическ школы, прививавшій своимъ слушателямъ начала научно-критич скаго метода, и *Надеждинъ*, читавшій теорію поэзіи и искусст и занимавшійся на лекціяхъ разборомъ лучшихъ произведеній евр пейской литературы, произведеній Гомера, Данте, Шекспира.

Служба. Послѣ окончанія университета Гончаровъ отправился домо въ Симбирскъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ, въ главѣ: „На родинѣ онъ разсказываетъ о томъ впечатлѣніи, какое произвелъ на него ро ной городъ, представлявшій яркую „картину сна и застоя", типи ную для всѣхъ провинціальныхъ захолустій того времени: под впечатлѣніемъ этого лѣниваго и безмятежнаго существованія, въ нем стало слагаться болѣе ясное представленіе объ „обломовщинѣ въ которое входили и дѣтскія воспоминанія о домашнемъ бытѣ, наблюденія надъ нѣкоторыми знакомыми помѣщиками, друзья моряка „крестнаго". Въ Симбирскѣ Гончаровъ поступилъ на слу бу чиновникомъ при губернаторѣ, но прослужилъ здѣсь недолго уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ онъ опредѣлился переводчикомъ в канцелярію Министерства Финансовъ. Здѣсь онъ особенно сбл зился съ семьею извѣстнаго въ то время художника Майкова, с новьямъ котораго Аполлону (будущему поэту) и Валерьяну (кр тику) онъ давалъ уроки русскаго языка. Въ домѣ Майковых господствовали литературные и художественные интересы. Здѣ между прочимъ, одно время заведено было нѣчто въ родѣ домаш няго рукописнаго журнала, въ которомъ принялъ участіе и Го чаровъ.

Литературная дѣятельность. Впрочемъ, настоящая литературная дѣятельность Гончарова н чалась довольно поздно: ему было почти 35 лѣтъ, когда появилось в

печати его первое произведеніе „Обыкновенная исторія“. Этотъ романъ сразу обратилъ на Гончарова всеобщее вниманіе и вызвалъ одобрительные отзывы критики. Бѣлинскій въ послѣднемъ изъ своихъ журнальныхъ „обозрѣній“ подвергъ романъ подробному и сочувственному разбору, при чемъ указалъ на объективный характеръ творчества Гончарова, на жизненную вѣрность его изображенія, на тонкость и изящество рисунка, возвышающагося до поэзіи даже въ описаніи мелкихъ и будничныхъ предметовъ. Ко времени появленія „Обыкновенной исторіи“ относится и знакомство Гончарова съ Бѣлинскимъ: свои воспоминанія объ этомъ знакомствѣ Гончаровъ изложилъ впослѣдствіи въ статьѣ: „Замѣтки о личности Бѣлинскаго“.

Обыкновенная исторія.

Въ романѣ „Обыкновенная исторія“ изображено столкновеніе двухъ противоположныхъ теченій въ современномъ обществѣ: одного—романтическаго, мечтательнаго, олицетвореннаго въ Адуевѣ-племянникѣ, другого—практическаго, дѣлового, трезваго, нашедшаго себѣ выразителя въ лицѣ Адуева-дяди: несмотря на то, что послѣдній гораздо старше годами, однако въ романѣ онъ является представителемъ новаго, нарождающагося направленія, заключавшагося въ сознаніи необходимости труда, въ стремленіи къ живой и полезной дѣятельности, чуждой рутины и застоя. Хотя симпатіи Гончарова, повидимому, находятся на сторонѣ дяди, однако фигура племянника вышла гораздо болѣе удачной и живой. Бѣлинскій также высказалъ свое сочувствіе стремленіямъ дяди, такъ какъ въ эту эпоху онъ относился враждебно ко всякимъ проявленіямъ романтизма въ жизни и литературѣ и ставилъ выше всякихъ романтическихъ мечтаній—трезвый реализмъ, пониманіе дѣйствительности и сознательную практическую дѣятельность. Однако Бѣлинскій отмѣтилъ также въ характерѣ Адуева-старшаго такія черты, какъ сухая разсудочность, душевная холодность, эгоизмъ, которымъ онъ, конечно, не могъ сочувствовать. Невѣрной психологически считалъ также Бѣлинскій развязку романа, которая заключается въ томъ, что младшій Адуевъ въ концѣ концовъ отказывается отъ своихъ прежнихъ мечтаній, увлеченій и идеаловъ, женится на богатой невѣстѣ и начинаетъ усердно заботиться о своей служебной карьерѣ: въ этомъ превращеніи юноши-мечтателя въ практическаго чиновника и заключается, по мнѣнію Гончарова, *обыкновенная исторія*.

Обломовъ.

Послѣ окончанія „Обыкновенной исторіи“, Гончаровъ вскорѣ принялся за „Обломова“. Уже въ 1849 году онъ напечаталъ отрывокъ изъ этого романа, знаменитый *Сонъ Обломова*. Работу надъ этимъ романомъ онъ продолжалъ и во время своего путешествія въ Японію, куда онъ отправился въ 1852 году, въ качествѣ секретаря при адмиралѣ Путятинѣ, которому поручено было заключить съ Японіей, тогда еще почти недоступной для европейцевъ, договоръ о торговлѣ. Путешествіе это продолжалось болѣе двухъ лѣтъ: записки о немъ изданы Гончаровымъ подъ заглавіемъ „Фрегатъ Паллада“, по имени судна, на которомъ онъ совершилъ свое плаваніе. Это произведеніе отличается высокими художественными достоинствами, живостью изложенія и занимательностью содержанія.

Фрегатъ Паллада.

Гончаровъ описываетъ только то, что самъ видѣлъ, не вдаваяс ни въ какія географическія, этнографическія и др. подробност При этомъ весьма характерно, что главнымъ предметомъ его вн манія служатъ бытъ и нравы посѣщаемыхъ странъ. Пріѣхавъ в Лондонъ, онъ не столько интересуется всевозможными достоприм чательностями, музеями, коллекціями и т. д., какъ характеромъ англ чанъ, ихъ обычаями и привычками, уличной жизнью столицы, ра личными бытовыми особенностями; на мысѣ Доброй Надежды он съ особеннымъ интересомъ посѣщаетъ ферму голландскихъ посе ленцевъ, въ Шанхаѣ первымъ дѣломъ отправляется на рынок вмѣшивается въ пеструю, шумную китайскую толпу; даже на ко раблѣ онъ присматривается къ типамъ матросовъ, заговариваетъ с ними, интересуется ихъ жизнью, понятіями. Всѣ свои наблюдені Гончаровъ излагаетъ со свойственнымъ ему легкимъ, безобидным юморомъ, пересыпая ихъ остроумными и мѣткими опредѣленіями замѣчаніями. Природа также привлекаетъ вниманіе Гончарова но преимущественно съ чисто художественной стороны: онъ жив чувствуетъ ея красоту и умѣетъ передать ее въ мастерской по этической картинѣ: нѣкоторыя изъ его картинъ природы считаютс классическими,—напр., описаніе лѣтней ночи на морѣ (т. I, гл. 3

Послѣ возвращенія изъ плаванія (черезъ Сибирь) Гончаров перешелъ на службу въ цензурное вѣдомство (въ 1856 г.). Нѣко торое время онъ редактировалъ оффиціальную „Сѣверную Почту" а въ 1873 году вышелъ въ отставку въ чинѣ дѣйствительнаго стат скаго совѣтника. Изъ знаменитыхъ русскихъ писателей нова времени Гончаровъ былъ единственный, столько лѣтъ посвятивш государственной службѣ. Съ этого времени и до конца жизни Го чаровъ жилъ въ Петербургѣ, только изрѣдка выѣзжая для л ченія за границу.

Въ 1859 году было напечатано наиболѣе знаменитое произв деніе Гончарова, романъ „Обломовъ", который создалъ ему слав первоклассного писателя. Десять лѣтъ спустя появился третій е романъ „Обрывъ", задуманный еще въ 1849 году. Первоначальн онъ долженъ былъ называться „Художникъ" и главная роль в немъ предназначалась Райскому. Въ Райскомъ Гончаровъ изобр зилъ „человѣка 40-хъ годовъ", притомъ эстетика и артиста. П опредѣленію самого автора, онъ прямой, ближайшій потомокъ Обло мова, но взятый въ моментъ „пробужденія", между тѣмъ как самъ Обломовъ относится еще къ эпохѣ „сна". Райскій—герой пер ходной эпохи: онъ уже порывается къ дѣлу, но онъ мало подг товленъ къ нему, берется за многое, но ничего не доводитъ д конца; въ немъ нѣтъ выдержки, настойчивости, и ясно чувствуетс еще вліяніе „обломовщины". Изъ другихъ лицъ подробнѣе все обрисованы сестры: Вѣра и Марѳинька, представляющія такую ж противоположность другъ другу, какъ Пушкинскія Татьяна и Ольг Марѳинька—дѣвушка простая, добрая, жизнерадостная, Вѣра—на тура серьезная, самостоятельная, жаждущая дѣятельной, осмыслен ной жизни: самъ Гончаровъ смотрѣлъ на нее, какъ на дальнѣйше

Обрывъ

развитіе характера Ольги (См. статью: „Лучше поздно, чѣмъ никогда“). Вѣра представляетъ собой новый типъ, новое явленіе въ русскомъ обществѣ, тогда какъ Марѳинька развилась и воспиталась въ духѣ старины и хорошо подошла бы къ тому идеалу женщины, о которомъ мечтаетъ Обломовъ. Съ большой любовью написана фигура *бабушки*, женщины умной и самовластной, подъ внѣшней суровостью которой скрывается горячее и благородное сердце. *Бабушка* является въ романѣ представительницей русской старины: недаромъ она „говоритъ языкомъ преданій, сыплетъ пословицы, готовыя сентенціи старой мудрости“; однако въ нужныхъ случаяхъ, „у ней выступали собственныя силы и она дѣйствовала своеобразно; сквозь обветшавшую, негодную мудрость, у ней пробивалась струя здраваго смысла“. Въ лицѣ *бабушки* Гончаровъ, по своей обычной склонности къ широкимъ обобщеніямъ, символически изобразилъ все старое русское общество, старую *историческую* Русь, ту „великую бабушку“, которая такъ занимаетъ мысли Райскаго даже за границей. Въ лицѣ Марка Волохова Гончаровъ представилъ тѣ карикатурныя формы, которыя иногда принимало новое теченіе общественной мысли, возникшее послѣ Севастопольской кампаніи; онъ является представителемъ такъ называемаго „нигилизма“, въ которомъ воплотились уродливыя крайности и увлеченія эпохи. Ему Гончаровъ противопоставилъ, въ качествѣ положительнаго типа, Тушина, молодого помѣщика, человѣка дѣятельнаго, благороднаго и скромнаго; онъ долженъ, по замыслу автора, воплощать въ себѣ лучшія стороны новаго поколѣнія, уже проснувшагося отъ Обломовской спячки и стремящагося къ живой и полезной дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ Тушинъ является дальнѣйшимъ развитіемъ типа Штольца, но, подобно послѣднему, характеръ его вышелъ у Гончарова довольно блѣднымъ и неяснымъ. Зато, по обыкновенію, чрезвычайно удачны и жизненны второстепенныя лица романа, а также всѣ бытовыя картины, напр., изображеніе дворни.

„Обрывъ“ не встрѣтилъ такого благосклоннаго пріема, какъ первые романы Гончарова. Значительная часть критики особенно нападала на фигуру Марка Волохова, въ которомъ совершенно несправедливо видѣла карикатуру на все молодое поколѣніе. Этотъ неуспѣхъ романа сильно огорчилъ автора, и онъ почти вовсе оставилъ литературную дѣятельность. Въ теченіе своей остальной жизни онъ написалъ нѣсколько небольшихъ очерковъ („Слуги стараго времени“, „Литературный вечеръ“) и критическихъ статей; изъ нихъ особенно замѣчательны: „Милліонъ терзаній“, статья, устанавливающая новый взглядъ на образъ Чацкаго, расширяющая его значеніе, какъ *типа*,—и „Лучше поздно, чѣмъ никогда“, гдѣ Гончаровъ высказываетъ свой взглядъ на собственное творчество, указываетъ на связь своего творчества съ современными теченіями русской жизни и разъясняетъ значеніе созданныхъ имъ типовъ. Значительный интересъ представляютъ также „Воспоминанія“ Гончарова, касающіяся впрочемъ лишь эпохи его молодости. Эти авто-

біографическія записки особенно важны потому, что вслѣдствіе замкнутаго, сдержаннаго характера Гончарова мы имѣемъ довольно мало матеріаловъ, касающихся его жизни и личности.

Послѣдніе годы своей жизни Гончаровъ провелъ въ полномъ уединеніи, почти не выходя изъ своей квартиры. Скончался онъ въ 1891 году (15 сентября) и похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ.

2. Обломовъ.

Значеніе романа.

Главное произведеніе Гончарова, обезпечившее ему одно изъ первыхъ мѣстъ среди русскихъ писателей, это—романъ *Обломовъ*. Значеніе этого произведенія, помимо чисто художественныхъ его достоинствъ, основано главнымъ образомъ на широкой *типичности*, которую Гончаровъ сумѣлъ придать своему главному герою. Благодаря этой типичности, слова *Обломовъ* и *обломовщина* получили значеніе нарицательное и употребляются еще до сихъ поръ для характеристики либо отдѣльнаго лица, либо цѣлаго строя жизни. Обломовъ, какъ типъ, можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ сторонъ: съ одной—онъ является *представителемъ стараго русскаго барства*, какъ оно сложилось подъ вліяніемъ условій крѣпостного права; съ другой—въ его лицѣ воплощены *нѣкоторыя черты русскаго національнаго характера*, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Гончаровъ, признающій, что въ характеръ Обломова вошли нѣкоторыя „элементарныя свойства русскаго человѣка“; нужно однако имѣть въ виду, что эти „элементарныя свойства“ не составляютъ еще всего національнаго характера, что на ряду съ чертами, отмѣченными Гончаровымъ въ образѣ Обломова, существуютъ еще многія другія, совершенно отличныя отъ нихъ, какъ, напр., тѣ черты, которыя изображены въ народныхъ типахъ Тургенева.

Исторія созданія типа Обломова.

Гончаровъ писалъ „Обломова“ почти десять лѣтъ. Въ 1849 году онъ напечаталъ отрывокъ изъ первой части романа: *Сонъ Обломова*, и только въ 1859 году романъ появился цѣликомъ. Содержаніе его было навѣяно еще воспоминаніями дѣтства; самъ Гончаровъ, описывая въ главѣ „На родинѣ“ обстановку и бытъ своего родного дома, рисуя портреты окружавшихъ его лицъ, моряка „крестнаго“ (Якубова) и его друзей, людей по тому времени образованныхъ и умныхъ, но ничѣмъ не занимавшихся, не выходившихъ изъ халата

тдавшихъ всѣ свои хозяйственныя и денежныя дѣла на поеченіе старость, замѣчаетъ по этому поводу: „Мнѣ кажется, меня, очень зоркаго и впечатлительнаго мальчика, уже огда, при видѣ всѣхъ этихъ фигуръ, этого беззаботнаго житьяытья, бездѣлья и лежанія, и зародилось *неясное представленіе объ обломовщинѣ*“. Это представленіе стало болѣе сонательнымъ, когда Гончаровъ, послѣ окончанія университета, вернулся въ родной городъ: провинціальная жизнь ого времени представляла полную „картину сна и застоя“, ъ ней господствовала та же „обломовщина“, которая ему накома была еще съ дѣтства. Самъ Гончаровъ говорилъ ро себя: „обобщеніе—моя вторая натура“; поэтому изъ мелихъ наблюденій надъ сонной провинціальной жизнью, изъ накомства съ ея отдѣльными представителями, изъ дѣтскихъ оспоминаній и, наконецъ, изъ анализа собственнаго характера слагался постепенно живой образъ *Обломова*, какъ тиическаго обобщенія лѣни, апатіи, застоя, господствовавшихъ ъ русскомъ провинціальномъ обществѣ.—Ободренный успѣомъ „Обыкновенной исторіи“ (1847 г.), Гончаровъ немедэнно принялся за свой новый романъ. Въ 1849 году онъ апечаталъ отрывокъ изъ первой части: *Сонъ Обломова*. гправившись въ путешествіе въ Японію, онъ и среди ноой и чуждой обстановки неоднократно возвращался мыслью ъ занимавшему его образу: такъ, напр., въ концѣ 1-й главы Фрегата Паллады“, Гончаровъ, описавъ день вѣчно-занятаго, ѣятельнаго англичанина, тутъ же рисуетъ картину лѣниваго, нного времяпрепровожденія въ помѣщичьемъ домѣ въ глуой русской деревнѣ,—картину, живо напоминающую знамеитую Обломовку. Этотъ вставочный эпизодъ ясно показыетъ, какъ сильно занимала его мысль о задуманномъ роанѣ. „Мы такъ глубоко вросли корнями у себя дома,—питетъ онъ,—что куда и какъ надолго бы я ни заѣхалъ, я юду унесу почву родной Обломовки на ногахъ, и никакіе еаны не смоютъ ея!“

Главный герой романа — Илья Ильичъ Обломовъ, помѣтикъ, живущій однако постоянно въ Петербургѣ. Характеръ Обломова выдержанъ прекрасно на всемъ протяженіи романа. ъ далеко не такъ простъ, какъ можетъ показаться съ перго взгляда. Главныя черты характера Обломова—почти бо- Характеръ Обломова

лѣзненная *слабость воли*, выражающаяся въ лѣни и апат
затѣмъ—*отсутствіе живыхъ интересовъ и желаній*, *боя*
жизни, боязнь всякихъ перемѣнъ вообще. Но на ряду
этими отрицательными чертами есть въ немъ и крупныя
ложительныя: замѣчательная *душевная чистота и чуткос*
добродушіе, *сердечность и нѣжность*; у Обломова „хруста
ная душа“, по выраженію Штольца; эти черты привлекаю
къ нему симпатіи всѣхъ, кто приходитъ съ нимъ въ б
жайшее соприкосновеніе: Штольца, Ольги, Захара, Агаф
Матвѣевны, даже его прежнихъ сослуживцевъ, навѣщающи
его въ первой части романа. Притомъ отъ природы Об
мовъ далеко не глупъ, но его *умственныя способности* др
лютъ, подавленныя лѣнью; есть въ немъ и *желаніе доб*
и *сознаніе* необходимости сдѣлать что-либо для *общей пол*
(напр., для своихъ крестьянъ), однако всѣ эти хорошіе
датки совершенно парализованы въ немъ апатіей и без
ліемъ.—Всѣ эти черты характера Обломова ярко и выпу
выступаютъ въ романѣ, несмотря на то, что въ немъ м
дѣйствія; въ данномъ случаѣ это не представляется не
статкомъ произведенія, такъ какъ вполнѣ соотвѣтству
апатичной, недѣятельной натурѣ главнаго героя. Ярко
характеристики достигается главнымъ образомъ путемъ
копленія мелкихъ, но характерныхъ подробностей, живо
сующихъ привычки и наклонности изображаемаго лица; та
по одному описанію квартиры Обломова и ея обстановки,
первыхъ страницахъ романа, мы можемъ составить себѣ
вольно вѣрное представленіе о личности самого хозяина.
кой способъ характеристики принадлежитъ къ числу из
бленныхъ художественныхъ пріемовъ Гончарова: оттого въ
произведеніяхъ и встрѣчается такая масса мелкихъ подр
ностей быта, обстановки и т. д.

Его образъ жизни и привычки.

Въ первой части романа Гончаровъ знакомитъ насъ
образомъ жизни Обломова, съ его привычками, а также р
сказываетъ о его прошломъ, о томъ, какъ сложился его
рактеръ. Въ теченіе всей этой части, описывающей одно „ут
Обломова, онъ почти не сходитъ съ своей постели; вооб
лежаніе на постели или на диванѣ, въ мягкомъ халатѣ, бы
по словамъ Гончарова, его „нормальнымъ состояніемъ“. В
кая дѣятельность утомляла его; Обломовъ пробовалъ когда
служить, но не долго, потому что никакъ не могъ прив

уть къ требованіямъ службы, къ строгой аккуратности и сполнительности; суетливая служебная жизнь, писаніе бу-агъ, цѣль которыхъ была для него иногда неизвѣстна, оязнь надѣлать промаховъ, все это тяготило Обломова,—и, тправивъ разъ служебную бумагу вмѣсто Астрахани въ рхангельскъ, онъ предпочелъ выйти въ отставку. Съ тѣхъ оръ онъ зажилъ дома, почти никуда не выѣзжая: ни въ бщество, ни въ театръ,—почти не выходя изъ любимаго окойнаго халата. Время его проходило въ лѣнивомъ „пере-олзаніи изо дня въ день", въ праздномъ ничего-не-дѣланіи ли въ не менѣе праздныхъ мечтаніяхъ о громкихъ подви-ахъ, о славѣ. Эта игра воображенія занимала и тѣшила его а отсутствіемъ другихъ, болѣе серьезныхъ умственныхъ нтересовъ. Какъ всякая серьезная работа, требующая внима-ія и сосредоточенія, чтеніе утомляло его; поэтому онъ почти ичего не читалъ, не слѣдилъ за жизнью по газетамъ, до-ольствуясь тѣми слухами, которые заносили къ нему рѣдкіе ости: недочитанная книга, развернутая посрединѣ, желтѣла покрывалась пылью, а въ чернильницѣ вмѣсто чернилъ одились только мухи.—Всякій лишній шагъ, всякое усиліе оли были ему не подъ силу; даже забота о самомъ себѣ, о обственномъ благосостояніи тяготила его, и онъ охотно пре-оставлялъ ее другому, напр., Захару, или же полагался на авось", на то, что „какъ-нибудь все устроится". Когда пред-ояло предпринять „какое-нибудь серьезное рѣшеніе, онъ аловался, что „жизнь всюду трогаетъ". Его идеаломъ была окойная, мирная жизнь, безъ заботъ и безъ всякихъ пере-лѣнъ, такъ, чтобы „сегодня" было похоже на „вчера", а автра" на „сегодня". Все, что смущало однообразное тече-е его существованія, всякая забота, всякая перемѣна пу-ли и удручали его. Письмо старосты, требовавшаго его споряженій, и необходимость съѣзжать съ квартиры каза-ись ему настоящими „несчастіями", по его собственному вы-женію, и онъ успокаивался только тѣмъ, что какъ-нибудь е это устроится.

Положительныя черты его характера.

Но если бы въ характерѣ Обломова не было другихъ ртъ, кромѣ лѣни, апатіи, слабоволія, умственной спячки, онъ, конечно, не могъ бы заинтересовать собою читателя, также не заинтересовалась бы имъ Ольга, не могъ бы по-

служить героемъ цѣлаго обширнаго романа. Для этого н
обходимо, чтобы эти отрицательныя стороны его характе
уравновѣшивались не менѣе важными положительными, м
гущими возбудить нашу симпатію. И Гончаровъ, дѣйств
тельно, съ первыхъ же главъ показываетъ намъ эти черт
личности Обломова.—Для того, чтобы яснѣе оттѣнить его п
ложительныя, симпатичныя стороны, Гончаровъ ввелъ въ р
манъ нѣсколько эпизодическихъ лицъ, появляющихся
романѣ только одинъ разъ и затѣмъ безслѣдно исчезающих
съ его страницъ. Это—Волковъ, пустой свѣтскій человѣк
франтъ, ищущій въ жизни однихъ удовольствій, чужд
всякихъ серьезныхъ интересовъ, ведущій жизнь шумную
подвижную, но тѣмъ не менѣе совершенно лишенную вну
ренняго содержанія; затѣмъ Судьбинскій, чиновникъ-кар
ристъ, весь погруженный въ мелкіе интересы служебна
міра и бумажнаго дѣлопроизводства, а „для всего остально
міра онъ слѣпъ и глухъ“, по выраженію Обломова; Пенки
мелкій литераторъ сатирическаго, обличительнаго направл
нія: онъ хвалится тѣмъ, что въ своихъ очеркахъ выводи
на всеобщее посмѣяніе слабости и пороки, видя въ это
истинное призваніе литературы: но его самодовольныя сло
вызываютъ отпоръ со стороны Обломова, находящаго въ пр
изведеніяхъ новой школы одну только рабскую вѣрность пр
родѣ, но слишкомъ мало души, мало любви къ предме
изображенія, мало истинной „человѣчности“. Въ разсказах
которыми восхищается Пенкинъ, нѣтъ, по мнѣнію Обломов
„незримыхъ слезъ“, а есть только видимый, грубый смѣх
изображая падшихъ людей, авторы „забываютъ человѣка“.
„Вы одной головой хотите писать! — восклицаетъ онъ,— д
думаете, что для мысли не надо сердца? Нѣтъ, она оплод
творяется любовью. Протяните руку падшему человѣку, что
поднять его, или горько плачьте надъ нимъ, если онъ п
гибаетъ, а не глумитесь. Любите его, помните въ немъ с
мого себя... тогда я стану васъ читать и склоню передъ в
ми голову...“ Изъ этихъ словъ Обломова видно, что е
взглядъ на призваніе литературы и его требованія отъ пис
теля гораздо серьезнѣе и возвышеннѣй, чѣмъ у профессі
нальнаго литератора Пенкина, который, по его словамъ, „тр
титъ мысль, душу свою на мелочи, торгуетъ умомъ и в
ображеніемъ“.—Наконецъ, выводитъ Гончаровъ еще нѣкое

лексѣева, „человѣка неопредѣленныхъ лѣтъ, съ неопредѣ-
енной физіономіей“, у котораго нѣтъ ничего своего: ни
воихъ вкусовъ, ни своихъ желаній, ни симпатій: это, однимъ
ловомъ, „складная душа“, какъ назвалъ людей подобнаго
ипа Тургеневъ. Гончаровъ ввелъ этого Алексѣева, очевидно,
ля того, чтобы путемъ сравненія показать, что Обломовъ,
есмотря на всю свою безхарактерность, вовсе не отличается
езличностью, что у него есть своя опредѣленная нравствен-
ая физіономія.

Такимъ образомъ сопоставленіе съ этими эпизодическими
ицами показываетъ, что Обломовъ въ умственномъ и нрав-
твенномъ отношеніи стоялъ выше окружающихъ его людей,
го онъ понималъ ничтожность и призрачность тѣхъ инте-
есовъ, которыми они увлекались. Но Обломовъ не только
огъ, но и умѣлъ критически отнестись къ окружающему
обществу: онъ умѣлъ „въ свои ясныя, сознательныя минуты“
тнестись критически и къ самому себѣ, признать свои соб-
твенные недостатки и тяжко мучиться отъ этого сознанія.
огда въ памяти его пробуждались воспоминанія о годахъ
ности, когда онъ вмѣстѣ со Штольцемъ былъ въ универ-
итетѣ, занимался наукой, переводилъ серьезныя научныя
очиненія, увлекался поэзіей: Шиллеромъ, Гёте, Байрономъ,
ечталъ о будущей дѣятельности, о плодотворной работѣ на
бщую пользу. Очевидно, въ это время и на Обломова ока-
ли свое вліяніе идеалистическія увлеченія, господствовав-
ія среди русской молодежи 30—40-хъ годовъ. Но вліяніе
го было непрочно, потому что апатичной натурѣ Обломова
есвойственно было продолжительное увлеченіе, какъ несвой-
твенна была систематическая напряженная работа. Въ уни-
ерситетѣ Обломовъ довольствовался тѣмъ, что усвоилъ себѣ
ассивно готовые выводы науки, не продумавъ ихъ само-
тоятельно, не опредѣливъ ихъ взаимнаго отношенія, не
ведя ихъ въ стройную связь и систему. Поэтому „голова
го представляла сложный архивъ мертвыхъ дѣлъ, лицъ,
охъ, цифръ, ничѣмъ не связанныхъ политико-экономиче-
кихъ, математическихъ и другихъ истинъ, задачъ, положе-
ій и т. п. Это была какъ будто библіотека, состоящая изъ
нихъ разрозненныхъ томовъ по разнымъ частямъ знанія.
ранно подѣйствовало ученье на Илью Ильича: у него ме-
ду наукой и жизнью лежала цѣлая бездна, которой онъ

Вліяніе образованія.

не пытался перейти. Жизнь у него была сама по себѣ, наука сама по себѣ". Знаніе, оторванное отъ жизни, к нечно, не могло быть плодотворнымъ. Обломовъ чувствовал что ему, какъ образованному человѣку, нужно что-нибу дѣлать, онъ сознавалъ свой долгъ, напр., передъ народом передъ своими крестьянами, хотѣлъ устроить ихъ судьб улучшить ихъ положеніе, но все дѣло ограничилось лиш многолѣтнимъ обдумываніемъ плана хозяйственныхъ преобр зованій, а дѣйствительное управленіе хозяйствомъ и кресть нами такъ и оставалось въ рукахъ безграмотнаго старост да и задуманный планъ едва ли могъ имѣть практическ значеніе, въ виду того, что Обломовъ, какъ самъ сознаетс не имѣлъ вовсе яснаго понятія о деревенской жизни, знаетъ, „что такое барщина, что такое сельскій трудъ, ч значитъ бѣдный мужикъ, что богатый". Такое незнаніе дѣ ствительной жизни, при смутномъ желаніи сдѣлать что-ли полезное, сближаетъ Обломова съ идеалистами 40 годовъ, особенно съ „лишними людями", какъ они изображены Ту геневымъ.

Сходство съ «лишними людьми».

Подобно „лишнимъ людямъ", Обломовъ иногда прон кался сознаніемъ своего безсилія, своей неспособности жи и дѣйствовать, и въ минуты такого сознанія „ему грустно больно становилось за свою неразвитость, остановку въ рос нравственныхъ силъ, за тяжесть, мѣшающую всему; и завис грызла его, что другіе такъ полно и широко живутъ, а него какъ будто тяжелый камень брошенъ на узкой и жа кой тропѣ его существованія... А между тѣмъ онъ болѣ ненно чувствовалъ, что въ немъ зарыто, какъ въ могил какое-то хорошее, свѣтлое начало, можетъ быть теперь у умершее, или лежитъ оно, какъ золото въ нѣдрахъ горъ, давно бы пора этому золоту быть ходячею монетой".—Созн ніе, что онъ живетъ не такъ, какъ слѣдуетъ, смутно брод ло въ его душѣ, онъ страдалъ отъ этого сознанія, иног плакалъ горькими слезами безсилія, — но не былъ способен рѣшиться на какую-нибудь перемѣну въ жизни, и скоро сно успокаивался, чему способствовала и его апатичная натур неспособная къ сильному подъему духа. Когда Захаръ в осторожно рѣшился сравнить его съ „другими", Обломов жестоко этимъ оскорбился, и не только потому, что почу ствовалъ себя обиженнымъ въ своемъ барственномъ самол

біи, но и потому, что въ глубинѣ души сознавалъ, что это сравненіе съ „другими“ клонилось далеко не въ его пользу.

Но отчего сложился такимъ образомъ характеръ Обломова? отчего жизнь его, по собственному его выраженію, „началась съ увяданія“? въ чемъ причина его безсилія и неспособности?—Отвѣтомъ на всѣ эти вопросы является знаменитый *Сонъ Обломова*, который въ то же время служитъ ключомъ къ пониманію всего романа. Въ этомъ отрывкѣ Гончаровъ нарисовалъ широкую картину деревенской помѣщичьей жизни въ провинціальной глуши. Картина эта на первый взглядъ напоминаетъ идиллію, изображенныя въ ней лица отличаются добродушіемъ, мягкостью, гостепріимствомъ, отношеніе къ нимъ автора проникнуто симпатіей и читателю также они невольно внушаютъ симпатію,—но если вдуматься глубже въ общій смыслъ этой картины, то идиллическое впечатлѣніе постепенно разсѣивается и замѣняется иными, болѣе серьезными и грустными думами,—и для насъ раскрывается глубоко-*трагическое* значеніе „обломовщины“, какъ того „безыменнаго“ зла, отъ котораго погибъ „добрый, умный, нѣжный, благородный“ Обломовъ (слова Ольги). Сонъ Обломова: его значеніе въ романѣ.

Вся жизнь „обломовцевъ“ представляла картину мертвеннаго сна и застоя; она заключалась въ „лѣнивомъ переполаніи изо дня въ день“, въ однообразномъ повтореніи однихъ тѣхъ же моментовъ; она была лишена всякаго внутренняго содержанія и походила скорѣе на полуживотное прозябаніе, чѣмъ на сознательную человѣческую жизнь. Никакіе умственные интересы, ни живыя стремленія, ни сильныя чувства и страсти не волновали „обломовцевъ“: они жили въ своемъ тѣсномъ кругу, словно отдѣленные отъ остального міра высокой стѣною, изъ-за которой до нихъ доходили лишь несные слухи. Поэтому никакія новыя вліянія не проникали въ ихъ тихій уголокъ, и они жили „какъ отцы и дѣды“, всецѣло подчиняясь въ своей жизни установившимся традиціямъ, въ точности исполняя всѣ предписываемые ею обычаи и обряды, наблюдая примѣты и повѣрья сѣдой старины. Бытъ и нравы Обломовцевъ.

Выше всего „обломовцы“ цѣнили душевное и тѣлесное спокойствіе, и потому не только чуждались всякаго новшества, могущаго вывести ихъ изъ привычной колеи, но и не-

довѣрчиво относились ко всему, что проникало къ нимъ из внѣшняго міра, боясь всякихъ заботъ и неожиданностей эта черта ясно сказывается въ эпизодѣ съ письмомъ, так комически разсказанномъ Гончаровымъ; этотъ же эпизод характеризуетъ также и замкнутость обломовской жизн Хозяйствомъ „обломовцы“ въ общемъ занимались мало, велось оно по старой системѣ, безъ всякихъ улучшеній нововведеній; заботы ихъ главнымъ образомъ касались тог что относится къ кухнѣ и къ кладовой, потому что гла нымъ интересомъ въ жизни „обломовцевъ“, былъ обѣдъ, объ обѣдѣ каждый день совѣщались подолгу и цѣлым домомъ. Въ общемъ жизнь „обломовцевъ“ близко напом нала бытъ „старосвѣтскихъ помѣщиковъ“, изображенный Г големъ: впрочемъ, и это понятно, потому что внѣшнія усл вія существованія были одинаковы.

Главнымъ условіемъ, обезпечивавшимъ спокойную и праз ную жизнь „обломовцевъ“, было крѣпостное право. Обитател Обломовки знали, что „есть въ домѣ ходящее около нихъ промышляющее око и непокладныя руки, которыя обошьют ихъ, накормятъ, напоятъ, одѣнутъ, обуютъ и спать пол жатъ“, и потому спокойно и беззаботно отдавались своем лѣнивому существованію. Впрочемъ отношенія между госп дами и крестьянами были основаны въ Обломовкѣ на ми ныхъ и патріархальныхъ началахъ; владѣльцы Обломов отнюдь не притѣсняли своихъ крѣпостныхъ, относились к нимъ хорошо и доброжелательно,— во-первыхъ, потому, ч были добрые господа, а во-вторыхъ, потому, что жизненны потребности ихъ были очень невелики и вполнѣ удовлетв рялись тѣмъ, что производила благодатная природа Обл мовки. Съ своей стороны и крестьяне относились къ господам съ полной довѣрчивостью и уваженіемъ, тѣмъ болѣе, ч по взглядамъ, чувствамъ и симпатіямъ, по общему мірос зерцанію, между тѣми и другими вовсе не было существе ной разницы: обломовскія привычки, обломовское отношен къ жизни распространялось не только на многочисленную лѣнивую дворню, прекраснымъ представителемъ которой я ляется Захаръ, но и на крѣпостныхъ крестьянъ: Анисим Сусловъ, живущій въ избушкѣ, висящей на краю оврага, въ теченіе многихъ лѣтъ не подумавшій о томъ, чтобы п строить себѣ новую, на болѣе удобномъ и безопасномъ мѣст

такой же типичный „обломовецъ“, какъ и владѣльцы Обломовки.

Дѣтскія воспоминанія Обломова въ его „Снѣ“ слагаются изъ трехъ послѣдовательныхъ моментовъ. Во-первыхъ, вспоминаетъ онъ себя совсѣмъ маленькимъ, бойкимъ и любознательнымъ мальчикомъ: Гончаровъ пользуется этими воспоминаніями Обломова для того, чтобы нарисовать картину цѣлаго дня въ Обломовкѣ, показать, среди какихъ вседневныхъ явленій проходило дѣтство Ильи Ильича, какія впечатлѣнія западали въ его умъ, который „напитывался этими живыми примѣрами и безсознательно чертилъ себѣ программу своей жизни по жизни, его окружающей“. Затѣмъ— другой моментъ: вспоминаются Обломову сказки его старой няни, въ долгіе зимніе вечера; сказки эти также пропитаны духомъ „обломовщины“: онѣ переносятъ фантазію ребенка въ волшебную страну, съ медовыми рѣками и кисельными берегами, гдѣ вѣчный праздникъ, гдѣ избранному герою во всемъ удача, гдѣ все дается ему безъ усилій и хлопотъ, потому что о немъ заботится щука-волшебница или какая-нибудь благодѣтельная колдунья; и хотя ребенокъ узнáетъ впослѣдствіи, что нѣтъ этой волшебной страны, какъ нѣтъ и благодѣтельныхъ волшебницъ, но все-таки „онъ безсознательно груститъ подчасъ, зачѣмъ сказка не жизнь, а жизнь не сказка, и его невольно все тянетъ въ ту сторону, гдѣ только и знаютъ, что гуляютъ, гдѣ нѣтъ заботъ и печалей; у него всегда остается расположеніе полежать на печи, походить въ готовомъ незаработанномъ платьѣ и поѣсть на счетъ доброй волшебницы“. Дѣтство Обломова.

Наконецъ, вспоминается Обломову и болѣе поздняя пора его дѣтства, когда уже началось его ученіе и онъ изъ Обломовки ѣздилъ „въ науку“ къ нѣмцу Штольцу. „Обломовцы“ понимали лишь внѣшнюю выгоду образованія, знали, что безъ него нельзя поступить на службу, нельзя „выйти въ люди“, но о внутреннемъ достоинствѣ просвѣщенія они не имѣли никакого понятія. Поэтому они относились къ воспитанію своего сына чисто формально, какъ къ отбыванію непріятной, но необходимой повинности, — и не только не содѣйствовали успѣшному и правильному ходу воспитанія, но и нерѣдко мѣшали ему, отрывая мальчика отъ дѣла по

разнымъ, иногда совершенно ничтожнымъ поводамъ. К нечно, такое отношеніе родныхъ не могло содѣйствовать ра витію въ молодомъ Обломовѣ усидчивости и прилежанія, н наоборотъ, только поощряло его природную лѣнь.—Развит лѣни еще болѣе способствовало то обстоятельство, что дѣтства ребенку ничего не позволяли дѣлать самому, сл дили за каждымъ его шагомъ, предупреждали малѣйш желаніе: Захаръ одѣвалъ его и причесывалъ, слуги брос лись исполнять всякое его приказаніе, родные окружали е своими попеченіями; все это убивало въ немъ всякую сам стоятельность, пріучало во всемъ полагаться на другихъ, чужую помощь, дѣлало его апатичнымъ и безвольнымъ, способнымъ къ живой дѣятельности, приводило его къ „жа кому состоянію нравственнаго рабства“, по выраженію Добр любова.

Вліяніе Обломовщины.

Таковы были условія, среди которыхъ развивался х рактеръ Обломова. Условія эти, конечно, не могли способств вать выработкѣ въ немъ энергіи, настойчивости, предпріи чивости, знанія жизни и людей. Привыкнувъ съ дѣтства в дѣть вокругъ себя картину соннаго и бездѣйственнаго сущ ствованія, Обломовъ невольно сталъ считать такую жизн нормальной. Привыкнувъ жить на всемъ готовомъ, не дѣл никакихъ усилій для удовлетворенія своихъ потребност или желаній, Обломовъ, наконецъ, утратилъ самую способнос къ напряженію воли, и всякое дѣйствіе, требующее съ е стороны извѣстнаго расхода энергіи, стало ему казаться т жестью неудобоносимой, а полный покой и бездѣйстве ность—высшимъ идеаломъ жизни. Такимъ образомъ разв лось въ немъ то безволіе и апатія, которыя приковали е къ мягкому дивану, довели этого умнаго и сердечнаго чел вѣка до жалкаго прозябанія и, наконецъ, до гибели нравстве ной и физической. Причиной этого зла, сгубившаго Обл мова, была *обломовщина*, которая въ свою очередь являет естественнымъ результатомъ *крѣпостного права*, на поч котораго она только и могла такъ пышно развиться.

Обломовъ, какъ представитель стараго барства.

Когда Штольцъ спрашиваетъ Захара, что такое Обл мовъ, то тотъ отвѣчаетъ, что это—„баринъ“. Это наивное, вполнѣ точное опредѣленіе. Обломовъ, дѣйствительно, пре ставитель стараго крѣпостного барства, „баринъ“, т.-е. чел

ѣкъ, у котораго „есть Захаръ и еще триста Захаровъ, акъ выражается о немъ самъ Гончаровъ. На примѣрѣ Облова Гончаровъ такимъ образомъ показалъ, какъ пагубно ражалось крѣпостное право на самомъ дворянствѣ, препятвуя выработкѣ энергіи, настойчивости, самодѣятельности, ивычки къ труду. Въ прежнія времена обязательная госурственная служба поддерживала въ служиломъ сословіи и необходимыя для жизни качества, которыя стали постенно глохнуть съ тѣхъ поръ, какъ обязательность службы ла отмѣнена. Лучшіе люди среди дворянства давно уже знали несправедливость такого порядка вещей, созданнаго ѣпостнымъ правомъ; правительство, начиная съ Екатены II, задавалось вопросомъ объ его отмѣнѣ, литература, лицѣ Гончарова, показала его пагубность для самого дванства.

„Началось съ неумѣнья надѣвать чулки, а кончилось умѣньемъ жить“, мѣтко выразился Штольцъ про Обломова. ломовъ самъ сознаетъ свое неумѣнье жить и дѣйствовать, ю неприспособленность, результатомъ которой является утная, но болѣзненная боязнь жизни. Въ этомъ сознаніи заключается трагическая черта въ характерѣ Обломова, зко отдѣляющая его отъ прежнихъ „обломовцевъ“. Тѣ ли натуры цѣльныя, съ прочнымъ, хотя и нехитростнымъ осозерцаніемъ, чуждыя всякихъ сомнѣній, всякой внутрен- й раздвоенности. Въ противоположность имъ, такая именно *здвоенность* есть въ характерѣ Обломова; она внесена в�- го вліяніемъ Штольца и полученнаго имъ образованія. Черты внутренняго раздвоенія.

ія Обломова было уже психологически невозможно вести кое же спокойное и самодовольное существованіе, какое вели отцы и дѣды, потому что въ глубинѣ души онъ все же вствовалъ, что живетъ не такъ, какъ слѣдуетъ и какъ вутъ „другіе“, въ родѣ Штольца. У Обломова есть уже наніе необходимости что-либо дѣлать, приносить пользу, ть не для одного себя; есть у него и сознаніе своего долга редъ крестьянами, трудами которыхъ онъ пользуется; онъ рабатываетъ „планъ“ новаго устройства деревенской жизни, ѣ приняты во вниманіе и интересы крестьянъ, при чемъ лако Обломовъ вовсе не думаетъ о возможности и желаности полнаго упраздненія крѣпостного права. До окон- нія этого „плана“ онъ не считаетъ возможнымъ пересе-

литься въ Обломовку,—но изъ его работы, конечно, ниче не выходитъ, потому что у него не хватаетъ ни знанія се ской жизни, ни настойчивости, ни усердія, ни настояп убѣжденности въ цѣлесообразности самаго „плана“. Обломо по временамъ тяжко скорбитъ, мучится въ сознаніи своей пригодности, но перемѣнить свой характеръ не въ состояв Воля его парализована, всякое дѣйствіе, всякій рѣшите ный шагъ пугаютъ его: онъ боится жизни, какъ въ Об мовкѣ боялись оврага, о которомъ ходили разные недобр слухи.

Любовь къ Ольгѣ.

Только одинъ разъ представился ему случай, когда о могъ бы вступить на новую дорогу, начать новую жиз это было, когда онъ познакомился и полюбилъ Ольгу. Л бовь эта была искренняя и глубокая, она захватила все существо, заставила его хоть на время подбодриться, вз себя въ руки,—но и эта любовь неспособна была возрод Обломова, удержать его отъ постепеннаго моральнаго па нія. Гончаровъ подробно разсказываетъ исторію этой люб въ которой ясно обнаружились всѣ стороны характера Об мова: и нѣжность, и глубина чувства, и даже способно къ самопожертвованію (письмо къ Ольгѣ), но вмѣстѣ съ тѣ также и его нерѣшительность и безсиліе. Подъ вліяні Ольги онъ отчасти перемѣняетъ свой образъ жизни: не сп послѣ обѣда, бываетъ въ театрахъ, читаетъ; но когда жи начинаетъ предъявлять свои серьезныя требованія, когда поэзіи любви приходится переходить къ дѣловой прозѣ, ко предстоятъ различныя хлопоты объ устройствѣ дѣлъ и и нія, о постройкѣ дома, о совершеніи разныхъ формальностей Обломовъ впадаетъ въ свою обычную нерѣшительность. О пугается, когда Захаръ заговариваетъ о свадьбѣ, какъ о дѣ рѣшенномъ, и пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, нап перерывомъ сообщенія вслѣдствіе разлитія Невы, для то чтобы отсрочить предстоящія заботы и хлопоты. Къ эт присоединяется еще вліяніе обстановки, въ которую онъ палъ послѣ переѣзда на Выборгскую Сторону и которая т близко напоминала ему родную Обломовку. Разрывъ съ Оль произвелъ на Обломова потрясающее впечатлѣніе; послѣ н онъ уже былъ не способенъ болѣе къ новому подъему, и жи его превращается въ медленное угасаніе, когда онъ „по

Разрывъ съ нею.

-онно укладывался въ простой и широкій гробъ остального воего существованія, сдѣланный собственными руками, какъ гарцы пустынники, которые, отворотясь отъ міра, копаютъ ебѣ могилу". Напрасно Штольцъ дѣлаетъ послѣднюю попытку вернуть его къ живой жизни, зоветъ его съ собою; бломовъ печально отвѣчаетъ: „Что ты хочешь дѣлать со ной? Съ тѣмъ міромъ, куда ты влечешь меня, я разстался авсегда; ты не спаяешь, не составишь двѣ разорванныя оловины. Я приросъ къ этой ямѣ больнымъ мѣстомъ: поробуй оторвать—будетъ смерть". Изъ этихъ словъ Обломова идно, что онъ вполнѣ сознательно смотритъ на свое положеніе и не имѣетъ уже никакой надежды выйти изъ него, отя и сознаетъ всю его ненормальность.

Обломовъ, какъ національный типъ.

Но являясь, съ одной стороны, представителемъ стараго крѣостного барства, Обломовъ, съ другой стороны, воплощаетъ въ ебѣ *нѣкоторыя черты русскаго національнаго характера*: апр., слабость дѣятельной воли, пассивное подчиненіе обстоятельгвамъ, апатичность, склонность къ созерцательной жизни, къ лѣни покою; но на ряду съ этими національными недостатками, Гончаовъ отмѣтилъ также въ характерѣ Обломова и соотвѣтственныя оложительныя черты: добродушіе, сердечность, искренность, правдиость и др. „Наше имя легіонъ", говоритъ самъ Обломовъ Штольцу, казывая этимъ на широкую распространенность того типа людей, ъ которому принадлежитъ онъ самъ: очевидно, таково же было нѣніе и Гончарова. Поэтому не только у Захара или у Анисима услова отмѣчаетъ Гончаровъ „обломовскія" черты: онъ находитъ хъ и у русскихъ матросовъ на фрегатѣ „Палладѣ": таковъ, напр., ѣстовой Ѳаддеевъ, съ его несокрушимымъ спокойствіемъ и равноушіемъ, „отъ котораго все отскакиваетъ". Наконецъ, есть въ арактерѣ Обломова и черты чисто субъективныя, т.-е. принадлеащія самому автору. Всякій разъ, когда Гончаровъ говоритъ о амомъ себѣ (въ „Воспоминаніяхъ", въ „Фрегатѣ Палладѣ"), онъ исуетъ себя, какъ человѣка нѣсколько апатичнаго, мало подвижого, любящаго комфортъ и спокойствіе. Весьма характерно, что въ природѣ ему нравятся преимущественно мирныя, идиллическія, покойныя картины. Такъ картина тихаго вечера на морѣ, подъ ропиками, вызываетъ у него восклицаніе: „Ахъ, если бъ всегда и ездѣ такова была природа, такъ горяча и такъ величаво и глуоко покойна!"—а когда одинъ изъ спутниковъ приглашаетъ его олюбоваться величественной картиной бурнаго моря, онъ, вмѣсто ыраженія восторга и удивленія, восклицаетъ только: „Безобразіе, езпорядокъ!"—и уходитъ въ каюту.—Гончарова, конечно, нельзя бвинить въ лѣни, но работа у него подвигалась медленно: десять ѣтъ потребовалось ему для „Обломова", а „Обрывъ" задуманный ъ 1849 году, былъ напечатанъ лишь въ 1869-мъ. Была также

въ характерѣ Гончарова значительная доля замкнутости и нелюд мости, особенно развившихся подъ конецъ жизни, когда онъ уедини ся отъ людей и почти не выходилъ изъ своей квартиры.

Такимъ образомъ Обломовъ, какъ типъ, представляетъ соб обобщеніе чрезвычайно широко распространенныхъ жизненны явленій. Неудивительно, что и до Гончарова многіе русскіе пис тели въ изображаемыхъ лицахъ воспроизводили тѣ или другія чер этого типа. За Гончаровымъ однако остается та заслуга, что о всѣ эти разрозненные элементы свелъ воедино и, вмѣстѣ съ ж вымъ образомъ Обломова, создалъ также объясняющее этотъ обра понятіе *обломовщины*, раскрывъ въ то же время причинную свя ея съ условіями окружающей жизни. Къ числу литературныхъ т повъ, имѣющихъ родственныя черты съ Обломовымъ, относят Онѣгинъ, Печоринъ, Рудинъ и др.: бездѣйственность, отсутст опредѣленной цѣли въ жизни, отрѣшенность отъ жизни и люде внутренній разладъ,—вотъ общія черты, объединяющія всѣхъ эти героевъ въ одну группу, несмотря на многочисленныя индивидуал ныя различія, а также на особенности, зависящія отъ вліянія эпо (напр., разочарованность Онѣгина и восторженность Рудина). ближе всего подходитъ къ Обломову изъ прежнихъ литературны типовъ Тентетниковъ; это сходство давало даже нѣкоторымъ кр тикамъ поводъ къ предположенію, что Гоголь въ данномъ случ оказалъ непосредственное вліяніе на Гончарова и что Обломовъ пре ставляетъ собой дальнѣйшее и болѣе полное развитіе намѣченна Гоголемъ типа; однако такое предположеніе является неосновате нымъ, потому что 2-й томъ „Мертвыхъ Душъ", гдѣ выведенъ Те тетниковъ, былъ обнародованъ лишь въ 1855 году, между тѣ какъ *Сонъ Обломова*, изъ котораго уже ясно выступаетъ осно ная идея романа, появился въ печати нѣсколько лѣтъ ранѣе [1]).

Штольцъ. Полную противоположность Обломову по своему хара теру представляетъ *Штольцъ*. По мысли Гончарова, Штоль долженъ являться *положительнымъ* типомъ въ романѣ, ка бы живымъ отрицаніемъ и обличеніемъ „обломовщины". его характерѣ есть тѣ именно черты, которыхъ недостае Обломову; *энергія, настойчивость, стремленіе къ дѣяте ности, самостоятельность*. Воспитаніе Штольца совершен чуждо было тѣхъ изнѣживающихъ условій, среди которы росъ его товарищъ. Онъ былъ гораздо болѣе предоставле самому себѣ, что способствовало развитію въ немъ самосто ельности, а строгая требовательность отца пріучила его смо

[1]) Впервые на связь Обломова съ предшествующими литературны типами указалъ извѣстный критикъ *Добролюбовъ*, въ статьѣ: „Что так обломовщина", написанной тотчасъ послѣ выхода романа. Это вообще од изъ лучшихъ статей объ „Обломовѣ": въ ней прекрасно выяснено общ ственное значеніе романа.

рѣть на жизнь какъ на серьезное дѣло. Унаслѣдовавъ отъ отца нѣмецкую дѣловитость, энергію и аккуратность, Штольцъ отъ матери получилъ идеальные порывы, стремленіе къ изящному, при чемъ эти черты въ его натурѣ достигаютъ гармоническаго сочетанія; по крайней мѣрѣ Гончаровъ говоритъ, что „въ нравственныхъ отправленіяхъ своей жизни онъ искалъ равновѣсія практическихъ сторонъ съ тонкими потребностями духа“. Вообще Штольцъ — *натура уравновѣшенная* и потому прекрасно владѣетъ собой: „кажется, и печалями, и радостями онъ управлялъ, какъ движеніемъ рукъ, какъ шагами ногъ“. Онъ не подчиняется пассивно обстоятельствамъ, подобно Обломову, но, наоборотъ, стремится обстоятельства подчинить своей волѣ. Этому способствуетъ также его ясный и трезвый взглядъ на вещи, являющійся результатомъ преобладанія *разсудочности* въ его натурѣ. Оттого Штольцъ совершенно чуждъ безпочвенной мечтательности, которой любилъ предаваться Обломовъ. „Мечтѣ, загадочному, таинственному не было мѣста въ его душѣ. То, что не подвергалось анализу опыта, практической истины, было въ глазахъ его оптическій обманъ, или же—фактъ, до котораго еще не дошла очередь опыта“. Этотъ „ясный и простой взглядъ на жизнь“, въ связи съ сознаніемъ своихъ силъ, жизненной энергіи, поддерживалъ въ немъ всегда ровное настроеніе, *бодрость и жизнерадостность*. Онъ не портилъ себѣ жизни излишествомъ рефлексіи: „Не видали, чтобы онъ задумывался надъ чѣмъ-нибудь болѣзненно и мучительно; повидимому, его не пожирали угрызенія утомленнаго сердца, не болѣлъ онъ душой, не терялся въ сложныхъ или трудныхъ обстоятельствахъ“. — Но главная черта характера Штольца, которую усиленно подчеркиваетъ Гончаровъ, это — его практическая *дѣловитость, энергія, предпріимчивость*.

Въ теченіе всего романа онъ то появляется, то снова исчезаетъ, занятый различными планами, хлопотами, предпріятіями. Вообще Штольцъ никогда не остается бездѣятельнымъ, и если у него нѣтъ никакой практической работы, онъ обогащаетъ свой умъ новыми знаніями, путешествуетъ, наблюдаетъ и изучаетъ, съ цѣлью воспользоваться впослѣдствіи этими свѣдѣніями. „Трудъ — образъ, содержаніе, стихія и цѣль жизни, по крайней мѣрѣ моей“, говоритъ онъ про самого себя, обличая сонную апатію и бездѣятельность Обло-

Неясность его фигуры.

мова. — Таковъ характеръ Штольца, по *замыслу* Гончарова но въ исполненіи онъ не совсѣмъ удался автору: въ худо жественномъ отношеніи образъ Штольца вышелъ *гораздо болѣ блѣднымъ, схематичнымъ и менѣе жизненнымъ, чѣмъ об разъ Обломова*. Причина этихъ художественныхъ недостатков заключается главнымъ образомъ въ отвлеченности самой ха рактеристики Штольца: Гончаровъ болѣе говоритъ о немъ чѣмъ показываетъ его на дѣлѣ; вся дѣятельность Штольц протекаетъ внѣ рамокъ романа, и потому мы даже не можем себѣ составить достаточно ясное понятіе о самомъ характер его дѣятельности, о ея направленіи. Затѣмъ, невыясненным остается значеніе въ характерѣ Штольца тѣхъ чертъ, кото рыя онъ унаслѣдовалъ отъ матери, а также того вліянія, ко торое оказалъ на него, повидимому, университетъ: на все эт есть отдѣльные намеки, разбросанные въ романѣ, но он слишкомъ недостаточны, чтобы по нимъ составить живо представленіе о его лицѣ.

Ольга.

Болѣе удачна въ художественномъ отношеніи фигур *Ольги*. По своему характеру она напоминаетъ Тургеневскіе жен скіе типы (Наталью, Елену). Подобно имъ, она надѣлена значи тельной долей *самостоятельности* и богатымъ запасомъ *духов ныхъ силъ*. Ольга не удовлетворяется обычной жизнью свѣтско барышни. У нея пытливый свѣтлый умъ, требующій себ серьезной пищи: въ характерѣ ея есть сила и упорство, в обращеніи съ людьми — простота и искренность; талантли вость ея натуры сказывается въ ея пѣніи, въ любви къ му зыкѣ. Всѣ эти черты привлекаютъ къ ней вниманіе Штольца который съ интересомъ бесѣдуетъ съ нею, даетъ ей книги слѣдитъ за ея развитіемъ; онъ же, уѣзжая, поручаетъ е Обломова съ тѣмъ, чтобы она своимъ вліяніемъ удержала ег отъ обычнаго образа жизни.

Ольга составила себѣ планъ возродить Обломова, вер нуть его къ жизни и къ людямъ, поднять его дремлющі силы. Но эта задача была ей не по силамъ, потому что он сама слишкомъ мало знала жизнь и не могла показать дру гому путь къ нравственному возрожденію, такъ какъ сам еще нуждалась въ чужомъ руководствѣ.

Въ концѣ концовъ она сама приходитъ къ сознанію свое ошибки, своей самонадѣянности. Вообще глубокая *сознатель*

ность сопровождаетъ всѣ ея чувства и всѣ поступки: *ясность мышленія*, свойственная ей, выражается, напр., въ легкости, съ какой она разбирается въ сложныхъ психологическихъ вопросахъ: такъ, съ большимъ искусствомъ она анализируетъ письмо Обломова, въ которомъ онъ предлагаетъ разрывъ, и показываетъ ему, изъ какихъ побужденій вытекло это письмо и почему оно было необходимо. Эта ясность мышленія не покидаетъ Ольги и въ самыя рѣшительныя минуты жизни, напр., при послѣднемъ объясненіи съ Обломовымъ: несмотря на то, что она любила его глубоко и искренно, она все-таки, со свойственной ей рѣшительностью, объявляетъ ему о необходимости разстаться, потому что ясно сознаетъ, что жизнь съ нимъ не дастъ ей того нравственнаго удовлетворенія, безъ котораго невозможно истинное счастье [1]). „Я узнала недавно только,—говоритъ она,—что я любила въ тебѣ то, что я хотѣла, чтобъ было въ тебѣ, что указалъ мнѣ Штольцъ, что выдумали мы съ нимъ. *Я любила будущаго Обломова!* Ты кротокъ, честенъ, Илья; ты нѣженъ... голубь; ты прячешь голову подъ крыло—и ничего не хочешь больше; ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей... *да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то еще, а чего—не знаю!* Можешь ли научить меня, сказать, что это такое, чего мнѣ недостаетъ, дать это все, чтобъ я... А нѣжность... гдѣ ея нѣтъ!“—Но и бракъ со Штольцемъ не далъ Ольгѣ полнаго удовлетворенія. Несмотря на счастье и согласіе, которое царило въ ихъ домѣ, несмотря на то, что умственный кругозоръ ея расширился, интересы умножились, и она, по выраженію Гончарова, „довоспиталась до строгаго пониманія жизни“,—все-таки по временамъ ее посѣщала какая-то внутренняя тревога и тоска, „будто ей мало было счастливой жизни, будто она уставала отъ нея и требовала еще новыхъ небывалыхъ явленій, заглядывала еще дальше впередъ“... Эта смутная тоска и смутныя стремленія—признакъ сильной и глубокой натуры, которая не удовлетворяется обыден-

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напр., и въ данномъ, эта сознательность нѣсколько вредитъ психологической правдѣ портрета, потому что въ логически правильныхъ и ясныхъ разсужденіяхъ Ольги невольно чувствуется мысль самого автора. Изрѣдка встрѣчаются даже книжныя выраженія и обороты въ ея словахъ; напр., при разлукѣ съ Обломовымъ она говоритъ о своихъ слезахъ: «Не я плачу,—воспоминанія плачутъ!»

нымъ, мѣщанскимъ счастьемъ, а ищетъ еще чего-то дру гого, высшаго.

Въ этомъ отношеніи Ольга стоитъ, несомнѣнно, выш спокойнаго и уравновѣшеннаго Штольца, которому личн чужды эти порывы и эти внутреннія страданія, хотя онъ понимаетъ ихъ, признавая въ нихъ „расплату за Прометеев огонь“, „общій недугъ человѣчества“.

Особенности творчества Гончарова.

Въ „Обломовѣ“, какъ наиболѣе совершенномъ въ худо жественномъ отношеніи произведеніи Гончарова, особенно ясн обнаруживаются главныя *особенности его творчества*. К числу ихъ принадлежитъ прежде всего *объективность*. Гон чаровъ, по опредѣленію Бѣлинскаго, „поэтъ-художникъ“, ко торый болѣе другихъ „приближается къ идеалу чистаго (т.-е не тенденціознаго, объективнаго) искусства“. Личность автор почти вовсе скрывается за созданными имъ фигурами, кото рыя какъ бы живутъ своею, самостоятельною жизнью. Эт же объективность творчества Гончарова отмѣтилъ также Добролюбовъ, какъ наиболѣе характерную черту его таланта „Онъ ничѣмъ не увлекается исключительно, или увлекаетс всѣмъ одинаково. Слѣдствіемъ этого является въ немъ болѣ спокойное и безпристрастное отношеніе къ изображаемым предметамъ, большая отчетливость въ очертаніи даже мелоч ныхъ подробностей, и равная доля вниманія ко всѣмъ частно стямъ разсказа“.

Только съ помощью внимательнаго анализа можно от крыть въ романѣ присутствіе нѣкоторыхъ субъективных чертъ, при чемъ эти мѣста, гдѣ сказываются взгляды и сим патіи автора, принадлежатъ къ числу слабѣйшихъ въ худо жественномъ отношеніи, потому что вмѣсто живого образ въ нихъ нерѣдко сквозитъ голая идея: это чувствуется, напр. въ изображеніи Штольца, который и вышелъ поэтому, по признанію самого автора, блѣднымъ и неудачнымъ.

Какъ писатель объективный, Гончаровъ является в своемъ творчествѣ чистымъ *эпикомъ*, произведенія его отли чаются *эпическимъ характеромъ и складомъ*. Въ нихъ почт нѣтъ лирическаго элемента (который есть, напр., у Гоголя) не совсѣмъ удаются ему также тѣ сцены, которыя требуют высокаго драматизма: напр., сцена послѣдняго объяснени Обломова съ Ольгой. Зато въ изображеніи повседневно

жизни, обыкновенныхъ явленій и характеровъ, гдѣ требуется по преимуществу талантъ эпическаго разсказчика, Гончаровъ достигаетъ наибольшей высоты и совершенства. Отъ этой особенности дарованія Гончарова зависитъ и его *склонность къ жанру*. Жанровыя картины, т.-е. картины быта, обыденной жизни, болѣе всего удаются Гончарову, и онъ подолгу и съ любовью останавливается на нихъ; какъ во всякой жанровой картинѣ, у Гончарова мы находимъ особенное обиліе мелочей, подробностей быта и нравовъ, характерныхъ чертъ повседневной жизни, обстановки [1]); за эту любовь къ жанру одинъ изъ критиковъ (Дружининъ) даже сравнивалъ Гончарова съ знаменитыми фламандскими художниками-жанристами. Къ числу наиболѣе замѣчательныхъ жанровыхъ картинъ въ произведеніяхъ Гончарова принадлежитъ знаменитый „Сонъ Обломова“; высоко-художественное впечатлѣніе, которое онъ производитъ, въ значительной степени зависитъ оттого, что во всей картинѣ чувствуется глубокая любовь автора къ предмету его изображенія: Гончаровъ, конечно, осуждаетъ „обломовцевъ“ за ихъ лѣнь и апатію, но въ то же время онъ любитъ ихъ, онъ чувствуетъ свою кровную связь съ ними,—ему даже жаль этой тихой, безмятежной и беззаботной жизни, всей этой „поэзіи прошлаго“, которую онъ сумѣлъ воплотить въ своей картинѣ и которая должна исчезнуть передъ строгими требованіями новаго историческаго момента, наступленіе котораго олицетворено въ фигурѣ Штольца.—Отношеніе Гончарова къ изображаемымъ лицамъ и быту сказывается также въ его юморѣ; *юморъ* этотъ, составляющій одну изъ особенностей его дарованія, отличается мягкостью и незлобіемъ, ему совершенно чуждъ „грубый смѣхъ“, противъ котораго такъ ополчался Обломовъ, и въ самой насмѣшкѣ Гончарова слышится симпатія къ предметамъ, ее вызвавшимъ,—и читатель также смѣется вмѣстѣ съ авторомъ „добрымъ смѣхомъ“, смѣется отъ чистаго сердца, какъ смѣялись когда-то въ Обломовкѣ.

Склонность къ жанру, интересъ къ будничной жизни отражается также на самомъ *выборѣ героевъ*. Лучше всего

---

[1]) Въ этомъ отношеніи Гончаровъ рѣзко отличается отъ Тургенева, который, наоборотъ, очень скупъ въ описаніяхъ мелочей быта, обстановки и т. д.

ему удаются лица, представляющія обыкновенное, заурядное явленіе, лица *типическія* по преимуществу. Таковъ, напр., самъ Обломовъ, Захаръ, Агаѳья Матвѣевна. Тамъ же, гдѣ Гончаровъ пытается изобразить лицо, менѣе заурядное, рѣже встрѣчающееся въ жизни, стоящее выше окружающаго общества,—ему это удается въ меньшей степени (напр., Штольцъ). Это пристрастіе къ изображенію явленій типичныхъ, быть можетъ, зависѣло также отъ особенностей умственнаго склада Гончарова: по крайней мѣрѣ онъ самъ говорилъ о „дарѣ обобщенія“ какъ о наиболѣе характерной чертѣ своего мышленія, называлъ *склонность къ обобщенію* своей „второй натурой“.

Эпическій характеръ творчества Гончарова выражается также въ *широтѣ изложенія*, при чемъ не чуждается онъ даже *повтореній*, чтобы яснѣе и полнѣе обрисовать свой предметъ; на эту особенность Гончарова обратилъ вниманіе и Добролюбовъ, находившій, что „сильнѣйшая сторона таланта Гончарова заключается именно въ его умѣніи охватить полный образъ предмета, отчеканить, изваять его“.

Наконецъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ основнымъ характеромъ творчества Гончарова находится *эпически-спокойный, ровный тонъ* его повѣствованія; онъ съ одинаковымъ вниманіемъ останавливается на описаніи мягкаго халата Обломова, бакенбардъ Захара и тонкихъ душевныхъ движеній Ольги. Но это спокойствіе и кажущееся безстрастіе тона вовсе не есть слѣдствіе равнодушія Гончарова къ изображаемымъ лицамъ: Гончаровъ умѣетъ, не выходя изъ этого тона, производить, гдѣ это необходимо, глубоко трогательное впечатлѣніе; напр., въ описаніи беззавѣтной, самоотверженной и вмѣстѣ съ тѣмъ робкой и наивной любви Агаѳьи Матвѣевны къ Обломову, или же ея настроенія послѣ его смерти: здѣсь Гончаровъ поднимается до высокой поэзіи, неотразимо дѣйствующей на душу читателя. — *Языкъ* Гончарова отличается замѣчательной *простотою и ясностью*; онъ чуждъ всякаго паѳоса, искусственности, но въ то же время отличается выразительностью и богатствомъ; много мѣткихъ опредѣленій, характерныхъ выраженій разбросано въ „Обломовѣ“; вообще Гончаровъ вполнѣ заслуженно пользуется славой

одного изъ лучшихъ мастеровъ русской художественной рѣчи, и многіе отрывки изъ его произведеній давно уже вошли въ хрестоматіи, въ качествѣ образцовыхъ [1]).

---

[1]) Кромѣ статьи Добролюбова объ «Обломовѣ», можно указать еще слѣдующіе труды, посвященные Гончарову и его произведеніямъ: *Ляцкій*: «И. А. Гончаровъ; критическіе очерки»; *Острогорскій*: «Этюды о русскихъ писателяхъ: Гончаровъ»; Овсянико-Куликовскій: «Очерки по исторіи русской интеллигенціи» (глава III-я); *Мережковскій*: «О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы» (одна глава посвящена Гончарову). Біографія Гончарова написана *Евг. Соловьевымъ* (въ Біограф. библіотекѣ Павленкова).

Глава IV-я.

Д. В. Григоровичъ.

I. Біографія.

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ родился въ 1822 году (19 марта). Отецъ его умеръ рано и онъ остался на попеченіи своей матери и бабушки, француженки по происхожденію, отецъ которой погибъ на гильотинѣ въ эпоху террора. Эта крутая и властная, хотя и умная старуха держала въ своихъ рукахъ дочь и всю семью. Ранніе годы жизни Григоровичъ провелъ въ имѣньѣ своего отца, въ Каширскомъ уѣздѣ Тульской губ. Условія, окружавшія его въ дѣтствѣ, были весьма своеобразны и мало способствовали развитію его, какъ будущаго русскаго писателя. Въ домѣ всецѣло господствовалъ французскій языкъ; до 8-ми лѣтъ въ рукахъ ребенка не было ни одной русской книги. Русскому языку Григоровичъ научился отъ дворовыхъ, главнымъ образомъ отъ камердинера своего отца, Николая, о которомъ Григоровичъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" отзывается съ большой любовью. Этотъ крѣпостной слуга чрезвычайно привязался къ ребенку; „онъ любилъ меня, какъ будто я десять разъ былъ его роднымъ сыномъ", замѣчаетъ Григоровичъ, вспоминая по этому поводу извѣстныя слова митрополита Филарета о русскомъ народѣ: *„въ немъ свѣту мало, но теплоты много"*. Николай водилъ ребенка гулять, ласкалъ его, разсказывалъ ему сказки. „Не помню, конечно, его разсказовъ,—пишетъ Григоровичъ,—помню только его ласковое, сердечное обращеніе; за весь холодъ и одиночество моей дѣтской жизни я отогрѣвался только, когда былъ съ Николаемъ". Въ свою очередь Григоровичъ болѣе всего привязался къ своему вѣрному дядькѣ, и когда впослѣдствіи пришлось разставаться съ нимъ, при отъѣздѣ въ Москву, мальчикъ болѣе всего горевалъ при разлукѣ съ нимъ. Эти взаимныя сердечныя отношенія между крѣпостнымъ слугою и будущимъ писателемъ, вѣроятно, всего болѣе способствовали развитію тѣхъ симпатій къ простому народу, которую обнаружилъ впослѣдствіи Григоровичъ въ своихъ произведеніяхъ.

Первоначальное образованіе Григоровичъ получилъ въ одномъ частномъ французскомъ пансіонѣ (въ Москвѣ), откуда онъ впрочемъ не вынесъ почти никакихъ знаній; до 14-ти лѣтъ онъ говорилъ по-русски съ иностраннымъ акцентомъ и съ трудомъ могъ написать самое простое письмо. Въ 1836 году Григоровичъ, не безъ нѣкоторыхъ затрудненій, поступилъ въ петербургское военное инженерное училище, Пребываніе въ немъ было для Григоровича вдвойнѣ тяжело: во-первыхъ, потому что, воспитанный въ одиночествѣ, онъ отличался застѣнчивостью и долго не могъ свыкнуться съ новыми условіями жизни, со строгой военной дисциплиной, съ товарищами и ихъ подчасъ грубыми отношеніями и школьными обычаями; такъ, напр., весьма тяжело было положеніе въ школѣ новичковъ („рябцовъ", какъ ихъ называли въ училищѣ); къ нимъ всячески придирались старшіе воспитанники, заставляли ихъ исполнять свои приказанія, подвергали ихъ всевозможнымъ униженіямъ все это дѣйствовало крайне тягостно на нервнаго и впечатлительнаго мальчика. Во-вторыхъ, въ инженерномъ училищѣ среди предметовъ преподаванія главную роль играли математическія науки, съ которымъ у Григоровича не было никакихъ способностей; поэтому только съ большими затрудненіями переходилъ онъ изъ класса въ классъ, не питая никакого интереса къ занятіямъ. Зато съ большимъ увлеченіемъ онъ занимался рисованіемъ, такъ какъ еще до поступленія въ училище у него обнаружились значительныя способности къ искусству.

Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, пребываніе Григоровича въ инженерномъ училижѣ оказало значительное вліяніе на расширеніе его умственныхъ интересовъ, благодаря сближенію съ однимъ изъ его товарищей, Достоевскимъ, будущимъ знаменитымъ писателемъ. Достоевскій, уже тогда живо интересовавшійся литературой, познакомилъ Григоровича со многими русскими и иностранными писателями. о которыхъ онъ раньше не имѣлъ никакого понятія. Вокругъ Достоевскаго образовался небольшой литературный кружокъ, къ которому примкнуло, кромѣ Григоровича, еще нѣсколько другихъ воспитанниковъ. Подъ вліяніемъ новыхъ товарищей, Григоровичъ особенно пристрастился къ чтенію, проглатывая безъ разбору все, что попадало ему подъ руку. Къ этому времени относятся и его первые попытки творчества: подъ вліяніемъ „Разбойниковъ" Шиллера, онъ началъ сочинять фантастическую драму, дѣйствіе которой должно было происходить въ Италіи; но изъ этой дѣтской попытки, конечно, ничего не могло выйти, тѣмъ болѣе, что въ эту эпоху Григоровичъ еще недостаточно свободно владѣлъ русскимъ литературнымъ языкомъ.

Однако Григоровичу не пришлось окончить полный курсъ инженернаго училища. За одно случайное нарушеніе дисциплины, онъ былъ посаженъ въ карцеръ; послѣ этого онъ уговорилъ свою мать взять его изъ училища. Затѣмъ онъ поступилъ въ Академію Художествъ и усердно занялся живописью. Однако крупнаго таланта у него не было, также какъ не было и достаточно вы-

держки и трудолюбія. Поэтому Григоровичъ вскорѣ увлекся театром куда ему удалось проникнуть, поступивъ ученикомъ къ художник завѣдывавшему декораціями. Благодаря случайному знакомству директоромъ императорскихъ театровъ, Гедеоновымъ, Григорович получилъ мѣсто чиновника въ канцеляріи театральной дирекці Эта служба еще болѣе сблизила его съ театральнымъ міромъ; он познакомился со многими извѣстными петербургскими артистам напр., съ Каратыгинымъ, Мартыновымъ, Самойловымъ и др., также и съ нѣкоторыми изъ современныхъ русскихъ драматич скихъ писателей (напр., съ Кони, Зотовымъ и др.). Подъ вл ніемъ этихъ новыхъ знакомствъ, Григоровичъ сталъ также работа для театра: первымъ его трудомъ былъ переводъ одной драм французскаго писателя Сулье („Eulalie Pontois"), который и бы поставленъ на сцену подъ заглавіемъ „Наслѣдство". Вмѣстѣ тѣмъ онъ занялся также и другими переводными работами д разныхъ издателей; всѣ эти занятія были для него полезны томъ отношеніи, что онъ постепенно пріучался владѣть литерату пымъ слогомъ, вырабатывая на этихъ переводахъ свой языкъ стиль.

Отъ этихъ литературныхъ упражненій Григоровичъ перешел вскорѣ къ первымъ попыткамъ самостоятельнаго творчества. Е будучи въ инженерномъ училищѣ, онъ познакомился съ поэтом Некрасовымъ, который въ это время только что начиналъ сво литературную дѣятельность. Въ 1845 году Некрасовъ задумал изданіе иллюстрированнаго сборника: „Физіологія Петербурга", который должны были войти отдѣльные очерки, изображающіе ра личные петербургскіе типы. Между прочимъ Некрасовъ предл жилъ принять участіе въ этомъ сборникѣ и Григоровичу. Послѣ ній охотно согласился на это предложеніе и написалъ для не небольшой очеркъ: „Петербургскіе шарманщики". Уже тогда он вполнѣ сознавалъ необходимость строго реальнаго и правдива воспроизведенія дѣйствительности, образцы котораго далъ въ св ихъ сочиненіяхъ Гоголь. Поэтому, прежде чѣмъ приступить к работѣ, онъ занялся собираніемъ необходимаго матеріала: по ц лымъ днямъ бродилъ въ тѣхъ частяхъ Петербурга, гдѣ по пр имуществу селились шарманщики, вступалъ съ ними въ разговор разспрашивалъ ихъ о всѣхъ мелочахъ ихъ жизни, заходилъ всевозможныя трущобы и записывалъ подробно все, что видѣлъ слышалъ. Все это показываетъ, какъ добросовѣстно относил онъ къ принятой на себя задачѣ и какъ сильно въ немъ бы стремленіе къ реализму. За этимъ первымъ очеркомъ послѣдова еще нѣсколько другихъ разсказовъ, впрочемъ совершенно незн чительныхъ по содержанію.

Около того времени Григоровичъ поселился на одной ква тирѣ вмѣстѣ съ Достоевскимъ, который какъ разъ работалъ на своимъ первымъ произведеніемъ, повѣстью „Бѣдные люди"; Григ ровичъ же доставилъ рукопись этого произведенія Некрасову такимъ образомъ, помогъ Достоевскому сдѣлать первый шагъ к

извѣстности. Примѣръ Достоевскаго, давшаго въ своей повѣсти прекрасный образецъ реалистическаго произведенія, проникнутаго гуманной идеей, подѣйствовалъ на Григоровича. Будучи недоволенъ своими собственными литературными опытами, сознавая бѣдность ихъ внутренняго содержанія, онъ рѣшился порвать съ разсѣянной столичной жизнью и уединиться въ деревню, чтобы тамъ на свободѣ предаться умственнымъ занятіямъ и литературному творчеству, мечтая о томъ, чтобы создать какое-либо значительное по идеѣ произведеніе. Долго не находилъ онъ подходящаго сюжета, пока наконецъ случай не навелъ его на мысль взять своимъ предметомъ нѣкоторыя черты деревенской жизни. Такимъ образомъ возникла „Деревня", первая повѣсть Григоровича изъ крестьянскаго быта. Объ этомъ самъ Григоровичъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

„Къ матушкѣ однажды привезли больную молодую бабу. За обѣдомъ матушка разсказала ея исторію. Ее противъ воли выдали замужъ за грубаго молодого парня, котораго также приневолили взять ее въ жены; онъ возненавидѣлъ ее, чему не мало способствовали его сестры, началъ ее бить въ трезвомъ и пьяномъ видѣ и заколотилъ почти до смерти: баба была въ злѣйшей чахоткѣ и врядъ ли могла пережить весну. Она говорила, что ей легче умереть, чѣмъ жить; ее сокрушала только судьба дочки, двухлѣтней дѣвочки: онъ ее заколотитъ на смерть, говорила она... Разсказъ этотъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Сюжетъ повѣсти былъ найденъ. Я тотчасъ же принялся его обдумывать и приводить въ повѣствовательную форму. Знакомый съ простонароднымъ русскимъ языкомъ только по рѣдкимъ книгамъ, которыя удавалось читать, я сталъ усердно изучать его практически, проводилъ часы на мельницѣ, бесѣдуя съ помольцами, разговаривалъ съ нашими крестьянами, стараясь прислушиваться къ складу ихъ рѣчи, записывалъ выраженія, казавшіяся мнѣ особенно характерными и живописными. Первыя главы повѣсти „Деревня" стоили мнѣ неимовѣрнаго труда. Французскій языкъ, которымъ меня питали до тринадцатилѣтнаго возраста, все еще по временамъ давалъ себя чувствовать; я долго иногда путался, пріискивая ту фразу, которая должна была выпукло и пластично выразить то, что хотѣлось сказать... Но въ характерѣ моемъ, при всей его живости, было много терпѣнія и трудолюбія; работа, къ тому же, мнѣ нравилась, увлекала меня. Я чувствовалъ, что чѣмъ дальше подвигается повѣсть, тѣмъ свободнѣе освоиваюсь я съ языкомъ. Каждую главу передѣлывалъ я, переписывалъ по нѣскольку разъ, вымарывая, переправляя въ ней все, что чуть-чуть казалось нескладнымъ; работа эта не только не отягощала мена, но доставляла мнѣ истинное наслажденіе... Послѣ четырехмѣсячнаго усидчиваго писанья, повѣсть была наконецъ готова, переписана набѣло, и я повезъ ее въ Петербургъ, полный самыхъ радостныхъ надеждъ".

Въ концѣ 1846 года повѣсть Григоровича была напечатана и при своемъ появленіи произвела значительное впечатлѣніе, въ

качествѣ перваго литературнаго произведенія, посвященнаго изображенію крестьянской жизни. Критика, въ лицѣ Бѣлинскаго, отозвалась о „Деревнѣ“ весьма сочувственно. Ободренный этимъ успѣхомъ Григоровичъ рѣшилъ работать въ томъ же направленіи, т.-е. посвятить себя преимущественно изображенію деревенскаго быта. Въ 1847 году появилась въ свѣтъ его вторая повѣсть: „Антонъ Горемыка“, имѣвшая еще болѣе крупный успѣхъ, чѣмъ первая, и создавшая извѣстность Григоровича. „Антонъ Горемыка“ былъ напечатанъ въ лучшемъ журналѣ той эпохи, въ „Современникѣ“, вокругъ котораго группировались всѣ наиболѣе выдающіеся писатели. Со многими изъ нихъ Григоровичъ тѣсно сблизился. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ онъ сообщаетъ много интересныхъ свѣдѣній относительно литературныхъ кружковъ 40—50-хъ годовъ, среди которымъ онъ въ это время вращался, а также даетъ характеристики нѣкоторыхъ отдѣльныхъ литераторовъ (Тургенева, Гончарова, кн. Одоевскаго, Писемскаго, Боткина, Дружинина и др.).

Но Григоровичъ не ограничился мелкими повѣстями изъ народной жизни и задумалъ нарисовать картину ея въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Такимъ образомъ создался его романъ „Рыбаки“ (1852), въ которомъ онъ изобразилъ столкновеніе въ крестьянской средѣ двухъ поколѣній: старшаго, всецѣло еще проникнутаго старыми, вѣками сложившимися взглядами, понятіями, обычаями,—и младшаго, значительно измѣнившагося подъ вліяніемъ фабричной жизни, внесшей, вмѣстѣ въ новыми понятіями, также и новый развратъ, незнакомый прежнему патріархальному крестьянскому быту. Симпатіи автора въ романѣ ясно склоняются на сторону старшаго поколѣнія, представителемъ котораго является старый рыбакъ Глѣбъ, человѣкъ твердаго и суроваго нрава, но умный и добрый въ душѣ. Романъ „Рыбаки“ также имѣлъ крупный успѣхъ у публики и критики.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ „Рыбаковъ“ Григоровичъ написалъ другой романъ изъ народной жизни: „Переселенцы“ (1855). Всѣ произведенія Григоровича изъ крестьянской жизни проникнуты глубокой симпатіей къ народу и сочувствіемъ къ его тяжелому положенію подъ гнетомъ крѣпостного права. Съ особенной любовью Григоровичъ рисуетъ положительные типы изъ народной среды, *„сермяжныхъ героевъ“*, по его собственному выраженію. Напротивъ того, лица, взятыя имъ изъ интеллигентныхъ классовъ: типы помѣщиковъ (напр., въ романѣ „Проселочныя дороги“) или столичныхъ чиновниковъ (во многочисленныхъ разсказахъ и повѣстяхъ) изображены большей частью въ *юмористическомъ* освѣщеніи: Григоровичъ не скрываетъ своего ироническаго къ нимъ отношенія, но даже усиленно подчеркиваетъ его. Впрочемъ, въ художественномъ отношеніи произведенія Григоровича, герои которыхъ взяты изъ высшихъ слоевъ общества, стоятъ ниже его произведеній съ сюжетами изъ народнаго быта[1]).

---

[1]) Изъ русскихъ писателей на Григоровича наибольшее вліяніе имѣлъ, по его собственному признанію, Гоголь, а изъ иностранныхъ—Диккенсъ,

Въ 1858—59 г.г. Григоровичъ, по предложенію великаго князя стантина Николаевича, начальствовавшаго тогда надъ русскимъ омъ, совершилъ продолжительное путешествіе по Средиземному р, на кораблѣ „Ретвизанъ“; путешествіе это онъ описалъ въ корреспонденцій, напечатанныхъ въ „Морскомъ Сборникѣ“, тѣмъ вышедшихъ отдѣльной книгой. Послѣ своего возвраще- онъ на долгое время прекращаетъ свою литературную дѣятель- ь: будучи избранъ секретаремъ Общества поощренія художествъ, всецѣло отдается новому дѣлу, къ которому привлекалъ его и давній интересъ къ искусству. Благодаря главнымъ образомъ стараніямъ, была устроена при Обществѣ рисовальная школа, низованъ прекрасный музей, библіотека и мастерскія. Для по- енія коллекцій музея, Григоровичъ неоднократно ѣздилъ за гра- . Между прочимъ онъ посѣтилъ всемірную выставку въ Лон- въ 1862 году и посвятилъ обширную статью собраннымъ на выставкѣ картинамъ англійскихъ мастеровъ XVIII и XIX вѣка: статья представляетъ собой общій очеркъ англійскаго искусства ва послѣднихъ столѣтія и рядъ прекрасныхъ характеристикъ льныхъ выдающихся художниковъ, въ ту эпоху почти вовсе вѣстныхъ въ Россіи.

Только съ начала 80-хъ годовъ Григоровичъ снова вернулся литературѣ. За послѣдніе годы жизни имъ написанъ цѣлый разсказовъ и повѣстей („Гуттаперчевый мальчикъ“, „Акро- благотворительности“ и др.), а также комедія изъ столичныхъ овъ: „Замшевые люди“. Къ этому же времени относятся и его ературныя воспоминанія“, представляющія значительный инте- по своему содержанію. Въ 1893 году Григоровичъ отпразднo- 50-лѣтній юбилей своей литературной дѣятельности, а въ 9 году онъ скончался (22 декабря).

Повѣсти: „Деревня“ и „Антонъ Горемыка“

Содержаніе повѣсти.

Повѣсть „Деревня“ представляетъ собой простой, без- остный разсказъ о судьбѣ бѣдной крестьянской сиротки- ушки Акулины. Передъ нами проходитъ вся ея несложк- исторія, составляющая непрерывную цѣпь физическихъ равственныхъ страданій. Воспитанная въ семьѣ грубой и

ый принадлежалъ къ числу его любимѣйшихъ авторовъ. Въ произве- ыхъ Диккенса мы находимъ такое же характерное сочетаніе трезваго ализма съ тонкимъ юморомъ и сентиментальнымъ настроеніемъ, съ ко- рмъ встрѣчаемся и во многихъ произведеніяхъ Григоровича. Даже во инихъ пріемахъ творчества есть значительное сходство, которое, ко- чо, объясняется сознательнымъ или безсознательнымъ подражаніемъ аенитому англійскому романисту, крупный талантъ котораго въ значи- ой степени подчинилъ себѣ гораздо менѣе сильное дарованіе Гри- рича.

сварливой скотницы, попрекаемая каждымъ кускомъ хл
Акулина съ дѣтства ни отъ кого не видала ласки, не
хала привѣтливаго слова. Напротивъ того, отъ всѣхъ ей
ходилось терпѣть брань, побои и жестокое обращеніе
ней вымещала скотница всякую испытанную досаду, е
она нарочно подводила подъ гнѣвъ своего мужа, когда
пьяный и буйный, возвращался съ фабрики домой. Аку
не знала никакихъ радостей, свойственныхъ дѣтскому
расту. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ она была приставлен
работѣ — должна была пасти гусей и утокъ и подверга
строгому наказанію, если кто-нибудь, даже не по ея в
пропадалъ изъ стада. Все это способствовало въ ней р
тію отчужденія отъ людей, чувства полнаго одиночества
тому же, на свою бѣду, дѣвочка надѣлена была чутк
нѣжной душою, и потому особенно сильно чувствовала
кую обиду и оскорбленіе.

Судьба Акулины.

Такъ безрадостно проходили ея дѣвичьи годы; но
мужество не принесло ей ничего, кромѣ горя. Замужъ вы
она случайно, по прихоти господъ и противъ собствен
желанія, а также и противъ желанія своего жениха. Н
и не думалъ присвататься къ бѣдной сироткѣ-безприданн
не отличавшейся притомъ крѣпкимъ здоровьемъ, что т
имѣетъ большое значеніе въ крестьянской средѣ. Но в
время пріѣхали изъ Петербурга въ деревню господа,
случайному капризу „барина“ Акулина была выдана за
кузнеца, несмотря на то, что послѣдній собирался жени
на приглянувшейся ему дѣвушкѣ изъ другого села и
ходилъ для этого просить у барина разрѣшенія. Вы
Акулину замужъ, „баринъ“, собственно говоря, руковод
гуманными побужденіями, хотѣлъ „облагодѣтельствовать
ротку, устроить ея судьбу къ лучшему, но на дѣлѣ вы
наоборотъ. Мужъ Акулины съ перваго же дня возненави
насильно навязанную ему, нелюбимую жену, всячески т
нилъ ее, непощадно билъ и издѣвался надъ нею, под
каемый еще къ тому своими сестрами, сильно невзлюбив
безотвѣтную золовку. Сверхъ того онъ былъ человѣкъ ж
кій и испорченный фабричною жизнью, часто пьянство
и во хмѣлю не зналъ себѣ удержу. Все переносила несчас
женщина, не смѣя даже роптать на свою судьбу, и то
еще глубже уходила въ самое себя, налагая на себя о
терпѣливаго молчанія.

Единственной утѣхой, единственнымъ просвѣтомъ во
сѣ ея существованія былъ для нея ея ребенокъ, ея ма-
ькая дочь. На ней она сосредоточила всю силу привязан-
и, всю теплоту чувства, къ которому была способна. Въ
очередь маленькая Дуня нѣжно привязалась къ своей
ри, ни на шагъ не отставала отъ нея, и эта любовь ре-
а нѣсколько скрашивала безотрадную жизнь Акулины.
ако при тѣхъ страданіяхъ, которыя ей приходилось пе-
сить, жизнь ея не могла протянуться долго. Постоян-
побои, тяжелая, непосильная работа, все это подрывало
овье Акулины. Въ нѣсколько лѣтъ она превратилась
и въ старуху. Просто и трогательно описываетъ Григо- Ея смерть.
чъ ея предсмертную болѣзнь и послѣдніе дни, когда
ея помыслы сосредоточиваются на заботѣ о судьбѣ своей
ри и она коснѣющимъ языкомъ уговариваетъ мужа не
сиротки. Впечатлѣніе еще болѣе усиливается описаніемъ
ронъ, когда безчувственный и пьяный Григорій на роз-
няхъ отправляется, въ сильную мятель, на погостъ съ
мъ жены, положенномъ въ наскоро сколоченномъ гробу,
ѣдомъ за нимъ бѣжитъ несчастная дѣвочка, не понимаю-
еще хорошенько, что случилось съ ея матерью, но чув-
ющая, что ее навсегда разлучаютъ съ нею, отрываютъ
нея.

„Вьюга злилась попрежнему, дорогу заметало, цѣлыя горы
разсыпало на голову Григорію. Онъ, ошеломленный виномъ,
а что не обращалъ вниманія и зналъ только хлесталъ и сте-
несчастную свою клячу, которая то и дѣло вязла въ овра-
.. Вдругъ, посреди завыванія вѣтра и шума мятелицы, ему
лышались крики; онъ оглянулся: въ мутныхъ волнахъ, между
рбами бѣжала сломя голову Дунька. Григорій приподнялся на
лкѣ и пригрозилъ ей. „Пошла, пострѣлъ, домой... пошла до-
.. замерзнешь! пошла домой!“ кричалъ онъ, принимаясь съ
шимъ еще остервенѣніемъ колотить свою клячу. Хмѣль, благо
зно было, успѣлъ уже обуять его; удары сыпались за ударами,
дь несла его во всю мочь; изрѣдка оборачивался Григорій на-
.. „Пошла домой, пострѣлъ!.. пошла домой!“ горланилъ онъ;
ебенокъ не переставалъ бѣжать за нимъ съ тѣмъ же крикомъ
племъ. „Пошла домой! вотъ я те... окаянную!“ продолжалъ
ь. Дунька все бѣжала да бѣжала...

А вьюга между тѣмъ становилась все сильнѣе да сильнѣе;
ные вихри и ледяной вѣтеръ преслѣдовали младенца и заби-
ъ ему подъ худенькую его рубашонку, и обдавали его поси-
ія ножки, и повергали его въ сугробы... но онъ все бѣжалъ,

все бѣжалъ... Вьюга все усиливалась да усиливалась, вой становился все громче и громче; то взрывалъ онъ снѣжные х и яростно крутилъ ихъ въ замутившемся небѣ, то гналъ п собою необозримую тучу снѣга и, казалось, силился затопи немъ поля, лѣса и все Кузьминское, со всѣми его жите амбарами, угодьями и господскими хоромами"...

Идея повѣсти.

Вторая повѣсть Григоровича изъ народнаго быта—„*Ан Горемыка*", названная такъ по имени главнаго героя. въ первой повѣсти изображается преимущественно не ство и грубость нравовъ, свойственныя крестьянской с то въ „Антонѣ-Горемыкѣ" вниманіе автора сосредоточен имущественно на изображеніи *безправія* крестьянина подч томъ крѣпостныхъ отношеній. Въ этомъ безправіи нар массы и связанномъ съ нимъ произволѣ высшихъ а совершенно справедливо видитъ главный источникъ стра народа, причину его матеріальной нищеты, а также и е вѣжества и связанныхъ съ нимъ пороковъ и недостат Эта идея, положенная въ основу повѣсти, выступае ней съ бо́льшей ясностью и наглядностью, чѣмъ въ ревнѣ", хотя авторъ отнюдь не навязываетъ ее читатели денціозно, но она сама слагается въ его умѣ, какъ есте ный выводъ изъ всего разсказа.

Характеръ Антона.

Герой повѣсти — крѣпостной крестьянинъ. О его ственныхъ качествахъ одинъ изъ его земляковъ отзыв слѣдующимъ образомъ: „Ужъ такой-то добрый... прос Бывало, какъ жилъ-то хорошо, всякаго готовъ уважить, стыня-мужикъ... Черезъ простоту свою да доброту и по далъ болѣе... Добрая была душа"... Душевная доброта А видна, напр., въ его отношеній къ дѣтямъ брата, кото онъ принялъ въ свой домъ, когда послѣдняго отдал солдаты: онъ не только не тяготится ими, но любитъ какъ собственныхъ дѣтей, обращается съ ними ласк сердечно. Точно такъ же съ живой отзывчивостью отно онъ и къ мірскому дѣлу, за что и приходится ему въ к концовъ сильно пострадать. Владѣлецъ вотчины, къ ко принадлежалъ Антонъ, проживалъ всегда въ Петерб предоставивъ всѣ дѣла по имѣнію управляющему из четныхъ дворовыхъ, человѣку алчному и жестокому. управляющій принадлежалъ къ той же категоріи крѣпост тирановъ, какъ нѣкоторые типы Тургенева (въ разск

„Бурмистръ“ и „Контора“). Онъ точно такъ же пользовался своимъ положеніемъ, для того чтобы притѣснять подвластныхъ ему крестьянъ и наживаться на ихъ счетъ, такъ же какъ и на счетъ самого барина, надѣясь при этомъ на полную безнаказанность. Когда мужикамъ стали, наконецъ, невтерпежъ чинимыя имъ обиды, они рѣшились принести на него жалобу барину, и Антону, какъ единственному грамотею въ селѣ, пришлось заняться, по просьбѣ своихъ односельчанъ, составленіемъ этого письма, въ которомъ они сообщали о всѣхъ притѣсненіяхъ и беззаконіяхъ управляющаго.

Притѣсненія управляющаго.

Но жалоба не дошла до „барина“, такъ какъ была перехвачена его камердинеромъ, роднымъ братомъ управляющаго, который и переслалъ ее послѣднему. Тотъ немедленно принялся за разслѣдованіе и такъ застращалъ мужиковъ, что они тотчасъ же повинились и выдали Антона, въ качествѣ главнаго зачинщика, чего на самомъ дѣлѣ вовсе и не было. Съ этого времени бѣдному мужику житья не стало отъ управляющаго, который возненавидѣлъ его, преслѣдовалъ всячески и довелъ, наконецъ, до полнаго обнищанія. Прежде Антонъ жилъ „не хуже другихъ“, тѣмъ болѣе, что онъ былъ мужикъ „справный“, работящій и не пьяница. Но управляющій систематически разорялъ его: далъ ему участокъ самой плохой земли, назначалъ постоянно на барщину, отдалъ не въ очередь въ рекруты его младшаго брата, всячески придирался къ нему при уплатѣ подушныхъ и т. д. Тяжело пришлось бѣдному Антону; для того чтобы какъ-нибудь извернуться, онъ принужденъ былъ постепенно распродать весь свой скотъ, большей частью за безцѣнокъ, пока не осталась у него одна послѣдняя лошаденка. Но и ту не оставилъ ему его гонитель: чтобы окончательно погубить мужика, онъ принуждаетъ его продать и его „пѣгашку“, хотя и знаетъ, что безъ лошади мужикъ уже не можетъ „крестьянствовать“.

Содержаніе повѣсти.

Содержаніе повѣсти и заключается въ разсказѣ о томъ, какъ Антонъ отправляется со своимъ „пѣгашкой“ въ городъ на ярмарку, какъ онъ на постояломъ дворѣ попадаетъ въ руки ловкихъ конокрадовъ, которые ночью угоняютъ его лошадь, какъ онъ, въ полномъ отчаяніи, блуждаетъ по окрестностямъ, въ тщетныхъ поискахъ за пропавшей лошадью, пока, наконецъ, не попадаетъ случайно въ компанію бродягъ,

которые только что передъ этимъ ограбили ѣхавшаго съ деньгами купца; вмѣстѣ съ этими бродягами Антонъ подвергается задержанію, и повѣсть оканчивается тѣмъ, что его въ колодкахъ отправляютъ подъ конвоемъ въ городъ для преданія суду [1]).

Гуманный духъ повѣстей Григоровича.

Обѣ повѣсти Григоровича, такъ же какъ и непосредственно примыкающій къ нимъ разсказъ „Бобыль", представляютъ собой яркіе образцы того „филантропическаго направленія" (выраженіе Ап. Григорьева), которое составляетъ одну изъ наиболѣе характерныхъ особенностей новой русской литературы. Чаще, чѣмъ иностранные писатели, русскіе авторы останавливаются на изображеніи жизни „униженныхъ и оскорбленныхъ", выбираютъ своихъ героевъ изъ низшихъ, угнетенныхъ слоевъ населенія, стараются вызвать въ читателѣ сочувствіе къ нимъ и такимъ образомъ становятся проводниками въ обществѣ идей гуманности и справедливости. Григоровичу принадлежитъ та заслуга, что онъ первый изъ русскихъ писателей обратился къ изображенію жизни и быта крѣпостного крестьянства. Своими произведеніями, проникнутыми духомъ искренняго *народолюбія*, онъ немало способствовалъ возбужденію въ образованномъ обществѣ симпатіи къ крестьянамъ и сознанія ненормальности ихъ положенія. Въ этомъ отношеніи его первыя повѣсти изъ народнаго быта сыграли такую же роль въ общественномъ сознаніи, какъ и „Записки Охотника" Тургенева.

Типы крестьянъ у Григоровича.

По сравненію съ Тургеневымъ, изображеніе крестьянской среды подъ властью крѣпостного права отличается у Григоровича еще болѣе мрачными красками. Въ то время, какъ Тургеневъ выводитъ цѣлый рядъ типовъ изъ народной среды, вызывающихъ къ себѣ невольное уваженіе богатствомъ своихъ духовныхъ силъ, Григоровичъ выбираетъ своихъ героевъ изъ числа тѣхъ обездоленныхъ, забитыхъ, обиженныхъ судьбою, вся жизнь которыхъ является однимъ сплошнымъ стра-

---

[1]) Впрочемъ, первоначально повѣсть заканчивалась иначе: именно, крестьяне, доведенные до крайности злоупотребленіями управляющаго, зажигаютъ его домъ и самого его бросаютъ въ огонь. Но тогдашняя строгая цензура, особенно придирчивая ко всему, что касалось крѣпостного права, не допустила этого окончанія и Григоровичу пришлось придумать новую развязку.

емъ. Григоровичъ стремится не только вызвать сочувствіе выведеннымъ имъ лицамъ, но онъ хочетъ еще разжало-, растрогать читателя, подѣйствовать на его „чувстви-ность“, вызвать состраданіе. Этими стремленіями онъ колько напоминаетъ писателей сентиментальнаго напра-ія, которые также почитали своей главной задачей— раженіемъ безвинныхъ страданій трогать нѣжныя сердца. ство нѣкоторыхъ внѣшнихъ пріемовъ подавало даже по-, къ обвиненію Григоровича въ ложной сентиментально-въ склонности изображать русскихъ мужиковъ въ видѣ хъ-то идиллическихъ „пейзанъ“. Но если это обвиненіе ѣетъ нѣкоторое основаніе въ приложеніи къ его боль-ъ романамъ изъ крестьянской жизни („Рыбаки“, „Пере-нцы“), въ которыхъ Григоровичъ пытался нарисовать льные типы изъ народной среды,—то по отношенію къ первымъ повѣстямъ оно является совершенно неоснова-нымъ. Въ этихъ повѣстяхъ Григоровичъ нисколько не лизируетъ ни выведенныхъ лицъ, ни изображеннаго . Напротивъ того, все изображеніе его проникнуто ду-. строгаго и трезваго *реализма*. Дѣйствующія лица этихъ стей вовсе не условные „пейзане“, а самые настоящіе, ядные русскіе мужики. Григоровичъ не только не скры-ь темныхъ, отталкивающихъ сторонъ изображаемой среды наоборотъ, подчеркиваетъ ихъ, еще болѣе усугубляя ность общей картины. Невѣжество, грубость, жестокость, ство, — вотъ тѣ недостатки и пороки, свойственные на-ой средѣ, съ проявленіями которыхъ мы на каждомъ встрѣчаемся въ повѣстяхъ Григоровича. Такова, напр., кивающая сцена дѣлежа скудныхъ пожитковъ умершей ницы (матери Акулины), дѣлежа, происходящаго у не-вшаго еще трупа покойницы,—или изображеніе дикаго ства въ деревенскомъ кабакѣ,—или картина семейныхъ ровъ, когда молодой мужъ, на другой день послѣ свадьбы, дно бьетъ свою жену, безъ всякаго повода съ ея сто-, а вошедшій на шумъ сосѣдъ, почтенный, сѣдой какъ старикъ, не только не останавливаетъ его, но даже на-ть все происходящее въ порядкѣ вещей и приговари-ь: „пѣстуй, пѣстуй ее, пусть-де знаетъ мужа: оно ..“

Реализмъ его изображенія.

Языкъ повѣстей.

Точно такъ же и въ самомъ языкѣ, которымъ напи повѣсти Григоровича, нѣтъ ничего искусственнаго и у наго. Напротивъ того, языкъ его персонажей очень близо русской народной рѣчи. Григоровичу удалось схватить мѣткихъ и образныхъ выраженій, поговорокъ, прибау которыми такъ богата живая народная рѣчь. „Скинь-ка ш да постучи-ка себѣ въ голову-то, не пустая ли она“,— ритъ одинъ мужикъ другому, укоряя его въ томъ, что не слѣдитъ за поведеніемъ сына. Другой примѣръ: разс вая своимъ собесѣдникамъ о притѣсненіяхъ, чинимыхъ ну управляющимъ, его землякъ-крестьянинъ замѣч „Пришло Антону день ото дня плоше да плоше; вѣс мужичокъ не грибокъ, не растетъ подъ дождёкъ... дол разорить его? Такъ-таки совсѣмъ и разорилъ его, довел толѣва, что не осталось у него въ домѣ ни полщепочки ветъ—какъ бы день къ вечеру, и голодную собаку не стало изъ-подъ лавки выманить“... Умѣлымъ и осмотри нымъ пользованіемъ подобными выраженіями и оборо несомнѣнно, подслушанными Григоровичемъ изъ устъ с народа, онъ сумѣлъ придать своему разсказу отпечаток *родности*, что особенно замѣчательно, если принять во маніе условія жизни и воспитанія Григоровича. При ему удалось также воздержаться отъ той ошибки, въ кот неоднократно впадали нѣкоторые другіе писатели, выв шіе народные типы (напр., Даль) и испещрявшіе свой сказъ массой мѣстныхъ выраженій, пословицъ, приска благодаря чему языкъ ихъ пріобрѣталъ характеръ вычурн искусственности, надуманности.

Бытовые сцены и типы.

Въ произведеніяхъ Григоровича, посвященныхъ из женію народной жизни, встрѣчается немало бытовыхъ тинъ и сценъ; таково, напр., описаніе деревенской сва и осеннихъ посидѣлокъ (въ „Деревнѣ“), или яркая и пе картина ярмарки въ уѣздномъ городишкѣ (въ „Антон ремыкѣ“). На фонѣ этихъ бытовыхъ картинъ высту масса эпизодическихъ лицъ, представляющихъ различны родные типы, обрисованные авторомъ нѣсколькими бѣгл но мѣткими штрихами, въ родѣ странствующихъ порт разбитныхъ парней, удали которыхъ не можетъ надив Антонъ-Горемыка. Впрочемъ, благодаря этому обилію чайныхъ и вводныхъ персонажей, не играющихъ въ

ствіи никакой роли, разсказъ Григоровича иногда грѣшитъ растянутостью, ослабляющей силу художественнаго впечатлѣнія. Къ такимъ же излишнимъ длиннотамъ принадлежатъ и нѣкоторые вставочные эпизоды, какъ, напр., разсказъ о парнѣ, убившемъ по наущенію любовницы на охотѣ купца, для того чтобы овладѣть его деньгами.

Кромѣ описанія народнаго быта и изображенія крестьянскихъ типовъ, въ произведеніяхъ Григоровича встрѣчается много прекрасныхъ картинъ природы, нарисованныхъ съ большой любовью. Отличительной чертой ихъ является преобладаніе *живописнаго* элемента, т.-е. въ нихъ авторъ старается не столько о томъ, чтобы схватить общее впечатлѣніе картины природы, передать ея настроеніе (какъ это дѣлалъ Тургеневъ), сколько о томъ, чтобы точнѣе и полнѣе изобразить ее во всей ея сложности. Въ этихъ картинахъ природы сказывается у Григоровича, по мѣткому замѣчанію Анненкова, „инстинктъ рисовальщика“; эта особенность его творчества, конечно, въ значительной степени объясняется его художественными дарованіями и многолѣтними занятіями искусствомъ. Картины природы.

———

Глава V-я.

А. Н. Островскій.

Біографія Островскаго.

Александръ Николаевичъ Островскій родился 31 марта 1823-го года, въ Москвѣ, въ одномъ изъ глухихъ переулковъ Замоскворѣчья (въ приходѣ Покрова, что въ Голикахъ). Предки его были духовнаго званія и костромичи по мѣсту происхожденія; но отецъ служилъ въ гражданской службѣ, а выйдя въ отставку, занимался „хожденіемъ“ по дѣламъ въ судебныхъ учрежденіяхъ. Кліентами его были преимущественно купцы, такъ что Островскій съ дѣтства, еще въ домѣ своего отца, могъ познакомиться съ той средой, типы которой онъ впослѣдствіи съ такимъ мастерствомъ изображалъ въ своихъ комедіяхъ. Вообще вся обстановка жизни и условія быта московскихъ захолустій, среди которыхъ протекло дѣтство Островскаго, носили на себѣ еще яркій отпечатокъ старины, незатронутой никакими новшествами, и этотъ старый міръ представлялъ обильный и интересный матеріалъ для наблюденій, еще вовсе не использованный до тѣхъ поръ въ литературѣ.

По окончаніи гимназіи Островскій поступилъ въ университетъ, на юридическій факультетъ, но курса тамъ не кончилъ, будучи принужденъ выйти, вслѣдствіе столкновенія съ однимъ профессоромъ. Въ 1843 году, двадцати лѣтъ отъ роду, Островскій опредѣлился на службу, сперва въ Совѣстный судъ, гдѣ разбирались „по совѣсти“ преимущественно тяжебныя дѣла между близкими родственниками, а затѣмъ въ Московскій коммерческій судъ, при чемъ первоначальное жалованіе ему было назначено 4 рубля въ мѣсяцъ. Служба эта, хотя мало интересовала Островскаго, но была полезна для него въ томъ отношеніи, что близко знакомила его съ закулисной жизнью „темнаго царства“ и приводила его въ постоянное соприкосновеніе съ міромъ купцовъ и мелкихъ чиновниковъ, давая ему возможность еще лучше изучить эту среду.

Въ 1846 г. Островскій написалъ свое первое драматическое произведеніе: „*Семейная картина*“: въ слѣдующемъ году оно было напечатано въ „Московскомъ городскомъ листкѣ“. Въ это

же время была начата имъ комедія: „*Банкротъ*“, получившая впослѣдствіи другое названіе: „*Свои люди—сочтемся*“, но окончена была эта комедія лишь въ 1849 г., а въ 1850 г. появилась въ журналѣ Погодина „Москвитянинъ“. Еще до напечатанія ея, Островскій читалъ свою комедію въ различныхъ литературныхъ и свѣтскихъ салонахъ; на одномъ изъ такихъ чтеній присутствовалъ между прочимъ и Гоголь. Повсюду эти чтенія сопровождались крупнымъ успѣхомъ, производили на слушателей сильное впечатлѣніе; такъ, напр., кн. Одоевскій, не обинуясь, поставилъ комедію Островскаго въ одинъ рядъ съ такими произведеніями, какъ „Недоросль“, „Горе отъ ума“ и „Ревизоръ“, и предсказалъ молодому автору блестящее будущее.—Однако, на ряду съ этими успѣхами, комедія принесла Островскому также и не мало непріятностей: нѣкоторые изъ московскихъ купцовъ, недовольные тѣмъ, что въ комедіи выставлены были купеческіе типы въ крайне непривлекательномъ видѣ, стали обвинять автора въ желаніи оскорбить и унизить цѣлое сословіе; тогдашняя строгая и придирчивая цензура также вмѣшалась въ дѣло, и хотя ничего предосудительнаго въ комедіи найдено не было, но автору было поставлено на видъ, почему онъ не вывелъ въ комедіи ни одного положительнаго лица, и почему порокъ, въ лицѣ Подхалюзина, не подвергся заслуженному наказанію. Поэтому постановка комедіи на сценѣ была воспрещена, и этотъ запретъ былъ снятъ лишь 12 лѣтъ спустя (1861 г.), да и то автору пришлось передѣлать конецъ: въ послѣднемъ дѣйствіи является квартальный и требуетъ Подхалюзина къ суду за присвоеніе себѣ имущества его тестя, объявившаго себя банкротомъ.

Въ началѣ своей литературной дѣятельности Островскій особенно тѣсно сблизился съ кружкомъ писателей, группировавшихся вокругъ такъ называемой „молодой редакціи *Москвитянина*“, въ составъ которой входили: извѣстный критикъ Аполлонъ Григорьевъ, Тертій Филипповъ (впослѣдствіи государственный контролеръ), Писемскій, Эдельсонъ и др. Этотъ кружокъ по своимъ основнымъ взглядамъ примыкалъ къ славянофиламъ и, подобно имъ, отрицательно относился къ пассивному усвоенію европейской культуры; своихъ идеаловъ члены этого кружка искали въ міросозерцаніи народной массы, считая, что главное зло новой русской жизни заключается въ оторванности образованнаго общества отъ народной „почвы“. Взгляды, господствовавшіе въ кругу „молодой редакціи Москвитянина“, оказали несомнѣнное вліяніе на Островскаго и отразились въ его творчествѣ, напр., въ комедіи „*Бѣдность не порокъ*“, проникнутой явной симпатіей къ „старинѣ“, къ русскимъ народнымъ обычаямъ, обрядамъ, пѣснямъ, ко всему складу старой русской жизни.

Въ 1853 году Островскому впервые удалось увидѣть свое произведеніе на сценѣ; это была комедія: „*Не въ свои сани не садись*“, за которой вскорѣ послѣдовала и другая—„*Бѣдность не порокъ*“. Обѣ эти піесы имѣли громадный успѣхъ у публики, утвердивъ за Островскимъ репутацію лучшаго русскаго драматурга.

На ряду съ художественностью и жизненностью самыхъ комедій, успѣху ихъ не мало содѣйствовало образцовое сценическое исполненіе. Въ эту эпоху въ составъ труппы московскаго Малаго театра входили такіе выдающіеся артисты, какъ Провъ Садовскій, Сергѣй Васильевъ, Шумскій, Степановъ, Горбуновъ, Акимова, Никулина-Косицкая и др. До сихъ поръ имъ приходилось играть большей частью въ различныхъ, передѣланныхъ съ французскаго піесахъ или въ безцвѣтныхъ подражаніяхъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ русской дѣйствительности. Островскій создалъ, наконецъ, русскій бытовой репертуаръ, въ которомъ они могли развить свои недюжинныя способности. Со многими изъ нихъ Островскій находился въ дружескихъ отношеніяхъ; особенно близко сошелся онъ съ Садовскимъ, который игралъ почти во всѣхъ его піесахъ; особеннымъ успѣхомъ пользовался онъ въ роли Любима Торцова (въ комедіи „Бѣдность не порокъ").

Не ограничиваясь изображеніемъ купеческаго быта старозавѣтной Москвы, Островскій во многихъ комедіяхъ выводилъ типы мелкаго чиновничества, также ему хорошо знакомаго („Бѣдная невѣста", „Въ чужомъ пиру похмѣлье", „Доходное мѣсто", „Тяжелые дни"). Лучшая изъ этихъ комедій изъ чиновничьяго быта— *„Доходное мѣсто"* (1856 г.). Она принадлежитъ къ разряду „обличительныхъ" произведеній, которыя получили особенную популярность именно въ эту эпоху, непосредственно слѣдовавшую за Крымской кампаніей и отмѣченную особеннымъ подъемомъ общественнаго самосознанія.

Въ 1856 г. Островскій, вмѣстѣ съ другими русскими писателями, получилъ приглашеніе отъ вел. кн. Константина Николаевича принять участіе въ такъ называемой „литературной экспедиціи", задачей которой было изученіе условій жизни и быта тѣхъ частей имперіи, жители которыхъ преимущественно занимаются рыболовствомъ или мореплаваніемъ. Островскій избралъ себѣ верхнее теченіе Волги и лѣтомъ 1856 г. объѣхалъ избранный раіонъ, начиная отъ истоковъ рѣки до Нижняго Новгорода. Это путешествіе познакомило его ближе съ бытомъ и нравами провинціальнаго захолустья, и знакомство это отразилось въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, напр., въ драмѣ *„Гроза"* (1860). Вмѣстѣ съ тѣмъ путешествіе по Волгѣ, многія мѣстности которой полны были историческихъ воспоминаній и сохранили еще въ значительной мѣрѣ отпечатокъ прадѣдовскихъ временъ, пробудило въ Островскомъ интересъ къ народной старинѣ, отразившійся въ рядѣ *„историческихъ хроникъ"*: „Козьма Мининъ", „Дмитрій Самозванецъ", „Тушино"; къ нимъ примыкаютъ такія произведенія, какъ *„Воевода или Сонъ на Волгѣ"* и *„Снѣгурочка"*, хотя не имѣющія исторической основы, но всецѣло проникнутыя духомъ народной старины или народной поэзіи. Всѣ эти піесы относятся къ 60-мъ и началу 70-хъ годовъ и представляютъ собой *второй* періодъ въ исторіи творчества Островскаго.

Третій періодъ, обнимающій 70-е и 80-е годы, характеризуется возвращеніемъ къ изображенію современной жизни и быта,

олько героевъ своихъ Островскій беретъ уже не изъ міра ста-
вѣтныхъ купцовъ и мелкихъ чиновниковъ, какъ въ *первый*
дъ своей дѣятельности, а преимущественно изъ интеллигент-
среды („Бѣшеныя деньги“, „Поздняя любовь“, „Трудовой
ъ“, „Волки и овцы“, „Безприданница“, „Сердце не камень“).
зѣкоторыхъ піесахъ выводятся типы, взятые изъ театральнаго
(„Лѣсъ“, „Таланты и поклонники“; „Безъ вины виноватые“).
эти піесы представляютъ значительный интересъ; выведенные
(принадлежащіе преимущественно къ двумъ категоріямъ: наг-
и жадныхъ „волковъ“, и слабыхъ, беззащитныхъ и неопыт-
„овецъ“) отличаются жизненностью, въ нихъ уловлены черты,
ко распространенныя въ дѣйствительности; однако въ чисто
жественномъ отношеніи эти позднѣйшія комедіи и драмы Остров-
уже не достигаютъ такого совершенства, какимъ отличаются
бытовыя піесы перваго періода, изображающія купеческую и
вничью среду.

Но Островскій потрудился для русскаго театра не только въ
ствѣ драматурга, но также и въ качествѣ практическаго дѣя-
. По его мысли основанъ былъ Артистическій кружокъ въ Мо-
(1870) и учреждено Общество русскихъ драматическихъ пи-
лей (1874). Когда въ 1881 г. возникла „Комиссія для пере-
ра законоположеній, касающихся театра“, Островскій получилъ
лашеніе принять въ ней участіе. Въ качествѣ члена этой ко-
іи онъ подалъ имп. Александру III „Записку объ устройствѣ
каго національнаго театра въ Москвѣ“. Изъ этой записки ясно
о, какое важное значеніе придавалъ Островскій театру, какъ
езно смотрѣлъ онъ на воспитательную роль театра по отноше-
къ широкимъ слоямъ народа. „Театръ—писалъ онъ,—съ чест-
ь, художественнымъ, здоровымъ народнымъ репертуаромъ, раз-
ветъ народное самопознаніе и воспитываетъ сознательную лю-
къ отечеству... Драматическая поэзія ближе къ народу, чѣмъ
другія отрасли литературы. Всякія другія произведенія пишутся
образованныхъ людей, а драмы и комедіи—для всего народа;
близость къ народу нисколько не унижаетъ драматической поэзіи,
напротивъ, удваиваетъ ея силы и не даетъ ей опошлиться и
льчать; только тѣ произведенія пережили вѣка, которыя были
нно народными у себя дома; такія произведенія со временемъ
ются понятными и цѣнными и для другихъ народовъ, а, нако-
ь, и для всего свѣта“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Островскій составилъ
обный планъ устройства въ Москвѣ образцовой народной сцены;
ко по нѣкоторымъ обстоятельствамъ планъ этотъ не былъ при-
нъ въ исполненіе.

Въ концѣ 1885 г. Островскій былъ назначенъ завѣдующимъ
ртуаромъ Императорскихъ московскихъ театровъ и вмѣстѣ съ
ъ начальникомъ театральнаго училища. Съ любовью и усер-
ъ, не жалѣя своихъ силъ, взялся онъ за исполненіе своихъ
ихъ обязанностей и въ короткое время успѣлъ многое сдѣлать,
енно для театральнаго училища, программы котораго онъ зна

чительно расширилъ. Но недолго пришлось Островскому по
жить любимому дѣлу на новомъ посту. Здоровье уже давно на
измѣнять ему, сложныя служебныя заботы и связанныя съ н
непріятности еще болѣе содѣйствовали его разстройству. Ве
1886 г. болѣзнь чрезвычайно усилилась; полуживой поѣхалъ
въ свое небольшое имѣнье, сельцо Щелыково (Кинешемскаго
Костромской губ.) и тамъ вскорѣ скончался—2 іюня 1886 год

2. Бытовыя комедіи Островскаго.

Самодурство.

Въ комедіяхъ Островскаго изъ купеческаго быта съ
бенной подробностью обрисовано одно явленіе, которое
ставляетъ наиболѣе характерную черту этого быта и мн
выясняетъ во взаимныхъ отношеніяхъ выведенныхъ ли
Это явленіе — *самодурство*. Подобно „обломовщинѣ", это
нятіе характеризуетъ собой цѣлый рядъ жизненныхъ
товъ и даетъ ключъ къ ихъ правильному пониманію.—
изъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи Островскаго: „Въ
жомъ пиру похмѣлье", слѣдующимъ образомъ опредѣля
это понятіе: „самодуръ—это называется, коли вотъ челов
никого не слушаетъ: ты ему хоть колъ на головѣ теш
онъ все свое. Топнетъ ногой, скажетъ: кто я? Тутъ ужъ
домашніе ему въ ноги должны, такъ и лежать, а то бѣд
Впрочемъ самодуръ „только въ своемъ домѣ свирѣпъ,
съ нимъ, что хочешь дѣлай,—дуракъ дуракомъ: на пус
спугнуть можно". — Всякое самодурство основано на пр
одного человѣка распоряжаться безконтрольно, по сво
усмотрѣнію, судьбою лицъ, ему подвластныхъ. Въ э
смыслѣ самодурство не есть явленіе, исключительно свойст
ное старой купеческой средѣ; оно возможно вездѣ, гдѣ
моженъ произволъ высшихъ по отношенію къ низшим
беззащитнымъ: къ типу самодуровъ принадлежитъ, напр
богатая помѣщица, владѣлица 2000 душъ, Уланбекова
комедіи „Воспитанница"). Но среди купечества того врем
благодаря его глубокому невѣжеству, самодурство прини
особенно рѣзкія и уродливыя формы и особенно ярко бр
лось въ глаза наблюдателю.

Типы самодуровъ.

Типы самодуровъ, съ тѣми или иными видоизмѣнен
встрѣчаются почти во всѣхъ піесахъ Островскаго, изо
жающихъ купеческую среду. *Драматическая коллизія* э

піесъ вытекаетъ именно изъ *отношеній между самодурами и подвластными имъ лицами*. Признавая свою волю, или точнѣе—свой произволъ, высшимъ закономъ, обязательнымъ для всѣхъ подчиненныхъ, самодуры вовсе не считаются съ желаніями другихъ и ради своего каприза или упрямства готовы даже разбить чужую жизнь, сдѣлать человѣка несчастнымъ. При всемъ томъ самодуры однако вовсе не какіе-либо злодѣи или изверги, причиняющіе зло изъ любви къ искусству: у нихъ только нѣтъ обыкновенно никакого нравственнаго чутья и они никогда не даютъ себѣ отчета въ томъ, какъ ихъ поступки отражаются на окружающихъ. Въ минуты добраго расположенія они даже способны на великодушный порывъ, но даже ихъ великодушіе носитъ чисто самодурный характеръ, являясь слѣдствіемъ одной мимолетной прихоти.

Это отсутствіе нравственнаго сознанія сказывается не только въ семейныхъ и домашнихъ отношеніяхъ самодуровъ, но также и въ ихъ отношеніяхъ ко всѣмъ другимъ лицамъ. Даже самая элементарная честность имъ недоступна. Они заботятся только о своей выгодѣ, о своихъ интересахъ, а потому при случаѣ готовы обмануть всякаго и даже не считаютъ это предосудительнымъ. „Дѣло коммерческое: не обманешь—не продашь“, таковъ ихъ основной принципъ въ торговыхъ отношеніяхъ. Если они и способны что-либо цѣнить въ другомъ человѣкѣ, то именно—умѣнье наживаться; на бѣднаго же человѣка смотрятъ съ полнымъ презрѣніемъ,—онъ въ ихъ глазахъ „голь перекатная“, съ которой нечего церемониться.

Но грубый произволъ самодуровъ только потому получаетъ такое развитіе, что онъ не встрѣчаетъ себѣ ниоткуда противодѣйствія и сопротивленія: самодурство однихъ возможно лишь на почвѣ безправія и безотвѣтности другихъ. Самодуры „дурятъ“ главнымъ образомъ потому, что чувствуютъ свою полную безнаказанность.—„Настасья! Смѣетъ меня кто обидѣть?“ спрашиваетъ одинъ изъ нихъ свою жену.—Никто, батюшка Китъ Китычъ, не смѣетъ васъ обидѣть. Вы сами всякаго обидите“,—говоритъ та въ отвѣтъ („Въ чужомъ пиру похмѣлье“). Поэтому власть самодуровъ поддерживается преимущественно внушаемымъ ими страхомъ, и этотъ вѣчный страхъ дѣйствуетъ на подвластныхъ угнетающимъ и развращающимъ образомъ. Одни благодаря этому оконча-

тельно обезличиваются, теряютъ свою волю и даже спосо
ность къ самостоятельному дѣйствію; въ другихъ же, нат
рахъ болѣе сильныхъ и стойкихъ, развивается хитрость, л
цемѣріе и другія рабскія чувства: впослѣдствіи, при изм
нившихся условіяхъ, изъ этихъ натуръ вырабатываются т
кіе же деспоты и самодуры, стремящіеся выместить на др
гихъ то, что нѣкогда вытерпѣли сами.

Большовъ («Свои люди—сочтемся»).

Типичнымъ самодуромъ является купецъ Большовъ
комедіи „Свои люди—сочтемся". Это человѣкъ грубый и д
спотичный. Семью свою онъ держитъ въ страхѣ и трепет
Липочка (дочь) говоритъ про него: „тятенька, какъ
пьянъ, такъ молчитъ, а какъ пьянъ, такъ прибьетъ того
гляди". На свою власть по отношенію къ дочери онъ смо
ритъ очень просто: „мое дѣтище: хочу—съ кашей ѣмъ, х
чу—масло пахтаю". Рѣшивъ выдать дочь замужъ за свое
приказчика, онъ даже и не думаетъ освѣдомиться о ея ж
ланіи. „На что жъ я и отецъ, коли не приказывать? Даром
что ли я ее кормилъ?" говоритъ онъ, предупреждая всяк
сопротивленіе своей волѣ со стороны дочери. А будетъ
она счастлива въ такомъ, навязанномъ ей бракѣ,—этого в
проса Большовъ даже не ставитъ себѣ, потому что ему
сущности судьба дочери совершенно безразлична, лишь б
исполнено было его желаніе.

Полное отсутствіе у Большова нравственныхъ понят
сказывается не только въ отношеніяхъ къ домашнимъ,
также и во всѣхъ другихъ случаяхъ жизни. Торговля е
всецѣло основана на обманѣ, и онъ даже считаетъ это вполн
въ порядкѣ вещей, потому что „всѣ такъ поступаютъ"; он
даже упрекаетъ Подхалюзина въ томъ, что тотъ мало учит
приказчиковъ, какъ нужно обмѣривать и обвѣшивать пок
пателей. Однако и такой способъ наживы кажется ему нед
статочнымъ, и потому онъ рѣшается объявить себя несосто
тельнымъ съ тѣмъ, чтобы сразу освободиться отъ всѣхъ до
говыхъ обязательствъ.—„Этакъ-то лучше! Чорта ли тамъ
грошамъ-то наживать! Махнулъ сразу, да и шабашъ!" О том
какъ его затѣя отзовется на кредиторахъ, онъ и не думает
ему жаль дать имъ даже по десяти копѣекъ за рубль, и есл
бы можно было, онъ не далъ бы ровно ничего.

Но устраивая эту мошенническую аферу, Большовъ сам
попадаетъ впросакъ. Въ порывѣ самодурнаго великодуш

онъ все свое состояніе отдаетъ Подхалюзину, вмѣстѣ съ рукой своей дочери, надѣясь на его благодарность. Но тутъ ему пришлось жестоко разочароваться: Подхалюзинъ оказался похитрѣе его самого и, достигнувъ своей цѣли, предоставилъ своего тестя его участи, такъ что Большовъ попадаетъ въ „яму“ (такъ называлось въ тѣ времена долговое отдѣленіе тюрьмы въ Москвѣ), откуда тщетно упрашиваетъ своего зятя его выручить. Но и постигшее его наказаніе нисколько не подѣйствовало на его внутреннее сознаніе, не приводитъ его къ раскаянію: его смущаетъ только внѣшній позоръ и униженіе: „А вы подумайте, каково мнѣ теперь въ яму-то итти? Мнѣ Ильинка-то теперь за сто верстъ покажется“, говоритъ онъ зятю и дочери.

Подхалюзинъ

Что касается до Подхалюзина, то этотъ отталкивающій типъ является вполнѣ естественнымъ порожденіемъ самодурства. Будучи вполнѣ зависимъ отъ своего хозяина-самодура, который помыкаетъ имъ по своему желанію, Подхалюзинъ старается хитростью и угодливостью поддѣлаться къ нему, безпрестанно говоритъ о своей преданности, называетъ его своимъ „благодѣтелемъ“, но на самомъ дѣлѣ неспособенъ чувствовать по отношенію къ нему простой благодарности за оказанное благодѣяніе: такой низости даже Большовъ въ немъ не предвидѣлъ. Освободившись изъ-подъ власти своего хозяина, Подхалюзинъ самъ готовъ итти по его слѣдамъ и стать такимъ же самодуромъ.—„А ужъ мы имъ теперь командовать не дадимъ,—говоритъ онъ Липочкѣ.—Нѣтъ, ужъ теперь кончено-съ! Будетъ съ нихъ—почудили на своемъ вѣку, теперь намъ пора!“ Только причуды у него будутъ нѣсколько иныя: онъ и модный сюртукъ надѣнетъ, и тысячныхъ рысаковъ заведетъ, и гостиную „пукетами“ распишетъ,—но попрежнему станетъ обманывать покупателей и прижимать тѣхъ, кто ему подвластенъ.

Не далеко отстоитъ отъ него въ нравственномъ отношеніи и *Липочка*. Она служитъ явнымъ доказательствомъ того, какъ пагубно отзывалось самодурство даже въ области наиболѣе близкихъ родственныхъ отношеній. Тамъ, гдѣ господствуетъ одинъ страхъ, невозможна истинная любовь и привязанность, и потому впослѣдствіи Липочка оказывается возмутительно безчувственной къ положенію своего отца, не оказываетъ къ нему ни малѣйшаго состраданія, чѣмъ и вы-

зываетъ противъ себя негодованіе матери. Притомъ Липочка считаетъ себя „образованной барышней“, мечтаетъ о томъ, чтобы выйти за офицера, жить „по-образованному“, и потому смотритъ на своихъ родителей пренебрежительно, а съ матерью обращается крайне безцеремонно. На самомъ же дѣлѣ, хоть у ней иногда и „рябитъ меланхолія въ глазахъ“, натура Липочки отличается такой же грубостью, нравственной неразвитостью, какъ и натура ея отца: въ ея лицѣ и въ лицѣ Подхалюзина самъ Большовъ подготовилъ себѣ заслуженное наказаніе, потому что оба они, по складу своихъ понятій и характера, являются естественнымъ результатомъ его самодурства.

Гордѣй Карпычъ («Бѣдность не порокъ»).

Нѣсколько иной характеръ, чѣмъ у Большова, носитъ самодурство у Гордѣя Карпыча Торцова, героя комедіи „Бѣдность не порокъ“. Въ его лицѣ представлено отношеніе самодурства къ образованію. Само по себѣ самодурство, основанное на глубокомъ невѣжествѣ, на умственной и нравственной темнотѣ, исключаетъ всякую возможность сочетанія съ истинной образованностью. Но случается, что самодуръ, прельстившись внѣшними формами образованности, усвоиваетъ ихъ себѣ, насколько умѣетъ: надѣваетъ модный костюмъ, устраиваетъ домъ на новую ногу, заводитъ у себя новую „небель“ и „фицыянтовъ въ нитяныхъ перчаткахъ“ и вмѣсто водокъ и наливокъ начинаетъ напиваться „шемпанскимъ“. Но дальше этого его „образованность“ не идетъ, и по существу онъ остается такимъ же грубымъ деспотомъ и неотесаннымъ мужикомъ, какимъ былъ и раньше.

Все это наглядно показано Островскимъ въ лицѣ Гордѣя Торцова. Торцовъ побывалъ въ Москвѣ, сошелся тамъ съ богатымъ фабрикантомъ Коршуновымъ, усвоилъ себѣ кое-что изъ внѣшнихъ формъ образованности и съ тѣхъ поръ много возомнилъ о себѣ и сталъ выказывать ко всему окружающему полнѣйшее презрѣніе. Во всемъ онъ видитъ „невѣжество и необразованіе“, находитъ все не по себѣ и мечтаетъ о томъ, какъ бы переселиться въ Москву, гдѣ бы онъ могъ „всякую моду подражать“. Но претензія на „образованность“ нисколько не мѣшаетъ ему чрезвычайно грубо обращаться съ людьми: онъ всѣхъ ругаетъ походя, всѣ въ его глазахъ „дураки и невѣжи“; Митю, напр., онъ бранитъ за то, что тотъ

посылаетъ деньги матери вмѣсто того, чтобы сшить себѣ новый сюртукъ, но самъ ни копѣйки не прибавляетъ ему жалованья. Онъ такъ мало усвоилъ себѣ даже элементарныя формы вѣжливости, что самымъ грубымъ образомъ прогоняетъ гостей изъ своего дома. По отношенію къ своимъ домашнимъ онъ держится попрежнему круто, такъ что къ нему „подступу нѣтъ". Рѣшивъ выдать дочь за Коршунова, онъ вовсе не освѣдомляется о ея желаніи и въ отвѣтъ на просьбы „пожалѣть ее, не губить ея молодость", говоритъ ей: „Ты, дура, сама не понимаешь своего счастья. Въ Москвѣ будешь побарски жить, въ каретахъ будешь ѣздить. Одно дѣло — ты будешь жить на виду, а не въ этакой глуши; *а другое дѣло—я такъ приказываю*". Въ послѣднихъ словахъ выказалась вся грубость характера самодура, которому нѣтъ никакого дѣла до чьей-либо судьбы, лишь бы исполнено было его желаніе или капризъ.

Такимъ же капризомъ является въ сущности и развязка комедіи: Гордѣй Карпычъ отдаетъ свою дочь за Митю вовсе не изъ убѣжденія, что съ нимъ она будетъ счастлива, а потому, что Коршуновъ неосторожнымъ словомъ задѣлъ его амбицію, а Митя лишь подвернулся случайно; случись на его мѣстѣ кто-либо другой, онъ и за другого отдалъ бы съ легкимъ сердцемъ свою дочь, точно такъ же не спрашивая ея согласія. Поэтому, хотя развязка комедіи, на первый взглядъ, счастливая, однако она вовсе не производитъ на насъ вполнѣ отраднаго впечатлѣнія, именно благодаря своей случайности.

Грубое самодурство Торцова угнетающимъ образомъ отразилось на всѣхъ окружающихъ, обезличило ихъ, лишило всякаго сознанія своихъ правъ и всякой самостоятельности. Жена Торцова не рѣшается возвысить голоса въ защиту своей дочери, несчастіе которой она ясно предвидитъ. Сама Любовь Гордѣевна дѣлаетъ только слабую попытку умилостивить своего отца, а затѣмъ покорно заявляетъ: „я приказу твоего не смѣю ослушаться". А когда Митя предлагаетъ ей бѣжать, она отказывается, говоря: „на то есть воля батюшкина, чтобъ я шла замужъ; должна я ему покориться, такая наша доля дѣвичья. Такъ знать тому и должно быть, такъ ужъ оно заведено изстари". Да и самъ Митя не очень вѣритъ въ свой планъ бѣгства: по натурѣ своей онъ не способенъ къ рѣшительному дѣйствію, не способенъ къ борьбѣ за собственное счастье.

Вся піеса Островскаго проникнута симпатіей къ русской народной старинѣ, хранительницей которой является Пелагея Егоровна. Она сама говоритъ про себя: „я, матушка, люблю по-старому, по-старому... да по-нашему, по-русскому". Народныя пѣсни, народные обычаи и забавы, все это изображено съ явнымъ сочувствіемъ. Напротивъ того, слѣпая подражательность и увлеченіе всѣмъ моднымъ и новымъ представлены въ лицѣ Гордѣя Карпыча въ комическомъ видѣ. Въ этомъ противопоставленіи новаго и стараго отразилось несомнѣнно, вліяніе славянофильскихъ идей кружка „Москвитянина", среди котораго въ эту эпоху вращался Островскій. Оттого и комедія эта особенно сочувственно встрѣчена была именно въ славянофильскихъ кругахъ: Апол. Григорьевъ отзывался о ней съ восторгомъ, особенно восхищаясь фигурой Любима Торцова, въ которомъ онъ видѣлъ воплощеніе широкой русской натуры и чуткаго нравственнаго сознанія.

Типы чиновниковъ.

Кромѣ купеческихъ типовъ, Островскій уже въ первыхъ своихъ бытовыхъ комедіяхъ неоднократно выводилъ также представителей стараго чиновничества. Къ нимъ принадлежитъ напр., Сысой Псоичъ Ризположенскій въ комедіи „Свои люди сочтемся", Добротворскій и Беневоленскій въ „Бѣдной невѣстѣ". Но всего полнѣе и ярче типы дореформенной бюрократіи обрисованы въ піесѣ „Доходное мѣсто". Комедія эта была написана Островскимъ въ 1856 году, когда, послѣ неудачной Крымской войны, въ русскомъ обществѣ стало распространяться живое сознаніе крупныхъ недостатковъ въ различныхъ областяхъ государственной жизни и необходимости ихъ устраненія, путемъ соотвѣтственныхъ преобразованій. Въ литературѣ это общественное настроеніе выразилось въ широкомъ развитіи, которое получило въ ней такъ назыв. *обличительное направленіе*, т.-е. такія произведенія, въ которыхъ вскрывались всевозможныя темныя стороны современной русской жизни, пороки и недостатки различныхъ классовъ общества, злоупотребленія администраціи, неправосудіе, взяточничество и т. д., а также и злоупотребленія и неблаговидные поступки отдѣльныхъ лицъ [1]).

---

[1]) Обличительное направленіе проявилось въ литературѣ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: оно нашло себѣ отраженіе и въ беллетристическихъ произведеніяхъ (напр., «Губернскіе очерки» Щедрина), и въ театральныхъ

Къ числу такихъ обличительныхъ произведеній относится и „Доходное мѣсто“ Островскаго. Въ этой комедіи выводятся *типы стараго, дореформеннаго чиновничества*, какъ высшаго (въ лицѣ Вышневскаго), такъ и низшаго (въ лицѣ Юсова и Бѣлогубова). Особенно удалось Островскому изображеніе этихъ послѣднихъ. Типы Островскаго—не отвлеченныя олицетворенія тѣхъ или другихъ пороковъ изображаемой среды, какими являлись всевозможные Взяткины и Кривосудовы старыхъ комедій XVIII вѣка (какъ, напр., „Ябеда“ Капниста); напротивъ того, герои комедіи Островскаго—совершенно живыя и яркія фигуры. Въ ихъ изображеніи сказалось замѣчательное умѣнье Островскаго показать зрителямъ выведенныя имъ лица „съ человѣческой, а не съ юридической стороны“, по выраженію Добролюбова; въ этомъ умѣньи „заглянуть въ самую душу своихъ героевъ, передать ихъ логику, ихъ взглядъ на вещи, ввести читателя и зрителя въ ихъ домашній бытъ“,—Добролюбовъ видѣлъ одно изъ главнѣйшихъ свойствъ таланта Островскаго. «Доходное мѣсто».

Акимъ Акимычъ *Юсовъ* представляетъ собой чрезвычайно цѣльный и законченный типъ. Онъ всецѣло проникнутъ традиціями стараго чиновничества, съ его подобострастнымъ отношеніемъ ко всякому начальству и съ его взглядомъ на службу, какъ на средство обогащенія, достиженія различныхъ матеріальныхъ благъ. Одно съ другимъ тѣсно связано, такъ какъ подобострастіе являлось лишь однимъ изъ способовъ пріобрѣсти благосклонность начальства, которымъ, главнымъ образомъ, и обусловливалась карьера чиновника. „Обратили на тебя вниманіе, ну, ты и человѣкъ, дышишь; а не обратили—что ты?“ говоритъ онъ Бѣлогубову. Поэтому онъ совершенно искренно возмущается поведеніемъ Жадова, осмѣливающагося спорить со своимъ дядей-сановникомъ и держащагося по отношенію къ нему съ достоинствомъ и независимо. Эту независимость Юсовъ объясняетъ себѣ „гордостью“ молодыхъ людей, внушенной сознаніемъ своего умственнаго превосходства: поэтому онъ къ нимъ особенно строгъ и взыскателенъ Юсовъ. Отношеніе къ начальству.

лесахъ («Чиновникъ» графа Соллогуба, «Дѣло» Сухово-Кобылина), и въ стихотвореніяхъ (Некрасова, Добролюбова, Курочкина, Розенгейма и др.), наконецъ, въ сатирическихъ журналахъ, спеціально предназначенныхъ для обличенія и осмѣянія различныхъ общественныхъ недостатковъ («Искра» Курочкина и Степанова, «Свистокъ»—приложеніе къ «Современнику»).

по службѣ. „Особенно верхоглядовъ не люблю, нынѣшнихъ образованныхъ-то, признается онъ.—Возмечтали очень. Пред разсудкамъ этимъ я не вѣрю, будто ученые съ неба звѣзд хватаютъ. Видалъ я ихъ: не лучше насъ грѣшныхъ, да и к службѣ не такъ внимательны. У меня правило—всячески их тѣснить для пользы службы... потому отъ нихъ вредъ“. На противъ того, къ Бѣлогубову, который при всякомъ случа выказываетъ ему свою почтительность, Юсовъ относится хо рошо, покровительствуетъ ему, помогаетъ выйти въ люди входитъ даже въ его семейныя дѣла, добродушно принима на себя роль его посаженнаго отца.

Отношеніе Юсова къ начальству и подчиненнымъ воспи тано въ немъ всѣмъ строемъ тогдашней чиновничьей жизни Самъ онъ разсказываетъ Кукушкиной о началѣ своей слу жебной карьеры слѣдующимъ образомъ: „Меня, сударыня,— давно ужъ это было,—привели въ присутствіе въ затрапезном халатишкѣ; только что грамотѣ зналъ—читать да писать.. Года два былъ на побѣгушкахъ, разныя комиссіи исправлял и за водкой бѣгалъ, и за пирогами, и за квасомъ, кому с похмѣлья; и сидѣлъ-то я не у стола, не на стулѣ, а окошка на связкѣ бумагъ, и писалъ-то я не изъ чернил ницы, а изъ старой помадной банки. А вотъ — вышелъ в люди. Конечно, все это не отъ насъ... свыше...“ Эти воспоми нанія о старинѣ вызываютъ въ Юсовѣ чувство искренняг умиленія и даже наводятъ на меланхолическія размышлені о томъ, что теперь времена перемѣнились значительно к худшему, что теперь „нѣтъ прежнихъ чиновниковъ, уп даетъ чиновничество,— духу того нѣтъ“.

Взглядъ на службу.

Смотря на службу, какъ на средство „кормленія“, Юсов не только не считаетъ взятки дѣломъ предосудительнымъ, н смотритъ на нихъ, какъ на нѣчто естественное и даже з конное. Поэтому онъ вполнѣ искренно возмущается разск зомъ Бѣлогубова объ одномъ мелкомъ чиновникѣ, который взявъ съ истца деньги, обманулъ его, показавъ подложну бумагу. За это, по мнѣнію Юсова, его нужно выгнать с службы. „Не марай чиновниковъ. *Ты возьми, такъ за дѣл а не за мошенничество.* Возьми, такъ, чтобы и просител былъ не обиженъ, и чтобы ты былъ доволенъ. *Живи по з кону*; живи такъ, чтобы и волки были сыты и овцы цѣлы“ Юсовъ представляетъ собой чрезвычайно яркій типъ *добр*

совѣстнаго взяточника, какихъ было много среди дореформеннаго чиновничества. Наживаясь со службы, онъ считаетъ это какъ бы своимъ правомъ и потому совершенно спокоенъ душевно и смотритъ на самого себя, какъ на человѣка вполнѣ порядочнаго и достойнаго уваженія. При случаѣ онъ даже не прочь пофилософствовать на эту тему, поставить себя въ примѣръ молодежи. Всѣ эти черты характера и взглядовъ Юсова съ особенной яркостью сказываются въ знаменитой сценѣ въ трактирѣ, принадлежащей къ числу самыхъ удачныхъ въ комедіи. Бѣлогубовъ, расходившійся не на шутку по случаю полученія крупной взятки, упрашиваетъ Юсова проплясать подъ звуки трактирнаго органа. Юсовъ, находящійся также въ самомъ благодушномъ настроеніи, исполняетъ просьбу своего подчиненнаго и пляшетъ подъ мотивъ пѣсни: „По улицѣ мостовой“, къ величайшему удовольствію присутствующихъ, которые чувствуютъ себя особенно польщенными такимъ снисхожденіемъ начальника. Послѣ этого Юсовъ философствуетъ:

„Мнѣ можно плясать. Я все въ жизни сдѣлалъ, что предписано человѣку. У меня душа спокойна, сзади ноша не тянетъ, семейство обезпечилъ—мнѣ теперь можно плясать. Я теперь только радуюсь на Божій міръ! Птичку увижу, и на ту радуюсь; цвѣтокъ увижу, и на него радуюсь: премудрость вижу во всемъ. Помня свою бѣдность, нищую братію не забываю. Другихъ не осуждаю, какъ нѣкоторые молокососы изъ ученыхъ. Кого мы можемъ осуждать! Мы не знаемъ, что еще сами-то будемъ! Посмѣялся ты нынче надъ пьяницей, а завтра самъ, можетъ быть, будешь пьяница; осудишь нынче вора, а, можетъ быть, самъ завтра будешь воромъ. Почемъ мы знаемъ свое опредѣленіе, кому чѣмъ быть назначено? Знаемъ одно, что всѣ тамъ будемъ. Вотъ ты нынче посмѣялся (показывая глазами на Жадова), что я плясалъ; а завтра, можетъ быть, хуже меня запляшешь. Можетъ быть (кивая головой на Жадова), и за подаяніемъ пойдешь, и руку протянешь. Вотъ гордость-то до чего доводитъ. Гордость, гордость! Я плясалъ отъ полноты души. На сердцѣ весело, на душѣ спокойно! Я никого не боюсь! Я хоть на площади передъ всѣмъ народомъ буду плясать. Мимоходящіе скажутъ: „сей человѣкъ пляшетъ,—должно быть, душу имѣетъ чисту!“ и пойдетъ всякій по своему дѣлу“.

Въ этой пляскѣ и въ этомъ философствованіи сказались живыя, человѣческія черты личности Юсова, благодаря которымъ его изображеніе вышло гораздо болѣе полнымъ и реальнымъ, чѣмъ типы взяточниковъ старой комедіи. Въ этой

сценѣ Островскому, дѣйствительно, удалось заглянуть въ самую душу своего героя, проникнуть въ интимный міръ его чувствъ и убѣжденій, показать зрителямъ человѣка, какимъ онъ самъ рисуется своему внутреннему сознанію.

Бѣлогубовъ. Покровительствуемый Юсовымъ *Бѣлогубовъ* представляетъ собой одну изъ варіацій Молчалинскаго типа. Подобно Молчалину, онъ всю свою карьеру основываетъ на угожденіи начальству. Въ этомъ онъ видитъ единственное средство выдвинуться по службѣ, такъ какъ образованія у него нѣтъ никакого и даже писать грамотно онъ не умѣетъ. Впрочемъ Бѣлогубовъ самъ сознаетъ ограниченность своихъ способностей и потому не задается честолюбивыми мечтами: ему бы лишь получить „доходное мѣсто", хотя бы и незамѣтное,—о большемъ онъ и не думаетъ. Упрашивая Юсова назначить его на должность столоначальника, онъ говоритъ: „Мнѣ ужъ это мѣсто на всю жизнь-съ. Я хоть подписку дамъ, потому выше не могу-съ. Мнѣ не по способностямъ". Благодаря своей услужливости и почтительности, ему въ концѣ концовъ удается пріобрѣсти благосклонность лицъ, отъ которыхъ зависитъ его судьба, такъ какъ въ его характерѣ „есть этакое какое-то пріятное искательство къ начальству", по выраженію Кукушкиной.

Подобно Молчалину, Бѣлогубовъ также „не можетъ смѣть свое сужденіе имѣть".—О чемъ мы можемъ разсуждать?—говоритъ онъ Юсову.—„Я, Акимъ Акимычъ, никогда, никогда-съ... потому, это ни къ чему не ведетъ хорошему окромя непріятности". Онъ не менѣе Юсова удивляется независимому поведенію Жадова, его спорамъ со своимъ дядей и начальникомъ. „Мое мнѣніе такое, Акимъ Акимычъ, что другой человѣкъ, *съ чувствомъ*, на его мѣстѣ, сталъ бы сапоги чистить Аристарху Владимировичу, а онъ еще огорчаетъ такого человѣка". Онъ видитъ въ такомъ отношеніи Жадова къ Вышневскому проявленіе гордости и самомнѣнія, и даже спрашиваетъ съ наивнымъ недоумѣніемъ: „Какая же польза отъ ученья, когда въ человѣкѣ нѣтъ страху... никакого трепету передъ начальствомъ?".

Получивъ мѣсто столоначальника, Бѣлогубовъ чувствуетъ себя на верху благополучія. Онъ женится на пустой и легкомысленной дѣвушкѣ, всецѣло проникнутой мѣщанскими вкусами, думающей только о шляпкахъ и о выѣздахъ, стано-

вится счастливымъ семьяниномъ и заботливымъ хозяиномъ, покойно и прочно устраивающимъ свою домашнюю жизнь. Правда, все его благополучіе основано на взяткахъ, но Бѣлогубовъ даже не задается вопросомъ, хорошо ли онъ поступаетъ, такъ какъ для него даже самаго этого вопроса не существуетъ: онъ руководствуется вѣками сложившимся обычаемъ, а также примѣромъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ, и потому не видитъ ничего дурного въ принятіи различныхъ подношеній, въ родѣ сукна на жилетъ или матеріи на платье женѣ. Когда же ему удается сорвать порядочный кушъ деньгами, онъ даже хвастается этимъ передъ другими чиновниками и благодаритъ Юсова за то, что тотъ его „научилъ жить“.

Но обличая въ лицѣ Бѣлогубова одного изъ мелкихъ представителей чиновничьяго „темнаго царства“, Островскій умѣлъ и въ его изображеніи оттѣнить чисто-человѣческія стороны личности, благодаря чему фигура его, какъ и фигура Юсова, вышла вполнѣ жизненной и реальной. Это не голая обличительная схема, а живой человѣкъ,— при всемъ своемъ нравственномъ убожествѣ и пошлости, не лишенный даже нѣкоторыхъ болѣе свѣтлыхъ чертъ: онъ очень любитъ свою жену и заботится о ней, о ея удовольствіяхъ, онъ добродушно, „по-родственному“ относится къ Жадову, предлагаетъ ему свою помощь и очень удивляется, когда Жадовъ отвергаетъ ее. Самое низкопоклонство его не есть результатъ сознательнаго расчета, низости его натуры, а просто является естественнымъ слѣдствіемъ полнаго отсутствія сознанія собственнаго человѣческаго достоинства, которое для него измѣряется лишь степенью начальственнаго благоволенія.

Гораздо менѣе удалась Островскому фигура *Вышневскаго*. Вышневскій. въ его характерѣ нѣтъ никакихъ чертъ, которыя бы смягчали общее отталкивающее впечатлѣніе. По своему образованію и умственному развитію онъ стоитъ гораздо выше всѣхъ окружающихъ. Юсовъ даже называетъ его „геніемъ“ и только выражаетъ сожалѣніе, что онъ „въ законахъ не совсѣмъ твердъ: онъ другого вѣдомства“. Сверхъ того Вышневскій надѣленъ, повидимому, незаурядной энергіей, силой воли, смѣлостью. Но всѣ эти способности онъ употребляетъ лишь для личнаго возвышенія и обогащенія. Вышневскій — крупный хищникъ „темнаго царства“, онъ узкій эгоистъ и карьеристъ, ни пе-

редъ чѣмъ не останавливающійся для удовлетворенія своих страстей и желаній. Отъ мелкихъ сошекъ чиновничьяго мір въ родѣ Юсова и Бѣлогубова, онъ, кромѣ того, отличает полной *сознательностью* своихъ поступковъ. Какъ человѣ образованный, онъ отлично понимаетъ противозаконность безнравственность своего образа дѣйствій, но нимало не см щается этимъ. Слова Жадова о честности, о долгѣ онъ встр чаетъ циничнымъ смѣхомъ, потому что онъ самъ вѣритъ толь въ грубую силу, и прежде всего въ силу денегъ. Счит все продажнымъ, онъ считаетъ даже возможнымъ за день купить любовь своей жены и даже упрекаетъ ее за то, ч она недостаточно цѣнитъ все, что онъ для нея дѣлаетъ. Ког же наконецъ его злоупотребленія раскрываются и ему гр зитъ судебное преслѣдованіе, онъ не чувствуетъ ни малѣ шаго угрызенія совѣсти и не видитъ въ обрушившемся н него несчастіи естественнаго слѣдствія своихъ поступков а лишь интриги враговъ, завидующихъ его быстрому возв шенію.

Всѣ эти черты личности Вышневскаго рисуютъ его, ка натуру чрезвычайно сильную и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма сло ную. Однако Островскій въ своей комедіи едва только н мѣтилъ его характерныя черты, не показалъ намъ его дѣйствіи, и потому фигура его вышла недостаточно яркой жизненной.

Жадовъ, какъ представитель новаго поколѣнія.

Представителямъ чиновничьяго „темнаго царства“ пр тивопоставляется, въ качествѣ носителя новыхъ идей и ид аловъ, *Жадовъ*, молодой родственникъ Вышневскаго. Это человѣкъ съ честными взглядами и благородными стремл ніями, проникнутый искреннимъ желаніемъ работать на поль общества и глубокимъ презрѣніемъ ко взяточникамъ и каз крадамъ. Онъ не скрываетъ своего негодованія по пово ихъ поступковъ, не можетъ оставаться равнодушнымъ п видѣ различныхъ злоупотребленій, потому что, по его со ственному мнѣнію, „отъ равнодушія недалеко до порока Ратуя противъ нравовъ и понятій среды, онъ даже писаря въ канцеляріи, по словамъ Вышневскаго, „читаетъ морал которая однако вызываетъ съ ихъ стороны только недоум ніе и насмѣшки. Вообще, благодаря своей искренней, ув кающейся натурѣ, онъ ни передъ кѣмъ не скрываетъ свои

нѣній и высказываетъ ихъ прямо и рѣзко, вслѣдствіе чего онъ возстанавливаетъ противъ себя всѣхъ окружающихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ житейскихъ отношеніяхъ онъ отличается полной неопытностью, доходящей иногда до наивности. Онъ совершенно не знаетъ ни жизни, ни людей, и судитъ о нихъ главнымъ образомъ по книгамъ. Поэтому даже рѣчи его носятъ отпечатокъ нѣкоторой книжности, отвлеченности. Въ концѣ концовъ Жадовъ самъ приходитъ къ сознанію своей неопытности и незнанія жизни. Въ отвѣтъ на слова Досужева, онъ горько жалуется: „Какой я человѣкъ! Я ребенокъ, я объ жизни не имѣю никакого понятія. Все это ново для меня, что я отъ васъ слышу“.

Положеніе Жадова по отношенію къ чиновничьей средѣ близко напоминаетъ положеніе Чацкаго въ кругу московскаго общества. И тотъ и другой вызываютъ противъ себя вражду и преслѣдованіе со стороны представителей старыхъ взглядовъ и традицій, возмущающихся ихъ свободными сужденіями и ихъ нападками на освященныя вѣками понятія и обычаи. Одни изъ этихъ представителей старины (напр., Досовъ) смотрятъ на Жадова лишь какъ на легкомысленнаго, надорнаго юношу, который своимъ поведеніемъ приноситъ вредъ прежде всего самому себѣ и потому иногда даже жалѣютъ его, какъ Бѣлогубовъ; другіе (какъ Вышневскій) видятъ въ немъ новую силу, угрожающую уничтожить самую возможность тѣхъ злоупотребленій, на которыхъ основано все ихъ благополучіе,—и потому относятся къ нему съ затаенной боязнью и ненавистью, какъ признается въ концѣ комедіи самъ Вышневскій. Впрочемъ по отношенію къ Жадову боязнь та оказывается неосновательной, такъ какъ въ характерѣ Жадова, при всѣхъ его благородныхъ задаткахъ, нѣтъ стойкости и энергіи борца, и потому онъ скоро поддается вліянію неблагопріятныхъ условій жизни. Только случайное обстоятельство удерживаетъ его отъ окончательнаго паденія, которое, конечно, доставило бы ему много внутреннихъ страданій. Уже придя къ Вышневскому съ тѣмъ, чтобы примириться съ нимъ и просить у него „доходнаго мѣста“, Жадовъ узнаетъ, что самъ Вышневскій палъ, что ему угрожаетъ судебная кара; это извѣстіе дѣйствуетъ на него потрясающимъ образомъ: къ нему снова возвращается его вѣра въ конечное торжество права и справедливости, онъ отвергаетъ

Отношеніе къ нему окружающихъ.

всякую сдѣлку со своей совѣстью и рѣшается лучше потерять жену и подвергнуться всѣмъ бѣдствіямъ нищеты, чѣмъ совершить безнравственный поступокъ. Въ этомъ рѣшеніи его поддерживаетъ надежда, что скоро наступитъ такое время, „когда взяточникъ будетъ бояться суда общественнаго больше, чѣмъ суда уголовнаго“.

Блѣдность его изображенія.

Съ чисто художественной точки зрѣнія, фигура Жадова отличается нѣкоторой блѣдностью, искусственностью. По своей охотѣ поучать, читать мораль, онъ даже нѣсколько напоминаетъ „резонеровъ“ старыхъ комедій XVIII вѣка. Его слова, при всемъ благородствѣ ихъ содержанія, кажутся цѣликомъ взятыми изъ журнальныхъ и газетныхъ статей. Притомъ его рѣчамъ недостаетъ той ѣдкости и остроумія, которыя составляютъ главное достоинство блестящихъ импровизацій Чацкаго. Всѣ эти художественные недочеты не мѣшали однако роли Жадова пользоваться особеннымъ успѣхомъ среди современной публики, потому что во взглядахъ, высказываемыхъ имъ со сцены, публика узнавала отголосокъ собственныхъ настроеній, и потому обличительныя слова Жадова и его рѣчи объ общественномъ служеніи, о долгѣ, объ идеалахъ вызывали шумное одобреніе зрителей, при первой постановкѣ піесы (поставлена въ 1863 г.).

3. Драма „Гроза“.

Картина провинціальныхъ нравовъ.

Такую же мрачную картину самодурныхъ отношеній: произвола, съ одной стороны, безправія и угнетенія—съ другой, рисуетъ Островскій и въ драмѣ „Гроза“. Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городкѣ Калиновѣ, на берегу Волги. Глубокое невѣжество, умственный застой, безсмысленная грубость, — вотъ та атмосфера, среди которой развивается дѣйствіе. Калиновъ—поистинѣ „темное царство“, какъ мѣтко окрестилъ Добролюбовъ весь изображаемый Островскимъ міръ. О томъ, что совершается за предѣлами ихъ городка, и какъ тамъ живутъ люди, калиновцы узнаютъ большей частью отъ разныхъ странницъ, въ родѣ Ѳеклуши. Свѣдѣнія эти обыкновенно самаго фантастическаго свойства: о неправедныхъ судьяхъ, о людяхъ съ песьими головами, объ огненномъ змiѣ. Такого же характера и ихъ историческія позна-

нія,—напр., о Литвѣ, которая „съ неба свалилась“. Главную роль въ городѣ играютъ купцы-самодуры, держащіе въ своихъ рукахъ безправную массу мѣщанъ, и пользующіеся, благодаря своимъ деньгамъ, поддержкой уѣзднаго начальства. Чувствуя свою полную безнаказанность, они утѣсняютъ всѣхъ подвластныхъ, помыкаютъ по своему желанію, а иногда прямо издѣваются надъ ними.—„Уже такого ругателя, какъ у насъ Савелъ Прокофьичъ, поискать еще! Ни за что человѣка оборветъ“,—говоритъ про Дикого одинъ изъ обывателей. Впрочемъ онъ является „ругателемъ“ только по отношенію къ людямъ зависимымъ и безотвѣтнымъ, подобно Борису и Кулигину; когда же его самого на перевозѣ обругалъ гусаръ, онъ не посмѣлъ ничего сказать ему, но зато всѣ домашніе двѣ недѣли отъ него по чердакамъ и по чуланамъ прятались. Никакихъ общественныхъ интересовъ у обывателей Калинова нѣтъ, и потому они, по словамъ Кулигина, все больше дома запершись сидятъ.—„И не отъ воровъ они запираются, а чтобъ люди не видали, какъ они своихъ домашнихъ поѣдомъ ѣдятъ, да семью тиранятъ. И что слезъ льется за этими запорами, невидимыхъ и неслышимыхъ! И что, сударь, за этими замками разврату темнаго, да пьянства!“—„Жестокіе нравы, сударь, въ нашемъ городѣ, жестокіе!“—говоритъ тотъ же Кулигинъ въ другомъ мѣстѣ.—Грубости и невѣжеству калиновцевъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ самомнѣніе и самодовольство. И Дикой и Кабанова вполнѣ увѣрены, что иначе, чѣмъ они живутъ, и жить нельзя. А живутъ они по старинѣ, съ недовѣріемъ, даже съ ненавистью относясь ко всякому новшеству. Къ наукѣ и къ знанію вообще они питаютъ полное презрѣніе, что видно изъ разговора Дикого съ Кулигинымъ объ электричествѣ. Считая себя во всемъ правыми, они проникнуты увѣренностью, что только ими свѣтъ держится.—„Что-то будетъ, когда старики перемрутъ,—говоритъ Кабанова,—какъ будетъ свѣтъ стоять, ужъ я и не знаю“. Не имѣя никакихъ твердыхъ нравственныхъ понятій, они тѣмъ упорнѣе держатся за дѣдовскіе обычаи и обряды, въ которыхъ видятъ самую суть жизни. Для Кабановой, напр., не важно, чтобы Катерина на самомъ дѣлѣ любила своего мужа, но важно, чтобы она это показывала,—напр., „выла“ на крыльцѣ послѣ его отъѣзда.—Такой же обрядностью отличается и религіозность калиновцевъ: они ходятъ въ церковь,

строго соблюдаютъ посты, принимаютъ у себя странниковъ и странницъ, но внутренняя, нравственная сторона религіи совершенно чужда ихъ душѣ; поэтому ихъ религіозность носитъ отпечатокъ ханжества и нерѣдко связывается съ грубымъ суевѣріемъ.—Всѣ семейныя отношенія въ Калиновѣ основаны преимущественно на страхѣ. Когда Кабановъ говоритъ матери, что ему вовсе не нужно, чтобы жена боялась его,—достаточно, если она его любитъ,—Кабанова съ негодованіемъ возражаетъ:—„Какъ, зачѣмъ бояться! Какъ, зачѣмъ бояться! Да ты рехнулся, что ли? Тебя не станетъ бояться меня и подавно. Какой же это порядокъ-то въ домѣ будетъ? Вѣдь ты, чай, съ ней въ законѣ живешь. Али, по-вашему, законъ ничего не значитъ?“ Поэтому, когда Катерина при прощаніи бросается на шею мужу, Кабанова строго ее останавливаетъ и заставляетъ поклониться въ ноги: для нея въ отношеніяхъ жены къ мужу важно именно выраженіе страха и рабской подчиненности, а не истиннаго чувства.

Въ другихъ комедіяхъ Островскій уже показалъ, какъ такой семейный деспотизмъ дѣйствуетъ на угнетаемыхъ; результаты его видимъ мы и въ „Грозѣ“. Натуры болѣе сильныя и стойкія стараются обмануть бдительность домашнихъ тирановъ, прибѣгаютъ къ притворству и ко всякимъ ухищреніямъ; такова, напр., Варвара, дочь Кабановой; напротивъ того, натуры слабыя и мягкія, подобно ея сыну Тихону, окончательно утрачиваютъ всякую волю, всякую самостоятельность: единственный ихъ протестъ противъ постояннаго гнета заключается въ томъ, что, вырвавшись временно на свободу, освободившись изъ-подъ надзора, они предаются безобразному разгулу, стараются „на цѣлый годъ отгуляться“. Въ отвѣтъ на упреки матери, что въ немъ нѣтъ „своего ума“, Тихонъ даже грозится: „Я вотъ возьму, да послѣдній-то какой есть, пропью: пусть маменька тогда со мной, какъ съ дуракомъ, и няньчится...“. И весьма возможно, что эту угрозу онъ когда-нибудь и приведетъ въ исполненіе.

Но особенно тяжело въ „темномъ царствѣ“, подобно Калинову, положеніе такихъ лицъ, которыя надѣлены значительной душевной силой, не позволяющей имъ окончательно сломиться подъ гнетомъ деспотизма, утратить всякое сознаніе своей личности, но которыя вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ слабы, чтобы постоять за себя, и слишкомъ чисты душою

чтобы прибѣгать къ хитрости и обману; для нихъ *трагическій* исходъ становится почти неизбѣжнымъ. Въ такомъ именно положеніи находится Катерина, главная героиня „Грозы“.

Характеристика Катерины.

Катерина — натура недюжинная, глубокая, съ душою нѣжной и поэтической. По всему своему складу она мало подходитъ къ окружающей обстановкѣ, и это безсознательно чувствуетъ старуха Кабанова, и потому безпрестанно нападаетъ на нее, „грызетъ ее, какъ ржа желѣзо“, по словамъ Тихона. Въ свою очередь Катерина чувствуетъ себя въ Кабановскомъ домѣ совершенно одинокой, ни въ комъ не встрѣчаетъ себѣ живого пониманія и сочувствія, такъ какъ мужъ, хотя и любитъ ее, но онъ слишкомъ безвольный и безличный человѣкъ, чтобы оказать ей нравственную поддержку. Оттого она съ такой любовью вспоминаетъ о своей дѣвичьей жизни въ родительскомъ домѣ, какъ о потерянномъ раѣ. Чувство одиночества и недовольства жизнью, господствующее въ душѣ Катерины, составляетъ удобную почву для возникновенія драматическаго конфликта. Конфликтъ этотъ происходитъ между овладѣвшей ею жаждой живого чувства, жаждой личнаго счастья, и идеей долга, имѣющей для нея особенное значеніе, при ея глубокой и искренней религіозности. Островскій съ большимъ искусствомъ изобразилъ развитіе этого внутренняго конфликта въ душѣ Катерины, благодаря чему вся драма, кромѣ чисто-бытового интереса, имѣетъ также большой психологическій интересъ, а роль Катерины считается одной изъ наиболѣе благодарныхъ ролей драматическаго репертуара.—Вначалѣ Катерина даже не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ характерѣ того чувства, которое зарождается въ ея душѣ; только разговоръ съ Варварой открываетъ ей глаза на истинную природу этого чувства. Однако Катерина старается бороться противъ него, какъ противъ грѣховнаго искушенія, она старается возбудить въ себѣ любовь къ мужу, проситъ его взять ее съ собою, но слабовольный Тихонъ только и мечтаетъ, какъ бы урваться одному изъ дому, чтобы погулять на свободѣ, и откровенно признается въ этомъ женѣ.—„Съ такой-то неволи отъ какой хочешь красавицы жены убѣжишь“, говоритъ онъ съ циничной откровенностью, на что Катерина съ горечью восклицаетъ: „Какъ же мнѣ любить-то тебя, когда ты такія слова

говоришь!“ Занятый собою, онъ даже не хочетъ подумать о томъ, что происходитъ въ душѣ Катерины: напрасно она предупреждаетъ его: „быть бѣдѣ безъ тебя! быть бѣдѣ!“, напрасно умоляетъ его взять съ нея „клятву страшную“,— Тихонъ уѣзжаетъ, не оказавъ ей ни помощи, ни поддержки въ борьбѣ съ самой собою. Послѣ этого дѣйствіе развивается съ роковой неизбѣжностью. Не встрѣтивъ поддержки тамъ, гдѣ она только и могла ея искать, Катерина оказывается не въ состояніи долѣе бороться со своимъ чувствомъ, тѣмъ болѣе, что Варвара подталкиваетъ ее къ роковому шагу. Но не съ радостнымъ настроеніемъ идетъ она на свиданіе съ Борисомъ, потому что ея нравственное сознаніе громко предостерегаетъ ее отъ этого шага.—„Нѣтъ у меня воли. Кабы была у меня своя воля, не пошла бы я къ тебѣ“, говоритъ она Борису, чувствуя свое безсиліе передъ овладѣвшей ею страстью. Даже въ моментъ свиданія съ любимымъ человѣкомъ не оставляетъ ее сознаніе своей грѣховности, и это сознаніе причиняетъ ей тяжелыя мученія, тѣмъ болѣе тяжкія, что она, по собственнымъ словамъ, скрывать и притворяться не умѣетъ, по своей глубоко-искренней и правдивой природѣ. Съ возвращеніемъ мужа эти внутреннія мученія еще усиливаются, она чувствуетъ себя виновной передъ нимъ и терзается сознаніемъ своей виновности, пока наконецъ стеченіе обстоятельствъ, сильно поражающихъ ея воображеніе (гроза, слова сумасшедшей барыни, изображеніе геенны), не вызываетъ въ ней всенароднаго признанія и покаянія.—Но и это покаяніе не приноситъ ей облегченія. Кабанова всячески оскорбляетъ ее, безхарактерный мужъ по внушенію матери бьетъ ее, хотя въ глубинѣ души и жалѣетъ ее, не менѣе безхарактерный Борисъ уѣзжаетъ изъ города, не смѣя ослушаться приказанія своего дяди,—и Катерина, не встрѣчая ни въ комъ пониманія и прощенія, которое могло бы возродить ее, терзаемая угрызеніями совѣсти, въ порывѣ отчаянія бросается въ Волгу. Своимъ самоубійствомъ она спасается отъ дальнѣйшихъ страданій и обидъ, спасается изъ міра невѣжества, произвола и безправія, въ условіяхъ котораго и лежала самая причина ея гибели. Это становится ясно даже Тихону, который въ порывѣ горя кричитъ Кабановой: „Маменька, вы ее погубили! Вы! Вы!“—и затѣмъ бросается на трупъ жены съ возгласомъ: „Хорошо тебѣ, Катя! А я-то зачѣмъ остался жить на свѣтѣ, да мучиться!“

Изъ второстепенныхъ лицъ драмы особеннаго вниманія служиваетъ механикъ-самоучка *Кулигинъ*. Это восторженный энтузіастъ, натура чуткая и поэтическая. Онъ мечтаетъ томъ, чтобы сдѣлать perpetuum-mobile, но не съ цѣлью чнаго обогащенія, а съ тѣмъ, чтобы помочь бѣднякамъ-ывателямъ. Онъ даже къ Дикому обращается съ просьбой ть ему небольшую сумму денегъ, которыя ему нужны „для щей пользы",—для устройства солнечныхъ часовъ и гро-отводовъ. Но въ этомъ механикѣ-самоучкѣ живо также и етическое чувство: онъ умѣетъ цѣнить красоту природы, у доступно и наслажденіе поэзіей, хотя знаетъ онъ только ринныхъ поэтовъ: Ломоносова, Державина. Нелегко живется у въ городѣ, гдѣ господствуютъ такіе „жестокіе нравы"; уже самая возможность существованія такого типа въ линовѣ показываетъ, что не заглохли еще окончательно рческія силы народа подъ гнетомъ нужды и безправія; этомъ смыслѣ Кулигинъ съ бо̀льшимъ правомъ можетъ ть названъ „лучомъ свѣта въ темномъ царствѣ", чѣмъ ерина, которая является безсильною жертвой жизненныхъ овій среды и надъ трупомъ которой тотъ же Кулигинъ саетъ горькій упрекъ ея гонителямъ: „Вотъ вамъ ваша ерина. Дѣлайте съ ней, что хотите! Тѣло ея здѣсь, возь-ге его; а душа теперь не ваша: она теперь передъ Судіей, *порый милосерднѣе васъ*!".

Кулигинъ

митрій Самозванецъ и Василій Шуйскій.

Кромѣ бытовыхъ піесъ, Островскій создалъ цѣлый рядъ торическихъ хроникъ", сюжеты которыхъ онъ почерпнулъ русской старины, преимущественно изъ эпохи Смутнаго мени. Это время принадлежитъ къ числу наиболѣе дра-ическихъ эпохъ русской исторіи и потому уже издавна, на-ая съ Сумарокова, привлекало къ себѣ вниманіе нашихъ матурговъ. При этомъ особенный интересъ возбуждала въ ъ загадочная и сложная личность перваго Лжедмитрія, его блестящей и трагической судьбой [1]).

[1]) До Островскаго слѣдующіе русскіе писатели избирали Дмитрія Са-анца героемъ своихъ драматическихъ произведеній: Сумароковъ (1771), жный (1800), Пушкинъ (1825), Хомяковъ (1833), Погодинъ (1835), По-зъ (1858), Чаевъ (1865). Но судьбою Лжедмитрія, въ качествѣ сюжета

Особенности хроники Островскаго.

Въ своемъ пониманіи характера Дмитрія Самозва Островскій въ значительной степени примыкаетъ къ Пуш ну. Характерными чертами Самозванца являются у Остр скаго, какъ и у Пушкина, смѣлость, предпріимчиво легкомысліе, слѣпая вѣра въ свою счастливую звѣзду. въ „Борисѣ Годуновѣ“ Пушкина Самозванецъ играетъ вто степенную роль и потому фигура его только намѣчена; драматической хроникѣ Островскаго Дмитрій является це ральнымъ лицомъ и потому характеръ его разработанъ раздо подробнѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ у Островскаго гора ярче и полнѣе обрисована та историческая обстанов среди которой развивались событія Смутнаго времени и, частности, лучше оттѣнена роль *боярства* въ развитіи сму При обработкѣ своей хроники Островскій воспользовался выми историческими изслѣдованіями (Соловьева и Косто рова) и потому онъ имѣлъ возможность яснѣе представ смыслъ изображаемаго момента, чѣмъ это могъ сдѣлать Пу кинъ, который не имѣлъ при своей работѣ такихъ цѣнн историческихъ пособій.

Ея недостатки.

Что же касается до чисто-*художественныхъ* достоинст то въ этомъ отношеніи произведеніе Островскаго стоитъ условно ниже трагедіи Пушкина. Подобно другимъ дра тическимъ хроникамъ Островскаго, оно прежде всего ст даетъ растянутостью; Островскій былъ лишенъ способности въ высокой степени свойственной Пушкину и составляв одну изъ наиболѣе характерныхъ чертъ его творческаго

для драматическихъ произведеній, воспользовались также и нѣкоторые иностранныхъ писателей. Первой изъ піесъ подобнаго содержанія явл ся комедія знаменитаго испанскаго драматурга Лопе-де-Вега, написа вскорѣ послѣ событій, разыгравшихся въ далекой Московіи; для своей медіи Лопе-де-Вега воспользовался различными смутными слухами, хо шими по Европѣ относительно московскихъ событій. Лжедмитрій, въ к ствѣ драматическаго героя, выведенъ также въ піесахъ французскаго сателя Обри (1689) и нѣмецкихъ драматурговъ Коцебу (1782) и *Шил* (1804). Изъ нихъ особенно замѣчательна трагедія послѣдняго, оставш однако за смертью автора незаконченной. Шиллеръ далъ личности дмитрія совершенно новое толкованіе и представилъ его не сознательн обманщикомъ, а человѣкомъ, искренно вѣрящимъ въ свое царское пр хожденіе и только случайно узнающимъ, что онъ не тотъ, за кого себя считалъ. Сохранившіеся отрывки трагедіи Шиллера (два дѣйс существуютъ въ прекрасномъ русскомъ переводѣ Мея.

рванія, — способности въ сжатой формѣ сосредоточивать бо-
лтое содержаніе, въ немногихъ словахъ дать исчерпывающее
понятіе о томъ или другомъ предметѣ. Этотъ художествен-
ый лаконизмъ, составляющій особенность и силу Пушкина,
лкъ поэта, совершенно не свойственъ Островскому; оттого
арактеристики выведенныхъ имъ лицъ отличаются нѣкото-
рой расплывчатостью, а ихъ рѣчи — излишнимъ многосло-
емъ. Другимъ художественнымъ недостаткомъ хроникъ Ост-
ровскаго является слабое развитіе въ нихъ дѣйствія; особен-
о замѣтенъ этотъ недостатокъ въ первой изъ хроникъ Ост-
ровскаго, въ „Козьмѣ Мининѣ", гдѣ дѣйствія, въ собствен-
номъ смыслѣ этого слова, вовсе нѣтъ и гдѣ оно замѣняется
безконечными рѣчами. Менѣе всего удаются Островскому
сильныя драматическія сцены (напр., сцена свиданія Само-
званца съ царицей Марѳой, сцена убійства Самозванца), ко-
торыя особенно требуютъ концентраціи дѣйствія, пластично-
сти и выразительности каждаго слова; у Островскаго же онѣ
отличаются слабостью и вялостью, и потому не производятъ
того впечатлѣнія, на которое разсчитаны.

Характеръ Самозванца.

Въ характерѣ Дмитрія много свѣтлыхъ, симпатичныхъ
чертъ. Вступая на престолъ, онъ хочетъ „милостью привлечь
сердца народа". Воспитанный въ культурной и свободной
странѣ, онъ вынесъ оттуда бо̀льшее уваженіе къ человѣче-
ской личности и потому желаетъ видѣть вокругъ себя не
терпетныхъ рабовъ, а преданныхъ слугъ и сознательныхъ
сотрудниковъ. Онъ рѣшительно осуждаетъ прежнюю систему
правленія, когда все было основано на слѣпомъ раболѣпствѣ
и на страхѣ передъ властью:

..... Править
Вы знаете одно лишь средство—страхъ!
Вездѣ, во всемъ вы властвуете страхомъ:
Вы женъ своихъ любить васъ пріучали
Побоями и страхомъ; ваши дѣти
Отъ страха глазъ на васъ поднять не смѣютъ;
Отъ страха пахарь пашетъ ваше поле;
Идетъ отъ страха воинъ на войну;
Ведетъ его подъ страхомъ воевода;
Со страхомъ вашъ посолъ посольство правитъ;
Отъ страха вы молчите въ царской думѣ!
Отцы мои и дѣды, государи,
Въ ордѣ татарской, за широкой Волгой,

По ханскимъ ставкамъ страха набирались
И страхомъ править у татаръ учились.
Другое средство лучше и надежнѣй,—
Щедротами и милостью царить.

Оттого онъ съ такой неохотой соглашается осудить Шу скаго, обвиненнаго „въ измѣнномъ дѣлѣ". При этомъ о не желаетъ самъ произнести приговора, а назначаетъ д этого судъ „изъ выборныхъ отъ всѣхъ чиновъ народа". Ког же этотъ судъ приговариваетъ Шуйскаго къ смертной казн Дмитрій даруетъ ему помилованіе, а вскорѣ возвращаетъ е всѣ его чины и имѣнья, приближаетъ его къ себѣ, слѣдуе его коварнымъ совѣтамъ—и такимъ образомъ самъ подгот вливаетъ свою гибель. Всѣ предостереженія Басманова отн сительно „пронырства бояръ", всѣ предупрежденія о готов щемся возстаніи, получаемыя съ разныхъ другихъ сторон не въ силахъ пробудить подозрительность въ душѣ Дмитрі поколебать его слѣпую довѣрчивость, граничащую съ леги мысліемъ.

Его стремленія. Изъ Польши же Дмитрій вывезъ и духъ рыцарственност предпріимчивости, жажду подвиговъ и славы, честолюбив мечты. Едва овладѣвъ московскимъ престоломъ, онъ у носится съ мыслью о походахъ, завоеваніяхъ, мечтаетъ о к ронѣ Крыма и даже Византіи. Въ своемъ монологѣ перед царскимъ трономъ онъ говоритъ:

Я чувствую, что не простая кровь
Течетъ во мнѣ; войнолюбивымъ духомъ
Кипитъ душа,—*побѣдъ, коронъ я жажду,*
Мнѣ битвъ кровавыхъ нужно, нужно славы
И цѣлый свѣтъ въ свидѣтели геройства
И подвиговъ моихъ. Отецъ мой грозный,
Пусти меня! Счастливый самозванецъ
И царствъ твоихъ невольный похититель,
Я не возьму тиранскихъ правъ твоихъ,—
Губить и мучить. Я себѣ оставлю
Одно святое право всѣхъ владыкъ,—
Прощать и миловать. *Я обѣщаю*
Прославить Русь и вознести высоко,
И потому теперь сажусь я смѣло
На сей священный, грозный маіестатъ.

Принимая власть, Самозванецъ желаетъ править д блага своего народа; мечтая о громкой военной славѣ, о вмѣстѣ съ тѣмъ хочетъ „прославить Русь". Онъ сознаетъ с

бя защитникомъ интересовъ Московскаго государства и его достоинства. Поэтому онъ стремится сохранить полную независимость дѣйствія и вовсе не торопится удовлетворить желаніямъ короля и папы, оказавшихъ ему поддержку въ началѣ его предпріятія. Когда сопровождающій его іезуитъ напоминаетъ ему о его обѣщаніи содѣйствовать введенію въ Россіи католичества, Дмитрій отвѣчаетъ уклончиво и поручаетъ своему секретарю (поляку-лютеранину) въ этомъ же духѣ написать письмо папѣ, высказавъ въ немъ „учтивостей побольше". Королю же Сигизмунду онъ выражаетъ неудовольствіе по вопросу о титулахъ, видя въ грамотахъ короля „умаленіе своей чести".

Причины его гибели.

Такимъ образомъ Дмитрій въ своей правительственной дѣятельности старается сохранить полную самостоятельность, не допускаетъ посторонняго вліянія, чуждаго или даже вреднаго интересамъ Московскаго государства. Однако несмотря на эти благія намѣренія, Дмитрій не въ состояніи ихъ осуществить. Причина этого заключается въ немъ самомъ, или, точнѣе, во всемъ его прошломъ, въ полученномъ воспитаніи, въ усвоенныхъ взглядахъ и симпатіяхъ. По всему складу своихъ понятій и вкусовъ Дмитрій принадлежитъ другому, не-русскому міру, онъ внутренно *чуждъ* тому народу, во главѣ котораго поставила его судьба, и онъ самъ иногда ясно сознаетъ эту внутреннюю отчужденность, и это сознаніе внушаетъ ему какой-то смутный страхъ, тревожное предчувствіе. Оставшись впервые наединѣ въ престольной палатѣ царскаго дворца, онъ чувствуетъ себя охваченнымъ невольнымъ волненіемъ:

..... Сиротливо
Въ душѣ моей! Расписанные своды
Гнетутъ меня, и *непривѣтно смотрятъ*,
Не родственно, таинственные лики
Изъ темной позолоты стѣнъ угрюмыхъ....
Я здѣсь чужой!

По своимъ взглядамъ и симпатіямъ Дмитрій — „западникъ"; оттого онъ съ такой благосклонностью относится къ иностранцамъ, выказываетъ имъ свое расположеніе (разговоръ съ Маржеретомъ при выходѣ изъ собора); оттого въ его отношеніяхъ къ русскимъ нерѣдко проглядываетъ презрѣніе, особенно оскорбительное для гордыхъ московскихъ бояръ. „Бояре,

не забудьте, что польскіе паны не вамъ чета", — говоритъ онъ имъ, приказывая съ особеннымъ почетомъ встрѣтить польскихъ гостей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Самозванецъ оскорбляетъ національное чувство русскихъ тѣмъ, что не соблюдаетъ обычаевъ и обрядовъ прадѣдовской старины и, напротивъ того, вводитъ новые польскіе порядки. Подобнымъ образомъ дѣйствія онъ самъ даетъ противъ себя оружіе въ руки своихъ враговъ. Гибель его является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его поведенія, и онъ не можетъ избѣжать ея, несмотря на свой свѣтлый умъ и на всю свою смѣлость и энергію. Такимъ образомъ основной причиной его гибели является то обстоятельство, что онъ—„чужой" землѣ, которою собирается править, что у него нѣтъ съ нею внутренней, нравственной связи, которая одна могла бы обезпечить прочность его власти.

Противорѣчіе въ его характеристикѣ.

Таковы главнѣйшія черты характера Дмитрія Самозванца, какимъ онъ изображенъ Островскимъ. Но въ его изображеніи Островскимъ допущена одна крупная психологическая ошибка, которая вноситъ въ характеристику неустранимое противорѣчіе. Дѣло въ томъ, что всѣ поступки Самозванца, его обращеніе съ окружающими, его чрезвычайная довѣрчивость, полное отсутствіе подозрительности, все это возможно и понятно лишь при предположеніи, что Самозванецъ самъ былъ убѣжденъ въ томъ, что онъ на самомъ дѣлѣ Дмитрій, сынъ царя Ивана Грознаго. Такъ именно взглянулъ на его личность Шиллеръ, вѣрно угадавъ, какой благодарный психологическій матеріалъ даетъ для драмы такая постановка вопроса. Островскій не пошелъ по его слѣдамъ. Хотя онъ и отвергъ прежній традиціонный взглядъ на Дмитрія Самозванца, какъ на бѣглаго монастырскаго послушника Гришку Отрепьева, но все-таки и въ его хроникѣ Самозванецъ является сознательнымъ обманщикомъ; правда, онъ самъ не знаетъ ничего опредѣленнаго о своемъ происхожденіи, но онъ знаетъ однако, что онъ—не тотъ, за кого себя выдаетъ, что онъ не царевичъ Дмитрій. Между тѣмъ онъ держится именно такъ, какъ будто бы былъ самъ твердо увѣренъ въ своемъ царственномъ происхожденіи. Сознательный обманщикъ, боящійся обличенія, раскрытія своего обмана, долженъ былъ бы быть гораздо болѣе подозрительнымъ и мнительнымъ, не могъ бы обнаруживать такую довѣрчивость и спокойствіе, какое во всѣхъ случаяхъ обнаруживаетъ Самозванецъ Островскаго.

Другимъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ хроники Ост-вскаго является князь Василій Шуйскій. Въ піесѣ онъ ыступаетъ представителемъ московскаго боярства, носителемъ ярскихъ идеаловъ и политическихъ притязаній. Какъ из-стно, боярство выставило перваго Самозванца для того, обы воспользоваться имъ, какъ орудіемъ, для сверженія навистнаго боярамъ Бориса Годунова. Объ этомъ знаетъ и мъ Дмитрій: „Царскимъ сыномъ,—говоритъ онъ,— Шуйскій, какъ представитель боярства.

Я назвался не самъ; бояре
Давно меня царевичемъ назвали
И, съ торжествомъ и злобнымъ смѣхомъ, въ Польшу
На береженье отдали....

Свергнувъ Бориса и возведя на престолъ Лжедмитрія, яре разсчитывали, что послѣдній, будучи ихъ ставленни-мъ, отдастъ дѣло правленія въ ихъ руки и самъ не бу-тъ въ него вмѣшиваться. Исходя изъ удѣльныхъ традицій, и смотрѣли на себя, какъ на исконныхъ властителей Рус-ой земли; поступившись своими державными правами въ льзу московскаго царя, ставши его „холопами“, они однако ѣли сохранить въ своихъ рукахъ всю полноту власти надъ лею, надъ „земщиной“. Противъ этихъ вѣковыхъ тради-й боярства всю жизнь боролся Іоаннъ Грозный, а затѣмъ ris Годуновъ. Но ни казни, ни опалы не могли прину-ть ихъ отказаться отъ своихъ притязаній, отъ взгляда на сть, какъ на свое неотъемлемое право. Василій Шуйскій дующимъ образомъ выражаетъ этотъ взглядъ, предста-ющій, такъ сказать, „философію боярства“; въ отвѣтъ на ва Татищева: „Боярами земля стоитъ отъ вѣка“, — онъ оритъ:

Народъ слѣпой, мы зрячіе,—мы видимъ,
Куда итти, чего хотѣть народу.
Боярство—Русь великая, а земство
Идетъ туда, куда ведутъ бояре.
Народъ возьметъ, что мы ему дадимъ,
И будетъ знать, что мы ему велимъ.

Нѣсколько далѣе онъ развиваетъ эту же мысль:

..... Мы умѣемъ править
Землей своей, вести народъ умѣемъ.
По выбору, и ложь, и правда служатъ
У насъ въ рукахъ орудіемъ для блага
Народнаго. Нужна народу правда—

И мы даемъ ее; мы правду спрячемъ,
Когда обманъ народу во спасенье.
Мы лжемъ ему: и мрутъ, и оживаютъ,
По нашей волѣ люди; по базарамъ
Молва идетъ о знаменьяхъ чудесныхъ;
Убогіе, блаженные пророчатъ,
Застонетъ камень, дерево заплачетъ,
Изъ нѣдръ земныхъ послышатся глаголы,—
И наша ложь въ народѣ будетъ правдой,
Въ хронографы за правду перейдетъ.

Хотя Шуйскій и говоритъ въ своей рѣчи о „народно благѣ“, однако стремленіе боярства къ власти носило, не мнѣнно, узко-эгоистическій характеръ, являлось выраженіе его классовыхъ интересовъ и идеаловъ. Впрочемъ въ хрони Островскаго почти вовсе не встрѣчается данныхъ, указыв щихъ на взаимное отношеніе боярства и низшихъ классо населенія, „молодшихъ людей“. Хотя „народъ“, и игра въ хроникѣ довольно видную роль, однако онъ выступа здѣсь лишь въ качествѣ послушнаго орудія въ рукахъ бояр которые направляютъ народную массу согласно своимъ сооб женіямъ и планамъ [1]).

Но будучи вполнѣ единодушны въ своихъ взглядахъ власть и въ своихъ стремленіяхъ къ ней, бояре въ свои взаимныхъ отношеніяхъ отличаются полнымъ отсутствіе солидарности и доброжелательства. Вражда, интриги, взаи ное недовѣріе,—вотъ въ чемъ проявляются ихъ чувства отношенію другъ къ другу. „Переплелись обидой да без стьемъ боярскіе роды“ — говоритъ князь Голицынъ. Даже

---

[1]) Гораздо полнѣе и ярче отношеніе *боярства* къ «молодшимъ людям къ *земщинѣ*, обрисовано Островскимъ въ комедіи: «Воевода, или Сонъ Волгѣ» (1865). Здѣсь ясно выступаетъ антагонизмъ между правящимъ словіемъ московской Руси и угнетаемымъ имъ народомъ. Въ лицѣ воев Шалыгина Островскій изобразилъ типъ провинціальнаго администрат XVII вѣка, пользующагося своей властью для своихъ личныхъ выго дѣйствующаго по своему произволу и не допускающаго никакого прот рѣчія или ропота со стороны подвластныхъ. Комедія Островскаго нос характеръ широкой *историко-бытовой* картины, обнаруживающей бокое знаніе русской старины, ея быта, нравовъ, жизненныхъ отноше Въ художественномъ отношеніи «Воевода» стоитъ выше большинства и рическихъ хроникъ Островскаго, изъ чего можно заключить, что Ост скій былъ по преимуществу *бытовой* писатель, изобразитель повседнев жизни, въ ея типическихъ явленіяхъ; тамъ же, гдѣ онъ касался явл исключительныхъ, изображалъ лицъ героическихъ, ставилъ себѣ слож

торжественныхъ случаяхъ, какъ, напр., при царскомъ выходѣ, они не могутъ удержаться, чтобы не вступить другъ съ другомъ въ перекоры. Каждый изъ нихъ старается возвыситься надъ другими, ищетъ себѣ бо́льшей „чести". Одержать верхъ въ этой тайной борьбѣ бояръ между собою, конечно, можетъ только тотъ, кто надѣленъ особенными способностями къ интригамъ, отличается особенной хитростью, умѣньемъ пользоваться людьми и обстоятельствами.

Его личныя черты.

Такимъ именно является въ хроникѣ Василій Шуйскій. Главная черта его характера — *честолюбіе*, главное оружіе, при помощи котораго онъ пролагаетъ себѣ путь ко власти и къ царскому престолу, — *лукавство*. Шуйскій — природный интриганъ: притворство — его вторая натура. Онъ всегда умѣетъ, кому надо, отвести глаза, прикрываясь маской простодушія и невинности. Куракинъ говоритъ про него:

..... Василій свѣтъ-Иванычъ
Что̀ ни начни, все свято у него!
Завѣдомо мошенничать сберется
Иль видимую пакость норовитъ,
А самъ, гляди, вздыхаетъ съ постной рожей
И говоритъ: «Святое дѣло, братцы!».

Стремясь завладѣть „шапкой Мономаха", Шуйскій уже въ день пріѣзда Самозванца въ Москву начинаетъ вести противъ него интригу, возстановляетъ противъ него народъ, подчеркиваетъ всякій ложный или легкомысленный шагъ Дмитрія, наконецъ, вернувшись изъ ссылки и получивши

психологическія задачи, тамъ онъ только въ рѣдкихъ случаяхъ достигалъ настоящей художественной высоты. Такъ, напр., Островскій значительно повредилъ художественной цѣнности той же комедіи: «Воевода», измѣнивъ впослѣдствіи ея развязку. Въ 1-ой редакціи она кончалась тѣмъ, что воевода, согласно челобитію горожанъ, устраняется по царскому приказу отъ власти и подпадаетъ подъ опалу; во 2-ой же редакціи Островскій заставляетъ воеводу, подъ вліяніемъ бесѣды съ пустынникомъ, раскаяться въ своихъ преступленіяхъ, отказаться отъ власти и званія и посхимиться. Такое рѣшеніе воеводы является для зрителей совершенно неожиданнымъ и недостаточно мотивированнымъ, потому что сама бесѣда его съ пустынникомъ происходитъ за сценой. Съ другой стороны, если даже допустить возможность подобнаго случая, то, конечно, только въ качествѣ чрезвычайно рѣдкаго, исключительнаго явленія. Допуская его въ свою комедію; Островскій внесъ *элементъ случайности* въ изображенную имъ бытовую картину и такимъ образомъ въ значительной мѣрѣ лишилъ ее *типическаго* значенія, составляющаго одно изъ главнѣйшихъ ея достоинствъ.

доступъ къ Самозванцу, онъ вкрадывается въ его довѣріе, льститъ ему и даетъ различные предательскіе совѣты, разсчитанные на то, чтобы возбудить недовольство противъ царя въ московскомъ населеніи. Всѣми этими средствами онъ въ концѣ концовъ достигаетъ своей цѣли: предводительствуемая имъ толпа бояръ и московской черни провозглашаетъ его, послѣ убійства Самозванца, московскимъ царемъ. Однако власть его не можетъ быть прочной, потому что избраніе его было дѣломъ партіи, а не всего народа. Эту мысль выражаетъ Голицынъ въ заключительныхъ словахъ хроники:

Крамольникъ онъ отъ головы до пятокъ!
Бояриномъ ему бъ и оставаться....
Крамолой сѣлъ Борисъ, а Дмитрій силой:
Обоимъ тронъ московскій былъ могилой.
Для Шуйскаго примѣровъ не довольно:
Онъ хочетъ сѣсть на царство самовольно,—
Не царствовать ему! *На тронъ свободный*
Садится лишь избранникъ всенародный.

Что касается до другихъ бояръ, выведенныхъ въ хроникѣ Островскаго, то они изображены лишь общими чертами и мало отличаются другъ отъ друга. Такъ, напр., въ характерѣ Татищева можно отмѣтить только его рвеніе къ чистотѣ православія, а Голицынъ обнаруживаетъ нѣкоторое тяготѣніе къ польскимъ „шляхетскимъ вольностямъ“, но въ общемъ въ изображеніи отдѣльныхъ бояръ встрѣчается мало яркихъ индивидуальныхъ чертъ и они сливаются всѣ въ одну безразличную массу [1]).

---

[1]) Лучшимъ разборомъ главныхъ произведеній Островскаго до сихъ поръ являются статьи *Добролюбова*: «Темное царство» (о бытовыхъ комедіяхъ) и «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ» (о «Грозѣ»). Кромѣ того заслуживаютъ вниманія труды *Незеленова:* «Островскій въ его произведеніяхъ», *Ор. Миллера*: «Рус. писатели послѣ Гоголя», г. 3-й, и статьи *Ц. Балталона*: «Тронулось ли впередъ темное царство» (въ журналѣ Артистъ, 1894 года). Очеркъ жизни Островскаго написанъ *Ив. Ивановымъ* (въ Біографической библіотекѣ Павленкова).

Глава VI-я.

Графъ Л. Н. Толстой.

Біографія Толстого.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой родился 28 августа 1828 года, въ селѣ Ясная Поляна, Крапивенскаго уѣзда, Тульской губ. Отецъ его, отставной гусарскій подполковникъ, желая поправить разстроенныя матеріальныя обстоятельства, женился на богатой невѣстѣ, княжнѣ Волконской. Однако этотъ бракъ, заключенный по расчету, оказался вполнѣ счастливымъ; впослѣдствіи Толстой въ „Войнѣ и Мирѣ" изобразилъ, хотя и въ нѣсколько идеализированномъ видѣ эту семейную исторію, въ лицѣ Николая Ростова и княжны Маріи. Впрочемъ хорошо помнить свою мать онъ не могъ, такъ какъ она умерла, когда ему было только полтора года. Нѣсколько лѣтъ спустя умеръ и его отецъ, такъ что съ 9-лѣтняго возраста Толстой, вмѣстѣ со своими братьями, остался круглымъ сиротою, на попеченіи своей тетки, графини Остенъ-Сакенъ. Воспитаніе дѣтей еще при жизни отца находилось въ рукахъ дальней родственницы Толстыхъ Ергольской. Это была женщина необычайной доброты, кротости и душевной чистоты; благодаря этимъ качествамъ она имѣла весьма благотворное вліяніе на своихъ питомцевъ, которымъ она замѣняла мать. Толстой въ своихъ воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ выразился о ней, что она „научила его счастію любить" [1]).

Воспитаніе, полученное Толстымъ въ дѣтствѣ въ домѣ родителей, ничѣмъ не отличалось отъ обычной системы воспитанія, господствовавшей въ дворянскихъ семьяхъ того времени, какъ о немъ можно судить по „Дѣтству и Отрочеству", гдѣ между прочимъ изображены Толстымъ портреты двухъ его гувернеровъ, нѣмца и француза. Послѣ смерти гр. Остенъ-Сакенъ, опека перешла къ другой теткѣ Толстыхъ—Юшковой, которая жила въ Казани, куда и переѣхала вся семья.

Въ 1844 году Толстой поступилъ въ Казанскій университетъ

---

[1]) Главнѣйшія характерныя черты ея личности, а также ея отношеніе къ семьѣ Толстыхъ—Левъ Николаевичъ изобразилъ впослѣдствіи въ «Войнѣ и Мирѣ» въ лицѣ Сони.

на факультетъ восточныхъ языковъ, а черезъ годъ перешелъ на юридическій. Впрочемъ, науками Толстой занимался въ это время очень мало,—во-первыхъ, потому, что составъ профессоровъ на юридическомъ факультетѣ въ эту эпоху былъ очень невысокаго качества; болѣе другихъ могъ оказать вліяніе на Толстого только профессоръ гражданскаго права Мейеръ, человѣкъ очень образованный и гуманный, пользовавшійся большимъ уваженіемъ своихъ слушателей: по его указанію Толстой, между прочимъ, принялся за научный трудъ—сравненіе „Наказа" императрицы Екатерины II съ сочиненіями Монтескье; впрочемъ эта работа такъ и осталась неоконченной. Другой причиной, отвлекавшей Толстого отъ научныхъ занятій, было тогдашнее увлеченіе свѣтскою жизнью и всевозможными удовольствіями, съ нею связанными: балами, пикниками, любительскими спектаклями и т. д. Толстой отдался этой жизни со всею страстностью, свойственной его натурѣ. Быть человѣкомъ comme-il-faut, блистать въ обществѣ, привлекать къ себѣ всеобщее вниманіе—вотъ въ чемъ заключался въ эту пору для Толстого высшій идеалъ, который онъ стремился осуществить (срав. главу „Comme-il-faut" въ „Юности").

Само собой разумѣется, что эта пустая и безсодержательная жизнь не могла надолго удовлетворить человѣка съ такими глубокими и серьезными стремленіями, какимъ былъ Толстой даже въ молодости. Поэтому, на ряду со свѣтскими удовольствіями, онъ отдается также серьезному чтенію, при чемъ въ эту эпоху его любимѣйшимъ писателемъ становится *Руссо*, имѣвшій на его умственное и нравственное развитіе, по его собственному признанію, чрезвычайно сильное вліяніе. Подъ вліяніемъ сочиненій Руссо, онъ и самъ принимается писать разсужденіе: „О цѣли философіи", при чемъ опредѣляетъ философію, какъ „науку жизни"; самое это опредѣленіе показываетъ, что уже въ эту раннюю эпоху вниманіе Толстого особенно привлекали къ себѣ моральные вопросы, вопросы нравственной жизни и поведенія. Такимъ образомъ тотъ идеалъ „комильфотности", которымъ онъ въ это время плѣнялся, стоялъ въ явномъ противорѣчіи съ другимъ идеаломъ, именно съ идеаломъ *нравственнаго совершенствованія*, страстное увлеченіе которымъ является, въ глазахъ самого Толстого, наиболѣе характерной чертой этой эпохи его жизни: съ момента яснаго сознанія этого идеала Толстой считаетъ начало своей „юности". Подъ вліяніемъ этого идеала, естественнымъ результатомъ котораго является стремленіе къ дѣятельному осуществленію добра, стремленіе приносить пользу людямъ,—Толстой въ 1847 году оставляетъ университетъ, не окончивъ полнаго курса, и поселяется въ Ясной Полянѣ, съ твердымъ намѣреніемъ заняться устройствомъ быта своихъ крестьянъ, улучшить ихъ положеніе. Но здѣсь его на первыхъ же порахъ ждали всевозможныя неудачи и разочарованія, которыя подѣйствовали на него охлаждающимъ образомъ. Весь этотъ эпизодъ своей жизни Толстой описалъ впослѣдствіи въ разсказѣ „Утро помѣщика".

Въ 1851 году Толстой отправился на Кавказъ, гдѣ въ это

ремя еще продолжалась война съ горцами и гдѣ служилъ офицеромъ о старшій братъ. По его совѣту Толстой также поступилъ на енную службу юнкеромъ въ артиллерію и участвовалъ во мно-ихъ стычкахъ съ непріятелемъ, при чемъ выказалъ незаурядную абрость. Нѣсколько разъ жизнь его подвергалась опасности; нажды онъ едва не попалъ въ плѣнъ къ горцамъ и избѣжалъ ого только благодаря быстротѣ своего коня: этотъ случай онъ исалъ впослѣдствіи въ разсказѣ „Кавказскій плѣнникъ". Здѣсь э, на Кавказѣ, началась и его литературная дѣятельность: въ 352 году онъ написалъ свое первое произведеніе, повѣсть „*Дѣтство*", которая и была напечатана въ томъ же году въ журналѣ екрасова „Современникъ". За „Дѣтствомъ", въ качествѣ есте-венняго продолженія, вскорѣ послѣдовало и „*Отрочество*", и лый рядъ другихъ произведеній, въ которыхъ отразились впе-тлѣнія Кавказа и боевой жизни („Набѣгъ", „Рубка лѣса", Встрѣча въ отрядѣ", „Казаки"). Наиболѣе крупнымъ и замѣча-льнымъ изъ нихъ является повѣсть „*Казаки*" (впрочемъ она ончена была значительно позднѣе, въ 1861 году); эта повѣсть, мимо ея высокихъ художественныхъ достоинствъ, имѣетъ еще тому особенное значеніе, что въ ней впервые отразились нѣко-рыя наиболѣе характерныя черты міросозерцанія Толстого: отри-тельное отношеніе къ современной культурѣ и связанное съ нимъ ремленіе къ „опрощенію", къ сближенію съ некультурной народ-й массой.

Въ началѣ 1854 года Толстой былъ произведенъ въ офицеры. рвоначально онъ хотѣлъ выйти въ отставку, вслѣдъ за произ-дствомъ, такъ какъ военная служба не удовлетворяла его, но о желаніе нельзя было осуществить въ виду того, что какъ зъ въ это время вспыхнула война съ Турціей. Чтобы не оста-ться празднымъ зрителемъ, Толстой выхлопоталъ себѣ переводъ дѣйствующую армію, находившуюся въ это время на берегахъ ная. Здѣсь онъ принялъ участіе въ неудачной осадѣ Силистріи, когда осада была снята и войска возвратились въ русскіе пре-лы, онъ перевелся въ Севастополь, куда онъ прибылъ въ ноябрѣ 54 года и гдѣ оставался вплоть до его паденія, въ августѣ 55 года, при чемъ нерѣдко подолгу находился въ наиболѣе асныхъ мѣстахъ, напр., на 4-мъ бастіонѣ. Военныя впечатлѣнія олстого отразились въ трехъ разсказахъ: „Севастополь въ декабрѣ, маѣ и въ августѣ", которые благодаря самому сюжету своему ратили на молодого автора всеобщее вниманіе. Послѣ паденія евастополя, Толстой былъ посланъ съ донесеніемъ въ Петербургъ, вскорѣ затѣмъ вышелъ въ отставку. Въ Петербургѣ Толстой слизился съ кружкомъ „Современника", въ составъ котораго вхо-ли тогда лучшіе русскіе писатели и куда онъ былъ принятъ на авахъ равнаго члена. Отъ этого времени сохранилась извѣстная отографическая группа, на которой Толстой (еще въ военномъ ндирѣ) снятъ вмѣстѣ съ Тургеневымъ, Гончаровымъ, Остров-амъ, Дружининымъ и Григоровичемъ. Впрочемъ ни съ кѣмъ изъ

нихъ онъ особенно близко не сошелся, вслѣдствіе рѣзкой разни во взглядахъ. Уже тогда Толстой обращалъ на себя вниманіе о гинальностью своихъ мнѣній, шедшихъ въ разрѣзъ съ общепри тыми воззрѣніями той среды въ которой онъ вращался. Эта р ница убѣжденій приводила къ постояннымъ спорамъ. Особен горячи были его споры съ Тургеневымъ; эти споры привели по нѣе (въ 60-хъ гг.) къ полному разрыву между ними: дѣло едва дошло до дуэли и друзьямъ только съ трудомъ удалось отклон угрожавшій поединокъ. Только въ послѣдніе годы жизни Тургене послѣдовало между ними примиреніе, при чемъ первый шагъ с лалъ Тургеневъ,—а на смертномъ одрѣ, за нѣсколько недѣль смерти, онъ обратился къ Толстому съ трогательнымъ письмо въ которомъ называлъ его „великимъ писателемъ земли русск и убѣждалъ вернуться къ литературной дѣятельности.

Проживъ въ Петербургѣ около года, Толстой отправился Ясную Поляну, гдѣ съ увлеченіемъ занялся сельскимъ хозяйство Въ 1857 году онъ совершилъ продолжительное путешествіе Западной Европѣ, при чемъ посѣтилъ Германію, Францію, Шв царію и Италію. Общее впечатлѣніе отъ этого путешествія бы далеко не въ пользу западно-европейской культуры; свои сомнѣ относительно ея дѣйствительной внутренней цѣнности Толстой в разилъ въ небольшомъ разсказѣ „Люцернъ“, въ основѣ котора лежитъ случай, имъ лично пережитый. Въ 1860 году онъ вторич отправился за границу, вмѣстѣ со старшимъ братомъ (Николаем который былъ боленъ чахоткой и за границей же скончался на р кахъ Льва Николаевича. Эта смерть произвела на него чрезвычай сильное впечатлѣніе, и на нѣкоторое время имъ овладѣло глубок пессимистическое настроеніе. Однако онъ не поддался окончатель этому настроенію и сумѣлъ найти изъ него выходъ. Еще на р динѣ Толстой заинтересовался вопросами народнаго образованія потому онъ воспользовался своимъ пребываніемъ за границей, д того, чтобы познакомиться съ постановкой школьнаго дѣла западно-европейскихъ странахъ; съ этой цѣлью онъ посѣща училища и музеи, присутствовалъ на урокахъ, сближался съ изв стными педагогами и народными писателями (Дистервегъ, Ауэрбах

Однако постановка дѣла въ европейскихъ народныхъ школа и существующія системы обученія не удовлетворили Толстого онъ создалъ свою собственную педагогическую систему, которую приложилъ на практикѣ въ основанной имъ въ Ясной Поля школѣ. Для пропаганды своихъ взглядовъ на воспитаніе и образ ваніе, Толстой основалъ даже спеціальный педагогическій журна „Ясная Поляна“, въ которомъ на ряду съ теоретическими статьям помѣщалъ также и отчеты о веденіи дѣла въ основанной имъ школ Эти педагогическія занятія продолжались въ теченіе трехъ лѣ (1861—1864 гг.). Къ этому же времени относится и обществен дѣятельность Толстого, въ качествѣ мирового посредника, при чем онъ выказалъ себя въ этой должности горячимъ защитником крестьянскихъ интересовъ.

Въ 1862 году Толстой женился на дочери извѣстнаго москов-
каго врача Софьѣ Андреевнѣ Берсъ. Семейная жизнь Толстого
ложилась очень счастливо. Большую часть года Толстой проводилъ
ъ своемъ имѣніи и только на короткое время пріѣзжалъ въ Мо-
кву. Заботы по сложному хозяйству чередовались съ литератур-
ыми занятіями и разнообразнымъ, серьезнымъ чтеніемъ и другимъ
мственнымъ трудомъ; между прочимъ Толстой изучилъ греческій
зыкъ и одно время очень пристрастился къ древнимъ писателямъ.

Къ этому періоду спокойной и довольной жизни, продолжаю-
емуся до конца 70-хъ годовъ, относятся и крупнѣйшія произве-
енія Толстого, романы „Война и миръ“ (1864—1869) и „Анна
Каренина“ (1873—1876). Но уже въ послѣднемъ романѣ, въ изобра-
кеніи нравственнаго кризиса Левина, замѣтны признаки того ду-
евнаго перелома, который привелъ Толстого къ отрицанію всей
го прежней дѣятельности, къ осужденію всей своей прежней жизни
къ рѣшенію отказаться отъ литературы. Исторію этого душев-
аго перелома онъ самъ изобразилъ въ своей „Исповѣди“ (1881).
Съ этого времени преобладающіе интересы Толстого склоняются
ъ сторону религіозныхъ и морально-философскихъ вопросовъ.
Однако потребность художественнаго творчества была въ немъ еще
астолько велика, что онъ не могъ окончательно отъ нея отка-
аться. Въ началѣ 80-хъ годовъ имъ написано нѣсколько разска-
овъ для народа: „Чѣмъ люди живы“, „Богъ правду видитъ, да
е скоро скажетъ“, „Свѣчка“, „Два старика“ и др.; а затѣмъ,
ъ перемежку съ теоретическими статьями и трактатами, появляется
ѣлый рядъ художественныхъ произведеній: „Смерть Ивана Ильи-
ча“ (1886), драма „Власть тьмы“ (1886), комедія „Плоды просвѣ-
щенія“ (1889), „Крейцерова Соната“ (1890), „Хозяинъ и работ-
никъ“ (1895) и наконецъ большой романъ „Воскресеніе“ (1899).

Слава и вліяніе Толстого не ограничиваются одной Россіей:
онъ пользуется въ полномъ смыслѣ слова *міровой* извѣстностью.
Всякое новое произведеніе его немедленно переводится на языки
всѣхъ образованныхъ странъ, привлекаетъ всеобщее вниманіе, вы-
зываетъ разборы лучшихъ критиковъ и публицистовъ. Въ Ясную
Поляну нерѣдко пріѣзжаютъ выдающіеся иностранные писатели,
ученые, общественные дѣятели, чтобы лично познакомиться съ
авторомъ „Войны и Мира“. Въ Германіи, въ Англіи и Америкѣ су-
ществуютъ спеціальныя Общества, поставившія себѣ задачей изу-
ченіе произведеній Толстого; даже въ далекой Японіи у него есть
горячіе поклонники. Можно сказать, что со временъ Гёте ни одинъ
писатель не пользовался такимъ всеобщимъ признаніемъ, какъ Тол-
стой: правда, его религіозные и философскіе взгляды вызываютъ
противъ себя съ разныхъ сторонъ многочисленныя возраженія, но
какъ *художникъ* Толстой признается всѣми въ качествѣ одного
изъ величайшихъ міровыхъ писателей.

Л. Н. Толстой скончался 7 ноября 1910 г. и погребенъ,
согласно своему желанію, въ Ясной Полянѣ.

2. Дѣтство, Отрочество и Юность.

Дѣтство.

Литературная дѣятельность Толстого началась въ 18 году—повѣстью *„Дѣтство“*. Эта повѣсть составляла перву часть задуманнаго имъ обширнаго произведенія, котор должно было называться „Исторіей четырехъ эпохъ“ и в которомъ онъ хотѣлъ изобразить общій ходъ своего духо наго развитія. Но въ цѣломъ объемѣ этотъ замыселъ не бы осуществленъ: въ 1854 году было написано „Отрочество“, которымъ послѣдовала „Юность“; но эта послѣдняя повѣс не была вполнѣ закончена, а заключительная часть все произведенія, долженствовавшая обнимать зрѣлый возраст вовсе не была написана. — Весьма характернымъ для все творчества Толстого является то обстоятельство, что литер турная дѣятельность его началась именно съ произведені имѣющаго несомнѣнное *автобіографическое* значеніе. Так начало ясно указываетъ на преобладаніе *субъективныхъ* эл ментовъ въ его творчествѣ, на особенный интересъ его к собственной личности и ея внутреннимъ переживаніям Этотъ субъективный элементъ, въ той или иной формѣ, с ставляетъ непремѣнную принадлежность всѣхъ его произв деній, при чемъ нерѣдко Толстой придаетъ своимъ героям тѣ или другія черты собственнаго характера или дѣлает ихъ представителями собственныхъ взглядовъ и мнѣній. Т кимъ отраженіемъ различныхъ сторонъ личности самого а тора въ разные моменты его жизни являются, напр., так фигуры, какъ Нехлюдовъ („Утро помѣщика“, „Люцернъ“ Оленинъ („Казаки“), Левинъ („Анна Каренина“) и др. Этим субъективнымъ характеромъ творчества Толстой приближае ся къ такимъ писателямъ, какъ Лермонтовъ и Байрон Нужно однако замѣтить, что это преобладаніе субъективны элементовъ нисколько не мѣшаетъ Толстому создавать зам чательно яркія и живыя фигуры, имѣющія вполнѣ объе тивное значеніе и не представляющія никакихъ точекъ с прикосновенія съ его собственной личностью; таковы, нап типы казаковъ въ его повѣсти, таково и большинство велик свѣтскихъ типовъ въ его главныхъ романахъ. Эта спосо ность создавать живыя лица, со всѣмъ многообразіемъ чел вѣческихъ характеровъ, въ значительной мѣрѣ уравновѣш ваетъ субъективный складъ творческаго дарованія Толстог

Автобіографическое значеніе повѣсти.

Впрочемъ далеко не все въ „Дѣтствѣ“ основано на личныхъ воспоминаніяхъ автора: кое-что заимствовано изъ разсказовъ близкихъ ему людей, многое измѣнено и переработано фантазіей. Такимъ образомъ не всѣ подробности соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ обстоятельствамъ дѣтства Толстого: напр., смерти своей матери онъ не могъ такъ хорошо помнить, потому что она умерла, когда ему было полтора года: отецъ Николеньки списанъ Толстымъ не съ собственнаго отца, а съ одного изъ сосѣдей по имѣнію, Исленева, дѣда будущей жены Толстого. Но если нѣкоторыя обстоятельства и подробности измѣнены или придуманы Толстымъ, то самая основа разсказа: исторія душевной жизни Николеньки Иртеньева, взята, несомнѣнно, изъ дѣйствительности, изъ собственнаго внутренняго опыта.

Психологическій интересъ повѣсти.

Главный интересъ повѣсти заключается такимъ образомъ въ *психологическомъ анализѣ дѣтской души*. То обстоятельство, что въ лицѣ Николеньки Толстой изобразилъ самого себя въ эпоху дѣтства, придаетъ разсказу особенное значеніе. Поэтому при разборѣ содержанія повѣсти слѣдуетъ всегда помнить, что въ лицѣ Николеньки мы имѣемъ передъ собой *не типъ* (въ томъ смыслѣ, въ какомъ являются типами Володя, Сережа, Сонечка, Катенька), а *исключительную натуру*, съ чрезвычайно тонкой и сложной душевной организаціей. Главная черта характера Николеньки—*склонность къ самоанализу*, рѣдко проявляющаяся у дѣтей въ такомъ раннемъ возрастѣ. Николенька постоянно слѣдитъ за самимъ собою, разбирается въ своихъ чувствахъ и мысляхъ, наблюдаетъ за тѣмъ впечатлѣніемъ, какое онъ производитъ на окружающихъ. Поэтому въ характерѣ Николеньки *нѣтъ душевной цѣльности*, нѣтъ непосредственности, какъ у другихъ выведенныхъ дѣтей, которыя отдаются жизни, не раздумывая постоянно надъ нею. За эту цѣльность и непосредственность натуры Николенька даже завидуетъ Володѣ, потому что постоянный анализъ своего *я* поселяетъ въ немъ вѣчныя колебанія, неувѣренность въ себѣ, становится источникомъ сомнѣній и внутреннихъ страданій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ та способность самоанализа является доказательствомъ его духовнаго превосходства надъ сверстниками, потому что свидѣтельствуетъ о высокой *сознательности* душевной жизни Николеньки.

Характеръ Николеньки.

Эта склонность къ самоанализу стоитъ въ ближайше связи съ *повышеннымъ чувствомъ личности*, благодаря кото рому онъ никакъ не можетъ отрѣшиться отъ мысли о своем *я*, постоянно носится съ самимъ собою. Это сказывается в въ его почти болѣзненномъ *самолюбіи:* Николенька весьм озабоченъ тѣмъ, какое онъ производитъ на другихъ впечат лѣніе, и тѣмъ, что̀ другіе о немъ думаютъ. Ему, напр., очен тяжело сознаніе, что онъ некрасивъ собою, и всякій намек на его внѣшность дѣйствуетъ на него болѣзненнымъ обра зомъ. Подъ вліяніемъ этого самолюбія въ немъ развиваетс чрезвычайная *мнительность* и *застѣнчивость*, очень тягост ныя для него при сношеніяхъ съ посторонними и особенн съ незнакомыми людьми. Ему все кажется, что онъ поступает не такъ, какъ слѣдуетъ, что у него все выходитъ хуже, чѣм у другихъ, что онъ производитъ на окружающихъ невыгод ное впечатлѣніе. Эти самолюбивыя заботы не оставляютъ ег даже въ самыя тягостныя минуты: такъ, напр., во время по хоронъ матери, онъ, несмотря на искреннюю горесть, не мо жетъ вполнѣ и непосредственно отдаться своему чувству не можетъ не слѣдить за самимъ собою и за производимым имъ впечатлѣніемъ, и даже нарочно старается вызвать у себ слезы для того, чтобы его не сочли за безчувственнаг мальчика.

Но эта постоянная мысль о себѣ, устремленіе внимані на собственное *я*, вовсе не служитъ признакомъ эгоистиче скихъ предрасположеній въ характерѣ Николеньки. Наобо ротъ, онъ очень чувствителенъ и привязчивъ, у него мягко и нѣжное сердце, способное къ любви и жаждущее чужог сочувствія. Это сказывается не только по отношенію къ род нымъ, напр., къ матери, но также и по отношенію къ людям постороннимъ: такъ, напр., онъ сердечно привязанъ къ Карл Ивановичу и порой ему до слезъ жалко становится старг нѣмца, когда онъ представитъ себѣ его одинокую и безра достную жизнь. Потребность живой сердечной привязанност выражается и въ его отношеніяхъ къ Сережѣ Ивину, кото рымъ онъ такъ горячо и безкорыстно увлекается.

Но хотя вниманіе Николеньки по преимуществу сосредо точено на его внутреннемъ мірѣ, однако въ немъ весьм силенъ также и интересъ къ міру внѣшнему. Это сказываетс въ тонкой *наблюдательности*, составляющей также одну из

наиболѣе характерныхъ чертъ его личности. Эта наблюдательность распространяется даже на мелочи, въ родѣ, напр., „говорящихъ пальцевъ“ приказчика Якова. Ничто не укрывается отъ его пытливаго взора, онъ ко всему присматривается, все замѣчаетъ, хотя далеко не все еще можетъ понять и осмыслить. Весь этотъ богатый матеріалъ мелкихъ наблюденій сохраняется въ его памяти, откуда онъ и вызываетъ ихъ впослѣдствіи, при воспоминаніи о своемъ дѣтствѣ. Безъ этой сильно развитой *художественной памяти*, сохраняющей полученныя впечатлѣнія во всей ихъ жизненности и полнотѣ, немыслимо было бы, конечно, и самое созданіе такого произведенія, какъ „Дѣтство и Отрочество“.

Другая черта, характеризующая художественные задатки Николеньки, это—свойственная ему *сила воображенія*. Эта черта выступаетъ уже на первыхъ страницахъ повѣсти, когда Николенька, расплакавшись передъ Карломъ Ивановичемъ, объясняетъ свои слезы тѣмъ, что видѣлъ во снѣ, будто умерла его мать: на самомъ дѣлѣ онъ такого сна не видалъ, но послѣ сказанныхъ словъ ему дѣйствительно представилось, что онъ это видѣлъ во снѣ, и притомъ съ такой ясностью, что онъ еще пуще расплакался. Въ тѣсной связи съ силой воображенія находится *мечтательность*, къ которой Николенька имѣетъ особенное предрасположеніе; онъ способенъ иногда до того увлечься мечтами, что онѣ принимаютъ въ его глазахъ форму дѣйствительности. Очень рано начинаетъ сказываться у Николеньки и *эстетическое чувство*: музыка производитъ на него сильное впечатлѣніе и игра матери вызываетъ въ немъ рядъ неясныхъ образовъ и настроеній, то свѣтлыхъ и радостныхъ, то мрачныхъ и печальныхъ, въ зависимости отъ характера пьесы.

Умственныя способности Николеньки, несомнѣнно, возвышаются надъ среднимъ уровнемъ дѣтей его возраста; однако онѣ болѣе глубоки, чѣмъ блестящи, и потому окружающіе и не подозрѣваютъ ихъ въ мальчикѣ, тѣмъ болѣе, что онъ учится довольно плохо, гораздо хуже, чѣмъ его старшій братъ. Но эти слабые успѣхи происходятъ не отъ недостатка умственныхъ силъ и интересовъ, а отъ отсутствія выдержки и отъ неспособности къ правильнымъ, систематическимъ занятіямъ: постоянныя наблюденія надъ самимъ собою и надъ внѣшнимъ міромъ, живость воображенія, увлеченіе мечтами,—

вся эта непрерывная, хотя и мало замѣтная для посторонняг взора, внутренняя работа отвлекаетъ его отъ занятій и мѣ шаетъ усидчивому труду.

Благодаря постоянной самостоятельной работѣ мысли умственное развитіе Николеньки идетъ быстро впередъ. Эт движеніе становится особенно явнымъ во второй половинѣ отрочества. Его рано начинаютъ занимать высшіе философ скіе вопросы,—вопросы о назначеніи человѣка, о цѣли жизни о Богѣ и вселенной. Но не руководимый никѣмъ, умъ Ни коленьки запутался въ неразрѣшимыхъ трудностяхъ. Отсюд рождаются сомнѣнія, недовольство собой, безысходный скеп тицизмъ. Привычка къ философскимъ размышленіямъ развил въ немъ гибкость и изворотливость ума, но зато, по его при знанію, еще болѣе ослабила въ его душѣ силу воли и свѣ жесть чувства. Поэтому эпоха отрочества не оставила въ нем особенно отрадныхъ воспоминаній и онъ даже называетъ этот періодъ своей жизни „пустыней". Только сближеніе съ Нех людовымъ, въ лицѣ котораго Николенька нашелъ себѣ нако нецъ друга по сердцу и нравственную поддержку, вывел его изъ заколдованнаго круга, созданнаго его безпочвенным „умствованіями". Подъ вліяніемъ Нехлюдова Николенька ст особеннымъ увлеченіемъ предался вопросамъ морали и выра боткѣ жизненныхъ идеаловъ, при чемъ верховной цѣлью существованія и залогомъ истиннаго счастья для него стано вится идея личнаго нравственнаго совершенствованія. Даль нѣйшее развитіе этого свѣтлаго, идеалистическаго настроенія и попытки осуществить идею самосовершенствованія на дѣлѣ принадлежатъ уже эпохѣ юности, начало которой авторъ счи таетъ съ 16-лѣтняго возраста.

Кромѣ самого Николеньки, въ „Дѣтствѣ и Отрочествѣ" выведено еще нѣсколько лицъ, изъ которыхъ особенно ярко обрисованъ Карлъ Ивановичъ; изображеніе его потому вышл такимъ жизненнымъ, что оно списано съ дѣйствительнаг лица, съ нѣмца-гувернера, жившаго одно время у Толстыхъ Ѳедора Ивановича Ресселя. Гораздо слабѣе въ художествен номъ отношеніи вышелъ у Толстого образъ maman, отличаю щійся блѣдностью и неясностью. Толстой, какъ извѣстно из его біографіи, потерялъ свою мать на второмъ году жизни и оттого, конечно, не могъ ее помнить. Поэтому въ его изо браженіи образъ матери почти лишенъ яркихъ индивидуал

ныхъ чертъ: онъ представляетъ собой какъ бы воплощеніе идеи „материнства“, въ ея типичныхъ проявленіяхъ, а не живое, конкретное лицо. Впослѣдствіи Толстой снова вернулся къ изображенію своей матери и далъ ея портретъ въ лицѣ княжны Маріи (въ „Войнѣ и Мирѣ“); но въ эту эпоху творчество его достигло уже полной зрѣлости, да и матеріаловъ, въ видѣ писемъ матери, ея дневниковъ и т. д. было гораздо больше въ его распоряженіи, и потому образъ княжны Маріи вышелъ вполнѣ жизненнымъ и художественно-законченнымъ.

Юность.

Повѣсть „Юность“ написана нѣсколько лѣтъ спустя послѣ „Дѣтства“ и „Отрочества“ и осталась незаконченной. Главный интересъ этой повѣсти, какъ и предшествующихъ, заключается въ тонкомъ психологическомъ самоанализѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ ея важнѣйшее достоинство. Въ „Юности“ талантъ Толстого, какъ психолога, впервые обнаруживается въ полной мѣрѣ, такъ какъ духовная жизнь, которую онъ здѣсь раскрываетъ, отличается еще болѣе значительной сложностью и богатствомъ, и вслѣдствіе этого анализъ ея представляетъ особенныя трудности.

Эта сложность духовной жизни Николеньки въ эпоху юности въ значительной степени зависитъ отъ гораздо большей *сознательности* ея. Николенька уже не ограничивается пассивнымъ воспріятіемъ впечатлѣній, не ограничивается простымъ наблюденіемъ надъ окружающей жизнью, но задается уже вопросами о смыслѣ и значеніи различныхъ жизненныхъ явленій. Умственные интересы его, пробудившіеся еще въ эпоху отрочества, получаютъ теперь новое направленіе и сосредоточиваются преимущественно на вопросахъ *морали*. Отъ прежняго безпомощнаго блужданія въ области отвлеченныхъ философскихъ вопросовъ, Николенька переходитъ теперь къ размышленіямъ о назначеніи человѣка, о смыслѣ жизни, о его нравственныхъ задачахъ. Эти мысли и раньше приходили иногда въ голову Николенькѣ, но теперь они всецѣло овладѣли имъ, произведя на него впечатлѣніе какого-то новаго „моральнаго открытія“. Сущность этого „открытія“ состояла въ убѣжденіи, „что назначеніе человѣка есть стремленіе къ нравственному совершенствованію, и что совершенствованіе это легко, возможно и вѣчно“. Это *стремленіе къ внутрен-*

Моральныя стремленія.

нему совершенствованію и связанное съ нимъ „восторженное обожаніе идеала добродѣтели“ составляютъ, по мнѣнію самого Николеньки, наиболѣе характерную черту его юности.

Это новое настроеніе Николеньки обрисовано Толстымъ преимущественно въ первыхъ главахъ повѣсти. Оно обнаруживается въ различныхъ формахъ и по различнымъ, иногда совершенно ничтожнымъ поводамъ: напр., при выставленіи оконной рамы, когда Николенька съ такимъ наслажденіемъ помогаетъ работнику. Подъ вліяніемъ этого же настроенія Николенька ѣдетъ въ монастырь къ своему духовнику, которому онъ забылъ на исповѣди покаяться въ одномъ грѣхѣ. Эта потребность покаянія, составляющая необходимое условіе нравственнаго исправленія, свидѣтельствуетъ о силѣ и искренности овладѣвшаго его душой настроенія. Однако искренность нравственнаго порыва не мѣшаетъ проявленію самолюбивой заботы о томъ впечатлѣніи, какое его поступки производятъ на окружающихъ. Такъ, напр., Николенькѣ не пріятно, что никто не обратилъ особеннаго вниманія на его кротость и добродѣтель, которыя онъ старался выказать, приготовляясь къ исповѣди. Точно такъ же послѣ второй исповѣди онъ настолько доволенъ своимъ поступкомъ, что не можетъ удержаться отъ того, чтобы не разсказать о немъ везшему его извозчику. Онъ наслаждается чувствомъ своего умиленія и даже избѣгаетъ смотрѣть по сторонамъ, для того чтобы не разсѣяться. Но уже первое столкновеніе съ дѣйствительностью, несмотря на свою ничтожность, нарушаетъ его душевную гармонію и вселяетъ въ него недовѣріе къ собственнымъ силамъ.

Comme il faut.

Такимъ образомъ, при всей своей искренности, идеалистическое настроеніе Николеньки не отличается устойчивостью и постоянствомъ. Этой внутренней неустойчивостью объясняется и его увлеченіе понятіемъ *comme il faut*, составляющее другую характерную черту Николеньки въ эпоху юности. Понятіе это стоитъ въ полномъ и рѣзкомъ противорѣчіи съ усвоеннымъ имъ идеаломъ добродѣтели: послѣдній основанъ на идеѣ внутренняго самосовершенствованія, между тѣмъ какъ въ основѣ понятія comme il faut лежитъ представленіе о чисто *внѣшнихъ* качествахъ: объ извѣстной манерѣ одѣваться, говорить, держать себя, обращаться съ людьми и т. д. Усвоивъ себѣ это понятіе, Николенька считаетъ себя

въ правѣ относиться съ презрѣніемъ ко всѣмъ людямъ, которые подъ него не подходятъ. Эта привычка судить о человѣкѣ по его внѣшнимъ, а не по внутреннимъ свойствамъ, вноситъ путаницу въ представленія Николеньки о людяхъ и даже въ составленное имъ понятіе о жизни, ея смыслѣ и цѣляхъ. Однако главной причиной, почему понятіе comme il faut на нѣкоторое время сдѣлалось для него верховнымъ идеаломъ, является *вліяніе среды* и тѣхъ людей, которымъ онъ сознательно или безсознательно подражалъ. Одна изъ характерныхъ чертъ Николеньки заключается въ его легкой *внушаемости*, благодаря которой онъ легко поддается вліянію извнѣ, хотя бы оно шло въ разрѣзъ съ его собственнымъ настроеніемъ. Эта черта характера ярко обнаружилась и въ его увлеченіи идеаломъ comme il faut. Для того чтобы освободиться отъ этого увлеченія, Николенькѣ необходимо было пережить какое-нибудь испытаніе, тяжелую неудачу, которая показала бы ему на дѣлѣ ничтожность его идеала и неосновательность усвоеннаго имъ презрительнаго взгляда на людей, не соотвѣтствующихъ понятію comme il faut. Такимъ благодѣтельнымъ испытаніемъ была для него неудача на университетскихъ экзаменахъ, больно уязвившая его самолюбіе и показавшая ему, насколько онъ отсталъ отъ своихъ товарищей, къ которымъ онъ раньше относился съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ. Подъ впечатлѣніемъ этой неудачи, онъ снова испытываетъ свѣтлый „моральный порывъ“, возвращающій его къ прежнимъ мечтамъ о нравственномъ совершенствованіи; этимъ моментомъ заканчивается первая половина „Юности Николеньки и начинается вторая, „болѣе счастливая“; однако обѣщанное Толстымъ продолженіе его повѣсти такъ не было написано.

Въ чисто художественномъ отношеніи „Юность“ значительно уступаетъ двумъ предшествующимъ повѣстямъ: „Дѣтству“ и „Отрочеству“ [1]). Главные недостатки: растянутость и неясности характеристики большинства вводныхъ лицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя должны имѣть въ повѣсти особенное

---

[1]) Поэтому при чтеніи, въ случаѣ недостатка времени, можно ограничиться нѣсколькими главами. Наиболѣе важны для характеристики Николеньки главы I—IX, XXVIII—XXXII; эти главы въ то же время являются наиболѣе удачными въ художественномъ отношеніи.

значеніе по своему вліянію на Николеньку (напр., Дмитрі Нехлюдовъ). Однако и въ „Юности“ есть отдѣльныя сцены картины, отличающіяся своей яркостью и поэтичностью. Т ково, напр., описаніе пріѣзда Николеньки въ старый дер венскій домъ и тѣхъ чувствъ и воспоминаній, которыя н хлынули на него, при видѣ мѣстъ и предметовъ, окружавших его въ дѣтствѣ:

„Сѣни и лѣстницу я прошелъ еще не проснувшись хорошеньк но въ передней замокъ двери, задвижка, косая половица, лар старый подсвѣчникъ, закапанный саломъ по старому, тѣни отъ кр вой, холодной, только что зажженной свѣтильни сальной свѣч всегда пыльное, не выставлявшееся двойное окно, за которым какъ я помнилъ, росла рябина,—все это такъ было знакомо, так полно воспоминаній, такъ дружно между собой, какъ будто соед нено одною мыслью, что я вдругъ почувствовалъ на себѣ ласк этого милаго стараго дома. Мнѣ невольно представился вопрос какъ могли мы, я и домъ, быть такъ долго другъ безъ друга?— торопясь куда-то, я побѣжалъ смотрѣть, все тѣ же ли другія ко наты?—Все было то же, только все сдѣлалось меньше, ниже, а какъ будто сдѣлался выше, тяжелѣе и грубѣе; но и такимъ, к кимъ я былъ, домъ радостно принималъ меня въ свои объятія, каждою половицей, каждымъ окномъ, каждою ступенькой лѣстниц каждымъ звукомъ, пробуждалъ во мнѣ тьмы образовъ, чувств событій невозвратимаго счастливаго прошедшаго. Мы пришли в нашу спальню: всѣ дѣтскіе ужасы, снова тѣ же, таились во мрак угловъ и дверей; прошли гостиную—та же тихая, нѣжная матери ская любовь была разлита по всѣмъ предметамъ, стоявшимъ в комнатѣ; прошли залу—шумливое, безпечное, дѣтское веселье, к залось, остановилось въ этой комнатѣ и ждало только того, чтоб мы снова оживили его“...

Общій взглядъ на трилогію Толстого.

Въ трехъ автобіографическихъ повѣстяхъ Толстого н мѣчены *три момента*, черезъ которые необходимо проходит человѣческая личность въ ея естественномъ развитіи. Перв моментъ—*дѣтство*, эпоха, когда вся жизнь и интересы ребен сосредоточены въ тѣсномъ кругу семьи и другихъ близки лицъ, когда всѣ его впечатлѣнія и чувства отличаются н посредственностью, наивностью и субъективностью. Второ моментъ—*отрочество*, когда постепенно расширяется умствен ный кругозоръ ребенка, раскрывается передъ нимъ сложност и многообразіе жизненныхъ отношеній, когда въ немъ проб ждаются объективные интересы и молодой умъ инстинктив ищетъ себѣ пищи и пробуетъ свои силы, иногда теряясь в безплодныхъ попыткахъ постигнуть наиболѣе сложные в

росы бытія и разумѣнія. Третій моментъ, — *юность*, когда станавливаются преобладающія наклонности человѣка и предѣляется его характеръ, когда человѣкъ, приготовляясь ъ жизненной дѣятельности, впервые серьезно задумывается адъ смысломъ и цѣлью ожидающей его будущности, надъ воими отношеніями къ людямъ, надъ своими обязанностями ъ нимъ, и впервые съ полной ясностью представляется его знанію *взглядъ на жизнь, какъ на моральную проблему*. аконецъ за эпохой юности наступаетъ эпоха *возмужалости*, огда умственныя и нравственныя силы человѣка, его взгляды усвоенные имъ идеалы подвергаются окончательному испынію на жизненномъ *опытѣ*.

Хотя Толстой оборвалъ исторію Николеньки Иртенева на оловинѣ его юности, однако въ другихъ своихъ произведеіяхъ, онъ обрисовалъ, хотя и подъ другимъ именемъ, дальѣйшее развитіе его личности, въ эпоху возмужалости. Къ ислу этихъ произведеній принадлежитъ прежде всего разказъ „Утро помѣщика“.

Утро помѣщика.

Личность Нехлюдова.

Разсказъ „Утро помѣщика“, подобно „Дѣтству, Отрочеству и Юности“, несомнѣнно, имѣетъ автобіографическое знаеніе. Въ лицѣ князя Нехлюдова, Толстой изобразилъ самого ебя въ извѣстную эпоху своей жизни, и весь разсказъ основанъ на его личномъ опытѣ и представляетъ собой дѣйствиельный эпизодъ изъ его біографіи. Какъ извѣстно, въ 1847 г., олстой, 19-ти лѣтъ отъ роду, оставилъ университетъ, не кончивъ курса, и поселился въ Ясной Полянѣ, намѣреваясь освятить себя сельскому хозяйству, а главнымъ образомъ аботамъ объ улучшеніи положенія своихъ крестьянъ. Точно акъ же и князь Нехлюдовъ, 19-лѣтній юноша, съ 3-го урса университета уѣзжаетъ къ себѣ въ деревню, мечтая о омъ, чтобы устроить счастье и благосостояніе своихъ подластныхъ. Это рѣшеніе явилось результатомъ „моральнаго орыва“, подъ вліяніемъ котораго въ немъ сложилось убѣеденіе, что „любовь и добро есть истина и счастье“, что человѣкъ можетъ быть счастливъ только тогда, когда онъ самоверженно трудится на пользу другихъ. Ближайшимъ поприщемъ для такой полезной дѣятельности онъ, въ качествѣ

помѣщика, считаетъ заботу о принадлежащихъ ему кресть нахъ: въ этомъ онъ видитъ исполненіе лежащаго на нем долга. „Не моя ли священная и прямая обязанность,—писал онъ своей теткѣ,—заботиться о счастіи этихъ семисотъ чел вѣкъ, за которыхъ я долженъ буду отвѣчать Богу? Не грѣх ли покидать ихъ на произволъ грубыхъ старостъ и управл ющихъ, изъ-за плановъ наслажденія или честолюбія? И з чѣмъ искать въ другой сферѣ случаевъ быть полезнымъ дѣлать добро, когда мнѣ открывается такая благородна блестящая и ближайшая обязанность?“

Его стремленія и планы.

Нехлюдовъ пріѣхалъ въ деревню съ самыми радужны надеждами; онъ думалъ, что ему удастся легко и быст облагодѣтельствовать своихъ крестьянъ, пріобрѣсти ихъ л бовь и признательность. Онъ мечталъ объ устройствѣ школ и больницъ, крестьянскихъ фермъ и мастерскихъ, о сберег тельныхъ кассахъ и различныхъ техническихъ улучшенія въ области земледѣльческаго труда и крестьянскаго хозя ства. Но всѣмъ этимъ мечтамъ и планамъ его не сужде было сбыться, и его ожидало тяжелое разочарованіе. Крестья не хотѣли переселяться въ построенныя имъ каменныя гера довскіе дома и предпочитали оставаться въ своихъ старых деревянныхъ, полуразвалившихся, но привычныхъ избах когда поднимался вопросъ объ ученіи ребятъ, они просил Нехлюдова „уволить ихъ насчетъ училищъ“, ссылаясь на т что некому дома по хозяйству „подсоблять“; въ больни также рѣдко обращались, предпочитая прибѣгать къ помо разныхъ знахарей; не прививались также и задуманныя и хозяйственныя улучшенія, вслѣдствіе косности и недовѣр крестьянъ. По истеченіи года пребыванія въ деревнѣ, Нехл дову приходится съ горечью сознаться, что ни онъ самъ получилъ нравственнаго удовлетворенія отъ своей дѣятел ности, ни крестьянамъ не принесъ никакой существенн пользы. Эти неудачи удручали его, и въ минуты тяжелы раздумій ему невольно приходили въ голову невеселыя мысл о томъ, „что сосѣди, какъ онъ слышалъ отъ няни, назыв ютъ его недорослемъ; что денегъ у него въ конторѣ ниче уже не оставалось; что выдуманная имъ новая молотильна машина, къ общему смѣху мужиковъ, только свистѣла, ничего не молотила, когда ее въ первый разъ, при мног численной публикѣ пустили въ ходъ въ молотильномъ сара

то со дня на день надо было ждать пріѣзда земскаго суда для описи имѣнія, которое онъ просрочилъ, увлекшись различными новыми хозяйственными предпріятіями".

Причины неудачи, постигшей планы Нехлюдова, разнообразны; однѣ изъ нихъ зависѣли отъ него самого, отъ свойствъ его характера, другія заключались въ самой сущности крѣпостныхъ отношеній.—По своему характеру Нехлюдовъ мало былъ приспособленъ къ той роли, которую онъ на себя взялъ. Въ его мягкой, нерѣшительной натурѣ не оказалось именно тѣхъ качествъ, которыя наиболѣе необходимы для всякаго практическаго дѣятеля: настойчивости, выдержки, энергіи, силы воли. Онъ быстро воодушевлялся, но такъ же быстро падалъ духомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ идеалистъ-мечтатель, онъ мало былъ знакомъ съ жизнью, и строя свои планы преобразованія и улучшенія крестьянской жизни, нерѣдко на основаніи иностранныхъ книжекъ, не принималъ въ расчетъ тѣхъ препятствій, которыя они могутъ встрѣтить въ различныхъ условіяхъ русской дѣйствительности. — Съ другой стороны, неудача Нехлюдова зависѣла также въ значительной степени отъ отношенія къ нему самихъ крестьянъ, а эти отношенія, въ свою очередь, являлись естественнымъ слѣдствіемъ общихъ условій деревенской жизни, въ эпоху крѣпостного права. Реформы Петра Великаго оторвали дворянство отъ деревни и прикрѣпили его къ государственной службѣ, а усвоенная имъ европейская культура, по крайней мѣрѣ внѣшняя, проводила рѣзкую границу между сословіями. Крестьяне, предоставленные на произволъ бурмистровъ и старостъ, привыкали смотрѣть на своихъ помѣщиковъ, исключительно какъ эксплуататоровъ. При такомъ взаимномъ отчужденіи прежнія близкія, патріархальныя отношенія между владѣльцами и ихъ крѣпостными „душами" становились невозможными, и всякое, даже благое начинаніе помѣщика встрѣчалось со стороны крестьянъ съ упорной недовѣрчивостью.

Причины его неудачъ.

Это недовѣріе крестьянъ къ помѣщикамъ, порожденное всѣмъ строемъ крѣпостныхъ отношеній, и служило главнымъ препятствіемъ, не допускавшимъ прочнаго улучшенія быта крестьянъ, при существованіи крѣпостного права. Съ этимъ сильнымъ недовѣріемъ Нехлюдову приходится встрѣчаться на каждомъ шагу и оно парализуетъ всѣ его добрыя начи-

нанія. Даже старый и умный мужикъ Дутловъ, несмотря н
свою зажиточность и очевидную выгоду предложенія Нехл
дова, не соглашается войти съ нимъ въ сдѣлку, очевидн
опасаясь потерять свои деньги и остаться не при чемъ.—П
этому основная ошибка Нехлюдова заключалась въ мысл
что можно упорядочить бытъ крестьянъ и поднять ихъ бл
госостояніе, не касаясь самыхъ основъ крѣпостного прав
Въ подобную же ошибку впадали многіе изъ тогдашни
образованныхъ и либеральныхъ помѣщиковъ, сознававших
подобно Нехлюдову, свой долгъ по отношенію къ крестьяна
и мечтавшихъ объ улучшеніи крестьянской жизни, на поч
прежнихъ патріархальныхъ отношеній, при помощи одно
отеческаго попеченія. Съ этой стороны Нехлюдовъ пре
ставляетъ собой фигуру *типическую* для извѣстной час
дворянской молодежи, въ эпоху непосредственно предшеств
вавшую паденію крѣпостного права. Единственнымъ вых
домъ изъ неудачъ и разочарованій, порожденныхъ эт
ошибкой, было убѣжденіе въ необходимости полнаго осв
божденія крестьянъ и активное участіе въ проведеніи в
жизнь этого великаго дѣла. Къ этому убѣжденію неизбѣж
долженъ былъ рано или поздно прійти Нехлюдовъ, ка
пришелъ къ нему самъ Толстой, который въ 1858 году, п
избраніи депутатовъ въ Тульскій губернскій комитетъ п
улучшенію быта крестьянъ, подписалъ въ числѣ 105 тул
скихъ дворянъ записку о необходимости освобожденія кр
стьянъ отъ крѣпостной зависимости, съ надѣленіемъ их
землею.

Типы крестьянъ.

Кромѣ автобіографическаго интереса, заключающаго
въ изображеніи личности князя Нехлюдова, его идеалист
ческихъ стремленій и испытанныхъ разочарованій, разска
интересенъ также и по изображенію крестьянскихъ типов
Въ обрисовкѣ этихъ типовъ въ полной мѣрѣ обнаружила
способность Толстого къ созданію чисто-объективныхъ обр
зовъ, во всей ихъ жизненной правдивости. Эта черта худ
жественнаго творчества Толстого—его рѣзкій, чуждый, вс
каго прикрашиванія и смягченій *реализмъ*, особенно ясн
выступаетъ при сравненіи его крестьянскихъ типовъ съ тип
ми Тургенева (въ „Запискахъ Охотника“). Въ то время как
Тургеневъ изображаетъ крестьянъ преимущественно съ пол

жительной стороны, Толстой не скрываетъ ихъ отрицательныхъ качествъ; невѣжества, косности, лѣности, грубости, подозрительности. Задавленный нищетой и непосильной работой Чурисъ, лѣнивый и лукавый Юхванка, неповоротливый, отбившійся отъ работы Давыдка Бѣлый, „лодырь", какъ называетъ его мать, — вотъ вереница грустныхъ фигуръ, проходящихъ передъ взорами читателя. Среди выведенныхъ крестьянскихъ типовъ отрадное впечатлѣніе производитъ только семья старика Дутлова, домовитаго, хозяйственнаго мужика, близко напоминающаго Тургеневскаго Хоря.

Однако несмотря на полное отсутствіе какой-либо идеализаціи изображаемыхъ лицъ, ясно видно, что авторъ относится къ народу съ живою симпатіей, сознавая, что многіе изъ выставленныхъ имъ недостатковъ въ значительной степени объясняются тяжелыми историческими и бытовыми условіями его существованія. Въ нѣкоторыхъ чувствахъ и мысляхъ Нехлюдова можно даже подмѣтить намеки на позднѣйшіе взгляды Толстого; напр., въ тяжеломъ чувствѣ отвѣтственности и даже угрызенія совѣсти, овладѣвающемъ Нехлюдовымъ при видѣ бѣдности своихъ крестьянъ, или въ его мечтахъ о томъ, какъ хорошо было бы быть простымъ мужикомъ, ямщикомъ, какъ Илюшка Дутловъ, и беззаботно, со спокойной совѣстью, ходить съ обозами по всему простору русской земли.

4. Севастопольскіе разсказы.

Исторія геройской обороны Севастополя принадлежитъ къ числу наиболѣе славныхъ страницъ русской военной исторіи. Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ русскія войска оказывали стойкое и упорное сопротивленіе непріятелямъ (французы, англичане, турки, сардинцы), несмотря на то, что послѣдніе почти вдвое превосходили русскихъ числомъ и, сверхъ того, были гораздо лучше вооружены. Только благодаря беззавѣтной, самоотверженной храбрости русскихъ солдатъ и моряковъ и неутомимой энергіи нѣкоторыхъ любимыхъ и уважаемыхъ войсками начальниковъ (Корниловъ, Нахимовъ, Истоминъ, Тотлебенъ), крѣпость, въ началѣ осады почти незащищенная съ суши, могла продержаться такъ

долго, несмотря на разрушительныя бомбардировки и энергичные приступы.

Толстой съ ноября 1854 года и до конца осады пробылъ съ нѣкоторыми перерывами, въ Севастополѣ и въ его окрестностяхъ. Притомъ онъ былъ тамъ не въ качествѣ посторонняго зрителя, а въ качествѣ непосредственнаго участника въ дѣлѣ, одинаково раздѣлявшаго съ другими офицерами и солдатами окружавшія ихъ опасности и лишенія. Онъ самъ пережилъ всѣ главные моменты осады, видѣлъ защитниковъ Севастополя въ различныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни, видѣлъ ихъ подвиги храбрости и ихъ страданія, наконецъ онъ самъ испыталъ чувство близости смерти,—и эта непосредственность и полнота наблюденій придаетъ его разсказамъ особенную цѣнность и увеличиваетъ силу производимаго ими впечатлѣнія.—Въ задачу Толстого не входило изображеніе тѣхъ или другихъ эпизодовъ осады, отдѣльныхъ событій ея, о которыхъ можно прочесть въ офиціальныхъ реляціяхъ, описаніяхъ войны и воспоминаніяхъ участниковъ, но зато ему удалось разрѣшить гораздо болѣе трудную задачу: удалось изобразить самый *духъ* защитниковъ Севастополя, тотъ духъ, благодаря которому севастопольская оборона только и получила то значеніе, которое она имѣетъ въ русской военной исторіи.

Севастополь въ декабрѣ 1854 года.

Разсказы Толстого воспроизводятъ передъ нами три послѣдовательныхъ момента великой и грустной „эпопеи Севастополя, которой героемъ былъ русскій народъ“,—по выраженію самого Толстого. Первый изъ этихъ разсказовъ „Севастополь въ декабрѣ 1854 года“, изображаетъ осажденный городъ въ началѣ осады, когда еще не выяснилось вполнѣ соотношеніе борющихся силъ, когда всѣ защитники были еще твердо увѣрены въ томъ, что имъ удастся отстоять крѣпость отъ всѣхъ усилій враговъ. Весь разсказъ представляетъ собой какъ бы краткій отчетъ о томъ *общемъ впечатлѣніи*, какое производитъ на наблюдателя жизнь Севастополя во время осады. Толстой не вникаетъ въ подробности изображаемой имъ картины, не останавливается на частностяхъ, но ограничивается лишь самыми общими, как будто бѣглыми чертами. Но въ этихъ чертахъ прекрасно схваченъ самый „духъ“ защитниковъ Севастополя, и оттого весь очеркъ производитъ такое живое впечатлѣніе. Разсказ

Толстого проникнутъ чувствомъ горячаго патріотизма и твердой вѣры въ нравственныя силы русскаго народа.

Толстой преклоняется передъ героизмомъ русскихъ солдатъ, въ особенности потому, что этотъ героизмъ отличается такой полной простотой, отсутствіемъ чего-либо напускного, эффектно-картиннаго. Въ этой простотѣ героизма онъ видитъ истинное величіе, „молчаливое и безсознательное“, доходящее до „стыдливости передъ собственнымъ достоинствомъ“.

Севастополь въ маѣ 1855 г.

Однако, изображая самоотверженіе и героизмъ защитниковъ Севастополя, Толстой очень далекъ отъ какой-либо идеализаціи ихъ. Въ „Севастопольскихъ разсказахъ“, точно такъ же какъ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, онъ остается трезвымъ реалистомъ, для котораго всего важнѣе жизненная *правда* его изображенія, полное соотвѣтствіе съ дѣйствительностью. Съ полной яркостью эта особенность его творчества обнаруживается во второмъ разсказѣ: „Севастополь въ маѣ 1855 года“. Здѣсь выведенъ цѣлый рядъ военныхъ типовъ, изображенныхъ немногими, но рѣзкими чертами. Толстой показываетъ своихъ героевъ и въ ихъ будничной обстановкѣ, и въ „дѣлѣ“, во время боя.

Типы военныхъ.

Онъ обнаруживаетъ скрытыя черты ихъ характера, тайныя пружины ихъ дѣйствій, ихъ мелкіе и крупные недостатки, таковы: честолюбіе, тщеславіе, притворство, хвастливость. Таковъ, напр., штабсъ-капитанъ Михайловъ; это храбрый офицеръ, добросовѣстный служака, съ сильно развитымъ чувствомъ долга, ради котораго онъ готовъ подвергнуться смертельной опасности: такъ, напр., не желая рисковать жизнью своихъ солдатъ, онъ самъ отправляется къ лежащему подъ выстрѣлами непріятеля Праскухину для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ на самомъ дѣлѣ убитъ; но тотъ же Михайловъ нечуждъ и мелочного тщеславія: ему доставляетъ большое удовольствіе пройтись подъ руку съ „аристократами“, адъютантомъ Калугинымъ, княземъ Гальцинымъ, и въ то же время онъ стѣсняется на гуляньѣ вступить въ разговоръ съ нѣкоторыми другими офицерами, которыхъ онъ считаетъ стоящими ниже себя за то, что одинъ ходитъ безъ перчатокъ, а другой говоритъ слишкомъ громко и развязно. Такимъ же тщеславнымъ желаніемъ первенствовать, выдѣриться среди окружающихъ, обратить на себя общее вниманіе, заражены и нѣкоторыя другія изъ выведенныхъ лицъ.

напр., Калугинъ: въ основѣ его холодной, блестящей храбрости лежитъ честолюбіе, жажда отличій и наградъ, и Толстой показываетъ, какъ онъ изъ самолюбивой гордости также подвергаетъ свою жизнь опасности, какъ другіе изъ патріотизма или чувства долга.

Реализмъ изображенія.

Такимъ образомъ, изображая защитниковъ Севастополя Толстой не выставляетъ ихъ исключительно съ героической стороны, а рисуетъ ихъ со всѣхъ сторонъ, показываетъ также ихъ человѣческія слабости, страсти и недостатки. Оттого выведенныя имъ лица лишаются части своей привлекательности, но зато изображеніе ихъ отличается большей полнотой и вѣрностью.

Эта жизненная вѣрность изображенія является для Толстого высшею цѣлью искусства. Ради нея онъ готовъ пожертвовать лучшими иллюзіями воображенія, какъ бы дорогіе онѣ ни были для сердца. Даже „низкая истина",—потому именно, что она—истина,—въ его глазахъ стоитъ выше „возвышающаго обмана" или отраднаго заблужденія [1]). Ясно сознавая эту трезвую, безпощадную правду своего изображенія, Толстой, въ концѣ разсказа, невольно задается вопросомъ: „Можетъ, не надо было говорить этого, можетъ быть то, что я сказалъ, принадлежитъ къ одной изъ тѣхъ злыхъ истинъ, которыя, безсознательно таясь въ душѣ каждаго, не должны быть высказываемы, чтобы не сдѣлаться вредными, какъ осадокъ вина, который не надо взбалтывать, чтобы не испортить его.—Гдѣ выраженіе зла, котораго должно избѣгать? гдѣ выраженіе добра, которому должно подражать въ этой повѣсти? Кто злодѣй, кто герой ея? Всѣ хороши и всѣ дурны... *Герой же моей повѣсти*, котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его, и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ—*правда*". Въ этихъ словахъ Толстого выразился его собственный взглядъ на свое творчество, въ которомъ онъ выше всего цѣнилъ безусловную вѣрность дѣйствительности, трезвый реализмъ и то стремленіе къ жизненной „правдѣ", которая, въ его глазахъ, является необходимымъ условіемъ художественной красоты.

---

[1]) Противоположный взглядъ высказалъ Пушкинъ (Герой):

Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ...

Въ третьемъ разсказѣ: „Севастополь въ августѣ 1855 года“, Севастополь въ августѣ 1855 г.
лавный интересъ сосредоточивается на характеристикѣ двухъ ратьевъ Козельцовыхъ. Старшій изъ нихъ нѣсколько напо инаетъ Володю изъ автобіографической трилогіи. Это на ура спокойная, уравновѣшенная, чуждая всякой раздвоен ости и рефлексіи, самобытная во всѣхъ своихъ проявле іяхъ и потому совершенно независимая отъ мнѣнія другихъ, е подверженная вліянію съ ихъ стороны,—одна изъ тѣхъ ростыхъ и цѣльныхъ натуръ, къ которымъ Толстой всегда гносился съ большою симпатіей (таковъ, напр., въ „Войнѣ Мирѣ“ Николай Ростовъ). Столь же симпатичными чертами брисованъ и его младшій братъ—Володя, наивный и чисто ердечный юноша, съ открытой благородной душою, полный зѣтлой жизнерадостности и смутныхъ, но радостныхъ ожи аній, съ богатымъ запасомъ любви къ людямъ (въ „Войнѣ Мирѣ“ ему соотвѣтствуетъ Петя Ростовъ).

Съ такимъ же реализмомъ, съ какимъ онъ рисуетъ ха- Отношеніе Толстого къ войнѣ.
актеры своихъ героевъ, Толстой изображаетъ и картины ойны. Онъ показываетъ намъ войну не въ видѣ красиваго, лестящаго зрѣлища, „съ музыкой и барабаннымъ боемъ, съ азвѣвающимися знаменами и гарцующими генералами, а въ настоящемъ выраженіи,—въ крови, въ страданіяхъ, въ мерти...“ И благодаря этому реализму, изображеніе войны Толстого производитъ особенно сильное впечатлѣніе, кото ое можно сравнить съ впечатлѣніемъ, производимымъ воен ыми картинами Верещагина. Но Толстой не ограничивается днимъ правдивымъ, объективно-безстрастнымъ изображе іемъ: онъ вкладываетъ въ него мысль и чувство, дѣлаетъ лирическія отступленія, показывающія его собственный зглядъ на войну и отношеніе къ ней. Въ его разсказахъ це не развита, но ясно выражена мысль о непримиримомъ ротиворѣчіи между войной и основными требованіями хри іанской морали и человѣческой совѣсти. Изображая сцену еремирія во время уборки труповъ, Толстой говоритъ: „На стіонахъ и на траншеяхъ выставлены бѣлые флаги, цвѣ ущая долина наполнена мертвыми тѣлами, прекрасное солнце пускается къ синему морю, и синее море, колыхаясь, бле итъ на золотыхъ лучахъ солнца. Тысячи людей толпятся, отрятъ, говорятъ и улыбаются другъ другу. И эти люди,— ристіане, исповѣдующіе одинъ великій законъ любви и

самоотверженія, глядя на то, что они сдѣлали, съ раска ніемъ не упадутъ вдругъ на колѣни передъ Тѣмъ, Кто, дав имъ жизнь, вложилъ въ душу каждаго, вмѣстѣ со страхом смерти, любовь къ добру и прекрасному, и со слезами рад сти и счастья не обнимутся, какъ братья?.. Бѣлые фла спрятаны, и снова свистятъ орудія смерти и страданій, сно льется невинная кровь и слышатся стоны и проклятія".

5. Казаки.

Автобіографическое значеніе повѣсти.

Кавказскія впечатлѣнія Толстого отразились въ нѣскол кихъ мелкихъ разсказахъ изъ военной жизни [1]) и въ пов сти „Казаки". Какъ и предшествующія его произведенія, э повѣсть въ значительной степени имѣетъ автобіографическ значеніе. Въ основѣ ея лежитъ эпизодъ, пережитый сами Толстымъ, во время его жизни въ станицѣ Старогладовско на Терской оборонительной линіи. Точно такъ же и въ хара терѣ главнаго героя ея—Оленина, есть многія черты, сближ ющія его съ Николенькой и Нехлюдовымъ, въ которы Толстой изобразилъ самого себя; таковы, напр., его душе ная раздвоенность, мечтательность, застѣнчивость, недовол ство собой, его нравственная чуткость и стремленіе къ сам совершенствованію. Вмѣстѣ съ тѣмъ повѣсть эта предст вляетъ большой интересъ потому, что въ ней впервые отраз лись нѣкоторые взгляды Толстого, получившіе впослѣдств дальнѣйшее развитіе и особенное значеніе во всемъ стро его міросозерцанія.

Личность Оленина.

Герой повѣсти, Оленинъ—богатый и независимый мол дой человѣкъ, почти юноша, съ хорошими нравственны задатками, но со слабымъ характеромъ, испорченнымъ отсу ствіемъ правильнаго воспитанія, живого дѣла и безпорядо ной жизнью. Но эта безпорядочная и шумная жизнь, съ п стоянной погоней за удовольствіями, съ кутежами, цыганам и карточной игрой, не удовлетворяетъ его, поселяетъ въ нем чувство смутнаго недовольства. Проживъ въ нѣсколько лѣт значительную часть своего состоянія и надѣлавъ массу долгов онъ рѣшается наконецъ сразу порвать со всѣмъ прошедшим

---

[1]) Изъ нихъ наибольшій интересъ представляетъ разсказъ: «Руб лѣса», въ которомъ впервые выведены Толстымъ солдатскіе типы, обр сованные съ большой симпатіей.

начать новую жизнь, выйти на новую дорогу. Томимый той смутной жаждой обновленія, онъ отправляется на Кавказъ, безъ всякихъ опредѣленныхъ плановъ и цѣлей, но съ мечтой о какомъ-то свѣтломъ счастіи, ожидающемъ его впереди. Толстой съ большимъ мастерствомъ изображаетъ это спутанное, неясное настроеніе, съ которымъ Оленинъ покидаетъ Москву, его мечты въ дорогѣ, и то радостное чувство свободы и обновленія, которое все болѣе нарастаетъ въ его душѣ, по мѣрѣ удаленія отъ города, съ которымъ связаны для него тяжелыя воспоминанія прежнихъ ошибокъ, паденій и раскаянія, и по мѣрѣ приближенія къ цѣли его путешествія, къ Кавказу.

Величественная природа Кавказа произвела на Оленина неотразимо-сильное впечатлѣніе. Это впечатлѣніе сложилось не сразу: онъ испыталъ сперва даже нѣкоторое чувство разочарованія, при видѣ открывшейся вдали снѣговой цѣпи горъ; но затѣмъ онъ сталъ вглядываться въ развертывавшуюся передъ нимъ картину и постепенно началъ вникать въ эту красоту—и наконецъ „почувствовалъ“ горы. „Съ этой минуты, все, что только онъ видѣлъ, все, что онъ думалъ, все, что онъ чувствовалъ, получило для него новый, строго величавый характеръ горъ. Всѣ московскія воспоминанія, стыдъ и раскаяніе, всѣ пошлыя мечты о Кавказѣ, всѣ исчезли и не возвращались болѣе.—Теперь началось,—какъ будто сказалъ ему какой-то торжественный голосъ“... Поселившись въ станицѣ на берегу Терека, въ которой была назначена стоянка его отряда, Оленинъ всецѣло отдался новому, свѣтлому, приподнятому настроенію, овладѣвшему имъ. Величавая красота природы внесла успокоеніе и просвѣтленіе въ его душу, пробудила въ немъ лучшія стороны его существа, раскрыла смыслъ и значеніе жизни. Среди этихъ могучихъ впечатлѣній, на него иногда „находило чувство безпричиннаго счастья и любви ко всѣмъ“. Въ такія минуты онъ какъ будто терялъ сознаніе своей личности и сливался съ общей жизнью окружающей природы. Онъ чувствовалъ свою полную ничтожность передъ нею, и потому его прежнія, эгоистическія и самолюбивыя мечты и желанія, въ которыхъ собственное *я* становилось центромъ всего, казались ему пошлыми и отвратительными. „И вдругъ ему открылся какъ будто новый свѣтъ:—Счастіе вотъ что, — сказалъ онъ самъ себѣ:—счастіе въ томъ,

Вліяніе Кавказской природы.

чтобы жить для другихъ. И это ясно. Въ человѣка вложен потребность счастія; стало-быть она законна. Удовлетворя ее эгоистически, то-есть отыскивая для себя богатства, слав удобствъ жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельств такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворить этим желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а потребность счастія незаконна. Какія же желанія всегд могутъ быть удовлетворены, несмотря на внѣшнія условія Какія?—Любовь, самоотверженіе!... Вѣдь ничего для себя нужно,—все думалъ онъ,—отчего же не жить для другихъ Такимъ образомъ подъ вліяніемъ измѣненія окружающе обстановки въ Оленинѣ пробуждается тотъ же „моральны порывъ", какой, въ иныхъ только формахъ, испытали так Николенька и Нехлюдовъ, и этотъ порывъ открываетъ ем искомый смыслъ жизни, который заключается въ слѣдов ніи заповѣди любви и самоотверженія.

Отношеніе къ казакамъ.

Не менѣе сильное вліяніе оказало на Оленина также его сближеніе съ жизнью обитателей пріютившей его станиц гребенскихъ казаковъ. Эта жизнь, близкая къ природѣ, груба но полная величавой, самоувѣренной простоты, чуждая все условнаго, искусственнаго — поразила Оленина, какъ нѣч новое, неизвѣданное. Дядя Ерошка, съ его своеобразно философіей, удалецъ Лукашка, гордая красавица Марья глубоко заинтересовали его. Въ этомъ интересѣ и симпат къ казакамъ сказалось то же тяготѣніе къ сильнымъ цѣльнымъ натурамъ, которое проявляется у Николеньки его преклоненіи передъ Володей, въ стремленіи подража ему, а у Нехлюдова—въ его сожалѣніи о томъ, что онъ Илюшка-ямщикъ. Въ казакахъ Оленинъ прежде всего види людей, которые „живутъ, какъ живетъ природа", въ полном согласіи съ ней, живутъ могучей и здоровой жизнью, межд тѣмъ какъ онъ самъ чувствуетъ себя слабымъ, изломанным половинчатымъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвела него казачка Марьяна, „величавая, счастливая женщина которая „какъ природа ровна, спокойна и сама въ себѣ Онъ полюбилъ ее такъ, какъ никого еще не любилъ, и э

Мечты объ „опрощеніи".

любовь охватила его со стихійной силой. Подъ вліяніем этой страсти онъ начинаетъ мечтать о томъ, чтобы самом сдѣлаться казакомъ, поселиться навсегда въ станицѣ, ж ниться на Марьянѣ, зажить простою, грубою, но близкой к

природѣ жизнью, которою живутъ казаки. Эта жизнь, чуждая всякихъ внѣшнихъ условностей и внутренняго разлада, кажется ему самой счастливой и самой красивой. Возражая противъ опасеній своихъ прежнихъ друзей, что онъ можетъ „опуститься, погибнуть, зарывшись въ этой глуши“, Оленинъ пишетъ въ письмѣ къ нимъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ его душевную исповѣдь (глава XXXIII-я): „Вы не знаете, что такое счастіе и что такое жизнь! Надо разъ испытать жизнь во всей ея безыскусственной красотѣ. Надо видѣть и понимать, что я каждый день вижу передъ собой: вѣчные, неприступные снѣга горъ и величавую женщину въ той первобытной красотѣ, въ которой должна была выйти первая женщина изъ рукъ своего Творца, и ясно станетъ, кто себя губитъ, кто живетъ въ правдѣ или во лжи, вы или я. Коли бы вы знали, какъ мнѣ мерзки и жалки вы въ вашемъ обольщеніи!“ — „Счастіе, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—это быть съ природой, видѣть ее, говорить съ ней“.— Онъ и на Марьяну смотритъ, какъ на часть природы, какъ на „олицетвореніе всего прекраснаго въ природѣ“.—„Я не имѣю своей воли, а черезъ меня любитъ ее какая-то стихійная сила, весь міръ Божій. Я люблю ее не умомъ, не воображеніемъ, а всѣмъ существомъ своимъ. Любя ее, я чувствую себя нераздѣльной частью всего счастливаго Божьяго міра“.

Но для Оленина было совершенно недоступно то счастіе, о которомъ онъ мечталъ. Марьяна оттолкнула его, потому что любила Лукашку—„урвана“, который былъ гораздо ближе и понятнѣе ей, чѣмъ Оленинъ. Оленину ничего не осталось другого, какъ уѣхать, унося въ сердцѣ воспоминаніе о новой разбитой иллюзіи.—Но если бы даже обстоятельства сложились иначе, если бы Марьяна вышла за него замужъ и онъ самъ записался въ казаки, то счастье и довольство, о которомъ онъ мечталъ, все-таки было бы для него невозможнымъ. Натура раздвоенная, рефлектирующая, онъ могъ только завидовать цѣльнымъ и непосредственнымъ людямъ, какими являются казаки, но, конечно, никогда не могъ достигнуть ихъ цѣльности и уравновѣшенности, основанныхъ прежде всего на бѣдности ихъ душевной жизни. Затѣмъ рано или поздно должно было выясниться для Оленина внутреннее противорѣчіе между его мечтами о самоотверженной любви, въ которыхъ выражались лучшія стороны его нравственной

природы, и всѣмъ строемъ жизни окружающей среды, ея взглядами, чувствами и идеалами, совершенно лишенными моральнаго содержанія. Казаки цѣнятъ въ человѣкѣ прежде всего физическую силу, ловкость, храбрость, находчивость. Жизнь ихъ, дѣйствительно, близка къ природѣ, но это жизнь полуживотная, первобытная, безъ всякихъ умственныхъ интересовъ и съ самыми примитивными нравственными понятіями. „Пьяница, воръ, табуны въ горахъ отбивалъ, пѣсенникъ; на всѣ руки былъ“, — хвалится Ерошка, вспоминая свою молодость. „Ну отбилъ, укралъ, абрека убилъ, молодецъ!“ поощряетъ онъ Лукашку. А самъ Лукашка, прежде чѣмъ выстрѣлить въ чеченца, читаетъ молитву, а, выстрѣливъ восклицаетъ: „Ну, слава Тебѣ, Господи, кажется, убилъ!“ Проявивъ во время кордонной службы свою храбрость и находчивость, и заслуживъ за нее уваженіе казаковъ и награды отъ начальства, Лукашка въ свободное время „гуляетъ“, т.-е. предается необузданному пьянству, такъ что даже дядя Ерошка, самъ извѣстный пьяница, принужденъ его останавливать и усовѣщевать.

Типы казаковъ.

Если въ личности Оленина отразились нѣкоторыя субъективныя черты самого автора, то въ обрисовкѣ фигуръ казаковъ Толстой проявилъ замѣчательное мастерство объективнаго творчества, съ чрезвычайной яркостью и жизненностью изобразивъ рядъ лицъ, совершенно чуждыхъ ему по своему внутреннему складу, по характеру, привычкамъ и всему міросозерцанію. Толстой съ большимъ искусствомъ сумѣлъ проникнуть въ психологію первобытнаго человѣка, живущаго внѣ всякихъ культурныхъ вліяній. Оттого Лукашка, Марьяна, дядя Ерошка и даже второстепенныя лица, какъ Назарка и Устенька, — совершенно живыя фигуры, вполнѣ понятныя намъ.—Изъ нихъ съ особенной полнотой обрисованъ Ерошка, въ лицѣ котораго Толстой изобразилъ старика Епишку, своего знакомца и товарища по охотѣ въ станицѣ Старогладовской. Ерошка представляетъ собой удивительное соединеніе разнообразныхъ, отчасти даже противорѣчивыхъ чертъ. Онъ— храбрецъ, „джигитъ“, нѣкогда славившійся по всему округу, „воръ-Ерошка“, какъ онъ самъ себя называетъ; на его совѣсти не одно убійство русскихъ и чеченцевъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отличается природнымъ добродушіемъ и просто-

ердечной веселостью; онъ съ любовью относится ко всему Божьему міру, къ людямъ, какъ и къ животнымъ, между которыми онъ даже не дѣлаетъ особеннаго различія. Говоря природномъ инстинктѣ дикихъ свиней, Ерошка говоритъ Оленину: „У тебя такой законъ, а у нея такой законъ. Она винья, а все она не хуже тебя; такая же тварь Божія". Онъ высказываетъ сожалѣніе объ убитомъ Лукашкой чеченцѣ, а въ другомъ случаѣ обнаруживаетъ даже совсѣмъ неожиданную нѣжность души, отгоняя ночную бабочку отъ огня, чтобы она не опалила себѣ крыльевъ. По своимъ взглядамъ, Ерошка въ значительной степени вольнодумецъ: онъ не признаетъ авторитета старообрядческихъ уставщиковъ, не исполняетъ ихъ предписаній и запрещеній; иногда онъ высказываетъ совершенно скептическія мнѣнія: „сдохнешь, такъ трава вырастетъ на могилѣ, вотъ и все"; но, несмотря на подобное вольнодумство, Ерошка нечуждъ грубыхъ суевѣрій: онъ вѣритъ въ заговоры, въ примѣты, въ заклятія. Благодаря своему веселому нраву, Ерошка легко сближается съ людьми; но простодушіе его отношеній къ людямъ нерѣдко соединяется у него съ нѣкоторымъ лукавствомъ; сблизившись съ Оленинымъ, привязавшись къ нему, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не прочь воспользоваться своимъ знакомствомъ, чтобы выпросить себѣ что-нибудь у богатаго русскаго офицера. Его привязанность къ Оленину основана отчасти на чувствѣ сожалѣнія; хотя конечно, внутренняя жизнь Оленина мало доступна и понятна ему, но какимъ-то инстинктомъ онъ угадываетъ нравственное одиночество его. „Такой ты горькій, все одинъ, все одинъ. Нелюдимый ты какой-то! Другой разъ не сплю, подумаю о тебѣ, такъ-то жалѣю!"—говоритъ онъ Оленину. При разставаніи съ нимъ, онъ плачетъ искренними слезами, но эта печаль не мѣшаетъ ему выпросить себѣ у Оленина „флинту"—на память.

Главная идея повѣсти.

Повѣсть „Казаки" представляетъ большой интересъ также и по своему *идейному содержанію*. Въ ней впервые, хотя еще въ не совсѣмъ опредѣленной формѣ, выступаетъ одинъ изъ наиболѣе характерныхъ элементовъ всего міросозерцанія Толстого, какъ оно сложилось впослѣдствіи,—именно, его *отрицательное отношеніе къ современной культурной жизни*, въ которой Толстой видитъ одну лишь фальшь и обманъ.

Ей онъ противопоставляетъ дикую, первобытную, но близку к природѣ жизнь казаковъ, чуждую всякихъ условностей всякой искусственности; только такая жизнь, воспитывающ людей сильныхъ, бодрыхъ, цѣльныхъ и жизнерадостных есть жизнь истинно-счастливая, потому что необходимое усл віе счастья заключается въ томъ, чтобы „жить такъ, ка живетъ природа“ [1]). Слѣдовательно, для того, чтобы дости нуть возможнаго на землѣ счастія, человѣку необходи снова приблизиться къ природѣ, необходимо „опроститься“. Въ повѣсти „Казаки“ это отрицаніе культурной жизни связанное съ нимъ стремленіе къ „опрощенію“ изображе въ личности Оленина. Хотя до своего отъѣзда на Кавка Оленинъ ничѣмъ не отличался по своему образу жизни о большинства богатой дворянской молодежи того времен однако уже тогда эта жизнь не вполнѣ удовлетворяла е когда впослѣдствіи, уже живя въ станицѣ, онъ вспомина о своей московской жизни, то „ему ясно казалась вся ложь, въ которой онъ жилъ прежде и которая уже и та (т.-е. въ Москвѣ) возмущала его, а теперь стала ему нев разимо гадка и смѣшна“. Это чувство неудовлетворенност внутренней раздвоенности и заставляетъ его завидовать таки простымъ и цѣльнымъ натурамъ, какъ Лукашка, Марьян дядя Ерошка, заставляетъ его стремиться къ сближенію с ними и мечтать о полномъ сліяніи съ ихъ жизнью, котор кажется ему единственно счастливою и довольною. Таки образомъ его стремленіе къ „опрощенію“ основано преж всего на *жаждѣ личнаго счастья*, на его желаніи найт такое состояніе, которое обезпечивало бы ему полный внутре

---

[1]) Идеи Толстого въ этомъ отношеніи не представляютъ по сущест чего-либо безусловно новаго: такое же отрицаніе культуры мы находи еще у *Руссо* и у многихъ романтиковъ. Вообще между взглядами Руссо Толстого во многихъ случаяхъ замѣчается весьма большое сходство. Дѣ ствительно въ юности Толстой чрезвычайно увлекался сочиненіями жене скаго мыслителя, преклонялся передъ нимъ и даже одно время, по со ственнымъ словамъ, носилъ на шеѣ медальонъ съ его портретомъ, вмѣст съ натѣльнымъ крестомъ. Однако это обстоятельство еще не позволяет объяснять происхожденіе взглядовъ Толстого непосредственнымъ вліяніем Руссо. Міросозерцаніе Толстого въ его цѣломъ настолько своеобразно настолько проникнуто отпечаткомъ его личности, что онъ, вѣроятно, пр шелъ бы къ подобнымъ же взглядамъ и безъ всякаго знакомства съ идея Руссо.

ній миръ. Поэтому, когда онъ замѣчаетъ, что условія жизни казаковъ совершенно не соотвѣтствуютъ его мечтамъ о нравственномъ самосовершенствованіи, то онъ, послѣ нѣкотораго колебанія, отвергаетъ эти мечты, рѣшаетъ, что „самоотверженіе—все это вздоръ, дичь“! и что въ жизни—„кто счастливъ, тотъ и правъ“.—Впослѣдствіи эти идеи, носителемъ которыхъ въ разбираемой повѣсти является Оленинъ, т.-е. отрицаніе современной культуры и мечты объ опрощеніи, получаютъ дальнѣйшее развитіе въ различныхъ другихъ произведеніяхъ Толстого (въ „Войнѣ и Мирѣ“, въ „Аннѣ Карениной“, въ сочиненіяхъ послѣдняго періода), но только въ основу этихъ идей кладутся уже не эвдемонистическіе мотивы (т.-е. не стремленіе къ личному счастью), а мотивы *моральные*, т.-е. понятія нравственнаго долга, требованія совѣсти, человѣческой солидарности, и т. д.

6. Война и Миръ.

Исторія созданія романа.

Въ 1862 году, вскорѣ послѣ своей женитьбы, Толстой приступилъ къ созданію обширнѣйшаго по размѣрамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ величайшаго по художественнымъ достоинствамъ произведенія—романа: „Война и Миръ“. Онъ работалъ надъ нимъ при самой благопріятной внѣшней обстановкѣ, живя почти безвыѣздно въ Ясной Полянѣ, въ спокойномъ и бодромъ настроеніи, поддерживаемомъ въ немъ счастливой семейной жизнью. Только при такихъ условіяхъ и возможно было созданіе такого колоссальнаго произведенія, съ громадной массой крупныхъ и мелкихъ фигуръ, очерченныхъ съ одинаковой жизненностью. Толстой работалъ надъ своимъ трудомъ не торопясь, нѣсколько разъ передѣлывая и переписывая его сызнова. Приступая къ своему труду, Толстой основательнымъ образомъ познакомился съ эпохой, которую хотѣлъ изобразить: перечиталъ массу историческихъ и другихъ научныхъ сочиненій, касающихся эпохи, записокъ и мемуаровъ современниковъ и т. д.; кое-что онъ заимствовалъ и изъ фамильныхъ воспоминаній: на основаніи ихъ онъ изобразилъ, напр., свою мать въ лицѣ княжны Маріи Болконской, характеру Николая Ростова придалъ черты своего отца, а въ князѣ Андреѣ далъ портретъ одного изъ своихъ двоюродныхъ дядей; кромѣ того Толстой пользовался также

различными частными, не опубликованными документами: письмами, дневниками, записками, довѣренными ему для изученія эпохи. На основаніи этого разнообразнаго матеріала онъ и создалъ свою громадную картину русской жизни, въ одинъ изъ наиболѣе важныхъ моментовъ ея исторіи.

Содержаніе «Войны и Мира».

Картина эта поражаетъ широтою своихъ размѣровъ и богатствомъ содержанія. Если Бѣлинскій назвалъ когда-то „Евгенія Онѣгина"—„энциклопедіей русской жизни", то съ еще бо́льшимъ правомъ это названіе подходитъ къ произведенію Толстого. Здѣсь отразился весь міръ русской жизни, со всѣмъ разнообразіемъ его элементовъ, бытовыхъ и психологическихъ чертъ. Трагическое и обыденное, великое и пошлое чередуются въ его разсказѣ. Бытовыя сцены: охота, святочныя забавы, парадные обѣды и тому под., изображены на ряду съ картинами кровавыхъ историческихъ событій, и притомъ тѣ и другія изображены съ одинаковымъ вниманіемъ и мастерствомъ.

Толстой, какъ художникъ.

Въ художественномъ отношеніи „Война и Миръ" является однимъ изъ величайшихъ и совершеннѣйшихъ произведеній не только русской, но и всемірной литературы. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ романѣ съ особенной яркостью обнаруживаются всѣ наиболѣе характерныя особенности художественнаго творчества Толстого. Къ числу ихъ принадлежитъ прежде всего его глубокій *реализмъ*, необычайная жизненная правдивость его изображенія. Толстой не искажаетъ дѣйствительности, не прикрашиваетъ лицъ, которыя ему симпатичны, и, наоборотъ, не усугубляетъ темныхъ красокъ при изображеніи типовъ, которымъ онъ не можетъ сочувствовать (такъ, напр., въ жестокомъ и холодно-высокомѣрномъ Долоховѣ онъ отмѣтилъ черту глубокой и нѣжной родственной любви къ старушкѣ матери и горбатой сестрѣ); вездѣ Толстой остается строго-объективнымъ и безпристрастнымъ художникомъ, съ трезвой правдивостью воспроизводящимъ дѣйствительность такъ, какъ онъ ее видитъ и понимаетъ [1]). Вѣрность и мѣт-

---

[1]) Только въ немногихъ случаяхъ Толстой отступаетъ отъ безпристрастной объективности, въ угоду своимъ вкусамъ и симпатіямъ: это обнаруживается, напр., въ его характеристикѣ Сперанскаго, котораго онъ изобразилъ въ видѣ типичнаго бюрократа, кабинетнаго дѣятеля; къ людямъ подобнаго склада Толстой относился съ антипатіей, и это отношеніе сказалось въ его оцѣнкѣ личности знаменитаго государственнаго дѣятеля эпохи Александра I-го.

кость его изображенія основаны на тонкой *наблюдательности* Толстого, позволяющей ему уловить массу живыхъ и характерныхъ чертъ, придающихъ его картинамъ *необыкновенную яркость и жизненную полноту*. Двумя-тремя мѣтко схваченными мелкими чертами онъ умѣетъ сразу оживить цѣлую сцену, поставить ее воочію передъ лицомъ читателя. Вотъ нѣсколько мелкихъ примѣровъ, обнаруживающихъ эту удивительную наблюдательность и остроту зрѣнія Толстого. Разсказывая, напр., о томъ, какъ князь Андрей передъ сраженіемъ объѣзжалъ линію расположенія войскъ, Толстой замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ: „Налѣво отъ себя князь Андрей увидалъ *краснѣющія свѣжею, вновь вскопанною глиной* строющіяся укрѣпленія. Нѣсколько батальоновъ солдатъ, въ однѣхъ рубахахъ, несмотря на холодный вѣтеръ, какъ бѣлые муравьи, копошились на этихъ укрѣпленіяхъ; *изъ-за вала невидимо къмъ безпрестанно выкидывались лопаты красной глины*. Они подъѣхали къ укрѣпленію, осмотрѣли его и поѣхали дальше“. Слѣдующими чертами Толстой рисуетъ молебствіе на полѣ сраженія передъ Бородинской битвой: „Взойдя на гору, икона остановилась; державшіе на полотенцахъ икону люди перемѣнились, дьячки зажгли вновь кадила и начался молебенъ. Жаркіе лучи солнца били отвѣсно сверху; *слабый свѣжій вѣтерокъ игралъ волосами открытыхъ головъ и лентами, которыми была убрана икона*; пѣніе негромко раздавалось подъ открытымъ небомъ“. Точно такъ же при изображеніи выведенныхъ лицъ Толстой не ограничивается анализомъ ихъ душевной жизни, ихъ чувствъ и настроеній, но съ большимъ вниманіемъ отмѣчаетъ также ихъ наружность, ихъ манеру говорить и держать себя, ихъ жесты. Иногда онъ особенно подчеркиваетъ какую-нибудь черту внѣшности своихъ героевъ, повторяетъ ее каждый разъ, когда заставляетъ выступать это лицо: таковъ напр., лучистый взглядъ и тяжелая поступь княжны Марьи. Или же онъ, отмѣчая какой-нибудь жестъ или движеніе даннаго лица, этимъ самымъ вноситъ нѣкоторую черточку въ его характеристику; такъ, напр., описывая сцену въ пріемной умирающаго графа Безухаго и изображая непривычную растерянность, овладѣвшую княземъ Василіемъ, Толстой замѣчаетъ о немъ: „Князь Василій на ходу сказалъ нѣсколько словъ Лоррену и прошелъ въ дверь на цыпочкахъ. *Онъ не*

умѣлъ ходить на цыпочкахъ и неловко подпрыгивалъ всѣмъ тѣломъ". И въ этомъ неумѣніи ходить на цыпочкахъ сказывается властный, самоувѣренный характеръ князя Василія, сказывается сановникъ, привыкшій и во внѣшнихъ пріемахъ импонировать авторитетомъ власти. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда подобныя замѣчанія даже не имѣютъ непосредственной связи съ характеристикой даннаго лица, они тѣмъ не менѣе придаютъ особенную жизненность изображенію, позволяютъ ему съ полной яркостью воскреснуть въ воображеніи читателя. „Наташа, накинувъ бѣлый носовой платокъ на волосы *и придерживая его обѣими руками за кончики* вышла на улицу": здѣсь нѣсколько случайныхъ и мелкихъ штриховъ сразу создаютъ яркій и законченный, совершенно живой образъ. Въ этой *силѣ изобразительности* заключается одна изъ наиболѣе характерныхъ особенностей творчества Толстого; въ основѣ ея лежитъ даръ тонкой наблюдательности, свойственный Толстому, особенная *острота зрѣнія*, отъ которой не укрываются малѣйшія подробности внѣшняго міра и которую одинъ изъ критиковъ (Мережковскій) даже назвалъ „яснодѣніемъ плоти"[1]). По числу выведенныхъ лицъ „Война и Миръ" также представляетъ собой рѣдкое явленіе въ литературѣ; въ романѣ изображено около 70-ти лицъ, на характеристикѣ которыхъ Толстой останавливается болѣе или менѣе подробно, не считая массы другихъ, являющихся лишь мимоходомъ или случайно. Среди этой длинной вереницы персонажей романа есть лица историческія и лица вымышлен-

Толстой какъ психологъ.

---

[1]) Въ книгѣ Мережковскаго собранъ цѣлый рядъ мѣткихъ наблюденій, выясняющихъ эту сторону художественнаго генія Толстого. Изъ числа ихъ укажемъ на одинъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ, иллюстрирующихъ мысль критика. Упоминая объ одной изъ мелкихъ подробностей великой картины Бородинскаго сраженія, изображающей сцену на перевязочномъ пунктѣ, когда одинъ изъ работающихъ докторовъ, выходя на минуту изъ палатки для раненыхъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, въ окровавленномъ фартукѣ, съ окровавленными руками, *„держитъ одной изъ нихъ сигару между мизинцемъ и большимъ пальцемъ, чтобы не запачкаться"*,—Мережковскій замѣчаетъ: „Это положеніе пальцевъ обозначаетъ: и непрерывность ужасной работы, и отсутствіе брезгливости, и равнодушіе къ ранамъ и крови вслѣдствіе долгой привычки, и усталость, и желаніе забыться. Сложность всѣхъ этихъ внутреннихъ состояній сосредоточена въ одной маленькой тѣлесной подробности,—въ положеніи двухъ пальцевъ, описаніе котораго занимаетъ полъ-строки".

ныя, есть представители самыхъ разнообразныхъ обществен-
ныхъ слоевъ, начиная отъ крѣпостныхъ слугъ и кончая
высшими государственными сановниками, есть типы, стоящіе
на самыхъ различныхъ ступеняхъ умственнаго и нравствен-
наго развитія, начиная отъ идеально-чистой, кроткой и
любвеобильной княжны Марьи, и кончая „красивымъ живот-
нымъ"—Анатолемъ Курагинымъ. И всѣ эти лица и типы
начерчены съ одинаковой жизненностью и яркостью,—даже
второстепенные, не играющіе въ романѣ особенной роли,
являющіеся въ немъ лишь эпизодически, какъ, напр., князь
Василій и Анна Павловна Шереръ. Въ изображеніи душев-
ной жизни выведенныхъ лицъ, ихъ характеровъ, чувствъ и
настроеній, въ полной мѣрѣ выказалось мастерство Толстого,
какъ *художника-психолога*. Съ наибольшей яркостью оно об-
наруживается въ тонкомъ анализѣ душевныхъ движеній и от-
тѣнковъ настроенія тѣхъ изъ его героевъ, которые отличаются
особенно сложной и богатой психической организаціей, ка-
ковы, напр., кн. Андрей и Пьеръ Безухій; Толстой шагъ за
шагомъ слѣдитъ за ихъ душевнымъ развитіемъ, за смѣной
чувствъ и стремленій, обнаруживаетъ глубокіе, скрытые,
внутренніе мотивы ихъ поступковъ, заставляетъ ихъ пере-
живать разнообразныя увлеченія, приводитъ ихъ во всевоз-
можныя столкновенія съ дѣйствительностью. Но если по
своимъ душевнымъ свойствамъ и стремленіямъ эти главные
герои романа особенно близки и понятны автору, если въ
ихъ образы Толстой внесъ много чисто-субъективныхъ эле-
ментовъ,—то съ неменьшею яркостью и глубиной психоло-
гическаго пониманія изображены имъ типы и лица, совер-
шенно чуждые ему по всему своему душевному складу,
(слѣдствіе бѣдности и ограниченности внутренняго содержанія
какъ, напр., Николай Ростовъ) или даже глубоко антипатич-
ные, каковы, напр., въ большинствѣ случаевъ, великосвѣтскіе
типы (кн. Василій, Эленъ, Борисъ Друбецкой).—Но психоло-
гическое мастерство Толстого обнаруживается не только въ
изображеніи отдѣльныхъ характеровъ, но также въ умѣньи
ловить и изобразить настроеніе *толпы*, подъ вліяніемъ тѣхъ
или другихъ чувствъ и страстей; на ряду съ анализомъ
индивидуальной душевной жизни, мы находимъ въ „Войнѣ
и Мирѣ" цѣлый рядъ сценъ, содержаніе которыхъ относится
къ такъ назыв. *коллективной психологіи*, именно тѣ сцены,

въ которыхъ дѣйствующими лицами выступаютъ народны массы (крестьяне, солдаты, городская чернь).

Толстой, какъ мыслитель.

Наконецъ, чрезвычайно характерная особенность „Войн и Мира“, какъ литературнаго произведенія, заключается в томъ особенномъ значеніи, какое имѣетъ въ романѣ *философ скій элементъ*. Эпическое теченіе повѣствованія неоднократн прерывается продолжительными отвлеченными разсужденіями въ которыхъ выражается, какъ общее міросозерцаніе автора такъ и его взгляды по различнымъ отдѣльнымъ вопросамъ Иногда онъ излагаетъ свои взгляды устами кого-либо изъ вы веденныхъ лицъ (таковы, напр., разсужденія кн. Андрея о роли полководца въ сраженіи); но большей частью эти философскі отступленія ведутся отъ лица самого Толстого. Всѣ эти рас сужденія имѣютъ значеніе авторскаго *комментарія* къ рас сказу и должны служить къ уясненію смысла описываемых событій. Особенно богаты такими разсужденіями два послѣд нихъ тома романа. Такъ какъ въ этихъ частяхъ роман описываются событія Отечественной войны, то и пояснитель ные комментаріи автора касаются преимущественно истори ческихъ вопросовъ, напр., вопроса о роли личности въ исто ріи, представляющаго одну изъ наиболѣе важныхъ и сложных проблемъ философіи исторіи; въ другихъ же случаяхъ автор высказывается по тѣмъ или инымъ частнымъ поводамъ: о воен ныхъ теоретикахъ, о причинахъ пожара Москвы и т. д. Боль шей частью эти разсужденія носятъ рѣзко выраженны полемическій отпечатокъ и направлены противъ различных установившихся въ наукѣ или въ общемъ мнѣніи взглядовъ Отличаясь оригинальностью и остроуміемъ, они однако н свободны отъ ошибокъ и увлеченій и потому неоднократн вызывали съ разныхъ сторонъ критическія возраженія [1]).

«Война и Миръ» какъ національная эпопея.

Собственно говоря, „Войну и Миръ“ даже нельзя наз вать „романомъ“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Подъ ро маномъ обыкновенно подразумѣвается такое повѣствованіе въ которомъ нити разсказа связаны съ судьбой одного или двухъ героевъ, стоящихъ въ центрѣ повѣствованія. Со сто роны формы „Война и Миръ“ ближе подходитъ къ типу „семейныхъ хроникъ“, такъ какъ внѣшняя фабула разсказ

---

[1]) Объ идейномъ содержаніи романа см. ниже, стр. 226.

ключается въ изображеніи судебъ двухъ семействъ: Ростохъ и Болконскихъ. Но этой внѣшней фабулой далеко не счерпывается все содержаніе произведенія. Богатство его одержаніе и разнообразіе выведенныхъ лицъ настолько веики, что съ этой точки зрѣнія „Войну и Миръ“ всего справедливѣй было бы назвать національной *эпопеей*, героемъ второй является весь *русскій народъ*,—тѣмъ болѣе, что въ ентрѣ дѣйствія стоитъ событіе величайшей исторической ажности, имѣвшее всенародное значеніе, — Отечественная йна. При этомъ все произведеніе Толстого проникнуто натональнымъ духомъ и глубокой любовью ко всему родному, усскому. „Сотни историческихъ и этнографическихъ сочиній,—говоритъ по этому поводу одинъ иностранный критикъ (Баденъ), — не дадутъ намъ такого полнаго представленія о русскомъ характерѣ и темпераментѣ, какъ это сдѣлано въ разсматриваемомъ романѣ“. И этотъ національный характеръ произведенія Толстого, въ соединеніи съ его художественными достоинствами и силой психологическаго анализа, обезпечиваетъ ему совершенно исключительное положеніе въ русской литературѣ.

Національныя симпатіи Толстого съ особенной ясностью сказываются въ тѣхъ частяхъ „Войны и Мира“, въ которыхъ выведены народные типы, напр., типы солдатъ, изображенныхъ съ глубокимъ сочувствіемъ. Этотъ народный міръ Толстой противополагаетъ образованному, свѣтскому обществу, въ изображеніи котораго много скрытой ироніи, а подчасъ и сатирическаго негодованія. Въ нравственномъ отношеніи народные типы Толстого стоятъ безусловно выше большинства великосвѣтскихъ типовъ, несмотря на внѣшній блескъ и всѣ преимущества положенія этихъ послѣднихъ. Это нравственное превосходство народныхъ типовъ, какъ онъ изображаетъ Толстой, основано главнымъ образомъ на безсознательномъ подчиненіи чему-то высшему, какой-то высшей волѣ, объединяющей народъ въ одно гигантское тѣлое. Изъ этого чувства подчиненности проистекаетъ отсутствіе себялюбивой заботы о своемъ *я*, о собственной личности, отсутствіе желанія выдвинуться передъ другими, отсутствіе всякой аффектаціи въ словахъ и поступкахъ, вызванной стремленіемъ обращать на себя всеобщее, вниманіе производить на другихъ наиболѣе благопріятное впечатлѣніе,—т.-е. от-

Выраженіе народнаго духа.

сутствіе именно тѣхъ свойствъ и привычекъ, которыя, в
мнѣнію Толстого, составляютъ характерную принадлежнос
высшихъ классовъ. Живымъ олицетвореніемъ этихъ наці
нальныхъ чертъ русскаго народнаго характера является, в
изображеніи Толстого, Платонъ Каратаевъ, знакомство с
которымъ произвело на Пьера такое сильное впечатлѣніе
который „остался навсегда въ душѣ Пьера самымъ сильны
и дорогимъ воспоминаніемъ и олицетвореніемъ всего ру
скаго, добраго, круглаго". У Каратаева совершенно нѣ
чувства своей личности, своей обособленности: „жизнь ег
какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла, ка
отдѣльная жизнь: она имѣла смыслъ только какъ части
цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ". Чувствуя се
лишь *„частью цѣлаго"*, Каратаевъ и въ другихъ людя
цѣнилъ не ихъ личность, а то общее, которое они имѣл
съ нимъ и между собою, т.-е. ихъ „человѣчность". Отто
онъ и не привязывается ни къ кому въ особенности,
зато жилъ любовно со всѣми, съ кѣмъ его сводила судьб
По этому *отсутствію чувства личности* и всякихъ эгоистич
скихъ стремленій, Каратаевъ напоминаетъ нѣкоторые и
Тургеневскихъ народныхъ типовъ, напр., Касьяна и Л
керью.—Чувствуя себя не обособленною личностью, а част
нѣкоего цѣлаго, Каратаевъ обнаруживаетъ это даже
самомъ способѣ мышленія, въ самыхъ рѣчахъ своихъ: о
точно высказываетъ не свои собственныя мысли, а нѣч
имѣющее общее и безусловное значеніе; оттого рѣчь е
пересыпана пословицами и поговорками, въ которыхъ вы
зились народные взгляды, народная мудрость. Все міро
зерцаніе Каратаева проникнуто какимъ-то *свѣтлымъ фат
лизмомъ*, глубокою вѣрой въ неизбѣжное торжество нра
ственнаго закона и справедливости. Эта вѣра выражаетс
напр., въ его разсказѣ о купцѣ, безвинно сосланномъ
каторгу. Также и слушая чужіе разсказы, онъ особенно р
дуется такимъ фактамъ и случаямъ, въ которыхъ нагляд
проявляется внутреннее *„благообразіе"*, т.-е. соотвѣтст
человѣческихъ дѣйствій съ нравственнымъ закономъ. И
этого оптимистическаго настроенія и отсутствія заботы о се
вытекаетъ и его постоянная бодрость, веселое и ровное р
положеніе духа; даже въ плѣну, въ самыхъ тяжелыхъ усл
віяхъ жизни онъ не теряетъ этой бодрости, которая сос

Платонъ Каратаевъ.

вляетъ его нравственную силу. Всѣ его слова и поступки проникнуты *„духомъ простоты и правды“*, именно потому, что онъ вовсе не заботится о томъ впечатлѣніи, какое онъ производитъ на другихъ [1]).—Этотъ же „духъ простоты и правды“ составляетъ отличительную черту и другихъ народныхъ типовъ Толстого,—не только простыхъ солдатъ, но и такихъ лицъ, какъ Тушинъ, Тимохинъ или даже самъ Кутузовъ: съ этой точки зрѣнія всѣ они являются такими же національными типами, какъ Каратаевъ и другіе солдатики. „Кутузовъ“,—говоритъ Толстой, противопоставляя русскаго полководца Наполеону,—„никогда не говорилъ о вѣкахъ, которые смотрятъ съ высоты пирамидъ, о жертвахъ, которыя онъ приноситъ отечеству; онъ вообще ничего не говорилъ о себѣ, не игралъ никакой роли, казался всегда самымъ простымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ и говорилъ самыя простыя, обыкновенныя вещи“. Но именно потому Кутузовъ и стоитъ, по мнѣнію Толстого, выше Наполеона, который всегда старался „играть роль“ и который воображалъ, что онъ руководитъ судьбой милліоновъ людей, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ былъ только слѣпымъ орудіемъ исторіи. Наполеонъ, по словамъ Толстого, менѣе всего имѣлъ право на званіе генія, потому что онъ „до конца жизни своей не могъ понимать ни добра, ни красоты, ни истины“, руководясь въ своихъ поступкахъ только эгоизмомъ и тщеславіемъ,—между тѣмъ какъ, по глубокому убѣжденію Толстого, „нѣтъ истиннаго величія тамъ, гдѣ нѣтъ простоты, доброты и правды“.

Среди длинной вереницы лицъ, выведенныхъ въ „Войнѣ и Мирѣ“, особенное значеніе имѣютъ князь Андрей Болконскій и Пьеръ Безухій, которыхъ можно считать главными **Князь Андрей.**

[1]) При анализѣ личности Каратаева необходимо имѣть въ виду то субъективное освѣщеніе, которое придаетъ ему авторъ. Характеризуя Каратаева, какъ національный типъ, Толстой выдвигаетъ на первый планъ тѣ черты его личности, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ его собственному міросозерцанію. Русскій національный характеръ далеко не исчерпывается одной *Каратаевщиной*; вмѣстѣ съ тѣмъ лежащій въ основѣ ея элементъ пассивности, особенно подчеркиваемый Толстымъ, стоитъ въ явной связи съ его собственными взглядами на роль и значеніе личности, съ его отрицательнымъ отношеніемъ къ общественной дѣятельности и съ его позднѣйшими теоріями недѣланія и непротивленія злу.

героями романа. Съ большой подробностью останавливается Толстой на обрисовкѣ ихъ характеровъ, ихъ отношеній къ людямъ и ихъ душевныхъ переживаній. Во многихъ отношеніяхъ они представляютъ рѣзкую противоположность другъ другу. Князь Андрей—натура сильная, энергичная, настойчивая, съ яснымъ умомъ и твердой волею. Главныя черты своего характера онъ, очевидно, унаслѣдовалъ отъ своего отца „генералъ-áншефа“ Екатерининскихъ временъ, человѣка умнаго, дѣятельнаго и крутого, въ которомъ причудливымъ образомъ соединялось просвѣщенное „вольтерьянство“ съ грубымъ самодурствомъ русскаго барина 18-го вѣка. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, старикъ Болконскій производитъ впечатлѣніе большой умственной и нравственной силы, которая ясно чувствуется за его Суворовской чудаковатостью и потому мы вполнѣ понимаемъ то уваженіе, съ которымъ относились къ нему всѣ приходившіе съ нимъ въ соприкосновеніе. У его сына, князя Андрея, эти характерныя черты: ясный умъ и сильная воля, выражены столь же ярко, но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ проявленія отличаются значительно большей утонченностью и сложностью. Къ сожалѣнію, Толстой ничего не сообщаетъ намъ о томъ, при какихъ условіяхъ и подъ какими вліяніями протекало умственное развитіе князя Андрея [1]). Судя по направленію взглядовъ его отца, мы можемъ лишь предполагать, что онъ уже очень рано познакомился съ идеями просвѣтительной философіи XVIII-го вѣка и что

---

[1]) Точно такъ же не узнаемъ мы почти ничего о первоначальной жизни и о воспитаніи Пьера. Вообще Толстой избѣгаетъ біографическихъ экскурсовъ, которые такъ любилъ Тургеневъ, и обыкновенно сообщаетъ лишь самыя скудныя свѣдѣнія о прошломъ своихъ героевъ. Онъ ограничивается тѣмъ, что ставитъ ихъ передъ читателями такими, какими они сложились въ извѣстный періодъ ихъ жизни, заставляетъ ихъ говорить и дѣйствовать, а самъ отходитъ прочь, не вмѣшиваясь въ ходъ разсказа никакими объяснительными замѣчаніями. Вслѣдствіе такого художественнаго пріема, въ произведеніи почти незамѣтна рука автора, а выведенныя лица получаютъ особенную жизненность, яркость и пластичность. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ читателю невольно хотѣлось бы узнать тѣ или другія дополнительныя свѣдѣнія о герояхъ Толстого, какъ, напр., въ данномъ случаѣ—о ходѣ первоначальнаго умственнаго развитія князя Андрея и Пьера, но Толстой оставляетъ это любопытство неудовлетвореннымъ. Однако въ этомъ нельзя видѣть художественнаго недостатка, такъ какъ отсутствіе біографическихъ экскурсовъ нисколько не вредитъ ясности характеристики этихъ лицъ.

эти идеи послужили фундаментомъ для всего его дальнѣйшаго развитія. По своему уму и по своимъ интересамъ, князь Андрей стоитъ головою выше всего окружающаго общества. Онъ самъ ясно сознаетъ свое превосходство и даже не скрываетъ этого, и потому обращается со всѣми съ презрительной, холодной вѣжливостью. Свѣтская жизнь, пустая и безсодержательная, не удовлетворяетъ его, онъ тяготится ею, скучаетъ въ гостиныхъ и салонахъ, которые принужденъ посѣщать ради своей жены, симпатичной, но недалекой и легкомысленной женщины. При первомъ появленіи князя Андрея на вечерѣ у Анны Павловны Шереръ, Толстой отмѣчаетъ его „усталый, скучающій взглядъ", свидѣтельствующій о его мрачномъ настроеніи, о его недовольствѣ собой и жизнью. „Жизнь, которую я здѣсь веду, эта жизнь—не по мнѣ!"—признается онъ Пьеру, и чтобы вырваться изъ этой жизни уѣзжаетъ на войну съ Наполеономъ, оставляя жену на попеченіи своего отца и сестры. Только къ Пьеру кн. Андрей относится съ дружелюбной симпатіей, обращается съ нимъ проще и ласковѣе, чѣмъ съ другими, потому что онъ цѣнитъ въ немъ его искренность, его чистое сердце, отсутствіе въ немъ всякаго притворства и фальши, т.-е. тѣ именно черты характера, которыя рѣзко выдѣляютъ Пьера изъ всего окружающаго свѣтскаго общества. Другая причина дружественнаго отношенія Андрея къ Пьеру заключается въ томъ удовольствіи, которое доставляетъ князю Андрею сознаніе своего первенствующаго положенія, удовлетворяющее его природной *гордости*, составляющей одну изъ наиболѣе характерныхъ чертъ его личности; князь Андрей, по словамъ Толстого, „любилъ покровительствовать молодымъ людямъ", руководить ими: такое покровительственное положеніе, какъ по отношенію къ Пьеру, онъ занялъ впослѣдствіи и по отношенію къ Борису Друбецкому, которому облегчилъ, благодаря своему вліянію, первые шаги въ его служебной карьерѣ.

Его образованіе и интересы.

Однимъ изъ главнѣйшихъ отличій, рѣзко выдѣляющимъ князя Андрея изъ среды всего окружающаго общества, является его сильный свѣтлый *умъ*, широта взглядовъ, богатство и разнообразіе интересовъ. Пьеръ, самъ получившій образованіе за границей и надѣленный отъ природы достаточными умственными способностями, удивляется уму князя Андрея, „его необыкновенной памяти, начитанности (онъ все читалъ,

Особенности умственнаго склада.

все зналъ, обо всемъ имѣлъ понятіе) и больше всего его способности работать и учиться". При этомъ умъ князя Андрея отличается строго-*реалистическимъ взглядомъ* [1]). Поэтому онъ мало склоненъ къ „мечтательному философствованію", составляющему характерную особенность умственной жизни Пьера. Князя Андрея сравнительно мало интересуютъ отвлеченные вопросы, напр., разсужденія Пьера о вѣчномъ мирѣ. Но зато князь Андрей въ высокой степени одаренъ чутьемъ реальной дѣйствительности, во всей ея сложности. Онъ внимательно присматривается къ фактамъ и явленіямъ окружающей жизни, умѣетъ ихъ здраво оцѣнивать и на основаніи этихъ наблюденій составлять свои сужденія, не увлекаясь никакими мечтательными предположеніями. Все мышленіе его основано на *индуктивныхъ* началахъ, всѣ его взгляды и убѣжденія являются выводомъ изъ фактовъ реальной дѣйствительности, а не чисто теоретическими, отвлеченными построеніями. Благодаря такому реалистическому складу мышленія, благодаря трезвому пониманію дѣйствительности, князь Андрей въ гораздо большей степени, чѣмъ Пьеръ, обладаетъ *способностью къ практической дѣятельности*. Въ то время какъ Пьеру, при всемъ его желаніи, никакъ не удается осуществить свои широкіе преобразовательные планы, касающіеся жизни и быта его крестьянъ, и онъ не только не достигаетъ своей цѣли, но даже приходитъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ, такъ что дѣятельность его приводитъ лишь къ ухудшенію положенія крестьянъ,—князь Андрей, съ гораздо меньшими усиліями, умѣетъ устроить свои дѣла по имѣнію и значительно улучшить бытъ своихъ крестьянъ.

Эта же черта умственнаго склада князя Андрея,—трезвый реализмъ его мышленія, сказывается и въ его отрицательномъ отношеніи къ кабинетнымъ теоретикамъ и систематикамъ. Въ качествѣ *реалиста-эмпирика*, привыкшаго всѣ свои выводы строить на основаніи непосредственнаго наблюденія надъ фактами живой дѣйствительности, онъ съ полнымъ недовѣріемъ относится къ отвлеченнымъ умозрѣніямъ и теоріямъ. Таково его отношеніе къ военнымъ теоретикамъ,

---

[1]) На эту характерную черту умственнаго склада князя Андрея особенное вниманіе обратилъ Овсянико-Куликовскій въ своихъ статьяхъ о Толстомъ.

въ родѣ Вейротера и Пфуля; таково же его отношеніе и къ теоретику государственной жизни Сперанскому. При первомъ знакомствѣ со Сперанскимъ, его непоколебимая вѣра въ силу и законность ума, его грандіозные планы государственныхъ преобразованій произвели на князя Андрея чрезвычайное впечатлѣніе. „Сперанскій въ глазахъ князя Андрея былъ именно тотъ человѣкъ, разумно объясняющій всѣ явленія жизни, признающій значительнымъ только то, что разумно, и ко всему умѣющій прилагать *мѣрило разумности*. Все представлялось такъ просто, ясно въ изложеніи Сперанскаго, что князь Андрей невольно соглашался съ нимъ во всемъ". Въ свою очередь Сперанскій отнесся къ нему очень предупредительно, какъ къ человѣку образованному и либеральному. По предложенію Сперанскаго онъ поступилъ на службу въ комиссію составленія законовъ и съ помощью Наполеонова кодекса и кодекса Юстиніана сталъ работать надъ составленіемъ отдѣла: Права лицъ. Однако это увлеченіе Сперанскимъ продолжалось недолго. Отвлеченный, систематическій складъ ума Сперанскаго, его склонность къ рѣшенію всѣхъ сложныхъ задачъ государственной жизни при помощи теоретическихъ формулъ, его глубокая вѣра въ эти формулы и презрительное отношеніе ко всѣмъ явленіямъ дѣйствительности, которыя не подходили къ его теоретическимъ предположеніямъ,—все это было глубоко чуждо натурѣ князя Андрея, и потому его сотрудничество со Сперанскимъ не могло быть продолжительнымъ. Дѣйствительно, онъ въ скоромъ времени разочаровался, какъ въ самомъ Сперанскомъ, такъ и въ собственной работѣ, которую онъ на себя взялъ. Эта работа показалась ему слишкомъ отвлеченной, далекой отъ дѣйствительной жизни и неприложимой къ ней. „Онъ вспомнилъ о своихъ законодательныхъ проектахъ, о томъ, какъ онъ озабоченно переводилъ на русскій языкъ статьи римскаго и французскаго свода, и ему стало совѣстно за себя. Потомъ онъ живо представилъ себѣ Богучарово, свои занятія въ деревнѣ, свою поѣздку въ Рязань, вспомнилъ мужиковъ, Дрона старосту, и, приложивъ къ нимъ права лицъ, которыя онъ распредѣлялъ по параграфамъ, ему стало удивительно, какъ онъ могъ такъ долго заниматься такою праздною работой" Такимъ образомъ разочарованіе въ Сперанскомъ было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что строго реалистическій умъ князя

Андрея, привыкшій всѣ выводы строить на основаніи наблю-
деній надъ фактами дѣйствительности, не могъ примириться
съ отвлеченнымъ, теоретическимъ отношеніемъ къ жизни,
такъ ярко сказавшимся въ личности Сперанскаго. Это однако
нисколько не мѣшало князю Андрею отдавать должное его
заслугамъ, и уже разойдясь со Сперанскимъ, уже послѣ его
опалы, когда на него со всѣхъ сторонъ сыпались всевозмож-
ныя обвиненія его политическихъ противниковъ, князь Ан-
дрей рѣшительнымъ образомъ выступилъ на его защиту и
категорически заявилъ, что „ежели что-нибудь сдѣлано хо-
рошаго въ нынѣшнее царствованіе, то все хорошее сдѣлано
имъ, имъ однимъ, и что потомство отдастъ ему справедли-
вость“ [1]).

Сила воли. Другою важною чертою характера князя Андрея является
присущая ему *сила воли*, возбуждающая такое удивленіе со
стороны Пьера, страдающаго, наоборотъ, недостаткомъ воли.
Эта сила воли сказывается прежде всего въ замѣчательной
способности владѣть собою, постоянно держать себя въ ру-
кахъ, подчинять всѣ свои душевныя движенія строгому
внутреннему контролю. Эта черта характера съ особенною
наглядностью проявилась въ поведеніи князя Андрея послѣ
измѣны Наташи: несмотря на испытанное имъ глубокое нрав-
ственное потрясеніе, несмотря на крушеніе его надеждъ на
личное счастье, князь Андрей сохраняетъ полное самообла-
даніе и даже приводитъ Пьера въ удивленіе своимъ наруж-
нымъ спокойствіемъ. Но князь Андрей не только умѣетъ
владѣть собою и своими чувствами,—въ не меньшей мѣрѣ

---

[1]) Взгляды князя Андрея на военныхъ теоретиковъ можно также ра-
сматривать, какъ отраженіе взглядовъ самого Толстого; по крайней мѣрѣ
разсужденія автора о «такъ называемой наукѣ стратегіи», о роли полко-
водца въ бою и т. д., почти буквально совпадаютъ съ мыслями, выражен-
ными кн. Андреемъ. Точно такъ же и въ отношеніяхъ кн. Андрея къ Спе-
ранскому и въ характеристикѣ самого Сперанскаго можно усмотрѣть влія-
ніе историческихъ и философскихъ идей Толстого, его взгляда на роль
личности въ исторіи и его недовѣріе ко всякой дѣятельности, построенной
на чисто-разсудочныхъ, отвлеченныхъ началахъ; обо всѣхъ этихъ взгля-
дахъ Толстого см. ниже стр. 229. Однако это совпаденіе воззрѣній автора
со взглядами одного изъ его героевъ не вноситъ никакого внутренняго про-
тиворѣчія въ характеристику послѣдняго, такъ какъ мысли, выраженныя
по данному вопросу кн. Андреемъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ общему строю
его міросозерцанія и всему складу его мышленія.

онъ умѣетъ подчинять себѣ людей и управлять обстоятельствами. Благодаря своей энергіи и настойчивости, также какъ и благодаря своему трезвому пониманію дѣйствительности, князь Андрей достигаетъ поставленныхъ себѣ цѣлей: такъ, напр., отлично устраиваетъ свое имѣнье, улучшаетъ положеніе крестьянъ и т. д.; точно такъ же, будучи полковымъ командиромъ, онъ энергично занимается устройствомъ своего полка и пріобрѣтаетъ любовь и уваженіе офицеровъ и солдатъ своимъ заботливымъ къ нимъ отношеніемъ. Эти занятія даютъ нѣкоторый исходъ для его *жажды дѣятельности*, но по своей незначительности они далеко не соотвѣтствуютъ тому богатому запасу энергіи и тѣмъ разностороннимъ способностямъ, которыя онъ самъ чувствуетъ въ своей душѣ. Эти силы и эти способности не находятъ себѣ настоящаго примѣненія, и это отсутствіе живой дѣятельности, которая бы поглощала его всего, является одной изъ главныхъ причинъ того тяжелаго, неудовлетвореннаго, даже озлобленнаго настроенія, съ которымъ выступаетъ князь Андрей на протяженіи почти всего романа. Избытокъ нерастраченной внутренней энергіи какъ бы тяготитъ его. Князь Андрей— натура дѣятельная, не находящая себѣ однако простора для дѣятельности и дѣла по душѣ въ тѣхъ условіяхъ жизни, среди которыхъ процвѣтаютъ люди, какъ князь Василій, Борисъ Друбецкой, Бергъ и другіе. Единственный разъ, когда ему открывалось широкое поприще для примѣненія своихъ силъ, это было во время его сближенія со Сперанскимъ. Но тутъ князь Андрей самъ отстранилъ отъ себя представившуюся ему возможность широкой и плодотворной дѣятельности, такъ какъ въ проектахъ Сперанскаго усмотрѣлъ (хотя, быть можетъ, и ошибочно) исключительно отвлеченныя, кабинетныя измышленія, непримѣнимыя къ дѣйствительной жизни.

Но князь Андрей не только сильная и даровитая личность: онъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ высокой степени надѣленъ *чувствомъ личности*, и эта черта является одной изъ наиболѣе важныхъ и характерныхъ особенностей его душевнаго склада. Мысль его постоянно устремлена на самого себя, занята анализомъ своихъ чувствъ и впечатлѣній,—его *я* постоянно стоитъ для него въ центрѣ всѣхъ его интересовъ. При этомъ однако князя Андрея вовсе нельзя назвать узкимъ

Чувство личности.

эгоистомъ, какимъ является, напр., Бергъ или Борисъ Дру бецкой, заботящіеся лишь о собственномъ благополучіи и разныхъ матеріальныхъ выгодахъ. Индивидуализмъ княз Андрея отличается гораздо болѣе благороднымъ характером и основывается главнымъ образомъ на его невольномъ со знаніи своего умственнаго и нравственнаго превосходств надъ окружающимъ обществомъ [1]).

Это сознаніе своего превосходства, сознаніе своихъ силъ заставляетъ князя Андрея возлагать на свою будущност большія надежды. Поэтому въ первомъ томѣ романа преоб ладающимъ его настроеніемъ является *жажда славы* и *личнаг возвышенія*. Оттого онъ въ эту эпоху такъ увлекается Напо леономъ; въ то время какъ Пьеръ, идеализируя Наполеона видитъ въ немъ преимущественно носителя освободительных идей французской революціи, князь Андрей цѣнитъ въ нем главнымъ образомъ *сильную личность*, подчиняющую всѣх своей волѣ, вызывающую къ себѣ всеобщее преклоненіе. С самыми честолюбивыми надеждами отправляется кн. Андре въ походъ 1805 года, съ нетерпѣніемъ ожидая своего „Ту лона", который помогъ бы ему возвыситься, достигнуть сла вы и „людской любви", въ которой и заключается для нег главная привлекательность славы. Но ходъ войны не тольк не оправдалъ надеждъ князя Андрея, но даже въ значи тельной степени подорвалъ его вѣру въ силу и значені человѣческой личности, какъ историческаго фактора. Из своего военнаго опыта князь Андрей вынесъ убѣжденіе, чт успѣхъ дѣла зависитъ вовсе не отъ единичныхъ личностей не отъ ихъ плановъ и диспозицій, а главнымъ образомъ от общаго духа войскъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ значительно потуск нѣло въ его глазахъ обаяніе Наполеона и затихла жажд личной славы. На полѣ битвы, подъ „Аустерлицкимъ не бомъ", въ виду приближающейся смерти, душа его впервы

---

[1]) Для обозначенія того типа душевнаго склада, представителемъ ко тораго является кн. Андрей, во французскомъ языкѣ есть особый термин «эготизмъ», впервые употребленный въ этомъ значеніи французским писателемъ Стендалемъ (1783—1842) въ книгѣ „Souvenirs d'egotisme". Ко нечно, это понятіе не должно смѣшивать съ эгоизмомъ: эгоизмъ есть по нятіе этическое, а эготизмъ—психологическое, и обозначаетъ лишь изв стную черту характера, преобладающую роль, которую играетъ въ душе ной жизни какого-либо лица „чувство личности".

ткрылась впечатлѣніямъ *вѣчности*, въ сравненіи съ кото-
ой безсмысленнымъ и ничтожнымъ показалось ему все, чѣмъ
нъ жилъ и чѣмъ увлекался раньше, ничтожной показалась
собственная личность. „Все пусто, все обманъ, кромѣ
того безконечнаго неба. Ничего, ничего нѣтъ, кромѣ его.
Но и того даже нѣтъ, ничего нѣтъ, кромѣ тишины, успо-
коенія“.

Вообще вся исторія внутренней жизни князя Андрея, въ
еченіе всего романа, слагается изъ ряда тяжелыхъ душев-
ныхъ катастрофъ, безжалостно разрушающихъ всѣ его мечты
надежды. Такъ впечатлѣнія Аустерлицкаго боя разру-
шили его мечты о славѣ, показали ему ничтожность этихъ
ечтаній предъ лицомъ вѣчности, глянувшей ему въ глаза,
огда онъ, раненый, лежалъ на полѣ битвы, съ древкомъ
намени въ рукахъ. Вернуться къ этимъ мечтамъ, послѣ
ого какъ обнаружилась ихъ иллюзорность, онъ уже не
огъ. Поэтому, послѣ возвращенія въ Россію, кн. Андрей
овершенно покидаетъ службу и поселяется въ своемъ имѣньи,
тобы вести замкнутую, уединенную жизнь. Къ испытанному
мъ разочарованію присоединяется еще смерть жены, передъ
оторой онъ чувствуетъ себя нравственно отвѣтственнымъ.
Поэтому настроеніе его въ эту эпоху было въ высшей сте-
ени мрачное и тяжелое. Подъ вліяніемъ этого настроенія и
се его міросозерцаніе получаетъ безотрадный пессимисти-
ческій характеръ. Вся жизнь кажется ему безсмысленной,
частье—невозможнымъ, а единственнымъ доступнымъ чело-
вѣку благомъ представляется ему спокойная совѣсть и от-
утствіе страданій. Имъ овладѣла „тоска жизни“, чувство апа-
ии и разочарованія. По отношенію къ людямъ князь Андрей
здалъ себѣ теорію „разумнаго эгоизма“, которую онъ и
злагаетъ Пьеру, удивленному и опечаленному душевнымъ
остояніемъ своего друга. Однако на дѣлѣ кн. Андрей да-
еко не остается вѣренъ этой теоріи, не слѣдуетъ ей на прак-
ткѣ, а, наоборотъ, выказываетъ большую заботливость о сво-
хъ крестьянахъ, улучшаетъ ихъ положеніе и даже отпу-
каетъ часть ихъ на свободу, надѣливъ ихъ землею.

Исторія его внутренней жизни.

Но князь Андрей былъ еще слишкомъ молодъ, чувство-
алъ въ себѣ слишкомъ большой запасъ силъ, чтобы под-
аться вполнѣ этому мрачному настроенію. Посѣщеніе Отрад-
енскаго дома пробуждаетъ въ немъ снова жажду жизни,

жажду дѣятельности. Онъ отправляется въ Петербургъ входитъ въ сношенія со Сперанскимъ, который какъ разъ в это время готовилъ рѣшительное „гражданское сраженіе выступая со своимъ обширнымъ проектомъ реформъ проти защитниковъ старины. Но очень скоро кн. Андрей разочар вался и въ Сперанскомъ, и въ его реформахъ. Это нов разочарованіе въ корнѣ подкосило его мечты о широкой о щественной дѣятельности, лишило его вѣры въ ея поль и плодотворность.— Ему однако предстояло пережить е новое увлеченіе и новое тяжелое разочарованіе. Любовь жизнерадостной, поэтической Наташѣ неожиданно пробуди въ немъ полузабытыя мечты о тихомъ семейномъ счастьи, но измѣна Наташи безжалостно уничтожила эти мечты, н всегда разбила его личную жизнь. Подъ вліяніемъ всѣ пережитыхъ душевныхъ катастрофъ и мучительныхъ раз чарованій, князь Андрей дѣлается угрюмъ, озлобленъ, н дѣваетъ на себя маску мрачной мизантропіи. Но смертельн рана, полученная подъ Бородинымъ, медленное, тяжел умираніе, послѣднее свиданіе съ тѣмъ существомъ, котор онъ больше всего любилъ и ненавидѣлъ въ жизни, углуби и просвѣтили его мысль, заставили много передумать, перечувствовать,— и для него, передъ лицомъ смерти, о крылся наконецъ тотъ смыслъ жизни, котораго онъ раньш такъ страстно искалъ. Теперь онъ понялъ этотъ смысл который заключается въ вѣчной, безкорыстной любви, подчиненіи этому идеалу всей своей личности, въ отрѣш ніи отъ всякаго эгоизма.

Душевный переворотъ.

„Да, любовь,—думалъ онъ, съ совершенной ясностью,—но та любовь, которая любитъ за что-нибудь, для чего-нибудь, и почему-нибудь, но та любовь, которую я испыталъ въ первый раз когда, умирая, я увидалъ своего врага и все-таки полюбилъ е Я испыталъ то чувство любви, которая есть самая сущность ду и для которой не нужно предмета. Я и теперь испытываю э блаженное чувство.—Любить ближнихъ, любить враговъ своих Все любить—любить Бога во всѣхъ проявленіяхъ. Любить чел вѣка дорогого можно человѣческой любовью; но только врага мож любить божескою. И отъ этого-то я испыталъ такую радость, ко я почувствовалъ, что люблю того человѣка... Любя человѣчес любовью, можно отъ любви перейти къ ненависти; но божеска любовь не можетъ измѣниться. Ничто, ни самая смерть, ничто н можетъ разрушить ее. Она есть сущность души... Любовь е жизнь. Все, все, что я понимаю, я понимаю только потому, ч

юблю. Все есть, все существуетъ только потому, что я люблю. Все связано ею одною. Любовь есть Богъ и умереть—значитъ мнѣ, частицѣ любви, вернуться къ общему и вѣчному источнику".

Но хотя кн. Андрей и могъ *понять* (отвлеченно) все значеніе открывшейся передъ нимъ истины, однако онъ оказался не въ состояніи *воспріять* ее въ себя настолько, чтобы она могла побороть упорную исключительность индивидуалистическаго склада его натуры, не былъ въ состояніи нравственно переродиться. Это съ полной наглядностью обнаружилось въ его настроеніи передъ смертью, въ его отчужденіи отъ всей окружающей жизни, въ его холодности по отношенію къ самымъ близкимъ лицамъ: княжнѣ Марьѣ, Наташѣ, къ сыну. Наташа, со свойственной ей проницательностью, первая подмѣтила это настроеніе умирающаго,—и это ужаснуло ее болѣе, чѣмъ самыя сильныя страданія, потому что въ „холодномъ, чуждомъ, почти враждебномъ взглядѣ", которымъ встрѣтилъ ее князь Андрей, она инстинктивно угадала наступленіе конца, побѣду смерти надъ жизнью.

Его душевная трагедія.

Князь Андрей всю свою жизнь былъ одинокъ среди людей; это одиночество обусловлено было прежде всего индивидуалистическимъ складомъ его натуры, благодаря которому его собственная личность стояла въ центрѣ всѣхъ его интересовъ, и между *я* и *не я* существовало въ его душѣ рѣзкое разграниченіе, чувство котораго не оставляло его ни при какихъ условіяхъ. Но никогда раньше это чувство моральнаго одиночества не сказывалось для кн. Андрея съ такою силой и такой ясностью, какъ въ тѣ предсмертные дни, когда наступало для него „пробужденіе отъ жизни", съ ея заботами, борьбою, мечтами и иллюзіями, наполнявшими до сихъ поръ его существованіе. Душевная трагедія князя Андрея есть по преимуществу *трагедія личности, въ ея острой обособленности*, съ которой однако не хочетъ мириться нравственное сознаніе, *трагедія душевнаго одиночества*. Побѣдить въ себѣ это чувство оторванности и одиночества можно только, подчинивъ свою личность какому-нибудь высшему началу, устанавливающему связь между отдѣльнымъ человѣкомъ и окружающимъ его міромъ, проникшись духомъ безкорыстной любви къ людямъ, къ жизни, ко всему Божьему міру. На смертномъ одрѣ это начало Божественной

любви открылось ему, какъ единственное условіе истинна счастья,—онъ ощутилъ его въ своемъ собственномъ сердц когда онъ, на перевязочномъ пунктѣ, увидалъ умирающа Анатоля и впервые позналъ сладость прощенія и любви к врагамъ,—онъ нашелъ и вѣчный источникъ его—въ Ева геліи, къ которому онъ теперь обратился,—но смерть прежд временно прервала работу духовнаго возрожденія, котор совершалась въ немъ; чувство личности, не могущей пр мириться съ мыслью о роковомъ концѣ, объ индивидуал номъ исчезновеніи, въ послѣдній разъ взяло верхъ надъ е новымъ, просвѣтленнымъ настроеніемъ,—и князь Андре ушелъ отъ жизни, какъ и жилъ, одинокимъ и непр миреннымъ.

Пьеръ Безухій.

Пьеръ во многихъ отношеніяхъ представляетъ пряму *противоположность князю Андрею.* Въ то время какъ к характерѣ кн. Андрея преобладаютъ центростремительны силы, дѣлающія изъ него натуру замкнутую, сдержанну сосредоточенную въ себѣ,—въ характерѣ Пьера, наоборот преобладаютъ силы центробѣжныя: оттого онъ во всѣхъ свои словахъ и поступкахъ обнаруживаетъ значительную экспа сивность, общительность, большой интересъ къ окружающ жизни; онъ не полагается только на свои собственныя сил какъ кн. Андрей: его тянетъ къ людямъ, у нихъ онъ ищет нравственной поддержки или разрѣшенія волнующихъ е вопросовъ. Въ отношеніяхъ къ людямъ Пьеръ обнаруживает большой запасъ *наивности и добродушія* и потому час ошибается въ нихъ, даже позволяетъ имъ себя обманыват у него совершенно нѣтъ той проницательности, которая пом гаетъ кн. Андрею правильно оцѣнивать людей, угадыва ихъ нравственныя свойства. Вообще въ отношеніи къ пра тической сторонѣ жизни Пьеръ далеко уступаетъ своем другу, потому что не обладаетъ тѣмъ здравымъ пониманіем дѣйствительности и умѣньемъ пользоваться людьми и обст ятельствами, которыя во всѣхъ случаяхъ жизни обнаруж

Его духовные интересы.

ваетъ кн. Андрей; напротивъ того, Пьеръ чрезвычайно скл ненъ къ *„мечтательному философствованію“*, благодаря чем онъ мало способенъ къ практической дѣятельности, хотя чувствуетъ живѣйшую потребность приносить пользу людям дѣлать имъ добро. Поэтому характерная особенность это

„мечтательнаго философствованія“ заключается въ томъ, что оно направлено не столько на вопросы отвлеченные, метафизическіе, сколько именно на вопросы *моральные*, на вопросы о томъ, какъ жить и что дѣлать для того, чтобы достигнуть внутренняго нравственнаго удовлетворенія.

Слабость воли.

Не менѣе важная характерная черта Пьера, отличающая его отъ кн. Андрея, это его *слабоволіе*, отсутствіе въ немъ энергіи, настойчивости. Благодаря этому свойству своей натуры, Пьеръ легко подчиняется чужому вліянію; такъ, напр., въ началѣ романа мы видимъ, что его образъ жизни совершенно не соотвѣтствуетъ его серьезнымъ внутреннимъ запросамъ, его взглядамъ и интересамъ (кутежи съ Анатолемъ и Долоховымъ). Но особенно ярко его безхарактерность обнаружилась въ исторіи его женитьбы, которая зато и стала для него источникомъ тяжелыхъ страданій.—Твердость характера выражается у кн. Андрея прежде всего въ его умѣньи владѣть собою и въ его сдержанности; напротивъ того, Пьеръ легко *поддается своему настроенію*, даже мимолетному и случайному. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ сношеніяхъ съ людьми, онъ отличается полной *искренностью и откровенностью*, никогда не скрываетъ своихъ чувствъ и мыслей, нисколько не заботясь о томъ, какое впечатлѣніе произведутъ на другихъ его слова; такъ, напр., при своемъ первомъ появленіи въ салонѣ Анны Павловны Шереръ, онъ приводитъ въ ужасъ хозяйку своими восторженными отзывами о Наполеонѣ и о французской революціи, не замѣчая, что его слова идутъ совершенно въ разрѣзъ съ господствующимъ настроеніемъ собранія.

Самъ Пьеръ отлично чувствуетъ разницу между собой и кн. Андреемъ, и не только признаетъ превосходство своего друга надъ собою, но прямо благоговѣетъ передъ нимъ. И дѣйствительно, по своимъ способностямъ князь Андрей, несомнѣнно, стоитъ выше Пьера: это—натура высоко одаренная, съ богатымъ запасомъ душевныхъ силъ,—ума и воли; по масштабу своихъ душевныхъ силъ, князь Андрей — личность исключительная, героическая, между тѣмъ какъ Пьеръ по своимъ способностямъ гораздо болѣе подходитъ къ среднему уровню: онъ гораздо болѣе *типиченъ*, чѣмъ кн. Андрей.—Но была все-таки одна область душевной жизни, въ которой, несомнѣнно, Пьеру принадлежало первенство: это—

область чувства. Въ душевной жизни князя Андрея преобладающую роль играли элементы интеллектуальный и волевой, и притомъ это преобладаніе сказывалось настолько рѣзко, что умъ и воля, благодаря своему чрезвычайному развитію, какъ бы заслоняли въ немъ проявленія чувства, не позволяли этому важному психическому фактору пріобрѣсти должное значеніе въ его душевномъ обиходѣ; отсюда — его „сухость" и холодность въ сношеніяхъ съ людьми, производившія на многихъ отталкивающее впечатлѣніе (даже добродушный Илья Андреевичъ Ростовъ чувствовалъ какую-то неловкость по отношенію къ нему); отсюда же—его рѣзкость и озлобленность въ моменты неудачъ и разочарованій (отзывы о крестьянахъ, о военноплѣнныхъ). Только во время предсмертной болѣзни сердце его смягчилось и онъ понялъ, что онъ до сихъ поръ жилъ неполною духовною жизнью, что цѣлая область душевныхъ силъ была имъ не извѣдана и не использована и что именно къ этой области, къ области чувства, принадлежитъ та великая, всеобъемлющая, самоотверженная любовь, въ которой заключается смыслъ жизни, высшая истина и высшее счастье, доступное человѣку.

Нравственныя черты личности.

Напротивъ того, въ душевной жизни Пьера *чувство* играетъ первенствующую роль, преобладаетъ надъ другими душевными способностями: по своему психическому складу, Пьеръ—натура *эмоціональная*, и эта особенность его душевной организаціи сказывается во всѣхъ его поступкахъ... Благодаря такой организаціи, его поведеніе отличается неровностью, неустойчивостью; отъ одного увлеченія онъ переходитъ къ другому, легко поддается тому или иному настроенію, вслѣдствіе чего его дѣйствія иногда рѣзко расходятся съ его взглядами и убѣжденіями. Нерѣдко случается, что, увлеченный своими страстями, надъ которыми онъ не имѣетъ власти, вслѣдствіе слабаго развитія воли, Пьеръ доходитъ до нравственнаго паденія, но зато за этими паденіями неизмѣнно слѣдуютъ муки раскаянія и стыда, въ значительной степени искупающія его вину. Но еще яснѣе этотъ богатый запасъ чувства, которымъ обладаетъ Пьеръ, сказывается въ душевной мягкости и отзывчивости, которыя онъ обнаруживаетъ въ своихъ сношеніяхъ съ людьми и которыя невольно привлекаютъ къ нему ихъ симпатіи. Князь Андрей, сдержанный и замкнутый по отношенію ко всѣмъ

кружающимъ, бываетъ откровененъ и простъ только съ днимъ Пьеромъ, потому что хорошо знаетъ, что въ немъ нъ всегда встрѣтитъ себѣ искреннее сочувствіе и пониманіе. ѣзжая за границу, онъ именно Пьеру поручаетъ Наташу, зою невѣсту, такъ какъ знаетъ, что это человѣкъ, на кото-ого во всемъ можно положиться, все можно довѣрить; это — золотое сердце", говоритъ онъ про него Наташѣ. И ама Наташа, послѣ того какъ надъ ней стряслась бѣда, олько въ его сочувствіи почерпаетъ себѣ нѣкоторое облег-еніе, потому что чувствуетъ полную искренность его состра-анія, выраженнаго притомъ въ такой деликатной, неоскор-ительной формѣ. Точно такъ же и другія лица, съ которыми ьеръ приходитъ въ соприкосновеніе, невольно испытываютъ а себѣ вліяніе его „золотого сердца", которое подкупаетъ хъ въ его пользу. Только натуры испорченныя, злыя или эко-эгоистичныя, въ родѣ его жены, Анатоля или Долохова, таются холодными къ Пьеру или даже выказываютъ по тношенію къ нему прямую враждебность.

Но хотя въ характерѣ Пьера и кн. Андрея есть цѣлый ядъ чертъ, обличающихъ рѣзкую разницу въ ихъ душевномъ кладѣ, однако у нихъ есть одна общая черта, очень глу-окая и важная, отражающаяся на всемъ ихъ нравственномъ бликѣ. Эта общая черта заключается въ ихъ *сознательномъ, рьезномъ отношеніи къ жизни*, въ ихъ взглядѣ на жизнь, акъ на нѣкоторую сложную моральную задачу, требующую ебѣ разрѣшенія. Оба они не могутъ смотрѣть на жизнь акъ легко и просто, какъ смотритъ, напр., Николай Ростовъ ли Борисъ Друбецкой. Оба они — натуры *ищущія*, не удо-летворяющіяся тѣмъ, что даетъ обыденная дѣйствительность, е идущіе по протоптанной тропинкѣ, по которой двигается ольшинство лицъ ихъ общества. У обоихъ въ глубинѣ души ритъ страстная жажда истины, не допускающая ихъ успо-иться среди житейской пошлости. Душевныя исканія Пьера.

Въ такихъ душевныхъ *исканіяхъ* проходитъ вся исторія утренняго развитія Пьера, на протяженіи всего романа. ти исканія и связанныя съ ними увлеченія и разочарова-ія, составляютъ главнѣйшій интересъ и содержаніе всей его изни. Въ этомъ отношеніи Пьеръ напоминаетъ нѣкоторыхъ въ прежнихъ героевъ Толстого: Николеньку, Нехлюдова, ленина, т.-е. такихъ лицъ, въ которыхъ отразились субъ-

ективныя черты самого автора. Исторія его душевныхъ иск
ній, жажда нравственнаго совершенствованія, внутренн
переломъ подъ вліяніемъ сближенія съ народомъ,—все э
является изображеніемъ духовныхъ процессовъ, пережитых
самимъ Толстымъ. Но несмотря на присутствіе такихъ суб
ективныхъ чертъ въ характерѣ Пьера, его вовсе нельзя на
вать портретомъ автора: Пьеръ совершенно самостоятельн
лицо, съ массой индивидуальныхъ особенностей, крупны
и мелкихъ; внесеніе субъективныхъ элементовъ нисколько
нарушило психологическаго единства характеристики Пьер
не повредило жизненности и пластичности его изображені

Исторія его духовнаго развитія.

Къ сожалѣнію, такъ же какъ и относительно кн. Андре
Толстой не даетъ почти никакихъ указаній относительн
прежней жизни Пьера и его воспитанія; только однажд
вспоминаетъ Пьеръ старичка-учителя, преподававшаго ем
въ Швейцаріи географію. По нѣкоторымъ случайнымъ замѣч
ніямъ Толстого мы можемъ только заключить, что на умстве
ное развитіе Пьера, въ эпоху юности, наибольшее влія
имѣлъ Руссо (между тѣмъ какъ кн. Андрей воспитался
раціоналистической и скептической философіи Вольтера
энциклопедистовъ). Причина, почему именно Руссо могъ ок
зать особенное вліяніе на Пьера, заключается въ томъ, ч
въ міросозерцаніи женевскаго мыслителя чрезвычайно ва
ную роль игралъ какъ разъ элементъ *чувства*, и потому э
міросозерцаніе, по своему характеру, болѣе всего подходи
ко всему складу личности Пьера. Такимъ образомъ Пьеръ
кн. Андрей являются въ романѣ представителями двухъ ва
нѣйшихъ умственныхъ теченій, раздѣлявшихъ въ концѣ XV
и началѣ XIX вѣка европейское образованное общество
два лагеря, и съ Запада занесенныхъ къ намъ въ Россію.

Вліяніе масонства.

Вліяніе Руссо подготовило въ душѣ Пьера удобну
почву для воспріятія масонскихъ идей. Масонство дало ем
выходъ изъ того тяжелаго душевнаго кризиса, который он
пережилъ послѣ разрыва съ женою и дуэли съ Долоховым
когда вся жизнь стала представляться ему безсмысленно
безцѣльной и безобразной. Масонство было для Пьера одним
изъ важнѣйшихъ этаповъ на пути тѣхъ душевныхъ иска
ній, которыя должны были вывести его на правильную д
рогу. Смыслъ этихъ исканій заключался *въ жаждѣ сам
опредѣленія*, въ стремленіи достигнуть „внутренняго усп

оенія и *согласія съ самимъ собою*", какъ единственнаго словія прочнаго счастья. Но такое „согласіе съ самимъ собою" было для Пьера немыслимо безъ опредѣленія своихъ тношеній къ окружающему міру, къ людямъ, потому что нъ, по свойству своей натуры, неудержимо тяготѣлъ къ люямъ, къ „міру". Такимъ образомъ задача, которую ставилъ ебѣ Пьеръ (хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ сознательно), аключалась въ томъ, чтобы найти себѣ такую жизненную ѣятельность среди окружающаго общества, которая обезпеивала бы ему нравственное удовлетвореніе. Слѣдовательно, ъ такой постановкѣ задачи играли роль два мотива: общетвенный и моральный, другъ съ другомъ неразрывно свяанные; *общественные интересы* Пьера естественнымъ образомъ ытекали изъ его *моральныхъ стремленій*, проблема личной равственности сочеталась съ идеей общественнаго служенія.

Соединеніе этихъ двухъ элементовъ въ масонствѣ—вотъ то главнымъ образомъ привлекло къ нему симпатіи Пьера. Задача нравственнаго совершенствованія и филантропическая ѣятельность, — эти двѣ стороны масонства болѣе всего сотвѣтствовали внутренней потребности Пьера. Что же касается о мистической стороны масонства, то она гораздо менѣе ривлекла къ себѣ его вниманіе, хотя и не осталась безъ ліянія на нѣкоторые его взгляды. Такъ, напр., въ бесѣдѣ ъ кн. Андреемъ онъ высказываетъ мысли, которыя являются траженіемъ мистическихъ ученій масонства [1]). Тотчасъ послѣ воего вступленія въ орденъ, Пьеръ съ увлеченіемъ отдается филантропической дѣятельности; онъ ставитъ себѣ цѣлью лучшить положеніе своихъ крестьянъ, учреждаетъ для нихъ школы, больницы, и даже собирается вовсе освободить ихъ тъ крѣпостной зависимости. Однако изъ всѣхъ этихъ плановъ Пьера почти ничего не выходитъ, вслѣдствіе его полнаго незнакомства съ условіями практической жизни и вслѣдствіе недостатка въ его характерѣ энергіи и настойчивости.

Филантропическая дѣятельность.

Но Пьеръ не удовлетворился этой дѣятельностью въ качествѣ частнаго лица и сталъ мечтать о болѣе широкой,

Планы и стремленія Пьера.

[1]) Взгляды, выраженные въ этой бесѣдѣ Пьеромъ, представляютъ собой почти дословное повтореніе нѣкоторыхъ разсужденій изъ мистической книги Эккартсгаузена: „Ночи, или бесѣды мудраго съ другомъ" (русскій переводъ 1804 г., стр. 163, 182 и сл.).

общественной дѣятельности, несмотря на то, что у него вовс не было необходимыхъ для нея внутреннихъ данныхъ. Он составилъ планъ преобразованія масонскаго ордена; сущност этого плана заключалась въ стремленіи придать масонств значеніе общественной силы, дѣятельность которой должн быть направлена къ общему благу. „Недостаточно блюсти в тиши ложи наши таинства, — говорилъ Пьеръ въ засѣданіи посвященномъ обсужденію его плана,—нужно дѣйствовать“ Поэтому онъ предлагалъ значительно расширить дѣятель ность ордена, чтобы она не ограничивалась лишь дѣлам благотворенія и нравственнаго просвѣщенія, но распростра нялась также и на политическую жизнь страны [1]). Однак этотъ проектъ не только не встрѣтилъ себѣ сочувствія сред петербургскихъ масоновъ, но большинство ихъ отнеслось к нему прямо враждебно. Эта неудача чрезвычайно сильно по дѣйствовала на Пьера. Несмотря на всю свою неопытност въ дѣлѣ распознаванія людей, онъ уже раньше замѣтил среди большей части масоновъ отсутствіе настоящаго нрав ственнаго воодушевленія, которымъ онъ самъ былъ проник нутъ. Одни изъ нихъ интересовались преимущественно обря довой стороной масонства, придавали наибольшее значені строгому соблюденію всѣхъ символическихъ церемоній, ко торыми были обставлены засѣданія. Другіе же, въ родѣ Бо риса Друбецкого, поступали въ орденъ изъ чисто личных цѣлей, для сближенія съ вліятельными и знатными лицами состоявшими въ орденѣ. „Изъ-подъ масонскихъ фартуковъ знаковъ Пьеръ видѣлъ на нихъ мундиры и кресты, которых они добивались въ жизни“. Все это возбуждало въ Пьерѣ со мнѣнія, которыя, послѣ бурнаго засѣданія, разрушившаго ег надежды на обновленіе и возрожденіе русскаго масонства превратились въ полное разочарованіе.

Разочарованіе въ масонствѣ.

Этотъ исходъ былъ для Пьера тяжелымъ нравственным ударомъ. Съ масонствомъ были связаны для него искреннія пламенныя надежды на то, что оно откроетъ ему смыслъ и цѣл

[1]) По своимъ основнымъ принципамъ проектъ Пьера нѣсколько на поминаетъ уставъ нѣмецкаго тайнаго общества „Тугендбунда“ (Союза добро дѣтели), дѣятельность котораго была направлена къ нравственному и по литическому возрожденію Германіи въ эпоху Наполеоновскаго владычества Впослѣдствіи по образцу Тугендбунда былъ и въ Россіи основанъ Союз Благоденствія, въ составъ котораго вошло большинство будущихъ декаб ристовъ.

кизни, окажетъ ему могущественную поддержку въ его соб-твенныхъ стремленіяхъ къ внутреннему совершенствованію, аучитъ его жить такъ, чтобы найти наконецъ „нравственное спокоеніе и согласіе съ самимъ собою“, безъ которыхъ для его было немыслимо счастье. Теперь всѣ эти надежны рух-ули, и Пьеръ остался снова одинъ, предоставленный своимъ иламъ—и своимъ сомнѣніямъ. Лишившись той нравственной оддержки и руководства, которыя онъ разсчитывалъ найти ъ масонствѣ, Пьеръ впалъ въ прежнее состояніе душевной ревоги и неудовлетворенности:

„Онъ испыталъ несчастную способность многихъ, особенно усскихъ людей, — способность видѣть и вѣрить въ возможность обра и правды, и слишкомъ ясно видѣть зло и ложь жизни для ого, чтобы быть въ силахъ принимать въ ней серьезное участіе. Всякая область труда, *въ глазахъ его, соединялась со зломъ обманомъ*. Чѣмъ онъ ни пробовалъ быть, за что онъ ни брал-я,—зло и ложь отталкивали его и загораживали ему всѣ пути ѣятельности. А между тѣмъ надо было жить, надо было быть аняту. Слишкомъ страшно было быть подъ гнетомъ этихъ нераз-ѣшимыхъ вопросовъ жизни, и онъ отдавался первымъ увлеченіямъ, тобы только забыть ихъ. Онъ ѣздилъ во всевозможныя общества, ного пилъ, покупалъ картины и строилъ, а главное—читалъ“.

Такимъ образомъ душевное настроеніе Пьера въ эту эпоху ыло въ высшей степени тяжелое. Онъ страдалъ отъ внут-енняго разлада, отъ чувства нравственной неудовлетворен-ости, отъ своей неспособности разрѣшить тѣ сложные жиз-енные вопросы, которые передъ нимъ вставали и кото-ые, въ своей совокупности, составляли какой-то *„запутан-ый и страшный узелъ жизни“*. Чтобы забыться, чтобы „спа-тись отъ жизни“, онъ предавался разсѣяніямъ и удоволь-твіямъ, избѣгая оставаться наединѣ съ самимъ собою и сво-ми мыслями.

„Иногда Пьеръ вспоминалъ о слышанномъ имъ разсказѣ о омъ, какъ на войнѣ солдаты, находясь подъ выстрѣлами въ при-рытіи, когда имъ нечего дѣлать, старательно изыскиваютъ себѣ анятіе для того, чтобы, легче переносить опасность. И Пьеру *всѣ юди представлялись такими солдатами, спасающимися тъ жизни*: кто честолюбіемъ, кто картами, кто писаніемъ зако-овъ, кто женщинами, кто игрушками, кто лошадьми, кто полити-ой, кто охотой, кто виномъ, кто государственными дѣлами. „Нѣтъ и ничтожнаго, ни важнаго, все равно: только бы спастись отъ нея, акъ умѣю!“ думалъ Пьеръ. „Только бы не видать ее, эту страш-ую ее“.

Душевное возрожденіе Пьера.

Такое состояніе душевнаго напряженія не могло продол жаться долго: Пьеру необходимо было такъ или иначе найт изъ него выходъ, и онъ нашелъ наконецъ этотъ выходъ когда впервые вступилъ въ непосредственныя отношенія с невѣдомой ему до тѣхъ поръ *народной средой*, познакомилс со строемъ народнаго міросозерцанія. Это міросозерцаніе, с его простой опредѣленностью и цѣлостностью, подѣйствовал на Пьера, какъ новое откровеніе: въ немъ онъ нашелъ ра рѣшеніе мучившей его загадки жизни, нашелъ руководств какъ ему жить.

Сближеніе съ народомъ.

Первое сближеніе Пьера съ народной стихіей произошл на полѣ Бородинскаго сраженія, гдѣ онъ познакомился с русскимъ народомъ, въ лицѣ солдатъ. Ихъ спокойная, про стодушная храбрость, полная простота ихъ обращенія, отсут ствіе всякой аффектаціи и всякаго стремленія выдвинут свою личность изъ общей массы, серьезность и твердость их настроенія, свидѣтельствующія о присутствіи въ нихъ боль шой нравственной силы, самоотверженіе, съ которымъ он дрались и умирали,—все это произвело на Пьера чрезвычайн сильное впечатлѣніе. Онъ еще не отдавалъ себѣ яснаго отче та въ сущности этого впечатлѣнія, но онъ чувствовалъ, чт передъ нимъ открылся новый міръ, совершенно чуждый то му, въ которомъ онъ самъ вращался, къ которому самъ при надлежалъ и который казался ему исполненнымъ лжи обмана. Этотъ новый міръ вызывалъ восторженное удивлен Пьера, привлекалъ къ себѣ всѣ его симпатіи. И онъ почувств валъ страстное желаніе самому войти въ этотъ міръ, обно вить свою жизнь, стать такимъ же, какими были „они“.— „*Они* въ понятіи Пьера были солдаты, тѣ, которые были н батареѣ, и тѣ, которые кормили его, и тѣ, которые молилис на икону. *Они*—эти странные, невѣдомые ему доселѣ люди *они* ясно и рѣзко отдѣлялись въ его мысли отъ всѣхъ дру гихъ людей. — Солдатомъ быть, просто солдатомъ! — думал Пьеръ,—войти въ эту *общую* жизнь всѣмъ существомъ, про никнуться тѣмъ, что дѣлаетъ ихъ такими. Но какъ скинут съ себя все это лишнее, дьявольское, все бремя этого внѣш няго человѣка?“

Въ своемъ стремленіи уподобиться „*имъ*“, т.-е. людям этого новаго, невѣдомаго ему міра, Пьеръ доходитъ д мысли о самопожертвованіи, для чего онъ и составляет

планъ убить Наполеона [1]). Въ этомъ планѣ его привлекаетъ не столько самый актъ кровавой мести поработителю Европы, сколько именно возможность пожертвовать собою, ради общаго блага, потому что теперь онъ смотритъ на Наполеона, какъ на врага общественнаго блага. „Пьеръ въ своихъ мечтаніяхъ не представлялъ себѣ живо ни самаго процесса нанесенія удара, ни смерти Наполеона, но съ необыкновенной яркостью и съ грустнымъ наслажденіемъ представлялъ себѣ свою погибель и свое геройское мужество“.

Но эти мечты объ убійствѣ Наполеона и о самопожертвованіи не сбылись. Вмѣсто этого Пьеру пришлось пережить всѣ ужасы московскаго пожара, плѣна, военнаго суда, провести нѣсколько дней въ ожиданіи смертнаго приговора, лично присутствовать при казни дѣйствительныхъ или мнимыхъ поджигателей. Всѣ эти впечатлѣнія, въ особенности зрѣлище казни, потрясающимъ образомъ подѣйствовали на Пьера. Нравственный кризисъ.

„Съ той минуты, какъ Пьеръ увидалъ это страшное убійство, совершенное людьми, не хотѣвшими это дѣлать, въ душѣ его какъ будто вдругъ выдернута была та пружина, на которой все держалось и представлялось живымъ, и все завалилось въ кучу безсмысленнаго сора. Въ немъ, хотя онъ и не отдавалъ себѣ отчета, уничтожилась вѣра и въ благоустройство міра, и въ человѣческую, и въ свою душу, и въ Бога. Это состояніе было испытываемо Пьеромъ и прежде, но никогда съ такою силой, какъ теперь. Прежде, когда на Пьера находили такого рода сомнѣнія, сомнѣнія эти имѣли источникомъ собственную вину. И въ самой глубинѣ души Пьеръ тогда чувствовалъ, что отъ того отчаянія и тѣхъ сомнѣній было спасеніе въ самомъ себѣ. Но теперь онъ чувствовалъ, что не его вина была причиной того, что міръ завалился въ его глазахъ и остались однѣ безсмысленныя развалины. Онъ чувствовалъ, что возвратиться къ вѣрѣ въ жизнь—не въ его власти“.

Но это охватившее его отчаяніе было лишь послѣднимъ кризисомъ въ его душевномъ развитіи; за этимъ кризисомъ наступилъ нравственный переломъ, вернувшій ему снова утра- Платонъ Каратаевъ.

[1]) Толчокъ къ этому плану убить Наполеона дала ему мысль о томъ, что участь его таинственнымъ образомъ связана съ судьбой французскаго императора. Смотря на Наполеона, какъ на апокалипсическаго звѣря, онъ съ помощью нѣкоторой уловки примѣнилъ и къ своему имени звѣриное число 666. Въ этихъ мистическихъ выкладкахъ можно видѣть слѣды вліянія масонскихъ ученій.

ченную „вѣру въ жизнь“. Этотъ переломъ послѣдовалъ под
вліяніемъ сближенія Пьера съ Каратаевымъ, въ лицѣ кото
раго онъ увидалъ какъ бы живое воплощеніе таинственнаго
чуждаго ему міра, міра русскаго народа. Двѣ черты особен
но сильно поразили его въ Каратаевѣ: это, во 1-хъ, — отсут
ствіе въ немъ *чувства личности*, и, во 2-хъ, его свѣтлый
оптимистическій *фатализмъ*, его непоколебимая вѣра в
нравственное „благообразіе“ жизни, вѣра, которую не могл
подорвать никакія испытанія. Сущность вліянія, оказаннаг
Каратаевымъ на Пьера, заключалась въ томъ, что онъ пере
сталъ ставить себѣ вопросы о цѣли и смыслѣ жизни, кото
рые такъ мучили его раньше; эти *вопросы* замѣнились дл
него теперь глубокой *вѣрой въ жизнь*, въ таинственныя силы
которыя руководятъ ею, и въ которыхъ проявляется Боже
ственный Промыселъ, ведущій человѣка ко благу и истинѣ
Увлеченіе масонскими идеями подготовило Пьера къ воспри
нятію религіозныхъ элементовъ, заключавшихся въ міросо
зерцаніи Каратаева.—Вмѣстѣ съ тѣмъ отпала для Пьера
прежняя забота о собственной личности, о томъ, чтобы най
ти себѣ призваніе въ жизни, которое вполнѣ удовлетворял
бы его, отпали и прежнія сомнѣнія п колебанія, причиняв
шія ему тяжелыя внутреннія страданія. Изъ усвоенной им
вѣры въ жизнь и въ руководящее ею Провидѣніе происте
кало, какъ естественное слѣдствіе, сознаніе необходимост
*подчиненія воли человѣка этому высшему руководящему на
чалу*, отказъ отъ самочиннаго умствованія, заставлявшаго ег
метаться изъ стороны въ сторону въ поискахъ за истиной
Въ этомъ подчиненіи своей личности—общему и высшему
Пьеръ нашелъ наконецъ то нравственное удовлетвореніе, ко
тораго ему недоставало.

„И именно въ это самое время (т.-е. во время тяжелаго от
ступленія изъ Москвы и всѣхъ ужасовъ, которыхъ Пьеръ был
свидѣтелемъ) онъ получилъ то *спокойствіе и довольство собой*
къ которымъ онъ тщетно стремился прежде. Онъ долго въ своей
жизни искалъ съ разныхъ сторонъ этого успокоенія, согласія с
самимъ собою, того, что такъ поразило его въ солдатахъ въ Бо
родинскомъ сраженіи,—онъ искалъ этого въ филантропіи, въ ма
сонствѣ, въ разсѣяніи свѣтской жизни, въ винѣ, въ геройском
подвигѣ самопожертвованія, въ романической любви къ Наташѣ
онъ искалъ этого *путемъ мысли*, и всѣ эти исканія и попытк
всѣ обманули его. И онъ, самъ не думая о томъ, получилъ эт

успокоеніе и это согласіе съ самимъ собою только черезъ ужасъ смерти, черезъ лишенія и черезъ то, что понялъ въ Каратаевѣ", (Томъ IV, ч. II, гл. XII).

„То самое, чѣмъ онъ прежде мучился, чего онъ искалъ постоянно, *цѣли жизни*, теперь для него не существовало. Эта искомая цѣль жизни теперь не случайно не существовала для него, только въ настоящую минуту, но онъ чувствовалъ, что ея нѣтъ и не можетъ быть. И это-то отсутствіе цѣли давало ему то полное, радостное сознаніе свободы, которое въ это время составляло его счастье".

„Онъ не могъ имѣть цѣли, потому что онъ теперь имѣлъ *вѣру*,— не вѣру въ какія-нибудь правила, или слова, или мысли, но вѣру въ живого, всегда ощущаемаго Бога. Прежде онъ искалъ Его въ цѣляхъ, которыя онъ ставилъ себѣ. *Это исканіе цѣли было только исканіе Бога*; и вдругъ онъ узналъ въ своемъ плѣну не словами, не разсужденіями, но непосредственнымъ чувствомъ, то, что ему давно уже говорила нянюшка: что Богъ—вотъ Онъ, тутъ, вездѣ. Онъ въ плѣну узналъ, что Богъ въ Каратаевѣ болѣе великъ, безконеченъ и непостижимъ, чѣмъ въ признаваемомъ масонами Архитектонѣ вселенной. Онъ испыталъ чувство человѣка, нашедшаго искомое у себя подъ ногами, тогда какъ онъ направлялъ зрѣніе, глядя далеко отъ себя. Онъ всю жизнь свою смотрѣлъ куда-то поверхъ головъ окружающихъ людей, а надо было не напрягать глазъ, а только смотрѣть передъ собой".

„Онъ не умѣлъ видѣть прежде великаго, непостижимаго и безконечнаго ни въ чемъ. Онъ только чувствовалъ, что оно должно быть гдѣ-то, и искалъ его. Во всемъ близкомъ, понятномъ онъ видѣлъ одно ограниченное, мелкое, житейское, безсмысленное. Онъ вооружался умственной зрительной трубой и смотрѣлъ вдаль, туда, гдѣ это мелкое житейское, скрывалось въ туманной дали, казалось ему великимъ и безконечнымъ оттого, что оно было не ясно видимо. Такимъ ему представлялась европейская жизнь, политика, масонство, философія, филантропія. Но и тогда, въ тѣ минуты, которыя онъ считалъ своей слабостью, умъ его проникалъ и въ эту даль, и тамъ онъ видѣлъ то же мелкое, житейское, безсмысленное. Теперь же онъ *выучился видѣть великое, вѣчное и безконечное во всемъ*, и потому естественно, чтобы видѣть его, чтобы наслаждаться его созерцаніемъ, онъ бросилъ трубу, въ которую смотрѣлъ до сихъ поръ черезъ головы людей, и радостно созерцалъ вокругъ себя вѣчно измѣняющуюся, вѣчно великую, непостижимую и безконечную жизнь. И чѣмъ ближе онъ смотрѣлъ, тѣмъ больше онъ былъ спокоенъ и счастливъ. Прежде разрушавшій всѣ его умственныя постройки страшный вопросъ: зачѣмъ? теперь для него не существовалъ. Теперь на этотъ вопросъ—зачѣмъ? въ душѣ его всегда готовъ былъ простой отвѣтъ: затѣмъ, что есть Богъ, тотъ Богъ, безъ воли Котораго не спадетъ волосъ съ головы человѣка". (Томъ IV, ч. IV, гл. XII).

Измѣненіе въ настроеніи и характерѣ Пьера.

Всей этой перемѣной въ своемъ настроеніи и міросозерцаніи Пьеръ всецѣло обязанъ Каратаеву. Поэтому онъ на всю жизнь сохранилъ о немъ благодарную память, какъ о человѣкѣ, выведшемъ его изъ его блужданій на вѣрную дорогу, и Каратаевъ „остался навсегда въ душѣ Пьера самымъ сильнымъ и дорогимъ воспоминаніемъ и олицетвореніемъ всего русскаго, добраго, круглаго". Бодрость и увѣренность въ себѣ смѣнили прежнее состояніе нерѣшительности и сомнѣнія. „Пока есть жизнь, есть и счастье", сказалъ онъ княжнѣ Марьѣ, при первой встрѣчѣ съ ней послѣ московскаго разоренія, — и въ этихъ словахъ выразился тотъ свѣтлый, оптимистическій взглядъ на человѣческую судьбу, который онъ себѣ усвоилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ житейскихъ отношеніяхъ онъ сталъ проявлять гораздо больше твердости и настойчивости, которыхъ ему недоставало раньше. Оптимизмъ Пьера оправдался и на дѣлѣ—въ его собственной судьбѣ обстоятельства сложились такъ благопріятно для него, что онъ достигъ полнаго личнаго счастья, о которомъ прежде не рѣшался и мечтать: романъ оканчивается изображеніемъ счастливой семейной жизни Пьера и Наташи (въ эпилогѣ).

Пьеръ въ эпилогѣ.

Но въ томъ же эпилогѣ есть и намеки на новую катастрофу, угрожающую Пьеру. Семейная жизнь далеко не поглотила его цѣликомъ. Общественные интересы, игравшіе и раньше весьма значительную роль въ его умственной жизни, теперь овладѣли имъ съ особенной силой. Въ эпилогѣ романа Пьеръ является однимъ изъ организаторовъ и дѣятельныхъ членовъ тѣхъ тайныхъ обществъ, въ которыхъ выразился протестъ наиболѣе образованной и либеральной части русскаго общества противъ реакціоннаго направленія государственной политики (кн. Голицынъ, Магницкій, Аракчеевъ). Эта тайная дѣятельность Пьера была, несомнѣнно, отступленіемъ отъ Каратаевскихъ воззрѣній. Самъ Пьеръ сознавалъ это и потому въ разговорѣ съ Наташей, коснувшись этого вопроса, выразилъ убѣжденіе, что Каратаевъ не понялъ бы и не одобрилъ его дѣятельности. Съ такимъ же неодобреніемъ, повидимому, относится къ ней и самъ авторъ: онъ видитъ въ ней уклоненіе отъ пассивнаго подчиненія жизни, возвращеніе къ „самочинному умствованію", попытку личности, съ ея слабыми силами и слабымъ разумѣніемъ, вмѣшаться въ ходъ исторіи. За эту дерзновенную попытку

личность должна заплатить тяжелыми испытаніями, — и эти испытанія, очевидно, въ недалекомъ будущемъ предстоятъ Пьеру. Въ эпилогѣ романа мы находимъ какъ бы завязку новой драмы, дѣйствующими лицами которой должны выступить Пьеръ, молодой Болконскій, сынъ князя Андрея, и Наташа, въ качествѣ одной изъ тѣхъ „русскихъ женщинъ", которыя нашли въ себѣ достаточно физическихъ и нравственныхъ силъ, чтобы раздѣлить со своими мужьями всѣ выпавшія на ихъ долю лишенія и страданія.

Изъ женскихъ типовъ романа съ особенной любовью и подробностью обрисованы Толстымъ княжна Марья Болконская и Наташа Ростова. Подобно Пьеру и кн. Андрею, обѣ онѣ во многихъ отношеніяхъ представляютъ полную противоположность другъ другу. *Княжна Марья*, некрасивая и неграціозная по внѣшности, неблестящая по способностямъ, производитъ глубокое впечатлѣніе высшей духовной красоты. Подобно Лизѣ Тургенева, она вся проникнута поэзіей христіанскаго самоотверженія и высокой нравственной чистоты. На жизнь она смотритъ серьезно и строго, какъ на исполненіе долга, возложеннаго на нее Богомъ. И какъ бы ни былъ тяжелъ этотъ долгъ, она готова всегда исполнять его безропотно и покорно. Княжна Марья.

Эта *покорность* и *терпѣніе*, въ которыхъ выражалась *сила ея характера*, были воспитаны въ ней всей обстановкой ея жизни. Молодость ея прошла безцвѣтно и безрадостно. Рано лишившись матери, она осталась на рукахъ отца, страстно любившаго свою дочь но словно стыдившагося выказать ей всю нѣжность своего чувства и потому обращавшагося съ ней съ особенной суровостью, невольно внушавшей ей чувство непобѣдимаго страха. Съ годами характеръ старика все болѣе портился и ему стало доставлять какое-то особое удовольствіе — всячески мучить свою дочь, причиняя ей нравственныя страданія. При этомъ, однако, онъ не переставалъ ее глубоко любить, не допуская даже мысли о возможности разлуки. Это противорѣчіе между чувствомъ и его внѣшнимъ выраженіемъ, составляющее странное, но далеко не рѣдкое явленіе человѣческой психологіи, прекрасно схвачено и изображено Толстымъ въ отношеніяхъ стараго князя Болконскаго къ своей дочери. Только передъ смертью сердце старика

смягчилось, и княжна Марья могла почувствовать всю силу его глубоко-затаенной и нѣжной любви.

Во всемъ подчиняясь волѣ отца, княжна Марья только въ одной области твердо сохраняла свою самостоятельность,— именно, въ области религіи. Ея глубокая *религіозность* помогала ей переносить всѣ страданія жизни, въ ней почерпала она силу и утѣшеніе въ своей грустной участи. Несмотря на весь свой страхъ передъ отцомъ, она даже рѣшалась нарушать его запрещеніе и принимала у себя разныхъ странницъ и „Божьихъ людей", и съ наслажденіемъ слушала ихъ наивные, безхитростные разсказы. Въ грустныя минуты она даже сама мечтала о томъ, чтобы сдѣлаться странницей. „Въ воображеніи своемъ она уже видѣла себя съ Ѳедосьюшкой, въ грубомъ рубищѣ, шагающею съ палочкой и котомочкой по пыльной дорогѣ, направляя свое странствіе, безъ зависти, безъ любви человѣческой, безъ желаній, отъ угодниковъ къ угодникамъ, и въ концѣ концовъ туда, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, а вѣчная радость и блаженство".

Княжна Марья *чужда всякаго эгоизма*, всякихъ себялюбивыхъ помысловъ. Она съ молодыхъ лѣтъ такъ привыкла жертвовать собою ради другихъ, что это самопожертвованіе доставляетъ ей прямое наслажденіе, составляетъ для нея душевную потребность. „Всѣ сложные законы человѣчества сосредоточивались для нея въ одномъ простомъ и ясномъ законѣ — въ законѣ любви и самоотверженія, преподанномъ намъ Тѣмъ, Который съ любовью страдалъ за человѣчество, когда самъ Онъ—Богъ. Что́ ей было за дѣло до справедливости или несправедливости другихъ людей? Ей надо было самой страдать и любить, и это она дѣлала".—Чувства злобы, ненависти, вражды были непонятны кн. Марьѣ. Умѣя терпѣть, она умѣла также прощать людямъ за тѣ страданія, которыя они ей причиняли, вольныя и невольныя. Она умѣла подняться до той высоты евангельской любви, которая равно обнимаетъ добрыхъ и злыхъ, которая заставляетъ любить враговъ и молиться за ненавидящихъ. Предчувствуя, что кн. Андрей будетъ искать случая отомстить Анатолю за измѣну Наташи, она уговариваетъ его отказаться отъ этой мести: „Я понимаю тебя. Не думай, что горе сдѣлали люди. Горе послано Имъ, а не людьми. Люди — орудія Его; они не виноваты. Ежели тебѣ кажется, что кто-нибудь виноватъ передъ тобой,—

забудь это и прости. Мы не имѣемъ права наказывать. *И ты поймешь счастье прощать*".

Но при всей своей нравственной высотѣ, княжна Марья нечужда нѣкоторыхъ человѣческихъ слабостей,—и эти именно слабости придаютъ особенную жизненность ея изображенію: безъ нихъ она была бы слишкомъ чиста, слишкомъ идеальна, была бы какимъ-то отвлеченнымъ воплощеніемъ христіанскихъ добродѣтелей. Несмотря на отсутствіе эгоизма въ ея натурѣ, несмотря на высоту своихъ помысловъ, кн. Марья нерѣдко мечтаетъ о возможности земного счастья, о любви, о семейной жизни. Появленіе Анатоля повергаетъ ее въ трепетъ; она готова полюбить его, не зная еще ничего о его характерѣ, взглядахъ и т. д. Впослѣдствіи эта мечта о семейномъ счастьѣ осуществилась: княжна Марья нашла преданнаго и любящаго мужа въ лицѣ Николая Ростова, на котораго она имѣла сильное, облагораживающее вліяніе (эпизодъ съ перстнемъ). Но достигнувъ исполненія своей мечты, была ли она вполнѣ счастлива и довольна? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно. „Душа графини Марьи всегда стремилась къ безконечному, вѣчному и совершенному, и потому никогда не могла быть покойна". Ея чуткая душевная организація не могла удовлетвориться тѣмъ, что́ давала ей жизнь, и отзывалась болью на всѣ неровности и шероховатости жизненныхъ отношеній, на всѣ темныя явленія дѣйствительности. Оттого на лицѣ ея часто „выступало строгое выраженіе затаеннаго высокаго страданія души", которое смущало и страшило ея мужа. Подобно Лизѣ Калитиной, она принадлежала къ числу тѣхъ натуръ съ необычайно нѣжной, тонкой и чувствительной душою, о которыхъ Лермонтовъ сказалъ:

Творецъ изъ лучшаго эѳира
Соткалъ живыя струны ихъ,
Они не созданы для міра,
И міръ былъ созданъ не для нихъ.

Въ противоположность княжнѣ Марьѣ, которая является существомъ „не отъ міра сего", *Наташа Ростова* всецѣло принадлежитъ земному міру. Ей совершенно чужды идеалистическая мечтательность и порывы въ высь, и непонятны идеалы смиренія, покорности, самоотреченія. Во всемъ ея характерѣ, во всѣхъ ея поступкахъ сказывается *избытокъ жизненной силы*, которая иногда какъ-будто даже тяготитъ

Наташа.

ее, не находя себѣ исхода и примѣненія. Наташа—натур чрезвычайно богатая и даровитая. Своимъ пѣніемъ она при водитъ въ восторгъ музыкантовъ; въ танцахъ она обращает на себя всеобщее вниманіе своей граціей. За что́ бы она н бралась, все спорилось подъ ея руками, все она умѣла сдѣ лать лучше, чѣмъ другіе (эпизодъ съ укладкой вещей). Е внѣшняя даровитость настолько велика и такъ бросается в глаза, что за нею становятся незамѣтны всѣ недочеты е образованія и отсутствіе въ ней болѣе широкихъ умствен ныхъ интересовъ. „Она не удостоиваетъ быть умной“, выра зился по этому поводу Пьеръ. Это не значитъ однако, чтоб у нея не хватало ума: но умъ ея проявляется не столько в отвлеченныхъ интересахъ, сколько въ непосредственных жизненныхъ отношеніяхъ,—напр., въ ея *чуткости* и *про ницательности*, въ умѣніи угадывать людей и опредѣлят ихъ характеръ (отзывы о Денисовѣ, о Долоховѣ: „у него вс назначено, а я этого не люблю“; о Пьерѣ, о Борисѣ Дру бецкомъ).

Какъ талантливая натура, Наташа вѣритъ въ себя, в свои силы, даже восхищается собой, и умѣетъ заставлять другихъ восхищаться. Живая, впечатлительная, жизнера достная, она любитъ жизнь и наслажденія жизни, жаждет личнаго счастья, ищетъ удовольствій, но она совершенн чужда грубаго циничнаго эгоизма Эленъ, которая в чувственныхъ наслажденіяхъ и утѣхахъ тщеславія видит весь смыслъ жизни. Натура страстная и увлекающаяся, На таша способна дѣлать ошибки, рисковать всѣмъ своим счастьемъ и даже участью (эпизодъ съ Анатолемъ), но в этихъ увлеченіяхъ сказывается лишь тотъ же избытокъ жив ненныхъ силъ и неопытность, а не отсутствіе нравственнаг сознанія. Свои ошибки Наташа искупаетъ муками раскаянія тяжелыми внутренними страданіями. Страданія эти даже ока зываются благодѣтельными для ея духовнаго развитія: он просвѣтляютъ ея душу, очищаютъ ее отъ легкомыслія моло дости, внушаютъ болѣе серьезный взглядъ на жизнь. Он научается понимать и цѣнить многое, что было ей раньш чуждо и непонятно; такъ, напр., послѣ пережитаго опыта она тѣсно сближается съ кн. Марьей, которая раньше, пр первой встрѣчѣ, произвела на нее непріятное впечатлѣніе теперь же Наташа, несмотря на всю разницу ихъ натур

полюбила ее, поняла духовную красоту ея личности и ея стремленій. „Княжна Марья разсказывала про свое дѣтство, про свою мать, про своего отца, про свои мечтанія; и Наташа, прежде съ спокойнымъ непониманіемъ отворачивавшаяся отъ этой жизни преданности, покорности, отъ поэзіи христіанскаго самоотверженія, теперь, чувствуя себя связанной любовью съ княжной Марьей, полюбила и прошедшее княжны Марьи и поняла непонятную ей прежде сторону жизни. Она не думала прилагать къ своей жизни покорность и самоотверженіе, потому что она привыкла искать другихъ радостей, но она поняла и полюбила въ другой эту, прежде непонятную ей добродѣтель. Для княжны Марьи, слушавшей разсказы о дѣтствѣ и первой молодости Наташи, тоже открывалась прежде непонятная сторона жизни, вѣра въ жизнь, въ наслажденія жизни“.

Несмотря на кажущееся легкомысліе и любовь къ „наслажденіямъ жизни“, Наташа способна къ сильному и глубокому чувству и къ благороднымъ порывамъ. Послѣднее особенно ярко проявляется во время отъѣзда Ростовыхъ изъ Москвы, передъ нашествіемъ французовъ, когда Наташа настаиваетъ на томъ, чтобы вещи, которыми нагружались подводы, были оставлены на произволъ судьбы и вмѣсто нихъ были взяты съ собой русскіе раненые. — Сила и глубина чувства, къ которому она была способна, сказывается въ томъ потрясающемъ впечатлѣніи, которое производитъ на нее сперва разрывъ съ кн. Андреемъ, а затѣмъ смерть его. Подъ вліяніемъ раскаянія и связанныхъ съ нимъ душевныхъ мученій она тяжело заболѣваетъ и оправляется лишь съ большимъ трудомъ. Когда же на ея рукахъ умираетъ князь Андрей, она предается безнадежной скорби и отчаянію, становится ко всему равнодушной, утрачиваетъ всякій интересъ ко всему окружающему. Только забота о матери, обезумѣвшей подъ вліяніемъ извѣстія о смерти сына, возвратила ее къ жизни, „освободила ее отъ запрета жизни“. Самоотверженно ухаживая за матерью, она забывала свое собственное горе, и ея душевная рана постепенно затягивалась и заростала. „Наташа думала, что жизнь ея кончена. Но вдругъ любовь къ матери показала ей, что сущность ея жизни — любовь—еще жива въ ней. Проснулась любовь, и проснулась жизнь“.

Такую же способность къ глубокому, постоянному чувству проявляетъ Наташа и въ эпилогѣ романа, который изображаетъ ее въ новой роли любящей жены и матери. Мы видимъ ея глубокую преданность семьѣ, ея способность ради семьи отказаться отъ всего того, что прежде составляло ея обаяніе, какъ женщины, ея самоотверженную заботливость о мужѣ и дѣтяхъ. Все это показываетъ глубину ея чувства и строгое сознаніе своего долга, которыхъ даже трудно было предполагать въ легкомысленной, увлекающейся и самолюбивой дѣвушкѣ, какою она изображена въ первыхъ частяхъ романа.

Николай Ростовъ.

По сравненію со всѣми характеризованными выше лицами, личность *Николая Ростова* представляется гораздо менѣе сложной, гораздо менѣе богатой высшими духовными силами. Тѣмъ не менѣе онъ изображенъ Толстымъ съ явною симпатіей. По складу своей личности, онъ принадлежитъ къ тому же типу какъ Володя въ „Дѣтствѣ и Отрочествѣ“, какъ старшій Козельцовъ въ „Севастопольскихъ разсказахъ“, какъ Лукашка въ „Казакахъ“. Лица подобнаго душевнаго склада всегда привлекали къ себѣ особенное вниманіе Толстого,— быть можетъ, вслѣдствіе полной противоположности съ его собственной психической организаціей. Николай Ростовъ— натура цѣльная, непосредственная, чуждая всякой раздвоенности, всякаго внутренняго разлада. Онъ живетъ, „не мудрствуя лукаво“, не задаваясь тѣми мучительными, „проклятыми“ вопросами, которые составляютъ главнѣйшее содержаніе духовной жизни Пьера и князя Андрея. Вообще умственные интересы его не отличаются интенсивностью и разнообразіемъ, кругозоръ его узокъ и ограниченъ. Но у него есть, по выраженію Толстого, „здравый смыслъ посредственности“, есть нравственное чутье, есть врожденный тактъ, помогающіе ему находить правильный путь среди разнообразныхъ жизненныхъ отношеній. Эта внутренняя цѣльность натуры Николая, присущая ему прямота и благородство, отсутствіе себялюбивой заботы о своемъ „я“, стремленія такъ или иначе выдвинуть свою личность, а вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе привычки постоянно обращаться мыслью къ самому себѣ, разбираться во всѣхъ своихъ душевныхъ переживаніяхъ, привычки самоанализа, убивающаго всякое непосред-

зенное чувство,—вотъ главнѣйшія основанія той симпатіи оторая ясно сказывается въ отношеніяхъ автора къ Николаю остову.

Не только эти главныя лица произведенія Толстого, но также всѣ второстепенныя и эпизодическія изображены имъ съ замѣтельной яркостью и жизненностью. Такова, напр., фрейлина Анна авловна Шереръ, съ ея дипломатическимъ салономъ и съ ея тѣніемъ поддерживать на своихъ вечернихъ собраніяхъ правильій ходъ „равномѣрной, приличной, разговорной машины"; такова на Михайловна, мать Бориса Друбецкого, со своимъ „дѣловымъ, абоченнымъ и вмѣстѣ христіански-кроткимъ видомъ"; таковъ самъ орисъ, съ его стремленіемъ „служить по неписанной субординаціи"; ковъ Билибинъ, съ его „исключительно русскимъ безстрашіемъ редъ самоосужденіемъ и самоосмѣяніемъ"; таковъ старикъ Алпатичъ, гордый сознаніемъ, что онъ—довѣренный слуга генералъшефа князя Болконскаго, и безсознательно подражающій въ словахъ и обхожденіи своему господину. Только въ очень рѣдкихъ, диничныхъ случаяхъ изображеніе Толстого грѣшитъ нѣкоторымъ еувеличеніемъ: таково, напр., изображеніе Берга, переходящее встами прямо въ карикатуру. Но юмористическое описаніе званаго чера у Берговъ отличается мѣткостью наблюденія и остроуміемъ. ъ числу такихъ же рѣдкихъ въ романѣ проявленій *юмора* Толстого носится и вся исторія сватовства Бориса Друбецкого къ Жюли рагиной, при чемъ въ этомъ эпизодѣ Толстой сумѣлъ чрезвычайно нко отмѣтить смѣшныя и карикатурныя стороны моднаго въ то емя сентиментализма, съ его напускной „меланхоліей", нисколько мѣшавшей веселиться или мечтать о выгодной женитьбѣ.— омѣ изображенія отдѣльныхъ личностей и ихъ характеровъ, въ Войнѣ и Мирѣ" неоднократно встрѣчаются сцены и эпизоды, въ торыхъ дѣйствуютъ не единичныя лица, а цѣлыя народныя массы: пр., солдаты (въ изображеніи Бородинскаго сраженія), крестьяне нтъ въ Богучаровѣ, усмиренный вмѣшательствомъ Николая остова), городская чернь (волненіе передъ вступленіемъ французъ въ Москву, убійство Верещагина). Въ этихъ *массовыхъ енахъ* обнаруживается замѣчательное умѣнье Толстого анализировать психологію толпы, изображать ея настроеніе и ея стихійныя иженія, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ чувствъ и страстей. ѣстѣ съ тѣмъ изображеніе Толстого бросаетъ яркій свѣтъ на ль отдѣльныхъ личностей въ массовыхъ движеніяхъ, а также на пульсивный и подражательный характеръ, которымъ отличаются ступки толпы въ моментъ психическаго возбужденія [1]).

---

[1]) Въ статьѣ *Михайловскаго*: «Герои и толпа» мы находимъ по этому вопросу цѣлый рядъ интересныхъ и остроумныхъ соображеній и выводовъ, построенныхъ отчасти на анализѣ именно массовыхъ сценъ, взятыхъ изъ «Войны и Мира».

Идея романа.

Главная идея „Войны и Мира“—идея *философско-религ ная*. Она заключается въ признаніи полнаго подчиненія ловѣка высшему руководящему началу, Провидѣнію, рас лагающему по своимъ предначертаніямъ его судьбой, оп дѣляющему всѣ его жизненныя отношенія. Хотя эта ид нигдѣ не выражена авторомъ открыто, въ видѣ отвлечен формулы, но она явственно проступаетъ во всѣхъ части романа, какъ тамъ, гдѣ Толстой касается историческихъ бытій величайшей важности, такъ и тамъ, гдѣ онъ повѣ вуетъ о жизни своихъ героевъ, частныхъ лицъ. Надъ вс путаницей человѣческихъ отношеній, надъ всѣмъ пестры калейдоскопомъ отдѣльныхъ эпизодовъ романа, чувствуе тяготѣніе какой-то таинственной силы, чувствуется прис ствіе невидимой руки, ведущей людей по невѣдомымъ и путямъ къ предопредѣленной цѣли. *Благо человѣка* закл чается въ сознательномъ или безсознательномъ *подчине* этому высшему руководящему началу, въ отказѣ отъ собств ной воли, въ смиреніи передъ неисповѣдимыми путями П мысла.

Только такимъ образомъ человѣкъ можетъ достигну внутренняго спокойствія, согласія съ самимъ собою, ясна свѣтлаго взгляда на жизнь и на людей. Къ такому имен выводу и приходитъ въ концѣ романа, послѣ всѣхъ перея тыхъ имъ испытаній, Пьеръ: онъ усвоиваетъ себѣ свѣтлы оптимистическій фатализмъ Каратаева, отказывается (хотя не вполнѣ) отъ самочинныхъ „исканій“, которыя приводи его только къ постояннымъ мучительнымъ сомнѣніямъ и зочарованіямъ, и утверждается въ вѣрѣ въ руководящ судьбами людей и ведущее ихъ ко благу Божество.—„Пре де разрушавшій всѣ его умственныя постройки страшн вопросъ: зачѣмъ? теперь для него не существовалъ. Тепе на этотъ вопросъ—зачѣмъ? въ душѣ его всегда готовъ бы простой отвѣтъ: затѣмъ, что есть Богъ, тотъ Богъ, безъ во Котораго не спадетъ волосъ съ головы человѣка“.

Проблема личности.

„Есть двѣ стороны въ жизни каждаго человѣка,—го ритъ Толстой — жизнь *личная* и жизнь стихійная, *роева* Въ первомъ случаѣ человѣкъ разсматривается какъ инди дуальное „я“, въ его особности и исключительности; во вт ромъ—какъ составная часть нѣкоего великаго цѣлаго (

да, человѣчества), связанная съ нимъ неразрывною цѣпью. изненная задача всякаго человѣка заключается въ томъ, обы найти устойчивое равновѣсіе между этими двумя сто-нами своего существа, достигнуть въ ихъ проявленіяхъ не-ходимаго согласія, установить гармоническія отношенія жду своей личной жизнью и жизнью общею „роевою“.

Безъ этого условія для человѣка, если только онъ не кій эгоистъ, невозможно прочное счастье, невозможенъ утренній миръ, нравственное удовлетвореніе. Въ стремле-и къ этому устойчивому внутреннему равновѣсію и заклю-ется, въ сущности, весь смыслъ душевныхъ „исканій“ ера и князя Андрея. Но достигнуть этого гармоническаго вновѣсія весьма трудно, а для многихъ совершенно невоз-жно.

Соотношеніе *личнаго* и *стихійнаго* начала въ душѣ каж-го человѣка опредѣляетъ собой тотъ или иной складъ его шевной организаціи: у однихъ людей преобладаетъ начало чное, у другихъ — начало стихійное, роевое. Къ первому лу душевныхъ организацій принадлежитъ *кн. Андрей*, на-олѣе характерной чертой котораго является повышенное вство личности; полную противоположность ему въ этомъ ношеніи представляетъ *Каратаевъ*, у котораго чувство лич-сти настолько слабо, что онъ почти не сознаетъ себя, какъ дѣльную единицу, а только какъ часть великаго цѣлаго, орое онъ постоянно въ себѣ чувствуетъ. Въ первомъ слу-ѣ, въ лицѣ кн. Андрея, мы видимъ *утвержденіе лично-и* въ ея отдѣльности, особности; во-второмъ случаѣ—*от-ицаніе личности*, замѣняемой сознаніемъ неразрывнаго един-а съ той общей, роевой жизнью, единичнымъ проявленіемъ орой она сама является. На примѣрѣ князя Андрея стой старается показать, къ чему приводитъ человѣка это рное утвержденіе своей личности: оно полагаетъ непре-имую грань между нимъ и всѣмъ окружающимъ міромъ, шаетъ его сознанія живой, непосредственной связи съ дьми и поселяетъ въ немъ мучительное чувство неисход-го душевнаго одиночества. Въ такомъ именно состояніи ходится кн. Андрей, и это состояніе является для него точникомъ тяжелыхъ внутреннихъ страданій, тоски и не-овлетворенности. Въ такомъ же состояніи находился и ѣръ до тѣхъ поръ, пока онъ не столкнулся лицомъ къ ли-

цу съ невѣдомой ему стихійной, роевой жизнью народа— полѣ Бородинскаго сраженія. Впечатлѣніе, которое она него произвела, было необыкновенно сильно. Подъ вліяніе непосредственнаго соприкосновенія съ этой новой для н жизнью, въ Пьерѣ пробуждается стремленіе слиться съ н воедино, стать причастнымъ этой общей, роевой жизни, „оп ститься“, стать такимъ же, какъ „они“, т.-е. какъ тѣ сол ты, которыхъ онъ наблюдалъ на Бородинскомъ полѣ. Х онъ и не приводитъ въ исполненіе этотъ первоначальн порывъ, однако впечатлѣніе отъ этого сближенія съ нар ной стихіей оставляетъ въ немъ неизгладимый слѣдъ. Б болѣе усиливается это впечатлѣніе подъ вліяніемъ его сб

Личность и народная стихія.

женія съ Платономъ Каратаевымъ. Это сближеніе производ цѣлый переворотъ въ настроеніе Пьера и во всемъ его м созерцаніи. Каратаевъ является въ глазахъ Пьера живы воплощеніемъ народной стихіи, воплощеніемъ общей, рое жизни. Онъ поражаетъ Пьера своимъ спокойствіемъ, урав вѣшенностью, своей непоколебимой вѣрой въ нравствен „благообразіе“ жизни, своимъ свѣтлымъ фатализмомъ, отс ствіемъ всякихъ сомнѣній, душевнаго разлада, наконецъ, сутствіемъ чувства личности, т.-е. всего того, что для Пь составляло источникъ постоянныхъ внутреннихъ страда Сближеніе съ народною стихіей въ лицѣ Каратаева послуж поворотнымъ пунктомъ въ исторіи душевнаго развитія Пье спасло его отъ прежнихъ сомнѣній и отчаянія, внуш ему ту бодрость, увѣренность, согласіе съ самимъ собою, торыхъ ему раньше недоставало. Вотъ почему память о ратаевѣ навсегда сохранилась въ душѣ Пьера, въ качес наиболѣе сильнаго и свѣтлаго воспоминанія, связаннаго чувствомъ любви и благодарности.

Противопоставляя единичныя личности изъ интеллиге ной среды, въ родѣ Пьера и кн. Андрея, народной стих Толстой постоянно подчеркиваетъ безсиліе личности раз шить собственнымъ, индивидуальнымъ разумѣніемъ тѣ сл ныя моральныя задачи, постановка которыхъ придаетъ ист ный смыслъ человѣческой жизни. Индивидуальный разу только запутывается въ неисходныхъ противорѣчіяхъ и его лучшія стремленія не приводятъ ни къ какимъ резу татамъ. Только *коллективный разумъ*, воплощающійся народной мудрости, способенъ разрѣшить высшіе вопр

авственнаго бытія человѣка, и только признаніе этой „на-дной правды“, смиреніе передъ нею, даетъ личности не-ходимую внутреннюю устойчивость, увѣренность въ самой бѣ. — Вообще все произведеніе Толстого проникнуто глу-кимъ *недовѣріемъ къ личности*, какъ таковой, къ ея си-мъ и стремленіямъ. Впрочемъ, уже въ прежнихъ произве-ніяхъ Толстого мы встрѣчаемся съ подобнымъ же настрое-емъ автора. Такъ, напр., въ „Казакахъ“ безсильной и без-льной личности интеллигентнаго человѣка, страдающаго ъ внутренняго разлада, противопоставляется могучая въ оей цѣльности, стихійная, роевая жизнь народной массы, ивущей въ постоянномъ общеніи съ окружающей природой, гармоническомъ согласіи съ нею. Здѣсь уже явственно ступаетъ отрицательное отношеніе Толстого къ современ-й европейской культурѣ, основанной на разсудочныхъ от-еченныхъ началахъ. Но въ этомъ противопоставленіи ин-плигентной личности и народной массы—*моральный мо-нтъ* еще вовсе не играетъ никакой роли. Но въ „Войнѣ Мирѣ“ онъ уже выступаетъ на первый планъ, потому что ихійная, роевая жизнь, олицетворенная въ лицѣ Каратаева, ляется вмѣстѣ съ тѣмъ носительницей высшаго нравствен-го идеала, идеала нравственнаго „благообразія“, идеала ростоты и правды“.

Общія идеи Толстого нашли себѣ отраженіе и въ его торическихъ взглядахъ. Исторія, по мысли Толстого, есть преимуществу выраженіе *„безсознательной, общей, роевой изни человѣчества“*. — „Человѣкъ сознательно живетъ для бя, но служитъ безсознательнымъ орудіемъ для достиженія торическихъ общечеловѣческихъ цѣлей. Совершонный по-упокъ невозвратимъ, и дѣйствіе его, совпадая по времени милліонами дѣйствій другихъ людей, получаетъ истори-ское значеніе. *Чѣмъ выше стоитъ человѣкъ на обществен-й лѣстницѣ*, чѣмъ съ большимъ числомъ людей онъ язанъ, чѣмъ больше власти онъ имѣетъ на другихъ людей, *ѣмъ очевиднѣе предопредѣленность и неизбѣжность каж-го его поступка“*. „Сердце царево въ руцѣ Божіей. Царь— ть рабъ исторіи“. Историческіе взгляды Толстого.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, Толстой приходитъ къ вершенно отрицательному взгляду на *роль личности въ* Роль личности въ исторіи.

исторіи. Онъ усиленно полемизируетъ противъ взглядо
старыхъ историковъ, которые объясняли всѣ историческія с
бытія, какъ результатъ дѣятельности отдѣльныхъ выдающихс
лицъ: государей, министровъ, полководцевъ, законодателе
реформаторовъ и т. д. Въ глазахъ же Толстого, „такъ наз
ваемые великіе люди суть только ярлыки, дающіе наимен
ваніе событіямъ“,—на самомъ же дѣлѣ они никакого вліян
на ходъ историческихъ событій не имѣютъ. Такъ, напр., с
вершенно ничтожной считаетъ Толстой роль Наполеона в
событіяхъ, связанныхъ съ его именемъ. Отвергая роль ли
ности въ исторіи вообще, онъ, въ частности, отвергаетъ
роль полководца въ ходѣ сраженія, старается показать, ч
всѣ его планы и распоряженія не имѣютъ и не могутъ имѣ
никакого значенія, такъ какъ они въ большинствѣ случаев
даже не осуществляются на дѣлѣ, — а исходъ сраженія з
виситъ исключительно отъ настроенія массъ, отъ общаго ду
войска. Всѣ расчеты, всѣ усилія Наполеона разбиваются
стойкость русскихъ солдатъ, поддерживаемую въ нихъ т
„скрытой теплотой патріотизма“, проявленіе которой такъ п
разило Пьера на Бородинскомъ полѣ. Толстой не только
признаетъ „геніальности“ Наполеона, но онъ старается из
бразить его прямо ничтожнымъ человѣкомъ, грубымъ эгоі
томъ и тщеславнымъ комедіантомъ, игравшимъ роль слѣпо
орудія въ рукахъ судьбы. Оцѣнивая значеніе Наполеона в
исторіи, Толстой приходитъ къ совершенно отрицательно
выводу: „Наполеонъ,—говоритъ онъ,—во все время своей д
ятельности былъ подобенъ ребенку, который держась за т
семочки, привязанныя внутри кареты, воображаетъ, что о
править“.

Точно такъ же отрицательно оцѣниваетъ Толстой зн
ченіе дѣятельности другихъ историческихъ лицъ, выведе
ныхъ въ его романѣ, напр., Ростопчина и Сперанскаго. В
Сперанскому онъ отнесся, какъ къ холодному кабинетно
теоретику, стремящемуся втиснуть живую жизнь въ узк
рамки, построенныя имъ на основаніи отвлеченныхъ, разс
дочныхъ теорій. Въ лицѣ Сперанскаго, изображеннаго
явнымъ несочувствіемъ и даже антипатіей, Толстой отмѣти
безсиліе личности, въ ея стремленіи наложить руку на хо
историческаго процесса, дать ему опредѣленное направлен
Такое стремленіе сознательно повліять на ходъ исторіи обр

ено на неизбѣжную неудачу, всегда остается безплоднымъ, потому что, по мнѣнію Толстого, *„только одна безсознательная дѣятельность приноситъ плоды*, и человѣкъ, играющій роль въ историческомъ событіи, никогда не понимаетъ его значенія; ежели онъ попытается понять его, онъ поражается безплодностью“.

Исторія, какъ стихійный процессъ.

Оцѣнивая такъ низко роль личности въ исторіи, Толстой прекаетъ ученыхъ историковъ въ томъ, что они держатся ротивоположнаго взгляда. „Для изученія законовъ исторіи,— амѣчаетъ онъ,—мы должны измѣнить совершенно предметъ аблюденія, оставить въ покоѣ царей, министровъ и генераовъ, *а изучать однородные, безконечно-малые элементы-оторые руководятъ массами*. Только допустивъ безконечно, алую единицу для наблюденія—дифференціалъ исторіи, т.-е. днородныя влеченія людей, и достигнувъ искусства интегриовать (брать суммы этихъ безконечно-малыхъ), мы можемъ адѣяться на постигновеніе законовъ исторіи“. Такимъ обраомъ центръ тяжести историческаго процесса переносится въ безсознательную, стихійную, роевую жизнь народныхъ массъ. лѣдовательно, законы исторіи суть вмѣстѣ съ тѣмъ законы гой стихійной, роевой жизни. Какъ всякій стихійный проессъ, они дѣйствуютъ съ силой необходимости и потому сключаютъ всякую возможность проявленія свободной воли о стороны человѣческой личности. „Если бы воля каждаго еловѣка была свободна, т.-е. если бы каждый могъ поступить акъ, какъ ему захотѣлось, то вся исторія есть рядъ безсвязыхъ случайностей. Если даже одинъ человѣкъ изъ милліоовъ, въ тысячелѣтній періодъ времени, имѣлъ возможность оступить свободно, т.-е. такъ, какъ ему захотѣлось, то очеидно, что одинъ свободный поступокъ этого человѣка, проивный законамъ, уничтожаетъ возможность существованія акихъ бы то ни было законовъ для всего человѣчества“. [1]).

---

[1]) Полемическіе нападки Толстого на современныхъ историковъ не овсѣмъ справедливы, потому что онъ приписываетъ имъ такіе взгляды, оторые давно уже оставлены наукой: въ настоящее время ни одинъ ученый изслѣдователь не станетъ объяснять историческихъ событій исключительно дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ, какую бы роль они не играли въ одѣ этихъ событій. Съ другой стороны, поднятый Толстымъ сложный и рудный вопросъ о роли личности въ исторіи, далеко не такъ просто рѣ-

Фатализмъ.

Такимъ образомъ, отрицая свободу воли въ человѣк считая ее лишь иллюзіей сознанія, Толстой долженъ бы неизбѣжно прійти къ полнѣйшему *фатализму*. Въ завис мости отъ общаго міросозерцанія Толстого, фатализмъ е носитъ религіозно-нравственную окраску и тѣсно связанъ с съ идеей Провидѣнія. Процессъ историческаго развитія ч ловѣчества не является результатомъ чисто внѣшней н обходимости, механическаго сцѣпленія причинъ и слѣдстві но имѣетъ свой внутренній, глубокій смыслъ, значеніе к тораго однако далеко не вполнѣ доступно человѣческому р зумѣнію. Историческіе дѣятели являются лишь непроизвол ными орудіями, слѣпыми исполнителями предначертан высшаго Промысла; такъ, напр., никто изъ участниковъ с бытій 1812 года не могъ постигнуть въ то время всего гр маднаго значенія этихъ событій и тѣхъ послѣдствій, къ к торымъ они должны привести. „Провидѣніе заставляло всѣх этихъ людей, стремясь къ достиженію своихъ личныхъ ц лей, содѣйствовать исполненію одного огромнаго результат о которомъ ни одинъ человѣкъ (ни Наполеонъ, ни Ал ксандръ, ни еще менѣе кто-либо изъ участниковъ войны) н имѣлъ ни малѣйшаго чаянія“. Поэтому истинно-великіе л ди — это тѣ, которые, „постигая волю Провидѣнія, подч няютъ ей свою личную волю“: къ числу такихъ „рѣдкихъ всегда одинокихъ людей“ Толстой относитъ, напр., Кутузов котораго онъ въ этомъ отношеніи противопоставляетъ сам надѣянному и самоувѣренному Наполеону. Въ этомъ созн тельномъ отказѣ отъ своей личной воли сказалась та общ черта, которая объединяетъ Кутузова съ Каратаевымъ, и которой Толстой видитъ наиболѣе характерную особенно русскаго національнаго духа. Объ этомъ отказѣ отъ сво личной воли и о смиреніи передъ неисповѣдимыми путя Промысла говорятъ и послѣднія строки книги Толстого, которыхъ онъ, возражая противъ возможности допущен

Идея Провидѣнія.

шается, какъ это дѣлаетъ онъ. Точно такъ же и его взгляды на свобо воли вызываютъ разнообразныя возраженія съ философской точки зрѣн Вообще теоретическія разсужденія представляютъ наиболѣе слабую сторо произведенія Толстого, хотя и среди нихъ встрѣчаются мѣткія и остр умныя замѣчанія; но зато они имѣютъ большое значеніе для понима его общаго міросозерцація.

свободы воли, приходитъ къ сознанію необходимости „отказаться отъ несуществующей свободы и признать неощущаемую нами зависимость“ [1]).

---

[1]) Литература о Толстомъ—на русскомъ и на иностранныхъ языкахъ—громадна. Для первоначальнаго ознакомленія можно указать на слѣдующія сочиненія: *Бирюковъ*: „Левъ Николаевичъ Толстой. Біографія“; *Андреевичъ*: „Толстой“ (біографическія очеркъ); *Левенфельдъ*: „Графъ Л. Н. Толстой, его жизнь, произведенія и міросозерцаніе“ (переводъ съ нѣмецкаго); *Страховъ*: „Критическія статьи о Тургеневѣ и Толстомъ“; *Овсянико-Куликовскій*: „Л. Н. Толстой какъ художникъ“; *Миллеръ*: „Русскіе писатели послѣ Гоголя“, т. 2-й; *Мережковскій*: „Толстой и Достоевскій“; Ген. *Драгомировъ*: „Очерки“: (Война и Миръ съ военной точки зрѣнія). Объ историческихъ взглядахъ Толстого см. книгу проф. *Карѣева*: „Историко-философскіе и соціологическіе этюды“. *К. Леонтьевъ*: О романахъ Л. Н. Толстого.

Глава VII-я.

Ѳ. М. Достоевскій.

I. Біографія Достоевскаго.

Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій родился въ Москвѣ 30-го октября 1821 года. Отецъ его былъ врачомъ въ одной изъ московской больницъ. Онъ отличался суровымъ и угрюмымъ характеромъ. Семья его, довольно многочисленная, жила замкнутой жизнью. Первоначальное воспитаніе Достоевскій получилъ дома, а затѣмъ поступилъ въ одинъ частный пансіонъ (Чермака). Онъ рано пристрастился къ чтенію, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе крайней мнительности отца онъ не могъ завесть знакомство въ кругу сверстниковъ и все свое время принужденъ былъ проводить дома. Въ 1838 году отецъ отвезъ Достоевскаго въ Петербургъ и опредѣлилъ въ военное инженерное училище. Здѣсь также Достоевскій ни съ кѣмъ изъ товарищей особенно не сходился, держался особнякомъ и заслужилъ себѣ репутацію нелюдима. Учебныя занятія, среди которыхъ преобладали математическія науки, мало соотвѣтствовали его интересамъ и вкусамъ, потому что его уже тогда сильно влекло въ сторону литературы. Все свободное время онъ употреблялъ на чтеніе, и за нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ въ инженерномъ училищѣ, хорошо познакомился съ лучшими писателями новаго и стараго времени, русскими и иностранными. Изъ числа послѣднихъ особенно сильное впечатлѣніе произвели на него Шиллеръ, Гофманъ и Жоржъ Зандъ. Повидимому, еще во время пребыванія въ училищѣ Достоевскій началъ самъ заниматься литературой, отдаваясь проснувшейся въ немъ потребности творчества.

Въ 1843 году Достоевскій окончилъ высшій офицерскій классъ инженернаго училища и поступилъ на службу въ петербургскую инженерную команду. Но служба мало удовлетворяла его и потому онъ уже въ слѣдующемъ году вышелъ въ отставку, съ намѣреніемъ всецѣло посвятить себя литературной дѣятельности. Въ маѣ 1845 года было уже закончено его первое крупное произведеніе, повѣсть „Бѣдные люди“, и Достоевскій, по совѣту Григоровича

(его товарища по инженерному училищу), доставилъ ее Некрасову, для помѣщенія въ задуманномъ имъ сборникѣ. Отдавая рукопись, Достоевскій чрезвычайно волновался за ея судьбу; особенно боялся онъ критики Бѣлинскаго: „Осмѣетъ онъ моихъ „Бѣдныхъ людей", думалось мнѣ, а писалъ я ихъ со страстью, почти со слезами",— вспоминалъ впослѣдствіи Достоевскій объ этомъ началѣ своей писательской карьеры. Но опасенія его были совершенно напрасны; наоборотъ, повѣсть его произвела въ литературныхъ кругахъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Объ этомъ есть разсказъ самого Достоевскаго (въ „Дневникѣ писателя"): въ тотъ день, когда онъ снесъ рукопись свою къ Некрасову, онъ поздно вернулся домой и долго не могъ заснуть отъ волнующихъ его думъ, какъ вдругъ, уже въ четвертомъ часу ночи, раздался звонокъ и въ комнату вошли въ сильнѣйшемъ возбужденіи Некрасовъ и Григоровичъ, и бросились его обнимать. Оказалось, что они вечеромъ принялись за чтеніе принесенной Достоевскимъ повѣсти, да такъ и не могли отъ нея оторваться, пока не дочитали ее до конца. Тутъ же они рѣшили тотчасъ же отправиться къ Достоевскому, чтобы сообщить ему о своемъ впечатлѣніи, несмотря на ночное время: „что же такое, что онъ спитъ,—мы разбудимъ его: *это* выше сна". На другой день Некрасовъ сообщилъ о произведеніи Достоевскаго Бѣлинскому, при чемъ отозвался объ авторѣ какъ о „новомъ Гоголѣ",— „У васъ Гоголи-то какъ грибы растутъ", строго замѣтилъ Бѣлинскій,—но, прочитавъ повѣсть, пожелалъ немедленно познакомиться съ Достоевскимъ, котораго онъ встрѣтилъ съ восторженными похвалами. Но не одни только литературные круги,—вся читающая публика сразу оцѣнила по достоинству „Бѣдныхъ людей" и имя Достоевскаго получило широкую извѣстность. Такой быстрый успѣхъ вскружилъ голову молодому, начинающему автору, отличавшемуся притомъ большимъ самолюбіемъ. Тѣмъ тяжелѣе была для него неудача, постигшая его произведенія, написанныя вскорѣ послѣ „Бѣдныхъ людей" („Двойникъ", „Господинъ Прохарчинъ", „Хозяйка", „Слабое сердце"). Публика отнеслась къ нимъ съ недоумѣніемъ, а критика, въ лицѣ того же Бѣлинскаго, встрѣтила ихъ очень недружелюбно. Дѣйствительно, въ этихъ произведеніяхъ Достоевскаго много болѣзненнаго, вымученнаго, недостаточно продуманнаго и обработаннаго. Отчасти это происходило оттого, что Достоевскому, не имѣвшему опредѣленныхъ источниковъ дохода и бывшему притомъ человѣкомъ чрезвычайно нерасчетливымъ, приходилось работать на-спѣхъ, ради заработка.

Въ апрѣлѣ 1849 года Достоевскій былъ арестованъ по дѣлу такъ называемыхъ „петрашевцевъ". Это былъ кружокъ большей частью молодыхъ людей, собиравшихся для чтенія и бесѣдъ у одного чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ — Петрашевскаго и увлеченныхъ преимущественно идеями французскаго утопическаго соціализма (Сенъ-Симона, Фурье, Кабе). Достоевскій также посѣщалъ „пятницы" Петрашевскаго, на которыхъ и говорилъ рѣчи, считавшіяся по тому времени „вольными": объ освобожденіи крестьянъ,

о смягченіи цензуры,—но многихъ идей кружка онъ совершенно не раздѣлялъ. Тѣмъ не менѣе онъ, вмѣстѣ съ другими „петрашевцами“, былъ приговоренъ (въ декабрѣ 1849 г.) къ смертной казни; однако, этотъ чрезмѣрно суровый приговоръ былъ смягченъ государемъ для всѣхъ участниковъ дѣла, и Достоевскому смертная казнь была замѣнена 4-лѣтней каторгой. Этотъ срокъ Достоевскій отбылъ въ Омской каторжной тюрьмѣ, порядки и бытъ которой онъ впослѣдствіи описалъ въ „Мертвомъ Домѣ“. Пребываніе на каторгѣ было особенно тяжело для Достоевскаго тѣмъ, что онъ былъ совершенно оторванъ отъ образованнаго общества, лишенъ возможности удовлетворять тѣмъ умственнымъ интересамъ, которыми онъ жилъ ранѣе. Единственная книга, допущенная въ острогѣ, было Евангеліе. Въ Тобольскѣ сосланныхъ петрашевцевъ посѣтили жены жившихъ тамъ декабристовъ и вручили имъ по экземпляру Евангелія, которое Достоевскій до конца своихъ дней берегъ какъ святыню и въ которомъ онъ на каторгѣ почерпалъ себѣ нравственныя силы для перенесенія тягости своего существованія. Подъ вліяніемъ чтенія Евангелія и ближайшаго знакомства съ русскимъ народомъ, въ лицѣ его товарищей по каторгѣ, сложилось и окрѣпло окончательно міросозерцаніе Достоевскаго. Христіанскіе идеалы на почвѣ русскаго народнаго духа—вотъ основа его вѣрованій, которымъ онъ оставался вѣренъ до конца своей жизни. Въ нихъ онъ нашелъ счастье и успокоеніе для своей тревожной и страждущей души, и въ нихъ же онъ видѣлъ залогъ высшаго духовнаго счастья для всего народа.

Отбывъ срокъ наказаній, Достоевскій въ началѣ 1854 года былъ отправленъ въ Семипалатинскъ и зачисленъ рядовымъ въ мѣстныя войска. Послѣ вступленія на престолъ императора Александра II, когда послѣдовали всевозможныя смягченія въ положеніи политическихъ ссыльныхъ, Достоевскій былъ произведенъ въ офицеры; въ 1859 году ему было позволено выйти въ отставку и вернуться въ Россію. Еще во время пребыванія въ Семипалатинскѣ Достоевскій вновь обратился къ литературнымъ занятіямъ („Дядюшкинъ сонъ“, „Село Степанчиково“). Послѣ возвращенія въ Петербургъ онъ съ кипучей энергіей принимается за прерванную ссылкой дѣятельность. Въ 1861 году онъ вмѣстѣ со старшимъ братомъ, Михаиломъ, основалъ журналъ „Время“, въ которомъ и помѣстилъ два крупныхъ своихъ произведенія: романъ „Униженные и Оскорбленные“ и автобіографическіе очерки изъ эпохи своей каторжной жизни: „Мертвый Домъ“. Журналъ „Время“, по характеру своего направленія приближался къ славянофильству; въ немъ между прочимъ участвовалъ и Аполлонъ Григорьевъ, одинъ изъ наиболѣе образованныхъ и талантливыхъ критиковъ, также примыкавшій отчасти къ славянофильскому лагерю. Одной изъ задачъ „Времени“ была полемика съ радикальными журналами, „Современникомъ“ и „Русскимъ Словомъ“, пользовавшимися наибольшимъ вліяніемъ въ обществѣ. Несмотря на это, „Время“ имѣло замѣтный успѣхъ среди публики, но въ 1863 году оно неожиданно было

запрещено, вслѣдствіе того, что цензура превратно поняла одну статью Достоевскаго по поводу польскаго возстанія. Хотя на слѣдующій годъ журналъ возобновился подъ другимъ названіемъ: „Эпоха“ но онъ уже не имѣлъ прежняго успѣха и въ 1865 году, послѣ смерти оффиціальнаго редактора (Михаила Достоевскаго), долженъ былъ окончательно прекратиться. Достоевскій принялъ на себя журнальные долги брата, а также и содержаніе его семьи, оставшейся почти безъ всякихъ средствъ, и это на долгое время разстроило его матеріальное положеніе. Однако эти тяжелыя обстоятельства не помѣшали ему создать въ это время одно изъ лучшихъ и наиболѣе глубокихъ своихъ произведеній, романъ „Преступленіе и Наказаніе“, напечатанный въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Каткова въ 1866 году. Въ слѣдующемъ году Достоевскій женился (вторично,— въ первый разъ онъ женился еще въ Сибири, но затѣмъ овдовѣлъ), и къ прежнимъ матеріальнымъ затрудненіямъ присоединилась еще забота о содержаніи собственной семьи. Чтобы избавиться отъ назойливости кредиторовъ, лишавшей его всякой энергіи въ работѣ, Достоевскій въ томъ же году уѣхалъ съ женой за границу, гдѣ онъ и провелъ четыре года, проживая въ Женевѣ, Миланѣ, Флоренціи и Дрезденѣ, стараясь устроиться попокойнѣе и подешевле и часто бѣдствуя почти безъ копѣйки денегъ. Письма изъ-за границы полны жалобъ на переживаемыя затрудненія и на страшную тоску по родинѣ, которой не могли ему замѣнить никакія чудеса чужой земли. Кромѣ того его нерѣдко мучила тяжелая болѣзнь (эпилепсія), которая началась у него еще въ Сибири и припадки которой повторялись у него до самой смерти. Но несмотря на всѣ эти тяжелыя условія жизни, Достоевскій усердно работалъ за границей и написалъ здѣсь два крупныхъ романа: „Бѣсы“ и „Идіотъ“; послѣдній по тонкости и глубинѣ психологическаго анализа и по оригинальности характера главнаго героя (князя Мышкина) также принадлежитъ къ числу лучшихъ созданій Достоевскаго.

Съ возвращеніемъ въ Россію въ 1871 году наступаетъ послѣдній періодъ его жизни, наиболѣе счастливый и спокойный. Матеріальное его положеніе упрочивается, слава возрастаетъ и къ голосу его все болѣе начинаетъ прислушиваться русское образованное общество. Онъ получаетъ возможность не торопясь обрабатывать свои произведенія, и такимъ образомъ возникаетъ наиболѣе крупное по размѣрамъ и наиболѣе глубокое по замыслу произведеніе: „Братья Карамазовы“. Но Достоевскій не ограничился одною художественной дѣятельностью, но занимался также и публицистикой; въ 1873 году онъ велъ публицистическій отдѣлъ въ журналѣ „Гражданинъ“, а въ 1876—77 гг. издавалъ собственный журналъ, подъ названіемъ: „Дневникъ писателя“, въ которомъ касался всевозможныхъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ. Всѣ статьи этого своеобразнаго изданія дышатъ глубокой любовью къ родинѣ и непоколебимой вѣрой въ великую миссію русскаго народа, которому, по убѣжденію Достоевскаго, предстоитъ трудная, но благодарная задача нравственнаго возрожденія „одряхлѣвшей Европы“. Эту же

мысль выразилъ онъ въ своей знаменитой рѣчи при открытіи памятника Пушкину (1880); въ Пушкинѣ Достоевскій видѣлъ живое воплощеніе русскаго національнаго духа и вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ на его тонкую отзывчивость къ идеаламъ чужихъ народовъ, на его способность вѣрно постигать ихъ, воспринимать ихъ въ себя и перерабатывать ихъ, соотвѣтственно съ собственнымъ міросозерцаніемъ и складомъ духа. Въ этой широтѣ пониманія и сочувствія Достоевскій видѣлъ залогъ „всечеловѣческой" миссіи русскаго народа, великимъ представителемъ котораго былъ Пушкинъ. Рѣчь Достоевскаго произвела на всѣхъ присутствующихъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе и вызвала единодушныя оваціи по адресу оратора. Большой успѣхъ выпалъ также на долю его послѣдняго романа: „Братья Карамазовы", напечатаннаго въ 1879—80 гг. Достоевскій собирался уже приступить къ созданію второй части этого романа, въ которой главную роль долженъ былъ играть Алеша, но смерть помѣшала ему осуществить это намѣреніе. Онъ скончался 28 января 1881 года. Похороны его отличались большой торжественностью и ясно показали, какимъ сочувствіемъ и уваженіемъ онъ пользовался въ русскомъ обществѣ [1]).

2. Бѣдные люди.

Въ противоположность Тургеневу, который долгое время не могъ выйти на настоящую дорогу, подчиняясь литературнымъ вліяніямъ, чуждымъ его характеру и дарованію,—Достоевскій въ первомъ же своемъ произведеніи обнаружилъ характерныя черты своего творческаго таланта. Это первое произведеніе—повѣсть „Бѣдные люди", напечатанная въ 1846 г., въ „Петербургскомъ Сборникѣ" Некрасова. Характерныя особенности творчества Достоевскаго, ярко сказывающіяся въ этой повѣсти, заключаются прежде всего—въ чрезвычайной тонкости и глубинѣ психологическаго анализа, а затѣмъ—въ глубокомъ сочувствіи ко всѣмъ „униженнымъ и оскорбленнымъ", въ замѣчательномъ умѣніи найти въ существахъ жалкихъ и забитыхъ, даже падшихъ, черты высокой человѣчности. Достоевскій — одинъ изъ лучшихъ психологовъ не только въ русской, но и въ міровой литературѣ. Въ этомъ отношеніи съ нимъ можетъ соперничать изъ русскихъ писателей лишь одинъ Толстой. Но въ то время какъ Толстой изображаетъ человѣческую душу преимущественно въ ея

---

[1]) Лучшимъ трудомъ, посвященнымъ Достоевскому, является книга, составленная *Ор. Миллеромъ и Страховымъ*: „Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго".

здоровомъ, нормальномъ состояніи, Достоевскій по преимуществу интересуется различными болѣзненными, патологическими явленіями душевной жизни и поэтому выбираетъ своими героями лицъ или явно страдающихъ какой-либо опредѣленной формой душевной болѣзни (Голядкинъ въ „Двойникѣ“, кн. Мышкинъ въ „Идіотѣ“) или же такихъ, психическій организмъ которыхъ болѣе или менѣе потрясенъ и обнаруживаетъ всевозможныя уклоненія отъ здороваго состоянія. Если же Достоевскій и выводитъ людей душевно здоровыхъ, каковы, напр., герои его первой повѣсти, то онъ ставитъ ихъ въ ненормальныя условія существованія и затѣмъ показываетъ, какое угнетающее вліяніе оказываютъ эти условія на ихъ душевную жизнь.

Но и въ томъ и другомъ случаѣ Достоевскій не остается холоднымъ и безстрастнымъ изслѣдователемъ, безучастнымъ къ предмету своего изученія; напротивъ того, всѣ произведенія Достоевскаго проникнуты духомъ глубокой гуманности: изображая своихъ страдающихъ героевъ, Достоевскій и самъ страдаетъ вмѣстѣ съ ними—и обыкновенно заставляетъ также страдать и читателя; оттого почти всѣ его романы производятъ крайне тяжелое и мрачное впечатлѣніе, которое смягчается лишь проникающей ихъ глубокой вѣрой въ человѣческое достоинство и въ силы человѣческаго духа.

По своему содержанію и по характеру главнаго лица „Бѣдные люди“ нѣсколько напоминаютъ „Шинель“ Гоголя. Самъ Достоевскій не только не отрицалъ своего сходства, но даже прямо признавалъ фактъ непосредственнаго и сильнаго вліянія Гоголя на него. „Мы всѣ вышли изъ Гоголевской *Шинели*“, выразился онъ однажды по этому поводу, считая себя такимъ образомъ однимъ изъ представителей того „филантропическаго“ направленія (по терминологіи Апол. Григорьева) въ русской литературѣ, которое составляетъ одну изъ ея характерныхъ особенностей. Но въ то время какъ у Гоголя характеръ Акакія Акакіевича только очерченъ, личность Макара Алексѣевича Дѣвушкина (героя „Бѣдныхъ людей“) подвергнута Достоевскимъ глубокому и подробному психологическому анализу, раскрывающему передъ нами даже наиболѣе интимныя стороны его существа. Духовная жизнь Акакія Акакіевича отличается крайней бѣдностью: это—человѣкъ, въ конецъ запуганный и обезличенной, утратившій способ-

ность живого чувства и мысли, превратившійся въ какую-то машину для переписыванія казенныхъ бумагъ. Не то мы видимъ у Макара Дѣвушкина: послѣдній въ гораздо большей мѣрѣ сохранилъ человѣческія свойства своей личности; хотя умственный кругозоръ его узокъ и способности ограничены, но зато у него есть нѣжное, привязчивое сердце, есть тонкая душевная деликатность, глубокое сочувствіе къ чужому страданію и способность къ безкорыстной, самоотверженной любви: благодаря этимъ качествамъ онъ стоитъ въ нравственномъ отношеніи гораздо выше Акакія Акакіевича, мечты котораго не идутъ дальше теплой ватной шинели.

Подобно Акакію Акакіевичу, Дѣвушкинъ служитъ „чиновникомъ для переписки", въ какой-то изъ многочисленныхъ петербургскихъ канцелярій. Получаетъ онъ грошовое жалованіе, котораго едва хватаетъ на удовлетвореніе его скромныхъ потребностей. Ему постоянно приходится жить въ тискахъ злой нужды, которая наложила на все его существо свой печальный отпечатокъ. Какъ надъ Акакіемъ Акакіевичемъ трунили молодые департаментскіе чиновники, такъ и Макару Дѣвушкину приходится выносить насмѣшки своихъ болѣе бойкихъ и самонадѣянныхъ сослуживцевъ, давшихъ ему, между прочимъ, прозвище „крысы". Никакой надежды на улучшеніе своего положенія Дѣвушкинъ не имѣетъ, такъ какъ у него нѣтъ ни какихъ-либо особенныхъ способностей, ни образованія: учился онъ „даже не на мѣдные гроши", какъ онъ самъ выражается. Но Дѣвушкинъ почти примирился со своимъ положеніемъ и даже находитъ себѣ нѣкоторое удовлетвореніе въ мысли, что и онъ приноситъ пользу, что и безъ него нельзя обойтись на службѣ, „если бы всѣ сочинять стали, такъ кто же бы сталъ переписывать"—говорилъ онъ, прибавляя, что все-таки „пріятно отъ времени до времени себѣ справедливость воздать".

Такимъ образомъ у Макара Дѣвушкина есть нѣкоторое чувство собственнаго достоинства,—есть въ немъ и гордость, заставляющая его скрывать отъ чужихъ взоровъ свою бѣдность, свое жалкое положеніе. „Я скрываю, я тщательно отъ всѣхъ все скрываю, и самъ скрываюсь, и въ должность-то вхожу когда, такъ бочкомъ-бочкомъ, сторонюсь отъ всѣхъ",—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ. Отъ этого желанія скрыть свою бѣдность, онъ и старается по возможности „жить какъ

всѣ"; онъ и чай пьетъ не ради удовольствія, а потому что „чаю не пить какъ-то стыдно":—„ради чужихъ и пьешь его,—поясняетъ онъ,—для вида, для тона"; точно такъ же и сапоги ему нужны главнымъ образомъ „для поддержки чести и добраго имени: въ дырявыхъ же сапогахъ и то, и другое пропало".

Изъ-за этой же стыдливости, порожденной въ немъ бѣдностью, Макаръ Дѣвушкинъ, кроткій Макаръ Дѣвушкинъ такъ разгнѣвался на Вареньку, когда она прислала ему для прочтенія Гоголевскую „Шинель". Въ повѣсти Гоголя онъ увидалъ раскрытой и разоблаченной всю свою жизнь, весь свой печальный бытъ, и это разоблаченіе того, что онъ такъ тщательно скрывалъ, глубоко возмущаетъ его. „Такъ послѣ того и жить себѣ смирно нельзя въ уголочкѣ своемъ,—каковъ ужъ онъ тамъ ни есть,—жить, воды не замутя, по половицѣ, никого не трогая, зная страхъ Божій, да себя самого, чтобы и тебя не затронули, чтобы и въ твою конуру не пробрались, да не посмотрѣли—что, дескать, какъ ты себѣ тамъ по-домашнему, что вотъ есть ли, напримѣръ, у тебя жилетка хорошая, есть ли сапоги, да чѣмъ они подшиты, что ѣшь, что пьешь, что переписываешь?.. Прячешься иногда, прячешься, скрываешься въ томъ, чѣмъ не взялъ, боишься носъ подчасъ показать—куда бы тамъ ни было, потому что пересуда трепещешь, потому что изъ всего, что и есть на свѣтѣ, изъ всего тебѣ пашквиль сработаютъ—и вотъ ужъ вся гражданская и семейная жизнь твоя по литературѣ ходитъ, все напечатано, прочитано, осмѣяно, перемужено! Да тутъ и на улицу нельзя показаться будетъ; вѣдь тутъ это все такъ доказано, что нашего брата по одной подкѣ теперь узнаешь". Въ заключеніе Дѣвушкинъ называетъ повѣсть Гоголя—„злонамѣренной книжкой" и даже грозитъ кому-то пожаловаться,—такъ сильно задѣла она его за живое.

Но и въ этомъ несчастномъ, угнетенномъ безысходной нуждою человѣкѣ сохранились черты высокой человѣчности. Съ трогательной нѣжностью заботится онъ о судьбѣ бѣдной беззащитной дѣвушки, принимаетъ на себя роль ея защитника и покровителя. Отказывая себѣ даже въ необходимомъ, онъ старается хоть чѣмъ-либо развлечь ея, скрасить ея существованіе: посылаетъ ей цвѣтовъ, конфектъ, устраиваетъ про-

гулку на острова. И все это онъ дѣлаетъ совершенно б
корыстно, съ радостью перенося ради нея всевозможн
лишенія, и даже не считаетъ это какимъ-либо пожертво
ніемъ со своей стороны. „Я знаю,—пишетъ онъ,—чѣмъ
вамъ, голубчикъ вы мой, обязанъ! Узнавъ васъ, я сталъ,
первыхъ, и самого себя лучше знать, и васъ сталъ люби
а до васъ, ангельчикъ мой, я былъ одинокъ и какъ буд
спалъ, а не жилъ на свѣтѣ. Они, злодѣи-то мои, говорил
что даже и фигура моя неприличная, и гнушались мн
ну, и я сталъ гнушаться собою; говорили что я тупъ;
какъ вы мнѣ явились, такъ и сердце, и душа моя освѣ
лись, и я обрѣлъ душевный покой, и узналъ, что и я
хуже другихъ; что только такъ не блещу ничѣмъ, лос
нѣтъ, тону нѣтъ, но все-таки человѣкъ“.—Такимъ образо
знакомство съ Варенькой открыло Дѣвушкину глаза на
мого себя, возвысило его въ собственномъ мнѣніи, показа
ему, что „и онъ человѣкъ“, и что ему доступны лучш
человѣческія чувства, вплоть до безкорыстной любви и с
собности самопожертвованія.

3. Записки изъ Мертваго Дома.

„Записки изъ Мертваго Дома“ по своей литературн
формѣ представляютъ собой своеобразное явленіе. Это—ря
отдѣльныхъ очерковъ, посвященныхъ изображенію быта
нравовъ сибирской каторги стараго времени и вмѣстѣ
тѣмъ дающихъ цѣлую галлерею разнообразныхъ портрето
и типовъ преступниковъ, обрисованныхъ съ тонкимъ пси
логическимъ мастерствомъ. Матеріаломъ для печальной к
тины Мертваго Дома послужили для Достоевскаго его с
ственныя воспоминанія изъ эпохи пребыванія въ Омско
острогѣ, а въ лицѣ Александра Петровича Горянчикова, о
имени котораго ведется разсказъ, онъ изобразилъ самого се
свои чувства и впечатлѣнія, пережитыя имъ на каторгѣ;
кимъ образомъ „Записки изъ Мертваго Дома“ въ значите
ной степени носятъ автобіографическій характеръ и дак
много матеріала для исторіи его духовной жизни въ сам
тяжелую эпоху его существованія.

Но несмотря на пережитыя имъ на каторгѣ физическі
нравственныя страданія, Достоевскій выражалъ впослѣдст

бѣжденіе, что пребываніе въ острогѣ было даже полезно ля его внутренняго развитія. Живя въ теченіе четырехъ ѣтъ бокъ-о-бокъ съ народомъ, находясь въ непрестанномъ бщеніи съ самыми разнообразными его представителями, гъ лучше могъ изучить русскій народный характеръ, могъ убже проникнуть въ сущность народной психологіи. И бщее впечатлѣніе, которое онъ вынесъ изъ наблюденій надъ воими случайными и невольными товарищами, безусловно клоняется въ ихъ пользу. Въ то время, какъ другіе ссыльые изъ интеллигентовъ большей частью смотрѣли на каржниковъ съ ужасомъ и омерзѣніемъ,—„je haïs ces briands!“ (я ненавижу этихъ разбойниковъ), говорилъ одинъ въ нихъ Достоевскому,—этотъ послѣдній сумѣлъ подмѣтить ь этихъ отверженцахъ общества, въ заклейменныхъ и ошельованныхъ каторжникахъ, богатый запасъ умственныхъ и равственныхъ силъ, черты высокой человѣчности, внутренй чуткости, привязчивости, великодушія. „Люди вездѣ оди,—говоритъ Достоевскій въ одномъ письмѣ къ брату, писанномъ вскорѣ послѣ выхода изъ острога.—И въ каргѣ между разбойниками я отличилъ наконецъ людей. Повѣришь ли, есть характеры глубокіе, сильные, прекрасые,—и какъ весело было подъ грубой корой отыскать золо! И не одинъ, не два, а нѣсколько. Иныхъ нельзя не уважать, другіе рѣшительно прекрасны“. Такимъ образомъ каторга, жизнь среди убійцъ и разбойниковъ не только не мертвила въ душѣ Достоевскаго *вѣру въ человѣка*, но, напротивъ того, укрѣпила ее, а эта вѣра, въ свою очередь, могла ему перенести всѣ тягости каторжной жизни, предохранила его отъ озлобленія или отчаянія.

Вообще, подъ вліяніемъ ближайшаго знакомства съ міромъ отверженныхъ, у Достоевскаго установился относительно ихъ такой же высоко-гуманный взглядъ, который заставляетъ простой народъ смотрѣть на преступленіе, какъ на несчастіе, а на преступниковъ, какъ на „несчастныхъ“. Онъ, конечно, не оправдываетъ ихъ съ точки зрѣнія нравственности, но онъ глубоко скорбитъ за нихъ душою, жалѣетъ ихъ погибшія силы. Такое отношеніе Достоевскаго къ своимъ каторжнымъ товарищамъ тѣмъ болѣе замѣчательно, что сами каторжники долгое время относились къ нему, какъ и вообще къ дворянамъ, съ большимъ недовѣріемъ и даже враждеб-

ностью, преслѣдовали его насмѣшками и оскорбленіями, только съ трудомъ удалось Достоевскому вызвать съ н стороны къ себѣ уваженіе и симпатію. Но несмотря на враждебное, отталкивающее отношеніе къ себѣ каторжников Достоевскій сумѣлъ отнестись къ нимъ съ полнымъ пони ніемъ и сочувствіемъ. Этотъ фактъ показываетъ необычайн душевную чуткость и проницательность Достоевскаго, рактеризуетъ его какъ великаго сердцевѣда, умѣвшаго л бящимъ взоромъ проникнуть въ самую глубину человѣ скаго существа, чтобы обнаружить скрытыя въ немъ и не мѣтныя для равнодушнаго наблюдателя душевныя богатст И въ этихъ поискахъ за „искрой Божіей“ въ сердцахъ л дей—его ничто не можетъ остановить: ни наружная гр бость и дикость, ни жалкое невѣжество, ни даже тяготѣюш надъ человѣкомъ кровавое преступленіе. Достоевскаго мож по справедливости назвать „великимъ искателемъ душ ныхъ кладовъ“, такъ какъ онъ умѣетъ ихъ находить да тамъ, гдѣ другіе видятъ одну лишь грязь, злобу и ужа нравственнаго паденія. „Я первый готовъ свидѣтельст вать,—говоритъ Достоевскій,—что и въ самой необразова ной, въ самой придавленной средѣ, между этими страда цами встрѣчалъ черты самаго утонченнаго развитія душ наго. Въ острогѣ было иногда такъ, что знаешь человѣ нѣсколько лѣтъ и думаешь про него, что это звѣрь, а человѣкъ, презираешь его. И вдругъ приходитъ случай минута, въ которую душа его невольнымъ порывомъ откр вается наружу, и вы видите въ ней такое богатство, чувст сердце, такое яркое пониманіе и собственнаго, и чуж страданія, что у васъ какъ бы глаза открываются и въ п вую минуту даже не вѣрится тому, что вы сами увидѣ и услышали“.

Но при всемъ своемъ сочувствіи къ несчастнымъ оби телямъ Мертваго Дома, Достоевскій совершенно далекъ о желанія идеализировать ихъ, изобразить ихъ какими-нибу героями. Напротивъ того, изображеніе его отличается полн правдивостью, онъ нисколько не скрываетъ ихъ темны отталкивающихъ сторонъ,—описываетъ грубость и жестоко взаимныхъ отношеній, ссоры и сплетни, пьянство и безобр ный разгулъ, выводитъ цѣлый рядъ типовъ, внушающи дѣйствительно, ужасъ и отвращеніе,—въ родѣ Газина,

ача-татарина, съ инстинктами кровожаднаго звѣря, хладкровно, ради удовольствія, умерщвлявшаго маленькихъ дѣтей,—или А-ва, ссыльнаго изъ дворянъ, шпіона и доносчика, представлявшаго яркій примѣръ того, до какой низости и нравственнаго паденія можетъ дойти человѣкъ.

Въ изображеніи отдѣльныхъ характеровъ Достоевскій проявилъ и въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома“ ту же психологическую наблюдательность, которая вообще составляетъ наиболѣе выдающуюся черту его таланта. Подъ однообразной арестантской курткой онъ разглядѣлъ безконечное разнообразіе человѣческихъ типовъ. Иногда онъ дѣлаетъ попытку подвести эти типы выведенныхъ имъ преступниковъ подъ какія-нибудь общія категоріи, установить для нихъ какую-нибудь классификацію, но затѣмъ самъ отступаетъ отъ этой задачи. „Дѣйствительность,—пишетъ онъ,—безконечно разнообразна, сравнительно со всѣми, даже и самыми хитрѣйшими выводами отвлеченной мысли, и не терпитъ рѣзкихъ и крупныхъ различеній. Дѣйствительность стремится къ раздробленію“. Признавая это разнообразіе человѣческихъ характеровъ, Достоевскій съ большимъ искусствомъ умѣлъ улавливать индивидуальныя черты изображаемыхъ лицъ. Оттого его портреты и отличаются такой жизненностью. Нѣкоторые изъ выведенныхъ типовъ обрисованы съ особенной яркостью. Таковъ, напр., Акимъ Акимычъ, бывшій кавказскій офицеръ, благоговѣющій передъ формой, передъ обрядомъ, отличающійся особеннымъ „методическимъ благонравіемъ“, которое, по выраженію Достоевскаго „казалось, поглотило въ немъ всѣ остальные его человѣческіе дары и особенности, всѣ страсти и желанія, дурныя и хорошія“. Много вниманія удѣлено арестанту Петрову, человѣку съ страннымъ, загадочнымъ характеромъ, вѣчно чего-то ждущему, чего-то ищущему, вѣчно находящемуся въ какомъ-то неопредѣленномъ, тревожномъ настроеніи; Достоевскій опредѣляетъ его, какъ „самаго рѣшительнаго человѣка изъ всей каторги“. Съ большой симпатіей обрисованы Достоевскимъ кроткій, простодушный, привязчивый Сироткинъ и молодой горецъ Алей, одаренный замѣчательно нѣжной и чистой душой, къ которой не можетъ пристать никакая грязь; между прочимъ Достоевскій обучилъ его грамотѣ по своей единственной книгѣ—Евангелію, при чемъ особенное впечатлѣніе произвела на

Алея нагорная проповѣдь, именно то мѣсто ея, гдѣ говорится о любви къ врагамъ. Очень живо очерченъ Исай Ѳомичъ, еврей, ухитрившійся и на каторгѣ заниматься ростовщичествомъ,—впрочемъ, существо комическое и добродушное.

Всѣ эти типы, и многіе другіе, изображены Достоевскимъ на фонѣ общей картины острожной жизни. Онъ рисуетъ каторгу въ различные моменты,—и въ будни, и въ праздникъ, и въ трудовой лѣтній день, и въ долгіе зимніе вечера; описываетъ и госпиталь, и баню, и устроенный арестантами спектакль, при чемъ отмѣчаетъ проявленную актерами-любителями талантливость; изображаетъ своеобразные нравы и обычаи каторги, характеризуетъ отношеніе начальства къ каторжникамъ и подробно останавливается на системѣ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, процвѣтавшихъ въ тогдашней каторгѣ. Эти наказанія вызываютъ въ немъ сильнѣйшее негодованіе. Достоевскій доказываетъ страшный вредъ, который приносятъ эти наказанія, ожесточая преступниковъ и развращая начальствующихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ, какъ много можно достигнуть на каторгѣ мѣрами кротости и снисхожденія. Вся книга Достоевскаго, проникнутая духомъ высокой гуманности, является краснорѣчивымъ протестомъ противъ тѣхъ жестокихъ порядковъ, которые въ его время господствовали на каторгѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствомъ его душевной отзывчивости и проницательности, позволившихъ ему подъ отталкивающей внѣшностью разглядѣть много чисто-человѣческихъ чертъ въ тѣхъ, кого народъ называетъ „несчастными“.

4. Преступленіе и Наказаніе.

Романъ „Преступленіе и Наказаніе“ принадлежитъ къ числу наиболѣе глубокихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе характерныхъ произведеній Достоевскаго. Онъ представляетъ собой какъ бы первое звено въ рядѣ другихъ крупныхъ романовъ Достоевскаго („Идіотъ“, „Бѣсы“, „Братья Карамазовы“), въ которыхъ тонкость *психологическаго* анализа соединяется съ глубиной *философскаго* содержанія: въ этомъ соединеніи и заключается важнѣйшая особенность его творчества. Во всѣхъ крупнѣйшихъ романахъ Достоевскаго мы

встрѣчаемся съ философскими проблемами величайшаго значенія, съ проблемами моральными, метафизическими, религіозными. Герои Достоевскаго по преимуществу люди, „ищущіе“, „*одержимые*“ той или другой идеей: всѣ интересы ихъ сосредоточены вокругъ какого-либо „*вопроса*“, надъ разрѣшеніемъ котораго они мучатся. Душевная тровога, внутренняя борьба, мятежное отрицаніе, безграничное отчаяніе—вотъ ихъ преобладающія настроенія. Поэтому содержаніе главнѣйшихъ романовъ Достоевскаго отличается глубокимъ *трагизмомъ*, въ каждомъ изъ нихъ разыгрывается тяжелая трагедія души человѣческой, со всѣмъ напряженіемъ своихъ силъ борящейся со своими страстями или съ овладѣвшими ею идеями. Какъ лица трагическія, герои Достоевскаго представляютъ собой явленія рѣдкія, *исключительныя*; они *не типичны*—въ томъ смыслѣ, въ какомъ являются „типами“ герои Тургенева или Гончарова. Но не принадлежа къ числу общественныхъ или бытовыхъ типовъ, они однако имѣютъ весьма широкое, можно сказать—общечеловѣческое значеніе, въ качествѣ живого воплощенія тѣхъ чертъ и явленій человѣческой психологіи, которыя могутъ существовать во всѣхъ странахъ и во всѣ времена; вотъ почему психологическіе романы Достоевскаго были очень скоро оцѣнены по достоинству заграницей и не только произвели сильное впечатлѣніе на критику и на образованное общество, но даже оказали значительное вліяніе на иностранную литературу.

Какъ *психологъ*, Достоевскій главное вниманіе устремлялъ на изученіе явленій, стоящихъ какъ бы на границѣ душевной нормальности; этимъ онъ рѣзко отличается отъ Толстого, душевная жизнь героевъ котораго не отклоняется отъ обычной нормы. Глубже чѣмъ кто-либо изъ русскихъ писателей, Достоевскій умѣлъ проникнуть въ ту темную, „сумеречную“, таинственную область человѣческой души, гдѣ гнѣздятся дикія страсти и животные инстинкты, всѣ тѣ стихійныя чувства и стремленія, подъ которыми, по выраженію Тютчева, „хаосъ шевелится“. Подобно Гоголю,—къ которому онъ вообще близко подходилъ по типу своей душевной организаціи,—Достоевскій надѣленъ былъ особенной способностью подмѣчать въ жизни ея темныя, отталкивающія явленія. Но Гоголь въ своемъ изображеніи останавливался преимущественно на внѣшней сторонѣ окружающей дѣйстви-

тельности и потому выводимые имъ типы не имѣютъ психологической глубины; напротивъ того, Достоевскій показываетъ намъ все то низменное, отталкивающее и страшное, что заключено въ самыхъ нѣдрахъ человѣческой души, раскрываетъ передъ нами ея глубочайшіе тайники, обнаруживаетъ ея темную, стихійную основу. Изображая всю глубину человѣческаго *паденія*, Достоевскій вмѣстѣ съ тѣмъ изображаетъ въ своихъ произведеніяхъ всю глубину человѣческаго *страданія*. Никто изъ русскихъ писателей не изображалъ съ такою силой—и съ такою охотой—человѣческаго страданія, какъ Достоевскій: въ этомъ изображеніи онъ находитъ какъ будто бы особенное „мучительное наслажденіе" (собственное выраженіе); оттого его романы производятъ при чтеніи такое тяжелое болѣзненное впечатлѣніе; терзаясь самъ вмѣстѣ со своими героями, Достоевскій въ то же время терзаетъ и своихъ читателей: недаромъ Михайловскій прозвалъ его „жестокимъ талантомъ".

Эта „жестокость" его зависѣла главнымъ образомъ отъ особеннаго взгляда Достоевскаго на *искупительную силу* человѣческаго страданія. „*Страданіе—великое дѣло*", говоритъ Порфирій въ „Преступленіи и Наказаніи", и эта мысль является вмѣстѣ съ тѣмъ излюбленной мыслью самого автора: только путемъ страданія человѣкъ очищается отъ всякой скверны, отъ всякаго преступленія; страданіе является, въ глазахъ Достоевскаго, залогомъ спасенія даже для самаго закоснѣлаго злодѣя: оно—привилегія человѣка, отличающая его отъ животнаго; эту возможность сознательнаго страданія Достоевскій и старается показать во всѣхъ выведенныхъ имъ лицахъ, потому что въ ней онъ видитъ проблескъ лучшихъ стремленій человѣческой души, искру искупительнаго огня.—Поэтому, обнажая темныя, отталкивающія стороны человѣческой природы, Достоевскій далекъ отъ безнадежнаго, пессимистическаго взгляда на нее: его постоянно поддерживаетъ глубокая *вѣра въ человѣка*, въ побѣду свѣтлаго начала надъ темнымъ и низменнымъ въ той непрестанной борьбѣ, которая совершается въ глубинѣ человѣческаго существа. Эта же вѣра въ человѣка выразилась и въ созданіи цѣлаго ряда положительныхъ типовъ, въ которыхъ воплотились лучшія человѣческія черты: самоотверженіе, беззлобіе, нравственная чистота (Соня Мармеладова, князь Мышкинъ, Алеша Карамазовъ).

Въ чисто художественномъ отношеніи романы Достоевскаго не лишены нѣкоторыхъ недостатковъ, къ числу которыхъ относится ихъ растянутость, неестественное нагроможденіе отдѣльныхъ эпизодовъ, небрежность языка и изложенія: но эти недостатки вполнѣ искупаются необыкновенной силой и яркостью тѣхъ сценъ романа, въ которыхъ Достоевскій достигаетъ высшихъ ступеней своего творчества: эти вдохновенныя сцены можно поставить въ уровень со всѣмъ высшимъ и наиболѣе совершеннымъ, что только есть во всей міровой литературѣ; къ числу подобныхъ сценъ, въ романѣ „Преступленіе и Наказаніе", относятся: разсказъ Мармеладова и его смерть, сцена убійства старухи-процентщицы, объясненіе Раскольникова съ Соней и чтеніе Евангелія, сцена Свидригайлова съ Дуней и его бредъ въ ночь передъ самоубійствомъ. Одной изъ наиболѣе характерныхъ особенностей романовъ Достоевскаго является преобладаніе въ нихъ *діалогической* формы надъ повѣствовательной, которая играетъ въ разсказѣ второстепенную, подчиненную роль. Достоевскій также довольно скупъ на описанія, ограничиваясь сообщеніемъ самыхъ необходимыхъ свѣдѣній, но зато въ веденіи діалога онъ проявляетъ замѣчательное мастерство; мы ясно чувствуемъ, какъ выведенныя имъ лица *живутъ* въ діалогѣ, какъ мѣняется ихъ настроеніе, какъ раскрываются для нихъ новые перспективы: прекрасными образцами такого мастерства въ веденіи діалога можетъ послужить сцена объясненія Раскольникова съ Соней и сцена допроса его слѣдователемъ Порфиріемъ Петровичемъ.

Героемъ романа „Преступленіе и Наказаніе" является молодой человѣкъ, Раскольниковъ, бывшій студентъ, принужденный по недостатку средствъ выйти изъ университета. Это — личность далеко не заурядная, съ богатымъ запасомъ умственныхъ и нравственныхъ силъ. Товарищъ его, Разумихинъ, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ его: „Угрюмъ, мраченъ, надмененъ и гордъ; въ послѣднее время, а можетъ быть, гораздо прежде, мнителенъ и ипохондрикъ. Великодушенъ и добръ. Чувствъ своихъ не любитъ высказывать и скорѣе жестокость сдѣлаетъ, чѣмъ словами выскажетъ сердце... Ужасно иногда неразговорчивъ! Все ему некогда, все ему мѣшаютъ, а самъ лежитъ, ничего не дѣлаетъ. Никогда не

интересуется тѣмъ, чѣмъ всѣ въ данную минуту интересуются. Ужасно высоко себя цѣнитъ, и, кажется, не безъ нѣкотораго права на это". Всѣ эти черты обрисовываютъ Раскольникова, какъ натуру замкнутую, необщительную, сосредоточенную въ себѣ, самолюбивую и самостоятельную. Онъ и раньше, во время пребыванія въ университетѣ, по словамъ автора, держался особнякомъ, ни съ кѣмъ не сходился, чуждался товарищей, не принималъ участія въ ихъ дѣлахъ, интересахъ и развлеченіяхъ. „Занимался онъ усиленно, не жалѣя себя, и за это его уважали, но никто не любилъ. Былъ онъ очень бѣденъ и какъ-то надменно-гордъ и несообщителенъ, какъ будто что-то таилъ про себя". При его самолюбіи, бѣдность особенно угнетающимъ образомъ дѣйствовала на него, но онъ былъ слишкомъ гордъ для того, чтобы искать чужой помощи и поддержки. Однако при всемъ своемъ отчужденіи отъ людей, Раскольниковъ вовсе не отличался душевною холодностью и черствостью; напротивъ того, сердце его было весьма доступно нѣжнымъ и великодушнымъ чувствамъ, любви и состраданію: онъ относится съ глубокой привязанностью къ матери и къ сестрѣ, онъ отдаетъ послѣднія деньги для того, чтобы помочь семьѣ Мармеладова; его душевная мягкость и отзывчивость ко всякому страданію сказываются даже непроизвольно, въ моменты когда онъ не владѣетъ собой (сонъ объ истязуемой лошади).

И вотъ, на почвѣ подготовленной страданіями бѣдности и душевнаго одиночества, въ головѣ Раскольникова возникаетъ мысль, постепенно овладѣвающая имъ съ силой навязчиваго представленія,—мысль объ убійствѣ, какъ о средствѣ для выхода изъ своего тяжелаго положенія. Первый толчекъ къ развитію этой мысли даетъ ему случайно подслушанный имъ въ трактирѣ разговоръ двухъ посѣтителей. Дѣло шло объ одной старухѣ, занимавшейся ростовщичествомъ, женщинѣ алчной и злой, пользовавшейся безпомощнымъ положеніемъ бѣдняковъ, для того чтобы наживаться на ихъ счетъ. Одинъ изъ собесѣдниковъ, молодой студентъ, чрезвычайно возмущается этимъ фактомъ, находитъ его неестественнымъ и ненормальнымъ. „Съ одной стороны,—говоритъ онъ,—глупая, безсмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная, и напротивъ, всѣмъ вредная, которая сама не знаетъ, для чего живетъ, и которая завтра же сама

собой умретъ. Съ другой стороны, молодыя, свѣжія силы, пропадающія даромъ, безъ поддержки, и это тысячами, и это всюду. Сто, тысячу добрыхъ дѣлъ и начинаній, которыя можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченныя въ монастырь! Сотни, тысячи, можетъ быть, существованій, направленныхъ на дорогу; десятки семействъ, спасенныхъ отъ нищеты, отъ разложенія, отъ гибели, отъ разврата,—и все это на ея деньги. Убей ее и возьми ея деньги, съ тѣмъ чтобы съ ихъ помощью посвятить потомъ себя на служеніе всему человѣчеству и общему дѣлу: какъ ты думаешь, не загладится ли одно крошечное преступленьице тысячами добрыхъ дѣлъ? За одну жизнь—тысячи жизней, спасенныхъ отъ гніенія и разложенія. Одна смерть и сто жизней взамѣнъ,—да вѣдь тутъ ариѳметика! Да и что значитъ на общихъ вѣсахъ жизнь этой чахоточной и злой старушонки? Не болѣе какъ жизнь вши, таракана, да и того не стоитъ, потому что старушонка вредна". Когда же его товарищъ обратился къ говорившему съ вопросомъ, рѣшился ли бы онъ самъ, на основаніи своихъ разсужденій, совершить это убійство, то тотъ отвѣчаетъ: „разумѣется, нѣтъ! Я для справедливости... Не во мнѣ тутъ и дѣло..." Но слова этого неизвѣстнаго студента, случайно подслушанныя въ трактирѣ, не прошли безслѣдно: для Раскольникова они стали исходной точкой для размышленій, для развитія въ немъ тѣхъ идей, которыя въ концѣ концовъ привели его къ преступленію.

Преступленіе Раскольникова, по выраженію слѣдователя Порфирія Петровича, есть плодъ *„теоретически раздраженнаго сердца"*. Оно совершено имъ не въ порывѣ отчаянія, не въ моментъ изступленія, а явилось слѣдствіемъ тщательно обдуманнаго рѣшенія. Въ этомъ рѣшеніи слѣдуетъ различать два побудительныхъ мотива: первый изъ нихъ, и притомъ наиболѣе простой, вытекалъ изъ сознанія необходимости такъ или иначе выйти изъ того угнетеннаго состоянія, въ которомъ онъ находился: онъ хотѣлъ воспользоваться деньгами старухи-ростовщицы, самое существованіе которой онъ признавалъ безполезнымъ и даже вреднымъ,—для того чтобы получить возможность окончить университетъ, поддержать свою мать и сестру, находившихся въ бѣдственномъ положеніи, и затѣмъ посвятить себя какой-либо дѣятельности, направленной на общую пользу. Но былъ еще другой, гораздо

болѣе сложный мотивъ, обусловившій его рѣшимость и стоявшій въ непосредственной связи съ его чрезвычайнымъ самолюбіемъ, высокимъ мнѣніемъ о самомъ себѣ (на эту черту личности Раскольникова указываетъ и Разумихинъ въ своей характеристикѣ своего друга). Притомъ самолюбіе Раскольникова было до болѣзненности обострено вслѣдствіе бѣдности и всяческихъ неудачъ. Его угнетало сознаніе, что онъ, при всѣхъ своихъ способностяхъ, которыя онъ чувствовалъ въ себѣ, оказывается не въ силахъ устроить себѣ сколько-нибудь сносно свое существованіе, и оказать поддержку горячо любимой имъ матери. Это сознаніе поселяетъ въ немъ мучительное сомнѣніе въ самомъ себѣ, и вотъ, чтобы провѣрить самого себя, онъ рѣшается на страшное *испытаніе*, на убійство. Это рѣшеніе явилось результатомъ особенныхъ взглядовъ Раскольникова на сущность преступленія, изъ которыхъ составилась въ его головѣ цѣлая стройная *теорія*, основанія которой онъ изложилъ въ статьѣ, написанной имъ незадолго до убійства. Теорія эта основывается на признаніи *относительности* этическихъ понятій—добра и зла. Значеніе ихъ мѣняется въ зависимости отъ того, къ какой изъ двухъ категорій людей, на которыя, по мысли Раскольникова, раздѣляется все человѣчество, прилагаются эти понятія. Для однихъ людей, для громаднаго большинства человѣчества, эти понятія должны имѣть абсолютное значеніе: они обязаны признавать ихъ и руководиться ими въ своемъ поведеніи. Но для незначительнаго меньшинства, для избранниковъ и геніевъ, эти обычныя понятія о добрѣ и злѣ, о дозволенномъ и запретномъ не могутъ имѣть обязательнаго значенія, и они въ правѣ не считаться съ ними, нарушать ихъ и совершать то, что въ обычномъ смыслѣ называется „преступленіемъ“. Такимъ образомъ это „право на преступленіе“ является особенной привилегіей избранниковъ, людей „необыкновенныхъ“; громадная же масса такого права не имѣетъ, напротивъ того, она обязана повиноваться тому, что признано добромъ и закономъ, и что установлено для нихъ избранниками, „властелинами“, по отношенію къ которымъ эта масса представляетъ собой лишь „матеріалъ“, имѣющій назначеніе выдѣлять изъ своей среды людей „необыкновенныхъ“, способныхъ сказать „новое слово“ [1]).

[1]) Мысли Раскольникова по данному вопросу въ общемъ представляютъ значительное сходство съ идеями нѣмецкаго философа *Ницше*, въ его

Когда Раскольниковъ излагаетъ свою теорію слѣдователю Порфирію Петровичу, тотъ сейчасъ же обращаетъ его вниманіе на трудность провести опредѣленную границу между людьми „обыкновенными“ и, слѣдовательно, подчиненными обычной „морали“,—и людьми „необыкновенными“, высшими, и слѣдовательно, имѣющими право „переступать“. Первоначально Раскольниковъ, повидимому, имѣетъ намѣреніе оправдать признаваемую имъ привилегію геніевъ тѣмъ соображеніемъ, что они своею дѣятельностью приносятъ человѣчеству неизмѣримо великую пользу, ради которой они и могутъ разрѣшать себѣ то, что является запретнымъ для массы. Онъ говоритъ: „По-моему, если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытія, вслѣдствіе какихъ-либо комбинацій, никоимъ образомъ не могли бы стать извѣстными людямъ иначе, какъ съ пожертвованіемъ жизни одного, десяти, ста и такъ далѣе человѣкъ, мѣшавшихъ бы этому открытію, или ставшихъ бы на пути какъ препятствіе, то Ньютонъ имѣлъ бы право, и даже былъ бы обязанъ.... *устранить* эти десять или сто человѣкъ, чтобы сдѣлать извѣстными свои открытія всему человѣчеству. Далѣе, помнится мнѣ, я развиваю въ моей статьѣ, что всѣ.. ну, напримѣръ, хоть законодатели и установители человѣчества, начиная съ древнѣйшихъ, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и такъ далѣе, всѣ до единаго были преступники, уже тѣмъ однимъ, что, давая новый законъ, тѣмъ самымъ нарушали древній, свято чтимый обществомъ и отъ отцовъ перешедшій, и ужъ конечно не останавливались передъ кровью, если только кровь (иногда совсѣмъ невинная и доблестно пролитая за древній законъ) могла имъ помочь. Замѣчательно даже, что большая часть этихъ благодѣтелей и установителей человѣчества были особенно страшные кровопроливцы“. Однако изъ дальнѣйшаго видно, что всѣ эти соображенія о пользѣ и благодѣяніяхъ человѣчеству не играли въ его теоріи особенно значительной роли и что вовсе не ими обусловливалось различіе между „обыкновенными“ и „необыкновенными“; поэтому впослѣдствіи Раскольниковъ какъ бы совсѣмъ забываетъ Кеплеровъ и Солоновъ, и ихъ замѣняетъ въ его мысляхъ Наполеонъ, въ ка-

---

ученіи о «сверхъ-человѣкѣ», стоящемъ «по ту сторону добра и зла». Самъ Ницше очень высоко ставилъ Достоевскаго и признавалъ его однимъ изъ своихъ «учителей».

чествѣ великаго человѣка по преимуществу, „властелина“, которому все позволено. „Кто крѣпокъ и силенъ умомъ, и духомъ, тотъ надъ ними (надъ массой) и властелинъ! Кто много посмѣетъ, тотъ у нихъ и правъ. Власть дается только тому, кто посмѣетъ наклониться и взять ее. Тутъ только одно: стоитъ только посмѣть!“—И вотъ въ душѣ Раскольникова, измученной нуждою и неудачами, оскорбленной въ своей гордости и самолюбіи, возникаетъ тяжелый, трагическій вопросъ: кто онъ самъ? къ какому разряду людей онъ принадлежитъ?—къ тѣмъ ли, которые должны только повиноваться, или къ тѣмъ, которые могутъ и „переступить“? Чтобы рѣшить окончательно этотъ мучительный для него вопросъ, Раскольниковъ и останавливается на мысли испытать свои силы путемъ преступленія. „Не деньги, главное, нужны мнѣ были, Соня, когда я убилъ,—говоритъ, онъ—не столько деньги нужны были, какъ другое... Я это все теперь знаю... Мнѣ другое надо было узнать, другое толкало меня подъ руки; мнѣ надо было узнать, тогда, и поскорѣе узнать, вошь ли я, какъ всѣ, или человѣкъ? Смогу ли я переступить, или не смогу? Осмѣлюсь ли нагнуться и взять, или нѣтъ? Тварь ли дрожащая, или *право* имѣю“...

Но это принятое имъ рѣшеніе стоило ему тяжелыхъ мученій и колебаній. Даже тогда, когда „весь анализъ, въ смыслѣ нравственнаго разрѣшенія вопроса былъ уже имъ покончен, казуистика его выточилась, какъ бритва, и самъ въ себѣ онъ уже не находилъ сознательныхъ возраженій“,—даже тогда здоровый внутренній инстинктъ предостерегалъ его отъ этого рокового шага. Когда Раскольниковъ, за день до убійства, снова посѣщаетъ ростовщицу, для того чтобы сдѣлать послѣднюю „пробу“, имъ овладѣваетъ такое отвращеніе при мысли объ убійствѣ, что онъ отрекается „отъ этой проклятой мечты“, которую онъ самъ называетъ „навожденіемъ“. Но затѣмъ цѣлый рядъ мучительныхъ впечатлѣній, дѣйствующихъ на него угнетающимъ и раздражающимъ образомъ (встрѣча съ Мармеладовымъ, письмо матери, изъ котораго онъ узнаетъ, что сестра его рѣшается пожертвовать собою, для того чтобы обезпечить ему нѣкоторую поддержку), а также странное совпаденіе разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, представляющееся ему какимъ-то предопредѣленіемъ,—все это дѣйствуетъ на его болѣзненно-раздраженную душу и побуждаетъ къ испол-

ненію давно обдуманнаго плана. Раскольниковъ уже не въ силахъ сопротивляться овладѣвшему имъ „навожденію“ и пассивно подчиняется ему; онъ чувствуетъ, что воля его словно парализована, чувствуетъ „какъ будто его кто-то взялъ за руку и потянулъ за собой, неотразимо, слѣпо, съ неестественною силой, безъ возраженій. Точно онъ попалъ клочкомъ одежды въ колесо машины, и его начало въ нее втягивать“. А самое убійство онъ совершаетъ въ состояніи какого-то изступленія, когда „умъ его какъ бы померкалъ мгновеніями, а тѣла своего онъ почти и не чувствовалъ на себѣ“.

Но, совершивъ преступленіе, Раскольниковъ оказался не въ состояніи вынести всѣхъ его послѣдствій. Онъ слишкомъ понадѣялся на свои силы, и эта надежда обманула его. Достоевскій шагъ за шагомъ слѣдитъ за смѣной чувствъ и настроеній въ душѣ Раскольникова и показываетъ, какъ онъ постепенно, съ закономѣрной неизбѣжностью приходитъ къ той развязкѣ, которая заставляетъ его отдаться въ руки правосудія.

Двойное убійство (второю, случайною жертвой Раскольникова дѣлается кроткая и простодушная Лизавета, сестра старухи-ростовщицы) потрясаетъ до основанія весь его душевный организмъ. Чувство полной растерянности, безсилія и отвращенія къ самому себѣ овладѣваетъ имъ, и только инстинктъ самосохраненія побуждаетъ его принять какія-либо мѣры, для того чтобы скрыть слѣды своего преступленія. Но мысль объ этомъ преступленіи ни на минуту не оставляетъ его, преслѣдуетъ его повсюду, мучитъ его, какъ тяжелый кошмаръ. И вся жизнь превращается для него въ какой-то сплошной, мучительный кошмаръ, самая дѣйствительность принимаетъ въ его глазахъ какія-то призрачныя формы, такъ что онъ иногда самъ не сознаетъ хорошенько, бредитъ ли онъ или видитъ что-либо на яву. Вся прошлая жизнь кажется ему чѣмъ-то безконечно далекимъ, онъ чувствуетъ себя точно отрѣзаннымъ отъ всѣхъ и отъ всего, и въ его душѣ все болѣе и болѣе растетъ какое-то „мрачное ощущеніе мучительнаго, *безконечнаго уединенія и отчужденія*“. Его угнетаетъ сознаніе невозможности простыхъ, искреннихъ человѣческихъ отношеній даже съ людьми самыми близкими. Страшная тайна, которую онъ постоянно носитъ съ собою, разобщаетъ его со всѣмъ окружающимъ. Ему тяжело съ матерью и сестрою, хотя

онъ ихъ горячо любитъ. Сестра, благодаря своей врожденной чуткости, быстро подмѣчаетъ это, хотя и не понимаетъ причину подобнаго отношенія. Ей невольно бросается въ глаза та *принужденность*, которую Раскольниковъ постоянно обнаруживаетъ въ сношеніяхъ съ ними: „онъ точно по обязанности отвѣчаетъ",—замѣчаетъ она. И самъ Раскольниковъ также мучительно чувствуетъ это отчужденіе, отдѣляющее его отъ близкихъ ему лицъ: „точно я изъ-за тысячи верстъ на васъ смотрю", говоритъ онъ имъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ однако Раскольниковъ чувствуетъ непобѣдимую потребность подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своей тайной, раскрыть кому-нибудь свою душу. Онъ почти не въ состояніи сдержаться и едва не пробалтывается Заметову, а затѣмъ Разумихину. То же самое странное и непонятное чувство заставляетъ его отправиться къ слѣдователю Порфирію Петровичу, хотя въ этомъ вовсе не было настоятельной необходимости. Онъ испытываетъ такое ощущеніе, точно онъ ходитъ на краю пропасти, и его тянетъ туда, и въ этомъ „дикомъ, истерическомъ ощущеніи" заключается для него „часть нестерпимаго наслажденія". Въ концѣ концовъ эта мучительная потребность открыть кому-нибудь страшную тайну своего преступленія одерживаетъ верхъ надъ всѣми соображеніями благоразумія, и Раскольниковъ идетъ къ Сонѣ и объявляетъ ей обо всемъ, что онъ совершилъ. Онъ избираетъ именно Соню для этого признанія, потому что она, какъ и онъ самъ, такая же „преступница", съ точки зрѣнія обычной морали, такая же „отверженная", „падшая". Но Соня нарушила моральный законъ, „переступила", изъ совершенно иныхъ побужденій, чѣмъ Раскольниковъ: она пожертвовала собою, „наложила на себя руки" по выраженію самого Раскольникова, для того чтобы спасти отъ голодной смерти свою семью: пьяницу отца, больную и озлобленную мачеху и ея маленькихъ дѣтей. Совершивъ свой высокій подвигъ самоотверженія, Соня несетъ свой жизненный крестъ безропотно и покорно, въ глубинѣ души своей затаивая свои нравственныя терзанія. И этотъ молчаливый героизмъ вызываетъ въ Раскольниковѣ восторженное удивленіе, и въ порывѣ неожиданнаго чувства онъ кланяется ей въ ноги. „Я не тебѣ поклонился,—говоритъ онъ ей,—я всему страданію человѣческому поклонился":—въ этотъ моментъ Соня представляется ему какъ бы живымъ воплощеніемъ человѣческаго горя.

Но Раскольниковъ не довольствуется простымъ признаніемъ: онъ вмѣстѣ съ тѣмъ старается объяснить Сонѣ внутренніе мотивы своего преступленія. Впрочемъ онъ въ этотъ моментъ даже вовсе еще не считаетъ совершеннаго имъ убійства преступленіемъ. Его мучитъ не убійство само по себѣ, не угрызенія совѣсти, а сознаніе, что онъ не въ силахъ вынести всѣхъ его послѣдствій и что онъ поэтому не имѣлъ права „переступать". Онъ казнитъ самъ себя за эту слабость своей природы, не позволившую ему вынести до конца страшнаго испытанія, предпринятаго имъ. Изъ этого испытанія онъ вынесъ убѣжденіе, что онъ не принадлежитъ къ разряду Наполеоновъ, которымъ „все позволено", и это убѣжденіе причиняетъ ему наибольшія мученія. „Нѣтъ, тѣ люди не такъ сдѣланы; настоящій *властелинъ*, кому все разрѣшается, громитъ Тулонъ, дѣлаетъ рѣзню въ Парижѣ, *забываетъ* армію въ Египтѣ, *тратитъ* полмилліона людей въ московскомъ походѣ и отдѣлывается каламбуромъ въ Вильнѣ; и ему же по смерти, ставятъ кумиры,—а стало быть, и *все* разрѣшается, Нѣтъ, на этакихъ людяхъ, видно, не тѣло, а бронза!" И это сознаніе, что онъ—не Наполеонъ, а „дрожащая тварь", и что, слѣдовательно, онъ понапрасну пролилъ кровь, не имѣя на это „права",—наполняетъ его душу холоднымъ отчаяніемъ. „Я себя убилъ, а не старушонку! Тутъ такъ-таки разомъ и ухлопалъ себя, навѣки!" восклицаетъ онъ.

Признаваясь передъ Соней въ совершенномъ имъ преступленіи, Раскольниковъ хотѣлъ только снять съ себя хоть отчасти бремя своей страшной тайны. Онъ въ этотъ моментъ не чувствовалъ еще никакого раскаянія, онъ видѣлъ въ сдѣланномъ имъ только роковую „ошибку". Но Соня совсѣмъ иначе взглянула на дѣло: въ ея лицѣ Раскольниковъ нашелъ себѣ нелицемѣрнаго судію, обращавшагося прежде всего къ его собственной совѣсти. Первымъ словомъ, которое вырвалось изъ ея груди, послѣ того какъ она узнала о преступленіи Раскольникова, было отчаянное восклицаніе: „Что вы, что вы это *надъ собой* сдѣлали!"—и тотчасъ же она прибавляетъ съ истерическимъ плачемъ: „Нѣтъ тебя несчастнѣе никого теперь въ цѣломъ свѣтѣ"! Въ этихъ двухъ невольныхъ восклицаніяхъ выразилась вся сущность ея воззрѣній на преступленіе: она считаетъ, что своимъ преступленіемъ Раскольниковъ совершилъ грѣхъ противъ собственной нравственной природы,

и что поэтому преступленіе есть величайшее „несчастіе“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Соня тотчасъ же указываетъ Раскольникову и тотъ выходъ, который ему еще остается: этотъ выходъ заключается въ томъ, чтобы „страданіе принять и искупить себя имъ“.—„Пойди сейчасъ, сію же минуту,—говоритъ она ему, —стань на перекресткѣ, поклонись, поцѣлуй сначала землю, которую ты осквернилъ, а потомъ поклонись всему свѣту, на всѣ четыре стороны, и скажи всѣмъ, вслухъ: я убилъ! Тогда Богъ опять тебѣ жизни пошлетъ“.

Однако Раскольниковъ не сразу пошелъ по тому пути, который такъ ясно былъ указанъ ему Соней. Онъ еще пробовалъ сопротивляться, пробовалъ уклониться отъ того „неумолимаго приговора“, который заключался для него въ словахъ Сони. Но внутреннія терзанія были слишкомъ велики, для того чтобы онъ могъ долго оставаться въ томъ же неопредѣленномъ и мучительномъ положеніи. Къ тому же изъ словъ Порфирія Петровича онъ убѣдился, что на него пало подозрѣніе, что за нимъ неотступно слѣдятъ, что каждую минуту его могутъ арестовать и отправить въ тюрьму. Раскольникову не остается другого выбора: или наложить на себя руки, или добровольно отдаться въ руки правосудія. Онъ рѣшается на послѣднее. Но даже послѣ принятаго рѣшенія, онъ совершенно далекъ отъ внутренняго раскаянія. „Я не знаю, для чего я иду предавать себя“, — говоритъ онъ сестрѣ; а когда та замѣчаетъ ему, что своимъ покаяніемъ и страданіемъ онъ на половину смываетъ свое „преступленіе“, Раскольниковъ восклицаетъ, въ какомъ-то внезапномъ бѣшенствѣ: „Преступленіе? Какое преступленіе! То, что я убилъ гадкую, зловредную вошь, старушонку-процентщицу, никому не нужную, которую убить сорокъ грѣховъ простятъ, которая изъ бѣдныхъ сокъ высасывала, и это-то преступленіе? Не думаю я о немъ и смывать его не думаю!“

Съ такимъ же настроеніемъ Раскольниковъ отправился и на каторгу. И здѣсь также первое время онъ мучился тѣми же мученіями внутренней пытки, которая заключалась въ сознаніи напрасно погубленной собственной жизни. Онъ еще не чувствовалъ раскаянія, а безъ этого раскаянія невозможно было для него и нравственное возрожденіе. Но съ нимъ вмѣстѣ отправилась въ Сибирь и Соня,—и ей-то, этой безгрѣшной грѣшницѣ, и удалось совершить въ душѣ Раскольни-

кова это чудо нравственнаго возрожденія. Она совершила это чудо не словами, не призывомъ къ исправленію, а живымъ примѣромъ своей личности, всецѣло проникнутой кротостью, незлобіемъ и всепрощеніемъ. Всѣ страданія жизни не внесли озлобленія въ ея душу, къ ней не пристала никакая жизненная грязь, она и въ паденіи сохранила высокую нравственную чистоту, потому что самое паденіе ея было слѣдствіемъ ея высокой самоотверженной любви къ ближнимъ. И гордая, мятежная душа Раскольникова смирилась передъ величіемъ этой самоотверженной любви, и эта любовь воскресила его къ новой жизни, потому что „сердце одного заключало въ себѣ безконечные источники жизни для сердца другого". Но Достоевскій не разсказываетъ намъ исторію этого душевнаго воскресенія, ограничиваясь лишь указаніемъ на этотъ переворотъ, обновившій нравственное существованіе Раскольникова, вернувшій его къ жизни и къ людямъ.

Глава VIII-я.

Русскіе поэты новаго времени.

Въ творчествѣ Пушкина и Лермонтова русская поэзія достигла своего полнаго развитія. Они дали прекрасные образцы поэтическихъ произведеній, въ которыхъ художественная законченность формы соединялась съ глубиной и искренностью содержанія. На этихъ образцахъ воспитывались всѣ слѣдующія поколѣнія русскихъ поэтовъ. Къ числу поэтовъ ближайшаго къ Пушкину поколѣнія принадлежатъ Майковъ, Полонскій, Некрасовъ, Алекс. Толстой и др., дѣятельность которыхъ начинается съ 40-хъ годовъ. Къ нимъ примыкаетъ и Тютчевъ, хотя по возрасту онъ былъ почти сверстникомъ Пушкина и началъ писать стихи еще при его жизни. Однако извѣстность Тютчева начинается лишь съ 50-хъ годовъ, почему его и слѣдуетъ отнести къ поэтамъ послѣ-Пушкинскаго періода.

Хотя творчество каждаго изъ этихъ поэтовъ, по своему характеру, отличается значительными индивидуальными особенностями, однако по преобладающему содержанію ихъ произведеній ихъ обыкновенно раздѣляютъ на двѣ группы: на представителей *чистой поэзіи* и на поэтовъ съ *общественными тенденціями*. Поэты первой группы изображаютъ преимущественно внутренній міръ души человѣка, какъ единичной личности, ея радости и страданія, мимолетныя настроенія и глубочайшія думы; или же они берутъ свои сюжеты изъ историческаго прошлаго, изъ преданій и сказокъ; или же воспроизводятъ картины природы и ея отраженіе въ душѣ человѣка, — но во всѣхъ этихъ случаяхъ

они не ставятъ себѣ никакихъ цѣлей, кромѣ чисто художественныхъ, не проводятъ никакихъ моральныхъ или общественныхъ тенденцій, не стараются подѣйствовать на направленіе мысли и воли читателя: въ этомъ отношеніи они ближайшимъ образомъ примыкаютъ къ Пушкину, который въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи „Чернь“ впервые выразилъ теорію „чистаго искусства“. — Поэты второй группы, наоборотъ, пользуются поэтической формой главнымъ образомъ для того, чтобы воздѣйствовать на настроеніе общества, пробудить въ немъ извѣстныя чувства и стремленія; оттого въ ихъ произведеніяхъ отражаются преимущественно *общественные интересы* авторовъ, они касаются въ нихъ различныхъ общественныхъ вопросовъ, изображаютъ тѣ или другія явленія общественной жизни, при чемъ обыкновенно вскрываютъ ея темныя, отрицательныя стороны, указываютъ на царящее въ ней зло и страданіе: оттого ихъ поэзія носитъ обличительный характеръ и ее обыкновенно называютъ *„поэзіей гражданской скорби“*. — Наиболѣе выдающіеся поэты первой группы: Тютчевъ, Фетъ, Майковъ, Полонскій, гр. Алексѣй Толстой; ко второй же группѣ принадлежатъ: Некрасовъ, Никитинъ, Плещеевъ и нѣк. др.

1. Тютчевъ.

Тютчевъ, Ѳедоръ Ивановичъ, родился въ имѣніи своего отца, въ Брянскомъ уѣздѣ Орловской губ. (село Овстугъ), въ 1803 г. Семья его принадлежала къ старому родовитому и зажиточному помѣстному дворянству. Въ первоначальномъ воспитаніи Тютчева преобладающую роль игралъ французскій элементъ. Однако для обученія русскому языку къ нему былъ приглашенъ довольно извѣстный въ то время литераторъ Раичъ (переводчикъ Аріосто), который и сумѣлъ привить своему питомцу вкусъ и интересъ къ литературѣ. Первымъ его литературнымъ опытомъ былъ переводъ Посланія Горація къ Ювеналу, напечатанный въ 1817 году. Высшее образованіе Тютчевъ получилъ въ Московскомъ университетѣ, по окончаніи котораго онъ поступилъ на службу по дипломатическому вѣдомству. Въ 1822 году онъ получилъ назначеніе состоять при русскомъ посольствѣ въ Мюнхенѣ. Тамъ онъ прожилъ около 15 лѣтъ, вращаясь въ кругу нѣмецкой аристократіи, а также нѣмецкихъ ученыхъ и писателей; между прочимъ онъ довольно близко сошелся съ философомъ Шеллингомъ и съ поэтомъ Гейне. Въ Мюнхенѣ же онъ и женился. Съ конца 20-хъ годовъ начинаютъ появляться въ русскихъ изданіяхъ стихотворенія Тютчева, большей частью безъ

подписи. Между прочимъ Пушкинъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ „Современникъ“ цѣлый рядъ его лирическихъ пьесъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Стихотворенія, присланныя изъ Германіи“ (1836 г.). Въ 40-хъ годахъ Тютчевъ написалъ нѣсколько политическихъ статей (на французскомъ языкѣ), въ которыхъ проводилъ славянофильскія идеи. Въ 1840 г. онъ вернулся въ Россію и поселился въ Петербургѣ. Въ 1854 году стараніями Тургенева и другихъ его друзей было впервые собрано все написанное имъ въ стихахъ и напечатано сперва въ „Современникѣ“ Некрасова, а затѣмъ отдѣльной книжкой. Въ концѣ 50-хъ годовъ Тютчевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета иностранной цензуры. Скончался онъ въ 1873 году. Какъ человѣкъ Тютчевъ отличался широкимъ образованіемъ, сердечностью и замѣчательнымъ остроуміемъ.

Тютчевъ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ поэтовъ, несмотря на то, что за свою долгую жизнь онъ написалъ очень немного. Талантъ его исключительно *лирическаго* характера; эпическій и драматическій элементъ вовсе отсутствуетъ въ его творчествѣ. Особенностью его поэзіи является преобладаніе въ ней мысли, вслѣдствіе чего Тютчева можно назвать *поэтомъ-мыслителемъ*. Но мысль, идея никогда не выступаетъ у Тютчева въ своемъ голомъ, отвлеченномъ видѣ, но всегда выражена въ формѣ живыхъ художественныхъ образовъ, благодаря чему она получаетъ особенную силу и выразительность.

Очень много стихотвореній Тютчева посвящено *природѣ*. Тютчевъ былъ надѣленъ чрезвычайно тонкимъ и живымъ чувствомъ природы, которое поэтому и служило чаще всего источникомъ его поэтическаго вдохновенія. Но это непосредственное и глубокое чувство природы обыкновенно тѣсно переплетается въ его стихотвореніяхъ съ нѣкоторыми философскими, метафизическими представленіями. Природа, въ глазахъ Тютчева, является единымъ, цѣльнымъ, живымъ организмомъ; оттого въ его стихотвореніяхъ она всегда представляется *одухотворенной*, исполненной таинственной жизни. Возражая противъ взгляда на природу, какъ на бездушный механизмъ, онъ говоритъ въ одномъ изъ наиболѣе извѣстныхъ своихъ стихотвореній:

Не то, что̀ мните вы, природа—
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ.
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Между природой и человѣкомъ, по мнѣнію поэта, существуетъ непосредственная органическая связь, хотя не всѣ ее одинаково ясно сознаютъ. Есть люди, для которыхъ природа мертва и непонятна; о нихъ поэтъ говоритъ съ сожалѣніемъ:

Они не видятъ и не слышатъ,
Живутъ въ семъ мірѣ, какъ въ потьмахъ,
Для нихъ и солнца, знать, не дышатъ,
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.

Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили,
И ночь въ звѣздахъ нѣма была.

И, голосами неземными
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза!

Не ихъ вина: пойми, коль можетъ,
Органа жизнь глухонѣмой!
Увы, души въ немъ не встревожитъ
И голосъ матери самой!

Благодаря этому чувству своей близкой, органической связи съ природой-матерью и благодаря свойственной ему тонкой наблюдательности, Тютчевъ съ замѣчательнымъ искусствомъ умѣлъ изображать ея жизнь. При этомъ его изображенія природы отличаются полной простотой и правдивостью, чужды всякаго ложнаго паѳоса. Онъ умѣлъ въ каждомъ явленіи дѣйствительности подмѣчать такія черты и подробности, которыя придавали его изображенію особенную жизненность и наглядность. Эта особенность его творчества ярко выступаетъ въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ „Весенняя гроза“ („Люблю грозу въ началѣ мая“...), „Есть въ осени первоначальной“, „Какъ неожиданно и ярко“... и др. Прекраснымъ примѣромъ такого живого и поэтическаго изображенія явленій природы можетъ послужить слѣдующее стихотвореніе:

Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь,
Когда, взметая прахъ летучій,
Гроза, нахлынувшая тучей
Смутитъ небесную лазурь,
И опрометчиво-безумно
Вдругъ на дубраву набѣжитъ,—

И вся дубрава задрожитъ
Широколиственно и шумно!
Какъ подъ небесною пятой,
Лѣсные гнутся исполины!
Тревожно ропщутъ ихъ вершины,
Какъ совѣщаясь межъ собой,—
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышенъ птичій свистъ,
И кой-гдѣ первый желтый листъ,
Крутясь, слетаетъ на дорогу...

На ряду съ *художественной наблюдательностью*, выражающейся въ умѣніи немногими, но мѣткими и вѣрными чертами изобразить живую и яркую картину, Тютчевъ отличался также и способностью уловить и передать въ своихъ стихахъ то *настроеніе*, которое различныя явленія и состоянія природы вызываютъ въ душѣ человѣка. Примѣромъ такой тонкой передачи настроенія могутъ послужить стихотворенія: „Сумерки", „Полдень", „Еще земли печаленъ видъ", „Осенній вечеръ", и др.

Но изображая съ такимъ искусствомъ жизнь природы, Тютчевъ не останавливался только на ея внѣшнихъ проявленіяхъ, но старался пытливымъ взоромъ поэта-мыслителя проникнуть въ самую глубь ея существа, постичь ея таинственную основу. Въ минуты поэтическаго прозрѣнія, передъ его взоромъ открывалась эта изначальная основа мірозданія, которая представлялась его воображенію въ видѣ безграничнаго, дикаго *хаоса*, „бездны безымянной". По отношенію къ этой основѣ міровой жизни весь внѣшній міръ, стройный и прекрасный „космосъ", представляетъ собой лишь „златотканный покровъ", наброшенный на таинственную пропасть („День и ночь", „Святая ночь на небосклонъ взошла"). Днемъ этотъ золотой покровъ прельщаетъ взоръ человѣка своими яркими красками, но настаетъ ночь—

...и съ міра рокового
Ткань благодатную покрова
Собравъ, отбрасываетъ прочь...
И бездна намъ обнажена
Съ своими страхами и мглами,
И нѣтъ преградъ межъ ей и нами:
Вотъ отчего намъ ночь страшна!

Но при нѣкоторыхъ условіяхъ таинственныя силы, ле-

жащія въ основѣ мірозданія, обнаруживаются съ особенной ясностью. Это бываетъ, напр., въ томительныя „воробьиныя“ ночи, когда вся природа, уставшая отъ дневного зноя, погружена въ вялый, безотрадный сонъ, повсюду царитъ угрюмая тишина и мракъ, — и только въ небесахъ, нависшихъ тяжелымъ сводомъ—

Однѣ зарницы огневыя,
Воспламеняясь чередой,
Какъ демоны глухонѣмые
Ведутъ бесѣду межъ собой...

Еще сильнѣе эта темная, хаотическая основа міровой жизни чувствуется въ моменты, когда разыграются на просторѣ дикія, стихійныя силы, напр., въ глухую бурную ночь, когда человѣческую душу охватываетъ невольная и смутная тревога, и человѣку кажется, что и въ его душѣ просыпаются какія-то неясныя, мучительныя и дикія чувства, подъ которыми „хаосъ шевелится“. Съ тревожнымъ недоумѣніемъ и невольнымъ страхомъ останавливается поэтъ передъ вопросомъ о тайномъ сродствѣ между темными космическими силами и міромъ человѣческой души:

О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной,
О чемъ такъ сѣтуешь безумно?
Что̀ значитъ странный голосъ твой,
То глухо-жалобный, то шумный?
Понятнымъ сердцу языкомъ
Твердишь о непонятной мукѣ,
И воешь, и взрываешь въ немъ
Порой неистовые звуки?
О, страшныхъ пѣсенъ сихъ не пой
Про древній хаосъ, про родимый!
Какъ жадно міръ души ночной
Внимаетъ повѣсти любимой!
Изъ смертной рвется онъ груди
И съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться...
О, бурь заснувшихъ не буди:
Подъ ними хаосъ шевелится!..

Подобно тому какъ въ жизни природы ея хаотическая основа обнаруживается особенно ясно при извѣстныхъ условіяхъ, точно такъ же темныя силы человѣческой души проявляются преимущественно въ моменты, когда разыгравшіяся страсти заглушаютъ голосъ разума и совѣсти, и че-

ловѣкъ утрачиваетъ власть надъ собою. Это торжество страстей вноситъ разладъ во внутренній міръ человѣка, становится для него самого и для окружающихъ источникомъ тяжелыхъ страданій („Предопредѣленіе“, „Итальянская вилла“, „О, какъ убійственно мы любимъ...“). Игра страстей и эгоизмъ человѣческой личности составляютъ основную причину всего зла въ жизни людей, заставляющаго ихъ проливать потоки слезъ.

Слезы людскія, о слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,—
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя,—
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую, порою ночной.

Яснѣе, чѣмъ кто-либо изъ русскихъ поэтовъ, Тютчевъ сознавалъ темную, трагическую сторону жизни, открывавшуюся его проницательному взору, какъ во внѣшнемъ мірѣ природы, такъ и во внутреннемъ мірѣ души человѣческой [1]. Но несмотря на это Тютчевъ глубоко любилъ жизнь, во всѣхъ ея проявленіяхъ, съ ея красотой и разнообразіемъ. „Нѣтъ, моего къ тебѣ пристрастья—я скрыть не въ силахъ, мать-земля!“—говоритъ онъ въ одномъ стихотвореніи. Эта любовь къ жизни удерживала его отъ пессимизма. Съ другой стороны, сильной нравственной поддержкой являлось для него религіозное чувство, подсказывавшее ему вѣрный выходъ изъ мучительныхъ сомнѣній и внутренняго разлада.

О, вѣщая душа моя,
О, сердце полное тревоги,
О, какъ ты бьешься на порогѣ
Какъ бы двойного бытія!..

Такъ, ты жилище двухъ міровъ:
Твой день—болѣзненный и страстный,
Твой сонъ—пророчески-неясный,
Какъ откровеніе духовъ...

Пускай страдальческую грудь
Волнуютъ страсти роковыя,—
Душа готова, какъ Марія,
Къ ногамъ Христа на вѣкъ прильнуть.

---

[1]) Эту сторону поэзіи Тютчева, ея прозрѣніе въ глубь космическаго хаоса, особенно ярко освѣтилъ въ своей статьѣ о Тютчевѣ извѣстный философъ Владиміръ Соловьевъ (1853—1900).

Изъ другихъ стихотвореній съ глубокимъ идейнымъ содержаніемъ замѣчательны: „Весна“, „Смотри, какъ на рѣчномъ просторѣ“, „По дорогѣ во Вщижъ“; во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ съ особенной силой выражена мысль о ничтожности человѣческой жизни и дѣлъ сравнительно съ могучей жизнью природы. — Къ числу наиболѣе глубокихъ по мысли стихотвореній Тютчева принадлежитъ также „Silentium“, въ которомъ поэтъ говоритъ о роковомъ безсиліи слова выразить вполнѣ точно (адэкватно) живую мысль и чувство, со всѣми ихъ индивидуальными оттѣнками. Изъ этого грустнаго сознанія вытекаетъ и совѣтъ, обращенный къ самому себѣ — оставить безплодныя попытки повѣдать другимъ о своей внутренней жизни, совѣтъ—замкнуться въ самомъ себѣ.

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои!
Пускай въ душевной глубинѣ
И всходятъ и зайдутъ онѣ,
Какъ звѣзды ясныя въ ночи:
Любуйся ими—и молчи!

Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи!

Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй!
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушитъ наружный шумъ,
Дневные ослѣпятъ лучи;
Внимай ихъ пѣнью—и молчи!

По своимъ политическимъ и историческимъ взглядамъ Тютчевъ близко примыкалъ къ *славянофиламъ*, хотя его міросозерцаніе сложилось вполнѣ самостоятельно. Свои симпатіи къ славянству онъ выразилъ въ цѣломъ рядѣ стихотвореній: „Къ Ганкѣ“, „Разсвѣтъ“, „Славянамъ“ и др. Подобно другимъ славянофиламъ, Тютчевъ былъ проникнутъ глубокой вѣрой въ нравственныя силы русскаго народа и въ великую миссію, предстоящую ему. Съ особенной силой эта почти мистическая вѣра сказалась въ извѣстныхъ стихахъ:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что̀ сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ, Царь Небесный
Исходилъ, благословляя.

2. Фетъ.

Аѳанасій Аѳанасьевичъ Фетъ-Шеншинъ родился въ 1820 г. въ имѣніи своего отца А. Н. Шеншина, въ Мценскомъ уѣздѣ, Орловской губ. и тамъ же провелъ все свое дѣтство до 14-лѣтняго возраста. Фамилію свою онъ получилъ отъ матери, родомъ нѣмки, на которой отецъ его женился въ бытность свою за границей. Первоначальное образованіе онъ получилъ сперва дома, а затѣмъ въ разныхъ частныхъ пансіонахъ. Поступивъ въ Московскій университетъ, на словесный факультетъ, Фетъ очень сблизился со своимъ товарищемъ по курсу Апол. Григорьевымъ, въ семьѣ котораго онъ одно время даже проживалъ. Григорьевъ былъ и первымъ цѣнителемъ его поэтическаго таланта. Въ 1840 г. Фетъ издалъ первый сборникъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: „Лирическій Пантеонъ“; сборникъ этотъ, впрочемъ, прошелъ почти незамѣченнымъ. Вскорѣ послѣ окончанія университета, Фетъ поступилъ въ 1845 г. на военную службу въ кавалерійскій уланскій полкъ; прослужилъ онъ съ нѣкоторыми перерывами до 1858 г., когда вышелъ въ отставку, съ чиномъ штабсъ-ротмистра. Два года спустя онъ купилъ себѣ маленькое имѣнье во Мценскомъ уѣздѣ и ревностно занялся сельскимъ хозяйствомъ. Вообще Фетъ отличался своими практическими способностями, энергіей, дѣловитостью и расчетливостью, и гордился своей извѣстностью въ качествѣ хозяина-практика не менѣе, чѣмъ своими поэтическими дарованіями. Въ 1863 г. онъ издалъ собраніе своихъ стихотвореній въ двухъ томахъ, затѣмъ на долгое время его поэтическое творчество ослабѣваетъ, вслѣдствіе того, что его вниманіе слишкомъ отвлечено было въ сторону практической жизни, особенно послѣ того какъ онъ пріобрѣлъ другое, болѣе обширное имѣніе въ Курской губерніи. Только съ начала 80-хъ годовъ Фетъ снова возвращается къ литературной дѣятельности. Къ этому времени относится цѣлый рядъ его переводовъ латинскихъ поэтовъ: Катулла, Тибулла, Ювенала, Овидія, Вергилія, Проперція (Оды Горація были переведены Фетомъ еще въ 50-хъ годахъ). Кромѣ того Фетъ перевелъ обѣ части Гётевскаго Фауста

и сочиненіе философа Шопенгауера: „Міръ, какъ воля и представленіе“. Всѣ переводы Фета отличаются точностью и близостью къ подлиннику, но вмѣстѣ съ тѣмъ они нѣсколько тяжеловѣстны по языку (за исключеніемъ прекрасныхъ, вполнѣ художественныхъ переводовъ Горація). Свои новыя стихотворенія Фетъ издавалъ въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ подъ названіемъ: „Вечерніе огни“; первый изъ нихъ вышелъ въ 1883 году. Въ послѣдніе годы жизни Фетъ занялся также своими мемуарами, которые вышли въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „Мои воспоминанія“; въ нихъ между прочимъ содержится много интересныхъ свѣдѣній о Тургеневѣ и Толстомъ, а также напечатаны ихъ письма къ Фету. Въ 1889 г. былъ отпразднованъ 50-лѣтній литературный юбилей Фета, а три года спустя, въ 1892 году, онъ скончался въ Москвѣ.

Подобно Тютчеву, Фетъ также является исключительно *лирикомъ*. Поэзія его проникнута свѣтлымъ, жизнерадостнымъ настроеніемъ, отличается юношеской свѣжестью и полнотою чувства. Тоска, страданіе, внутренній разладъ чужды ему, и только тихая, свѣтлая грусть звучитъ иногда въ его стихахъ. *Красота, поэзія и радость жизни*—вотъ постоянный источникъ вдохновенія Фета. Мрачная, трагическая сторона ея, не менѣе доступная поэтическому воспріятію и обработкѣ, остается внѣ сферы его творчества, и въ этомъ, конечно, заключается его односторонность.—Влюбленный, какъ художникъ, въ красоту жизни, Фетъ умѣетъ находить ее во всѣхъ явленіяхъ дѣйствительности, даже самыхъ обыденныхъ. Всякая мелочь получаетъ у Фета неожиданное поэтическое значеніе, и съ замѣчательнымъ искусствомъ создаетъ онъ изъ такихъ тонко-подмѣченныхъ мелочей цѣлую живую картину. Прекраснымъ примѣромъ этой способности Фета можетъ послужить одно изъ раннихъ его стихотвореній „Деревня“:

Люблю я пріютъ вашъ печальный
И вечеръ деревни глухой,
И за лѣсомъ благовѣстъ дальный,
И кровлю, и крестъ золотой;

Люблю я немятаго луга
Къ окну подползающій паръ,
И тихаго, тѣснаго круга
Не разъ долитой самоваръ;

На столикѣ близко къ окошку,
Корзину съ узорнымъ чулкомъ,
И по полу рѣзвую кошку
Въ прыжкахъ за проворнымъ клубкомъ;

Прощанье смолкающихъ пташекъ,
И мѣсяца блѣдный восходъ,
Дрожанье фарфоровыхъ чашекъ,
И рѣчи замедленный ходъ;

И собственной выдумки сказки,
Прохлады вечерней струю,—
И васъ, любопытные глазки,
Живую награду мою.

Баратынскій выразился однажды, что сущность поэзіи заключается въ полнотѣ ощущенія текущей минуты. Это опредѣленіе, какъ нельзя болѣе подходитъ къ поэзіи Фета. Уже давно критики прозвали его *„поэтомъ мгновенія“*. Дѣйствительно, какъ никто другой, Фетъ умѣлъ улавливать и передавать тѣ мимолетныя, неуловимыя, часто смутныя ощущенія, которыя постоянно смѣняютъ другъ друга въ душѣ человѣка, не доходя до яснаго сознанія. Онъ самъ считалъ эту способность—характерной чертой истиннаго поэта:

Лишь у тебя, поэтъ, крылатый сердца звукъ
Хватаетъ налету и закрѣпляетъ вдругъ
И сонный бредъ души, и травъ неясный запахъ...

Но изображеніе этихъ смутныхъ и сложныхъ душевныхъ состояній представляетъ громадныя трудности для лирическаго поэта. Можно сказать, что поэзія Фета обыкновенно стоитъ на границѣ невыразимаго. Отсюда — невозможность строго-логическаго анализа и пересказа очень многихъ его лирическихъ стихотвореній. Однимъ порывомъ крылатаго вдохновенія переносится онъ отъ одной мысли къ другой, отъ одного образа къ другому, не имѣющему, на первый взглядъ, ничего общаго: пыль, поднятая скачущимъ вдали всадникомъ, напоминаетъ ему отсутствующаго друга; тѣнь отъ вертящагося надъ лампой кружка вызываетъ въ его воображеніи картину осенняго отлета грачей; изъ потускнѣвшаго пепла камина, чудится ему, выступаютъ какія-то „неразгаданныя лица“,— и въ памяти поэта—

Встаетъ ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль,—
И лжетъ душа, что ей ненужно
Того, что такъ безумно жаль!..

Но эти логическіе скачки, несмотря на ихъ кажущуюся несообразность, тѣмъ не менѣе основаны на внутренней *пси-*

хологической закономѣрности и потому понятны намъ, понятны не столько уму, сколько чувству. Даже тогда, когда поэтъ изображаетъ смутный лихорадочный бредъ, какъ, напр., въ стихотвореніи: „Полуночные образы рѣютъ...“, или уноситъ насъ въ причудливо-волшебное царство мечты („Фантазія“), мы легко входимъ въ его настроеніе, сживаемся съ нимъ, оно кажется намъ знакомымъ и понятнымъ. Никто изъ русскихъ поэтовъ не умѣлъ такъ ясно говорить намеками, какъ Фетъ, пробуждая однимъ словомъ, однимъ образомъ цѣлую вереницу чувствъ и грезъ въ душѣ читателя.—Этой богатой выразительностью поэзія Фета болѣе всего обязана присущей ей внутренней *музыкальности*. Недаромъ самъ поэтъ назвалъ цѣлый отдѣлъ своихъ стиховъ „мелодіями“. Музыкальная мелодія вообще составляетъ привходящій элементъ почти каждаго изъ его стихотвореній, которыя поэтому отличаются особенной пѣвучестью: большое число ихъ положено на музыку лучшими русскими композиторами (Чайковскимъ, Римскимъ-Корсаковымъ, Аренскимъ). Можно даже сказать, что поэзія Фета богата не столько пластическими, сколько музыкальными образами, которые часто дополняютъ то, что не можетъ быть выражено словомъ и вѣрнѣе всего передаютъ настроеніе, вложенное въ нихъ поэтомъ. (См. стихотвор.: „Серенада“, „Спи, еще зарею...“, „Пѣвицѣ“, „Я тебѣ ничего не скажу“, „Благовонная ночь, благодатная ночь...“, „На стогѣ сѣна, ночью южной...“).

По содержанію своему, поэзія Фета не отличается особеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ. Два главныхъ мотива, которыми онъ вдохновляется, это—*любовь* и *природа*. Но если область его поэтическаго вдохновенія узка, то съ другой стороны, она имѣетъ общечеловѣческое значеніе, потому что чувства, которыя она обнимаетъ, знакомы и доступны каждому. Притомъ эти чувства, воплощенныя въ стихахъ Фета, отличаются всегда глубокой *искренностью и жизненной правдой*. Въ нихъ нѣтъ ничего ложнаго, болѣзненнаго, натянутаго. Въ соотвѣтствіи съ общимъ характеромъ поэтическаго творчества Фета, его любовная лирика также проникнута свѣтлымъ жизнерадостнымъ настроеніемъ и всею поэзіей счастливаго, юношески-свѣжаго чувства („Не отходи отъ меня“, „Серенада“, „Не здѣсь ли ты легкою тѣнью“, „О, долго буду я въ молчаньи ночи тайной“, „Только станетъ смер-

каться немножко"). Во многихъ стихотвореніяхъ оба главныхъ мотива Фетовской поэзіи: любовь и природа, тѣсно слиты другъ съ другомъ, какъ, напримѣръ, въ знаменитой „безглагольной" пьесѣ: „Шопотъ, робкое дыханье..." Другіе примѣры: „Еще акація одна...", „Молчали листья, звѣзды рдѣли", „Въ дымкѣ невидимкѣ", „Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ". Въ изображеніи такихъ сложныхъ душевныхъ состояній, происходящихъ отъ синтеза чувствъ, Фетъ достигаетъ большого мастерства, при чемъ нерѣдко онъ пользуется для своей цѣли одними лишь намеками и съ помощью этихъ намековъ умѣетъ сдѣлать намъ понятнымъ всю сложность переживаемаго настроенія (см. напр., стихотвореніе: „Въ темнотѣ, на треножникѣ яркомъ...").

Другой неизмѣнной вдохновительницей Фета является *природа*. Мало было поэтовъ не только въ русской, но и во всемірной литературѣ, которые такъ тонко, какъ Фетъ, умѣли прочувствовать и выразить всю красоту и поэзію, разлитую вокругъ въ Божьемъ мірѣ. У Фета нѣтъ тѣхъ мистическихъ прозрѣній въ глубину космическаго хаоса, какія мы встрѣчаемъ въ поэзіи Тютчева; онъ обыкновенно подходитъ къ явленіямъ природы, какъ художникъ, а не какъ мыслитель, — недаромъ онъ самъ назвалъ себя однажды: „природы праздный соглядатай"; природа интересуетъ его преимущественно съ ея художественной стороны: притомъ его поражаетъ не столько ея величіе и сила, сколько картины спокойной и нѣжной красоты. Поэтому всего милѣе ему родная, сѣверная природа, простая и неяркая, *„безпорывная"* по мѣткому выраженію Гоголя. Чуткимъ взоромъ художника и нѣжнымъ сердцемъ любящаго сына Фетъ сумѣлъ подмѣтить и разгадать тайную прелесть родного пейзажа. Русская зима съ ея снѣгами, съ печальными березами, разубранными морознымъ инеемъ, съ одинокимъ бѣгомъ саней въ чистомъ полѣ,—сѣверная весна, съ широкимъ разливомъ водъ, съ ея душистой нѣгой и неяснымъ томленіемъ, — лѣтніе вечера и ночи, когда „зрѣетъ рожь надъ жаркой нивой" и „отъ вершинъ скользя къ вершинамъ, вѣтръ ползетъ лѣсною высью",—все это нашло себѣ въ стихахъ Фета вдохновенное прекрасное отраженіе. И какой глубокой любовью проникнуты всѣ его картины природы, съ какой простотой и непосредственностью онъ ихъ рисуетъ! Такъ, напр., изображая лѣт

нюю ночь въ степи онъ доходитъ почти до Гомеровской наивности:

Въ загородкѣ улеглися
И жуютъ волы,
Звѣзды чистыя зажглися
По навѣсу мглы—

—говоритъ онъ, и это неожиданное сближеніе въ одномъ стихѣ звѣздъ небесныхъ и жующихъ воловъ не только не кажется намъ страннымъ или непоэтичнымъ, но, наоборотъ, сразу создаетъ въ воображеніи читателя живую и яркую картину. Такихъ живыхъ и яркихъ картинъ, созданныхъ изъ нѣсколькихъ тонко схваченныхъ чертъ, въ произведеніяхъ Фета очень много. Вотъ какъ изображаетъ онъ, напр., весенній дождь:

Еще свѣтло,—передъ окномъ
Въ разрывы облакъ солнце блещетъ,
И воробей своимъ крыломъ,
Въ пескѣ купаяся, трепещетъ, —
А ужъ отъ неба до земли,
Качаясь, движется завѣса
И, будто въ золотой пыли,
Стоитъ за ней опушка лѣса.
Двѣ капли брызнули въ стекло,
Отъ липъ душистымъ медомъ тянетъ,
И что-то къ саду подошло —
По свѣжимъ листьямъ барабанитъ.

Нельзя проще и *реальнѣе* нарисовать картину весенняго дождя! Здѣсь каждая черта, каждая мелочь взята изъ дѣйствительности: поэтъ ни одного слова, ни одного художественнаго эпитета не прибавляетъ отъ себя, предоставляя читателю любоваться живой прелестью нарисованной имъ картины во всей ея живописной простотѣ (см. также: „Степь вечеромъ“, „Днѣпръ въ половодье“, „Опять незримыя усилья“... и мн. др.). Инымъ, болѣе высокимъ и торжественнымъ строемъ проникнуто изображеніе лѣтней ночи въ стихотвореніи:

Растутъ, растутъ причудливыя тѣни,
Въ одну сливаясь тѣнь...
Ужъ позлатилъ послѣднія ступени
Перебѣжавшій день.
Что звало жить, что силы горячило, —
Далеко за горой.

Какъ призракъ дня, ты, блѣдное свѣтило,
Восходишь надъ землей.
И на тебя, какъ на воспоминанье,
Я обращаю взоръ...
Смолкаетъ лѣсъ, блѣднѣй ручья сіянье,
Потухли выси горъ;
Лишь ты одно скользишь стязей лазурной;
Недвижно все окрестъ...
Да сыплетъ ночь своей бездонной урной
Къ намъ миріады звѣздъ.

Но всего чаще Фетъ не ограничивается однимъ изображеніемъ картины природы, но связываетъ ее съ извѣстнымъ душевнымъ *настроеніемъ*, которое онъ умѣетъ внушить и читателю. „Я долго стоялъ неподвижно,—въ далекія звѣзды вглядясь“,—говоритъ онъ въ одномъ стихотвореніи:—„межъ тѣми звѣздами и мною—какая-то связь родилась“... Именно эта таинственная связь между природой и душой человѣка и раскрывается съ неожиданной ясностью въ поэзіи Фета. Между природой и человѣкомъ нѣтъ пропасти, нѣтъ разлада, а есть постоянное живое общеніе. Фетъ вовсе не признаетъ „равнодушія“ природы, которое такъ скорбно поражаетъ другихъ мыслителей и поэтовъ; не суровой мачехой, не бездушной и чуждой человѣку силой, а любящей матерью, съ ореоломъ нѣжной женственной красоты, является она въ его поэзіи. Между природой и человѣкомъ есть неразрывная родственная связь, есть взаимное пониманіе; они живутъ одною, общею жизнью: просыпается ли весною земля къ новой жизни—„и надъ душою каждою проносится весна“; торжествуетъ ли любовь въ душѣ человѣка—природа не остается безучастной и, въ отвѣтъ на счастливыя слезы любви, „росою счастья плачетъ ночь“ („Ужъ верба вся пушистая“... „Мѣсяцъ зеркальный плыветъ по лазурной пустынѣ“, „Теплый вѣтеръ тихо вѣетъ“, „Сегодня всѣ звѣзды такъ пышно“...). И отъ чувства этой живой связи между человѣкомъ и природой, Фетъ возвышается наконецъ до сознанія внутренняго единства всемірной жизни, какъ чувственнаго воплощенія Божества. Съ особенной яркостью это сознаніе выразилось въ стихотвореніи: „Измученъ жизнью, коварствомъ надежды“... Стихотвореніе это принадлежитъ къ числу *философскихъ* пьесъ Фета, большая часть которыхъ написана имъ уже въ старости. Въ нихъ онъ касается выс-

шихъ вопросовъ существованія, вопросовъ о жизни и смерти, о вѣчности, о Богѣ. („Среди звѣздъ“, „Смерть“, „Не тѣмъ Господь могучъ, непостижимъ“..., „О, какъ волнуюся я мыслію больною“...). Всѣ эти стихотворенія отличаются глубиною содержанія и высокимъ совершенствомъ формы.

Къ этому же отдѣлу „идейной лирики“ относятся и тѣ пьесы, въ которыхъ выразились эстетическіе взгляды Фета, его взгляды на красоту, на искусство, на поэзію. Фетъ вѣрилъ, что въ красотѣ главнымъ образомъ и раскрывается высшее начало міра. Поэтому красота, въ его глазахъ, не являлась только субъективной психологической категоріей, а имѣла вполнѣ самостоятельное, объективное значеніе (см. стихотвореніе: „Кому вѣнецъ“...). Болѣе того, въ красотѣ, разлитой въ мірѣ, Фетъ видѣлъ какъ бы оправданіе всего того зла и всѣхъ страданій, которыя неразрывно связаны съ бытіемъ. „И вѣрить хочется,—говоритъ онъ въ одномъ стихотвореній,—

что все, что такъ прекрасно,
Такъ тихо властвуетъ въ прозрачный этотъ мигъ,
По небу и душѣ проходитъ не напрасно,
Какъ оправданіе стремленій роковыхъ.

Какъ красота, въ глазахъ Фета, является „оправданіемъ“ жизни, такъ искусство представляется ему средствомъ ея утвержденія, увѣковѣчиванія. Схватывая на лету и возводя въ „перлъ созданія“ мгновенныя явленія жизни, поэтъ-художникъ даетъ имъ новое, нетлѣнное бытіе, изъ хрупкой и быстротекущей дѣйствительности переноситъ ихъ въ міръ идеальнаго, но вѣчнаго существованія.

Этотъ листокъ, что изсохъ и свалился,
Золотомъ вѣчнымъ горитъ въ пѣснопѣньи...

говоритъ Фетъ въ одномъ стихотвореніи, и эта мысль въ разныхъ варіантахъ, повторяется у него неоднократно. Но этимъ самымъ актомъ „творчества въ красотѣ“ поэтъ, увѣковѣчивая отдѣльные моменты дѣйствительности, спасая ихъ отъ власти времени и забвенія, вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ идеальное безсмертіе и своимъ собственнымъ душевнымъ переживаніямъ: въ каждомъ стихѣ сохраняется частица его собственнаго духовнаго *я*, которая получаетъ объективное значеніе и которая какъ бы оживаетъ всякій разъ, когда

чужая душа, душа невѣдомаго читателя, приходитъ съ нек
въ соприкосновеніе; въ каждомъ стихотвореніи происходитъ
эта таинственная „встрѣча“ двухъ душъ (см. стих. „Теперь“)
которая становится возможной только потому, что истинная
поэзія открываетъ доступъ въ тайники человѣческой души
позволяетъ „чужое вмигъ почувствовать своимъ“—и таким
образомъ разрушаетъ преграды между людьми во времени и
пространствѣ.

8. Майковъ.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ родился въ 1821 году. Он
происходилъ изъ образованной и талантливой семьи. Отецъ его
былъ довольно извѣстный въ то время художникъ-живописецъ; из
братьевъ одинъ (Валеріанъ) выдѣлился, какъ талантливый критикъ
другой (Леонидъ) былъ впослѣдствіи профессоромъ литературы и
академикомъ. Въ домѣ Майковыхъ господствовали литературные
и художественные интересы; однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей
его былъ, между прочимъ, Гончаровъ, который даже одно время
давалъ уроки старшимъ дѣтямъ. Образованіе Майковъ получилъ
въ Петербургскомъ университетѣ, на словесномъ факультетѣ; вмѣ
стѣ съ тѣмъ онъ усердно занимался живописью и обнаружилъ
значительный талантъ, такъ что одно время даже намѣревался по
святить себя этому искусству, но слабость зрѣнія не позволила ему
осуществить это намѣреніе. Стихи Майковъ началъ писать еще
въ бытность свою въ университетѣ, и профессоръ Плетневъ, на
судъ котораго онъ представилъ свои первые опыты, очень одобри
тельно отнесся къ начинаніямъ юноши. Первымъ стихотвореніемъ
Майкова въ печати былъ его „Сонъ“ (1840), вызвавшій сочув
ственный отзывъ Бѣлинскаго. Въ 1842 г. вышелъ въ свѣтъ пер
вый сборникъ его стиховъ. Въ томъ же году Майковъ отправился
за границу, при чемъ около года провелъ въ Италіи; итальянскія
впечатлѣнія поэта отразились въ его „Неаполитанскомъ альбомѣ“
и во многихъ другихъ стихотвореніяхъ. Затѣмъ Майковъ, вмѣстѣ
со своимъ братомъ нѣсколько мѣсяцевъ провелъ въ Парижѣ, гдѣ
между прочимъ, посѣщалъ лекціи лучшихъ французскихъ профес
соровъ. По возвращеніи на родину, онъ поступилъ на службу
одно время онъ состоялъ библіотекаремъ Румянцевскаго музея, а
затѣмъ перешелъ въ комитетъ иностранной цензуры, предсѣдате
лемъ котораго онъ былъ назначенъ послѣ смерти Тютчева. По
своему общему міросозерцанію, Майковъ былъ горячимъ поклонни
комъ византійскихъ идеаловъ, религіозныхъ и государственныхъ
и потому враждебно относился ко всякимъ новымъ теченіямъ обще
ственной мысли.

Скончался Майковъ въ 1897 году.

Поэтическая дѣятельность Майкова началась съ *антологическихъ* стихотвореній, сразу обратившихъ вниманіе публики на молодого автора и вызвавшихъ одобреніе Бѣлинскаго. Образцами ему служили античные поэты, преимущественно Горацій. Вообще древній міръ былъ съ юности хорошо знакомъ Майкову: изъ него онъ почерпалъ свои сюжеты, вдохновляясь красотой античныхъ образовъ. „Еще въ младенчествѣ",—говоритъ онъ въ одномъ стихотвореніи:—

любилъ блуждать мой взглядъ
По пыльнымъ мраморамъ Потемкинскихъ палатъ.
Антики пыльные живыми мнѣ казались,
Какъ будто мысль и чувство въ нихъ скрывались.
Забытые въ глуши блистательнымъ дворомъ,
Казалось, радостно съ высокихъ пьедесталовъ
Они внимали шумъ шаговъ моихъ вдоль заловъ,
И, властвуя моимъ младенческимъ умомъ,
Они роднились съ нимъ, какъ сказки умной няни,
Въ пластической красѣ миѳическихъ преданій.

Здѣсь самъ поэтъ ясно указываетъ, что́ именно привлекало его къ міру классическихъ преданій: это была ихъ „пластическая краса", прельщавшая его взоръ поэта-художника. Дѣйствительно, поэтъ въ молодости много занимался живописью, и слѣды этихъ занятій навсегда сохранились въ его поэзіи, одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ которой является ея *пластичность* и *картинность*. Въ стихахъ Майкова нѣтъ ничего неяснаго, недосказаннаго,—его образы отличаются опредѣленностью, выпуклостью, колоритностью. Въ этомъ отношеніи его можно сопоставить изъ прежнихъ русскихъ поэтовъ съ Батюшковымъ, который также былъ воспитанъ на античныхъ образцахъ. Въ противоположность Фету, поэзія котораго граничитъ съ областью музыки, въ стихахъ Майкова замѣчается явное тяготѣніе въ сторону изобразительныхъ искусствъ: ваянія и живописи; недаромъ онъ самъ двумъ отдѣламъ своихъ стихотвореній далъ названіе „камей" и „акварелей". Эта черта поэзій Майкова,—ея пластическая изобразительность и художественная законченность формы,—ясно выступаетъ еще въ его раннихъ „антологическихъ" стихотвореніяхъ. Лучшія изъ нихъ: „Вакханка", „Барельефъ", „Прощаніе съ деревней", „Искусство", „Сонъ". Въ качествѣ образца приводимъ послѣднее изъ названныхъ стихотвореній:

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы желтыя, покрытыя скирдами,
На синіе лѣса, на влажный злакъ луговъ,
Когда надъ озеромъ бѣлѣетъ столпъ паровъ,
И въ рѣдкомъ тростникѣ, медлительно качаясь,
Сномъ чуткимъ лебедь спитъ, на влагѣ отражаясь,—
Иду я подъ родной соломенный свой кровъ,
Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ:
И тамъ, въ урочный часъ, съ улыбкой устъ привѣтныхъ,
Въ вѣнцѣ дрожащихъ звѣздъ и маковъ темноцвѣтныхъ,
Съ таинственныхъ высотъ, воздушною стезей,
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сіяньемъ палевымъ главу мнѣ обливаетъ
И очи тихою рукою закрываетъ,
И, кудри подобравъ, главой склонясь ко мнѣ,
Лобзаетъ мнѣ уста и очи въ тишинѣ.

Усвоивъ своей поэзіи стройность и пластичность классической формы, Майковъ усвоилъ себѣ и самый духъ античной поэзіи, какъ онъ выразился въ творчествѣ Анакреона, Ѳеокрита, Горація. Болѣе всего по душѣ ему былъ именно послѣдній изъ названныхъ поэтовъ. Майковъ сумѣлъ отлично проникнуться духомъ изящнаго эпикуреизма, составляющаго основную характерную черту гораціанскаго настроенія. Въ поэзіи его царствуетъ покой и тишина, она совершенно чужда всего тревожнаго, болѣзненнаго, сумеречнаго. всего того, что живетъ въ сокровенной глубинѣ человѣческаго существа и подъ чѣмъ, по выраженію Тютчева, „хаосъ шевелится". Муза Майкова не знаетъ страстныхъ и бурныхъ порывовъ,— не знаетъ она также никакихъ туманныхъ порываній въ область невѣдомаго, никакой тоски по нездѣшнему, неземному, составляющихъ отличительную черту романтической поэзіи. Спокойная уравновѣшенность, стремленіе къ тонкому артистическому наслажденію жизнью, природой, искусствомъ,— вотъ главныя особенности поэзіи Майкова въ первый періодъ ея развитія. Молодость, любовь, красота—вотъ постоянные источники его вдохновенія. Юношеской, беззаботной жизнерадостностью проникнуты его стихотворенія. Поэтъ словно избѣгаетъ затрогивать серьезныя темы: „Такъ, вѣтренъ я, друзья!"—признается онъ самъ въ одной піесѣ („Исповѣдь"). Онъ не задумывается надъ жизнью, съ ея загадками и противорѣчіями, а стремится насладиться всѣмъ, что́ она даетъ прекраснаго. Какъ художникъ, онъ выше всего цѣнитъ кра-

соту: поэтому, преклоняясь передъ пластической красотой античнаго искусства, онъ съ неменьшимъ восторгомъ отнесся къ красотѣ южной природы, когда ему пришлось побывать въ Италіи. Памятникомъ этого пребыванія остались циклы стихотвореній: „Очерки Рима“ и „Неаполитанскій альбомъ“, въ которыхъ онъ воспѣваетъ итальянскую природу, поэзію вѣковыхъ развалинъ, черноокихъ красавицъ, „классическое небо Рима“ и беззаботную жизнь художниковъ, со всѣхъ сторонъ стекающихся въ столицу искусствъ („Campagna di Roma“, На дальнемъ сѣверѣ моемъ“, „Въ остеріи“, „Fortunata“, „Тиволи“, „Древній Римъ“).

Но артистическій эпикуреизмъ, стремленіе къ изящному наслажденію жизнью не могли всецѣло удовлетворить душевнымъ запросамъ Майкова. Съ половины 50-хъ годовъ въ его поэзіи замѣчается поворотъ въ новую сторону, она обогащается новымъ содержаніемъ. Блескъ и роскошь итальянской природы, пластическая красота античныхъ преданій не заглушили въ душѣ поэта горячей любви къ родинѣ и своему народу. Подъ вліяніемъ патріотическаго возбужденія, вызваннаго Крымской войной и послѣдующими событіями, эта любовь къ родинѣ вспыхиваетъ съ особенной силой и отражается въ его творчествѣ въ цѣломъ рядѣ прекрасныхъ стихотвореній („Сѣнокосъ“, „Ночь на жнитвѣ“, „Въ степяхъ“). Родная природа, съ ея незатѣйливыми, скромными пейзажами, заслонила передъ взорами поэта роскошныя картины Италіи. Изображеніе ея въ стихотвореніяхъ: „Болото“, Пейзажъ“, „Звуки ночи“, „Ласточка“, „Нива“, проникнуто глубокой любовью и отличается такой же пластичностью и яркостью, какъ и его очерки итальянской природы. Эти достоинства особенно ярко выступаютъ въ идилліи „Рыбная ловля“, представляющей собой одно изъ лучшихъ произведеній Майкова. Созерцаніе родной природы вызываетъ здѣсь у поэта восторженное восклицаніе:

Картины блѣдныя полуночнаго края!
Гдѣ бъ я ни умиралъ, васъ вспомню умирая:
Отъ сердца пылкаго все злое прочь гоня,
Не вы ль, миря съ людьми, учили жить меня!..

Съ такимъ же глубокимъ сочувствіемъ относится поэтъ и къ родному народу. Свое стихотвореніе „Нива“ онъ заканчиваетъ такимъ благимъ пожеланіемъ:

О Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба,—
Но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!

Уничтоженіе крѣпостного права, открывшее народу путь свободнаго развитія, вызвало въ душѣ поэта радостный откликъ, какъ заря новой жизни („Картинка", „Поля"). Глубоко вѣря въ великое будущее родной земли, Майковъ въ то же время живо интересовался и ея прошлыми судьбами, и этотъ интересъ также отразился въ его творчествѣ („У гроба Грознаго", „Упраздненный монастырь", „Кто онъ?", переводъ „Слова о Полку Игоревѣ"). По своимъ общимъ историческимъ взглядамъ, отразившимся и въ его стихотвореніяхъ, Майковъ приближался къ славянофиламъ, хотя и расходился съ ними въ оцѣнкѣ дѣятельности Петра Великаго.

Съ 70-хъ годовъ наступаетъ третій и послѣдній періодъ въ развитіи поэтическаго творчества Майкова. Въ его произведеніяхъ получаетъ преобладаніе идейный элементъ, прежніе яркіе и пластичные образы встрѣчаются въ нихъ все рѣже, и міръ его поэзіи становится все болѣе и болѣе безтѣлеснымъ; прежняя беззаботность замѣняется строгими размышленіями о высшихъ вопросахъ бытія. Майковъ изъ поэта образовъ становится поэтомъ мысли. Поэзія его проникается религіознымъ духомъ, становится отраженіемъ христіанскихъ взглядовъ и идеаловъ. Этимъ новымъ характеромъ отличается большинство стихотвореній въ отдѣлахъ: „Excelsior", „Вѣчные вопросы", „Изъ Аполлодора Гностика", а также и его трагедія „Два міра".—Соотвѣтственно измѣненію въ содержаніи и направленіи творчества Майкова, измѣнились и его взгляды на искусство, на поэзію. Этотъ новый болѣе высокій взглядъ на поэзію, какъ на носительницу высшихъ идеаловъ получилъ свое выраженіе въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Возвышенная мысль достойной хочетъ брони;
Богиня строгая—ей нуженъ пьедесталъ,
И храмъ, и жертвенникъ, и лира, и кимвалъ,
И пѣсни сладкія, и волны благовоній...
Малѣйшую черту обдумай строго въ ней,
Чтобы выдержанъ былъ строй въ наружномъ безпорядкѣ,
Чтобы божественность сквозила въ каждой складкѣ,
И образъ весь сіялъ—огнемъ души твоей!..

Исполненъ радости, иль гнѣва, иль печали,
Пусть вдругъ онъ выступитъ изъ тьмы передъ тобой—
И ту разсѣетъ тьму,—прекрасный самъ собой
И безконечностью за нимъ лежащей дали...

Но Майковъ не былъ исключительно лирикомъ, подобно 'ютчеву и Фету. Какъ художникъ-пластикъ, надѣленный онкимъ чутьемъ объективной дѣйствительности, онъ не могъ амкнуться исключительно въ кругъ субъективныхъ пережианій и потому очень часто вдохновлялся темами, взятыми зъ исторіи, изъ преданій, вообще изъ области, лежащей нѣ собственной личности. Болѣе всего удавались ему балады или небольшія поэмы на историческіе сюжеты. Лучшія зъ нихъ его „Клермонтскій соборъ", съ вдохновенной рѣчью Іетра Пустынника, „Приговоръ", отличающійся, несмотря а серьезность содержанія (судъ надъ Гусомъ), остроуміемъ ормы, и „Емшанъ", поэтически изображающій всю силу увства любви къ родинѣ.

Къ числу лучшихъ произведеній Майкова принадлежитъ акже лирическая драма „*Три смерти*", написанная въ 1852 оду, и трагедія „*Два міра*", оконченная въ 1881 г. Дѣйтвіе обоихъ этихъ произведеній относится къ одной эпохѣ, менно къ правленію императора Нерона, но по характеру одержанія они значительно отличаются другъ отъ друга. Ъ эпоху созданія „Трехъ смертей", Майковъ еще всецѣло аходился подъ обаяніемъ классической древности: поэтому олько одинъ этотъ міръ и отразился въ первой его драмаической попыткѣ. Притомъ мы видимъ здѣсь только лицеую сторону античнаго міра, его лучшихъ представителей,— знанка же остается въ тѣни, о ней мы узнаемъ лишь изъ ѣчей дѣйствующихъ лицъ, возмущенныхъ нравственнымъ аденіемъ Рима. Выведенныя лица обрисованы Майковымъ ъ большимъ искусствомъ; ихъ трое: юноша-поэтъ Луканъ, илософъ Сенека и эпикуреецъ Люцій. Всѣ они—типичные редставители античнаго „генія", въ его различныхъ провленіяхъ. Притомъ моментъ, драматизированный поэтомъ, ыбранъ какъ нельзя болѣе удачно: дѣйствующія лица выедены въ рѣшительную минуту ихъ жизни, въ моментъ, огда они приготовляются къ смерти. Важность переживаеаго момента заставляетъ особенно ярко выступить наиболѣе арактерныя индивидуальныя черты каждаго лица. Луканъ,

жизнерадостный юноша, влюбленный въ красоту поэтъ, в
мущается перспективой близкаго конца,—онъ настолько пр
вязанъ къ жизни, что готовъ даже спастись бѣгствомъ,
только разсказъ о томъ, какъ умерла Эпихарида, „души б
умныхъ сатурналій“, удавившаяся платкомъ, для того что
не выдать сообщниковъ заговора противъ Нерона, удерж
ваетъ его отъ этого малодушнаго поступка; Люцій не чу
ствуетъ никакого страха передъ лицомъ смерти, такъ ка
давно пресытился жизнью и ея наслажденіями, онъ толь
озабоченъ мыслью, чтобы предстоящій ему переходъ къ н
бытію былъ по возможности незамѣтенъ, и потому готовит
принять ядъ во время послѣдняго роскошнаго пира. Но н
смотря на различіе индивидуальныхъ особенностей кажда
изъ выведенныхъ лицъ, у нихъ есть одна глубокая хара
терная черта, общая для всѣхъ: это—культъ своей личност
своего *я*, какъ выраженіе того крайняго индивидуализм
къ которому пришелъ античный міръ въ эпоху своего п
денія, когда ослабли всѣ нравственныя связи, соединявш
раньше людей въ одно цѣлое.

Напротивъ того, именно этой нравственной связью и с
ленъ былъ новый христіанскій міръ, явившійся на смѣ
отжившему старому. Въ трагедіи *„Два міра“* изображает
именно встрѣча этихъ двухъ міросозерцаній. Центральны
лицомъ трагедіи является *Децій*. Онъ, по мысли авто
долженъ былъ совмѣстить въ себѣ все, что древній мі
произвелъ высокаго и прекраснаго: это—великій патріот
проникнутый пламенной любовью къ Риму, къ доблестно
Риму предковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ, воспринявш
въ себя всю прелесть и все изящество греческой образова
ности. Какъ патріотъ, онъ глубоко скорбитъ о нравственно
паденіи, до котораго дошелъ современный Римъ, „Римъ
теръ, шута и мима“. Самъ онъ стоитъ головою выше окр
жающей его развратной, льстивою и жадной толпы, о
презираетъ ее и нисколько не скрываетъ этого презрѣн
Однако несмотря на свое нравственное превосходство, Де
все-таки является типичнымъ представителемъ своего вѣ
своего міра: въ его душѣ также живетъ безграничная го
дость и самообожаніе, ему совершенно чуждо сознаніе дол
по отношенію къ ближнимъ, у него даже вовсе нѣтъ ни
кой духовной связи съ ними. Душа его неспособна къ

стоящей, живой, человѣческой любви и въ этой неспособности заключается источникъ его страданій. „Какъ ночь душа его мрачна! Онъ—Боже!—никого не любитъ!...“ восклицаетъ Лида въ отвѣтъ на высокомѣрныя слова Децiя, когда Марцеллъ (христіанинъ) напоминаетъ ему о „ближнихъ“.

Этому отживающему міру, представителемъ котораго въ трагедіи является Децій, противопоставляется новый міръ, несущій человѣчеству освобожденіе отъ мертвящаго эгоизма. Для изображенія его, поэтъ выводитъ множество разнообразныхъ типовъ христіанъ: здѣсь есть патриціи (Марцеллъ), рабы, греки, римляне и варвары, есть и раскаявшаяся куртизанка (Лида). Всѣ они изображены яркими индивидуальными чертами, но вмѣстѣ съ тѣмъ между ними есть прочная нравственная связь, всѣ они—„*любовію* одной—какъ солнцемъ глубины морскія—озарены“... Эта всепоглощающая и всепрощающая любовь, невѣдомая старому міру, и составляетъ истинную силу христіанства, обезпечивающую ему вѣрную побѣду. Лучшимъ олицетвореніемъ этой любви является въ трагедіи *Лида*, образъ которой исполненъ высокой духовной красоты. Притомъ любовь Лиды—любовь дѣятельная. Она не удовлетворяется однимъ мистическимъ экстазомъ, она жаждетъ проявить свое чувство наружу, облегчать чужое страданіе, осушать чужія слезы. Она вся—одинъ порывъ къ добру, къ милосердію. къ состраданію. Въ ней нѣтъ и слѣдовъ эгоизма, нѣтъ заботы или мысли о себѣ,—она словно уже отрѣшилась отъ всего земного и живетъ иною, чисто духовной жизнью. Недаромъ Децій, котораго она пытается склонить къ тому, что сама считаетъ истиннымъ, спрашиваетъ ее въ изумленіи:

Ты точно внѣ земли ужъ, Лида!
Куда умчалась ты? Изъ вида
Теряю... Точно отъ земли
Оторвалась, межъ звѣздъ носилась
И къ намъ на землю воротилась
Въ ихъ золотой еще пыли...

4. Полонскій.

Яковъ Петровичъ Полонскій родился въ Рязани, въ 1820 г. Отецъ его былъ чиновникомъ. Образованіе онъ получилъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ его товарищемъ по курсу былъ между прочимъ Фетъ. Какъ во время пребыванія въ университетѣ, такъ

и по окончаніи его, Полонскій находился въ весьма стѣсненных матеріальныхъ обстоятельствахъ и принужденъ былъ добывать себ средства къ существованію частными уроками и другой случайно работой. Въ 1844 г. былъ изданъ первый сборникъ стихотворені Полонскаго, подъ заглавіемъ: „Гаммы“; сборникъ этотъ прошел почти незамѣченнымъ критикой и публикой Въ 1846 г. Полонскі отправился въ Тифлисъ, въ качествѣ домашняго учителя; затѣм онъ былъ назначенъ завѣдующимъ редакціей „Закавказскаго Вѣст ника“. На Кавказѣ Полонскій пробылъ нѣсколько лѣтъ, и эт пребываніе отразилось въ цѣломъ рядѣ стихотвореній, вошедших въ сборникъ „Сазандаръ“ (по-грузински „пѣвецъ“), изданный им въ 1849 году. Въ концѣ 50-хъ годовъ онъ довольно продолжи тельное время провелъ за границей, преимущественно въ Парижѣ 1859 году онъ вмѣстѣ съ Апол. Григорьевымъ сдѣлался редакто ромъ основаннаго графомъ Кушелевымъ-Безбородко журнала „Рус ское Слово“; тамъ между прочимъ былъ напечатанъ въ этом году „Обломовъ“ Гончарова. Но въ слѣдующемъ же году Полон скій оставилъ редакторство и поступилъ на службу въ комитет иностранной цензуры, гдѣ онъ и прослужилъ до послѣднихъ годов жизни. Въ 1855 г. Полонскій издалъ собраніе своихъ стихотво реній, въ которое вошло все, написанное имъ за 15 лѣтъ; этот сборникъ закрѣпилъ его извѣстность, въ качествѣ одного изъ наи болѣе талантливыхъ современныхъ поэтовъ. Въ 1863 г. вышл въ свѣтъ его поэма „Кузнечикъ-музыкантъ“, представляющая собо одно изъ лучшихъ и оригинальныхъ его созданій. Въ 70—80-х годахъ имъ написано нѣсколько крупныхъ романовъ и повѣстей, н имѣющихъ однако выдающагося художественнаго значенія („Призна нія Сергѣя Чалыгина“, „Крутыя Горки“, „Дешевый городъ“ и др.) Скончался Полонскій въ 1898 году. Какъ человѣкъ, онъ отличалс прекраснымъ и благороднымъ характеромъ, сердечностью и отзыв чивостью. Изъ русскихъ писателей онъ былъ особенно друженъ с Тургеневымъ, о которомъ онъ оставилъ интересныя воспоминанія Въ послѣдніе годы жизни, вокругъ него сгруппировался кружок молодыхъ поэтовъ, которыхъ онъ любилъ поддерживать своим одобреніемъ (такъ называемыя „пятницы“ Полонскаго).

Полонскій является ближайшимъ современникомъ Фет и Майкова, близко связаннымъ съ ними личными друже скими отношеніями и общностью многихъ взглядовъ и сим патій. Однако, несмотря на эти связи, соединявшія поэтов въ „добрый тройственный союзъ“, по выраженію Майкова поэзія Полонскаго носитъ черты полной самобытности отличается многими характерными особенностями, которы особенно ясно выдѣляются при сравненіи съ творчеством его друзей.—Отъ поэзіи Фета она отличается *широтою разнообразіемъ содержанія*: между тѣмъ какъ для Фет

главнымъ источникомъ поэтическаго вдохновенія служила природа и любовь,—мотивы поэзіи Полонскаго охватываютъ гораздо болѣе обширный кругъ жизненныхъ явленій. Правда, и среди стихотвореній Полонскаго эти два мотива (любовь и природа) представлены многочисленными и разнообразными образцами. Какъ и Фету, ему также хорошо знакома беззавѣтная и беззаботная юношеская страсть („Вызовъ", „Затворница", „Пришли и стали тѣни ночи"... „Поцѣлуй"). Но чаще любовь въ его поэзіи характеризуется своей нѣжностью и задушевностью, связанной съ какою-то тихой грустью („Послѣдній разговоръ", „Иная зима", „Заплетя свои темныя косы вѣнцомъ")... Глубокимъ и трогательнымъ чувствомъ проникнуты стихотворенія, вызванныя безвременной кончиной молодой, горячо любимой супруги поэта („Послѣдній вздохъ", „Безуміе горя", „Я читаю книгу пѣсенъ")...

Стихотворенія Полонскаго, посвященныя природѣ, обнаруживаютъ живое чувство ея красоты и тонкую наблюдательность, благодаря которой пейзажи Полонскаго обыкновенно отличаются обиліемъ реальныхъ подробностей, взятыхъ изъ живой дѣйствительности (см. напр. стихотв.: „Въ степи"). Чаще всего Полонскій изображаетъ природу въ ея спокойномъ состояніи, въ часы мирной тишины, навѣвающей свѣтлыя грезы, наполняющей душу сладкимъ трепетомъ („Лунный свѣтъ", „Вечеръ", „Ночь въ Крыму", „Не жди!"). Подчиняясь могущественному обаянію природы, поэтъ самъ съ недоумѣніемъ останавливается иногда передъ тайной этого обаянія, задумывается надъ вопросомъ о сущности таинственной связи между природой и душой человѣка („Ночь"):

Отчего я люблю тебя, свѣтлая ночь?
Такъ люблю, что, страдая, любуюсь тобой!
И за что я люблю тебя, тихая ночь?
Ты не мнѣ, ты другимъ посылаешь покой!
Что́ мнѣ звѣзды, луна, небосклонъ, облака,
Этотъ свѣтъ, что, скользя на холодный гранитъ,
Превращаетъ въ алмазы росинки цвѣтка,
И какъ путь золотой черезъ море бѣжитъ!
Ночь, за что мнѣ любить твой серебряный свѣтъ!
Усладитъ ли онъ горечь скрываемыхъ слезъ?
Дастъ ли жадному сердцу желанный отвѣтъ?
Разрѣшитъ ли сомнѣнья тяжелый вопросъ?
Что мнѣ сумракъ холмовъ, трепетъ сонныхъ листовъ,

Моря темнаго вѣчно шумящій прибой,
Голоса насѣкомыхъ во мракѣ садовъ,
Гармоническій говоръ струи ключевой!
Ночь! За что мнѣ любить твой таинственный шумъ?
Освѣжитъ ли онъ знойную бездну души,
Заглушитъ ли онъ бурю мятежную думъ,—
Все, что жарче впотьмахъ и слышнѣе въ тиши?
Самъ не знаю, за что я люблю тебя, ночь,—
Такъ люблю, что, страдая, любуюсь тобой!
Самъ не знаю, за что я люблю тебя, ночь...
Оттого, можетъ быть, что далекъ мой покой.

Но если міръ природы дорогъ и близокъ душѣ поэта, то еще ближе ему міръ людей, со всѣмъ разнообразіемъ человѣческихъ отношеній. При этомъ Полонскій не ограничивается, подобно Фету, одной только свѣтлой, лицевой стороной жизни, не уходитъ отъ дѣйствительности въ міръ абсолютной красоты и художественныхъ грезъ, но чутко отзывается на всѣ явленія жизни, не только личной, но и общественной, исторической. Эта широкая *отзывчивость* составляетъ одну изъ важнѣйшихъ особенностей поэзіи Полонскаго. Болѣе того, самъ поэтъ видѣлъ въ такой отзывчивости характерную черту всякой истинной поэзіи. Эту мысль онъ выразилъ въ стихотвореніи „Нищій“:

Знавалъ я нищаго,—какъ тѣнь,
Съ утра, бывало, цѣлый день
Старикъ подъ окнами бродилъ
И подаянія просилъ;
Но все, что въ день ни собиралъ,
Бывало, къ ночи раздавалъ
Больнымъ, калѣкамъ и слѣпцамъ,—
Такимъ же нищимъ, какъ и самъ.

Въ нашъ вѣкъ таковъ иной поэтъ,—
Утративъ вѣру юныхъ лѣтъ,
Какъ нищій старецъ изнуренъ,
Духовной пищи проситъ онъ,
И все, что жизнь ему ни шлетъ,
Онъ съ благодарностью беретъ;
И душу дѣлитъ пополамъ
Съ такими жъ нищими, какъ самъ.

Другая, не менѣе важная черта поэзіи Полонскаго заключается въ ея полной *искренности* и *непосредственности*. И чувства, и думы, нашедшія себѣ выраженіе въ творчествѣ

оэта, не навѣяны извнѣ, а родились въ глубинѣ его собственнаго существа и являются отраженіемъ его личности.

Мое сердце—родникъ, моя пѣсня—волна,—
Пропадая вдали,—разливается...
Подъ грозой—моя пѣсня, какъ туча темна,
На зарѣ—въ ней заря отражается.
Если жъ вдругъ вспыхнутъ искры нежданной любви
Или на́ сердцѣ горе накопится,—
Въ лоно пѣсни моей льются слезы мои,
И волна уносить ихъ торопится.

Глубокая сердечность, задушевная теплота, любовь ко всему человѣческому—вотъ главныя черты преобладающаго настроенія поэзіи Полонскаго. Въ ней есть что-то женственно мягкое, наивное, чистое. Оттого, быть можетъ, Полонскій такъ часто и съ такой любовью обращался воображеніемъ къ эпохѣ невиннаго дѣтства: цѣлый рядъ его стихотвореній навѣянъ дѣтскими воспоминаніями и сказками („Солнце и мѣсяцъ“, „Ангелъ“, „Елка“, „Смерть малютки“, „Старая няня“). Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній по справедливости заслужили всеобщую извѣстность и попали во всѣ хрестоматіи.

Все творчество Полонскаго проникнуто духомъ гуманности и глубокой вѣрой въ идеалъ. Всякое проявленіе благородства, великодушія, состраданія вызываетъ съ его стороны горячее сочувствіе („Казимиръ Великій“, „Подъ Краснымъ Крестомъ“). Наоборотъ, человѣческое страданіе, вражда, насиліе и гнетъ возбуждаетъ въ немъ чувство горечи и нравственной боли. Въ стихотвореніи „Жалобы Музы“ поэтъ, отъ лица своей *музы*, скорбитъ о томъ, что царящее вокругъ его зло, неправда и страданіе не позволяютъ ему свободно отдаваться вдохновенію, заслоняютъ передъ нимъ красоту божьяго міра. Но горячо сочувствуя всѣмъ страдающимъ и возмущаясь противъ всякаго зла, поэтъ не чувствуетъ въ себѣ силы борца („И. С. Аксакову“). Порой и его душу также посѣщаютъ сомнѣнія и тягостныя думы („И я сынъ времени“..., „Рознь“, „Грезы“), но онѣ никогда не въ силахъ овладѣть имъ всецѣло: вѣра въ высшіе идеалы человѣчества всегда одерживаетъ надъ ними верхъ. Безъ этой вѣры, по мнѣнію Полонскаго, немыслима никакая поэзія вообще („Поэзія“).

Указанныя стихотворенія, въ которыхъ поэтъ останавл вается на различныхъ вопросахъ жизни и искусства, пр надлежатъ къ разряду „идейной лирики“. Отдѣлъ этотъ Полонскаго довольно обширенъ, хотя необходимо признат что многія изъ стихотвореній, принадлежащихъ къ нему, не о личаются особенными поэтическими достоинствами. Полонск не былъ поэтомъ-мыслителемъ, подобно Тютчеву и, отчаст Фету. Однако и среди нихъ есть нѣсколько пьесъ, замѣчател ныхъ по глубинѣ мысли, яркой образности выраженія красотѣ формы („Міровая ткань“, „Ночная дума“, „Внутренн голосъ“, „То въ темную бездну, то въ свѣтлую бездну“)...

Ткань природы міровая—
Риза—Божья, можетъ быть...
Въ этой ризѣ я—живая,
Я—непорванная нить.
Нить идетъ, трепещетъ, бьется,
И ужъ если оборвется,
Никакіе мудрецы
Не сведутъ ея концы:
Вѣчный ткачъ ихъ такъ запрячетъ,
Что (пускай кто хочетъ плачетъ!)
Нити порванной опять
Не найти и не связать...
Нити рвутся безпрестанно,—
Скоро, скоро мой чередъ!
Ткачъ же вѣчный неустанно
Ткань звѣздистую ведетъ;
И выводитъ онъ узоры:
Голубыя волны, горы,
Степи, пажити, лѣса,
Облака и небеса;
И куда мудрецъ не взглянетъ,
Ни прорѣхи, ни узла нѣтъ;
Свѣтозарна и ровна
Божьей ризы тонина.

Наконецъ, чрезвычайно характерной особенностью тво чества Полонскаго является *простота, безыскусственнос и близость къ дѣйствительности*. Этими чертами поэзія е рѣзко отличается отъ поэзіи Майкова, которой свойствен нѣкоторая торжественность и приподнятость тона. Мож сказать, что поэзія Полонскаго обыкновенно стоитъ на гр ницѣ будничной прозы: русская природа и русская жизн со всѣми мелочами повседневнаго быта, гораздо полн

отразились въ творчествѣ Полонскаго, чѣмъ въ творчествѣ Фета и Майкова. Для Полонскаго не существуетъ „низменной дѣйствительности“,—онъ не выбираетъ изъ нея одни лишь поэтическіе элементы, а беретъ ее во всей ея обыденности, внося въ свою поэзію массу мелкихъ конкретныхъ чертъ. Полонскій самъ хорошо сознавалъ эту особенность своего творчества: во второмъ „Письмѣ къ Музѣ“, въ которомъ онъ даетъ общую характеристику своей поэзіи, онъ говоритъ между прочимъ:

Вмѣстѣ мы росли, о Муза,
И когда я былъ лѣнивый
Школьникъ, ты была малюткой
Шаловливо-прихотливой...
Я мечталъ ужъ о Пегасѣ,—
Ты же, рѣзвая, впрягалась
Иногда въ мои салазки
И везла меня, и мчалась—
Мчалась по сугробамъ снѣжнымъ
Мимо бани, мимо сонныхъ
Яблонь, липъ и низкихъ ветелъ
Инеемъ посеребренныхъ,
Мимо стараго колодца,
Мимо стараго сарая...
И пугливо сердце билось,
Отъ восторга замирая.
Иногда меня звала ты
Слушать сказки бѣдной няни,
На скамьѣ съ своею прялкой
Пріютившейся въ чуланѣ.

Затѣмъ поэтъ вспоминаетъ болѣе позднее время, когда, уже отрокомъ, онъ вмѣстѣ съ Музой уходилъ мечтать за городъ, на берегъ рѣки:

Подо мной таились клады,
Надо мной стрижи звенѣли,
Выше—въ небѣ—надъ Рязанью,
Къ югу лебеди летѣли,—
А внизу виднѣлась будка
Съ алебардой, мостъ, да пара
Фонарей, да бабы въ кичкахъ
Шли ко всенощной съ базара.
Имъ навстрѣчу съ колокольни
Несся гулкій звонъ вечерній;
Тѣни шире разростались,—
Я крестился суевѣрнѣй...

Въ этихъ стихахъ отмѣчены главныя черты скромной русской обстановки, среди которой выросталъ поэтъ вмѣстѣ съ своей Музой и которую онъ впослѣдствіи цѣликомъ перенесъ въ свою поэзію [1].—Слѣдуетъ однако отмѣтить, что эта поэтизація реальной дѣйствительности своеобразно сочетается въ творчествѣ Полонскаго съ живой игрой воображенія, съ любовью къ сказочнымъ и фантастическимъ образамъ („Міазмъ", „Холодѣющая ночь", „Сны", „Зимняя невѣста").

Что касается до внѣшнихъ достоинствъ лирики Полонскаго, то однимъ изъ главныхъ является ея *мелодичность*; многія стихотворенія его не уступаютъ въ этомъ отношеніи лучшимъ пьесамъ Фета („Зимній путь", „Разсказъ волнъ", „Не жди!", „Качка въ бурю", „Колокольчикъ"). Наиболѣе обычный недостатокъ произведеній Полонскаго, это—нѣкоторая растянутость ихъ, ослабляющая силу художественнаго впечатлѣнія; въ этомъ отношеніи Полонскій представляетъ полную противоположность Фету, у котораго стремленіе къ краткости нерѣдко приводитъ къ неясности и затрудняетъ пониманіе всего стихотворенія.—Въ нѣкоторыхъ случаяхъ простота выраженія, свойственная поэзіи Полонскаго, переходитъ въ тривіальность и прозаичность, недопустимую въ художественномъ произведеніи, и Полонскій впадаетъ въ ошибку, которой такъ тщательно избѣгалъ Майковъ.

Кромѣ лирическихъ стихотвореній Полонскій написалъ нѣсколько поэмъ, а также значительное число различныхъ произведеній въ прозѣ: романовъ, повѣстей, разсказовъ. Изъ его поэмъ наиболѣе замѣчательной является *„Кузнечикъ-музыкантъ"*. Здѣсь въ легкихъ, шутливыхъ стихахъ, исполненныхъ своеобразной граціи и тонкаго юмора, поэтъ воспѣваетъ любовь полевого кузнечика къ изящной и легкомысленной бабочкѣ—Сильфидѣ. Въ оригинальной формѣ Полонскій далъ въ своей поэмѣ переработку старой литературной темы о несчастной любви: вѣтреная Сильфида не обращаетъ никакого вниманія на искреннее и глубокое чувство своего скромнаго обожателя, относится къ нему съ полнымъ презрѣніемъ, но сама влюбляется въ соловья,—и это увлеченіе становится причиной ея гибели. Сочетаніе шутливой формы съ грустнымъ содержаніемъ придаетъ поэмѣ Полонскаго особенную прелесть.

---

[1]) Сравн. начало 8-ой главы „Евг. Онѣгина".

Графъ А. К. Толстой.

Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой родился въ Петер-
ургѣ въ 1817 году. Воспитаніе онъ получилъ въ домѣ своего дяди
ь материнской стороны, Алексѣя Алексѣевича Перовскаго, довольно
звѣстнаго писателя Пушкинской эпохи, писавшаго подъ псевдо-
имомъ Антона Погорѣльскаго (романъ „Монастырка", разсказы
Черная курица", „Лафертовская мельница" и др.). Раннее дѣтство
олстого протекло въ Черниговской губ., въ имѣніи Перовскаго
расный Рогъ; отъ этихъ первоначальныхъ дѣтскихъ впечатлѣній
ь душѣ его навсегда сохранилась глубокая любовь къ Малороссіи
малороссійской природѣ. Въ 1826 году Перовскій переселился въ
етербургъ и черезъ посредство Жуковскаго ввелъ своего малень-
аго воспитанника въ кругъ дѣтей, составлявшихъ воскресное об-
щество наслѣдника цесаревича, будущаго императора Александра
-го, который очень полюбилъ Толстого и навсегда сохранилъ къ
эму неизмѣнное благоволѣніе. Въ 1827 году молодой Толстой
первые попалъ за границу, въ Германію, гдѣ, между прочимъ,
му удалось побывать и въ гостяхъ у Гёте (въ Веймарѣ); воспо-
инаніе объ этомъ посѣщеніи и ласковомъ пріемѣ великаго поэта
особенно врѣзалось въ памяти Толстого. Но еще бо́льшее впечат-
лѣніе произвела на отзывчивую душу Толстого Италіи, гдѣ онъ
ылъ нѣсколько лѣтъ спустя; роскошная итальянская природа,
величественные памятники древности, безчисленныя произведенія
искусства—все это поразило художественное воображеніе впечат-
лительнаго мальчика, возбудило въ немъ настоящій энтузіазмъ.
мѣстѣ съ тѣмъ проснулась въ душѣ Толстого и пламенная лю-
овь къ искусству, переходившая у него въ настоящую страсть.
есмотря на постоянные переѣзды Толстого, его образованіе шло
воимъ чередомъ, такъ что, благодаря своимъ блестящимъ способ-
остямъ, онъ могъ сдать, 18-ти лѣтъ отъ роду, выпускной экза-
енъ въ Московскомъ университетѣ по словесному факультету.
слѣдъ затѣмъ Толстой поступилъ на службу въ Архивъ иностран-
ыхъ дѣлъ въ Москвѣ, но здѣсь пробылъ недолго и перешелъ въ
етербургъ, будучи назначенъ церемоніймейстеромъ при дворѣ
аслѣдника. Но служебная карьера, несмотря на открывавшіяся
эредъ нимъ блестящія перспективы, нисколько не прельщала Тол-
ого. Вращаясь къ кругу высшаго придворнаго общества, отда-
аясь удовольствіямъ свѣтской жизни, Толстой вмѣстѣ съ тѣмъ
хотно заводилъ знакомства и среди современныхъ писателей, къ
оторымъ его влекли его литературные и художественные вкусы и
нтересы. Въ 1841 году онъ издалъ, подъ псевдонимомъ Красно-
огскаго, свое первое произведеніе, фантастическую повѣсть „Упырь",
аписанную подъ сильнымъ вліяніемъ Гофмана; затѣмъ въ 40-хъ
одахъ имъ было помѣщено въ разныхъ изданіяхъ нѣсколько стихо-
ореній, безъ обозначенія имени. Но настоящая литературная
ѣятельность Толстого началась лишь въ 1854 году, когда въ
Современникѣ" было напечатано его извѣстное стихотвореніе:

„Колокольчики мои“, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими. Во вре
Крымской кампаніи, Толстой поступилъ волонтеромъ въ стрѣлк
вый полкъ, но въ военныхъ дѣйствіяхъ не принималъ участія.
время коронаціи императора Александра II-го онъ былъ назначе
флигель-адъютантомъ, но Толстой, не прельщаясь придворной кар
рой, просилъ уволить его отъ этого званія. Въ эту эпоху оконч
тельно опредѣлилось рѣшеніе Толстого всецѣло отдаться литерату
ной дѣятельности, въ которой онъ видѣлъ свое настоящее призван
Конецъ 50-хъ годовъ и все слѣдующее десятилѣтіе является эпох
наивысшаго развитія его творческой дѣятельности. Въ 1859
были напечатаны его поэмы „Іоаннъ Дамаскинъ“ и „Грѣшница
въ 1862 году—драматическая поэма „Донъ-Жуанъ“. Въ слѣду
щемъ году вышелъ въ свѣтъ его историческій романъ „Князь С
ребряный“, за которымъ послѣдовала драматическая трилог
„Смерть Іоанна Грознаго“ (1866), „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ“ (186
и „Царь Борисъ“ (1870). Въ 1867 году вышло въ свѣтъ собран
стихотвореній Толстого, въ которомъ онъ впервые подвелъ ито
своей поэтической дѣятельности. Встрѣченныя довольно недобр
желательно современной критикой, они однако были по достоинст
оцѣнены читающей публикой, и Толстой сталъ вскорѣ однимъ и
наиболѣе извѣстныхъ русскихъ поэтовъ. При этомъ извѣстнос
его не ограничилась одной Россіей: многія его стихотворенія бы
переведены на нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій язык
а его трагедія „Смерть Іоанна Грознаго“ съ большимъ успѣхо
исполнялась на сценѣ Веймарскаго придворнаго театра (въ пер
водѣ К. Павловой). Послѣдніе годы жизни Толстого были омраче
различными недугами, преждевременно сломившими его могучій орг
низмъ. Онъ скончался въ 1875 году, въ своемъ любимомъ имѣн
„Красный Рогъ“.

Поэтическое творчество графа А. Толстого отличает
большимъ разнообразіемъ; кромѣ многочисленныхъ лирич
скихъ стихотвореній, онъ написалъ цѣлый рядъ произвед
ній въ эпическомъ духѣ (поэмъ и балладъ), а въ свои
трагедіяхъ проявилъ весьма значительный талантъ, въ кач
ствѣ драматурга. *Лирика* Толстого, помимо своей искренн
сти и безыскусственности, отличается замѣчательной *задуш
ностью*, глубиной и нѣжностью вложеннаго чувства; въ н
съ полной яркостью отразился свѣтлый нравственный обли
Толстого, съ его высокимъ душевнымъ строемъ, чистотой
благородствомъ стремленій, которыхъ не могли исказить н
какіе жизненные соблазны. Оттого вся поэзія Толстого носи
просвѣтленный, одухотворенный характеръ, вся она испо
нена высокой *нравственной красоты*. Восторженно любя пр
красное, умѣя чуткимъ взоромъ художника подмѣчать его

сѣхъ проявленіяхъ дѣйствительности, Толстой былъ однако алекъ отъ односторонняго эстетизма Фета: онъ не отдѣлялъ стетически-прекраснаго отъ нравственно-прекраснаго, и въ го глазахъ *красота* являлась нераздѣльно слитой съ *добромъ* истиной, въ качествѣ ихъ внѣшняго обнаруженія, въ каеств зримой формы, подъ которой онъ ясно чувствовалъ окрытое внутреннее содержаніе. Красота, добро, истина объединялись для Толстого въ понятіи высшаго Идеала, котый находитъ однако въ условіяхъ земной дѣйствительности ишь приблизительное, искаженное выраженіе. Эта непокоебимая вѣра въ *идеальный міръ*, поддерживаемая глубокой елигіозностью Толстого, составляетъ одну изъ наиболѣе хаактерныхъ особенностей его поэзіи. Къ этому идеальному іру неизмѣнно были обращены помыслы поэта, къ нему стрелилась его душа, не удовлетворяясь земной дѣйствительостью, земнымъ счастіемъ, земной любовью. Въ одномъ стиховоренiи Толстой говоритъ, обращаясь къ любимой женщинѣ:

Слеза дрожитъ въ твоемъ ревнивомъ взорѣ—
О, не грусти, ты все мнѣ дорога!
Но я любить могу лишь на просторѣ—
Мою любовь, широкую какъ море,
Вмѣстить не могутъ жизни берега.

Когда Глагола творческая сила
Толпы міровъ воззвала изъ ночи,
Любовь ихъ всѣ, какъ солнце, озарила,
И лишь на землю, къ намъ, ея свѣтила
Нисходятъ порознь рѣдкіе лучи.

И порознь ихъ отыскивая жадно,
Мы ловимъ отблескъ вѣчной красоты:
Намъ вѣстью лѣсъ о ней шумитъ отрадной,
О ней потокъ гремитъ струею хладной,
И говорятъ, качаяся, цвѣты.

И любимъ мы любовью раздробленной
И тихій шопотъ вербы надъ ручьемъ,
И милой дѣвы взоръ на насъ склоненный,
И звѣздный блескъ и всѣ красы вселенной—
И ничего мы вмѣстѣ не сольемъ.

Но не грусти: земное минетъ горе,
Пожди еще—неволя недолга—
Въ одну любовь мы всѣ сольемся вскорѣ,
Въ одну любовь, широкую какъ море,
Что не вмѣстятъ земные берега.

Эта глубокая вѣра въ міръ идеальнаго бытія поддержи-вала въ Толстомъ свѣтлое, оптимистическое настроеніе, не-смотря на чувство внутренней неудовлетворенности и душев-ной тревоги, которое возбуждало въ немъ созерцаніе несовер-шенной земной дѣйствительности. Самое чувство это являлось для него живымъ и непосредственнымъ свидѣтельствомъ, под-держивавшимъ его вѣру въ реальность надземнаго, идеаль-наго міра.

О, не пытайся духъ унять тревожный!
Твою тоску я знаю съ давнихъ поръ,
Твоей душѣ покорность невозможна,
Она болитъ и рвется на просторъ.
Но всѣ ея невидимыя муки,
Нестройный гулъ сомнѣній и заботъ,
Всѣ межъ собой враждующіе звуки,
Послѣдній часъ въ созвучіе сольетъ;
Въ одинъ порывъ смѣщаетъ въ сердцѣ гордомъ
Всѣ чувства, врозь которыя звучатъ,
И разрѣшитъ торжественнымъ аккордомъ
Ихъ голосовъ мучительный разладъ.

Возвышенный строй поэзіи Толстого, идеальный харак-теръ его стремленій и порывовъ отражается и на внѣшней формѣ его стиховъ, которымъ свойственна нѣкоторая торже-ственность и приподнятость тона, нисколько не противорѣ-чащая однако искренности и глубинѣ вложеннаго чувства. Этимъ привходящимъ элементомъ *чувства* основной тонъ по-эзіи Толстого отличается отъ холодной, нѣсколько искусствен-ной торжественности Майкова. Защищая свою поэзію от упрека въ излишней „торжественности“, Толстой, въ стихахъ обращенныхъ къ И. С. Аксакову, соглашается со справедли-востью сдѣланнаго ему замѣчанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ ста-рается объяснить эту особенность *формы* своего творчества въ зависимости отъ характера его *содержанія*:

Такъ. Въ безпредѣльное влекома,
Душа незримый чуетъ міръ,
И я не разъ подъ голосъ грома,
Быть можетъ, строилъ мой псалтырь.

Но эти стремленія въ высь, въ незримый міръ идеальнаго бытія, не дѣлаютъ поэта равнодушнымъ къ земному міру. поэту дороги и любы всѣ явленія окружающей жизни, все „ежедневныя картины“:

Въ степи чумацкіе ночлеги,
И рѣкъ безбережный разливъ,
И скрипъ кочующей телѣги,
И видъ волнующихся нивъ.

Однако онъ не можетъ остановиться на нихъ окончательно, признать, что въ предѣлахъ этой земной дѣйствительности заключается все то высокое и прекрасное, что только доступно человѣку, что этими предѣлами должны ограничиться всѣ его стремленія:

Нѣтъ! въ каждомъ шорохѣ растенья
И въ каждомъ трепетѣ листа
Иное слышится значенье,
Видна иная красота!
Я въ нихъ иному гласу внемлю,
И, жизнью смертною дыша,
Гляжу съ любовію на землю,
Но выше просится душа;
И что ее, всегда чаруя,
Зоветъ и манитъ вдалекѣ,
О томъ повѣдать не могу я
На ежедневномъ языкѣ.

Съ этой вѣрой Толстого въ идеальный, надземный міръ стоятъ въ связи его взгляды на искусство вообще и на поэзію въ частности. Взгляды эти въ значительной степени напоминаютъ воззрѣнія нѣкоторыхъ романтиковъ (напр. Жуковскаго). Подобно имъ, Толстой видѣлъ въ искусствѣ откровеніе идеала въ формахъ земной дѣйствительности: искусство является такимъ образомъ соединительнымъ звеномъ между двумя мірами, идеальнымъ и реальнымъ, а художникъ—глашатаемъ высшей истины, стоящимъ поэтому особнякомъ среди обыкновенныхъ людей. Съ особенной силой этотъ возвышенный взглядъ на искусство и на поэзію выразился въ поэмѣ „Іоаннъ Дамаскинъ". Отвергая милости калифа, предложившаго Іоанну быть его соправителемъ, Іоаннъ говоритъ ему:

.....Твой щедрый даръ
О, государь, пѣвцу не нуженъ;
Съ иною силою онъ друженъ;
Въ его груди пылаетъ жаръ,
Которымъ зиждется созданье;
Служить Творцу—его призванье;
Его души незримый міръ

Престоловъ выше и порфиръ....
А всѣ сокровища природы:
Степей безбережный просторъ,
Туманный очеркъ дальнихъ горъ,
И моря пѣнистыя воды,
Земля, и солнце, и луна,
И всѣхъ созвѣздій хороводы,
И синей тверди глубина,—
То все одно лишь отраженье,
Лишь тѣнь таинственныхъ красотъ,
Которыхъ вѣчное видѣнье
Въ душѣ избранника живетъ.
О, вѣрь, ничѣмъ тотъ неподкупенъ,
Кому Господь дозволилъ взглядъ
Въ то сокровенное горнило,
Гдѣ первообразы кипятъ,
Трепещутъ творческія силы!

Такимъ образомъ въ экстазѣ художественнаго творчества Толстой видѣлъ прозрѣніе въ міръ идеальнаго и вѣчнаго бытія, въ міръ „первообразовъ", который онъ представлялъ себѣ на подобіе Платоновскаго „царства идей" („Тщетно, художникъ, ты мнишь...."). При такомъ высокомъ пониманіи смысла и значенія искусства, Толстому должны были быть особенно чувствительны нападки на него со стороны тѣхъ критиковъ 60-хъ годовъ (Чернышевскій, Писаревъ и др.), которые отрицали самостоятельное значеніе искусства и старались заставить его служить утилитарнымъ задачамъ („Противъ теченія").

Обычныя темы лирической поэзіи: любовь и природа, являлись и для Толстого богатымъ источникомъ вдохновенія. Въ этихъ піесахъ также отразился возвышенный строй его личности, свѣтлый, гармоническій характеръ его душевнаго склада. Въ его поэзіи мы не найдемъ таинственныхъ прозрѣній въ глубину космической жизни, которыя составляютъ характерную особенность творчества Тютчева; тѣ темныя, хаотическія, стихійныя силы, которыя лежатъ въ основѣ жизни природы и жизни человѣческой души, оставались скрытыми для творческаго взора Толстого, не привлекали къ себѣ его вниманія; оттого его картины природы отличаются преимущественно мирнымъ, идиллическимъ характеромъ: онъ рисуетъ природу въ ея спокойной красотѣ, созерцаніе которой заставляетъ его забывать о своихъ горестяхъ и заботахъ.

Звонче жаворонка пѣнье,
Ярче вешніе цвѣты,
Сердце полно вдохновенья.
Небо полно красоты.

Разорвавъ тоски оковы,
Цѣпи пошлыя разбивъ,
Набѣгаетъ жизни новой
Торжествующій приливъ,

И звучитъ свѣжо и юно
Новыхъ силъ могучій строй,
Какъ натянутыя струны
Между небомъ и землей.

Стихотворенія Толстого, посвященныя любви, проникнуты особенной задушевностью и глубокой человѣчностью. Страстные порывы совершенно чужды его поэзіи; чувство, выражаемое имъ, отличается своей одухотворенностью и большей частью связано въ его поэзіи съ тихою грустью.

Западъ гаснетъ въ дали блѣдно-розовой,
Звѣзды небо усѣяли чистое,
Соловей свищетъ въ рощѣ березовой,
И травою запахло душистою.

Знаю, что къ тебѣ въ думушку вкралося,
Знаю сердца немолчныя жалобы,
Не хочу я, чтобъ ты притворялася
И къ улыбкѣ себя принуждала бы.

Твое сердце болитъ безотрадное,
Въ немъ не свѣтитъ звѣзда ни единая—
Плачь свободно, моя ненаглядная,
Пока пѣсня звучитъ соловьиная,

Соловьиная пѣсня унылая,
Что какъ жалоба катится слезная,
Плачь, душа моя, плачь, моя милая,
Тебя небо лишь слушаетъ звѣздное!

Широта міросозерцанія Толстого не позволяла ему всецѣло примкнуть къ какой-либо опредѣленной партіи, на которыя раздѣлялось русское образованное общество. Онъ былъ одинаково близокъ къ западникамъ и къ славянофиламъ, не принадлежалъ однако ни къ тому, ни къ другому лагерю („Двухъ становъ не боецъ, а только гость случай-

ный"). Оттого въ его стихотвореніяхъ отразились, какъ западническія, такъ и славянофильскія идеи (напр.: „Колокольчики мои"). Съ западниками сближала его глубокая вѣра въ европейскую культуру, съ славянофилами—интересъ и симпатія къ русской старинѣ. Эта симпатія нашла себѣ особенно яркое выраженіе въ его многочисленныхъ *балладахъ* и *былинахъ*; при этомъ однако Толстой рѣзко отдѣляетъ старину кіевскую отъ старины московской: сочувствіе его принадлежитъ только первой, между тѣмъ какъ къ московской старинѣ онъ относится безусловно отрицательно, какъ къ эпохѣ глубокаго невѣжества, жестокости и деспотизма: во всѣхъ этихъ отталкивающихъ чертахъ эпохи онъ видитъ печальное наслѣдіе „татарщины", наложившей свой отпечатокъ на народные нравы и государственныя учрежденія („Змѣй Тугаринъ", „Потокъ-богатырь"). Къ *кіевскому* циклу принадлежатъ такія баллады и былины, какъ напр.: „Алеша Поповичъ", „Илья Муромецъ", „Пѣсня о походѣ Владиміра на Корсунь", „Слѣпой", „Три побоища", сюда же относится группа новгородскихъ и „варяжскихъ" балладъ, какъ напр.: „Садко", „Гаконъ слѣпой", „Пѣсня о Гаральдѣ и Ярославнѣ". Къ *московскому* циклу принадлежатъ: „Василій Шибановъ", „Князь Михайло Репнинъ", „Старицкій воевода" и нѣк. др.; во всѣхъ этихъ балладахъ центральнымъ лицомъ является царь Иванъ Грозный, въ которомъ воплощались для Толстого всѣ несимпатичныя ему черты московской старины. Совершенно особнякомъ стоитъ небольшая группа балладъ съ *фантастическимъ* содержаніемъ („Волки", „Князь Ростиславъ"). Вообще балладная форма является настолько излюбленной въ творчествѣ Толстого, что ему, не менѣе чѣмъ Жуковскому, пристало наименованіе „балладника".

Кромѣ балладъ и былинъ, рисующихъ русскую старину, у Толстого есть довольно много стихотвореній въ народномъ духѣ, при чемъ ему удалось прекрасно схватить самый складъ русскаго народнаго стиха, которымъ написаны его „притчи", присказки и пѣсни, каковы, напр.: „Спѣсь", „Правда", „Не божіимъ громомъ горе ударило", „Ой, кабы Волга матушка да вспядь побѣжала!" и др.

Ходитъ Спѣсь надуваючись,
Съ боку на бокъ переваливаясь.
Ростомъ-то Спѣсь аршинъ съ четвертью,

Шапка-то на немъ во цѣлу сажень,
Пузо-то его все въ жемчугѣ,
Сзади-то у него все раззолочено.
А и зашелъ бы Спѣсь къ отцу къ матери,
Да ворота некрашены!
А и помолился бы Спѣсь во церкви Божіей,
Да полъ не метёнъ!
Идетъ Спѣсь, видитъ: на небѣ радуга;
Повернулъ Спѣсь во другую сторону:
Не пригоже-де мнѣ нагибатися!

Толстой написалъ также нѣсколько крупныхъ произведеній, въ формѣ поэмъ; среди нихъ замѣчательны: „Портретъ“, интересный по своему автобіографическому содержанію, и въ особенности „Донъ-Жуанъ“, драматическая поэма, въ которую Толстой вложилъ глубокое философское содержаніе; воспользовавшись мыслью нѣмецкаго романтика Гофмана, онъ представилъ Донъ-Жуана не въ традиціонномъ видѣ беззаботнаго волокиты и обольстителя, а въ качествѣ неустаннаго искателя идеала, который губитъ увлеченныхъ имъ женщинъ, потому что ни въ комъ не находитъ того совершенства, къ которому стремится его душа. Интересна также характеристика Сатаны, въ которой однако явно отразилось вліяніе Гётевскаго Мефистофеля.—Какъ драматургъ, Толстой занимаетъ также весьма видное мѣсто въ русской литературѣ. Его драматическая трилогія: „Смерть Іоанна Грознаго“ „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ“ и „Царь Борисъ“ отличается высокими художественными достоинствами, яркостью характеровъ и захватывающей силой трагическаго дѣйствія. Лучшій анализъ своихъ піесъ съ художественной и психологической стороны далъ самъ Толстой въ своихъ статьяхъ: „Проектъ постановки на сцену трагедій Смерть Іоанна Грознаго и Царь Ѳедоръ Іоанновичъ“. Въ образцовой постановкѣ Московскаго Художественнаго театра, піесы эти имѣли громадный успѣхъ не только у насъ въ Россіи, но и за границей, въ Берлинѣ и Вѣнѣ, гдѣ онѣ были поставлены русскою труппою весной 1906 года.

6. Н. А. Некрасовъ.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ родился въ 1821 году. Онъ происходилъ изъ старой дворянской семьи, нѣкогда очень богатой,

но затѣмъ разорившейся. Отецъ его служилъ на военной службѣ; мать его была полька, женщина хорошо образованная, дочь богатаго помѣщика, которая вышла замужъ за бѣднаго русскаго офицера противъ воли своихъ родителей. Бракъ этотъ не былъ счастливъ, и дѣтскія воспоминанія сохранили Некрасову образъ матери въ видѣ безвинной и безропотной страдалицы, тихо вянущей подъ вліяніемъ семейнаго деспотизма, среди грубыхъ и жестокихъ нравовъ захолустной мелкопомѣстной среды. Оставивъ военную службу, отецъ Некрасова, для поправленія своихъ стѣсненныхъ обстоятельствъ, принялъ должность исправника на своей родинѣ, въ Ярославской губерніи. Здѣсь, въ имѣніи отца, протекло и дѣтство Некрасова, оставившее въ немъ однако мало отрадныхъ воспоминаній; картины, которыя онъ видѣлъ вокругъ себя, поселили въ немъ горячую ненависть къ крѣпостному праву, вмѣстѣ съ глубокимъ сочувствіемъ къ простому народу. Школьное образованіе Некрасовъ получилъ въ ярославской гимназіи, но учился довольно плохо и курса въ ней не окончилъ, такъ какъ принужденъ былъ выйти изъ 5-го класса, вслѣдствіе столкновеній съ начальствомъ. Тогда отецъ отправилъ его въ 1836 году въ Петербургъ, для опредѣленія въ Дворянскій полкъ (такъ назывался одинъ изъ военныхъ корпусовъ); но вмѣсто этого молодой Некрасовъ рѣшился попытаться поступить въ университетъ и написалъ о своемъ намѣреніи отцу. Но тотъ, недовольный ослушаніемъ сына, лишилъ его всякой матеріальной поддержки и предоставилъ его собственнымъ силамъ. Вслѣдствіе этого Некрасовъ очутился въ чрезвычайно бѣдственномъ положеніи; не имѣя ни средствъ, ни опредѣленнаго заработка, ни жизненной опытности, онъ принужденъ былъ вести тяжелую борьбу за существованіе, жить въ самой неприглядной обстановкѣ, ночевать въ ночлежкахъ, питаться въ дешевыхъ народныхъ кухмистерскихъ, а иногда и вовсе голодать. Всѣ эти испытанія тяжело отражались на его здоровьѣ, подрывали его физическія силы, но зато они закалили его характеръ, развили въ немъ энергію, стойкость въ борьбѣ и житейскую практичность.

При тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ ему приходилось жить, не могло быть и рѣчи о правильной подготовкѣ къ университетскому экзамену. Потерпѣвъ неудачу на экзаменахъ, онъ однако, съ помощью Плетнева, опредѣлился въ университетъ вольнослушателемъ и въ теченіе двухъ лѣтъ посѣщалъ лекціи словеснаго факультета (1839—41). Впрочемъ, занятія его не могли итти правильно, такъ какъ въ то же время Некрасову приходилось упорнымъ трудомъ изыскивать себѣ средства къ существованію. Нѣкоторое время онъ давалъ уроки въ одномъ частномъ пансіонѣ, но главнымъ источникомъ его заработка былъ литературный трудъ. Онъ писалъ разсказы и статейки въ разныхъ мелкихъ изданіяхъ, велъ стихотворный фельетонъ въ театральномъ „Пантеонѣ“, поставлялъ для книгопродавцевъ азбуки и сказки въ стихахъ, сочинялъ водевили и т. д. Въ 1840 году онъ издалъ первый сборникъ своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ: „Мечты и Звуки“; содержа-

ніе этого сборника отличалось романтическимъ и фантастическимъ характеромъ, вовсе не соотвѣтствовавшимъ дѣйствительному складу творчества Некрасова; сборникъ не имѣлъ никакого успѣха и вызвалъ неодобрительный отзывъ Бѣлинскаго, такъ подѣйствовавшій на юнаго автора, что онъ поспѣшилъ уничтожить всѣ оставшіеся экземпляры.

Литературныя занятія сблизили Некрасова съ кругомъ писателей; уже съ начала 40-хъ годовъ онъ получилъ доступъ въ лучшій изъ современныхъ журналовъ, въ „Отечественныя Записки" Краевскаго, гдѣ главную роль игралъ въ эту эпоху Бѣлинскій. Въ „Отеч. Запискахъ" Некрасовъ помѣстилъ много критическихъ замѣтокъ и рецензій, а также напечаталъ нѣсколько разсказовъ (большей частью юмористическихъ) и стихотвореній. Одно изъ этихъ стихотвореній: „Въ дорогѣ", привело въ восторгъ Бѣлинскаго, который съ этого времени началъ возлагать на Некрасова серьезныя надежды. Знакомство съ Бѣлинскимъ и его кружкомъ весьма благотворно подѣйствовало на умственное и нравственное развитіе Некрасова, расширило его кругозоръ, опредѣлило направленіе его симпатій и стремленій; о Бѣлинскомъ Некрасовъ вспоминалъ и впослѣдствіи съ благоговѣніемъ, какъ о своемъ „учителѣ", которому онъ многимъ былъ духовно обязанъ. Своими литературными связями и знакомствами Некрасовъ воспользовался вскорѣ для того, чтобы выступить на путь самостоятельнаго издательства. Составленные имъ сборники: „Физіологія Петербурга" и „Петербургскій Сборникъ" имѣли крупный успѣхъ среди публики, потому что Некрасовъ сумѣлъ привлечь къ участію лучшія литературныя силы той эпохи: Достоевскаго, Тургенева, Григоровича, Герцена и др.; по своему содержанію эти сборники являлись яркимъ выраженіемъ „натуральной школы", значеніе которой было окончательно выяснено Бѣлинскимъ и которая въ эту эпоху получила уже всеобщее признаніе во мнѣніи наиболѣе образованной части общества. Не ограничиваясь этими случайными изданіями, Некрасовъ, вмѣстѣ съ Панаевымъ пріобрѣлъ въ 1847 г. у Плетнева право изданія „Современника" и въ короткое время поднялъ значеніе этого журнала, сплотивъ вокругъ него всѣхъ наиболѣе выдающихся русскихъ писателей. Въ „Современникъ" перешелъ и Бѣлинскій, участіе котораго однако было непродолжительно, такъ какъ онъ въ это время былъ уже тяжело боленъ, а въ слѣдующемъ году скончался. Въ журналѣ Некрасова появился цѣлый рядъ выдающихся произведеній такихъ писателей, какъ Тургеневъ, Герценъ и мн. др. Особенно возросло вліяніе „Современника" на русское общество во второй половинѣ 50-хъ годовъ, когда началось пробужденіе общественной мысли и общественныхъ интересовъ, результатомъ котораго явились реформы императора Александра II-го, выведшія русскую жизнь на новую дорогу. Къ этому же времени относится и полный расцвѣтъ поэтическаго творчества Некрасова. Въ 1856 году онъ издалъ собраніе своихъ стихотвореній, которое произвело на читающую публику чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Съ этого

времени популярность Некрасова начинаетъ все расти, въ особенности среди молодыхъ поколѣній, и достигаетъ своего апогея въ эпоху народническаго движенія 70-хъ годовъ. Причина этой необыкновенной популярности заключается главнымъ образомъ въ томъ, что основное настроеніе поэзіи Некрасова, ея глубокое сочувствіе къ народу, къ народнымъ страданіямъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало господствующему настроенію эпохи, и Некрасовъ, въ качествѣ „печальника горя народнаго", являлся живымъ воплощеніемъ чувствъ и стремленій нарождавшейся въ эту эпоху русской „интеллигенціи".

Въ концѣ 50-хъ годовъ Некрасовъ серьезно заболѣлъ горловой болѣзнью, доктора даже приговорили его къ смерти, но пребываніе въ Италіи возстановило его здоровье. Успѣхъ „Современника" окончательно упрочилъ матеріальное положеніе Некрасова и вознаградилъ его за вынесенныя имъ раньше тяжелыя лишенія. Въ 60—70 гг. Некрасовымъ были написаны его крупнѣйшія и наиболѣе выдающіяся произведенія, каковы: „На Волгѣ", „Рыцарь на часъ", „Морозъ, Красный Носъ", „Русскія женщины", наконецъ, его наиболѣе обширная по размѣрамъ и широкая по замыслу поэма: „Кому на Руси жить хорошо" Въ 1866 году „Современникъ" подвергся запрещенію, а два года спустя Некрасовъ арендовалъ у Краевскаго „Отечественныя Записки", которыя онъ и велъ вплоть до своей кончины, вмѣстѣ съ Салтыковымъ (Щедринымъ). Въ 1875 году онъ заболѣлъ, и эта болѣзнь, постепенно развиваясь, черезъ два года свела его въ могилу; незадолго до смерти онъ издалъ сборникъ подъ заглавіемъ: „Послѣднія пѣсни", въ который вошли стихотворенія, написанныя имъ уже на смертномъ одрѣ; многія изъ этихъ стихотвореній по глубинѣ и теплотѣ чувства, по силѣ и искренности его выраженія, принадлежатъ къ числу его лучшихъ лирическихъ произведеній: таковы, напр., его стихотворенія, посвященныя памяти горячо любимой имъ матери („Колыбельная пѣсня", „Отрывки изъ поэмы"). Скончался Некрасовъ 27 декабря 1877 года.

Наиболѣе характерной чертой поэзіи Некрасова является преобладаніе въ ней такъ называемыхъ „гражданскихъ" мотивовъ. Въ то время какъ въ лирикѣ Тютчева, Фета, Майкова, господствуетъ преимущественно созерцательное настроеніе, творчество Некрасова обнаруживаетъ въ поэтѣ натуру дѣятельную, активную, сильно реагирующую на всѣ впечатленія окружающей жизни, стремящуюся къ дѣйствію и къ борьбѣ. Но въ окружающей дѣйствительности Некрасовъ видѣлъ преимущественно ея темныя стороны,—зло, насиліе, страданіе,—поэтому и чувства, вызванныя въ душѣ поэта впечатлѣніями жизни, отличаются грустнымъ и мрачнымъ

характеромъ. Свѣтлое, беззаботное, жизнерадостное настроеніе было совершенно чуждо поэзіи Некрасова; „муза“ его, по его собственному выраженію,—„угрюмая муза“, „муза мести и печали“, пѣсни, вдохновляемыя ею,—суровые напѣвы:

Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной,
Мой суровый, неуклюжій стихъ!
Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства...
Но кипитъ въ тебѣ живая кровь,
Торжествуетъ мстительное чувство,
Догарая, теплится любовь,—
Та любовь, что̀ добрыхъ прославляетъ,
Что̀ клеймитъ злодѣя и глупца,
И вѣнкомъ терновымъ надѣляетъ
Беззащитнаго пѣвца...

Главной вдохновительницей поэзіи Некрасова является негодованіе, но въ основѣ этого негодованія лежитъ чувство горячей любви къ людямъ, чувство глубокаго состраданія къ „униженнымъ и оскорбленнымъ“. Къ нему самому можно примѣнить то стихотвореніе, которое онъ посвятилъ памяти Гоголя и въ которомъ онъ изображаетъ судьбу поэта, выступающаго обличителемъ зла и неправды:

Блаженъ незлобивый поэтъ,
Въ комъ мало желчи, много чувства;
Ему такъ искрененъ привѣтъ
Друзей спокойнаго искусства;
Ему сочувствіе въ толпѣ,
Какъ ропотъ волнъ ласкаетъ ухо;
Онъ чуждъ сомнѣнія въ себѣ—
Сей пытки творческаго духа;
Любя безпечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Онъ прочно властвуетъ толпой
Съ своей миролюбивой лирой.
Дивясь великому уму,
Его не гонятъ, не злословятъ,
И современники ему
При жизни памятникъ готовятъ...

Но нѣтъ пощады у судьбы
Тому, чей благородный геній
Сталъ обличителемъ толпы,
Ея страстей и заблужденій.
Питая ненавистью грудь,

Уста вооруживъ сатирой,
Проходитъ онъ тернистый путь
Съ своей карающею лирой.
Его преслѣдуютъ хулы:
Онъ ловитъ звуки одобренья
Не въ сладкомъ ропотѣ хвалы,
А въ дикихъ крикахъ озлобленья.
И вѣря, и не вѣря вновь
Мечтѣ высокаго призванья,
Онъ проповѣдуетъ любовь
Враждебнымъ словомъ отрицанья,—
И каждый звукъ его рѣчей
Плодитъ ему враговъ суровыхъ,
И умныхъ, и простыхъ людей,
Равно клеймитъ его готовыхъ.
Со всѣхъ сторонъ его клянутъ,
И только трупъ его увидя,
Какъ много сдѣлалъ онъ, поймутъ,
И какъ любилъ онъ—ненавидя!

Предметомъ глубокой и искренней любви Некрасова былъ русскій народъ, русскій крестьянинъ; предметомъ его ненависти—крѣпостное право и вообще всѣ тѣ условія, которыя препятствуютъ свободному развитію народнаго генія. Выросши въ помѣщичьей усадьбѣ, Некрасовъ съ дѣтства насмотрѣлся тяжелыхъ и мрачныхъ картинъ, свойственныхъ крѣпостному быту. Еще въ 40-хъ годахъ онъ написалъ нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ ясно чувствуется протестъ противъ крѣпостного права; таково, напр., стихотвореніе „Въ дорогѣ“ (1846), которое содержитъ въ себѣ цѣлую трагедію загубленной человѣческой жизни, разсказанную безхитростнымъ языкомъ мужика-ямщика. Въ стихотвореніи „Родина“ Некрасовъ изображаетъ то тяжелое чувство, которое овладѣло имъ при посѣщеніи родного дома и при воспоминаніи о дѣтскихъ годахъ.

Такими же грустными воспоминаніями полна и піеса „На Волгѣ“ (1860), гдѣ поэтъ разсказываетъ о томъ впечатлѣніи, которое произвело на него въ дѣтствѣ зрѣлищѣ бурлаковъ, устало плетущихся съ лямкой на груди по глубокому песку, оглашая воздухъ „пѣснью, подобною стону“; зрѣлище это отравило ему чистое наслажденіе природой и впервые заронило въ его душу искру сочувствія къ тяжелому положенію трудящагося народа. Этимъ же сочувствіемъ къ на

роду проникнуто и большинство другихъ произведеній Некрасова, въ которыхъ онъ касается крестьянской жизни. Повсюду онъ рисуетъ картины народной нужды, тяжелаго, безпрерывнаго труда, лишеній и страданій. „Я призванъ былъ воспѣть твои страданія—терпѣньемъ изумляющій народъ“,—говоритъ онъ въ отвѣтѣ „Неизвѣстному другу“. Особенно глубокимъ чувствомъ проникнуты тѣ стихотворенія, въ которыхъ онъ рисуетъ печальную участь простой русской женщины, „русскую долюшку женскую“: таково, напр., глубокотрогательное стихотвореніе: „Орина, мать солдатская“, въ которомъ крестьянка-вдова разсказываетъ о смерти своего единственнаго сына-кормильца, вернувшагося домой „изъ солдатчины“ съ надломленнымъ здоровьемъ, съ тѣмъ чтобы умереть безвременною смертью; разсказъ производитъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что онъ исполненъ эпической простоты, и только въ заключительныхъ словахъ его поэтъ даетъ исходъ охватившему его чувству въ восклицаніи:

Мало словъ, а горя рѣченька,
Горя рѣченька бездонная!

Та же тема горестной „женской доли“ лежитъ и въ основѣ поэмы „*Морозъ, Красный носъ*“ (1863), представляющей собой наиболѣе совершенное въ художественномъ отношеніи произведеніе Некрасова. Въ этой небольшой поэмѣ поэзія Некрасова поднимается до высшей точки своего развитія. Французскій критикъ Вогюэ назвалъ эту поэму „самымъ эпическимъ произведеніемъ современной поэзіи“. Простота и безыскусственность изложенія стоятъ въ полномъ соотвѣтствіи съ простотой самаго сюжета. Въ лицѣ Дарьи, потерявшей любимаго мужа и оставшейся вдовой съ малолѣтними сиротами, поэтъ хотѣлъ изобразить тотъ „типъ величавой славянки“, который рисовался ему, какъ идеалъ физической и нравственной женской красоты. Дарья не принадлежитъ къ числу тѣхъ обыденныхъ слабыхъ женщинъ, обезличенныхъ и забитыхъ, про которыхъ онъ выразился во вступленіи:

Ты вся—воплощенный испугъ,
Ты вся—вѣковая истома!

Напротивъ того, героиня-крестьянка поэмы Некрасова—натура сильная, стойкая, сдержанная. Она — родная сестра

тѣхъ интеллигентныхъ „русскихъ женщинъ“, которыхъ Некрасовъ воспѣлъ въ лицѣ женъ сосланныхъ декабристовъ. Горе не сломило ея: она сама заботится объ устройствѣ похоронъ, сама обряжаетъ покойника-мужа, сама везетъ на дровняхъ гробъ его на кладбище, а вернувшись оттуда, отправляется въ лѣсъ, чтобы нарубить дровъ,—и только оставшись одна предается наконецъ во власть своей долго сдерживаемой безысходной скорби.

Въ поляхъ было тихо, но тише
Въ лѣсу—и какъ будто свѣтлѣй.
Чѣмъ далѣ—деревья все выше,
А тѣни длиннѣй и длиннѣй.
Деревья, и солнце, и тѣни,
И мертвый, могильный покой...
Но—чу! Заунывныя пени,
Глухой, сокрушительный вой!
Осилило Дарьюшку горе,
И лѣсъ безучастно внималъ,
Какъ стоны лились на просторѣ,
Какъ голосъ рвался и дрожалъ,
А солнце, кругло и бездушно,
Какъ желтое око совы,
Глядѣло съ небесъ равнодушно
На тяжкія муки вдовы.
И много ли струнъ оборвалось
У бѣдной крестьянской души,—
Навѣки сокрыто осталось
Въ лѣсной нелюдимой глуши.
Великое горе вдовицы
И матери малыхъ сиротъ
Узнали лишь вольныя птицы,
Но выдать не смѣли въ народъ...

Думы о горькой участи, ожидающей ее съ беззащитными дѣтьми, грезы замерзающей Дарьи, рисующія ей всю прошлую жизнь, съ ея тихими радостями, въ которыя, какъ неотвязчивый звукъ, вплетается мысль о пережитой утратѣ, воспоминаніе о ночномъ хожденіи въ монастырь за чудотворной иконой, все это исполнено глубокой правды и глубокаго чувства, а появленіе сказочнаго воеводы-Мороза, переносящаго Дарью изъ міра грезъ въ міръ небытія, даетъ всей поэмѣ эффектное заключеніе; въ этихъ заключительныхъ строфахъ самый стихъ Некрасова пріобрѣтаетъ особенную звучность и яркую образность:

Не вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ,
Не съ горъ побѣжали ручьи,—
Морозъ-воевода дозоромъ
Обходитъ владѣнья свои.
Глядитъ—хорошо ли мятели
Лѣсныя тропы занесли,
И нѣтъ ли гдѣ трещины, щели,
И нѣтъ ли гдѣ голой земли?
Пушисты ли сосенъ вершины,
Красивъ ли узоръ на дубахъ?
И крѣпко ли скованы льдины
Въ великихъ и малыхъ водахъ?
Идетъ—по деревьямъ шагаетъ,
Трещитъ по замерзлой водѣ,
И яркое солнце играетъ
Въ косматой его бородѣ...

„Вглядись, молодица, смѣлѣе,
Каковъ воевода—Морозъ!
Наврядъ тебѣ парня сильнѣе
И краше видать привелось!
„Мятели, снѣга и туманы
Покорны Морозу всегда;
Пойду на моря-окіаны—
Построю дворцы изо льда.
„Задумаю—рѣки большія
Надолго упрячу подъ гнетъ,
Построю мосты ледяные,
Какихъ не построитъ народъ.
„Богатъ я, казны не считаю,
А все не скудѣетъ добро;
Я царство свое убираю
Въ алмазы, жемчугъ, серебро.
„Войди въ мое царство со мною,
И будь ты царицею въ немъ!
Поцарствуемъ славно зимою,
А лѣтомъ глубоко уснемъ.

Глубокая любовь къ русскому народу поддерживалась въ Некрасовѣ его горячей привязанностью къ родной землѣ вообще. Мало было у насъ поэтовъ, у которыхъ въ такой степени было развито *чувство родины*. Это глубокое и искреннее чувство служило для него главнымъ источникомъ вдохновенія. Простыя картины родной земли вызывали въ немъ поэтическое настроеніе, давали ему толчекъ къ творчеству, какого не могли ему дать даже роскошныя впечатлѣнія Италіи. Только на просторѣ родныхъ полей Некрасовъ могъ сво-

бодно предаваться творчеству: всѣ его лучшія произведенія созданы имъ въ деревенскомъ уединеніи, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ окружающей обстановки. При этомъ чувство родины, вдохновившее лучшія созданія Некрасова, никогда не является въ его поэзіи въ обособленномъ видѣ (какъ, напр., у Фета), а постоянно связывается у него съ мыслью о родномъ народѣ въ одно нераздѣльное цѣлое. Эта особенность поэзіи Некрасова очень ярко выразилась въ стихотвореніи „Тишина“ (1857), написанномъ имъ послѣ своего возвращенія изъ-за границы, куда онъ ѣздилъ лѣчиться:

Все рожь кругомъ, какъ степь живая,
Ни замковъ, ни морей, ни горъ...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующій просторъ!
За дальнимъ Средиземнымъ моремъ,
Подъ небомъ ярче твоего,
Искалъ я примиренья съ горемъ—
И не нашелъ я ничего!
Я твой!..
.... Я узнаю
Суровость рѣкъ, всегда готовыхъ
Съ грозою выдержать войну,
И ровный шумъ лѣсовъ сосновыхъ,
И деревенекъ тишину,
И нивъ широкіе размѣры...
Храмъ Божій на горѣ мелькнулъ
И дѣтски-чистымъ чувствомъ вѣры
Внезапно на душу пахнулъ.
Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья,
И шепчетъ голосъ неземной:
„Лови минуту умиленья,
Войди съ открытой головой!
Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храмъ воздыханья, храмъ печали—
Убогій храмъ земли твоей:
Тяжеле стоновъ не слыхали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!
Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносилъ—
И облегченный уходилъ!
Войди! Христосъ наложитъ руки

И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совѣсти больной"...
Я внялъ... я дѣтски умилился...
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челомъ,
Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ
Богъ поколѣній предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ!

Хотя въ изображеніи народной жизни въ произведеніяхъ Некрасова уловлены преимущественно ея темныя, печальныя стороны, однако общій тонъ его поэзіи далекъ отъ унынія или малодушнаго отчаянія; напротивъ того, въ негодованіи, которымъ часто проникнуты бываютъ его стихи, сказывается сильное и бодрое чувство. Это бодрое настроеніе поддерживалось въ душѣ поэта его глубокою *вѣрой въ нравственныя силы народа* и въ его великую будущность. Эту вѣру онъ вложилъ въ уста безыменнаго героя своей поэмы: „Несчастные", по прозванію „Крота" (предполагаютъ, что въ его лицѣ Некрасовъ хотѣлъ изобразить Достоевскаго):

.... Во многомъ насъ
Опередили иноземцы,
Но мы догонимъ въ добрый часъ!
Лишь Богъ помогъ бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольнѣй—
Покажетъ Русь, что есть въ ней люди,
Что есть грядущее у ней.
Она не знаетъ середины—
Черна—куда ни погляди!
Но не проѣлъ до сердцевины
Ее порокъ. Въ ея груди
Бѣжитъ потокъ живой и чистый
Еще нѣмыхъ народныхъ силъ:
Такъ подъ корой Сибири льдистой
Золотоносныхъ много жилъ.

Кромѣ „гражданскихъ мотивовъ", въ которыхъ отразились общественные интересы и стремленія поэта, среди стихотвореній Некрасова встрѣчается также немало и чисто лирическихъ піесъ, касающихся его личной жизни. Среди нихъ

особенную группу составляютъ стихотворенія, посвященныя имъ памяти своей матери. Всѣ эти стихотворенія глубоко прочувствованы и дышатъ неподдѣльной искренностью. Уже въ одномъ изъ раннихъ своихъ стихотвореній („На родинѣ", 1846 г.) Некрасовъ съ глубокой любовью рисуетъ образъ своей матери, много страдавшей отъ грубости и невѣжества окружающей среды; къ ней же онъ обращался мыслью и на смертномъ одрѣ, когда имъ была задумана поэма „Мать" (1877); ее же онъ вспоминаетъ и въ своей трогательной „Колыбельной пѣснѣ", написанной также незадолго до смерти. Образъ матери вызывалъ поэтъ и во всякія трудныя минуты жизни, въ минуты упадка силъ и душевнаго страданія, въ минуты, когда имъ овладѣвало чувство покаянія и стыда за то, что его личная жизнь не соотвѣтствуетъ поставленнымъ себѣ идеаламъ („Рыцарь на часъ"). Въ эпоху Крымской войны имъ написано стихотвореніе, представляющее собой апоѳеозъ материнской любви и материнскаго страданія:

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...
Увы! утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна—
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы,
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

Въ концѣ жизни Некрасовъ началъ писать обширную поэму: „Кому на Руси жить хорошо" (1872—76), въ которой онъ задумалъ изобразить всю русскую жизнь, отъ царскаго дворца и до лачуги деревенскаго бобыля, но смерть помѣшала ему осуществить свой замыселъ и довести свое произведеніе до конца. Но и въ своемъ незаконченномъ видѣ она представляетъ собой одно изъ крупнѣйшихъ по размѣрамъ

поэтическихъ произведеній во всей русской литературѣ. Невыдержанная въ цѣломъ, поэма въ отдѣльныхъ частяхъ отличается выдающимися художественными достоинствами и оригинальнымъ складомъ стиха, представляющимъ удачное подражаніе русскому народному размѣру.

СИНХРОНИЧЕСКІЯ ТАБЛИЦЫ

по новой русской литературѣ (съ половины XVIII вѣка до 80-хъ годовъ XIX-го).

Свѣдѣнія сгруппированы по тремъ рубрикамъ: въ 1-ой указаны важнѣйшія историческія событія; во 2-ой—факты культурной жизни (наука, искусство, просвѣщеніе, журналистика и т. д.); въ 3-ей сосредоточены свѣдѣнія, касающіяся литературы и жизни писателей.

	1755. Основаніе Московскаго Университета (Ломоносовъ и Шуваловъ).	
1756—1763. Семилѣтняя война.	1756. Основаніе русскаго театра.	
	1757. Основаніе Академіи художествъ.	
1759. Битва при Кунерсдорфѣ.	1759. «Трудолюбивая Пчела» Сумарокова (первый частный журналъ въ Россіи).	
		[1760. «Поэмы Оссіана» Макферсона].
1761. Смерть импер. Елизаветы.		[1761. «Новая Элоиза» Руссо].
		[1762. «Эмиль» его же].
1761—1762. Петръ III.		
1762. Указъ о вольности дворянства.		1762. «Сатиры» Ант. Кантемира (написаны въ 1729—39 гг.).
— Уничтоженіе тайной канцеляріи.		
1762 (28 іюня). Вступленіе на прест. Екатерины II (Братья Орловы).		
	1764. Учрежденіе Смольнаго института (И. И. Бецкій).	1764. «Бригадиръ» Фонвизина.
		1765. † М. В. Ломоносовъ.
		[1765. «Древнія англійскія баллады» Перси]

		1766 — род. Карамзинъ.
		[1766. «Векфильдскій священникъ» Гольдсмита].
1766—68. Комиссія для составленія новаго уложенія.	1767. «Наказъ» импер. Екатерины.	[1767. «Сентиментальное путешествіе» Стерна].
		[1767. «Евгенія» Бомарше].
1768—74. Первая турецкая война.		
		1768. Крыловъ род.
	1769. «Всякая всячина» (имп. Екатерина).	1769. Озеровъ род.
		— «Письмовникъ» Курганова.
	1769—70. «Трутень» Новикова.	— «Дидона» Княжнина.
1770. Побѣды при Ларгѣ, Кагулѣ и Чесмѣ (Румянцевъ и Орловъ).	1770—91. «Исторія Россійская» кн. Щербатова.	
1771. Чума въ Москвѣ.		
1772. Первый раздѣлъ Польши.	1772—73. «Живописецъ» Новикова.	1772. — Комедія «О время!» имп. Екатерины.
		— «Именины г-жи Ворчалкиной» ея же.
		[1772. «Эмилія Галотти» Лессинга].
1772—75. Пугачевскій бунтъ.	1773—75. «Древняя Россійская Вивліотека» Новикова.	1773. «Такъ и должно» Веревкина.
1774. Миръ въ Кучукъ-Кайнарджи.	1774. «Кошелекъ» Новикова.	1774. «Мстиславъ» Сумарокова.
		[1774. «Вертеръ» Гёте].

		1775. «Елисѣй, или раздраженный Вакхъ» Вас. Майкова.
		1775. Вступленіе Новикова въ масонскій орденъ.
	1777 — 80. «Утренній Свѣтъ» Новикова.	1777. † А. П. Сумароковъ.
	1779. Основаніе «Дружескаго Ученаго Общества».	1779. Переселеніе Новикова въ Москву (аренда «Моск. Вѣдомостей»); (масонскій кружокъ: Шварцъ, Лопухинъ, Гамалѣя, Тургеневъ и др.).
		1779. «На смерть кн. Мещерскаго» Державина.
		— «Россіада» Хераскова.
		— «Мельникъ колдунъ, обманщикъ и сватъ», комич. опера Аблесимова.
		[1781. «Разбойники» Шиллера].
	1782. Комиссія о народн. училищахъ.	1782. «Сказка о царевичѣ Хлорѣ» имп. Екатерины.
		— «Фелица» Державина.
		— «Недоросль» Фонвизина.
1783. Присоединеніе Крыма.	1783—84. «Собесѣдникъ любит. рос. слова» (кн. Дашкова).	1783. Жуковскій род.
		— «Душенька» Богдановича.
	1784. Основаніе «Типографической компаніи» (развитіе просвѣтител. дѣятельности Новикова).	1784. Гнѣдичъ род.
		— Ода «Богъ» Державина.
		— «Росславъ» Княжнина.

1785. Жалованная грамота ворянству.		1785—89. Карамзинъ въ Новиковскомъ кружкѣ.
— Городовое положеніе.		
1787—91. Вторая турецкая война.		1787. Батюшковъ род.
1788. Взятіе Очакова (Потемкинъ).	1788. «Примѣчанія на Леклерка» Болтина.	
[1789. Начало французск. революціи; разрушеніе Бастиліи].	1789. «Почта духовъ» Крылова	[1789. «Ненависть къ людямъ и раскаяніе» Коцебу].
1789. Битвы при Рымникѣ и Фокшанахъ.		
1790. Взятіе Измаила (Суворовъ).	1789—1794. «Словарь Академіи Россійской».	1789—1790. Путешествіе Карамзина (Германія, Швейцарія, Франція, Англія).
		1790. «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» Радищева. Ссылка его въ Сибирь.
		1790. «На взятіе Измаила» Державина.
1791 Миръ въ Яссахъ.		1791. С. Т. Аксаковъ род.
		— «Водопадъ» Державина.

		1792. Заточеніе Новикова въ Шлиссельбург. крѣпость.
	1792. «Зритель» Крылова.	1792. «Бѣдная Лиза».
		— † Фонвизинъ.
[1793. Казнь Людовика XVI].	1793. «С.-Петербургскій Меркурій» Крылова.	1793. «Вадимъ Новгородскій» Княжнина.
		— «Чудаки» —его же (комедія).
1793. Второй раздѣлъ Польши.		
1794. Основаніе Одессы.		1794. «Вельможа» Державина.
1795. Третій раздѣлъ Польши.		1795. А. С. Грибоѣдовъ род.
		— К. Ѳ. Рылѣевъ род.
1796. Кончина Екатерины II.	1796. Н. А. Полевой род.	
1796—1801. Павелъ I.		
	1797. Учрежденіе Духовной Академіи въ Петербургѣ и Казани.	
	1798. «С.-Петербургскій Журналъ» (Пнинъ).	1798. «Ябеда» Капниста.
1799. Походъ Суворова въ Италію (Треббія, Нови).		1799. Пушкинъ род. (27 мая).
— Переходъ черезъ С.-Готардъ.		1799. «Евгеній» Измайлова.

1800. Присоединеніе Грузіи.	1800. «Историч. пѣснь о походѣ кн. Игоря» (изд. Мусина-Пушкина).	1800. Баратынскій род.
1801 (11 марта) Смерть Павла I.		
1801—25. Александръ I.		
1802. Учрежденіе министерствъ.	1802. «Вѣстникъ Европы» Карамзина.	1802. «Сельское Кладбище» Жуковскаго.
		— † А. Н. Радищевъ.
1803. Указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ.		1803. Карамзинъ приступаетъ къ работѣ надъ «Исторіей Гос. Рос.»
		— «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійск. языка» Шишкова.
		— Ѳ. И. Тютчевъ род.
		— Н. М. Языковъ род.
1804. Цензурный уставъ.	1804. Учрежденіе университетовъ въ Харьковѣ и Казани (Каразинъ).	1804. «Эдипъ въ Аѳинахъ» Озерова.
[1804. Наполеонъ - императоръ].	— Основаніе педагогическаго института въ Петербургѣ и коммерческаго училища въ Москвѣ.	
— Присоединеніе Гуріи и Имеретіи.	— «Опытъ о просвѣщеніи относит. Россіи», Пнина.	
	— А. С. Хомяковъ род.	
	— М. И. Глинка род.	
1805—07. Первая война съ Наполеономъ.	1805. «Несторъ» Шлецера.	
	— Основаніе Демидовскаго Лицея въ Ярославлѣ.	
1805. Битва при Аустерлицѣ.	— «Общество исторіи и древностей рос.» въ Москвѣ.	

		[1805. † Шиллеръ].
		[1805. «Рене» Шатобріана].
1806. Начало вліянія Сперанскаго.	1806. Иванъ Кирѣевскій род.	1806. Первыя басни Крылова («Дубъ и Трость»).
1806—12. Война съ Турціей (Каменскій и Кутузовъ).		
1807. Битвы при Прейсишъ-Эйлау и Фридландѣ.		1807. «Димитрій Донской» Озерова.
— Тильзитскій миръ.		—«Жизнь Званская» Державина.
		[1807. «Коринна» г-жи де-Сталь].
1808. Эрфуртское свиданіе.	1808. «Русскій Вѣстникъ» Глинки.	1808. «Людмила» Жуковскаго.
	— Петръ Кирѣевскій род.	— Кольцовъ род.
1808—09. Война со Швеціей.		
		1809. Гоголь род. (20 марта).
1809. Присоединеніе Финляндіи.		
1810. Преобразованіе Государствен. Совѣта и министерствъ (Сперанскій).	1810. «Бесѣда любит. рус. слова (Шишковъ).	[1810. «О Германіи» г-жи де-Сталь].
	1811. В. Г. Бѣлинскій род.	
	1811 «Записка о древней и новой Россіи» Карамзина.	
	— Основаніе Царскосельскаго Лицея (19 окт.).	1811—17. Пушкинъ въ Лицеѣ.
	— «Общество любит. рос. словесности» въ Москвѣ.	

1812. Паденіе Сперанскаго.		[1812. «Чайльдъ Гарольдъ» Байрона].
1812. Нашествіе Наполеона. Бородино. Пожаръ Москвы. Отечественная война. — Бухарестскій миръ (Присоединеніе Бессарабіи).		1812. И. А. Гончаровъ род. — А. И. Герценъ род.
1813—15. Заграничный походъ.	1813. Н. В. Станкевичъ род. — Т. Н. Грановскій род.	
1813. Битва при Лейпцигѣ.	1813. Основаніе Библейскаго Общества. — «Сынъ Отечества» Греча. 1813—28. «Собраніе Государствен. Грамотъ и Договоровъ» (Гр. Румянцевъ).	
1814. Взятіе Парижа.	1814. Открытіе Импер. Публичной библіотеки.	1814. Первое стихотв. Пушкина въ печати («Къ другу стихотворцу»).
1814—15. Вѣнскій конгрессъ.		1814. «Теонъ и Эсхинъ» Жуковскаго. — «Россійскій Жилблазъ» Нарѣжнаго. — М. Ю. Лермонтовъ род. [1814. «Вэверлей» Вальтеръ Скотта].
1815. Священный Союзъ. [1815. Битва при Ватерлоо. Заточеніе Наполеона на о-вѣ Св. Елены]. — Образованіе Царства Польскаго.	1815. Учрежденіе Лазаревскаго института въ Москвѣ.	1815. Основаніе «Арзамаса».

1816. Начало реакціи въ Россіи (Аракчеевъ).	1816. «Вольное общество любит. просвѣщенія» въ С.-Петербургѣ (журналъ «Соревнователь»).	1816. † Озеровъ.
		— † Г. Р. Державинъ.
1816—25. Дѣятельность тайныхъ обществъ («Союзъ спасенія», «Союзъ благоденствія», «Соединенныхъ славянъ» и др.).	— «Духъ Журналовъ» (Яценко).	
1816—27. Ермоловъ на Кавказѣ.		
1817. Кн. Голицынъ - министръ народ. просвѣщ. и духовн. дѣлъ; покровительство мистицизму.	1817. Учрежденіе Ришельевскаго Лицея въ Одессѣ.	1817. Выходъ Пушкина изъ Лицея.
	— «Сіонскій Вѣстникъ» (Лабзинъ).	— Графъ А. К. Толстой род.
[1817. Вартбургскій праздникъ; волненія среди нѣмецкаго студенчества].	— Константинъ Аксаковъ род.	
	— Н. И. Костомаровъ род.	
	1817—48. Сценическая дѣятельность Мочалова.	
1818. Открытіе перваго польскаго сейма.	1818. «Отечественныя Записки» Свиньина.	1818. Выходъ въ свѣтъ «Исторіи Госуд. Россійскаго».
	— «Право естественное» Куницына.	— Начало придворной службы Жуковскаго.
1818. Конгрессъ въ Аахенѣ.	— «Опытъ теоріи налоговъ» Н. Тургенева.	— И. С. Тургеневъ род.
		— † Н. И. Новиковъ.
	— «Древнія россійскія стихотворенія» (сборникъ Кирши Данилова; 1-ое изд. вышло въ 1804 г.).	
	— К. Д. Кавелинъ род.	
1819. Освобожденіе крестьянъ въ прибалтійск. губер	1819. Основаніе Петербургскаго университета.	1819. Начало дипломатической службы Грибоѣдова.
	— Ю. Ѳ. Самаринъ род.	— Первое стихотв. Тютчева въ печати (переводъ Посланія Горація къ Меценату).
		— «Ода Вольность» Пушкина; эпиграммы на Аракчеева, Фотія, Голицына, и др.

1820. Дѣятельность Маг-каго въ Казанскомъ и ича въ Петербург. уни-сит.; преслѣдованіе либе-ьныхъ профессоровъ.	1820. Открытіе «гимназіи высшихъ наукъ» въ Нѣжинѣ. — «Разсужденіе о славян. языкѣ» Востокова.	1820. Высылка Пушкина изъ Петербурга. — «Къ временщику» Рылѣева (противъ Аракчеева). — «Русланъ и Людмила».
1820. Конгрессъ въ Троп-.	1820. С. М. Соловьевъ род.	Пушкинъ на югѣ (Екатеринославъ, Кавказъ, Крымъ, Кишиневъ). — А. А. Фетъ род.
1820 — 22. Революціон-и движеніи на югѣ Ев-ы, въ Испаніи и Италіи; тельность карбонаріевъ].	1820—35. Полемика между классиками и романтиками.	— Я. П. Полонскій род. — А. Ѳ. Писемскій род.
820. Волненія въ Семе-ск. полку. Усиленіе реакціи. Цен-ныя строгости.	1820 — 53. Сценическая дѣятельность Каратыгина.	
1821. Смерть Наполеона. Возстаніе грековъ за не-симость].		1821. «Кавказскій Плѣнникъ». — Ѳ. М. Достоевскій род. — А. Н. Майковъ род. — Н. А. Некрасовъ род.
821. Конгрессъ въ Лай-ѣ.		
822. Конгрессъ въ Ве-ѣ. Закрытіе масонск. ложъ Россіи; запрещеніе тай-ъ обществъ.	1822. «Сѣверный Архивъ» Булгарина. — Апол. Григорьевъ род. — «Опытъ исторіи рус. литературы» Греча.	1822. Д. В. Григоровичъ род.
	1823. «Полярная Звѣзда» (Бестужевъ и Рылѣевъ). — И. С. Аксаковъ род. —Валер. Майковъ род. 1823—63. М. С. Щепкинъ на московской сценѣ.	1823. Начатъ «Евгеній Онѣгинъ» (въ Кишиневѣ). 1823. Пушкинъ въ Одессѣ. 1823—24. «Цыганы». 1823. Островскій род.

1824. Шишковъ назнач. министр. народ. просвѣщ.	1824. «Мнемозина» (кн. Одоевскій и Кюхельбекеръ).	1824. Окончаніе «Горя отъ ума».
	— «О происхожденіи Руси» (диссертація Погодина).	— «Чернецъ» Козлова.
1824. Наводненіе въ Петербургѣ (ноябрь).		— «Бурсанъ» Нарѣжнаго.
		— Пушкинъ въ Михайловскомъ.
		— «Подражанія Корану».
		[— Смерть Байрона.].
		— И. С. Никитинъ род.
1825. † Импер. Александръ I (19 ноября).	1825. «Опытъ науки изящнаго» Галича.	1825. Написанъ Борисъ Годуновъ.
— Междуцарствіе. Возстаніе декабристовъ (14 декабря).	1825—34. «Московскій Телеграфъ» Полевого.	— «Думы» Рылѣева.
		— «Войнаровскій» его же.
1825—55. Николай I.		
	1825 — 60. «Сѣверная Пчела» (Греча).	
1826. Судъ надъ декабристами.		1826. † Карамзинъ.
		— † К. Ѳ. Рылѣевъ.
1826—28. Война съ Персіей.		— Жуковскій назначенъ воспитат Наслѣдника.
		— Освобожденіе Пушкина отъ опал
		— «Стихотворенія А. С. Пушкина»
		— М. Е. Салтыковъ-Щедринъ род.
1827. Наварринская битва.		1827. «Стихотворенія» Баратынскаг
		— «Дивъ и Пери» Подолинскаго.
	1827—30. «Московскій Вѣстникъ» Погодина.	[1827. «Кромвель» В. Гюго; преди віе — манифестъ французск. романти

1828. Туркманчайскій договоръ.	1828. Н. Г. Чернышевскій род.	1828. «Княгиня Наталья Долгорукая» Козлова.
		— Переселеніе Гоголя въ Петербургъ.
	1828—33. «Исторія рус. народа» Полевого.	— Графъ Л. Н. Толстой род.
1828—29. Война съ Турцій.		
1829. Адріанопольскій миръ.	1829—34. Археологическая экспедиція Строева.	1829. Грибоѣдовъ убитъ въ Тегеранѣ.
		— «Полтава» Пушкина.
		— «Иліада» Гнѣдича.
		— «Юрій Милославскій» Загоскина.
		— Путешествіе Пушкина въ Арзрумъ.
		— Начатъ «Демонъ».
		— «Ганцъ Кюхельгартенъ» Гоголя.
		— «Иванъ Выжигинъ» Булгарина.
[1830. Іюльская революція въ Парижѣ].	1830. Диссертація Надеждина о романтизмѣ.	1830. Пушкинъ въ Болдинѣ (сент.—нояб).
		— «Повѣсти Бѣлкина», «Скупой Рыцарь» «Моцартъ и Сальери», «Каменный Гость».
		— Выходъ въ свѣтъ «Бор. Годунова» (дек.).
		— «Монастырка» Погорѣльскаго.
1830—31. Польское возаніе.	1831. «Телескопъ» (Надеждина).	1831. Женитьба Пушкина.
	— Первая постановка «Горя отъ ума» на сценѣ.	— Окончаніе «Евгенія Онѣгина».
		— Знакомство Гоголя съ Пушкинымъ.
		— «Вечера на хуторѣ бл. Диканьки».
		— Н. С. Лѣсковъ род.

		1831—33. «Послѣдній Новикъ» Лажечкова.
		1832. «Измаилъ-бей».
		1832. «Стихотворенія» Полежаева.
		— «Повѣсти и разсказы» Марлинскаг
		[1832. † Гёте].
		1832—33. «Пѣсни западныхъ славян
1833. Изданіе Свода Законовъ (Сперанскій).		1833. Гнѣдичъ †.
		— «Стихотворенія» Языкова.
		— Первое изданіе «Горя отъ ума».
		— «Кащей безсмертный» Вельтмана.
		— «Мѣдный Всадникъ» Пушкина.
		— Поѣздка Пушкина въ Казанск. и Оренбург. губ.
		1833—34. «Капитанская Дочка».
		— «Торквато Тассо» Кукольника.
1834. Шамиль объединяетъ подъ своей властьк Чечню.	1834. «Литературныя Мечтанія» Бѣлинскаго.	1834. «Исторія Пугачевскаго бунта».
	— Учрежденіе Кіевск. универс. Св. Владиміра.	— «Рука Всевышняго отечество спас Кукольника.
	— «Библіотека для чтенія» (Сенковскій — баронъ Брамбеусъ).	— «Черная женщина» Греча.
	— Учрежденіе Археографич. Комиссіи.	1834—35. «Маскарадъ» Лермонтова.
	— «Послѣдній день Помпеи» Брюллова.	1835. «Хаджи-Абрекъ» Лермонтова.
		— «Боярина Орша» его же.

1835. Основаніе Училища Правовѣдѣнія.	1835—40. «Московскій Наблюдатель».	1835. «Арабески» и «Миргородъ» Гоголя. — «Стихотворенія» Кольцова. — «Стихотворенія» Бенедиктова. — Второе изданіе «Повѣстей» Марлинскаго. — «Три повѣсти» Павлова. — «Князь Скопинъ Шуйскій» Кукольника. — «Ледяной домъ» Лажечникова. — «Постоялый дворъ» Степанова.
1836. Первая желѣзная дорога въ Россіи (Царскосельская).	1836. «Философическое Письмо» Чаадаева; запрещеніе «Телескопа». — Н. А. Добролюбовъ род. — «Жизнь за Царя» Глинки.	1836. «Современникъ» Пушкина. — Постановка «Ревизора». — Отъѣздъ Гоголя за границу. — «Ѳранійскія элегіи» Теплякова. — «Джуліо Мости» Кукольника.
1837. Учрежденіе минист. государ. имуществъ. 1837—43. Войны съ кавказскими племенами; учрежденіе Черноморской береговой линіи.	1836—37. «Сказанія русскаго народа» Сахарова. 1837. Постановка Гамлета на рус. сценѣ (Мочаловъ).	1837. Дуэль и смерть Пушкина (27—29 янв.). — «На смерть Пушкина» Лермонтова; высылка его на Кавказъ. — Гоголь въ Римѣ.
	1838—39. «Пѣсни русскаго народа» Сахарова. 1838—43. «Повѣствованіе о Россіи» Арцыбашева.	1838. «Пѣсня про купца Калашникова». — «Басурманъ» Лажечникова.
1839. Присоединеніе уніатовъ къ православію.	1839. Переѣздъ Бѣлинскаго въ Петербургъ («Отечествен. Записки» Краевскаго). 1839—72. П. М. Садовскій на москов. сценѣ	1839—40. «Герой нашего времени».

1839 — 40. Неудачный походъ въ Хиву (Перовскій).	1839—55. Профессорская дѣятельность Грановскаго. 1840. «Мѣдный Змій» Бруни. — П. И. Чайковскій род.	1840. Вторичная ссылка Лермонтова. — «Мцыри». — Начало болѣзни Гоголя. — «Лирическій Пантеонъ» Фета. — «Мечты и Звуки» Некрасова. — «Записки одного молодого человѣка» Герцена.
	1841 — 56. «Москвитянинъ» Погодина. 1841. Д. И. Писаревъ род. — «Записки русскихъ людей» Сахарова.	1841. Жуковскій поселяется за границей. — Смерть Лермонтова (15 іюля). — «Эвелина де-Вальероль» Кукольника.
1844. Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ.	1842. «Русланъ и Людмила» Глинки.	1842. Кольцовъ †. — «Сумерки» Баратынскаго. — I-ый томъ «Мертвыхъ душъ». — «Стихотворенія» Майкова. — «Повѣсти и разсказы» Кукольника.
	1843. «Остромирово Евангеліе», изд. Востокова. — Учрежденіе школы живописи и ваянія въ Москвѣ. 1843 — 44. Публичный курсъ Грановскаго.	1843. Поэма «Параша» Тургенева.
	1844. Статьи Бѣлинскаго о Пушкинѣ. — «Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ» (диссертація Самарина). — «О преподаваніи отечественнаго языка» Буслаева.	1844. Крыловъ †. — Баратынскій †. — «Гаммы» Полонскаго. — «Сочиненія» кн. В. Ѳ. Одоевскаго.

1845—54. Кн. Воронцовъ на Кавказѣ. 1845. Взятіе аула Дарго.	1845. «Словарь рос. свѣтскихъ писателей» митр. Евгенія. — Начало профессор. дѣятельности Соловьева и Буслаева.	1845. — «Физіологія Петербурга» Некрасова. — «Петербургскія вершины» Буткова. — «Тарантасъ» гр. Соллогуба.
	1846. «Московскій Сборникъ» (славянофил. изданіе). — † Н. А. Полевой. — «Изслѣдованія о Рус. Правдѣ» Калачова.	1846. «Бѣдные люди» Достоевскаго. — «Деревня» Григоровича. — «Петербургскій сборникъ» Некрасова. — «Сорока-воровка» Герцена. — † Н. М. Языковъ.
1847. Введеніе инвентарей въ юго-западн. краѣ.	1847. «Современникъ» переходитъ къ Некрасову и Панаеву. — † Вал. Майковъ. — «Исторія отношеній между князьями Рюриков. дома» (диссерт. Соловьева). — «Взглядъ на юридич. бытъ древней Руси» Кавелина.	1847. «Переписка съ друзьями» Гоголя. — «Записки объ уженіи рыбы» Аксакова. — «Хорь и Калиныч» Тургенева. — «Обыкновенная исторія» Гончарова. — «Семейная картина» Островскаго. — «Кто виноватъ?» Герцена. — «Докторъ Круповъ» его же. — «Антонъ Горемыка» Григоровича.
[1848. Февральская революція въ Парижѣ. Революціон. движеніе въ Германіи, Австріи, Италіи]. — Усиленіе реакціи въ Россіи; цензурныя строгости (Бутурлинскій комитетъ).	1848. † В. Г. Бѣлинскій. — «О вліяніи христіанства на рус. языкъ» Буслаева. — «Бытъ рус. народа» Терещенка.	1848. Поѣздка Гоголя въ Іерусалимъ и возвращеніе въ Россію. — «Запутанное дѣло» Щедрина. — «Саломея» Вельтмана.
1849. Венгерскій походъ.	1849. «Сватовство майора» Ѳедотова.	1849. «Сонъ Обломова». — Арестъ Достоевскаго по дѣлу «петрашевцевъ». — «Царская Невѣста» Мея.

	1850. «Архивъ истор. и юридич. свѣдѣній» Калачова.	1850. «Свои люди—сочтемся» Островскаго. — Достоевскій на каторгѣ (до 1854 г.) — «Греческія стихотворенія» Щербины. — «Тюфякъ» Писемскаго.
1851. Открытіе Николаевск. жел. дороги.	1851. Первый томъ Исторіи Соловьева.	1851. Отъѣздъ гр. Л. Н. Толстого на Кавказъ.
	1852—57. Опытъ областного великорус. словаря» (Востоковъ).	1852. † Гоголь. — † Жуковскій. — «Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи» Аксакова. — «Записки Охотника» Тургенева. Ссылка его въ деревню. — Отъѣздъ Гончарова въ путешествіе. — «Бѣдная невѣста» Островскаго. — «Дѣтство и Отрочество» Толстого. — «Рыбаки» Григоровича. — «Три смерти» Майкова.
1853 — 56. Восточная война.	1853—64. Критическая и публицистическая дѣятельность Чернышевскаго.	1853. «Не въ свои сани не садись»— первая комедія Островскаго на сценѣ.
1854—55. Севастопольская осада.	1854. «Исторія балтійскихъ славянъ» Гильфердинга.	1854. «Бѣдность не порокъ» Островскаго. — Толстой въ Севастополѣ. — «Стихотворенія» Тютчева. — Первыя стихот. А. Толстого въ печати.
		1854—69. «Былое и Думы» Герцена.

1855. † Имп. Николай I.	1855. «Полярная Звѣзда» Герцена.	1855. Толстой въ Петербургѣ (кружокъ «Современника»).
	— «Отношеніе искусства къ дѣйствительности» Чернышевскаго.	— «Переселенцы» Григоровича.
	— † Т. Н. Грановскій.	— «Стихотворенія» Полонскаго.
		— «Саша» Некрасова.
1855—81. Александръ II.	1855—57. «Матеріалы для біографіи Пушкина» Анненкова.	— «Свадьба Кречинскаго» Сухово-Кобылина.
	1855—57. «Пропилеи» Леонтьева.	1855—56. «Севастопольскіе разсказы» Толстого.
1856. Парижскій договоръ.	1856—60. «Русская Бесѣда» (Кошелевъ и Аксаковъ).	1856. «Семейная Хроника» Аксакова.
	† И. и П. Кирѣевскіе.	— «Рудинъ» Тургенева.
	1856. «Русскій Вѣстникъ» Каткова.	— Тургеневъ поселяется за границей (Баденъ-Баденъ).
	— «Русалка» Даргомыжскаго.	— «Доходное мѣсто» Островскаго.
	— «Очерки Гоголевскаго періода» Чернышевскаго.	— «Утро помѣщика» Толстого.
	— «Вопросы жизни» Пирогова.	— «Стихотворенія» Фета.
		— «Стихотворенія» Огарева.
	1856—61. Критическая дѣятельность Добролюбова.	— «Стихотворенія» Некрасова.
		— «Стихотворенія» Никитина.
		— «Губернскіе очерки» Щедрина.
		— «Очерки изъ крестьянскаго быта» Писемскаго.
	1857. «Богданъ Хмѣльницкій» Костомарова.	1857. Поѣздка Толстого за границу.
	— «Очеркъ литерат. исторіи стар. рус. повѣстей и сказокъ» Пыпина.	— «Кулакъ» Никитина.
		— «Стихотворенія» Щербины.
		— «Старые годы» Мельгунова-Печерскаго.
	— «Явленіе Христа народу» Иванова (начато въ 1836 г.).	— «Письма объ Испаніи» Боткина.
	— † М. И. Глинка.	

1858. Присоединеніе Амурскаго края. — Учрежденіе комитета по крестьянскому дѣлу.	1858. «Н. В. Станкевичъ» Анненкова. — «Опыты по исторіи рус. права» Чичерина. — «Исторія царствованія Петра Вел.» Устрялова. — «Историч. грамматика рус. языка» Буслаева. — «Пріѣздъ станового» Перова. 1858—60. «Исторія рус. словесности» Шевырева. 1858—68. Критическая дѣятельность Писарева.	1858. «Дѣтскіе годы Багрова-внука» Аксакова. — «Тысяча душъ» Писемскаго. — «Стихотворенія» Плещеева. — «Стихотворенія» Жадовской.
1859. Покореніе Восточнаго Кавказа (князь Барятинскій.	1859—66. «Русское Слово» 1859. «Искра» Курочкина и Степанова. — «Что такое обломовщина» Добролюбова. — «Темное царство» его же. — Тихонравовъ - профессоръ. — «Собраніе сочиненій» Бѣлинскаго. 1859 — 63. «Лѣтописи рус. литературы».	1859. † С. Т. Аксаковъ. — «Обломовъ» Гончарова. — Возвращеніе Достоевскаго изъ Сибири. — «Дворян. гнѣздо» Тургенева. — «Іоаннъ Дамаскинъ» А. Толстого. — «Стихотворенія» Мея. — «Разсказы изъ народнаго русскаго быта» Марка-Вовчка. — «Украйнскіе народные разсказы» его же. — «Годъ на сѣверѣ» Максимова.
1860. Присоединеніе Уссурійскаго края.	1860. † А. С. Хомяковъ. — † К. С. Аксаковъ. — «Русскія народныя легенды» Афанасьева. — «Крестьяне на Руси» Бѣляева.	1860. «Гроза» Островскаго. — «Наканунѣ» Тургенева. — «Псковитянка» Мея. — «Кобзарь» Тараса Шевченка.

	1860—74. «Пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ».	
1861. Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ (19 февраля).	1861—63. «Время» Достоевскаго.	1861. Записки изъ «Мертваго Дома» Достоевскаго.
	1861. † Н. А. Добролюбовъ.	— «Униженные и Оскорбленные» его же.
	— «Историч. очерки рус. народ. словесности» Буслаева.	— «Коробейники» Некрасова.
	— «Проповѣдь въ селѣ» Перова.	1861. † И. С. Никитинъ.
	— «Привалъ арестантовъ» Якобія.	— «Молотовъ» Помяловскаго.
	1861—67. «Пѣсни русскаго народа» Рыбникова.	
	1861—64. «Калики перехожіе» Безсонова.	
	1861 — 68. «Толковый словарь великорус. языка» Даля.	1861—1864. Педагогическая дѣятельность Толстого въ Ясной Полянѣ.
	1862. «Домашній бытъ рус. царей» Забѣлина.	1862. «Козьма Мининъ Сухорукъ» Островскаго.
	— «Языкъ и мысль» Потебни.	— Женитьба Л. Н. Толстого.
	— Основаніе Консерваторіи въ Петербургѣ.	— «Отцы и дѣти» Тургенева. — «Донъ Жуанъ» Ал. Толстого. — «Очерки бурсы» Помяловскаго. — «Дѣло» Сухово-Кобылина.
1863. Университетскій уставъ.	1863. «Народныя русскія сказки» Афанасьева.	1863. «Призраки» Тургенева.
— Отмѣна тѣлесныхъ наказаній.	— «Русскій Архивъ» (Бартеневъ).	— «Казаки» Толстого.
		— «Стихотворенія» Фета.
1863—64. Возстаніе въ Польшѣ.	— «Памятники отреченной рус. литературы» Тихонравовъ.	— «Князь Серебряный» А. Толстого.
	— Выходъ изъ Академіи Худож. 13-ти учениковъ (протестъ пр. академ. классицизма); основаніе Художест. Артели (Крамской, К. Маковскій, Корзухинъ и др.).	— «Морозъ, Красный Носъ» Некрасова

	— «Юдиѳь» Сѣрова. — «Сѣверно-русскія народоправства» Костомарова. — «Тайная Вечеря» Н. Ге. 1863—68. «Исторія рус. словесности» Галахова.	— «Горькая Судьбина» Писемскаго. — «Сатиры въ прозѣ» Щедрина. — «Что дѣлать?» Чернышевскаго.
1864. Судебная реформа. — Земскія учрежденія. — Покореніе Запад. Кавказа (Евдокимовъ).	1864. † Апол. Григорьевъ. — Учрежденіе новорос. универс. (въ Одессѣ). — «Кн. Тараканова» Флавицкаго. 64—74. Русская музыкал. школа, дѣятельность «могучей кучки» (Балакиревъ, Бородинъ, Мусоргскій, Даргомыжскій, Кюи, Римск.-Корсаковъ); национал. направленіе; реализмъ въ музыкѣ.	1864. «Довольно» Тургенева. — «Некуда» Лѣскова. — «Подлиповцы» Рѣшетникова. 1865. «Воевода» (Сонъ на Волгѣ) Островскаго. — «1805 годъ» Толстого. 1865—67. «Шагъ за шагомъ» Омулевскаго. 1866. «Преступленіе и наказаніе» Достоевскаго.
1865. Законы о печати. — Взятіе Ташкента.	1865. «Рогнѣда» Сѣрова. 1866. Закрытіе «Современника» и «Рус. Слова». — «Импер. рус. историч. Общество» (въ Петерб.). — «Смутное время» Костомарова.	— «Смерть Іоанна Грознаго» Ал. Толстого. — «Нравы Растеряевой улицы» Гл. Успенскаго.
1866. Покушеніе Каракозова.	1866—69. «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу» Афанасьева. 1866. Основаніе Консерваторіи въ Москвѣ (Н. Г. Рубинштейнъ). 1867. «Вѣче и князь» Сергѣевича.	1867. «Дымъ» Тургенева. — «Димитрій Самозванецъ» Островскаго. — «Тушино» его же. — Первый томъ «Войны и Мира» Толстого. — «Стихотворенія» А. Толстого.

1868. Взятіе Самарканда.	1868. «Отеч. Записки» переходятъ къ Некрасову и Салтыкову. (Михайловскій, Елисѣевъ, Щаповъ, Южаковъ и др.).	1868. «Идіотъ» Достоевскаго.
— Присоединеніе Бухары.		— «Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ» А. Толстого.
		— «Самоуправцы» Писемскаго.
	1869. Учрежденіе варшавск. университета.	
		1869. «Обрывъ» Гончарова.
	— «Христосъ въ Геесиман. саду» Ге.	— Окончаніе «Войны и Мира» Толстого.
	1870. Основаніе Т-ва передвижн. выставокъ.	— «Люди сороковыхъ годовъ» Писемскаго.
	1870. «Русская Старина» (Семевскій).	— «Картины прошлаго» Сухово-Кобылина.
1870 Городовое Положеніе.	— «Птицеловъ» Перова.	1870. «Царь Борисъ» Ал. Толстого.
	— «Петръ и Алексѣй» Н. Ге.	— «Исторія одного города» Щедрина.
	1871. Новый гимназическій уставъ (графъ Д. Толстой; введеніе классицизма).	— † А. И. Герценъ.
		1871. Переселеніе Тургенева въ Парижъ.
	— «Обществен. движеніе при Александрѣ I» Пыпина.	— «Лѣсъ» Островскаго.
	— «Иванъ Грозный» Антокольскаго.	— «Бѣсы» Достоевскаго.
		— «Въ лѣсахъ» Мельникова-Печерскаго.
	1872. «Русская исторія» Бестужева-Рюмина.	— «Николай Негоревъ, или благополучный россіянинъ» Кущевскаго.
	— «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ» Костомарова.	1871—72. «Русскія женщины» Некрасова.
	— «Христосъ въ пустынѣ» Крамского.	
	— «Сосновый боръ» Шишкина.	1872. — «Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ» Толстого.
	«Грачи прилетѣли» Саврасова.	— «Соборине» Лѣскова.
	— Каменный Гость» Даргомыжскаго.	
1873. Хивинскій походъ.	1873. «Онежскія былины» Гильфердинга.	1873. «Снѣгурочка» Островскаго.
	— «Филологич. разысканія» Грота.	— † Ѳ. И. Тютчевъ.
		— «Дневникъ провинціала» Щедрина.

	1873. «Бурлаки» Рѣпина.	1873—76 «Кому на Руси жить хорош Некрасова.
	— «Оттепель» и «Мокрый лугъ» Васильева.	
	— «Псковитянка» Римск.-Корсакова.	1874. «Пугачевцы» Саліаса.
1874. Всеобщая воинская повинность.	1874. «Борисъ Годуновъ» Мусоргскаго.	1875. † графъ А. К. Толстой.
1874 — 76. Народническое движеніе.	1874—81. «Исторія славянск. литературъ» Пыпина и Спасовича.	1875—81. «На горахъ» Мельникова-П черскаго.
	1874. Туркестанскія картины Верещагина.	
	1875. «Демонъ» Рубинштейна.	
1876. Присоединеніе Кокандскаго ханства.	1875—83. «Начала рус. государствен. права». Градовскаго.	
	1876. † Ю. Ѳ. Самаринъ.	1876. «Новь» Тургенева.
[1876. Сербская война].	— «Бѣлинскій, его жизнь и переписка» Пыпина.	— «Дневникъ Писателя» Достоевскаго.
	— «Украинская ночь» Куинджи.	— «Благонамѣренныя Рѣчи» Щедрина.
1877—78. Русско-турецкая война.	1876. «Кузнецъ Вакула» Чайковскаго.	1877. «Анна Каренина» Толстого.
1877. Процессъ 193-хъ.	1876—79. «Исторія рус. жизни съ древн. временъ» Забѣлина.	— «Мѣщане» Писемскаго.
		— † Н. А. Некрасовъ.
1878. Берлинскій договоръ.		
1878—81. Террористич. покушенія.	1879. «Евгеній Онѣгинъ» Чайковскаго.	1879—80. «Братья Карамазовы» Достое скаго.
	— † С. М. Соловьевъ.	

1880. Верховная распорядит. комиссія для борьбы съ крамолой; конституціон. проектъ Лорисъ-Меликова.	1880. «Запорожцы» Рѣпина.	1880. Открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ. — Литературный праздникъ. — «Масоны» Писемскаго. — «Господа Головлевы» Щедрина.
1881. Смерть импер. Александра II (1 марта).		1881. † Ѳ. М. Достоевскій. — † А. Ѳ. Писемскій.
1881—94. Александръ III.		
1881. Взятіе Геокъ-Тепе.		
1882. Всероссійская выставка въ Москвѣ.	1882. «Снѣгурочка» Рим.-Корсакова. — «Боярская Дума» Ключевскаго.	1882. «Стихотворенія въ прозѣ» Тургенева. — «Исповѣдь» Толстого. — «Чѣмъ люди живы» его же — «Письма къ тетенькѣ» Щедрина. — «Власть земли» Глѣба Успенскаго. — «Два міра» Майкова.
1883. Коронація императ. Александра III.	1883. Выставка военныхъ картинъ Верещагина (рус.-турец. война).	1883. † И. С. Тургеневъ. — † П. И. Мельниковъ-Печерскій. — «Вечерніе огни» Фета.
1884. Присоединеніе Мерва.	1884. Новый университетскій уставъ. «Мазепа» Чайковскаго.	
	1885. † Н. И. Костомаровъ. — † К. Д. Кавелинъ.	

1885. Битва при Кушкѣ.		
1886. Присоединеніе оазиса Пенде.	1886. † П. С. Аксаковъ.	1886. † Островскій.
		— «Смерть Ивана Ильича» Толстого.
	1887. «Боярыня Морозова» Сурикова.	— «Власть тьмы» его же.
		— «Мелочи жизни» Щедрина.
		1889. † М. Е. Салтыковъ-Щедринъ
	1890. «Что есть истина?» Ге.	1890. «Крейцерова Соната» Толстого.
		— «Пошехонская Старина» Щедрина.
1891. Начало сооруженія великаго Сибирскаго пути.		1891. † И. А. Гончаровъ.
		1892. † А. А. Фетъ.
	1893. 6-я симфонія Чайковскаго; смерть его.	
		1897. † А. Н. Майковъ.
		1898. † Полонскій.
		1899. † Д. В. Григоровичъ.

Оглавленіе.

Стр.

Глава I-я: **С. Т. Аксаковъ.**

1. Біографія Аксакова..... 1
2. Его главнѣйшія произведенія 4

Глава II-я: **И. С. Тургеневъ.**

1. Очеркъ жизни и дѣятельности..... 19
2. Записки Охотника..... 28
3. Рудинъ..... 44
4. Дворянское гнѣздо..... 61
5. Наканунѣ..... 72

Глава III-я: **И. А. Гончаровъ.**

1. Жизнь и дѣятельность..... 83
2. Обломовъ..... 88

Глава IV-я: **Д. В. Григоровичъ.**

1. Біографія Григоровича..... 110
2. Деревня и Антонъ-Горемыка..... 115

Глава V-я: **А. Н. Островскій.**

1. Біографія Островскаго..... 124
2. Бытовыя комедіи..... 128
3. Драма „Гроза“..... 142
4. Дмитрій Самозванецъ..... 147

Глава VI-я: **Графъ Л. Н. Толстой.**

1. Очеркъ жизни Толстого..... 157
2. Дѣтство, Отрочество, Юность..... 162
3. Утро помѣщика..... 171
4. Севастопольскіе разсказы..... 175
5. Казаки..... 180
6. Война и Миръ..... 187

Стр.

Глава VII-я: **Ѳ. М. Достоевскій.**

1. Очеркъ жизни Достоевскаго..... 234
2. Бѣдные люди..... 238
3. Записки изъ Мертваго Дома..... 242
4. Преступленіе и Наказаніе..... 246

Глава VIII-я: **Русскіе поэты новаго времени.**

1. Ѳ. И. Тютчевъ..... 261
2. А. А. Фетъ..... 268
3. А. Н. Майковъ..... 276
4. Я. П. Полонскій..... 283
5. Графъ А. К. Толстой..... 291
6. Н. А. Некрасовъ..... 300

Приложеніе:

Синхроническія таблицы по новой русской литературѣ... 314

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Е. А. Баратынскій. Критико-біографическій очеркъ. Москва, 1900. Цѣна 30 к.

Поэзія *Вл. С. Соловьева.* Критическій очеркъ. Москва, 1901. Ц. 25 к.

Къ вопросу о Пушкинскомъ словарѣ (Оттискъ изъ «Извѣстій 2-го Отдѣленія Импер. Академіи Наукъ»). СПБ., 1904. Ц. 40 к.

Ницшеанецъ 40-хъ годовъ. Максъ Штирнеръ и его философія. Москва, 1902. Ц. 60 к.

Стихотворенія (1891—1898). Москва, 1898. Ц. 1 р.

Новыя стихотворенія. Москва, 1903. Ц. 60 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. П. Карбасникова.

Петербургъ, Литейн., д. 46. **Москва,** Моховая, д. Баженова. **Варшава,** Нов. Свѣтъ, д. 69. **Вильно,** Большая, д. Гордона.

Имѣется въ продажѣ также и въ другихъ главныхъ столичныхъ магазинахъ.

Duke University Libraries
D04586087